

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Cellar

14A ~~5~~ 7

*QC

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

*Εμοὶ δὲ τί κίσχυρον, τοῦς ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μήτε γινώσκει μήτε ποιήσει; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὁμοίαν καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

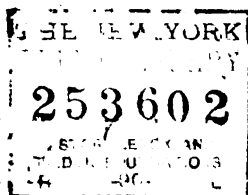
Socrat. apud Xenophont.

43
—
ТОМЪ СОРОКЪ-ПЯТЫЙ.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

с тем, чтобы в библиотеку представлено было в Цензурный Комитет указанное число экземпляров. Санкт-Петербургъ, 1840 года, сегодня 28 дня.

Цензоръ Е. Олениковъ.

Цензоръ А. Фрейгантъ.

Цензоръ А. Крыловъ.

стотню. Кукольникъ замѣтно тоже самое явленіе. Но у того все еще впереди. Кукольникъ идетъ впередъ гигантскими шагами: заслуживъ вѣнецъ поэта, онъ теперь только начинаетъ быть прозаикомъ. И «Эвелина де-Вальероль», первый значительный шагъ его на этомъ поприщѣ, тотчасъ обнаруживаетъ уже исполинскій, ужасающій своей огромностью, талантъ его какъ писателя. Мы рѣшительно не имѣемъ въ спискѣ нашихъ романовъ ничего равнаго, ничего подобнаго, этому мощному, мастерскому творенію. Здѣсь вы видите только его начало, — но уже какое начало! — Такъ, послѣ стиховъ, начиналъ въ прозу только Вальтеръ Скоттъ. Каждый мѣсяцъ, съ каждымъ новымъ «продолженіемъ», слава «Эвелины» будетъ увеличиваться: это несомнѣнно; это мы смѣло можемъ предсказать ей, хотя конца романа еще не знаемъ. «Эвелина» — Маренго и Айвенго (Ivanhoe) Кукольника: если онъ выиграетъ сраженіе и одержитъ поле романа, онъ будетъ пожизненный консулъ русской словесности и нашъ Вальтеръ Скоттъ. Но онъ выиграетъ: онъ напрунулъ на романъ съ страшными силами таланта, искусства и знанія дѣла; все покорится его воле-неру: быть, быть ему триумфаторомъ!... и если только, средь торжества, не облыпятъ его честолюбіе и страсть къ новымъ завоеваніямъ, то вѣнецъ, пріобретенный въ первой побѣдѣ, навсегда останется на его головѣ. Но онъ румянетъ сохранить его: онъ художникъ въ душѣ. Вотъ погодите: онъ еще перенесетъ изъ своихъ радушныхъ стиховъ въ прозу все ихъ изящество, весь блескъ слова, весь этотъ чудесный колоритъ, которымъ они красуются, и тогда увидите! Отъ такого таланта можно ожидать всего, даже чудеснаго слогу въ прозѣ, послѣ чудеснаго слогу въ стихахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Неосторъ Васильевичъ, что бы ужь вамъ перенести все это изъ стиховъ? Для васъ это Февальда, а для насъ — такая радость! Что касается лично до стиховъ, то мы уже сказали, что, послѣ бѣгства Кукольника съ Паршасса, первенство тамъ теперь держитъ молодая женщина. Чу! слушайте эти волшебные звуки, которые такъ сладко раздаются съ его недоступной вершины...

Не дай, милое, не дай мнѣ, Провидице,
До хладной старости дожить,

И достигаю, угадать разрушенье,
И сердце вжизнь схоронить!.....

Не дай, не дай мнѣ пережить надежды
И заблуждений дорогихъ...
Но въ пору дай закрыть косившія вежды
Съ улыбкой на устахъ моихъ!.....

Я не хочу считать существованье
Числомъ годовъ и длинныхъ дней;
Хочу я счастье звать и въ полномъ зрѣть сіянья
Цвѣтъ свѣжей юности моей!

Хочу я радостью обильно насладиться, —
Осуществить души мечту....
Потомъ, о мой Творецъ, туда дай возвратиться,
Гдѣ не увишу, не пройду!.....

Это «Молитва» нынѣшней прелестной владычицы русскаго Парнасса. Подъ нею подписано: «Село Вороново, июль, 1840». Въ той же книгѣ есть еще другая прекрасная нота той же писательницы, слишкомъ длинная для выписки въ этомъ отдѣленіи, и подъ нею опять: «Село Вороново». Это разговоръ Души съ Геніемъ. Геній спрашиваетъ у души: — Что съ тобой, душа? что ты такъ мрачна. — Мнѣ случно, отвѣчаетъ душа: смерть скучно въ деревнѣ! — Не хочешь ли въ Италію, душенья? — Не хочу! — Не хочешь ли на Востокъ? — Не хочу! — Не хочешь ли на Западъ, примѣромъ скватъ, въ Лондонъ? — Не хочу! — Ну, такъ въ Парижъ? — Нѣтъ, не хочу! — Ну, такъ въ Карльсбадъ, на теплыя воды? — Ну, нѣтъ, не хочу да и не хочу! — Да куда жъ тебѣ, душа, хѣчется? говоритъ недогадливый Геній. Скажи откровенно! — Не скажу! — Ахъ, какая ты, право!... Можетъ-быть на сѣверъ, въ Петербургъ? — Да! да! на сѣверъ, въ Петербургъ! — страхъ какъ хочется въ Петербургъ! — Пустая! отвѣчаетъ Геній: — оставляйся въ деревнѣ! Посмотри, какая вдохновительная природа!... — Содержаніе, какъ вы видите, болѣе чѣмъ просто: но какъ все это сказано! какіе стихи! да какъ мило душа просится въ Петербургъ!

Къ Смерти! къ Смерти!.... Въ край, ненаглядный!!!
 О! пусть онъ мраченъ.... пусть онъ суровъ....
 Пусть тамъ отъзна заны безпощадной,
 Пусть тамъ обитель вѣчныхъ отъговъ!

Но и безъ солнца сердце тамъ грядотъ,
 Мысль и сознанье, что дама ода, —
 Но и безъ вешнихъ дней думы тамъ грядотъ,
 И вдохновенью развиться дано:

Но я увижу тамъ края роднаго
 Силу и славу и имъ восгоржусь;
 Но я по русски, средь храма святаго
 Русскому Богу тамъ помолюсь!!!....

Въ той же книгѣ.... Но я всё забываю сказать, въ какой:
 Въ альманахъ господина Владиславлева, прелестномъ какъ
 эти стихи. Въ той же книгѣ, находится прекрасная балла-
 да Подолинскаго «Могила солдата».

Вотъ камень у церкви, подъ сѣною дуба;
 Ни слова, ни буквы ни немъ —
 Крестомъ лишь давъ саблѣ несъченъ грубо,
 И ть заросли уже мною.

Простая могила.... За что жъ ей отличнѣй
 На сельскомъ кладбищѣ почеть,
 Что шляпы не сдѣлаши рукою привычною,
 Вблизи селянницъ не пройдетъ?

Въ ней кости солдата, въ ней храбраго кости —
 То имъ, безъимяннѣмъ, почеть
 Какъ Русь обступили незваные гости,
 Охотой пошелъ онъ въ походъ!

Тужила невеста, и мать горевала,
 Что ихъ покидаеть, однихъ,
 Въ немъ сердце заняло, душа востосковала,
 А всё жъ не послушадся ихъ....

Не славы хотѣлъ онъ, но бился на славу,
 Какъ бьется нашъ русскій солдатъ,
 Чтобъ выкупить кровью родную деревню,
 Не жамы труда въ награду...

Съ крестомъ извращилъ!... И мать поклонилась
 Ему, зарывшись въ землю!...
 И какъ молодая невеста гордилась,
 Когда подъ вѣнцомъ вѣнчалъ!

Вдругъ грядъ грозой вѣтри зашумѣли,
 Жену онь крѣпясь утѣшилъ,
 Но слезы пробилась, когда въ колыбели
 Малытку крестя цѣловалъ.

Предчувствіе было — и жребій свершился!
 Увы! за полкомъ позади,
 Ужь онь не съ крестомъ на груди воротился
 А съ пулей смертельной въ груди!

Вотъ дождьсъ и жидъ и слеза солдата
 Молвою онь въ гробъ забыть;
 Но старый товарищъ къ могилѣ собрата
 Приходить съдой инвалидъ.

Съ нимъ внукъ блокурый, ласкался къ дѣду,
 Что радъ онь ему говорить:
 «Скажи-ка мнѣ, поминишь, про эту победу,
 Гдѣ былъ твой товарищъ убитъ.»

И внемлетъ сквозь оземь онь повстань бранннхъ
 И часто забывшись онь самъ,
 Встряхнувши кудрями, штыкомъ деревяннхъ
 Грозить нашимъ старымъ врагамъ!

На что же ей имя, могилъ солдата?
 И много ль блестящихъ могилъ;
 Пробудить то чувство, такъ чисто и свято,
 Что пепель ея пробудилъ!

Она, безъ названья, сокровище внука,
 Любви безкрыстай урокъ,
 За доблесть народа святая порука,
 И славы грядущей залогъ.

Есть также прекрасныя стихи Бенедиктова, — посланіе
 при доставленіи засушенныхъ крымскихъ растений:

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА.

Не понятна, не постижна
Эти сия черныхъ глазъ!
Какъ кипуча, какъ подвигна!
Въ нихъ душа вся пролилась!
Чувство жизни, чувство силы,
Чувство пламенной любви,
Будто въ зеркаль разлили
Очи черныя твои.
Какъ сквозь прахъ осенней ночи
По разливу черныхъ тучъ,

Провела душа сквозь очи
 Ослепительный свой лучъ, —
 И, ночь жизни озаряя,
 Льетъ въ доно бытія,
 Брызжетъ свѣтошь, молодая
 Искрометная струя.
 Какъ привольно, какъ отрадно —
 Это, солнышко любви,
 Все глядѣль бы ненаглядно
 Въ очи черныя двои...
 Въ нихъ смиренія сознанье, —
 Эта гордость красоты, —
 Въ нихъ къ прекрасному призванье,
 Вся поэзія мечты.
 Все, что только — за судьбою,
 На блаженство для людей,
 Оживаетъ предо мною
 Въ черномъ зеркаль очей.
 Счастлива я, когда (украдкой!)
 Уловлю ихъ дивный взоръ
 И забудусь въ нѣгъ сладкой,
 Толкамъ всѣмъ на перепоръ!
 Но ты сменишь ихъ стыдливо:
 На щекахъ твоихъ заря
 Сышетъ розы прихотливо,
 Яркимъ пурпуромъ горя;
 И опомнусь я, уныло,
 Снова, мученикъ заботъ,
 И прекраснаго свѣтила
 Жду блистательный возходъ.
 Какъ подны они надежды,
 Взоры складеныя нить!
 Сквозь опущенныя вежды,
 Въ черномъ поясь раснѣтъ;
 Какъ дѣв възвѣточка востока,
 Въ легкой дымкѣ облаковъ,

Чуть мерцаютъ одиноко
 Пробиваясь сквозь покровъ.
 Для земли ли ихъ сіянье?
 Для земли ли этотъ взглядъ?
 Иль то жертвы мнородныхъ
 Въ чудномъ двойственномъ сдѣланъ
 Предъ Создателемъ горитъ?
 И купаясь въ блескъ новомъ,
 Свѣтъ отъ долу отнесла,
 И таинственнымъ покровомъ
 Заслонилась отъ земли?
 Не понятна, не постижна
 Эта сила черныхъ глазъ!
 Какъ кипуча, какъ поднижна:
 Въ нихъ душа вся пролилась!
 Будто вижу, какъ согрѣта,
 Въ формы дивныя слита,
 Жизнью глазъ въ нетленность свѣта
 Воплощается мечта!

В. СОКОЛОВЪ.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

Было утро. Надъ землёю
 Ярко свѣтитъ солнца лучъ,
 И подъ твердью голубою
 Нѣтъ ни облачка, ни тучъ.
 Птички Божія, порхая,
 Пѣсню звонкую поютъ,
 И цвѣты, благоухая,
 Росу утреннюю пьютъ;
 И, красуясь небомъ лѣснымъ,

Вдоль по зеленым лугам;
 Будто по росам, алмазными
 Развивается руной;
 И надъ нивы, сине-шюль нивы;
 А вдали село и нивы.
 И ошь роще до села.
 Двушка тихонько шла:
 И вотъ, съ давицей дорогой.
 Путникъ встратился убогой.

— «Добрый путникъ, поводи
 Не видалъ ли ты Альфреда?...
 Добрый путникъ, поводи
 Хорошо ли я одета?...
 Я, какъ прежде, убрала
 Косу длинною лентками;
 Незабудкой, васильками
 Я се перешила.
 Видишь, выются нашь бызюла
 Дари: русыя мои;
 Вотъ и крестъ на лентъ алой,
 Даръ Альфредовой любви....
 Тамъ, подъ ивою густою,
 Клятвой страшною и святою
 Онь клялся мени любить....
 Добрый путникъ! измънить
 Этой клятвъ страшной лъзя ли?....
 Нтъ, ахъ, нтъ! Нась каждый день
 Вътви нвы принимали
 Въ охранительную снть.
 Но давно уже привата
 Я не слышу мнъкъ усть.
 И давно уже Альфреда
 Не видалъ завтний кусъ.
 И сегодня, въ ожиданье
 Чась условонный прощеть.

А на жданое свиданье
 Милый радиль не приидеть!....
 Онъ быть-можетъ не далёко....
 Кто же знаетъ?.... можетъ-быть....
 Надо завтра приходить!....»

И, вздохнувъ, вздохнувъ глубоко,
 По тропинкѣ ле съела
 Тихо дѣвушка пошла.
 И проходивъ, удаляясь,
 Молвилъ, грустно улыбаясь :
 — «Царь Небесъ! благослови
 Ты страданцу любви!»

Годъ спустя, вотъ той дорогой
 Тотъ же путникъ шель убогой,
 И вдругъ видитъ : передъ нимъ,
 Незабудками убравшись
 Дѣвушка, съжить обнявшись
 Съ палладномъ молодымъ.

— «Добрый путникъ, это ты ли?
 Мои очи не забыли
 Твоего лица черты :
 Добрый путникъ, это ты !....
 Я была, прошедшимъ лѣтомъ,
 И безумна и грустна,
 А теперь съ моимъ Альфредомъ
 Я уже обручена!»

И проходивъ, удаляясь,
 Молвилъ, сладко улыбаясь :
 — «Царь Небесъ! благослови
 Ты счастливицу любви!»

Д. ВОЛКОВЪ.

ПИСЬМО.

Опять судьба переселила
 Меня подъ тотъ счастливый кровъ,
 Гдѣ море тихо опочило
 Въ объятыхъ дикихъ береговъ;
 Гдѣ наше сѣверное небо,
 Порой, какъ южное горитъ
 И жаръ зиждательный даритъ
 Лугамъ и пышнымъ всходамъ хлѣба.
 Съ какой отрадой встрѣтилъ я
 Зелено-шумныя деревья,
 Опять на лѣтнее кочевье
 Переманившія меня!
 Какъ жадно я на воды моря
 Съ крутаго берегу взиралъ,
 И волнъ въ шумливомъ разговорѣ
 Знакомый голосъ узнавалъ!
 Опять завидовалъ я быту
 Питомцевъ моря, рыбарей,
 Ихъ жизни бурной и забытой
 На лонъ гибельныхъ зыбей,
 Ихъ мирнымъ хижинамъ по берегу,
 Гдѣ трудъ живить ночную нѣгу,
 Ихъ бѣло-паруснымъ ладьямъ
 И ихъ дымящимся кострамъ.
 Я псѣтилъ, восторга полный,
 И тотъ пустынный, дальній мысъ,
 Гдѣ сосны дико разрослись,
 Гдѣ съ тростниками шепчуть волны;
 И тѣ пустынные мѣста,
 Гдѣ есть пріютъ для наслажденій....

Но звать ли васъ подлѣ нашихъ овицъ,
Питомца дѣла и труда,
Въ объятѣ сладостныхъ лѣни?....
Не дикость нашихъ береговъ,
Не строгость сѣверной природы,
Обломки скалъ, шатры дубовъ
И шумно-плещущія воды
Плѣнать вашъ взоръ : пріютъ мною
Мечта вамъ тайная рисуется ;
Страна иная васъ чаруетъ,
Меня подлѣ кровъ привѣтныхъ svoj,
Туда, гдѣ древняя Гренада,
Дѣтя Аравіи, цвѣтетъ
Подъ сѣнью пальмъ, подлѣ говоръ водъ,
Средь пышныхъ гроздй винограда.
Тамъ, средь обломковъ древнихъ дней,
Величье гордое блистаетъ,
И темный плющъ, какъ черный змѣй
Надъ бѣлой грудой костей,
Пустынный мраморъ повиваетъ :
Но тщетно журнуръ и лавуръ
И стихъ Корана громко-звучный
Съ него стоняетъ ярость буръ :
Среди Альгамбры злуполучной,
Гдѣ въ чистыхъ мускуса волнахъ,
При звукахъ дитры, на коврахъ,
Вела дни, въ нѣгъ утопая,
Краса гарема молодая,
Понинъ грозно на стѣнахъ
Тугры халифскія блистають,
Понинъ гордыя главы
Сто минаретовъ поднимають,
И раззолоченные львы
Кристалъ звенящій изрыгають.
Туда летите вы мечтой !
Тамъ солнце льетъ лучей разливы

На влаге жаждущія нивы:
 И померанецъ золотой.
 Кастилецъ, сынь безпечной лѣнѣ,
 Бѣжить подъ недровыя тѣни,
 И Андалуца табуны
 Пасутся по полю лѣнливо,
 А конь стоитъ и машетъ гривой
 Надъ зыбью блестящей волны.
 Ночь изъ-за снѣжныхъ горъ подбѣгаетъ
 Янтарный мѣсяцъ надъ водой:
 И кипарисъ и пальма дремлетъ,
 Кивая сонною главой.
 Въ волшебномъ сумракѣ Гренады,
 При плескѣ отдаленныхъ водъ,
 Липшъ стихъ влюбленной серенады
 Любовникъ пламенный поетъ:
 — «Спѣши ко мнѣ, о другъ мой нѣжный!
 О, милый другъ, не опоздай!....»
 И ручка бѣлая небрежно
 Роняетъ, будто невзначай,
 Букетъ съ стеклянаго балкона....
 Все спитъ вокругъ. Роскошный сонъ!
 Какъ густо воздухъ напоенъ
 Дыханьемъ бѣднаго лимона!
 Какъ миртъ росю окропленъ
 И, такимъ звономъ мандолины,
 Какъ очарованы долины!....

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

ПРОЗА.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬБЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

I.

ФИЛИПЪ ДИПОРТЪ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
Disimuler et se contraindre, —
C'est le secret d'un esprit-fort;
Car le baron devient comte,
S'il fait jouer à grand effort
Un visage qui se démonte.

MAZARINADES, 1648.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Французъ.

Un vendeur de fraîche marée
Viendra du côté de Lyon
Présider en cette assemblée.

UN PAMPHLET, 1614.

У стараго Лувра, какъ муравьиный рой ползала толпа работниковъ. Стѣны Новой Галереи лѣниво поднимались. Еще на углахъ дворца торчали высокія башни, еще много во всемъ Луврѣ оставалось феодаль-

наго, мрачнаго, запутаннаго. Главное зданіе, архитектуры Лекб, и новый павиліонъ, построенный Лемерсіе, странно противорѣчили прочимъ остаткамъ стараго замка. Между-тѣмъ, въ квартирѣ перваго живописца и главнаго начальника всѣхъ зданій при Людовикъ XIII замѣтно было особенное движеніе. Со двора, со стороны тюильрійскихъ садовъ, безпрестанно прибѣгали на крылечко молодые люди съ бумагами, и возвращались, кто съ довольнымъ видомъ, кто съ досадой. Симонъ Вуэ, неумолимый учитель и первый живописецъ, разрушительнымъ карандашомъ уничтожалъ мечты своихъ учениковъ, продолжая бесѣду съ обыкновенными королевскими живописцами и почетными гостями.

— Знаете ли, почтенный Калло, мнѣ всегда казалось страннымъ, говорилъ Самсонъ Вуэ, что вы превосходный рѣзецъ, составляющій славу Франціи, посвящаете, не королю, не королевѣ, а такъ сказать.... ихъ врагу....

— А что? спросилъ Калло насмѣшливо: развѣ опять парижская чернь смѣяетъ кардинала? Вѣрно отшельница Лафайетъ будетъ управлять государствомъ? А можетъ-быть этотъ пажъ, Генрихъ д'Эффіа, съ золотыми кудрями, что каждый день стрѣляетъ изъ дѣтскихъ пушекъ въ сень-жерменскомъ паркѣ? А можетъ-быть этотъ дофинъ, первенецъ послѣ двадцати-лѣтняго безплодія? Или этотъ гладкій Италіянецъ аббатъ Мазарини, крестной отецъ дофина.... другъ королевы?.... Пусть и такъ! Но я уважаю кардинала-герцога, и во Франціи никого не нашелъ достойнѣйшаго, кому бы я могъ посвятить мою книгу. Онъ самъ страдалецъ политическихъ интригъ, заговоровъ, тайнъ и народныхъ силетней. Мой martyrologium въ живыхъ картинахъ представляетъ великіе образцы терпѣнія, а оно нужно великому кардиналу....

— А еще болѣе бѣдной Франціи, замѣтилъ Лемерсіе,

главный королевский архитекторъ: впрочемъ, это простительная трусость.

— Конечно, отвѣчалъ Калло, поправляя черную шапочку, покрывавшую лысую голову старика: конечно эти слова не ко мнѣ относятся. Я гравировалъ взятіе Ла-Рошели съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ слушалъ рассказы объ этой дивной осаде: но когда королю и кардиналу-герцогу угодно было, тому назидать семь или осемь, обратить оружіе противъ нашей бѣдной Лотарингіи, лишить удѣла нашего храбраго герцога, когда побѣдители требовали у меня гравюры на взятіе Нанси..... Нѣтъ, сказалъ я обоимъ въ глаза, скорѣе отрѣжу себѣ кисть руки, чѣмъ оскорблю моего несчастнаго государя-герцога неприличнымъ трудомъ.

— И на васъ не разсердились? спросилъ насмѣшливо Лемерсиде.

— Я сказалъ дерзость въ глаза, но никогда не позволялъ себѣ клеветы и ругательствъ въ какомъ-нибудь темномъ и глухомъ подвалѣ, отвѣчалъ Калло, поглядывая на мрачные своды квартиры Вуэ.

— Нѣтъ, Калло, сказалъ Лемерсиде съ чувствомъ: мы не о себѣ хлопочемъ. Мы хотимъ очистить наши художества отъ иностранцевъ, которыми Кончини и Марія Медичи наводнили Францію; которые не перестали пользоваться милостями кардинала... нашего....

— Не врага ли, мосье Лемерсиде, хотѣли сказать вы? Не стыдно ли! Кто же строилъ ришлевскій дворецъ? Кто строилъ Рюэльль, загородный замокъ кардинала? Кто расписывалъ и украшалъ ихъ картинами? Если бы онъ былъ вашимъ врагомъ, вы бы, госнода, давно уже путешествовали въ чужихъ краяхъ по-неволѣ, какъ нѣсколько тысячъ дворянъ, не поладившихъ съ такимъ борномъ....

— У Калло сто отвѣтовъ на одинъ вопросъ, сказалъ Фукиерръ, фламандскій пейзажистъ, одѣтый съ необыкновенною щеголеватостью; на немъ была короткая бляд-

но-розовая шелковая мантия, подбитая бѣло-синимъ бархатомъ; исподни съ разрѣзами были завязаны множествомъ бантиковъ; сапоги съ большими расстругами, обшитые широкими кружевными оборками; въ рукахъ торчала шляпа съ краснымъ перомъ; на перевязи съ золотыми пряжками висѣла шпага, мѣсяцъ тому назадъ полученная изъ рукъ короля, по ходатайству королевы.

Когда Фукиерръ рѣшился говорить, что случилось съ нимъ весьма рѣдко, правая рука всегда была направлена къ шпагѣ, какъ-будто указывая на право дворянина.....

— Отвѣчалъ бы и вамъ, мосьё де-Фукиерръ, сказалъ Калло : но меня пугаетъ ваша шпага, такъ сказать.... вчерашній подарокъ его величества; а еще болѣе увѣренность, что вы уже такъ же искусно привыкли владѣть этимъ благороднымъ оружіемъ какъ и мастерскою кистью.

Фукиерръ покраснѣлъ; толпа живописцевъ смѣялась: только старикъ Вуэ хранилъ свою диктаторскую важность.

— Мастеръ, сказалъ Калло, вставая и обращаясь къ Вуэ : пора кончить; скажите, что вамъ угодно, и отпустите меня.

— Я просилъ васъ для совѣта, маститый художникъ, отвѣчалъ Вуэ угрюмо. Лемерсиё уже поднялъ стѣны галерей, сдѣлалъ всѣ нужныя перестройки, а мнѣ что-то не нравится.

— Такъ сломайте галерею и постройте новую!

— Не то, не то, Калло! Планъ украшенія галерей картинами и дѣлною работою....

— Переменяйте!....

— Такъ! Но мы уже семь разъ переменяли планы.

— Такъ оставайтесь при послѣднемъ, или при первомъ.

Художники изъясняли нетерпѣніе. Вуэ примѣтно раз-

сердился, но неумолимый Калло не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Надо рѣшить, Калло : понимаете ли? надо рѣшить такъ или иначе, и приняться за работу....

— Я рѣшаюсь, отвѣчалъ Калло.

— На что?

— На все! Я граверъ и работать въ галереѣ не буду : такъ почему же не рѣшиться?....

— Вы оскорбляете мое званіе, мосьё де-Калло. Слышите ли?.... мое званіе. Вамъ сдѣлали честь приглашеніемъ...

— Возвращаю честь и рѣшаюсь уйти къ моему дѣлу... Сдѣлайте одолженіе, господинъ первый живописецъ и главный распорядитель всѣхъ работъ въ дворцахъ его величества, не отрывайте меня отъ дѣла приглашеніемъ на совѣты. Нѣтъ ничего хуже какъ совѣты. Вы глава, такъ и распоряжайтесь какъ глава : развѣ у васъ не достаетъ таланта? Иначе, къ чему совѣтъ? Король хочетъ мыслей Вуэ, произведеній Вуэ, а не протоколовъ, слышенныхъ изъ пустыхъ разсужденій.... На этихъ муниципальныхъ сходкахъ, мосьё де-Фукиерръ потребуесть, чтобы главную залу расписать въ Армидинъ Садъ, а изъ потолка составить небо со звѣздами и, пожалуй, съ луною; а я дамъ совѣтъ раскрасить главную залу подъ гравюру *in chiago-oscuro*; а мосьё Лемерсиё выброситъ живопись, наставитъ колоннъ какъ стрѣлковъ на смотру, и стѣны уберетъ гирляндами изъ лѣпныхъ цвѣтовъ.... Охъ, ужъ мнѣ эти совѣты! Можно совѣтываться, не собирая совѣтовъ.... Они-то заставили перемѣнять планы семь разъ. Сами подумайте : можетъ ли такая нерѣшительность въ искусствѣ послужить къ лучшему?.... Я граверъ, мосьё Вуэ, и слишкомъ уважаю васъ чтобы обременять вашу память и соображеніе мои замѣчаніями. Посмотрѣть на рисунки очень любопытно, тѣмъ болѣе что я скоро уѣду въ Напси. За эту честь, я всегда остался бы признателенъ.

Т. I. — Отд. I.

2

— Вотъ, вотъ они, прервалъ Вуэ. Смотрите, судите, и непременно скажите свое мнѣніе.

Калло усѣлся у большого стола и началъ перелистывать семь огромныхъ тетрадей, въ богатѣйшемъ переплетѣ.

— Какъ бы то ни было, господа, мы должны, на будущей недѣлѣ во вторникъ, начать работы.... Я предвидѣлъ, что у насъ окажется мало рукъ, и послалъ во всѣ города вызовъ художникамъ.... въ Гренобль, въ Лионъ, вездѣ. Никто еще не являлся; начнемъ сами, между тѣмъ подъѣдутъ....

— Тутъ есть Италианецъ Роспиноза, сказалъ кто-то.

— Италианецъ! прервалъ Вуэ : и конечно! Работы не дамъ.

Во время патриотической выходки Вуэ противъ иностранцевъ, у входа показался человекъ средняго росту, довольно пожилой и непріятной наружности. Широкая, нѣкогда красная, но теперь уже рыжая, мѣщанская епанча закрывала тщательно заштопаное полукафтанье изъ зеленого толстаго сукна; фреза, не изъ лучшаго полотна, была измята и забѣлена; онъ былъ въ чулкахъ и башмакахъ; въ одной рукѣ держалъ шляпу съ серебрянымъ галуномъ, зеленымъ перомъ, въ другой огромную папку... Входя въ двери онъ согнулся, и въ такомъ видѣ остановился, одною ногою въ комнату, другою на порогъ.

— Чтѣ вамъ угодно? спросилъ Вуэ примѣтивъ незнакомаго.

— Филиппъ Деллапортъ, изъ Лиона, живописецъ, отвѣчалъ гость не разгибаясь.

— Милости просимъ! Вѣрно, по нашему вызову....

— По вызову величайшаго изъ нашихъ живописцевъ, я рѣшился оставить всѣ заказы и уроки....

— Надѣюсь, жалѣть не будете. Это, вѣрно, ваши работы....

— Что успѣлъ захватить : такъ спѣшилъ исполнить волю великаго человѣка....

— Покажите, покажите!

И Делапортъ началъ развертывать разнородные рисунки и картины.

— Не дурно ! сказалъ Вуэ : только посмотрите , эта рука коротка. Вотъ, гдѣ она должна кончиться; голова повернута слишкомъ эффектно.... к чему это ? Прямо, просто, гораздо лучше. Зачѣмъ такъ нарядна драпировка ? Складки надо обдумывать, точно такъ же какъ и всю картину..... Вотъ это изъ рукъ вонъ ! продолжалъ Вуэ, взявъ другую картину : тоже вашей работы?....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Делапортъ, покраснѣвъ : это работа моего ученика; какъ-нибудь замѣшалась....

— Плохо, плохо ! говорилъ Вуэ, разсматривая по порядку картины Делапорта. Лучше всего еще сдѣланы орнаменты, — у вѣтки плоды.... Но картины ваши, простите, ни куда негодны.... И что странно, многія какъ будто писаны другою рукою....

— Для разнообразія, отвѣчалъ Делапортъ нѣсколько смущенный.

— Можетъ-быть, можетъ-быть, сомнительно говорилъ Вуэ : но въ Луврѣ вамъ нечего дѣлать.... Гдѣ и чѣмъ вы занимались въ Лионѣ?...

— Разно. Давалъ уроки, писалъ портреты, запрестольные образа....

— Хороши должны быть ! замѣтилъ Фукиерръ, поправляя шпагу. (Всѣ улыбнулись.) Что еще?....

— Но за труды былъ награждаемъ очень слабо; тогда какъ за расписываніе комнатъ цвѣтками и другими бездѣльями лионскіе купцы платили щедро....

— Такъ вотъ родъ вашей живописи ! а вы по-добротѣ хотѣли взять на себя грѣхи и другихъ лионскихъ художниковъ ! сказалъ Вуэ, съ гордостью садясь въ кресла.

Смѣхъ возрасталъ. Делапортъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ :

— Вамъ, великимъ людямъ, легко шутить; а намъ, бѣднякамъ, да еще женатымъ, да еще съ дѣтьми, право, не до искусства; думаешь не объ усовершенствованіи таланта, а о хлѣбѣ насущномъ. Я пришелъ, господа, по вызову перваго, именемъ и дѣломъ перваго, живописца. Я зналъ, что картины онъ будетъ писать самъ, а цвѣтовъ не станетъ, и я могу быть употребленъ на что-нибудь не безъ пользы....

— И весьма, и весьма, любезный другъ, отвѣчалъ Вуэ. Вотъ, король приказалъ Лемерсіе, въ тѣ комнаты дворца Фонтенблô, гдѣ прежде жила мадмоазель де-Лафайетъ, продѣлать особую лѣстницу, а мнѣ назначить живописца для раскраски.... Хочешь, поѣзжай; а тамъ, Богъ дастъ, и въ Лувръ найдемъ для тебя работу.

— Только быть при васъ, отвѣчалъ Делапортъ низко кланяясь: только видѣть, какъ вы работаете... для этого можно согласиться на всякія жертвы.

— Ну, такъ погоди; я тебѣ дамъ рисунки и поѣзжай съ Богомъ. — Что вамъ угодно? спросилъ Вуэ у молодого человѣка прекрасной наружности, который въ это мгновеніе вошелъ въ залу, также со свиткомъ.

— Живописецъ Альфредъ Дени, изъ Руана, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Покажите вашу работу, сказалъ Вуэ, развернулъ картину Альфреда и нѣсколько мгновеній продолжалось глубокое молчаніе; всѣ восхищались небольшою картинкой, написанной масляными красками; на ней было только двѣ фигуры, Адонисъ и Венера, но такъ много вкусу, такъ много зрѣлости въ рисунокѣ и колерахъ, что живописцы, любуясь, сомнительно поглядывали на юношу.

— Точно это ваша работа? спросилъ Вуэ.

— Кто же станетъ хвастать чужимъ трудомъ, когда знаетъ, что новою работою долженъ оправдать себя?

— Ну, случается! сказалъ Фукиерръ, и всѣ посмотрѣ-

ли съ улыбкой на Делапорта, который, какъ-будто ни чего не слыша, свертывалъ свои и не свои картины.

— Если такъ, отвѣчалъ Альфредъ, мнѣ остается сказать, — работа моя. Можете вѣрить или не вѣрить.

Калло всталъ, подошелъ къ картинѣ и громко сказалъ : « Прекрасно ! » Художники съ неудовольствіемъ посмотрѣли на Калло.

— Хорошо, хорошо! подхватилъ Вуэ : но ложное стремленіе къ натурѣ, сочиненіе слишкомъ просто; вамъ надо много учиться....

— Всею жизнь! прибавилъ Калло : а картина всё-таки очень хороша. Поздравляю васъ, молодой человекъ, и совѣтую работать, не въ Лувръ, а въ Ватиканъ. Тамъ найдете превосходные образцы и превосходнаго учителя, Пуссена.

Художники громко засмѣялись.

— Скоро Пуссена поставятъ наравнѣ съ Рафаэлемъ! сказалъ Фукиерръ.

— Нѣтъ, Фукиерръ, наравнѣ мало! Я не знаю его; онъ у меня не былъ въ школѣ, но по гравюрамъ я вижу, что ему еще далеко до того чтобы *учить!*...

Вуэ произнесъ эти слова торжественно, намѣкая на свои учительскія заслуги.

Калло съ обычнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ :

— А я объ томъ только и думаю, какъ бы на старость поѣхать въ Италію, поучиться рисованію у Пуссена и, если старые глаза позволяютъ еще что-нибудь гравировать, такъ только съ его картинъ.

— Счастливый путь! со злобой сказалъ Вуэ.

Калло въ долгу не остался и отвѣчалъ :

— Благодарю! Но вы требовали моего мнѣнія? Я разсмотрѣлъ всѣ семь плановъ: мое мнѣніе — сдѣлать осьмой. Простите!

Калло уѣхалъ. Вуэ взбѣсился и сталъ кричать :—Ръзчикъ началъ указывать главъ школы!... Мнѣ некогда... Хотите, мосьё Дени.... я васъ опредѣлю третьимъ по-

мощникомъ для писанія фондовъ, а иногда и драпировокъ?... Сто ливровъ въ годъ.

— Цѣтъ! отвѣчалъ Альфредъ, свернулъ картинку и ушолъ.

— Вотъ тебѣ рисунки, сказалъ Вуэ, бросая Делапорту папку: поѣзжай въ Фонтенблô; спроси Дюбоа; онъ тебѣ покажетъ лѣстницу: въ недѣлю прошу окончить, а нето....

— Пожалуйте что-нибудь на дорогу, жалобно сказалъ Делапортъ: я совершенно издержался.

— На, десять ливровъ, въ счетъ жалованья. Да смотри, прибавилъ Вуэ: пиши самъ, а не такъ, какъ ты писалъ свои лiонскiя картины.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Фонтенблô.

Tutus agam.....

Парижъ росъ, не по днямъ, а по часамъ. Марiя Медици, мать короля Людовика XIII, украсила его множествомъ зданiй во вкусъ флорентинскомъ. Лучшимъ былъ безъ-сомнѣнiя Люксамбургскiй Дворецъ, построенный вольза самаго Парижа, съ которымъ онъ впоследствии слился, и очутился посреди города. Во всѣхъ направленiяхъ столицы тянулись огромные сады; кирпичъ давно уничтожилъ, вытѣснилъ, роскошную кудрявую ихъ зелень; но во время, нами описываемое, даже улицы носили имена парижской флоры, смотря потому къ какой сторонѣ сада онъ примыкали. Въ «Городѣ» (la Cité), на

острову, были только соборъ, ратуша, нѣсколько купеческихъ домовъ и тма лавокъ. Новый Мостъ соединялъ «Городъ» съ обонми берегами; на небольшомъ Островѣ Святаго Людовика воздвигались новые дома лучшей архитектуры; гражданинъ Мари обнесъ кругомъ весь островъ на свой счетъ каменною набережною, и противъ турнельской набережной стали ставить, на его же счетъ и съ его именемъ, каменный мостъ. По-сю-сторону Сены толпился старыи городъ святой Геновевы; по-ту-сторону Лувръ, Тюильри, кардинальскій дворецъ, еще нѣсколько новыхъ зданій, и пространныя предместья. Въ этой сторонѣ Парижа, въ предместьѣ Сень-Дени, какъ и нынѣ, существовалъ Райскій Перелокъ, rue du Paradis, грязный, запачканный, съ крошечными домиками, выбѣленными мѣломъ: ставни были покрыты красною краскою съ голубыми цвѣтками, индѣ въ кувшинахъ, индѣ въ разсыпную; при каждомъ домикѣ — небольшой садъ, ворота и калитка, по деревенскому образцу. Во всей улицѣ только два дома сколько-нибудь походили на городскіе: они раздѣлялись большимъ садомъ и принадлежали двумъ братьямъ Обанъ, парижскимъ мѣщанамъ. Въ ближайшемъ изъ этихъ домовъ къ улицѣ Сень-Дени окно въ садъ было открыто: въ немъ сидѣла съ рукодѣльемъ прекрасная среднихъ лѣтъ женщина. Она безпрестанно поглядывая на двухъ порядочныхъ мальчиковъ, однолѣтковъ, игравшихъ съ дѣтскою рѣзвостью подъ яблонью, обгнѣленной зелеными плодами; нѣсколько разъ умѣрала ихъ рѣзвость италіянскими восклицаніями, и снова задумывалась. Въ комнату, гдѣ она сидѣла вошелъ Делапортъ. Лицо его было весело, уста его улыбались.

— Каково идутъ ваши дѣла? спросила женщина съ холодною учтивостью.

— Ради Бога, Джудита, сдѣлайте мнѣ благодѣяніе, не говорите по-италіянски, сказалъ Делапортъ умоляющимъ голосомъ.

— Вы отрекаетесь уже и отъ роднаго языка и отечества?

— Притворно, Джудита; по необходимости.

— Забавная необходимость!

— Въ Ліонѣ выгодно было жить и слыть Италіянцами.... Но здѣсь.... Насъ убьютъ, зарѣжутъ, отравятъ, если узнаютъ, что мы Италіянцы.

— Санта Марія! Да зачѣмъ же это?

— Насолили наши добрымъ Французамъ при королеви Маріи. До-сихъ-поръ забыть не могутъ....

— Такъ вы встрѣтили неудачу?

— Напротивъ, напротивъ. Отъ Неаполя до Альпійскихъ горъ я расписывалъ потолоки и стѣны, и едва могъ питаться за скудную, ничтожную плату. Не учись я по-латынѣ у стараго аптекаря, гдѣ иногда за серебряную монету по двѣ noci толокъ порошки; не ходи я къ Испанцу органисту пѣть втораго тенора, пришлось бы умереть съголоду.... Въ Ліонѣ было славное житье, да по вашей милости....

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте ваши упреки. Кажется, вы должны быть довольны моимъ поведеніемъ. Вы переѣхали въ Парижъ на мой счетъ, на мои деньги.... Я должна здѣсь устроить судьбу моихъ дѣтей.... Я должна.... Да это не ваше дѣло! Скажите ваши желанія, я ихъ исполню, если....

— Послушайте, Джудита, Деллапорта исчезъ съ этого свѣта!....

— Пожалуй!

— Его мѣсто заступилъ Деллапортъ, еще лучше Деллапортъ, Французъ; онъ родился въ Италіи и потому сохранилъ нѣкоторую дебелость въ произношеніи, но такъ мало, что сегодня никто этого недостатка и не замѣтилъ.

— Право?

— Здѣсь мнѣ откроется блистательная будущность.

Королевская гѣстница не то, что купеческая! Заплатить въ четверо, по задатку вижу. А у Людовика столько гѣстницъ, сколько не насчитать въ цѣломъ Лионѣ. Живописецъ королевскихъ гѣстницъ низойдетъ и на герцогскую. По ступенкѣ ниже, по эцю дешевле... А посмотрите, какъ отстраивается Парижъ! Тридцать улицъ прошелъ я сегодня: въ каждой два три дома, какъ грибы растутъ. За словомъ въ карманъ не пойду. Слава Богу, съ прелатами два раза по-латыни разговаривалъ. Славно! Я у пристани.... Ну, теперъ къ королю!

— Какъ! къ самому королю? недоувѣрчиво спросила Джудита.

— Къ самому королю, Джудита.... Ахъ, послушайте! будьте вы не Джудита, а какъ-нибудь иначе, по-французски, знаете, такъ напимъръ Луиза, Фанни.

— Пожалуй, Фанни!

— Какъ вы добры! Еще одна просьба. Мы наняли двѣ комнаты....

— Кажется, довольно; одна для васъ, другая для меня съ дѣтьми; варимъ на хозяйской кухнѣ...

— Конечно, оно бы довольно, но весь домъ отдають весьма дешево; по три ливра въ мѣсяць.

— Такъ что же?

— Вотъ вамъ три ливра.... наймите весь домъ съ особой кухней, а дѣтей, пожалуйста, не пускайте, на дворъ, пока не купите имъ порядочнаго платья; бѣгаютъ оборванные... Дурное впечатлѣнiе! Вы знаете, бѣдному и платятъ бѣдно.... А я между-тѣмъ во весь домъ вывѣску развѣшу: «Королевскiй живописецъ, Филиппъ Депортъ, ученикъ знаменитѣйшаго италiанскаго мастера», фамилию придумаю.

Вбѣжали дѣти съ хохотомъ, но увидавъ Депорта оробѣли и тихо шли къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, цыплята, сказалъ Депортъ: ты, Джулио..... Нѣтъ, не Джулио.... ты будешь Жакъ; а ты, Джироламо, ты будешь Жеромъ:

слышите? Кто ошибется въ имени или заговорить по-италіянски.... прошу извинить.... розги! Не пускайте ихъ на дворъ.... право стыдно. Теперь къ королю, прощайте!

Депортъ проворно собралъ краски, кисти, все, что казалось ему нужнымъ; уложилъ въ походный чемоданъ; на плечи, и скоро очутился на другомъ концѣ Парижа, на Италіянскомъ Предмѣстьѣ. Последніе дома Парижа тянулись съ своими огородами по дорогѣ въ Фонтенблô. Депортъ усталъ и присѣлъ на прилавкѣ у какого-то палисадника.... Много каретъ съ задернутыми окнами пронеслось мимо; много проскакало всадниковъ; изрѣдка проходили нарядные носилки и за ними по три по четыре смѣны красиво одѣтыхъ и вооруженныхъ носильщиковъ. Депортъ съ завистью глядѣлъ на проѣзжающихъ, и нѣсколько разъ порывался итти слѣдомъ за носилками; по-крайней-мѣрѣ такъ совѣтовало ему чувство безопасности.... Но вдругъ проѣхала фура на двухъ ослахъ; на ней, кромѣ разной поклажи, сидѣли три нарядные лакея; по шляпамъ съ краснымъ перомъ легко было догадаться, что это придворные слуги. Депортъ догналъ фуру.

— Богъ помощь, пріятеля!

— Благодаримъ. Отвѣчали лакеи.

— Не видали ль вы моей лошади?

— Нѣтъ.

— Вотъ бѣда! Приходится или итти цѣшкомъ, или воротиться въ Парижъ покупать другую, а Дюбоа будетъ сердиться.

— Дюбоа? въ Фонтенблô? Тревожно спросили лакеи....

— Да, Дюбоа; что при королевскомъ гардеробѣ служить. У меня къ королю отъ мосьё де-Вуэ и письма и рисунки; приказано отдать Дюбоа. Я живописецъ, и мнѣ тамъ сдѣланъ заказъ; ожидаютъ: а тутъ такая бѣда!

— Садитесь съ нами, честной господинъ ; всё скорѣе тѣмъ пѣшкомъ.

— Конечно, конечно! отвѣчалъ Депортъ, мостясь на фуры: какъ бы чемоданчикъ поставить? да чтобы не свалился, Боже сохрани!

— Мы держать будемъ,

— Спасибо, спасибо! А можетъ-быть и лошадь отыщемъ. Проклятая! Зашелъ къ другу.... Кажется и крѣпко привязалъ къ забору... выхожу, и слѣдъ простылъ.... Посматривайте, пожалуйста, авось увидите.

Лакеи съ почтеніемъ держали чемоданъ и усердно глядели во всѣ четыре стороны, надѣясь открыть бѣглую лошадь. Депортъ спалъ, и проснулся уже въ виду Фонтенблô.

Грустно, скучно въ Фонтенблô! Какъ-будто не здѣсь блестящіе праздники удивляли европейскихъ гостей; какъ-будто не здѣсь прелестныя фрески Пинтуриччю манили далекихъ гостей; какъ-будто вчера былъ послѣдній маскарадъ у покойнаго Генриха IV: гости разѣхались, сонныя слуги какъ тѣни бродили по темнымъ переходамъ дворца и тѣснымъ дворикамъ. Давно ли мастеръ Галиматія утѣшалъ дворъ своимъ забавнымъ балетомъ, и самъ Беарнецъ съ королевою принимали участіе въ шуткахъ замысловатаго балетмейстера?... Грустно, скучно въ Фонтенблô!.... На крыльцѣ, въ разныхъ положеніяхъ, лѣпились слуги, стрѣльцы, охотники; множество собакъ на сворахъ чинно окружали крыльцо; одинъ Брумъ, песъ старый, повиный Кончини и конетабля де-Люина, былъ на свободѣ: ветеранъ, онъ могъ ходить всюду безъ доклада, и весь кухонный штатъ неразъ жаловался на эту привилегію, которая, по мнѣнію Бриолё, главнаго королевскаго повара, была гораздо вреднѣе и опаснѣе привилегій парижскихъ парламента и ратуши.

— Брумъ, сказалъ Шотландецъ Кеплеръ: кажется, сегодня не бывать охотѣ, и тебѣ не будетъ службы....

— Того гляди, сказалъ Италіанецъ Лерчи : велѣтъ соколовъ нести, да стануть кормить собственноручно, а у меня сегодня племянница замужъ выходить!

— Что же? Поклонись Сенъ-Марсу; слово скажетъ королю, — отпустить.

— Нѣтъ, лучше Дюбоа, сказалъ Жеромъ Блоа, начальникъ королевскаго погреба : а съ Сенъ-Марсомъ нынче король не ладить....

— Не ладить! подхватилъ Кеплеръ. Черезъ минуту помирятся, и тому бѣда, кто слышалъ, какъ король сердился на молодаго капитана.... Слушайте старика! угрожайте этому мальчику, какъ его называть, право, незнаю. Наше дѣло сторона; кто въ милостяхъ, тотъ и важенъ; при покойномъ королѣ не то было : у Генриха IV такихъ любимцевъ не бывало : любовишки водились; а ужъ этого, нынѣшняго, не случалось. Какъ начала управлять Марія Медичи, да напустила своей италіанщины, совсѣмъ другое пошло : что мѣсяць, новая птица при дворѣ; у Людовика такъ и пошли любимцы; одинъ смѣняетъ другаго : ужъ какъ-будто должность какая! Если одному приходится плохо, весь Парижъ только о томъ и толкуетъ, кто теперь будетъ любимцемъ. Имъ-то ничего, а слугамъ отъ этихъ молодцовъ ноги и шея крѣпко болятъ!....

Кто-то бѣжалъ по корридору; всѣ слуги вскочили; на крыльцо вошелъ старикъ Дюбоа.

— Кеплеръ! Лерчи! охоты не будетъ! домой! сказалъ Дюбоа. Симонъ! пошли за Сенъ-Марсомъ; черезъ часъ король пойдетъ съ нимъ гулять пѣшкомъ. Да потомъ пошли къ дю-Карру; скажи, чтобы вся «бáнда» въ шесть часовъ со скрипками была во дворецъ.... А поставили вы лѣса для мосѣ Депорта на новой лѣстницѣ?

— Поставили.

— Ну, теперь ступайте по домамъ; а я обожду Сенъ-

Марса здѣсь на крыльцѣ.... И за исторію! тихо ска-
зала Дюбоа съ самодовольною улыбкою.

— Что король? спросилъ Жеромъ Блоа, поестукивая
по серебряной табакеркѣ и поднося ее Дюбоа....

— Слава Богу, слава Богу! Сегодня хорошо. Всталъ
рано; писалъ латинскіе стихи, потомъ сочинялъ на
ксамомъ Годо музыку, потомъ позвалъ меня и друже-
ски спросилъ: «Любезный Дюбоа, доволенъ ли ты
мною?» — Ванне величество, отвѣчалъ я, могу ли быть
недоволенъ, когда вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, не
на охотѣ, а въ тишинѣ кабинета, въ бесѣдѣ съ Муза-
ми. «Глупости, глупости, Дюбоа! Музы.... музы, да
весь; не люблю Клію, ненавижу Талию, презираю Мель-
помену.... Одна Музыка, родная дочь музы, kath'echo-
schen....» — Это значить, любезный Жеромъ, прибавилъ
Дюбоа, нюхая свою щепотку: это значитьпо-
превосходству. — «Это искусство, продолжалъ король,
во-мнѣ. А Клію.... лучше бы ея не было!...» Я счелъ
эту выходку личностью, по нѣкоторымъ отношеніямъ;
но начался тайный разговоръ, который меня совершен-
но успокоилъ и кончился тѣмъ, что охота отказана,
значенъ музыкальный вечеръ:—Да! заключилъ Дюбоа
со вздохомъ: никогда я не прощу кардиналу одного...

— Чего же это, добрый другъ?

— Зачѣмъ онъ запряталъ мадмоазель де-Лафайетъ въ
монастырь Визитокъ....

— Да вѣдь она, но доброй воли....

— Знаемъ мы эту добрую волю. Подослалъ іезуита;
а ужъ эти господа уговаривать умѣютъ. И теперь бѣд-
ный Людовикъ самъ не свой; боюсь, чтобы и ему не
пдувалось сложить французскую корону и удалиться
въ монастырь. Примѣръ Карла V....

— Какъ, развѣ?...

— Поговариваетъ.... поговариваетъ.... Одна мадмоа-
зель де-Лафайетъ противится этому плану и, дай Богъ
здоровья, противится съ успѣхомъ....

— Стало-быть они видятся?

— Каждую недѣлю два раза, въ присутствіи старшей сестры и всѣхъ монахинь. И каждый разъ, когда король возвращается изъ монастыря, онъ такъ добръ, ласковъ.... не грустенъ, тяжело грустенъ; живетъ только въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ жила она, до монастыря; вотъ и здѣсь съ пріѣзду не былъ ни въ одной залѣ, не ходитъ смотреть на Приматиччіо: а прежде каждый день два раза ходилъ къ фрескамъ; приказалъ къ комнатамъ Лафайетъ продѣлать особую большую лѣстницу; и, признаюсь, Лемерсіе исполнилъ свое дѣло отлично; теперь ее расписываютъ. Хотите видѣть? Пойдемъ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Письня.

Pisne blaho moze.

НАПКА.

Лѣстница весьма искусно обставлена была лѣсами. Депортъ, снявъ рыжую эпанчу, расчертилъ уже всю лѣстницу, по рисункамъ Вуэ, и принялся писать вензель мадмоазель де-Лафайетъ изъ незабудокъ; всѣ украшенія, по страннымъ соображеніямъ Вуэ, состояли изъ бѣлыхъ лилій и плющу; работа шла успешно, но мертвое молчаніе царствовало на уединенной лѣстницѣ; ни шелеста, ни отзвуку человѣческаго голоса. Въ такихъ мѣстахъ уныніе невольно тѣснится въ сердце, безотчетный страхъ мѣшаетъ работѣ, и Депортъ, что-

бы сколько-нибудь ободрить себя, началъ напѣвать итальянскую пѣсню «La Мопасса». Эта пѣсня и въ Итали была еще нова, а въ Парижѣ вовсе неизвѣстна. Сначала звуки раздавались тихо, будто ползая, и въ пустотѣ еще болѣе наводили тоску на одинокого пѣвца; непримѣтно, невольно, голосъ крѣпчалъ и, куплетъ за куплетомъ, возвышался въ силѣ. «La Мопасса» написана, по древнему обычаю, стиховъ во сто: не успѣлъ Депортъ достигнуть и половины, какъ за дверьми, въ которыя упиралась лѣстница, послышались шаги. Депортъ онѣмѣлъ и, прислушиваясь, продолжалъ работу. За дверьми кто-то напѣвалъ латинскіе стихи на мотивъ «La Мопасса»; но, когда дошло дѣло до послѣдняго стиха, невидимый пѣвецъ остановился, не могъ вспомнить окончанія мелодіи, дверь отворилась и Людовикъ XIII съ верху лѣстницы ласково сказалъ Депорту: «Повтори, любезный, эту пѣсню нѣсколько разъ сряду, да по-громче.» И дверь захлопнулась. Испуганный неожиданною аудіенціей, Депортъ повиновался; дрожащимъ голосомъ продолжалъ пѣть куплетъ за куплетомъ, кончилъ и, не слыша приказанія перестать, началъ снова. Не пропѣлъ онъ двухъ трехъ куплетовъ, какъ король, отворивъ двери, сказалъ: «Довольно, поди сюда!»

Депортъ не успѣлъ счистить пятенъ съ платья, необходимой принадлежности комнатныхъ живописцевъ: онъ завернулся въ свою рыжую эпанчу, и подъ нею, на входѣ, старался стереть охру и сурикъ со стараго камзола. Съ благоговѣйнымъ ужасомъ вошелъ онъ въ первую комнату: тутъ никого не было; въ другой комнатѣ, болѣе обширной, убранный весьма просто, посрединѣ, на большомъ столѣ, лежала груда потъ и піла. У стола стоялъ король. На немъ была длинная, почти до самыхъ колѣнъ, черная мантия съ рукавами и шитымъ орденомъ Святаго Духа. Изъ подъ мантии видно было, что король совсѣмъ одѣтъ; любимыя по-

лосатыя исподни уходили въ широкіе раструбы сапоговъ, обшитыхъ въ нѣсколько рядовъ кружевами. Съ улыбкою глядѣлъ онъ на бумагу, и въ тактъ стучалъ по полу тростью... Ни живой, ни мертвый, едва дыша, Депортъ стоялъ у порога первой комнаты; ему не случалось говорить въ жизнь свою съ порядочнымъ маркизомъ, а тутъ — глазъ на глазъ съ королемъ Франціи: и какой Франціи! Время Ришліе! Депорту казалось, что помость подъ нимъ шевелился, стѣны качаются, потолокъ вертится; вдругъ Людовикъ запѣлъ латинскіе стихи съ приемами на мотивъ «La Mopасса» и, окончивъ пѣніе, спросилъ довольно тихо: «Такъ ли?»

— Совершенно такъ, ваше величество, не возможно лучше, дрожа отвѣчалъ Депортъ изъ другой комнаты.

— Поди сюда!... Ты знаешь ноты?

— Знаю, ваше величество.

— Сочиняешь самъ?

— Не испытывалъ себя въ этомъ, ваше величество.

— Погляди, такъ ли я написалъ твою пѣсню?

— Совершенно такъ, невозможно лучше, ваше величество.

— Ты умѣешь писать ноты?

— Умѣю, ваше величество.

— Перепиши какъ-можно по-чище.

— Слушаю, ваше величество.

И Депортъ хотѣлъ удалиться, чтобы гдѣ-нибудь на покоѣ исполнить волю государя.

— Нѣтъ, здѣсь, мой другъ, здѣсь! сказалъ король, вынимая изъ богатой конторки или, какъ называютъ Французы, секретаря, фламандскую нотную бумагу: садись сюда и переписывай, а я, пока, протвержу партію изъ Артурова гимна. Кстати: у тебя хорошій теноръ?

— Второй, ваше величество.

— Всѣ одно, и я пою только втораго баса.... Просмотри эти ноты и ввечеру приходи сюда.

Король ушелъ въ дальніе покои; едва слышно дошли звуки пріятнаго, но не совсѣмъ твердаго, голоса. Въ это печальное время жизни Людовика, внутреннія боренія, интриги кардинала, недовѣрчивость къ женѣ и приближеннымъ, тоска по изгнанной матери, робость въ любви, и многія многія причины развили тяжкій, медленный недугъ, създавшій видимо послѣдніе годы добраго короля. И продолжительное пѣніе для него стало трудно, но сегодня онъ упражнялся черезъ силу, не желая ввечеру отстать отъ другихъ. Депортъ, несмотря что природа одарила его богатымъ запасомъ дерзости и безстыдства, волнуемый страхомъ и вѣсными еще надеждами, не видѣлъ ногъ, перепортилъ всѣ листы фламандской бумаги и въ отчаяніи прибѣгнулъ къ воровству. Онъ видѣлъ, гдѣ у короля хранилась нотная бумага и уже вынулъ тетрадь, уже опустилъ крышку конторки, уже поворачивалъ ключъ... вдругъ вошелъ король и Депортъ окаменѣлъ.... Но отчаянье — мать великихъ подвиговъ. Изъ отчаянья, Депортъ улыбнулся и сказалъ довольно твердымъ голосомъ :

— Государь! не виноватъ; заслушался; испортилъ бумагу; прервать превосходнаго пѣнія вашего величества я не смѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ замѣтно было большое одушевленіе; между-тѣмъ полагая, что дѣло къ спѣху....

— Весьма умно.... Прервалъ король, садись же, пожалуйста, и переписывай; пора итти на прогулку.

Депортъ переписывалъ. Вошелъ безъ доклада молодой человекъ прелестной наружности: ему было около двадцати лѣтъ. Его щегольской нарядъ капитана королевской гвардіи былъ въ безпорядкѣ, прическа измята, глаза заспаны; на лицѣ написана досада.

— Гдѣ вы это пропадаете, маркизъ? спросилъ король съ видомъ состраданія.

Маркизъ молчалъ.

Т. I. — Отд. I.

— Опять всю ночь! продолжалъ король съ тѣмъ же выраженіемъ: въ обществѣ Машеньки де-Дормъ, стихоплетовъ, развратниковъ. Опять возліанія Бахусу!... Сень-Марсъ, когда это все кончится?...

— Когда вашему величеству угодно будетъ оставить меня въ покоѣ или послать на службу въ испанскую армію.

— Вы съ ума сошли, монсь д'Эффид!

— Не думаю, государь! Все говорятъ, что я неглупый мальчѣ.

— Капитанъ! какъ вы смѣете такъ отвѣчать вашему королю, благодѣтелю и другу?

— Вольно же вамъ мучить больнаго и заставлять гулять, когда я еще не выспался....

— Поди вонъ!

— Мнѣ только того и надо! сказалъ Сень-Марсъ про себя, но не довольно тихо, и ушелъ.

Король всталъ, одѣлся самъ безъ помощи слугъ, а Депортъ окончилъ работу.

— Благодарю, сказалъ король уже не такъ ласково. Спряталъ и черновыя и чистыя поты въ конторку, заперъ, ключъ положилъ въ карманъ, взялъ трость и шляпу и грубо сказалъ Депорту: «Пойдемъ гулять».

Вышли на лѣстницу.

— Ага! Вуз не только великій живописецъ, но и слуга исправный.... — Это ваша работа? спросилъ Людовикъ, остановясь на первой площадкѣ, надъ которой вензель изъ незабудокъ почти былъ оконченъ.

Депортъ поклонился. Лицо Людовика освнилось печальной думой; приметнымъ страданіемъ; тихо шепталъ онъ молитву. Депортъ, какъ и вся Франція, зналъ тайну короля; опустилъ глаза, притаялъ дыхаціе, и, недвижимый, какъ каріатида, у которой остановился, напряженнымъ слухомъ старался отгадать смыслъ коро-

левскаго шопоту. Людовикъ глубоко вздохнулъ и въ полголоса произнесъ стихъ Персія :

O curas hominum, quantum est in rebus inani!

Потомъ, обратясь къ Депорту, сказалъ ласковымъ голосомъ : « Такъ ты и живописецъ ? » Депортъ поклонился еще ниже.

— Я люблю живопись : но у насъ такъ мало хорошихъ живописцевъ !... хотѣлъ выписать изъ Италіи, но и тамъ теперь, кажется, никого нѣтъ....

— Государь, смиренно отвѣчалъ Депортъ : недавно еще я возвратился оттуда и рѣшительно долженъ сказать вашему величеству, кромѣ Пуссена, тамъ нѣтъ ни кого....

— Пуссенъ ! Французская фамилія !

— Онъ и родомъ Французъ. Франція теперь первенствуетъ въ художествахъ : въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; еще міръ не можетъ опъннить, какія зерна брошены для васъ высокимъ, благотворнымъ, питательнымъ, плодороднымъ покровительствомъ, которымъ вашему величеству угодно было осчастливить французскія художества, и я скажу съ Тибуллою :

Di tibi formam,

Di tibi divitias dederunt, artemque fruendi.

Король сталъ веселѣе, и, улыбаясь самодовольно, сказалъ Депорту :

— А враги мои ничего этого не замѣчаютъ, и не видятъ; они думаютъ, что я ихъ боюсь и оттого остороженъ, и оттого дѣлаю хорошо.... Не правда ли ?

И началъ смѣяться. Депортъ осмѣлился вторить королю и со смѣхомъ отвѣчалъ :

— Славная политика, ваше величество, спасительная система; не даромъ говоритъ Либерій :

Necesse est

Ut paucos timeat; quoniam multi timent.

Король еще болѣе развеселился....

— Да это находка, сказалъ Людовикъ, остановясь и разсматривая Депорта: кто ты, и какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ меня Филиппъ Депортъ, а кто я, и самъ не знаю. Нужда велѣла расписывать стѣны и потолки людей богатыхъ, а можетъ-быть Фортуна велитъ и мнѣ въ свою очередь заказывать тѣ же работы другимъ людямъ. Я не отчаиваюсь.

— Ну, любезный Депортъ, ты похожъ на меня: и живописецъ, и музыкантъ, и риторъ! Недостаетъ тебѣ знатности и богатства. Но Богъ милостивъ:

Si fortuna volet, fies de rhetore consul!

Двери отворились, вошелъ Сень-Марсъ и, обратясь къ королю, почтительно спросилъ:

— Ваше величество, не лучше ли проѣхать верхомъ? До обѣда остается не болѣе получаса.

— Развѣ я у тебя спрашивалъ совѣта? отвѣчалъ изумленный Людовикъ. Ты боленъ, и хорошо послѣ распутой ночи пройтись пѣшкомъ!

Сень-Марсъ не отвѣчалъ ни слова и шелъ молча за королемъ, поглядывая на Депорта; а Депортъ постоянно, всё болѣе и болѣе, отставалъ.... Костюмъ Сень-Марса былъ уже въ большомъ порядкѣ, но одна шпора расшаталась отъ ночной поѣздки. Депортъ тотчасъ это примѣтилъ, и, догнавъ Сень-Марса, почтительно сказалъ: «Позвольте укрѣпить вашу шпору.»

— Да какъ же ты это сдѣлаешь? спросилъ разсѣянно Сень-Марсъ.

— А вотъ, камешкомъ.

— Благодарю, сказалъ Сень-Марсъ, когда Депортъ привелъ въ порядокъ шпору и платкомъ стеръ грязь, засохшую на сапожныхъ кружевахъ.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, отвѣчалъ Депортъ и продолжалъ идти слѣдомъ за королемъ и Сень-Марсомъ, всегда однако жъ въ третьей дистанціи.

Король обошелъ молча двѣ три аллеи, молча возвратился къ новой лѣстницѣ; остановясь на крыльцѣ, обратился къ ступенькамъ, сказалъ тихо — «Прощайте, до завтра!», и ушелъ въ покои мадмоазель де-Лафайетъ. Депортъ пошелъ-было за королемъ, но Сень-Марсъ грубо схватилъ его за руку и спросилъ :

— Ты куда?

— Къ моей работѣ.

— Къ какой!

— Я расписываю лѣстницу....

— Когда проснется король, дай мнѣ знать : слышишь? Я не хочу, чтобы меня о томъ уведомили придворные слуги. Слышишь?

— Да гдѣ же вы изволите жить?

— Глупецъ! я буду у племянницы Дюбоа.

— Я человекъ новый, маркизъ : благоволите указать. Я всегда къ вашимъ услугамъ....

— Дюбоа будетъ до шести часовъ неотлучно при королѣ, а я неотлучно при его племянницѣ : такъ если одно слово — горе тебѣ!

— Помилуйте, господинъ капитанъ! только укажите, куда прибѣжать; ногъ не пожалѣю.

— Ты видѣлъ издали, въ паркѣ, большую красную бесѣдку съ китайской крышей?

— Видѣлъ.

— Вотъ тамъ! Хлопни три раза въ ладоши : я услышу.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, маркизъ, я всегда къ вашимъ услугамъ, кричалъ Депортъ вслѣдъ Сень-Марсу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Музыкальный вечеръ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
 Dissimuler et se contraindre,
 C'est le secret d'un esprit-fort ;
 Car le baron devient comte
 S'il fait jouer à grand effort
 Un visage qui se démonte.

MAZARINADES. 1648.

На башнѣ протяжно пробило шесть часовъ. Дворецъ въ Фонтенблô оживился; забѣгали слуги; появились у крыльца носилки, кареты, нарядно разубранныя верховыя лошади. Сенъ-Марсъ шелъ шибко ко дворцу, за нимъ рысью бѣжалъ Депортъ. На крыльцѣ они встрѣтили Дюбоа, которому другіе лакеи подавали широкій плащъ, шляпу и трость.

— Куда ты? спросилъ Сенъ-Марсъ съ улыбкой.

— Домой, господинъ капитанъ, домой, отвѣчалъ Дюбоа.

— Писать исторію?

— Что это, капитанъ! вы еще, пожалуй, скажете его величеству; втянете меня въ бѣду....

— Непременно скажу, когда поссоримся, Дюбоа.

— Вѣрно вамъ сказалъ объ этомъ де-Ту, у котораго я просилъ позволенія рассмотреть нѣкоторыя бумаги его покойнаго отца, историка Франціи; а опъ и вообрази, что я пишу исторію....

— Нѣтъ, не одинъ де-Ту, многіе говорятъ; да ужъ дай только намъ поссориться, все узнаемъ.

— Да зачѣмъ же намъ ссориться, маркизь!

— Я и самъ, пока, не вижу причины; а говорятъ, исторія хороша....

— Кто говоритъ?

— Намъ дни у мадамъ де-Рамбульё только объ ней и говорили.

— Какъ, у мадамъ де-Рамбульё! спросилъ Дюбоа со слезами радости: въ этомъ ареопагъ людей ученыхъ и писателей... Помилуйте, я недостойнъ такой дести; это, просто, записки очевидца....

— Скромность, скромность, Дюбоа; когда-нибудь я загашу тебя туда.

— Увольте, маркизь, увольте; моя должность, дѣта....

— Послѣ, послѣ объ этомъ. Король всталъ?

— Давно, но еще не выходилъ.

— А эти уроды собрались?

— Собрались, ваше сѣятельство, собрались. Пора и вамъ! Ступайте.

— Пойдемъ, сказалъ Сень-Марсъ Депорту, и Дюбоа съ изумленіемъ поглядѣлъ на новаго придворнаго; онъ не предвидѣлъ въ то время какъ много мѣста займетъ этотъ новичокъ въ его запискахъ.

Въ концертной залѣ или, лучше сказать, въ самой большой комнатѣ отдѣленія Лафайетъ, тѣснилось небольшое число избранныхъ. Віолы, лютни и скрипки лежали на кругломъ столѣ; вся банда двадцати четырехъ скрипокъ Генриха IV сидѣла передъ цульпитрами и ожидала короля; только одинъ дю-Карру, королевскій композиторъ, не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ: онъ спорилъ въ глубокомъ окнѣ съ отцемъ Сирмондомъ, востомъ Годо, и живописцемъ Дерюэ. Герцогъ де-Бефоръ, принцы и дворяне изъ лучшихъ фамилій, не удостоивали собесѣдниковъ вниманія и шептались между собою. Скрипани, сидя на своихъ мѣстахъ, разговаривали съ другими двумя королевскими композиторами, Артуромъ Кусто и Яковомъ Модюи. Отъ частныхъ разговоровъ образовался въ тѣсной комнатѣ сильный шумъ. Вошегъ де-Нойё, почти неслышно, но всѣ замѣтили его присутствіе и умолкли. Секретарь королевства, правая рука и правое ухо кардинала, невольно наводилъ

ужась на дворянъ, безстрашныхъ на альпійскихъ и пиренейскихъ вершинахъ, но не съ глазу на глазъ съ Ришліё и его клеветами. Печальна судьба такихъ людей какъ де-Нойё: Все, что бы они ни сдѣлали добраго, лезть и страхъ припишутъ кардиналу. Въ ошибки, въ жестокости Ришліё падутъ на ихъ ответственность: лезть и страхъ не посмѣютъ обвинить кардинала; и де-Нойё принадлежалъ именно къ разряду невинныхъ злодѣевъ. Быстрота въ кабинетной работѣ, пріятная наружность, даръ слова, любовь къ наукамъ и художествамъ, способность развязывать Гордіевы узлы заговоровъ, сдѣлали его человѣкомъ необходимымъ для Людовика XIII и кардинала. Изъ клеветовъ Ришліё, только одинъ де-Нойё, впрочемъ недолго, имѣлъ свободный входъ въ комнаты короля, и Людовикъ былъ убѣжденъ въ его честности и скромности. Даже придворныя дамы, это вѣчно независимое сословіе, приверженныя къ несчастной своей королевы Анны Австрійской и ненавидѣвшія открыто великаго инквизитора Франціи, какъ онъ называли кардинала, любили де-Нойё подъ именемъ маленькаго добряка, *petit bonhomme*. Отецъ Сирмондъ, духовникъ короля, подошелъ къ нему и почтительно раскланялся.

— Что новаго? спросилъ де-Нойё: правда ли, что сегодня опять была ссора съ Генрихомъ?

— Вы знаете лучше меня стихіи, владычествующія во дворцахъ нашего короля.... Ссора! А вчера на столѣ Людовика я нашелъ записку: вотъ копія. Пойдемте къ окну.

Де-Нойё прочелъ: «Капитанъ гвардіи нашей, Генрихъ д'Эффіа, маркизь де Сентъ-Марсъ, назначается великимъ конюшимъ двора нашего, съ оставленіемъ при прежней должности.»

— Это, пока, еще карандашъ, сказалъ де-Нойё: послѣ ссоры можетъ-быть подлинникъ этой записки его рѣлъ въ камень....

— Сомнѣваюсь, отвѣчалъ отецъ Сирмондъ : не забудьте, что нашъ воспитанникъ, наше твореніе, уже не ходитъ въ Рюэль, не доноситъ ничего объ королѣ и принцахъ, а у королевы не отходитъ отъ креселъ Маріи Неверской.

— Безумецъ ! она принцесса !

— Конетабль Франціи можетъ жениться на королевской дочери !

— Что вы, что вы, отецъ Сирмондъ ? Но, признаюсь, ваше положеніе самое непріятное. Къ королю приставили мы Сенъ-Марса, а теперь къ Сенъ-Марсу приходится приставить дядьку. Вы знаете Saint-Aôut ? Кардиналъ назначаетъ его.

— Выборъ недурной, но бесполезный.... Что это вы, господинъ секретарь, и на вечеръ съ бумагами ?

— Нѣтъ, это рисунки Вуэ. Признаюсь, мнѣ ужасно надоѣли планы Симона для луврской галереи. Король такъ милостивъ : присылаетъ мнѣ на просмотръ эти кинны ; но, право, лучше не строить вовсе ничего, нежели такія дорогія пошлости.

Вошли Сенъ-Марсъ и Депортъ. Дворяне бросились къ маркизу и начали шептаться. Депортъ не зналъ, какъ выскочить изъ толпы, куда невольно ввелъ его Сенъ-Марсъ. Де-Нойё не сводилъ глазъ съ молодежи и, примѣтивъ Депорта, невольно спросилъ : « Это кто ? » Отецъ Сирмондъ побѣждалъ узнать, кто этотъ новый собесѣдникъ королевскій ; но никто не могъ отвѣчать. Скоро во всей залѣ только и слышно было : « Кто это ? кто это ?.... »

Вошелъ король. Двадцать четыре скрипки грянули маршъ, написанный дю-Карру, на переходъ Альпійскихъ Горъ. Брустное лицо короля оживилось ; въ воображеніи его возобновились чудеса личной его храбрости и бессловесные подвиги дворянства. Король остановился, прослушалъ маршъ, и когда, по окончаніи пѣсы, вся

банда встала, король изъявилъ полное свое удовольствіе. Пользуясь расположеніемъ короля, дю-Карру просилъ дозволенія лютнисту Бланрошѣ сыграть новую пьесню, сочиненную на слова поэта Годо.

— Прошу, прошу, отвѣчалъ король : садитесь, герцогъ ; mes cousins, господа, садитесь, садитесь. Де-Нойѣ, отецъ Сирмондъ, ко мнѣ поближе; вотъ такъ.

Сень-Марсъ подошелъ къ королю и также сѣлъ вондъ. Бланроше удивилъ все общество; но король былъ недоволенъ : ему было досадно, что Бланрошѣ побѣдилъ Якова Модюи, любимца королевскаго, прозваннаго, Богъ-знаетъ за что, «отцемъ музыки».

— Артуръ! сказалъ Людовикъ, обращаясь къ Кустѣ : какъ ты находишь ?

— Мнѣ трудно судить, государь! Мы съ Бланрошѣ старинные друзья; но я полагаю, что одобреніе князя музыки, мосѣ дю-Карру....

Король отворотился и не слушалъ Артура; бѣдный Бланрошѣ стоялъ посрединѣ какъ вкопанный, ожидая милости или гнѣва; но король, не обращая на него ни какого вниманія, разсѣянно сказалъ дю-Карру :

— Играйте что-нибудь, князь музыки, играйте!..... Ну, де-Нойѣ, продолжалъ король, понизивъ голосъ : что же наша луврская галерея ?

— Если ваше величество изволили удостоить меня счастья открыто сказать мое мнѣніе, то я счелъ бы себя преступникомъ, если бы похвалилъ планы и чертежи Симона Вуэ.

— Вы не довольны ?

— Пошло, обыкновенно, нѣтъ ничего такого, что бы могло говорить позднему потомству : «Воздвигнуто въ царствованіе Людовика XIII.»

— Правда, правда! а на вашъ вкусъ можно положиться.... Скажите, что, у васъ много работы? много переписки съ иностранными державами?

— Какъ и всегда, ваше величество. Нѣтъ, ягу; съ тѣхъ поръ какъ война съ Испаніей уже рѣшена, стало меньше работы: съ кабинетомъ Сень-Лоренцо будетъ сноситься Шавинни, который отправится на войну съ нашимъ величествомъ.

— Отчего же не вы? Я желалъ бы васъ....

— Такъ было угодно кардиналу; я здѣсь нуженъе.

— О! такъ уже это рѣшено. Я очень радъ, что вы здѣсь остаетесь и имѣете отъ дѣлъ довольно досуга.... Вы и мнѣ нужны здѣсь.

— Какимъ образомъ, ваше величество?

— А вотъ, увидите.

— Бѣнда окончила нѣсу; король всталъ и ушелъ во внутренніе покои; нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; раздакъ звонокъ; Сень-Марсъ пошелъ къ королю, и черезъ мгновенье возвратился съ бумагой, которую и подалъ де-Нойѣ.

— Вотъ это мѣсто по васъ, сказалъ Сень-Марсъ, когда де-Нойѣ оканчивалъ чтеніе бумаги.

— Вы шутите, маркизъ.

— Иногда; но въ этомъ случаѣ поздравляю Францію. Главный начальникъ дворцовъ и зданій его величества, желаю вамъ успѣха! А между-тѣмъ извольте вхать.

— Я хотѣлъ поблагодарить короля....

— Удивительно, какъ бюститители формъ, на радости, сами забываютъ формы. Вы должны явиться къ королю завтра, въ приѣмную; и тогда уже увидимъ, прійметъ ли васъ король или нѣтъ.... Да, мы завтра въ Сень-Жермень. Прѣзжайте около полудня.

Все это говорилъ Сень-Марсъ съ такою дѣтскою и беззаботною важностью, что де-Нойѣ, глядя на него, невольно улыбнулся.

— Послушайте, маркизъ, спросилъ де-Нойѣ очень тихо: кто это съ вами вошелъ въ залу?

— А! это мой пріятель, живописецъ.

— Это вы представили его королю?

— Да, я, разсѣянно отвѣчалъ Сень-Марсъ. Но уважайте, король не можетъ выйти въ залу.

— Вду, вду, сказалъ де-Нойё, взявъ шляпу и, проходя мимо Депорта, легонько дернулъ его за руку, и сказалъ :

— Пожалуйста завтра ко мнѣ въ два часа по полудни въ Сень-Жермень.

Депортъ со всѣхъ ногъ бросился въ слѣдъ де-Нойё, желая узнать, кто ему сдѣлалъ честь своимъ приглашеніемъ.

Король возвратился въ залу.

— Вотъ и наши грѣхи, сказалъ Людовикъ, подавая дю-Карру пѣсню, написанную имъ съ напѣву Депорта.

Музыканты и композиторы схватили віолы и, всѣ вдругъ начали разыгрывать королевскую рукопись. Дю-Карру поднялъ смычокъ повелительно, и турецкая музыка прекратилась. Не безъ труда разыгралъ онъ пѣсню; всѣ въ одинъ голосъ кричали: «Удивительно! превосходно!... Какое прекрасное сочиненіе!...»

— Сочиненіе не мое, а я положилъ только на ноты, сказалъ король.

Всѣ хвалили правильность перекладки. Въ это время отецъ Сирмондъ подалъ королю *Martyrologium* Калло.

— Что это? спросилъ король перелистывая книгу. А, знаю! Хваленое *Martyrologium*. По мнѣ очень дурно. Дерюэ, поди сюда.... Какъ по-твоему, хорошо?

— Государь! Калло мнѣ другъ.

— Знаю, знаю, и потому-то у тебя и спрашиваю; хочу испытать твою искренность.

— Если такъ, государь, я считаю это *Martyrologium* торжествомъ искусства.

— Помнишь ли ты, сказалъ король съ недовольнымъ видомъ, когда мы были въ Нанси? Я начертилъ твой портретъ, помнишь? Не лучше ли онъ всей этой нацарапанной книги?... Конечно, ты другъ Калло, а у тво-

его Калло больше сметки нежели таланта. Посвятилъ книгу кардиналу, и послѣ этого, конечно, всякой ее похвалить.

При послѣднихъ словахъ короля, Депортъ воротился въ залу въ мрачномъ раздумьѣ : зачѣмъ зоветъ его де-Нойе.... Увидавъ его, король сказалъ :

— Филиппъ, поди сюда: посмотри и скажи свое мнѣнiе; но не гляди кому посвящено, къмъ гравировано; скажи просто : хорошо или худо?

Депортъ пересмотрѣлъ *Martyrologium*, положилъ на столъ презрительно книгу и молча отступилъ.

— Ну, что!... спросилъ Людовикъ.

— Я не смѣю, государь....

— Я приказываю.

— Если такъ, осмѣлюсь сказать, что мнѣ не нравится. Плохо, ваше величество; очень плохо.

— Вотъ, видите? слышите? Человѣкъ свѣжій, никогда не видалъ ее прежде.... Ты не видалъ книги?

— Ни когда, ваше величество.

— Слышите?... И вотъ ваше общественное мнѣнiе!

Дерюэ не могъ не вступиться за друга; тѣмъ болѣе, что король любилъ независимость мысли и позволялъ съ собой спорить.

— Я не знаю, ваше величество, этого господина, сказалъ Дерюэ: но чтобы судить Калло надо быть художникомъ, имѣть право....

— И конечно, ординарный живописецъ короля французскаго имѣетъ на то право, отвѣчалъ король съ насмѣшливой улыбкой и посмотрѣлъ на изумленнаго Депорта. Потомъ подошелъ къ нему и ласково спросилъ :

— А что, не правду ли я говорилъ : *Si fortuna volet, fies de rhetore consul*. Бросимъ живопись.... Гдѣ твоя партія? Станемъ пѣть гимнъ Артура.

Была усвѣдась. Раздался гимнъ, написанный Арту-

рошъ Кусто на взятіе Нанси. Депортъ былъ лучше всѣхъ. Король былъ въ восторгъ, но усталъ отъ пвнїа и другихъ ощущенїй. Сонъ началъ клонить его, и Людовикъ, вставъ, сказалъ Депорту:

— Филиппъ, прикажи позвать Дюбоа!.. Прощайте господа, благодарю за прїятный вечеръ. Прощай Сень-Марсъ. Сегодня ты умница и жалтъ не будешь!.... Завтра на охоту.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Литературная ночь.

Le gros Dubois, aliàs dit Cretin,
En plumestant sur son petit pulpitre,
A minuté cette presente épitre....

GUILLAUME CRETIN.

Депортъ бѣжалъ по дворцовому корридору, что силы было; позади его раздался звонкій голосъ Сень-Марса.

- Эй, прїятель! прїятель! Куда бѣжишь?
- Къ Дюбоа, маркизь, къ Дюбоа.
- Самъ, собственными ногами?
- Самъ, господинъ маркизь.
- Такъ послушай: мнѣ надо ѣхать; скажи Анетъ, что король меня засадилъ писать на всю ночь. Слышишь?
- Слушаю, отвѣчалъ Депортъ, и побѣжалъ въ садъ. Сень-Марсъ пошелъ также садомъ, нѣсколько разъ

отгнулся на королевскія окна, перелезъ въ паркъ черезъ заборъ; тамъ ожидалъ его слуга съ лошадыю.

— Что, мой добрый Ипполитъ, все готово?

— Готово, маркизъ; но не совѣтую отлучаться.

— А что?

— Да сегодня прислано изъ Рюеля намъ съ Николаемъ, слугамъ вашимъ, приказаніе вхаты въ Туренну, домой. Жидъ Эвое сказалъ намъ: «Господинъ маркизъ пожалованъ великимъ конюшимъ, такъ ему особая королевская прислуга будетъ.» Потомъ Эвое сказалъ: «Къ вашему господину господинъ Кардиналъ знатнаго человека приставилъ, Сентъ-У. Безъ рясы іезуитъ.» Надо-быть, онъ васъ теперь по всему Фонтенблô шлетъ.

— Да развѣ Сентъ-У пріѣхалъ? спросилъ Сентъ-Марсъ покраснѣвъ.

— Пріѣхалъ, ваше сіятельство, пріѣхалъ! Рыжіи такой, рябой какъ вода подъ вѣтромъ. Остановился у отца Сирмонда и ждалъ только, чтобъ вечеръ кончился.

— Такъ пусть же обождетъ до утра, а вы оставайтесь съ Николаемъ при мнѣ. Нето и я съ вами къ ма-тушкѣ уѣду, отвѣчалъ Сентъ-Марсъ, вспрыгнувъ на коня, и облако пыли поднялось въ грустномъ паркѣ.

— Ни дать, ни взять отецъ его былъ такой же сѣрви-голова, ворчалъ Ипполитъ провожая глазами красиваго всадника. А я, такъ сказать, сегодня не пойду на конюшню. Спросятъ: гдѣ лошадь?... Я имъ завтра скажу: ѣздилъ тутъ, по сосѣдству, къ знакомому.... Охъ плуты! Знаю, что подумаютъ, да мнѣ жалъ моего цы-щенка. Ужъ служить, такъ служить. Пусть ихъ что хотятъ думаютъ!...

Ипполитъ исчезъ въ густотѣ лѣса.

— Король васъ проситъ, сказалъ Депортъ остановясь у окна розовой бесѣдки, и едва переводя дыханіе.

— Что такъ рано? спросилъ Дюбоа, уронивъ съ пера на красивый огромный листъ чернильнаго жидка.

— Усталъ; мы много сегодня пѣли.

— Какъ? Вы пѣли съ королемъ.

— Не спрашивайте, а спѣшите къ его величеству.

— Я готовъ, Пойдемъ.... отвѣчалъ Дюбоа, отирая деро объ парикъ и слизывая пятно съ драгоценной тетради.

— Нѣтъ; позвольте отдохнуть, сказалъ Депортъ; да и къ вамъ я имѣю дѣло; безъ вашего совѣта я погибну. Признаюсь, событія, которые случились сегодня, составляютъ любопытную страницу въ описаніи жизни Людовика XIII....

— Что такое, что такое?... спросилъ Дюбоа выходя торопливо на крылечко.

— Охъ, бѣгите къ королю! Онъ васъ ожидаетъ, а я такъ усталъ.

— Пожалуйте въ бесѣдку! Анета, займи гостя; я сейчасъ ворочусь....

И Дюбоа пошелъ ко дворцу съ особенною поспѣшностью.

Депортъ вошелъ, не ожидая вторичнаго приглашенія. Анета встрѣтила его на порогъ, зажгла свѣчу и просила садиться.

— Ахъ, милая Анета! Я пришелъ сюда для васъ. Сень-Марса вы сегодня не увидите.

— Великій Боже, вы знаете!... Да какого Сень-Марса.... Я съ нимъ и незнакома....

— Перестаньте, милая. Мой другъ сегодня попался въ бѣду.

— Что съ нимъ случилось?

— Король засадилъ его на всю ночь писать и едва-ли къ утру онъ отдѣлается.

— Слава Богу! прошептала Анета.

— Какъ, слава Богу! Такъ вы не любите Сень-Марса?

— Да можно ли его любить? Ужь я не первая, честной господинь. Вотъ, Розину Мельи бросилъ. Глупенькая, сама виновата; повѣрила. Ну, статное ли дѣло, подумайте сами, честной господинь, общалъ жениться... Нѣтъ, на меня плоха надежда: я ему это сказала въ глаза; не отвязывается. Дядь не хочу сказать: перепугается; а вы, какъ добрый другъ, посоветуйте ему оставить меня въ покоѣ; а нето, какъ прїедемъ въ Парижъ, тотчасъ все перескажу придворнымъ дамамъ, и сама Марія ди-Гонцаго узнаетъ.

— А что, развѣ?... спросилъ лукаво Депортъ.

— Будто вы не знаете! Конечно, изъ этого ничего не выйдетъ. Что онъ? маркизь; а за нее короли сватаются... Да вотъ такъ, подурачиться... Ужь я и не знаю, въ кого онъ не влюбленъ. Намѣдни, какъ мы были въ Парижъ, мосьё Воатюръ, острякъ, что ко всѣмъ письма пишетъ, у одной дамы сидѣлъ на антресоляхъ, да какъ сталъ высчитывать любовницъ маркиза, семерыхъ начелъ изъ госпожъ, а мы, съ подругой, что у той дамы служить, дюжину изъ служанокъ насчитали.... Молчите, молчите! дядюшка идетъ....

Вошелъ Дюбоа и комически расклапаясь съ Депортомъ.

— А, господинъ ординарный живописецъ его королевскаго величества! Сегодня день милостивый. Мосьё де-Нойе получилъ новое назначеніе; маркизь сдѣлалъ великимъ конюшимъ: кардиналъ согласился; вы пожалованы въ ординарные живописцы..... Вотъ, Анета, что значитъ не пустить Людовика на охоту. Дрянная забава, опасное увеселеніе! Вы соскучились съ моею Анетою? Она у меня ужасно дика. Простите, если я заставилъ васъ такъ долго дожидаться; но вы сами тому причину: король все время про васъ рассказывалъ.

— Его величество слишкомъ милостивъ; вотъ это-то меня безпокоитъ, и вотъ почему я хотѣлъ съ вами посо-

вѣтоваться. Я выросъ въ Италиі, между образцами искусства и первыми художниками міра. Вы можете по судить, каково мнѣ было сносить униженіе, на которое бѣдность заставила меня согласиться. Мнѣ, любимому ученику Караччи, расписывать потолоки и лѣстницы! Мнѣ, воспитанному въ роскоши, качаться въ колыбели каменщика! Вы человекъ просвѣщенный и чувствительный; вы поймете мое положеніе. У меня жена, дочь италіянскаго маркиза, который не хуже вашего Сень-Марса. Я увезъ ее, долженъ былъ бѣжать, принести всѣ возможные жертвы; достигаю Парижа. «Отчизна, думалъ я, ты возвратишь мнѣ утраченное счастье!» Спѣшу къ этому педанту, старому Вуэ.... Что дѣлать! я не его ученикъ, я не умѣю восхищаться его знаменитыми картинами, которыя бы въ Италиі забросали грязью уличные мальчишки.

— Неужели, мосьё Депортъ! съ ужасомъ перебилъ Дюбоа.

— Ни какого сомнѣнія, ни какого сомнѣнія!.... И что же вы думаете? Симонъ Вуэ, котораго отецъ моей жены не пустилъ бы красить крышу дому на своей виллѣ, этотъ мосьё Вуэ, глава какой-то школы, изволилъ послать меня на лѣстницу мадмоазель де-Лафайетъ! Не правда ли, это ужасно?....

— Непостижимо! произнесъ Дюбоа, съ видомъ непритворнаго удивленія и не спуская глазъ съ Депорта.

— Вы можете представить, какъ они пріймутъ мое назначеніе; отъ нихъ зависятъ содержаніе, квартира, работы....

— О, извините, извините! Хорошо, что вы сказали объ этомъ мнѣ, а не Сень-Марсу. Онъ не умѣетъ говорить хладнокровно; а завтра, когда король будетъ одѣваться, я съумѣю представить....

— Добрый, чувствительный Дюбоа! признательность моя....

— Полноте, полноте!

— Такъ до свиданія, мосьё Дюбоа.

— До завтра, мосьё Денюргъ. А гдѣ вы живете?

— Мнѣ совѣстно отвѣчать, мосьё Дюбоа. Я живу на лестницѣ мадмоазель де-Лафайетъ.

— Возможно ли! Переночуйте у насъ, а завтра, вѣроятно, вы победите съ нами въ Сенъ-Жермень.

— Непременно. Я общалъ де-Нойё непременно нагостить его въ Сенъ-Жермень.

— Чего же лучше! Анета приготовитъ намъ что-нибудь закусить; вы можете провести ночь здѣсь, въ мою кабинетъ: я сегодня уже исторіи моей писать не буду.

— А вы пишете исторію?

— Не совсѣмъ исторію, а такъ, знаете, историческія воспоминанія, записки; я очень близокъ къ текущему году. Остается можетъ-быть листовъ двадцать тридцать.... Главы двѣ три....

— А! вы раздѣляете вашу исторію на главы; это очень удобно для читателя.

— Я потому болѣе и рѣшился сдѣлать подобное раздѣленіе.

— Какъ же вы начинаете? Съ вашего рожденія?

— О, помилуйте! Во-первыхъ, я этого не помню; а вторыхъ: кому могутъ быть любопытны обстоятельства моего дѣтства и воспитанія?

— Однако же....

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я начинаю со дня кончины Генриха IV.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, я никогда не могъ прочесть ничего полного, вѣрнаго, объ этомъ ужасномъ событіи.

— У меня оно очень подробно описано. Хотите? Не устали вы? Покуда дадутъ закусить, мы пробѣжимъ первую главу.

— Помилуйте, да это благодареніе! Я не знаю какъ благодарить васъ.

— Простите за слогу, сказалъ Дюбоа развертывая огромный фолиантъ изъ подъ шести такихъ же огромныхъ книгъ: я этой частію не успѣлъ еще заняться. Не угодно ли?....

Депортъ придвинулся. Дюбоа поправилъ парикъ и свѣчи, и чтеніе записокъ покатилося какъ безконечное пѣніе сверчка, который въ неизвѣстной шелкъ вторилъ историку.... Аврора прекратила пѣніе и сверчка и историка. Собесѣдники принялись ужинать, когда уже суматоха, лошадиный топотъ, крики слугъ, лай псовъ, краканье соколовъ и кречетовъ, возвѣстили всему Фонтенблô близость королевскаго отъѣзда.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Способный человекъ.

Nos primum a te peto, ne me loquentem interpelles, ne medio sermone meo proclames: dabitur tibi loquendi liberum tempus!

SENECA.

Въ сенъ-жерменскомъ дворцѣ, въ отдаленномъ флигелѣ, гдѣ въ прежнія времена всегда останавливался кардиналъ Ришліё, въ довольно обширной залѣ, сидѣли государственные секретари Шавиньи и де-Нойё. Откровенность и дружба, владычествовавшія въ ихъ

разговоръ , какъ-то странно были оправлены въ рамки холодной учтивости и условной вѣжливости, то есть, въ такія противорѣчія, которыя кардиналъ умѣлъ прививать ко всемъ своимъ подчиненнымъ. Оба были совсѣмъ одѣты; оба держали въ рукахъ шляпы, хотя были, такъ сказать, дома; оба говорили другъ другу — ты, но ни когда не позволяли себѣ братской шутки, не бывали въ гостяхъ у однихъ и тѣхъ же знакомыхъ, не знали семейныхъ обстоятельствъ одинъ другаго.

— Поздравляю, сказалъ Шавиньи, съ новою мѣстностью, съ новою должностью. Кардиналъ вчера еще согласился на твое назначеніе, поручилъ мнѣ тебѣ сказать, что больше другихъ должно бояться самого Вуэ.

— Неужели, Шавиньи, ты за этимъ только и пріѣхалъ въ Сень-Жермень?

— Конечно нѣтъ. А испанскія депеши! И еще одно обстоятельство, которому кардиналъ съ трудомъ вѣрять: Гастонъ Орлеанскій вчера ночью былъ въ Парижѣ и видѣлся съ Сень-Марсомъ.

— Быть не можетъ!

— И мы тоже сказали, съ кардиналомъ, когда отецъ Сирмондъ объявилъ намъ объ этомъ свиданіи. Ты вѣроятно останешься въ Сень-Жермень: кардиналъ просилъ, нельзя ли подъ рукою разузнать.

— Да ужъ для одного этого обстоятельства должно остаться.... Братъ короля шутитъ, а многія головы уже съ красными ошейниками... какъ липы, которыя Одаде, старый королевскій лѣсничій, назначаетъ къ порубить въ сень-жерменскомъ паркѣ. Отъ Сень-Марса узнать не легко. Сень-У вы прислали напрасно. Я не могу, Шавиньи, съ тобой не согласиться, что лучшее средство — увеличить число друзей Сень-Марса еще однимъ другомъ, который бы не такъ лвно поклонялся краснымъ чулкамъ... Я имѣю надежду... Не, Шавиньи, только надежда! Она разрѣшится сегодня, и я по-

снѣзшу увѣдомить кардинала. Теперь, позволь спросить: что Испанія?

— Странно, де-Нойё! Въ томъ Оливареса замѣтна перемѣна; никогда еще онъ не говорилъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью, что войны не будетъ. Соображая всѣ обстоятельства, мы полагаемъ, что посѣщеніе Гастона имѣетъ тайную связь съ испанскими дѣлами.

— Что жъ кардиналъ?

— Приказалъ сказать тебѣ и посовѣтоваться.

— Конечно, или королева, или Гастонъ Орлеанскій, но ужъ кто-нибудь изъ нихъ, имѣетъ сношенія съ Испаніей. Скажи, Шавиньи, я все время пребылъ при королѣ и ни чего не знаю, чѣмъ кончился обѣискъ.

— Трагическою сценою, слезами и переездомъ въ Лувръ. Королева, какъ ты знаешь, проживала въ Val-de-Grâce; кардиналъ нагрязнулъ внезапно. Въ монастырѣ никто не ожидалъ такихъ ужасныхъ мѣръ; смущеніе было значительно; вина явственна. Но бумагъ, де-Нойё, бумагъ.... ни одной! Кардиналъ заставилъ повиноваться и написать королю просьбу о помилованіи. Потомъ пошли слезы... Потомъ, до послѣдняго лакея, во всемъ Луврѣ не осталось ни одного Испанца; потомъ королева переѣхала въ Лувръ... король простилъ. Но на рынкахъ маркизъ де-Кокъ выпустилъ новую сатиру: дамы читали ее наизусть въ присутствіи герцогини Эгильонской, племянницы кардинала; прибавили къ сатирѣ нѣсколько своихъ сарказмовъ, и дѣло кончилось.

— Маркизъ де-Кокъ! Знаешь, что я думаю?

— А что?

— Я подозреваю Сень-Марса. Онъ написалъ недавно небольшую сатиру на маркизу де-Комбалё: ее читали у королевы; у меня есть копія.

— Въ наше время ни за что вельзя ручаться. Но прѣ

шла, въ которыхъ воспитанъ Сенъ-Марсъ.... Нѣтъ, Шавиньи : скорѣе аббатъ Гонди, другъ парижской черни.

— Умная догадка! Но....

Вошелъ Дюбоа.

— Его величество, сказалъ онъ, кивнувъ головою секретарямъ : приказалъ позвать мосьё де-Шавиньи съ бумагами.

Де-Нойё остался одинъ и началъ пересматривать бумаги, которыя слѣдовало представить королю въ первый докладъ по дѣламъ художественнымъ.

— Ординарный живописецъ его величества, Депортъ! доложилъ лакей, отворяя одну половинку двери.

— Зови, зови, сказалъ де-Нойё съ примѣтнымъ нетерпѣнiемъ.

Вошелъ Депортъ и остановился у дверей. Де-Нойё продолжалъ разсматривать бумаги; какъ-будто не замѣчалъ Филиппа; изрѣдка поглядывалъ на него изъ подлѣбья, и, не встрѣчая взоровъ Депорта, поднималъ голову и нѣсколько мгновений спокойно его разсматривалъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказалъ наконецъ де-Нойё.

Депортъ никакъ кланялся.

— Прошу садиться.

Депортъ поклонился еще ниже.

— Садитесь, садитесь! Я не люблю разговаривать, когда мой собесѣдникъ не сидитъ : высоко голову поднимать.

Депортъ сѣлъ на кончикъ стула, стараясь прикрыть рыжей енанчей заштопанный камзолъ и шляпу съ розомъ зеленаго.... такого мѣщанскаго!.... цѣту.

— Въ списокъ ординарныхъ живописцевъ я не нахожу васъ.

— Вчера только я удостоился счастiя...

— Въ одинъ день со мною! Такъ видно насъ судьба ссѣла.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, господинъ секретарь, встаю и кланяясь отвѣчалъ Депортъ.

— Съ чего же начнемъ, мосьё Депортъ?

— Вашъ проницательный разумъ конечно уже создалъ планъ реформы....

— Какой реформы?

— Новое лицо въ управленіи всегда приноситъ съ собою новыя виды, новыя правила, новыя....

— Страхъ, боюсь новаго, мосьё Депортъ : и вотъ почему хотѣлъ съ вами посовѣтоваться.

Сказавъ это, де-Нойё вдругъ перемѣнилъ тонъ дружескій на холодный и важный, и спросилъ :

— Давно ли вы знакомы съ маркизомъ де-Сень-Марсъ?

— Съ вчерашняго дня, господинъ секретарь.

— Такъ, не давно, а уже имѣли случай оказать ему важныя услуги!

Депортъ вскочилъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Де-Нойё, будто-бы разсматривая бумаги, продолжалъ.

— Конечно, услуги не тайныя.

Замѣшательство Депорта возрастало.

— Сень-Марсъ, любимецъ, всемогущій любимецъ. Вы слышали? онъ пожалованъ вчера великимъ конюшимъ, а ему всего, кажется, двадцать два три года! И того нѣтъ. Какъ вы думаете?

— Я человекъ новый, господинъ секретарь; бѣдный, господинъ секретарь; у меня жена, дѣти, господинъ секретарь; я не вижу въ этомъ ни какого преступленія, что уведомилъ маркиза, когда король проснулся, и потомъ сбѣжалъ къ племянницѣ Дюбоа, сказать, что Сень-Марсъ вечеромъ къ ней побудетъ.... Только, съдѣлайте милость, господинъ секретарь, не выдайте меня Сень-Марсу : онъ меня погубитъ.

— Помилуйте! сказалъ де-Нойё, перемѣняя тонъ холоднаго равенства на покровительный : я васъ даже

жалую за эту услужливость. Вы человекъ дальновидный и способный : не примѣчая никого важнѣе при особѣ его величества, вы умѣли оказать услугу Сень-Марсу. Видя, что сильнѣйшая рука предлагаетъ вамъ свое покровительство, вы колебаться не станете. — Не правда ли ? смѣясь , прибавилъ де-Нойё.

Депортъ, дрожа, отвѣчалъ смѣхомъ.

— Иногда, вопреки пословицы, продолжалъ де-Нойё, можно согласить противоположности. Но объ этой любви я ничего не слыхалъ, и при дворѣ, кажется, ничего не знаютъ.... Это шалость молодого человека; надо шадить возрастъ и, конечно, мосьё Депортъ, вы будете скромны.

— Какъ прикажете, господинъ секретарь. Вы мой начальникъ.

— Мнѣ очень пріятно, отвѣчалъ де-Нойё, болѣе и болѣе принимая сухой видъ и замедляя слова : мнѣ очень пріятно, что вы понимаете свои обязанности. Я не люблю, когда у подчиненныхъ есть свои особенныя тайны.

— Повѣрьте....

— Не перебивайте меня ; отвѣчайте на вопросы. Отчего же Сень-Марсъ не могъ быть у племянницы Дюбоа ?

— Онъ куда-то ѣздилъ.

— Куда ?

— Не знаю, потому что я просидѣлъ всю ночь у Дюбоа и слушалъ его записки.

— Записки ? Дюбоа пишетъ записки ! Мнѣ это не нравится, кардиналу тоже.... Что же въ нихъ ?

— Въ нихъ много дерзкаго.

— Достаньте съ нихъ копію.

— Постараюсь.

Де-Нойё писалъ уже письмо, а Депортъ безпрестанно оглядывался.

— Не худо бы знать, куда онъ это ѣздилъ ? говорилъ де-Нойё, какъ-будто съ самимъ собою. Вамъ еще не

назначено содержаніе, мосьё Депортъ, а вы человекъ семейный.... Надо жить.... Казначейство далеко: такъ я вамъ, покуда, что-нибудь дамъ изъ своего кармана. Кардиналъ, вѣроятно, не оставитъ васъ безъ помощи... Я доложу объ васъ сегодня и'его величеству. Все зависить отъ васъ самихъ.... А теперь, позажайте прямо къ кардиналу и отдайте это письмо въ руки его эминенціи. Вотъ вамъ на дорогу.

Кошелекъ и письмо очутились въ рукахъ Депорта.

— Не погубите! жалобно протоналъ Филиппъ: я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Все зависить отъ васъ самихъ, сухо отвѣчалъ де-Нойё и рукою указалъ на двери.

— Постараюсь заслужить ваше благоволеніе, господинъ секретарь. Имѣйте состраданіе къ отцу семейства....

Де-Нойё кивнулъ головой и Депортъ, откланиваясь, протѣснился въ двери.

Нѣсколько минутъ простоялъ Депортъ на мощеномъ дворикѣ сенъ-жерменскаго дворца, отирая съ лица холодный потъ и втягивая свѣжій воздухъ. Онъ читалъ записки Дюбеа: онъ понялъ, куда такъ ловко поставилъ его де-Нойё, но, по неопытности какъ себя вести въ большомъ свѣтѣ, можно сказать, на самой вершинѣ этой скользкой и крутой горы, не зналъ, куда пошаль онъ, на лѣстницу ли чести и почетной дѣятельности, или въ темный переходъ Венеціанскаго Совѣта. Одна выгода сіяла золотою звѣздою въ этомъ мранѣ сомнѣній и страху: а много ли на свѣтѣ людей отвергнутъ путь, освѣщаемый звѣздою богатства?

«Впередъ» подумалъ Депортъ и повхалъ въ Парижъ. Не забывая домой, онъ отправился къ кардиналу. Въ сѣняхъ остановилъ его полосатый швейцарь съ вопросомъ: «Кто, и куда?»

— Къ его эминенціи.

— Къ самому?

— Совершенно такъ, мой герой; совершенно такъ.

— Погоди, поди сюда.

Швейцаръ отвелъ Депорта въ караульную и передалъ на руки сержанту.

— Обьискать его! закричалъ сержантъ, и Депорта осмотрѣли съ ногъ до головы, нашли письмо, и когда узнали, что оно отъ де-Нойё, стали извиняться.

— Но таковъ порядокъ, сказалъ сержантъ: мы и герцога иногда водимъ въ нашу караульную; не ровень чась. Эти павлины, по милости его эминенціи, нынче безъ хвостовъ: такъ пожалуй, со злости.... Герберъ! проводи господина къ Шавиньи.

— Шавиньи нѣтъ; уѣхалъ.

— Ну, такъ къ Бриенну.

— Какъ? въ общую залу? Да можетъ-быть не надо, чтобы этого господина видѣли въ залѣ.

— Правда. Умница Герберъ! Такъ къ Оксерру, на заднюю лѣстницу.

— Письмо отъ де-Нойё, сказалъ Оксерръ: вѣрно что-нибудь важное! Пожалуйста, я отнесу кардиналу-герцогу.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ Депортъ: приказано отдать въ руки его эминенціи.

— Ахъ, такъ пойдемте! За каждую минуту мы отвѣчаемъ всѣмъ нашимъ счастіемъ....

— Нельзя! сказалъ высокій Каталонецъ, стоявшій у дверей: кардиналъ не здоровъ.

— Онъ несетъ лекарство, довольно громко сказалъ Оксерръ.

— Пропусти! раздался глухой голосъ, и Депортъ, дрожа какъ листъ, едва смѣлъ идти по ковру, чтобы подать письмо кардиналу.

Ришлїе лежалъ въ широкихъ креслахъ наполненныхъ подушками; кривой пульпитръ на пружинахъ ходилъ около креселъ съ кучею бумагъ; отъ легкаго прикосно-

венія руки, пультаиръ забѣжалъ за спинку кресель. Къ ужасу Депорта, въ рукахъ кардинала былъ довольно большой ножъ. Обои кусками висѣли надъ богатыми, но изрѣзанными и испарапанными, креслами; ноги были окутаны малиновымъ бархатнымъ одѣяломъ: на немъ крѣпкимъ сномъ спала цѣлая семья кошекъ; возлѣ сидѣла собака и, когда вошелъ Депортъ, она заворчала.

— Букингемъ! тихо сказалъ кардиналъ, и песъ улегся. Кардиналъ воткнулъ ножъ въ стѣну и взялъ письмо, бывшее въ дрожащихъ рукахъ Депорта.

Прочитавъ письмо, кардиналъ отъ смѣху закашлялся: отъ этого движенія кошки проснулись и начали потягиваться.

— Пошли прочь, лентяи, сказалъ кардиналъ, легонько шевеля носкомъ: нѣжатся.... и больше всѣхъ моя герцогиня....

Кардиналъ смѣялся и кашлялъ. Депортъ изрѣдка рѣшался взглядывать на этого, не человека, а тайнаго духа, закупореннаго въ подушкахъ, который однимъ движеніемъ руки, однимъ звукомъ, измѣнялъ ходъ дѣлъ во всей Европѣ, сбрасывалъ головы съ плечъ герцоговъ и маршаловъ Франціи, ссылалъ и заключалъ въ крѣпости королеву и принцевъ крови. И одѣтъ онъ былъ не по-человѣчески: ногъ не было видно; суконная красная мантия, подшитая фіолетовой шелковой матеріей, была испещрена чернильными и желтыми пятнами; въ прорѣзи мантии выходили руки, въ шерстяныхъ узкихъ рукавахъ, завязанныхъ бантами; на головѣ была красная скуфья; остроконечная сѣдая борода и короткіе усы торчали около плотно сжатыхъ губъ. Сухое и сморщенное лицо, какъ и мантия, было покрыто фіолетовыми пятнышками, которыя почитались признакомъ добраго здоровья: когда онъ исчезали, Ришліе страдалъ нестерпимой лихорадкой; другіе недуги не обращали вниманія на пятнышки и мучили свою жертву, какъ случалось, безпо-

рабочно, но ужасно.... На этотъ разъ кардиналъ былъ здоровъ : его окружали признаки политической опасности, и тогда физическія страданія какъ-будто смѣнялись. Какъ на угольяхъ стоялъ Депортъ передъ кардиналомъ. Долго разсматривалъ его Ришліё, потомъ опять засмѣялся, опять закашлялся, сбросилъ кофетку такъ сильно, что онъ проснулись въ разсыпную, и тѣшился злобною нечаянностью.

— Къ чему же вы способны, а ? спросилъ кардиналъ поднимаясь, и довольно бодро сталъ ходить по комнатѣ.

Депортъ не смотрѣлъ на него, по слѣдовалъ за направленіемъ ногъ, обутыхъ въ красные чулки и въ остроконечныя шитыя шелками туфли.

— Посмотримъ, посмотримъ, говорилъ Ришліё, медленно двигаясь. Вы знаете герцога Вандомскаго ? а?....

— Не имѣлъ счастья его видѣть, но, слышать, слышалъ, ваша эминенція....

— Большое счастье, нечего сказать ! А что же вы про него слышали ?

— Будто-бы онъ не любитъ вашей эминенціи.

Помолчавъ, кардиналъ снова спросилъ :

— Вы знакомы съ ла-Валеттомъ ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Ну, такъ оставайтесь при Сень-Марсъ, сказалъ Ришліё съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, и потомъ, понизивъ голосъ :

— Нѣтъ, не можетъ быть ! де-Нойё не ошибется. — Мазарини получилъ изъ Италіи картины: вы слышали объ этомъ ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Такъ слушайте. Онъ переложены письмами. Мазарини ищетъ человека, на котораго скромность онъ можетъ положиться и развернуть картины вдвоемъ... Понимаете ли ? Помогите ему. Содержанія писемъ мнѣ не нужно, только одну двѣ подписи.... Лишь бы слѣдъ.... Конечно, не изъ Италіи. Примѣчайте, нѣтъ ли тамъ

иенъ Бульюна, Вандома, Ла-Валетта, Марш... въ этомъ родѣ.... Или, что еще важнѣе, какія слова.... италіянскія, французскія, или испанскія?... Слышите ли, испанскія?... Не знаю, изъ чего де-Нофѣ заключилъ, что вы способный человекъ; но я принимаю въ свою службу только молодыхъ дворянъ; они у меня безъ дѣла, или за бездѣльемъ; а, что называется, дѣловые, способные люди, тѣ должны выдержать испытаніе, представить ошты.... Вы понимаете?... Прощайте.

— Тѣфу, ты дьяволыцина! сказалъ Депортъ выходя изъ дворца кардинальскаго и оглянулся. Если я тутъ хоть одну букву понимаю! Чего они хотятъ отъ меня?.. Надо догадаться, Депортъ, надо догадаться! иначе, прощай вся фортуна, которая, хотя и не сдѣлала меня консуломъ, однако жъ поставила въ такія отношенія съ первыми людьми государства, такъ близко къ ихъ кошелькамъ!.... Надо догадаться! Пойдемъ къ Мава-рини.....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Италіянецъ.

Il fautte, lors même qu'il tue.

LA MILLIARD, 1640.

Молодой аббатъ писалъ письмо и безпрестанно смѣялся; вставалъ, подходилъ къ зеркалу, охорашивался, и опять садился за веселое письмо. Богатые мягкіе ковры покрывали стѣны и полъ его кабинета; въ углахъ

четыре вазы тихо дышались дорогими благоуханиями; у большого зеркала стояла хрустальная ванна: вода въ ней безпрестанно смѣшалась. Аббать, окончивъ письмо, подошелъ къ ваннѣ, вымылъ руки и сталъ отирать ихъ фламандскимъ полотенцемъ. Докладываютъ: « Филиппъ Депортъ, ординарный живописецъ его величества! »

— Проси.

Входитъ.

Положивъ полотенцо, Мазарини ласково обратился къ Депорту.

— Очень пріятно познакомиться. Прошу садиться.

— Нѣтъ, эминенца! плачевнымъ голосомъ заговорилъ Депортъ по-италіянски: я не сяду передъ вами, а стану на колѣни и буду умолять....

Депортъ въ самомъ дѣлѣ упалъ на колѣни.

— Что съ вами? что съ вами? съ безпокойствомъ спросилъ Мазарини, запирая двери на ключъ.

— Эминенца! вы получили картины: это известно при дворѣ; и чѣмъ переложены картины, и объ этомъ поговариваютъ....

Мазарини нѣсколько смѣшался. Депортъ былъ внѣ себя отъ радости и едва скрывалъ восторгъ свой.

— Могу ли быть откровененъ? продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ: могу ли надѣяться, что голосъ отчаяныи найдетъ отголосокъ въ вашемъ сердцѣ? Могу ли положиться....

— Слово, господинъ живонисецъ!...

— Я не Французъ, а Италіянецъ; обстоятельства, самъ король, потребовали, чтобы я сдѣлался Французомъ: такъ не любятъ насъ здѣсь! Не допускайте въ тайны ваши ни одного Галла. Вотъ, объ чемъ прошу васъ, и вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Я въ вашихъ рукахъ: не погубите!

— Вашу руку, добрый соотечественникъ, вашу руку,

сказалъ Мазарини, и насильно увлекъ Депорта изъ кресла.—Какъ вы узнали объ этихъ картинахъ? спросилъ аббатъ съ коварной улыбкой.

— Сень-Марсъ говорилъ королю, смѣло отвѣчалъ Депортъ.

— Что же король?

— Король махнулъ рукой и отвѣчалъ: «Не мое дѣло».

— И конечно, сказалъ Мазарини, пожимая плечами. Удивительно, какъ клевета изобрѣтательна и быстра! Представьте: картины Джуліо Романо могли возбудить странныя и смѣшныя догадки; я не могъ ихъ показать никому, и это очень естественно: вы легко можете убѣдиться; потрудитесь взглянуть.

— Такъ онѣ уже развернуты? быстро спросилъ Депортъ.

— Какъ, развернуты?....

— То есть, вы уже вынули письма?

— Да ни какихъ писемъ не было! А поглядите, и вы сами догадаетесь, почему я долженъ ихъ прятать. Пожалуйста.

Мазарини поднялъ обои, и снова опустилъ ихъ.

— Пойдите, дорогой соотечественникъ! Надо сдѣлать условіе.... Я сохраню вашу тайну.... но...

— Клянусь ватиканскимъ престоломъ, что всякую тайну вашу я буду считать священною, ненарушимою, и если....

— Довольно.... Намъ надобно беречь другъ друга.... Пойдемъ.

Коверъ отпахнулся, и Депортъ увидѣлъ небольшую ротонду, убранную четырьмя картинами и множествомъ зеркалъ. Свѣтъ надалъ сверху сквозь разноцвѣтныя стекла. Картины были такъ искусно разставлены, что въ зеркалахъ образовали непрерывныя группы фигуръ. Внизу, вдоль стѣнъ ротонды, лежали малиновыя бархат-

ны подушки въ три яруса, и такимъ образомъ закрыва-
ли софы; нѣсколько этихъ огромныхъ подушекъ вали-
лось по полу.

— Вы видите, сказалъ Мазарини: могъ ли я показать
эти картины кому бы то ни было. И такъ уже взоръ мое
мутуменно преслѣдуетъ мою домашнюю жизнь. Конеч-
но, все это роскошь, все суета; но я въ Парижѣ безъ
дѣла, домой не пускаютъ. Чѣмъ замѣнить воздухъ мо-
ей Италіи? Чѣмъ успокоить тоску по отчизнѣ?... Вы
вспомаете это чувство?

И конечно, несмотря на вольные нравы того време-
на, картины Джуліо Романо, исполненные всей нѣжги
и соблазна, были бы не у мѣста въ покояхъ аббата,
который добивался кардинальской шапки, и еше при
такомъ цѣломудренномъ и набожномъ королѣ. Депортъ
предался художническому восторгу; утверждалъ, что
одна изъ картинъ принадлежитъ Рафаэлю; бился съ аб-
батомъ объ закладъ, но Мазарини не смѣлъ спорить съ
ординарнымъ живописцемъ, и не зналъ какъ благода-
рить за новое открытіе. За обоями кто-то весьма неж-
но кашлянулъ; послышалась легкіе, мягкіе шаги.

— Пойдемъ, сказалъ аббатъ, схвативъ Депорта за
руку и увлекая черезъ зеркальную дверь: пойдемъ
черезъ бібліотеку.

— Послушайте, дорогой Филиппо! сказалъ Мазари-
ни съ выраженіемъ простодушнаго любопытства: мы
здѣсь одни. Скажите, кто подослалъ васъ? королева
или кардиналъ, мой благодѣтель?

Депортъ никакъ не ожидалъ этого вопроса. Онъ смѣ-
шался и обнаружилъ мало опытности въ тонкой на-
укѣ. Геній падаетъ, но зато встаетъ величественно.
Депортъ устремилъ свои сѣрые глаза на Мазарини; при-
звалъ важный видъ и таинственно произнесъ:

— Вы хотите знать непременно? Извольте! Святѣй-
шій отецъ Урбанъ Седьмой.

Аббатъ поблѣднѣлъ въ свою очередь, и по невольному чувству схватилъ себя за голову, какъ-будто опасаясь за свою кардинальскую шапку, о которой такъ много хлопоталъ Ришлѣ.

— Я вамъ отплатилъ, monsieur, за вашу недовѣрчивость, снѣвьясь сказалъ Депортъ и дерзко взялъ за руку Мазарини. Перестаньте! Кто станетъ подсылать живописца, котораго судьба еще вчера только свела съ этими кедрами французскаго Ливана? Кто положится на расторопность и ловкость артиста, который, конечно, способенъ только хранить любовныя тайны....? Меня увлекъ патріотизмъ. Но вы уже заразились французскою недовѣрчивостію.

— Перестаньте, перестаньте, синьоръ. Мое положеніе поселило во мнѣ эту глупую мысль. Повѣрите ли?... Нѣтъ!... перестанемъ говорить объ этомъ... Куда вы денетесь? Не хотите ли со мной откушать?

— Въ другой разъ, въ другой разъ! отвѣчалъ Депортъ, такъ развязно, такъ по-дружески, какъ-будто вѣкъ былъ знакомъ съ Мазарини. Я располагалъ зайти въ Лувръ, посмотреть на картины; особенно хотѣлось мнѣ видѣть мадону Рафаэля, что въ комнатахъ королевы: и тогда прямо въ Сенъ-Жерменъ. Я думаю, король не можетъ понять, куда я дѣвался.

— Постоите, постоите! я вамъ доставлю прекрасный случай, сказалъ Мазарини, приписалъ нѣсколько словъ къ своему письму, свернулъ его въ трубочку, обвилъ зеленымъ снуркомъ, привѣсилъ печать изъ розоваго воску, вспрыснулъ какой-то влагой изъ хрустальной вазы, такъ, что по всей комнатѣ пошелъ запахъ ясиину, и, подавая Депорту, сказалъ:

— Спросите мадмоазель Филандръ и отдайте ей это письмо.

— Что же будетъ?

— Вы увидите мадону.

— Благодарю, эминенца.

— Очень радъ вашему знакомству, и полагаю, что оно превратится въ искреннюю, прочную дружбу.

— Я почти себя счастливейшимъ человѣкомъ.... говорилъ Денортъ, низко кланаясь, и, не кончивъ рѣчи, скрылся.

— Старый котъ! прощедталъ Мазарини, со злобой кусая губы: посмотримъ, въ чьихъ лапахъ останется эта крыса?

Маленькій аббатъ былъ сильно встревоженъ. Нѣсколько разъ, то садился онъ за письменный столъ, то выходилъ на обширный балконъ, убранный произведениями родной флоры, то, вынувъ пукъ писемъ, съ любовію пересматривалъ разноцвѣтные листы фламандской бумаги, исписанные различными почерками; наконецъ заперъ двери на замокъ, усѣлся, и началъ шифрами дѣлать выписки изъ дорогихъ писемъ.

— Надо съ вами проститься! грустно повторялъ аббатъ: но старому коту не достанетесь!

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Испанецъ.

Son âme prend toute figure,
Hormis celle d'une âme pure.

LA MILLIADE.

Лувръ Лекó, мрачное но величественное зданіе, на берегу Сены, красиво отдѣлялся отъ стараго Лувра, похожаго на разрушенныя остатки рыцарскаго замка времени Карла Великаго, а еще болѣе на дряхлый ар-

сеналъ. На набережной тѣснились прохожіе съ любопытствомъ. Королева, такъ недавно, по-деволъ или, лучше сказать, по волю кардинала, перѣехала сюда изъ Долины Благодати: народъ всегда сострадаетъ къ угнетенному, и хотя особенно не любилъ гордой Испанни, сожалѣлъ однако жъ о увѣчанной страдалицѣ. Кареты придворныхъ увеличивали тѣсеноту. Подъѣхала карета, и народъ почти облепилъ ее. «Герцогъ, кричала чернь: выручи королеву изъ кошечьихъ лапъ!» — «Герцогъ, обрубь уши красному борову!» — «Герцогъ, не звай самъ! Тебя давно ищутъ!»

«Герцогъ Буліонскій спокойно вышелъ изъ кареты и отправился во дворець, а чернь обратилась къ купцу, который произнесъ послѣднюю просьбу или совѣтъ, и, окруживъ, стала спрашивать.

— Мало ли что я знаю!... Да бѣдень сталъ.... Безъ денегъ слова не скажу. Видѣли ль, на прошедшей недѣль, какъ на Островъ Святаго Людовика старыи домишко горѣлъ? Ну! такъ огонь и злые люди все унесли.... Бѣдень сталъ... Ступайте, ступайте, ничего не скажу!...

Незнакомецъ нагнулся на деревянныя перилы и смотрѣлъ на мутныя волны Сены. Депортъ стоялъ въ толпѣ, и все слышалъ, все видѣлъ. Онъ подошелъ къ Гойкѣ и, ударивъ его по плечу, спросилъ тихо :

— Не хочешь ли мнѣ служить?

— А ты что за птица? въ свою очередь спросилъ Гойко, такъ иногда звали незнакомца, потому что настоящаго имени этотъ человекъ, казалось, не имѣлъ отъ-роду.

По черному суконному платью легко было почестъ Гойку первостатейнымъ парижскимъ купцомъ; по фizioноміи, прекрасной, но обличавшей происхождение, и по нѣкоторымъ ухваткамъ, нельзя было сомнѣваться, что онъ жидъ. Печать разсыянныхъ дѣтей Израиля глубоко была врѣзана во все черты Гойки;

но, несмотря на это, все торговки на Новомъ Мосту и на Гревской Площади прозвали Гойку красавцемъ, имя, которое никому больше не принадлежало на всѣхъ рынкахъ и площадяхъ Парижа. Возлѣ Гойки, на двухъ колесахъ, стояла небольшая походная лавочка съ бездушками. На странный вопросъ Гойки Депортъ отъчалъ торопливо:

— И самъ еще не знаю, соколъ или чайка, но крылья растутъ; видно, въ соколы попаду.

— Ну такъ тогда спроси на Островъ Святаго Людовика, гдѣ живетъ Филиппъ изъ Ліона.

— Чтѣ за вздоръ! сказалъ съ досадою Депортъ: это мое прозвище.

— Да такія прозвища сотнями.

Филиппъ Депортъ изъ Ліона бросился во дворець.

— Вотъ онъ куда! подумалъ Гойко, опустилъ ружья оглобли съ подпоркой, и, съвѣ на нихъ, сказалъ почти громко: — Обождемъ, обождемъ!

Герцогъ Буліонскій вошелъ въ уборную королевы безъ доклада, и все присутствовавшіе испугались.

— Простите, Madame, сказалъ онъ сурово: послѣ того, чтѣ съ нами дѣлаетъ этотъ котъ, право, забудешь всѣ приличія.

— Чтѣ случилось, mon cousin? спросила королева поблѣднѣвъ.

Она была совершенно одѣта; оставалось только надѣть черную, съ длиннымъ шлейфомъ и расшитую золотомъ, мантию, которую уже держала мадамъ де-Сенесѣ, первая почетная дама, *dame-d'honneur*. Коротенькая и узкая талія королевы и длинный кружевной воротничекъ, черное атласное, внизу расшитое золотомъ, платье, нарядные, нынѣ раскинутые на вискахъ, локоны, все это увеличивало только ея блѣдность при появленіи де-Буліона.

— Вы знаете, mon cousin, прибавила она не твердымъ

голосомъ, что я принуждена была согласиться на всѣ требованія моего государя и сунруга, и дала слово...

— Не жьнаться въ иностранныя политическія дѣла; перебилъ герцогъ, къ общему неудовольствію: я читалъ ваше письмо, Madame, и жалвалъ только о томъ, что вы не пощадили вашихъ слугъ... Мнѣ остается можетъ-быть часъ или два свободы, и потому я долженъ спѣшить. Герцогъ Вандомскій осужденъ. Всѣ собрались въ Сень-Жерменъ, чтобы присудить казнь сыну Генриха IV! Герцогиня и дѣти, внуки великаго короля, уже изгнаны навсегда изъ предѣловъ Франціи; герцогъ бѣжалъ, и вотъ записка его: онъ совѣтуетъ мнѣ сдѣлать тоже, и я пришелъ только откланяться вашему величеству.

— Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе въ вашъ неприступный Седанъ, сказала торопливо неосторожная Королева: Франція оттуда ожидаетъ своего освобожденія.

— И не обманется! отвѣчалъ герцогъ подходя къ рукъ Анны Австрійской, потѣмъ неловко поклонился всѣмъ предстоявшимъ и ушелъ, ужасно стуча шпорами.

— Да это Марсь! сказалъ маркизь Дезюмидъ.

— Вы слышали все, маламъ де-Сенесѣ? съ горькой и коварной улыбкой спросила королева.

— Слышала, отвѣчала брюзгливая старуха: и удивляюсь, какъ ваше величество насильно хотите изъ меня сдѣлать доносчицу. Довольно, кажется, король причинилъ мнѣ непріятности, заставивъ перечитывать ваши письма и выписывать ихъ невинное содержаніе. А вы хотите меня еще сдѣлать участницей заговора! Ваше величество, позвольте мнѣ уйти.

— Уйдите.

— Надѣньте мантию.

— Позвольте.

— Теперь позвольте откланяться.

— До свиданія, мадамъ де-Сенесе, до свиданія.

Мадамъ де-Сенесе ушла; королева размялась взо-рами съ молодой прелестной дѣвушкой, которая сидѣла у окна и глядѣла на Сену.

— Что это наша Филандръ такъ разболталась сего-дня?.....

И всѣ стали прислушиваться къ разговору, который, казалось, происходилъ за перегородкой.

Мадмоазель Филандръ, первая комнатная дама королевы, *dame d'atour*, жила внизу, подъ самыми уборными покоями, и по небольшой лѣсенкѣ могла являться прямо въ гардеробную: деревянная стѣнка отдѣляла эту комнату отъ большой уборной, гдѣ нерѣдко туалетъ королевы продолжался до самаго обѣда. Мадмоазель Филандръ была уже отпущена и прилежно занималась въ своей комнатѣ чтеніемъ новаго романа Скюдори. Депортъ вошелъ въ сѣни, гдѣ сидѣло нѣсколько человекъ разсыльныхъ ланцетъ королевы; объ немъ доложили, и дѣвица Филандръ, со всею важностью своего сана и зрѣлыхъ лѣтъ, приняла Деорта.

«Пожилая дѣва!» подумалъ Деортъ: «надо быть любезнѣе!» и, подавая письмо, съ улыбкою сказалъ:

— Конечно я лишилъ васъ удовольствія, перервавъ занимательное чтеніе: но ваша улыбка ободряетъ меня надеждой что вы не сердитесь.

— Погодите, погодите, сказала Филандръ: это не жонмъ. Кажется, мадамъ де-Сенесе уже ушла...

И она бросилась съ письмомъ на верхъ. Обѣ двери остались открытыми; голоса достигали до импрессионаго слуху Деорта, но разобрать словъ не было возможности. Вдругъ, раздался громкій женскій хохотъ; потомъ разговоръ, потомъ общій хохотъ. Филандръ, смѣясь, но смѣясь скромно, согласно съ лѣтами, тихо слу-

скалась по лѣсенкѣ; остановилась на серединѣ, и съ важностью сказала, «Пожалуйте.»

— Куда? спросилъ Депортъ.

— Къ ея величеству.

Депортъ смѣло и безъ страху отправился на верхъ. Послѣ свиданій, которыя ему въ короткое время удалось выдержать, онъ не боялся никого на этомъ свѣтѣ; и воцѣлѣ въ уборную такъ спокойно, свободно, какъ можетъ-быть не удавалось войти ни одному придворному. Съ подвигами Депорта хохотъ возобновился. Дѣвицы, зажавъ коралловыя губки платкомъ, отворотились и глядели въ окно. Нѣсколько человекъ мужчинъ стояли въ разныхъ мѣстахъ уборной и хохотали съ полнымъ усердіемъ; многіе притворно. Королева держала въ рукѣ письмо Мазарини, въ другой большое опахало, и предавалась смѣху съ дѣтскимъ простодушіемъ. Успокоившись нѣсколько, королева сказала Депорту:

— Ваше желаніе можетъ быть исполнено. Мой Разъѣвъ въ большой гостиной: потрудитесь отвернуть голландскія эти двери.

Депортъ отдалъ почтительный поклонъ королевы, молча, на цыпочкахъ, отправился въ гостиную, съ умысломъ не плотно заперъ дверь, и дринокъ къ ней любопытнымъ ухомъ.

— Вотъ удивительный любимецъ! сказалъ мужской голосъ.

— И вѣрно его готовятъ на мѣсто Сень-Марса.

Опять раздался хохотъ, но скоро затихъ: его смѣнили легкій шепотъ и легкій смѣхъ; нельзя было разобрать словъ; и Депортъ приставилъ глава къ замочной щели. Видѣть: какая-то дама на цыпочкахъ проходитъ уборную, кланяется королевы и отправляется въ гостиную... Опять всѣ захохотали. Депортъ откосячился: онъ догадался, что дама передразнивала его, что смѣхъ приходится на его счетъ. Депортъ не обидѣлся;

изтъ, онъ улыбулся, посмотрѣлъ вскользь на Рафаэля; Мурилльо, Веласкеса и другія картины испанской школы, хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ какая-то дама прошла въ уборную, и вслѣдъ затѣмъ послышался громкій голосъ королевы: « Полно! довольно!... » Раздались шарканья, и мужчины одинъ за другимъ проходили черезъ гостиную, всѣ на цыпочкахъ, не хуже Депорта, всѣ веселы и молча. Филиппъ сталъ спиною къ проходившимъ и, сложивъ руки самымъ воститическимъ образомъ, то естъ, крестомъ на груди, смотрѣлъ на Мурилльо съ видомъ глубочайшей задумчивости. Вошла королева и двѣ дамы. Филиппъ будто ихъ не видитъ. Королева остановилась и, съ удовольствіемъ, громко заговорила, что Мурилльо знатокамъ нравится больше чѣмъ Рафаэль. Депортъ услышавъ голосъ королевы, тотчасъ повернулся и сложился въ почтительную фигуру.

— Нравится вамъ мой Мурилльо?

— Чудо! Верхъ искусства! Никогда этимъ Италіянкамъ, никогда Французамъ, не достигнуть до такихъ мелкихъ образцовъ!

— Развѣ вы не Французъ?

Депортъ долго молчалъ; поглядѣвъ на двухъ дамъ, сопровождавшихъ королеву, потомъ вздохнулъ, опять бросилъ сомнительный взглядъ на дамъ и тихимъ голосомъ, какъ-будто стараясь скрыть вздохъ, отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Я Французъ. Французъ, ваше величество.

Королева много испытала горя за приверженность къ соотечественникамъ, лишилась всѣхъ испанскихъ дамъ своихъ, слугъ; всего, всего, даже кингъ; и только украдкой надеждалась разговорить на родномъ языкѣ съ Веронъ; со свѣтлыми: а съ людьми рѣдко, только; съ величайшимъ опасеніемъ. Восторгъ Депортъ отъ незнакомой школы, его восклицаніе, что видѣлъ

ленный отвѣтъ, грусть.... Королева не сомнѣвалась, что передъ нею Испанецъ и, обратясь къ мадамъ де-Сенесѣ, тихо сказала. «Принесите, милая, миниатюрную копію съ Веласкеса, что у меня въ кабинетъ; только сами не безпокойтесь снимать: позовите кого-нибудь изъ слугъ....» Мадамъ де-Сенесѣ ушла, королева схватила за руку дѣвушку и, подходя съ нею поспѣшно къ Депорту, сказала по-испански :

— Моя Марія меня не выдастъ.... Вы Испанецъ?....

— Ваше величество! умилосердитесь! вы можете погубить меня! жалобно отвѣчалъ Депортъ.

Королева и Марія Неверская съли на софѣ.

— Не бойтесь! Довольно жертвъ! Но какимъ образомъ? Скажите? Откуда вы, изъ Мадрита, или другаго города?

— Отецъ мой, отвѣчалъ Депортъ не долго думая, убитъ на войнѣ съ Французами; мы съ матерью жили въ Неаполь; я учился живописи у Эспаньоleta; но, когда убили отца, я пошелъ въ ряды Гонзалеса, чтобы отмстить за смерть моего родителя. Подъ Казаломъ я попался въ плѣнъ, и, когда насъ вели въ Парижъ, меня и другаго Испанца, мы бѣжали, перемѣнили имена и объ томъ только и думаемъ, какъ возвратиться въ Неаполь.

— Поживите съ нами. Вамъ теперь улыбнулось счастье.

— Охъ! Тяжело, ваше величество, служить врагамъ отчизны. Конечно, милость короля велика: я ея не достоинъ! Но быть постоянно при его особѣ; слышать какъ неистовствуютъ противъ его католическаго величества, не смѣть сказать слова.... о, это ужасно!

— Представьте же, каково мое положеніе! Сколько летъ Франція ведетъ войну противъ отчизны своей королевы!... Тсъ! Идутъ! — Благодарю васъ, милая, сказала королева по-французски, взявъ миниатюру изъ руки

мадамъ де-Сенесё, и потомъ, обращаясь къ Депорту, продолжала на томъ же языкѣ: — Посмотрите, какъ вы выходите коимо? — Мнѣ совѣстно, 'милая, васъ беспокоить, но я забыла свой мѣшокъ... Принимите мнѣ его съ Фанни, а сами погрузитесь сназать, чтобы приносилася сюда мою арфу.

Мадамъ де-Сенесё опять ушла, и королева опять заговорила по-испански :

— Марія, Марія, гдѣ твое письмо? Вотъ само небо возмущаетъ человека, на котораго можно полагаться... Испанецъ не измѣнитъ!

— Государыня!

— Пусти, пусти, я ручаюсь.

И выдернула изъ-за платья записку, которую хранила Марія на дѣвственной груди.

— Отдайте Сень-Марсу... Не бойтесь его : Сень-Марсъ не врагъ Испаніи... Сдѣлайте мнѣ какую-нибудь картинку ; отдайте мадамозель Филандръ : это дастъ мнѣ поводъ позвать васъ, и вы будете имѣть свободный пропускъ въ мою гостиную... Только, ради самого неба, скрываете ваше происхожденіе!

— Я о томъ только хотѣла умолять ваше величество.

— Дорого немного, отвѣчала королева по-французски : но королева французская должна покровительствовать французскимъ художникамъ.

И взявъ свой мѣшокъ изъ рукъ Фанни, подала свѣтъ изумленному Депорту.

— Исправьте эту миниатюру какъ-можно тщательно и не забудьте обѣщанной картины. — Фанни, проводите живописца къ мадамозель Филандръ.

Депортъ только кланялся. Королева кивнула головой; Марія Неверская также, и Депортъ отправился въ Фанни, дорогой укладывая поклажу въ широкіе карманы стараго камзола. Дѣвица Филандръ опять

полоснула шнурку, когда Депортъ спустился на лестницу.

— Насмотрелись! спросила она насмѣшливо.

— И до смерти не забуду, лукаво отвѣчалъ Депортъ: Не могу выказать моей благодарности....

— Слова — вздохи Эола, пишетъ Скюдери : донаживе.

— Приказывайте.

— Отдайте эту записочку «отъ меня» вашему другу, Мазарини.

— Ну, сказалъ Депортъ, выходя изъ Лувра : сюда надобно будетъ ходить съ чемоданомъ : столько вещей и порученій!.... Чортъ знаетъ куда идти : домой, къ Мазарини, къ Ришлѣ, или къ самому королю?....

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Золотой пепелъ.

A désirer un cheval d'or; on en avoit toujours la bride.

РЫЦАРСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Неопытный Депортъ думалъ вслухъ. Изумленный Гойко покатилъ за нимъ свою лавочку.

— Пропусти, господинъ! сказалъ Гойко, накатывая Депорту на ноги дву-колесную тельжку.

— А! это ты, Гойко.

— Какой я Гойко, честной господинъ! Я вамъ ужь догадывалъ, что меня зовутъ Филиппомъ изъ Лиона.

— Да перестань, говорить тебѣ; задоръ молотъ. Я Филиппъ изъ Ліона.

— И я Филиппъ изъ Ліона; тутъ бѣды нѣтъ, а вотъ то худо, что у васъ спанчу чѣмъ-то продыривило.

— Твоя правда. Не ходитъ же по дворцамъ въ локотяхъ. Гдѣ-бы купить готовое порядочное платье?

— Вотъ то-то и есть! Служить зовете, а за ващи деньги и чулковъ, я думаю, не заштопаешь. Подите-ка въ городъ; толкнитесь въ лавки; все готовое найдете: да хватитъ ли у васъ тридцать сорокъ ливровъ? А я васъ бы за пятнадцать человѣкомъ сдѣлалъ.

— Безъ шутокъ?

— Что за шулки! Тутъ, вчера или третьяго дня, на-вѣрно не знаю, рьялисты еражались съ кардиналистами. Черные-то писцы, или чортъ ихъ знаетъ, не въ свое дѣло замѣшались; трехъ и приколоди, а наши-то съ острова и понабѣжали, покойниковъ раздѣли, да и домой.... И стрѣлкамъ нечѣмъ было поживиться. Хотите? А? Пятнадцать ливровъ, право не дорого! Да мнѣ-то за груды ливра три надо бы прикинуть.

— Возьми за все шестнадцать.

— Какъ можно! что за торгъ!.... да ужь пожалуй, со вздохомъ сказалъ Гойко: для почину! Авось вы на-руку счастливы; а то, право, сегодня ни одной нитки не продалъ.... За мной, честной господинъ.

И новые знакомцы повернули на Островъ Святаго Людовика по новому Каменному Мосту, недавно открытому.

Аббатъ Мазарини окончивалъ выписки изъ заветныхъ писемъ. Чѣмъ болѣе работа приближалась къ окончанію, тѣмъ веселѣе становился аббатъ; кончилъ : всѣ выписки умѣстились на двухъ тончайшихъ листкахъ; аббатъ сдѣлалъ изъ нихъ два плотные свертка, скаталъ ихъ на мраморномъ столѣ; пожалъ пружину своего каноническаго креста : крестъ раскрылся; тамъ уже много было подобныхъ свертковъ; новые улеглись очень удобно, и крестъ захлопнулся. Мазарини собралъ оригинальныя письма и бросилъ ихъ въ курильницу : дымъ за клубился. Мазарини растворилъ всѣ окна и дверь на балконъ, и усѣлся подъ тѣнію двухъ цветущихъ померанцевъ. — «Теперь хоть обьискивай! прошепталъ онъ : хоть всѣ половицы моего помосту перекину... Не найдешь ничего, кромѣ чистой бумаги.» Вдругъ кто-то постучался въ двери. «Кто тамъ?» спросилъ аббатъ входя въ комнату, изъ которой дымъ еще не успѣлъ освободиться.

— Мосё Депортъ, отвѣчалъ Луи, главный слуга Мазарини : возвратился изъ Лувра и хочетъ непременно васъ видѣть.

— Попроси, чтобы обождалъ, я только-что вошелъ въ ванну и потому заперъ двери..... Пять минутъ, и я къ его услугамъ. Пусть не поскучаетъ, проси его въ залу : мы будемъ разговаривать черезъ двери.

Съ первымъ словомъ аббатъ началъ раздѣваться, съ послѣднимъ уже сидѣлъ въ ваннѣ.

За дверьми раздался кашель.

— Здравствуйте, саго pittore! закричалъ аббатъ.

— Къ вашимъ услугамъ, эминенца, къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ Депортъ изъ залы.

— Да чтò это вы такъ скоро пожаловали меня въ кардиналы?

— Пора!

— Да, не худо бы! прошепталъ Мазарини : хотя кар

двигательная шапка не спасла Лавалета отъ суровѣшаго приговора. — А что, видѣли Рафаэля?... сказалъ онъ громко.

— Покорнѣйше благодарю! Какъ-нельзя лучше!

— Что, не говорила съ вами королева?

— Такъ, слова два три, мимоходомъ.

— Я воображаю, подумалъ Мазарини, какъ королева сказала, когда прочла портретъ новаго любимца. — Что кардиналъ здоровъ? опять громко спросилъ Мазарини.

— Не имѣлъ счастья видѣть!

«Вреть! про себя говорилъ аббатъ: я думаю вмѣстѣ читали мое письмо; кардиналъ, вѣрно, также смѣялся, а за тебя дружокъ не ручаюсь.» — Ну, вотъ я и готовъ, сказалъ аббатъ, выскочивъ изъ ванны и надѣвая пуховой пудермантель и такіе же саногы. Милости просимъ, милости просимъ!

Депортъ вошелъ. Мазарини обтиралъ голову, изрѣднѣе поглядывая на Депорта, одѣтаго съ приличіемъ и сдержанностью. Отъ щеголя-аббата это обстоятельство не могло укрыться.

— Письмо отъ мадамъзель Филандръ, тихо сказалъ Депортъ.

— Положите, пожалуйста, на столъ.

Депортъ, лишь-только вошелъ, почувствовалъ запахъ сжженной бумаги, и при всякомъ удобномъ случаѣ смотрѣлъ во всѣ углы, догадываясь, откуда бы могъ происходить этотъ запахъ. Два три доскута не попали въ глазъ и торчали изъ подъ крышки курильницы.

— Я имѣю просьбу къ вашей эминенціи, сказалъ Депортъ униженно.

— Приказывайте, любезный другъ.

— Я имѣю у васъ въ библіотекѣ три или четыре картины Марко-Антонію; я имѣю въ нихъ крайнюю нужду для на два на три.

— Позвольте!... да у меня полное собраніе, и, кажется, не въ двухъ ли экземплярахъ; достойте, я вамъ тотчасъ принесу.

Аббатъ схватилъ письмо мадам-азель Филандръ, надѣлъ на голую шею каноническій свой крестъ, и ушелъ въ библіотеку.

Тихо поднялась крышка курильницы: лоскутки очутились въ рукахъ Депорта; даже пепелъ онъ подѣлился съ Мазарини, и, когда аббатъ вынесъ цѣлую папку гравюръ, Депортъ въ другомъ углу разсматривалъ небольшое золотое блюдо работы Челлини.

— Я весьма радъ, сказала аббатъ, что могу подѣлиться съ вами такою драгоценностью.

«Мы унѣ подѣлились!» подумала Депортъ.

— Два экземпляра, продолжалъ Мазарини: и одинъ вы не откажете принять отъ меня въ знакъ благодарности за то участіе, которое вы сегодня во мнѣ принесли.

— Помилуйте!... Мнѣ такъ совѣстно... Но мой долгъ повиноваться..... Кстати, я теперь сѣшу къ жандарму, и могу взять папку съ собою.

— Домой! Какъ бы не такъ! говорилъ Депортъ самъ съ собою на улицѣ: а золотой-то пепелъ.... Нѣтъ, Мазарини: я долженъ продать тебя, иначе кардиналъ будетъ считать меня неспособнымъ. А безъ этой мысли я погибъ: кто захочетъ поддерживать человека, въ которомъ обманулся?.... Но уже поздно; смеркается....

Депортъ прибавилъ ходу; но по неровной мостовой за нимъ раздавались еще чьи-то шаги. Депортъ оглянувшись: то былъ Гойко.

— Что это вы съ такой ношей, мосье Депортъ ?!

Тьфу, ты, чортъ, какъ онъ знаетъ мою фамилію! подумалъ Депортъ, и невольно остановился.

— Какъ это вы безъ ножа такъ поздно ходите?... Пожми, шпаги вамъ нельзя носить; а ножъ, вотъ на-примѣръ такой, право не мѣшало бы....

И Гойко выпустилъ изъ рукава длинный прямой ножъ, который и дѣйствительно весьма удобно могъ за-крыть шпагу. Депортъ сначала испугался и погля-дѣлъ сомнительно на страшнаго товарища, но потомъ, ободрясь, сказалъ ласково :

— Продай, Гойко.

— Опять, Гойко! Право, я разсержусь, честной го-сподинъ. А за ножъ пожалуйста пару нистолой.

— Что ты, съ ума сошелъ!

— Съ ножнами, съ ножнами, честной господинъ.

— Ну, пожалуй! Что жъ, ты идешь ко мнѣ въ службу?

— Объ этомъ поговоримъ завтра, а теперь я обожду васъ въ кардинальскомъ саду и поддержку вашу панку и ножъ; съ оружіемъ васъ не пропустятъ.

Депортъ вздрогнулъ, и повинувался.

— Выустите! раздался знакомый голосъ Ришліё.

Депортъ подошелъ къ кресламъ кардинала, и съ тор-жественнымъ видомъ положилъ на пульнитръ лоскут-ки писемъ и бумажку съ золотымъ пепломъ.

— Они сгорѣли? спросилъ Ришліё съ видомъ удив-ленія.

— Какъ видите, ваша эминенція. Поздно я имѣлъ счастье получить ваше приказаніе.

— Нѣтъ, нѣтъ! не поздно! отвѣчалъ Ришліё, пересматривая лоскутки, съ видимымъ удовольствіемъ: опоздалъ не я. Приговоръ уже произнесенъ..... сегодня будетъ исполненъ.... Вотъ этихъ трехъ словъ для меня довольно..... Но, какъ ты добылъ эти золотыя три слова?

— Я пришелъ къ Мазарини просить покровительства и предложить мои услуги. Онъ обещалъ представить меня королеву....

— Я запрещаю, прервалъ Ришліё, нахмурясь: онъ можетъ погубить тебя, запутать, и я лишусь способнаго челоуѣка. Сгніешь въ бастильскихъ подвалахъ, гдѣ одинъ твой софамецъ Лапортъ уже кается за привязанность къ королеву.... Ну, что дальше?

— Я почувствовалъ запахъ дыму и попросилъ у аббата позволить мнѣ на два на три дня гравюръ Марко-Антоніо: я былъ увѣренъ, что эти гравюры у него есть. Аббатъ былъ такъ добръ, вышелъ за гравюрами въ бібліотеку, а я въ курильницу, откуда....

Кардиналъ засмѣялся; на одномъ изъ лоскутковъ, принесенныхъ Депортомъ, написалъ карандашемъ нѣсколько словъ, и, подавая новому агенту, сказалъ:

— На; видишь, я не скупъ, какъ говоритъ Сень-Марсъ. Отдай Монторону, и поезжай въ Сень-Жерменъ..... Служи Сень-Марсу... Постарайся... Да тебя, кажется, не надо учить.... Ступай!

— Эвоэ, Эвоэ! сказалъ Ришліё, когда Депортъ ушелъ.

Изъ подъ занавѣски, закрывавшей окно, выползла тощая, длинная фигура, со всеми признаками еврейскаго происхожденія.

— Узнай этого челоуѣка во всѣхъ подробностяхъ: онъ замѣчателенъ.

Сказавъ это, кардиналъ указалъ на двери, и утонулъ въ креслахъ.

Эвоэ выбѣжалъ на крыльцо, но не нашелъ въ саду Депорта. Тамъ Гойко толковалъ съ тремя неизвѣстны-

ни людьми, которые, заслыша, что кто-то идетъ, рассыпались и пропали въ подвальномъ этажѣ дворца.

— Гойко!

— Эвоэ?... Ну, что?

— Кардиналъ не хочетъ мѣшаться въ дѣла парламента и ратуши.

— Что же мнѣ дѣлать? Неужели мнѣ пойти на грабежъ.

— Гойко! Гойко! раздался тихій зовъ въ аллеѣ.

— Ахъ, это мосьё Депортъ!

— Депортъ? сказалъ Эвоэ, схвативъ Гойку за руку: десять пистолей, только принеси объ немъ вѣрныя свѣдѣнія.....

И Эвоэ въ свою очередь исчезъ въ темной аллеѣ.

— Врешь! заплотишь дорожку, проворчалъ Гойко, сплани на встрѣчу Депорту.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Циркуляръ.

Que vous nous causez de tourment,

Fâcheux parlement!

Mais nos seigneurs du parlement

Donneront bientôt jugement

Contre ces traitres insolens.

Депортъ вошелъ неожиданно въ гостиную новой своей квартиры въ Райскомъ Переулкѣ. Джудита и дѣти спрыгнули. Депортъ съ гордою осанкою остановился посрединѣ: какъ-будто хотѣлъ, чтобы его осмотрѣли съ ногъ до головы.

— Господи! я не узнала васъ! Откуда? Такъ скоро! Неужели ваша лѣстница уже готова и вамъ за нее подарили такое хорошее платье?

— Вы хотите погубить меня, Джудита!... Опять по-итальянски!....

— Да неужели мы и на-единѣ не можемъ говорить на родномъ языкѣ?

— Не можемъ. — Сдѣлай милость, Джудита, продолжай Депортъ, совершенно измѣняя тонъ обращенія съ Джудитою: прикажи подать чего-нибудь закусить. Я сегодня изъ Сенъ-Жермена, и ровно ничего не ѣлъ съ самаго утра. А между-тѣмъ я осмотрю нашу квартиру.

Депортъ взялъ со стола единственную свѣчу, и въ сопровожденіи жены и дѣтей обошелъ всѣ комнаты.

— Не дурно! жить можно! сказалъ онъ холодно, возвращаясь въ гостинную. Дурная мебель, дурной полъ: ну, да все это пока, на-время, бивуаки.

Джудита глядѣла на него съ изумленіемъ. Депортъ замѣтилъ это, и сядя въ старыя, полу-разрушенныя кресла, сказалъ медленно и важно:

— Наши странныя отношенія, Джудита, не допускаютъ искренности: но я не злопамятенъ. Расскажи тебѣ все, только на одномъ условіи: не требуй объясненій. Слово, одинъ нескромный вопросъ, и я буду пѣмъ какъ рыба.

— Я и не любопытствую, хоть предисловіе очень внимательно.

— Скажу, скажу. Мнѣ даже хочется все сказать. Но такъ, во-первыхъ, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что Филиппъ Депортъ — ординарный живописецъ его королевскаго величества.

— Какъ! вы — ординарный живописецъ? Королевскій живописецъ?

— Конечно, вамъ и это не нравится? продолжалъ Д

портъ насмѣшливо : но король лучше умѣетъ цѣнить людей, нежели его завистливые подданные. Во-вторыхъ, Филиппъ Депортъ имѣетъ деньги!

Ораторъ ударилъ рукой по кошельку, торчавшему за поясомъ.

— Въ-третьихъ, Фанни Депортъ найметъ завтра слугу, служанку и кухарку; уберетъ комнаты хорошими цвѣтами, купить все нужное для хозяйства, и вообще весь домъ приведется въ такой видъ какъ у лiонскаго купца Трумона. Но непременно завтра. Въ-четвертыхъ, въ кабинетъ мосье Депорта подъ смертною казнію запрещается входить кому бы то ни было, по причинѣ государственной важности рисунковъ, которые тамъ находятся имѣютъ.

Ораторъ положилъ руку на огромную папку съ грамотами, украшенную тиснеными золотыми гербами.

— И наконецъ, въ-пятыхъ, поелику, судя по мебели, комната, въ коей мы находимся, есть столовая, ergo.... пожалуйста объдать.

— Ужинать?

— И! нѣтъ, нѣтъ! объдѣ всегда прежде, а ужинать я буду въ Сентъ-Жермень....

— Какъ!... еще сегодня?

— Я сейчасъ онѣмѣю! отвѣчалъ Депортъ, и Джудита пошла въ кухню и возвратилась съ жаренымъ гусемъ.

— Лошадей привели, спрашиваютъ мосье Депорта: для васъ, что ли? спросилъ хозяинъ дому, входя въ столовую.

— А! это вѣрно Гойко, мой факторъ.

— Какой я Гойко, Бога вы не боятесь, честной господинъ!

— Ну, что жъ, ты ѣдешь со мной, или съискадъ належаго слугу?

— Гдѣ теперъ надежные слуги? Да и по-ночи кого

найдешь, когда въ городъ такая тревога! Страхъ беретъ, чтобы не убили.

— А что такое?

— Ой, честной господинъ! отвѣчалъ Гойко: по всѣмъ улицамъ цѣпи, стрѣлковъ ставятъ; а ратушевые по домамъ ходятъ и обыскиваютъ. Кого-то ловятъ.

— Что ты врешь, жиденокъ!

— Какой я жидъ! Я такой же христіанинъ какъ и вы. Гдѣ теперь жида? И за деньги не увидишь! А ратушевые ходятъ: я кругомъ объѣхалъ; только до вашего дому успѣлъ доскакать, какъ за мною цѣпи стали протягивать.

— Да какъ же я ничего не видалъ?

— Зачѣмъ не смотрѣли! А я теперь и самъ не знаю, какъ домой попаду.

— Домой? А кто же со мной поѣдетъ въ Сенъ-Жерменъ?

— Я... нѣтъ! Тамъ эти господа, придворные лакеи: дѣла у нихъ нѣтъ; только зубы на нашу братью скалятъ.

Между-тѣмъ Депортъ оканчивалъ гуся и запивалъ кислымъ виномъ; морщился, но совѣстился при чужихъ людяхъ пополнить инструкцію, данную Джу-дигъ.

— Послушай Гойко, поѣдешь со мной? а не то не дамъ ни гроша.

— Какъ бы не такъ! я ѣхать съ вами не торговался; и теперь ночь; господа въ шинкахъ; шалятъ. Нѣтъ, я не поѣду.

— Такъ и я не поѣду.

— Ну, а всё-таки за лошадей заплатите.

— Гойко, видно тебя мало били!

— А за что?

— Пошелъ вонъ!

— Я закричу; прійдутъ ратушевые.

Въ это мгновеніе въ одна низкаго дому, къ которому шелъ Депортъ, брызнулъ свѣтъ отъ факеловъ.

— Это что? спросилъ испуганный Депортъ.

— Что? не правду ли я говорилъ? Ратушеры могутъ-быть и за вами.

— Какъ, за мной?

— А куда же вы это хотѣли ѣхать ночью? Вы не придворный: зачѣмъ же вамъ въ Сень-Жерменъ?... О, у васъ ратушеры все знаютъ!

— Чортъ тебя побери съ твоими ратушерами! Это ты, Иуда, навликалъ судейскую челядь?

Вдругъ за дверьми раздался голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Вошелъ старшина парижской ратуши, съ двумя полицейскими чиновниками и двумя десятскими изъ городскихъ стрѣлковъ, и громогласно произнесъ:

— Циркулярно. По приговору Совѣта его королевскаго величества, нижеписанные люди осуждены на вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ Франціи, за участіе въ заговоръ герцога Вандомскаго противъ его эминенціи кардинала и герцога Ришліё; и всякое имущество ихъ подвергается запрещенію и обращается въ государственную казну.

Затѣмъ старшина прочелъ списокъ, гдѣ было около двухъ десятковъ разнаго роду именъ, съ означеніемъ городовъ, улицъ и домовъ ихъ жительства.

— Изъ сего явствуетъ, продолжалъ старшина, что дворянинъ Жоржъ де-Вальероль, капитанъ второй драгунской компаніи, имѣетъ жительства въ этой улицѣ, въ домъ садовника Обана...

— Это не у меня, у брата, сказалъ хозяинъ, но десятскій зажалъ ему ротъ, приговаривая:

— И безъ тебя знаютъ, болванъ! Да порядокъ такой. Не перебивать старшицы!

Но старшины и перебить не было возможности,

потому что, услышавъ восклицаніе, онъ не останавливался, но только возвысилъ голосъ и продолжалъ :

— Но какъ домъ сей принадлежитъ не садовнику Григорію Обану, а брату его, кожевнику Ильѣ Обану, то симъ и объявляется, что, буде ежели, по сосѣдству, Жоржъ де-Вальероль перебѣжитъ изъ дому Григорія Обана въ домъ онаго Ильи Обана, то имѣетъ онъ, Илья Обанъ, или жильцы онаго, того Жоржа де-Вальероля представить въ ратушу города Парижа для немедленнаго исполненія приговору. Подписано собственною рукою городского головы.

Исполнивъ обязанность службы, старшина опустилъ руку съ палкой, которую во все время чтенія держалъ вверхъ, и началъ извиняться.

— Помилуйте, господинъ старшина, сказалъ хозяинъ: да мосьё де-Вальероль давно уже, съ мѣсяцъ будетъ, откупилъ у брата домъ съ малымъ садомъ; братъ себѣ оставилъ только большой садъ, огороды, и самъ живетъ въ теплицѣ.

— Начальство все знаетъ, отвѣчалъ старшина: но по книгамъ домъ еще не былъ переписанъ за Вальеролемъ, потому-то сегодня мы и не могли взять его въ казну: ночью все исправится, а завтра приступимъ къ дѣлу.

— А самаго, вѣрно, не нашли?

— Нѣтъ, мы еще у него не были.

— Какъ! воскликнули Депортъ и хозяинъ вмѣстѣ.

— Не были, не были. Мы ходимъ изъ дому въ домъ и читаемъ циркуляръ.

— А между-тѣмъ преступникъ можетъ скрыться.

— Того-то намъ и надо! Куда же онъ скроется? Убѣжитъ за границу? Ратуша будетъ благодарна; не надобно будетъ издерживаться на его отправленіе: Убѣжитъ на свой счетъ.

Старшина, дружески бесѣдуя, усвѣлся и продолжалъ:

— Нельзя же, чтобы сосѣди изъ тѣхъ домовъ, кото-

ры мы уже посѣтили, не дали знать объ насъ Валеролю.....

— Но такимъ образомъ, сказалъ Депортъ : высоко-честной господинъ старшина, онъ можетъ припрятать деньги, вещи, которыя принадлежатъ уже казнѣ.

— Если бы эти деньги и вещи, отвѣчалъ старшина съ улыбкой, принадлежали намъ или, по-крайней-мѣрѣ, рагушъ, дѣло другое; а казна сама богата. Между-тѣмъ надо руководствоваться и чело-вѣколюбіемъ.

Какъ бы ихъ выжить отсюда? подумалъ Депортъ и сказалъ громко :

— А что, если объ этомъ узнаетъ кардиналъ ?

— Во-первыхъ, отвѣчалъ спокойно старшина : мы свято наблюдаемъ предписанныя формы, а во-вторыхъ : кто же пойдетъ доносить ?

— Не доносить, а просто, для смѣху, рассказать кардиналу. И вотъ, если бы я сегодня по-утру зналъ, какъ вы исполняете законами предписанныя формы, непре-кѣнно бы рассказалъ и Ришліё, и Мазарини, и де-Нойё...

— Вы? Ришліё?

— А если король не будетъ еще спать, когда я при-ду въ Сенъ-Жерменъ, то еще и сегодня я утѣшу его величество этимъ происшествіемъ, вмѣсто сказки.

— Вы?... королю?....

Хотя недовѣрчиво, однако жъ вставъ, спросилъ стар-шина.

— Гойко, подавай лошадей; а я вотъ только соберу рисунки для доклада его величеству.

— Осмѣлюсь спросить, заикаясь произнесъ старшина : вы не шутите ?

— Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ, сказалъ Де-портъ : законами предписанныя формы отняли у меня только время; я непременно опоздаю, король ложится такъ рано.... Раскинули цѣпи : вѣрно чело-вѣка моего.

задержали гдѣ-нибудь; я долженъ вѣхать одинъ... Это, впрочемъ, все на вашей ответственности, господинъ старшина.

— Позвольте; осмѣлюсь спросить: вамъ для чего нуженъ человекъ?

— Да что же, я самъ что ли повезу эти эстампы его величеству? сказалъ Девертъ, указывая на папку съ гравюрами Марко-Антоніо.

— Позвольте предложить, осмѣлюсь сказать, наши услуги.... Я вамъ дамъ дюжанаго городского стрѣлка: человекъ бывалый... и на дорогѣ безопаснѣе.

— Нечего дѣлать, давайте.

— Этіеннъ, Этіеннъ! Поди сюда! Возьми этотъ портфель; береги пуще глаза: это картины его величества. Пойдешь въ Сень-Жерменъ съ мосьё.... мосьё.... Не имѣю чести знать....

— Ординарный живописецъ его величества, Депортъ.

— Съ его сіятельствомъ ординарнымъ живописцемъ его величества, маркизомъ Депортъ. А завтра по утру вернешься пѣшкомъ, прямо въ ратушу.

Этіеннъ надѣлъ шапку, взялъ портфель и сѣлъ на лошадь. Депортъ простился съ женой и благополучно отправился въ нуть.

— Ну, нечего дѣлать! Пойдемъ теперь прямо къ де-Вальеролю, сказалъ старшина.

Хозяинъ съ особеннымъ удовольствіемъ заперъ ворота, оглядываясь, все ли на дворѣ цѣло.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Изгнанникъ, или начало романа.

Ludit in humanis divina potentia rebus
Et saepe in paucis claudere magna solet.

В домъ де-Вальероля всѣ окна были освѣщены. Отецъ Вигандъ причащалъ Святыхъ Тайнъ и соборовалъ ма-сюмъ Луизу де-Вальероля, жену капитана. Эвелина, шестнадцати-лѣтняя дочь ихъ, обливала слезами зами-рающія ноги матери. Обрядъ кончился. Луиза не могла произнести ни одного слова; но уста улыбались: она жрѣчала смерть съ убѣжденіемъ, съ вѣрою въ жизнь лучшую. Минута кончины наступила. Отецъ Вигандъ слова подошелъ къ одру умирающей и началъ читать *In manus tuas, Domine...* Услышавъ отходную, Эвелина вскрикнула, и безъ чувствъ упала на землю. Ка-питанъ на рукахъ перенесъ ее въ другую комнату. Другъ за дверьми раздался знакомый голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Служанка вздрогнула. Отецъ Вигандъ остановился. Одинъ капитанъ остался совершенно хладнокровенъ, стараясь привести въ чувство Эвелину.

— Отворите, сказалъ онъ покойно.

Старшина со свитою вошелъ въ комнату. Онъ уже водилъ палку; уже распустилъ свитокъ; десятскій пригнулъ факель.... но отецъ Вигандъ съ Дараммъ вышелъ изъ спальни и всѣ, не исключая и старшины, поклонили колѣна.

— Капитанъ, сказалъ въ полголоса отецъ Вигандъ: она отошла! Я закрылъ глаза, а вамъ надобно, какъ вижу, замкнуть уста.

Отецъ Вигандъ поставилъ Дары на большой столъ, вынулъ погирь, и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Что, капитанъ?

— Она проснется: но что увидить, отецъ Вигандъ! Эти господа пришли за мною. Я знаю мою судьбу: они меня увезутъ да-вѣки изъ родной Франціи; я не могу похоронить жены, не имѣю даже денегъ на похороны. Скажите, что мнѣ дѣлать!

Отецъ Вигандъ поднялъ изсохшія отъ поста руки и величественно произнесъ: — *In manus tuas, Domine, filiam quoque geris!* Утѣштесь, капитанъ: завтра я возвращусь сюда съ моею братьею; мы сохранимъ для васъ Эвелину въ монастырѣ Визитокъ, предадимъ землѣ добрую духовную дочь мою, Луизу, и отправимъ отъ своего ордена депутата къ кардиналу.... Пишите ко мнѣ. Вы знаете, король удостоиваетъ меня своего вниманія; кардиналъ уважаетъ меня.... А теперь, повинуйтесь закону.

— Другъ и благодѣтель! отвѣчалъ капитанъ, крѣпко сжавъ руку монаха. Она просыпается.... Прощай, Эвелина!.... подѣлись этимъ поцѣлуемъ съ Луизой!.... Я вернусь черезъ полчаса, сказалъ онъ служанкѣ и бросился въ двери.

— Стой! закричалъ десяткой.

Капитанъ остановился, ничего не понимая. Но отецъ Вигандъ подошелъ съ покрытыми Дарами.

Всѣ преклонили головы.

— Съ вами, съ вами, дѣти мои, сказалъ старикъ: онъ не уйдетъ отъ васъ. Пропустите, я ручаюсь.

Всѣ безмолвно шли по улицѣ; изъ всѣхъ оконъ и воротъ торчали головы, и съ приближеніемъ старшинъ прятались.

— Потушите огни! сказалъ отецъ Вигандъ.

— Нельзя, съ важностью произнесъ старшина. Но уже было поздно; факелы погасли.

— Прощай, добрый сынъ, сказалъ отецъ Вигандъ.

Капитанъ сталъ на колѣни. Старецъ поставилъ ему крестъ на голову, произнесъ краткую молитву и напутствовалъ благословеніемъ.

— Твердости, прибавилъ онъ, вѣры и молитвы!... На развалинахъ прошедшаго зиждется будущее; а горе — лучшее основаніе радости! Будь спокоенъ; я позабочусь о дочеряхъ моихъ, о живой и мертвой. Ступай съ миромъ!

Капитанъ не уронилъ ни слезинки, поцѣловалъ пощипъ, потомъ руку старца; всталъ, посмотрѣлъ на освѣщенные окна своего дому, и тихо повторилъ: — *In manus tuas, Domine!*

— Amen! сказалъ отецъ Вигандъ.

Оба кивнули другъ другу головой и разошлись.

Молча продолжали путь плѣнникъ и его судейская стража; уже хотѣли повернуть въ улицу Сенъ-Дени: вдругъ, на встрѣчу огромной величины человекъ, гнѣвъ въ сравненіи съ старшиною и его причетомъ.

— Стой! сказалъ онъ, и всѣ понялись.

— Капитанъ, вы ли?

— Я! отвѣчалъ де-Вальероль тише майскаго вѣтра.

— Ну, такъ прощайте!

— Прощай, Помпей! Береги Эвелину.

— До послѣдней капли крови! И въ горь не безъ радости, капитанъ; я вамъ скажу важную штуку: соколъ въ Англии!

— Быть не можетъ?

— Оттого-то я и замѣшкался, капитанъ; но ужь это такъ вѣрно, какъ то, что у меня только одинъ усъ. Сегодня и въ парижскомъ парламентѣ такъ объявлено.

— Ну, такъ пойдѣте, господа! Теперь хоть бы и умереть, если бъ не Эвелина.

— Не извольте беспокоиться: все перемелется, будетъ мука.... Прощайте, капитанъ!

Они обнялись, простились, и Помпей пошелъ своего дорогой, а капитанъ за старшиною. Совершенно спокойный, изрѣдка только подымалъ онъ глаза къ небу, какъ-будто желая прочесть въ звездахъ, чѣмъ рѣшило небо будущность Эвелины.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Ночная бесѣда.

Во многихъ отдѣленіяхъ сентъ-жерментскаго дворца окна были освѣщены, когда Депортъ подъѣхалъ къ главному крыльцу съ городскимъ стрѣлкомъ, слѣзъ съ лошади, взялъ панку и пошелъ во дворецъ. Онъ миновалъ большія проходныя сѣни, и садомъ отправился къ тому крылу дворца, гдѣ жилъ Сентъ-Марсъ. Въ корридоръ онъ встрѣтилъ Сентъ-У, который, по всѣмъ приметамъ, подслушивалъ у дверей Сентъ-Марса и, слышавъ Депорта, поспѣшно скрылся въ противоположныя двери. Почти въ то же мгновеніе послышались шаги Сентъ-Марса: онъ шелъ шибко, напѣвая въ полголоса пѣсню.

— Здравствуй!.... куда ты это пропадалъ? сказалъ Сентъ-Марсъ: мнѣ казалось, будто безъ тебя скучно.

Хитрый Депортъ низко поклонился Сентъ-Марсу, указалъ на двери, куда убѣжалъ Сентъ-У, наклонилъ голову и приложилъ къ уху палецъ. Сентъ-Марсъ засмѣялся, взялъ его за руку и втащилъ въ свою комнату.

— Что такое, Филиппъ? кого ты видѣлъ? Вѣрно Сентъ-У теръ свое ухо у моихъ дверей. Скажи ему,

Николай, что это между дворянами не водится, и что я могу иногда такъ прихлопнуть, что ухо останется у моей двери. Не обинуйся; я отвѣчаю. А пока что будетъ, подавай ужинать и вели осѣдлатъ Люцифера. Исполнѣть, это твое дѣло. Подай сапоги и приготовь дорожный плащъ и пистолеты. — Ну, Филиппъ, гдѣ ты былъ? что идѣлъ? Рассказывай.

— Во-первыхъ, и прежде всего, позвольте поздравить съ новою милостью.

Сень-Марсъ вздохнулъ и отвѣчалъ съ прѣмѣтною досадою :

— Шоры, братаецъ, новыя шоры, больше ничего. Нечему радоваться..... За тебя мнѣ весело. Твоя должность, въ самомъ дѣлѣ, честь, награда... А великій конюшій!... Ну, отвѣчай же Филиппъ, гдѣ ты былъ?...

— Гдѣ я былъ? Вы не повѣрите господинъ великій! А когда я покажу доказательства, вы повѣрите, не удивитесь.

— Что ты говоришь, Филиппъ? Загадки хороши въ дамскомъ обществѣ.

— Такъ извольте разгадку, господинъ великій.

Депортъ почтительно подалъ Сень-Марсу записочку.

Маркизъ, увидавъ ее, вздрогнулъ, прочелъ, и, спрятавъ на грудь, сталъ съ досадою ходить по комнатѣ. Исполнѣть несъ сапоги и мантию.

— Не нужно, не нужно, сказалъ Сень-Марсъ, тихо толкая Исполнѣта : поздно! Поутру еще все кончилось! Я думаю, приговоръ уже въ парламентъ, въ ратушѣ... А Меркуръ и Безонсонъ уже изгнаны изъ Парижа!

Принесли ужинать.

— Садись, мнѣ не хочется ѣсть, а ты, я думаю, проголодался, сказалъ Сень-Марсъ.

Депортъ, не желая гнѣвить маркиза, сѣлъ и принялся за критику королевской кухни.

— Удивительно, какъ пріятно быть придворнымъ чело-
вѣкомъ, разсуждалъ Депортъ громко : не надобно

ходить на грязные наши рынки, спорить и ссориться...
сиди и кунай!

.. Сень-Марсъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

.. — Что, Николай, уехали наши кардиналисты?

— Убрались, слава Богу!

.. — А король?

— Его величество изволили уйти въ почивальню.

— Ну, такъ подай вина. Въ этомъ королевскомъ монастырѣ, любезный Филиппъ, нельзя встрѣтить такого веселаго собесѣдника какъ ты. Это находка! Кстати: ты поешь, а я нынче заразился стихами. И до какой степени достигъ я совершенства! Въ послѣдній разъ, за ужинемъ у Машеньки де-Лоризъ, Воатюръ скажетъ стихъ, я прежде всѣхъ отвѣчу стихомъ же и задамъ другой. Кто мастеръ на стихи, такъ это Ротру... Молодецъ! А Корнель тупъ: это видно, что ему стихъ дорого приходится.

Подали вино. Конечно есть мгновенья и у Асмодея, когда злобная дѣятельность его устааетъ, дремлетъ; есть однако жъ и характеры, которые, своимъ простодушиемъ, дѣтскимъ веселіемъ, обливаютъ небесною сладостью желчь злодѣя, и онъ, на часъ, на день, невольное дѣлается добрякомъ, безотчетно предается безвинному веселію и даже на-время становится способнымъ къ высокимъ ощущеніямъ. Депортъ, или еще не совершенно очерствѣлъ душею, или утомился отъ тягостныхъ подвиговъ дня: онъ позабылъ всѣ свои похождения, намѣренія, надежды, все, все; и, попивая роскошной сокъ бордоскаго винограду, сталъ веселъ и добръ.

— Ты поешь, Филиппъ?... спой мнѣ что-нибудь, сказалъ Сень-Марсъ, присѣвъ къ столу, налилъ себѣ огромный стаканъ вина и осушилъ разомъ.

— Что же бы вамъ спѣть, маркизъ? Веселую?

— Да, ужъ конечно не Misereere!

— Постойте, постойте: дай, Богъ, памяти! Вотъ, если бы со мной была моя тетрадь!

— Какая тетрадь?

— Ахъ, маркизъ! по бѣдности покупать дорого, а всѣя полюбится, такъ и перепишешь.

— Не бойся, Филиппъ, разбогачьешь; поможемъ.

Филиппъ подъяложалъ руку Свизъ-Марса такъ быстро, то тотъ не успѣлъ въарвагъсе.

— Что ты, что ты, Филиппъ!

— Да ужъ такъ, ваше сїятельство: на радости не выдержалъ; вы такъ добры! Простойтъкъ, я вамъ свою вагъ, романсъкъ вель: ужъ да вастъ! Его сочинилъ лонскій рыцарь Бекоредъ, въ 1340 году, или около того времени, въ Лонгъ. Плется по продажю; называется онъ *Vintus antiqua*; слушайте, маркизъ.

И Депортъ запѣлъ:

Прости! корабль встануль врымонцъ!

Зоветь труба моей дружины!

Иль на щитъ, иль со щитомъ

Вернусь къ тебѣ, изъ Надестинъ.

Молва о полнѣдѣкъ монкъ.

Шума прїидеть монмъ предтечей,

И зарь дѣтъ изныль рукъ длохъ.

Назрѣеи будеть мнѣ д астръкъ!

—

—

—

Клянуся сердцемъ и мечомъ:

Иль на щитъ, иль со щитомъ!

—

—

Сто битвъ, сто рѣкъ, сто городовъ!

О имени твоёмъ узнають;

На ста языкахъ, сто пѣнцовъ

И запоютъ и заиграють!

И вновь волнуясь и шума,

Твоей великой славы полны,

Къ твоимъ стопамъ примчатъ дары —
 в , оторочу. **Могути елика люди!** —
 анчашнорык и аявт , котнорон рнзат
 анокжкомн ; анчашнорык , анчашнорык , анчашнорык —
 одрнб ая **Клянуся сердцемъ и мечомъ:** —
 Иль на щитъ, **завую щитомъ** —
 анчашнорык , анчашнорык , анчашнорык —
 анчашнорык : анчашнорык , анчашнорык —
 анчашнорык **Не если приговоръ судьбы** —
 анчашнорык **Въ болгу помнеть или смерти не востречу;** —
 анчашнорык **На грозный зовъ ея трушу** —
 анчашнорык **Живемъ твоимъ отъчу!** —
 анчашнорык **Иду на щитъ, чтобъ зрнть твои!** —
 анчашнорык **Врагамъ не выдать умирая главу атрону!** —
 анчашнорык **И побужденъ одной судьбой** —
 анчашнорык **Умру, чтобъ бытословля!** —
 анчашнорык **Клянуся сердцемъ и мечомъ:** —
 анчашнорык **Иль на щитъ, завую щитомъ!** —

Сень-Марте задумчиво слушалъ Депорта. Когда онъ кончилъ, Сень-Марте вздохнулъ и тихо сказалъ :

- Какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ этого рыцаря!
- То есть, какъ? спросилъ Депортъ.
- Такъ! Слѣть романсъ подъ окномъ Дувра, съѣсть въ Марсели на корабль и очутиться за тысячу миль отъ Франціи.
- Если такъ, постоитъ, я вамъ спою другой романсъ.
- Не хочу, не хочу... Пѣніе наводитъ на меня тоску.... Переменяемъ разговоръ.

И слово за слово, пошла разсказъ о любовныхъ похожденияхъ. Депортъ немилосердно гналъ и хвасталъ. Между-тѣмъ ночь почти проредела. Вдругъ раздались шаги по корридолу, вошелъ Николай со свѣчкой и письмомъ.

— Что такое? спросилъ въ досаду Сень-Марсъ.
— Не знаю; отъ архіепископа парижскаго притащилъ нарочный.

— Вотъ еще одно изъ удовольствій твоей службы, сказалъ Сень-Марсъ; прочитаешь бумагу и поднимаясь изъ-за стола. Давай одеваться... И очень нужно умирать ночью! негь бы до утра подождать!

— А что умеръ? осмѣлюсь спросить.

— Пріоръ кармелитскаго монастыря.

— Не имѣю чести знать.

— Король весьма любилъ и уважалъ отца Виганда, говорилъ Сень-Марсъ, одеваясь. И какъ странно умеръ! Причащалъ какого-то больного; воротился домой; пошелъ ужинать; отецъ Вигандъ жалевшаяся на себя, началъ читать молитву, зашатался; едва успѣлъ монахи подхватить его, и отнесли въ постель уже трупъ Виганда.

— Удивительно! Истинно удивительно!

— Впрочемъ, отецъ Вигандъ былъ крѣпко старъ. Чего онъ не помнилъ!.... И король очень часто посылалъ къ нему за справками, какъ въ архивъ.... Ну, прощай, Филиппъ!

— Да куда же вы идете ночью?

— Будить короля.

— Какъ! будить его величество, потому-что скончался монахъ?

— Нѣтъ; потому-что скончался другъ короля. Я имѣю повелѣніе въ подобныхъ случаяхъ не откладывать до утра и будить его величество, потому что король встаетъ, прочитаетъ вмѣстѣ со мной и отцемъ Сирмондомъ всѣ молитвы за упокой, велитъ звонить въ колокола, и подъ ихъ звукъ опять уснетъ сладкимъ сномъ. Ничего, сходи разбуди отца Сирмонда и скажи, что отецъ Вигандъ скончался; а, возвращаясь, разбуди монаха: пусть будетъ готовъ. — Ты спишь, прибавилъ Сень-Марсъ въ полголоса: ты спишь, прекра-

сная, и: Ме. могаешь, какъ я провинился сойтать
 твоимъ, какъ усердно исполняю мою тяжкую, скучную
 службу. — Ну, прощай!

— Господишь великій, благодетель мой: могу ли я
 отлучиться завтра въ Парижъ? Надобно же много по-
 лаопогаты объ жене и дѣлкахъ.

— Побзжай, неважай. Я снажу карано, что отку-
 стилъ тебя на три дня... Впрочемъ, я ж сегодня ска-
 залъ, что ты отпросился у меня на несколько дней...
 Прощай!

Сентъ-Марсъ изчезъ изъ виду. Лакеи разбѣжались, и
 Депортъ, нѣсколько разъ оглянувшись, постучался въ
 дверь Сентъ-У.

— Надо позманониться, тимо прешенталь онъ: мы
 сослуживцы.

МЫСЛЬ О ЖИЗНИ.

Я люблю Божій міръ,
 Какъ сзываетъ онъ, порой;
 Яснымъ лѣтомъ на ширь
 Всю природу.
 Свой шатеръ голубой
 Нарумянить зарёй,
 Дугъ одвѣстъ ковромъ,
 И размететь по немъ
 Серебристую воду,

А дышаньемъ цветковъ надушить свой зѣнрь.

О! хорошъ Божій міръ!

Въ міръ много людей,
 И родныхъ, и друзей,
 Много женщинъ пригожихъ.
 Много милыхъ минутъ,
 Наши мысли сочтуть,
 Сердце тоже,
 Среди краткихъ дней,
 Чтò мы жизнью своей

По привычкѣ зовемъ, не забывая о смыслѣ.

Свѣтъ хорошъ для того,
 Кто глядитъ на него

Какъ онъ есть, а не въ призву ребяческой мысли.

Жить, какъ люди живутъ,
 День за днемъ, какъ-нибудь,
 За людьми, за толпой;
 Иногда погрузить,
 Посмѣяться порой,
 Полюбить, разлюбить,
 Помечтать при лунѣ
 О бывалой веснѣ,

Да подумать о скромномъ обѣдѣ не много, —
 И тихонько, въ черёдъ,
 Мой челнокъ доплывётъ:
 И надолго потомъ
 Я возьму чередомъ
 Тихой сонъ, да могилку у Бога.
 Такъ, съ цвѣтка на цвѣтокъ,
 Золотой мотылькѣ
 Прокочуетъ, какъ мы,
 До урочной зимы.

С. СТЕПАНОВЪ.

ПОЭТЪ.

Какъ капля свѣтлая предутренней росы
 На мигъ одинъ къ цвѣточку прилипаетъ:
 Но брызнетъ солнца лучъ, — она опять въ выси!
 Взвилась, разсыпалась, въ поднебесьѣ гуляетъ,
 И станетъ, малая, она землѣ покровъ
 Отъ утомительнаго зною,

Дождась прозрачной пеленою
 Въ воздушной ткани облаковъ.
 Изъ края въ край, въ равнинахъ свѣта,
 На волю вихрю вручена,
 Въ броню свинцовую одѣта,
 Въ выси покатится она.
 Какъ знамя бранное, растянеть
 Она размахъ широкихъ криль,
 И, зыблясь, середь неба станеть
 Въ строю молніеносныхъ силъ :
 Тогда, или дождемъ прольется
 И жажду весей напоить ;
 Иль радугой по небу перевьется
 И, семи-цвѣтная, въ лазури заблеститъ ;
 Иль, въ нѣдрѣ молніи сжимая,
 Небесъ оплотная стѣна,
 Повиснетъ туча громовая,
 Величья грознаго полна,
 И въ громъ бурь истаеая,
 На землю рухнетъ она.

Такъ и поэтъ : на мигъ въ пыли,
 Поденщикъ, рабъ своей неволи,
 Коснеть въ горестной юдоли,
 Между ничтожества земли.
 Но нѣтъ святынѣ униженья !
 Возстанеть міра благодать !
 Взойдетъ свѣтло вдохновенья, —
 И свѣту съ мракомъ расторженье
 Его уста благовѣстятъ !
 Какъ птичка Божья, встрепанетъ
 Минутно смолкнувшій поэтъ :
 Огъ чувствомъ въ звуки перельется,
 Въ тѣхъ звукахъ небо отзовется,
 На пламени почиетъ свѣтъ....
 Вдымая чувство выше края,

Душа въ немъ рвется и кипитъ :
 Земное душу бременить ;
 Ему тѣсна юдоля земная,
 И рвется онъ къ странѣ другой,
 Гдѣ Безначальное Начало
 Въ Себѣ Однимъ, Однимъ Собой,
 Звѣно творенія связало,
 Гдѣ Безпредѣльный въ тмѣ чудесь
 Облекся ризою небесъ.

Избранникъ онъ, и чувствомъ вдохновенный,
 На языкъ земномъ небесное поетъ,
 И старецъ молится той пѣснью умиленный,
 И юноша, ему внимая, слезы льетъ.
 Ярмо несчастія страдалецъ забываетъ,
 Въ темницѣ узникъ плѣнь и тяготу цѣпей,
 И въ трепетъ отъ нихъ безчувственный злодѣй
 Надъ падшей жертвою поднятый ножъ роняетъ.
 Поетъ, — и пѣснь его, какъ ропщущій потокъ,
 Какъ сквозь вѣтвей въ тѣни шумящій вѣтерокъ,
 Дыша отрадою, блаженство навѣваетъ
 На душу силой чаръ гармоніи своей,
 И въ сердце звуками глубоко западаетъ.
 И слезы брызжутъ изъ очей.

То вдругъ, по волю Провидѣнья,
 Какъ громъ, грохочущій въ отзвухахъ по горамъ,
 Какъ бури вой, предвѣстникъ разрушенья,
 Укорами гремитъ заблудшимъ племенамъ.
 Какъ судія протекшихъ поколѣній,
 Онъ сталъ пятой на ихъ гробахъ,
 И приговоръ минувшихъ преступленій
 Онъ пишетъ молніей на мрачныхъ временахъ,
 И время мощное его съ себя не смоесть :
 Онъ страшень, онъ жестокъ поэта приговоръ,
 И хартія нетлѣнная въкамъ откроеть
 Минувшихъ лѣтъ и славу и позоръ.

И солнце свѣтлое неразъ взойдетъ въ сѣнь,
 И тысячи вѣковъ надъ міромъ пролетятъ,
 Народы, земли вспелютъ:
 Но живъ поэтъ!..., громовыхъ струнъ бряцанья
 Паденіемъ своимъ они не заглушатъ.

В. СОКОЛОВЪ.

ЛИРА.

На русскомъ Парнассѣ есть лира;
 Струнами ей — солнца лучи,
 Ихъ звукамъ внимаютъ полъ-міра:
 Предъ ними самъ громъ замолчи!

И въ черную тучу главою
 Небрежно уперлась она;
 Могучій утесъ — подъ стопою,
 У ногъ его стонетъ волна.

Два мужа на лирѣ гремѣли,
 Гремѣли могучей рукой;
 Къ нимъ звуки отъ неба слетѣли,
 И приняли образъ земной.

Одинъ былъ старикъ величавый:
 Онъ мощно на лирѣ бряцалъ.

Вънцомъ немерцающей славы
Поэта мѣръ хладный вънчагъ.

Другой былъ любимый сынъ Феба :
Онъ пѣсни допѣть не успѣлъ,
И въ светлой обители неба
Ужъ исповѣдь сердца допѣлъ.

Пѣвецъ тотъ былъ славенъ и молодъ :
Онъ пѣснейо смертныхъ увлекъ,
И мѣра безжизненный холодъ
Въ волшебные звуки облекъ.

Угасли ! Въ святѣя селеня
Умчавшись, съ собою унесли
И лиру, одно утѣшенье
Средь бурь и волненій земли !....

С—ВЪ.

ЭВЕЛИНА ДЕ-ВАЛЬЕРОЛЬ.

РОМАНЪ Н. В. КУКОЛЬНИКА.

II.

ДЖУДИТА ВАОЛИ.

Mazarin! songez à vous!
On vous connaît, presque tous.
Vous faites à chaque place
Quelque tour de passe-passe....

LES TRIOLETS MAZARIN, 1648.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Великодушье.

Денортъ съ гередекимъ стрѣлкамиъ подѣзжалъ къ своей грязной улицѣ. На встрѣчу ему изъ Райскаго Переулка показавось Распятіе : за нимъ орденъ: бисыхъ кармелитовъ, съ погребальнымъ пѣніемъ, предвѣствовалъ простому, покрашенному, деревянному грѣбу, безъ обычныхъ орнаментовъ. Грѣбъ этотъ носили ищіе. За нимъ шелъ огромный человекъ безъ шапки, въ полу-драгунскомъ костюмѣ, но безъ оружія. Вои-

ственное лицо Помпея украшено было однимъ длиннымъ, чернымъ съ просѣдью, усомъ; другая сторона верхней губы была вся въ морщинахъ отъ старой раны. Нискогда не сминувъ и на неперекатную губу, лицо Помпея было величественно, открыто; черные глаза сверкали: онъ шелъ съ какою-то гордостью. За нимъ ползла куча нищихъ, всегдашнихъ провожатаевъ на последнее жилье въ этой жизни. Густая толпа, недвижно, плотные стѣны, составляла непреодолимую баррикаду въ Райскій Переулокъ. Изъ толпы раздавался вопль, прямо противъ дому кожевника Обана.

«Не случилось ли чего у насъ въ домѣ?» сказалъ Депортъ, и повѣхалъ прямо на толпу; но никто и не думалъ дать дорогу всадникамъ: черезъ головы онъ только могъ видеть, что кричала молодая, прелестная дѣвушка. Обнявъ держала ее другая женщина; но дѣвушка кричала «Пустите! Пустите!» и рвалась къ толпѣ, которая, протянувъ къ ней руки, казалось, говорила: «Нельзя! Не пустить!» Когда процессія повернула за уголъ и трюбъ скрылся изъ виду, дѣвушка подняла глаза и руки къ небу. «Совершилось!» сказала она: какъ-будто успокоилась и, отирая глаза, довольно твердо пошла къ своему дому. Толпа двинулась за нею. Примѣтивъ въ народѣ жену и дѣтей, Депортъ повѣхалъ за ними. Но дѣвушка не могла войти въ домъ свой. У воротъ стоялъ городской стрѣлокъ и не впускалъ никого. На углу, въ старшинѣ опечатывалъ двери печатью ратуши. Стрѣлки запирали ставни и прибивали шуры для печатей. Дѣвушка въ отчаяньи отступила, и взглянула, какъ-будто спрашивала, что значитъ этотъ неожиданный второй обрядъ. Депортъ довольно свободно проѣхалъ къ нему и дѣтямъ.

«Длинны! что все это значитъ?» спросилъ онъ.
«Минусъ и недумалъ», отвѣчала Джулига, отирая слезы: «вѣдь только-что пошла на кладбище; она

ночью увели въ темницу; дождь и всѣ пожитки взяли въ казну.... Куда она теперь, бѣдная, дѣнется?

Депортъ почесалъ ватылокъ и сказалъ :

— Да, трудненько! Впрочемъ, въ этомъ большой бѣды для нея не вижу. Молода, хороша собой!.... въ Парижѣ не пропадетъ : надобно только умѣнье....

Сосѣди страшно посмотрѣли другъ на друга и на Депорта : это были мастеровые хозяева, ихъ жены и дочери. Только въ этомъ классѣ людей и сохранялись послѣднія добродѣтели французскаго народа : высшія касты и грязная чернь съ острова Святаго Людовика предавались разврату шумно, открыто. Не доставало двухъ трехъ дерзкихъ зачинщиковъ, и Парижъ вывелъ бы на улицы свои безстыдныя похождения, какъ было въ Римѣ предъ изданіемъ Legis Porciae. Депортъ замолчалъ : онъ зналъ, что парижскій народъ отъ безмолвнаго негодованія быстро переходилъ къ неистовству и, въ злобѣ, любилъ портить мостовую и метать камешки. Дѣвушка засмотрѣлась на толпу; какъ небо голубые глаза не выражали ничего; всѣ чувства были убиты; она не плакала, не стонала : нѣтъ, была спокойна, а страшно было глядѣть на нее. Но зато женщина, которая прежде удерживала ее, теперь плакала, проклинала судей, предстоявшихъ и самого кардинала.

— Куда теперь дѣнется Эвелина! кричала она. Въ монастырь что-ли итти ей?

Эвелина съѣла на прилавкѣ у воротъ своихъ, приложила голову къ забору, и безмысленно, безмужственно, глядѣла на синее небо. Старшина отъ причетовъ удалился, приложивъ печати къ воротамъ и пристаивая къ нимъ еще одного стрѣлка. За старшиной, мало-помалу, разошлись и люди, искренне соболтавая о несчастной Эвелинѣ. Депортъ не сводилъ съ нея глазъ и, когда толпа значительно уменьшилась, онъ соскочилъ съ до-

шади, отдалъ поводья стрѣлку, а самъ взялъ Джудиту за руку и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Фанни, будь ей второю матерью! сказалъ Депортъ съ трагическою важностью. — Утѣшьтеся, благородная дѣвица. Богъ посылаетъ вамъ помощь: нашъ домъ, наше состояніе, все къ услугамъ вашимъ!

— Встаньте, Эвелина, поблагодарите добрыхъ людей! сказала служанка.

Толпа снова стала собираться. Эвелина протянула руку, но нельзя было понять, что значило это движеніе.

— Поцѣлуй, Фанни, эту несчастную руку! сказалъ Депортъ, заливаясь слезами.

Джудита охотно повиновалась, но Эвелина не допустила, вскочила съ прилавка, бросилась на шею Джудиты и зарыдала. Всѣ были тронуты; служанка упала къ ногамъ Депорта, Джудита оглянулась и сказала мужу:

— Давно бы такъ! Великодушіе — красота мужчины, и я не забуду вашего поступка!

Филиппъ не плакалъ, но почтительно наклонился и отиралъ глаза.

— Богъ наградитъ васъ, добрые люди! кричали женщины изъ толпы.

Эвелина подняла голову.

— Пойдемъ, милая, сказала Джудита. Я мать, но у меня нѣтъ дочери.

Эвелина обняла одною рукою Джудиту и, опустивъ голову на плечо ея, тихо пошла къ дому ювелиника Обана.

— Пойдемъ! сказалъ Депортъ, улыбаясь и взявъ за руку служанку: и для тебя станетъ мѣста; а Эвелина не можетъ нуждаться въ твоей помощи.

За Депортомъ шли слѣдомъ всѣ сосѣди; женщины осыпали его благословеніями, но мужчины шептались и покачивали головами.

Прошло нѣсколько мгновений, и Депортъ ушелъ со двора не безъ опасенія : у воротъ толпа сосѣдей представляла какъ-бы враждебную армію съ непріязненными замыслами. Едва онъ скрылся изъ виду, разношерстные мѣщане поползли на дворъ Обана. Кожевникъ, услышавъ голоса добрыхъ своихъ пріятелей, бросилъ работу и вышелъ на дворъ.

— Скажи, пожалуйста, Обанъ, сказалъ бондарь Колѣ : какіе это у тебя живутъ люди?

— А что? съ самодовольной улыбкой спросилъ Обанъ.

— Да такъ, мастеръ, отвѣчалъ бондарь Колѣ : странно что-то.

— Да что тутъ страннаго? Будто ужъ въ предместьѣ только и жить бѣднымъ дворянамъ да нашей братьѣ!

— Да не то, мастеръ : вѣдь и этотъ жилецъ-то твой не мѣ знаетъ! Какой-нибудь изъ челяди герцогской или графской....

— Поднимай выше....

— Ну, такъ писарь торговый.

— Выше, выше..... Посмотрѣли бы вы, какъ онъ пера самого старшину пугнулъ : не зналъ, какъ угодить!

— Да кто же онъ!

— Такъ.... Ничего.... Придворный живописецъ.... Съ перомъ разговариваетъ!

— Что ты это, мастеръ!

— И теперь-то онъ изъ Сенъ-Жермена пріѣхалъ; къ королю вчера картины возилъ.

— То-то у него такія дворянскія рѣчи!

— Да, да, дворянскія, гордо говорилъ Обанъ : у него слова словно журавли летятъ. У старшины языкъ изъяснитъ какой, а прикусилъ вчера : такъ онъ его держалъ!

— Все такъ, мастеръ, да страшно за нашу добрую репутацию. Вѣдь она у насъ на глазахъ выросла; и покой-

ница-то ея матушка ангелъ была, по всей улицѣ только объ ней и говорили; и бѣднымъ помогала: а сама въ какой нищетѣ жила до прїѣзду капитана!... Такъ вотъ, видишь, по всей улицѣ теперь толкъ идетъ, не отнять ли нашей Эвелины у чужихъ людей, да не сложится ли? Пусть ее на хлѣбахъ держитъ Каролина, портниха. У ней и работа есть всегда, и дѣвчушекъ своихъ въ такомъ порядкѣ держитъ, и веселѣе у знакомой.

— Охъ, вы головы, головы! сказалъ Обанъ. Понимаете ли, что вы этимъ поступкомъ оскорбите короля?

— Какъ такъ? спросилъ бондарь, испуганный замѣчаніемъ Обана.

— Да вѣдь господинъ-то изъ придворныхъ.

— А можетъ, кардинальскій.

— Нѣтъ, королевскій, я вамъ говорю.

— Эй, Обанъ, какъ хочешь, а только тутъ что-то не ладно!

— Да съ чего вы взяли?

— Съ чего?....

Въ это время на крыльцо вышла Джудита. Смутное но прекрасное лицо ея было осѣнено глубокою, тайною, грустью. Ей было не болѣе двадцати пяти или шести лѣтъ, но чело уже носило складки, вѣрные признаки скучной, хлопотливой, досадной жизни; губы, прекрасно созданныя, были сухи и блѣдны; глаза, драгоценнаго блеску, но впалые, еще сверкали какъ угасающія уголья.

— Обанъ! Обанъ! потрудитесь принести дровъ на кухню, сказала она весьма прїятнымъ голосомъ, но произношеніе ей измѣнило.

— Сейчасъ сударыня! отвѣчалъ Обанъ накладывая баремя.

— Италіянцы! Италіянцы! зашумѣли сосѣди.

— Охъ, вы головы, головы! отвѣчалъ Обанъ. Да какіхъ народовъ у нашего короля нѣтъ! И такіе случи-

ли! А что они за Итальянцы? Мосье Депортъ, да еще Филиппъ! Ну, что? развѣ не Французы?

— Да ты почему знаешь?

— Да вѣдь старшины обманывать нельзя! Полно водничать! Пошли по домамъ! Каждый береги свой носъ, а въ чужіе двери не суй.

— Разводи итальянщину! уходя говорили сосѣди: посмотримъ, каково изъ этого омуту выйдешь! — Пойдемъ, а посматривать все-таки не мѣшаетъ.

Джудита стряпала на кухнѣ; дѣти вертѣлись около матери; служанка, утомленная бессонницей и горемъ, спала въ креслахъ; Эвелина сидѣла у окна въ глубокой задумчивости. Окно было незаперто; вѣтеръ поворачивалъ то окно то ставни; сосѣди все-еще не могли разойтись. Вдругъ, по улицѣ, пробѣжалъ молодой человекъ мимо оконъ. Эвелина вдрогнула, вскрикнула «Альфредъ!» и перевѣсилась черезъ окошко. Альфредъ стоялъ уже у воротъ садовника Обана; хотѣлъ войти, но увидѣлъ стрѣлковъ, печати, и окаменѣлъ на мѣстѣ. Сосѣди окружили его, указывали на домъ кожевника, на окно, и, какъ стрѣла, Альфредъ добѣжалъ къ устью палисаднику, отдѣляющему домъ Обана отъ улицы.

— Эвелина! закричалъ онъ. Неужели?....

Она плакала.

— Въ одну ночь лишиться всего!

— Всего, Альфредъ! рыдая отвѣчала Эвелина: даже надежды!....

— Нѣтъ, Эвелина, небеса справедливы! Я презрѣлъ скудную плату за недостойную работу, презрѣлъ потому, что не видѣлъ еще пропасти, въ которую васъ бросили обстоятельства. Но теперь я буду трудиться: я возьму съ бою славу, богатство; я буду исполномъ въ работѣ. И день и ночь рука моя не оставитъ кисти; мои старанія будутъ только тѣ блаженное мгновеніе, когда

я прибѣгу къ этому окну, взгляну на вась, и снова въ Лувръ, на шаткіе подмостки.... Благословите, Эвелина!

Эвелина рыдала, и сама не зная что дѣлаетъ, послала троекратное знаменіе креста счастливому Альфреду.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Школа.

*Pierios differ cantusque chorosque sororum,
Aes dabit ex istis nulla puella tibi.*

МАРЦІАЛЬ.

Альфредъ бѣжалъ въ Лувръ безъ оглядки.

— Гдѣ мастеръ Симонъ? спросилъ онъ у перваго слуги, который ему попался еще на набережной.

— Спросите въ галереѣ: онъ или тамъ, или дома.

Въ галереѣ было много людей, много художниковъ; но Вуэ не было. Альфредъ перескакивалъ съ балки на балку, съ кучи муссору на покрытый опилками помость; толкалъ работниковъ, задѣвалъ шпаги дверянтъ и не извинялся, видѣлъ знакомыхъ художниковъ и не кланялся. Глаза его искали и нигдѣ не находили начальника французской школы.

— Гдѣ мосѣ Вуэ? закричалъ онъ, остановясь на парадной лѣстницѣ.

Работники расхохотались. Лемерсіе стоялъ на той же лѣстницѣ и на балюстрадаѣ, который тогда ставили на мѣсто, карандашемъ что-то рисовалъ и показывалъ каменщику. Крикъ Альфреда возбудилъ его вни-

ние; онъ посмотрѣлъ на дерзкаго съ досадою и громко сказалъ :

— Молодой человекъ! здѣсь козыниъ король а не Вуэ... Симонъ сидитъ дома и злится. Не советую поддаваться въ такія минуты оскорбленному мастеру.

Альфредъ ничего не понималъ. «Дома?» закричалъ онъ по-прежнему и бросился мимо Лемерсиё къ дверямъ.

— Тише, сумасшедшій! сказалъ главный архитекторъ. Онъ опрокинетъ балюстраду!....

Но Альфредъ былъ уже далеко.

Симонъ Вуэ, безъ верхняго платья, съ растрепанными волосами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ Луврской своей квартирѣ. Нѣсколько человекъ молодыхъ художниковъ молча стояли въ глубокомъ окнѣ, в со страхомъ и трепетомъ поглядывали на неистоваго Акса. На полу валялись семь книгъ съ рисунками Луврской Галереи.

— Конечно! говорилъ онъ, толкнувъ ногой седьмую книгу : ни одной картины, ни одного рисунка не дамъ! Посмотримъ, какъ москѣ де-Нойё будетъ расписывать галерею!

— Да что имъ за дѣло! сказалъ молодой человекъ : будто они думаютъ объ искусствѣ! Вообразили, что Луврская Галерея — золотое руно; тутъ-то наживутся, особенно если Лемерсиё останется.

— Лемерсиё не останется! горько улыбнувшись воскликнулъ Вуэ. И Лемерсиё, и Фукиерръ, и всѣ наши, такъ называемые, друзья и пріятели, уже были съ клономъ у де-Нойё, уже поздравляли кардинала съ новою побѣдой. Друзья наши, друзья въ глаза говорили Ришліё, что къ числу величайшихъ подвиговъ его принадлежитъ назначеніе де-Нойё начальникомъ работы!

— Но, мастеръ; по-крайней-мѣрѣ вы не можете жаловаться на вашу школу!

— Дакъ мнѣ, отвѣчалъ Симонъ обнимая юношу: да, вы поступили благородно, честно. Обида учителю — обида ученикамъ; вы отказались отъ работъ; вы пришли ко мнѣ съ утѣщеніемъ; но, Дебрёнъ, досада меня не ослабляетъ! Ступайте всѣ назадъ! Я не хочу, чтобы красный котъ за меня преслѣдовалъ цвѣтъ нашихъ художниковъ.

— Нѣтъ, мастеръ! не знаю какъ другіе, но мы съ Дюфреноа дали другъ другу честное слово безъ васъ не работать.

— Дѣти мои!... въ восторгѣ сказалъ Вуэ. И мы покажемъ Франціи, гдѣ ея таланты! — Ну, а ты, овечка? спросилъ онъ другаго молодаго человѣка, весьма бѣдно одѣлаго и стоявшаго позади всѣхъ.

— Я, мастеръ Симонъ?..... покраснѣвъ говорилъ юноша.

— Ну, ну, что? Полно скромничать! Сманили?... Безъ меня далеко не уйдешь!

— Я, мастеръ?..... заикаясь отвѣчалъ молодой человѣкъ, и не могъ кончить; его выручилъ Дюфреноа.

— Лессюэръ, сказалъ онъ, уже работалъ въ Луврѣ, когда мы пришли въ галерею и объявили, что мастеръ Симонъ оставляетъ работы. Лессюэръ первый отрянулъ кисть, свернулъ рисунки и сошелъ съ подмостковъ. «Что, овечка?» спросили мы. Лессюэръ, не отвѣчая ни слова, ушелъ, и мы нашли его въ вашей прихожей: онъ боялся войти одинъ и первый.

— Что же ты думалъ, моя овечка? Скажи, что ты хотѣлъ сказать мнѣ?

Лессюэръ потупилъ глаза и, запинаясь на каждомъ словѣ, отвѣчалъ:

+ Сыну стыдно оставлять отца; ученику учителя.

— Bravo! закричали всѣ.

— Лессюаръ иначе не говоритъ какъ афоризмами, ска-
завъ Дюфреноа.

— Иногда изъ печатныхъ книжекъ, прибавилъ Ле-
бренъ тихо.

Въ это мгновеніе вошелъ Депортъ. Симонъ едва могъ
скрыть свое бѣшенство. Депортъ подавъ ему бумагу
довольно почтительно, но уже безъ прежней унижен-
ной учтивости. Симонъ на-скоро пробѣжалъ бумагу,
вырнулъ ея прямо въ лицо Депорту, и сказалъ отры-
висто :

— Не ко мнѣ! Ошибка! Я болѣе не начальникъ двор-
ловыхъ работъ, не первый живописецъ короля фран-
цузскаго! Нѣтъ! я просто — Симонъ Вуэ, основатель и
глава французской школы живописи.

— Да какъ вы смѣете?.... началъ Депортъ.

— Что-бъ? завопилъ въ бѣшенствѣ Вуэ, засучивая ру-
кава сорочки.

И всѣ ученики, кромѣ Лессюера, двинулись за уч-
телемъ.

Вбѣжалъ Альфредъ, блѣдный, отчаянный и бросилъ
ся къ ногамъ Вуэ.

— Мастеръ Симонъ! я на все согласенъ! Но пустите
меня скорѣе на луврскіе подмости.

— Прочь! закричалъ Вуэ. Прочь! Ступай къ де-Нойё,
къ кардиналу; ступай къ его племянницѣ, герцогинѣ
Эгильонской. Ты молодъ, ты хорошъ: волочишь; расти-
рай краски, когда она будетъ рисовать портретъ кота
въ ватиканской ливрѣ! И тебя пожалуютъ въ ординар-
ные живописцы. Видишь, посмотри, вотъ лионскій ма-
ляръ, можетъ-быть краскотеръ! А посмотри, погляди:
все платье съ иголки! Фламандскія кружева! Какія
перья на шляпѣ! Пуговицы съ камешками! Брильянти-
ки на пряжкахъ! Даромъ не достанемъ такого наряду!
А, помнишь, какъ въ лохмотьяхъ пищаго онъ хва-
сталъ дряннымъ, и то чужимъ, мараньемъ?

— Мастеръ Симонъ! жалобно сказалъ Альфредъ.

— Прочь! Не хочу! Я переѣзжаю изъ Лувра, по-прежнему открываю мой домъ, мою дорогую школу, гдѣ растеть слава Франціи.... Прочь! Не нужно!

— Молодой человекъ, съ важностью сказалъ Депортъ: я васъ беру въ мою школу, и мы увидимъ, гдѣ разцвѣтетъ слава Франціи, у старыхъ ли педантовъ, или у свободныхъ поклонниковъ истиннаго искусства.

— Ахъ ты, харемазъ!.... закричалъ Вуэ. Вонъ!

— Пойдемъ, пойдемъ, молодой человекъ. — А тебя уймуть, рисовальная машина! Все будетъ известно кардиналу.

— Да чѣмъ же ты и взялъ, если не доносами, разбойникъ?....

Ученики бросились на Депорта, но онъ, схвативъ Альфреда за руку, бѣжалъ безъ оглядки, и вскорѣ скрылся въ темныхъ переходахъ дворцовыхъ корридоровъ.

— Онъ ушелъ! говорили художники возвращаясь въ покои Вуэ.

— Они ушли! сказалъ Депортъ, но мечь моя найдеть ихъ, догонить. — Молодой человекъ, я видѣлъ вашу работу вскользь, и ожидаю отъ васъ много.... Но, послушайте: чего вы ищите?

— Денегъ, денегъ, и денегъ! отвѣчалъ Альфредъ отчаянно и такъ громко, что Депортъ схватилъ его за руки и сказалъ:

— Тихе, ради Бога, тихе! Я вижу, вы не изъ педантовъ.... Деньги будутъ, я ручаюсь, но, слово честнаго человека: будете ли вы слушаться моихъ совѣтовъ?

— Честное слово! Только давайте работу!

— Послушайте: эти парики лучше клеветуютъ нежели пишутъ; у нихъ есть связи, покровители; надобно предупредить ихъ замыслы, и я долженъ ѣхать въ Сень-Жерменъ, не откладывая ни на минуту. Завтра приходите ко мнѣ. Я живу въ предмѣстьѣ Сень-Дени въ Райскомъ Переулкѣ, въ домѣ кожевника Обана.

— Обана?.... съ изумленіемъ спросилъ Альфредъ.

— Вы знаете? Тамъ приходятъ же завтра и мы отпросимъ школу. За работу!... До свиданья!....

Долготъ исчезъ. Но Альфредъ долго еще стоялъ въ раздумь, волнуясь то надеждой то невольнымъ страхомъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Намъки.

Огромный полу-драгунъ шелъ ровнымъ скорымъ шагомъ по Райскому Переулку; съ другой стороны по улице бѣжалъ ему на встрѣчу Альфредъ.

— Гаръ-Пионъ! закричалъ онъ, ты ли?

— А то кто же! отвѣчалъ Помпей, поправляя единственный усъ.

— Откуда?

— Съ похоронъ.

— Но кто похоронилъ ее? Простился ли съ нею капитанъ? Гдѣ онъ?....

— Все на порядкахъ, все на порядкахъ! Она отошла еще при капитанѣ; потомъ пришли господа черные, взяли и увели самого въ городскую тюрьму; а теперь нечего и вѣтъ: я заходилъ навѣдаться. По утру увезли: а ужъ куда, и сами не знаютъ.

— На тей счетъ похоронили Луизу?

— Ну, нашлись люди! отвѣчалъ Гаръ-Пионъ, покручивая усъ, и улыбаясь самодовольно: слава Богу, вѣтъ еще бѣдняка, у котораго бы не хватило денегъ на похороны!

— А какъ вѣрно и на похороны далъ денегъ Де-Кортъ?

— Какой Депортъ? спросилъ Гарь-Пионъ съ неудовольствіемъ. Очень я и позволю чужому мѣшаться въ наши семейныя дѣла! И что за птица, этотъ господинъ?

— Королевскій живописецъ, который принялъ къ себѣ Эвелину.

— Какъ? принялъ къ себѣ Эвелину! Да развѣ ей въ своемъ домѣ стало тѣсно?

— Гарь-Пионъ! такъ ты еще много кое-чего не знаешь! Домъ и все имущество взято въ казну, по закону, послѣ изгнанника....

— Такъ, такъ. Есть законъ, я слышалъ. Но въ капитанскомъ домѣ остались вещи, и мои, и Жаннеты; мы не изгнанники: а я казнѣ дарить не намѣренъ..... А гдѣ живетъ живописецъ?

— Да вотъ мы у его оконъ.

— Знато! Дальше не пойду; такъ усталъ сегодня: миль шесть выходилъ. Преогромный этотъ городишка!

Сказавъ это, Гарь-Пионъ повернулъ къ воротамъ, у которыхъ Жанъ и Жеромъ любовались на огромнаго Помпея; дѣти бросились въ кухню къ матери.

— А какъ его зовутъ? спросилъ Гарь-Пионъ, нагибаясь чтобы войти въ калитку.

— Мосьё Депортъ.

— Важно! Коротко выговаривать: а то я и на своей фамиліи заикаюсь.

Слѣдуя за дѣтьми, Альфредъ и Гарь-Пионъ вошли на кухню. Джулита примѣтно испугалась.

— Не извольте тревожиться, сударыня, сказалъ Гарь-Пионъ почтительно: это меня, такъ, ядро провѣдомъ изковеркало; всей губы чуть неоторвало. Слава Богу, хоть одинъ усъ остался! а на этой сторонѣ, чортъ ихъ знаетъ, волосы не растутъ.

— Что вамъ угодно? спросила съ трепетомъ Джулита.

— Да что вы, сударыня, жена этого господина?..... какъ-нибудь его зовутъ?

— Депортъ, подсказалъ Альфредъ.

— Да, жена москѣ Депорта, или, милости вашей не во гнѣвъ будь сказано.... или его кухарка?

— И то и другое, отвѣчала Джудита, невольно улыбаясь.

— То-то! Гарь-Піонъ тотчасъ смѣкнулъ: по работъ — слуга, по лицу — барыня.

— Да что вамъ угодно, москѣ Гарь-Піонъ?

— Какой я москѣ! Я, сударыня, драгунъ. Послѣ вальтелинскаго дѣла пошелъ къ капитану Вальеролю: а ужъ съ однимъ усомъ и разбитыми ногами служить не приходилось.

— Послѣ вальтелинскаго дѣла?... къ капитану Вальеролю? краснѣя и дрожа спросила Джудита.

— Точно такъ, смѣю сказать, сударыня. Такъ вотъ, извольте видѣть: вы моего молодого командира въ полкъ взяли, такъ ужъ берите и армію. Сдаюсь.

— Да что же тебѣ угодно, любезный другъ?

— За ласки ваши молодой моей барышнѣ буду вамъ служить, какъ маршалу Шомбергу служилъ, тѣломъ и душою.

— Я не знаю, какъ мужъ....

— Мужъ въ хозяйствѣ сторона... позвольте, сударыня! такъ у васъ огонь потухнетъ, сказалъ Гарь-Піонъ, бросилъ шапку въ уголъ и подложилъ нѣсколько поленьевъ на очагъ.

— Очень благодарна, почтенный воинъ. — А вамъ что угодно? спросила Джудита, обращаясь къ товарищу Гарь-Піона.

Альфредъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Это, сударыня, подхватилъ Гарь-Піонъ, большой другъ покойницы капитанши.... Не то, что другъ, какъ бывають, а сынъ.... и не то, что сынъ, а... какъ бы объяснить?... Ну, да я вамъ послѣ скажу, а то онъ

еще больше покраснѣть.... Сиди смирно, нашъ Вандомъ.... То есть, не лѣзь намъ въ глаза кардиналъ, такъ мы бы скоро и свадьбу съиграли.... Ну, да я послѣ вашъ скажу! Дѣло, знаете, пока, тайное.

— Онъ ошибается, сказалъ Альфредъ, зачинаясь и краснѣя : совсѣмъ не то ! Мосѣ Делортъ былъ столько милостивъ, принялъ меня въ свою школу и приказалъ прійти.... навѣдаться....

— Въ свою школу ? улыбаясь спросила Джудита.

— Точно такъ, сударыня. Я полагалъ, что онъ уже возвратился изъ Сенъ-Жермена.

— Да, онъ пріѣхалъ оттуда очень рано.

— Онъ опять поѣхалъ туда : я имѣлъ честь съ нимъ видѣться у мосѣ Вуэ. Онъ располагалъ возвратиться къ вечеру или завтра.

Джудита улыбнулась и отвѣчала :

— Ну, такъ мы не будемъ дожидаться. Не хотите ли въ мою школу ? Она вамъ будетъ нужнѣе. Но прежде должно узнать, что объ этомъ думаетъ моя ученица. Откушайте съ нами, молодой человекъ. Помогите мнѣ утѣшить Эвелину.

И Джудита взяла большой горшокъ съ макаронами.

— Позвольте, позвольте, сударыня ! сказалъ Гаръ-Піонъ : не извольте беспокоиться ; это мое дѣло : подать сѣумью.

— Нечего дѣлать ! Любезный Гаръ-Піонъ, распоряжайся, милости просимъ.

— Чтó вы тутъ дѣлаете, господа, на кухнѣ ? сказалъ Гаръ-Піонъ дѣтямъ : не хорошо ! Ступайте въ комнаты.... А нето, я на васъ — передники, и кастрюли — въ руки.

Дѣти, покраснѣвъ, побѣжали въ столовую.

Гаръ-Піонъ поставилъ кушанье на столъ, и, какъ будто дома, отправился въ другіе покои. Въ третьей комнатѣ онъ нашелъ и Эвелину и Жаннету. Эвелина

проснулась, едва раздался скрипъ дверей; вскочила, и бросилась къ нему, заливаясь слезами.

— Помпей! мой бѣдный Помпей! мой несчастный Помпей!

— Пожалуйте кушать, отвѣчалъ Гарь-Шюнь, ни маю не измѣняясь въ лицѣ.

— Гдѣ матушка? Гдѣ отецъ мой?

— Матушка, какъ сами знаете. А капитанъ посланъ отъ короля за важнымъ дѣломъ въ Италию.... Дѣло къ сыну.... Нельзя было и попрощаться.... служба!....

— Такъ онъ не въ темницѣ?

— Чтѣ за вадорь!... Я самъ лошадей нанималъ.

— Но почему опечатали нашъ домъ, пожитки?

— Капитанъ приказалъ, для того чтобы вы не жили въ докъ, гдѣ скончалась ваша матушка. Такъ опечатаннымъ онъ и останется до его приѣзду.

Жаннета проснулась, и съ изумленіемъ слушала, какъ галъ добрый Гарь-Шюнь.

«Удивительный человѣкъ!» въ одинъ голосъ сказавши Джудита и Альфредъ въ другой комнату. Гарь-Шюнь, не безъ умыслу употребилъ въ разговоръ всю силу своего баса. Его невозмутимая физиономія, прямой, открытый взглядъ, все заставляло вѣрить словамъ его.

— Непонятно! сказала Эвелина. Какъ же онъ не подумалъ обо мнѣ?

— Вотъ то-то и есть, сударыня. Наша братья ужъ черезъ чуръ бываетъ усердна. Въместо того чтобы исполнить приказаніе капитана, пойти нанять вамъ квартиру, а разсудилъ прежде похоронить покойницу. Похороны исправилъ, пока нанялъ квартиру, а тутъ былъ все и устроилъ.... Простите, сударыня, виновать!

— Чтѣ же мы теперь будемъ дѣлать, Гарь-Шюнь? спросила Эвелина, волнуемая и недоувѣрчивостью и надеждой.

— Подумаеиъ на досугъ, а теперь, пожалуйста кушать. Мы въ чужомъ домъ: хозяйка дожидается.

Эвелина пошла въ столовую, а Гарь-Пионъ обратился къ Жаннетъ :

— Ну, мнѣ надо въ городъ сходить, квартиру отказать, а ты, пока, поди да послужи.

Присутствіе Альфреда, который подтвердилъ рассказы Гарь-Пиоча, и ласки доброй Джудиты, нѣсколько успокоили Эвелину. Примѣтивъ въ своей госпожѣ счастливую перемену, Гарь-Пионъ скрылся. Когда Жаннета ушла на кухню, Джудита стала долго и пристально разсматривать молодую чету. Глубокая грусть осѣнила прекрасное лицо хозяйки: она тяжело вздохнула. Альфредъ и Эвелина, какъ два эха, откликнулись на сердце Джудиты; но дѣти не обращали вниманія на большихъ, и, утоливъ голодъ, начали шалить и поссорились.

— Прочь отъ стола! сказала Джудита.

Дѣти заплакали. Несмотря на просьбы Эвелины и Альфреда, Джудита была неумолима.

— Прочь, прочь! повторила она : пошли въ свою комнату! Сидѣть тамъ смирно, пока не позову!

Дѣти ушли, заливаясь слезами и оглядываясь, не простятъ ли.

— Слава Богу, ушли! — Молодые люди, сказала Джудита, съ выраженіемъ искренняго участія : ваша взаимная любовь слишкомъ замѣтна.

И Альфредъ и Эвелина покраснѣли: Джудита продолжала :

— Молю васъ объ одномъ : скрывайте вашу любовь передъ моимъ мужемъ!

Альфредъ вскочилъ изъ-за стола. Эвелина подняла глаза съ изумленіемъ. Джудита продолжала.

— Конечно, не слѣдовало бы мнѣ давать такихъ совѣтовъ; но мы познакоимся ближе, и вы убѣдитесь, что я имѣю поводъ совѣтовать, имѣю нѣкоторое право на дру-

жду Эвелины... Если вы меня не обманули, мосьё Дени, то оставайтесь въ этой небывалой школѣ, посвящайте мнѣ домъ, но сохраните возможно холодный тонъ съ Эвелиной; если можно, даже видъ отвращенія.

— Что это все значить? спросила Эвелина, изумленная неожиданными совѣтами.

— Не опасайтесь ничего, моя добрая Эвелина. Богъ и васъ! Я и сама еще не знаю, гдѣ опасность; но знаю моего мужа. Я было повѣрила его великодушію, но потомъ вспомнила, что даромъ онъ не дѣлаетъ благодѣлій.

— Я не уйду отсюда, сказалъ Альфредъ, пока вы не скажете....

— Неблагодарный! сказала Джудита: развѣ моя искренность не ручается за мою дружбу и заботливость? Я одна могу уладить дѣло; вы только испортите его навсегда и безвозвратно... Вамъ и не снится, какъ силенъ Депортъ: открытое сраженіе мы проиграемъ непременно.... Впрочемъ, сколько я привыкла понимать его, опасность еще въ темной дали, и самъ онъ еще не знаетъ своихъ намѣреній.

— Что же намъ дѣлать, милая, добрая Джудита? спросила Эвелина.

— Вамъ?... лечь и отдохнуть; а Альфреду бѣжать отсюда какъ-можно скорѣе и приходиться, когда назначено.

— Но....

— Повинуйтесь! сказала Эвелина, вставъ и уходя въ свою комнату: повинуйтесь! Само небо говоритъ намъ устами Джудиты! Берите примѣръ съ меня. Прощайте.

Эвелина остановилась въ дверяхъ и сказала съ упрекомъ: — Альфредъ!

— Я повинуюсь, отвѣчалъ онъ, схватилъ шляпу, и скрылся.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Солдатъ.

Lorsqu'il faut entrer en garde,
Je fais moi seul tous les rangs.

MAGARINADES, 1649.

Гарь-Ционъ, устроивъ, какъ мы видѣли, домашнiя дѣла, отправился прямо къ окружному старшинѣ, или эшвену. Эшвенъ жилъ въ угловомъ домѣ, на той же улицѣ, и послѣ плотскаго обѣда изволилъ давать отеческiя наставленiя городскимъ стрѣлкамъ за дурное поведенiе въ продолженiи вчерашняго обыску. Обвинители стояли по правую руку, обвиненные по лѣвую. Старшина, въ шелковомъ халатѣ, безъ парика, и въ остроконечныхъ туфляхъ, сидѣлъ на деревянномъ табуретѣ. Старшина на всѣ доносы отвѣчалъ: «Мы разсмотримъ..... Приличную просьбу..... Ну, а ты о чемъ?.....» И слушанье дѣлъ продолжалось безостановочно. Вдругъ, двери съ шумомъ растворились, и фигура Гарь-Циона согнулась и выпрямилась передъ самымъ носомъ эшвена, который, покраснѣвъ отъ злости, закричалъ:

— На мѣсто! На три шага!

— Извольте сами отмѣрять, отвѣчалъ Помпей: а я, какъ три раза шагну, такъ всего дому не хватитъ.

— Кто ты таковъ?

— Драгунъ былъ, драгунъ есмь, и умру драгуномъ. Имя мое Помпей-Ипполитъ-Геновева, фамилiи не помню, прозвище Гарь-Ционъ.

— Чтѣ тебѣ надобно?

— Я пришелъ требовать моихъ вещей, которые вы противозаконно сегодня опечатали.

— Чтѣ ты тамъ бредишь?

— Солдатъ никогда не бредитъ. Некогда. Днемъ много дѣла; ночью крѣпко спитъ. Пожалуйте мои вещи.

— Да какия вещи?

— Во-первыхъ, арфу съ золотой львиной головкой.

— Ты сумасшедшій!

— Солдатъ съ ума сойти не можетъ. Некогда. Днемъ думать не досугъ; ночью ярѣлко спать. Во-вторыхъ, нѣтъ съ платьемъ: тамъ мои женскіе наряды.

— Да что ты это врешь?

— Солдатъ никогда не вретъ. Некогда. Днемъ служба, а наша служба на чистоту, безъ задоринки; а ночью.....

— Да какой это чортъ ко мнѣ пришелъ!

— Не извольте такъ говорить: грѣхъ!... и вашему званію не прилично: у васъ подъ командой и полковники и капитаны. Конечно, ваши офицеры не больше какъ старые купцы, да всё-таки городскіе тесаки носятъ. Конечно, ихъ тесаки всё-равно что кухонные ножи, да всё-таки оружіе; и если счетъ цвести, такъ вашъ капитанъ не старше сержанта италіанской арміи, полковникъ не старше унтеръ-офицера, а ужъ старшина всё-таки наравнѣ съ капитаномъ прійдется, и чортъ ему не компанія: я это, такъ, стороною говорю... Въ-третьихъ, тамъ мои игольники, наперстки, шпильки, ножницы, всякое такое швейное добро.

— Да пойдешь ли ты вонъ?

— Солдатъ безъ команды назадъ не пойдетъ..... Наконецъ, мои книжки и восковая роза... Пожалуйте мои вещи, господинъ старшина.

— Я тебя отправлю въ больницу.

— Не извольте гнѣваться! Вы могли описать и опечатать имущество москѣ де-Вальероля, только не имущество его слугъ: мы ни въ чемъ не виноваты. Пожалуйте мои вещи.

— Ну, въ умъ ли ты? Развѣ ты баба?

— Что-чтобъ баба, господинъ старшина, а имѣю женскія привычки: люблю читать книги, играть на арфу,

шить, и ходить въ женскомъ платьѣ на службу во дворецъ Ряннліѣ, когда играютъ комедіи.

Старшина расхохотался. И въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было вообразить женщину ростомъ съ Гарь-Шіона.

— Не извольте смѣяться, господинъ старшина. Вотъ, какъ король прїѣдетъ и капитана простятъ, такъ мы и потребуемъ всѣхъ вещей по этому списку, что у меня... А вы сегодня, безъ описи, на живую нитку, изволили печативѣшать. Противнозаконамъ! Я сегодня, у табачницы, изъ Судейскаго Дворца черненькаго видѣлъ; дѣло ему рассказалъ. Онъ и говоритъ:— Береги только опись; чуть только станутъ ломаться, просьбу въ парламентъ, или, просто, знакомому президенту, или совѣтнику, или прокурору: не дорого стоить!

Старшина смѣшался.

— Что же! мнѣ теперь къ любому совѣтнику пойти можно, продолжалъ Помпей: я служу не гдѣ-нибудь, а у придворнаго. Мосьё Депортъ—человѣкъ важный: портретъ съ короля пишетъ; такъ....

— Ты служишь у мосьё Депорта?

— Точно такъ, господинъ старшина. Пожалуйте мои вещи....

— Любезный другъ, я вижу, всѣ эти вещи принадлежатъ женщинѣ и, вѣроятно, дочери преступника, который.....

— Не извольте говорить преступника, а изгнанника!

— Ну, да, да!.... Мы можемъ сдѣлать это уваженіе для мосьё Депорта.

— Такъ сдѣлайте это уваженіе по-скорѣе, потому что мнѣ вещи нужны; а нето, не извольте гнѣваться, я пойду къ самому головѣ: такъ мосьё Депортъ наказалъ.

— Хорошо, любезный другъ, можно и сейчасъ выдать. Да кто мнѣ поручится?.....

— Да вы потрудитесь высеунуть носъ черезъ окошко: сами увидите, куда я переняшу мои вещи.

— Ну, хорошо! сказалъ старшина, и, написавъ записку, подалъ перо Гарь-Шюну.

— Что это?

— Роспишись въ полученіи вещей.

— Да я еще ничего не получалъ.

— Все-одно, получишь; и не только тѣ вещи, о которыхъ просишь, а можешь взять, что покажется: лишь бы для виду что-нибудь осталось. На всякой случай черное ходу я и не опечатаывалъ, изъ уваженія къ москѣ Депорту, а расписка — глухая. Мы ее должны имѣть.... сэрны!..... законы!.....

— Да какъ же я роспишусь, господинъ старшина, когда я писать не умью?

— А какъ же ты читаешь книжки?

— Да развѣ все-равно, что читать, что писать?

Старшина расхохотался, позвалъ капитана, кунца Оливье, и приказалъ выдать Гарь-Шюну вещи по его усмотрѣнію и приготовить объ ихъ реестръ для подлиннаго москѣ Депорту, маркизу и ординарному королевскому живописцу.

Джудита сидѣла у окна, ожидая Гарь-Шюна, и развѣдалась съ Жаннетой и дѣтьми, какъ бы скрыть отъ куца преждевременное посвященіе Альфреда. Гарь-Шюна не замедлилъ явиться, держа въ рукахъ восковую розу. За нимъ сосѣди несли шкатулку, огромный шкафъ, сѣчу и множество разныхъ вещей и вещицъ, по выбору Помпея. Процессія торжественно вошла на дворъ, шумно прославляя новый воинскій подвигъ Гарь-Шюна. Эвелина проснулась въ самое то время, когда Помпей съ розой вошелъ въ комнату.

— Роза моей матери!... вскрикнула Эвелина. Мои бездмушки!... мои платья!... Арфа!....

— Куда прикажите поставить ?

— Откуда ты взялъ, Гарь-Шюнь ?

— Капитанъ приказалъ.

Всѣ вещи были разставлены въ двухъ, почти пустыхъ, комнатахъ, и Гарь-Шюнь сталъ откланиваться.

— Постой, Помней ! сказала Джудита, и взяла съ него слово не говорить Деворгу объ Альерадѣ.

— Наше дѣло сторона, отвѣчалъ Гарь-Шюнь : въ любовныя дѣла вѣшаться не станемъ, а то еще перепортишь. Вѣтъ, еще до вальтелминскаго дѣла.... не помню деревушки.... и меня по сердцу прихватило. Такая важная попалась Италиянка!.... Хотѣлъ у нихъ въ деревнѣ и остаться..... Лучше было бы : усикъ мой на мѣстѣ бы остался. Да что ты будешь дѣлать ! Чортъ... извините, сударыня!... чортъ всегда возлѣ любви.... Въ ту же деревушку панскіе пришли, а съ ними и капитанъ : да такой подлинула!.... на-бѣду и краснѣв собой и богатъ; сменилъ мою пташку, да какъ ! Съ трехъ дней Берта ужъ и говорить со мной перестала.... Не знаю, чѣмъ кончилось ; мы въ походъ пошли.... да проклятое это сраженіе... и добро бы еще сраженіе, а то, просто, личная схватка.... Поцарапались.... а тутъ — ядро нимо!.... Кажется, и не попало въ меня.... чортъ знаетъ.... извините, сударыня!.... какъ далеко пролетѣло : а рожу исковеркало!.... Хорошо, что ужъ заразъ и усія любовь изъ головы вышибло.... Извините, сударыня !

— Не помнишь ли, отворачиваясь къ окну, дрожащимъ голосомъ спросила Джудита : какъ звали капитана ?

— Какъ же не помнить ! Помнилъ. Да ядро превзломъ нима вышибло. Послѣ-того я такъ сталъ на голову слабъ. свое нима забываю. Прощайте, сударыня.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Портретъ.

Гарь-Пюнь вышелъ за ворота, сѣлъ на прилавокъ и закурилъ трубку. Толпа соседей окружила его. Не успѣли размѣняться общими привѣтствіями, какъ въ толпѣ раздался крикъ : «Италянecъ ѣдетъ!» И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ улицы, на лошади показался Депортъ. Онъ вѣхалъ шагомъ; волею шелъ Альфредъ. Гарь-Пюнь отдалъ трубку сосѣду, а самъ отворилъ ворота и, снявъ шапку, ожидалъ новаго хозяина. Когда Депортъ вѣхалъ въ ворота, Гарь-Пюнь такъ громко крикнулъ «Поздравляю съ прїѣздомъ!», что Депортъ отъ страху и неопытности едва не свалился съ лошади.

— Не извольте пугаться, сказалъ Гарь-Пюнь, окладывая поводья : это я, Помпей-Ипполитъ-Генюева Гарь-Пюнь, драгунъ взорой компаніи, и вашъ слуга, мосье Депортъ.

— Что тебѣ надо? спросилъ Депортъ съ примѣтныиъ беззакойствомъ, не сходя съ лошади и напрасно стараясь вырвать поводья изъ рукъ Помпея.

— Мы ужъ съ хозяйкой порѣшили, отвѣчалъ Гарь-Пюнь : ваше дѣдо сторома ; а вотъ что : извольте выслушать !

И Гарь-Пюнь вкратцѣ разсказалъ Депорту, что можно говорить Эвелинѣ про капитана. Депортъ съ трудомъ понялъ, кто таковъ Гарь-Пюнь ; но разсказъ, а ободрилъ его, и разувѣрилъ.

— Отведи лошадь, сказалъ онъ со всею важностью хозяина : и приходи ко мнѣ. Надобно кое-куда сходить.

— А что Эвелина? спросилъ Депортъ, входя въ комнаты.

— Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, отвѣчала Джудита : сидитъ, плачетъ, больна.

— Надо ее чѣмъ-нибудь развлечь.... Вотъ, кстати, Альфредъ. Первый урокъ — портретъ Эвелины.... Натъ, стойте! Прежде поглядите, не можете ли исправить этой миниатюры.

Депортъ подагъ Альфреду миниатюрную копию съ Веласкеса.

— Часа два работы, отвѣчалъ Дени.

— Ну, такъ прошу садиться. Вы можете кончить до вечера; нескоро еще смеркнется. Краски, кисти, все у меня есть : я вчера запасся.... Милости просимъ!

Альфредъ принялся за работу. Джудита со злобной улыбкой глядѣла на мужа. Вбѣжали дѣти съ крикомъ; за ними вошелъ Гаръ-Піонъ и Гойко.

— Маменька! маменька! кричалъ Жеромъ : уѣдѣйте отсюда; насъ хотятъ сосѣди убить.

— Что съ тобой, мой другъ? спросила перепуганная Джудита.

— Да, сказалъ Гаръ-Піонъ, дѣло что-то не ладно : чуть было маленькаго господина не поколотили.

— Какъ? Что!

— Мы втроемъ выручали, я, Обанъ, и вотъ этотъ... (Гаръ-Піонъ указалъ на Гойко.) — «Итальянцы!» кричать всѣ, да и только. По выговору узнали.... Вы приняли мою барышню, а я принялъ на себя вашу защиту, и сказалъ сосѣдямъ, что старый драгунъ — всѣ-одно что молодая армія. Вооружился, какъ сами видите, вертеломъ и жаровней съ вашей кухни, и сегодня буду спать у воротъ, чтобы барышни моей ночью какъ-нибудь изъ усердія сосѣди не разбудили. Насильно хотятъ на свой счетъ ее содержать, а на вашу милость не надѣются.

Депортъ поблѣднѣлъ какъ полотно; Джудита не ма-

лю встревожились; Эвелина, отворивъ двери, слушала Помпея съ удивленіемъ; Гойко не сводилъ глазъ съ Депорта. Одинъ только Альфредъ продолжалъ работать, изрѣдка улыбаясь и поглядывая на смущеннаго хозяина.

— Что же намъ дѣлать? тихо спросилъ Депортъ.

— Во-первыхъ, подписать эту бумагу по-французски, съ полнымъ вашимъ титуломъ, отвѣчалъ Гаръ-Шюанъ, подавая росписку въ полученіи вещей Эвелины.

— А гдѣ же вещи? спросилъ Депортъ, прочитавъ и подписывая бумагу.

— На-мѣсть! сказалъ Гаръ-Шюанъ: во-вторыхъ, нанять другую квартиру, да не въ предмѣстьѣ, потому что здѣсь всегда эта вольница шумитъ и дерется за разбитый горшокъ: а тамъ, по-ближе къ Лувру, къ ратушѣ.

— Гойко! слышишь, Гойко? сейчасъ квартиру! Да и кстати: гдѣ я здѣсь помѣщу мою школу?... Слышишь, Гойко! наверху, чтобы мнѣ жить, комнатъ десять двѣнадцать; а внизу мастерскія.... Пошелъ!

— Пойти не бѣда, я всегда почиталъ мои ноги разогнанными лошадьми, отвѣчалъ Гойко: только безъ денегъ нанять трудно; надо дать на руку.

— Только не на твою. Ты ужъ только съищи, а заплатить я и самъ съумѣю. Пошелъ же! а нето....

— Иду: чего вы сердитесь?

— Въ-третьихъ, продолжалъ Гаръ-Шюанъ: переѣзжать, не днемъ, и не ночью, а на зарѣ; потому что господамъ сосѣдямъ дай Богъ до-зари успокоиться.... Вы какъ-то обмолвились....

— Все къ лучшему! сказалъ Депортъ, примѣтивъ Эвелину: я радъ, что дѣла мои позволяютъ сдѣлать вдругъ столько неожиданныхъ издержекъ. Жаль только одного, Альфредъ, что я не засталъ въ Сень-Жерменъ ни живой души: всѣ на охотѣ. Но.... не правда ли?... и Вуръ противъ насъ пока ничего не предпріиметь? Кардиналъ и секретари въ Рюэли.... Одинъ только Мазарини въ

Парижъ, но къ нему они не пойдутъ. Кстати; храбрый драгунъ, прибавилъ Депортъ обращаясь къ Гарь-Шюну съ улыбкой: желаніе капитана будетъ исполнено. Я самъ не могу написать портрета твоей госпожи.... у меня такъ много дѣлъ!... такъ вотъ мосьё Дени, мой ученикъ, этимъ займется.

— Конечно, конечно! отвѣчалъ Гарь-Шюнъ, поглядывая на Эвелину и улыбаясь отъ удовольствія, что такъ ловко и быстро понялъ Депорта.

Сверхъ-того его восхищала мысль, что молодая чета будетъ имѣть возможность бесѣдовать безъ малѣйшихъ подозрѣній, и что Депортъ невольно помогаетъ тому, чему бы можетъ-быть и воспротивился, если бы зналъ отношенія молодыхъ людей.

— Конечно, конечно! Капитанъ мнѣ крѣпко-на-крѣпко приказывалъ..... Да искусенъ ли вашъ ученикъ, мосьё Депортъ?

— Не бойся, не бойся! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ: сладимъ! — Не правда ли, Альфредъ?

Но Альфредъ нескоро могъ отвѣчать. Мысли и чувства его перемѣшались. Писать портретъ Эвелины! Да это счастье, блаженство!... Но если кисть измѣнить!... Не задрожитъ ли рука? Дадутъ ли слезы блаженства волю и спокойствіе взору?.... Да и зачѣмъ этотъ портретъ? Какое его назначеніе?.... И почему Альфредъ уже ученикъ Депорта?.... И кто этотъ Депортъ, этотъ дерзкій хвастунъ, который не стыдится лгать въ глаза женѣ и людямъ, гораздо ближе знающимъ Альфреда, и, наконецъ, самому Альфреду?.... Но, когда, по таинственнымъ причинамъ, онъ долженъ скрывать свою любовь, даже знакомство, когда сама Эвелина требуетъ повиновенія и слѣпой довѣренности къ этой Джудитѣ, ихъ простодушному, но печальному, защитнику; когда все возвышается высокою стѣною между нимъ и Эвелиной, — писать портретъ ея, писать тихо, долго, со всею отчетливостью любовника..... о!

ны войдете положеніе Альфреда! Онъ готовъ былъ броситься въ объятія Депорта, расцѣловать своего учителя, измѣнить своей тайнѣ, тайнѣ Джульеты... но взоръ его встрѣтился со взорами Эвелины, и Альфредъ онемѣлъ.

— Не удивляйтесь, мосьё Депортъ, сказалъ Альфредъ, если предложеніе ваше привело меня въ смущеніе: я никогда еще не писалъ женскаго портрета.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Практика....

— Но я боюсь женщинъ, мосьё Депортъ.

— Живописецъ боится женщинъ!... да что вы это, Альфредъ? со смѣхомъ говорилъ Депортъ: позвольте заняться и свѣтскимъ вашимъ воспитаніемъ. Французскіе художники много теряютъ оттого, что они только художники, не люди, не свѣтскіе люди: любезные, ловкіе, развязные, какъ этого требуетъ наше общество. Мы, Французы, никогда не достигнемъ до того образованія, какое имѣютъ наши за-альпійскіе собратья. Я знаю ихъ; я выросъ въ Италіи, въ странѣ тончайшаго этикета и пламеннѣйшихъ чувствъ.... И, признаюсь, я самъ нѣсколько переродился и, благодаря случаю, не похожъ на вашего медвѣдя Вуэ и на прочій эвѣринецъ французскихъ художествъ. Такъ, Альфредъ, я займусь вашимъ образованіемъ, и завтра же начинайте писать портретъ моей жены или Эвелины.... Нѣтъ! Эвелины. Это ее сколько-нибудь разсѣетъ. По рукамъ?

— Я вамъ далъ слово.

— Ну, такъ завтра!

Эвелина скрылась. Тысячи мыслей волновали ее. Каждый день видѣть Альфреда! бесѣдовать съ нимъ иногда на-единѣ!... Но зачѣмъ? для чего?... Вопросы и догадки не было конца. Между-тѣмъ Альфредъ вничья работу къ искреннему удовольствію Депорта, пристрастился, и ушелъ, также не менѣе волнуемый сомнѣніемъ и надеждами.

— Что ты опять затеваешь? спросила Джудита, когда время мужа все разошлось.

— Депортъ злобно улыбнулся и, смотря пристально на Джудиту, думалъ: «Гдѣ тебѣ, бабьей головѣ, помнѣ соображеніе искуснаго генерала, которому наконецъ судьба подарила армию! Да! этотъ Альфредъ, эта Эвелина — моя войска, и мудрые падутъ, и хитрѣйшіе затрепещутъ въ тенетахъ..... Одно бѣда, — молодежь: того гляди, еще слюбятся!» И, взявъ за руку жену, Депортъ сказалъ тихо:

— Джудита, я никогда не спрашиваю о твоихъ тайнахъ. Теперь ты бы могла быть мнѣ полезна, но, къ несчастію, наши отношенія.....

— Что за вздоръ! прервала Джудита. Мало ли услугъ...

— Окажи послѣднюю! Ты должна быть неотходно при Эвелинѣ, пока Альфредъ будетъ писать портретъ; прерывать всѣ разговоры, которые будутъ заключать въ себѣ какой-нибудь намекъ на любовь; словомъ, всеми средствами препятствовать....

— Да зачѣмъ же препятствовать?

— Зачѣмъ?....

— И глѣта согласны, и оба хороши собой: она такая красивая!

— Онъ также, кажется, хорошій человекъ.

— Онъ? воскликнулъ Депортъ: въ томъ-то и вся бѣда, что онъ.... Правда, это несчастіе, но вмѣстѣ и необходимость великихъ талантовъ. Повернишь ли ты, что Альфредъ самаго развратнаго поведенія? Погляди, какъ онъ бѣдеетъ: все проматываетъ на женщинъ!

— Какъ вамъ не стыдно!

— Да, да! Если ты полюбила Эвелину, такъ должна всеми мѣрами препятствовать ихъ обмѣнѣ, и не скрывать отъ нея пороковъ Альфреда. Это средство тотчасъ укрѣпитъ естественную слабость женскаго сердца: а онъ пусть себѣ влюбляется. На твои мѣ-

ствъ, я бы даже..... Нѣтъ; это ужъ я и самъ сдѣлаю; ты только береги Эвелину.

Джудита глубоко вздохнула, собиралась съ мыслями, хотѣла что-то сказать; но двери растворились: вбѣжалъ Гойко.

— Есть!.... И какой домъ!.... И какъ дешево!

— Ступай же, ступай же, Джудита! приготовь все къ переезду.... Я осмотрю квартиру, прищлю носилки, вы съ Эвелиной и съ дѣтьми тотчасъ отправляйтесь; а Гарь-Пионъ перевезетъ вещи.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Новоселье.

— Ну, Гойко! сказалъ Депортъ, когда они были уже на улицѣ.

— Позвольте вамъ напомнить, что я такой же, какъ и вы, Филиппъ изъ Ліона. Чернъ меня такъ называютъ по незнакомію. Ужъ если вамъ не нравится собственное мое имя, зовите меня Самуиломъ.

— Пожалуй.

— Не пожалуй: я этого требую.

— Мнѣ нравится твой нравъ. Не даромъ я выбралъ тебя изъ цѣлаго рынку мелкихъ продавцовъ.

«Кто кого»? подумалъ Гойко.

— Гдѣ же твоя лавочка?

— Сдашь, пока, знакомому. Только если вы будете мнѣ платить, то мнѣ придется опять поставить ее на колеса и отправиться по городскимъ предмѣстьямъ продавать мыло, пуговицы, иголки.

— Не умичай, Самуилъ! Два эю въ мѣсяцъ, кажется, довольно.

— Прибавьте еще одинъ : самоговъ внесишь больше тамъ на два эю.

— Ахъ, ты, жиденокъ! да ты въ цѣлый годъ не работаешь двухъ эю.

— Ну, пускай будетъ и два, а еще одинъ, если я хорошо служить буду.

— А если худо?... Молчи, лучше : а то за одинъ уступишь.

— Ну, Богъ съ вами! Только за эту цѣну я въ Сень-Жермень не поѣду.

— Нельзя, Гойко. Надобно ѣхать, и лишь-только король въ ворота, ты на коня.

— А что дадите, когда я вамъ прежде скажу такъ, что король въ Паркъ, а вы на встрѣчу.

— Клянусь, не будетъ обиды.

— Ну, такъ я вамъ скажу, вы увидите : только мнѣ самому заплатить нужно.

— На, на, Иуда! чортъ тебя возьми! сказалъ Денортъ, вынимая деньги.

— Вы только платите, такъ я вамъ не то еще скажу, про кого хотите : про кардинала можно....

Гейко оглянулся ; за ними шелъ кто-то весьма подозрительной наружности.

— Ой! продолжалъ Гойко : это за нами Брумквисъ идетъ.

— Кто?

— Брумквисъ ; Англичанинъ. Онъ тоже много знаетъ.

— Не худо бы познакомиться.

— Ой, нѣтъ! продать!.... — Сюда, сюда!.... вотъ и квартира, сказалъ Гойко, схватилъ Денорта за руку, вставилъ въ ворота высокаго дворца, украшеннаго лѣдными трофеями и герцогскими коронами.

— Ты съ ума сошелъ? Да это герцогскія палаты!

— Ну, такъ что жъ? Вы и не ошиблись. Хозяинъ въ Англии; хозяйку выслали изъ Парижа; домъ въ казну взяли и отпускаютъ въ наемъ..... Дешево, богато..... Можно потомъ и жильцовъ взять.

Скоро на новую квартиру приѣхали и дамы, а рано поутру, передъ зарею, Гаръ-Пионъ съ подводами и пожитками тронулся въ путь во Дворецъ Вандомскій. Обанъ стоялъ посреди двора въ отчаяніи, хотя Помпей и оставилъ въ его рукахъ немало денегъ. Провожая пожитки Депорта, Обанъ вышелъ на улицу и громко ругалъ своихъ сосѣдей. Заслыша въ голоса у квартиры Депорта, усерднѣйшіе и ближайшіе сосѣди вскочили съ постелей, поспѣшили одѣться и выбѣжать на улицу; но обозъ уже скрылся: только одинъ Обанъ стоялъ у растворенныхъ воротъ, и благодарилъ сосѣдей самыми чувствительными словами за изгнаніе такого важнаго и прибыльнаго жильца. Бѣгство Депорта возбуждало любопытство, удивленіе, шумъ, крики. Наконецъ составился совѣтъ. Многіе хотѣли преслѣдовать обозъ Депорта, но возникли разногласіе и споры, и привлекли городскихъ стражковъ. Капитанъ Оливіе распустилъ собраніе и закрылъ уличный парламентъ. Все разошлось по домамъ: только одинъ Обанъ стоялъ у воротъ своихъ и напутствовалъ отходящихъ трогательными рѣчами.

Утро взошло со всею весеннею роскошью. Богатыя каминовыя занавѣски вандомскихъ падать озарились первыми лучами солнца, и разбросали разноцвѣтные отблески на пестрые ковры и высокія кресла съ вышивными сидѣньемъ и сидѣнками. Депортъ всю ночь не спалъ; волнуемый множествомъ предположеній, онъ не могъ ни на одномъ остановиться, и утро застало его

въ креслахъ. Онъ осмотрѣлся и задумался. Признаки богатства и пышности сына Генриха IV давили, гнѣбили его воображеніе. Невольно въ памяти его ожили страшныя картины, разсыпанныя простодушнымъ перомъ въ запискахъ Дюбоа. Казни, отравленія, изгнанія, заключенія, пытки, все это волновалось передъ глазами Депорта. «Зачѣмъ я читалъ ихъ, эти проклятыя записки!» подумалъ Депортъ. «Что ожидаетъ меня? Богатство при кардиналѣ Ришліѣ также не прочно какъ и слава, и почести, и происхожденіе!... Ничто не защитило королевы-матери, братьевъ короля, жены Людовика, друзей, кардиналовъ, отъ руки палача или отъ постыднаго изгнанія!... И вотъ, я самъ, маленькій человекъ, живу за бездѣлицу въ роскошныхъ палатахъ герцога Вандомскаго! Гдѣ же хозяинъ?... Какой-то преступникъ, осужденный на казнь, спасъ себя домосемъ на герцога, утверждая, будто онъ уговаривалъ его убить Ришліѣ. И сынъ Генриха IV не смѣетъ оправдываться, бѣжитъ въ Англію! Жена и дѣти въ ссылкѣ; друзья изгнаны изъ Франціи... И онъ ли одинъ!... Маршалъ де-Марильякъ, въ Италіи, изъ середи арміи, которая такъ его любила, взять какъ простой сержантъ и осужденъ какъ воръ, какъ убійца!... И сколько палатъ, подобныхъ этому дворцу, опустѣли и обратились въ шелковыя фабрики, въ купеческія конторы!... При страшномъ кардиналѣ нѣтъ надежнаго мѣста, спокойнаго угла, безопасной пустыни; нѣтъ мѣты для усталой и жертвы: онъ ни когда не скажетъ «Довольно!» Мазарини не замѣнитъ его: нѣтъ!...»

Раздался стукъ у дверей, и Депортъ вскочилъ изъ испугу: онъ боялся, не услышалъ ли кто-нибудь что онъ думалъ. Стукъ повторился: — «А, Гойко!» сказалъ Депортъ, и отодвинулъ огромный золоченый прѣгъ, которымъ въ то время запирались внутренніе покои въ домахъ; для безопасности отъ ночныхъ походовъ злоумышленныхъ людей.

— Что заплатите, не знаю: отъ васъ я не жду подорожн, сказалъ Гойко. Но мнѣ все-равно. Знайте, что король черезъ часъ будетъ въ Лувръ, а кардинала, болышого, привезли ночью. Король изъ Лувра будетъ къ кардиналу на совѣтъ, а оттуда къ Визитнамъ, а оттуда идти въ Сентъ-Жерменъ.

— Да какъ ты это все знаешь?

Гойко улыбнулся и отвѣчалъ:

— Надобно знать: приказано; и конецъ!... Когда я на рынокъ шпильки продавалъ, я и тогда уже зналъ, въ какомъ парикѣ будетъ голова сидѣть въ ратушѣ, въ какомъ предместьѣ Парижа будетъ шумъ, гдѣ будутъ пить дворяне: и мало ли еще что! У васъ счастливая рука; сегодня меня человекъ шесть въ друзья брали, да я еще не сторговался: хотѣлъ вамъ оказать последнюю услугу.

— Въ какіе друзья?... Отчего последнюю?

— Гмъ! Въ друзья взять, значить: ходи, бѣгай, слушай, языковъ добывай.... Ну, а это правило, я думаю, вы съ дѣтства знаете: кто больше заплатитъ, тому и служи.

— Сколько же тебѣ дадутъ?

— Пока, четыре экю въ мѣсяцъ..... Да вы такъ въ Лувръ опоздаете.

— Правда, правда, Гойко!.... Четырехъ не дамъ. Служи другимъ, да на дорогѣ не попадайся. Прощай! «Ничѣмъ не развяжешь кошелька у этого чорта!» печально сказалъ Гойко, медленно слѣдуя за Депортой. «Сара, Сара, когда я тебя выкуплю!»

Депортъ уже былъ далеко, когда Гойко спустился на парадное крыльцо. Два, дурно сдѣланные, но мрачные, льва украшали входъ. Гойко съелъ верхомъ на лѣвѣ и внимательно наблюдалъ за проходящими. Принимать Альфредъ. Треножникъ, полотно и краски были для него легкой ношей: онъ шелъ писать портретъ Эдмонте! Гойко посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

Когда Альфредъ забѣжалъ на лѣстницу, Гойко покачалъ головою и въ полголоса сказалъ : — «Какъ много можно бы сказать этому безумцу! Онъ заплатилъ бы всею своимъ состояніемъ за одну вѣсточку; да нельзя: неразсчетливо! Все его состояніе — будущность.... драгн-ной залогъ : на него ни какого кредиту.... О! если бы не Сара, я взялъ бы съ него послѣднюю монету. Теперь нельзя. Лови крупную рыбу, а за рыбкой не гоняйся... Самуэль, пойдемъ на рынокъ!.... Странно! идти на рынокъ что на пиръ, мнѣ всё-равно..... Да давно ли ты пировалъ, Самуэль?....» И, проговоривъ это съ горькой улыбкой, Гойко скрылся.

Жаннета уведомила Эвелину, что Альфредъ пришелъ, поставилъ треножникъ и полотно, готовить краски и ждетъ блаженнаго мгновенія. Джудита вошла и сказала то же. Печальная Эвелина, какъ была, въ черномъ платьѣ, съ золотымъ крестомъ на шеѣ, не взглянувъ даже въ зеркало, вышла къ Альфреду вмѣстѣ съ Джудитой. Всѣ трое долго молчали, глядя на полотно; какъ-будто всѣ трое спрашивали, к чему этотъ портретъ.

— Садитесь, наконецъ сказала Джудита : надобно во-крайней-мѣрѣ начать.

— Нѣтъ, я не начну, рѣшительно отвѣчалъ Альфредъ: пока вы не объясните мнѣ вчерашнихъ предостереженій.

Джудита посмотрѣла на Эвелину и, не обращая вниманія на Альфреда, сказала :

— Не вѣрьте, моя милая, обътамъ любви, клятвамъ, пламеннымъ восклицаніямъ. Можно ли любить и не заботиться о безопасности любимой женщины? Не пишите портрета, бросьте съ книжаломъ на Декарта, потребуйте у него объясненія, на что и для кого портретъ, но до-тѣхъ-поръ оставьте нашъ домъ и не возмущайте мирной жизни нашей. Мы съ Эвелиной вдвоемъ сумѣемъ защищаться, безъ помощи людей, да-

горше саникомъ, рано хотѣть управлять волею женщины.

— Простите меня! простите! сказала Альфредъ и тронутый и пристыженный.

— Полно, полно! Садитесь и смотрите портретъ Эвелины. Депортъ можетъ возвратиться, а вы и не начинали.

Усвѣдись. Мысль двинулася по холосту.... Рука остановилась: они засмотрѣлись.

— Начало хорошо, продолжайте, сказала Джудита.

Альфредъ снова сдѣлалъ нѣсколько движеній рукою; но, или мысль была дурень, или глазъ невѣренъ, только надобно было стирать проведенныя черты и опять приниматься за работу.

— Друзья мои, сказала Джудита, кажется прійдется для большаго успѣха посадить на мое мѣсто Депорта.

Альфредъ засмѣялся; даже печальная дѣвушка улыбнулась. Художникъ понялъ свое положеніе и работа двинулася.

— Странно, однако жъ, сами согласитесь, сказалъ Альфредъ: чтѣ долженъ я думать о моемъ учителѣ, о положеніи мадамъ де-Вальероль, о нашихъ отношеніяхъ съ мосье Депортомъ, если и жена его не скрываетъ передъ чужими людьми своего отвращенія и своихъ опасеній?

— Справедливо, Альфредъ. Я достойна вашего упрека; я увлеклася вашей любовью, испугалася неожиданныхъ событій, которыя меня болѣе недѣли преслѣдуютъ самыми непонятными чудесами. Мысль стало страшно за вашу будущность, потому что сладостный сонъ моей любви кончился годами страданій.... а ужъ этимъ страданіямъ я и конца не вижу.... О, если бѣ не дѣти! Давно бы меня не было на этомъ пустынномъ свѣтѣ, гдѣ для меня нѣтъ ни надеждъ ни утѣшеній. Даже простыя ежедневныя приманки, столь дорогія для каждой женщины, для меня не существуютъ.... Согласна-

тесъ: я не такъ еще стара, чтобы отказаться отъ всего на этомъ свѣтѣ и обратить его въ тѣсный монастырь семейной жизни.... Такъ; вѣрно, были обстоятельства, были случаи, отъ которыхъ сердце обратилось въ уголь, въ пепель, и болѣе горѣть не можетъ.

— Эвелина оборотилась къ Джудитѣ; такъ, что портрета писать не было возможности. Альфредъ не смѣлъ напомнить; и лѣнливо набрасывалъ пятна для рукъ и платья.

— Джудита, съ чувствомъ спросила Эвелина: неужели мои несчастія....

— Гдѣ онъ, Эвелина! Смерть матери, отъездъ отца, конечно, большія потери; но эти раны заживаютъ; такъ устроено небожь, потому что дѣти, по естественному порядку, должны смѣнить родителей: но другія привязанности, другія, не связи а, такъ сказать, сроды?... О, дай Богъ и не узнать вамъ какъ мучительны эти раны! Какъ ни время, ни безчисленные перемены быстрой жизни, не могутъ не только залечить ихъ, нѣтъ! сколько-нибудь унять нестерпимую боль, которая отъ времени усиливается до смертельной степени....

— Разскажите, Джудита! разскажите ваши несчастія. Вамъ будетъ легче, когда друзья будутъ раздѣлять съ вами тягостное бремя.

— Пожалуй! отвѣчала Джудита. Нелюбопытная невѣсть, но для васъ обоихъ очень важная и поучительная. Не станемъ откладывать. Депортъ скоро возвратится. Слушайте.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ :

Дасудита Ваоли.

(Первый эпизод.)

Ma mère, il faut me marier,
Car Mazarin est arrivé ;
J'ai promis à ce drôle
Qu'ai le désir de l'épouser
Pour avoir ses pistoles.

— Ma fille, il vous le faut quitter
Et tous les présens refuser,
Quoiqu'il ait bonne mine ;
Car si vous l'aviez épousé,
Vous seriez mazarine.

— Ma mère, vous avez grand tort :
Vous savez que je l'aime fort.
Et sachez que je saurai bien
Jouer mon personnage.

MAZARINADES, 1649.

I.

ПОТЕРЯ.

« Я родилась далеко отсюда ; но вы , я думаю , часто слышите про мою отчину . Три великія царства смотреть давно , и съ такимъ упорствомъ , за ключекъ земли , какъ-будто на немъ растутъ драгоценные камни и металлы . Богата моя отчина , богата красотою природы , богата виноградниками и плодами ; но люди бѣдны , городовъ нѣтъ , торговое мѣстечко — наша столица , нашъ Парижъ . Ада пробѣгаетъ по всей долинѣ и уходитъ въ Италию . Альпы какъ-будто родились у насъ , и пошли на сѣверъ . И отъ этихъ родственныхъ связей земли нашей , мы ни Италианцы ни Швейцарцы :

слуги всѣхъ націй, лагерьъ всѣхъ европейскихъ войскъ. Сегодня Австрійцы, завтра Испанцы, тамъ Французы, иногда войска италійскихъ государствъ; тѣ ли, другіе ли, но ужь кто-нибудь да есть. Вальтелина не можетъ накормить всѣхъ этихъ гостей. Виноградъ, не дозрѣвъ, уходитъ изъ небольшихъ садовъ нашихъ; незваные гости безъ платы распоряжаются и другими нашими плодами: мулы вальтелинскіе подъ военными обозами; люди на мостахъ и дорогахъ, подъ сильнымъ присмотромъ, глядятъ пути врагамъ своимъ. И какая это египетская работа!.... Утромъ все въ порядкѣ, все на мѣстѣ : хоть города вези! Вдругъ, дикій ручей попадетъ на заваль, выскочитъ изъ русла и, пролагая новый путь къ быстрой Аддѣ, ломаетъ, рветъ, разбрасываетъ военную дорогу, работу бѣдныхъ Вальтелинцовъ....

« Давно, лѣтъ пятнадцать тому, и Вальтелинъ улыбнулось счастье. Чужіе ушли, но зато свои не остались въ покоѣ. Отставъ отъ коварнаго Милана, мы жили въ дружбѣ съ альпійскими сосѣдями, присоединились къ Граубюнтену и считались частію этого Кантона. Но тогда съ горъ безпрепятственно сошли въ нашу долину новыя вѣрованія, новыя проповѣдники. Быстро распространялась новая церковь : между отступниками отъ папизма былъ и отецъ мой ; мнѣ было тогда около девяти лѣтъ. Увлеченный новымъ ученіемъ, отецъ хотѣлъ чтобы и жена и дочь послѣдовали его призыву. Матушка пришла въ ужасъ, когда Гаэтано объявлялъ свою волю. Обнявъ меня крѣпко, она какъ-будто боялась, что дочь украдутъ черные проповѣдники германской реформы; упрекала отца въ отступничество; клялась не измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ и, однажды.... жена не было дома.... Богъ-знаетъ отъ чего, слегла въ постель. Гаэтано былъ неумолимъ. Недугъ матушки онъ приписывалъ упрямству; не позвалъ врача, и самъ не хотѣлъ озаботиться о несчастной. Болѣзнь усм-

лась, и когда опасность обнаружилась въ послѣдней степени, тогда только пошелъ онъ искать какого-то ученаго пришельца, который съ богословскими свѣдѣніями соединялъ лечебныя. Я одна осталась при матушкѣ. «Джудита, сказала больная едва внятно : бѣги къ отцу Антонію. Скажи, я умираю....» Я бросилась въ монастырь, и по дорогѣ кричала : «Матушка умираетъ! матушка умираетъ!.....» И когда отецъ Антонію съ Дарамі шелъ къ нашему дому, а я бѣжала за нимъ, едва поспѣвая отъ усталости. У воротъ нашихъ черныя толпа жителей Сондрію. Громко спорили. Какой-то черный человѣкъ доказывалъ толпѣ, что Маргариты Ваала не должно исповѣдывать, но приготовить къ смерти по новому правилу. Мы были уже у самаго порогу. Почти въ то же время подошелъ къ дверямъ и Гаэтано съ ученымъ Швейцарцемъ. Увидѣвъ отца Антонію, Гаэтано пришелъ въ бѣшенство, захлопнулъ двери и, держа ручку замка, оборотился къ намъ и закричалъ : — Не пушу въ домъ мой паписта, да не снѣдетъ на насъ проклятіе Господне! — «Пустите! сказала я : матушка умираетъ....» — Да не сопутствуетъ ей грѣхъ бесѣды съ козлищами и поклонниками Ваала! — «Маргарита умираетъ!..... раздалось въ толпѣ : пропусти, отступникъ, святаго отца!» — Нѣтъ! Я привелъ къ ней пастыря истиннаго, а этого не пушу! И вы, грѣшники, паписты, овцы въ волчьихъ лапахъ, опомнитесь и покайтесь!

«Въ отвѣтъ послышался глухой стонъ толпы и брызнулъ дождь камней. «Смерть отступникамъ!» Побѣждалъ крикъ съ улицы на улицу. Толпа раздѣлилась; ножки засверкали : двери стали свободны. Отецъ Антонію спокойно вошелъ въ нашъ домъ; я вбѣжала за нимъ дрожа и плача. Подходимъ къ матери : она открыла глаза. Вдругъ, всѣ окна задребезжали, и посыпались имѣсть съ камнями на полъ. Маргарита хотѣла приподняться, и отошла. — «Волки, дѣти Ваала! пейте

кровь праведника!» закричалъ отецъ мой въ дверяхъ и узналъ мертвый на порогъ.

«Я выбѣжала на улицу, кричала «Помогите!» но никто не хотѣлъ слушать, всѣ бѣжали съ ножами; со мною же дымилась кровь. Я встрѣтила знакомыхъ, но и тѣ, убѣгая, кричали: «Благодари Бога, Джудита! мы истребили еретиковъ!»

«Сама не зная куда и зачѣмъ, я бѣжала за ними. Уже на долину я опомнилась и вернулась. Сондріо опустѣло: ни живой души на улицахъ; кое-гдѣ встрѣчала я группы; нзрѣдка слышала въ домѣ стоны умирающихъ. Страхъ придавалъ мнѣ быстроту, крылья. Вбѣгаю домой, и вижу: монахи съ отцомъ Антоніо уже приготовили тѣла родителей моихъ къ погребенію.... Странно: я не плакала! Тѣсно было душѣ моей; сердце немило: я глядѣла на все съ изумленіемъ, съ какимъ-то деракимъ ужасомъ. Да! мнѣ было страшно, а я любоньствоваала, спрашивала, прикасалась къ ранамъ отца моего, и когда, подъ-вечеръ, монахи подняли мертвецовъ и двинулись въ путь, я пошла за ними уже со слезами, кричала, даже сердилась, зачѣмъ унесли у меня отца и мать.... Я не могла вообразить, что они умерли. Процессія медленно шла по пустымъ улицамъ Сондріо. При встрѣчѣ каждаго трупа два монаха насъ оставляли и принимались за покойника. При нѣкоторыхъ мертвецахъ мы уже находили монаховъ другаго ордена и также съ готовыми гробами. Мы были близко монастыря и кладбища. Вдругъ, густыя толпы народу, съ ножами на-голо, загородили дорогу.... — «Стой! кричали многиа: бросьте отступниковъ! Ужо мы похоронимъ ихъ въ Маллеро и Аддъ... А теперъ спѣшите въ церкви: служите Те Деум: Вальтелина очищена отъ еретиковъ!» Но монахи покойно продолжали путь свой. Увидѣвъ меня, жители Сондріо закричали: — «Какъ? и Гаэтано Ваоли?...» И монахи не успѣли опомниться, какъ уже гробъ отца моего былъ въ рукахъ народу, и

его понесли къ тому мѣсту, гдѣ ручей Маллеро бросается въ Адду. «На, голубая, женишка!» закричала толпа, и Гаetano исчезъ въ шумномъ потокѣ Маллеро.... Я все время шла за трупомъ отца, молила, плакала, но никто меня не слушалъ..... Когда волны поглотили Гаetano, съ веселыми криками побѣждалъ народъ въ церкви. Я осталась одна; глядѣла въ волны: отца не было. Прислушивалась, не кричитъ ли онъ? но въ отвѣтъ — шумъ Маллеро и отдаленный гулъ, необыкновенный, страшный. Казалось, весь воздухъ дрожалъ! Раздался колоколъ въ нашемъ Сондріо: имъ отвѣтили въ Тирано; сверглося. По всей долинѣ, въ разныхъ мѣстахъ, горѣло пожарное зарево, гудѣли колокола: мнѣ казалось, будто я слышу звонъ изъ Кіаевенныи Ворміе. Ниступила ночь; стало страшно; бѣгу домой: по улицамъ еще не успокоились люди. Дома мнѣ стало еще страшнѣе. Я приближала къ сосѣдкѣ, которую очень любила покойная матушка: она жила окнами противъ оконъ моего дому. — Гдѣ ты пропадала, Джулита? спросила она съ приметною радостью: и мы, и дѣти, вездѣ тебя искали! Ну, слава Богу, хоть ты жива! — «Но бѣтенька!..» — По-дѣломъ ему! палкой хотѣлъ жену вѣрвь учить, еретикъ окаянный! Забудь объ немъ, Джулита, а помлись объ несчастной матери. — «А что, матушка?..»

«Горько улыбнулась Катарина, взяла меня на руки и унесла къ своимъ дѣтямъ. У нея было два сына и дочь. Дочь, Марія, была гораздо по-старше меня; танцъ то черезъ годъ думали и замужъ выдать: она обѣщана была моему приходу, и скоро усномецла мое дѣдское горе. Мы уснули вмѣстѣ на одной постели.

II.

ЖЕНЩИ.

«Лучшее время моей жизни — это годы сиротства. Материнская привязанность Катарини, дружба Марии, внимательность всего дому, казалось, съ избыткомъ заменили мнѣ суроваго отца и слабую, хворую мать. Мария вышла замужъ за какого-то флорентинскаго кавалера: онъ оставилъ войну и уехалъ съ женою въ отчизну. Дорого стоило Катаринѣ растаться съ дочерью, тѣмъ болѣе что, уже послѣ свадьбы, открылось, что Мария, несмотря на всѣ достоинства флорентинскаго богача, не можетъ любить его. Сердце Марии принадлежало французскому офицеру, нѣжному юношѣ, который, сколько помню я, назывался д'Орбиньи, и передъ самой свадьбой долженъ былъ отправиться въ походъ, отложивъ объясненіе съ Катариной до заключенія мира, котораго тогда всякой день ожидали. Мария уехала, и вся привязанность доброй матери досталась на мою долю. Я подрастала; люди останавливались, глядя на меня; восхищались моими глазами, станомъ, осанкой, походкой, рѣчами. Пришла пора: Катарина искала жениха, но непременно въ Сондріо. Лишиться второй дочери, на это не могла рѣшиться добрая Катарина: и женихъ отыскался.

«Я не умѣла еще любить. Подѣрите: любовь искусство; ему надо учиться. А эти пламенные страсти, *пришелъ, душилъ, полюбилъ*, имѣютъ еще четвертый, столь же краткій, быстрый, періодъ, то есть, *и разлюбилъ*. Молодая дѣвушка любить, какъ будущій музыкантъ, еще ребенкомъ, уже правильно инстинктивно пѣсню: но развѣ это музыка?... какъ молодой живописецъ чертитъ уголькомъ на стѣнахъ и ставитъ головки, фигурки, деревья и домики: но развѣ это живо-

нись?... И развѣ наша первая дѣвичья любовь въ самомъ дѣлѣ любовь! Не сердитесь, мои друзья, а я считалъ каждую первую любовь предчувствіемъ, школой; вѣнше: азбукой!.... И мнѣ хотѣлось любить кого-нибудь, потому что Марія любила своего д'Орбиньи; а матушка покойнаго отца, Катарина своего чулочника.... и вообще всѣ женщины Сондріо любили, то австрійскихъ, то испанскихъ, то французскихъ воиновъ: патріотизмъ въ этомъ случаѣ онѣ прятали въ молитвенникъ, потому что въ церквахъ только, всѣ, единодушно, усердно молились объ освобожденіи Вальтелины отъ влнствія варваровъ. Я не могла подражать своимъ сверстницамъ. Катарина строго смотрѣла за моими связями и знакомствами, и я, отъ скуки, полюбила молодого Француза. Вся конная рота, составлявшая гарнизонъ нашего мѣстечка, состояла подъ его начальствомъ. Жоржъ былъ постарше д'Орбиньи, но геройскій видъ, воинственное лицо, открытый, прямой характеръ, любовь къ нему всѣхъ жителей, поселили во мнѣ легкую страсть. Отъ сверстницъ я не могла укрыться: слухи и сплетни дошли до Жоржа. Сижу я однажды у окна и мечтаю о моемъ Жоржѣ: вошла Катарина, услась противъ меня и, послѣ краткаго молчанія, начала говорить торжественно: — «Послушай, Джудита, пора тебѣ и пристроиться. Съискался и женихъ въ Сондріо.» Я поблѣднѣла. Катарина продолжала: «Ты, вѣрно, замѣтила: пойдешь ли ты въ церковь, къ сосѣдямъ, на прогулку, какъ съ неба всегда явится молодой человекъ.....»

«Мнѣ сдѣлалось дурно; я не могла не узнать въ этомъ молодомъ человекѣ сына нашего головы, богатаго наследника многихъ виноградниковъ и многихъ мѣшковъ золота. Но какой онъ женихъ! Ни одна изъ моихъ знакомыхъ не была влюблена въ него; онъ никогда не ѣздилъ верхомъ на андалузскомъ конѣ мимо моихъ оконъ: всегда въ черномъ, какъ швейцарскій пропо-

вздыхая, дала въ обрившій его вѣтъва была протерла похвѣля чуждымъ, которыхъ, послѣ смерти отца моего, я такъ ненавидѣла. Я скривилась и хотѣла, во что бы то ни стало, дослушать добрую Катарину. — «Піетро д'Аррело, продолжала она, влюбленъ въ тебя дѣтвое, что его; право, жаль.» Я стала внимательнѣе. «Онъ написалъ цѣлую книгу о любви, гдѣ превозноситъ тебя похвалами. Любовь его достигла послѣднихъ предѣловъ, и, если ты не рѣшишься подарить его отцуиетъ, онъ оставитъ наше Сондріо навсегда. Повѣрь, это не угроза. Во всей семьѣ—твердый, упрямый характеръ, но все исполнено чести и достоинства.... Ну, такъ; Джудита» — Матушка, отвѣчала я довольно спокойно: я не люблю Піетро.

— Не успѣла я сказать этого; двери отворились, и въ нихъ показалась голова Піетро. Лицо его въ эту минуту было истинно-прекрасно; грусть и двѣ большія слезы придавали глазамъ его романтическую томность. — «Простите! почти шепотомъ сказалъ онъ: простите навсегда!» Я была тронута, Катарина глубоко опечалена. «Вскочивъ съ мѣста, я не знала куда дѣваться, что снѣга съ точно острымъ ножомъ провели по сердцу и точно зѣли палебнымъ масломъ.... Катарина глядела на меня, какъ-будто ожидая, что я обрадую ее дружнымъ отвѣтомъ на предложеніе Піетро. Но его уже не было! Изъ она и видѣла какъ онъ кому-то кланялся и благодарилъ: но кому? Я не смѣла взглянуть въ окошко.... Двери растворились. Вошелъ Жоржъ. ставьте весь ужасъ моего положенія! Радость, опасенія, мысли о Піетро, догадки насчетъ такого неожиданнаго посвященія.... Жоржъ подошелъ, весьма почти-тельно поклонился, и сѣлъ возлѣ, безъ приглашенія: — «Джоржъ Джудита, сказалъ онъ задумчиво, не глядя на насъ: простите, если я пришелъ уничтожить зарождающіе чувства, которое такъ легко вспыхиваетъ въ сердцѣ молодой дѣвушки, и отстранить отъ совѣсти

мой грѣхъ, что я былъ незваное причиною ареста
добраго моего друга Пьетро д'Аргола; а нынѣ ста-
ли перенесеть возеріе Джудиты. Можетъ-быть слухи
слишкомъ лестны для меня; можетъ-быть люди хотѣ-
ли пошутить надъ вашимъ простодушіемъ; но... а что
сказать!»

«Мнѣ не на шутку сдѣлалось дурно; онъ, ничего не за-
вѣчая, продолжалъ: — «И даже для васъ, очарователь-
ная Джудита, не измѣню чудной жемчужины моей, хотя она
за горами, въ далекомъ Нарьяжъ... Вѣрность королю,
вѣрность въ дружбѣ и любви, вотъ старая, заслужи-
вая слава капитана Вальерия!...»

— Моего отца?... спросила съ трепетомъ Эвелина.

Альфредъ также не удержался отъ восклицанія.

«Рѣчь капитана убила меня, продолжала Джудита,
не отвѣчая собесѣдникамъ: я совершенно смѣшалась;
добрая Катарина отъ удивленія онемѣла, и, всплеснувъ
руками, глядѣла на меня съ выраженіемъ унынаго
оскорбленія. Капитанъ хотѣлъ сколько-нибудь усе-
ловить старушку и оправдать меня въ глазахъ второй
моей матери, но не успѣлъ сказать трехъ словъ, какъ
раздались колокола; улица покрылась народомъ; ударилъ
въ набатъ. На быстромъ конѣ къ окошку подскочилъ
драгунъ; я спряталась въ уголъ... — «Что такое,
Помпей?» спросилъ капитанъ.

— Удивительно!... это Гаръ-Шюнь! вскричала Эве-
лина.

«Вѣроятно. — «Непріятель! отвѣчалъ драгунъ... Бу-
детъ сраженіе. Рота сейчасъ прыскачетъ. Люди уже
показали гдѣ вы, капитанъ, и имъ покажутъ.»

«Рота драгунъ неслась по улицѣ. Капитанъ уже былъ
на конѣ; мы слышали, какъ онъ разспрашивалъ о непрі-
ятель. — «Сильный отрядъ, капитанъ, отвѣчалъ тотъ
же драгунъ: съ пушками!» — Австрійцы или Испанцы?
«Испанцы,» кричали драгуны. — Что дѣлать! уйдете

на горы до моря до времени : а всему виновать генерала Нонти! ..

и Рота вѣснѣвала. Волненіе на улицахъ продолжалось; сбѣгши заирали ставши, и наши кто-то залочившъ съ улицы; мы остались въ темнотѣ. Катарина, испуганная, изумленная, не могла ни говорить ни встать; я, спрятавшись въ уголъ при первомъ появленіи драгуна, не смѣла изъ него выйти; меня занимада не война : мы такъ уже привыкли почти къ ежедневнымъ перемѣнамъ военнаго постою, что скучали, когда одни и тѣ же войска долго засиживались въ Сондріо; нѣтъ! я считала капитана измѣнникомъ, неблагодарнымъ : мнѣ казалось, что онъ женился нарочно чтобы меня унизить. Мнѣ стало жаль Піетро, совѣстно передъ Катариной, стыдно передъ сверстницами..... Наконецъ старушка пришла въ себя и тихо спросила: — «Ты здѣсь, Джудита!» — Здѣсь! отвѣчала я такъ тихо, что Катарина повторила свой вопросъ. — «Что все это значитъ? расскажи мнѣ, Джудита!» — Я не знаю, матушка. Вы сами слышали.... Испанцы.... — «Что намъ до нихъ! не всё ли одно кто будетъ грабить бѣдную Вальтелину?..... Но ты скажи мнѣ....» — Матушка! простите!.... — Я бросилась въ ея объятія и, заливаясь слезами, рассказала ей, со всею искренностью, краткую повѣсть моей любви. Катарина захохотала : я обидѣлась; но насъ помирилъ пушечный выстрѣлъ. Сраженіе завязалось противъ нашего дому. Выстрѣлы и стукъ сабель дробились еще около полу-часа, мѣшаясь съ криками и топотомъ копей; вдругъ все утихло. Мы осмѣлились отворить двери, калитку; выходимъ на улицу : нѣсколько человекъ раненыхъ лежить на площадкѣ; вдали видны войска; французская рота ушла, Испанцы ее преслѣдовали..... Незамѣтно выползли и другіе сосѣди, окружили раненыхъ; между ними было человекъ десять Испанцевъ, два Француза и Піетро д'Аргола.... Они увидѣвъ меня, когда его несли мимо нашего дому:

— «Прости, Джудита!» закричала она такимъ пронзительнымъ голосомъ, что я безъ чувства упала на руки Катарины.

III.

НОВЫЕ ГОСТИ.

«Я очнулась отъ новаго шума: на улицѣ играли трубы и раздавался мѣрный топотъ лошадей.—«Это наши, сказала Катарина: не бойся, Джудита, это наши!»

«Я, съ постели, видѣла смѣшныя фигуры италіанской конницы. Несмотря на слабость, я встала и подошла къ окну; сильный отрядъ разношерстныхъ италіанскихъ войскъ, какъ стѣна, медленно подвигался по улицѣ.—«Давно не видали!» сказала я, принуждая себя улыбнуться. Отрядъ ѣхалъ еще медленнѣе; нерѣдко по тревогѣ улицъ останавливался и опять трогался съ мѣста. Вдругъ, что-то ихъ весьма долго задержало. Передъ нашими окнами, на красивомъ черномъ конѣ съ красноватыми огненными глазами, убранномъ перьями и турецкой сбруей, сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати семи, осьми. Черныя кудри сыпались изъ-подъ золотой каски, осѣненной множествомъ разноцвѣтныхъ перьевъ; золотыя легкія латы обливали стройный станъ всадника; красный крестъ—на груди, красный крестъ—на голубомъ небольшомъ знамени, которое, высоко, подъ золоченымъ остриемъ копія, играло съ вѣтромъ: все вооруженіе обнаруживало начальника или, по крайней-мѣрѣ, богача. За нимъ, также въ каскахъ и въ черныхъ латахъ съ красными крестами, на дурныхъ

начальникъ, смарно и ушлая сидѣли чорныя. Мы ушли напослѣе войске. Но, признаюсь, къ начальнику сторишь моей памяти, по-крайней-мѣрь въ ту минуту; и Жоржа и Пьетро. Я невольно охорашивалась, улыбалась, глядя на пляску неугомонной лошади; наконецъ встрѣтилась взорами съ красивымъ всадникомъ: онъ улыбнулся; я покраснѣла. Отрядъ тронулся, и всадникъ съ особенною пріятностью намъ поклонился. Мы обвстали и отвѣтили почтительнымъ поклономъ начальнику войскъ его святѣйшества. За такимъ богатымъ полководцемъ я ожидала цѣлой арміи, но, къ удивленію, проѣхало не болѣе ста человекъ, и потянулся обозъ отряда. Вошелъ Паоло, сынъ Катарины. — Ну, что слышно? спросила старушка. — «Господи Боже мой! отвѣчалъ грустно Паоло: десять тысячъ въ Сондріо, когда насъ самихъ и трехъ тысячъ не будетъ!» — Да неужели все остановится у насъ? — «По-крайней-мѣрь сегодня; особенно, когда узнали, что въ долину Испанцы.» — Что же голова? — «Да что! генералу Конти уступилъ свой домъ, а венеціанскому сенатору назначилъ вашъ домъ, матушка.» — Мой домъ?... А куда же мы сами дѣнемся? Развѣ переехать напротивъ, въ домъ Джудиты? — «Нѣтъ матушка; нынче и сиротскихъ правъ не уважаютъ: домъ Баоли назначень нацкому капитану.»

«Ахъ, какъ я обрадовалась! Милые друзья, я думала, вѣрно самъ Богъ такъ устроилъ. Любовь къ Жоржу, участіе, теплое участіе къ бѣдному Пьетро, исчезли. Я во весь вечеръ не отходила отъ окна, и вся задрожала, когда капитанъ, сопровождаемый слугами, множествомъ лошадей и обозомъ, подъѣхалъ къ моему дому, и, ласково, дружески, какъ старыи знакомый, поклонился Джудитѣ. Долго онъ раздавалъ приказанія, стоя у воротъ и не сводя глазъ съ моего окна; наконецъ ушелъ въ домъ, но не забылъ поклониться. Окно раскрылось; капитанъ, безъ шлема и латы, въ бархатной розовой

камволь съ серебряными шнурами, голубыми отворотами и блестящими пуговицами, надевши къ нему. Несмотря на малый его ростъ, въ жизни моей я не видала такого красавца! Но смерилось. Паоло заперъ ставни; мнѣ стало очень скучно. На бѣду, Катарина не переставала громко сердиться на голову, и къ каждому обвиненію прилагала вопросъ: «Не правда ли, Джулига?» Приѣхалъ и нашъ ностовалецъ. Лошади и люди не могли помѣститься на тѣсномъ дворѣ Катарины; сенаторъ такого надѣлалъ шуму, что голова, въ тотъ же вечеръ, перемѣстилъ его къ своему зятю; но зато на постой къ намъ прислалъ флорентинскаго сержанта, у котораго была только лошадь да трубка. Кавардоче, такъ называли его, былъ сговорчивъ, удовольствовался одной комнатою, съѣлъ, что дали, легъ, гдѣ показали и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

«На другой день я встала раньше обыкновеннаго и уже сидѣла у окна съ моими пальцами. Работа шла медленно; я ошибалась безпрестанно: надобно было выдерживать цѣлые цвѣтки, вышитые не по образцу, или не на мѣстѣ, или не тѣмъ шелкомъ. Отъ ожиданія продолжительнаго, отъ тяжкаго нетерпѣнія, я почти захворала; досадныя слезы невольно навертывались на глаза; иногда, въ забытѣ, я отгоняла докучную муху, а мухи, я думаю, тогда во всемъ Сондріо не было: глубокая осень съ безконечными дождями наводняла нашъ Маллеро, и, бурная, полная, Адда катилась мутными волнами. Наконецъ отворилось окно. Какъ весеннее утро показался юноша: слуги одѣвали капитана; онъ надѣлъ бѣлый бархатный камволь съ пунсовыми обшивками, покрытый на груди пунсовыми шнурами, и сѣлъ у окна; слуги принесли столикъ, завтракъ и шкатулку. Капитанъ сталъ чистить ногти. Не успѣлъ онъ расположиться у окна, какъ поцолали къ нему гости. Вскорѣ самъ генералъ Торквато Конти вошелъ въ домъ мой. Капитанъ всталъ и, весьма развязно, ловко, безъ оду-

датской принужденности, принял генерала. Разговоръ былъ продолжителенъ. Капитанъ, какъ я по всему замечала, не соглашался съ генераломъ; Конти и все гости наставляли, упрашивали, и наконецъ все разошлись. Потому уже сказывалъ онъ мнѣ, что его убѣждали ѣхать во Францію для переговоровъ, но онъ для меня отказался отъ этой чести. Капитанъ сѣлъ снова къ окну, сталъ чистить ногти и улыбался.... такъ мило, такъ лукаво!... Вошелъ къ нему Паоло. Капитанъ что-то сказалъ ему и Паоло прибѣжалъ къ намъ.

— «Матушка! матушка! капитанъ узналъ, что домъ принадлежитъ Джулитъ и непременно хочетъ познакомиться съ хозяйкой.» — Я покраснѣла, и углубилась въ работу, будто не слышу. — «Милости просимъ, сказала старушка: мы отъ такой чести никогда не прочь; кажется, очень знатный и порядочный человекъ.»

«Мы познакомились.

IV.

СВАДЬБА.

«Ахъ, милые друзья! к чему вамъ рассказывать, какъ горячо мы полюбили другъ друга, какъ легко обманывали Катарино, дѣтей ея, сосѣдей? Но вскорѣ блаженство мое смѣнилось ужасомъ: невозможно было скрыть моего положенія. Первая угадала тайну Катарино. Ни одного упрека, ни какого наставленія; но, убѣдясь въ горькой истинѣ, она отправилась къ капитану. Я была совершенно спокойна: меня пугала одна Катарино; но, когда минула тяжелая минута объясненія,

когда я увидѣла, что матушка не сердится, не горюетъ, и опять стала весела по-прежнему и мысль быть матерью, женою, утѣрила блаженство моей любви. Я не сомнѣвалась въ Джулію, потому что и день и часъ моего союза уже были назначены; Джулію просилъ только о временной тайнѣ. Катарина возвратилась съ веселымъ лицомъ, не могла нахвалиться обхожденіемъ Джулію, рассказала, что застала его въ бесѣдѣ съ нунціемъ кардиналомъ, который ѣдетъ въ Францію, и съ генераломъ Торквато Контти. Когда эти важныя особы удалились, позвали Катарину. Джулію самъ предупредилъ неприятное объясненіе, и рассказалъ свои намѣренія; но важныя политическія причины не позволяли браку совершиться въ Сондрію, и онъ не зналъ самъ, гдѣ бы лучше исполнить обрядъ, въ Кіавеннѣ или въ Тирано.

— «Въ Кіавеннѣ, сказала старушка, у меня нѣтъ никого знакомаго.» — Зато у меня, отвѣчалъ Джулію, есть тамъ свои люди; я тотчасъ напишу туда. Приготовьте Джудиту къ отъезду; я спѣшу этимъ дѣломъ, чтобы успокоить васъ, добрая Катарина. Сегодня же я пришлю за нею людей: но, ради самого неба, не погубите насъ нескромностію! Мѣсяцъ молчанія — и все уладится. А жениться надо; если бы можно было, сейчасъ, сію-минуту. Я человекъ военный: Богъ знаетъ, что можетъ случиться! Но съ моимъ состояніемъ, она будетъ спокойна; совѣсть чиста, счастье жизни упрочено, честь ребенка..... Однимъ словомъ, откладывать нельзя.

— «Вотъ какой благородный человекъ! сказала со слезами Катарина. Грѣхъ — дѣло житейское; но такъ честно заглядеть преступленіе, такъ спѣшить исправленіемъ ошибки.... это качество нынче рѣдко встрѣтись!»

«Представьте мою радость, мое счастье!.... Конечно, я собралась очень скоро; по условію я должна была тотчасъ послѣ брака отправиться въ Миланъ, и тамъ ждать Джулію, который обѣщалъ туда пріѣхать ровню

черезъ мѣсяць : къ этому времени , не знаю почему , ожидали непрежнннаго окончанія войны . Остальную часть дня мы прощались съ Катаринной ; я обѣщала въ продолженіе моего временнаго вдовства навѣстить Марию , а потомъ пріѣхать погостить къ старушкѣ . Смерилось ; пришелъ Джуліо . Первый разъ безъ страха , какъ супруги , мы бросились въ объятія другъ друга : Джуліо плакалъ отъ радости , цѣловалъ руки счастливой Катаринны : наконецъ мы приняли ея благословеніе , и ушли . Старушка съ умысломъ послала за чѣмъ-то и дѣтей и слугъ , кого въ Тирамо , кого въ окрестные монастыри , и сама свѣтила намъ на лѣстницѣ . Кавардоне спалъ . На дворъ ожидала меня богато убранная лошадь и пацскіе усатые и бородатые латники . Съли всѣхъ на лошадей . Я сказала Катариннѣ послѣднее «прости» , и мы тронулись въ путь . Изъ воротъ мы поворотили направо , мимо дому : въ окнѣ торчала моя Катаринна ; луна странно освѣщала старое лицо , и она стояла будто гостя съ того свѣта : мнѣ стало грустно . — «Прости , Джуліта!» прошептала она . — «Прости , Джуліта!» повторилъ пронзительный голосъ . Я чуть не упала съ лошади . Подъ окномъ стоялъ Піетро , такой страшный , такой блѣдный!.... — «Смѣлый , смѣлый!» прошептала Джуліо , и мы прибавили ходу .

«Наскоро я могла уснокоиться . Разнообразіе ощущеній ; непривычка къ верховой ѣздѣ , особенно въ моемъ положеніи ; скользящая , узкая , дорога ; на каждомъ шагу опасность : мнѣ събѣдилось дурно.... Нѣжная заботливость Джуліо была лучшимъ лекарствомъ , и мы шагомъ пробирались къ Кіавеннѣ ; въ пріятномъ разговорѣ , я почти не замѣтила переѣздовъ . Мы пріѣхали въ Кіавенну поздно ночью : луна скрылась ; стало очень темно ; на улицахъ мы не встрѣтили живой души . — «Все ли готово ? ждутъ ли насъ?» спросилъ Джуліо . — «Будьте спокойны ! Я повѣдою зарядить собою шунку , если Діаволокъ не уладитъ дѣла . — «Іа ристо!» сказалъ

кто-то въ темнотѣ. — «Діаволо, Діаволо!» прошепта-
ли слугинки. — «Ну, что?» спросилъ Джуліо, и голосъ
его дрожалъ. — Все готово, отвѣчалъ Діаволо: нас-
луладилъ. Отецъ Сильвестръ непременно хотѣлъ знать,
кто вы. — «Ну, что же? надо было сказать и запла-
тить за тайну.» — Я такъ и сдѣлалъ. Но отецъ Силь-
вестръ не иначе согласился какъ на томъ условіи, что-
бы обрядъ совершился безъ свѣчъ. — «Что ты! съума
сошелъ!» — Нѣтъ; по-мнѣ такъ онъ правъ: зажгутъ
свѣчи, пойдетъ по городу тревога, сбѣгутся. — «Со-
вершенно справедливо!» сказала я. — Ну, нечего дѣ-
лать! Надо согласиться, хотя это странно. — «Да поз-
вольте! вы не Джуліо, а Филиппо», сказалъ Діаволо.
— Это почему? — «Ужъ не извольте беспокоиться; въ
бумагъ все написано, какъ слѣдуетъ, а въ церкви свое-
го имени не произносите: тамъ будутъ и прислужники,
а они даже имени вашего знать не должны.»

— Очень умно, сказала я.

— «Да какъ же не умно! замѣтилъ Діаволо: какъ на
бѣду, самъ кардиналъ Бани уже здѣсь, и если узнаетъ
какъ-нибудь, что ночью вѣнчали капитана Джуліо изъ
Сондріо, догадается: чего добраго!... надѣлаетъ шуму,
напишетъ къ вашему отцу: все пропало; будете съ же-
ной ходить по міру; мѣсяць обождаютъ не долго.»

«Мы подъѣхали къ церкви. Латники остались у па-
перти, гдѣ приготовлена была крытая повозка для мо-
его отъѣзду въ Миланъ. — «Я изъ церкви провожу те-
бя, Джудита, сказалъ Джуліо, до перваго городка. —
А вы ступайте впередъ и поджидайте насъ.» — Слу-
шаюсь, отвѣчалъ Діаволо.

«Мы вошли въ церковь. — «Ахъ! надобно еще ска-
зать слово», продолжалъ Джуліо и вышелъ на паперть;
но не прошло мгновенія, онъ воротился, взялъ меня за
руку и повелъ къ алтарю. Мы оба дрожали, особенно
женыхъ. Я слышала, какъ ускакали всадники.

«Обрядъ совершился; мы въ повозкѣ. Наступила блаженнѣйшая минута: я осыпала горячими поцѣлуйми уже супруга, онъ прижималъ меня къ сердцу, и, тихо шепотомъ, умолялъ успокоиться, заснуть, отдохнуть отъ всѣхъ хлопотъ, страху, усталости. Лошади мчались: я уснула въ объятіяхъ Джуліо.... О! зачѣмъ проснулась?.... Было свѣтло; мы поднимались на альпійскія высоты.... мужъ мой спалъ.... Но то былъ и Джуліо!.....»

— Кто же? спросили съ ужасомъ Альфредъ и Эвелина.

— Филиппо Деллапорта!

V.

ЗАМУЖСТВО.

«Не стану вамъ рассказывать моего отчаянія, распросовъ, проклятій, болѣзней, попытокъ бѣгства, иногда и грѣшныхъ намѣреній лишить себя жизни. Все это было очень естественно въ моемъ положеніи. Скажу вамъ только, что настоятельные, дерзкіе вопросы, сопровождаемые, признаюсь, даже ругательствами и угрозами доставили мнѣ только тѣ свѣдѣнія, что Филиппо Деллапорта, неаполитанскій живописецъ, по бѣдности шелъ искать счастья во Францію, промышляя дорогами на путевые расходы; что Діаволо или, какъ называли его Филиппо, синьоръ Ланети, встрѣтилъ Деллапорта въ Кіавеннѣ, познакомился и, когда узналъ, что Филиппо холостъ, крайне бѣденъ и пробирается во Францію Ланети предложилъ ему три тысячи ливровъ и мѣсяцъ. При совершенной нищетѣ, три тысячи ливровъ кажда

Филиппу целой государственной казной, и онъ со-
гласился. Кто былъ Джуліо, кто я, все это для него
оставалось тайной: онъ получалъ половину денегъ впе-
редъ, вторую обещали ему заплатить въ Гренобль, гдѣ
мы и остановились на нѣсколько дней. Тамъ мы нашли
сильные отряды французской арміи съ кардиналомъ-ге-
нералиссимусомъ..... Слабость, раскаяніе въ легкомыс-
ліи, стыдъ возвратиться на родину, страхъ совершить
грѣхъ смертельный.... я рѣшилась на-время покорить-
ся жребію! Жизнь и здоровье ребенка еще болѣе застав-
ляли меня быть благоразумною. Деллапорта былъ еще
довольно молодъ.... лѣтъ тридцати пяти шести; довольно
хорошо образованъ, не дурно пѣлъ, говорилъ прекрас-
но.... Я начала мириться съ моимъ положеніемъ, но
мы жили съ нимъ какъ добрые знакомые, которыхъ
судьба на всю жизнь поставила подъ одну крышу.
Мысль о мести не оставляла меня; но сказать объ этомъ
Деллапортѣ я опасалась: можетъ-быть месь моя несогла-
са будетъ съ его разсчетами, а, главное, съ его врожден-
ною трусостью. Замѣтите, что я, даже въ припадкахъ
отчаянія и бѣшенства, не назвала Джуліо по фамиліи:
я рѣшилась скрыть ее до поры до времени даже отъ
дука. Въ Гренобль Филиппо получилъ свои деньги,
ночью, отъ того же Діаволо, который, положивъ пе-
редъ соннымъ Филиппомъшокъ, скрылся, и слѣдъ про-
стылъ. Мы перѣехали въ Ліонъ, кое-какъ устроились.
Родились близнецы, Джуліо и Джироламо.... Матерни-
скія заботы совершенно изгладили послѣднія воспоми-
нанія объ измѣнникѣ. Я опять похорошѣла, такъ, что
Филиппо нерѣдко засматривался на жену свою:
онъ рѣшался даже напомнить о правахъ своихъ, но,
какъ помогло мнѣ небо, я всегда грозно встрѣ-
чала его требованія и наконецъ онъ обо мнѣ пересталъ
и думать. Деньги наши израсходовались. Филиппо при-
нялъ за работу, и я замѣтила, что онъ, не живописецъ,
а простой маляръ. Онъ началъ расписывать лѣстницы и

комнаты богатыхъ и купцовъ лондонскихъ: въ столицѣ она очень была искусна, и плата за ея ничтожныя работы была довольно значительная, такъ, что совершенно обеспечивала наше существованіе. Делланорта приматно началъ смучать своею женитьбой: мы почти не видались, хотя занимали только два покоея; нѣрѣдка онъ приходилъ въ мою комнату, сердился на расходы и совѣтовалъ.... что бы вы думали?... стыдно вымолвить.... Но однажды онъ пришелъ домой поздно ввечеру, обаялся со мной необыкновенно ласково: учтивостямъ не было конца; онъ помогалъ мнѣ убаюкивать дѣтей; они заснули, и Делланорта, или Депортъ, взялъ меня за руку.

— «Джудита, сказалъ онъ съ чувствомъ: мы въ крайности; работы по зимѣ прекратились; весь дворъ въ Ліонѣ; король не здоровъ, даже опасно; ты можешь представить, кому теперь до украшенія залъ и лѣстницъ живописными цвѣтками! Голодная смерть намъ угрожаетъ. Но ты можешь спасти насъ и дѣтей, обогатиться, жить счастливо. Ты такъ молода!.... Ты такъ жаждешь любви!.... И, конечно, не я тотъ счастливецъ, кому назначены первые восторги послѣ дву-лѣтняго замужняго вдовства. Воспоминанія разлучили насъ на вѣки.... Тягостное бремя для мужа—такая жена и такія дѣти!..» Онъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на колыбель, гдѣ два нонъ ангела спали сладнымъ, невозмутимымъ сномъ. — «Такъ разойдемся, сказала я равнодушно. Я отдамъ дѣтей на руки добрыхъ людей, а сама пойду въ монашество». — Разводъ! Ты задумала развестись со мною? Но развѣ я даромъ содержалъ два года тебя и твоихъ поганыхъ щенковъ?—«Филиппо!...» Я схватила ножъ: онъ вырвалъ его, и продолжалъ въ бѣшенствѣ. — «Заплати за жизнь, которую ты погубила; заплати за независимость, заплати за отверженную любовь: за все, за все! Ты можешь это сдѣлать, Джудита, и случай уже представился». — Филиппо, Филиппо! кричала я. — «Ты знаешь его: еще на родинѣ онъ полюбилъ тебя;

мы будемъ жить вмѣстѣ, онъ будетъ учиться у меня живописи: ни какихъ подозрѣній; ни какихъ догадокъ.... Понимаешь ли? А мы разбогатѣемъ: понимаешь ли?»

«Я съ трудомъ понимала его; чувства меня оставили.

— «Ты догадалась Джудита!.... ты согласна! Онъ стучится. Войдите, войдите, она ваша!»

«Двери отворились: вошелъ Пиетро д'Аргела. Демонъ скрылся. Я встала и съ трудомъ держалась за спинку кресла, хотѣла закричать; но у меня не стало голоса.

«Пиетро бросился на колѣна. — «Ради неба, будьте спокойны! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. Я пришелъ не съ тѣмъ чтобы васъ оскорбить, унижить: нѣтъ! все кончилось между нами; я женатъ, я счастливъ; но мнѣ положеніе меня тронуло. Я узналъ, что вы въ Люль: зову вашего мужа; съ первыхъ словъ я замѣтилъ, что онъ хочетъ продать васъ.... Боже Великій! подумай я, чего не изобрѣтеть корысть человѣческая! И кому достанется этотъ цвѣтокъ? Если такъ уже должно быть.... я отниму у него это страшное средство обогащенія.... И золотыя горы были предложены вашему мужу. Мы условились прибѣгнуть къ крайнимъ способамъ, въ случаѣ вашего несогласія.... Онъ и не знаетъ, что доставилъ мнѣ только часъ бесѣды съ вами на-единѣ, бесѣды послѣдней, бесѣды предсмертной.... Не пугайтесь, Джудита! Опасность не для васъ.... Садитесь и выслушайте.»

«Я не женатъ и счастья не встрѣтилъ, говорилъ Пьетро: люблю васъ по-прежнему, но эти дѣти насъ разлучили на-долго, можетъ-быть навѣки. Вы уѣхали съ капитаномъ: я стоялъ у окна и простился съ вами съ твердымъ намѣреніемъ лишиться себя жизни въ ту же ночь. Я сражался съ Испанцами; напрасно: смерти не встрѣтилъ! И во второй разъ самоубійство мнѣ измѣнило!... Пронзительный крикъ мой убилъ Катарину: я слышалъ, какъ она упала на полъ, и бѣжалъ домой... Ночью будятъ моего отца: погода была ужасная; Паоло со слезами рассказывалъ о смерти матери, о вашемъ бѣгствѣ, куда, никто не зналъ. Отецъ мой, по должности, приказалъ созвать старшинъ; всѣ отправились въ домъ Катарины. Я одинъ зналъ, что и какъ случилось; но замѣнить дорогой измѣнницъ, покрыть имя ея на родинѣ стыдомъ... нѣтъ! я васъ любилъ по-прежнему... Пусть лучше, думалъ я, невѣдомость докроетъ непроницаемымъ мракомъ, и ваше бѣгство, и ваше несчастіе. О! я и въ нихъ не сомнѣвался; больше: я ни въ чемъ не присутствовалъ.... Отецъ воротился и улегся; но вскоре обнаружился жаръ, бредъ: простуда была слишкомъ сильна, помощь моя необходима, послѣдніе обязанности свидѣнны. Я похоронилъ отца, продалъ все имущество, и, узнавъ, что капитанъ посланъ въ Гренобль для переговоровъ съ кардиналомъ, отправился во Францію. Я не нашелъ его тамъ: онъ оставилъ военное ремесло и уѣхалъ съ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Бани, въ Ліонъ. Въ Ліонъ я опять не нашелъ его: слухи меня обманули; я узналъ навѣрное, что онъ подъ Казаломъ. Поздно пріѣхалъ я во французскій лагерь. Имя капитана Вальероля доставило мнѣ свободный

пропускъ и скорое свиданіе съ этимъ достойнымъ чело-
вѣкомъ. — «Что? не опять ли сражаться съ нами
противу Испанцевъ?» спросилъ онъ. — Пожалуй! от-
вѣчалъ я : только у меня есть небольшое дѣло, кото-
рое, думаю, лишитъ меня удовольствія сражаться подъ
вашимъ начальствомъ. — «Какое дѣло?» — Тайна. —
«Въ такомъ случаѣ и не спрашиваю. Конечно, вы
почтете у меня?» — У васъ, капитанъ.

«Мы поужинали, заснули, но утромъ рано разбудила
насъ вѣстовая пушка. Черезъ часъ французскія войска
были въ боевомъ порядкѣ: я сѣлъ на коня, и приставъ
къ валонтерамъ, которыхъ всегда такое множество при
французскихъ знаменахъ.

«Изъ Казала раздались выстрѣлы; имъ оцѣнили
шестью пунжевыми ударами, и войска двинулись. Оста-
валось не болѣе пяти сотъ шаговъ разстоянія между ли-
ніями испанской и французской. Ядра съ гуломъ разры-
зывали воздухъ; пули прыгали какъ крупный градъ.
Сквозь дымъ и пыль, войска увидѣли всадника въ одеж-
дѣ аббата; онъ издали махалъ бѣлымъ платкомъ и
кричалъ по-испански : «Раз, Раз! Tregua!...» Див-
ная картина!... смерть со всеми орудіями своими, нацѣ-
будто провалилась сквозь землю; войска, которыя
страшными, ослѣпительно блестящими, волнами мата-
лись другъ другу на встрѣчу, стали недвижны; воин-
ственные крики смѣнились могильнымъ молчаніемъ;
аббатъ прискакалъ на самую середину плащади, ко-
торая оставалась между враждующими войсками заста-
новившаяся; показывая бумагу: начальники обѣихъ армій
выѣхали изъ рядовъ, окружили аббата, и черезъ мгно-
веніе, махая пальцами, закричали : «Миръ! Миръ!.....»
Начались поздравленія. Всѣ кланялись аббату; нако-
нецъ онъ повернулъ коня, и съ генералами подъѣхалъ
къ французской арміи. Онъ былъ близокъ и могъ раз-
смотрѣть его въ лицо... Джудита! аббатъ — былъ ка-
питанъ Джудитъ!... Я не зналъ что дѣлать; невольно

выскакали изъ рядовъ и приблизился къ тѣсному кругу генераловъ и капитановъ. Маршалъ Шомбергъ прочелъ условія мира; всѣ закричали: — Да здравствуетъ король и великій кардиналъ! — «Прощайте, сказалъ Джулио, до свиданія! Меня идутъ!» И на своей быстрой маленькой лошади ускакалъ. Я бросился за нимъ, но моя любозная шляпа пристала, и на этотъ разъ я не могъ исполнить своего намѣренія... Изъ города въ городъ гонимое за мной аббатомъ: пренятствія усиливаются. Сѣ съ нимъ объясниться. Наконецъ, ионъ и я въ Лионъ... Бѣгу; но мнѣ отвѣчаютъ, что аббатъ, то у короля, то у королевны-матери, то у нунція Бани, то у кардинала Лавалетта, то у кардинала Ришлѣ. Наконецъ, я застуко его дома, одного. Въ шегольскомъ свѣтскомъ домашнемъ костюмѣ, маленький аббатъ лежалъ на софѣ и съ хохотомъ читалъ записку. — «Что вамъ угодно?» спросилъ онъ, продолжая читать. — Я пришелъ спросить у васъ, гдѣ Джулита Ваоли изъ Сондріо?

«Занеска выпала изъ рукъ аббата; Блѣдный, онъ вскочилъ и схватилъ ножъ, висѣвшій надъ софою въ числѣ другихъ оружій... Я вынулъ свой... Съ минуту продолжалось молчаніе..... — «Какое вамъ дѣло?» наконецъ спросилъ онъ задыхаясь отъ злости, какъ волкъ которому нѣтъ дѣлае дороги. — Безъ вопросовъ, сказалъ я. Вы должны отвѣчать, или я пойду къ кардиналу Бани, и узнаю, потому что вы уехали изъ Сондріо съ нимъ или за нимъ. — «Послушайте, съ принужденной улыбкой отвѣчалъ Джулио: не знаю, какія права вы имѣете на эту измѣнницу, но я васъ долженъ успокоить. Имѣнница мнѣ, измѣнница, вѣроятно, и вамъ, она вышла замужъ.» — За кого? — «Ужъ этого я вамъ сказать не могу. Я видѣлъ ихъ въ Миланѣ, жену и мужа; но послѣ измѣны я не хотѣлъ съ нею говорить, хотя она опять навязывалась!»

«До сей поры я молчала; не проронила ни одного слова, слушала всѣмъ существомъ моимъ; но эта чер-

ная, гнусная, неблагодарность разорвала мое сердце: я плакала, кричала, проклинала такъ, что дѣти проснулись и у дверей послышались шаги и голоса. Скрывивъ сердце, я уже только знаками просила Пьетро продолжать рассказъ свой.

— «Джудита, бѣдная Джудита! что могъ я отвѣчать?» продолжалъ Пьетро. Онутивъ голову, я даже не сказалъ аббату «простите», и ушелъ.... Брожу по улицамъ Ліона; вижу васъ въ окнѣ; съ вами какой-то мужчина. Войти? Перепугаю васъ. Сомнѣніе, страхъ, несть, любовь, все смѣшалось въ одно безымянное чувство.... Разспрашиваю, и узнаю, что мужчина—вашъ супругъ, что онъ комнатный живописецъ, что у васъ двое дѣтей, что вы живете затворницей.... Вдругъ, онъ выходитъ самъ: поглядѣлъ на мою одежду; счелъ меня недостойнымъ быть герцогомъ: до такой степени простиралась его учтивость!—Вы живописецъ Деллапорта? спросилъ я.— «Всегда къ услугамъ вашимъ,» отвѣчалъ онъ мнѣ на почтительно. — Вы свободны? — «Всегда къ услугамъ вашимъ.» — Можете потрудиться зайти ко мнѣ? Есть работы.... — «За особую честь,» и прочая.... Мы пришли въ домъ, гдѣ я остановился. Я занеръ двери и.... Богъ-знаетъ почему, угадалъ ли я характеръ вашего мужа, или по инстинкту.... я схватилъ его за горло и объшепствомъ спросилъ: — Сколько тебѣ заплатили за эту гнусную ложь? Ты не мужъ Джудиты! — «Три тысячи ливровъ,» запищалъ онъ.... Въ ужасѣ я оттолкнулъ его.... — «Но, синьоре, прибавилъ онъ, не за ложь, а за правду, за горькую правду. Я, точно, мужъ Джудиты. Но не желаю вамъ быть такимъ мужомъ: мужъ по титулу....» — Какъ? Такъ она живетъ съ другимъ, а ты только покрываешь..... — «Вотъ то-то и беда, что ни съ кѣмъ не живетъ.» — Это непонятно! — «Истинно, синьоре, непонятно! Видно еще никто ни приглянулся, или и въ самомъ дѣлѣ она не перестала любить какого-то Джуліо....» — Такъ ты даже ни

знаешь кто этот Джулио? — «Допытывался : не говорить.»

«Джудита! подумалъ я : свято сохранию твою тайну; наша мѣсть будетъ вѣриве.»

«И такъ , любезный , сказалъ я , ты по-прежнему бѣденъ?» — Охъ, эччеленца, ужасно бѣденъ!... нечѣмъ чужую семью кормить. — «Продай жену.» — А кто ее купитъ, безъ ея воли!» — «Не бойся; мы старые знакомые, сойдемся.»

«Мы ударили по рукамъ; дѣло слажено. Вашъ мужъ получилъ задатокъ и доставилъ мнѣ случай побесѣдовать съ вами на-единѣ. Не сердитесь за это ужасное средство : у меня не было времени другими путями узнать этого свиданія. Мужъ давно нѣ уважаетъ васъ; честь ваша не пострадаетъ отъ моего посвѣщенія : все останется въ тайнѣ.... Но я не кончилъ моего разсказа. Убѣдись въ гнусномъ поступкѣ Джулио, я отправился къ нему, объявилъ , что все знаю, что я хотѣлъ на васъ жениться, и теперь не прочь, что Даллапорту легко согласить къ разводу, но я не возьму въ домъ мой супруги, неочищенной благородной мѣстю. — Долгъ этой мѣсти, заключилъ я, лежитъ на мнѣ, и, синьоръ Джулио, конечно вы не откажетесь назначить мѣсто, часъ и оружіе. — «Въ этомъ вы не могли сомнѣваться, отвѣчалъ Джулио : но позвольте сколько-нибудь оправдать себя въ глазахъ вашихъ.»

«Но что же изъ всего оправданія узналъ я? Ему захотѣлось кардинальской шапки: другъ и покровитель его, Бани, назначенъ былъ нунціемъ во Францію; Урбашъ УШ требовалъ мира, и Бани отправилъ капитана, уже престо аббатомъ, въ Ривальто. Скрыть любовной связи не было возможности: Катарина не остановилась бы на вальтеллискихъ властяхъ и обратилась бы къ святейшему отцу. Оставалось одно средство — выдать васъ замужъ за неизвѣднаго челоуька и отправить въ Германію или во Францію. Такъ и случилось. Но, Джудит-

за, наступилъ и часъ мести! Богъ за правое дѣло, и тогда счастье мое въ рукахъ вашихъ. Но если завтра вы меня не увидите, вотъ мое завѣщаніе; вы можете разорвать ненавистныя узлы: этого станетъ на всю жизнь вамъ и несчастныхъ дѣтей.»

«Я умоляла Піетро оставить такія ужасныя намѣренія; увѣряла, что я простила Джуліо, отвергала даръ великодушной, истинной любви.»

— «Если такъ, то невинныя дѣти моего соперника могутъ нуждаться въ этой помощи,» отвѣчалъ онъ на всѣ мои убѣжденія, положилъ бумагу дѣтямъ подъ подушки и бросился къ дверямъ.

«Я не успѣла опомниться. — Піетро!.... закричала я, но мнѣ отвѣчалъ уже Депортъ: — «Не кричи! Не кричи: съеди услышать; а вамъ надобно сохранить котъ видъ порядочной жизни.»

VII.

ПОБѢДНОКЪ.

«Я не отвѣчала ни слова; мнѣ даже не обидны были слова недостойнаго человѣка, и, къ особенному удивленію Депорта, я стала одѣваться.»

— «Куда это ты!» спросилъ онъ. — Синьоръ Деллапорта! сказала я съ важностью: благодарю васъ за пріятное возобновленіе дорогаго знакомства; но говорю вамъ разъ на всегда, что ежели вы осмѣлитесь.... — «Полно, полно!....» со смѣхомъ говорилъ Депортъ.

«Я хлопнула дверями и выбѣжала на улицу. Было

очень поздно, или, лучше сказать, рано; уже зашумѣлъ жаръ: я безпрестанно встрѣчала экипажи, всадниковъ, носилки. Лоара была освѣщена множествомъ свѣтелъ и покрыта парадными огорнишки водянцъ. По улицамъ непрерывно прѣзжали дорожныя кареты. Наконецъ, встрѣчаю толпу всадниковъ; впереди ѣхала маленькой аббатъ Джулію.

«Вѣрно на мѣсто сраженія,» подумала я, и пошла за ними. Сердце билось; я уже догнала Джулію, уже хотѣла броситься подъ ноги его лошади и умолять возвратиться, какъ вдругъ факелы другаго поѣзда освѣтили мое лицо. «Джудита!....» — Діаволо!.... — «Здѣсь Джудита!» сказалъ онъ довольно громко, и какъ-будто на мигъ весь исчезъ изъ виду.... Безумная! я бѣжала за ними, кричала «Джулію!», и уже за городскими воротами, за предвѣстемъ, въ поле, когда по всему открытому горизонту, освѣщенному утренней зарей, не видно было ни живой души, остановилась я, съ трудомъ переводя дыханіе. Безъ слезъ, безъ вздоху, я съла на сырой травъ; больше полу-часа я не могла подняться съ мѣста. Наконецъ встаю, иду тихо въ городъ..... вдругъ, слышу не вдалекѣ топотъ коней: скачутъ всадники; проскакали по дорогѣ въ Парижъ. Не прошло двухъ трехъ минутъ, послышались крики: «Ловите! Убійцы! Ловите!» Изъ лѣсу высыпали городскіе стрѣлки: меня остановили; я имъ сказала, что видѣла всадниковъ, и куда они поскакали.

— «Ушли; злодѣи! сказалъ старшій. Видишь, у нихъ тутъ и лошади были приготовлены. Нечего дѣлать! не сите мертвеца въ ратушу; авось узнаешь, кто.»

«Всемогушій Боже! то былъ Пьетро д'Аргола! Три ножа торчали въ груди, голова была окровавлена....»

«Джулію! еще преступленіе!.... по гдѣ свидѣтели?» подумала я, и проводила стрѣлковъ до самой ратуши, которая была въ пяти шагахъ отъ нашего дому. Страхъ Шприсовъ и пантъ удержалъ меня. Я возвратилась до-

ной. Депортъ спалъ. Преклонивъ колѣна передъ образомъ Богоматери, я долго и горячо молился за Негро.... Онъ погибъ, единственно любившій меня: а Джулио въ славу, въ богатствъ!.... Рингидъ старъ, болѣзнь неизлечима, и скоро мы услышимъ о новомъ маршальѣ, о новомъ министръ Франціи.»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Вызовъ.

Король въ Лувръ. Рѣдкость! Съ нѣкотораго времени онъ не любитъ Парижа; Сенъ-Жерменъ и старый, блудный Люксамбуръ, да изрѣдка Фонтенбло. — любимыя мѣста пребыванія короля Людовика XII.

Придворные толпились въ залахъ дворца. У дверей, откуда ожидали выхода, стояли государственные секретари, де-Нойе, Шавиньи, Бриеннъ, и первые сановники королевства: между ними и маленькій аббатъ Мазарини, который, хотя и не участвовалъ еще въ королевскомъ Совѣтѣ, по должности, однако жъ часто бывалъ призываемъ для домашнихъ совѣщаній. Толпа постоянно умножалась. Депортъ различными путями добрался до главнаго кружка и, всякой разъ когда де-Нойе поворачивалъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ Депортъ, ординарный живописецъ неизменно кланялся. Двери отворились: вошелъ король съ Сенъ-Марсомъ. Лицо Людовика было, противъ всеобщаго ожиданія, светло, радостно; онъ приметно съѣхнулъ привѣтствіями, но остановился, проходя мимо де-Нойе.

— Чтѣ? сказалъ король, улыбаясь: довольны ли вы?

— Щедроты вашего величества.... (де-Ноё хотѣлъ что-то отвѣчать.)

— Не говорите, не говорите! Я скупъ: меня трудно заставить рѣшиться на такія огромныя издержки; но ваша записка составлена умно; доказательства такъ ясно изложены: я немогъ не согласиться на перестройку Лувра.... Желаю вамъ успѣха, для чести Франціи.

Король пошелъ—было дальше, но увидѣвъ Шантелу, известнаго любителя художествъ, человѣка слишкомъ далекаго отъ придворныхъ интригъ, опять воротился къ де-Ноё и сказалъ:

— Нашъ общій пріятель, Шантлу, вчера доставилъ намъ пріятное утро; онъ съ пользою путешествовалъ по Италіи: я полагаю, и въ новыхъ затѣяхъ онъ бы много помогъ намъ.

— Государь, я не смѣлъ утруждать вашего величества многими просьбами вдругъ; но я имѣлъ намѣреніе....

— Представьте. Я всегда готовъ сдѣлать пріятное вамъ и Шантлу..... Это, впрочемъ, будетъ служить вамъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за отказъ насчетъ Пуссена.... Право, не могу! Будетъ дорого стоять, а у насъ и такъ списокъ ординарныхъ живописцовъ обремененъ знаменитыми именами.

Король удостоилъ еще двухъ трехъ человѣкъ незначительныхъ вопросовъ. Между-тѣмъ какъ король разговаривалъ съ придворными, великій конюшій подошелъ къ Депорту и успѣлъ только сказать: «Гдѣ ты пропадаешь? Бѣги къ Визиткамъ и жди у ограды.»

Король позвалъ Сенъ-Марса и ушелъ съ нимъ изъ залы.

Пока Депортъ протѣснился сквозь толпу придворныхъ, пока разузналъ, гдѣ монастырь Визитокъ, прошло немало времени, и несчастный Депортъ бѣгомъ долженъ былъ спѣшить на указанное мѣсто. Тогда не знали еще оіакровъ и разнаго роду наемныхъ средствъ

время: у кого не было своего экипажа, по крайней мере, верховой лошади, тот по-неволе вынужден был идти по грязным улицам старого города, в котором в последнее только время, при необъятной деятельности кардинала, выросли многия здания, каменные этажи обширной монахини. Не успевъ Депортъ пробжгать двухъ третей улицы: на встряну цитъ Гейко.

— Куда это вы, мосье Депортъ?

— Не твое дѣло.

— Какъ, не мое дѣло?... Вы не успѣете добжгать до монастыря Визитокъ!

Депортъ остолбенѣлъ.

— Какъ ты знаешь?....

— По расчету..... Вы опоздаете непременно!

— Развѣ такъ далеко?

— Ужасно! Пожалуйте червонецъ, я вамъ тотчасъ доставлю лошадь.

— Ливръ.

— Не могу.

— Два.

— Нельзя.

— Ну, Гуда; только.....

— Извольте идти по дорогѣ по-маленьку: я васъ доведу.

И, не прошло какихъ-нибудь пяти минутъ, Гейко вернулся на добромъ конѣ. Депортъ увчалъ.

— Мстой! я изъ тебя новытаскаю чертово золото; выдѣла Гейко, укладывая кожаную кошину въ сандогъ. Сара! уже десять! Еще четыреста девяносто!.... Боже Францъ! когда это кончится?....

Депортъ послѣдъ во-время, осмотрѣвъ монастырь, Францезъ переулокъ приваломъ зос-какъ лошадь, и кончилась и впередъ передъ монастырскими воротами. Вышла въдали карета. Не было сомнѣнія, что въ депортъ

короля. Депортъ сбѣжалъ шагомъ на двадцать и шестомъ, возвратясь; шлепъ на вострѣчу кареты и вскрикъ; ронилъ шагомъ. Соплялся у воротъ; карета повернула такъ, чтобы въѣхать на монастырскій дворъ, но живой души не было: привратница спала. Занавѣски отдернулъ; услышалъ голосъ короля: — Сень-Марсъ! надо тебѣ дышать.

— Ужасно не хочется. Грязь.... — А! кстати! Филиппъ, скажи пусть отѣпрутъ ворота.

Депортъ бросился къ калиткѣ, разбудилъ привратницу, помогъ отворить ворота и, когда карета проѣзжала мимо, король отдернулъ занавѣску со своей стороны и ласково погрозилъ Депорту пальцемъ. Филиппъ побѣжалъ за каретой, полагая, что король хочетъ ему сказать что-нибудь; но занавѣска задернулась и Депортъ остановился посреди обширнаго монастырскаго двора, съ ногъ до головы обрызганный грязью. Не успѣлъ онъ рѣшиться, что слѣдуетъ предпринять въ подобномъ случаѣ, какъ раздался голосъ Сень-Марса: «Филиппъ, поди сюда!» Депортъ напрасно искалъ суицидъ мѣсть; онъ перепрыгивалъ черезъ огромныя лужи: костюмъ его пестрѣлъ новыми пятнами. Сень-Марсъ стѣбалъ въ нижней галереѣ монастыря и смѣялся со смѣху.

— Королю намъ, господинъ великій, вѣдять съ королемъ въ каретѣ! А мнѣ пѣшкомъ такую даль!.... да вонъ еще въ грязный океанъ!

Сень-Марсъ возмущался положеніемъ Депорта и смѣялся отъ души. «Направо!.... вальво!» кричалъ онъ Депорту. Вловясь еще болѣе сбивался съ пути, и грязь летѣла мутными брызгами изъ-подъ ногъ Депорта.

— Берегъ! сказалъ Сень-Марсъ, когда Депортъ достигъ галереи: поздравляю! поздравляю!

— Хорошо я! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ; страшная грязь и процирканъ глаза. Видите, я исполнилъ ваше приказаніе, прибѣжалъ: я зналъ, что, верну-

нужно.... Только не показывайте мнѣ въ такомъ видѣ его величеству.... Правда, я немного позамарался; но знаешь, что присутствие мое здѣсь нужно; ж....

— Очень нужно! отвѣчалъ Сентъ-Марсъ, оставши загадочный тонъ : дѣло великой важности.

— Что такое? что такое? съ напряженными любопытствомъ спросилъ Депортъ.

— А вотъ, видишь : король пошелъ въ общую залу и будетъ цѣлый часъ бесѣдовать съ мадамъ де-Лафайеттъ, въ присутствіи сестры Старшей и всѣхъ монахинь. Но изъ насъ никто не допускается къ этой бесѣдѣ : я долженъ гулять по этому кирпичному помосту одинъ-одинѣхонекъ. Сегодня мы еще въ каретѣ : а въ хорошую погоду верхами ; я цѣлый часъ иногда долженъ бесѣдовать съ лошадьми. Такъ я и разсчелъ, что всё же лучше провести этотъ ужасный часъ въ бесѣдѣ съ такимъ умнымъ и любезнымъ человекомъ....

Депортъ кланялся, хотя на душѣ ему было очень тяжело. Заплатить червонецъ за лошадь, испортить новое платье : и все это для того что господину великому на галереѣ одному скучно !.... Но Депортъ кланялся и сѣлся.

— Король сегодня въ отличномъ расположеніи духа? спросилъ Депортъ.

— Это случается съ нимъ всегда, когда ему въ чемъ-нибудь удастся не согласиться съ кардиналомъ.

— Я смѣю спросить....

— Смѣешь, Это по вашей части. Кардиналъ, посредствомъ де-Нойё, успѣлъ убѣдить короля, что Лувръ надо отдѣлать на-славу, выписать для того изъ Италіи художниковъ и, прежде прочихъ, Пуссена. На послѣднее король не согласился. «Мало ли у меня, отвѣчалъ король, ординарныхъ живописцевъ?... И ты ничего не дѣлаешь! И такъ старый мой Лувръ будетъ стоить трехъ городовъ : а эти выписные всегда такъ дороги!» Однимъ словомъ, на запискѣ де-Нойё о Пуссенѣ — крестъ.

— Жаль! сказала Деноржъ.

— А чѣмъ?

— Да парижскіе живописцы — ужасная дрянь. Не говорю о тѣхъ дошпакахъ, что носѣдья въ искусствѣхъ и въ педантствѣ; но даже и между молодыми нѣтъ ни одной перламوتной надежды.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь! У меня въ школьѣ есть еще одинъ-два таланта, но имъ въ Луврѣ работать нельзя; а у Симона ни одного, ровно ни одного.

— У тебя въ школьѣ?....

— Не шутите! Сами увидите. А эти люди, пускай сами плохи, да если бъ по-крайней-мѣрѣ слушались умныхъ людей: а то нѣтъ; самонадѣянность, хвастовство, невѣжество.... И вотъ почему французскіе художники — лакеи, а италіянскіе — маркизы, герцоги, и въ своемъ дѣлѣ, и въ обращеніи.

— Полно, полно! Симонъ Вузъ съ большими способностями.

— Къ чему? Къ ругательствамъ? Подъ пьяную руку онъ не надѣтъ никого. Послушали бы вы, какъ онъ честилъ даже васъ.

— Меня? Да я съ нимъ и не говорилъ никогда.

— Станете вы съ нимъ разговаривать! А можетъ-быть онъ за это и злитоя?.... И, повѣрьте: это ихъ интриги, что король не соглашается. Ужъ конечно: придетъ Пуссенъ, закусятъ они губы!

— Король идетъ!

— Я убѣгу, спрячусь....

— Стой, ни съ мѣста!

Король вышелъ на галерею, Сестра Старшая проводила его до дверей, но, увидѣвъ постороннихъ, вернулась. Король самъ притворилъ двери и махнулъ кучеру.

— А, и ты здѣсь! сказала онъ Деноржу, глубокою вздыхая.

Лицо Людовика, блѣдное, болѣзненное, очевидно было глубокою думою; глаза сіяли добротою; на устахъ улыбка кротости и смиренія.

— Что, Сень-Марсъ, не вѣлѣть ли еще ему сдѣлать портретъ съ нашего ангела?

— Ваше величество! только великодушію вашему я обязанъ не заслуженною славою и значеніемъ; но для портрета, о которомъ ваше величество теперь думать изволите, только одинъ живописецъ на свѣтѣ.

— Кто же этотъ одинъ?

— Николай Пуссенъ.

Король задумался. Всѣ молчали.

— Я боюсь одного, сказалъ Людовикъ, чтобы мое упрямство въ самомъ дѣлѣ не лишило Франціи втораго Рафаэля.... Шантлу вчера рассказывалъ проэтого Пуссена цѣлую поэму. Де-Нойё тоже человекъ со вкусомъ: въ Италиі Пуссенъ приобрѣлъ такую славу, говорятъ даже первенство....

— Совершенное первенство, ваше величество, подхватилъ Депортъ.

— Какъ ты думаешь, Сень-Марсъ? спросилъ король.

— Да что же сдѣлали хорошаго, государь, ваши ординарные живописцы? Вы изволили отказать де-Нойё въ приглашеніи вообще Италиянцевъ: подарите ему одного Пуссена.... Притомъ же можно его пригласить на малый срокъ.

— На четыре года, отвѣчалъ король.... Не много ли это будетъ стоить?

— Всѣ же меньше, нежели чего стоить Вузъ съ этой божественной ватагой.

— Ребенокъ! Неужели старыхъ слугъ я оставлю безъ хлѣба?

— А зачѣмъ же ничего не дѣлаютъ?

— Споришь, Сень-Марсъ! Опять споришь!

— Не спору. Пускай остаются: а работать некому.
— Не правда! И они останутся, и Пуссенъ будетъ. —
Депортъ, скажи де-Нойё, что я ожидаю его сегодня въ
Самъ-Жершевъ. Пусть привезетъ съ собою и грамматику
Пуссену. — Слава Богу! прибавилъ король, я всегда остав-
ляю эту благодатную обитель съ какою-нибудь доброю
и полезною мыслию!

=

II.

ПОСТРАДАЮЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕКАМСКАЯ РОЗА.

ГОЛЛАНДСКІЙ РОМАНЪ ,

ВАНЪ - ЛЕННЕРА .

Древній городъ Гарлемъ много вѣковъ былъ перломъ короны графовъ Голландскихъ. Рѣка Спаара, на берегахъ которой онъ построенъ, служила ему путемъ сообщенія, съ одной стороны съ Гарлемскимъ озеромъ и землями кругомъ его лежащими, съ другой съ Ипсудерзеємъ. Гарлемъ съ давнихъ поръ пользовался пользою такого мѣстоположенія, и въ большомъ количествѣ сбывалъ издѣлія своихъ суконныхъ мануфактуръ, славныхъ во всей Европѣ. Съ его пивоваренныхъ заводовъ шло также много пива, которое въ ту пору было во всеобщемъ употребленіи, и эта вѣтвь промышленности доставляла не маловажныя пользы, особенно съ тѣхъ поръ какъ указъ владѣтельнаго графа запретилъ продажу въ Голландіи всякаго пива крокъ гарлемскаго.

Графы часто посѣщали свой городъ Гарлемъ, который былъ многимъ обязанъ Вильгельму II и Вильгельму III. Первый изъ нихъ родился въ этомъ городѣ и

Т. I. — Отд. II.

1

предоставилъ ему большія права и преимущества; другой, хотя и иноземецъ, жилъ въ немъ почти безвыѣздно, и едва-ли не по одному этому случаю прозванъ «Добрый».

Происшествія, которыя мы будемъ рассказывать, случились въ царствованіе Вильгельма IV, сына Вильгельма Добраго.

Весною 1345 года въ Гарлемъ стеклось множество окрестныхъ жителей и иностранцевъ. Вильгельмъ IV покрылъ себя славою въ битвахъ съ испанскими Маврами, и праздновалъ недавнее возвращеніе свое изъ путешествія къ Святымъ Мѣстамъ. На этотъ великопирный пиръ приглашено было все благородное дворянство графскихъ владѣній и всей германской имперіи.

Замки въ окрестностяхъ города были наполнены гостями, потому что бѣльшая часть дворянскихъ фамилій Голландіи находилась въ родственныхъ или дружескихъ связяхъ съ дворянскими родами Брабанта, Фландріи, Гельдріи и Геннегау.

Граждане Гарлема и вольные жители ближайшихъ къ нему селеній, подражая гостепрѣимству высшаго сословія, пригласили къ себѣ пріятелей, и дома ихъ были полны народу. Въ немногихъ монастыряхъ, существовавшихъ въ то время внѣ и внутри города, помѣстилось также значительное число иностранцевъ. Но при всемъ томъ еще очень многіе остались, или въ палаткахъ, раскинутыхъ подъ стѣнами Гарлема, или въ лодкахъ, и даже въ повозкахъ, на которыхъ пріѣхали. Спаара была покрыта цѣлою флотиліей барокъ: рѣка эта, раздѣляющая теперь Гарлемъ на двѣ части, составляла тогда южную черту города, съ западной стороны котораго шла открытая равнина до высокихъ деревьевъ лѣсу, такъ же прекраснаго въ ту пору какъ и теперь, хотя въ немъ еще не былъ устроенъ паркъ.

Десь этотъ, въ третій понедѣльникъ каждаго августа мѣсяца, наполнялся толпами гуляющихъ, обычай, который свято сохранился и до нашего времени.

За нѣсколько дней до начала праздниковъ, когда и юсти и ховлева Гарлема съ нетерпѣніемъ ожидали турпировъ, представленія мистерій, и другихъ народныхъ зрѣлищъ, множество черни столпилось на равнинѣ близъ лѣсу. Толпа окружала подмостки шарлатана, возбуждавшаго ея любопытство выставкою разныхъ стекляночекъ и банокъ своей эмпирической аптеки, и удивлялась его проворству въ фокусъ-покусахъ. Наружность шарлатана отвѣчала какъ-нельзя лучше его ремеслу. Поверхъ чернаго платка, которымъ обвита его голова, надѣта корона изъ зеленой бумаги. Звѣздочки, выстриженные изъ такой же бумаги, покрываютъ его длинную черную саржевую распашню, обшитую каймою изъ красной матеріи вырѣзаною зубчиками. Изъ подъ этой распашни, видны красное полу-кафтанье и поясъ, съ изображеніями знаковъ водіака. Въ его ужасно сухихъ рукахъ безпрестанно и быстро вертится бѣлая костяная палочка.

Лицо эмпирика, какъ и вся его особа, длинное и тонкое. Черные волосы, похожіе на гриву, падаютъ ему на плечи, а одинъ клокъ этихъ волосъ спускается въ видѣ обращеннаго конуса на огромный орлиный носъ, который чуть не сходится съ подбородкомъ, украшеннымъ черною, шестиместою бородой, идущею до самаго пояса. Глаза его, казалось, обличаютъ умъ всегда занятый созерцаніемъ, изъ котораго не высклаки эмпирика ни какіе посторонніе предметы.

Вокругъ него стоитъ ящикъ съ походною аптекою, а передъ нимъ столъ со всеми принадлежностями тогдашнихъ фокусниковъ.

Болдунъ, — такъ называла его чернь, — былъ вовсе не разговорчивъ. Быть-можетъ оттого, что не доволь-

но хорошо зналъ голландскій языкъ, чтобы объясняться на немъ, а можетъ-быть и потому, что боялся унижить свое достоинство разговаривая съ людьми низшаго сословія. Паяцъ служилъ ему переводчикомъ, и непрерывною болтовнею хотѣлъ, казалось, выкупить постоянное молчаніе своего хозяина. Платье на паяцъ разноцвѣтное: половина кафтана красная, другая желтая, а панталоны зеленые. Деревянный кинжалъ, заткнутый за поясъ, и побубенчики на колпакъ и одежду обличали шута. Носъ, брусничнаго цвѣту, вздернутый кверху, и свѣтящіеся сѣрые глаза придавали его физиономіи выраженіе веселья и беззаботности. На плечъ у него сидѣла обезьяна.

Легко вообразить, что обязанность паяца состояла въ томъ, чтобы привлекать вниманіе зрителей на фокусы шарлатана, и, главное, выхвалять цѣлебное свойство разныхъ пилюль, мазей и прочихъ снадобьевъ, заключающихся въ его походной аптекѣ.

— Смотрите, почтеннѣйшіе господа, говорилъ паяцъ, обращаясь къ многочисленной толпѣ зѣвакъ : изволите видѣть, вотъ это мой знаменитый господинъ ; зовутъ его Барбанера Черная-Борода, по прозванью Несравненный.... А какъ вы думаете? который ему годъ?... Лѣтъ пятьдесятъ, шестьдесятъ?... Какъ бы не такъ!... Ему стукнуло двѣсти десять, а молодежь онъ и бодрѣе оттого что пьетъ жизненную эссенцію, которую самъ изобрѣлъ самолично.... Вотъ она; удивительная эссенція!... Кому угодно?... А вотъ мазь; тоже удивительная мазь!... Эй, ты, господинъ лѣсничій! стрѣла твоей милости всегда ли попадаетъ въ цѣль? Если нѣтъ такъ вотъ тебѣ разпречудеснѣйшая мазь... Намажь только ею копьцо стрѣлки и, ручаюсь, не дашь промаху ни по зайцу ни по куропаткѣ.

— Я думаю, отвѣчалъ лѣсничій, что вѣрные глаза да рука, вѣрнѣе твоей мази.

— Тутъ и есть! возразилъ шутъ : рука-то у тебя вѣрна, да не легка; мнѣ это сказывала твоя жена.

Толпа расхохоталась, потому что паяцъ нечаянно сказалъ правду. Весь Гарлемъ зналъ, что лѣсничій его свѣтлости владѣтельнаго графа, любить погулять, а подгулявши, случается, колотить жену.

Когда смѣхъ, возбужденный этою выходкою, прекратился, паяцъ продолжалъ :

— Подивитесь, господа, съ какимъ искусствомъ знаменитый Барбанера умѣетъ дѣлать ручными самыхъ дикихъ животныхъ.... Сезарь, сказалъ онъ обращаясь къ обезьянѣ : поклонись почтеннѣйшей публикѣ.

Сезарь вскочилъ на подмостки и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Теперь, поди и попроси почтеннѣйшую публику пожаловать тебѣ что-нибудь на водку.

Обезьяна соскочила съ подмостковъ, и, потряхивая шляпой, начала обходить присутствующихъ.

— Подайте милостыню бѣдному Сезару, кричалъ паяцъ : она ему крайне нужна. Только смотри, Сезарь, не бери такихъ серебряныхъ денегъ, въ которыхъ на половину мѣди.

Обезьянѣ пакидали въ шляпу нѣсколько мелочи, и она подала ее Барбанеру. Намѣтанный глазъ шарлатана сейчасъ различилъ одну полу-мѣдную монету ; онъ передалъ ее паяцу, тотъ обезьянѣ, приложивъ :

— А, Сезарь ! тебя надули. Пошелъ, отдай эту монету тому, отъ кого получилъ и попроси у него другой.

Обезьяна побѣжала въ толпу, долго вглядывалась въ зрителей, и наконецъ остановилась передъ однимъ изъ нихъ, къ которому протянула лапу съ монетою.

— Видишь, пріятель, вскричалъ паяцъ, Сезара-то обмануть не легко. Возьми назадъ свои фальшивыя деньги, и дай ему настоящихъ.

Тотъ, къ кому обращались эти слова, былъ молодой человекъ, высокій ростомъ, съ сильными

мускулами и съ голубыми глазами. Одежда обличала въ немъ иностранца; она состояла изъ полукафтаны темнаго цвѣту, открытаго спереди, опушеннаго мѣхомъ и опоясанныя ремнемъ съ серебряными застѣжками. Мѣховая шапка, украшенная серебряною кистью, покрывала его русые волосы, а ножъ, съ серебряной рукояткой, былъ заткнутъ за поясъ и отличалъ его отъ прочихъ зрителей, которые всѣ были безоружны. Онъ держалъ за руку молодую и хорошенькую дѣвушку: на головѣ ея былъ накинутъ клѣтчатый разноцвѣтный платокъ, а платье, изъ грубой шерстяной ткани, съ желтыми и голубыми полосками, стягивалось въ талии серебряною опояскою. Многіе уже давненько посматривали на эту дѣвушку, и смѣялись надъ ея костюмомъ, не понимая что бы это за мода.

Иностранецъ, казалось, не совсѣмъ понялъ, чего хочетъ отъ него обезьяна. Онъ взялъ монету, которую она подала ему и взглянулъ на дѣвушку. Дѣвушка шепнула ему нѣсколько словъ: молодой человѣкъ высыпалъ изъ кошелька на лѣвую ладонь остальные деньги, показывая, что у него всѣ онѣ одинаковыя, и сказалъ по-голландски, но съ очень замѣтнымъ фризландскимъ выговоромъ:

— Это настоящая фризландская монета.

— Слава Богу! но мы въ Голландіи, а въ Голландіи фризландскія деньги не ходятъ. Оставь, братъ, у себя свою фальшивую монету.

— Фальшивая монета! возразилъ Фризландецъ: бездѣльникъ тотъ, кто говоритъ это!

— Э, э! полно горячиться, вѣдь здѣсь не то, что въ вашей вольной Фризландіи. А, главное, дружокъ, спрячь-ка свой ножъ, а то будетъ тебѣ плохо.

— Всеконечно, сказалъ маленькій человѣкъ, весь одѣтый въ черное; всеконечно, по закону Вильгельма II, въ Гарлемъ и его уѣздъ запрещено носить ножи, подѣ опасеніемъ....

— Ужь не хотите ли вы отнять у меня ножа? вскричалъ Фризландецъ, хватаясь за рукоять своего оружія.

— Нарушеніе пятнадцатаго параграфа нашихъ привилегій, завопилъ маленькій человекъ, и ловко отско- чилъ къ сторонѣ: тамъ сказано: всякой, кто обнажитъ ножъ въ городѣ Гарлемѣ или его окрес....

— Велика мнѣ нужда до вашихъ привилегій! Вотъ мои права! сказалъ Фризландецъ, выдерживая ножъ.

— Въ тюрьму, въ тюрьму его! заревѣла вдругъ сотня голосовъ, и толпа, за минуту передъ тѣмъ спокойная, пришла въ волненіе и безпорядокъ. Дѣти заплакали, женщины заохали, большая часть мужчинъ попятились, и мадали грозили Фризландцу кулаками и палками. Тотъ прислонился къ подмосткамъ и держалъ ножъ наготовѣ. Дѣвушка, покинутая въ толпѣ, громко зва- ла его: «Фекѡ! Фекѡ!» но онъ, слишкомъ занятый опасностью своего положенія, не отвѣчалъ, и толь- ко всмахивалъ ножемъ. Ни кто не осмѣливался подой- ти къ Фекѡ; какъ вотъ лѣсничій пробился сквозь сом- кнутые ряды народу и сталъ лицомъ къ лицу съ Фри- ландцомъ.

— Какъ, чортъ возьми! вскричалъ онъ: васъ сто че- ловекъ на одного, а вы не можете съ нимъ сладить! Дайте срокъ! вотъ я поправлюсь съ молодцомъ.

И онъ замахнулся палкой. Фекѡ предупредилъ, и сильнымъ пинкомъ въ грудь опрокинулъ нападающаго за- мертво на землю.

Но въ это самое мгновеніе, обезьяна сорвала съ голо- вы Фризландца шапку; онъ обернулся: толпа восполь- зовалась этимъ движеніемъ; кинулась, обезоружила и связала Фекѡ.

— Боже мой, Боже мой! вскричала дѣвушка: что хо- тятъ они дѣлать съ тобою, Фекѡ?

— Сиди, отвѣчалъ онъ ей: бѣги скорѣе къ нашему гос- подарю, и скажи, какъ эта сволочь поступаетъ съ сво- боднымъ Фризландцемъ.

Но Сиза радостно вскрикнула и бросилась къ молодому челоуьку, который въ это время показался на дорогѣ изъ лѣсу.

— Мессиръ Аделенъ, закричала Сиза: выручите бѣднаго Фекѡ, котораго тащатъ въ тюрьму.

Аделенъ челоуькъ лѣтъ тридцати, худощавый, но крѣпкій и сильный. Черты лица его правильны, но выражаютъ не привѣтливость, а гордость и самонадеяннѣе. Одежда на немъ такая же какъ на Фекѡ, только изъ болѣе дорогой ткани. Желтый шелковый платокъ съ серебряной бахрамою обвиваетъ его голову, и падаетъ однимъ концомъ на лѣвое плечо. Волосы, выбритые надъ ушами, обличаютъ въ немъ благороднаго Фризландца. Великолѣпно отдѣланннй кинжалъ заткнутъ за его богатымъ поясомъ, на которомъ виситъ широкая сабля, знакъ рыцарскаго достоинства. Поверхъ золотой цѣпи, три раза обвитой вокругъ шеи, накинута свѣтло-зеленая мантия. Остроконечные башмаки усыпаны золотыми звѣздочками.

— Кто это осмѣлился? вскричалъ онъ, и тотчасъ же приблизился къ Фекѡ, обнажилъ кинжалъ и обрѣзалъ веревку, которою тотъ былъ связанъ.

— Совершенный безпорядокъ! закричалъ мейнгеръ Николай, маленькій челоуьчикъ одѣтый въ черное. Эй, вы, граждане, не отпускайте своего плѣнника!

— Вы не посмѣете задержать меня противъ воли мессира Серпъ Аделена, сказалъ Фекѡ, который и не воображалъ, чтобы кто-нибудь могъ ослушаться благороднаго Фризландца.

— Молчи, Фекѡ! Расскажи лучше, что у васъ за дразги.

— Что ему рассказывать? сказалъ мейнгеръ Николай; въ силу параграфа одиннадцатаго нашихъ привѣл....

— Дожидайся, покуда тебя спросятъ, возразилъ Серпъ

Аделенъ. Посмотримъ, скажи-ка, кто осмѣлился наложить руку на служителя изъ свиты ольдермана?

Мейнгеръ Николай струсилъ и отодвинулся; но Валтеръ, графскій лѣсничій, отвѣчалъ:

— Этотъ человекъ нашумѣлъ и притомъ обнажилъ оружіе, что запрещено закономъ, и потому мы хотимъ представить его къ суду.

— Я беру его подъ свое покровительство, и погляжу, кто посмѣетъ дотронуться до него хоть однимъ пальцемъ. Я одинъ изъ депутатовъ отъ Фризландіи, и ваши глупыя постановленія не касаются ни до меня ни до моей свиты. — Фекó, ступай за мною.

И благородный Фризландецъ пошелъ; за нимъ Фекó и Сиза.

Толпа пришла въ бѣшенство. Грязь, палки, камни полетѣли вслѣдъ за удаляющимися. Сначала Серпъ Аделенъ шелъ равнодушно; но когда однимъ камнемъ задего по головному убору, гнѣвъ и негодованіе овладѣли имъ: онъ обернулся, какъ раненый тигръ, выхватилъ саблю, и яростно напалъ на преслѣдующихъ. На шумъ и крики прибѣжала стража мирнаго судьи; но вмѣшательство ея не всостояннѣе уже было возстановить порядокъ, и Фризландцы легко могли сдѣлаться жертвою неровнаго бою, если бъ появленіе новыхъ лицъ не измѣнило ихъ положенія.

Ренó и Деодать Веронскіе, два рыцаря изъ свиты графа Вильгельма IV, выѣзжали въ это время изъ Гарлема въ сопровожденіи нѣсколькихъ служителей. Сиза, услышавъ топотъ коней, кинулась къ рыцарямъ, умоляя о помощи. Ренó и Деодать пришпорили лошадей и въ самое время подоспѣли на мѣсто битвы, чтобы выручить Фризландцевъ.

Почти вмѣстѣ съ ними явился туда же товарищъ мирнаго судьи, навѣщенный о безпорядкѣ, и потребовалъ, чтобы Фризландцы или слѣдовали за нимъ въ судъ, или шли за себя поруку.

— Что мнѣ за дѣло до вашего суда? сказалъ Аделенъ; я депутатъ отъ Фризландіи и особа моя неискосновенна; человекъ этотъ принадлежитъ къ нашей свѣтѣ, и я сочту за личную обиду себѣ если ему будетъ сдѣлано малѣйшее насиліе.

Деодатъ отвелъ помощника мирнаго судьи къ сторонѣ, и сказалъ ему:

— Вы должны знать какъ его свѣтлость желаетъ привлечь къ себѣ Фризландцевъ. Неблагодарный поступокъ можетъ сдѣлаться причиной новыхъ раздоровъ и даже подать поводъ къ войнѣ; остерегитесь, чтобъ не навлечь на себя неудовольствія графа.

— Это правда; однако жъ....

— Да что тутъ долго толковать, прервалъ Ренé: отпускайте ихъ скорѣе, а не то я всю эту сволочь загоню въ Спаару.

Толпа разошлась.

— Благодарю, сказалъ Аделенъ рыцарямъ: безъ вашей помощи Серпу Аделену, вѣроятно, не возвращаться бы въ Фризландію. Скажите, пожалуйста, вашему графу, чтобы онъ держалъ въ уздѣ своихъ подданныхъ; потому что, въ другой разъ, такое оскорбленіе не пройдетъ ему даромъ.

— Мы не привыкли говорить такихъ вещей нашему и вашему повелителю.

— Нашему повелителю!.... проворчалъ Аделенъ.

И не сказавъ ни слова болѣе ушелъ съ Фекó и Сивой.

— Невѣжа! вскричалъ Ренé; еще одна минута — и я мечомъ окоротилъ бы его дерзскій языкъ.

— Развѣ можно сердиться на осла, когда онъ кричитъ! отвѣчалъ Деодатъ. Однако жъ, поспѣшимъ, а то не застанемъ объѣда.

Рыцари поскакали. Пока они ѣдутъ, мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей.

Въ числѣ множества иностранныхъ рыцарей, послѣ-

дворянскъ за Иоанномъ де-Бомонъ, дядею Вильгельма IV, въ походъ, предпринятый имъ въ 1331 году противъ кланскихъ Мавровъ, былъ благородный Италіанецъ Карло дела Скала; при немъ находились два оруженосца, которыхъ онъ представилъ сирю де-Бомонъ, называвшихъ Рено и Деодатомъ Веронскими, и они, какъ ни были молоды, а съумѣли, мужествомъ и безстрашіемъ въ бояхъ, заслужить уваженіе и дружбу де-Бомона. Карло дела Скала, смертельно раненый въ одномъ дѣлѣ съ невѣрными, позвалъ Иоанна и обоихъ юношей, и сообщилъ имъ то, что мы перескажемъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Карло дела Скала, потомокъ одного изъ знаменитѣйшихъ домовъ Вероны, былъ съ дѣтства окруженъ великолѣпіемъ и роскошью, и могъ бы почестся совершенно счастливымъ, если бъ не былъ страстно влюбленъ въ прекрасную Біанку ди Салерно. Но отецъ Біанки отказалъ ему въ рукъ дочери, и она сама не скрываетъ отъ Карло, что не питаетъ къ нему никакого другаго чувства кромѣ дружбы и почтенія. Карло оставилъ Верону, и возвратился не прежде трехъ лѣтъ. Онъ нашелъ Біанку уже замужемъ за близкимъ своимъ родственникомъ, Франческо дела Скала, похитителемъ верховной власти въ Веронѣ, за котораго отецъ принудилъ ее выйти. Не желая оставаться ни въ отечествѣ, подпавшемъ подъ иго тирана, ни въ городѣ, гдѣ единственная любимая имъ женщина принадлежала человеку вдвойнѣ ему ненавистному, онъ продалъ всѣ свои имѣнія и основался въ Пизѣ. Не успѣлъ Карло пробыть и нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ своемъ новомъ помѣстьѣ, какъ однажды утромъ садовникъ принесъ ему двухъ мальчиковъ: имъ было каждому около двухъ лѣтъ, и садовникъ нашелъ ихъ близъ стѣны парка; они лежали въ корзинѣ, и при нихъ было письмо, которымъ заклинали Карло именемъ Божіимъ, принять какъ собственнаго сына и воспитывать младенца, при-

надлежащаго, говорило письмо, благородной веронской фамилии.

Карло былъ удивленъ вдвойнѣ: онъ не могъ придумать, отъ кого бы получилъ такой подарокъ, и какимъ образомъ въ корзинѣ очутились два младенца, когда письмо упоминаетъ объ одномъ. Онъ подумалъ, что, во всякомъ случаѣ, дѣти не могутъ быть между собою братьями: одинъ блондуръ, какъ сынъ сѣвера, другой брюнетъ, какъ Италіанецъ. Разсуждая, что родные этихъ несчастныхъ малютокъ могли быть жертвами ненавистнаго ему тирана Франческо, и тронутый положеніемъ сиротъ, онъ рѣшился воспитывать ихъ какъ собственныхъ дѣтей. Мальчики подростали и сдѣлались достойными его милостей. Теперь, когда они стали взрослыми юношами, Карло взялъ ихъ съ собою въ званіи оруженосцевъ.

Кончивъ такимъ образомъ разсказъ, благородный веронецъ умеръ, сдѣлавъ завѣщаніе, по которому предоставилъ своимъ пріемышамъ все оружія, лошадей, серебро, золото и драгоценныя вещи, привезенныя имъ въ Испанію. Съ тѣхъ поръ Ренó и Деодатъ поступили въ свиту де-Бомона, и послѣ похода поѣхали съ нимъ въ Геннегау; потомъ сопутствовали Вильгельму IV въ Палестину, и рядомъ съ нимъ сражались на поляхъ Пруссіи. Здѣсь то графъ, въ награду ихъ храбрости, которой былъ личнымъ свидѣтелемъ, возвелъ Ренó и Деодата въ рыцарское достоинство, что возбудило зависть многихъ роптавшихъ на то, что званіе рыцарей, которое считалось исключительною принадлежностью дворянъ, дано не только пришлецамъ, но еще и Богъ-знаетъ законнымъ ли дѣтямъ.

И Ренó и Деодатъ оба были хороши собою; оба были отлично искусны въ рыцарскомъ дѣлѣ. Ренó не очень большаго росту, но прекрасно сложенъ: его глаза и волосы черные, черты лица отчетисты и правильны, во взорѣ горитъ умъ и проникательность; онъ пред

примчивъ, неустрашимъ и веселъ, но мечтателенъ, властолюбивъ и вспыльчивъ. Малѣйшій намекъ на тайну его рожденія приводитъ его въ гнѣвъ и кажется ему обидой, достойной наказанія. Зато, каждый его спасается больше чѣмъ любить. Деодать, напротивъ, приобрѣлъ себѣ благорасположеніе всего двора кроткимъ и привѣтливымъ характеромъ. Онъ тоже гордъ, но гордостью величія души, которая претитла ему принимать на свой счетъ не прямые намеки на его таинственное и безвѣстное происхожденіе. Однако жъ, онъ не менѣе своего друга умѣлъ бы, въ случаѣ нужды, наказать за оскорбленіе. Лицо его, всегда почти довольное и веселое, рѣдко носило отпечатокъ задумчивости; но совсѣмъ тѣмъ его прекрасные голубые глаза отражали меланхолію, всякій разъ, когда онъ призадумывался о своемъ положеніи.

Ренó и Деодать, равные лѣтами и товарищи съ дѣтства, были тѣсно связаны дружбою. Они не скрывали одинъ отъ другаго своихъ мыслей, и если не всегда соглашались въ мнѣніяхъ, то по-крайней-мѣрѣ ни что досихъ-поръ не нарушало ихъ взаимнаго согласія.

Рыцари ѣхали теперь въ Фогельзангъ, охотничій павильонъ, принадлежащій графу, разстояніемъ на часъ пути отъ Гарлема къ югу.

— О чемъ ты такъ задумался? спросилъ Деодать своего друга на италіянскомъ языкѣ, на которомъ они всегда разговаривали между собою, когда оставались на-единѣ.

— Я думаю объ этомъ высококомърномъ Фризландцѣ, и жалю, что не бросилъ ему въ лицо моей перчатки.

— Мнѣ и самому хотѣлось сдѣлать то же; но выгоды графа требуютъ не раздражать его фризландскихъ подданныхъ. Ты, Ренó, напрасно слишкомъ презираешь ими; ихъ городъ Ставеренъ былъ когда-то богаче Дордрехта и Гарлема. Въ Фризландіи есть старики

ныя дворянскія фамиліи, которыя ведутъ свою родословную отъ Александра Македонскаго; притомъ Фризландцы народъ храбрый, а Фризландки всѣ красавицы.

— Да, правда; вотъ и эта дѣвушка, что просила насъ о помощи, вѣдь очень хорошенькая.

— Она, должно-быть, изъ свиты депутатовъ; ихъ прислано трое: сирѣ д'Эльва, сановникъ города Лѣвардена, аббатъ монастыря Святаго-Одольфа, и этотъ Сернъ Адельенъ, котораго мы избавили отъ опасности, и который ведетъ свой родъ отъ какого-то фризландскаго короля.

— Кстати, сказалъ Ренó: что жъ это такъ долго не возвращается пилигримъ, который обѣщалъ поразвѣдать въ Веронѣ о тайнѣ нашего рожденія?

— Я таки думаю, что онъ никогда и не возвратится.

— Какъ ты это такъ равнодушенъ къ такому важному для насъ предмету?

— Равнодушенъ! нѣтъ... Но я боюсь, чтобы открытіе этой тайны не охладило нашей взаимной привязанности. Что, если одинъ изъ насъ, — потомокъ знаменитой фамиліи, а другой, — сынъ какого-нибудь простолюдина? Нѣтъ! я въ тысячу разъ предпочитаю оставаться въ неизвѣстности, чѣмъ лишиться друга.

— Правда твоя, Деодатъ. Но что касается до меня, я увѣренъ, что ничто на свѣтѣ не можетъ разорвать нашей дружбы... Ахъ, если бъ пилигримъ возвратился скорѣе! Мы напрасно ввѣрили ему письмо, единственное свидѣтельство о нашемъ происхожденіи.

На этомъ прекратился разговоръ двухъ друзей: они пріѣхали въ Фогельзангъ.

Серъзъ Аделекъ въ сопровожденіи Фекдъ и Сивы быстро шедъ по извилистымъ тропикамъ лѣсу, на противоположномъ краю котораго возвышалось обширное маніе, бывшее некогда командорственной обителью рыцарей ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго. Но, съ 1312 года, рыцари жили въ самомъ Гарлемѣ, гдѣ Вильгельмъ Добрый подарилъ имъ монастырь, и прежнее ихъ мѣстопребываніе оставлено вцѣлѣ.

Настоящее положеніе умовъ въ Фризландіи очень озабочивало владѣтельнаго графа Вильгельма IV. Страна эта была не одинъ разъ принуждена уступать оружію графовъ Фландрскихъ, но никогда не покорялась совершенно; и теперь, несмотря на внутреннюю борьбу двухъ сильныхъ партій, извѣстныхъ подъ именами Ширингеровъ и Веткоперовъ, изъ которыхъ къ первой принадлежало знатнѣйшее и богатнѣйшее дворянство, а ко второй вообще низшій классъ народа, — выжидала только случая сбросить съ себя узы подданства, и то едва замѣтно. Область Вестерго и городъ Ставеренъ, изнуренные войною, покорились, въ іюль 1320 году, графу Вильгельму Доброму; но покорились не безусловно: они признавали графа Голландскаго покровителемъ или статудеромъ, а настоящимъ своимъ государемъ считали одного германскаго императора, и то только для того что за его именемъ, какъ за щитомъ, сохраняли свою свободу, когда ей угрожало оружіе котораго-нибудь изъ ленныхъ владѣтелей имперіи.

Такая мнимая покорность не могла быть прочною. Власти, поставленныя графомъ въ Фризландіи, скоро пришли въ пренебреженіе и даже презрѣніе; однако же благоразумная дѣятельность знатнѣйшихъ Фризландцевъ удержала народъ отъ общаго возстанія. Но, вскоре по возвращеніи Вильгельма IV изъ Германіи, новый мятежъ вспыхнулъ въ Ставеренѣ. Предупреждая мечь графа, Фризландская діета опредѣлила отправить къ нему депутацію, для окончанія этого дѣла дружелюб-

нымъ образомъ, и для утвержденія правительства Фризландіи на основаніяхъ болѣе точныхъ, но притомъ отнюдь не касаясь до правъ и преимуществъ, которыми Фризландцы, по ихъ словамъ, пользовались еще со временъ Карла Великаго. Графъ, желая какъ-можно сохранить мирныя отношенія къ Фризландіи, понялъ, что долженъ съ честію принять ея депутатовъ, и всячески постараться пріобрѣсть ихъ благорасположеніе. Онъ пригласилъ депутатовъ прибыть въ Гарлемъ къ самымъ праздникамъ, и предоставилъ для ихъ помѣщенія прежнюю обитель рыцарей Святаго Іоанна Іерусалимскаго, которую приказалъ по этому случаю отдѣлать и меблировать на свой счетъ.

Въ большой залъ, служившей прежде столовою рыцарямъ, за круглымъ столомъ сидѣли три человека: двое изъ нихъ въ одеждѣ присвоенной духовенству. На одномъ, золотой крестъ на алой лентѣ, — знакъ его аббатскаго достоинства. Видъ его степенный, и объемъ живота значительный. Черты лица его не неприятны; но отвислыя щеки, толстая шея и голубые глаза безъ всякой выразительности, отнимали все достоинство его фізіономіи. Голова его сохранила нѣсколько сѣдѣвшихъ волосъ, борода была выбрита.

Сосѣдъ его за столомъ, въ одеждѣ похожей на одежду Серпъ Аделена, не имѣлъ нужды въ знакахъ отличія: въ немъ, и безъ нихъ, видѣнъ былъ человекъ знатнаго происхожденія. Глубокія морщины полосили его лобъ, и обличали заботы и сердечныя страданія; но лицо его одушевлено такою благосклонностью, взоръ такъ проникателенъ, что на него нельзя глядѣть безъ особеннаго уваженія. Несмотря на то, что онъ обыкновенно говорилъ по-фризландски, видно было, что ему знакомы многіе иностранные языки, и что онъ посѣщалъ разныя государства. Необыкновенныя способности этого человека пріобрѣли ему довѣренность согражданъ, и сиръ д'Эльва былъ не только избранъ въ

охраняны, или первые сановники города Ливардена, но и назначенъ въ число депутатовъ Фризландин къ графу Голландскому.

Третій собесѣдникъ сидѣлъ на нижнемъ концѣ стола, не въ креслахъ, какъ тѣ двое, а на смиренной деревянной скамьѣ, и платѣ на немъ было монаховъ бенедиктинскаго ордена. Блѣдность его щекъ и худощавость тѣла, слѣдствія постной жизни и ученыхъ занятій, придавали ему видъ твердости и благоразумія, съ которыми согласовались все его поступки. Онъ не занималъ въ своемъ ордена никакого почетнаго званія, и однако жъ имѣлъ надъ всею братіею то вліяніе, которое всегда пріобрѣтаютъ надъ обыкновенными людьми люди непосредственные. Въ монастырѣ ни что не дѣлалось безъ совѣтовъ отца Сиара. Но онъ никогда не старался выставиться впередъ, и потому не возбуждалъ ни малѣйшей зависти. Аббатъ совершенно въ него увѣрился, и, воображая, что аббатъ Святаго-Одольфа не можетъ быть погрѣшительнымъ, слѣдовалъ однако же во всемъ мнѣніямъ брата Сиара, въ той блаженной увѣренности, что это его собственныя мнѣнія.

Лица двухъ первыхъ собесѣдниковъ выражали безпокойство и нетерпѣніе. Сира д'Эльва тревожило долгое отсутствіе Серпа Аделена, котораго онъ зналъ пылкій характеръ; а аббатъ нетерпѣливо поглядывалъ то на дверь, то на накрытый столъ, на который кушанье не было еще поставлено. Наконецъ, сиръ д'Эльва взявъ серебряный свистокъ и свиснулъ: вошелъ слуга.

— Серпъ Аделенъ еще не бывалъ? торопливо спросилъ аббатъ.

— Конечно, дожидаться его не очень пріятно, сказалъ сиръ д'Эльва: но было бы еще непріятнѣе явиться безъ него на аудіенцію къ графу.

— Непріятнѣе? это почему? Я бы, напротивъ, желалъ, чтобы этотъ невоспитанный человекъ и вовсе не

представлялся съ нами къ двору, гдѣ намъ придется безпрестанно краснѣть отъ его грубостей и невѣжества.

Но вдругъ дверь залы отворилась съ шумомъ; Серпъ Аделенъ быстро вошелъ и, не говоря ни слова, бросился въ кресла.

— Что такое! Боже мой, что случилось? вскричалъ аббатъ, испуганный положеніемъ, въ которомъ видѣлъ своего товарища.

Аделенъ молчалъ.

— Что бы ни случилось, а я очень радъ, что вижу васъ, сказалъ д'Эльва, протягивая руку къ Серпу Аделену.

— Теперь ни слова; послѣ обѣда все расскажу.

— Да, да, послѣ обѣда, подхватилъ аббатъ, и всѣ сѣли за столъ.

По обычаю тогдашняго времени слуги обѣдали въ одно время и въ одной комнатѣ съ господами, только за другимъ столомъ. Возлѣ кресель, занятыхъ ольдерманомъ, оставались еще однѣ пустыя: онъ приказалъ ихъ отставить.

— Какъ! вскричалъ Аделенъ, развѣ Мадзи не будетъ?

— Ей нездоровится, отвѣчалъ д'Эльва, и она располжилась обѣдать въ своей комнатѣ.

— Однако жъ я вчера опорожнилъ множество кубковъ за ея здоровье.

— То-то и есть, что слишкомъ много; а кто хочет привлечь къ себѣ сердце женщины, прибавилъ ольдерманъ, понизивъ голосъ: тотъ долженъ удерживать свои страсти.

— Ну, если я нью вино, такъ зато братъ Сіаръ и пьетъ ничего кромѣ воды.

— И прекрасно дѣлаетъ, замѣтилъ аббатъ, напоивъ видомъ свой кубокъ.

По окончаніи обѣда слуги вышли, и Серпъ Аделенъ рассказалъ товарищамъ все, что съ нимъ случилось.

— Благодарю васъ, сказалъ д'Эльва, за великоду-

ную помощь оказанную моему служителю. Вы поступили какъ настоящій Фризландецъ, если не какъ посланникъ. Но что же вы не пригласили рыцарей, которые помогли вамъ?

— Пусть они прїѣдутъ въ Фризландію! вскричалъ Серпъ Аделенъ, поднимая свой кубокъ: прїѣдутъ какъ друзья — угощу на славу; прїѣдутъ какъ враги — тоже угощу, только другимъ образомъ.

— Оно такъ, однако же не забывайте, что мы посланы для миролюбивыхъ переговоровъ.

— Переговоры переговоровани, а между-тѣмъ я прошу отца Сіара написать къ графу, отъ имени депутаціи, серьезную ноту объ оказанномъ мнѣ неуваженіи.

Какъ бы былъ недоволенъ д'Эльва такимъ страннымъ требованіемъ Аделена, а не могъ удержаться отъ улыбки.

— Я не считаю нужнымъ такой ноты, сказалъ онъ вставая. Но кончимте этотъ разговоръ; пора готовиться къ аудіенціи.

Онъ вышелъ; аббатъ за нимъ.

Серпъ Аделенъ, оставшись одинъ съ отцомъ Сіаромъ, взялъ его за руку и сказалъ:

— Я полагаю, что вы истинный Фризландецъ.

— Именно!

— Такъ вы напишете мнѣ ноту?

— Вы видите, что ваши товарищи не соглашаются.

— Велика важность! Если я обнажу мечъ, весь Вестерго прїиметъ оружіе.

— Сомнительно. Война за свободу Фризландіи — это такъ; но ни кто не возьметъ оружія за личную ссору Серпа Аделена съ чернью голландскаго города.

— Такъ, по вашему, намъ должно склонять голову передъ Вильгельмомъ?

— Война будетъ, необходимо будетъ; но не вамъ слѣдуетъ зажечь ее. Подождите немного. Неразсудительность послѣдствіи можетъ все испортить. Дайте мнѣ сло-

во оставаться спокойнымъ три дня, и тогда я сообщу вамъ мои виды и намѣренія.

— Виды и намѣренія отца Сиара! насмѣшливо произнёсъ Аделенъ.

— Да! Одно слово отца Сиара двинетъ семь областей этого не можетъ сдѣлать и самъ Серпъ Аделенъ. Но идите приготовляться къ аудіенціи.

Доминиканецъ вышелъ изъ комнаты. Серпъ Аделенъ долго еще оставался въ раздумьи.

Черезъ полчаса Деодатъ и Ренё прѣехали отъ аббата за депутатами; но посланники были еще не совсемъ готовы, и рыцари, дожидаясь ихъ, пошли въ садъ.

Проходя мимо одного изъ крыльевъ здания, вдругъ услышали звуки лютня, и прелестный жемчужный голосъ запѣлъ фризландскую пѣсню.

— Постой! сказалъ Деодатъ: послушаемъ.

И они остановились. Черезъ нѣсколько минутъ лютня замолкли, а оба рыцаря всё-еще не двинулись съ мѣста. Но вотъ, къ нимъ подошелъ сд'Эльва, и послѣ взаимныхъ привѣтствій, они отправились къ аббату и Аделену, которые ожидали уже въ воротѣ саду. Депутаты и рыцари сѣли на коней и прѣехали.

— Позвольте ли, благородные рыцари, сказать вамъ, узнать ваши имена?

— О, это имена едва ли вамъ извѣстные, отвѣтилъ Деодатъ: моего друга зовутъ Ренё, а меня Деодатъ. Мы оба изъ Вероны.

— Изъ Вероны! повторилъ д'Эльва блѣднѣя: вы родились тамъ?

— Мы были воспитаны въ Болоньи благороднымъ Карло делла Скала, торопливо отвѣчалъ Ренё, ясь дальнѣйшаго разговору о предметѣ, на котораго любилъ останавливаться.

д'Эльва замолчалъ, и черты лица его подернулись мрачною меланхоліей. Онъ, казалось, хотѣлъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, но Серпъ Аделенъ не далъ ему времени заговорить, и обращаясь къ рыцарямъ сказалъ съ довольнымъ видомъ :

— А, такъ вы не Голландцы?

— Не имѣемъ этой чести, также какъ и вы; сухо отъ-вѣчалъ ему Ренó.

— Тѣмъ лучше! сказалъ Аделенъ, не обращая ни ка-кого вниманія на тонъ отвѣту Ренó : тѣмъ лучше! И по тому я откровенно скажу вамъ, что не могу тер-пѣть Голландцевъ.

— Мы ими обласканы, возразилъ Деодатъ, и не до-пустимъ, чтобы ихъ оскорбляли въ нашемъ присут-ствіи. — Этакой невѣжа! тихо промолвилъ онъ по-и-талійски, обращаясь къ Ренó.

— Быть-можетъ, проговорилъ д'Эльва на томъ же языкѣ : только, увѣряю васъ, онъ человекъ благород-нѣйшій.

— Развѣ вы бывали въ нашей сторонѣ? вскричалъ Деодатъ, удивленный, что слышитъ звуки роднаго языка.

— Я пробылъ въ ней цѣлый годъ, годъ самый счаст-ливый и вмѣстѣ самый бѣдственный моей жизни. Но, видите : мнѣ не должно говорить о моихъ печаляхъ и молодыхъ людяхъ, которые, вѣроятно, сохранили своей родинѣ однѣ веселыя воспоминанія.

Разговаривая такимъ образомъ, они вѣзжали въ а-лю, ведущую къ графскому павильону.

Патъво отъ этого павильона находилось довольно широкое пространство, обсаженное прекрасными я-ми и окруженное шпалерникомъ; тамъ нѣсколько иворныхъ занимались метаніемъ стрѣлъ въ приго-вленную цѣль. Они замѣтили приближающихся всад-ковъ : одинъ изъ нихъ побѣжалъ къ Деодату, ска-залъ ему тихо словъ пять шесть и возвратился.

— Это оруженосецъ графа, сказалъ Леодатъ Фризландцамъ : онъ просилъ меня пригласить васъ принять участіе въ ихъ игрѣ, покуда графъ отдыхаетъ послѣ обѣда, а графиня возвратится съ прогулки.

Депутаты вошли за шпалерникъ; придворные не перестали играть, но учтиво поклонились имъ. Такой приемъ депутатамъ былъ сдѣланъ по повелѣнію графа и не безъ политической цѣли. Онъ хотѣлъ дать понять Фризландцамъ, что принимаетъ ихъ не какъ иностранцевъ а какъ близкихъ друзей. Одинъ изъ придворныхъ, который, казалось, исполнялъ должность церемоніймейстера, подошелъ къ депутатамъ.

— Графу очень досадно, сказалъ онъ, что его свѣтлость не могъ пригласить васъ сегодня къ обѣду.... Если не ошибаюсь, то вижу сира д'Эльва — (поклонъ), преподобнаго сентъ-одольфскаго аббата — (другой поклонъ), и достойнаго потомка одного изъ древнихъ королей Фризландій — (третій поклонъ). Мы сочтемъ себя за честь если вы удовольствуетесь нашимъ обществомъ, и вмѣстѣ съ нами выпьете по кубку пріятнаго вина. Сегодня мы принимаемъ васъ какъ друзей, а церемонія оставимъ до другаго времени.

Тотъ, кто говорилъ это, былъ человекъ средняго росту, лѣтъ отъ тридцати до сорока, съ благородною осанкою и выраженіемъ чистосердечія въ чертахъ лица. Его рѣзкая рѣчь обличала привычку повелѣвать, а выговоръ показывалъ какъ-будто иностранца. Цвѣтъ лица его былъ смугль отъ загару, а глаза блистали благородною гордостью. Платье на немъ было очень просто, и ни чѣмъ не отличалось отъ одежды другихъ придворныхъ.

— Мы благодаримъ васъ за вѣжливость, отвѣчалъ ему сиръ д'Эльва: и вы можете быть увѣрены, что дружескій и чистосердечный приемъ, гораздо намъ пріятнѣе всякихъ церемоній.

И покуда церемоніймейстеръ приказывалъ подать вина, д'Эльва шепнулъ Аделену :

— Будьте осторожны! здѣсь есть люди, которые не то, чѣмъ кажутся.

Едва успѣли присутствующіе выпить по кубку, какъ послышался топотъ множества лошадей; графиня возвратилась съ прогулки, и вмѣстѣ съ своею свитою вошла въ огороженное пространство. Ее велъ подъ руку человекъ лѣтъ пятидесяти, котораго благородный и величественный видъ внушалъ почтеніе. То былъ сиръ де-Бомонъ, съ которымъ д'Эльва, за двадцать пять лѣтъ передъ этимъ, дѣлалъ вмѣстѣ нѣсколько кампаний.

— Я долженъ сказать вашей свѣтлости, проговорилъ церемоніймейстеръ, подводя къ графинѣ депутатовъ : что графъ, по случаю болѣзни, можетъ-быть и не выйдетъ сегодня изъ своихъ апартаментовъ. Позвольте мнѣ представить вамъ и сиру де-Бомонъ фризландскихъ депутатовъ.

Графиня отвѣчала довольно холодно на поклонны Фризландцевъ, но сиръ де-Бомонъ ласково привѣтствовалъ д'Эльва, котораго тотчасъ узналъ.

— Я съ удовольствіемъ вижу, сказалъ онъ ему, что вы не забыли нашего прежняго товарищества, потому что носите еще золотую цѣпь, подаренную вамъ моимъ братомъ, и такую же точно какъ у меня. — Что? довольно ли вы нашимъ приѣмомъ? онъ, кажется, не таковъ какъ бы слѣдовало.

— Чистосердечіе лучше всего, отвѣчалъ д'Эльва; но крайне ошибаются, если думаютъ провести такую старую лисицу какъ я.

Графиня сѣла въ кресла; всѣмъ другимъ подали тауреты.

Вдругъ раздался хохотъ нѣкоторыхъ присутствующихъ, и всѣ глаза устремились къ выходу на аллею. Съ нему подъѣхалъ знаменитый Барбанера, верхомъ

на конѣ, такомъ же тощемъ какъ самъ, и паяцъ, вѣрхомъ на ослѣ, съ походной аптекой за плечами, на которой сидѣлъ Сезарь со всею важностью обезьяны.

Графиня, по приказанію которой онѣ пріѣхали, дала знакъ, чтобы ихъ немедленно впустили.

Въ эпоху описываемыхъ нами происшествій нерѣдко случалось, что знатнѣйшія лица приглашали къ себѣ трубадуровъ, труверовъ, минстрелей и шутовъ, и проводили съ ними по нѣсколько часовъ послѣобѣденнаго времени. И поэтому, Барбанера-Несравненный, его паяцъ и обезьяна нисколько не смутились представъ передъ высокими зрителями, и очень развязно начали свои фокусъ-покусы.

— Что у тебя въ этомъ мѣшкѣ, которой ты такъ бережно положилъ подъ столъ? спросила паяца та особа, что мы назвали церемоніе-мастеромъ.

— Въ немъ магическій пруть моего повелителя, посредствомъ котораго онъ узнаетъ будущее.

— Если бы ея свѣтлость дозволила, мы бы съ удовольствіемъ заглянули въ будущее и испытали силу магическаго прута.

— Великій Барбанера не иначе можетъ согласиться на наше желаніе, какъ подъ двумя необходимыми условіями.

— Какія же это условія?

— Первое, чтобы ея свѣтлость изустно повелѣла великому Барбанеру доказать свои познанія въ магии....

— Повелѣваемъ, сказала графиня.

— Второе, чтобы запрещено было каждому обижаться предсказаніемъ, которое прійдется на его долю.

— Очень справедливое требованіе, замѣтила графиня: я увѣрена, что никто не будетъ мнѣ противорѣчить, и запрещаю всемъ и каждому обижаться.

Послѣ этого, Барбанера поставилъ на столъ большой

хрустальный сосудъ, влилъ въ него какой-то прозрачной жидкости и всыпалъ разныхъ порошковъ. Палецъ пригласилъ подходить желающихъ узнать свою будущность.

Первая подошла графиня, и шопотомъ спросила у шарлатана долго ли проживетъ счастливою съ своимъ супругомъ. Барбанера почтительно поклонился, сдвинувъ крышу съ сосуда, опустилъ въ него одинъ конецъ магического прута, а другой подалъ графинѣ, между-тѣмъ какъ самъ началъ дуть на жидкость изъ серебряной грубочки. Жидкость почернѣла и по ея поверхности пошли пузыри, точно жемчугъ или капли слезъ. Тогда Барбанера почти на-ухо проговорилъ графинѣ,

«Скоро день прійдетъ,
Много знатныхъ умретъ;
Но не вѣчныя слёзы:
Разцвѣтутъ снова розы.»

И шарлатанъ попросилъ графиню посмотреть на дно сосуда: ей показалось, что на днѣ лежитъ цвѣточный пшенокъ.

— Конецъ лучше начала, сказала она отходя; но я не желаю знать ничего болѣе.

Потомъ, обращаясь къ дамамъ своей свиты, графиня проговорила:

— Я не совѣтую вамъ узнавать будущаго: это слишкомъ тягостно для женщинъ.

— Такъ наша очередь, сказалъ любимецъ графа, сиръ Нальдвикъ. Ну, колдунъ; говори, долго ли мнѣ жить на свѣтѣ?

Фокусникъ подалъ ему магическій прутъ, и едва Нальдвикъ опустилъ его въ сосудъ, какъ жидкость покраснѣла какъ кровь, и шарлатанъ проговорилъ.

«Стрѣлу спустить готова тетива.

Твоя ей мятой голова.»

— Аммиь! сказалъ Нальдвикъ : по-крайней-мѣрѣ я увижу смертью храбрыхъ.

Многіе рыцари, одинъ за другимъ, двлали колдуну тотъ же вопросъ, и будущее всѣмъ грозило близкою смертью; одному только де-Бомону выпало счастливое предсказаніе.

Когда; въ свою очередь, д'Эльва подошелъ къ шарлатану, тотъ шепнулъ ему :

— Вспомни про Біанку ди Салерно.

— Боже мой! вскричалъ д'Эльва, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ : откуда ты знаешь объ этомъ?

Но не дождавшись отвѣту отошелъ, уступая мѣсто приблизившемуся церемоніймейстеру, передъ которымъ Барбанера тотчасъ сталъ на колѣни, называя его свѣтлѣйшимъ графомъ.

— А, какъ ты знаешь меня! сказалъ мнимый церемоніймейстеръ, графъ Вильгельмъ IV : однако жъ, я хочу знать, что мнѣ предвѣщаетъ судьба. Говори.

— То же, что предвѣщалъ графъ Гельдрскій.

— Бездѣльникъ! вскрикнулъ графъ, и поднялъ руку на шарлатана; но удержалъ порывъ гнѣву, отошелъ, и только сказалъ : вонъ изъ моихъ владѣній! вонъ въ двадцать четыре часа.

Чтобы понять, дѣйствіе на графа словъ Барбанери, должно знать, что графъ Гельдрскій, крестный отецъ, Вильгельма IV, принимая его отъ святой купели, предрекъ, что новокрещенный погибнетъ отъ меча Фризландцевъ.

д'Эльва первый подошелъ къ графу, и обнажая голову, почтительно сказалъ:

— Оставайтесь всегда для Фризландцевъ добрыми и великодушными покровителями, и, вѣрьте, что будете безопасны отъ ихъ меча.

— Благодарю васъ, благородный д'Эльва, отвѣчалъ графъ, и потомъ, обращаясь къ Серпу Аделену и аббату, примолвилъ : мы увѣрены, что господа депутаты

отъ Фризландца не носрдителъ на насъ, за то, что мы къ нимъ принявъ никого нито; торжественность и церемоніи завтра : сегодня будемъ какъ свои.

Вследъ за тѣмъ все общество съѣло на коней и отпиралось въ Гарлемъ. Рено и Деодать поотстали.

— Остановишься, сказалъ Рено другу : мнѣ пришла счастливая мысль.... Слѣдуй за мной.

— Куда ?

— Въ хижину лѣсничаго Вальтера; мы тамъ оставимъ лошадей, и проберемся къ сторонѣ древней обители іерусалимскихъ рыцарей: посмотримъ, нѣльзя ли какъ увидать пѣвицу Фризландку.

Деодать и Рено подѣхали къ хижинѣ лѣсничаго. Дверь была полу-отворена, и покуда Рено привязывалъ къ дереву поводья лошадей, Деодать вошелъ въ нее. Солнце уже закатилось, на очагъ чуть-чуть тлѣлся огонекъ, и въ темнотѣ онъ едва могъ различить женщину, сидѣвшую у стола.

— Гдѣ твой мужъ ? спросилъ Деодать подходя къ ней.

Она вскрикнула отъ изумленія, потому что не слышала какъ вошелъ рыцарь, и сказала :

— Я не жена Вальтера; его здѣсь нѣтъ.

Голосъ этой женщины былъ чистъ и звученъ; выговоръ обличалъ иностранку.

— А, это вы! проговорила молоденькая дѣвушка, выходя изъ темнаго угла комнаты.

— Наша давнишняя хорошенькая Фризланочка! вскричалъ Деодать, узнавши Сизу.

— Пойдите, сказала Сиза : я засвѣчу ночникъ.

При свѣтъ ночника Деодать могъ рассмотреть незнакомку, которую принялъ-было за жену Вальтера : онъ увидѣлъ въ ней красавицу.

— Какой ангелъ ! подумалъ Деодать ; и прибавилъ

всудухъ: — Вели бы дворъ его свѣтлости уналь, что въ этой, хижинѣ можно встрѣчать такое пріятное общество, то она бы всегда была молча посвигителей.

— Не думаю, чтобы это зрѣлище привлекло многихъ, отвѣчала она, показывая на женщину, распростертую на бѣдномъ одрѣ, возле которой сидѣлъ монахъ.

По голосу незнакомки, Деодать сейчасъ узналъ въ ней пѣвицу, чей голосъ очаровалъ его поутру, въ саду денуатовъ.

— Да, сказала Сиза : негодяй мужъ разбилъ ей голову.... Бѣдная Алиса!...

Алиса хотѣла что-то вымолвить, но монахъ, то былъ братъ Сіаръ, который держалъ ея за пульсъ, сказалъ : « Молчи! тебѣ не должно разговаривать. »

— Чортъ возьми ! вскрикнулъ вкось Ренó : долго ли же мнѣ стеречь лошадей ?

— Говори тише, остановилъ его Деодать : мы не одни, и здѣсь лежитъ больная.

— Ахъ, Боже мой, виноватъ ! вскричалъ Ренó, обращаясь къ незнакомкѣ сидѣвшей у стола : сдѣлайте милость, простите.

Но дверь опять отворилась : вошла дочь Алисы, она прыгала отъ радости :

— Вотъ, говорила она : я привела лекаря, который вылечитъ маменьку.

За нею явился Барбанера, и, кланяясь на всѣ стороны, подошелъ прямо къ постели больной.

— Только осмѣйся до нея дотронуться пальцемъ, такъ я тебя повѣшу, вскричалъ Ренó.

— Худо сдѣлаете, шепнулъ ему по-италіански шарлатанъ : потому что мнѣ одному во всемъ свѣтѣ извѣстна тайна вашего рожденія.

— Тебѣ! возразилъ Ренó, отводя его къ сторонѣ : ну, такъ слушай: завтра, въ восемь часовъ утра будь здѣсь. Скажешь правду — награжу по царски; солжешь — убью.

— Прийду; только съ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Никому не говорить о назначенномъ свиданіи.

— Хорошо.

— Я думаю, фрейлинъ Мадзи, намъ пора возвратиться, сказалъ Сіаръ незнакомкѣ.

— Позвольте, мифрейлинъ, имѣть честь проводить васъ, подхватилъ Ренó.

И когда всѣ вышли изъ книжны, рыцари на нашихъ своихъ лошадей : онъ были уведены Богъ-знаетъ кѣмъ.

Ренó было расшумѣлся, но наконецъ Деодатъ сказалъ ему :

— Лошадью больше, лошадью меньше, не стоить хлопотать. Пойдемъ ; сиръ д'Эльва долженъ очень беспокоиться объ отсутствіи дочери.

— Я не дочь сира д'Эльва, сказала Мадзи : онъ мой онекунъ.

Продолжая разговаривать съ дѣвушкою, молодые люди узнали, что она единственная отрасль фамиліи Декама, а Сіаръ сообщилъ имъ что Мадзи обыкновенно зовутъ Декамскою Розою. Проводивъ ихъ, рыцари возвращались молча. Оба думали о прекрасной Фризландкѣ. Наконецъ, благородный Деодатъ не вытерпѣвъ и спросилъ друга :

— Ренó, пойдешь ли ты завтра опять въ Вальтерову книжну?

Этотъ простой вопросъ заставилъ Ренó вздрогнуть.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ... А, да! пойду; мнѣ тамъ Барбанера назначилъ свиданье.

— Что жъ ты не скажешь? Зачѣмъ это свиданье?

— Ты такъ занятъ прелестной Мадзи, что я не хотѣлъ отвлекать тебя отъ мечтаній.

— Послушай Ренó, сказалъ Деодатъ серьезнымъ тономъ : Мадзи сдѣлала на тебя впечатаніе, и ты ревнуешь ко мнѣ.

— Твое собственное сердце скажетъ правъ я или нѣтъ.

— Не скрою, что Мадзи мнѣ мила; но если бы питалъ къ ней и самую пламенную любовь, то все нашелъ бы въ себѣ довольно силы, чтобы побѣдить ее и не огорчить друга.

— Деодатъ! вскричалъ Ренѣ съ чувствомъ, протягивая къ нему руку: ты великодушнѣе меня; но не требую такой жертвы. Если ты любишь Мадзи какъ я люблю ее, то станемъ оба стараться, каждый за себя, овладѣть ея сердцемъ, и поклянемся, что который не успѣетъ, не станетъ завидовать счастью другаго.

— Это вещь не возможная! Развѣ ты не знаешь, что любовь — яблоко раздора между искреннѣйшихъ друзей? По-крайней-мѣрѣ, что касается до меня, чувствую, что мнѣ легче будетъ теперь, нежели потомъ, позабыть прелестную Мадзи; и вотъ, чтобы не возбуждать въ тебѣ подозрѣній, я не стану съ-сихъ-поръ бывать у Фрицландцевъ.

Рыцари въехали въ Гарлемъ, и объявили въ судѣ о зловрѣднѣ у нихъ лошадей.

На другой день Ренѣ, рано утромъ, отправился въ хижину лѣсничаго. Подходя къ бывшей командорственой обитали, онъ вдругъ остановился и скрылся за деревомъ, примѣтивъ, что братъ Сіаръ выходитъ изъ ограды въ потайную калитку. Не зная самъ для чего, рыцарь издали за нимъ послѣдовалъ.

Сіаръ пробирался по извилистой тропинкѣ, дошелъ до какой-то ветхой хижины и постучалъ въ дверь; ее отперла мужская фигура, въ которой, по ея остроконечному носу и длиннымъ чернымъ волосамъ, Ренѣ тотчасъ узналъ Барбанеру. Это его изумило; онъ подползъ и сталъ прислушиваться, что было очень легко, потому что въ стѣнахъ ветхой хижины находились большія трещины.

— Ну, что будутъ говорить завтра Фризландскіе депутаты знаменитому графу Голландіи и Геннегау? спросилъ Барбанера.

— Я думаю, отвѣчалъ Сіаръ, что выгода Фризландіи требуетъ выиграть время. Но какъ бы то ни было, а увѣренъ, что Фризландцы скорѣе согласятся на войну на смерть, чѣмъ признаютъ графа своимъ властелиномъ.

— Не понимаю, какъ это въ число депутатовъ избрали этого неуча Серпа Аделена!

— Серпъ Аделенъ богатъ и знатенъ, и вліяніе его на дѣла еще умножится, когда онъ женится, какъ говорятъ, на Декамской Розѣ.

Отъ этихъ словъ Ренó вздрогнулъ.

— Необходимо, сказалъ Барбанера, чтобы при первомъ знакѣ къ войнѣ, вся Фризландія возстала одновременно.

Тутъ, онъ и братъ Сіаръ начали говорить такъ тихо, что Ренó уже ничего не могъ болѣе разслушать, и опасаясь, что они его увидятъ, осторожно удалился, и пошелъ въ хижину лѣсничаго.

При входѣ въ эту хижину, первый, попавшійся ему на глаза, предметъ, былъ Барбанера, который препокойно сидѣлъ у стола. Ренó остолбенѣлъ.

— Вы видите, сказалъ ему шарлатанъ по-италіянски: я не замѣшкался прійти на назначенное мѣсто.

— Бездѣльникъ! такъ ты-то злоумышляешь противъ графа.

— Чтó вы!

— И еще смѣешь притворяться, будто не понимаешь меня! Знай, я подслушалъ весь твой разговоръ съ Сіаромъ.

— Мой разговоръ съ Сіаромъ?... Да я не видалъ ни какого Сіара.... Гдѣ? Когда?

— Сейчасъ; тамъ, въ лѣсу, въ хижинѣ.... Но чего я

не могу понять, такъ это то, какимъ образомъ ты очутился здѣсь.

— Скажи рыцарю, давно ли я здѣсь, проговорилъ Барбанера, обращаясь къ женѣ Вальтера.

— Да ужъ будетъ съ полъ-часа, отвѣчала она.

— Такъ видно нечистая сила ослѣпила меня, вскричалъ Ренó : потому что нѣтъ и десяти минутъ какъ я видѣлъ его собственными моими глазами, вмѣстѣ съ братомъ Сіаромъ.... Мерзавецъ! сказалъ онъ Барбанеръ : сознавайся сейчасъ во всѣхъ своихъ адскихъ намереніяхъ; не то — вотъ кинжалъ.

— А за что жъ вы хотите убить старика?

— Говори, что замыслилаешь противъ графа? или сію же минуту убью.

— Развѣ вы непременно хотите убить человека, который спасъ вамъ жизнь, когда вы были ребенкомъ?

— Что-бъ?... вскрикнулъ рыцарь, опуская кинжалъ.

— Иди вы бабыли, какъ едва не утонули въ прудѣ, и какъ Паоло спасъ васъ съ опасностью собственной жизни?

Ренó затрепеталъ и, молча, пристально смотрѣлъ на шарлатана.

— Эти длинные волосы и эта борода, конечно, очень измѣняютъ черты моего лица; но взгляните хорошенько.

И говоря это, Барбанера снялъ шапку и откинулъ волосы.

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ Паоло?

— Позвольте!....

Фокусникъ отвернулся къ окну, чтобы женѣ лѣсничаго нельзя было видѣть его лица, и снявъ на минуту накладной носъ, спросилъ рыцаря:

— Ну, что? узнаете ли теперь?

— Да, Паоло, это точно ты!

— А вы расчленились-было убить единственнаго

мозжка въ миръ , которому известна тайна вашего рожденія !

— Что жъ ты давно не пришелъ ко мнѣ ?

— Да развѣ я могъ быть увѣренъ , что вы захотите узнать Паоло , и что вѣсти мои будутъ вамъ пріятны ?

Ренѳ, подумавъ съ минутою , отвѣчалъ :

— Будь увѣренъ , Паоло , что каковы бы ни были принесенныя тобою вѣсти , а для меня нѣтъ ни чего печальнѣе , какъ оставаться въ неизвѣстности о моемъ рожденіи .

И онъ взялъ скамейку и сѣлъ напротивъ Барбанеры . Тотъ началъ :

— Вамъ извѣстно , что фамилія Салерцо , съ незанятыхъ вѣковъ одна изъ самыхъ знаменитыхъ фамилій въ Веронѣ . Я , также какъ и отецъ мой , находился въ услуженіи благороднаго ея главы , графа Луиджи . Графу Луиджи было чрезвычайно прискорбно , что у него не было сына , которому бы онъ могъ передать свое имя и свои богатства . Но зато , дочь его , Біанка , была первою красавицею во всей Веронѣ , и нѣтъ ничего мудренаго , что ей представлялось множество жениховъ ; изъ всѣхъ ихъ графъ Луиджи наиболѣе отличалъ Франческо делла Скала , который , по своему роду и богатству , сталъ главою партіи , имѣвшей большое вліяніе въ Веронѣ . Но , къ несчастію , наружность Франческо вовсе не была способна возбудить любовь въ сердцѣ молодой дѣвушки , тогда какъ родственникъ его , Карло делла Скала , который тоже увивался вокругъ Біанки , былъ собою очень красивъ . Но ни Карло ни Франческо не привлекли на себя вниманія дочери графа Луиджи . Ея сердце уже было отдано одному изъ немецкихъ рыцарей , котораго она имѣла случай видѣть въ Миланѣ , гдѣ гостила у ближней своей родственницы . Графъ Луиджи , не зная о любви дочери , и желая скорѣе видѣть ее женою Франческо , приказалъ ей тотчасъ оставить Миланъ и возвратиться въ Верону .

Любовники были въ совершенномъ отчаяніи. Біанка поклялась своему рыцарю, что никогда не выйдетъ замужъ ни за кого кромѣ за него; а онъ сталъ ее умалывать соединиться съ нимъ узами тайнаго брака. Біанка согласилась, и выѣхала изъ Милана женою своего милаго.

— А онъ, повхалъ ли съ нею въ Верону?

— Нѣтъ. Ему нельзя было показаться тамъ, потому что на одномъ турнирѣ въ Германіи онъ смертельно обидилъ Франческо делла Скàла, и тотъ не упустилъ бы удобнаго случая предательски убить его. Притомъ рыцарь далъ обѣтъ посѣтить Палестину вмѣстѣ съ другими пилигримами, и время, назначенное для совершения этого путешествія уже наступало. Но рыцарь далъ Біанкѣ слово похитить ее хитростью или силой немедленно по своемъ возвращеніи. Едва Біанка прибыла въ Верону, какъ отецъ началъ настоятельно требовать, чтобы она выходила замужъ за Франческо делла Скàла, который уже присвоилъ себѣ въ Веронѣ верховную власть, и которому ни что не смѣло противиться. Вы легко представите, каково было отчаяніе Біанки, особенно когда она замѣтила, что носитъ уже подъ сердцемъ залогъ любви. Біанка опасно занемогла, и болѣзнь ея продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ, оправилась и желая выиграть время, она сказала отцу, что дала обѣтъ сходить на поклоненіе къ Лоретской Божіи Матери, для принесенія благодареній за свое исцѣленіе. Графъ Луиджи, хотъ это ему и не нравилось, однако жъ согласился. Я и жена моя, пользовавшаяся полною довѣренностью Біанки и тоже беременная, сопровождали ее въ этомъ путешествіи, и время котораго обѣ онъ разрѣшились отъ бремени, каждая сыномъ. Когда родильницы оправились, мы возвратились въ Верону, и жена моя переѣхала на житье въ деревню, называя обоихъ мальчиковъ своимми двойничными дѣтьми.

— Боже!... Я угадываю остальное.... Скажи скорее, кто из насъ, Деодать или я, сынъ Біанки ?

— Позвольте , рыцарь , позвольте ! дайте мнѣ досказать мою повѣсть. Біанкѣ не оставалось другаго средства избавиться отъ вѣнца съ Франческо , какъ признаться отцу въ томъ , что она уже замужемъ. Она со- съмъ рѣшилась на это признаніе , какъ въ самое это время получила извѣстіе отъ одного изъ друзей своего мужа , бывшаго съ нимъ въ Палестинѣ , что тотъ убитъ въ сраженіи. Тогда , не зная что дѣлать , Біанка рѣшилась покориться волѣ отца.

Годъ прошелъ послѣ этого новаго брака , какъ частыя посѣщенія моей жены Біанкою , незапно навели ея мужа на подозрѣнія , и онъ сталъ выспрашивать , за- за- чѣмъ она безпрестанно ѣздитъ въ деревню. Несчастная мать , страшась чтобы тиранъ не открылъ истины и не предать смерти ея малютки , рѣшилась на поступокъ смѣлый , но хорошо придуманный. Она знала благородный и великодушный характеръ Карло делла Скала , который , негодуя на варварскій деспотизмъ своего родственника , оставилъ Верону и поселился въ Пизу. Біанка написала къ нему нѣсколько строкъ , и поручила мнѣ доставить къ нему и письмо и ребенка. Но между- между- тѣмъ , должно вамъ сказать , что и моя жена была тоже въ ужасномъ горѣ ; потому что , говорила она , если Франческо подождетъ убійцъ , чтобы избавиться отъ Біанкина сына , то они не пощадятъ и нашего. Словомъ сказать , я взялъ обоихъ малютокъ , отправился съ ними въ Пизу , и положилъ ихъ въ корзину , въ саду Карло делла Скала. Франческо , извѣстясь , что оба ребенка скрыты , пришелъ въ бѣшенство , и заключилъ бѣдную Біанку въ свою домашнюю тюрьму , гдѣ ей никто не могъ подать руки помощи , потому что тѣмъ временемъ отецъ ея умеръ.

— А она , жива ли ?

— Не знаю. Но позвольте досказать. Я и жена , мы

были принуждены скрыться отъ Франческовой ярости. Желая навѣдаться о сынѣ, мы зашли въ Пизу, гдѣ мнѣ удалось быть приняту въ число служителей Карло делья Скала.

— Да, я помню даже, что ты былъ выгнанъ за какую-то кражу.

— На меня всклепали воровство, и выслали не выслушавъ оправданія. Между-тѣмъ жена моя умерла; у меня не осталось ни кого, кто бы любилъ меня, и я, какъ видите, рѣшился приняться за теперешнее ремесло и брать пошлину съ дураковъ, а иногда и съ умныхъ людей.

— Разрѣши же мои сомнѣнія : скажи, который изъ насъ сынъ БIANКИ?... Но нѣтъ; не говори : надобно, чтобы Деодатъ также слышалъ то, что ты скажешь. Ступай за мною въ Гарлемъ. Я беру на себя упротить графа позволить тебѣ тамъ пробыть нѣсколько времени.

Казалось, что Паоло не хотѣлось объясняться при Деодатѣ, и, подумавъ немного, онъ сказалъ :

— Рыцарь, я вѣдь предупреждалъ васъ, чтобы вы ни слова не говорили Деодату.

— У меня нѣтъ отъ него тайнъ.

— Тѣмъ хуже! Одинъ изъ васъ сынъ БIANКИ, а я во все не хочу подвергать себя гнѣву другаго.

— Въ добрую ли для меня сторону понимать мое слова твой, Паоло?

— Какъ угодно.... Однако жъ, что дадите вы бѣдному Паоло, если онъ отдастъ вамъ въ руки такія бумаги, по которымъ вы необходимо будете признаны съномъ челоуѣка, занимающаго не низшую ступень въ обществѣ.

— Ты знаешь отца моего! Кто онъ?

— Его имя стоить золота.

— Я дамъ тебѣ золота. Будь увѣренъ, что моя благодарность....

— Благодарность, вотъ видите, слово безъ значенья. Мнѣ нужны очевидныя доказательства, а не пустыя общанья.

— Паоло, ты мерзавецъ.

— Но всё-таки я человекъ вамъ преданный и доказывающій свою преданность тѣмъ, что вамъ, одному, итъ, говорю о моей тайнѣ.

— Посмотримъ, чего ты попросишь?

— Триста флориновъ чистыми деньгами, и письменнаго обязательства заплатить мнѣ еще шесть сотъ, когда приведу васъ въ объятія богатаго и знаменитаго родителя. Что? Кажется, не много!

— Хорошо; я подумаю, отвѣчалъ Ренó, потому что въ то время деньги были рѣдкость и сумма эта могла постыться огромною.

Собесѣдники разстались.

Ренó, подъѣзжая къ Гарлему, увидѣлъ нѣсколькихъ всадниковъ, которые ѣхали ему навстрѣчу. Онъ скоро узналъ, что это сирь д'Эльва и Мадзи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ своихъ служителей. Сердце рыцаря забилось радостно при одной мысли, что онъ увидитъ дѣвушку, которую любитъ. Но вотъ всадники проѣхали почти мимо Ренó и никто изъ нихъ, казалось, не обратилъ на него вниманія. Ренó остался нѣмъ отъ удивленія, узнавъ въ одномъ изъ всадниковъ Деодата, который ѣхалъ возлѣ Мадзи, разговаривая съ нею и даже тронулъ ее за руку, какъ-бы для того чтобы заставить обратить вниманіе на какой-то предметъ въ виду отъ дороги, на который онъ указывалъ. Деодатъ также замѣтилъ своего друга, и легкая краска пробѣжала по его лицу.

— А! такъ такъ-то ты измѣняешь дружбѣ! сказалъ Ренó, когда всадники скрылись отъ его взору. — И онъ же въ слово, что не станетъ встрѣчаться съ Мадзи! Но между тѣмъ наступала часъ, назначенный гра-

фомъ для торжественнаго принятія фризландскихъ депутатовъ. Ренó поспѣшалъ въ Гарлемъ.

Мы могли бы, подобно Ренó, осудить Деодата за измѣну слова, даннаго другу; но знаемъ, что это дѣло случайности, и расскажемъ какимъ образомъ онъ очутился возлѣ Мадзи.

Поутру, когда Ренó отправился въ хижину лѣсничаго, Деодатъ сѣлъ на коня и побѣхалъ прогуливаться къ взморью. Прелесть мѣстоположенія навела его на мечты о милой Мадзи; онъ вѣхалъ въ онушку роши, сошелъ съ лошади, легъ подѣ дерево и предался этимъ мечтамъ со всею нылкостью первой, еще не сознанный, страсти. Вдругъ, видитъ, что на песчаный холмъ, прямо противъ роши, входятъ, со стороны моря, сирь д'Эльва и Мадзи. Мадзи, остановившись не надолго на вершинѣ холма, бѣгомъ пустилась по его отлогому покату: она не знала, что холмъ этотъ, почти у самой своей подошвы, былъ подрытъ весенней водою и образовалъ какъ-бы отвѣсную стѣну высотой въ десять футовъ.

Деодатъ вскочилъ, громко вскрикнулъ и съ быстротою оленя кинулся къ холму. Крикъ его заставилъ неосторожную Фризландку увидѣть опасность; но она не могла уже остановиться въ разбѣгъ, едва успѣла взять нѣсколько въ сторону и спрыгнуть съ крутизны, въ такомъ мѣстѣ гдѣ отвѣсъ былъ не выше футовъ трехъ.

— Боже! какъ я испугался за васъ, сказалъ Деодатъ.

— Да; еще большое счастье, что вы вскрикнули и остерегли меня.... Милости просимъ, сирь д'Эльва! сказала она опекуну своему, который спустился по менѣе опасной дорожкѣ.

— Какъ это! Да ты тутъ и не одна!... Помилуйте, рыцарь! откуда вы взялись? Съ неба ли что-ли упали?

Тутъ только Деодатъ и Мадзи замѣтили, что они

держатъ другъ друга за руку. Вопросы сира д'Эльва заставили ихъ покраснѣть и опустить руки. Потомъ Деодатъ и Мадзи рассказали старику, какъ случилось, что они сошлись.

Въ это время служители ольдермана привели верховныхъ лошадей. Сиръ д'Эльва и Мадзи поѣхали домой, пригласивъ съ собою Деодата, который, проводивши ихъ до воротъ командорственной обители, тотчасъ же поскакалъ обратно въ Гарлемъ, и, переодѣвшись, поспѣшилъ въ церковь, гдѣ назначена была аудіенція депутатовъ Фризландіи. Вскорѣ прибылъ тудасамъ графъ и вся блистательная его свита. Всѣ заняли мѣста и Вильгельмъ IV сѣлъ на приготовленномъ для него тронѣ; началась мисса, и когда она кончилась, герольдъ извѣстилъ фризландскую депутацію. Сиръ д'Эльва и Сергъ Аделенъ шли по сторонамъ аббата, который, когда они остановились, сдѣлалъ шагъ впередъ и произнесъ передъ графомъ рѣчь, вѣроятно, сочиненную Сіаромъ. Рѣчь эта была чудо дипломатическаго искусства: чрезвычайно лестная для свѣтлѣйшаго графа, но такъ мастерски соображенная, что въ ней не возможно было отыскать ни одного слова намекающаго о подданнической покорности Фризландіи свѣтлѣйшему Голландскому графу.

Слышавъ на эту рѣчь, Вильгельмъ IV, между прочимъ, сказалъ :

— Все, что вы говорили — прекрасно; только мы не видимъ изъ вашихъ словъ доказательства той покорности, которою подданные обязаны къ своему государю, и которой онъ вправе отъ нихъ требовать.

Графъ съ умысломъ сдѣлалъ удареніе на словъ «подданные».

Въ отвѣтъ и говорить, возразилъ Сергъ Аделенъ: это требуетъ отъ деревень, чтобы на нихъ была раба!

При этихъ необдуманнѣхъ словахъ, во всемъ собраніи послышался ропотъ.

— Клянусь небомъ, гнѣвно вскричалъ графъ: если бы мы слѣдовали одному чувству сохраненія нашего владѣльческаго достоинства, то сейчасъ же бы поступили по нашей волѣ. Но мы желаемъ внять нашему милостивому расположенію къ ослѣпленнымъ дѣтямъ и не будемъ поступать опрометчиво. Однако жъ, господа депутаты, мы приглашаемъ васъ сказать вашимъ соотечественникамъ, чтобы они остереглись вывести насъ изъ терпѣнія....

И графъ сошелъ съ трона и вышелъ изъ церкви, сопровождаемый всѣми.

Эдва Деодатъ успѣлъ прійти въ свою комнату, какъ его потребовалъ графъ, и далъ порученіе тотчасъ же отправиться къ Фризландскимъ депутатамъ и, отъ его имени, пригласить ихъ и Мадзи на балъ при дворѣ нынѣшнимъ вечеромъ. Деодатъ просилъ графа возложить это порученіе на Ренѳ.

— Тотъ или другой, только ѣхать сейчасъ, отвѣчалъ графъ.

Тщетно проискавъ друга, Деодатъ долженъ былъ ѣхать самъ, и только что выѣхалъ изъ Гарлема, какъ встрѣтилъ Барбанеру съ паяцомъ, которыхъ, по повелѣнію графа, стража провожала до границъ. Шарлтанъ, завидя рыцаря, подалъ ему знакъ, что желаетъ съ нимъ переговорить. Деодатъ подъѣхалъ.

— А что вы бы мнѣ дали, спросилъ Барбанера по-италіянски: если бъ я доставилъ вамъ средство быть признану сыномъ благороднаго и знаменитаго человека?

— А Ренѳ? сказалъ Деодатъ, у котораго при этомъ вопросѣ первая мысль была о другѣ.

— На кого я вамъ не могу отвѣчать; но пойдите съ нами, и я расскажу вамъ все.

— Не нужно, съ презрѣніемъ отвѣчалъ Деодатъ : я не даю ни малѣйшей вѣры твоимъ словамъ , и не желаю званія , котораго бы мой другъ не могъ раздѣлить со мною.

Рыцарь прищипнулъ коня и поклоналъ.

Сирь д'Эльва , которому Деодатъ сообщилъ приглашеніе графа , отвѣчалъ , что онъ и Серпъ Аделенъ будутъ имѣть честь явиться на балъ его свѣтлости , но что покорнѣйше проситъ извинить его воспитанницу , которая не можетъ воспользоваться милостивымъ приглашеніемъ графа.

— Что касается до меня , сказалъ Серпъ Аделенъ : такъ я только для того ѣду на этотъ балъ , чтобы придворная челядь могла насмотрѣться на благороднаго Фризландца.

— То есть , отвѣчалъ Деодатъ , вы за вѣжливость графа платите грубою невѣжливостью.

— Не безыменному Италіянцу учить меня !

Едва Серпъ Аделенъ успѣлъ произнести эти слова , какъ Деодатъ ударилъ его перчаткой по лицу. Сирь д'Эльва и аббатъ бросились между ними и разлучили ; слуги вбѣжали на шумъ , и вслѣдъ за ними вошелъ Рено , съ взоромъ пылающимъ гнѣвомъ. Узнавъ , что Деодатъ поѣхалъ къ Фризландцамъ , онъ , увлеченный ревностью , помчался туда же и пріѣхалъ въ самую минуту ссоры. Не зная , что произошло , онъ изумился и неподвижно сталъ по среди комнаты.

— Вы кстати пріѣхали , рыцарь , сказалъ ему ольдерманъ.

— Мы встрѣтимся съ вами въ другое время и въ другомъ мѣстѣ , проговорилъ Деодатъ обращаясь къ Серпу Аделену , и холодно поклонившись присутствующимъ , хотѣлъ выйти , какъ въ дверяхъ появилась блѣдная и трепещущая Мадзи.

— Что случилось ? Отчего такой шумъ ? спросила она прерывающимся голосомъ.

— Вы, Мадзи, кажется, принимаете большое участие въ этомъ Италіянецъ, сказалъ Сернъ Аделенъ, который стоялъ прислонясь къ стѣнѣ и мрачно смотрѣлъ на окружающихъ.

На глазахъ дѣвушки навернулись слезы; она взглянула на Деодата, и молча опустила въ кресла.

— Идешь ли со мною? вдругъ вскричалъ Ренѣ, громовымъ голосомъ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Деодатъ.

— Позвольте на минуту удержать васъ, сказалъ д'Эльва. Я и отецъ аббатъ, мы должны увѣрить васъ, рыцарь, что чрезвычайно огорчаемся невѣжливыми словами Серна Аделена. Мы уважаемъ его откровенный характеръ, но краснѣемъ за выраженія, которыя онъ позволилъ себѣ употребить говоря съ вами: повѣрьте, онъ и самъ скоро раскается въ этомъ.

Д'Эльва подалъ Деодату руку, которую тотъ пожалъ съ чувствомъ, и оба рыцаря вышли.

Отъѣхавъ нѣсколько, Ренѣ вдругъ сдержалъ коня, схватилъ поводья Деодатовой лошади и вскричалъ:

— Стой! теперь моя очередь.

— Что ты?

— Деодатъ Веронскій, ты подлецъ!... Ну, понимаешь ли теперь?

— Ренѣ, ты знаешь, я не подниму на тебя руки. Что съ тобой сдѣлалось? Чѣмъ я оскорбилъ тебя?

— И еще смѣешь спрашивать! Не два ли раза ты уже видѣлся съ Фризландкою, несмотря на обѣщанье не видаться съ нею?

— Я не унижусь до оправданій.... Когда поуспокоюсь, я объясню тебѣ мое поведеніе.

— Вижу, что яблочко не далеко упало отъ яблони, презрительно сказалъ Ренѣ: вижу что Барбанера....

— Не вѣрь этому обманщику. Онъ говорилъ и со мной, только я не хотѣлъ его слушать.

Сказавъ это, Деодатъ прищипорилъ лошадь и ускаталъ.

— Предатель! подумалъ Ренó : онъ, вѣрно, узналъ отъ Барбанеры, что я сынъ БIANКИ ди Салерно, и чтобы лишить меня возможности получить отъ него письменныя доказательства моего происхожденія, настоялъ о высылкѣ его за границу!

Возвратясь въ Гарлемъ Деодатъ донесъ графу о исполненіи порученія, но умолчалъ о ссорѣ своей съ Аделеномъ.

— Какъ! вскричалъ графъ : они не хотятъ, чтобы Мадри была на балѣ.... Вздоръ, будетъ!...

—

Блестательное и многочисленное собраніе наполняло вечеромъ залы дворца, великолѣпно убранныя и великолѣпно освѣщенныя. Танцы еще не начались. Общество раздѣлилось группами и всѣ занимались разговорами. Сяръ д'Эльва бесѣдовалъ съ сиромъ де-Бомонъ, а Серпъ Аделенъ одинъ прохаживался медленными шагами. Видъ его былъ всё такъ же гордъ, только въ ложѣ блистательномъ собраніи онъ чувствовалъ себя какъ-будто не на своемъ мѣстѣ, и его смущали насмѣшливыя взгляды придворныхъ дамъ.

Звуки литавръ возвѣстили о прибытіи графа. Вильгельмъ IV вошелъ съ веселымъ видомъ, съ ироническою улыбкой, и неразъ, взглядывая на ольдермана и Серпа Аделена, потиралъ себѣ руки съ выраженіемъ удовольствія.

Танцы начались.

Незаметно снова раздался звукъ литавровъ, возвѣщающій о прибытіи новаго почетнаго гостя, и Деодатъ былъ пораженъ изумленіемъ, когда двери залы растворились

настежь, и въ сопровожденіи Ренé вошла Декамская Роза, пышно одѣтая. Графъ, который уже давно ожидалъ Мадзи, послѣвшигъ къ ней на встречу, почтительно подалъ руку и тотчасъ подвелъ къ графинѣ.

Д'Эльва, увидѣвъ свою воспитанницу, тоже изумился, но почувствовалъ, что не время и не мѣсто обнаруживать гнѣвъ. Что касается до Аделена, то онъ пришелъ почти въ изступленіе, и хотѣлъ немедленно подойти къ дѣвушкамъ, но толпа придворныхъ, окружавшихъ графиню и Мадзи, помѣшала ему.

— Какой адской хитростью привезли вы ее сюда? спросилъ наконецъ Серпъ Аделенъ Ренé.

При этомъ вопросъ ихъ обступили многія дамы и Ренé сказалъ :

— Опекунъ прекрасной Декамской Розы и сиръ де-Бомонъ получили въ подарокъ отъ покойнаго графа совершенно одинаковыя золотыя цѣпи. Его свѣтлость ваялъ цѣпочку своего дяди и, отдавъ мнѣ, послалъ къ Мадзи, въ знакъ того, что сиръ д'Эльва желаетъ, чтобы она пріѣхала на балъ... и вотъ она здѣсь.

— Проклятый умыселъ! вскричалъ Аделенъ.

Новъэто время графъ велъ подъ руку Мадзи къ сирю д'Эльва, который тоже подходилъ къ нимъ, и они сошлись возлѣ самаго Серпа Аделена.

— Благородный д'Эльва, сказалъ графъ чрезвычайно ласковымъ голосомъ : я надѣюсь, что вы не разсердитесь на меня за хитрость, которую я употребилъ, чтобы привлечь сюда вашу воспитанницу.... Вотъ передаю ее вамъ съ рукъ на руки.

— Я думаю, ваша свѣтлость, спокойно отвѣчалъ ольдерманъ : что вы не имѣли ни какого желанія оскорбить меня, и потому съ моей стороны всякое неудовольствіе было бы неумѣстно.

— А вы, Серпъ Аделенъ, что вы такъ цасмурны? Мы возвращаемъ вамъ вашу мѣсть; но вамъ неприлично было пріѣхать безъ нея на нашъ праздникъ.

— Я никогда не забуду чѣмъ обязанъ вашей свѣтлости, и надѣюсь со временемъ доказать вамъ мою настоящую признательность.

Графъ отошелъ, а Серпъ Аделенъ, обращаясь къ Мадзи сказалъ :

— Дѣлайте, что хотите; но Серпъ Аделенъ не намеренъ долѣе служить посмѣшищемъ этому собранію.

Онъ уѣхалъ, и никто не пожалѣлъ объ его отсутствіи.

Ренѣ успѣшилъ пригласить Мадзи на танцы, и разжился передъ ней въ любезностяхъ. Потомъ, онъ побѣжалъ, чтобы принести ей стаканъ лимонаду, котораго она попросила. Деодатъ воспользовался этимъ временемъ, подошелъ къ ней и высказалъ, какъ обрадовался, когда увидѣлъ ее на балѣ.

— Я здѣсь вездѣ смотрѣла васъ, рыцарь, сказала она съ милою откровенностью, которая восхитила Деодата: я очень огорчена встрѣтившейся съ вами неприятностью, и, право, жалѣю, что пріѣхала въ Голландію.

— О чемъ же жалѣть! Здѣсь я не вижу ничего, что могло бы вамъ помѣшать веселиться. Серпъ Аделенъ, слава Богу! уѣхалъ.

— Остерегитесь: я не должна слушать, когда про Серпа Аделена говорятъ дурное.

— Развѣ и въ самомъ дѣлѣ ваша сватъба рѣшена безвозвратно?

— Будущее въ рукахъ Божіихъ!... Но, говоря не правду, вы, рыцарь, несправедливы къ Серпу Аделену: вы его знаете только съ его дурной стороны. Онъ сердца добраго; храбрости испытанной; веселъ, услужливъ и великодушень, если только дѣло нейдетъ о національной гордости. Я всегда смотрѣла на него какъ на брата, и знаю, что онъ искренно ко мнѣ привязанъ.

Мадзи замолчала, удивляясь сама, что такъ откровенно говорила съ человѣкомъ, почти ей вовсе незнакомымъ.

— Такъ вы его любите? спросилъ Деодатъ прерывающимся голосомъ.

— Я ужъ сказала вамъ, что люблю его какъ брата.

— Поэтому вы возненавидѣли бы того, кто отомстилъ бы Серпу Аделену за нанесенную имъ обиду.

— Ради Бога, рыцарь, что хотите вы сказать этимъ вопросомъ?

— Вы знаете, Мадзи, какое онъ нанесъ мнѣ оскорбленіе; вы знаете также, что такого роду обида требуетъ крови.

Мадзи съ минуту молчала и испуганная глядѣла на Деодата.

— Я слыхала о вашихъ рыцарскихъ уставахъ; но...

— Я чувствую, что теперь не время бы мнѣ говорить объ этомъ; но кто знаетъ, найду ли я послѣ удобной случай сказать вамъ нѣсколько словъ, а между-тѣмъ — одно ваше слово, и Аделену будетъ нечего бояться меня.

— Одно слово! какое же это слово?

— Скажите, что вы любите Серпа Аделена какъ человека милаго вашему сердцу.

Мадзи поблѣднѣла какъ смерть.

— И вы перенесете обиду, если я скажу это? спросила она, волнуемая тысячью противоположныхъ чувствъ.

— Нѣтъ, но я найду средство удовлетворить мою честь не оскорбляя вашей любви. Я рвусь на все, но ни за что на свѣтъ не захочу смущать вашего счастья.

Въ эту минуту возвратился Ренѳ, и бросилъ ужасный взоръ на Деодата.

— Извините, что прерываю ваши разговоры, сказалъ онъ: но вотъ начинаются танцы.

Мадзи, встревоженная и смущенная, подала руку Ренѳу и вздохнула. Вздохъ этотъ былъ подслушанъ обоими рыцарями.

Сергъ Аделенъ , оставивъ балъ , принужденъ былъ возвращаться домой пѣшкомъ , потому что лошади его и сира д'Эльва были отпущены. Онъ шелъ быстро, какъ обыкновенно люди раздраженные гнѣвомъ , и искалъ въ умѣ средствъ къ отмщенію. Лучшимъ показалось ему посоветоваться сначала съ братомъ Сіаромъ , и онъ только-что пришелъ въ свою комнату , взялъ свѣточъ и отправился къ нему.

Комната, занимаемая Сіаромъ , была самая крайняя изъ келій въ длинномъ корридорѣ , гдѣ прежде помѣщались рыцари ордена святаго Іоанна. Каждая изъ этихъ келій имѣла только по одной двери въ корридоръ , съ маленькимъ отверстіемъ по срединѣ , въ которое дежурный рыцарь всегда могъ видѣть , не входя въ келью , чѣмъ занимается въ ней живущій. Аделенъ , входя въ корридоръ , примѣтилъ лучъ свѣту , который , проходя въ отверстіе двери послѣдней кельи , отражался на противоположной стѣнѣ. Это заставило его подумать , что братъ Сіаръ еще не спитъ ; но въ ту же минуту свѣтъ въ его келью исчезъ. Подойдя къ двери , Сергъ Аделенъ остановился , и въ полъ-голоса проговорилъ : «Братъ Сіаръ ! спите вы или нѣтъ» ? Отвѣту не было ; но онъ ясно услышалъ , что въ келью говорятъ шопотомъ , и заключилъ изъ этого , что Сіаръ читаетъ свое вечернее правило.

— Братъ Сіаръ ! сказалъ Сергъ Аделенъ по-громче : нельзя ли отложить молитвъ до утра ? Мнѣ нужно съ вами поговорить. Развѣ вы не узнаете меня по голосу ? Я Сергъ Аделенъ.

Сіаръ , видя , что ему не отдѣлаться отъ Серпа Аделена , отперъ дверь и тотъ вошелъ въ келью. Депутатъ ничего не замѣтилъ смущенія Сіара , и въ умѣ его родилось подозрѣніе ; онъ приподнялъ свѣточъ и осмотрѣлъ комнату : вся въ ней утварь состояла изъ Распятія , стола , скамейки , кружки и узкой кровати , вдвиг-

путь въ нѣкоторый родъ алькова въ стѣнѣ, затвореннаго створчатой дверью.

— Ну, комната-то ваша не очень великолѣпна, сказалъ Аделенъ, ставя свѣточъ на столъ и садясь на скамейку.

— Въ ней есть все, что для меня нужно, отвѣчалъ доминиканецъ, скрестивъ руки и стоя противъ лунтата. — Могу-ли спросить, отчего вы такъ рано возвратились? Балъ, вѣрно, еще не кончился.

— Къ черту балъ, и всѣхъ пирующихъ!

Затѣмъ Серпъ Аделенъ разсказалъ что какъ было, и прибавилъ:

— Но, ради Бога, дайте мнѣ чего-нибудь напиться; меня мучитъ страшная жажда.

— Мнѣ нечего вамъ предложить, кромѣ вотъ этой воды въ кружкѣ.

— А поищите-тка хорошенько! Я увѣренъ, что чашо Сентъ-Одольфа найдетъ и что-нибудь по-лучше.

— Я строго соблюдаю правила моего ордена..... Но, скажите, какимъ же образомъ вы намѣреваетесь отомстить за обиду?

— Я еще ни на что не рѣшился, но мнѣ не будетъ ни сна, ни покою, покуда не докажу этому гордому графу, какъ опасно обижать благороднаго Фризландца.... Да, вѣчная, смертельная вражда графу Голландскому!

— Аминь! слышался глухой голосъ, какъ-будто изъ подъ полу.

— Кто это говоритъ? спросилъ Аделенъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Сіаръ.

Депутатъ всталъ, кинулъ недовѣрчивый взглядъ на доминиканца, и вперилъ пристальный взоръ на створчатую дверь алькова.

— Не спрятался ли тутъ кто? сказалъ онъ протягивая руку къ дверцамъ.

Сіаръ хотѣлъ остановить его, но уже было поздно. Дверь отворилась, и Аделенъ увидѣлъ человѣка, кото-

рый полу-сидя и полу-лежа на досочной кровати. При этом открыт, первым его движением было облачить меч; но видя равнодушные незнакомца, он смутно мечь въ ножны, и началъ вглядываться въ дерзновеннаго, осмѣлившася подслушать его тайну.

Незнакомцу, казалось, лѣтъ тридцать; черты лица его были правильны, благородны, выражали мужество и неустрашимость; темные, искрящіеся глаза его блистали умъ; по вѣстью, ни какъ было нельзя узнать, къ какому онъ принадлежитъ сословію: на немъ было зеленое полукафталъ простаго воина, а на саняхъ блестящія золотыя рыцарскія шпоры.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени другъ на друга, Аделень первый прервалъ молчаніе и вскричалъ:

— Кто вы? Что вы здѣсь дѣлаете?

— Какъ, что дѣлаю? отвѣчалъ незнакомецъ: равнѣ вы не видите? Ложу.

Аделень улыбнулся на этотъ неожиданный отвѣтъ; однако же возразилъ:

— Отвѣчайте болѣе приличнымъ образомъ, а то вамъ придется раскayаться въ деревни. Миръ сподобитъ сказать одно слово, и мои люди сабадутъ васъ палками.

— Право? проговорилъ незнакомецъ съ дружескимъ младокровіемъ. Кочастию, что со мной есть пріятель, который какъ-разъ отобьетъ у нихъ охоту наназать на меня.

И говоря это, онъ поднялъ топоръ, котораго тѣнь обличала силу руки, имъ владѣющей.

— А вотъ, посмотримъ, сказалъ депутатъ, подходя къ корридору.

— Ради Бога, Серпъ Аделень, вскричалъ Сіаръ: будьте по-осмотрительнѣе....

— Ну, ну, Серпъ Аделень, смѣясь проговорилъ незнакомецъ: послушайте брата Сіара, и будемте друзьями.

— Ваша дерзость удивляетъ меня.... Еще разъ, кто

же вы, что смѣете такъ говорить съ Сергѣемъ Адделеномъ какъ съ собой равнымъ?

— Нѣтъ, не какъ съ равнымъ, а какъ съ низкимъ.

— Какъ съ низкимъ! Но, ради самаго неба, кто же вы?

— Кто я?... Мнѣ кажется, не пришло еще время отирывать моего имени.

— Рано, еще рано! вскричалъ Сіаръ.... Умоляю васъ, Сергѣй Адделенъ, уйдите отсюда, и забудьте, что видели... Одно только могу сказать вамъ: вы видите передъ собою непримиримаго врага графа Голландіи.

— А! И вы, вы тоже врагъ Вильгельма IV!... Братъ Сіаръ, пойдите, непременно пойдите и принесите намъ вина.... На такой встрѣчѣ какъ же выпить кубка за здоровье вашего гостя.

Доминиканецъ пожалъ плечами и вышелъ.

— Напрасно же, сказалъ незнакомецъ, не вельгъ я, кетати, принести стульевъ; потому что на этихъ доскахъ сидѣть ужасно жестоко.

— А знаете! пойдите въ мою комнату: тамъ вамъ будетъ гораздо удобнѣе:

И дождавшись брата Сіара, они всѣ вмѣстѣ перешли къ Сергѣю Адделену.

— Теперь, скажите мнѣ, ради Бога, началъ депутатъ, какимъ образомъ вы думаете помочь мнѣ освободить Фризландію отъ тиранства графа и отмстить ему за мое личное оскорбленіе?

— Я беру на себя рассказать вамъ это, отвѣчалъ доминиканецъ. Вы должны знать, Сергѣй Адделенъ, что не одна Фризландія имѣетъ причины негодовать на самовластье графа Голландіи. У него есть сильныя враги въ утрехтскомъ епископствѣ. Покойный Вильгельмъ III, заставивъ, посредствомъ своего вліянія, избрать на епископскій престолъ Іоанна Діеста предъшественника нынѣшняго епископа, тѣмъ самымъ почти покорилъ своей власти всѣ утрехтскія владѣнія

По смерти Иоанна Діеста, Вильгельм IV, желая сохранить власть надъ епископіей, приобретенную своимъ отцомъ, настоялъ на избраніи въ утрехтскіе прелаты одного изъ великихъ вассаловъ Голландіи, потомка знаменитаго дому д'Аркель.

— Да, я слыхалъ объ этомъ прелатѣ.

— Онъ доказалъ, что не упустилъ изъ виду пользы своихъ владѣній, которыя, почти всѣ, находились въ залогѣ у графа за сдѣланные у него займы. Чтобы погасить эти долги и освободиться отъ вліянія Вильгельма IV, Иоаннъ д'Аркель оставилъ свою епископскую резиденцію и переселился въ Францію, поручивъ брату своему Роберту и нѣсколькимъ рѣшительнымъ людямъ защищать Утрехтъ отъ нападковъ графа, и по этому случаю они отказываются отдавать ему какой бы ни было отчетъ, и не признаютъ графскаго попечительства надъ имѣніями, принадлежащими утрехтской области.

— Это непременно поведетъ къ войнѣ.

— И лишь-только утрехтская область вооружится....

— Понимаю! На ея военный кликъ должны тотчасъ же отозваться песчаные холмы Колума и Амеланда.... Прекрасно! За мной дѣло не-станетъ.... Братъ Сіаръ, достаньте намъ еще бутылку вина.

— Будете ли вы послѣ завтра на турниръ? спросилъ незнакомецъ, когда Сіаръ вышелъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Примѣйте же рыцаря въ бѣлыхъ доспѣхахъ, съ краснымъ орломъ на шлемѣ: и вы увидите, что онъ не безъ славы оставитъ ристалище.... Только не говорите Сіару: я не хочу, чтобы онъ зналъ объ этомъ.

По возвращеніи доминиканца, Аделень, расхаживая по комнатамъ, случайно взглянулъ въ садъ:

— Смотрите, сказалъ онъ: мнѣ показалось будто кто-то крадется между деревьевъ.

Въ эту минуту постучались въ окно.

— Кто тамъ? спросилъ Сергъ Адельнъ, отвора ея. Это чертъ! вскричалъ онъ, увидя мохнатое существо, которое прямо черезъ окошко прыгнуло на столъ.

— А, это ты, Сезаръ! сказалъ незнакомецъ: потому и твой хозяинъ не далеко.... Тутъ ли ты, Дамьянъ? спросилъ онъ въ полъ-голоса изъ окошка.

— Здѣсь, къ вашимъ услугамъ.

→ Хорошо. Письма готовы.... Сезаръ, на; отдай хозяину.... Дамьянъ, клики къ себѣ обезьяну.

Дамьянъ свиснулъ, Сезаръ соскочилъ къ нему на плечо, и оба исчезли.

— Теперь, какъ ваши дѣла кончены, сказалъ Адельнъ, обращаясь къ незнакомцу: позвольте мнѣ попросить васъ заняться моими; я хотѣлъ-было отнестись съ этой просьбою къ брату Сиару, но ужь если напелъ въ васъ человекъ, умѣющаго владѣть и мечомъ и перомъ, то вы лучше его поймете меня.

— Въ чемъ же дѣло?

— А вотъ сейчасъ объясню.

Читатель послѣ узнаетъ о слѣдствіяхъ ихъ совѣщанія.

День, послѣдовавшій за баломъ, былъ днемъ отдохновенія, потому что надобно было приготовиться къ турниру, назначенному быть завтра.

Въ этотъ день сиръ д'Эльва и Мадзи пошли прогуливаться. Олдерманъ казался печальнымъ и задумчивымъ.

— Не я ли оторчила чѣмъ моего милаго онекуня спросила наконецъ дѣвушка.

— Нѣтъ, дитя мое; но я не доволенъ Сергъ Адельномъ и собою. Намъ бы слѣдовало предвидѣть, что неминуемо должно было случиться, и оставить тебя Фризландіи.

— Чего же вы опасаетесь?

— Очень многого. Вчера вечеромъ, графъ долго разговаривалъ со мною о тебѣ, и даже сказалъ, что ему бы очень было пріятно видѣть рыцарей своего двора конатыми на Фризландкахъ. Для этого-то, думаю, онъ и желалъ, чтобы ты непременно была на балѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я не буду ни на одномъ празднѣ.

— Въ нашемъ положеніи этого невозможно. Теперь ты уже не должна отказываться. Но, Мадзи, ради Господа, будь осторожна. Не забывай, что ты Фризландка, и смотри на каждыя придворнаго рыцаря, какъ на корсара, котораго графъ шлетъ за тобой въ логово.

— О! я буду осторожна.... Я ужъ можетъ-быть и то много разговаривала съ этимъ.... съ этими двумя итальянскими рыцарями.

— Послушай, я хочу рассказать тебѣ повѣсть моихъ мополучій. Можетъ-статься она послужитъ на пользу твоей неопытности. Ты знаешь, что въ моей молодости, увлеченный благороднымъ стремленіемъ къ славѣ, я послѣдовалъ въ Миланъ за императоромъ Генрихомъ VII. Одинъ благородный Итальянецъ, съ которымъ я познакомился въ Германіи, предложилъ мнѣ помѣститься въ своемъ домѣ. Тутъ провелъ я счастливейшіе дни моей жизни; но за ними послѣдовали цѣлые года печали и страданій.

Въ домъ моего пріятеля, Антонію, увидѣлъ я прекраснѣйшую дѣвушку, родомъ изъ Вероны, родственницу Антоніевой жены, которая пріѣхала къ нимъ по случаю праздниковъ коронаціи Генриха VII. Я проводилъ съ ней цѣлые дни, и полюбилъ ее всеми способностями души моей; она тоже полюбила меня. Въ ту пору, какъ мнѣ лежалъ еще неисполненный обѣтъ посѣтить Палестину, и я, передъ отправленіемъ въ Святую Землю, хотѣлъ ѣхать въ Верону, къ отцу моей

Біанки, чтобы просить руки ея; какъ вдругъ письмо отъ него къ дочери разрушило всѣ наши надежды: онъ писалъ, чтобы Біанка сейчасъ же возвратилась въ Верону, и что онъ обѣщалъ ей руку Франческо делла Скала. Не имѣя времени на размышленіе, мы не могли придумать ничего лучше, какъ соединиться узами тайнаго брака. Должно полагать, что отецъ Біанки узналъ о нашей любви, потому что, дней черезъ нѣсколько, вечеромъ, когда я шелъ по улицъ, на меня напали трое убійцъ. Изъ нихъ я узналъ одного. То былъ нѣкто Паоло, слуга графа Луиджи, отца Біанки, тотъ самый, который привезъ ей письмо и приказаніе ѣхать въ Верону. Я былъ опасно раненъ; но злодѣи не успѣли убить меня: нѣсколько человѣкъ показались въ улицъ, подняли меня и отнесли въ ближній монастырь, гдѣ я оставался до-тѣхъ-поръ покуда состояніе моего здоровья не позволило перенести меня въ домъ Антоніо. Но тѣмъ временемъ самъ графъ Луиджи пріѣзжалъ въ Миланъ и увезъ мою Біанку, которая поручила женѣ Антоніо сказать, что вѣчно останется мнѣ вѣрною, и чтобы я не слѣдовалъ за нею въ Верону, гдѣ Франческо делла Скала захватилъ верховную власть, и безъ сомнѣнія предастъ меня смерти, а всего бы ожидалъ отъ времени и отъ ея любви ко мнѣ. Я отправился въ Палестину; пробылъ тамъ три года, которые показали мнѣ тремя вѣками, и когда, тайно и подъ чужимъ именемъ, возвратился въ Верону, то узналъ, что Біанка ди Салерно вышла замужъ за Франческо, и потомъ умерла.

— Какъ! она измѣнила своей клятвѣ и забыла перваго мужа!

— Не знаю, какія обстоятельства могли ее къ этому принудить. Біанка умерла, и мнѣ не для чего было развѣдывать. Въ Веронѣ я пробылъ всего одинъ часъ, и съ-тѣхъ-поръ всегда бѣгалъ съ-тѣй любви.

На другой день, день турнира, все народонаселение Гарлема пришло въ необычайное движеніе. На площади, гдѣ теперь стоитъ соборъ, предметъ удивленія всѣхъ путешественниковъ, который въ тогдашнюю пору не былъ еще построенъ, приготовлено мѣсто ристалища. Съ южной его стороны возвышались подмостки, въ родѣ галерей, убранныя коврами, знаменами и швѣтами, раздѣленныя на-трое. Два крайніе отдѣла назначены для почетнѣйшихъ гостей, а середній, менѣйшій, для графа и его семейства. Отъ обѣихъ оконечностей этой галереи шелъ не высокій барьеръ, замыкающій большое овальное пространство, имѣвшее только два выхода, по одному на противоположащихъ концахъ; выходы эти были украшены разноцвѣтными флажками, и ихъ охраняли вооруженные воины. Герольды строго наблюдали за тѣмъ, чтобы между зрителями сохранялся совершенный порядокъ, и чтобы никто не занялъ мѣста выше своего званія и роду. Безчисленная толпа черни тѣснилась около барьера, и тысячи любопытныхъ заняли окна, балконы и крыши домовъ около площади.

Ударили въ литавры, и въ толпѣ народа раздался громкій крикъ: «Да здравствуетъ сиръ де-Бомонъ!»

Сиръ де-Бомонъ, назначенный представлять на турнирѣ лицо графа, въѣхалъ въ ристалище сопровождаемый нѣсколькими рыцарями. Ему предшествовалъ герольдмейстеръ Голландіи, Іоаннъ Пэпаръ, осмидесятилѣтній старецъ, который съ честью занималъ эту почетную должность еще со временъ графа Флорана V. За сиромъ де-Бомонъ слѣдовали два герольда, а за ними ѣхали Жераръ де-Флоревъ, знаменосецъ Вильгельма IV, Симонъ де-Тейлингъ и Гюи де-Мерведъ, судія турнира, окруженные оруженосцами и трубами.

Поездъ этотъ трижды объѣхалъ кругомъ барьера, и сиръ де-Бомонъ занялъ приготовленное для него мѣсто. Герольдмейстеръ помѣстился на западной оконеч-

насъе распластана; а два буди турнира то кончатъ се-
редяно по отдѣленія галерей.

Возвѣтъ на этия новѣдомъ, прибыла духовная пре-
дсеедъ съ крестами и хоругвами, для благословленія
арены и уничтоженія влїянїя всякихъ чаръ и загово-
ровъ.

Потомъ звуки трубъ и литавровъ и радостные кри-
ки народа возвѣстили о прибытіи графини со всемъ
дворомъ. Она была въ великолѣпной одеждѣ, посере-
ди множества рыцарей вооруженныхъ съ головы до
ногъ, и дамъ богато одѣтыхъ, усыпанныхъ драгоцѣн-
ными каменьями; всѣ были верхами. Обѣхавъ риста-
лице, графиня сѣла на кресла позади сира де-Бомонъ,
и вся свита заняла назначенныя мѣста.

Черезъ нѣсколько минутъ послышался шумъ, подоб-
ный шуму водопада; то ѣхали рыцари, желающіе при-
нять участіе въ турниръ. Передъ каждымъ былъ зна-
меносецъ, и за каждымъ слѣдовали пажы и оруженос-
цы. Сборное мѣсто рыцарей было за городомъ, и те-
перь они подъѣзжали съ западной стороны ристалища.
Герольдмейстеръ послалъ одного изъ своихъ героль-
довъ, просить у сира де-Бомонъ дозволенія рыцарямъ
въѣхать въ арену. После того рѣшетка барьера была
отворена; рыцари въѣхали и раздѣлились на два отря-
да; одни заняли восточную, другіе западную сторону
ристалища. Первый изъ этихъ отрядовъ состоялъ изъ
рыцарей Голландїи, Геннегау и областей утрехтскаго
епископства; имъ начальствовалъ графъ Вильгельмъ
IV; второй отрядъ, подъ начальствомъ Генриха Дум-
мера, знаменитаго гротъ-мейстера тевническаго ордена,
заключалъ въ себѣ цѣлтъ германскаго рыцарства.

По окончанїи обычныхъ обрядовъ, предшествую-
щихъ турниру, оба отряда обѣхали три раза кругомъ
барьера, и стали по opposite мѣстамъ
г-нъ Аббата, сиръ де-Вьва и Мадонъ де-Вьва.

ры, и взоры их могли были обращены на прекрасную фриландку.

— Где это наш друг Аделонъ? спросилъ аббатъ сдержанно: онъ не хотѣлъ сказать намъ на комъ будутъ доспѣхи, и я не могъ узнать его... Мадри, не узнали ли вы котораго изъ этихъ рыцарей?

Мадри не отвѣчала, только щеки ея покрылись жемчужными румянцами, потому что изъ всѣхъ рыцарей она знавала одного только Деодата.

Герольдъ, по обыкновенію, прочиталъ громкимъ голосомъ законы турнира.

Едва онъ кончилъ, какъ изъ графскаго отряда отъѣзжая рыцарь въ голубыхъ доспѣхахъ, усыянныхъ серебряными лирами, и рысью подъѣхалъ къ сирю де-Бомонъ.

— Чтò угодно вамъ, рыцарь? спросилъ де-Бомонъ. Зачѣмъ вы, въ противность уставамъ, оставили свое мѣсто?

Рыцарь вынулъ изъ-за шарфа листъ пергамента, и почтительно подавая его наострѣ копыя представителю графа, сказалъ:

— Какъ человекъ свободный и какъ рыцарь, прошу, чтобы этотъ вызовъ былъ прочитанъ вслухъ.

Де-Бомонъ отдалъ бумагу герольду, и тотъ громкимъ голосомъ прочиталъ:

«Я, Деодатъ Веронскій, рыцарь, будучи смертельно и жестоко оскорбленъ фриландонимъ рыцаремъ Серномъ Ланкомъ, вызываю его на смертельный поединокъ, предоставляю ему выборъ оружія. Прошу дозволенія и милости, нашего государя, владѣтельнаго графа Фриландинъ и Геннегау.»

— Мы не можемъ теперь заняться частными ссорами, сказалъ сиръ де-Бомонъ, вперни въ своего воспитанника, въ которомъ стражались и неудовольствие и дружба: вы можете представить намъ вашу преславу и знаменитую турнира.

Но успѣлъ еще сарь де-Бомонъ окончить этихъ словъ, какъ къ нему приблизился другой рыцарь и тоже на копьѣ подалъ листъ пергаменту. Общее любопытство еще болѣе умножилось, и самъ графъ съ нѣсколькими рыцарями подѣхалъ къ галереѣ. Второй вызовъ былъ слѣдующаго содержания.

«Я, Рено Веронскій, рыцарь, будучи безчестно и предательски оскорбленъ рыцаремъ Деодатомъ, тоже именующимся Веронскимъ, вызываю его на смертельный поединокъ, и предоставляю ему выбрать оружія. Прошу дозволенія его свѣтлости, нашего государя, владѣтельнаго графа Голландіи и Геннегау.»

— Съ ума что ли они сошли! вскричалъ графъ. Какъ! друзья съ самаго дѣтства! братья по оружію!... Мы поговоримъ объ этомъ послѣ турнира.

Въ эту самую минуту подѣхалъ третій рыцарь, также съ листомъ пергамента; но этотъ отделился уже отъ втораго отряда.

— Черти что ли подстрекаютъ ихъ? снова вскричалъ графъ: вотъ ужъ и третій рыцарь!

Но изумленіе Вильгельма IV достигло высочайшей степени, когда онъ услышалъ содержаніе третьяго вызова.

«Я, Серпъ Аделенъ, благородный и свободный Фризландецъ, будучи жестоко обиженъ и оскорбленъ Вильгельмомъ, графомъ Голландіи и Геннегау, самозванно именующимъ себя владѣтелемъ Фризландіи, отказываюсь и отрекаюсь отъ всякой ему покорности, и готовъ поддержать права свои съ оружіемъ въ рукахъ, лично противъ самаго графа, или противъ того, кого онъ разсудитъ поставить за себя.»

Два первые вызова возбудили участіе и любопытство, но этотъ третій былъ принятъ изъясненіемъ всеобщаго негодованія. Отсюду послышались крики:

— Онъ съумасшедшій! — Разръ слыкано, чтобы выд-

жить на поединокъ своего государя! — Выгнать его съ ристалища! — Въ Спаару Фризландца!

— Молчать! закричалъ графъ громовымъ голосомъ, который раздавался изъ края въ край всей арены: молчать!..... Мы лично станемъ защищать нашу честь.... Серпъ Аделенъ, мы принимаемъ вашъ вызовъ.

— Графъ, вскричалъ сиръ де-Бомонъ: вы не можете принять этого вызову. Я теперь занимаю на время ваше мѣсто, и моя обязанность не дозволить столь безумнаго поединка. Вамъ не слѣдуетъ подвергать опасности свою особу со всякимъ сьумасшедшимъ.

— Любезнѣйшій дядюшка, отвѣчалъ графъ: посмотришь, нельзя ли намъ будетъ все это уладить. Серпъ Аделенъ вызванъ на бой Деодатомъ Веронскимъ, а Деодатъ вызванъ рыцаремъ Рено?

— Точно.

— Ну, такъ чтобы избѣгнуть лишняго кровопролитія, мы ввѣряемъ Деодату защиту нашихъ правъ, и повѣляемъ Рено поручить дѣло своей мести Серпу Аделену. Такимъ образомъ одинъ поединокъ между Деодатомъ и Серпомъ Аделеномъ окончитъ всѣ три вызова. Мы желаемъ, чтобы поединокъ этотъ происходилъ завтра, на этомъ ристалищѣ, въ нашемъ присутствіи и въ присутствіи всего нашего двора.

Деодатъ казался въ восторгѣ отъ словъ графа, потому что это избраніе въ защитники правъ Вильгельма IV, не только избавляло его отъ печальной необходимости ратоборствовать съ другомъ, но и дѣлало ему величайшую честь. Напротивъ того, Аделенъ и Рено были очень опечалены, однако же оба поняли, что имъ не остается ни чего дѣлать кромѣ повиноваться.

— Теперь, когда дѣло кончено, сказалъ графъ, приступимъ къ турниру. Только помните, что всякая личная вражда не должна имѣть мѣста до завтрашняго дня.

— Мы будемъ наблюдать за исполненіемъ приказаній

вашей святости, сказалъ гросс-мейстеръ тевтонскаго ордена: и, кланусь святымъ Витомъ! я размажну голову всякому, кто осмѣлится сражаться острымъ оружіемъ.

Послѣ этого всѣ рыцари стали по мѣстамъ, и вскоре громъ трубъ возвѣстилъ объ открытіи турнира.

Мы не станемъ вести о немъ подробной повѣсти. Довольно будетъ сказать, что изъ всего множества рыцарей, въ аренѣ, подъ конецъ, остались въ первомъ отрядѣ, Вильгельмъ IV, Флоранъ де-Монфоръ, Деодатъ и Ренѣ Веронскіе; а во второмъ, гросс-мейстеръ Думеръ, Сергъ Аделенъ, и еще рыцарь въ бѣлыхъ доспѣхахъ, съ краснымъ орломъ на шлемѣ. Всѣ прочіе оставили ристалище, или потому что были побѣждены, или потому что утомились.

Рыцарь въ бѣлыхъ доспѣхахъ, подѣхавъ къ Сергъ Аделену, сказалъ:

— А что, сдержалъ ли я слово, которое далъ вамъ третьягодня вечеромъ?

— Надѣюсь, что и я недурно исполняю свою обязанность. Досадно только, что графъ видимо отъ меня увертывается.

— Да, онъ увертывается отъ васъ какъ кошка отъ мыши!

Между-тѣмъ графъ замѣтилъ, что Деодатъ и Ренѣ, стоя поодаль, разговариваютъ между собою съ большимъ жаромъ. Онъ подумалъ, что они снова ссорятся и поспѣшилъ къ нимъ.

— Дети, сказалъ графъ, развѣ вы, послѣ дружбы столькихъ лѣтъ, не можете оставаться спокойными на одну минуту?

— Рядъ не о нашей ссорѣ, святѣйшій графъ, отвѣчалъ Ренѣ. Но вотъ, этотъ рыцарь, съ краснымъ орломъ на шлемѣ, которому оруженосецъ подаетъ теперь жеребъ коня, сидитъ верхомъ на украденной у меня ло-

лади. Сначала, въ толпѣ, я этого не замѣтила, а теперь и Деодатъ и я, мы не ошибаемся.

— Какъ не ошибаюсь и въ томъ, что подъ оруженосцемъ моего рыцаря, я, точно, видѣлъ моего прекраснаго врага.

— Однако жъ, отвѣчалъ графъ, намъ не возможно предположить, чтобы рыцарь, который наказалъ себя пригнѣтскимъ и мужественнымъ ратоборцемъ, могъ быть воромъ.... Знаете ли, Рендъ? ступайте противъ этого рыцаря, и постарайтесь отбить у него лошадь, если она ваша. А вы, Деодатъ, сразитесь съ Сергѣемъ Аделеномъ: это будетъ какъ-бы началомъ вашего завтрашняго съ нимъ поединка. Что касается до меня, то я сегодня уже не буду болѣе ломать копій.

По этому распоряженію, Менфору пришлось стать противъ гротъ-мейстера: они сразились съ равнымъ успѣхомъ.

Со всѣмъ другимъ произошло между Деодатомъ и Сергѣемъ Аделеномъ. Копья обоихъ сокрушились отъ взаимнаго удара, но ни тотъ ни другой не пошатнулся; только лошадь Фризландца, испуганная сшибкой, незапно кинулась въ сторону, споткнулась и упала, вмѣстѣ съ сѣдокомъ, въ грязную канаву. Толпа разохоталась. Аделенъ кое-какъ всталъ и ушелъ.

Рендъ понесся на рыцаря въ бѣлыхъ доспѣхахъ; тотъ бросился ему на встрѣчу, но, примѣтивъ, что противникъ склонилъ копье, осадилъ коня и остановился.

— Извините, рыцарь, сказалъ Рендъ: я не могу бороться оружіемъ съ человекомъ, подъ которымъ узнаю свою украденную лошадь; до-тѣхъ-поръ покуда онъ не скажетъ мнѣ, откуда взялъ ее.

— Развѣ вы думаете, что укралъ? Я купилъ эту лошадь, вчера, на лейденской конной.

— Клянусь всѣми святыми, я узнаю этотъ голосъ!... А, такъ это ты одѣлся Барбанерой, и совѣщался съ доминиканцемъ, въ полу-разрушенной хижинѣ!

— А, такъ это ты шпионилъ!

— Предатель!... Сюда! Сюда! Этотъ бездѣльникъ злоумышляетъ на графа.

И говоря это, Ренѣ схватилъ лѣвой рукою рыцаря; но тотъ, кинувъ копье, взялъ Ренѣ обѣими руками за ногу, приподнялъ его съ сѣдла и бросилъ на песокъ. Потомъ, пришиорилъ свою лошадь, перескакнулъ барьеръ и скрылся въ одну минуту. Оруженосецъ рыцаря послѣдовалъ его примѣру.

Когда волненіе толпы, произведенное этимъ случаемъ, поуспокоилось, приступили къ раздачѣ призовъ. Судіи турнира признали побѣдителями графа Вильгельма IV, гротъ-мейстера Генриха Дузмера, Деодата Веронскаго и Флерана де-Монфоръ; имена другихъ отличившихся рыцарей были провозглашены герольдами, и вслѣдъ за тѣмъ герольдмейстеръ объявилъ, что турниръ оконченъ, а сиръ де-Бомонъ, отъ имени графа, пригласилъ всѣхъ на ужинъ въ Фогельзангъ.

Сиръ д'Эльва, Мадзи и аббатъ, возвратясь домой, уже застали тамъ Серпа Аделена. Между ними начался разговоръ, который скоро склонился на предполагаемый бракъ Аделена съ Мадзи, и Декамская Роза сказала :

— Сиръ Аделенъ, я торжественно говорю, что ни за что на свѣтѣ не соглашусь быть вашей женою, пока вы не переѣните своего обращенія. Я желаю быть вашимъ другомъ, но это подъ условіемъ. Ваше поведеніе заслуживаетъ негодованья. Вы, я знаю, изъ-за меня оскорбили благороднаго рыцаря, а тѣмъ самымъ оскорбили и меня. Вы будете сражаться съ Деодатомъ Веронскимъ, потому что графъ поручилъ ему занять свое

гвсто; но, передъ началомъ поединка, вы скажете ему что отречаетесь отъ словъ, которыя вырвали у васъ гнѣвъ и ревность, и забываете обиду, которую онъ нанесъ вамъ.

— О, Мадзи, вы требуете ужъ слишкомъ многого! Какъ! я долженъ буду извиняться передъ Деодатомъ, когда щека моя горитъ еще отъ удара его перчатки?

— И вы Фризландецъ! И вы гордитесь своимъ прямоушемъ!... Или вы умѣете обижать, а не умѣете признаваться въ проступкѣ!...

— Хорошо, Мадзи, пусть будетъ такъ! Сегодня же, при васъ, я, по желанію вашему, извинюсь передъ Деодатомъ. Но зато и съ своей стороны предложу условіе. Сиръ д'Эльва разсудитъ, правъ ли я. Мое условіе:— по возвращеніи въ Фризландію отдайте мнѣ немедленно вашу руку, и позвольте нынѣшнимъ же вечеромъ, на праздникъ у графа, назвать васъ моею невестою.

— Мнѣ кажется, сказалъ ольдерманъ, что это предложеніе очень благоразумное, и положитъ конецъ всѣмъ недоумѣніямъ.

Мадзи поблѣднѣла. Она не ожидала подобнаго условія. Но сердце человѣческое создано такъ, что тѣмъ оно больше волнуется страстями, тѣмъ скорѣе рѣшается на крайнія мѣры. Мадзи собрала всѣ свои силы, протянула руку Аделену и проговорила:

— Извольте; я согласна.

— Богъ да благословитъ васъ, дѣти мои! вскричалъ д'Эльва, обнимая ихъ обоихъ. — Теперь, пойдемте приготовляться къ графскому пиру.

И покуда Сиза одѣвала Мадзи, Мадзи все думала о Деодатѣ.

Было шесть часовъ вечера. Аллеи и залы Фогельзана уже наполнены многочисленными гостями. Скоро

и графъ, се знаю святою пріяхаль туда. Видъ его былъ ираченъ, котя онъ и старался быть со всеми какъ-можно привѣливе.

Неудовольстіе Вильгельма IV происходило оттого что къ нему сейчасъ только прибылъ гонецъ изъ Утрехта, съ навѣстіемъ, что утрехтская область рѣшительно отказывается представлять ему какія бы ни было отчеты по дѣламъ своего внутренняго управленія. Графъ предался ужасному гнѣву, и немедленно отправилъ гонца обратно, съ объявленіемъ войны городу Утрехту.

Въ это-то время, когда гнѣвъ графа искалъ только случая вылиться, Аделенъ, ведя за руку Мадзи, и зинягъ оба его товарища-депутата, подошелъ къ нему и оказалъ :

— Вчера еще Мадзи Декама имѣла при дворѣ графа Голландіи человекъ съ пятьдесятъ обожателей; сегодня я представляю вамъ ее какъ мою невѣсту. — Жалѣю, продолжалъ онъ возвыся голосъ : что допустилъ себя быть обманутымъ нустой наружностью, что позволилъ себѣ оскорбить этого рыцаря, — и онъ указалъ на Деодата, который стоялъ недалеко, — и передъ всеми прошу у него извиненія. Мадзи мнѣ все объяснила, и я не храню къ нему ни малѣйшей злобы или ненависти. Наша сватъба будетъ немедленно по возвращеніи въ Фризландію; и, дай Богъ, чтобъ это случилось скорѣе!

Вильгельмъ IV слушалъ эту рѣчь молча, но не безъ явнаго нетерпѣнія. Помолвка Мадзи поперечила тоже одному изъ его намѣреній, а смѣлость, съ которою говорилъ фризландскій депутатъ, привѣла его въ ярость. Онъ сильно ударилъ тростью въ полъ, и бросивъ грозный взглядъ на Фризландца, вскричалъ :

— Клянусь святымъ Іаковомъ! Да увѣренъ ли ты, дерзскій Фризландецъ, въ своей жизни, что такъ самонадѣянно говоришь объ этой сватъбѣ, и назначаешь

ей время? Эта девушка еще не въ совершившихъ лѣтахъ, и притомъ сирота; какъ владѣтель Фризландіи, я ея законный попечитель, и ни кто не смѣетъ на ней безъ нашего соизволенія.

Онъ замолчалъ. Всѣ и самъ Серпъ Аделенъ, наумевшій такую нечаянной вспышкой, хранили глубокое молчаніе. Де-Бомонъ воспользовался этою минутою, чтобы шепнуть на-ухо племяннику:

— Воздержитесь.... Умѣрьте гѣвъ.... Не навлекайте на себя новыхъ враговъ въ теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ.

Но эти благоразумныя слова были какъ масло на огонь. Графъ вскричалъ:

— Къ чорту умѣренность!... Если бы я не далъ вамъ, Серпъ Аделенъ, моего рыцарскаго слова на завтрашній поединокъ, то вы ужъ были бы теперь на дорогѣ въ государственную тюрьму.

Между-тѣмъ Аделенъ успѣлъ уже оправиться отъ перваго впечатлѣнія; онъ быстро схватился за рукоять своего меча, какъ-бы готовясь защищаться; но д'Эльва оттолкнулъ Аделена и хладнокровно занялъ его мѣсто передъ графомъ.

— Ваша свѣтлость, сказалъ онъ спокойнымъ голосомъ: если Серпъ Аделенъ оскорбилъ васъ, то имъ далеки отъ того чтобы одобрять или даже извинять его поступокъ; но мы могли ожидать, что при дворѣ сына Вильгельма Добраго, совершеннѣйшаго изъ европейскихъ рыцарей, будемъ приняты съ гостепримствомъ, въ качествѣ приглащенныхъ гостей и въ званіи депутатовъ. Не находя этого гостепримства, мы удаляемся, чтобы не тревожить вашей свѣтлости.

— Оставайтесь, благородный д'Эльва, оставайтесь и вы, достопочтенный аббатъ, сказалъ сиръ де-Бомонъ: слова графа относятся не къ вамъ. — Благородный племянникъ мой, депутаты Фризландіи — ваши гости, и

вы не должны потерпеть, чтобы они увозили съ собою дурное имя и о вашемъ гостеприимствѣ.

— Не мы мншаемъ имъ пользоваться нашимъ гостеприимствомъ, отвѣчалъ графъ и удалился скорыми шагами.

Еще при первой вспышкѣ гнѣву графа, Мадзи отступила на нѣсколько шаговъ, и болѣе и болѣе испуганная громкимъ голосомъ его грозной рѣчи, выбѣжала въ садъ. Деодатъ нагналъ ее.

— Слово, одно только слово, Мадзи! сказалъ онъ ей: я чувствую, что теперь ни время, ни мѣсто; но крайность заставляетъ меня въ послѣдніе обезпечить васъ.

— Рыцарь, я невѣста Серпа Аделена, и не могу говорить съ вами.

— Одну минуту! Помните, что завтра я иду на смертный бой съ вашимъ женихомъ.

— Къ несчастію, правда... Нельзя ли какъ, чтобъ этотъ поединокъ не состоялся?

— Невозможно! Серпъ Аделенъ слишкомъ гордъ. Онъ оскорбилъ графа, и ни подъ какимъ видомъ не захочетъ извиниться. Я бы охотно отдалъ жизнь, лишь бы только не поднимать руки на милаго вамъ человека. Но теперь я уже стану биться съ нимъ не изъ-за мести за собственную обиду, а за честь графа, которую онъ въвѣрилъ моей чести и моему мужеству. Я бы покрылъ себя безславіемъ передъ лицомъ всего рыцарства, если бы отказался отъ этого поединка, если бы не исполнилъ своего дѣла какъ слѣдуетъ храброму рыцарю.... Теперь скажите, есть ли нѣ средство отказаться?

Мадзи не отвѣчала. Сердце ея обливалось кровью, но она поняла, что Деодатъ правъ, и потупила глаза.

— Въ этомъ-то и хотѣлъ я удостовѣрить васъ, для того чтобы завтра, когда начнется бой, вы не упрекнули меня за исполненіе моего долга.... Если судьба рѣ-

нить погибель Аделена, вы станете понавидеть, но не обвинять меня.

— О, если уверенность въ этомъ можетъ принести вамъ счастье....

— Я не знаю счастья, съ-тѣхъ-поръ какъ Аделенъ назвалъ васъ своею невѣстою.... Говорить ли мнѣ, что я люблю васъ? Развѣ вы этого не видите? Развѣ не съ перваго взгляду полюбилъ я? Развѣ эта любовь не слилась на вѣчно съ моимъ сердцемъ? Паду ли, останусь ли побѣдителемъ, а всё буду равно вамъ чуждъ, такъ гдѣ же мое счастье?

Между-тѣмъ продолжая идти, они приблизились къ чаще деревьевъ. Деодатъ, въ пылу страсти, взявъ руку Мадзи : она не отнимала ея, потому что вся кровь прилила къ сердцу, и бѣдная дѣвушка совсѣмъ потерялась.

— Ради Бога, рыцарь, вскричала она наконецъ : ради Бога, удалитесь ! Я не должна слушать васъ.... Насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.... Быть-можетъ, за нами присматриваютъ.... Ахъ!

И удушанный крикъ вырвался изъ ея груди : вслѣдъ за нимъ стоялъ Ренб, блѣдный, съ глазами сверкающими отъ ярости.

— Ты не станешь болѣе обманывать меня, другъ ложный и предатель ! вскричалъ онъ : вотъ возмездіе за твою лжъ.

И вонзилъ кинжалъ въ грудь Деодата.

Деодатъ зашатался, упалъ. Мадзи испустила пронзительный крикъ, бросилась къ нему и приняла въ свои объятія. Ставъ на одно колено, она, на другое, положила голову раненаго. Ренб выронилъ кинжалъ, и стоялъ неподвижно, какъ окаменѣлый.

— Братъ, ты оказалъ мнѣ услугу, проговорилъ Деодатъ, но лицу котораго уже разливалась смертная блѣдность : не отъ твоей бы руки должно было умереть.

рети мнѣ.... Спасайся, Ренó! бѣжи, спасайся!,... Теперь мнѣ смерть сладка!....

И его умирающій взоръ остановился на Мадзи съ выраженіемъ любви неизъяснимой; но взоръ этотъ скоро потухъ, голова рыцаря опустилась, какъ-будто смерть уже успѣла взять свою добычу.

Ренó закрылъ лицо обѣими руками и исчезъ въ чашѣ. Въ эту самую минуту подошелъ Аделенъ съ нѣсколькими рыцарями.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ: это что за извѣстіе! рыцарь въ объятіяхъ Мадзи!

— Помощи! ради неба, помощи! рыдала отчаянная Мадзи. Онъ умираетъ! Остановите убійцу! онъ побѣжалъ въ эту сторону.

— Кто убійца? спросило множество голосовъ.

— Ренó.

— Ренó! слышалось со всѣхъ сторонъ, и погоня бросилась въ чашу.

— Быть-можетъ мнѣ придется сказать ему спасибо, промолвилъ Серпъ Аделенъ холодно, но глухимъ голосомъ.

— Мадзи, дитя мое! говорилъ д'Эльва: удалимся отъ этого ужаснаго зрѣлища.

И онъ взялъ ее за руку.

— О! можетъ-быть еще есть надежда спасти его!

Дѣвушка приложила руку къ сердцу Деодата и вскричала:

— Бьется! Оно еще бьется.... Слава Богу!.... Врача, скорѣе врача!

— Что же адѣсь происходитъ? спросилъ графъ, прибѣгая на шумъ съ толпою рыцарей. Что вижу? Не лижалъ ли этого негодяя Фришландца моравилъ одного изъ моихъ храбрѣйшихъ рыцарей?

— Нѣтъ, отвѣчалъ де-Бомонъ, печально склоня голову: убійца бѣжалъ; за нимъ погнались. Но, прежде всего, надобно позаботиться о томъ, чтобы перенести

раненаго въ такое мѣсто, гдѣ бы можно было подать ему помощь.

Двое рыцарей подняли Деодата, который не показывалъ никакого признака жизни, и понесли въ павильонъ. Де-Бомонъ поддерживалъ ему голову, сирь д'Эльва шелъ рядомъ, графъ и всѣ рыцари слѣдовали за ними. Аделенъ остался одинъ съ Мадзи, которая не переставала рыдать.

— Что жъ, сказалъ онъ, насмѣшливо глядя на нее: что жъ вы найдете за тѣломъ вашего любовника.

— О, Серпъ Аделенъ, вы слишкомъ жестоки!

— Положимъ; но что я видѣлъ, то видѣлъ, и вотъ, возвращаю вамъ ваше слово и это обручальное кольцо.

Говоря, онъ снялъ кольцо, измялъ его зубами, съ презрѣньемъ кинулъ на землю, и быстро удалился.

Мадзи не трогалась съ мѣста.

Ренѣ былъ задержанъ въ то самое мгновеніе, когда уже садился на коня, чтобы скрыться бѣгствомъ. Онъ и не подумалъ заператься, и графъ немедленно отдалъ повелѣніе заключить преступника въ башню надъ павильономъ.

д'Эльва, проводивъ раненаго, поспѣшилъ къ Мадзи, и съ нѣжной заботливостью старался, сколько могъ, успокоить ее. Онъ приказалъ подать своихъ лошадей и увезъ домой несчастную дѣвушку.

На другой день, едва солнце показалось на горизонтѣ, необозримое множество народу собралось на площади, въ ожиданіи назначеннаго поединка. Носился слухъ, что рыцарь, избранный графомъ, раненъ; другіе даже говорили, что онъ убитъ; но какъ ни кто ни чего не зналъ навѣрное, а между-тѣмъ къ назначенному часу герольды заняли свои мѣста, то этому слуху и мало вѣрили. Дѣло въ томъ, что графъ и сирь де-Бомонъ, занятые Утрехтомъ и бѣдственнымъ собы-

тѣмъ въ Фогельзангѣ, совершенно забыли о поединкѣ, и не подумали о томъ, чтобы или назначить кого-нибудь на мѣсто Деодата, или не велѣть герольдамъ являться на мѣсто бою. Съ своей стороны, герольдмейстеръ Пэпаръ, который во всемъ дѣйствовалъ машинально, прибылъ тоже на ристалище, и ни мало не забываясь, явятся или не явятся ратоборцы, преспокойно прохаживался по аренѣ.

— Ёдетъ! ёдетъ! раздалось въ народѣ.

— Кто это, ёдетъ? спросилъ мейнгерь Николай у оружейника; который стоялъ возлѣ него.

— А фризландской-то рыцарь. Еще не далѣе какъ вчера я оттачивалъ ему эту съкиру, что, видишь, виситъ у сѣдла.

Дѣйствительно; на площади показался Сергъ Аделень, вооруженный съ головы до ногъ. Онъ подѣхалъ къ барьеру, и остановился.

— Вотъ неслыханная вещь! сказалъ Пэпаръ: одинъ изъ ратоборцевъ уже явился, а судей поединка еще нѣтъ!.... Мудреное дѣло! ей Богу, мудреное дѣло!....

— Но, сиръ герольдмейстеръ, замѣтилъ одинъ изъ герольдовъ: тутъ должно быть какое-нибудь недоразумѣнiе. Противникъ этого рыцаря вчера раненъ; вы это знаете также хорошо какъ и я.

— Какъ-будто графъ не назначитъ кого другаго!.... Полноте говорить пустяки, и ступайте, какъ водится, спросить у этого фризландскаго рыцаря, за чѣмъ онъ прѣхалъ?

Герольдъ не отвѣчалъ, подошелъ къ Серпу Аделену, и исполнилъ возложенную на себя обязанность.

— Я Сергъ Аделень, отвѣчалъ Фризландецъ, протвердя всю ночь этотъ отвѣтъ, сочиненный Сiаромъ: я прѣхалъ сюда на моемъ добромъ конѣ, вооруженный съ головы до ногъ, какъ прилично рыцарю, за тѣмъ, чтобы выйти на поединокъ, при равномъ оружii, согласно старинному мной вызову, съ Вильгельмомъ,

красою Голландій и Геннегау. Въ правды моего дела призываютъ свидѣтели Бога, Пресвятую Богородицу и, ангела моего, Святаго Николая; прошу, чтобы вы представили мнѣ мою долю мѣста, вѣтру, свѣту, и всего что нужно и полезно; и затѣмъ, съ помощію Божіей, Пресвятой Богородицы и, ангела моего, святаго Николая, я стану исполнять свое дело, пѣшій или конный, и тѣмъ оружіемъ, которое судьи послѣднихъ признаютъ приличнымъ.

Когда герольдъ повторилъ эту длинную рѣчь предъ Пэнаромъ, герольдмейстеръ приказалъ подать въ трубы сигналъ, чтобы извѣстить графскаго рыцаря о прибытіи Серпа Аделена. Трубачи трубили изъ всѣхъ силъ, но тщетно: ни кто не являлся.

— Надобно подождать, сказала Пэнаръ; противнику: преждеприбывшаго рыцаря дается, по уставу, три часа сроку; если три часа пройдутъ, а онъ не придетъ, то преждеприбывшій будетъ объявленъ побѣдителемъ.

Прошелъ часъ; прошелъ другой; ни кто не являлся. Народъ волновался и шумѣлъ. Небольшое число благородныхъ зрителей, собравшихся въ галерею, краснѣли отъ негодованія, и уже многіе начинали поговаривать, что, за неприбытіемъ избраннаго рыцаря, должно принять вызовъ которому-нибудь изъ нихъ.

Между-тѣмъ Серпъ Аделенъ, сколько отъ скуки, столько и изъ желанія досадить зрителямъ, задѣлъ себѣ изъ конца въ конецъ ристалища, приговаривая:

— Эй, вы, Голландцы! или струили передъ Фризландскимъ рыцаремъ?...

Проходилъ и третій часъ, какъ вдругъ раздались громкія рукоплесканія толпы и звуки трубъ: къ барьеру подвигалъ рыцарь въ доспѣхахъ безъ всякаго украшенія и безъ девиза. Герольдъ, посланный Пэнаромъ спросить у него, кто онъ и зачѣмъ дръгнулъ, дошелъ герольдмейстеру, что новоприбывшій рыцарь до-

назадъ ему, герольду, свое право быть допущену въ ристалище, но что по уважительнымъ причинамъ желаетъ скрыть свое имя.

— Хорошо! отвечалъ герольдмейстеръ: но кто же будетъ судьей поединка?

— А вотъ, очень кстати, командоръ ордена святаго Иоанна Иерусалимскаго: онъ имѣетъ право быть судьей.

Предложеніе это принято обоими ратоборцами: раздался громъ трубъ и поединокъ начался.

Рыцари сшиблись: конь незнакомца упалъ; Сергій Аделенъ выбитъ изъ седла. Рыцари взялись за спины.

Сергій Аделенъ съ яростью напалъ на противника; тотъ защищался хладнокровно и съ величайшимъ искусствомъ. Зрители ясно видѣли, что онъ сберегаетъ свои силы, и даетъ Аделену время утомиться. Такъ и случилось. Незнакомецъ скоро примѣтилъ, что удары, наносимые противникомъ, становятся и не такъ быстры и слабѣ: онъ ловко зацѣпилъ своей сѣкирой сѣкиру Аделена, рванулъ обѣими руками, и обезоружилъ Фризландца. Теперь, жизнь противника была въ его рукахъ, но онъ остановился неподвижно. Аделенъ, въ бѣшенствѣ отъ того, что далъ себя обезоружить, выхватилъ кинжалъ, но герольды бросились и разлучили соперниковъ. Судья поединка объявилъ, что Фризландецъ побѣжденъ, потому что жизнь дарована ему однимъ только великодушіемъ незнакомца.

Въ эту самую минуту къ барріеру прискакали во весь опоръ графъ Вильгельмъ IV въ полномъ вооруженіи, и съ нимъ множество рыцарей.

Послѣ праздника въ Фогельзангъ, графиня, почти со всѣмъ аворомъ, уѣхала въ Гаагу, куда и графъ расподгался отправиться на другой день. Между тѣмъ, размысливъ Нешмо, что по случаю войны съ Угрек-

томъ, ему не должно теперь навлекать на себя неудовольствій Фризландіи, графъ, лишь-только проснулся, приказалъ попросить къ себѣ фризландскихъ депутатовъ.

Едва отправилъ онъ за ними посланнаго, какъ его свѣдѣтели доложили, что Рено, неизвѣстно какимъ образомъ, скрылся изъ башни, несмотря на то, что къ ней былъ приставленъ крѣпкій караулъ и затворы найдены цѣлыми. Графъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ сира де-Бомонъ. Пажъ донесъ, что сиръ де-Бомонъ получилъ изъ Гарлема какое-то извѣстіе, и уже съ часъ времени какъ уѣхалъ туда съ своимъ оруженосцемъ.

Тутъ только Вильгельмъ IV вспомнилъ о назначенномъ поединкѣ.

— Честь наша потеряна, если мы не явимся по вызову, вскричалъ онъ въ ужасномъ волненіи.... Оружіе... Коня.... Оруженосцевъ....

Тщетно многіе рыцари умоляли графа дозволить имъ заступитъ его мѣсто; онъ ничего не слушалъ, вооружился, вскочилъ на коня и помчался къ Гарлему; рыцари и оруженосцы за нимъ.

— Э-э, любезный дядюшка! хорошо же вы поступили со мною! сказалъ графъ, сходя съ лошади и обнимая побѣдителя.

— Тс! отвѣчалъ де-Бомонъ: я хотѣлъ спасти честь нашего дому, но ни кому не должно знать, что подвергалъ опасности свою сѣдую голову противъ стриженной головы этого Фризландца.

Но слова графа были услышаны нѣкоторыми, и народъ съ восторгомъ закричалъ: «Де-Бомонъ! Да здравствуетъ сиръ де-Бомонъ!»

— Теперь, когда все кончилось благополучно, сказалъ графъ: мы какъ-можно скорѣе отправимся въ Гаагу. Но сначала простимся съ фризландскими депутатами.... Вѣдемъ.

Графъ повѣхалъ. Одинъ изъ его оруженосцевъ подѣ-

шелъ къ Аделену, который безмолвно, скрестя руки, стоялъ еще на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ обезоруженъ, и передалъ ему приказаніе его свѣтлости немедленно слѣдовать за нимъ во дворецъ. Серпъ Аделенъ повиновался. Сиръ д'Эльва и аббатъ уже дожидались графа.

— Депутаты Фризландіи, сказали намъ Вильгельмъ IV : дѣла наши принуждаютъ насъ ѣхать въ Гаагу. Однако же мы желаемъ предварительно объяснить вамъ наши намѣренія. Если вы расположены теперь же прислужить намъ, отъ имени дворянъ и городовъ Фризландіи, то мы забудемъ все прошедшее; если же нѣтъ, то ваше присутствіе здѣсь становится бесполезно : вы завтра же можете ѣхать и извѣстить своихъ соотечественниковъ, что они скоро получатъ отъ насъ новѣйшія болѣе подробныя.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ ольдерманъ : свободная Фризландія охотно бы признала васъ своимъ союзникомъ и покровителемъ; но не прійметъ приказаній ни отъ кого, кромѣ императора, своего законнаго государя. Впрочемъ, мы исполнимъ по вашей волѣ, и сообщимъ ваше желаніе нашимъ довѣрителямъ.

— Что касается до наследницы Декама, продолжалъ графъ, какъ-бы не обращая вниманія на отвѣтъ д'Эльвы : то мы доставимъ ей надежное убѣжище въ ринсбургской обители, покуда ей не съищется достойный мужъ. На этотъ счетъ мы уже отдали наши повелѣнія. Декамская Роза останется въ Голландіи... Вы, Серпъ Аделенъ, за свое дерзновенное нововеденіе, заслуживши быть лишены достоинства рыцаря и дворянина; но изъ уваженія къ вашему званію депутата, мы только навсегда лишаемъ васъ изъ нашихъ владѣній и повѣлимъ описать въ нашу казну всѣ ваши земли, замки и имущество.

— Увижу, возразилъ Аделенъ, кто прійдетъ за мною добромъ, и постараюсь угостить какъ-можно лучше.

На графа не слышать его словъ : онъ ушелъ во внутреннюю комнату.

Друзьяты, возвратясь въ командорственную обитель, немедленно занялись приготовлениями къ отъезду. Д'Эльва потребовалъ къ себѣ брата Сіара и, сообщивъ ему волю графа, просилъ совѣта, какъ бы изхитить Мадзи изъ его власти.

Доминиканецъ погрузился на нѣсколько минутъ въ глубокую думу, потомъ сказалъ :

— Есть средство. Намъ надобно, нынѣшнимъ же вечеромъ, съѣсть на судно, чтобы завтра, чуть свѣтъ, насъ уже не было на Спаарѣ. Между-тѣмъ встрѣить Мадзи надежному челомъ; она должна переодѣться, она также, и проводить ее, черезъ Утрехтъ на Гардерикъ, гдѣ мы будемъ ждать ихъ.

Совѣтъ этотъ одобренъ всеми, и Мадзи ввѣрена самому доминиканцу.

Братъ Сіаръ купилъ у жены Вальтера, которая уже не чаяла возвращенія мужа, праздничную пару платья шелкаго ; Декамская Роза одѣлась крестьянкой ; они пустились въ путь. Только прощаясь съ ольдерманомъ, Мадзи рѣшилась шепнуть ему :

— Каковъ раненый ?

— Живъ, отвѣчалъ д'Эльва : но, дитя мое, забудь о немъ, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Мадзи съ выраженіемъ благодарности взглянула на небо : онъ живъ, но живетъ не для тебя. Декама не можетъ выйти за-вѣтъ иначе какъ за Фризландца. Если Аделей такъ боится, что отказался отъ твоей руки, то найдетсѣ много другихъ достойныхъ людей.... Побѣзжай съ Богомъ, и да Господь хранитъ тебя !

Сіаро увидѣвъ на дѣлѣ какъ полезенъ былъ планъ, предложенный Сіаромъ. Едва онъ и Мадзи успѣли убраться, какъ отрядъ графскихъ войскъ окружилъ древнюю обитель кавалеровъ Святаго Іоанна Иерусалимскаго. Начальникъ его потребовалъ, именемъ графа, вы-

дачи воспитанницы сира д'Эльвы. На отвѣтъ, что она уже уѣхала въ Фризландію, обитель была обыскана, и отрядъ, не найдя Мадзи, возвратился въ Гарлемъ.

Между-тѣмъ бѣглецы достигли къ вечеру утрехтской области и остановились отдохнуть и покормить лошадей въ деревнѣ Плазвикъ.

Въ небольшой деревнѣ Плазвикъ, въ очень близкомъ разстояніи отъ замка Нейштейна, путешественники нашли чистую гостиницу. Но она вся была занята врозьжими. Сіаръ съ великимъ трудомъ могъ достать комнатку на чердакъ для Мадзи, а самъ нашелся принужденнымъ ночевать въ конюшнѣ.

Пожелавъ спокойной ночи своей спутницѣ, доминиканецъ сошелъ въ общую залу, и сѣлъ въ углу, за маленькій столъ.

Въ этой залѣ Сіаръ встрѣтилъ общество. Передъ огнемъ очага сидѣли два человѣка, которыхъ бы по ихъ одеждѣ можно принять за путешествующихъ мелочныхъ торговцевъ, да еще человѣкъ, одѣтый по-военному. Четвертый ихъ собесѣдникъ лежалъ протянувшись на лавкѣ и, казалось, спалъ; онъ былъ весь укутанъ плащомъ.

Когда Сіаръ помѣстился въ углу, человѣкъ, одѣтый по-военному, обратился къ нему съ вопросомъ :

— Что, дядя! за чѣмъ сюда? кого надобно?

— Надобно бы человѣка, который не надобдалъ мнѣ вопросамъ, отвѣчалъ доминиканецъ.

— Видишь, какъ отвѣчаетъ! Поучиться бы ему въжливости у моей обезьяны! замѣтилъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ мы приняли-было за мелочныхъ торговцевъ, и въ которыхъ читатель узнаетъ теперь наипа Дамьяна и хозяина его Барбанеру-Несравненнаго.

— Чѣмъ намъ де этого неуча! сказала военный: луч-

не бойтесь; посмотрите на девушку, которая, я вижу, съ нимъ пришла.

— Позвольте, позвольте, друзья мои! возразилъ Сіаръ, стоявъ въ дверяхъ: я, правда, старъ и не привыченъ драться; однако жъ, если кто изъ васъ осмѣлится обесчестить мою племянницу, то дорого заплатится за это.

И онъ взялся за рукоять длинной шпаги, прицепленной у него съ боку.

— Какъ, чортъ возьми! вскричалъ военный: да гдѣ это ты подцѣпилъ мое платье?... На тебѣ, съ головы до ногу, все мое.

Эти слова не только не смутили Сіара, но еще придали ему больше смѣлости.

— Ты Вальтеръ, сказалъ онъ лѣсническому.

Это и точно былъ Вальтеръ, который, полагая что убилъ жену, бѣжалъ изъ своей хижины, въ то время какъ Ренó и Деодатъ къ ней подъѣхали. Онъ же укралъ ихъ лошадей, прискакалъ въ Лейденъ, и черезъ два дня продалъ ихъ рыцарю краснаго-орла, который, узнавъ, что бывший графскій лѣсничій собирается вступить въ военную службу въ Утрехтъ, далъ ему рекомендательное письмо къ Роберту д'Аркль, а тотъ, принявъ его въ число своихъ воиновъ, отправилъ съ какими-то бумагами въ замокъ Нейштейнъ.

— Убийца! грозно проговорилъ доминиканецъ: трепещи! кровь требуетъ крови, и ты нигдѣ не укроешься отъ наказанія.

Вальтеръ смутился и молчалъ.

— Слушай же, продолжалъ Сіаръ: я иду сейчасъ въ замокъ Нейштейнъ; будь тому, кто осмѣлится нанести хоть малѣйшее неудовольствіе моей племянницѣ!... Прощайте, да помните, что сказалъ.

Когда доминиканецъ ушелъ, Вальтеръ сталъ посмѣяться и проговорилъ:

— Плевать я хотѣлъ на его угрозы!... Да и въ замкѣ-то никого нѣтъ, кромѣ старика Петра.

— Не правда, возразилъ Барбизера: я знаю, что вчера вечеромъ прѣвхалъ въ Нейшгейнъ рыцарь краснаго орла.

При этихъ словахъ, путешественникъ, который казался спать, пошевелился.

— Чортъ-знаетъ, сказалъ Вальтеръ, указывая на него: не изъ графскихъ ли это шпионовъ!... Постой, я его неподчую виномъ.

И онъ подошелъ къ лежащему; тотъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, сбросилъ плащъ, и Вальтеръ отшатнулся, узнавъ рыцаря Ренѣ Веронскаго.

— Бездѣльникъ! вскричалъ Ренѣ: развѣ ты ужъ никого не можешь оставлять въ покоѣ?... Пошелъ вонъ.

Вальтеръ повиновался; онъ вышелъ въ другую комнату, легъ и захрапѣлъ. Дамьянъ сдѣлалъ тоже, и Барбанера хотѣлъ послѣдовать ихъ примѣру; но Ренѣ удержалъ его за руку.

— Ты еще не кончилъ мнѣ своего разсказа, сказалъ онъ: Деодатъ спитъ и не проснется..... Какъ думаешь, Паоло, если я сдѣлалъ то, чего никогда не считалъ возможнымъ; если я убилъ лучшаго моего друга, то неужели стану шутить съ такимъ мерзавцомъ, какъ ты?

Паоло подумалъ съ минуту, и видя, что рыцарь поступаетъ рѣшительно, обѣщалъ разсказать все, что знаетъ самъ.

Братъ Сіаръ приблизился къ замку, перешелъ по опущенному подъемному мосту, и затрубилъ въ рогъ, висѣвшій у воротъ.

Черезъ несколько минутъ, въ одной изъ бойницъ появилась голова сторожа.

— Я желаю, сказалъ доминиканецъ, переговорить съ рыцаремъ, который вчера прѣхалъ сюда.

— Богъ съ тобою, любезный! отвѣчалъ сторожъ: рыцарь сегодня рано уѣхалъ.

— Однако же, онъ увѣрялъ меня, что никогда не откажетъ въ свиданіи, если попрошу его именемъ Святаго Мартина.

Голова сторожа исчезла изъ отверстія бойницы, и вскоре стукъ ключей возвѣстилъ, что ворота отпираются.

Сиръ, вслѣдъ за сторожемъ, прошелъ черезъ поросній травую дворъ, потомъ они взобрались по лѣстницамъ и переходамъ на третій этажъ замка, и остановились передъ дверью, въ которую постучались.

— Войди, сказалъ голосъ.

Доминиканецъ вошелъ. Въ комнату, за столомъ забросаннымъ бумагами, сидѣлъ рыцарь краснаго ордена и что-то писалъ. Онъ былъ уже не въ платьѣ Барбанае, какъ мы видѣли его въ первый разъ въ полу-разрушившейся хижинѣ, гдѣ подглядывалъ его Рено, и не въ рыцарскія доспѣхахъ, какъ на турниръ въ Гарлемъ: на немъ была широкая одежда изъ дорогой ткани, что въ родъ рясы.

— Отъ кого ты? спросилъ онъ, взглянувъ на доминиканца, котораго не узналъ, и опять принялся писать.

— Отъ самаго себя, отвѣчалъ Сиръ.

— Клянусь святымъ Мартиномъ!... Да это ты, братъ Сиръ!... Скажи, ради Господа, что новаго?

— Минуты теперь дороги. Я принесъ вамъ важныя свѣдѣнія. Графъ непріязненно отпустилъ депутатовъ. Есть сомнѣнія, что Фризландія возьмется за оружіе.

— Тѣмъ лучше! Утрехтъ получить вспомогательное войско.

— Есть. Вы всё-еще худо знаете Фризландцевъ. Они

готовы положить свои головы, но не за Утрехтъ, а за свою независимость, и ни одинъ изъ Фризландскихъ дворянъ не согласится служить подъ начальствомъ чужеземца.

— Не знаю еще, кому утрехтская область вѣрить начальство надъ своимъ войскомъ, но увѣремъ, что во всякомъ случаѣ, Фризландцамъ было бы предоставлено право сражаться подъ собственнымъ знаменемъ.

— Какъ! вскричалъ Сіаръ съ видимымъ изумленіемъ: развѣ вы не сами будете предводительствовать войскомъ?

— Братъ, вы забываете, что утрехтскій епископъ находится въ Гренобль, а онъ только одинъ и можетъ быть начальникомъ воиновъ.

— Боже мой! до шутокъ ли теперь? возразилъ Сіаръ, считая невѣроятнымъ, чтобы человекъ, который возжегъ войну, остался въ бездѣйствіи въ самое рѣшительное время. Вы, или испытываете мою провидательность, или ваши слова противорѣчатъ вашимъ поступкамъ.

— Ни то, ни другое. Я очень хорошо знаю, что если прійму въ эту минуту начальство надъ моими вассалами, то одно уже мое имя, на первой перъ, подѣйствуетъ на нихъ какъ талисманъ. Но при малѣйшей неудачѣ поднимется ропотъ, и Богъ-знаетъ въ чемъ не станутъ обвинять меня.... Нѣтъ! Если я сброшу маску, то это уже въ то время, когда буду имѣть надежду на успѣхъ.

— Но въ случаѣ, если Вильгельмъ IV овладѣетъ Утрехтомъ?

— И тогда все пойдетъ хорошо. Не принимавъ личнаго участія въ войнѣ, утрехтскій прелатъ явится примирителемъ враждующихъ сторонъ, и народъ благословитъ мое имя.

Нечего сказывать, что Сіаръ говорилъ съ самимъ Іоанномъ д'Аркель, епископомъ утрехтскимъ.

— «Однѣко-оно, я думаю, сказать доминиканцамъ, что мнѣ скоро придется сбросить маску».

— Это почему?

— Потому что мнѣ преемственныя дѣла не пожелать на дѣло оставаться тайною: Барбанера и его паяцы не заслушиваютъ ни какой доверливости: они продадутъ мнѣ секретъ на весь золота.

— Паяць ничего не знаетъ, а Барбанера служилъ мнѣ покуда былъ нуженъ; теперь я возьму мѣры, чтобы онъ не могъ повредить мнѣ.

— Я также видѣлъ въ деревенской гостинницѣ чье-то имя, по имени Вальтера, который знаетъ больше чѣмъ бы надобно...

— Онъ ни-чего не знаетъ, кромѣ рыцаря краснаго орла.

— Слухи въ замкѣ, и поселяне, которые васъ видѣли...

— Слухъ въ замкѣ нѣтъ, кромѣ одного старика Петра, а этотъ мнѣ не поминать; а поселяне, какъ и мои оруженосцы, полагаютъ, что я одинъ изъ вассаловъ епископства.

— Но если Голландцы овладѣютъ этимъ замкомъ?

— Я не остаюсь въ немъ. Буду инкогнито въ Утрехтъ...

Братъ Сіаръ, я надѣюсь соединить подъ своей властью весь Зудерзей.

— Не думаю, чтобы Фризландія признала надъ собою вашу власть, другую кромѣ духовной.

— Такъ развѣ вы уже не хотите быть моими союзниками... Зато я помогу вамъ противъ графа.... Подумайте о моихъ предложеніяхъ, и завтра поутру вы будете другаго мнѣнія....

Прелатъ свиснулъ въ серебряный свистокъ. Петръ вошелъ.

— Проводи этого челоуька, сказалъ д'Аркель: и смотри, чтобы вездѣ было хорошенько заперто.

Возвращаясь въ гостинницу, Сіаръ призадумался; онъ увидѣлъ наконецъ, что какъ ни считалъ Іванна

д'Аркедь дождкомысленнымъ, а всё-еще онъ сивникомъ хитръ въ отношеніи къ нему, смѣтливому доминиканцу.

Освѣдомясь отъ служанки гостиницы о Мадзи, и узнавъ, что она спокойно уснула, Сіаръ расположился въ конюшнѣ на соломѣ, но не могъ уснуть ранее какъ на свѣту.

Когда братъ Сіаръ проснулся, солнце уже было высоко, Онъ посидѣлъ въ гостиницу, и спросилъ хозяйку позвать Мадзи, которую называлъ своей племянницей. Исполняя его желаніе, хозяйка пошла вверху, но черезъ минуту возвратилась вся блѣдная и перепуганная.

— Помогите! поскорѣй помогите! вошла она: на постель вашей племянницы спитъ чортъ.

— Что ты мелешь? сердито сказалъ Сіаръ.

— Говорятъ вамъ, что чортъ унесъ вашу племянницу, и самъ легъ на ея мѣсто.

Быстро побѣжалъ доминиканецъ по лѣстницѣ; за нимъ хозяйка, служанка, конюхъ и паяцъ, которые однако жъ остановились у дверей Мадзиной комнаты, не смѣя войти.

Сіаръ дѣйствительно увидѣлъ на постель, приготовленной для Мадзи, какое-то мохнатое существо, и тотчасъ узналъ Сезара; онъ взялъ обезьяну, и кинулъ ее Дамьяну, вскричавъ:

— Вотъ вашъ чортъ... Гдѣ моя племянница?... Гдѣ моя племянница? повторилъ онъ обращаясь къ хозяйкѣ гостиницы, и глаза его сверкали какъ раскаленные угли.

— Господи Боже мой! да я-то почему знаю?... Быть-можетъ она уѣхала съ тѣмъ молодымъ человекомъ, который отправился куда-то вмѣстѣ съ Барбанерей.

— Они пойдутъ въ замокъ, сказалъ паяцъ, и не замед-

лать возвратиться..... Да ваша племянница должна быть лунатикъ, потому-что рыцарь Ренё очень ясно видѣлъ, какъ она прошла мимо замка; онъ было и пошелъ за ней, да она убѣжала.

— Рыцарь Ренё! вскричалъ Сіаръ: а! теперь я начинаю догадываться.... Такъ этотъ человекъ, что демайтъ на лавкѣ, Ренё Веронскій!...

Въ это самое время на дворъ гостиницы възвало множество всадниковъ, и общее вниманіе было отвлечено отъ странной пропажи дѣвушки. Между-тѣмъ мы объяснимъ читателямъ какимъ образомъ она случилась.

Когда Мадзи уснула въ своей комнаткѣ, ей, около полуночи, приснился такой страшный сонъ, она видѣла во снѣ такое странное, мохнатое, животное, что проснулась въ испугъ. Но каковъ же былъ ея ужасъ, когда, уже не во снѣ, а на яву, увидѣла это самое животное! Мадзи вскрикнула, соскочила съ кровати и побѣжала внизъ по лѣстницѣ; и что же случилось съ нею, когда, пробѣгая по одной изъ нижнихъ комнатъ, вдругъ увидала передъ собой убійцу Деодата!....

Бѣдная дѣвушка бросилась на улицу; бѣжала, бѣжала, и наконецъ, лишенная силъ и чувствъ, безъ памяти ринулась на землю.

Но мы должны оставить ее на время, чтобы возвратиться къ утрехтскому прелату.

Іоаннъ д'Аркель, отпустивъ Сіара, легъ-было уснуть, но тревожное состояніе мыслей не давало ему покою: онъ всталъ и сѣлъ подъ открытымъ окномъ. Взоръ его блуждалъ по окрестностямъ, и вдругъ замѣтилъ человѣческую фигуру, распростертую на песчаной дорогѣ, востъ самыхъ стѣнъ замка. Первая мысль его была та, что это шпионъ; но всматриваясь внимательнѣе, онъ увидѣлъ, что это женщина, позвалъ своего вернаго Петра и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ за стѣны замка. При близкомъ взглядѣ на дѣвушку, демащую безъ;

чувства, и Армель не могъ не увидѣть, что она красавица; но былъ далеко отъ того, чтобы подозрѣвать въ ней прелестную Декамскую Розу, о которой столько слышался. Онъ бережно приподнималъ ее и, съ помощью Петра, принесть въ замокъ.

Прошло нѣсколько времени; дѣвушка опамтвовалась.

— Гдѣ я? спросила она озираясь.

— Не бойтесь ничего; отвѣчая д-Аркель: вы безопасны.

— Какъ и очутились здѣсь?... Гдѣ братъ Сіарв?

— И дѣвушка впала въ сильный бредъ горячки.

Иоанну д-Аркель было едва двадцать шесть лѣтъ отъ роду; и красота незнакомки сдѣлала сильное впечатлѣніе на сердце молодато чловзка. Конечно, онъ былъ нечакото характера, чтобы прожвнять свои существенныя выгоды на пару прекрасныхъ глазъ, но и любилъ пользоваться такими случаями, какъ тотъ, который теперь такъ нечаянно представлялся ему. Вызвавъ Петра въ другую комнату; онъ сказалъ:

— Поди, осмотри нашу старую карету; можетъ случиться, что она намъ понадобится.

Потомъ д-Аркель снова возвратился къ Мадзи, которую всячески старался успокоить, увѣряя, что подъ его покровительствомъ ей вовсе нечего опасаться.

Д-Аркель располагался было подолбе договорить съ дѣвушкой, какъ у воротъ раздался звукъ рога, и Петръ пришелъ доложить, что какой-то неизвѣстный ему человекъ желаетъ видѣться съ рыцаремъ краснаго-орда.

Предать вышелъ въ свой кабинетъ, надѣлъ широкій плащъ, наденлъ большой фальшивый носъ, подвязалъ длинную бороду, словомъ, преобразился въ Барбанеру.

— Я не жду ни кого сегодня... Кто бы это?... Но если онъ дастъ ловунгъ, впусти.

Черезъ нѣсколько минутъ, передъ д-Аркеля явился Рендъ, и сталъ на порогъ, отъ изумленія, что видитъ не

редъ собой Барбанеру, котораго только что оставилъ за стѣнами замка. Но онъ уже прежде имѣлъ некоторое сомнѣнiе на счетъ этого сходства.

— Этотъ маскерадный костюмъ не поможетъ вамъ, рыцарь ; сказалъ Ренó : онъ не помѣшаетъ мнѣ узнать въ васъ моего противника на турнирѣ.

— Клянусь Богомъ ! вскричалъ д'Аркель, срывая наглядной носъ и подвязную бороду: вы тотъ самый рыцарь, что хотѣли-было задержать меня наканунѣ вора.

— Точно такъ. Но обстоятельства, которыя бы должно было рассказывать, принудили меня оставить службу графа Голландскаго. Я желаю стать подъ знамена города Утрехта, а говорятъ, что въ этомъ случаѣ вы можете мнѣ быть полезны.

— Я!... Какая же сорóка проболтала вамъ это ? съ живостью спросилъ д'Аркель.

— Человѣкъ, который, кажется, пользуется вашею довѣренностью.... именно, шарлатанъ Барбанера.

— Вотъ, нашли мнѣ повѣреннаго!... А это онъ же передалъ вамъ лозунгъ?... Что еще говорилъ онъ вамъ.

— Многое обо мнѣ: объ васъ — ничего.

— А!... Какъ ваше имя, рыцарь?

— Теперь, покуда, Ренó Веронскій, но скоро надѣюсь принять другое, по-извѣстнѣе.

— Право!... И вы хотите служить подъ утрехтскими знаменами?

— Да, быть-можетъ.... Это будетъ зависеть отъ обстоятельствъ.

— Поэтому вы оставляете знамена храбраго Вильгельма IV, и идете служить безсильнымъ монахамъ?

— Я хочу служить епископу Юанну д'Аркель.

— Кто поручится за епископа, который теперь изгнать Франціи.

— Онъ самъ, и теперь же, если захочетъ.

— Несчастивый! вскричалъ д'Аркель, хратаясь за книжку. Какъ знаешь льва, и осмѣливаешься явиться въ его логовище!

— Отчего жь и не осмѣлиться, если за мной гонится тотъ же охотникъ, что и за нимъ?

— Где доказательства?

— Вотъ кровь... Это кровь Деодата, моего друга... Вильгельмъ IV требуетъ моей головы.

— Надѣюсь, что эта кровь пролита на поединкъ... и все таки жалко о расѣ.

Рено, побивъ языкъ и прикусилъ губы. Къ его счастью вышелъ Петръ, и на ухо сказалъ господину, что Барбанера желаетъ съ нимъ видѣться.

— Сейчасъ иду... Да, рыцарь Рено, ваше поведение на турниръ свидѣтельствуеетъ о вашей храбрости и я готовъ имѣть къ вамъ довѣріе. Вы сегодня же поѣдете со мною въ Утрехтъ, и мы поговоримъ дорогою. Теперь, сдѣлайте одолженіе, подождите меня здѣсь.

Онъ вышелъ и заперъ дверь на ключъ.

— Э-э, думалъ предать: такъ ты, мейнгерь Барбанера, болтаешь про мои тайны! Ладно! Мы примемъ мѣры, чтобы ты былъ поскромнѣе. — Ну, что скажешь? спросилъ онъ Барбанеру, который ожидалъ его въ одной изъ комнатъ нижняго этажа.

— Являюсь за приказаніями вашего степенства. Утрехтскія войска будутъ скоро здѣсь, и я думалъ, что мнѣ должно повидаться съ вами прежде чѣмъ они займутъ замокъ.

— Такъ! А тайны мои тебѣ тоже должно было разсказывать всякому встречному, какъ на примѣръ Рено?

— Я ничего ему не разсказывалъ: онъ самъ зналъ все и потому-то я считалъ за лучшее предать его въ ваши руки.

— А какъ ты знаешь этого рыцаря?

— Я знаю его болѣе, чѣмъ самъ онъ знаетъ себя...

А какъ, ваше степенство, что бы вы дали, если бы я доставлялъ вамъ между знатными Фризландцами такого пріятеля, на благодарность котораго вы бы могли возложиться?

— Славное бы дѣло!... Да что тутъ общаго съ рыцаремъ Рено?

— А то, во-первыхъ, что Рено предательски убилъ Додата, и, слѣдственно, будетъ искать у васъ убъжшица; а во-вторыхъ, что онъ единственный сынъ сира д'Эльва.

— Вотъ вздоръ!..... Рено такой же Италіанецъ какъ ты.

— Но матери, а не по отцу; я могу представить очевидныя доказательства, что Рено сынъ левварденскаго ольдермана..... Какъ по-вашему? чего стоитъ такая тайна?

— Золота, чистаго золота!... Говорилъ ли ты ему объ этомъ?

— Не больше того, сколько было нужно.

— Хорошо! Мы поговоримъ объ этомъ послѣ; а теперь, сходи, тамъ вверху есть дѣвушка, которая чувствуетъ себя не очень здоровою. Посмотри только, больна она или нѣтъ, и можно ли ее перевезти въ Утрехтъ.

Барбанера пошелъ и скоро возвратился.

— Можетъ ѣхать, сказалъ онъ прелату. А знаете вы, кто эта дѣвушка?

— Если не ошибаюсь, такъ Фризландка.... родственница брата Сиара.... или что-то въ этомъ родѣ.

— Да, точно, Фризландка; но это невеста Серпа Адельса, питомица сира д'Эльва, Мадзи, Декасская Роза.

— Быть не можетъ.

— Я, что взглянулъ, такъ и узналъ ее, и....

Барбанера былъ прерванъ повтореннымъ звукомъ рта:

— Чертъ возьми! вскричалъ д'Аржелъ, выглядывая

сквозь бойницу: это прищель твой палец; за нимъ по-
одалъ двое военныхъ, а еще дальше братъ Сяръ... Ей,
Петръ, впускай ихъ по одиначку.

Вошелъ Дамьянь, и возвѣстилъ, что отрядъ утрехт-
скихъ войскъ идетъ занять замокъ. За палкомъ Петръ
ввелъ двухъ военныхъ, которые посланы были отъ
этого отряда, уже прибывшаго въ деревню Плаванкъ,
узнать, когда имъ вступать въ Нейштейнъ: Иоаннъ
д'Аркель отвѣчалъ, что войско можетъ занять замокъ
не раньше какъ въ часъ по полудни, и посланные ушли.

— Теперь, Петръ, позови брата Сяра. — Слушай Бар-
банера: Сяръ мнѣ измѣняетъ. Подстереги его какъ онъ
выйдетъ отъ меня, обещай возвратить ему Мадан, за-
мани въ подземелье, и запри въ одну изъ темницъ.

— Какъ! вскричалъ до крайности изумленный шар-
танъ.

— Чтѣ, развѣ ты не понялъ?... Да, а гдѣ жъ твои дока-
зательства о происхожденіи Рено?

— Эта тайна стоитъ золота, и никто, кромѣ меня, не
знаетъ ея.

— На, на; вотъ тебѣ золота, сказалъ д'Аркель, пода-
вая Барбанеру кошелекъ, полный денегъ: теперь, гово-
ри скорѣе; мнѣ нѣкогда терять времени.

— Вотъ письмо БIANКИ ди Салерно, законной жены
сира д'Эльва, матери Рено, которымъ она поручала
сына своего попеченіямъ Карло делья Скала, и вотъ
кольцо, которымъ сиръ д'Эльва обручался съ нею.
Остальное все знаетъ Рено.

— Хорошо! сказалъ д'Аркель положить въ карманъ
письмо и кольцо. Теперь, скажи Петру, чтобы вну-
стлѣ доминиканца.

Барбанера пошелъ, разсуждая про себя: «*Sic vos non
vobis*, его степенство думалъ надуть меня и одинъ вос-
пользоваться моей тайной; да я себя на умѣ не от-
далъ ему важнѣйшей бумаги, такъ все-таки возьму что
нибудь и съ ольдермана.»

И рассуждая такимъ образомъ, онъ сошелъ на низъ лестницы, чтобы дождаться тамъ доминиканца.

— Ну что, любезный братъ, спросилъ д'Аркель Сіарра, когда тотъ явился къ нему: подумали ли вы о нашихъ предложеніяхъ?... Но, что съ вами случилось?... Вы страшно блѣдны и, кажется, ужасно разстроены.

— Бѣда, совершенная бѣда! Я взялъ на себя провожать Декасскую Розу до Гардерики, гдѣ ее ожидаетъ сиръ д'Эльва, а она нынѣшнею ночью исчезла изъ гостиной.

— Удивительно!

— Ради Бога, употребите вашу власть, чтобы отыскать ее.

— Да, время мнѣ заниматься такими пустяками!

— Если въ васъ есть честь, совѣсть....

— Убирайся съ этимъ вздоромъ; говорятъ, мнѣ некогда.

— А, если такъ!.. Хорошо, я уйду, но, видитъ Богъ! Я блѣдный, простой доминиканецъ, а не хотѣлъ бы быть на вашемъ мѣстѣ.

Сказавъ это, Сіарръ вышелъ. Сходя по лестницѣ, онъ слышалъ, что кто-то называлъ его по имени, и оглянулся: человекъ, котораго Сіарръ не могъ разглядѣть, потому что онъ скрывался подъ темнымъ сводомъ, сдѣлалъ ему знакъ приблизиться.

— Чего тебѣ? спросилъ Сіарръ. Говори скорѣй: мнѣ каждая минута дорога.

— Тс! тише!... Вы ищете Декасскую Розу?... Дайте руку и ступайте за мной: я провожу васъ къ ней.... — Теперь, подождите тутъ, сказалъ Барбанера, войдя въ одну изъ подземныхъ темницъ: я приведу ее къ вамъ.

— Оставайтесь тутъ оба до втораго пришествія! вскричалъ д'Аркель, который скрытно слѣдовалъ за ними и, захлопнувъ дверь въ подземелье, заперъ ихъ. — Хорошо! По-крайней-мѣрѣ этихъ двоихъ ужъ нечего опасаться.

Потомъ Іоаннъ д'Аркель призвалъ къ себѣ Дамьяна, который явился съ узломъ въ рукахъ.

— Что у тебя за узелъ? спросилъ прелатъ.

— А это платье той дѣвушки, что нынѣшнею ночью пропала изъ гостинницы. Мнѣ хозяинъ велѣлъ постараться захватить этотъ узелокъ: я и спроворилъ; да вотъ еще нашелъ и эту штучку.

И онъ показалъ золотую булавку съ крупной жемчужиной, осыпанной дорогими камнями.

Въ умѣ д'Аркеля тотчасъ родилась свѣтлая мысль.

— Послушай, Дамьянъ, сказалъ онъ: возьми эту булавку, садись на своего осла, и отправляйся какъ-можешь скорѣе въ Гардервикъ. Ты застанешь тамъ сира д'Эльва и другихъ фризландскихъ депутатовъ, которые ждутъ тебя той дѣвушки, что была съ братомъ Сіаромъ. Ты скажешь имъ, что графъ Вильгельмъ захватилъ и доминиканца и дѣвушку; что ты ее видѣлъ, говорилъ съ нею; что она велѣла тебѣ ѣхать къ нимъ, просить отмстить за нее, и что зато подарила эту булавку. Если ты скоро и ловко исполнишь это порученіе, отъ награды тебя какъ и не чаешь.

— Да вѣдь тутъ нѣтъ ни одного слова правды, а у Серпа Аделена такой длинный мечъ, что онъ какъ-разъ посадитъ меня на него какъ рѣпу.

— Полно, Дамьянъ, имъ и въ голову не придетъ, что ты ихъ обманываешь. Помилуй, развѣ я не знаю какой ты мастеръ морочить? Развѣ я не знаю, что ты умнѣе всѣхъ этихъ ротозѣевъ?

Дамьянъ не могъ устоять противъ лести, взялся исполнить желаніе д'Аркеля, и тотчасъ же повхалъ, рѣзвѣтся, взявъ съ собою Сезара.

Отправивъ паяца, д'Аркель пошелъ къ Мадзи и, утѣривъ ее, что Сіара ни гдѣ не отыскали, а только принесли изъ гостинницы узелъ съ ея платьемъ, уговорилъ ѣхать подъ своимъ покровительствомъ, обещая, что проводитъ ее; куда ей будетъ угодно.

— Если вы такъ добры, сказала Мадзи, то я поручу себя вашему покровительству, и расскажу все, что до меня касается.

Декамская роза рассказала ему, что знаетъ читатель, и что уже зналъ д'Аркель, но слушалъ будто за поношь.

— Такъ до свиданія, благородная Мадзи, сказалъ онъ: яму все приготовить къ вашему отъезду.

Прелатъ въ самую пору вошелъ въ комнату, гдѣ оставался Ренó. Соскучившись такъ долго быть въ заперти, рыцарь только что хотѣлъ попробовать отбить замокъ киваломъ.

— Извините, сказалъ д'Аркель: у меня было тма гдѣ. Теперь я весь къ вашимъ услугамъ, тѣмъ болѣе, что, если позволите, я возвращу вамъ вашу лошадь и предложу надѣть доспѣхи рыцаря краснаго-орла, а самъ займу мѣсто вашего оруженосца. Эта перемѣна между будетъ не бесполезна и для васъ, потому что и въ утрехтской области могутъ съискаться люди, которые захотятъ отмстить за убійство Деодата.

— За убійство! вскричалъ Ренó, поблѣднѣвъ какъ сурецъ: кто могъ сказать вамъ это?

— Объ этомъ поговоримъ дорогою, а теперь, пора сблѣднѣть.

Онъ подалъ Ренó доспѣхи рыцаря краснаго-орла, самъ одѣлся простымъ оруженосцемъ. Потомъ д'Аркель пошелъ къ Мадзи, помогъ ей сойти на дворъ замока, посадилъ въ карету, закрытую такимъ образомъ, что въ нее нельзя было заглянуть снаружи, сдѣлалъ за собою прибывшему отряду утрехтскихъ войскъ, сѣлъ на лошадь также какъ Ренó, и всѣ пустились въ путь. Только когда Петръ подошелъ къ нему проститься, онъ тихо сказалъ ему:

— Смотри, не забывай плѣнниковъ, и не допускай къ нимъ ни кого ни подъ какимъ видомъ.

Рыцари ѣхали нѣсколько впереди кареты. Рено былъ печаленъ и задумчивъ; д'Аркель сказалъ :

— Я воображалъ, что вы будете по-веселѣе отыскавъ своего добраго коня, а вы, кажется, нисколько ему не рады.

— Признаюсь, мои теперешнія обстоятельства ни чуть не веселы, и Богъ-знаетъ, что ждетъ меня въ будущемъ!

— Въ будущемъ?... А вотъ, на примѣръ, вы ожидали моего покровительства, а, напротивъ, я стану просить вашего.

— Моего покровительства!... Но въ моемъ положеніи, что же я могу для васъ сдѣлать?

— Сейчасъ объясню. Политическія причины заставляютъ меня скрывать теперь мое имя. Я полагаюсь на вашу скромность, увѣренъ, что вы не измѣните мнѣ, и, въ доказательство, не требую отъ васъ ни какихъ клятвъ. Если бы я пріѣхалъ въ Утрехтъ одинъ, то могъ бы возбудить подозрѣніе и быть узаннымъ, тогда какъ въ вашемъ оруженосцѣ ни кто не будетъ подозрѣвать прелата. Братъ мой Робертъ приготовилъ домъ для рыцаря краснаго-орла: вы займете его, станете распорядиться какъ полный хозяинъ, а я, подъ вашимъ покровительствомъ, останусь въ неувѣренности.

— А нашъ товарищъ, что ѣдетъ въ каретѣ?

— Надобно вамъ сказать, это женщина; ей будутъ отведены особыя комнаты, и я требую, чтобы рѣшительно ни кто не старался съ нею видѣться или говорить.

— А, понимаю!

— Теперь, я бы желалъ узнать, какимъ образомъ вы успѣли скрыться изъ Фогельзангской башни.

— Эту услугу оказалъ мнѣ Сернъ Адденъ, котораго я ненавижу какъ соперника. Онъ доставилъ мнѣ кнѣзь

жгъ. Когда меня заключили въ башню павильона отогнѣлаго замка, мнѣ пришло на умъ средство къ побѣгу. Вотъ оно : должно взяться обѣими руками за рукоять кинжала, крѣпко прижать остріе къ наружной стѣнѣ, и, спиною къ ней, съѣсть верхомъ на кинжалѣ; такимъ образомъ, левѣе будетъ скользить по кирпичамъ или камню, и можно спуститься съ довольно значительной высоты. Такъ я и сдѣлалъ, потому что въ окнѣ не было рѣшетки.

Д'Аркель не могъ не изумиться такой крѣпости мышцею юнаго рыцаря. Путешественники продолжали разговаривать и быстро приближались къ Утрехту.

Вѣда до-сихъ-поръ наше повѣствованіе изъ дня въ день, мы теперь очутимся въ Утрехтѣ, который уже болѣе мѣсяца осажденъ войсками графа Вильгельма IV, и гдѣ Мадзи живетъ уже шесть недѣль, почти въ заключеніи, въ комнатѣ, не большой, но великолѣпно убранной во вкусъ тогдашняго времени.

Іоаннъ д'Аркель влюбленъ въ Декамскую Розу; онъ приставилъ къ ней женщину, которая безпрестанно хвалитъ передъ ней рыцаря краснаго-орла, потому что Мадзи подъ этимъ только именемъ знаетъ д'Аркеля, и соврѣмени пріѣзду въ Утрехтѣ не видала никого кромѣ его; да приставленной къ себѣ женщины Маргариты.

Сначала, невинная дѣвушка не понимала и не могла понять своего положенія; но рѣчи Маргариты становились день ото дня яснѣе, и наконецъ бѣдная Мадзи начала постигать, что ей грозитъ опасность.

Тѣмъ, когда Маргарита уже слишкомъ явно намекнула на намѣренія рыцаря краснаго-орла, Мадзи вонх-

нула, быстро поднялась съ кресель, на которыхъ сидѣла, грозно взглянула на приставницу и сказала твердымъ голосомъ :

— Ни минуты, ни одной минуты не хочу оставаться въ этомъ домѣ.... Въ Утрехтѣ есть женскіе монастыри, я отдамъсь подъ покровительство настоятельницы котораго-нибудь изъ нихъ, и оттуда пришлю благодарити твоего господина.

Говоря это, Мадзи подошла къ дверямъ. Маргарита уцѣпилась за ея платье.

— Постоите, постоите, моя красавица! отсюда нельзя выйти безъ спросу хозяина.... Да что это? Перестаньте кричать; вѣдь крикомъ не поможете.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошелъ д'Аркель.

— Что это значитъ? вскричалъ онъ....

— А вотъ, моя красавица хотѣла куда-то уйти не простясь съ вами, такъ я....

— Какъ! ты осмѣлилась наглубить моей благородной гостьи!... Вонъ! сейчасъ вонъ отсюда!

Маргарита вышла.

— Ужели это правда, сказалъ д'Аркель, сажая Мадзи въ кресла и самъ садясь возлѣ нея : ужели это правда, что вы хотѣли оставить мой домъ?...

И онъ наговорилъ ей тысячи ласкательствъ; но видя, что всѣ слова его тщетны, наконецъ рѣшился сказать, что страстно любить ее, что предлагаетъ ей и руку и сердце.

— Рыцарь, отвѣчала Мадзи : если бъ я была на свободѣ, у благороднаго моего попечителя сира д'Эльва, я сказала бы тогда, что думаю о вашемъ предложени; но теперь, я не стану отвѣчать вамъ.... Птицеловъ не можетъ посадить въ клетку бѣдную птичку, но не можетъ заставить ее добровольно оставаться въ неволѣ.

— Но куда же бы вы хотѣли идти? Войска, графа окружаютъ Утрехтъ, и вы, лишь шагъ за городскія

стыи, попадетесь въ его руки, и скоро увидите себя въ ринсбургскомъ монастырѣ.

— Лучше на всю жизнь въ Ринсбургъ, чѣмъ останусь хоть на одинъ день въ этомъ домѣ!... Но я могу и не подвергаться ни какой опасности : въ Утрехтѣ также есть монастыри.

— Э-э! насмѣшливо сказалъ д'Аркель : попробуйте попроситься въ любой, и увидите, что скажутъ дѣвушкѣ, которая провела шесть недѣль въ обществѣ молодого человѣка.

Отъ этихъ словъ сердце несчастной Мадзи замерло; она закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Не плачь, о, не плачь! вскричалъ д'Аркель, бросаясь передъ ней на колѣни : если бы ты знала какъ я люблю тебя, на какое обреченъ страданіе, то можеть-быть пожалѣла бы обо мнѣ!.... Не хочу скрываться болѣе; знай, Мадзи : тяжкая, желѣзная рука тяготѣетъ надо мною; она не даетъ мнѣ сказать передъ лицомъ свѣта : Мадзи Декама, люблю тебя; будь моею женою..... Ты, вижу, не понимаешь словъ моихъ; знай же, Мадзи, я....

Внизу лѣстницы раздался голосъ : кликали оруженосца Отона. Д'Аркель вскочилъ, ударилъ себя по лбу, и горючиво выбѣжалъ изъ комнаты, не позабывши однако запереть дверей на ключъ.

Мадзи долго оставалась какъ-бы въ безчувствіи; потомъ, прійдя въ себя, она бросилась на колѣни передъ небольшимъ золотымъ Распятіемъ, которое блистало въ углу ея кровати, и теплая молитва къ Небесному Защитнику беззащитныхъ успокоила волненіе ея души.

Едва окончила Мадзи свою сердечную молитву, какъ на лѣстницѣ къ ея комнатѣ раздались шаги. Она невольно задрожала. Но кто опишетъ изумленіе дѣвушки, когда дверь отворилась, и она, вмѣсто страшнаго себѣ

рыцаря краснаго орла, увидѣла слугу сира д'Эльва, вѣрнаго Фекд.

Мы сейчасъ объяснимъ какъ это случилось.

Д'Аркель, выходя отъ Малзи, встрѣтилъ Ренэ, который взялъ его за руку и ввелъ въ первую попавшуюся комнату нижняго этажа : то была приемная зала, возлѣ самаго крыльца дому.

— Прелатъ Утрехта, сказалъ Ренэ сверкая глазами : кто эта дѣвушка, которую ты держишь въ заперти?

— Тс! Тс!... Вы забываете, что я вашъ оруженосецъ.

— Какъ зовутъ ее? вскричалъ Ренэ въ бѣшенствѣ : не то я, сію же минуту скажу на площади, какъ зовутъ тебя.

— Это бы верхъ неблагодарности..... Но скажите, Бога ради, что съ вами случилось?

— Мерзавка, которую ваше степенство, приставили было къ затворницѣ, сейчасъ попалась мнѣ на этой лѣстницѣ; она жаловалась, что вы дурно обращаетесь съ нею изъ-за какой-то Фризландки : я распросилъ эту женщину и, по описанію, не сомнѣваюсь, что эта Фризландка—Декамская Роза.... Вы знаете мою къ ней любовь, и однако жъ рѣшились на предательскій поступокъ.... Но я ужъ вѣю мстить.... Изъ вечера весь городъ я самъ Вильгельмъ IV узнаютъ всё....

— Хорошо, пусть узнаютъ! По-крайней-мѣрѣ меня никто не можетъ обвинять въ убійствѣ.

— Станется; только вы забываете, что всякое духовное лицо, которое приметъ мечъ, лишается своего званія.

Д'Аркель не отвѣчалъ ни слова; онъ широкими шагами ишбрылъ комнату, и погрузился въ глубокія думы. Постигая свое критическое положеніе, онъ, какъ капитанъ корабля, который бросаетъ въ море драгоценный грузъ, чтобы спасти судно, не колебался ни на-

нуги пожертвовать любовью для спасенія своей чести и сана. Однако же рѣшился напередъ сдѣлать еще попытку выйти изъ бури безъ жертвоваиій.

— Ренó, сказалъ онъ съ язвительной улыбкой : ваши щетныя угрозы мнѣ смѣшны. Последняя вылазка была въ нашу пользу ; графъ раненъ ; въ рядахъ Голландцевъ замѣтенъ упадокъ духомъ ; нельзя найти минуты болѣе теперешняго удобной для открытiя своего имени храбрымъ жителямъ Утрехта ; и тогда, я буду умѣть заставить замолчать каждаго, кто бы осмѣлился возвыситься противъ меня своей голосъ.

— Не правда, возразилъ Ренó : графъ Вильгельмъ не раненъ, а только опарапнуть въ ногу. При каждой вылазкѣ у насъ убываетъ воиновъ, и если въ чьихъ рядахъ можно замѣтить упадокъ духу, такъ это развѣ въ нашихъ. Въ Утрехтѣ голодъ и болѣзни ; и обыватели чаютъ спасенiя единственно отъ близкой сдачи города.

Д'Аркель видѣлъ, что приходится уступить.

— Рыцарь, сказалъ онъ торжественно : я думалъ найти въ васъ друга, и дѣйствовалъ какъ для друга, но послѣ того, что теперь произошло между нами, я не могу оставаться съ вами на прежней ногѣ.... Даю вамъ последнее доказательство моей искренности. Если я вырвалъ Декамскую Розу изъ рукъ графа, то, клянусь вамъ всѣмъ, что свято, что сдѣлалъ это для васъ, для сына благороднаго д'Эльва, съ которымъ хочу сблизиться.... Возьмите же Мадзи ; постарайтесь приобрести ея любовь, и дай Богъ чтобъ сынъ ея благодѣтеля не былъ ею отвергнутъ какъ безымянный италiанскiй рыцарь.... Оставьте Утрехтъ ; ступайте въ Фризландiю.... Но прежде возьмите вотъ это кольцо, которымъ вашъ отецъ обручался съ Бiанкою ди Салерно. Возьмите также и это письмо, которымъ мать ваша просила Карла де-ла Скала....

— Боже ! это самое то письмо, что мы ввѣрили пи-

пигриму.... Какимъ образомъ попалось оно въ ваши руки?

— Что вамъ до этого?... Повзжайте, и будьте счастливы.

Ренé обезумѣлъ отъ радости; въ пылу восторговъ онъ извинился передъ д'Аркемъ, что ошибочно судилъ о немъ, и клялся ему въ вѣчной преданности.

— Однако жъ, сказалъ прелатъ, подумаемъ теперь, какъ бы вамъ выѣхать изъ Утрехта и пробраться сквозь непріятельскій лагерь съ вашей прекрасной Фризландкой.

Но на этотъ разъ имъ некогда было заняться обдумываніемъ плана, потому-что въ эту самую минуту на крыльцѣ раздался страшный крикъ, и они оба выбѣжали, узнать, что тамъ дѣлается. Глазамъ ихъ представилась довольно смѣшная картина: нашъ старый знакомецъ Сезаръ, вспрыгнувъ на плечи Маргариты и занимался приведеніемъ въ ужасный безпорядокъ ея ирически; паяцъ Дамьянъ спорилъ съ служителями, которые ни какъ не хотѣли допустить его до своего господина; а за дверью, на улицѣ, стоялъ рослый молодой человекъ и, казалося, равнодушно дожидался, чѣмъ все это кончится.

Появленіе Ренé и д'Аркея возстановило спокойствіе. Слуги отошли отъ паяца, паяцъ снялъ обезьяну съ плечъ Маргариты, и по знаку д'Аркея, который навидѣлся передъ Ренé, послѣдовалъ за нимъ. Ренé тоже удалился въ свои комнаты, и слуги разошлись. Осталась Маргарита и молодой человекъ. Одинъ, по-прежнему, молча стоялъ прислонясь къ стѣнѣ; другая, на просторѣ, дала волю языку, бранила и паяца, и обезьяну, и оруженосца Отона, и капризную красавицу Фризландку, которую привезли Богъ-вѣсть откуда.

Молодой человекъ, казалось, не принималъ ни какого участія въ жалобахъ Маргариты, но когда она заго-

морида про красавицу Фриландку, онъ подошелъ, положилъ ей на плечо свою широкую ладонь, и спросилъ:

— Развѣ у васъ тутъ въ домѣ есть какая-нибудь Фриландка?

— А какъ же?..... Я знаю какъ ее и зовутъ.... Мидзи Декама.

— Возможно ли, вскричалъ Фекó, потому что это былъ онъ: Кто же осмѣлился?....

— Видишь, кто осмѣлился?.. да вотъ этотъ, что пропелъ сюда съ твоимъ товарищемъ паяцомъ, — чортъ бы взялъ его проклятую обезьяну!

Фекó бросился въ комнату, на которую указала ему Маргарита. Но прежде мы послушаемъ, что говорилъ Аркадь съ Дамьяномъ.

— Ну, что скажешь? спросилъ прелатъ паяца.

— По вашему приказанію я былъ въ Гардервикъ. Фриландскіе депутаты такъ и удивились, когда я рассказывалъ имъ все, чему вы меня научили. Но съ ними былъ нѣкто Фекó, котораго я видалъ еще въ Гарлемъ; славный малый....

— Полно болтать; говори дѣло.

— Этотъ Фекó, извольте видѣть, захотѣлъ непременно идти въ Рейнсбургъ, отъискивать Мадзи, а какъ онъ не зналъ дороги, я и взялся его проводить, вѣдьмы же мнѣ было по пути. Принимъ мы въ Пльзавикъ; ужъ я исналь исналь Барбанеры, — ни слуху ни духу; а между тѣмъ въ Пльзавикъ Фекó узналъ, что тамъ тогда пропала какая-то Фриландка, и что видѣли, какъ рыцарь краснаго-орла провожалъ въ Утрехтъ какую-то карету. Вотъ, мы и надумались прійти къ вамъ.

— Оселя! Великая быда! нужна провожать его.

— Да вѣдь надо же мнѣ съискать Барбанеру, а съ товарищемъ въ дорогъ всё-таки не такъ скучно. Подошли мы къ Утрехту; глядь, кругомъ войско: какъ тутъ быть?..... Ксчастью, у Фекó нашелся какой-то знако-

ный оруженосецъ, да мой Сезаръ выкинулъ несколько штукъ, такъ насъ и пропустили.

Тутъ лаяцъ былъ прерванъ вбѣжавшимъ Фекó, который кричалъ: — Мадзи!... Мадзи!.... Гдѣ Мадзи Дежама?

— Не кричи, не кричи, пріятель, сказалъ д'Аркель. Сейчасъ увидишь, и поѣдешь провожать ее въ Фризландію..... Вотъ тебѣ ключъ отъ ея комнаты; вступишь вверхъ, такъ въ корридоръ послѣдняя дверь на лѣвую руку. . . .

Фекó въ восторгѣ схватилъ ключъ и побѣжалъ къ Мадзи. Радость бѣдной дѣвушки и вѣрнаго слуги были неизъяснимы.

Вслѣдъ за Фекó, въ комнату Мадзи вошелъ д'Аркель, и выслалъ его подъ предлогомъ потворить приготовленія къ отъѣзду.

— Мадзи, сказалъ онъ голосомъ тихимъ и покорнымъ: я виноватъ; я сознаюсь въ своей винѣ, и умоляю о прощеніи.

Онъ сталъ на колѣни и склонилъ голову.

Благородное сердце Декамской Розы не было способно къ ненависти или мщенію: она подала ему руку.

— Встаньте, рыцарь, и да проститъ васъ Богъ какъ прощаю я!

— Ваша небесная кротость придаетъ мнѣ смѣлости и я еще обращаюсь къ вамъ съ просьбою: пусть всё, что происходило между нами останется тайною для всѣхъ.

— Даю вамъ слово ни когда и ни кому не говорить объ этомъ.

— Добрая, добрая Мадзи! сказалъ д'Аркель, почти-тельно цѣлуя ея руку.... О! вы должны знать къ кому такъ милостивы и снисходительны..... Я, проговорилъ онъ понизивъ голосъ: я утрехтекій прелать!

— Боже!

— Теперь, вы знаете мою тайну: сохраните же ее свя-

го!... Пешажайте, и Господь да благословить Декамскую Розу.... Проводники ожидаютъ васъ.

Онъ подалъ ей руку и вывелъ на лѣстницу изумленную Мадзи, которой все это казалось сномъ.

Было уже далеко за полдень, когда Мадзи и ея спутники выѣхали изъ Утрехта. Декамская Роза ѣхала верхомъ, на лошади д'Аркеля, украденной Вальтеромъ у несчастнаго Деодата. Рядомъ съ нею былъ вѣрный Фекó, а позади паяцъ, съ походнымъ ящикомъ Барбареры за плечами и съ Сезаромъ. Возлѣ него ѣхалъ монахъ ордена Ситó, котораго д'Аркель рекомендовалъ Мадзи, какъ человѣка хорошо знающаго дороги. Читатель догадается, что подъ смиренной одеждой инока скрывается Ренó.

Миновавъ городскія укрѣпленія, наши путешественники вѣхали на пространную равнину, мѣсто битвъ осажденныхъ съ осаждающими. Тутъ лежало еще нѣсколько труповъ. Сердце бѣдной дѣвушки замерло отъ страху и жалости, особенно, когда въ одномъ изъ этихъ убитыхъ воиновъ Дамьянъ и Фекó узнали прежняго лѣсничаго. Мы видѣли, что Вальтеръ, послѣ побѣгу изъ своей хижины, опредѣлился въ утрехтскія войска, и теперь знаемъ, что убитъ при вылазкѣ.

Чтобы разсвѣять нѣсколько грусть Мадзи, паяцъ смѣясь сказалъ ей :

— Клянусь побубенчиками моего колпака! Миѣ приходится на мысль, что чортъ, котораго вы такъ испугались въ Плазвикѣ, не другой кто какъ мой Сезарь!

Мадзи погрозила обезьянѣ.

Вдали мелькнули доспѣхи и копыя передовой пѣши нагера Голландцевъ. Дамьянъ сказалъ :

— Ну, надобно запѣвать : чѣмъ мы больше будемъ шуметь, тѣмъ меньше обратятъ на насъ вниманія.

И онъ громкимъ голосомъ затянулъ веселую пѣсню..

Когда повзды подъѣхалъ къ военному пѣсту, воины окружили путешественниковъ; и одинъ изъ ратниковъ, подойдя къ Мадзи, сказалъ :

— О, о, какая прекрасная дѣвушка!.... Я непременно хочу поцѣловать тебя, красоточка.

Мадзи вскрикнула; Фекó ударилъ дерзкаго своею тяжелою палкой, и тотъ растянулся на песокъ. Въ ту же минуту нѣсколько мечей устремились на вѣрнаго Фризландца, но онъ не переставалъ отбиваться, какъ могъ, своею тяжелою палкой. Паяцъ, съ крикомъ: «Мы пропали!» пустился во всю рысь своего осла, и скоро скрылся изъ виду; въ слѣдъ ему, правда, было послано нѣсколько стрѣлъ, но Барбанеринъ походный ящикъ послужилъ ему щитомъ. Ренó, покуда Фекó привлекалъ на себя все вниманіе ратниковъ, подскочилъ къ Мадзи, схватилъ ея лошадь подъ-узцы, пришпорилъ свою, и они помчались во весь опоръ.

Тщетно озирался Ренó во всѣ стороны, чтобы найти возможность миновать лагерь Голландцевъ. Лошади внесли ихъ въ палисады, ограждающіе станъ, и имъ не оставалось ни чего болѣе, какъ остановиться передъ толпою воиновъ, которые уже окружали Дамьяна распростертаго ничкомъ на землѣ и очень похожаго на ежа, отъ множества стрѣлъ, торчащихъ въ его заспинномъ ящикъ. Несчастный паяцъ громко рыдалъ надъ обезьяной; убитой одною изъ пущенныхъ въ него стрѣлъ.

Мадзи, когда Ренó сдержалъ свою и ея лошадь, сейчасъ нашлась, и сказала :

— Гдѣ вашъ начальникъ? Проводите меня къ нему.

Одинъ изъ ратниковъ подавъ руку Декамской Розѣ и повелъ ее къ шатрамъ. Остановясь близъ одного изъ нихъ, онъ сказалъ : «Подождите не много; я доложу капитану;» и возвратясь черезъ минуту, попросилъ ее войти. Но кто опишетъ ея изумленіе, когда въ особъ капитана Вильгельмовыхъ войскъ она узнала того, о комъ такъ часто мечтала, — Деодата!

Радостная улыбка засветилась на лицѣ рыцаря,

— Возможно ли! воспрянуть оубо: какой печальный случай доставляетъ мнѣ счастье видѣть васъ?

Сердце Мадзи было такъ переполнено радостью, что она могла только выговорить: — Слава Богу, вы живите!

— Милая, милая Мадзи! сказала Деодатъ, предлоня колына,

— Встаньте, рыцарь! Наше послѣднее свиданіе привело мнѣ много горестей; но я счастлива, видя, что вы выздоровѣли.

— Рана моя скоро зажила, отвѣчалъ оубо: и я благодарю ее, потому-что ей обязанъ тѣмъ вниманіемъ, которымъ вы меня удостоиваете. . . . Но, виновать; . . . я забытъ. . . . вы невеста Сержа Аделена. . . .

— Сержъ Аделенъ никогда не будетъ моимъ мужемъ, сказала Мадзи: оубо самъ отказался отъ моей руки.

— Боже! Вы свободны! вскричалъ рыцарь, и глаза его заблестали восторгомъ: вы свободны, и я снова стану жить надеждою!

— Послушайте, рыцарь; я буду съ вами откровенна. . . . Если бы вы были Фризландецъ, и можетъ-статься и не была бы равнодушною къ вашей любви; потому что. . . . я. . . . я васъ. . . . уважаю, и сердце мое отдалось бы вамъ. Но вы иноземецъ, и знаете, что мои соотечественники возненавидятъ меня, если я отдамъ руку не Фризландцу. . . . Что жъ тогда? Мнѣ пришлось бы оставить навсегда землю, гдѣ лежитъ прахъ моихъ родителей! Богъ свидѣтель! я счастлива, что вижу васъ; но если бъ знала, кого здѣсь встрѣчу, то отказалась бы отъ этого свиданія.

— О! такъ вы не знали, что увидите меня. . . . Зачѣмъ ждали въ этомъ станѣ?

Мадзи рассказала, какъ вышла изъ Утрехта и какъ путешествовала ратникомъ. Рыцарь тотчасъ же приказалъ освободить Феню, задержаннаго на передовомъ

караулъ, и далъ Декамокой Розъ провожатого до Амстерфорда, откуда наши путешественники, спустившись по рѣкѣ Эмъ, наняли судно и отплыли въ Фризландію, куда мы попросимъ читателей переместись вмѣстѣ съ нами. . .

Тамъ, на другой день, по отъездѣ Мадзи изъ Утрехта, всѣ дороги были покрыты всадниками и пѣшеходами; торопливость, съ которой они шли или ѣхали, объявляла, что спѣшать по какому-нибудь важному дѣлу. Всѣ эти путешественники направлялись къ южному берегу Фризландіи, гдѣ было назначено мѣсто генеральнаго собранія. То была небольшая равнина, почти совсѣмъ окруженная рядомъ деревьевъ. Прямо передъ ней разстилалась скатерть моря, а за нимъ, на горизонтѣ, тянулись берега Вестъ-Фризландіи.

Къ полудню, члены діеты собрались и заняли свои мѣста на приготовленныхъ дерновыхъ скамейкахъ. Серпъ Аделенъ открылъ засѣданіе, ударивъ мечомъ по щиту, висѣвшему позади председательскаго мѣста, занятаго сиромъ д'Эльва, по сторонамъ котораго сидѣли два монаха, аббатъ сентъ-одольскій и аббатъ иллумскій.

Воцарилась глубочайшая тишина, и сиръ д'Эльва произнесъ рѣчь, предлагая собранію опредѣлить мѣры, какія должно принять для сохраненія мира съ Голландіей, не подвергая опасности независимость Фризландіи.

За рѣчью ольдермана послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія. Потомъ, Серпъ Аделенъ всталъ и началъ говорить, требуя открытой войны противу Вильгельма IV.

Когда онъ кончилъ, собраніе зашумѣло, какъ воды рѣки въ часъ бури. Члены діеты, раздѣляющіе образъ мнѣнія Серпа Аделена, громко приняли его старому; между-тѣмъ какъ тѣ, которые желали сохранить миръ, усильно имъ противодѣйствовали. Сиръ д'Эльва съ

трудомъ могъ возстановить порядокъ; какъ вдругъ, на площадку, занятую членами, вошли нѣсколько воиновъ изъ стражи, поставленной за оградю деревьевъ, для недонущенія въ собраніе постороннихъ лицъ. Они вели маленькаго, сухошаваго человѣчка, который былъ некто другой какъ мейнгерь Николай, нашъ старинный Гарлемскій знакомецъ, котораго Вильгельмъ IV отправилъ въ Фризландію для управленія принадлежащими себѣ помѣстьями. Прежніе графы Голландіи всегда вѣряли эту должность Фризландцамъ, и потому мейнгерь Николай былъ ненавистенъ имъ въ своемъ новомъ званіи.

Мейнгерь Николай, зная о назначеніи генеральнаго собранія, вообразилъ, что и онъ, въ качествѣ управляющаго графскими помѣстьями, долженъ быть приглашенъ; но не получая пригласительнаго письма, рѣшился явиться и безо зву. Ропотъ негодованія встрѣтилъ его при самомъ входѣ; но когда онъ, съ обыкновенною самонадѣянностью, объявилъ, что желаетъ присутствовать на діетѣ, то сирю д'Эльва стоило величайшаго труда благополучно выпроводить маленькаго человѣчка и спасти его отъ ярости членовъ собранія, которыхъ большая часть хотѣла, просто, его повѣсить, какъ неприятельскаго шпиона.

Сергъ Аделенъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова настаивать на необходимости явной войны съ Голландіей. Вдругъ раздался топотъ коней, и Фео въбжалъ въ середину собранія.

— Вотъ она! вотъ она! кричалъ онъ, прыгая и кидая вверхъ свою шляпу: вотъ Декамская Роза!

Мадзи, и за нею монахъ и паяцъ, приблизились. Они вчерашнимъ вечеромъ вышли на берегъ въ Леммеръ и, увидѣвъ, что сиръ д'Эльва присутствуетъ на генеральномъ собраніи, отправились къ нему туда.

— Тебя ли вижу я! вскричалъ ольдерманъ, обнимая свое шитолицу: ты ли это, являя дочь моя!

И все собраніе въ одинъ голосъ воскрикнуло : « Да здравствуетъ, да адравствуетъ Декамская Роза ! »... Одинъ только Сиръ Адленъ не произнесъ ни слова.

— Идвините, благородные Фризландцы, сказалъ д'Эльва : я не могъ не предаться чувству моей радости..... Милая Мадзи, продолжалъ онъ, обращаясь къ своей питомицѣ : мы заняты теперь государственными дѣломъ ; поѣзжай въ мой замокъ Авертъ, и ожидай меня тамъ : я приѣду сейчасъ какъ кончится засѣданіе..... Потомъ, относясь къ монаху, сопровождавшему Мадзи, который съ самаго прихода стоялъ неподвижно, ольдерманъ примолвилъ : — въ моемъ замкѣ озаботятся также и о вашемъ спокойствіи.

— Я еще не совсѣмъ могу оставить это благородное собраніе, отвѣчалъ монахъ. Сопутствуя прекрасной Декамской Розѣ, я имѣлъ и другую цѣль кромѣ той, чтобы провѣдать ее : мнѣ предстоитъ сказать передъ вами нѣсколько словъ, не терпящихъ отлагательства.

При этой рѣчи монаха, произнесенной твердымъ и звучнымъ голосомъ, всѣ взоры присутствующихъ обратились на него. Сиръ д'Эльва отвѣчалъ :

— Мы не допускаемъ въ наше собраніе ни кого, кромѣ Фризландцевъ.

— Потому-то я и могу быть здѣсь, возразилъ монахъ. Надѣюсь, что сынъ сира д'Эльва можетъ имѣть честь называться Фризландцемъ.... Ватюшка, благословите нашего сына !... сказалъ онъ, снимая капюшонъ, который скрывалъ черты его лица, и преклоняя колѣна передъ ольдерманомъ.

Мадзи вскрикнула отъ ужаса, и д'Эльва отступилъ, увидѣвъ въ человекѣ, называющемъ себя его сыномъ, Ренѣ Веронскаго.

— Что это значитъ ? воскричалъ д'Эльва : если это шутка, то шутка вовсе непростительная !

— Нѣтъ ! отвѣчалъ Ренѣ : сынъ Бланки ди Салерно проситъ благословенія своего отца.

— Ты! ты сынъ БIANки ди Салерно!...

— Если вы не вѣрите мнѣ, то повѣрьте вотъ этигь колицу и письму.

Д'Эльва принялъ ихъ трепетной рукою, и едва взглянулъ, закрылъ лицо обѣими руками и упалъ безъ чувствъ.

Ренó бросился къ отцу и, ухаживая за нимъ, между-тѣмъ разсказалъ собранію, что Вильгельмъ IV ищетъ его головы, и что въ одномъ этомъ уже можно видѣть вѣрное ручательство въ томъ, что сынъ ольдермана, какъ настоящій Фризландецъ, ненавидитъ графа Голландіи.

— Славно, славно! сказалъ Серпъ Аделенъ. Думай кто что хочетъ, а я признаю тебя моимъ соотечественникомъ и братомъ.

И онъ дружески пожалъ руку Ренó.

Сиръ д'Эльва пришелъ въ себя; но незанное волненіе души дотога ослабило его тѣлесныя силы, что онъ немедленно долженъ былъ оставить собраніе и отправиться въ свой авертскій замокъ. Мадзи и Фекó повели его подъ руки; Ренó хотѣлъ-было сдѣлать то же, но Мадзи, взглянувъ на него взоромъ полнымъ негодованія, сказала:

— Чего вамъ? не намѣрены ли вы убить и его?

— Долгъ сына быть при отцѣ, отвѣчалъ онъ.

— Отойдите! гордо возразила Декамская Роза. Заслужите сначала честь называться его сыномъ, и до-тѣхъ-поръ не осмѣливайтесь являться къ нему на глаза.

Ренó съ досады закусилъ губы, но повиновался. Сиръ д'Эльва, Мадзи и Фекó вышли. Дамьянъ тоже: онъ вознамерился предложить Ренó принять его въ число своихъ служителей.

Но выходъ ольдермана собраніе разошлось скоро, а настоянія Ренó и Серпа Аделена сдѣлали то, что рѣшено быть войнѣ.

Удалась въ свой авертскій замокъ, лежащій не подалеку отъ города Ставерена, въблизи селенія Воркумъ, сирь д'Эльва опасно занемогъ. Мадзи и Сиза, которая вступила въ свою прежнюю должность при Декамской Розѣ, тщательно ухаживали за больнымъ.

Разъ, спустя нѣсколько дней по прїездѣ, Мадзи вышла въ садъ; къ его воротамъ подъѣхалъ всадникъ: то былъ Ренó; онъ всталъ съ лошади, подошелъ къ ней.

— Мадзи Декама, сказалъ Ренó, я бы желалъ поговорить съ моимъ отцемъ.

— Врачъ рѣшительно запретилъ подвергать больнаго опасности душевныхъ волненій, отвѣчала она: сирь д'Эльва слишкомъ слабъ, и ваше присутствіе можетъ ему нанести смертельный ударъ.

Мадзи хотѣла итти. Ренó удержалъ ее.

— Неужели, сказалъ онъ: вы хотите сохранить ко мнѣ вѣчную ненависть, за проступокъ, который сдѣлалъ единственно по непреодолимой къ вамъ страсти!

— Да избавить меня Богъ отъ чувства ненависти! Онъ Самъ, милосердый, не потерпѣлъ, чтобы вы убили невиннаго.... Деодатъ не умеръ отъ раны, нанесенной вами другу вашему съ дѣтства.

— О, сколько разъ оплакивалъ я мое преступленіе!.. Но, слава Богу! Деодатъ живъ, и не убійца, а Ренó д'Эльва, осмѣлится предложить вамъ свою руку.

— Рыцарь, отвѣчала Мадзи: я не могу подавать вамъ никакой надежды. Постарайтесь возвратить себѣ собственное свое уваженіе, и тогда Мадзи Декама будетъ уважать васъ, какъ сына человѣка, который ей драгоцененъ.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ Сизою; она пришла сказать, что сирь д'Эльва, подойдя къ окну, увидѣлъ рыцаря, и желаетъ съ нимъ говорить.

Войдя въ комнату ольдермана, Ренó приблизился къ

кровати больного, всталъ на колѣни и поцѣловалъ его опухшую руку.

— Рыцарь, проговорилъ сирь д'Эльва: объясните мнѣ въ совершенной подробности причины, по которымъ вы считаете себя въ правѣ называться моимъ сыномъ.

Ренó рассказалъ ольдерману, какъ былъ воспитанъ Карломъ делла Скала и все, что слышалъ отъ Барбанеры насчетъ брака сира д'Эльва съ Біанкою. Онъ прибавилъ также, что узналъ въ Барбанерѣ одного изъ прежнихъ служителей Карла делла Скала, по имени Паоло, и что тотъ-то Паоло открылъ ему тайну его рожденія.

— Да, я помню этого Паоло, замѣтилъ д'Эльва: онъ, по приказанію Франческо, у котораго въ ту пору служилъ, покушался на мою жизнь въ бытность мою въ Веронѣ. Потомъ, кажется, онъ вкрался въ довѣренность моей Біанки, и, надо полагать, измѣнилъ ей. Можетъ-статься, что Паоло же сообщилъ Біанкѣ и ложное извѣстіе о моей смерти; поэтому-то и нисколько не удивительно, что онъ не хотѣлъ повидаться со мной въ Гарлемъ. О! длячего не открылъ онъ мнѣ тогда тайны твоего рожденія..... Тогда ты не запятналъ бы своего имени убійствомъ!

— Чувствую вину свою, отвѣчалъ Ренó: я увлекся порывомъ бышеной ревности и отчаянія... Но Деодать живъ и я увѣренъ, что простилъ меня.... Неужели вы будете болѣе его строги?

— Онъ живъ! вскричалъ д'Эльва: о, слава Богу!.... Деодать благородный молодой человекъ.... Онъ, кажется, воспитывался вмѣстѣ съ тобою?

При этомъ нечаянномъ вопросѣ, Ренó всникнулъ. Онъ съ умысломъ не говорилъ-было о томъ, что Деодать, въ одно время съ нимъ, былъ предоставленъ на попеченіе Карло делла Скала; не говорилъ не потому что онъ считалъ себя не сыномъ Біанки, но потому что опасался невѣрности ольдермана: д'Эльва могъ по-

требовать личнаго свидѣтельства Паоло, единственнаго челоуѣка бывшаго въ состояніи доказать, который именно изъ двухъ подкинутыхъ дѣтей сынъ Біанки ди Салерно.

Помолчавъ нѣсколько, Ренó отвѣчалъ :

— Да, Деодатъ, такъ же какъ и я, былъ усыновленъ благороднымъ делла Скала; и если бъ мы не полюбили оба Декамской Розы, то дружба наша оставалась бы навѣчно неразрывною.

— Мнѣ радостно слышать эти слова : онъ доказываютъ, что ты, точно, увлекся чувствомъ слѣпой ревности, а не злостію сердца, и я не сомнѣваюсь въ истинѣ всего тобой сказаннаго. Письмо это писано рукою Біанки, а кольцо дѣйствительно самое тó, которымъ я съ нею обручался. Паоло, вѣрно, получилъ его отъ Біанки.

— Паоло видѣлся съ матушкой передъ отъѣздомъ изъ Италіи, и въ то время получилъ отъ нея это кольцо, какъ доказательство моего рожденія.

— Что? Что говоришь ты?... Біанка еще можетъ-быть жива! О, Господи!.... Но если такъ, — она должна все еще томиться подъ рукою тирана.... Боже! дай мнѣ скорѣе выздоровѣть, чтобы я могъ вхатъ, и исхитить ее изъ рукъ ненавистнаго злодѣя!..... Но я начинаю ослабѣвать.... Позови Фекó.

Когда вѣрный Фекó вошелъ, ольдорманъ приказалъ ему собрать всѣхъ своихъ вассаловъ, и объявить имъ, что признаетъ Ренó за своего единственнаго сына и наследника, и требуетъ, чтобы они все повиновались ему.

Фекó, выслушавъ приказанія, вышелъ; сирѣ д'Энза смазалъ Ренó.

— Теперь, сынъ мой, преклони колѣна, и прійми родительское благословеніе.

— Надѣюсь, проговорилъ Ренó, принявъ благословеніе: что вы всегда найдете во мнѣ сына, достойнаго вашей довѣренности.

Послѣ этого Рено возвратился въ Ставеренъ. Давидъ, который, съ-тѣхъ-поръ какъ опредѣлился въ слуги рыцаря, промѣнялъ платъе налца на военное полубрестанье, а палку съ шубубенчинами на мечъ, замѣтивъ необыкновенное расположение духа своего господина, не могъ удержаться, чтобы не спросить его, что съ нимъ случилось. Тотъ гордо отвѣчалъ:

— Я признанъ сыномъ и наследникомъ ольдермана, сира д'Эльва.

Прошло нѣсколько дней. Однимъ утромъ, рано, на берегу южнаго ставеренскаго порта замѣтны судно подъ антвердамскимъ флагомъ. Судно это, казалось, нагружено бочками пива. Вѣтеръ былъ такъ малъ, что оно не могло войти въ пристань. Экипажъ его состоялъ, по-видимому, изъ пяти матросовъ; кормчій стоялъ у руля; надъ него былъ молодой человекъ, котораго одежда могла заставить принять за купца. Подъ палубой послышался шумъ. Молодой человекъ топнулъ и вскричалъ:

— Тише, вы, тамъ!

— Бѣзось изъ подъ палубы отвѣчалъ:

— Эхъ, рыцарь! мы и то ужъ молчимъ; а проклятая палуба не даетъ намъ покою.

— Ничего, ничего, возразилъ кормчій: мы скоро войдемъ въ гавань.

— Да, должно-быть скоро; замѣтилъ купецъ, или, лучше сказать, рыцарь: вонъ, я начинаю ясно видѣть берегъ. — И на этомъ-то берегу, продолжалъ онъ размышлять самъ съ собою: живетъ та, за которую бы я пролилъ послѣднюю каплю моей крови! И, однако же, придется сражаться съ ея соотечественниками.....

— Какъ ли ее? а если я увижу, то какъ встрѣтитъ она врага своей родины?....

— Покуда Деодатъ, котораго читатели отгадали въ видѣ челоуѣка одѣтаго кунцомъ, размышлялъ такимъ образомъ, къ нему подошелъ младшій изъ матросовъ.

— Наше предпріятіе, сказалъ онъ, начинается подъ неблагопріятной звѣздой... Но, если вамъ суждено погибнуть, то, вѣрьте, — Суедеръ Нальдвикъ погибнетъ вмѣстѣ съ вами... Но, больше всего, меня беспокоитъ судьба графскаго флота. Матросы предсказываютъ бурю; а въ этомъ случаѣ имъ можно повѣрить.

— Если быть бурь, то кормчіи Вильгельмовыхъ кораблей замѣтятъ это, и должно надѣяться, постараются укрыть свои суда.

— Правда ли, я слышалъ, будто сирь де-Бомонъ упранивалъ графа не предпринимать этой экспедиціи безъ содѣйствія сухопутныхъ войскъ?

— Правда, и поэтому-то съ утрехтскимъ прелатомъ заключенъ миръ, и д'Аркель приказалъ своимъ дрентскимъ вассаламъ вступить въ Фризландію съ оружіемъ въ рукахъ.

— Прелатъ тонкая штука; но я увѣренъ, что если нашему флоту высадка не удастся, тогда его войско пре-епокойно возвратится въ свояси..... Однако, вотъ мы ужъ подходимъ къ берегу. Это что ли городъ Ставеренъ? Какая тма народу на набережной!

— Эта толпа не общаетъ намъ ничего добраго, подхватилъ кормчій: или я очень ошибаюсь, или тотъ воркумскій рыбакъ, который подходилъ къ намъ вчера, когда мы стали на мель, предупредилъ жителей Ставерена о нашемъ прибытіи... Да и вотъ, чортъ возьми! я вижу у пристани его лодку... Повѣрьте, рыцарь, намъ бы лучше положить на другой галсъ и пуститься въ открытое море.

Деодатъ призадумался. Графъ поручилъ ему высадить тайно небольшой отрядъ воиновъ въ Ставеренъ, и нечаянно овладѣть его замкомъ, съ тою цѣлью, чтобы, по

пробытія въ Фризландію остальныхъ голландскихъ войскъ, имѣть уже важный пунктъ для своей операціонной линіи. Деодатъ понялъ, что для успѣха такого неуряднаго предпріятія, должно дѣйствовать съ чрезвычайной осторожностью, и, съѣвъ насудно съ своими воинами, скрылъ ихъ подѣ палубою, на которой разставилъ бочки съ пивомъ. Онъ располагался сдѣлать высадку ночью, и тотчасъ же напасть на ставеренскій замокъ, который, какъ было извѣстно въ Голландіи, защищенъ очень незначительнымъ гарнизономъ. Между тѣмъ исполненіе предположенной высадки было замедлено на цѣлыя сутки, потому что судно простояло нѣсколько часовъ на мели.

Размысливъ о своемъ положеніи, и не предвидя ничего добраго отъ толпы, собравшейся на набережной, Деодатъ рѣшился сойти на берегъ одинъ, и сказалъ причему :

— Киньте якорь здѣсь, не входя въ гавань; я напередъ узнаю, что тамъ дѣлается, и если не возвращусь черезъ три часа, то это будетъ значить, что жизнь моя въ опасности; тогда немедленно ступайте прочь отъ берегу и поспѣшите обо всемъ увѣдомить графа.... Пошлите сигналъ, чтобы къ намъ съ пристани подошла лодка.

Тяжело кормчій умаливалъ рыцаря не подвергать себя явной гибели; онъ остался непреклоненъ. Якорь бросили и сигналъ поданъ.

Вместо одной требуемой лодки, отъ пристани отвалило лодокъ съ двадцать, и всѣ поплыли къ кораблю.

— Смотрите, вскричалъ Деодатъ, какъ учтивы эти Фризландцы!.. Но не давайте же имъ всходить на нашу палубу.

Лодки причалили, и многіе Фризландцы располагались на бортъ судна, какъ кормчій закричалъ, держась сакирой:

— Куда вы? Куда?... Прочь руки! Хозяину нужна только одна лодка, а васъ принесло двѣ дюжины!...

— Я поѣду вотъ на той, что причалила первая, сказали Деодатъ, и въ ту же минуту почувствовалъ, что его кто-то сильно схватилъ за руку. Оглянувшись, онъ увидѣлъ Фекó, который успѣлъ потихоньку взлѣзть на палубу.

— Вы спасли мнѣ жизнь въ Гарлемъ, шепнулъ Фриландецъ рыцарю: оплачиваю вамъ тѣмъ же.... Не выходите на берегъ, и скорѣе снимайтесь съ якоря.

— Благодарствуй; но мнѣ необходимо побывать въ Ставеренъ, и я поѣду съ тобой.

— Въ такомъ случаѣ да хранить васъ Господь.... Не показывайте виду, что знаете меня.... Эй, Рингъ Вестра! закричалъ онъ къ одному изъ лодочниковъ: купецъ поѣдетъ съ нами; держи лодку.

Они спустились въ Ринговъ челнокъ, гдѣ Деодатъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ Суедера, не захотѣвшаго отстать отъ рыцаря, при которомъ былъ оруженосцемъ.

Едва Деодатъ ступилъ на берегъ, какъ народъ встрѣтилъ его неистовыми криками. Надобно знать, что еще наканунѣ этого дня, одинъ воркумскій рыбакъ, встрѣтя нечаянно купеческій голландскій корабль съвшій на мель передъ ставеренскимъ рейдомъ, подплылъ къ нему, и, по шуму подъ палубой, догадался, что там должны быть скрыты вооруженные люди. Возвратясь въ городъ, онъ извѣстилъ объ этомъ жителей, и когда корабль Деодата пришелъ на видъ гавани, предупреденная толпа нетерпѣливо ждала захватить экипажъ и перебить его весь.

Рыцарь и Суедеръ, несмотря на покровительство Фекó, съ величайшимъ трудомъ могли подвигаться впередъ сквозь волны окружавшаго народа. Многіе уже говорили, чтобы ихъ, просто, сейчасъ же повѣсели, и положеніе пришельцевъ становилось минута отъ

пути опаснѣе : жизнь ихъ висѣла уже на водоскѣ, какъ изъ ближней улицы показался монахъ сентъ-одольскаго монастыря. Онъ дотога былъ сухъ и блѣденъ, что его бы легко было принять за ходящій скелетъ, но однако же глаза его горѣли чуднымъ огнемъ. Лишь только Фекó замѣтилъ этого монаха, кинулся къ нему и живо проговорилъ :

— Спасите ! Хотятъ убить рыцаря Деодата, которому мы такъ обязаны.

Монахъ не теряя ни секунды продрался сквозь толпу, и грозно сказалъ :

— Не троньте ни пальцемъ этого челоуѣка ; я ручаюсь въ томъ, что онъ Фризландецъ и прїѣхалъ сюда не съ тѣмъ, чтобы предать свое отечество. — Молчи, продолжалъ онъ, обращаясь къ Деодату, который хотѣлъ-было возражать : я лучше твоего знаю и кто ты и кто твой отецъ. — Впрочемъ, будьте спокойны, снова сказалъ онъ къ народу : я самъ сейчасъ же представлю этого челоуѣка собранію нашихъ старѣйшинъ.

Рыцарь съ изумленіемъ смотрѣлъ на монаха, а народъ кричалъ ; « Да здравствуетъ патеръ Сіаръ ! да здравствуетъ нашъ добрый патеръ Сіаръ ! »

Толпа разступилась и братъ Сіаръ съ рыцаремъ и Фекó вошли къ ратушѣ. Суедеръ издали слѣдовалъ за ними.

Когда монахъ и рыцарь вошли въ залу ратуши, гдѣ собрались на совѣщаніе знатнѣйшіе обыватели Ставерена и его окрестностей, Деодатъ въ числѣ ихъ съ перваго взгляду узналъ Серпа Аделена и сентъ-одольскаго аббата.

— Кого ты это привелъ съ собою ? вскричалъ Аделенъ. Чортъ меня возьми, если это не тотъ проклятый Итальянецъ !

— Да, Сервъ Аделенъ, это я; и если вы видите меня никогда, то я этимъ обязанъ брату Сиару, который спасъ меня отъ рукъ вашей яростной черни.

— Напрасно! возразилъ Аделенъ. За чѣмъ вы сюда?

— Могу ли узнать сначала, что это за собраніе, которое приписываетъ себѣ власть меня спрашивать.

— А! Это другое дѣло. Вы хотите знать, кто мы? Хорошо. Я окажу вамъ такую же вѣжливость, какую оказалъ намъ Вильгельмъ IV. Извольте. Вотъ, рядомъ со мной, отецъ Фулькъ, аббатъ сентъ-одольфскій, котораго вы уже знаете; возлѣ него аббатъ лидлумскій, а за нимъ аббатъ блоемкамскій. Напротивъ насъ сидятъ благородные Элько Галалса, Ситъ Мартена, Титъ Камминга и Янке Гельбанда. Мы вмѣстѣ составляемъ настоящее правительство Фризландіи. Теперь, если вы хотите знать имена и тѣхъ трехъ человекъ, что стоятъ тамъ у окна, то извольте. Первый Ицъ Фадинга, второй....

— Довольно, довольно, прервалъ Деодатъ: но объясните, пожалуйста, что вы сказали о теперешнемъ правительствѣ Фризландіи? Здѣшнее правительство — Вильгельмъ IV.

— Здѣсь нѣтъ ни дюкюта земли принадлежащей Вильгельму IV.... Но я не хочу съ вами спорить... Скажите же, за чѣмъ вы сюда?

— Я имѣю порученіе къ графскому управляющему.

— Вотъ что! сказалъ злобно улыбаясь Аделенъ: ну, такъ потрудитесь взглянуть въ это окошко.

Деодатъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ и съ ужасомъ отскочилъ, вскричавъ:

— Кто осмѣлился на такое гнусное преступленіе?...

Бѣдный мейнгеръ управляющій былъ повѣшенъ на деревѣ передъ ратушей.

— Что тутъ долго разсуждать, сказалъ блоемкамскій аббатъ: повѣсите и этого!

— Спасая рыцаря отъ рукъ черни, замѣтилъ братъ Сіаръ: я воображалъ, что дѣлаю удобное достопочтеннѣйшему моему начальнику, аббату сентъ-одольфскому, который, вѣрно, не согласится позволить приговорить къ смерти кого бы то ни было безъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла.

— Братъ Сіаръ говоритъ совершенно справедливо, отозвался сентъ-одольфскій аббатъ: я именно хотѣлъ сказать, что нельзя ни кого наказывать безъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла.

— Смерть шпіону! вскричалъ Аделенъ, опираясь на свой мечъ, и почти всѣ присутствующіе повторили то же. — Повѣсьте его возлѣ мейнгера; сказалъ онъ обращаясь къ стражѣ, стоявшей у дверей залы.

— Стыдитесь, Серпъ Аделенъ! сказалъ Сіаръ. Въ какомъ же преступленіи обвиняете вы рыцаря Деодата Веронскаго? Напротивъ, не онъ ли спасъ вашу жизнь, когда она была въ явной опасности отъ Гарлемской черни? Не онъ ли доставилъ Мадзи Декама возможность благополучно миновать графскій лагерь, и этимъ самымъ способствовалъ ея возвращенію на родину?

— Я только что хотѣлъ замѣтить то же самое, сказалъ аббатъ Фулькъ: удивительная вещь, какъ братъ Сіаръ угадываетъ мои мысли!

— Это все вещи постороннія, возразилъ Аделенъ: большинство голосовъ собранія приговорило его къ смерти. — Стражи, возьмите!

Войны приблизились.

— Не бывать этому! раздался голосъ одного изъ трехъ человекъ, стоявшихъ въ впадинѣ окошка: не бывать этому: говорить вамъ сынъ ольдермана сира д'Эльва.

Деодатъ оглянулся и съ изумленіемъ увидѣлъ Рендъ, который кинулся въ его объятія.

— О, Рендъ! ты всё-еще любишь меня!.... Такъ забудешь же все прошлое!

Ренó съ жаромъ принялъ сторону Деодата, и убяженія его поколебали рѣшимость собранія. Смертный приговоръ рыцарю измѣненъ, и ему присудили оставаться, до дальнѣйшаго рѣшенія, плѣнникомъ на честное слово въ сентъ-одольфскомъ аббатствѣ, а до перемѣщенія туда, отвели въ одну изъ комнатъ нижняго этажа ратуши.

Едва Деодатъ остался одинъ въ этой комнатѣ, какъ въ окошкѣ показался Суедеръ.

— Какая неосторожность! вскричалъ рыцарь: что, если тебя увидятъ.

— Тсс!.... Выпрыгните въ окно, и маршъ....

— Нельзя: я далъ честное слово.

— Тѣмъ хуже!... Когда я увидѣлъ, что не могу вамъ быть полезенъ, то кинулся вплавь къ нашему кораблю, и сказалъ, чтобъ шли въ море.... Однако жъ; они возвратятся ночью.... Куда васъ отправятъ отсюда?

— Въ сентъ-одольфскій монастырь.

— Ну, до свиданія!

Суедеръ исчезъ. Дверь комнаты отворилась; вошелъ Ренó. Послѣ первыхъ изліяній дружбы, Деодатъ спросилъ друга:

— Какъ ты это очутился въ Фризландіи и называешься сыномъ сира д'Эльвы?

— Ты не хотѣлъ мнѣ вѣрить, а между-тѣмъ Барбонера, точно, доставилъ мнѣ доказательства о моемъ рожденіи.

— А я? Кто же я?

— Ты?.... Можетъ-быть побочный сынъ Карла дела Скала.... Но, не будемъ говорить объ этомъ.... Расскажи мнѣ, лучше, какъ вы помирились съ Утрехтомъ.

— Очень просто. Когда утрехтскимъ жителямъ пришло ужъ очень худо отъ осаждающихъ, Богъ-вѣсти откуда взялся ихъ епископъ, который до этого жилъ во Франціи....

Ренó улыбнулся.

— Иоаннъ д'Аркель повидался съ графомъ и, кажется, успѣлъ снова вкратиться въ его довѣренность. Словомъ, они помирились, и однимъ изъ условій заключеннаго договору было то, что Иоаннъ д'Аркель дастъ вспомогательное войско графу Голландіи противъ мятежныхъ Фризландцевъ, и самъ будетъ находиться при его свѣтлости, на флотѣ, готовомъ отплыть для высадки голландскихъ войскъ на берега Фризландіи.

— Да, мы ужъ знаемъ здѣсь о намѣреніяхъ графа, и все готово къ упорному отбою.... Услышавъ объ этой высадкѣ, чернь пришла въ такое волненіе, что мейингеръ управляющій сдѣлался его жертвою... Жаль бѣдняжки, да дѣлать было нечего.

Въ это время разговоръ двоихъ друзей былъ прерванъ: Ренé позвали къ Серпъ Аделену.

Подъ вечеръ того дня какъ Деодатъ былъ задержанъ въ Ставеренъ, сирѣ д'Эльва, всё-еще слабый но уже вне опасности, сидѣлъ въ своей спальнѣ авертскаго замка. Мадзи читала ему древнюю хронику. Сиза, въ углу, занималась работой. Въ сторонѣ моря слышались сильные удары грому, и деревья саду качались и скрипѣли подъ порывами бурнаго вѣтру. Вдругъ раздался лай дворовой собаки; но слышно было, что она лаетъ не на чужаго.

— Это, вѣрно, Фекó возвратился, сказалъ ольдерманъ.

— Ахъ, Боже мой! того и гляди, что онъ простудится, заблѣливо замѣтила Сиза. Черезъ нѣсколько минутъ Фекó вошелъ въ комнату.

— Что новаго? спросила Мадзи.

— Покуда ничего хорошаго. Ожидаютъ, что голландскій флотъ завтра будетъ у нашихъ береговъ.

— Завтра! вскричалъ сирь д'Эльва, вставая съ кресель : подай мнѣ мои доспѣхи.... Фризландія въ опасности, а я остаюсь дома!.... Но, Фекѳ, рассказывай все, что провѣдалъ.

Фекѳ подробно рассказалъ то, что уже извѣстно читателямъ. И когда онъ говорилъ, какъ хотѣли-было казнить Деодата, Мадзи едва не лишилась чувствъ: Благородный поступокъ Ренѳ очень тронулъ ольдермана, а узнавъ о возвращеніи брата Сіара, всѣ обрадовались.

— Вооруженные Фризландцы, продолжалъ Фекѳ, собираются въ городъ толпами. Гонцы разосланы во всѣ стороны. Рыцарь Ренѳ велѣлъ сказать, что у него столько дѣла, что ему ни какъ нельзя сегодня побывать здѣсь, и проситъ васъ оставаться въ замкѣ, покуда не придетъ вамъ новыхъ извѣстій. Онъ боится, чтобы непогода не сдѣлала вамъ вреда.

— Да, сказалъ ольдерманъ, выглядывая въ окно: славный вѣтеръ! Если голландскій флотъ теперь въ морь, такъ не всѣ корабли дойдутъ благополучно къ нашему берегу. Но когда отечество бѣдствуетъ, я не смотрю на погоду, и ѣду.

Тутъ опять послышался лай сторожкаго пса. Вошелъ братъ Сіаръ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій, сирь д'Эльва предложилъ доминиканцу оставаться съ Мадзи, а самъ, не взирая на бурю, рѣшился немедленно отправиться.

— У меня есть къ вамъ просьба, сказалъ Сіаръ, прощаясь съ ольдерманомъ : рыцарь Деодатъ теперь въ сентъ-одольфскомъ аббатствѣ; если оно будетъ атаковано, то, ради Бога, поберегите рыцаря.

— Безъ-сомнѣнія, безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ сирь д'Эльва, бодро сядя на коня.

Ожиданіе встрѣчи съ непріателемъ, казалось, возвратило ольдерману прежнія силы; онъ далъ шпоры лошади и поскакалъ, сопровождаемый Фекѳ.

— Мадзи и братъ Сіаръ, оставшись одни, съѣли къ вылающему камину, и когда Декасская Роза рассказала все, что случилось съ нею съ той минуты, какъ они разстались другъ съ другомъ въ плазвикской гостиницѣ, Сіаръ сказалъ :

— Мнѣ чрезвычайно странно, что этотъ Ренó заставлялъ признать себя сыномъ сира д'Эльва.... Вы, кажется, сказали, что паяцъ здѣсь, въ Фризландіи ?

— Да, онъ служитъ при Ренó.

— А что, не знаете вы, цѣль у него Барбанеринъ-шапкъ съ походной аптекой ?

— Какъ же, цѣль, отвѣчала Мадзи, разсмѣявшись такому странному вопросу : или вы хотите попросить у него какихъ-нибудь пилюль ?

— Быть-можетъ, серьезно отвѣчалъ монахъ : и становится, что вы согласитесь, когда узнаете, что знаю я.

Мадзи убѣдительно просила брата Сіара рассказать что съ нимъ было, и тотъ, пересказавъ все случившееся съ нимъ до той минуты, когда былъ вмѣстѣ съ Барбанерою заключенъ въ темницѣ нейштейнскаго замка, продолжалъ :

— Первымъ моимъ движеніемъ были гнѣвъ и негодование на того, кто такъ безчестно лишилъ меня свободы. Что касается до Барбанеры, то онъ сначала думалъ, что его заключили не надолго, и только затѣмъ, чтобы я впослѣдствіи не подозрѣвалъ его участія въ этомъ гнусномъ дѣлѣ. Но когда онъ убѣдился въ противномъ, то вналъ въ такое ужасное отчаяніе, что мнѣ стали страшны проклятія, которыми онъ осыпалъ Іоанна д'Аркеля, и того старика, что каждый день подавалъ намъ пищу черезъ маленькое оконцо двери. Въ одинъ день, — и я никогда не забуду этого дня! — старикъ не принесъ намъ пищи; на другой день тоже; на третій-опять тоже. Ксчастью, у насъ еще оставалось въ кружкѣ нѣсколько воды. Привыкнувъ къ посту, я довольно терпѣливо переносилъ голодь, но Барбанера, къ

концу третьяго дня, совершенно изнемогъ, и, почувствовавъ приближеніе смерти, началъ раскаяваться въ своихъ преступленіяхъ и просилъ меня напутствовать его таинствомъ исповѣди. Я собралъ всѣ силы, чтобы облегчить его томленіе утѣшеніями религіи, и вотъ, что онъ открылъ мнѣ: Въ прошломъ году Барбанера находился въ Греноблѣ въ числѣ служителей утрехтскаго прелата, съ которымъ въ ту пору зашелъ повидаться какой-то пилигримъ, идущій изъ Голландіи въ Италію. Барбанера сблизился съ нимъ, и узналъ, что двое рыцарей, Ренó и Деодатъ Веронскіе, поручили ему постараться развѣдать въ Италіи, кто ихъ родители, и поэтому случаю дали письмо, которое могло способствовать къ открытію этой тайны. Пилигримъ показалъ письмо Барбанерѣ, а Барбанера могъ бы скорѣе всякаго дать нужныя свѣдѣнія, потому что самъ былъ нѣкогда въ услуженіи у Біанки ди Салерно, и зналъ о ея тайномъ бракѣ съ сиромъ д'Эльва. Но онъ не захотѣлъ ничего сказать, и рѣшился пріобрѣсть себѣ награду, обѣщанную рыцарями за разузнаніе тайны ихъ рожденія. Случилось, что пилигримъ занемогъ и умеръ. Барбанера захватилъ письмо, ввѣренное ему Деодатомъ и Ренó, оставилъ службу прелата и отправился въ Верону. Тамъ ему удалось увидѣться съ Біанкою въ томъ монастырѣ, гдѣ Франческо уже столько лѣтъ держалъ ее въ заключеніи. Онъ извѣстилъ бѣдную заключенницу что сынъ ея еще живъ, а она отдала ему свой обручальный перстень и написала письмо, въ которомъ указывала на знакъ, положенный самой ею на грудь своего ребенка, по которому сиръ д'Эльва могъ узнать сына. Если бы Барбанера тогда же открылъ эту тайну, то, вѣроятно, не подвергся бы бѣдственной судьбѣ, постигшей его впоследствии; но духъ сребролюбія заставилъ несчастнаго рѣшиться продать письмо тому изъ двухъ рыцарей, который дастъ за него больше денегъ. Къ сирю д'Эльва не смѣлъ онъ отнестись, потому что прежде

досягалъ на его жизнь и обманулъ Біанку ложнымъ извѣстіемъ о его смерти. Встрѣтясь съ Ренѳъ въ плазвикской гостинницѣ, и считая Деодата умершимъ, Барбанера увѣрилъ его, что онъ, точно, сынъ ольдермана, хотя навѣрное зналъ, что это не правда, потому что нигдѣ случай видѣть обнаженную грудь Ренѳъ, а знака, сдѣланнаго Біанкою, на ней не было. Но, слушайте, вотъ важное обстоятельство: Барбанера оставилъ у себя письмо Біанки и спряталъ его въ двойномъ днѣ своей походной аптеки.... Барбанера умеръ; я счелъ неблагоприятнымъ сообщить теперь эту важную тайну сирѣ д'Эльва, потому что не видалъ еще на груди Деодата знака, описаннаго Біанкою, и рѣшился открыться сначала вамъ.... Въ самый день смерти моего товарища въ тюрьмѣ, замкомъ Нейштейнъ завладѣли Голландцы, и я былъ освобожденъ. Тутъ узналъ я, что намъ не приносили пищи потому, что старикъ Петръ скоропостижно умеръ, а кромѣ его ни кто не зналъ о нашемъ заключеніи.

— Боже мой! Боже мой! повторяла Мадзи, слушая рассказъ доминиканца.... Но, скажите, чей же сынъ Ренѳъ!

— Онъ сынъ одной изъ горничныхъ Біанки. Барбанера, опасаясь подвергнуться мщенію того изъ двухъ рыцарей, который, по открытіи тайны, узнаетъ о своемъ низкомъ происхожденіи, назвалъ изъ предосторожности отцемъ одного изъ двухъ дѣтей, подкинутыхъ къ Карло делла Скала.... Но, прощайте; мнѣ пора въ свое аббатство.

Въ эту минуту вбѣжала Сиза, блѣдная и испуганная:

— Господи! кричала она: весь Ставеренъ въ огнѣ!

Братъ Сіаръ и Мадзи кинулись на террасу. При видѣ пожара, которое еще казалось ярче отъ темноты ночи, доминиканецъ сказалъ:

→ Это горитъ не Ставеренъ, а, должно-быть, Норпортъ.

— Я слышу набатъ, вскричала Мадри: видно поспиратель уже сдѣлалъ высадку.

— О, да!... Я не могу терять ни минуты...

И братъ Сиаръ побѣжалъ къ сентъ-одольскому понастирю по ближайшей тропицкѣ.

Флотъ, собранный Вильгельмомъ IV для высадки голландскихъ войскъ на берега Фризландіи, вышелъ въ Зудерзей утромъ того дня, котораго событія мы теперь рассказываемъ. На этомъ флотѣ находился весь цвѣтъ рыцарства Голландіи, Геннегау и утрехтской области. Къ полудню, кормчій купеческаго корабля, отправленнаго съ отрядомъ войскъ подъ начальствомъ Деодата, для нечаяннаго нападенія на ставеренскій замокъ, донесъ графу, что эта экспедиція не удалась, и что рыцарь, съ оруженосцемъ своимъ Суедеромъ, остались въ рукахъ неприятелей.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Вильгельмъ IV: дайте знать объ этомъ сирю де-Бомонъ, и пусть онъ сейчасъ же направляется съ своей эскадрой къ Леммеру, и высадивъ войско идетъ внутрь земли; а мы сдѣлаемъ высадку по-сѣвернѣе Ставерена, и такимъ образомъ сойдемся съ нимъ въ самомъ центрѣ Фризландіи.

Эскадра сира де-Бомонъ отдѣлилась отъ флота, и при попутномъ вѣтрѣ, исчезла изъ виду.

Между-тѣмъ, къ вечеру, весь горизонтъ покрылся туманами. Какъ кормчій ни совѣтовалъ графу возвратиться въ гавань чтобы не погибнуть на меляхъ, окружающихъ берега Фризландіи, онъ не согласился. Единъ только Іоаннъ д'Аркель приказалъ своему пораблю поповодомъ отставать, и благополучно вошелъ въ куммерскую пристань. Немедленно вышелъ на берегъ, онъ

правился въ близъ лежащій ионскій монастырь Святой Марыи. Въ этой обители д'Аркель засталъ одну знатную иностранку, прѣездомъ въ Фризландію, и, не желая ее беспокоить, расположился не въ большихъ гостинныхъ комнатахъ, а въ простой кельи.

Съ наступленіемъ ночи страшная гроза разразилась надъ Зудерзеємъ.

Не подалеку отъ Ставерена, къ сѣверу, было селеніе Норвертъ, котораго и самое мѣсто теперь уже давно поглощено волнами. Во время описываемыхъ происшествій, селеніе это находилось въ близкомъ разстояніи отъ моря, но берегу котораго была сдѣлана высокая насыпь. Скрытые этою насыпью и кустарникомъ, на ней переселившимъ, воины части эскадры сира де-Бомонъ, какъ спасшейся отъ бури, вышли на берегъ Фризландіи. Суедеръ, который скрывался въ этихъ кустарникахъ, присоединился къ нимъ. Они прокрались къ Норверту, оставленному жителями, и зажгли селеніе. Но между-тѣмъ отрядъ фризландскихъ воиновъ отрубалъ Голландцевъ отъ моря, и завязалась битва.

Сиръ д'Эльва, прибывъ въ Ставеренъ, съ первыми встрѣтился съ сентъ-одольскимъ аббатомъ, который извѣстилъ его, что уже приняты всѣ мѣры къ отраженію непріятелей. Людей для этого было довольно, потому что при опасности отечества всѣ Фризландцы приидись за оружіе.

— Что касается до меня, продолжалъ аббатъ: то я еду въ свою обитель, молиться за успѣхъ нашего оружія.

Пріѣхавъ въ аббатство, настоятель тотчасъ спросилъ, гдѣ Деодатъ; ему отвѣчали, что патеръ Сіаръ отдалъ ему свою келью, и велѣлъ наблюдать, чтобы пѣннишъ ни въ чемъ не нуждался.

— Именно ; я только-что хотѣлъ приказать то же самое.... А запертъ ли онъ ?

И на утвердительный отвѣтъ , аббатъ промолвивъ : «Хорошо!» удалился въ свои комнаты. Но не долго оставался онъ спокойнымъ : къ нему вошелъ братъ Сіаръ и торопливо сказалъ , что надо подумать объ оборонѣ аббатства , потому что непріятель уже выходитъ на берегъ и , вѣроятно , черезъ полчаса будетъ въ обители.

— Ахъ , Господи ! вскричалъ Фулькъ трепеща всѣмъ тѣломъ : что жъ намъ дѣлать ?.... Велите выставить на колокольнѣ два зажженныхъ фонаря : это нашъ условный сигналъ объ опасности.... Ну , братъ Сіаръ , что жъ намъ дѣлать ?....

— Фонари ужъ зажжены , и я приказалъ завалить церковныя двери. Мы всѣ , старики и молодые , возьмемъ на кровлю нашей церкви и будемъ оттуда кидать что ни попадо на осаждающихъ.... Братія уже носятъ туда кирпичи , камни , бревна , и большіе котлы масла : мы его вскипятимъ и станемъ обливать кто подойдетъ по-ближе.

И въ самомъ дѣлѣ ; сиръ де-Бомонъ подошелъ къ берегу съ остальною , большею , частью своей эскадры ; онъ направился прямо къ сентъ-одольфскому аббатству. Видя отчаянное сопротивленіе осажденныхъ въ церкви , во внутренность которой нельзя было попасть безъ проломной машины для разбитія крѣпко и на-глухо заваленныхъ дверей , сиръ де-Бомонъ велѣлъ подложить подъ нихъ огня. Но храбрые иноки не сдавались , самъ Фулькъ одушевился такимъ мужествомъ , что и не смотрѣлъ на опасность , которая , ксчастію , скоро миновалась , потому что , на поданный сигналъ , отрядъ Фризландцевъ примчался на помощь аббатству , и сиръ де-Бомонъ былъ принужденъ отступить.

Но между-тѣмъ какъ огонь у церковныхъ дверей былъ въ минуту погашенъ , искра , заброшенная въ-

ромъ, разнесла пожаръ по зданію, гдѣ хранилось сѣно и солома, и огонь вскорѣ распространился по оставленной обители.

Ренó, въ сопровожденіи Дамьяна, ѣхалъ къ селенію Рейсъ, гдѣ расположены были главныя силы Фризландцевъ, для встрѣчи графа Голландіи.

Вдругъ рыцарь сдержалъ коня, и, подозвавъ Дамьяна, отставшаго на нѣсколько шаговъ, сказалъ :

— Въ этой темнотѣ не видно ни зги..... Но, прислушайся: за нами кто-то ѣдетъ Точно всадникъ, на хромой лошади.

— На хромой лошади! вскричалъ Дамьянъ : ужъ это не чертъ ли ?

— Ступай впередъ; и если я кого замѣчу сзади себя, такъ мы поразвѣдаемся.

Поѣхали. Но изумленіе Ренó еще усилилось, когда теперь ему сталъ слышаться тотъ же шумъ, что онъ принялъ за тротъ хромой лошади, уже не позади, а впереди. Онъ прищпорилъ коня, догналъ своего слутника, и тутъ только догадался, что ошибся : шумъ происходилъ отъ походной Барбанериной аптеки, которую Дамьянъ, по привычкѣ, везъ за плечами. Рыцарь вскричалъ :

— Какъ ты осмѣлился, оселъ, взять съ собой эту драгъ? Развѣ хочешь, чтобы меня принимали за такого же шарлатана какъ твой прежній хозяинъ?... Ты, вѣрно, расположенъ засѣсть въ этотъ ящикъ на все время сраженія!....

— Помилуйте, рыцарь! да гдѣ жъ мнѣ взять храбрости, когда Богъ не даль... Но, божусь, въ ящикъ не ся-

ду, а только спрячусь за нимъ отъ стрѣль.... Безъ того вѣдь какъ-разъ убьютъ.... Что жъ вамъ прибыли?

Ренó разсмѣялся и промолчалъ.

Пріѣхавъ въ Рейсъ, рыцарь нашелъ все войско въ готовности выступить, и оно немедленно заняло Красный-Холмъ, столь славный въ лѣтописяхъ Фризландіи.

Теперь Красный-Холмъ, подмытый волнами, не что болѣе какъ малый мысъ, утесистый со стороны моря, и пологій къ берегу. Въ тогдашнюю пору холмъ этотъ повелѣвалъ всюю цѣпью прилежащихъ холмовъ, и съ его вершины представлялась великолѣпная панорама окрестностей и водъ Зудерзея. Къ югу, подолна его омывалась моремъ и вдавалась въ него мысомъ, такъ, что между нимъ и сентъ-одоольфскимъ аббатствомъ, построеннымъ тоже на мысу, было, берегомъ, не болѣе получасу ходьбы, и дорога шла по насыпи, служащей низменнымъ мѣстамъ оградой отъ волнъ моря во время бурной непогоды. Начинало свѣтать, и съ этой насыпи видно было, какъ Фризландцы, несравненно превосходные въ числѣ, жестоко тѣснятъ и поражаютъ остатки голландскихъ витязей.

При этомъ видѣ Ренó вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ: передъ его глазами мелькали знамена, подъ которыми онъ столько разъ сражался, и подъ которыми теперь умираютъ его бывшіе товарищи и братья. Рыцарь печально склонилъ голову и задумался. Въ это время опустилась ему на плечо тяжелая рука блоемкампискаго аббата.

— Что ты, д'Эльва? Развѣ не видишь? Непрiятель отступаетъ въ нашу сторону.... Встрѣчай же его какъ настоящій сынъ ольдермана, какъ истинный сынъ Фризландіи; нето, клянусь небомъ! я самъ разнесу тебѣ голову.

Но Ренó хладнокровно взглянулъ на аббата, и остался

ведомизьяны; Вдругъ они побѣжали; и вскричали
свѣтлымъ голосомъ:

— Боже! Боже! Это знамя де-Бомонъ!

— Графскаго павла!... Тамъ лучше!... Вотъ мы его
получуемъ по-прежнему, сказала аббатъ; и обратилась
къ Дамьяну, вскрикнувъ: Дѣй, ты! Что у тебя за ящикъ?
Поставь его здѣсь, чтобы, опершись на него, вѣрнее
пустить стрѣлу.

Дамьянъ струсила грознаго голоса, и повиновался.

Изъ шести сотъ человѣкъ, составлявшихъ отрядъ
сира де-Бомонъ, уже оставалось не болѣе полуторага.
Съ тѣхъ поръ какъ показалась заря и они могли ви-
деть другъ друга, эта горсть храбрыхъ построилась въ
тѣсный рядъ, и ей однимъ спасеніемъ оставалось за-
нять вершину Краснаго-Холма, съ которой бы легче
было запереться до прибытія войскъ ожидаемыхъ съ
Вильгельмомъ IV. Но мы видимъ, что вершина тоже
занята Фризландцами, и положеніе Голландцевъ стано-
вилось безпомощнымъ. Однако же они всё подавались
впередъ.

Вдругъ Рено вскричалъ:

— Сиръ де-Бомонъ, сдайтесь, ради Господа, сдайтесь!
Вамъ не возможно устоять противъ множества непрія-
телей.

— Не голосъ ли это предателя Рено? отвѣчалъ де-Бо-
монъ: въ такомъ случаѣ онъ долженъ знать, что
де-Бомонъ не сдается, покуда не падеть. Держитесь,
держитесь, храбрые товарищи! вонъ наши корабли;
черезъ полчаса, не болѣе, мы получимъ подкрѣпле-
ніе.

Впереди Рено шла страшная битва; однимъ только
окомъ да Дамьянъ не принимали въ ней участія. Въ это
время Дамьянъ подползъ къ Барбанерицой аптекъ,
чтобы посмотрѣть нельзя ли спасти вещь, которую
столько времени таскалъ за плечами, что жалъ о ней
какъ-бы о существенной части своего тѣла. Но, увы!

лишней уже: все было разложено; голландцы удивленію и утѣшенію бывшаго паяца, отъ маломъ въ отнѣшенномъ двойномъ днѣ, котораго прежде и не подозревали; большій кожаный кошелькъ денегъ и какое-то письмо, Дамьянъ спряталъ кошелькъ за шазуку, а письмо откинулъ въ сторону: оно унале прямо подъ ноги Рено. Рыцарь поднялъ и прочелъ. Написанное, казалось, потрясло всю его душу; онъ взглянулъ на море: вблизи стоялъ одинъ голландскій корабль; корабль уже спустилъ свои лодки и онъ быстро шли къ берегу. Рено кликнулъ Дамьяна.

— Возьми первую понавшуюся лошадь, сказалъ онъ твердымъ голосомъ: и не теряя ни секунды, отвези эту бумагу сирѣ д'Эльвъ.... Да будешь ты проклять, если не исполнишь моей послѣдней воли!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Дамьянъ, который отъ всей души обрадовался случаю оставить поле битвы.

Между-тѣмъ Рено сѣлъ также на своего коня.

Вся горсть Голландцевъ уже пала; одинъ еще сирѣ де-Бомонъ, стоя у подошвы холма, по колено въ водѣ, оборонялся отъ множества Фризландцевъ. Вдругъ, Рено пустилъ коня въ скачъ, и, при всенномъ кликѣ де-Бомонъ, очутился возлѣ неустрашимаго рыцаря, могучей рукою схватилъ его поперекъ тѣла, вскинулъ къ себѣ на сѣдло, и во-весь опоръ помчался къ морю.

Изумленіе дотого поразило Фризландцевъ, что они дали время рыцарямъ быть принятымъ на одну изъ голландскихъ лодокъ.

Теперь мы должны сказать, что флотъ Вильгельма IV, разсѣянный бурей, потерялъ часть кораблей, а другіе, приставая къ берегамъ Фризландіи, гдѣ только попало, высадили находившіяся на нихъ войска, не массою, а сколько на которомъ было.

На корабль, приставшемъ близъ Краснаго-Холма, находился самъ Вильгельмъ IV. Выйдя на берегъ, по ту

сторону насыни, онъ, мрачнымъ взоромъ окинулъ сво-
ихъ воиновъ; ихъ не было въ шести сотъ! Молча
извлекъ онъ широкій свой мечъ и кинулся на толпы
Фризландцевъ. За нимъ и его рыцари.....

Всѣ погибли. Не спаслось ни одного!

Не возможно описать чувствъ, волновавшихъ Деода-
та въ первые часы заключенія въ сентъ-одольскомъ
монастырѣ. Досада отъ неудачи въ порученномъ дѣлѣ;
радость примиренія съ Рено; опасенія о графскомъ одо-
лѣ; страхъ, что милая ему Мадзи и почтенный сирь д'Эль-
ва будутъ подвержены опасности; благодарность къ
отцу Сіару, который спасъ его отъ вѣрной смерти; всѣ
эти чувства живѣе наполняли его сердце и занимали
умъ. Наконецъ, наступила ночь; и Деодатъ забылся
сномъ. Незапный шумъ разбудилъ его; отрядъ сирь де-
Бомонъ дѣлалъ приступъ къ монастырской церкви. По-
томъ шумъ уменьшился, а черезъ нѣсколько времени до
слуху рыцаря стали доходить только отдаленные клики
сражающихся и неясные звуки ихъ оружія. Келья Сіа-
ра, гдѣ былъ запертъ рыцарь, находилась въ верхнемъ
корридорѣ аббатства; и узкое окно ея выходило не къ
сторонѣ моря; потому-то Деодатъ и немогъ видѣть, что
дѣлается на полѣ битвы, если бѣ даже мракъ ночи и
не жѣшало различать окрестностей.

Спустя нѣсколько времени, рыцарь послышалъ за-
пахъ дыму, и содрогнулся. Еще нѣсколько минутъ, и
онъ уже не могъ сомнѣваться, что аббатство предано
пламени. Полъ уже трещалъ надъ его ногами; ужасная
смерть казалась неизбежною. Какъ вдругъ, дверь его

кавы разлетѣлись отъ сильныхъ ударовъ свирѣи, и онъ очутился въ объятіяхъ своего врага Суедера.

— И зналъ, что найду васъ здѣсь!... Едва добжалъ!... Надобно спастись!...

Но уже было поздно: лѣстница, ведущая внизъ, вся въ огнѣ; внутреннія части зданія рушились одна за другою. Скоро на мѣстѣ сентъ-одольской обители осталась лишь груда развалинъ; только колокольня стояла, почернѣвшая отъ дыму, съ основанія до креста.

Солнце взошло и освѣтило торжество Фризландцевъ.

Сирь д'Эльва, аббатъ Фулькъ и нѣсколько монаховъ ходили около разрушенной обители, и приподнимали трупы убитыхъ, въ надеждѣ найти раненыхъ, которымъ бы еще можно подать помощь. Братъ Сирь, встревоженный, посѣбно доносилъ къ ольдерману и сироемъ :

— Ради Бога! не видали ли вы рыцаря Деодата?

— Рыцаря Деодата?... Боже мой!... онъ вѣдь былъ здѣсь, а я совсѣмъ и забылъ!

— Спасся ли онъ во время пожара?

— Ну вотъ, ручаюсь, что нѣтъ, сказалъ одинъ изъ иноновъ: дверь его кельи оставалась такъ плотно закрыта; что ему, вѣрно, не было ни какой возможности спастись.

— Да здравствуетъ Фризландія! раздался громкій голосъ подошедшаго аббата блоемкампскаго: Да здравствуетъ Фризландія! Не осталось въ ней ни одного живаго Голландца. Только де-Бомонъ уцѣлѣлъ по милости предателя, котораго сирь д'Эльва называлъ своимъ сыномъ.

— О срамъ! воскликнулъ ольдерманъ въ отчаяніи.

— Отъ него нечего было и чаять другаго кромѣ предательства, сказалъ братъ Сирь.

— Что вы разумеете? спросилъ д'Элива, съ изумле-
ниемъ глядя на доминиканца.

— Скажу послѣ, отвѣчалъ тотъ, и отошелъ.

Мы оставили Деодата и Суедера въ положеніи вѣ-
тъ безнадѣльности; однако же они избѣжали гибель, и
имъ какъ-то обрести.

Когда они увидѣли, что нуть сообщенія съ нѣскими
знаками перебиваетъ огнемъ, который со всѣхъ сто-
рокъ уже начиналъ палить ихъ, то, не въ надеждѣ спа-
сенія, а только съ безотчетнымъ чувствомъ самоохра-
ненія, бросились по лѣстницѣ ведущей на колокольню.
Это самое и спасло ихъ. На колокольнѣ было навалено
множество веревокъ; они связали ихъ въ одну, и спу-
стились. Но опасность всё-еще не миновалась, потому-
что первые встрѣчные Фризландцы непременно бы уби-
ли ихъ. Ксчастію, Деодатъ замѣтилъ входъ въ под-
земные погреба аббатства, и вмѣстѣ съ Суедеромъ
скрылся туда; но прежде, пробираясь между развалинъ,
они нашли два трупа воиновъ, и чтобы избѣжать за со-
бою поисковъ, надѣли на нихъ свои полукафтаны.

Прошло десять дней. На одиннадцатый, въ церкви
блоскамнскаго аббатства происходило погребеніе Виль-
гельма IV, графа Голландіи и Геннегау, котораго обезо-
браженный трупъ едва едва могли найти между множе-
ства павшихъ рыцарей и воиновъ. Іоаннъ д'Аркель,
епископъ утрехтскій совершалъ отпѣваніе.

На другой день послѣ этой церемоніи, Мадзи и братъ
Сіаръ сидѣли въ одной изъ комнатъ авертскаго замка.
Декабрьская Роза казалась погруженною въ глубокое уны-
ніе, и разсѣянно внимала утѣнительнымъ словамъ до-
миниканца. Дамьянъ, получивъ отъ Рено приказаніе отъ

дать письмо сирю д'Эльва, разумеется, не пошел искать ольдермана во время сраженія, а предположительно отправился дожидаться его въ авертскомъ замкѣ, и вручилъ письмо Мадзи; она, не будучи въ состояніи прочесть этой бумаги, писанной по-италіянски, тотчасъ догадалась, что это должна быть та самая, о которой говорилъ ей патерь Сіаръ; и лишь-только сиръ д'Эльва возвратился, поспѣшила-было сообщить ему радость, но не успѣла, потому-что, услышавъ отъ ольдермана о бедственной судьбѣ, вероятно достигшей Деодата во время пожара сентъ-одельваго аббатства, побоялась огорчить, и то уже немощающаго, старца.

Д'Эльва видѣлъ грусть своей питомицы, и зналъ, что она скорбитъ по Деодатѣ, о которомъ сердечно жалѣлъ и самъ, но поступокъ Ренѣ, котораго считалъ своимъ сыномъ, еще болѣе сокрушалъ его.

Одинъ только братъ Сіаръ зналъ, какъ и Мадзи, тайну рожденія Деодата, но они оба рѣшились не говорить о томъ ольдерману; тѣмъ болѣе, что при разобраніи развалинъ сгорѣвшаго аббатства, были найдены два обезображенные трупа, изъ которыхъ на одномъ узнано полукафтанье несчастнаго рыцаря.

Между-тѣмъ какъ Мадзи и доминиканецъ занимались теперь своими печальными мыслями, сиръ д'Эльва и аббатъ Фулькъ, возвратясь съ похоронъ Вильгельма IV, вошли къ нимъ.

— Приготовляйся, милая Мадзи, сказалъ сиръ д'Эльва, принять важнаго гостя: къ намъ будетъ сегодня обѣдать утрехтскій епископъ.

— Утрехтскій епископъ!... Возможно ли? вскричала Мадзи блѣднѣя.

— Да что жъ тутъ невозможнаго, замѣтилъ Фулькъ!... Ступайте, съ Богомъ, приодѣться; его степенство скоро придетъ.

Но у воротъ услышался звукъ рога и шумъ падающаго подземнаго моста; аббатъ взглянулъ въ окно.

— Тамъ и есть! сказалъ онъ: его степенство уже при-
халъ; и, Господи прости! съ нимъ съ полдюжины
женщинъ.

Двери залы растворились настежь; вошелъ Іоаннъ
д'Аркель. Онъ въжливо поздоровался съ ольдерманомъ,
дружески пожалъ руку аббату, почтительно поклонил-
ся Мадзи, не показывая ни малѣйшаго виду, что когда-
нибудь встрѣчался съ нею прежде, и развязно привѣт-
ствовалъ брата Сира.

Начавъ разговоръ, Іоаннъ д'Аркель примолвилъ :

— Ахъ, да! я было и забылъ сказать, что прихалъ
не одинъ; мнѣ сопутствовала дама высокаго званія... и
пожилыхъ лѣтъ, прибавилъ онъ замѣтя улыбку Фуль-
ка: она не очень здорова, и я бы покорно просилъ
Декамскую Розу побыть съ нею нѣсколько времени.

Мадзи съ радостью приняла предложеніе и поспѣ-
шила къ дамѣ, прихавшей съ прелатомъ. То была жен-
щина пожилыхъ лѣтъ; но съ перваго взгляду было вид-
но, что она въ молодости была красавица, и черты
лица ея всё-еще оставались правильны и пріятны. Да-
ма не говорила по-фризландски, но по выраженію ея
эпизюмиди Мадзи легко поняла, что незнакомка при-
знательна къ ея внимательности. Словомъ, хотя онъ
объ не понимали рѣчей одна другой, но внезапно почув-
ствовали взаимно ту симпатію, которой причинъ ни кто
не въ состояніи опредѣлить.

Въ это время вошла Сива и сказала нѣсколько словъ
какую Мадзи. Декамская Роза вскрикнула и затрепета-
ла: въ дверяхъ стоялъ человекъ, въ монашескомъ
платѣ, блѣдный какъ смерть.

Но возвратимся къ сиру д'Эльвѣ.

Жизнь Мадзи вышла изъ комнаты, д'Аркель сказалъ
ему :

— Видите, я исполнилъ мое обѣщаніе. Теперь, по-
зволяете спросить, гдѣ тѣ два молодые человека, пере-

одетые доминиканцами, которыхъ я долженъ выпроводить изъ Фризландіи.

— Здѣсь, и ни кто кромѣ меня и аббата Фраймунда знаетъ объ этомъ. Они еще не совершенно оправданы, но, думаю, будутъ въ состояніи свидѣть же оъ замѣчать.

— Человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ... Прежде всего, я долженъ спросить васъ, сиръ д'Обива, не имѣете ли вы въ Италіи знакомой особы, о которой бы желали получить извѣстіе?

— Господи! Неужели...

— Неужели я могу вамъ сообщить эти извѣстія? Не мудроно. На прошлой недѣлѣ я встрѣтился въ Кундортъ съ кѣмъ-то изъ Вероны.

— Изъ Вероны! О, жива ли еще Біанка ди Салерно? вскричалъ олдерманъ, въ сильномъ волненіи всматруивъ руками.

— Франческо дела Скала, тиранъ веронскій, уже не существуетъ, и смерть его возвратила Біанкѣ свободу, которой она была лишена столько времени.

— Слава Богу! Такъ страданія Біанки прекратились!

— Она желаетъ знать, помнитъ ли еще о ней сиръ д'Обива, и расположенъ ли его сынъ, котораго она встрѣтила некогда понеченіемъ Карло дела Скала, и который былъ впоследствии при дворѣ блаженной памяти графа Вильгельма IV, признать ее своею матерью.

— Помню ли я Біанку! воскликнулъ олдерманъ: Богъ свидѣтель, что никогда не переставалъ любить ее... Сейчасъ еду въ Верону... Возвращу ей и сына... Напишу къ сирю де-Бомонъ: Ренó, вѣрно, при немъ...

— Ренó не сынъ вашъ, сказалъ д'Армель.

— Не нашъ сынъ!... Такъ кого же называть дитя сыномъ?

— Ради самого неба, перервать братъ Сіаръ, бросаясь на колѣни передъ прелатомъ: если вы знаете эту тайну

лу, то не говорите ни слова; не раздирайте сердца нечастнаго отца.

— Я не вижу никакого несчастія быть отцомъ такого достойнаго рыцаря какъ Деодатъ.

— Деодатъ! произнесъ д'Эльва съ восторгомъ.

— О, Боже! сказалъ Сиръ: Деодатъ погибъ въ пожаръ сентъ-одольфской обители.

— Совсемъ нѣтъ, возразидъ аббатъ: Фекъ напелъ его и еще другаго молодаго человека, полу-мартынами въ погребахъ аббатства; онъ сказалъ объ этомъ только мнѣ и ольдерману, и мы рѣшились скрывать ихъ до безопаснаго случая выпроводить изъ Фриандинъ.

— Неисповѣдимы пути Твои, Господи! вскричалъ братъ Сиръ, и, обращаясь къ сирю д'Эльва, подалъ ему письмо, примолвивъ: такъ вотъ вамъ и доказательство того, что Деодатъ дѣйствительно вашъ сынъ. Это письмо Біанки.

Сиръ д'Эльва въ восторгъ покрывалъ поцѣлуями черты милой руки, какъ предать сказалъ:

— Чѣмъ цѣловать почеркъ, не хотите ли лучше поцѣловать руку, которая писала?

— Небо!... Эта дама?...

— Она!

Д'Эльва бросился изъ комнаты, и очутился въ объятіяхъ жены и сына.

— Прошло много лѣтъ. Рука времени уже стерла съ лица земли многихъ дѣйствующихъ лицъ нашей повѣсти. Разъ, въ прекрасный лѣтній день, путешественникъ, въ сопровожденіи одного слуги, ѣхалъ по извилистой дорогѣ изъ Гарлинга въ Болзавертъ, Оба каза-

лись уже въ преклонныхъ лѣтахъ; ихъ загорѣлыя лица и шрамы на щекахъ свидѣтельствовали, что военные труды, столько же какъ и лѣта, убѣлили свдиной ихъ волосы и бороды.

— Вотъ, рыцарь, говорилъ вѣдь я вамъ, чтобы въ Гарлингъ взять провожатаго; кажется, вы не твердо помните дорогу.

— Ошибаешься, Бертó. Видишь ли вдали замокъ? Это замокъ д'Эльва; а флагъ, развѣвающийся на башнѣ, показываетъ, что и хозяинъ дома.

— А всё лучше спросить вонъ у этихъ дѣтей, что играютъ на лугу.

Рыцарь послушался совѣта. Дѣти, при видѣ подъѣзжающихъ путниковъ, прервали свои игры.

— Какъ бы проѣхать ближе къ замку сира д'Эльва? спросилъ ихъ рыцарь.

Всѣ закричали въ одинъ голосъ, только указывали на разные дороги.

Между-тѣмъ подошелъ пожилой человекъ, и узнавъ о чемъ спрашиваетъ незнакомецъ, сказалъ дѣтямъ:

— Пора домой и намъ; мы сами проводимъ путешественниковъ. — Поторопись же, Мадзи, продолжалъ онъ, обращаясь къ маленькой дѣвочкѣ: не то Свиза будетъ бранить тебя.

— Мадзи! повторилъ незнакомецъ съ видимымъ волненіемъ: такъ это милое дитя дочь Мадзи д'Эльва?

— О, о! отвѣчалъ старикъ Фризландецъ, указывая на старшаго изъ дѣтей: вотъ младшій изъ сыновей Фроу Мадзи д'Эльва; остальные все ея внучата.

Незнакомецъ съ чувствомъ посмотрѣлъ на юношу, сына Мадзи, и протянулъ къ нему руку.

— Какой у васъ блестящій палангъ! сказалъ тотъ, любуясь оружіемъ рыцаря.

Рыцарь отвязалъ мечъ и подалъ юношѣ, примолвивъ:

— Изволь, я отдаю тебѣ въ плѣтъ.

— Добрый господинъ, сказала маленькая Мадзи: погатай меня на своей лошаdkъ.

— Какъ можно! проговорилъ-было старикъ-дядька, но на просьбу незнакомца, подалъ ему ребенка.

— Вотъ, Фекó, я и повду! радостно кричала дѣвочка.

— Фекó! сказалъ рыцарь. Фекó, ты не узналъ Ренó?... тó, какъ думаешь, будутъ ли мнѣ рады въ зámкѣ.

— Ахъ, Господи! Это вы!... Вотъ радость-то.... Не проходитъ и ни одного дня, чтобы всѣ про васъ не вспоминали.... Чтó это вы столько времени не давали намъ о себѣ ни какихъ извѣстій?

— Все время скитался по разнымъ землямъ, другъ Фекó. Теперь состарьлся, и хотѣлъ бы дожить остатокъ дней въ вашемъ зámкѣ.

Между-тѣмъ юноша, сынъ Деодата, лишь-только услышалъ, что прїѣзжій — Ренó, кинулъ его тяжелый мечъ, и бросился бѣжать къ зámку, чтобы всѣхъ обрадовать этой новостью. Вскорѣ Деодатъ и Мадзи, уже состарѣвшіеся, но всё-еще бодрые, вышли, вмѣстѣ съ взрослыми своими дѣтьми, на встрѣчу прїѣзжимъ.

— Дѣдушка, мы ведемъ тебѣ плѣнника, кричали маленькія.

— И на этотъ разъ ужъ мы его не выпустимъ изъ рукъ, отвѣчалъ Деодатъ, крѣпко прижимая къ сердцу товарища своего дѣтства. — Ну, Мадзи, цѣлуй нашего милаго гостя.

— Не сказалъ бы онъ этого назадъ тому тридцать лѣтъ, шепнулъ Фекó женѣ своей.

— Молчи, Фекó! отвѣчала Сиза: какъ можно шутить въ такую минуту. Я, право, такъ разстрогана, что готова плакать.

За ужиномъ, Ренó рассказалъ друзьямъ свои похождения. Оставивъ незапно Фризландію, онъ не покидалъ сира де-Бомонъ; но когда этотъ почтенный рыцарь умеръ, Ренó служилъ въ Испаніи подъ начальствомъ знаменитаго Дю-Гескленъ, и, однако же, не смо-

тря на военные свои подвиги и на множество услуг оказанныхъ Франціи, составилъ себѣ только весьма посредственное состояніе. Наконецъ, усталый отъ трудовъ, онъ пришелъ отдыхать у Деодата.

— Нынче, проѣздомъ черезъ Ліежъ, я вмѣлъ честь видѣть тамошняго архіепископа, бывшаго утрехтскаго, Іоанна д'Аркель. Онъ ужасно состарѣлся, и сильно страдаетъ подагрой... Д'Аркель сказывалъ мнѣ, что аббатъ Фулькъ и братъ Сіаръ давно уже окончили свое земное поприще... Но, вотъ, представляю вамъ также стариннаго знаконца, продолжалъ Ренѳ, указывая на своего слугу: если у васъ кто нездоровъ, онъ, пожалуй, станетъ лечить.

— Ахъ, это ты, Дамьянъ! вскричалъ Деодатъ: ну, милости просимъ! Возьми же, налей этотъ кубокъ виномъ, и поподчуй насъ за свое здоровье.... Это будетъ лучше всѣхъ твоихъ лекарствъ.

Ренѳ, принявъ серебряный кубокъ изящной работы, увидѣлъ на немъ гербъ сира д'Эльва, и спросилъ:

— Мнѣ кажется, Деодатъ, ты нѣсколько измѣнилъ прежній гербъ дому д'Эльва?

— Да; по кончинѣ милаго родителя, я, въ воспоминаніе нашихъ приключеній, внесъ въ него цвѣтокъ, *Декамскую Розу*.

=

СОНЪ

ВЪ ИВАНОВСКУЮ НОЧЬ

(MIDSUMMER-NIGHT'S DREAM*)

ДРЕКЪ ЦИРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ТЕЗЕЙ, герцогъ афинскій.

ЭГЕЙ, отецъ Эрміи.

ЛЕСАНДРЪ

АННТРИЙ

ФЕЛОСТРАТЪ, завѣдывающій увеселеніями.

при дворѣ Тезея.

КВИНСЪ, влюбленна.

СНОГЪ, старецъ.

БОТТОМЪ, шпатель.

ФЕГЪ, старецъ.

СНАУТЪ, вѣдунъ.

СТАРВЕИНЪ, коршунъ.

НИПОЛИТА, царя Амазонки, вѣдова Тезея.

ЭРМИИ, дочь Эгея, влюбленная въ Лесандра.

УЛЕНА, влюбленная въ Аннтрия.

ОВЕРОНЪ, царь Бессіи.

ТИТАНІЯ, вѣдунья.

ПУКЪ, или Robin Good-fellow, эльфъ.

ГОРОХОВЫЙ ВѢДУНЪ.

ПАУТИНА.

МОЛЬ.

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО.

ПРИДВОРНЫЯ СВИТЫ Тезея и Ниселіи.

ФЕЯ, современница Оберона и Титаніи.

Дѣйствующія лица въ интермедіи влюбленъ.

ПИРАМЪ.

ТИСБА.

КОСМА.

ЛУННЫЙ СВАТЪ.

ЛЕВЪ.

Дѣйствіе происходитъ въ Афинѣхъ и въ ближайшемъ лѣсу.

* Midsummer означаетъ у Англичанъ двадцать четвертое число июня, или Ивановъ день : на-калупъ этого дня, въ Ивановскую ночь, простой народъ почти во всѣхъ странахъ Европы зажигаетъ огни на вышеніяхъ, вѣдьмы, по общему повѣрью, летать отсюда на Лысюю Гору, всѣ земные духи находятся въ болѣе возмущенномъ состояніи. Поэтъ, конечно, избралъ съ умысломъ эту волшебную, мистическую и страшную ночь эпохою своего чудеснаго драматическаго исполненія.

Т. Л. — Отд. II.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

АѢННЫ.

Зала во дворцѣ Тезея.

ТЕЗЕЙ, ИПОЛИТА и ФИЛОСТРАТЬ, входятъ, въ сопровожденіи свѣты.

ТЕЗЕЙ.

Нашъ брачный часъ ужъ близокъ, Иполита:
Четыре дня счастливые пройдутъ,
И приведутъ къ намъ новую луну.
Но, ахъ, какъ медлитъ старая луна!
Она мѣн желанья истощаетъ,
Какъ мачиха доходы сироты.

ИПОЛИТА.

Четыре дня въ нощахъ потонутъ быстро,
И быстро въ снахъ пройдутъ четыре нощи;
А тамъ и мѣсяцъ, какъ серебристый лукъ,
На небъ вновь натянутый, осветитъ
Ночь нашихъ празднествъ.

ТЕЗЕЙ.

Филостратъ,

Подвинь къ забавамъ молодежь АѢннъ.
Буди! Пускай проснется духъ веселья;
А грусть гони къ обрядамъ погребальнымъ:
Угрюмой гостья нѣтъ на свадьбѣ мѣста.

(Филостратъ уходитъ. Къ Иполитѣ)

Мечомъ твоей любви я добивался,
Враждою сердце покоришь твое;
Но иначе ознаменую бракъ, —
Весельемъ, пышностью и торжествомъ!

Входятъ ЭГЕЙ, ЭРМІЯ, ЛИСАНДРЪ и ДИМИТРІЙ.

ЭГЕЙ.

Будь счастливъ, славный князь и государь!

ТЪЗЕЙ.

Благодарю. Что скажешь мнѣ, Эгей?

ЭГЕЙ.

Обиженъ я, и съ жалобой пришелъ
На дочь свою. Поди сюда, Димитрій.
Вотъ молодецъ : я далъ ему согласие
Въ бракъ съ Эрміей вступить, — Лисандръ, приблизься! —
А зтотъ сердце ей околдовалъ.

Ты! ты, Лисандръ, ей посылалъ стихи!

Съ ней обмѣнялся клятвами любви!

Ты, у окна ея, при лунномъ свѣтѣ,

Притворно нѣжнымъ голосомъ пѣвалъ

Стихи, дышавшіе притворной страстью;

Подарками ей голову вскружилъ,

Игрушками, букетами цвѣтовъ,

Браслетами, колечками, сластями,

Приманками столь сильными всегда

Для юности неопытной; обманомъ

Похитилъ сердце дочери моей,

И должную ко мнѣ ея покорность

Въ строптивое упрямство обратилъ!

Будь правосуденъ ты, свѣтлѣйшій князь,

И если здѣсь, передъ твоимъ лицомъ,

Димитрія не избересть она,

Тогда, прошу тебя, мнѣ предоставь

Старинное Аѳинянъ право :

Она мнѣ дочь, ея судьбой я властенъ

Располагать : такъ пусть же избересть

Иль Димитрія супругомъ или смерть,

Согласно съ смысломъ древняго закона,

Что писанъ на подобный случай.

ТЪЗЕЙ.

Что скажешь, Эрмія? Да! разсуди,

Моя красавица, что твой отецъ,

Который создалъ красоту твою,

Быть долженъ для тебя превыше всѣхъ.

Ты для чего фигура восковая,
 Имъ изваянная, и отъ его
 Вполнѣ зависитъ воли сохранить
 Или разбить созданіе свое.
 Димитрій вашъ — отличныйъ дворянинъ.

Эрмія.

Не хуже и Лисандръ.

Тезей.

Не спорю я.

Но твой отецъ согласья не даетъ
 На бракъ его съ тобою : такъ ты
 Димитрія и предпочесть должна.

Эрмія.

О, если бъ мой отецъ смотрѣлъ какъ я!

Тезей.

Скорѣй твои глаза должны глядѣть
 Его благоразумнымъ взоромъ.

Эрмія.

Простите, государь! не понимаю,
 Какая сила мнѣ внушаетъ смѣлость ;
 Не знаю, скромности моеи прилично ль
 Въ присутствіи столь свѣтломъ защищаться ;
 Но я одно прошу васъ мнѣ сказать :
 Что худшаго со мною будетъ,
 Когда Димитрія отвергну я ?

Тезей.

Или умрешь, иль на-вѣкъ отречешься
 Отъ общества людей. И такъ,
 Извѣдай прежде склонности свои ;
 Спроси свою неопытную юность,
 И со внимаемъ сердце разсмотри,
 Достанетъ ли въ тебѣ довольно силы,
 Отвергнувъ волю твоего отца,
 Надѣть одежду жрицы, и потомъ
 За мрачной монастырскою стѣной
 Безплодною пиеіей вѣчно жить
 И пѣть томительные гимны
 Къ холодной и безчувственной лунѣ.
 Блаженны тѣ, кто, страсти обуздавъ,

Свершать достойно дѣвственный міходъ въ побѣдѣ атланъ
 Но роза сорванная, на землю,
 Счастливый той, кто въ томной тишинѣ
 На тернѣ дѣвственнымъ своемъ,
 Одна, растеть, цвѣтеть и засыхаетъ.

Эрмія.

Ужъ лучше мнѣ такъ прозвѣвать, такъ дѣвствъ
 И сохнуть, чѣмъ свой дѣвничій дипломъ
 Отдать тому, чьей власти не зависитъ
 Моя душа не можетъ покориться,

Тезей.

Подумай; и въ началъ новолунья,
 Въ тотъ часъ, когда соединюсь на вѣкъ
 Съ моею подругой, ты готовься къ смерти,
 Когда отцовской воли не исполнитьъ
 Или выйти согласись за Дмитрія,
 Или дай обѣтъ, предъ алтаремъ Діаны,
 Жить вѣчно въ дѣвствѣ, въ заперченъи.

Дмитрій.

О, скалься, Эрмія!.... Ну, ты, Лиссандръ,
 Оставь свои непрочныя надежды,
 И уступи моимъ правамъ законнымъ,

Лиссандръ.

Дмитрій, ты любимъ ея отцомъ:
 Оставь мнѣ Эрмію, сиди при немъ!

Эрмія.

Наглець!.... Да, точно, я его люблю;
 Всю собственность мою отдамъ ему,
 А дочь — моя: такъ на нее права
 Мои Дмитрію я передамъ!

Лиссандръ, обращаясь къ Тезею.

Я такъ же знатенъ родомъ какъ и онъ;
 Богатъ какъ онъ; люблю сильнѣй его;
 Мои помѣстья такъ же хороши
 Какъ и его, когда еще не лучше,
 Но выше всякихъ благъ считаю я
 Прекрасной Эрміи ко мнѣ любовь.
 Зачѣмъ я откажусь отъ правъ моихъ?
 Дмитрій, — я скажу въ глаза, при немъ,

Искалъ любви дочера Недра,
Елены, и успялъ плънить ее.
Она, бѣдняжка, любить; любить страстно,
До обожанья любить человека
Съ коварнымъ и непостояннымъ сердцемъ.
тесей.

Да! признаюсь!... я ужь объ этомъ слышалъ;
И съ нимъ давно хотѣлъ поговорить;
Но, занятой важнѣйшими дѣлами,
Вирямъ позабылъ. Дмитрій и Эгей,
Я долженъ сдѣлать вамъ, на-единѣ,
Особенныя наставленья.
Ты, Эрмія, старайся согласить
Свою любовь съ отцовскою волей;
Нето, законъ Аѳинъ, — его не властны
Мы измѣнить, — тебя на смерть осудить,
Иль къ заточенью вѣчному принудить.
(къ Инполитъ)

Будь веселѣе, милая подруга!
Дмитрій и Эгей, вѣдите съ нами:
Я вамъ хочу препоручить дѣла,
Устройства нашихъ свадебныхъ пировъ,
И съ вами дѣло ваше обсудить.
эгей.

Повиноваться — долгъ нашъ и желанье!
Тезей, Инполита, Эгей, Дмитрій и придворные уходятъ.
Лисанаръ.

Что, другъ мой? отчего такъ поблѣднѣло
Твое лицо? И отчего такъ быстро
На немъ увяли розы?...
эрмія.

Вѣроятно,
Что нѣтъ дожда: но я ихъ орошу
Потокомъ бурнымъ изъ моихъ очей.
Лисанаръ.

Увы! все, что ни слышалъ, ни читалъ,
Въ исторіяхъ и въ сказкахъ... нѣтъ нигдѣ
Безъ горя истинной любви: иль разность
Происхожденія...

Эрмил.

О!.... страшный рокъ!

Ничтожеству родъ знатный подчинить!

Александръ.

Или страдаютъ отъ неровныхъ лѣтъ....

Эрмил.

Охъ! горе! старость съ юностью сковаты!

Александръ.

Или отъ выбору друзей зависятъ....

Эрмил.

Ои! адъ! искать любви глазами ближнихъ!

Александръ.

Когда жъ и есть сочувствіе въ избраньи,

То часто, смерть болѣзнь или война

Являются, и дѣлаютъ любовь

Легучею какъ звукъ, безусловной

Какъ тѣнь, обманчивой какъ сновидѣнье,

Мгновенною какъ молнія, что ночью

Освятить блескомъ небеса и землю

И, прежде чѣмъ успѣешь молвить

«Смотри», ужъ въ пасти мрака исчезаетъ:

Такъ быстро гаснетъ все, что мило!

Эрмил.

Да! видно, вѣрныя сердца въ любви

Должны страдать: таковъ законъ судьбы!

И мы безъ ропоту несемъ его:

Охъ — общій всѣмъ, въ любви онъ неизбѣженъ,

Какъ сновидѣнія, желанья, вздохи,

Тоска и слезы, спутники мечты.

Александръ.

Тебѣ извѣстно, у меня есть тетка:

Она вдова, бездѣтна и богата,

Семь миль отсюда до ея деревни.

Она меня какъ сына любитъ.

Такъ, вѣрный другъ, мы вступимъ въ тайный бракъ,

И будемъ безопасны отъ гоненій

Суроваго аѳинскаго закона.

Когда меня ты любишь, завтра, въ ночь,

Уйди изъ дому твоего отца,

И будь въ лѣсу, что въ миль отъ Аѳинъ,
Тамъ, гдѣ я встрѣтилъ разъ тебя съ Еленой,
Когда, съ зарей, вы, въ первый майскій день;
Обрядъ весенній совершали;
Тамъ буду ждать тебя.

ЭРМИЯ.

Клянусь тебѣ

Киприды чистыхъ голубковъ четой,
Блестящей, золотой стрѣлою,
И гибкимъ лукомъ Купидона,
Союзомъ душъ и счастьемъ любви!
Клянусь мучительнымъ огнемъ въ крови,
Какимъ старала бѣдная Дидона,
Когда Эней, на крыльяхъ парусовъ,
Летѣлъ отъ карагенскихъ береговъ!
Нарушенными клятвами мужчинъ,
Числомъ важнѣй всѣхъ женскихъ клятвъ, клянусь:
Въ лѣсу, въ условномъ мѣстѣ, близъ Аѳинъ,
Я, до зари, къ тебѣ, мой другъ, явлюсь!

ДИМИТРИЙ.

Исполни клятву!.... Вотъ идетъ Елена.

ЭРМИЯ.

Прекрасный дѣтства другъ, куда идешь?

ЕЛЕНА.

Елену ты прекрасною зовешь?
Нѣтъ, не давай мнѣ имени прекрасной:
Димитрія пльнилъ твой образъ ясный
О счастье, счастье красоты твоей!
Глаза твои горятъ звѣзды ясны;
Твой звучный голосъ слаще льется,
Чѣмъ пастуху, весеннею зарей,
Пѣснь жаворонка раздается,
Когда зазеленѣтъ рожь въ поляхъ
И разовьются почки на цвѣтахъ!
Когда бъ краса какъ немочь заражала,
Твоя бъ краса тотчасъ ко мнѣ пристала:
Мой слухъ впился бы въ звукъ твоихъ рѣчей,
Мой взоръ въ блестящій взоръ твоихъ очей;

Твой сладкозвучный, золотой, языкъ
Въ мои уста заразой бы проникъ.

Когда бы могла вселенной я владеть,
Я одного Дмитрія взяла бы,

Тебя жъ весь миръ прекрасный отдала бы,
За то, чтобъ красоту твою иметь.

Открой мнѣ тайну такъ глядѣть,
Какъ ты глядишь! Скажи, какою властью

Дмитрія ты распалила страстью!

Эрмия.

Я — въ гнѣвъ : а онъ меня любовью мучить.

Елена.

Твой гнѣвъ мои уста пускѣй научить
Какъ имъ его улыбкою принять!

Эрмия.

Взну его : а онъ безумно любить.

Елена.

Успѣшно такъ хотѣла бы я молить!

Эрмия.

Ой, не моли!.... Мольба всегда насъ губить!

Чѣмъ больше оставижу, тѣмъ сильнѣй
Онъ мнѣ своей любовью наскучаетъ!

Елена.

Чѣмъ я сильнѣй люблю его, тѣмъ злѣй
Онъ ненависть ко мнѣ питаетъ!

Эрмия.

Въ его безумствѣ нѣтъ вины моей.

Елена.

Въ томъ можно красоту твою винить.

Хотѣла бы я такъ виноватой быть!

Эрмия.

Утѣшься, онъ не встрѣтится со мной :

Я съ мильнымъ оставлю край родной.

Пока тебя, Лисандръ, не знала я,
Девны раемъ были для меня :

Какихъ же чаръ его попомню въ видѣхъ,
Что небеса онъ обратилъ мнѣ въ адъ!

Лисандръ.

Тебя, Елена, можно все открыть!

Чуть, завтра въ полночь, мѣсяцъ отразитъ.
Сребристый образъ свой въ водахъ зеркальныхъ.
И влажный перлъ разсѣетъ на поляхъ,
Мы, въ часъ влюбленныхъ, бѣгству посвященный,
Отсель уйдемъ тропою потаенной.

Эрмیا.

И въ рощѣ, гдѣ съ тобой мы отдыхали
На ароматномъ ложѣ изъ цвѣтовъ,
Одна другой взаимно повѣдали
Свою печаль, и радость, и любовь,
Туда, Лисандръ и я, мы досыпавши,
И отъ Аеннѣ навѣки убѣжимъ,
Чтобъ новыхъ на землѣ найти друзей,
Средь общества безвѣстныхъ намъ людей.
Прощай, другъ юности игривой!
Молись за насъ!.... Пусть рокъ счастливый
Димитрія отдастъ любви твоей!

(Къ Лисандру)

Сдержи обѣтъ; теперь проститься мы
До завтрашней полуночи должны.

(Уходитъ)

Лисандръ.

Прійду, мой милый другъ.... Прощай, Елена!
Какъ ты въ плѣну Димитрія, пусть онъ
Плѣнится такъ твоею красотой!

(Уходитъ)

Елена.

Какъ счастливы одни противъ другихъ!
Я, какъ она, среди Аеннѣ родныхъ
Красавицей сльву. Но что же въ этомъ?
Димитрій думаетъ различно съ свѣтомъ:
Что всѣ признали, онъ о томъ молчитъ.
Какъ взоромъ Эрмии плѣнился онъ,
Такъ красотой его мой взоръ пламенъ!
Любовь презрѣнный врахъ нереродитъ
И облечетъ его чудесъ дарами:
Любовь въдъ сердцемъ видитъ, не глазами;
Затѣмъ слышимъ представлень Кунидонъ:

Разсудка, вмѣстѣ съ зрѣніемъ, лишень:
 Символъ поспѣшности неосторожной!
 Любовь — дѣтя : поэтому она
 Обманы въ выборѣ встрѣчать должна.
 Какъ дѣти, въ играхъ, клятвой ложной
 Другъ друга обмануть хотять,
 Дѣтя-любовь готова также лгать.
 Пока Димитрій Эрмин не зналъ,
 То мнѣ онъ градомъ клятвы расточалъ;
 Но этотъ градъ, отъ Эрмин очей,
 Разсталъ какъ отъ солнечныхъ лучей
 И клятвеннымъ дождемъ ниспалъ!...
 Открою бѣгство Эрмин ему!
 За нею завтра въ лѣсъ онъ поспѣшитъ;
 Меня за вѣсть онъ взоромъ наградить :
 И то отрадно сердцу моему!....
 Тамъ на него я наглажусь; потомъ
 Поиду домой опять грустить объ немъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Внутренность жилищны.

СНОГЪ, БОТТОМЪ, СНАУТЬ, ФЛЕГЪ, КВИНСЪ и СТАРВЕ-
 ЛИНЪ, входятъ.

КВИНСЪ.

Вся ли здѣсь?

БОТТОМЪ.

Не лучше ли переключать всѣхъ, по списку?

КВИНСЪ.

Вотъ списокъ; тутъ имена всѣхъ Аѳинянъ, которые при-
 званы способнѣйшими играть передъ герцогомъ и герцогин-
 ей комедію, въ день ихъ свадьбы.

БОТТОМЪ.

Во-первыхъ, почтеннѣйшій мистеръ Питеръ Квинсъ, ска-
 жи, о чемъ дѣло идетъ въ комедіи потомъ прочитай имена
 актеровъ, и — дѣло въ шляпѣ!

КВНЕСЬ.

Ладно! Представленіе наше именуется тако : «Слезоточивая комедія и нажалчайшая смерть Пирама и Тисбы.»

ВОТТОМЪ.

Да это чудеснѣйшая штука!... говорите слову, и прости рюзная! Ну, почтеннѣйшій мистеръ Квнесь, за свисомъ Господа, въ кружокъ! смирен!

КВНЕСЬ.

Отликайтесь, кого спрошу. Николай Воттомъ, ткач!

ВОТТОМЪ.

Здѣсь! Сперва скажи, какую роль я буду представлять, а потомъ продолжай.

КВНЕСЬ.

Тебѣ, Николенька, назначено играть Пирама.

ВОТТОМЪ.

А кто таковъ Пирамъ? Любовникъ, или тиранъ?

КВНЕСЬ.

Любовникъ, который убиваетъ себя самымъ деликатнымъ манеромъ.

ВОТТОМЪ.

Играя эту роль придется и поплакать. Но если я возьмусь играть, то ужъ зрители — держи свои глаза : я произведу бурю!... въ некоторомъ смыслѣ растерзаю ихъ сердца! Впрочемъ, по моему сердцу, я созданъ для игры тирановъ: какъ бы я чудесно представилъ Геркулеса.... или роль, въ которой надо свирѣпствовать ; , , ,

«Скала въ неистовствѣ дрожить,

«Свирѣпой злобой всажь грозить,

«Въ безумствѣ вочахъ сокрушить

«Заклепы всѣ въ темницѣ ;

«А Фебъ на колесницѣ,

«Далеко заревомъ блеснетъ,

«И все, что глупо здѣсь живетъ,

«Согрѣетъ онъ или убьетъ.»

Важно! Теперь называй другикъ актеровъ. Вотъ ты Геркулеса, ты тирана!... А ты любовника долженъ был плаксивѣ.

квинсь.

Франц Флетъ, скрипникъ!

Флетъ.

Здѣсь!

квинсь.

Тебѣ играть Тисбу.

Флетъ.

А что такое Тисба? Стринствующій рыцарь?

квинсь.

Нѣтъ, красавица, въ которую влюбленъ Пирамъ.

Флетъ.

Покалуйста, не заставляйте меня играть женщины! Валь у
меня борода.

квинсь.

Ну что жъ? Ты будешь играть въ маску. А говори та-
кимъ тоненькимъ голосомъ, какимъ душь угодно.

Флетъ.

Если можно спрятать лицо, такъ, пожалуй, найте мнѣ н-
роль Тисбы. Я буду говорить чертовски тоненькимъ голосо-
мъ (Старается говорить тихливымъ голосомъ.) «Тис-
ба, Тисба! Ахъ, Пирамъ мой, пролюбленный! твою ж-
ду, твою дражайшую Тисба!»

квинсь.

Нѣтъ, Боттомъ, тебѣ играть Пирама, а тебѣ, Флетъ,
Тисбу.

Флетъ.

Ну, хорошо! Дальше.

квинсь.

Робертъ Старвелли, портной!

Старвелли.

Здѣсь!

квинсь.

Ты играешь мать Тисбы. Томасъ (Слусть, мальчикъ!) гет

Флетъ.

Здѣсь!

квинсь.

Ты Пирамова отца, а я отца Тисбы. Смотри, старикъ, бу-
детъ представлять льва, Какись, теперь я дѣла съ киноромъ.

сегодъ,

А что, роль для льва переписана у васъ? Дайте мнѣ зарычѣ, у меня плохая память.

квннсь.

Сыграешь съ экспромту: вѣдь тебѣ надо только порычать.

воттомъ.

Дайте мнѣ, братцы, и львиную роль тоже: я такъ зарычу, что будетъ любо слушать!.... такъ зарычу, что его милость князь Тезей закричитъ: — Фора-сь!....

квннсь.

Если ты будешь рычать слишкомъ страшно, то перепугаешь герцогиню Иполиту и всѣхъ леди, такъ, что онѣ завоютъ: а за это, пожалуй, попадешь въ петлю.

всѣ

Да и мы всѣ, до одного!

воттомъ.

Конечно, если леди рехнуться отъ страха, то.... чего добраго!.... онѣ насъ и перевышають; но я справлюсь съ моимъ голосомъ: буду рычать вѣжливѣе голубенка, зарычу какъ самъ соловей.

квннсь.

Съ тебя довольно и роли Пирама: Пирамъ — красавчикъ, рослый, ловкій дѣтина, какихъ не всегда увидишь; правый дворянчикъ: поэтому ты долженъ представить Пирама.

воттомъ.

Игъ такъ и быть! А какую надѣть мнѣ борду?

квннсь.

Какую хочешь.

воттомъ.

Не взять ли палевую, темно-оранжевую.... или алую? или модную французскую, крас-желтую?

квннсь.

Да вѣдь даже и между Французами есть безволосые: такъ и ты безъ бороды сыграть бы. Ну, роли розданы: теперь прошу васъ, умоляю, и вмѣстѣ желаю вамъ, выучить ихъ къ завтрашней ночи и, какъ-скоро покажется мѣсяцъ, собраться въ герцогскомъ лѣсу, что въ милѣ отъ Аоннъ; тамъ, въ просторѣ, сдадемъ пробу. Когда соберемся въ городъ, то настѣ окружить цѣлое стадо вѣвакъ, и всѣ узнаютъ про нашу вы-

думу. А я, между-тѣмъ, составлю списокъ всего, что понадобится для представленія. Помните, братьцы! не прозывать сборнаго часу!

ВОТТОМЪ.

Нѣтъ, не прозываемъ; а тамъ, сдѣлаемъ пробу борзо и грабро. Понатужтесь, господа мастера! не ударьте лицомъ въ грязь. До свиданія!

КНИНСЪ.

Мѣсто сходки у герцогскаго дуба.

ВОТТОМЪ.

Ладно! Хоть земля горн, прійдемъ.

(Всѣ уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лѣсъ возль Аюинъ.

ФЕЯ и лѣшій ПУКЪ, являются съ разныхъ сторонъ.

ПУКЪ.

Откуда Фей, и куда летишь?

ФЕЯ.

Черезъ доль, черезъ боръ,
Надъ горой, надъ селомъ,
Черезъ поля, чрезъ заборъ,
Надъ водой, надъ огнемъ,

Скры въясичной быстрой
Лѣсъ мой всюду облетать.
Я служу царницѣ феи,
Чтобъ на зелени поляхъ
Кругъ волшебный орошать.

Такъ прольсочка цвѣтетъ :
 Фей царица, словно мать,
 Каждый цвѣтикъ бережетъ ;
 Въ немъ всѣ листики горятъ,
 Яркой радуги огнемъ,
 Для волшебницъ скрыты въ немъ
 И рубины, и агаты,
 И чудесный ароматъ.
 Я должна туда слетать,
 Чистыхъ росъ въ лугу набрать, —
 И алмазною росой,
 Какъ жемчужиной-красой,
 Каждый листикъ изъ цвѣтка
 Уберетъ моя рука.

Грубый духъ, прости скорый!
 Въ путь пора мнѣ поспѣшить :
 Фей царица съ хоромъ фей,
 Скоро въ рѣнду прилетитъ.

ДУХЪ.

И царь здѣсь веселится до зарницы!
 Ты знаешь ли, царь Оберонъ
 Титаніей ужасно раздраженъ,
 За то, что ей тотъ мальчикъ ненагаденъ
 Чтò у царя индійскаго украденъ ;
 Признаться, никогда еще при ней
 Не видѣли болванчика милый!
 Ревнивый царь его хотѣлъ бы взять,
 Къ себѣ въ пажы, чтобъ съ нимъ въ лѣсахъ гулять ;
 Она же глазъ съ ребенка не спускаетъ,
 Цвѣтами красными его вънчасть,
 И за него готова все отдать.
 Съ-тѣхъ-поръ всегда, при блескѣ звездъ падающихъ,
 Близъ водопадовъ быстрыхъ и кипучихъ,
 Средь темныхъ рощъ и бархатныхъ луговъ
 Царь Оберонъ заводитъ ссоры съ ней,
 Такъ, что отъ страху сонмъ пугливыхъ фей
 Спѣшитъ укрыться въ чашечкахъ цвѣтовъ.

Ты кажешься по виду хоть ребенкомъ,
 Но, не ошиблась я, ты не дитя:
 Ты долженъ быть лукавый, злой чертешкомъ!
 Не льстивъ ли?... Не ты ль, шути,
 Ночной порою сельскихъ дѣвъ пугаешь?
 Не ты ли жерновъ въ мельницѣ вертишь?
 Украдкой сливки съ молока снимаешь,
 Надъ ключницей проказишь и шалишь,
 Смѣясь, ей масла не даешь взбивать?
 Дрожжамъ мѣшаешь въ пиво заиграть?
 Заведши странника ночной порою,
 Смѣешься дико надъ его бѣдой?
 Кто жъ рзввымъ, милымъ Пучкомъ называетъ,
 За тѣхъ работать ты готовъ душой,
 И счастье ихъ нигдѣ не покидаешь?...
 Не правда ли, я отгадала?

Пивъ.

Да, фея, ты меня узнала!
 Я рзввий странникъ въ сумракъ ночной,
 Шутъ Обероновъ : шалостью моею
 Люблю улыбку съ устъ его сорвать,
 Люблю проказить передъ нимъ, играть :
 То жеребенкомъ ржать нагну,
 И кобылицу ржаньемъ обману;
 То въ жареный картофель обращаюсь,
 И въ чашу супу сплетницы юркну ;
 Когда жъ она въ бесѣдѣ пиво пьетъ,
 Изъ пива мигомъ въ губы ей выплыву,
 И пиво по грудямъ ея течеть.
 То предъ болтуней страшныхъ повѣстей,
 Подчасъ скамьей спокойной разогнусь :
 Она състь хочетъ на спинѣ моею,
 Но я, изъ-подъ нея вдругъ увернусь,
 И, ведьма, кашляя, летить долой,
 И весь честной народъ смѣянитъ собой.
 Безъ умолку хохочуть и кричатъ,
 И каждый начинаетъ уварать,

Что въ жизни веселье не былъ онъ.....

Дорогу, фея! мчится Оберонъ,

Вотъ и царица съ хоромъ ней:

Когда бъ царь улетѣлъ скорый!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ОБЕРОНЪ и ТИТАНІЯ, деляются съ разными сторонами, окруженныя
рыбками и ослами.

ОБЕРОНЪ.

Не въ добрый часъ, надменная царица,
Мы при лунѣ слѣтѣлись!

ТИТАНІЯ

Что, ревнивецъ?

Летите, феи, прочь: я поклялась
Съ нимъ не дѣлать ни ложа ни бесѣды.

ОБЕРОНЪ.

Стой, дерзкая! не я ль твой господить?

ТИТАНІЯ.

А я такъ госпожа твоя. Все знаю,
Какъ разъ ты скрылся изъ волшебныхъ странъ,
Сидѣлъ передъ влюбленною Филлидой,
Корина образъ на себя принявъ,
И про свою любовь ей нахвалялъ.
Зачѣмъ изъ Индіи, далекихъ горъ,
Ты прилетѣлъ сюда? Затѣмъ, влинусь,
Что здѣсь твоя хвастунья Амазонка,
Нарядная любовница твоя,
Твое воинственное божество,
Выходитъ за Тезея!.... Ты явился,
Ихъ надѣлать и радостью и счастьемъ.

ОБЕРОНЪ.

Стыдись! Какъ можешь удерживать меня
Мою чистой дружбой въ Инолиту,
Когда я знаю про твою любовь
Къ милѣму князь-Тезею? Отвѣчай,

Не ты ль во мракъ ночи увлекла
 Тезея изъ объятій Перигены,
 Которую похитилъ онъ?
 Не ты ль виной невѣрности его
 Аглая, Ариадна, Антиона?

ТИТАНИИ.

Все это бредни ревности одной!
 Ужъ съ половины лѣта, каждый разъ,
 Какъ станемъ собираться мы въ горахъ,
 Въ долинахъ, въ рощахъ, на лугахъ,
 Близъ быстрыхъ водопадовъ и ручьевъ,
 Изъ у крутыхъ приморскихъ береговъ,
 Плясать подъ свистъ и говоръ вѣтерка,
 Ты наши игры ссорой нарушалъ, —
 И вѣтерокъ напрасно пѣснь свисталъ:
 За что, какъ-бы въ отмщенье, онъ извелъ
 Изъ моря заразительный туманъ,
 Который влагой на землю ниспалъ,
 И реки, вздувшись, разлились въ поляхъ:
 Съ-тѣхъ-поръ, вотще въ ярмѣ волъ шею гнетъ,
 Вотще оратай потъ кровавый льетъ, —
 Во цвѣтъ рожь завяла, не успѣвъ
 На вѣшнемъ солнышкѣ заколоситься.
 Въ поляхъ потопленныхъ загоны пусты,
 И враны каркаютъ отъ пресыщенья;
 Мѣста веселыхъ игръ покрылись тиною,
 Изъясныя тропинки на лугахъ
 Теперь непроходимы отъ дождей.
 Вотще желаютъ люди зимнихъ игръ, —
 Не слышно гимновъ и веселыхъ пѣсень!
 Зато луна, богиня наводненья,
 Отъ гнѣву поблѣднѣвъ, вдругъ разлила
 Въ странахъ воздушныхъ влажный паръ,
 Простудными болѣзнями обильный:
 И въ этомъ хаосѣ стихій,
 Мы видимъ измѣненіе вѣременъ?
 Самоволосые морозы
 Коснулись алыхъ щекъ душистой розы,
 Чело и ледяной вѣнчикъ Зимы

Какъ-бы на смѣхъ увѣнчаны цвѣтами,
Весна и лѣто, осень и зима,
Мѣняются одеждою своею,
И изумленный мѣръ теперь не знаетъ
Какое время года на землѣ.
Вся эти бѣдствія отъ нашей ссоры:
Мы, мы всему причиной и виной!

ОБЕРОНЪ.

Поправить все зависить отъ тебя:
За чѣмъ всегда противорѣчишь мнѣ?....
Я лишь прошу ребенка мнѣ въ пажи.

ТИТАНІА.

На этотъ счетъ оставь свои желанія;
Ребенка не отдамъ за царство Фей.
Ребенка мать была моею жрицей,
И средь индѣйскихъ горъ, долинъ, луговъ,
Во тѣмъ ароматическихъ ночей,
Она бывала спутницей моею.
Какъ часто вмѣстѣ мы сидѣли
На золотомъ Нептуновомъ пѣскѣ!
Смѣялись межъ собою и глядѣли
На паруса плывущихъ кораблей,
Когда ихъ рѣзвый вѣтеръ надувалъ!
Она тогда подъ сердцемъ ужъ носила
Малютку, моего паца,
И, рѣзвая, старалась подражать
Подъ парусами плывшимъ кораблямъ,
Въ долины отправлялась чтобъ принести
Цвѣточковъ для менѣ, и возвращалась
Изъ странствія съ богатой ношей.
Но, смертная, скончалась отъ родовъ!
Я въ память ей забочусь о ребенкѣ,
И въ память ей съ ребенкомъ не разстанусь.

ОБЕРОНЪ.

Какъ долго ты пробудешь въ этой роцѣ?

ТИТАНІА.

Быть-можетъ до конца Тезей свадьбы.
Останься съ нами, если хочешь танцовать,

Иль видѣть игры наши при лунѣ;
Не то, быгн: я не явлюсь къ тебѣ!

ОВЕРОНЪ.

Отдай мальчишку мнѣ: тогда останусь.

ТИТАНІА.

За твой волшебный міръ съ нимъ не разстанусь!
Занной летите, феи!... поспѣшимъ,
Нето конца не будетъ споръ съ нимъ.

(Титанія съ своими феями улетаетъ)

ОВЕРОНЪ.

Еще изъ рощи ты не улетѣшь,
Какъ отомщу тебѣ я за обиду!
Сада, мой милый Пукъ! Ты помнишь ли,
Какъ на скалѣ я пѣню внималъ
Сирени, плившей на спинѣ дельфина?...
И пѣнь такъ усладительна была,
Что яростныя волны укрощались;
И не одна звезда, какъ въ изступленіи,
Съ небесной сферы въ море устремлялась,
Чтобъ слушать арію морской павицы!....

ПУКЪ.

Все помню!

ОВЕРОНЪ.

Я увидѣлъ, — ты не могъ! —

Межъ холодной луною и землею,
Какъ Купидонъ, леталъ, мѣтилъ
Своей стрѣлой въ прекрасную весталку
На тронъ западнаго царства,
И острую стрѣлу любви пустилъ
Съ такою силой, будто-бы хотѣвъ
Провзгнать ударомъ тысячу сердець;
Но раскаленная страля погасла
Въ лучахъ чистѣйшихъ водяной луны:
А, на престолъ, чистая весталка,
Съ душой неомраченною осталась.
А гутъ же я замѣтилъ, какъ страля
На западъ упала на цвѣточекъ:

Онъ прежде былъ бѣлье моею,
 Но отъ любовной раны поблѣднѣлъ.
 Сорви его и принеси ко мнѣ;
 Я укажу тебѣ, гдѣ онъ растетъ.
 Чуть сокъ его коснется сонныхъ глазъ,
 Мужчины ль, женщины ль, тотчасъ зажжетъ
 Любовь къ тому, кого вдругъ встрѣтитъ взоромъ.
 Лети: но, прежде чѣмъ лѣвѣеанъ
 Проплыть успѣетъ мнѣю, возвратись!

Путь.

Въ минуту шаръ земной я облечу.

(Исходитъ)

онъ роетъ.

Доставъ цвѣточекъ, и подстерегу
 Титанию, когда уснетъ она,
 И каплю соку ей въ глаза влечу;
 Кого жъ, преснувшись, перваго увидитъ, —
 Будь левъ, медведь, мартишка или быкъ,
 Она всей силою души полюбитъ.
 Но, прежде чѣмъ разрушу эти чары
 Другою, мнѣ извѣстною, травой,
 Ее заставлю мнѣ пажа отдать.
 Идуть?.... Я невидимъ; подслушаю.

Входитъ ДИМИТРИЙ, преследуемый ЕЛЕНОЮ.

ДИМИТРИЙ

Я не люблю тебя! оставь меня!....
 Да гдѣ жъ они? Его убилъ бы я:
 Меня она жестоко убиваетъ!

(Къ Еленѣ)

Ты говоришь, они пошли сюда?....
 Ну, вотъ я здѣсь, какъ бѣшеный, брожу,
 Затѣмъ что Эрминъ здѣсь не встрѣчаю....
 Оставь меня!.... оставь! поди ты прочь!

Елена.

Вѣдь ты влечешь, магнитъ жестокосердїи!
 Къ себѣ ты не железо привлечешь!

Знай сердце у меня надежный отали :
 Лишишь ты силы прилежать, тогда
 Къ тебѣ стремиться силы я лидусь.

ДМИТРИЙ.

Я ль завлекаль тебя?.... Или я достигль?....
 Не я ли говорилъ, что не люблю.
 И не могу тебя любить?

ВЛАСА.

Во это

Еще сильный тебя люблю!
 Дмитрий, я твоя собака!
 Чуть будешь ты суровѣе ср зной,
 Тамъ я сильный къ тебѣ ласкаться стану.
 Считаю меня своей собакой, бай,
 Толкай, — когда угодно, погуби.
 Но лишь позволь мнѣ за тобой ходить.
 Возможно ль меньше этого просить?....
 Верхъ счастья для меня, когда со мной.
 Ты какъ съ твоей собакой обойдешься!

ДМИТРИЙ.

Не раздражай меня еще сильным!
 Я боленъ, — только на тебя взгляну.

ВЛАСА.

А я больна, когда тебя не вижу!

ДМИТРИЙ.

Вдѣ ты себя страмишь! Оставь городъ,
 И бросься въ объятія того,
 Кто вовсе чувства твоихъ не разделяетъ!
 Подвергнуться опасностямъ дочинимъ,
 И темноту уединенныхъ мѣстъ,
 Съ твоей роскошной, двубвенной красой!

ВЛАСА.

Мнѣ въ этомъ честь твоя защитой будетъ.
 Тамъ вочи нѣтъ, едѣ вижу образъ твой:
 Она тогда яснее мнѣ чамъ день;
 Но не безлюденъ этотъ дикій дѣсть....
 Ты — въ немъ: поэтому весь миръ мой дѣсть.

Возможно ли сказать, что я одна,
Когда весь миръ глядитъ здѣсь на меня?

ДМИТРИЙ.

Я убегу! укроюсь въ чашѣ твоей!
Тебя звѣрямъ предаю: въ добычу лютымъ!

ЕЛЕНА.

Лютейшій звѣрь чувствительный тебя.
Ты бѣгствомъ повторишь сказанья древнихъ, —
Лишь имена измѣнятся одни, —
Какъ Аполлонъ отъ Дафны убѣгалъ,
За коршуномъ гналась голубка,
Иль трепетная лань слѣдная шугра:
Напрасная поспѣшность; если робость
Преслѣдуетъ, а мужество уходитъ!

ДМИТРИЙ.

Тебя я слушать больше не хочу.
Пусти меня; когда же нѣтъ.... клянусь!....
Въ лѣсу тебя не стану я щадить.

ЕЛЕНА.

Да! въ храмъ, въ городъ, на поля,
Меня ты не щадишь. Стыдись, Дмитрий!
Ты этимъ обижаетъ весь мой полъ:
Намъ за любовь нельзя, какъ вамъ, сражаться;
Не мы, но въ насъ, должны бы вы искать.
Съ тобой я не разстанусь; я создамъ
Изъ ада рай: мнѣ будетъ смерть сладка
Когда мнѣ дастъ ее твоя рука!

(Дмитрій убѣгаетъ, Елена въ нѣмь)

Овербѣе, вслѣдъ Еленѣ.

Тотчасъ вы помѣняете судьбой,
И будетъ онъ гоняться за тобой.

(Является Пукъ).

А гдѣ цвѣтокъ? Здорово, мой гонецъ!

ПУКЪ.

Вотъ!

Овербѣе, беретъ цвѣтокъ.

Я знаю край, гдѣ занахъ лѣтъ чебрець,
Гдѣ буквица съ фиалкою цвѣтутъ:

Тамъ дали имъ въ своей тѣни вѣнцы
 И плоть, и жимолость, густой терновникъ
 Кусты душистой розы и цинновникъ ;
 Тамъ иногда, на ложь изъ прѣтовы,
 Титанію, о полночь, хоръ духовъ
 Своей игрой и пляской усыпляетъ ;
 Эмальную тамъ кожу змѣи скидаетъ, —
 Достаточную фею на покровъ.
 Тамъ въ умъ ея, чудесною травой,
 Я поселю видѣній страшныхъ рой.

(Къ Пуку)

Ты съ каплей соку рощу облетя, —
 Здѣсь Аэнианка отъ любви страдаетъ,
 Но недостойный дѣву презираетъ, —
 И мило сонному въ глаза впусти,
 Когда тамъ будетъ дѣвушка, не прежде.
 Онъ изъ Аэниъ: узнаешь по одеждѣ.
 Исполни все какъ я тебѣ сказалъ, —
 Чтобъ къ дѣвушкѣ онъ страшно заплылъ!
 Сто разъ сильнѣе чѣмъ ея любовь!...
 И возвратись до первыхъ пѣтуховъ.

ПУКЪ.

Исполню, мой владыка, не странись,
 И на мое усердье положишь.

(Исчезаютъ въ разные стороны)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Другая часть лесу.

Является ТИТАНІЯ, и за ней ея фея.

ТИТАНІЯ.

Волшебницъ пѣснь, и танецъ круговой!
 Потому, чрезъ полъ-минуты, за работу!
 Вы... въ почкахъ розъ губите червячковъ!
 А вы... вступите въ бой съ нетопырями:
 За крылья ихъ!... для платья крошечкѣ-феи.

А вы.... докучную сову гоните;
 Что всё кричить; динудсь летать соня.
 Скорее пьсней мнѣ напѣйте соня;
 Тамъ — къ дѣлу всѣ, и дайте мнѣ покой.

ПЬСНЯ.

ПЕРВАЯ ФЛЕЯ.

Ежъ колючій, пестрый змѣй!
 Скройте въ норы по-скорѣй;
 Стрекоза пусть не звенитъ:
 Фей царица въ рошѣ спитъ!

ХОРА.

Соловей, соловей!
 Съ нами пьсней своей,
 Фей царицу усыплай:
 Баю, баю, баю, бай!
 Чтобъ ни горе ни печали
 Сна царицы не смущали.
 Доброй ночи, баю, бай!

ВТОРАЯ ФЛЕЯ.

Скройте, скройте паучки!
 Прочь улитки, червячки!
 Черный жукъ пусть не жужжитъ;
 Все въ природѣ пусть молчитъ.

ХОРА.

Соловей, соловей!
 Съ нами пьсней своей,
 Фей царицу утѣшай:
 Баю, баю, баю, бай!
 Чтобъ ни горе ни печали
 Сна царицы не смущали.
 Доброй ночи, баю, бай!

ПЕРВАЯ ФЛЕЯ.

Все затихло; полетимъ.
 Эльфовъ! ты стой здѣсь часовымъ.

(Тѣмъ же замѣтка, какъ раздѣляются)

ОБЕРОНЪ , входить и выжимаетъ сокъ
кровоу на глаза спящей Титании.

Кто бѣ онъ ни бывае, чушь отъ сна
Будешь имъ пробуждена,
Будь въ него ты влюблена....
Хоть онъ котъ, медвѣдь, баранъ,
Иль щетинистый кабанъ!....
Сила чаръ совершенна:
Будь въ урода влюблена!

(Исчезаетъ)

Входятъ ЛИСАНДРЪ и ЭРМИЯ.

ЛИСАНДРЪ.

Мнѣ кажется, я потерялъ нашъ путь.
Какъ ты, мой другъ, устала! Посмотри,
Не лучше ли намъ отдохнуть.
Пробудемъ здѣсь до утренней зари.

ЭРМИЯ.

Ты правъ : съищи себѣ постель; а я
Хочу уснуть одна, здѣсь, близъ ручья.

ЛИСАНДРЪ.

Позволь и мнѣ здѣсь отдохнуть съ тобой:
Въ насъ двѣ души : хотя онъ отдѣльны,
Однако ложемъ, сердцемъ, и судьбой;
Мы всегда должны быть неразлучны.

ЭРМИЯ.

Нѣтъ! дальше отъ меня, мой другъ, ложись;
Прошу любовью нашей: удались!

ЛИСАНДРЪ.

Вѣрь чистотѣ моихъ невинныхъ словъ:
Не подозрѣнье, другъ мой, но любовь,
Посредницею должна быть между нами.
Я разумѣю — мы связаны сердцами
И наше чувство не раздѣлено,
Какъ-будто бѣ сердце было въ насъ одно;
Въ насъ двѣ души, но ихъ судьбу связать,
И въ святость вѣрують онъ одну.
Позволь, чтобъ я вблизи тебя лежалъ!....
Вѣрь, ложа ложью я не оскверню!

Эрмля.

Забавный каламбуръ ты отпустилъ!....
 Да я свой правъ бы стала проклинать,
 Когда бь пришлось мнѣ про тебя сказать —
 Лисандръ здѣсь ложью ложе осивверилъ!
 Но на мое моленье согласишься:
 Не здѣсь, по-одаль отъ меня, ложись;
 Тебѣ известно, намъ разлука эта
 Назначена приличьемъ свѣта.
 Прости, мой другъ!.... храни ко мнѣ любовь,
 Пока не охладѣетъ въ сердцѣ кровь.

Лисандръ.

Конецъ, конецъ мольбамъ! Я говорю:
 Къ чему мнѣ жизнь, когда я измѣню?
 Да осънитъ тебя отраднѣй сень!

Эрмля.

И надъ тобой пусть миромъ вѣетъ онъ!

(Ложатся въ отдаленіи другъ отъ друга и засыпаютъ)

ПУКЪ, является.

Всюду лѣсъ я обошелъ:
 Да въ лѣсу-то не напишеть,
 Въ чьи глаза моя рука
 Выжметъ влагу изъ цвѣтка!
 Тихо.... полночь.... Вотъ одинъ!....
 Онъ по платю — изъ Аоннъ,
 Какъ владыка мой сказалъ.
 Онъ-то дѣву отвергалъ!
 Здѣсь бѣднѣжка также спитъ:
 Но вдали одна лежитъ,
 Не дерзая взять покой,
 Гдѣ тиранъ ея лежитъ!
 Вотъ, я каплей роковой
 Страшный огонь въ тебя пролью,
 И зажгу любви змью....
 Пусть любовь тебя томить
 И навѣки сна лишитъ.

Съ сномъ разстанься до утра!...
Къ Оберону мнѣ пора.

(Исчезаетъ)

ВХОДЯТЪ ДМИТРИЙ И ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА.

Хоть жизнь возьми, но лишь остановись!

ДМИТРИЙ.

Пошла, я повторяю! удались!

ЕЛЕНА.

И ты въ лѣсу останься мнѣ велишь?

ДМИТРИЙ.

Оставь, когда собою дорожишь!

(Убѣгаетъ)

ЕЛЕНА.

Нѣтъ силъ бѣжать: чуть духъ перевожу!
Тѣмъ злѣе онъ, чѣмъ болѣе прошу!...
Счастлива Эрмія судьбой своей,
Затѣмъ что ясецъ взоръ ея очей!
Чѣмъ этотъ блескъ она имъ дать могла?
О, не слезой!.... я больше слезъ лила!
Нѣтъ, нѣтъ! я какъ медвѣдь страшна собой:
И зѣрь бѣжить, чуть встрѣтитъ со мной;
Дмитрію теперь я не дивлюсь:
Вѣдь я ему чудовищемъ кажусь!
Какъ зеркало мнѣ недостойно дгало:
Взоръ Эрміи оно съ моимъ равняло!

(Замѣчаетъ спящаго Лисандра)

Кто здѣсь?.... Лисандръ, поверженный во прахъ?

Онъ мертвъ? Или онъ спитъ?... О, страхъ!

Ни ранъ, ни крови, кажется, не вижу...

Лисандръ! когда ты живъ, проснись, проснись!

ЛИСАНДРЪ, пробуждается и внезапно
видитъ Елену.

И въ адъ я для тебя идти готовъ!

Красавица Елена, дочь боговъ!

Природа чудеса здѣсь совершаетъ:

твоей груди взоръ сердце созерцаетъ!
 въ Дмитрій?... вспомнить не могу объ немъ!
 изрубить его готовъ мечомъ!

ЕЛЕНА.

гавь свой гнѣвъ, Лисандръ, и будь спокоенъ.
 ты Эрмію онъ любитъ, что же въ томъ?
 Эрмін любовью будь доволенъ.

ЛИСАНДРЪ.

о? Я? Любовью Эрмін доволенъ?
 ты проведенные съ ней вспомню дни,
 ня тотчасъ раскаянье томить!
 бя лишь я могу душой любить!
 кто не захотѣлъ бы, нѣтъ людей,
 роны на голубку промѣнять?
 зсудокъ долженъ волей управлять;
 гь мнѣ сказалъ : прелестные ты всѣхъ!
 оодъ раньше времени не созрѣваетъ :
 я, какъ плодъ, разсудкомъ не созрѣвъ,
 мль юнъ и слѣпъ. Но есть всему свой мигъ!
 перь уже я зрѣлыхъ лѣтъ достигъ;
 зсудокъ воли не даетъ страстямъ :
 гь, онъ влечетъ меня къ твоимъ ногамъ!
 . твоихъ глазахъ, какъ въ книгѣ дорогой,
 итаю жадно пламенной душой
 сторіи любовной письма.

ЕЛЕНА.

чѣмъ я для насмѣшекъ рождена?
 змъ я могла презрѣнье заслужить?...
 кой шалунъ!... Ужъ много, слишкомъ много,
 . меня того, что, можетъ, въ цѣлый вѣкъ
 нъ сердца не удастся оживить
 имитрія страдальчѣмъ, ильмъ взоромъ :
 ты лзвишь обидѣннѣ разговоромъ!...
 і оскорбилъ, ты оскорбилъ меня!
 смѣшкой злою дышетъ рѣчь твоя.
 илусь, я думала въ тебя войти
 честь, и чувствую... Но, прости, прости!...
 горе! я отвержена однимъ,
 въ тотъ же часъ оскорблена другимъ!

(Пасторальная уличная)

ЛИСАНДРЪ, къ спящей Эврии.

Тебя не видѣла!.... Ну, продолжай!
 Здѣсь почивать, пока я удалюсь:
 И никогда меня ужъ не встрѣчай!
 Какъ лакомство, когда пресытитъ вкусъ,
 Въ насъ возбуждаетъ тошноту собой,
 Или какъ расколъ, отверженный толпой,
 Сильнѣе ненависть рождаетъ въ томъ,
 Кто надъ собой извѣдалъ зло его,
 Такъ ты мнѣ — и расколъ и пресыщенье!
 Пусть всѣ къ тебѣ питаютъ отвращенье:
 Я къ всѣхъ сильнѣй! Страсть сердца моего
 Емъ въ жертву приношу отнынь:
 И буду витяземъ моей богини!

(Убѣгаетъ вслѣдъ за Еленой)

ЭРИИ, въ испугъ пробуждается.

Слѣзь, Лисандръ, ты Эврию свою!
 Сорви, сорви съ груди моей змью!....
 О горе!.... Что за сонъ мной одолевъ?
 Взгляни, какъ я дрожу, какъ поблѣднѣла!
 Мнѣ снилось, что змѣя мнѣ сердце съела,
 А ты съ улыбкой на меня глядѣлъ....
 Лисандръ, иди!.... Молчитъ!.... Лисандръ, мой другъ!
 Скорый, скорый!... Меня убьетъ испугъ!....
 Бессмыслица!... Да.... молчитъ!.... Я чувствую лихорадку.
 Лезь отсюда: я за тебя страпнусь!....
 Ига, отъ далеко!.... Роту обойду:
 Въ ней смерть, или тебя найду!

(Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лѣсъ возлѣ Аѳинъ.

Въ отдаленіи почивають Титанія.

КВИНСЪ, СНОГЪ, БОТТОМЪ, СНАУГЪ и СТАРВЕЛИНЪ;
входятъ.

БОТТОМЪ.

Всѣ ли здѣсь?

КВИНСЪ.

Чудо! чудо! вотъ славное мѣсто для пробы: зеленая лужайна замѣнитъ намъ сцену, терновникъ уберетъ ложищу, и мы разыграемъ комедію точь въ точь какъ мораль герцогомъ.

БОТТОМЪ.

Питеръ Квинсъ!

КВИНСЪ.

Ну что? Экой неугомонный!

БОТТОМЪ.

Въ нашей комедіи «Пирамъ и Тисба» есть вещи, которыя вовсе не поправятся. Во-первыхъ, Пирамъ обнажаетъ мечъ и убиваетъ себя; этого не снесутъ наши люди. Не такъ ли?

СНАУГЪ.

Да!... это будетъ ужасный страхъ.

СТАРВЕЛИНЪ.

По-мнѣ, при концѣ убійство можно и выпустить.

БОТТОМЪ.

Ни чуть. Я придумалъ какъ все это уладить: стоить только написать прологъ, и въ немъ сказать, что мы мечами нашими не сдѣлаемъ ни малѣйшей царапины; что Пирамъ убить не въ правду, а для большаго убѣжденія, скажемъ, что я, Пирамъ, не Пирамъ, а Боттомъ, ткачъ. И это ихъ успокоитъ.

Хорошо! Мы сочинимъ прологъ въ пять стиховъ, вмѣстѣ
и шесть стиховъ.

дождь.

Прибавьте ужъ еще два стиха, и пусть будетъ въ семь
и осемь.

скажутъ.

Не испугаются ли дамы льва?

старикань.

Испугаются; ручаюсь, испугаются.

вотъ.

Господа, потѣшьте объ этомъ. Пустить, сохрани Господи,
льва между леди: да это ужаснѣйшая вещь! Нѣтъ
страшнѣе гуся какъ левъ; да еще живой. Лучше бы поду-
шить объ этомъ.

скажутъ.

Ну, такъ давай еще прологъ, и сказать, что это не левъ.

вотъ.

И назвать по имени, кто онъ таковъ. Да еще пусть будетъ
видна изъ подъ гривы половина лица. При чемъ онъ можетъ
произнести рѣчь, примерно сказать, такую: — Милостивыя
сударыни, али прекраснѣйшія леди, прошу, али умоляю,
али убеждаю васъ, не вугаться, али не страшитса; жизнь
моя ворука за вашу; если вы полагаете, что я стану двѣство-
вать адсь какъ настоящій левъ, то я сгинуль и пропаль.
Нѣтъ! я не такое животное, какъ вы думаете: я человекъ
какъ вся люди. — И здѣсь, кстати, пускай онъ проговоритъ,
внятно и ясно, свое имя, что — и, дискать, Сногъ, столяръ.

квнсь.

Хорошо; быть такъ. Но въ комедіи есть еще двѣ презатру-
нительныя вещи: какъ провести въ комнату лунный свѣтъ?
Въдъ Пирамъ и Тисба видятъ при лунномъ свѣтъ!

сногъ.

А будетъ ли свѣтить луна въ ночь представленія?

вотъ.

Подайте календарь! Эй! календарь! Сынцате «Лунное
сіяніе».

квнсь.

Да; въ ночь представленія луна свѣтитъ.

Т. I. — Отд. II.

13

воттуть.

Тамъ отъиць только откриты въ бѣлы ставни, и луна ста-
неть свѣтитъ.

квннть.

Да; што одинъ изъ насъ войдетъ, съ пучкомъ луны
и съ фонаремъ, и скажетъ, что онъ пришелъ изобразить,
или представлять, лицо Лунное сіяніе. Но тутъ не все, въ
комедіи еще есть запятая: какъ представить стѣну? Пи-
рамъ и Тисба, какъ рассказъ гласитъ, шепчутся сквозь от-
верстіе стѣны.

снога.

Ужъ стѣны-то вамъ никакъ не видѣсть на сцену!

воттомъ.

Однако жъ кто-нибудь долженъ представлять стѣну: такъ
обмажьте его глиной, или оштукатурте видѣстью, видо-
добіе стѣны, и велите ему протянуть руку и согнуть паль-
цы, такъ (*протягивая руку, обхватывая ее келодо большой съ
указательнымъ пальцемъ*).... и, сквозь эту щель, пусть Пи-
рамъ съ Тисбою шепчутся.

квннсь.

Если это можно уладить, то все пойдетъ хорошо. Те-
перь, за дѣло! Говорите ваши речи. Пирамъ, начинай; се-
гда окончишь рѣчь, то уйди за стѣту кустарники: за тобой
и всь пускай то же сдѣлають.

квннъ, падаетъ носомъ актера.

Что здѣсь за взоръ чванятся блнвъ мнѣта.

Гдѣ отчизна нарицы еси?

Ба! представленья? Буду зрителемъ....

Актеромъ, если случай понадется.

квннсь.

Пирамъ, ну!.... Тисба, подойди по-ближе.

пирамъ.

«Какъ сей цвѣтокъ да ромъ благоухаетъ....»

квннсь.

Даромъ, а не да ромъ!

пирамъ.

«Какъ даромъ сей цвѣтокъ благоухаетъ,

Такъ твой, о Тисба, вздоръ....»

квннсь.

Взоръ!!

ПИРАМИЪ.

.....добръ лѣтце мерцаетъ....

Чу! голосъ!.... я на мигъ лишь удаюсь,

И тотчасъ предъ тобой явлюсь.

(Уходить)

пукъ, всторону.

Вотъ самый удивительный Пирамъ,
 Какой когда-нибудь игралъ на сценѣ!

(Уходить)

ТИСВА.

Моя очередь?

КВИНСЪ.

Разувьется; тебѣ извѣстно, что Пирамъ вышелъ только
 посмотреть, что тамъ за шумъ, и тотчасъ вернется.

ТИСВА.

«О, лучезарнѣйшій Пирамъ!

Лили ты цвѣтка бѣлый.

Взгляни-красныхъ розъ алый

Румянецъ по твоимъ щекамъ.

Ты утра майскаго свѣжій,

Умешь ты всѣхъ, мой другъ, умиш;

Взрѣй надежнаго коня,

Что никогда не устаетъ.

У Вратъ Троюма жди меня,

Туда твой взрѣй другъ придетъ.

КВИНСЪ.

Трагедя, дружище! трагедя!... а не Троюма. Экой ты, пра-
 во, какой!.... Да этого и говорить еще не пора: этимъ дол-
 жно отвѣчать Пираму, а ты мелешь все разомъ,—начало, се-
 редину и конецъ. Пирамъ! выходи; за тобою остановка; ужъ
 сказано:

«Что никогда не устаетъ.»

(Лягается ПУКЪ. БОУТОМЪ, съ ослабѣлою головой.)

ТИСВА, зываетъ.

«Взрѣй надежнаго коня,

Что никогда не устаетъ....»

ПИРАМИЪ.

«Когда бъ я былъ прекрасенъ, Тисба,

Я бъ только, только былъ твоимъ....»

...и везет, замѣтивъ у Боттома ослиную
голову, вскакиваетъ съ мѣста.

Чудовище! Мы оборочены!

Спасайтесь друзья! бѣгите прочь!

(Все клоуны разбѣгаются)

пудъ.

Теперь и я за вами вслѣдъ помчусь,

Чрезъ кустъ и пѣнь, чрезъ тернъ, и топь, и ровъ,

Безъ головы медвѣдемъ покажусь;

То вдругъ завою стаей гончихъ псовъ,

То померещусь вепремъ, иль конемъ

Или блудящимъ въ сумракъ огнемъ,

Чтобъ васъ порядкомъ проучить!

Я буду хрюкать, лаять, ржать, свѣтить,

Какъ песь, медвѣдь, кабанъ иль конь

Иль какъ блудящій въ сумракъ огонь.

(Исчезаетъ)

БОТТОМЪ.

Зачѣмъ они разбѣжались? А! это плутни!... думаютъ испугать меня!

сплутъ, возвратившись.

Боттомъ, ты обороченъ? Что я вижу у тебя на плечахъ?

(Уходитъ.)

БОТТОМЪ.

Что же ты видишь? Ослиную голову, такую же какъ и твоя. Не такъ ли?

квивсъ, возвратившись.

Господь спаси тебя, Боттомъ! ты обороченъ.

(Уходитъ.)

БОТТОМЪ.

Понимаю ваши плутни! Думаютъ сдѣлать изъ меня осла, думаютъ испугать: какъ бы не такъ! Я не тронусь съ мѣста! Дѣлайте, что хотите, я буду здѣсь расхаживать и пѣть; пусть ихъ слышать, что я не трусливаго дѣсятку.

(Поетъ)

Черноперый дятель, дятель,

Съ темно-желтымъ клевоиъ, клевоиъ!

Дроздъ, цвѣтушкѣ, мой пріятель,
Королекъ съ хохломъ пушистымъ!

ТИТАНІЯ, пробуждается.

Что здѣсь за голосъ разбудилъ меня,
На благовонномъ дождѣ нѣтъ цвѣтоты?
(Видишь Воттомъ).

ВОТТОМЪ, продолжаетъ пѣть.

Чижикъ, воробѣи, синица!
И кукушка, счетчикъ лѣтъ:
Кто не знаетъ этой птицы?
Кто жь дерзнетъ сказать ей — нѣтъ?

И въ самомъ дѣлѣ, кто захочетъ спорить съ такою глупой
птицей? Кто скажетъ ей «врешь», когда она горланить
свое куку?...

ТИТАНІЯ.

Прошу, прекрасный смертный, пой еще!
Мой слухъ плавился голосомъ твоимъ,
А взоръ твоей наружностью прельщенъ.
При первой встрѣчѣ ты меня неволишь
Тебѣ дать клятву въ пламенной любви!

ВОТТОМЪ.

Кажись, сударыня, съ вашей стороны это не совсемъ ра-
зумно, хоть, правду сказать, въ нашъ вѣкъ, любовь и ра-
зумъ не очень ладятъ другъ съ другомъ: тѣмъ болѣе
жалъ, что честные люди не стараются ихъ подружить!... А
что: и я съострить умю!

ТИТАНІЯ.

Ты такъ же умнѣ, какъ прекраснѣ.

ВОТТОМЪ.

Ну, не такъ: будь у меня хоть столько ума, сколько нужно
чтобъ выбраться изъ этого лѣсу, я сумѣлъ бы употребить
его въ дѣло!

ТИТАНІЯ.

Ты не уйдешь изъ рощи, милый мой,
И, хочешь или нѣтъ, останешься со мной.
Я не простой духъ, я царица еей.
Безсмысленно лѣто въ области моей.
Тебя я буду пламенно любить!

Нать, нать! со мной осталью; другъ прелестный.
 Я дамъ тебя въ прислугу милыхъ бей:
 Онъ тебя изъ глубины морей
 Достанутъ перловъ красны чудесной,
 И будутъ пьнемъ слухъ твой услаждать,
 Когда уснуть захочешь на цвѣтахъ.
 О! я очисти твоей лажелъ пражъ,
 И ты, какъ легкій духъ, начнешь летать!...
 Гороховый Цвѣточекъ! Паутина?
 Гдѣ Зернышко Горчишное? гдѣ Моль?

(Далются четыре бей)

Здѣсь. ПЕРВАЯ БЕЯ.

Здѣсь.

ВТОРАЯ БЕЯ.

Здѣсь.

ТРЕТЬЯ БЕЯ.

Здѣсь.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕЯ.

Здѣсь.

Куда мы полетимъ?

ТИТАНІЯ.

Чтобъ другъ мой нѣжно вами былъ хранимъ!
 Въ прогулкахъ рзво прыгать передъ нимъ!
 Кормите абрикосомъ, ежевикой,
 Пурпурнымъ виноградомъ, сладкой фигой!
 У пчелъ ему должны медъ похищать;
 И воскъ у нихъ отъ ножекъ отнимать
 Для факеловъ въ часы ночей,
 Которые должны вы зажигать
 Отъ огня въ свѣтлячковыхъ глазъ,
 Чтобъ путь его на ложе изъ цвѣтовъ,
 Пойдетъ ли спать или проснется онъ,
 Всегда былъ ярко ими освѣщенъ!
 Нарвите крыльевъ пестрыхъ мотыльковъ:
 Отъ глазъ его свѣтъ лунный заслонять.
 Поклонъ, кому должны вы угрождать!

ПЕРВАЯ БЕЯ.

Привѣтствую тебя, смертный!

ВТОРАЯ СКА.

Привѣтствую тебѣ!

ТРЕТЬЯ СКА.

Привѣтствую!

ЧЕТВЕРТАЯ СКА.

Привѣтствую!

ВОТТОМЪ.

Благодаримъ за честь. Смогу спросить, чинъ, имя и фамилию вашей милости?

ПАУТИНА.

Паутина.

ВОТТОМЪ.

Радъ познакомиться съ вами, милая миссъ Паутина. При случаѣ, когда обрѣжу палецъ, позвольте обратиться къ вашей помощи. Ваше имя честной господинъ?

ГОРОХОВЫЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

Гороховый Цвѣтокъ.

ВОТТОМЪ.

Прошу васъ поручить меня милостямъ вашей доброй матушки, Гороховой Шелухъ, и вашему батюшкѣ, господину Гороховому Зернышку. И съ вами, любезнѣйшій господинъ, тоже пріятно имѣть близкое знакомство: ваше имя, сударь?

ГОРЧИЧНОЙ ЗЕРНЫШКО.

Горчичное Зернышко.

ВОТТОМЪ.

Почтенный господинъ Горчичное Зернышко, мнѣ очень хорошо извѣстно ваше долготерпѣніе. Этого безсовѣстнаго злодѣя, бифстекъ, много перевелъ на свѣтъ вашей родни: повѣрьте, горькая судьба вашихъ ближнихъ часто исторгала слезы изъ моихъ глазъ. Очень радъ быть съ вами на дружеской ногѣ, почтеннѣйшее Горчичное Зернышко!

ТИТАНІЯ.

Ведите же его на ложе сна!

На насъ бросаетъ влажный взоръ луна.

Когда она льетъ хладныхъ слезъ потокъ,

То плачетъ каждый крошечный цвѣтокъ.

Азъкъ свяжите другу тишиной:

Потомъ его снесете на покой.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ДРУГАЯ ЧАСТЬ ДЪСУ.

ОБЕРОНЪ, входитъ.

Томлюсь узнать царицы пробужденье!
 Что прежде всѣхъ ей взоры поразить?
 Въ кого безумно влюбится она?

(Является ПУКЪ.)

Вотъ мой гонецъ. Что новаго, проказникъ?
 Чѣмъ насъ потѣшитъ эта сторона?

ПУКЪ.

Царица фей въ урода влюблена.
 Близъ мѣста, гдѣ покоилась она,
 Подъ звѣздной пеленою неба,
 Толпа аенискихъ шутовъ собралась:
 Ну, дряни, что трудится лишь для хлѣба!....
 И въ роцъ пробой драмы занялась,
 Для свадьбы герцога Афинъ, Тезея,
 Смѣшна была глупѣйшая ихъ драма!
 И всѣхъ глупѣй игралъ одинъ Пирама:
 Въ тотъ мигъ, какъ монологъ проговоря,
 Онъ сцену на мгновеніе оставилъ,
 Я голову осла ему приставилъ.
 Когда же онъ явился отвѣчать
 На вздоръ своей недруги глупой:
 То.... съ чѣмъ сравнить внезапный ужасъ трушны?...
 Какъ въ страхъ гуси дикіе кричатъ,
 Когда ловець на нихъ вооруженъ,
 Или какъ стая трепетныхъ воронъ,
 Когда неожиданно выстрѣлъ раздастся,
 Съ испугу, съ крикомъ, къ небу взрознь несется,
 Такъ тѣ Пирама испугались.
 Куда кто ни попалъ, всѣ разбѣжались,
 И падали, гдѣ я ступалъ ногой,
 Прося о помощи, крича «Разбой!».
 Тутъ все, что на пути ихъ окружало,
 Противъ испуганныхъ глупцовъ возстало:
 Тотъ о кустарникъ платье разорвалъ,

Другой башмакъ иль шляпу потерялъ;
 Того въ болото прямо я направилъ.
 Кроме Пирама всѣхъ я разогналъ:
 Зато ослиной головой украсилъ.
 Царица сей въ ту пору пробудилась,
 И именно въ осла влюбилась.

ОВЕРОНЪ.

Да, это лучше чѣмъ я ожидалъ!
 Но ты любовной влагою потерь
 Азиянина непреклонный взоръ?

ПУКЪ.

Да. Я нашелъ его, когда онъ спалъ.
 Ужъ, вѣрно, чуть проснется онъ,
 Въ красотку будетъ по уши влюбленъ.

Входить ДИМИТРІЙ и ЭРМІЯ.

ОВЕРОНЪ.

Скорѣ въ сторону; вотъ онъ идетъ.

ПУКЪ.

Двица та, но господинъ не тотъ!

ДИМИТРІЙ.

Не порицай мою къ тебѣ любовь:
 А гнѣвъ храни ты для своихъ враговъ.

ЭРМІЯ.

Съ тобою обходилась я сурово,
 Но, вижу, это для тебя не ново.
 Ты далъ мнѣ право, я страшусь сказать,
 Тебя безъ милосердья проклинять:
 Чтѣ, если ты Лисандра умертвилъ,
 Невинной кровію мечъ обагривъ!....
 Тогда убей меня! убей!....
 Скорѣ солнечный померкнетъ свѣтъ,
 Чѣмъ мой Лисандръ меня разлюбитъ!....
 Чтѣбъ огъ меня ушелъ огъ? Нѣтъ! Скорѣй.
 Луна въ ночи къ антиподамъ произидетъ
 Невидимо сквозь толстый шаръ земной,
 И тамъ, на зло полудню, очутитъ
 Край съ краемъ яркаго свѣтила дня!

О, нѣтъ! Лисандръ не позабылъ меня.
Ты умертвилъ его! Ты весь дрожишь!
Ты какъ убійца на меня глядишь.

ДМИТРИЙ.

Да такъ, какъ я, убитый лишь глядѣть:
Я умерщвленъ жестокостью твоей:
А ты, ты мой убійца, ты свѣтлый
Венеры, что на небесахъ блеситъ!

ЭРМИЯ.

Ахъ! что съ Лисандромъ стало?.... отвѣчай!
Мой добрый Дмитрій!.... друга мнѣ отдай!

ДМИТРИЙ.

Скорѣй отдамъ я звѣрямъ трупъ его!

ЭРМИЯ.

Прочь, лютый звѣрь, отъ взору моего!
Съ тобой должна приличье я забыть:
Его лишь только ты могъ умертвить:
За это изъ людей будь исключенъ!....

(Молчитъ)

Скажи мнѣ правду: если бъ онъ не свалъ,
Ты вѣрно на него бы не напалъ:
Но онъ тобою спящій умерщвленъ?....
Храбрецъ!... Не такъ ли жалитъ аспидъ, змѣй?....
Да, змѣй лзвить, и ты лзвишь;
Но жало у тебя ехидны жала змѣй,
И ты змѣи смертельныя разишь.

ДМИТРИЙ.

Повѣрь, твой гнѣвъ несправедливъ:
Лисандра я не убивалъ, онъ живъ;
Я не убійца, нѣтъ: твой гнѣвъ напрасенъ!

ЭРМИЯ.

Молю тебя, скажи, онъ безопасенъ?

ДМИТРИЙ.

Когда скажу, чѣмъ наградишь тогда?

ЭРМИЯ.

Тѣмъ, чтобъ меня не видѣть никогда....
Тебя терпѣть я, ужасъ, не могу!
Живъ, мертвъ ли онъ, я отъ тебя бѣгу.

(Убѣгаетъ)

ДМИТРИЙ.

Теперь нѣтъ пользы слѣдовать за ней.

Прямагу здѣсь въ-время отдохнуть :
 Когда сонъ не смыкаетъ ницъ очей,
 Тогда печаль томить сильнѣе грудь.
 Быть-можетъ сонъ меня здѣсь посетитъ,
 И сердца грусть на время облегчитъ.
 (Ложится и засыпаетъ)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Ну, что ты сдѣлалъ? Тотъ, кто вѣрнѣе былъ,
 Въ невѣрнаго тобою превращенъ,
 Кто жъ вѣроломствомъ за любовь платилъ,
 Тотъ къ вѣрности тобой не обращенъ!

ПУКЪ.

Вездѣ судьба! Изъ тысячи людей,
 Одинъ не проченъ клятвою своей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Быстрѣ вѣтру рошу облети!
 Сейчасъ Елену изъ Аѳонъ найди!
 Бѣдняжка, отъ любви больна,
 Отъ вздоховъ пламенныхъ блѣдна,
 И грудь ея истомлена желаньемъ.
 Ее веди сюда очарованьемъ,
 Пока на взоръ его я выжму сокъ.
 Лети, даю тебѣ короткій срокъ!

ПУКЪ.

Лечу, лечу! Смотри какъ я лечу!
 Быстрый стрѣлы Татарина лечу.

(Исчезаетъ)

ОБЪЯВЛЕНІЕ, выжимаетъ сокъ цвѣтка на
 глаза спящаго Дмитрія.

Ярко-пурпурный цвѣтокъ,
 Раненный стрѣлой любви!
 Очарованный твой сонъ
 Ты разлей въ его крови.
 Въ часъ, когда сюда прійдетъ
 Дѣва грустная въ слезахъ,
 Пусть она ему блеснетъ.
 Какъ Венера въ небесахъ,
 И, когда проснется онъ,
 Будетъ дѣвою пламенъ,
 Сънищуетъ рай въ ея глазахъ!

пучъ, дождь-дождь.

Царь волшебницъ, царь чудесъ!
 Дѣла скоро будутъ здѣсь,
 Съ ней — и тотъ, ошибкой въ домъ
 Я зажегъ любовь цѣпкомъ.
 Станемъ ли, владыка мой,
 Любоваться ихъ игрой?....
 Какъ забавна, вижу я,
 Смертныхъ глупая семья!

оверонъ.

Скройся! Прочь!.... Ихъ шумомъ онъ,
 Будетъ скоро пробужденъ.

пучъ.

Два глупца теперь, за-разъ,
 Будутъ пѣть любовь одной;
 Сколько будетъ тутъ проказъ!....
 Позабавлюсь часъ, другой,
 Неожиданной игрой!

Входятъ ЛИСАНДРЪ и ЕЛЕНА.

ЛИСАНДРЪ

Чтобъ я въ любви смѣлся надъ тобой!....
 Насмѣшка изливается ль слезой?....
 Нѣтъ, я тебя боготворю:
 Не видишь ли какъ слезы лью?
 Онъ знакъ пламенной любви, мученья....
 И ты могла принять за знакъ презрѣнья
 Мои страданья, жаръ сердечныхъ словъ,
 Все, чѣмъ хочу я доказать любовь?

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, ты становишься коварной, злѣй.
 Когда двѣ истины вступаютъ въ бой
 О, это адски-райскій бой!
 Храни любовь для Эрмин своей:
 Ужель ты измѣнить рѣшился ей?
 Взявъ клятву съ клятвою другою:
 Ихъ тяжесть будетъ вѣсу одного;
 И что жъ ты этимъ взъѣсишь?.... Ничего!

Такъ и твоя любовь ко мнѣ и къ шкѣ,
 Равна на чашечкахъ въсовъ :
 Одна другой не тяжелѣй, —
 Она пустые словъ пустыхъ мужчины.

АЛЕКСАНДРЪ.

Повѣрь, я безразсудно клался ей!

КЛЕНА.

И безразсудно измѣнилъ обѣтъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Она любима Дмитриемъ, ты нѣтъ.

ДИМИТРИЙ, пробуждается и встаетъ
 Вслуху.

Клена! божество! о красота!

Найду ль сравненье для твоихъ очей?

Они кристалла чище и свѣтлѣй!

Къ лобзаніямъ манять твои уста!

Снѣгъ Тавра высоты надменной,

Охваченный восточнымъ вѣтромъ бурнымъ,

Мнѣ кажется крыломъ вороннымъ, чернымъ,

Передъ твоею ручкой, несравненной.

Позволь, позволь блаженствомъ насладиться!

Позволь мнѣ къ этой ручкѣ приложиться!

КЛЕНА.

О, адъ! Такъ для забавы, вижу я,

Вы согласились осмѣять меня?

Нѣтъ, если бъ вы приличья свѣта знали,

Вы дерзостью меня бъ не оскорбляли.

Вамъ мало ненависть одну питать :

Нѣтъ, вы еще рѣшились осмѣять.

О! если бъ, какъ наружностью своей,

Душой вы походили на людей :

Вы съ женщиной не поступали бъ нагло,

Не удивлялись красотѣ моей

И клятвами въ любви не уверяли,

Когда известно мнѣ, что всей душой

Вы ненавидите меня!.... Вы были

Соперники въ любви между собой,

И оба Эрмію боготворили :

Теперь ужъ вы соперники къ другой,

Чтобъ узавить меня насмѣнливой злой.
 Поступокъ этотъ витязей доставишь!...
 У дѣвушки рыданья вынуждать
 Насмѣшкой! Кто душою благороденъ, —
 Дѣвицы не рѣшится оскорблять,
 Не станетъ истощать ея терпѣнья,
 Какъ вы, для одного лишь развлеченья.

ЛАСАДРЪ.

Ты съ ней жестокъ, Дмитрій! ты не правъ!
 Ты любишь Эрмію, я это знаю;
 И на нее тебѣ я уступаю
 Мои права; зато, прошу, оставь
 Елену мнѣ : ее я обожаю,
 И буду навсегда боготворить.

ЕЛЕНА.

Знай этого не можно говорить!

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ, оставайся съ Эрміей твоей;
 Я не хочу ея : что къ ней?
 Когда-то, правда, я ее любилъ,
 Теперь же вовсе къ ней остылъ.
 Мое не долго съ нею сердце было :
 Оно, какъ странникъ, только погостило;
 Теперь для счастья, на покой,
 Къ Еленѣ возвращается домой.

ЛАСАДРЪ, къ Еленѣ.

Смѣется онъ!.... ему не доваряй.

ДИМИТРІЙ.

Послушай!.... ложью истинны не осмѣривай,
 Когда своею жизнью дораживай!

(Входитъ Эрмія)

Вотъ Эрмія!.... Зачѣмъ къ ней не спѣшишь?

ЭРМІЯ.

Мракъ ночи притушаетъ чувство глазъ,
 Но чувство уха развѣстаетъ къ насъ;
 Когда глаза онъ бодрости лишается,
 Тотчасъ двойнѣ слухъ бдительнѣе надзавестъ :

(Къ Ласадру)

Не зрѣнемъ, слухомъ я вишла тебя.

О, сколько слуху благодарна я!
Жестокій!.... отъ меня ты убѣжалъ?
Зачѣмъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Зачѣмъ?.... я при тебѣ скучалъ :
Любовь меня прочь отъ тебя гнала.

ЭРМІЯ.

Тебя любовь прочь отъ меня гнала ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Къ Еленѣ жъ какъ магнитъ меня влекла.
Мрагъ ночи ярче золотитъ она,
Чашь съ неба эти звѣзды и луна!
Понятно ли : разстался я съ тобою,
Затѣмъ что ненавижу всей душой!

ЭРМІЯ.

Языкъ и сердце у тебя въ раздоръ.

ЕЛЕНА.

Вотъ и она здѣсь тоже въ разговоръ!
Всѣ согласились межъ собой
Смѣяться для забавы надо мною!
Ты, Эрмія, ты вѣроломный другъ,
Противъ Елены тоже возстаешь ?
И ты могла прошедшее забыть ?
Всѣ наши игры, данные обѣты,
Минуты горести при разставаньяхъ ?
Дни школьной дружбы и невинныхъ лѣтъ,
Когда, какъ двѣ художницы-богини,
Иглою нашей, съ одного увору,
Одинъ цвѣтокъ съ тобою вышивали?
Когда сидѣли на одной подушкѣ,
Одну мы пѣсню тѣмъ же тономъ пѣли:
Какъ-будто руки, голоса, взоръ, душа,
Въ насъ были не раздѣльны. Мы росли,
Какъ вишни-близнецы, раздѣльны съ виду,
Однако связаны одною вѣткой.
Такъ по-наружности насъ было двѣ,
Но сердцемъ лишь одна, какъ два щита
Въ гербъ прикрытыѣ одной короной.
Ты разрываешь дружбу прежнихъ дней,

Чтобъ съ ними оскорблять твою подругу!
 Не дружескій, не дѣвичій поступокъ!
 Весь полъ нашъ вправѣ осуждать тебя,
 Хоть чувствую обиду только я.

ЭРМИА.

Твоимъ упрекомъ я удивлена:
 Не ты, но я обижена тобой!

ЕЛЕНА.

Не ты ль, въ обиду мнѣ, уговорила
 Лисандра восхищаться мной?
 Дмитрія, любовника другаго,
 Въ насмѣшку называть меня богиней,
 Небесною, божественною нимфой?
 Зачѣмъ все это говорить онъ той,
 Которую душою ненавидитъ?
 Зачѣмъ Лисандръ, тебя любившій страстно,
 Меня въ своей любви сталъ увѣрять?
 Ты научила! ты всему вина!
 Хоть я не такъ какъ ты мила, красива,
 Не такъ какъ ты въ моей любви счастлива,
 Зато Дмитриемъ я не любима:
 Участья, не насмѣшки, я достойна!

ЭРМИА.

Не понимаю, что ты говоришь!

ЕЛЕНА.

Да, притворяйтесь; не доумывайте!
 Когда я отвернулась, вы успѣли
 Перемигнуться. Тѣшьтеся игрой!....
 Забава ваша въ лѣтопись внесется.
 Когда бы жалость въ васъ была, и чувство
 Приличья, вы меня бы не забрали
 Предметомъ для такихъ обидныхъ шутокъ,
 Прощайте; я сама виной отчасти:
 Меня спасетъ разлука, или смерть!

(Хочетъ уйти)

ЛИСАНДРЪ.

Позволь мнѣ оправдаться предъ тобой.
 Моя душа, прекрасная Елена!

Прекрасно!

Другъ, не обождай ея!

ДИМИТРІЙ.

Его заставлю я, когда ты просишь!

ЛИССАНДРЪ.

Твои угрозы будутъ не сильнѣй

Ея безсильныхъ просьбъ. Елена,

Вѣрь, я люблю тебя!.... клянуся мизинью,

Которую отдамъ, чтобъ доказать

Свою любовь, или обманъ того,

Кто скажетъ, что тебя я не люблю!

ДИМИТРІЙ.

Нѣтъ, нѣтъ, тебя я пламенный люблю!

ЛИССАНДРЪ.

Моему ты долженъ это доказать.

ДИМИТРІЙ.

Изволь!

Эрмія, удерживаетъ Лиссандра.

Чѣмъ это кончится, Лиссандръ?

ЛИССАНДРЪ.

Прочь, Эеіонка!

ДИМИТРІЙ.

Полно, полно!.... Шутить!

Онъ только притворяется, хитрецъ!

Видъ подаетъ, какъ будто хочетъ драться!

Самъ, вѣрно, не пойдетъ.... Пошелъ, ты, трусь!

ЛИССАНДРЪ, къ Эрміи.

Прочь, кошка ты! репейникъ!.... Прочь поди!

Нето тебя отброшу какъ змью!

ЭРМІЯ.

Какъ ты жестокъ!.... что это значить, другъ?

ЛИССАНДРЪ.

Твой другъ! ты, черномазая Татарка!

Прочь рвотное! Прочь гадкая микстура!

ЭРМІЯ.

Ты шутишь?

ЕЛЕНА, къ Эрмія.

Да ты тоже шутишь!

ЛИСАНДРЪ.

Димитрій, слышишь! я сдержу обѣтъ.

ДИМИТРІЙ.

Свяжи по-крѣпче: ты ихъ слабо держишь;
Нето, не вѣрю твоему обѣту.

ЛИСАНДРЪ.

Не должно ли ея мнѣ бить, изранить,
Иль умертвить? Хотя я ненавижу,
Однако ей вреда не нанесу.

ЭРМІЯ.

Сильнѣе ненависти есть ли зло?
Онъ ненавидитъ!.... и за что? Уды!
Что сдѣлалось съ тобою, милый другъ?
Не я ли Эрмія? не ты ль Лисандръ?
Я и теперь прекрасна, какъ и прежде;
Но прежде ты меня любилъ,
Теперь же въ ночь одну вдругъ разлюбилъ.
Пусть боги насъ отъ этого спасутъ!
Возможно ль?

ЛИСАНДРЪ.

Жизнию клянусь, возможно!

Тебя я видѣть больше не хочу.
Оставь мечты, вопросы и сомнѣнья;
Тебѣ сказалъ я правду, и безъ шутокъ:
Ты мнѣ противна, я люблю Елену.

ЭРМІЯ.

О горе! (къ Еленѣ) Вѣдьма! ядовитый гадъ!
Разбойница!.... ты какъ полночный воръ
Украла сердце друга моего.

ЕЛЕНА.

Прекрасно! Гдѣ же стыдъ, невинность, скромность?
Не хочешь ли, чтобъ я сказала то же?
О стыдъ! о срамъ! Забавна роль твоя:
Точь въ точь, какъ въ кукольной комедіи!

ЭРМІЯ.

Какъ въ кукольной комедіи?.... что это?
А, шутка вотъ куда дошла!.... понятно:

Свой ростъ съ моиъ равняеть, величяясь
Своей особой, длинною особой.

Да, да, она своимъ высокииъ ростомъ

Лисандра сердце вкорюила:

А высоко ль тебя онъ уважаетъ

Зато, что ростомъ я низка, мала?

Низка?.... ты полосатая верста!

Низка?.... но я не такъ еще низка,

Чтобъ не достать ногтями глазъ твоиъ!

ЕЛЕНА, обращаясь къ Димитрию и Лисандру.

Хотя вы все смываете надо мной, —

Да я прошу васъ удержать ее :

Иначе, изуродуетъ меня!

Ни съ кѣмъ и никогда я не дралась,

И ссорится мнѣ не дано таланта :

По робости, я женщина вполне.

Ахъ, защитите отъ нея! Вѣтъ-можетъ

Вамъ кажется, что мнѣ легко съ ней сладить,

Затѣмъ лишь что она со мной въ сравненьи

Не много ниже?....

ЭМИЛ.

Ниже?.... Вотъ, опять!

ЕЛЕНА.

Подруга добрая, не будь жестокой!

Тебя любила я всегда,

Твои все тайны свято берегла

И никогда тебя не обижала.

Я изъ любви Димитрию открыла

Побѣгъ твой въ лѣсъ: онъ за тобой пошелъ,

А изъ любви къ нему пришла и я.

Но онъ меня отсюда гонитъ прочь,

Грозитъ мнѣ сдѣлать вредъ, попрасть, убить....

Не трогайте меня! Пусть я въ Аены

Обратно понесу мою любовь!

Оставьте же меня!.... вы видите,

Какъ безразсудна я, и какъ проста!

ЭМИЛ.

Ну, такъ ступай! Кто держитъ здѣсь тебя?

Безмысленное сердце здесь оставлю!

Оставилъ здесь? Ты! Съ кѣмъ? Съ Лисандромъ?

Съ Дмитріемъ.

Елена, не страшись;

Она тебѣ не сдѣлаетъ вреда.

Дмитрій, къ Лисандру.
Не сдѣлаетъ, хоть будь съ ней заодно.

О! Эрмія, въ сердцахъ, ужасно злая,
Была прямой лисицей даже въ школѣ;
Хотя она мала, зато сердца.

Опять мала? Всё то же? Мала, низка!
Зачѣмъ даете, родно, ей браниться?
Пустите къ ней!

Прочь! дальше! карлица,
Букашка, желудь, придорожка!

Ты слишкомъ, видно, угождаешь той,
Которая услугъ твоихъ не цѣнитъ.
Не защищай, оставь: когда жъ дерзнешь
Малѣйшій знакъ любви ей оказать,
То дорого расплатишься со мной!

Вотъ я теперь свободенъ. Если смѣешь,
Ступай за мной; рѣшимъ, кто больше правъ,
Ты или я, имѣешь ли да Елену.

Не за тобой, — пойду лицомъ къ лицу!

Вы, вы, сударыня, виной къ ссоры.
Не уходите!

Я тебя боюсь; ...

Съ змьей какъ ты, остаться не хочу; ...
На драку руки у тебя длинны; ...
Для бѣгства ноги у меня быстры; ...

Я смущена.... и что сказать, не знаю! ...
(Уходитъ вслѣдъ за Есмерой.)

Все это по оплошности твоей! ...
Иль умыселъ?

Нѣтъ, царь твоя; ...
Все это отъ ошибки, уверяю; ...
Не ты ль, владыка, мнѣ сказать, ...
Что молодца по платью я узнаю? ...
Вѣдь я твою лишь волю исполнялъ; ...
И сокомъ взоръ его очаровалъ; ...
За это я не заслужилъ укора, ...
Хоть крѣпко веселить меня ихъ вѣсела.

Смотри!.... они вступить рѣшились въ бой; ...
Скорѣе, Пукъ! стужи ночную тѣнь; ...
И иглою звездный сводъ небесъ одѣнь; ...
Потомъ ихъ разлучи во тмѣ ночной :
То голосомъ Лисандра ты кричи; ...
И Димитрія насмѣшкой оскорбляй; ...
То вдругъ ты какъ Димитрій закричи; ...
И въ свой чередъ Лисандра обругай; ...
Все дальше другъ отъ друга ихъ гоня; ...
Пока ходьбой измучатся они, ...
И сонъ, подобье смерти, не сойдетъ; ...
И ихъ глаза забудемъ не сомкнетъ; ...
Потомъ въ Лисандра глазъ твой пука
Пусть выжметъ сокъ изъ этого цвѣтка !

(Отдаетъ Пuku цвѣтокъ)

Такъ вмигъ очарованье въ немъ пройдетъ; ...
А тамъ, какъ прежде будетъ видѣть, они

Когда жъ проснутся, то за бредъ, за сонъ,
 Они прошедшее сочтутъ :
 Потухнетъ ненависть и злоба,
 Въ Афинны мирною четой пойдутъ
 И будутъ други верные до гроба.
 Пока ты будешь это исполнять,
 Я полечу къ моей царицѣ Фей,
 Потребую ребенка мнѣ отдать ;
 Тутъ я сниму обманъ съ ея очей :
 Увидить, что — осель ея кумиръ,
 И водворится всюду миръ.

пукъ,

Скорѣе! поспѣшимъ, властитель мой!
 Смотри : ужъ ночи быстрые драконы,
 На небъ разсѣкаютъ мракъ густой;
 Уже блеснитъ предвѣстница Авроры.
 Вотъ, привидѣнія толпой
 Бѣгутъ поспѣшно на кладбища,
 И тѣни, осужденныя судьбой
 Имѣть себѣ проклятое жилище
 На перекресткахъ или подъ водой,
 Ужъ улеглись въ могилахъ межъ червей :
 Чтобъ ихъ позору блескъ дневныхъ лучей
 Не озарилъ, они дружатся съ тмой.

авроринъ.

Но мы другаго роду духи : чаще
 Съ авроринымъ любимцемъ, звероловомъ,
 Бродилъ я до зари въ лѣсу дубовомъ,
 Пока врата востока, какъ въ огнь,
 Лучи по океану разсылали
 И блескомъ зыбь пучины обливали,
 Бросавшимъ золото съдой волнѣ.
 Однако жъ поспѣшимъ, лѣти скорѣй!
 Окончимъ все до утреннихъ лучей.

(Улетаетъ)

пукъ.

Тамъ и здѣсь, тамъ и здѣсь!
 Поведу ихъ тамъ и здѣсь!

Я пугаю дворъ и лѣсъ.
Духъ, веди ихъ тамъ и здѣсь!

А! вотъ одинъ.

Александръ, входитъ.

Дмитрій!... отзывайся, врагъ надменный!....

Пукъ, говоритъ Дмитрій.

Я здѣсь!... Ну, что жъ?... Готовься, трусь презранный!

Александръ.

Иду, сейчасъ.

Пукъ, издали.

Сюда! за мной ступай!

(Александръ уходитъ за голосомъ Пукъ).

Дмитрій, входитъ.

Александръ, куда ты скрылся?.... отвѣчай!....

Былецъ! трусишка! Овладежь имъ страхъ.

Откликнись!.... что, не спрятался ль въ кустахъ?

Пукъ, изъ лѣсу.

Самъ трусь! ты чванишься лишь предъ звездами,

Храбришься только межъ кустами,

А не идешь!.... мальчишка, ну, иди!

Еще тебя бы надо розгой съчь:

Съ тобою драться — лишь безславить мѣчь.

Дмитрій.

Да гдѣ же ты?.... Ну, погоди!

Пукъ, издали.

Сюда, сюда!.... на полѣсь мой иди.

Здѣсь мѣсто славное вступить намъ въ бой!

(Дмитрій уходитъ за голосомъ Пукъ)

Александръ, входитъ.

Всѣ издали бѣжить онъ предо мной,

И все лзвить насмѣшкой влѣй.

Чуть къ мѣсту подойду, откуда звалъ,

Ужъ онъ оттоль, какъ заяцъ, ускакалъ!

Мерзавецъ, легче на ногу чѣмъ я!

На зовъ его какъ быстро ни съзвнѣлъ,

Но онъ бѣжить еще быстрой меня,

Такъ, что я, просто, выбился изъ силъ,

Здѣсь, по дорогѣ темной и неровной,
И клонить сонъ меня неодолю.
Здѣсь отдохну до утренней зари....
Скорѣ утро землю озари!

(Ложится)

Едва лучъ солнца рошу освѣтить,
Тотчасъ мой мечъ Дмитрійю отмститъ....

(Засыпаетъ)

пукъ, влѣтасть.

Го, го!.... го, го!.... Эй, трусь!.... зачѣмъ нейдешь?

Дмитрій, издали.

Ну, обожди, когда дерзнешь!
Ты отъ меня, какъ видно, убьгаешь,
И мѣсто каждый мигъ мѣняешь.
Я знаю, у тебя отваги нѣтъ
Въ лицо мнѣ прямо посмотреть.
Ну, гав ты!

пукъ, удалясь.

Видеть!.... скорѣй за мной!

Дмитрій, входитъ утомленный.

Нѣтъ, ты смѣешься надо мной!
Но дорого я расплачусь съ тобой.
Когда бы днемъ тебя я видѣть могъ!....
Теперь ступай своимъ путемъ;
Я отъ усталости весь изнемогъ;
Мнѣ ложемъ будетъ этотъ дернъ сухой.
Темно!.... вотъ я съ тобой увижусь днемъ.

(Ложится и засыпаетъ)

Елена, входитъ.

О ночь!.... какъ ты томительна, скучна!
Какъ безконечна и мрачна!....
Скорѣй изчезни! А востокъ скорѣй,
Блесни отраднымъ для меня лучомъ,
Чтобъ я въ Аены убѣжала днемъ
Отъ тѣхъ, кто презрѣлъ дружбою моею.
О сонъ!.... ты усыпидеши грусть людей,
Закрой на часъ мой взоръ, твоимъ преледемъ!

(Ложится и засыпаетъ)

пукъ, влѣтаеть и замѣшеть спящихъ.

Только трое?... недочетъ;
 Лишь четыре двухъ родовъ
 Составляютъ двѣ четы.
 Вотъ еще одна идетъ:
 Местъ и горе жгутъ ей кровь,
 Помрачаютъ вся черты....
 Плутъ большой руки Эротъ,
 Въ немъ проказъ недобрыхъ тѣма:
 Двухъ бѣдняжекъ свелъ съ ума,
 И ему ль до ихъ заботъ!

Эрмѣя, входитъ.

Въ жизнь не была я такъ утомлена,
 Обрызгана холодною росой,
 И до крови о тернъ изъязвлена.
 Не въ силахъ бѣгать; нуженъ мнѣ покой.
 Теперь ногамъ желаній не догнать....
 Молю судьбу — Лисандра охранять,
 Когда ужъ онъ вступить рѣшился въ бой!

(Ложится и засыпаетъ)

пукъ, приближается къ спящему Лисандру.

На земля
 Въ черной мглѣ,
 Крапче спи,
 Крапче спи!
 Вотъ цвѣтокъ:
 Его сокъ

На глаза я пролью
 И тебя изцѣлю!

(Выжимаетъ сокъ на глаза Лисандра)

И съ зарей,
 Чуть проснешься,
 Всей душой
 Улыбнешься

Той, которую любилъ,
 И которую забылъ.
 Послѣ Фебова восхода,
 Ты пословицу народа, —

Суженой не избѣжать, —
 Долженъ будешь доказать.
 Всѣмъ придетъ
 Свой чередъ.
 Безъ хлопотъ
 И безъ бѣдъ,
 Свой конекъ всякъ найдетъ,
 И все ладно пойдетъ.

(Улетаетъ)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Лѣсъ возль Аѳинъ.

ТИТАНІЯ и БОТТОМЪ, входятъ, окруженные есями, позади, не-
 видимый ими, ОБЕРОНЪ.

ТИТАНІЯ.

Сюда, прилягъ на эту мураву.
 Дай гладенькія щечки поласкать,
 Украсить розами твою главу,
 И ушки длинныя разцѣловать.

БОТТОМЪ.

Гороховый Цвѣточекъ!

ГОРОХОВЫЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

Здѣсь.

БОТТОМЪ.

Почешу мнѣ голову.... Гдѣ Паутина?

ПАУТИНКА.

Здѣсь.

БОТТОМЪ.

Дорогая синьорина Паутина, скорѣе убейте этого красно-

ногаго шмеля, что услся, вонъ тамъ, на цвѣткѣ чертополоху..
принесите мнѣ его желудочекъ съ медомъ. Только не горя-
читесь, mia signora, будьте осторожны, не разорвите же-
лудочка; для меня будетъ очень не пріятно, когда вы ра-
зовете медъ. А гдѣ мусь Горчичное Зернышко?

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО.

Здѣсь.

ВОТТОМЪ.

Пожалуйте, мусь! Вашъ кулачокъ! Прощу безъ компли-
ментовъ, мой милый мусь.

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО.

Что прикажете?

ВОТТОМЪ.

Ничего, только помогите Гороховому Цвѣтку почесать
меня. Мнѣ бы надо сходить къ цырульнику. Мусь! кажись,
мое лицо чертовски мохнато.... и я сталъ такой чувстви-
тельный оселъ, что чуть защекочетъ волосокъ, тотчасъ
приходитъ страшная охота почесаться.

ТИТАНІЯ.

Мой другъ желаетъ музыки послушать?

ВОТТОМЪ.

Послушаемъ!... у меня музыкальное ухо: пускай играютъ
и воютъ.

ТИТАНІЯ.

Быть-можетъ ты покушать хочешь?

ВОТТОМЪ.

Да, съ аветитомъ бы скушалъ сухаго, крушаго овса. Не
мшало бы съестъ и визачочку сѣна, только хорошаго; слад-
кого, душистаго сѣнца..... съ сѣномъ ничто въ мірѣ не
сравнится!

ТИТАНІЯ.

Тебѣ моя отважнѣйшая фея

Найдетъ ореховъ въ бѣлкиномъ дуплѣ.

ВОТТОМЪ.

Лучше полакомится водою, или двумя горстями сухаго
гороху. Но, нѣтъ, не нужно: пусть ваша челядь не шумить,
что-то клонить меня ко сну.

ТИТАНІЯ.

Усни, мой другъ! усни въ моихъ объятяхъ!

Летите, феи, по своимъ мѣстамъ.

(Феи улетаютъ. Титанія вѣжно обнимаетъ шею Воттома.)

Какъ вьется жимолость, благоухая,
 Какъ страстно плющъ льнетъ къ вязовымъ вѣтвямъ,
 Такъ страстно, пламенно ты мной любимъ :
 Я отъ тебя, мой милый, безъ ума!....

(Титанія и Ботдомъ засыпають. Является Пукъ).

оверонъ, приближается къ сидящимъ.

Здорово, Пукъ! Что, сцена какова?
 Ея безумство трогаетъ меня.
 Недавно съ ней я встрѣтился въ лѣсу :
 Она рвала душистые цвѣты
 Для этого противнаго глаупца;
 Я упрекалъ, потомъ завелъ съ ней ссору,
 Когда она мохнатымъ лобъ его
 Украсила богатыми цвѣтами,
 Такъ, что роса, которая на почкахъ
 Какъ перлы круглые Востока блещетъ,
 Уподоблялась пламеннымъ слезамъ,
 Оплакивая ихъ позоръ и стыдъ.
 Когда надъ ней я въ въ волю насмѣялся,
 Она съ покорнымъ видомъ начала
 Прощенья у меня просить :
 Въ то время я потребовалъ мальчишка,
 Котораго она безпрекословно
 Велѣла феямъ отвести ко мнѣ,
 Въ лѣсъ заколдованный царства моего.
 Мальчуга — мой! — Теперь разрушу чары;
 А ты сними ослиный черепъ
 Съ плечъ этого аѳинскаго барана :
 Пусть съ прочими въ Аѳины онъ идетъ,
 И все, что съ нимъ случилось эту ночь,
 За бредъ фантазій своей сочтетъ.
 Но прежде исцѣлю царицу фей.

(Касается травой глазъ Титаніи)

Снова будь ты, какъ была,
 И смотри, какъ ты смотрѣла:
 Купидона власть прошла,
 Власть Діаны одохла.
 Титанія!... проснись, моя царица!

ТИТАНІЯ, пробуждается.

Мой Оберонъ! Ахъ, что за необылица!
Кажись, я влюблена была въ осла?

ОБЕРОНЪ.

Вотъ онъ.

ТИТАНІЯ.

Какъ я любить его могла?
Да онъ противенъ для моихъ очей!

ОБЕРОНЪ.

Тсъ!... Пукъ! прочь эту голову скорый!
Титанія, пусть музыка играетъ,
И чувства ихъ пусть усынитъ сильный,
Чашъ сонъ обычный усыпляетъ.

ТИТАНІЯ.

Гдѣ музыка?... Не медлите! скорый!
Играйте пѣснь колдующую сонъ!

ПУКЪ, подождая къ опиющему Боттому.

Когда отъ сна ты будешь пробужденъ,
Глази опять, какъ ты глядѣлъ!... глушнѣе.

(Играетъ тихую музыку)

ОБЕРОНЪ.

Играйте!... Мэй!... Возьмемся, другъ, колыцкомъ!...

Дай руку мнѣ!... и земно всколыхнемъ.

Гдѣ эти сони такъ глубоко синтъ?

Межъ нами дружба царствуетъ оялѣ!

Мы завтра, чуть сойдетъ полночный мракъ,

Въ дворецъ Тезея будемъ танцовать,

И счастиемъ надѣлимъ жи ихъ бракъ;

И эти двѣ четы, что влюблены,

Такъ будутъ также соединены.

(Занимается заря на востокъ)

ПУКЪ.

Царь волюбимъ, царь чудесъ!

На востокъ день горитъ;

Замъчай: изъ подъ небесъ

Жаворонка пѣсни звучитъ!

ОБЕРОНЪ.

Вслѣдъ за мракѣмъ послѣднимъ,

Средь безмолвной тишины;

Назь землю пролетить,
Шибче странницы луны.

Т. М. Т. А. С. Я.

Понесемся, другъ мой, въ путь!
Расскажи мнѣ, какъ во мгль,
Между смертныхъ, на землѣ
Я могла одна уснуть?

Оберонъ, Титанія и Пукъ улетаютъ. Раздаются звуки охотничьихъ роговъ; входятъ ТЕЗЕЙ, ИПОЛИТА, ЭГЕЙ, придворные и охотники.

Т. М. Т. А. С. Я.

Тотчасъ позвать лѣсничаго ко мнѣ.
Оконченъ майскій утренній обрядъ;
Пока настанетъ полдень, ты услышишь
Концертъ моихъ любимыхъ гончихъ псавъ..
Тамъ, въ западной долинь, ихъ спустить!
Не медите!.... Скорѣе, говорю,
Лѣсничаго съвокавъ.... а мы взойдемъ,
Моя царица, вотъ на эту гору,
И будемъ слушать музыкальнѣй хаосъ
Изъ лаю псавъ въ смѣшенъ съ своимъ эхомъ.

И. С. К. О. Л. Е. Т. А.

Я видѣла, какъ Геркулесъ и Калкъ
Травили разъ въ лѣсахъ критійскихъ
Спартанскими собаками медведя:
Ни разу мнѣ не удавалось слышать
Такихъ живыхъ и рывчихъ звуковъ!
Не только роши, — небеса, ружья,
Долины, все гремѣло чуднымъ гудомъ..
Я не слыхала никогда еще
Такого музыкальнаго разлада..
И въ то же время столь притихахъ звуковъ..
Съ спартанскими собаками моихъ
Одной породы: тѣ же морды, широтъ,
А головы украшены ушами
Столь длинными, что на бѣну свѣтаютъ..
Съ раствѣннй утренню росу.

Ихъ ноги кривы; грудь, какъ у быковъ
 Фессалин; лай медленный.... но звучитъ
 Ихъ лай, какъ колокольчиковъ пучокъ!
 Лай чудо!.... Да! согласный ничтоже
 Не раздавалось съ звучными рогами
 Ни въ Критѣ, ни въ Фессалии, ни въ Спартѣ.
 Суди сама объ нихъ, когда услышишь.
 Но, тише: это что за нытье здѣсь?

э г к ѣ.

Я вижу дочь мою въ глубокомъ снѣ;
 Возле Александра, Дмитрія, Елену....
 Елену, стараго Недара дочь!
 И удивляюсь, видя вмѣстѣ ихъ!

т е з к ѣ.

Сомнѣнья нѣтъ!.... они съ зарею встали
 Исполнить майскій утренній обрядъ,
 И, зная, что охотимся мы здѣсь,
 Пришли, чтобъ увеличить торжество.
 Сегодня Эрмія должна сказать
 О выборѣ своемъ отвѣтъ?

э г к ѣ.

Сегодня.

т е з к ѣ.

Пусть звукъ роговъ пробудитъ ихъ отъ сна.

(Вдали звучать рога; Дмитрій, Александръ, Эрмія и Елена, пробуждаются и послѣдняя встаетъ.)

т е з к ѣ.

Привѣтствую, друзья, васъ съ добрымъ утромъ!

Дѣнь Валентиновъ ужъ давно прошелъ....

Теперь паруются лѣсные птички?

Александръ, вѣста съ Эрміей, Деметріемъ и Еленой, ставшими на колѣни передъ Тесеємъ.

Простите, государь!

т е з к ѣ.

Прошу васъ встать.

Вадъ вы всегда соперниками были?....

Какъ между вами водворился миръ?

И ненависть такъ беззаботно снѣтъ,
Забывши ревность, и вражду свою?

Лисандръ.

Позвольте, государь.... я вамъ отвѣчу....
Я изумленъ.... въ полу-просонкахъ.... Право,
Клянусь, не знаю, что сказать о томъ,
Какъ я сюда попалъ!... но, кажется....
Всю правду вамъ открою, государь :
Я съ Эрміей сюда пришелъ,
Рѣшившись съ нею изъ Афинъ бѣжать
Туда, гдѣ безопасны были бъ мы
Отъ строгаго стариннаго закона.

егой.

Довольно! замолчи, Лисандръ! довольно!
Закона, государь, у васъ прошу!
Меча закона на его главу!
Они уйти хотѣли, убѣжать?
Ограбить тайно насъ?.... тебя, Дмитрій,
Лишить жены, меня отцовской власти?

дмитрій.

Прекрасная Елена мнѣ сказала
Объ ихъ намѣреніи бѣжать отсюда :
Изъ ревности, я поспѣшилъ за ними;
Елена изъ любви пошла за мной.
Какою силой?.... я не понимаю! —
Но сила за могуча! — страсть моя
Къ прекрасной Эрміи совсѣмъ угасла,
Разтаяла какъ снѣгъ, и превратилась
Въ воспоминаніе, какъ объ игрушкѣ,
Которая съ ума сводила въ дѣтствѣ.
Все счастье души, восторги сердца,
Блаженство; наслажденье глазъ моихъ
Въ Еленѣ нахожу; съ ней обрученъ
Я прежде былъ чѣмъ Эрмію увидѣлъ :
Я, какъ больной, гнушался прежней пищи;
Теперь же, какъ здоровый, получилъ
Опять природный, прежній, вкусъ.
Люблю ее, тоскую, и томлюсь,
И съ нею никогда не разлучусь.

Т е з е й.

Прекрасные любовники, я радъ.
 Счастливыи случай васъ привелъ сюда.
 Но послѣ мы услышимъ вашу разсказъ.
 Эгей, твой приговоръ я измѣняю :
 Пусть съ нами вѣсть эти двѣ четы
 Соединятся въ храмъ навсегда.
 Какъ жарко!.... утро далеко ушло,
 Белите распусить охоту.
 Отправнитесь въ Аѳины, всѣ, по-парно,
 И зададимъ великолѣпный пиръ !
 Дай руку, Ипполита.

(Тезей, Ипполита, Эгей, придворные и охотники уходятъ).

Д И М И Т Р Ъ.

Все, что случилось съ нами, такъ не ясно
 Какъ дальнія вершины горъ въ туманъ!

Э Р М И Я.

А мнѣ, какъ-будто видѣлось въ полъ-глаза,
 Когда предметы кажутся двойнѣ!

Е Л Е Н А.

Мнѣ тоже!.... Дмитрія нашла
 Какъ перлъ : какъ-будто мой да и не мой.

Д И М И Т Р Ъ.

Мнѣ кажется, мы будто спимъ еще,
 И видимъ все во снѣ. И вѣрите ль,
 Что здѣсь былъ князь и намъ велѣлъ итти ?

Е Л Е Н А.

И Ипполита!

Э Р М И Я.

Да! и мой отецъ.

Л И С А В Д Р Ъ.

И намъ съ собой итти велѣли въ храмъ.

Д И М И Т Р Ъ.

Такъ мы проснулись! Ну, пойдѣмъ за ними,

А на пути расскажемъ наши сны.

(Лисавдръ, Эрмѳя, Дмитрѳй и Елена уходятъ).

вот томъ, просыпается.

Когда доидетъ очередь до меня, то скажите. Мнѣ слыдуеть
 говорить тотчасъ послѣ : «Прекраснѣйшѳй Пирамъ»....

(Глядитъ вокругъ.)

Эй!.... О!.... Питеръ Квинсъ! Флетъ, скорнякъ! Снаутъ, мѣдникъ!... Старвелинъ!.... Боже мой! всѣ удрали, и мени оставили спящаго!.... А я между-тѣмъ видѣлъ прекуріозный сонъ!.... Я видѣлъ такой сонъ, что, кажись, будто-бы.... ну, просто ума не приложу! просто и высказать не возможно, что это былъ за сонъ!.... Да и выразить надо бытъ осломъ, чтобы разбирать такой глупый сонъ.... Вѣдь я видѣлъ такой сонъ, что, будто-бы, кажись, я былъ.... ну, и молвить нельзя, что такое! Я былъ, кажись.... и у меня, кажись, была.... ну, просто надо быть сумасшедшимъ, чтобы взятъяся объяснить, что у меня, кажись, было!.... Глазъ человѣческой не слыхивалъ, ухо не видало, рука не дувала, языкъ не воображалъ, сердце не провздошало никогда такого сна!.... А впрочемъ, человекъ вообще такой оселъ, что и не мудрено, если ему порой приснится будто-бы, кажись, у него на плечахъ.... Я заставлю Питера Квинса написать балладу на этотъ сонъ. Мы назовемъ ее *Сонъ ткача Боттома*.... потому что вѣдь у одного только ткача и можетъ быть такая «основа» для баллады.... и спою ее передъ герцогомъ вслѣдъ за окончаніемъ пьесы. А можетъ-быть, для большаго эффекта, спою и въ минуту смерти Тисбы.

(Уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

АФИНЫ.

Комната въ домѣ Квинсы.

Входятъ КВИНСЪ, ФЛЕТЪ, СНАУТЪ и СТАРВЕЛИНЪ.

КВИНСЪ.

Послали за Боттомомъ на домъ? Неужели онъ еще не воротился домой?

СТАРВЕЛИНЪ.

Да объ немъ нѣтъ ни слуху ни духу. Вѣрно, завсѣдъ куда-нибудь нечистой силой.

ФЛЕТЪ.

Вѣдь представленіе разстроится, когда онъ не воротится! Безъ него комедія не пойдетъ.

КВИНСЪ.

Разумѣется, не пойдетъ! У насъ, во всѣхъ Афинахъ нѣтъ ни одного человека способнаго его представлять Пирама.

ФЛЕТЪ.

Ну, ужъ это слишкомъ! Но ума и остроты, конечно, у него болѣе чѣмъ у всѣхъ мастеровыхъ въ Аѳинахъ.

КВИНСЪ.

И притомъ онъ красивѣе всѣхъ: а ужъ что касается до голоса, свръчь, до дистанціи, то, признательно сказать, слаще его не найдется нигдѣ для роли любовника.

ФЛЕТЪ.

Такъ ужъ по-крайней-мѣрѣ сказалъ бы ты *дисканта*, а не *дистанціи*. Вѣдь «дистанція» всё-равно что «коммиссія!»

СНОГЪ, ВХОДИТЬ.

Братцы! герцогъ уже въ храмъ, въ одно время съ нимъ вычуются еще два или три аѳинскихъ ларда и столько же-леди. Эхъ, когда бѣ комедія наша была въ ходу, карманы у насъ не были бы пусты!

ФЛЕТЪ.

Ахъ, этотъ проказникъ Боттомъ! вотъ какъ самъ отъ себя терлетъ пожизненный пенсіонъ до пяти-алтыннику въ день! А ужъ навѣрное получилъ бы въ день по пяти-алтыннику: ручаюсь своей головой, что герцогъ, увидѣвъ, какъ онъ играетъ Пирама, пожаловалъ бы по пяти-алтыннику въ день! И онъ право стоитъ этого: пять алтынгъ за Пирама, или ничего!

БОТТОМЪ, ВХОДИТЬ.

Гдѣ же вы, ребята? гдѣ они, сердечные?

КВИНСЪ.

Боттомъ! О счастливый день! О благословенный часъ!

БОТТОМЪ.

Братцы! я вамъ расскажу просто чудеса.... только, уговоръ, не спрашивать какія; если жѣ спросите и я скажу вамъ, то не назовите меня не Аѳиняниномъ. Я расскажу все, точь въ точь, какъ случилось.....

КВИНСЪ.

Слушаемъ, любезный Боттомъ.

БОТТОМЪ.

Ни слова обо мнѣ. Я хотѣлъ только сказать, что герцогъ уже пообѣдалъ. Скорѣе одѣвайтесь! — бороды на тессежи! — гдѣ баншикамъ новыя ленты! — и маршъ во дворецъ. А между-тѣмъ повторяйте роли свои, затѣмъ что нашей комедіи

данъ почетъ передъ другими представленіями. На всякіи случай, пусть Тисба надънетъ чистое бѣлье. Играющіи льва не замарай ногтей своихъ, потому что они будутъ ему служить вмѣсто львиныхъ ногтей. А, главное, дорогіе актеры, не кушайте ни луку ни чесноку : наше дыханіе должно быть чисто и свѣжопросольно; и я готовъ держать закладъ что всѣ скажутъ : «Вотъ милая комедія!» Но, пора! большіи слова! пойдемъ!

(Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Аонны.

Зала во дворцѣ Тезея.

Входятъ ТЕЗЕЙ, ИПОЛИТА, ФИЛОСТРАТЪ, вельможи и дворники.

ИПОЛИТА.

Какъ чудны ихъ рассказы, милый мой!

ТЕЗЕЙ.

Въ нихъ, вижу, вздору болѣе чѣмъ правды.

Не вѣрю я ни этимъ древнимъ баснямъ,

Ни этимъ чудесамъ волшебницъ, фей.

Вѣдь у влюбленныхъ и безумцевъ

Такія пламенныя, пылкія мечты

Что здравый умъ не разгадаетъ ихъ!

Поэтъ, влюбленный, и безумецъ

Составлены сплоть изъ воображенья :

Безумецъ видитъ болѣе чертей,

Чѣмъ можетъ ихъ вмѣстить бездонный адъ;

Влюбленный столько жъ сумасброденъ :

Въ цыганкѣ видитъ красоту Елены;

Поэта взоръ летаетъ въ испушенья

Съ небесъ на землю и съ земли на небо :
 Когда же пылкое воображенье
 Осуществитъ созданныя предметы,
 То онъ даетъ воздушнымъ привидѣннѣмъ
 Лицо, названье, тѣло и жилище.
 Таковъ всегда штукарь — воображенье!
 Когда въ немъ лучъ веселія блеснетъ,
 Оно всему веселый видъ даетъ ;
 А если ночью посѣтитъ менугъ,
 То кустъ въ медвѣдя обращаетъ вдругъ.
 и пологитъ.

Однако жъ ихъ ночныя приключенья,
 И эта переменна чувствъ въ сердцахъ
 Существенный мечты воображенья,
 И убѣждаютъ въ истинѣ ихъ словъ,
 Хотъ, впрочемъ, удивительныхъ и странныхъ.

Входятъ ЛИСАНДРЪ, ДИМИТРІЙ, ЭРМІЯ и ЕЛЕНА.

ТЪЗЪЙ.

Вотъ идутъ двѣ влюбленные четы,
 Исполненные радостнаго чувства.
 Друзья мои, пусть счастье и любовь
 Вамъ спутниками будутъ во всю жизнь!

ЛИСАНДРЪ.

Нѣтъ, больше чѣмъ на насъ, да нивзойдутъ
 Дары небесъ на царственный вашъ домъ!

ТЪЗЪЙ.

Ну, гдѣ же маскарадъ? какъ сократимъ
 Томительную вѣчность трехъ часовъ
 Межъ нашимъ ужиномъ и ложемъ сна?
 Гдѣ нашъ распорядитель празднествъ?
 Какое развлеченіе готово?

Ужели нѣтъ комедіи, способной
 Убить минуты тягостныхъ часовъ?
 Гдѣ Филостратъ?

ФИЛОСТРАТЪ.

Здѣсь, государь!

ТЪЗЪЙ.

Скажи, чѣмъ сократишь намъ этотъ вечеръ?

Какою музыкой? какой забавой?....

Чѣмъ обмануть намъ медленное время,
Когда нѣтъ ни какого развлечения!

◆ ИЛЛЮСТРАТЬ.

Вотъ списокъ приготовленныхъ забавъ:

Что вамъ избрать угодно, государь?

(Подаетъ Тезею списокъ.)

тезей, читать.

«Центавровъ бой, спеть, подъ звуки арфы,
Аонскій эвнухъ». Этого не надо:

Моей подругѣ я ужъ равносвалъ

О славу родственника Геракла.

«Неистовство Вакханокъ ошвыжавшихъ,
Терзающихъ еракійскаго павца.»

О, это представление не ново!

Его играли, какъ въ послѣдній разъ

Изъ Оивъ я побѣдителемъ пришелъ.

А!.... «Трижды три горюющія Музы,

О смерти приключившейся наукъ

Отъ голоду и нищеты.»

Нѣтъ, это, знаю, ѣдкая сатира:

Она нейдетъ для брачнаго веселья.

«Унылая коротенькая сцена

Пирама и его подружки Тисбы,

Съ трагическимъ увеселеньемъ.»

И смѣхъ и горе? Коротко — уныло?

То есть, горячій ледъ и жаркій снѣгъ.

Какъ мы найдемъ въ разладъ этотъ ладъ?

◆ ИЛЛЮСТРАТЬ.

Піеса эта изъ десятка словъ:

По краткости нѣтъ равной ей на свѣтѣ!

Но и одинъ десятокъ этихъ словъ

Безъ мѣры длиненъ и введетъ въ унынье:

Ни одного въ піесѣ цѣлой нѣтъ

На мѣстѣ слова и съ умомъ актера.

Пирамъ себя въ ней убиваетъ!

Когда на пробѣ онъ игралъ, признаюсь,

Изъ глазъ моихъ явились невольно слезы,

Но слезы самыя восхваля,
Какихъ не извлекаетъ громкій смѣхъ.

ТЕЗЕЙ.

Кто жъ эти странные актеры?

ФИЛОСТРАТЪ.

Да все ремесленники, государь.
Они своимъ трудомъ живутъ въ Афинахъ,
Но никогда они еще досель
Не знали умственной работы;
Теперь ломаютъ головы, что мочи,
Остра тупую память надъ піесой,
Которую рѣшились разыграть
Въ день вашихъ брачныхъ пиршествъ, государь.

ТЕЗЕЙ.

И мы послушаемъ піесу ихъ.

ФИЛОСТРАТЪ.

Она не стоитъ вашего вниманья:
Вся ихъ піеса — сущее ничто,
И только ихъ намъ рече похвалено,
Доставитъ вамъ минуту развлеченья,
Явя и свой посильный, тяжкій трудъ,
Которымъ угодить желали бъ вамъ.

ТЕЗЕЙ.

Нѣтъ, я желаю видѣть ихъ игру:
Что простота и преданность дарятъ,
Того не должно худо понимать.
Зовите ихъ; а васъ прошу садитса.

(Филостратъ уходитъ; все садится.)

ИПОЛИТА.

Мнѣ грустно видѣть — въ изнуреннѣ бѣдность,
И преданность безсильную — въ услугахъ.

ТЕЗЕЙ.

Ты этого, мой другъ, не будешь видѣть.

ИПОЛИТА.

Онъ говоритъ, что ихъ игра ничтожна.

ТЕЗЕЙ.

Тамъ смислительнѣе будемъ къ ней;
Хоть за ничто, а скажемъ имъ спасибо:
Незнаемъ ихъ забавой будетъ намъ.

Гдѣ преданность чего не въ силахъ сдѣлать,
 Тамъ благородное вниманье цѣнить
 Одно усердіе, а не талантъ.
 Разъ, судьи собрались пріѣздъ мой встрѣтить
 Привѣтствіемъ, на-память заученнымъ;
 Когда жъ при встрѣчѣ я взглянулъ на нихъ,
 Они, дрожа, блѣднѣя, запинались,
 Съ испугу кашляли, теряли голосъ,
 И, наконецъ, умолкли, не сказавъ
 Привѣтствія, затверженнаго къ сроку.
 Но, вѣрь мнѣ, милая, въ молчаньи этомъ
 Я видѣлъ самый лучший ихъ привѣтъ,
 И въ простотѣ преданности робѣвшей,
 Читалъ я столько же какъ въ шумной рѣчи,
 Произнесенной смѣлымъ языкомъ.
 Нѣмая преданность и простота,
 Моей душѣ сильнѣе говорятъ!

Ф И Л О С Т Р А Т Ъ, входитъ.

Угодно ли вамъ выслушать прологъ?

Т Е З Е Й.

Пусть явится.

(Звукъ трубъ.)

П Р О Л О Г Ѣ, входитъ.

Когда мы вамъ пьесой досадимъ,
 То это умыселъ. Вамъ должно знать,
 Что не по доброй волѣ мы хотимъ
 Вамъ досаждать; но чтобы показать
 Простой талантъ нашъ, тронуть нѣмъ сердце,
 Въ томъ есть начало нашего конца;
 Вотъ наша цѣль, — чтобы утѣшить васъ.
 Мы здѣсь не съ тѣмъ, чтобы наскучить вамъ.
 Готовы мы; изъ драмы вы тотчасъ,
 Узнаете, что знать угодно вамъ.

Т Е З Е Й.

Этотъ человекъ не любитъ читать съ разстановкой.

Л И С А Н Д Р Ъ.

Онъ проскакалъ прологъ свой, какъ не обязательный жеребенокъ, который незнакомъ съ уздою. Прекрасное правило сударь: мало того что говоришь, говори съ толкомъ!

ИПОЛИТА.

Онъ проговорилъ прологъ , какъ новичокъ играетъ на
клавирѣ : выдываетъ звуки , но безъ такту и мѣры.

ГЛАВЪ.

Его рѣчь похожа на перепутанную цѣпь , въ которой вся
звѣнья цѣлы , но въ безпорядкѣ . Что слѣдуетъ послѣ про-
лога?

Видеть ПИРАМЪ , ТИСБА , СТВѢНА , ЛУННЫЙ СВѢТЪ и ЛВЪ.

ПРОЛОГЪ.

Не удивляйтесь не выдавъ конца:
Игрою истину откроемъ вамъ.
Когда жъ угодно знать , то се Пирамъ ,
Се Тисба , чудо красотой лица.
Сей въ извѣсти и въ глянцѣ , представляеть
Ту Ствѣу , что влюбленныхъ раздѣляетъ !
Черезъ щель ся , два страстные сердца
Лишь шопотомъ другъ съ другомъ говорятъ ;
Но это не должно васъ удивлять.
А оный человекъ , что съ фонаремъ ,
Съ лучиною , съ огнемъ въ рукѣ , и съ псомъ ,
Собой свѣтъ лунный долженъ представляеть:
Любовники , при свѣтѣ той луны , —
Не будьте снѣмъ удивлены , —
Условились , у Вратъ Трофея быть
И тамъ любви блаженства раздѣлить.
Сей страшный звѣрь , Зевсъ львомъ его создалъ :
Онъ Тисбу , шедшую по тмѣ ночной ,
Сразилъ , нль лучше , испугалъ :
Она , спасаясь смерти злой ,
Лишилась въ страхѣ мантии драгой ,
Которую звѣрь кровью обагривъ .
Когда жъ пришелъ Пирамъ , сей богъ любви ,
Онъ вопль отчаянiя испустилъ ;
Потомъ извлекъ свой кровожадный мечъ ,
Желая жизнь свою скорѣй пресѣчь ,
И скоро въ грудь себя его вонзилъ ;
А Тисба , скрывшись въ туювой тѣни ,
Кинжаломъ выигъ свои пресѣкла дни .
Все остальное , что до Льва , Ствѣны ,
Влюбленныхъ и Силiя Луны ,

Из длинной речи можете узнать:
 Которой не угодно ли внимать?
 (Прологъ, Тисба, Левъ и Лунный Свѣтъ уходятъ.)

ТЗВЪЙ.

Вашего, если Левъ заговорить!

ДИМТРИЙ.

Почему же нѣтъ?.... вѣдь говорятъ ослы.

СТЪНА.

Въ сей драмѣ мнѣ доводится играть :
 Я, — Снауть, и буду Стѣву представлять;
 Но стѣву должно объяснить мнѣ вамъ :
 Которая со щелью, аль съ дырой;
 А чрезъ сію щель Тисба и Пирамъ
 Шептались часто межъ собой.
 Сей камень, извѣсть, глина, всѣмъ должны
 Напоминать образъ самой сей стѣны.
 Теперь, кажись, вымъ истина ясна.

(Протягиваетъ руку, соединя большой и указательный пальцы.)
 Вотъ эта щель : печальна и темна, —
 И здѣсь, въ часы полночной тишины,
 Шептаться робкіе сердца должны.

ТЗВЪЙ.

Можетъ ли извѣсть и глина сказать что-нибудь умнѣе!

ДИМТРИЙ.

Это, государь, умнѣйшая галиматья какую удавалось мнѣ
 слышать!

ТЗВЪЙ.

Тише! Пирамъ приближается къ стѣнѣ.

ПИРАМЪ, подходитъ къ Стѣвѣ.

О ночь угрюмая!.... въ отсутствіе дня
 Врачье ночь ни разу не сходила!
 О ночь!.... Увы! вѣсчастье для меня,
 Когда объѣтъ свой Тисба позабыла!
 О ты, стѣна! о милая стѣна,
 Которая межъ нашими домами
 Воздвигнута жестокими руками!
 О, укажи, гдѣ щель въ тебѣ видна,
 Чрезъ кою могъ бы я провинкуть взоромъ!

(Стѣна поднимаетъ руку.)

Ахъ, щель!.... благодарю, благодарю!
 Да Зевсъ тебя спасетъ!.... Но, что я зрю?
 Тамъ Тисбы нѣтъ!.... Проклятемъ и укоромъ

Да будешь ты навѣкъ удручена,
Презрѣнная обманщица стѣна!

Т Е З Я.

Стѣна, кажется, живая, и должна бы тоже отвѣчать про-
клятіями.

П И Р А МЪ, къ зрителямъ.

Никакъ нѣтъ-съ, Стѣна не будетъ отвѣчать. Послѣ «об-
манщица стѣна», слѣдуетъ Тисбѣ говорить; она сейчасъ
выйдетъ, а я стану глядѣть на нее сквозь стѣну. Увидите,
все слышится, какъ говорю. Вотъ она.

Т И С Б А, входитъ.

О ты, стѣна! сколь часто ты вняла
Моимъ стенавьямъ и слезамъ!
Меня всегда ты съ другомъ разлучала,
И поцѣль твою знакомъ моимъ устамъ!.....
Его я часто лобызала!

П И Р А МЪ.

Я вижу шумъ!.... къ отверстию!.... тамъ свѣтло!
Тамъ буду слушать Тисбы я лицо!
О Тисба!....

Т И С Б А.

Счастіе души моей!

Се ты, мой другъ?

П И Р А МЪ.

Какъ хочешь, разумѣй.

Я твой; и въ чувствахъ буду не измѣнчивъ,
И кождъ Лизидръ тебя пребуду въривъ!

Т И С Б А.

Я, какъ Елена, буду для тебя,
Докогда не сразитъ меня судьба!

П И Р А МЪ.

Шеаль Прокрусъ не былъ столько въривъ!

Т И С Б А.

Какъ онъ Прокрусу, я люблю тебя!

П И Р А МЪ.

Позволь тебя, мой другъ, облобызать
Сквозь щель сію стѣны презрѣнной.

(Стараются поцѣловаться.)

Т И С Б А.

Нѣтъ, усть твоихъ я не могу достать.
И только щель стѣны должна лобзать!

П И Р А МЪ.

Къ Вратамъ Трофея, другъ мой несраиненный,
Тебя я на свиданіе прошу.

ТИСБА.

Хоть жизнь, хоть смерть, туда я поспышу!
(Пирамъ и Тисба удаляются въ разные стороны.)

СТЫНА.

Ужъ роль моя къ концу доведена.
Прощайте!... прочь уходить вся стьва.
(Кланяется и уходитъ.)

ТЕЗЪЙ.

Стьва развалилась; теперь препятствія не существуютъ
для любовниковъ.

ДИМИТРИЙ.

Теперь не надобно, государь, ни какихъ средствъ противъ
стьвы. Наслыу-то догадалась, и сама исполняетъ то, о чемъ
следовало бы ее давно просить.

ИПОЛИТА.

Это глупѣйшій фарсъ! Подобнаго я еще не слыживала.

ТЕЗЪЙ.

И самые умные этого роду вещи не многого сто́ятъ: но и
глупое не будетъ глупо, если дополнить его воображеніемъ.

ИПОЛИТА.

Въ такомъ случаѣ, это будетъ воображеніе наше, а не
ихъ.

ТЕЗЪЙ.

Ну, а если будемъ воображать объ нихъ, какъ они сами объ
себѣ воображаютъ, то и они покажутся намъ умными людьми.
Вотъ идутъ двое благороднѣйшихъ животныхъ, Мысяць и
Левъ.

ВХОДЯТЪ ЛЕВЪ И ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

ЛЕВЪ.

Вы, дамы, конхъ вѣжные сердца
Объемлетъ страхъ, блвднветъ цвѣтъ лица,
Когда близъ васъ внезапно промелькнетъ
Ничтожившій, уродливый мышенокъ!
Теперь быть-можетъ страхъ васъ обожметъ,
Когда здѣсь явится не мышь, не львенокъ,
А страшный левъ, кой дико зареветь.
Такъ знайте же, что я есмь Сногъ, столарь,
И добровольно роль сію избралъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не дикій левъ я, и не львица,
Не грозный царь зверей, не ихъ царица.

Да если бѣ львомъ явился въ сей странѣ,
Тогда бѣ пришлось растаться съ жизнью мнѣ!....

Тезей.

Какой милый и добросовѣстный звѣрь!

Димитрій.

Самый вѣжливый изъ всѣхъ хищныхъ звѣрей.

Александръ.

Этотъ левъ — настоящая лисица по своей смѣлости.

Тезей.

Правда. И настоящій гусь по своей хитрости.

Димитрій.

Извините, государь: смѣлость не одолеваетъ въ немъ хитро-
сти; а лисица одолеваетъ гуся.

Тезей.

Согласенъ: въ немъ хитрость не одолеваетъ смѣлости; вѣдь
гусь не одолеваетъ лисицы. Оставимъ это дѣло его хитро-
сти, а теперь послушаемъ Луны.

Лунный свѣтъ.

Фонарь сей есть двурогая луна....

Димитрій.

Слѣдовательно у него должны бы быть рога на головѣ.

Тезей.

Она теперь не въ ущербѣ, а въ полнолуніи, затѣмъ и не
замѣтно роговъ.

Лунный свѣтъ.

Фонарь сей есть двурогая луна;

Я — человекъ, что видѣнъ на лунѣ.

Тезей.

Это большая ошибка! Его слѣдовало бы посадить въ фо-
нарь: иначе, что онъ за человекъ, видимый на лунѣ?

Димитрій.

Онъ не посмѣлъ этого сдѣлать изъ опасенія потушить
свѣтъ; извольте взглянуть: въ фонарь только огарокъ, и
тотъ догараетъ.

Исполнта.

Какъ скученъ этотъ мѣсяцъ! Когда бѣ онъ скорѣе зака-
тился!

Тезей.

По его мерцающему свѣту, замѣтно, что онъ затмѣвает-
ся; однако, изъ приличія и снисхожденія, мы должны не мно-
го потерпѣть.

АЛЕКСАНДРЪ.

Впередъ, Мѣсяцъ!

ЛУНИНЪ СВѢТЪ.

Ну, если нужно все сказать, то этотъ фонарь есть луна, а я человекъ видимый на лунѣ, а лучина принадлежитъ не мнѣ, а собака, — моя собственная собака.

ДИМИТРІЙ.

Всакъ ихъ должно бы помѣстить въ фонарь: вѣдь все это на лунѣ; но, вотъ Тисба.

ТИСБА, ВХОДИТЬ.

Врата Троины, и гробница.

Но гдѣ же мой возлюбленный?

ЛЕВЪ.

О!

(Левъ продолжаетъ рычать; Тисба рбаетъ.)

ДИМИТРІЙ,

Славно, Левъ!

ТЕЗЕЙ.

Браво, браво, Тисба!

ИФИОЛТА.

Фора, Мѣсяцъ! Нраво, посмотрите, этотъ мѣсяцъ премило свѣтитъ.

(Левъ терзаетъ мантию Тисбы, потомъ убѣгаетъ.)

ТЕЗЕЙ.

Экой раздирательный левъ!

ДИМИТРІЙ.

Вотъ Пирамъ идетъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Затмѣнь-то и затмѣвается луна.

ПИРАМЪ, ВХОДИТЬ.

Блестящая, прекрасная луна!

Влаголаредемъ грудь къ тебѣ полна.

О, продолжай, полночный другъ, свѣтить

Твоимъ блестящимъ, пламеннымъ лучамъ!

При блескѣ ослѣпительномъ твоемъ,

Хочу взрывишей Тисба взоръ вкромъ.

Но стой!.... О рокъ ужасный!

Смотри, смотри злѣщастный!

Какой рокъ грядетъ предо мной?

Что, что вамъ, очи, зрится?

Могло ль сіе случится?

О пташечка! дружочекъ мой!....
 Вся кровью обгаренна,
 Мантилья незабвенна!
 Явитесь оуры въ сихъ мѣстахъ!
 Судьба! явись, явись,
 И карой разразись!
 Ражь, жги и обращай все въ прахъ!

ТЕЗЕЙ.

Смерть милой подруги и такаія страсти съ ума сведуть
 бѣднаго человѣка!

ИПОЛИТА.

Брани мое сердце, но мнѣ жалокъ этотъ человѣкъ.

ПИРАМЪ.

Судьба, зачѣмъ левы созданы тобой?
 Чтобъ всякій левъ здѣсь Тисбу разстерзаль?
 Которую я страстно обожаль?
 Которая.... нѣтъ, нѣтъ! клянусь судьбой!....
 Которая прелестнѣе всѣхъ дамъ,
 Какія жили, нравились сердцамъ!
 Ручьемъ начните слезы течь;
 Пора тебѣ, мой острый мечъ,
 Пирама перси узавить скорѣй.
 Сюю грудь лѣвую проваж,
 Гдѣ сердце бьется, тамъ рази:
 Такъ!.... такъ!.... такъ съ жизнью расстаюсь моею!....
 Я умертвить себя успѣлъ,
 Я прочь отсѣлъ улеть.
 Пари мой духъ на небеса, пари!
 Затмнитесь вы, языкъ, уста!
 Луна, покинь сіи мѣста!....
 Теперь умри! умри! умри! умри!

(Умираеть. Лунный Свѣтъ уходитъ.)

ДИМИТРІЙ.

И послѣ смерти онъ роли своей не ослабилъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Куда ему осла бить!.... онъ бездушенъ.

ИПОЛИТА.

Зачѣмъ луна исчезла прежде, чѣмъ явится Тисба и най-
 деть своего возлюбленнаго?

Т Е З Е Й.

Она и при звездахъ съищеть его. Но, вотъ Тисба; ея горестъ окончить піесу.

(Входитъ Тисба)

И П О Л И Т А.

Надьюсь, что ея отчаяніе будетъ короче Пирамова.

Д И М И Т Р І Й.

Между достоинствами Пирама и Тисбы нѣтъ разницы на одну пылинку.

Л И С А Н Д Р Ъ.

Вотъ она его увидѣла своими прекрасными глазами.

Д И М И Т Р І Й.

Ручаюсь, она завопитъ!

Т И С Б А, подойдя къ Пираму.

Ты спишь, мой миленькій дружокъ?
Иль умеръ, милый голубокъ?
Возстань Пирамъ, моя девица!
Скажи хоть слово.... Нѣмъ! Молчишь!....
Мертвъ, мертвъ!... Теперь должна сокрыть
На звѣкъ твой вѣжливый прахъ гробница!...
Лиши сихъ бровей, волосъ:
Вишневый, вѣжливый носъ,
Лазиты буквы желтве,
Сіе все дожило конца:
Стенайте, вѣжные сердца!....
О глазки, дуку зеленѣе!
Вы, Парки, сжальтесь надо мной,
Сюда на зовъ явитесь мой,
Съ своими блѣдными руками!
Вы въ кровь должны ихъ обагрить:
Пирама шелковая жизни нить
Пресвѣчена жестоко вами.
Молчи языкъ!.... будь какъ вѣмой!
Сюда, сюда, мечъ взрвнй мой!
Я расстаюсь на звѣкъ съ друзьями....
Сюда, сюда, мой мечъ воззвсь!
Теперь простась, простись, простись!

(Умираеть).

Т Е З Е Й.

Луныи Святъ и Левъ остались хоронить мертвыхъ.

Д И М И Т Р І Й.

И Стѣна тоже.

БОТТОМЪ.

Нать-сь; повърьте слову, стѣна, раздѣлявшая ихъ, уже разрушилась. Не угодно ли вамъ посмотреть эпилогъ, или послушать танецъ Бергамаско, какъ будутъ танцовать два актера изъ нашей труппы?

ТЯЗЯЙ.

Увольте отъ эпилога; пѣса ваша не требуетъ объясненій: онъ были бы бесполезны; актеры мертвы, бранить некого. Право, если бы сочинитель вашей трагедіи самъ сыгралъ роль Пирама и повѣсилъся на подъявкѣ Тибобы, то трагедія была бы еще лучше. Но она и безъ того хороша и отлично сыграна. Покажите лучше Бергамаско, а эпилогъ оставьте въ покоѣ.

(Клоуны зашучиваютъ.)

ТЕЗЯЙ.

Чу! молотокъ ужъ полночь прозвучалъ:
 Любовники, на брачную постель!
 Ужъ настаетъ духовъ волшебный часъ!
 Боюсь, мы раннюю зарю преемимъ,
 Затѣмъ что за полночь мы веселимся;
 Но грубый фарсъ пріятно обмануль.
 Тяжелые шаги ночныхъ часовъ.
 Друзья, на ложе насъ зоветъ любовь!....
 Недѣли двѣ мы будемъ пировать,
 И день и ночь весельемъ оживлять!

(Все уходитъ.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

АФИННЫ.

Та же зала во дворцѣ Тезея.

ПУКЪ, влетаетъ.

Левъ голодный ужъ рычитъ,
 Волкъ на мѣсяцъ началъ выть,
 Утомясь дневнымъ трудомъ
 Пахарь тягостно храпитъ,
 Головни зажглись огнемъ,

Т. I. — Отд. II.

16'

Тамъ, кто муками убитъ,
 Филинъ стонами твердитъ :
 «Саванъ, саванъ гробовой!»
 Подъ ночною пеленой
 И могилы не молчатъ :
 Разверзаясь, изъ гробовъ
 Начинаютъ выпускать
 Тьми блднхъ жертвцовъ,
 На кладбище погулять.
 Народъ лживый, домовый,
 Чтобъ не встрѣтится съ денницей,
 Передъ утренней зарей,
 За Дианы колесницей,
 Мы, видный легкаxъ рой,
 Визвъ съ иракомъ улетаемъ ;
 А теперь мы здѣсь гулемъ....

Залы пусты ; всюду тинь ;
 Даже крошечная мышъ
 Здѣсь не смѣетъ пробжать.
 Я, съ метлой, въ даровъ чертогъ
 Посланъ залы прибирать,
 Пыль всю выместъ за порогъ.

Являются ОБЕРОНЪ, ТИТАНІЯ, ЭЛФОВЫ и ФЕИ.

ОБЕРОНЪ.

Залы блдно освѣщайте,
 Ужъ потушеннымъ огнемъ.
 Духи, виться начинайте,
 Такъ какъ птички надъ кустомъ ;
 Пѣснь за мною повторите
 Взвившись радужнымъ кольцомъ.

ТИТАНІЯ.

Пѣснь на-память повторять,
 Въ пѣснь мѣры не терять !
 И, слетаясь, рука съ рукой,
 Мы, волшебный духовъ рой,
 Пѣсню звонко пропоемъ,
 Счастье дому принесемъ.

(Пѣвiе и танцы.)

охраня.

До поры, когда узрится
 На востокъ мы зарю,
 Фельдъ въ залахъ здѣсь бродить.
 Мы съ царицей поспѣшимъ
 Къ новобрачному царю,
 Чтобъ счастливою судьбой
 Ихъ потомковъ надѣлать.
 Три четы между собой
 Долго, дружно будутъ жить,
 И природа ихъ дѣтей
 Никогда не заклеимтъ
 Буйствомъ гибельныхъ страстей,
 Безобразьемъ, слезотой,
 Ни печатью роковой,
 Предвозвѣстницею бѣдъ
 Съ колыбельныхъ, юныхъ лѣтъ.
 Все, что бѣдствіе несетъ,
 Ихъ потомковъ обойдетъ.

Освященною росой,
 Снятой въ полъ въ часъ ночной,
 Каждый эльфъ пускай спѣшитъ
 Весь дворецъ здѣсь окропить
 Сладкимъ миромъ, тишиной,
 Чтобы вѣчно онъ стоялъ,
 А хозяинъ счастье зналъ.

Сонмы фей!

Въ путь быстрый,

Пляской мчитесь!

Но съ зарей,

Соберитесь

Предо мной!

(Оберонъ съ Титаніей и Феи улетаютъ въ разные стороны.)

пукъ, къ партеру.

Если мы, игрой своей,
 Сонмы легкіе тѣней,
 Не могли васъ позабавить,

То не трудно все исправить ;
 Стоит думать лишь о томъ,
 Будто вы забылись сномъ,
 И что наше представленье
 Есть пустое сновиденье.
 Безъ журьбы простите насъ :
 Мы исправимся тотчасъ,
 И, за ваше снисхожденье,
 Какъ я честный льщій, Пукъ,
 Если свистъ, змѣнный звукъ ;
 Не раздастся, то мы вскорѣ
 Уладимъ вновь ваше горе,
 Не ударимъ въ грязь лицомъ :
 Если жъ нѣтъ, тогда лжецомъ.
 Пука громко назовите !
 Дайте руки мнѣ ! помгите,
 Если мы еще друзья !
 А теперь прошу васъ я :
 Громче намъ рукоплещите.
 Мы, увѣрить васъ могу,
 Не останемся въ долгу.

(Улетаетъ.)

Н. Р.

Томскъ, 1840.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

НЕРВНАЯ СИСТЕМА.

НОВЫЕ ЧТЕНИЯ ГОСПОДИНА МАЖАНДИ *.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Вотъ еще новый томъ «чтеній» господина Мажданя о нервной системѣ, продолженіе тѣхъ занимательныхъ и любопытныхъ опытовъ, которыхъ описаніе было помещено въ XXXIX. и XL. томахъ «Библіотеки для Чтенія». Тамъ предметомъ изслѣдованій былъ мозгъ: этотъ второй томъ исключительно посвященъ опытамъ надъ нервами. Предоставимъ, по обыкновенію прежнихъ статей нашихъ, говорить самому автору.

Разсматривая артерію, по расположенію ея цилиндрическихъ оболочекъ уже можно заключить, что это—трубка, по которой должна протекать жидкость; указывая ее у живаго животнаго, мы въ этомъ и убѣждаемся. Но нервъ: можно ли сказать что́ это такое, судя по одному только его наружному

* *Leçons sur les fonctions et les maladies du système nerveux, professées au Collège de France par M. Magendie. Tome II. Paris. 1839 (1840)*

устройству? Вы видите круглый, сьрватый снурокъ, больше или меньше плотный, изъ котораго выходятъ длинныя бьленькiя ниточки. Какое понятiе получите вы изъ этого объ его отправленiяхъ? Зачѣмъ идетъ онъ сюда, въ это мѣсто, въ этотъ органъ? Вы ничего не понимаете! Но, вотъ, вы укадали эту бѣлую ниточку; животное вскрикнуло, встрепянулось: этотъ простой фактъ раждаетъ уже въ васъ мысль объ ея назначенiи; но замѣьте, тутъ вопросъ идетъ уже не объ анатомическомъ ножѣ: вы вступили въ область опытной физиологiи. И въ самомъ дѣлѣ, не она ли показала намъ, что чувствительность черепнаго и продолговатаго мозговъ различна; что доли мозгу, напримѣръ, можно колоть, срѣзывать кусками, и животное не обнаружитъ ни малѣйшаго страданiя; что напротивъ, стѣбитъ только прикоснуться до частей, лежащихъ по-глубже, напримѣръ, до Варолиева мосту или до начала спиннаго мозгу, чтобъ боль сдѣлалась нестерпимою? Этимъ же путемъ будемъ слѣдовать изучая свойства спинныхъ и мозговыхъ нервовъ; о «большомъ сочувственномъ» мы поговоримъ послѣ. На этотъ разъ, ограничимся изслѣдованiемъ нервовъ, которые известны подъ именемъ «нервовъ животной жизни».

Это — бѣлые, слегка сьрватые, снурочки, состоящiе изъ многочисленныхъ нитей, лежащихъ одна возлѣ другой и облеченныхъ клетчатую тканью. Нервные пучки, то представляются въ видѣ толстыхъ стволонъ, какъ напримѣръ, нервъ сѣдалищный, то, какъ нервъ личной, имѣютъ форму тоненькихъ разсыпанныхъ ниточекъ, которыя иногда бываютъ такъ малы, что ихъ можно увидѣть только въ микроскопѣ. Трубочка, въ которой заключенъ нервъ, называется невриллеммою; плотность нервовъ, отъ похожей на кашлицу мякоти акустическаго нерва, до почти сухожильнаго состава зрительнаго нерва, чрезвычайно различна. Въ каждомъ нервѣ замѣчаются два конца, центральный, выходящiй, какъ бы изъ центра, отъ черепнаго или спиннаго мозгу, и периферическiй, оканчивающiйся въ назначенномъ ему органѣ. Мозговые и спинные нервы, но выходя изъ своихъ костяныхъ проходовъ, соединяются между собою или просто черезъ обмѣнъ нитей, или, сойдясь, переплетаются, смѣшиваются и составляютъ такъ называемыя сплетенiя, plexus, откуда

выходятъ новыя нервныя нити, которыя оканчиваются въ различныхъ частяхъ тѣла. Соприкосновеніе одного нерва съ другимъ неправильно называется анастомозисомъ, то есть, «устіемъ».

По мѣрѣ удаленія отъ центральной массы, нервныя стволы превращаются въ вѣтви и вѣточки, которыя въ свою очередь раздѣляются на безконечно тонкія ниточки, разсыпавшіяся въ кожу, въ мускулахъ и прочихъ, глубже лежащихъ, органахъ.

Нервы соединяются одни съ другими гораздо чаще чѣмъ обыкновенно полагаютъ судя по грубымъ анатомическимъ препаратамъ. Между-тѣмъ, это обстоятельство заслуживаетъ строгаго изслѣдованія. Только оно можетъ объяснить нѣкъ, отчего одинъ нервъ вдругъ приобретаетъ нѣкоторыя свойства другаго, и какимъ образомъ поврежденіе одного нерва дѣйствуетъ на другой и даетъ совершенно иное направленіе и ходъ его болѣзни. Органы бывають чрезвычайно различны, смотря по количеству раздѣляющихся въ нихъ нервовъ: въ однихъ, нервовъ множество, въ другихъ, какъ бы, нѣтъ ни одного, но-крайней-мѣрѣ ихъ не видно тѣмъ простыми глазами. Намъ предстоитъ рассмотреть только темныхъ вопросовъ, разрѣшить такъ много нервныхъ задачъ, что я оставляю въ сторонѣ всѣ анатомическія подробности, которыя можно найти въ каждой анатоміи, и прямо перехожу къ нашему предмету. Когда намъ придется говорить въ особенности о какомъ-нибудь нервѣ, мы скажемъ, и объ его раздѣленіи, и объ его анастомозахъ, и объ его окончаніяхъ. Но какого порядку будемъ мы держаться въ нашихъ изслѣдованіяхъ? При всемъ желаніи следовать обще-принятымъ правиламъ, я поставленъ въ необходимость избрать иной путь: правила эти не могутъ быть твердыми при настоящемъ состояніи науки. Нѣкогда, впрочемъ назадъ тому не болѣе двадцати лѣтъ, при физиологическомъ анализѣ нервовъ довольствовались тѣмъ, что приписывали имъ свойства органовъ, въ которыхъ они распространяются, такъ, что нервы зрительные, обонятельные, слуховые, считались главными пружинами зрѣнія, обонянія, слуху, потому только, что они раздѣляются въ глазу, носу, ухѣ, и никто не заботился узнать

не участвуют ли въ этихъ отправленіяхъ и другіе какіе-нибудь нервы. Показать анатомическую связь известнаго органа чувствъ съ известнымъ нервомъ, провести нервъ отъ данной точки мозгу или мозжечка до какой-нибудь части тѣла, считалось верхомъ учености. Наконецъ явилась опытная физиологія, и показала, какъ ложны и ошибочны были многія положенія, основанныя на однихъ только умствованіяхъ и аналогическихъ выводахъ. Черезъ нее мы узнали, на примѣръ, что для правильности зрѣнія, слуху, обонянія, необходимо современное участіе многихъ нервовъ; что нѣкоторые нервы вовсе не имѣютъ того значенія, какое имъ приписывали съ незапамятныхъ временъ, судя по органу, гдѣ они раздѣляются. Однимъ словомъ, въ нѣсколько лѣтъ создавалась совершенно новая наука, и доказала фактами, что нервъ, который до-того считался представителемъ нѣжной чувствительности, совсѣмъ безчувственъ, что ниточка, на которую прежде не обращали ни какого вниманія, составляетъ главную пружину самыхъ важныхъ отправленій, и такъ далѣе. Отъ старой методы остались только не многіе слѣды въ нашемъ учебномъ языкѣ.

Первый вопросъ, разрѣшеніемъ котораго мы займемся, будетъ состоять въ томъ: существуютъ ли нервы чувствительные и нечувствительные? Доказавъ это опытомъ, постараемся открыть, какіе нервы назначены исключительно для движенія.

Чтобы судить основательно о чувствительности нерва, надобно обнажить его и подвергнуть дѣйствию физическихъ раздраженій, и, смотря по тому, обнаружить ли при этомъ животное страданіе или нѣтъ, можно уже будетъ судить о чувствительности или безчувственности нерва. Начнемъ.

У этого кролика, я снимаю сводъ черепа и срезываю верхнія доли мозгу. Такая операція, какъ вамъ известно, не причиняетъ вреда ни движеніямъ ни чувствительности животнаго. Нервы открыты: мы можемъ дѣйствовать на любой, прежде выходя его изъ черепа. Рукояткою скальпеля я растираю обонятельные нервы, при входѣ ихъ въ горизонтальную пластинку рѣшетчатой кости: животное не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признаку страданія. Вотъ зрительные нервы: я укальываю одинъ изъ нихъ, животное ни

чего не чувствуетъ; разрываю другой : та же безчувственность. Очевидно, что ни обонятельные ни зрительные нервы не имѣютъ способности чувствовать при соприкосновении съ посторонними тѣла. Я укололъ стволъ третьей пары, до входу его въ глазную полость : животное сдѣлало небольшое движеніе, которое показываетъ, что нервъ, движущій глазомъ, не совсемъ безчувственъ. Подобный же опытъ доказываетъ, что четвертая пара нервовъ лишена всякой чувствительности. Посмотримъ, то ли будетъ съ пятой парой? Пронзительные крики обнаруживаютъ, что я укололъ чрезвычайно чувствительную ниточку. Судя по тому что животное, и послѣ уколу, всё-еще кричитъ и бьется, должно заключить, что пятая пара едва-ли не самая чувствительная часть во всей нервной системѣ. Я приподнявъ остатки мозга, чтобъ открыть шестую пару, схватилъ пинцетомъ, и сильно жму : животное ничего не замечаетъ. Ту же самую безчувственность мы замѣчаемъ, и въ слуховомъ нервѣ, и въ стволѣ лицеваго или въ седьмой парѣ. Не думайте, чтобъ животное лишилось способности чувствовать и обнаруживать страданія, потому только что мы отрывали мозговые доли. Васъ убѣждаютъ въ противное крики его при укальваніи пятой пары, а это тѣмъ живѣе, что однѣ только сильныя страданія въ состояніи заставить кричать такое молчаливое животное какъ кроликъ. Если онъ оставался совершенно спокойнымъ при разрываніи другихъ нервовъ, это потому что ни какое внешнее физическое раздраженіе не могло возбудить въ нихъ никакой чувствительности. Я могу извлечь и другія ниточки мозга, не уничтоживъ чувствительности въ нервахъ. Когда я разрываю полосатыя тѣла (*corpora striata*) и зрительные нервы, я касаюсь опять до пятой пары : сильные крики животного показываютъ, какъ жестоко онъ страдаетъ.

Важно замѣтить, что есть два рода чувствительныхъ нервовъ. Одни одарены чувствительностью самостоятельной, у другихъ она заимствованная. Такимъ образомъ, самъ по себѣ нечувствительный, соединившись съ чувствительнымъ, приобретаетъ его свойства : но стоить разрушить эту связь, и нечувствительный нервъ теряетъ приобретенное качество. Я обнажаю у

кролика личной нервъ правой стороны въ томъ мѣстѣ, гдѣ оцъ изъ около-ушной желъзы выходитъ на лицо. Мнѣ стоило только разрѣзать кожу и нѣсколько складокъ клетчатой плевы, чтобъ дойти до него. Вотъ двѣ его вѣтви. Верхняя по-толще, и мы ее употребимъ для опыту. Я сжимаю ее пинцетомъ : животное трясеть головою, какъ-бы желая избавиться отъ боли; чѣмъ сильнѣе сжимаю нервъ, тѣмъ сильнѣе становится боль. Нѣтъ сомнѣнiя : седьмая пара чувствительна. Посмотрите же, что будетъ, если я перерѣжу пятую пару. Я втыкаю въ черепъ инструментъ, нарочно придуманный мною для этой операцiи. Крики, сильное бiенiе животного, увѣряютъ меня, что инструментъ дотронулся до пятой пары. Чтобъ узнать, перерѣзанъ ли нервъ, мнѣ стоить только коснуться пальцемъ до праваго глаза : нечувствительность соединительной перепонки и недвижность вѣкъ убѣдятъ меня въ этомъ. Вѣкъ еще не много подвижно; следовательно нервъ пятой пары перерѣзанъ не совсѣмъ. Я снова привожу въ дѣйствiе инструментъ, оставленный мною въ черепъ. Новыя страданiя. Безчувственность глаза, несмыканiе вѣкъ, неподвижность ноздрей и мышцъ правой стороны лица, показываютъ, что нервъ пятой пары перерѣзанъ по-поламъ. Чувствительность и движенiе въ лѣвой сторонѣ лица ни сколько не измѣнились, мускулы подвижны по-прежнему. Возвратимся теперь къ личному нерву. Я сжимаю верхнюю вѣтвь, ту самую, которую сжималъ уже. Несмотря на сильное сжиманiе, животное совершенно покойно. Но едва я ущипнулъ лѣвую сторону лица, кроликъ старается избавиться отъ причиняемой себя боли. Мнѣ могутъ замѣтить, что та часть личнаго нерва, которой чувствительность мы испытываемъ, уже повреждена при врезныхъ опытахъ и частiю обезорганизована. Согласенъ. Но вотъ другой опытъ, который покажетъ, что мое замѣчанiе справедливо. Я разрѣзываю кожу далѣе, такъ, чтобы обнажить нервъ какъ-можно ближе къ его началу : тутъ стволъ его совершенно цѣлъ и здоровъ. Замѣьте, при разрѣзѣ общихъ покрововъ, животное не обнаруживаетъ ни какого страданiя. Наконецъ вотъ и нервъ. Я рву его пинцетомъ : онъ безчувственъ. Такъ, вы видите ясно, что личной нервъ заимствуетъ свою чувствительность отъ пятой

пары: съ перерывомъ ея исчезаетъ и чувствительность седьмой. Нельзя предполагать, чтобъ, перерывивая нервъ пятой пары въ черепъ, я повредилъ и седьмую пару: разстояніе, въ какомъ находятся эти два нерва другъ отъ друга, слишкомъ велико; ктому жъ, я много разъ повторялъ этотъ опытъ, и результаты были всегда одинаковыя. Теперь, я намеренъ обнажить личной нервъ на левой сторонѣ, гдѣ пятая пара не повреждена, для того чтобъ вы могли сдѣлать сравненіе и видѣть, какое вліяніе имѣетъ пятая пара на чувствительность седьмой. Когда я разрываю кожу, покрывающую нервъ, животное страдаетъ и бьется. Замѣтьте, этого не было, когда я рѣзалъ кожу на правой сторонѣ послѣ уничтоженія пятой пары. Вотъ обѣ вѣтви личнаго нерва. Я даю животному свободу, чтобы движенія его при раздраженіи нерва были вольныя и непринужденныя. Схватывая пинцетомъ верхнюю вѣтьвь, и повторяя это нѣсколько разъ, я всегда замѣчаю невозможныя страданія; вслѣдъ за этимъ, я схватываю личной нервъ правой сторонѣ: крокъ спокоенъ! Этотъ опытъ, надѣюсь, совершенно убѣдитъ васъ, что чувствительность личнаго нерва не самостоятельнымъ, что онъ заимствуетъ эту способность отъ пятой пары, и что, съ перерывомъ пятой пары, выше анастомоза, въ личномъ нервѣ чувствительность исчезаетъ.

Нервъ чувствительный *по-преимуществу*, не заимствующій этой способности отъ другихъ нервовъ, главный чувствительный нервъ лица, это нервъ пятой пары. Вы видите, что, съ перерывомъ его въ черепъ, неговоря уже объ уничтоженіи осязательной чувствительности въ кожѣ и другихъ мягкихъ частяхъ, всѣ прочіе нервы внѣшнихъ чувствъ, на одной половинѣ лица, теряютъ свои свойства. Съ разрывомъ обоихъ нервовъ пятой пары, исчезаютъ зрѣніе, обонаніе, слухъ, вкусъ, несмотря что нервы, назначенные, по общепринятому мнѣнію, для этихъ ощущеній, совершенно дѣльны.

Дѣлаю крошку, въ правую височную впадину этого кролика. Я попалъ въ нервъ: это доказываютъ крики животного. Перерываю этотъ нервъ. Что нервъ разсѣченъ по-
 нѣтъ. въ домъ, убиваюсь, медя, нечувствительность со-

единичной оболочке, которую я придавливаю пальцемъ, а кроликъ на это и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Остриемъ инструмента, я укальваю правую щеку; выдерживаю длинные усики : ни малѣйшаго признаку боли. Повторимъ этотъ опытъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ пятая пара повреждена : страданія животнаго показываютъ присутствіе чувствительности. Изъ этого я заключаю, что пятая пара — первая причина осязательной чувствительности лица.

Въ какомъ состояніи правый глазъ? Соединительная перепонка лишилась чувствительности. Я укальваю ее, сдвигиваю довольно сильно глазное яблоко : вы видите, что веки остаются неподвижными, и что зѣница чрезвычайно сокращена; при быстромъ приближеніи посторонняго тѣла къ глазу, животное ни сколько не стараетсяъ избѣжать его. Следовательно, въ правомъ глазу зрѣніе потеряно, тогда какъ въ лѣвомъ это чувство, со всеми своими явленіями, ни сколько не измѣнилось. Правая ноздря тоже сдѣлалась безчувственной; я укальваю, въ разныхъ мѣстахъ, мокротную перепонку : животное ничего не замѣчаетъ. Такая же безчувственность и въ обонятельной перепонкѣ. Зажавъ лѣвую ноздрю, я подношу къ правой откупоренную стеклянку съ амніакомъ : острый запахъ этого вещества не произвелъ своихъ обыкновенныхъ дѣйствій. Тотъ же опытъ надъ лѣвою ноздрю даетъ совершенно противоположные результаты. Следовательно, и въ чувствѣ обонянія произошло измѣненіе : оно погнбло подобно зрѣнію.

Въ языкъ, на той сторонѣ, гдѣ перерѣзана пятая пара, чувствительность также исчезла. Я сильно сжимаю эту половину, однако жъ животное остается спокойнымъ; но едва я дотронулся до лѣвой доли, какъ кроликъ мгновенно отдернулъ языкъ.

Посмотримъ, что сдѣлалось съ правымъ ухомъ? Завитокъ, получая свои нервы отъ первой пары хребетныхъ и отъ верхняго шейнаго сплетенія (*plexus cervicalis superficialis*), сохранилъ свою чувствительность, между-тѣмъ какъ части, лежащія около барабанной перепонки, находясь подъ вліяніемъ пятой пары, безчувственны.

Этого достаточно, кажется, чтобы получить правильное понятіе о чувствительности двухъ главныхъ нервовъ.

выступающих на лицо. Мое мнѣніе оправдалось: действительно, седьмая пара нервовъ получаетъ чувствительность отъ пятой. Попробуемъ теперь перерѣзать соединительныя ниточки, не трогая стволы. Я докажу вамъ, что одинъ нервъ, не только имѣетъ вліяніе на чувствительность другого, но, что, лишая чистодвигательный нервъ заимствованной имъ чувствительности, мы уничтожаемъ и его двигательную способность.

Седьмая пара, какъ вамъ извѣстно, есть главная пружина сжатія мускуловъ лица, его выразительности и подвижности чертъ, почему Белль очень справедливо называетъ его «нервомъ физиогноміи». Двигательной способности седьмая пара не заимствуетъ ни у какого другаго нерва: перерѣжьте ее, — вся половина лица, съ той стороны, на которой лежитъ раненый нервъ, будетъ парализована, хотя бы чувствительность въ ней сохранилась вполне. Следовательно, съ поврежденіемъ только седьмой пары, исключительно, лицо теряетъ свою подвижность. Посмотрите, что случилось съ кроликомъ: вся правая половина лица безчувственна; животное не можетъ ни сомкнуть ни раскрыть мѣш; правая ноздря не раздувается и не стягивается подобно лѣвой, и только въ кончикѣ носа замѣтно маленькое движеніе, но это движеніе сообщено носовому хрящу мускулами противной стороны. Я пускаю на языкъ нѣсколько капель антопіаку; кроликъ силится привести въ движеніе челюсти, но напрасно: одни только мускулы лѣвой стороны послушны его волѣ; правые недвижимы. Какъ! развѣ мы перерѣзали седьмую пару? Нѣтъ, только пятую, нервъ чисто чувствительный; я даже и не дотронулся до нерва движеній, и, однакожь, двигательная способность уничтожилась. Вотъ странное явленіе: жизнь седьмой пары зависитъ отъ пятой! Лишь нервъ заимствуетъ отъ пятой пары, не только чувствительность, но и двигательныя свойства! Да. Мы увидимъ впоследствии, что и зрительный нервъ, будучи исключительно нервомъ зрѣнія, съ перерѣзомъ пятой пары, также теряетъ способность сообщать мозгу впечатлѣнія свѣту. Миллеръ, соглашаясь, что одинъ нервъ имѣетъ вліяніе на другой, думаетъ однакожь, что явленія, развивающіяся послѣ разрѣзу пятой пары, зависятъ отъ поврежденія мус-

гу во время операціи, и оно-то дѣлаетъ животное безчувственнымъ. Это несправедливо. Вспомните, что подобныя явленія обнаруживаются только на той сторонѣ, гдѣ перерезанъ нервъ, и что при страданіи всего мозгу безчувственность становится всеобщаю. Ктому жъ, мы имѣемъ доказательство, что животныя, не только легко переносятъ перерѣзъ нѣтой пары, но еще, въ первое время, бываютъ совершенно здоровыми; ѣдятъ и пьютъ, какъ слѣдуетъ: только отсутствіе чувствительности той части лица, гдѣ перерезанъ нервъ, отличаетъ ихъ отъ здоровыхъ. Мы увидимъ послѣ, какое вліяніе имѣетъ пятая пара на питаніе лица и органовъ чувствъ. Теперь мы можемъ утвердительно сказать, что въ тѣлѣ животнаго есть нервы чувствительные и нечувствительные; что въ черепѣ нечувствительныхъ нервовъ больше чѣмъ чувствительныхъ; даже, что есть нервы, лишенные осязательной способности, но одаренные спеціальною чувствительностью. Такъ, одинъ нервъ, напримѣръ, передаетъ мозгу впечатлѣнія звучныхъ волнъ воздуха, другой световыхъ лучей: вы можете, если хотите, рѣзать, рвать тотъ и другой, но не произведете въ нихъ ни малѣйшей боли. Также точно вы увѣритесь, что есть нервы положительно двигательные, но нечувствительные для всѣхъ прочихъ внешнихъ раздраженій; что между двигательными нервами находятся такіе, которые заимствуютъ отъ другихъ нервовъ свою способность чувствовать и, съ перерѣзомъ выше аностомоза, теряютъ эту заимствованную чувствительность; что хотя двигательный нервъ получаетъ отъ другаго нерва одну только чувствительность, однако жъ, съ перерѣзаніемъ соединительной ниточки, теряетъ исключительное свое качество, способность приводить въ движеніе мускулы; и, наконецъ, что для зрѣнія, обонянія и другихъ чувствъ, необходимо неповрежденное состояніе нѣтой пары.

Кроликъ, у котораго я перерезалъ пятую пару, совершенно здоровъ. Онъ такъ же живъ и веселъ, какъ прежде; но, въ той половинѣ лица, которая соответствуетъ перерезанному нерву, произошли болѣзненные перемѣны, единственныя важныя чтобъ пропустить ихъ безъ вниманія.

Вся правая половина мордочки безчувствена. Я касалась бистурисомъ къ лицу; кроликъ этого не замѣчаетъ;

я вырываю нѣсколько усиковъ : ни малѣйшаго привсмаку боли. Однимъ словомъ, кожа точно такъ же нечувствительна теперь, какъ была нечувствительна тотчасъ послѣ операціи.

Взгляните на соединительную перепонку праваго глаза : она покраснѣла, налилась кровью, и изъ нея непрерывно высачивается гнойная, вонючая матерія, похожая на молоко. Вѣки неподвижны : края ихъ соединяетъ тягучая, липкая жидкость. Раекъ (радужная оболочка) покраснѣлъ; на его поверхности извиваются тоненькія волосковатыя трубочки, которыя, въ нѣкихъ мѣстахъ, покрылись ложными плѣнками и, подобно райку, имѣютъ форму маленькаго кружка, съ дырочкою въ серединѣ.

Глазныя влаги потускли ; внутри глаза произошли точно тѣ же болѣзненные перемены какъ и снаружи. Прозрачная роговая оболочка (cornea) потемнѣла : особенно, ея нижній край. Не думайте, однако жъ, чтобъ это былъ простой оптический обманъ : посмотрѣвши на эту оболочку съ боку, вы убѣдитесь, что она стала непрозрачною во всю свою толщину. Чтобы узнать, не есть ли это слѣдствіе того, что прозрачная роговая оболочка слишкомъ долго оставалась въ соприкосновеніи съ воздухомъ, я перерѣзывалъ седьмую нѣру у другихъ кроликовъ, и, хотя движеніе вѣкъ прекращалось, хотя глазъ втеченіи нѣсколькихъ дней оставался непрерывно открытъ, роговая оболочка ни сколько не испортилась ; ни въ райкѣ, ни въ соединительной перепонкѣ, ни въ глазныхъ влагахъ, не происходило ни малѣйшей болѣзненной перемены.

Вы скажете : отъ пятой поры идутъ къ слѣзной желѣзѣ нѣжныя нити, слѣдовательно, роговая прозрачная оболочка испортилась потому, что перестали отдѣляться слезы и она, просто, высохла. Мнѣніе несправедливое : я до-чиста вырѣзывалъ слѣзную желѣзу ; источникъ слезъ былъ вовсе уничтоженъ, и, со всемъ тѣмъ, втеченіи первыхъ осьми дней послѣ операціи, въ прозрачной роговой оболочкѣ не образовалось ни одного пятнышка. Слѣдственно перерѣвъ пятой поры—единственная причина порчи прозрачной части блѣдной оболочки.

Я уже говорилъ, что стоитъ только перерѣзать пятую

нару, и глазъ немедленно перестаетъ видѣть, несмотря что ни роговая оболочка ни прочія части глаза не успѣли еще испортиться. Надобно замѣтить впрочемъ, что глазъ остается чувствительнымъ къ солнечному свѣту. Выставьте животное вдругъ изъ темноты на яркій свѣтъ, и оно тотчасъ же закроетъ глаза, доказательство, что сытчатая оболочка не вполнѣ лишилась чувствительности; кромѣ-того, вы видите тоже, что, съ разрывомъ пятой пары, и личной нервъ, не совсѣмъ перестаетъ дѣйствовать: иначе животное не могло бы вдругъ получить способности двигать по произволу въками. Но, посредствомъ отраженнаго свѣту, мы никогда не удавалось произвести этого страннаго явленія: какъ бы ни былъ силенъ свѣтъ, въки не сжимались. Отчего жъ могло бы это зависеть? Отъ разницы ли въ свойствахъ этихъ двухъ свѣтовъ, или отъ теплоты, сопровождающей солнечные лучи? Если, въ самомъ дѣлѣ, миганье происходитъ отъ прямого дѣйствія теплоты на въки, то сокращенье ихъ можно произвести приближая къ глазу раскаленное тѣло. Я накалилъ кусокъ желѣза, и быстро поднесъ его къ глазу животного, у котораго предварительно была перерезана пятая пара, и незамѣтилъ ни малѣйшаго признаку чувствительности. Когда, напротивъ, я выставилъ животное на солнце, оно зажмурило глаза. Ясно, что здѣсь дѣйствовали солнечные лучи. Однако жъ, замѣтите, какъ мало въ глазу остается чувствительности послѣ разрыву пятой пары! Перерѣжьте, въ черепѣ, глазной нервъ, животное ослѣпнетъ совершенно: какъ бы ни былъ силенъ свѣтъ, даже если вы, взявъ зажигательное стекло, направите фокусъ его въ самую середину зѣницы, животное ничего не почувствуетъ.

Въ питаніи глаза не произойдетъ ни малѣйшей перемѣны, если вы разрѣжете зрительный нервъ. Почему жъ, при перерѣзѣ пятой пары, весь глазной шаръ, не только портится, но и расплывается наконецъ въ гноевидное вонючее вещество? Потому, что пятая пара назначена не для одной только специальной чувствительности глаза: ей опредѣлено бодрствовать и надъ общею его чувствительностью; въ ея зависимости находятся и кровообращеніе и всѣ отправленія, необходимыя для питанія.

Какимъ именемъ окрестите вы болезненныя раздраженія, происшедшія въ глазъ этого кролика? Назвать ихъ *воспаленіемъ*, значило бы рѣшительно удалиться отъ смысла, который обыкновенно придаютъ этому слову. Воспаленіемъ называютъ собраніе припадковъ, въ которыхъ всего явственнѣе и важнѣе — *возвышенная чувствительность*: а здѣсь мы ее не замѣчаемъ. Этого мало: самыя сильныя химическія средства, обыкновенно производящія жестокія *воспаленія*, не оказываютъ ни какого дѣйствія на глазъ той стороны, на которой перерѣзана пятая пара. Приложите къ глазъ этого кролика аммоніаку: это не только не произведетъ ни малѣйшей боли, но даже, втеченіи нѣсколькихъ часовъ, глазъ не покраснѣетъ и не будетъ слезиться. Правда, краснота и теченіе слезъ окажутся позже, но тогда они произойдутъ уже послѣдствіе разсѣченія пятой пары. Но приложите каплю того же самого аммоніаку къ здоровому глазъ: чувствительность его тотчасъ обнаружится; животное будетъ дѣлать невозможныя усилія чтобъ избавиться отъ мучительныхъ ощущеній. Изъ глаза потекутъ слезы, вѣки сожмутся и, черезъ нѣсколько минутъ, вы увидите въ глазъ всѣ признаки жестокаго *воспаленія*. У нашего кролика глазъ испортило, не *воспаленіе*, котораго и не было, а недостатокъ въ нервномъ вліяніи пятой пары.

Но не одно зрѣніе уничтожилось съ поврежденіемъ пятой пары: животное потеряло также вкусъ. Языкъ раздѣленъ на двѣ совершенно равныя половины, изъ которыхъ одна чувствительна, другая, соответствующая перерѣзанному нерву, безчувственна. Я щиплю безчувственную половину: животное даже не встрепнулось. Эта половина побѣлѣла, распухла, сдѣлалась мягче: однимъ словомъ, въ ней произошло точно такое же разстройство какъ въ глазъ. Левая сторона, напротивъ, чрезвычайно чувствительна. Вкусательная способность равно утратилась въ правой половинѣ. Я кладу на нее каплю аммоніаку: кажется, что это ни сколько не тревожитъ животное, потому что оно не старается удалить языка. Напротивъ, посмотрите, какъ оно мотается, шевелитъ ушами, глотаетъ слюну, когда я положу аммоніаку на лѣвую половину. Не доказываетъ ли это ясно, что языкъ тутъ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ

одна вкушаетъ, а другая нѣтъ? Въ центрѣ и корнѣ остались еще нѣкоторые слѣды чувствительности, но, какъ вы увидите послѣ, это зависитъ отъ особеннаго распредѣленія язычнаго нерва, вѣточки пятой пары.

Посмотримъ, будетъ ли то же самое съ обоняніемъ. Та половина носа, на которой перерѣзанъ нервъ, способна ли ощущать запахи? Я докажу вамъ, что уничтоженіе этого чувства, не есть простое слѣдствіе операціи, а произошло отъ пересѣченія нерва пятой пары. Я раскупориваю стлѣнку съ уксуною кислотою, подъ правую ноздрю животного, предварительно крѣпко заткнувши лѣвую: кроликъ ничего не чувствуетъ. Я беру вѣсто уксу аммоніакъ: то же самое. Лѣвая половина носа, напротивъ, очень хорошо ощущаетъ запахъ сильно пахучихъ веществъ: всякой разъ, лишь только я поднесу къ ней стлѣнку съ уксусомъ или аммоніакъ, животное сильно бьется.

Поэтому, съ разстройствомъ пятой пары, уничтожается и осязательная чувствительность въ обонятельной оболочкѣ? Да. Я укальваю эту плеву на правой сторонѣ, животное ничего не замѣчаетъ: но посмотрите, какъ чувствительна лѣвая!

Можетъ-быть, однако жъ, что, уничтожая въ мокротной оболочкѣ осязаніе, мы лишаемъ ее способности распознавать только вдкїа испаренія, а не собственно запахи? Обонятельный нервъ можетъ-быть назначенъ исключительно для запаховъ, между-тѣмъ какъ пятая пара определена для осязательныхъ ощущеній? Эти вопросы долженъ рѣшить только опытъ. Замѣьте, впрочемъ, что по разрушеніи нервовъ нервной пары, при здоровомъ состояніи пятой, животное обоняетъ, не только аммоніакъ, но и многіе другіе запахи гораздо менѣе сильныя.

Изъ правой ноздри кролика вытекаетъ вязкая, гмопная матерія, точно такая же какъ изъ глаза. Это — слѣдствіе размягченія и порчи мокротной оболочки.

Чувствительность уха тоже находится въ зависимости отъ пятой пары. Я укальваю слуховой нервъ, и не провожу боли, несмотря что слухъ не поврежденъ. Но, лишь только я перерѣзалъ пятую пару, тутъ и слухъ и осязаніе рѣзительно исчезли. Какія вѣтви пятой пары разделя-

или въ ухо? Я адсь нахожу только Видіеву вѣточку, которая, подобно рѣсничнымъ нервамъ, у челоуька, беретъ свое начало въ узелкъ и распределяется въ слуховой органъ, соединяясь съ вѣточками личнаго нерва.

Когда, у животнаго, вы перерѣжете оба нерва пятой пары, оно слышитъ, и походка его дѣлается чрезвычайно странною. Онъ боится ступить впередъ. Лишившись чувства, которое прежде знакоило его съ окружающими предметами, животное упирается теперь о полъ подбородкомъ, и, какъ слѣпецъ своею палкою, оно пробуетъ землю головой.

У животныхъ, которымъ перерѣзана пятая пара на одной только сторонѣ, походка совсѣмъ другая чѣмъ у тѣхъ, у которыхъ разрѣзаны оба нерва. Одно, руководимое осязаніемъ своихъ усиковъ и осязательною чувствительностью кожи на лицѣ, имѣетъ средства узнать препятствія и избегать ихъ. Оно поднимаетъ уши, прислушивается къ ближайшему звуку. Между-тѣмъ другое, потеряло зрѣніе и вѣроятно чувства, и идетъ на-удачу, не видя предстоящей опасности.

Вотъ другой кроликъ, у котораго я перерѣзалъ правый нервъ пятой пары. Я увѣренъ, что операція сдѣлана не хорошо: нѣкоторые признаки чувствительности, и немного движения въ глазахъ и мускулахъ правой стороны лица. Кроме-того, животное непрерывно вертится, и всё въ одну сторону. Вместо того чтобъ идти прямо впередъ, когда я щиплю его за хвостъ, оно описываетъ кругъ съ лѣва на право, точно какъ-будто бѣгаетъ по манежу: во время операціи, я, вѣрно, ранилъ одинъ изъ зрительныхъ бугорковъ и, вѣроятно, правый. Возьмите другаго кролика.

Я обнажаю личный нервъ правой стороны; старательно отдѣляю его вѣточки отъ вѣрочихъ нервовъ. Животное, въ продолженіи операціи, какъ вы видите, страдаетъ ужасно; мнѣ чрезвычайно трудно отдѣлать остальные вѣточки: животное непрерывно свою голову, оно мѣшаетъ мнѣ дѣйство-

Я беру щипчиками самую толстую вѣтвь личнаго нерва. Кроликъ бьется и вырывается изъ рукъ. Оно кричитъ: вѣроятно, боль очень сильна, потому что кролики вообще

животныя очень тихія и некрикливыя. Они выходятъ изъ себя только въ то время когда у нихъ разрѣзываютъ пятую пару. Посмотримъ теперь, какое участіе принимаетъ въ этихъ явленіяхъ движенія пятая пара. Я ее разрѣжу.

Чтобъ произвести это съченіе, я втыкаю инструментъ въ то мѣсто черепа, гдѣ находится височная ямка. Тихо и осторожно веду я инструментъ по гладкой поверхности кости до тѣхъ поръ, пока не почувствую препятствія. Это значитъ, что я дошелъ до каменистой части височной кости. Я поднимаю немножко кончикъ инструмента, и, втыкая его чуть-чуть по дальше, приближаюсь къ нерву. Я повалъ на него : животное кричитъ ужасно! Ясное доказательство, что я разрѣзываю нервъ пятой пары. Все ли теперь разрѣзано? Нѣтъ, соединительная глазная оболочка еще чувствительна, вѣки подвижны. Я снова дѣйствую инструментомъ : крики животнаго убѣждаютъ меня, что я дорѣзываю остальные волокна. Теперь могу смѣло сказать, что нервъ перерѣзанъ совершенно. Въ самомъ дѣлѣ, правая половина мордочки безчувственна и неподвижна. Посмотримъ, такъ ли теперь чувствителенъ нервъ личной, какъ былъ прежде.

Я щиплю вѣточку, которая была прежде такъ чувствительна : ничего! Я щиплю снова : опять ничего, ни малѣйшаго признаку чувствительности. Поэтому седьмая пара стала безчувственною оттого только, что разрѣзана пятая? Чувствительность личной нерва была заимствованная? Да! Но-крайней-мѣрѣ, я не могу объяснить себѣ иначе этого явленія.

Я обнажаю седьмую пару, на лѣвой сторонѣ лица, на той, гдѣ пятая пара еще не тронута. Я щиплю самую толстую вѣточку : покуда держу въ щипчикахъ эту вѣтвистую вѣтку, мученія животнаго ужасны. Теперь, когда я выпустилъ нервъ, оно успокоилось. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что лѣвый личной нервъ очень чувствителенъ. Я повторяю опытъ надъ правымъ. Напрасно щиплю я отдельно каждую изъ его вѣточекъ : животное ничего не замѣчаетъ.

Отчего жъ такая разница? Правый личной нервъ такъ же цѣлъ какъ и лѣвый, а между-тѣмъ одинъ чувствуетъ, другой безчувственъ! Повторяю, это зависитъ отъ связи ихъ съ пятою парю.

Замѣтите, вмѣстѣ съ тѣмъ, что правая половина лица неподвижна, между-тѣмъ какъ черты лѣвой непрерывно измѣняются. Причина этого очень простая: пятая пара, не будучи двигательнымъ нервомъ лица, держитъ въ своей зависимости седьмую пару нервовъ, чисто назначенныхъ для движеній. Параличъ движенія въ лицѣ можетъ зависѣть и отъ пятой и отъ седьмой пары, но параличъ чувствительности зависить, единственно, отъ болезненнаго состоянія пятой, потому что седьмая, сама по себѣ, безчувственна.

Обратимся теперь къ нашему больному кролику. Прозрачная роговая оболочка праваго глаза размякла и покрылась изъязв. Она едва держится у бѣлковой оболочки. Вмѣсто гладкой, выпуклой поверхности, вы видите здѣсь какіе-то мокрые, тусклые, отвратительные лоскутья, не имѣющіе въ себѣ ничего похожего на живую органическую ткань. Глазные влаги помутились и слились между собою такъ, что вы никакъ не отличите водной влаги отъ стекловидной. Самый хрусталикъ лишенъ своей прежней прозрачности: онъ исчезъ, такъ сказать, въ полу-распльившихся, полу-попугавшихся глазныхъ влагахъ, не способныхъ болѣе пропускать свѣту. Вообще весь правый глазной шаръ сталъ меньше лѣваго. Въ лѣвомъ глазу, зрѣніе совершенно правильно. Глазъ не красенъ; вѣки не распухли.

Взгляните на правую половину языка. Она почернѣла, почти помертвѣла. Десны раздулись; изъ нихъ высачивается кровянистая влага, точно какъ у людей зараженныхъ цынгою. Зубы шатаются: въ лупочки набились остатки пищи.

Мышцы всей правой половины лица тоже помертвѣли: вы безъ всякаго труда можете вырвать изъ правой половины верхней губы остальные усики: прочіе, болѣею частію, вывалили сами собою.

Перейдемъ теперь къ спинной кости, къ позвоночнымъ нервамъ, и посмотримъ, чувствительны они или нѣтъ.

Нервы позвоночные сообщаются съ спиннымъ мозгомъ дуна корешками, переднимъ, съ переднею его частію, заднимъ, съ заднею. Каждый корешокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ нервныхъ нитей, соединенныхъ въ цилиндрической пучекъ. Пройдя небольшое пространство, отдѣль-

но другъ отъ друга, оба корешка встрѣчаются, соединяются и образуютъ плоскую ленточку, или тесемку. Двѣ такія ленточки составляютъ пару позвоночныхъ нервовъ. Между двумя корешками, до самаго соединенія, нѣтъ ни одной общительной ниточки.

Длина пути, который пробѣгаютъ корешки въ трубѣ спинной кости, зависитъ объ ббольшей или мѣньшей длины спинного мозгу; у челоуька, напримѣръ онъ не простирается далье втораго поясничнаго позвонка. Очевидно, что корешки, идущіе отсюда и выходящіе изъ спинной трубы, въ самомъ нижнемъ концѣ ея, должны пробѣгать гораздо дальнѣйшее пространство чѣмъ тѣ, которые начинаются вблизи отверстія, позволяющаго нерву выходить наружу. Передніе корешки, у нѣкоторыхъ паръ, гораздо больше заднихъ; между-тѣмъ какъ задніе состоятъ изъ гораздо ббольшаго числа первоначальныхъ нитей чѣмъ передніе.

Составившись изъ соединенія двухъ корешковъ, нервъ идетъ далье и развѣтвляется въ частяхъ тѣла, надѣлая ихъ способностью чувствовать и двигаться. Но эта чувствительность и это движеніе сообщаются ли равно обоими корешками, или одинъ назначенъ для чувствованія, а другой для движенія? Вотъ вопросъ, который постараюсь рѣшить опытомъ.

Принесемъ эту молоденькую собачку въ жертву нашему любопытству. Около поясницы я разрѣзываю кожу и лежащія подъ ней мягкія части; дойдя до позвоночнаго столба, отдѣляю заднюю его стѣнку, чтобъ обнажить, плевистый мѣшокъ, гдѣ лежитъ окончаніе спиннаго мозгу, cauda equina. Потомъ, крѣпкими ножницами, отрѣзываю оставшія части поясничныхъ позвонковъ. Это самый важный моментъ въ операціи: очень легко можно поранить либо нервы либо спинной мозгъ; ихъ очень трудно различить другъ отъ друга, по причинѣ ббольшаго количества истекающей крови. Теперь все готово. Вотъ крѣпкая матерія. Прежде, я обыкновенно вскрывалъ ее, но вскорѣ замѣтилъ, что отъ воздуха и переменны температуры дѣйствіе вервовъ очень ослабляется.

У собакъ, корешки собственно спинныхъ нервовъ, вышедши уже изъ спинной трубки, до соединенія въ общій ство-

лить, помещаются въ особеннаго рода довольно длинныхъ перепончатыхъ трубчатыхъ, или «каналахъ». Тупоконечныя ии ножницами можно отдѣлить костяныя пластинки и боковыя части позвоноковъ, и такимъ образомъ обнажить узлы всѣхъ поясничныхъ паръ; потому маленькими острыми ножницами очень удобно отдѣляются корешки одинъ отъ другаго и отъ спиннаго мозгу.

Вы можете поверить надъ этии животнымъ справедливость моихъ словъ. Я сказалъ вамъ, что прикосновеніе воздуха, къ оболочкамъ спиннаго мозгу, всегда производитъ бѣнорядки въ дѣйствіи нервной системы. Животное уныло и едва держится на ногахъ: между-тѣмъ я нигдѣ не дотронулся мозгу. Вы можете снять весь черепъ, отдѣлить цѣльмолунарія, и не замѣтите такихъ явственныхъ переменъ. Почему же отъ простаго соприкосновенія воздуха съ оболочками спиннаго мозгу животное такъ страдаетъ? Не знаю. Можетъ-быть, — а съ этими «можетъ-быть» чего нельзя объяснить! — Можетъ-быть, повторяю, оболочки спиннаго мозгу живутъ вмѣстѣ съ нимъ какія-нибудь общія свойства, безъ чего.... Но оставиме предположенія и обратимся къ собачкѣ.

Животное, какъ вы видите, теперь совсѣмъ спокойно, и даже съ участіемъ смотритъ на то, что дѣлается кругомъ его. Я вожу его: оно повертываетъ ко мнѣ свое рыльцо; я ласкаю его: оно машетъ хвостомъ. Я приплю заднія ноги: оно ихъ отдергиваетъ. Приступимъ же къ опыту. Здѣсь, впереди, вы видите спинной мозгъ, окруженный слоемъ волокнистымъ вмѣстилищемъ. Съ боковъ, находятся корешки поясничныхъ паръ; немного подалѣе, узелокъ, за которымъ оба корешка соединяются въ общій стволникъ. Пройдявшись немного, и взглянувъ сбоку, вы замѣтите небольшую борозду: тутъ-то именно и находится граница между корешковъ. Ложбинка, которая ихъ раздѣляетъ, произошла отъ счлоченія двухъ стволниковъ, соединившихся своими поверхностями.

Я намеренъ теперь дотронуться отдѣльно до каждаго корешка, передняго и задняго. Это операція Белля, но онъ ее дѣлаетъ надъ животными только-что убитыми.

Я увижу задній корешокъ. Животное вскрикнуло и

запахаться : ему очень больно. Вотъ первый фактъ: задніе корешки позвоночныхъ нервовъ надѣлены чрезвычайно тою-кою чувствительностью.

« Посмотримъ, такъ ли же чувствительны передніе корешки какъ задніе? Но сдѣлать это очень трудно. Во-первыхъ, мнѣ нужно сначала щипчиками схватить твердую матку, чтобъ отдалить, сколько можно, передніе корешки отъ спиннаго мозга: иначе мнѣ не будетъ вѣста дѣйствовать инструментомъ; во-вторыхъ, твердая матка, растянутая мозгомъ и мозговою водою, представляетъ цилиндрическую поверхность, по которой скользятъ щипчики. Сверхъ-того, если, по-несчастію, я прикоснусь въ то же время къ спинному мозгу, который чрезвычайно чувствителенъ, животное станетъ рваться такъ сильно, что я принужденъ буду прекратить операцію. Мнѣ придется начать снова, а это утомитъ и собаку и меня.

« Я приподнимаю твердое мозговое покрывало. Что инструментъ не коснулся спиннаго мозга, въ этомъ я твердо убѣжденъ, потому что животное совершенно спокойно. Осторожно ввожу я одну ножку пинцета между обонхъ корешковъ, другую направляю впередъ такъ, чтобъ весь стволѣкъ задняго корешка находился между ножками пинцета. Я сжимаю его. Животному очевидно больно, но не такъ, какъ было въ то время, когда я производилъ тотъ же опытъ надъ заднимъ корешкомъ. Я щиплю еще одинъ корешокъ, у другаго нерва, со всѣми прежними предосторожностями. Вы видите, что и тутъ животное сильно страдаетъ. Вотъ второй фактъ: передніе корешки спинныхъ нервовъ тоже одарены сильною чувствительностью.

Изъ этого слѣдуетъ, что передніе и задніе корешки чувствительны, съ тою разницею, однако жъ, что первые меньше чувствительны чѣмъ вторые.

Теперь, я разрѣжу всѣ задніе корешки у всѣхъ пяти паръ поясничныхъ нервовъ, праваго боку, и всѣ передніе на лѣвой сторонѣ. Если предположеніе мое справедливо, если дѣйствительно передніе корешки назначены только для движенія, а задніе только для чувствованія, то, сдѣлавши это, я парализирую всѣ движенія въ лѣвой задней ногѣ, и уничтожу чувствительность въ правой. Результатъ долженъ быть

разительным: малейшим признаком чувствительности въ правой лапке малейшим следъ движенія въ левой, будутъ значить, что мнѣ не удалось перерезать всѣхъ корешковъ, и что опытъ не удался.

Я начну съ заднихъ корешковъ. Вотъ задній корешокъ первой пары поясничныхъ нервовъ. Я его разрываю: животное вскрикнуло. Это значить, что ему больно: оно должно быть такъ, потому что, если нервъ чувствителенъ, когда я его щиплю, — тѣмъ сильнѣе должна быть боль, когда я его разрываю. Точно такъ же разрываю я задніе корешки у второй, третьей, четвертой и пятой пары. И всякій разъ животное вскрикиваетъ, начинаетъ биться, и потомъ по-немногу успокаивается.

Однако жъ, смотрите, я щиплю правую ляшку. Что это? животное встрепанулось; я щиплю еще разъ: новое движеніе. О! будьте увѣрены, я не совсемъ разрезалъ который-нибудь изъ корешковъ. Просмотримъ ихъ всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я это предвидѣлъ: вотъ корешокъ, который разрезать не совсемъ. Концы его сообщаются посредствомъ тонкой нервной ниточки: я ее разрываю. Теперь все кончено. Я давяю кожу, щиплю ее, укалываю, рѣжу: животное ничего не замѣчаетъ. Въ левой сторонѣ, напротивъ чувствительность ни сколько не разстроилась. Такимъ образомъ мы кончили первую часть нашего опыта. Въ тѣхъ членахъ, куда идутъ нервы отъ разрезанныхъ поясничныхъ паръ, чувствительность совершенно уничтожилась. Мнѣ остается разрезать передніе корешки левой стороны.

Вотъ одинъ изъ нихъ: я его разрываю. Животное, падающее, теперь страдаетъ менѣе, чѣмъ въ то время, когда я перерезывалъ задніе. Я разрываю такимъ же образомъ и прочіе четыре корешка.

Въ левой задней ногѣ, всякое движеніе должно быть уничтожено. Чтобъ удостовѣриться, я ставлю животное на ноги; оно немного поддерживаю, и заставляю сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Правую ногою животное дѣйствуетъ совершенно свободно; напротивъ левая волочится, какъ у членика рабитаго парализованъ. Я укалываю левую заднюю ногу, животное чувствуетъ это такъ же явственно какъ и до разреза.

Убѣдивъ насъ опытомъ, что и передніе и задніе корешки позвоночныхъ нервовъ способны чувствовать боль, я хочу доказать, также опытомъ, что разрывъ задняго корешка уничтожаетъ чувствительность въ переднемъ.

Другая собака. Я разрываю одинъ изъ пяти заднихъ корешковъ поясничныхъ нервовъ, — корешокъ второй пары. Въ то самое мгновеніе какъ остріе ножницъ вонзилось въ нервъ, животное почувствовало сильную боль. Можно было подумать, что я разрываю которую-нибудь изъ ветвей пятой пары.

Передній корешокъ второй пары цѣль. Я скатываю его щипчиками, жму его, растираю: ни какаго признаку боли. Передній корешокъ не чувствителенъ. Вспомните, однако жъ, что прежде онъ онцупалъ боль такъ же сильно какъ и задній, когда тотъ былъ еще цѣль. Я могу даже совсѣмъ оторвать оставшійся кусочекъ передняго корешка отъ спиннаго мозга, и не причиню этимъ боли: А это очень замѣчательно. Вспомните только, какъ жестоко страдало животное, когда я чуть-чуть потрясалъ спинной мозгъ, до разрыва задняго корешка.

Какимъ же образомъ чувствительность распространяется здѣсь снизу вверхъ? Сдѣлаемъ обратный опытъ. Мнѣ хочется узнать, измѣнится ли чувствительность въ заднемъ корешкѣ, или останется такою, какъ была, если я разрѣжу одинъ только передній.

Разрываю передній корешокъ: животному очевидно было очень больно въ минуту дѣйствія инструмента. Посмотримъ, чувствуетъ ли задній корешокъ. Да; и такъ же сильно какъ прежде. Ясно, что разсѣченіе передняго корешка не имѣло вліянія на чувствительность задняго. Такъ и должно быть: чувствительность передняго корешка уничтожается съ разрывомъ задняго, потому что передній заимствуетъ ее у задняго. Будучи нечувствителенъ самъ по себѣ, прежній корешокъ не можетъ сообщать чувствительности заднему.

(Собака, надъ которою произведенъ былъ этотъ опытъ, околѣла черезъ два дня.) Я намѣренъ вскрыть трупъ этой собаки, и посмотреть, что именно могло быть причиною смерти.

Животные, у которых вскрыта спинная трубка, очень редко проживают несколько часов послѣ операціи. Я никакъ не могу объяснить себѣ причины такой скоростной смерти. Жизнь продолжается несколько дней по отнятіи цѣлыхъ полушарій, между-тѣмъ животное умираетъ въ несколько часовъ отъ простаго обнаженія крѣпкого покрывала спиннаго мозга, хотя самъ мозгъ и не соприкасается съ воздухомъ. Правда, иногда рана бываетъ довольно велика; но, при вскрытіи черепа, она бываетъ еще больше. Какъ бы то ни было, причина смерти этой собачки очевидна: испортилась мозговая вода. Она побѣлѣла, стала густа какъ кашница, превратилась въ настоящій гной, прилипла къ спинному мозгу. Когда я хочу отделить ее, она увлекаетъ съ собою полу-стившіе остатки крѣпкой матки и кусочки самаго мозгового вещества. Размягченіе ограничивается верхними слоями; прочіе совершенно здоровы. Но и этого довольно чтобъ причинить смерть. Я не понимаю однако жъ одного: какъ подобныя бользенныя измѣненія могли развиться такъ быстро, тѣмъ болѣе, что паутинная оболочка не была тронута?

Однако жъ, чтобъ опредѣлить положительно, изъ какого источника почерпаетъ передній корешокъ свою чувствительность, вотъ какое придумалъ я средство.

Я разрѣжу по-серединѣ передній корешокъ, не трогая задняго. Раздражая потѣмъ оба конца передняго корешка, мы увидимъ, который изъ нихъ чувствителенъ. Если боль окажется въ концѣ, соответствующемъ спинному мозгу, это будетъ значить, что источникъ чувствительности — мозгъ; напротивъ, боль въ другомъ концѣ, будетъ означать, что чувствительная способность зависитъ отъ задняго корешка.

Для опыта, возьмемъ молоденькую собачку. Я вскрылъ уже половину позвоночной трубы. Вы ясно можете видеть здѣсь узелки заднихъ корешковъ и ту точку, гдѣ они сливаются съ передними.

Вы знаете, какія странныя понятія существуютъ въ физиологій объ узелкахъ. Здѣсь очень кстати мы можемъ поспорить, действительно ли они чувствительны. Легко стать-ся можетъ, что задній корешокъ, дойдя до узелка, только

проходить сквозь его центральную часть, такъ, что чувствительность не покажется на его поверхности.

Я укалываю узелокъ. Животное это чувствуетъ. Я укалываю другой: чувствительность въ немъ такъ же велика какъ и въ корешкѣ.

Этотъ опытъ показываетъ ясно, какую грубую ошибку дѣлаютъ тѣ, которые смѣшиваютъ узелки спинныхъ нервовъ съ гангліями большого сочувственнаго нерва. Общее между этими двумя органами — одно только названіе. Рассмотрите ихъ анатомически, подвергните ихъ дѣйствию химическихъ реагенцій: вы не найдете между ними ни малѣйшаго сходства, ни малѣйшей аналогіи. Еще болѣе становится замѣтно эта разница, когда вы начнете производить опыты. Вы видѣли, какъ живо чувствуютъ боль узелки спинныхъ нервовъ: колите же, рѣжьте, жгите ганглии симпатическаго нерва, — животное такъ же мало замѣтитъ это, какъ-будто вы дѣйствовали надъ сухою жлою, или другою безчувственною тканью.

Что задній корешокъ чувствителенъ и за пределами узелка, это не подлежитъ сомнѣнію. Но, вотъ я разрываю передній корешокъ по самой серединѣ. Животное вскрикнуло: доказательство, что передній корешокъ способенъ чувствовать боль. Теперь, я отворачиваю оба конца разрывнаго корешка, схватываю пинцетомъ кончикъ, прилегающій къ спинному мозгу: животное этого не почувствовало; я жму его, раздавливаю: животному не становится больнѣе. Значитъ, чувствительность передняго корешка не зависитъ отъ спиннаго мозга. Отъ чего жъ зависитъ она? Неужели отъ соединенія съ заднимъ корешкомъ? Увидимъ.

Я щиплю наружный конецъ передняго корешка. Животное бьется точно такъ же, какъ-будто середній корешокъ былъ цѣлъ. Боль такъ сильна, что я долженъ выпустить собачку изъ рукъ. Я укалываю спинной конецъ: животное совершенно спокойно. Теперь вы видите, что чувствительность передняго корешка происходитъ изъ соединенія его съ заднимъ, а не отъ спиннаго мозга.

Ухвативъ щипчиками спинной конецъ, я тяну его къ себѣ, съдвигая, подтягивая и мозгу: животное не кричитъ.

звядутъ, тогда передній корешокъ цѣль, малѣйшаго прикосновенія довольно было чтобы причинить жестоку болѣ.

Поэтому, если разрѣзать передній корешокъ по-серединѣ, конецъ его, обращенный къ спинному мозгу, не чувствителенъ. Другой конецъ, напротивъ очень чувствителенъ.

Передній корешокъ разрѣзанъ: посмотримъ, какія явленія произойдутъ въ мускулахъ, если мы станемъ раздражать отрѣзанный конецъ. Я схватываю передній корешокъ первой поясничной пары: животное встревожилось, но движенія эти — общія, а не частныя. Мы произвели здѣсь только ощущение боли, которое обнаружилось общимъ волненіемъ, а не ограниченное сокращеніе нѣсколькихъ мускуловъ. Если бы корешокъ былъ цѣль, то, кромѣ общихъ движеній, мы увидѣли бы нѣсколько частныхъ сокращеній въ тѣхъ мускулахъ, въ которыхъ этотъ нервъ распределяется.

Мы можемъ вывести теперь общее заключеніе: передній корешокъ заимствуетъ свою чувствительность, не прямо отъ спиннаго мозгу, а отъ задняго корешка, который, въ свою очередь получаетъ ее отъ спиннаго мозгу.

Впрочемъ, спинной мозгъ — единственный источникъ чувствительности для обоихъ корешковъ. Любопытнѣе только путь, какимъ разливается чувствительность. Получивъ свое начало въ спинномъ мозгу, она переходитъ къ задній корешокъ, и идетъ по немъ до соединенія его съ переднимъ; тутъ чувствительность раздѣляется на двѣ части: одна идетъ по общему стволу нерва и разливается во всѣмъ его подраздѣленіямъ; другая, по переднему корешку, возвращается обратно къ мозгу. Вы понимаете теперь, какое вліяніе имѣютъ другъ на друга передніе и задніе корешки, относительно распределенія чувствительности.

Мое объясненіе справедливо, то, разрѣзавши задній корешокъ и оставивъ не тронутымъ передній, мы увидимъ слѣдующее:

Ущипывая спинной конецъ задняго корешка, мы найдемъ его столько же чувствительнымъ какъ и до разрѣзу. Другой конецъ, напротивъ, ничего не будетъ чувствовать.

Убѣдимся сначала въ томъ, что и передній и задній корешки первой поясничной пары равно чувствительны.

Если задній несколько сильнее чувствуетъ часть передней, разница эта не значительная. Я ихъ отделяю другъ отъ друга, разрывая поперекъ задній корешокъ. Посмотравъ, какъ велика степень чувствительности въ каждомъ изъ этихъ концовъ.

Я ущипнулъ конецъ, прилегающій къ спинному моту. Животное почувствовало сильную боль. Щипая конецъ лежащій у узелка. Ничего; ни малѣйшаго движешя; ни какаго слѣду страданія. Узелокъ, корешокъ за узелкомъ, стволъ нерва, рѣшительно безчувственны. Я указываю по-переменно вся эти части: животное ничего не замечаетъ.

Раздражимъ теперь передній корешокъ. Нѣкоторые мускулы сократились: прочіе неподвижны; вероятно, они получаютъ свои нервы отъ другихъ паръ, которыя живы. Но животное не страдаетъ; оно, кажется, не знаетъ и того, что нѣкоторые изъ его мускуловъ пришли въ движеніе. Новое доказательство, что всякое чувство уничтожено въ нервъ, когда разрезанъ его задній корешокъ.

Теперь мы можемъ принести это животное въ жертву наукъ. Я вливаю ему въ глотку нѣсколько капель сильной кислоты. Вотъ оно падаетъ безъ чувствъ и движешя. Оно мертво. Это самый лучший способъ прекращать ихъ страданія: имъ нѣтъ времени ощутить новыя мученія.

Я сжимаю одинъ изъ корешковъ. Но который, этого вамъ не скажу. Нѣсколько мускуловъ пришло въ движеніе. Это былъ передній. Я сжимаю теперь другой корешокъ: мускулы не сокращаются. Я жму еще кричче: ничего! Это задній. Видите: даже и послѣ смерти животного каждый корешокъ удерживаетъ свои относительныя свойства!

Пятая пара (*nervus trigeminus*, *nervus trifasciatus*) — одна изъ самыхъ любопытныхъ и важнѣйшихъ частей нервной системы. У человека нервъ пятой пары гораздо больше, разумѣется относительно, нежели у нѣкоторыхъ животныхъ, гдѣ онъ одинъ составляетъ уже цѣлую систему, между-тѣмъ какъ прочіе нервы и мозгъ едва можно назвать прибавкомъ. Какая бы впрочемъ ни была величина этого нерва, разнообразныя свойства и назначенія его требуютъ глубокаго и подробнаго изученія:

Пятая пара — нервъ совершенно особеннаго реду во всякъ отношеніи: онъ отличается отъ прочихъ мозговыхъ и спинныхъ нервовъ, и анатомическимъ устройствомъ, и свойствами. Онъ начинается сбоку Варолиева Моста, недалеко отъ срединной линіи; но это начало нерва болѣе кажущееся чѣмъ истинное: отдѣливши нѣсколько поперечныи нити Варолиева Моста, ясно видно, что пятая пара продолжается въ видѣ толстаго пучка въ глубину моста, и идетъ съ переда назадъ, къ нижней части четвертаго желудочка. Дальше его преслѣдовать не возможно.

У пятой пары — два начала, корешокъ съ узелкомъ, и корешокъ безъ узелка. Узловатый корешокъ имѣетъ форму толстаго пучка, состоящаго изъ соединенія многочисленныхъ нервныхъ ниточекъ, выходящихъ изъ Варолиева Моста сквозь узкую скважину между его поперечными нитями. Корешокъ безъ узелка — меньше, и составленъ изъ ниточекъ, проходящихъ нѣсколько свадя и выше ниточекъ другаго корешка. Ниточки передняго корешка вскорѣ проходятъ черезъ нити задняго, и идутъ сбоку верхняго его края.

У спинныхъ нервовъ, какъ вы видѣли, есть тоже два корешка, одинъ съ узелкомъ, другой безъ узелка. Посмотримъ, какаѣ различія между этими двумя нервами.

Узелокъ спинныхъ нервовъ — маленькое, круглое, твердое тѣло, состоитъ изъ плотной и крѣпкой ткани, не получаетъ и не даетъ ни одной нервной ниточки. Узелокъ пятой пары, ganglion Gasseri, напротивъ, очень великъ, и образуется отъ переплетенія мягкихъ сѣроватыхъ нитей; за узелкомъ корешокъ не принимаетъ уже своей прежней круглой формы; изъ узелка, прямо выходятъ многія нити. Задніе корешки спинныхъ нервовъ, напротивъ-того, проходятъ сквозь узелокъ, снова возвращаются къ своему круглому виду и остаются круглыми до самаго соединенія своего съ передними.

Другая различія состоитъ въ томъ, что оба корешка спинныхъ нервовъ сливаются въ одинъ стволъ, и уже изъ этого ствола проходятъ все прочія ветви. У пятой пары, маленькій корешокъ не соединяется съ узловатымъ корешкомъ, не даетъ ему даже ни одной ниточки, а только

проходить подъ нимъ и составляетъ большую часть нижнечелюстного нерва. Такимъ образомъ, изъ трехъ главныхъ ветвей пятой пары, изъ узелка исходятъ два нерва, нервъ зрительный и нервъ верхнечелюстной.

Вотъ почему мнѣ кажется необходимымъ произвести реформу въ школьномъ языкѣ анатомистовъ. Мы бы должны были говорить: нервъ узелковый, или чувствительный; нервъ неузелковый, или двигательный; во мѣсто «корешокъ» слѣдуетъ просто говорить «нервъ».

Гассеровъ узелокъ такъ плотно прирастаетъ къ крышкѣ матки, что его нельзя отодрать отъ нея не разорвавъ нѣсколькихъ нитей. Онъ лежитъ въ особенной ямочкѣ височной кости. Складка крышкы матки, прилегая къ височной ямочкѣ, превращаетъ ее въ каналъ, и не позволяетъ полушаріямъ давить на узелокъ. Это анатомическое обстоятельство важно по тому, что показываетъ, сколько предосторожностей приняла природа чтобы предохранить этотъ важный органъ отъ всякаго поврежденія.

Каналъ, въ которомъ лежитъ Гассеровъ узелокъ, наполненъ мозговою водою. Разсматривая узелокъ, въ то время когда онъ окруженъ жидкостью, вы увидите, что каждая ниточка его плаваетъ отдѣльно въ мозговой влагѣ.

Я уже сказалъ вамъ, что изъ Гассерова узелка берутъ свое начало двѣ нервныя ветви, маленькая, ветвь глазная, и другая, по-больше, ветвь верхнечелюстная. Скажемъ нѣсколько словъ о распредѣленіи этихъ двухъ ветвей.

Ветвь глазная, *nervus ophthalmicus Willisii*, входитъ въ слѣй наружной стѣнки пещеристой пазухи, и раздѣляется тамъ на три ветви, слѣзную, лобную и носовую.

Нервъ слѣзный проникаетъ въ глазную яму черезъ наружный уголъ основной расщелины и идетъ къ слѣзной желѣзѣ, въ которой разсыпается множествомъ тоненькихъ ниточекъ. Онъ-то, какъ кажется, преимущественно поражается при отдаленіи слезъ. Уколите его, — изъ желѣзы тотчасъ потекутъ слезы. Вышедши изъ слѣзной желѣзы, этотъ нервъ проходитъ сквозь сухожильную часть верхняго века, и даетъ веточки ему и кожѣ, лежащей на немъ.

Лобный нервъ, продолженіе ствола глазнаго нерва, до-

идеть въ глазную ямку черезъ верхнюю часть основной трещины, лежитъ между надкостницею плечею и мускулою, поднимающимъ верхнее вѣко, и раздѣляется на двѣ вѣтви, наружную и внутреннюю: лобный наружный нервъ выходитъ наружу черезъ бровную дырочку и раздѣляется въ кожь лба и верхняго вѣка. Вѣточки внутренняго носоваго нерва развѣтвляются въ верхнемъ вѣкѣ, на лбу и на хребтѣ носа. Въ этомъ мѣстѣ онъ соединяется ниточками носоваго нерва.

Носовой нервъ гораздо замѣчательнѣе всѣхъ прочихъ. Не доходя еще до глазной ямы, онъ пускаетъ небольшую ниточку, которая идетъ къ одному изъ заднихъ угловъ глазаго узелка. Замѣьте, эта ниточка шла уже отъ Гассерова узелка. Длaczego жъ идетъ она отъ одного узелка къ другому? Вопросъ, который мы разрышимъ впоследствии. Потомъ онъ даетъ множество чрезвычайно тонкихъ ниточекъ, которыя, дошедши до глаза, проникаютъ сквозь блочную оболочку и развѣтвляются въ райкъ.

Отъ носоваго нерва отдѣляется, кромѣ этой вѣточки, очень замѣчательная ниточка. Вышедши изъ черепа вмѣстѣ съ вѣткою отъ которой она происходитъ, эта ниточка снова вышникаетъ изъ глазной ямы и возвращается назадъ въ черепъ, сквозь внутренній глазной каналъ. Войдя въ рѣшетчатую ямку, сбоку гребешка, она проходитъ сквозь одну изъ дырочекъ рѣшетчатой кости въ носовую полость, и раздѣляется на двѣ вѣточки, одну внутреннюю, разсыпнующуюся въ носовой преградѣ, другую, наружную, которая снабжаетъ нервами носовыя раковины, пробирается сквозь костяныя стѣнки носа и оканчивается въ кожь. Для этой ниточки есть очень мудреное названіе: рѣшетчатая ниточка носовой вѣточки глазной вѣтви виллизова нерва. Вы послѣ увидите, имѣю ли я основательныя причины думать, что эта нервная ниточка принимаетъ большое участіе въ обоняніи.

Испустивъ эти вѣтви, носовой нервъ выходитъ изъ глазной ямы и разсыпается въ глазныхъ мускулахъ, въ верхнемъ вѣкѣ, на хребтѣ носа и въ кожь лба. Многія изъ его вѣточекъ соединяются съ вѣтвями седьмой пары.

Я только-что говорилъ вамъ о соединеніи носоваго нерва съ глазнымъ узелкомъ. Этотъ узелокъ — маленькое, сѣро-

итое тело, лежащее на чечевичку, ложится съ наружного боку зрительнаго нерва, и окружаетъ жиромъ. У него четыре угла. Изъ двухъ переднихъ выходятъ два промежуточные нервные пучочка, — рваные нервы. Задніе углы, посредствомъ тоненькихъ нитей, сообщаются съ нижнею веткою нерва двигающаго глазомъ и съ первымъ носовымъ. Эти общительныя ниточки до-сихъ-поръ были просто предметомъ любопытства для анатомиковъ. Они ихъ препаровали лишь длятого чтобъ доказать свое искусство въ анатомическомъ ремеслѣ. Нынче, мы должны опытомъ познать ихъ назначеніе.

Верхнечелюстная ветвь, — вторая изъ происходящихъ отъ Гассерова узелка, — выходитъ изъ черепа черезъ круглую дыру, идетъ въ основночелюстную ямку, оттуда въ надглазный каналъ, и наконецъ, черезъ переднее его отверстіе, появляется на щеку. Верхнечелюстной нервъ подобно главному, имѣетъ узелокъ. Отъ перваго стволіа идутъ ниточки къ щечнымъ мускуламъ, къ деснамъ, губамъ, языкамъ, губамъ и носу.

Скажемъ нѣсколько словъ объ узелкѣ. Меккелевъ узелокъ начинается съ нижняго боку верхнечелюстнаго нерва, въ основночелюстной ямкѣ. Вотъ ветви, которыя отъ него начинаются.

Три нерва небныхъ, которые раздѣляются въ раковинахъ носа, въ небной занавѣсѣ, въ небномъ сводѣ и оболочкѣ дёсенъ.

Наружные и внутренніе основночелюстные нервы раздѣляются по Шнейдеровой плевѣ и носовой преградѣ.

Видіевъ нервъ раздѣляется на двѣ ветви, верхнюю и нижнюю. Нижняя входитъ въ сонный каналъ и соединяется съ верхнимъ шейнымъ узелкомъ и нервомъ наружной плечевой мышцы, между-тѣмъ какъ верхняя идетъ назадъ подъ крышку матки, лежитъ въ ложбинѣ, находящейся въ каменистой части височной кости, и наконецъ входитъ въ Фаллопиевъ каналъ, оканчивается въ личномъ нервѣ. Слияются ли тутъ эти два нерва, въ одинъ общій, или только прилегаютъ одинъ къ другому? Анатомики думаютъ объ этомъ различно. Одни утверждаютъ, будто они соединяются въ одинъ; другіе говорятъ, что Видіевъ нервъ, пройдя

некоторое пространство сбоку личного нерва, отделяется от него и потому, под названием барабанной струны, бросается въ язычный нервъ, вѣтъ пятой пары, откуда наконецъ совсемъ отдѣляется и входитъ въ узелокъ подчелюстной.

Трудно рѣшить, кто тутъ правъ. Мнѣнія тѣхъ и другихъ основываются на очень малыхъ началахъ. Я постараюсь рѣшить вопросъ опытомъ.

Накъ остается рассмотреть распределеиe третьей вѣтви, вѣтви, которая происходитъ отъ коренника, не имеющаго узла. Это — самая большая изъ всѣхъ вѣтвей пятой пары. Нижнечелюстной нервъ выходитъ изъ черепа, черезъ овальную дыру, въ скуловую ямку, и тутъ раздѣляется на множество вѣтвей. Изъ нихъ особенно замѣчательны слѣдующія :

Нервъ язычный : онъ идетъ снизу вверхъ, по внутренней сторонѣ нижней челюсти и развѣтвляется въ толщю языка. Въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ проходитъ между крыльчатыми мышцами, къ нему присоединяется барабанная струна и тотчасъ же образуется небольшой узелокъ, отъ котораго идутъ ниточки къ подчелюстной желѣзѣ. Некоторые анатомы уверяютъ, будто этотъ узелокъ образованъ изъ барабанной струны, которая присоединилась къ язычному нерву, подобно тому какъ она уже однажды была приращена къ нерву личному, подъ именемъ Видьева нерва. Вы поймете, что такое предположенiе надобно почитать опытомъ.

Нервъ зубной, нижнiй, входитъ въ нижнечелюстной каналъ, даетъ вѣточки всѣмъ зубамъ, выходитъ наружу черезъ переднее отверстiе нижнечелюстнаго канала, и развѣтвляется въ кожу, соединяясь съ личнымъ нервомъ. Въ этомъ то нервъ чаще всего гнѣздится невралгiя.

Нервъ височно-ушнiй назначенъ, болѣею частию, для лица и уха; особенно замѣчательно его соединенiе съ слезною жезлою. За шейною составнаго отростка нижней челюсти исходитъ отъ него довольно толстая вѣточка, которая, тотчасъ за заднимъ краемъ жевательнаго мускула, приращаетъ къ личному нерву въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ представляетъ небольшую припухлость. Мы послѣ увидимъ какую важную роль играетъ эта соединительная ниточка относительно къ чувствительности слезной пары.

Наконецъ, у нижнечелюстного нерва есть такъ называемый узелокъ, описанный Арнольдомъ, подъ именемъ *ушнаго узелка*, *ganglion oticum*. Этотъ небольшой красноватый узелокъ лежитъ подъ овальною дермою; сквозь него проходятъ нервные сообразительныя ниточки.

Вотъ все, о чемъ я считалъ нужнымъ напомнить, приступая къ опытному изслѣдованію отравленій пятой пары.

Я уже имѣлъ случай нѣсколько разъ показать на опытѣ, какія сдѣлствія имѣетъ разсѣченіе ствола пятой пары. Я хочу теперь разрѣзать, по-одиначкѣ, каждую изъ вѣтвей этого нерва. На трупѣ сдѣлать подобную операцію не мудрено; но на живомъ животномъ это чрезвычайно трудно. Судите сами. Вотъ кроликъ. Я отдѣляю сводъ черепа, извлекаю большую часть мозговыхъ долей правой стороны, и наконецъ дохожу до височной ямки. Я направляю кончикъ маленькаго bisturia къ нерву верхнечелюстному. Животное кричитъ и бьется: самое вѣрное доказательство, что я коснулся до одной изъ вѣточекъ пятой пары. Легко можетъ быть, что я ранилъ въ то же время и нервъ глазной, потому что онъ лежитъ очень близко къ верхнечелюстному, и даже иногда оба эти нерва выходятъ изъ Гассерова узелка общимъ стволикомъ.

Дотронемся до соединительной перепонки: животное не закрываетъ глаза; значитъ, оно не почувствовало прикосновенія инструмента. Я щиплю верхнюю губу: также нечувствительность. Нижняя губа, напротивъ, осталась по-прежнему чувствительною. Вѣроятно, я разрѣзалъ верхнечелюстный и глазной нервы не тронувши нижнечелюстную. Опытъ надобно передѣлать.

Звница праваго глаза сильно сократилась. Замѣчательно, что у собакъ и кошекъ, если разрѣжете пятую пару, она, напротивъ, расширяется. Я, съ Демуленомъ, дѣлалъ множество анатомическихъ изслѣдованій, чтобы отыскать причину такого страннаго явленія, и ничего не узналъ вѣрнаго, исключая того, что у кроликовъ рѣсничные нервы идутъ отъ пятой пары, между-тѣмъ какъ у собакъ и кошекъ нѣкоторые ниточки рѣсничныхъ нервовъ отдѣляются отъ носовой вѣтви глазнаго узелка. Вслѣдствіе разрѣзу пятой

пары, эти нервы парализируются, и оттого зеница теряет способность сокращаться.

Посмотримъ, чувствителенъ ли раёкъ на той сторонѣ, гдѣ разрѣзана пятая пара? Я втыкаю иглу въ переднюю камеру глаза. Животное не пошевелилось. Укалываю зеничную перепонку: кончикъ иглы прошелъ сквозь нее въ заднюю камеру, и достигъ до сѣтчатой оболочки: между-тѣмъ всѣ эти части очевидно остались нечувствительными.

Я дѣлаю тоже съ лѣвымъ глазомъ, но, едва иголка коснулась прозрачной роговой оболочки, какъ животное быстро отбросило назадъ голову. Я еще не дотронулся до райка, но кончикъ иглы очень близко къ нему. Я воткнулъ иглу немножко поглубже: животное сдѣлало движеніе, — доказательство, что ему очень больно. Вы видите ясно, что и раёкъ, подобно другимъ оболочкамъ глаза, съ разрѣзомъ пятой пары, теряетъ свою чувствительность.

Дѣйствовать на чувствительность нерва, измѣнять ее по произволу, не легко даже для тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ физиологіею нервной системы. Что жъ стануть дѣлать господа практики, которые не умѣютъ сказать, чувствительный ли это нервъ или нѣтъ, и думаютъ, что отъ личнаго нерва зависитъ и чувствительность и движеніе лица?

Я много разъ имѣлъ случай обращать ваше вниманіе на связь, которая существуетъ между патологіею и фактами физиологическими. Въ нервахъ мы замѣчаемъ то же самое. Боль развивается только въ такомъ нервѣ, который уже самъ по себѣ чувствителенъ; болѣзнь можетъ испортить дѣйствіе органа, но не въ состояніи дать ему такихъ свойствъ, въ которыхъ отказала природа. Въ лицѣ показалась боль: въ которомъ нервѣ гнѣздится невралгія? въ нервѣ зрительномъ? Нѣтъ; вы видѣли, что онъ, исключая свѣту, нечувствителенъ ко всѣмъ другимъ физическимъ дѣтелямъ. Неужели въ нервѣ обонятельномъ, нервѣ слуховомъ? Еще меньше. Какъ могутъ они сдѣлаться чувствительными въ болѣзни, когда они безчувственны въ здоровомъ состояніи. Болѣзнь, повторяю, не создаетъ ничего новаго: она только портитъ и измѣняетъ прежнее.

Какіе же нервы поражаетъ невралгія? Безъ-сомнѣнія пятую пару. И въ самомъ дѣлѣ, невралгія всего чаще нахо-

дится въ его лобныхъ, подглазныхъ, язычныхъ, подбородочныхъ вѣтвяхъ. Но и въ личной нервъ, скажете вы, тоже переливается эта мучительная бользнь, а между-тѣмъ онъ, самъ по себѣ, не чувствителенъ. Да, онъ самъ по себѣ нечувствителенъ, это правда; но онъ становится чувствительнымъ соединяясь съ пятою парюю. Вы впередъ можете опредѣлить случаи, когда невралгія разовьется въ одномъ только личномъ нервѣ: если бользнь поразитъ общительную вѣточку пятой пары, разумъется боль ограничится однимъ личнымъ нервомъ. Невралгія личного нерва не что иное какъ страданіе пятой пары, переданное нерву личному общительной вѣточкою.

Я сказалъ уже, какъ трудно уничтожить боль въ нервъ. Мы имѣемъ, однако жъ, нѣсколько веществъ, которыя успокоиваютъ нервную систему, и употребляемъ ихъ всякой день, внутрь и снаружи, при леченіи нервныхъ бользней. Это — наркотическія лекарства.

Вы знаете, какъ часто врачи употребляютъ морфинъ противу невралгій. Чрезвычайно важно узнать, какъ онъ дѣйствуетъ на больной нервъ: уменьшаетъ ли чувствительность прямо въ самомъ нервѣ, или дѣйствуетъ черезъ посредство центральной нервной системы? Повѣрить это очень просто. Надобно обнажить нервъ, и посмотреть, велика ли его чувствительность; потомъ положить на него морфину: если чувствительность станетъ меньше, это будетъ значить, что морфинъ дѣйствуетъ на нервъ.

Такіе опыты можно дѣлать только надъ животными. Впрочемъ, случается, что съ человѣкомъ дѣлаемъ мы въ что подобное. Вы прикладываете на кожу, лишенную кожицы, морфинъ: онъ всасывается; одна часть его доходитъ до послѣднихъ подраздѣленій нервныхъ ниточекъ, другая, увлеченная потокомъ крови, поступаетъ въ кровообращеніе. Вы думаете, боль прекратилась оттого, что небольшое количество морфину коснулось нервовъ? Это будетъ простое предположеніе. Но если вы положите морфину на обнаженный нервъ у животнаго, и замѣтите, что онъ уничтожилъ въ немъ чувствительность, тогда прежняя простая гипотеза сдѣлается достовѣрностью. Произведемъ такой опытъ. У этого кролика нѣтъ мозговыхъ долей. Я предувѣдомлю

мы объ этомъ потому, что края раны обложены и сшиты такъ, что, судя дн походкѣ животнаго, вы бы ничего не замѣтили. Оно ходитъ назадъ и впередъ, останавливается, какъ-будто съ нимъ ничего не было. Я вытру тещеръ кровъ, которая заеклась на днъ черепа : иначе трудно будетъ найти стволъ пятой пары. Вы видите здѣсь нервъ съ его узелкомъ. Я предварительно испытываю чувствительность пятой пары, щиплю объ стороны мордочки : обѣ чувствительны. Соединительная перепонка глазъ тоже.

Кончикомъ бистурія я беру одну каплю раствора укаусо-кислаго морфину. Кладу ее на стволъ и узелокъ пятой пары правой стороны. Подождемъ нѣсколько минутъ и посмотримъ, что будетъ.

Между-тѣмъ я вырѣжу мозговья доли у другаго кролика. Въ немъ мы испытаемъ стрихнинъ.

Прошло нѣсколько минутъ : морфинъ вѣроятно подействовалъ. Я щиплю кожу, рву усики на лѣвой стороне лица : чувствительность осталась прежняя. Это естественно ; видите, что морфинъ мы положили на нервъ правой стороны.

Я раздражаю правую сторону мордочки : тутъ явленія совсемъ другія. Животное едва ощущаетъ боль. Я дотрогиваюсь до лѣваго глаза, животное быстро закрыло въко, и отскочило назадъ. Я дотрогиваюсь до праваго : животное ничего не замѣчаетъ. Чтобъ заставить его мигнуть, я долженъ крѣпко надавить глазъ инструментомъ.

Очевидно, что, въ этомъ случаѣ, морфинъ подѣйствовалъ прямо на нервъ. Если бы это вещество всосалось въ кровъ, и, следовательно, если бы оно подѣйствовало черезъ посредство центральной нервной массы, слѣдствія обнаружилась бы равно и на лѣвой и на правой сторонѣ.

Испытаемъ теперь какъ дѣйствуетъ стрихнинъ : я первый доказалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что стрихнинъ действуетъ только спинной мозгъ. Въ настоящее время это вещество употребляется всеми врачами какъ самое лучшее средство въ параплексіяхъ и другихъ болѣзняхъ, зависящихъ отъ паралича спиннаго мозга. Я никогда еще не видалъ случая наблюдать дѣйствія стрихнину на нервы чувствительные.

Вотъ стволъ нерва пятой пары. Я кладу на него несколько капель селитрокислаго стрихнину. Животное, какъ кажется, не замѣтило прикосновенія жидкости, несмотря что она пала на нервъ, чрезвычайно вѣрный.

Прошло двѣ минуты. У животнаго дѣлается маленькая дрожь. Обѣ половинки мордочки совершенно чувствительны. Но, вотъ, дрожь становится сильнѣе; лапы цѣпещуть; голова оттянулась назадъ: по всему видно, что стрихнинъ всосался въ кровь. Животное повалилось на бокъ; все тѣло его находится въ тетаническихъ судорогахъ. Оно окочыло.

Досадно! Если бѣ кроликъ прожилъ долѣе, мы бы могли узнать, какія мѣстныя дѣйствія производитъ стрихнинъ, положенный прямо на нервъ. Впрочемъ, этотъ опытъ очень важенъ и безъ-того: онъ ясно показываетъ, что стрихнинъ дѣйствуетъ, не на черепной мозгъ, а на спинной. Мозговые доли были извлечены, а между-тѣмъ признаки или одинъ за другимъ такъ быстро и такъ явственно, какъ будто бы черепъ былъ наполненъ мозгомъ. Ядъ подействовалъ не на мозгъ, потому что мозгу не было.

=

ВАЗАРИ.

БИОГРАФІЯ ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ.

Вазари издается теперь одновременно въ Флоренціи и въ Парижѣ, съ одними и тѣми же рисунками, тамъ въ подлинникѣ, тутъ во французскомъ переводѣ*. Постарайтесь непременно прочесть эту книгу, если вы любите искусства.

Есть два рода книгъ: одніе всѣ хвалятъ и никто ихъ не читаетъ, другіе всѣ читаютъ и никто не отдаетъ имъ справедливости. Къ послѣднимъ принадлежитъ прекрасное сочиненіе Георгія Вазари, заключающее въ себѣ жизнеописанія знаменитыхъ италіянскихъ живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ. Всѣ разборы, толки и пересуды его критиковъ, даже дополнительные статейки французскихъ издателей, которые печатаютъ теперь тетрадами пересудовъ этого замѣчательнаго творенія, доказываютъ одно только, что и въ самомъ совершенствѣ можно найти ничтожныя недостатки, и что посредственность, которой они попадаютъ на глаза, всегда готова вывести изъ нихъ клевету на достоинства. Вазари можетъ смѣло назваться неподкупнымъ свидѣтелемъ - очевидцемъ явленій италіянскаго искусства, безъ котораго не обойдется ни одинъ цѣнитель искусства. Книга его приноситъ истинное наслажденіе и пользу каждому, кто только понимаетъ всю неподложность этого собранія фактовъ, мнѣній, анекдотовъ и легендъ художникахъ и искусствахъ. Вазари — Плутархъ ху-

* издава въ окрестіяхъ ВАРАНИ. Firenze, 1838. — италіянскимъ переводомъ издалъ, par Vasari. Paris, 1839 — 1841. Par livraisons.

дожническаго міра : онъ жилъ, когда оканчивалась уже блистательная эпоха искусствъ, и сохранилъ для нихъ исторіи всѣ необходимыя матеріалы, безъ которыхъ не существовало бы этой исторіи и не сохранилась бы память о художникахъ, украсившихъ своими произведеніями Италію. Эти художники остались бы неизвѣстными точно такъ же, какъ художники другихъ странъ, не имѣвшіе своихъ биографовъ. Примѣръ передъ глазами: стоить только вспомнить судьбу готическихъ архитекторовъ и французскихъ и англійскихъ скульпторовъ.

Вазари былъ самъ художникъ, сначала не болѣе какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, но потомъ онъ полюбилъ изящныя искусства и предался имъ всею душою. Такіе переходы отъ простаго ремесла къ утонченному искусству не рѣдки между тоscanскими художниками, и Вазари, изъ простыхъ ремесленниковъ, скоро сдѣлался замѣчательнымъ архитекторомъ. Училище — зданіе, которое заключаетъ въ себя галерею Медичи, безспорно можетъ служить тому доказательствомъ. Какъ живописецъ, Вазари былъ также не безъ достоинствъ: въ композиціяхъ картинъ и рисунковъ онъ отличался простотою и естественностью; но въ исполненіи былъ болѣе скоръ чѣмъ изященъ, и не имѣлъ въ колоритѣ ни мягкости, ни гармоніи. Однако жъ, по самолюбію, свойственному каждому человеку, онъ не признавалъ въ своихъ недостаткахъ и ставилъ иногда свою способность писать скоро выше другихъ качествъ въ живописи. Но не въ кисти, а въ перѣ, главная заслуга Вазари и для современниковъ и для потомства : онъ составилъ себѣ славу не какъ живописецъ; но какъ творецъ «*Vite degli artefici*». Мысль объ этомъ сочиненіи пришла ему въ голову самымъ нечаяннымъ образомъ. Въ Неаполѣ, въ 1544 году, былъ онъ за ужиномъ въ дружеской бесѣдѣ у кардинала Фарнезе. Въ числѣ собесѣдниковъ находился епископъ Паоло Джовіо, написавшій въ то время известное сочиненіе, «*Vitae illustrium virorum*». Книга его не была еще издана, но, вѣроятно, уже ходила по рукамъ въ рукописи, какъ обыкновенно водилось въ ученомъ мірѣ того времени. Джовіо, имѣя намѣреніе прибавить къ своей книгѣ жизнеописанія художниковъ, съ эпохи Чинубо, началъ говорить объ ихъ произведеніяхъ;

какъ выражается Вазари, *умно и со знаніемъ дѣла*; но, коснувшись самихъ художниковъ, Джовіо надѣлалъ множество непростительныхъ промаховъ, смѣшалъ ихъ имена, прованія, мѣста рожденія, и самыя даже произведенія. На вопросъ, предложенный хозяиномъ, какъ думаетъ Вазари о намъреніи Джовіо, Вазари отвѣчалъ, что такое жизнеописаніе художниковъ вещь болѣе чѣмъ полезная и поучительная, если только при его составленіи будетъ соблюдена вся точность и вѣрность показаній; и при этомъ случаѣ Вазари ни сколько не затруднился высказать все промахи и ошибки Джовіо. Собесѣдники, въ числѣ которыхъ былъ Аннибаль Каро, удивленнымъ познаниямъ Вазари, тотчасъ же приступили къ нему съ просьбой, чтобы онъ взялся попомощи Джовіо и, по крайней мѣрѣ, исправить планъ предполагаемаго имъ сочиненія. Вазари согласился, и въ непродолжительномъ времени представилъ Джовіо планъ, совершенно и превосходно передѣланный. Джовіо почти не уважалъ своего сочиненія, и въ скромности, не желая воспользоваться чужимъ трудомъ, предоставилъ Вазари докончить печатое и написать книгу о предметѣ, котораго сущность была ему такъ извѣстна и такъ хорошо имъ обдумана. Съ того времени, Вазари посвятилъ всю свою молодость на собраніе матеріаловъ для этого сочиненія. Онъ совѣтывался съ умными современными художниками, въ числѣ которыхъ Аннибаль Каро, Мольца и Толомея были для него самыми полезными; читалъ манускрипты Гирландаіо, Джильберти, Рафаэля изъ Урбино и множество другихъ, которыхъ не называетъ по имени. Кроме-того, подъ руками у Вазари были все частныя семейныя біографіи Флоренціи, следовательно, почти вся исторія Тосканіи. Біографіи эти составлялись по обще принятому въ Флоренціи обычаю вести журналъ всего, что дѣлалось въ семействѣ; обязанность эти возлагались на старшаго члена семьи, и этими-то журналами пользовался Вазари. Но все-таки самымъ важнымъ матеріаломъ для его сочиненія служили живыя, еще свѣжія, преданія объ искусствахъ, разсказы о жизни художниковъ, а иногда случаи и частныя обстоятельства, которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Безъ того Вазари не могъ бы знать и не передалъ бы намъ ничего, ни о степени обра-

зованности каждаго художника, ни о механическихъ процессахъ, употребленныхъ имъ при выполненіи своихъ произведеній, ни о портретахъ, которые вводилъ онъ въ свои историческіе сюжеты, ни о смыслѣ аллегорическихъ созданій. Такъ, напримѣръ, большой фрескъ Симона Мемми, въ древнемъ соборѣ Santa-Maria-Novella, изображающій борьбу Христіанской Церкви, въ который введены портреты Петрарки и Лауры, остался бы для насъ навсегда непонятнымъ безъ объясненія Вазари.

Вазари окончилъ свой трудъ подъ покровительствомъ герцога Козимы, и напечаталъ его въ первый разъ въ герцогской, знаменитой въ то время, типографіи. Это замечательное твореніе имѣло нѣсколько изданій, каждое появлялось новыми біографіями, и наконецъ дошло до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ теперьдается вновь въ Италіи и въ Франціи. Вазари имѣлъ много послѣдователей: многие писали о художникахъ и искусствахъ, но ни одинъ изъ этихъ писателей не имѣетъ той свѣжести, того права и добренности, какими отличается твореніе Вазари. Достоверность сообщенныхъ свѣдѣній необходимо и всегда останется за Вазари, потому-что онъ часто писалъ біографію художника, въ такую пору, когда объ немъ еще были живы, говорящія свѣдѣтельства, которыя уже не существовали ни другихъ біографовъ. Представимъ въ примѣръ біографію Леонардо да-Винчи, флорентинскаго живописца, жившаго за полвѣка до Вазари: но что значать пятьдесятъ лѣтъ для біографа! Вазари пишетъ о Леонардо какъ о такомъ человѣкѣ, съ которымъ какъ-будто онъ жилъ въ одно время и въ одной комнатѣ. Онъ обыкновенно начинаетъ свои біографіи обращеніемъ, или къ небу, или къ природѣ, или къ предсудѣленію, но никогда къ собственнымъ силамъ художника; и въ этихъ вступленіяхъ, болѣею частью похожихъ одно на другое, отразился тоже современный вѣкъ Вазари, который не допускалъ еще сомнѣній и скептицизма, но твердо вѣровалъ въ участіе Промысла въ творческой дѣятельности и жизни каждаго смертнаго.

«Благотворительное небо, такъ начинается онъ повѣсть о Леонардо да-Винчи, надѣляетъ иногда смертнаго своимъ

роскошными дарами, и следъ этой небесной благодати былъ такъ рязокъ въ каждомъ дѣйствіи счастливаго избранника, что, позабывая о человѣческомъ геніи и способностяхъ, видишь въ нихъ одно только присутствіе Промысла. Леонардо да-Винчи родился именно такимъ избранникомъ. Его красота и грація были несравненны. Преобладающія въ немъ сила, ловкость и смѣлость имѣли что-то величественное; его твердая воля становилась выше всѣхъ препятствій; слава художника, великая при жизни, стала огромною послѣ его смерти.

Леонардо, сынъ серъ Піетро да-Винчи, родился въ 1452 году, въ замкѣ Винчи, въ Вальдарно, недалеко отъ озера Фудечіо, близости Пистои. По своимъ рѣдкимъ способностямъ и уму, Леонардо могъ быть и ученикъ и писателемъ, если бы привычка начинать и не оканчивать, слѣпанная съ раннихъ лѣтъ, не вредила иногда его умственной и художественной дѣятельности. Онъ учился математикѣ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ знать больше своего учителя; занимался музыкой, игралъ на лирѣ, и впоследствии превосходно аккомпанировалъ своимъ импровизаціямъ. Но преимущественнымъ его занятіемъ были рисованіе и живопись, и къ нимъ наиболее стремилась фантазія Леонардо.

Серъ Піетро, замѣтивъ наклонность сына, взялъ нѣсколько его рисунковъ и показалъ Андреа дель-Верроціо, своему другу, съ просьбою дать объ нихъ искреннее мнѣніе. Андреа изумился, взглянувъ на первоначальные опыты геніальнаго молодого челоука, и настоялъ чтобы серъ Піетро прислалъ Леонардо къ нему въ мастерскую. Леонардо явился, но, не ограничиваясь однимъ рисованіемъ, сталъ заниматься скульптурой, и мастерски сдѣлалъ нѣсколько дѣтскихъ голубковъ; потомъ, онъ началъ посвящать свободное время архитектурѣ, и создалъ нѣсколько проектовъ зданій, мельницъ и другихъ водяныхъ машинъ. Несмотря на свою крайнюю молодость, онъ первый проектировалъ каналъ между

* Визери всегда по заботливости годовъ рожденія художниковъ : предки, хотя можно отнести къ десны естественной небрежности со- вѣщанію.

Пизой и Флоренціей посредствомъ Арно. Но главнымъ его призваніемъ по-прежнему оставалась живопись. Онъ писалъ много съ натуры, рисовалъ на бумагъ съ неподражаемою чистотою и вкусомъ. У меня, изъ работъ да-Винчи въ тогдашнюю эпоху, есть превосходная голова, съ которою врядъ ли что можетъ сравниться въ этомъ родѣ по характеру и совершенству отдѣлки. Богъ надѣлилъ этого чловѣка необыкновенною способностью усваивать вещи и убѣждать другихъ въ результатахъ своего сознанія. Умъ, память, рисунокъ, даръ слова, все соединилось въ немъ къ разрѣшенію вопросовъ во разныхъ отрасляхъ чловѣческаго знанія, или уничтоженію противорѣчій, которыхъ не могли не породить его ученые и художественные проекты, по своей необъятности и даже, какъ иногда казалось, по своей неслѣдственности. Онъ произвелъ множество моделей и рисунковъ, изъ которыхъ, въ однихъ доказывалъ, что можно срыть наизъ прорыть гору и соединить двѣ долины, въ другихъ объяснялъ, какимъ образомъ, посредствомъ рычаговъ, винтовъ и канатовъ, приподнимать и двигать ужаснѣйшія тяжести, или, какъ, съ помощью насосовъ и дѣкъ, очищать отъ наносныхъ песковъ цѣлый заливъ и поднимать воду. Словомъ, голова его была въ вѣчной работѣ. Отъ его проектовъ сохранилось бездна рисунковъ и чертежей: они разбросаны и ходятъ по рукамъ художниковъ. Я видѣлъ многіе изъ нихъ. Леонардо, для забавы, часто рисовалъ даже веревочные узлы, расположенные такимъ образомъ, что они составляли собою вѣрный кругъ; сохранилась и гравюра одного изъ этихъ рисунковъ, и свидѣтельствуешь, какъ искусно умѣлъ онъ преодолевать эту трудность. Въ серединѣ круга написано «Leonardus Vinci. Academia.» Между его рисунками машинъ, находится тотъ самый планъ, которымъ онъ доказалъ почетнымъ гражданамъ и правителямъ Флоренціи, что можно приподнять на воздухъ ихъ храмъ Санъ-Джованни не повредивъ ни сколько стѣнъ здания. Доводы его, казалось, были такъ убѣдительны, что, пока онъ говорилъ, всѣ невольно соглашались съ нимъ, и не прежде увидѣли невозможность исполненія этой мысли, какъ когда Леонардо оставилъ собрание. Разговоръ Леонардо былъ увлекателенъ, и очаровывалъ слушателей. Несмотря на

свое небогатство и весьма малую плату за работы, онъ однако жъ всегда держалъ прислугу и лошадей, до которыхъ былъ страстный охотникъ, и сверхъ-того имѣлъ маленькія зверинецъ, составленный изъ разныхъ домашнихъ и дикихъ животныхъ, за которыми ухаживалъ самъ съ особенною заботливостью и вниманіемъ. Часто, гуляя по рынкамъ, гдѣ продавали птицъ, онъ скупалъ ихъ, платилъ не торгуясь все, что запрашивали, и тотчасъ же выпускалъ на волю невинныхъ затворницъ.

Природа щедро одарила Леонардо: возвышенною и великимъ родъ искусства, неподражаемымъ въ своихъ созданіяхъ, онъ творилъ, убеждалъ и исполнялъ съ одностороннимъ достоинствомъ гения. Впрочемъ, это знаніе дѣла и необыкновенныя способности Леонардо и были, кажется причиною того, что онъ начиналъ множество вещей и ничего неоканчивалъ. Онъ какъ-будто боялся, что, окончивъ работу, никогда не достигнетъ до той высокой степени совершенства, къ которой призывалъ его гений; какъ-будто боялся, что ему измѣнитъ опытная рука, и онъ не будетъ въ состояніи передать затѣйливыхъ трудностей и всей утонченности своего прихотливаго воображенія. Въ этомъ сомнѣніи, или, такъ сказать, капризномъ расположеніи духа, Леонардо вдругъ оставлялъ свое художническое призваніе и предавался философическому изученію природы, узнавалъ свойства растений; занимался изслѣдованіями движеній солнца, луны и звездъ, какъ-бы отыскивая утѣшеніе и развлеченіе въ новомъ родѣ занятій. Я уже говорилъ, что Леонардо учился рисовать у Андреа дель-Веррочіо. Разъ, какъ-то, Андреа поручилъ ему написать ангела въ своей картинѣ «Крещеніе». Работа Леонардо была далеко выше произведенія учителя, и Андреа, сознавъ превосходство ученика своего, съ отчаянія бросилъ навсегда живопись.

Леонардо поручили слѣзать картонъ, съ котораго назначено было выткать обои золотомъ и шелками для короля португальскаго. Картонъ этотъ изображалъ Адама и Еву въ моментъ грѣхопаденія, и художественное его исполненіе было удивительное. Леонардо, одною растушковой и краснымъ карандашомъ нарисовалъ чудесную кар-

тину, раскинулъ цвѣтами сады, украсилъ ихъ роскошнѣйшими деревьями, исиестрилъ цвѣтами самыми разнообразными, и отдѣлалъ ихъ съ неизмовѣрнымъ искусствомъ. Замѣчательнѣе всего въ этомъ рисункѣ было фиговое дерево, красоты и стройности восхитительной, и такъ похожее на живое, что могло бы обмануть глазъ зрителя. Картона былъ совсѣмъ готовъ, но оба дѣлать отдумали, и работа Леонардо перешла въ домъ Октавіана Медичи, гдѣ и теперь находится.

Разсказываютъ, что какой-то мужикъ, сдѣлавъ круглый большой щитъ фигового дерева, просилъ серъ Піетро да-Винчи заставить сына разрисовать его. Тотъ согласился охотно, потому что очень часто имѣлъ надобность въ этомъ мужикѣ, который былъ искусный стрѣлокъ и зналъ прывольныя мѣста для охоты изѣста. Серъ Піетро велѣлъ принести щитъ къ себѣ въ Флоренцію, и, не говоря откуда взялъ, поручилъ сыну написать на немъ, что вздумается. Леонардо сострогалъ одну сторону щита, загрунтовалъ бѣлой краской, и вздумалъ нарисовать что-нибудь страшное, необыкновенное. Но это ему нужно было съ чего-нибудь срисовать, потому что онъ никогда не писалъ иначе какъ съ натуры: а гдѣ взять «натуру» для уродливаго и страшнаго до такой степени, что уже и не естественно? Однако жъ, Леонардо не сталъ долго думать: наловилъ насѣкомыхъ, стрекозъ, саранчи, кузнечиковъ, летучихъ мышей, змѣй, ящерицъ, и составилъ изъ всѣхъ этихъ труповъ подобіе живаго, фантастическаго и страшнаго чудовища. Онъ представилъ его какъ-бы въползающимъ изъ мрачной расщелины скалы: струя чернаго яду лилась изъ его пасти, тлетворное дышаніе, казалось, заражало воздухъ, глаза горѣли пламенемъ, и дымъ клубомъ вырывался изъ широкихъ ноздрей. Словомъ, самая чудовищная фантазія одушевила кисть Леонардо, но тѣмъ не менѣе изъ-подъ нея вышло извѣстное произведеніе. Во время работы Леонардо страдалъ ужасно отъ запаху мертвыхъ животныхъ, но, затывѣвъ разъ изобразить страшнаго чудовища, онъ не хотѣлъ отстать не исполнивъ заданной себѣ задачи. Между-тѣмъ Серъ Піетро ужъ былъ о заказѣ, и не напоминалъ объ немъ. Леонардо, дождавъ работу, пригласилъ отца зайти въ мастерскую, на не ска-

зѣ за чѣмъ. Въ назначенное утро серъ Піетро пришелъ. Леонардо успѣлъ поставить картину страшилища прямо противъ двери; и въ настоящемъ свѣтѣ, такъ, что, при первомъ шагѣ въ комнату, она должна быть непременно кинуться въ глаза. Серъ Піетро вошелъ, перепугался и опречетью кинулся было изъ мастерской, но Леонардо удержалъ отца. «Постойте, постойте батюшка, сказалъ онъ: это вашъ щитъ; ваша картина, и именно съ такимъ эффектомъ, какова я хотѣлъ добиться: возьмите же ее....» Послѣ этого серъ Піетро пересталъ бояться, и, напротивъ, принялся восхищаться работою своего сына, находилъ ее чудесной; замысловатой; потомъ, разумѣется, взялъ себя, а мужику купилъ у лавочника другой щитъ съ изображеніемъ *сердца, пронзеннаго стрѣлою*, которымъ тотъ не могъ пародовать. Серъ Піетро, не говоря ни слова, продалъ произведеніе свое за сто червонцевъ флорентинскимъ купцамъ, которые тутъ же перепродали его за триста герцогу миланскому.

Около того времени Леонардо написалъ образъ «Божія Матерь», принадлежавшій папѣ Клименту VIII. Между прочими достоинствами и превосходными подробностями этой картины, замѣчательнѣе графинъ съ цвѣтами, еще орошенными росю. Цвѣты такъ свежи, такъ ярки и живы, что кажутся натуральными. Онъ для своего искреннаго друга, Антоніо Сеньи, нарисовалъ также, на листѣ бумагъ, Нептунъ на колесницѣ, влекомой морскими чудовищами. Нептунъ дышитъ, а море шумитъ и стонетъ, взволнованное драконами и дельфинами. Рисунокъ этотъ былъ подаренъ Фабіемъ, сыномъ Антоніо Сеньи, сеньору Джованни Гамбъ, съ слѣдующимъ эпиграфомъ :

Pinxit Virgilius Neptunum, pinxit Homerus,
Dum maris undosi per vada flectit equos.
Mente quidem vates illum conspexit uterque;
Vinctus est oculis, jureque vincit eos.

Писалъ Виргилій Нептуна, писалъ и Гомеръ, въ тотъ моментъ онъ былъ править лошадьми развзжая по бушующему морю; но другой видѣлъ его, какъ поэты, только въ воображеніи; первый видѣлъ глазами, и потому легко побѣдилъ ихъ обо-

Леонардо задумалъ тоже написать масляными красками голову Медузы, и вмѣсто волосъ обвилъ ее змѣями. Выдумка самая странная, какую только можно себя представить: но для совершеннаго ея исполненія нужно было много времени, а Леонардо не любилъ тратить его на отдалку, и она такъ и осталась, незаконченною, и находится теперь въ драгоценной коллекціи герцога Козьмы, гдѣ есть также другое произведеніе Леонардо, фигура ангела, который держитъ одну руку на груди, а другую поднимаетъ и протянулъ впередъ: ракурсъ этой руки отъ плеча до локтя изумительно вѣрно.

Кстати, замѣчу объ особенной манерѣ живописи да-Винчи: фигуры его картинъ выдаются впередъ: но какого смѣшенія свѣту и тѣни стоило произведеніе этого эффекта! Странный человекъ! онъ искалъ, и думалъ найти, для своихъ фоновъ цвѣтъ еще темнѣе чернаго, чтобы придать болѣе блеску освѣщеннымъ частямъ картинъ. Ему доводилось, и очень часто, выбирать самую темную краску, усиливаясь оттого, что дневной эффектъ становился ночнымъ, свѣтъ огнемъ, блескъ солнечнаго луча мерцаньемъ пламени.

Встрѣча съ какимъ-нибудь человекомъ странной наружности, или съ необыкновенной прической и бородой, былъ для да-Винчи наводной; онъ, незаметно, слѣдилъ за этимъ человекомъ въ дальнѣе днѣмъ, посмотрѣвши, рисовалъ его портретъ такъ скоро, такъ вѣрно съ натурою, съ такими подробностями физиогноміи, какъ-будто цѣлый вѣкъ прожилъ съ нимъ въѣсть. Такихъ образовъ Леонардо слѣдуетъ изнѣжество этюдовъ мужскихъ и женскихъ головъ. У меня есть нѣсколько изъ нихъ, начерченныхъ перомъ. Сверхъ-того, я знаю еще одну превосходную голову старика, Америго Веспучи, слѣзанную углемъ, и голову Скарипца, капитана изъ Цингани, принадлежащую синьору Домато Бальдамбрини изъ Аредцо, монаху Святаго Лаврентія. Въ числу этихъ этюдовъ, надобно отнести и карикатуры въ безчисленномъ множествѣ разсыпанныя въ Флоренцію, изъ которыхъ одна другой забавнѣе и остроумнѣе. Давидъ ихъ, Леонардо говаривалъ, что «Карикатуры должны быть такъ смѣшны, чтобы и мертвые хохотали глядя на нихъ».

Въ 1492 году Леонардо, напутствуемый своей славой, прихалъ въ Миланъ и былъ представленъ герцогу Людовику Моро, управлявшему за малодѣтствомъ Іоанна Галеацио. Между прочими придворными увеселеніями, въ которыхъ принималъ участіе Леонардо, Людовикъ, какъ страстный охотникъ до музыки, пригласилъ его играть на лиръ. Инструментъ Леонардо былъ замѣчательнъ по устройству, и весь окованъ серебромъ: онъ походилъ формою на лошадиную голову, отличался необыкновенною ясностью и чистотою звуковъ. Леонардо съигралъ и, въ добавокъ къ искусной игрѣ, далъ волю своей импровизациі и одержалъ верхъ надъ всеми присутствовавшими при этомъ пиръ музыкантами. Людовикъ приведенъ былъ въ восхищеніе, и еще болѣе увлеченъ легкостью и пріятностью разговору своего знаменитаго гостя: онъ полюбилъ его всею душою, осыпалъ похвалами, и тотчасъ же заказалъ ему множество работъ, въ томъ числѣ «запрестольный образъ», Рождество Христово, картину, которая вышла лучше другихъ и впоследствии была подарена Людовикомъ императору. Въ Миланѣ Леонардо взялся также написать для доминиканцевъ, въ монастырь *Santa-Maria-delle-Gratie*, свою знаменитую картину *Тайная Вечеря*. Изображая Апостоловъ, онъ придалъ ихъ лицамъ такое величіе и благородство, что самъ изумился и, воображая что уже будетъ не въ силахъ выразить божественную красоту на лицъ Спасителя, оставилъ его недописаннымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она находится и понынѣ. Но, какъ бы то ни было, кончено ли совершенно это произведеніе или нѣтъ, всё-таки оно останется навсегда славою Миланцевъ и предметомъ любопытства и благоговѣнія для всякаго. Да и можетъ ли быть иначе? Сколько экспрессіи въ лицахъ Апостоловъ, сколько жизни въ каждой ихъ чертѣ, позѣ! Какъ живо выражается въ нихъ и желаніе узнать въ своемъ кругу будущаго предателя, и смущеніе, и любовь, и негодованіе, и наконецъ горестъ, что они не видятъ постигаютъ мысль Божественнаго Учителя! Потому, какой удивительный контрастъ составляетъ эта суровая, полная ненависти, фигура Іуды! А ужъ, въ числѣ достоинствъ этой картины, нечего и упоминать о точности отдаленныхъ маляшихъ подробностей: взгляните только на скатерть, на каж-

дыи ея узоръ , и вы поймете всю отчетливость и вѣрность, которыми водили кистью Леонардо!

Разсказываютъ, что пріоръ того монастыря, гдѣ Леонардо работалъ, не давалъ ему покою, и безпрестанно торопилъ скорѣе окончить картину. Прострдушный доминиканецъ удивлялся, зачѣмъ это Леонардо проводить цѣлые дни въ разсматриваніи своего произведенія, и требовалъ отъ художника, чтобы онъ, какъ какой-нибудь поденщикъ или ремесленникъ, не выпускалъ изъ рукъ кисти. Картина, однако жъ, не шла отъ этого ни тише ни быстрѣе, несмотря на безпрестанную докучливость пріора. Наконецъ доминиканецъ разсердился и пожаловался принцу. Леонардо призвали къ Людовику, побранили, какъ водится, за медленность, но и не забыли дать замѣтить художнику, что выговоръ этотъ былъ сдѣланъ болѣе для формы и для того чтобы успокоить раздосадованнаго пріора. Леонардо оправдывался и объяснилъ принцу, что иногда медленность труда художника зависитъ не отъ него; что медленность эта неопытна, для людей не посвященныхъ въ таинства искусства; что таланты и гении тогда-то и производятъ много, когда другимъ кажется, что они ничего не дѣлаютъ; что однимъ размышленіемъ можно дойти до великихъ результатовъ, и что ручная работа есть только передача образовъ, созданныхъ уже прежде въ мысли. Леонардо окончилъ свою защитительную рѣчь шуткой: сказалъ принцу, что главною причиною очевиднаго замедленія картины — невозможность найти натурщика для головы Іуды, и что если ужъ не отыщется лучшей, то возьметъ голову безотвязнаго пріора. Герцогъ расхохотался и отпустилъ художника съ обыкновенною ласкою. Пріоръ по-неволѣ утомился, а Леонардо принялся за работу и кончилъ ее успѣшно: не дописана одна только голова Спасителя.

Это прекрасное произведеніе по идее и по исполненію, чрезвычайно понравилось французскому королю, и онъ захотѣлъ; во что бы то ни стало, приобрести его для своей столицы. Для исполненія этого намѣренія король рѣшился даже на самыя непопозволительныя средства: подговаривалъ и подкупалъ нѣкоторыхъ архитекторовъ, чтобы они взяли похитить и перенести ее со всею возможною осторож-

ностью, не щадя ни денегъ, ни прислуги, ни даже войска, если бы оно понадобилось; но по-счастью живопись была на стѣнѣ, и король французскій долженъ былъ остаться при одномъ желаніи. Картина эта хранится въ Миланѣ какъ первѣйшее право на славу и драгоцѣннѣйшее сокровище го-рода.

Однако жъ Леонардо не всё занимался одной этою картиною: онъ не работалъ ея постоянно, а въ то же время написалъ еще два замѣчательные фреска, въ древнемъ стилѣ, въ той же са-мой церкви, по лѣвую и по правую сторону трапезы, изображающіе Страсти Господни, и сдѣлалъ портреты герцога Людовика, герцогини Беатрики, и сыновей ихъ, Максимилиана и Франциска. Ничего не можетъ быть восхитительнѣе головокъ двухъ этихъ маленькихъ принцевъ, которые, впоследствии, оба правительствовали въ Миланѣ.

Около того же времени да-Винчи предложилъ герцогу вылить бронзовую лошадь, подъ статую отца его, герцога Франциска, и сдѣлалъ модель въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что впоследствии не было ни какой возможности привести ея въ исполненіе.

Судьба великихъ — тоніевъ быть всегда предметомъ толковъ и рассудковъ: Леонардо не избѣгъ преславоушній посредственности; явились даже охотники поссорить его съ герцогомъ, и они-то распустили слухъ, что будто Леонардо, въ насмѣшку своему покровителю, затаялъ эту лошадь, до того невозможную въ исполненіи, что и ребенокъ, съ перваго взгляду, можетъ увидѣть всю несбыточность отливки такого коня, особенно съ одного разу и цѣльнаго, какъ предполагалъ да-Винчи, а не по частямъ, какъ это водилось обыкновенно. Многіе повѣрили этимъ ложнымъ слухамъ и вооружились противъ Леонардо, между-тѣмъ какъ таже самая привычка никогда ничего не оканчивать, никогда не быть вполне довольнымъ своимъ созданиемъ, въявѣ сомнѣніе въ своихъ силахъ и способности къ окончательному исполненію задуманной идеи, было и въ этомъ случаѣ причиною несостоятельности Леонардо; онъ, какъ говоритъ Петрарка: «*Talchè l'opera fusse, ritardata dal desio?*»

Были, однако жъ, и безпристрастные люди, которые вы-

для модели изъ глины колоссальной вѣтъи Леонардо, въ сказывали объ ней какъ о чудѣ искусства и римоваго-градодѣла. Модель эта сохранилась до начала войны и нашествія Французовъ, которые расколотили ее въ куски. Изъ этого времени надобно отнестъ и истребленіе небольшой модели, сдѣланной имъ изъ воску и папки, съ его же этюдами анатоміи лошади.

Леонардо вообще страстно любилъ заниматься изученіемъ анатоміи, преимущественно человеческого тѣла, и, работая вмѣстѣ съ синьоромъ делла-Торре, пользовался во многихъ случаяхъ его совѣтами и наставленіями.

Марко Антоніо делла-Торре, глубокій и ученый философъ, бывшій профессоромъ въ Павіи, занимался, какъ я слышалъ, кромѣ философіи, еще медициной, которой принесть много пользы. Ученый и художникъ, каждый съ своими средствами, погрузились въ изученіе науки Иппократа, и плодомъ ихъ общей дѣятельности была превосходная книга анатомическихъ рисунковъ, которые сдѣлалъ Леонардо красными карандашомъ, обведя и проштриховавъ ихъ мастерски перомъ. Первое отдѣленіе этой книги составляютъ этюды остеологическіе, нѣкоторые сдѣланы этюды нервовъ и мускуловъ, съ показаніемъ нижняго, сердца и верхняго ихъ цѣста. При каждомъ рисункѣ и описаніи приложено тридцать, въ видѣ объясненія, каллиграфическіи буквы, такъ странно расположенными, что, по цѣлымъ привычкамъ, нельзя прочесть ихъ иначе какъ въ зеркало.

Большая часть этихъ анатомическихъ рисунковъ принадлежитъ теперь синьору Франческо да-Мельцо; миланскому дворянину, благороднѣйшему и добрейшему человеку, котораго Леонардо зналъ еще ребенкомъ и очень любилъ. Смотри на эти рисунки, нельзя не удивляться, какъ Леонардо могъ все знать въ такой степени совершенства. Франческо хранитъ ихъ какъ драгоценные остатки друга своего детства, вмѣстѣ съ портретомъ этого незабвеннаго человека. Леонардо оставилъ еще книги, написанныя лѣвою рукою, на выворотѣ. Въ этихъ книгахъ Леонардо разсуждаетъ о живописи, тайнѣ колориту и о правилахъ рисованія. Эти сочиненія теперь — у миланскаго живописца Н^{го}, моего доб-

раю пріятеля, который недавно былъ у меня въ Флоренціи. Онъ хотѣлъ ихъ нанециать, и нарочно дѣлалъ поухаль въ Римъ, но, не зная, удалось ли ему выполнить намѣреніе.

Французскій король, въ бытность свою въ Миланѣ, просилъ Леонардо сдѣлать для него что-нибудь странное и необыкновенное. Леонардо придумалъ механическую игрушку въ видѣ льва. Левъ прошлея по комнатамъ, и, остановясь, раскрылъ свою грудь, наполненную лиліями.

У Леонардо былъ ученикъ, молодой Миланецъ, Сале. Этого юношу любилъ онъ за необыкновенную красоту и воинственныя мудры. Сале учился хорошо; нѣсколько опытовъ его прекрасной работы хранились въ Миланѣ, но безъ всякаго сомнѣнія Леонардо сдѣлалъ тутъ множество поправокъ: стоитъ только взглянуть на работу, чтобы тотчасъ же увидѣть кисть великаго художника. Леонардъ возвратился во Флоренцію около того времени, когда монахи Сервиты заказали Филиппино затрапезную картину для церкви Нунціаты. Леонардъ жалѣлъ, что картина заказана не ему, и Филиппино, узнавъ объ этомъ, отказался отъ работы. Леонардъ со всемъ семействомъ переехалъ къ братьямъ Сервантамъ, которые оказали художнику радушій пріемъ и взялись содержать его, пока онъ будетъ для нихъ работать. Дале Леонардо не начиналъ работы, но когда принялся за дело, то въ одинъ присѣсть набросалъ картонъ и выставилъ его на показъ народу. Картонъ изображалъ Богоматерь, Святую Анну, Спасителя и Іоанна. Взатоки были въ восторгъ, и даже простой народъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на великую мысль художника. На лицѣ Богородицы сіяла прелесть неземная и то высокое смиреніе, которое можетъ быть свойственно только Матери Божіей. Она прижимаетъ младенца къ своей груди, и съ ангельскимъ веселіемъ смотритъ на невинныя игры Іоанна Крестителя съ барашкомъ. Въ улыбкѣ Анны тоже неизъяснимая радость: она какъ-бы предвкушаетъ славу Христа, которая отразится на сынѣ ея, Іоаннѣ. Но каждое изъ этихъ лицъ имѣетъ собственную, характеристическую физіономію, и, при всемъ видимомъ сходствѣ, въ тотчасъ отличите Матерь Божію отъ матери Іоанна. После я разскажу, какъ этотъ картонъ попалъ въ

Франциско теперь поговору, пока, и дружокъ работавъ Леонардо. Около того же времени Леонардо написалъ портретъ Джиневры Америкы Бенци. Эта превосходная картина такъ заняла художника, что онъ оставилъ даже работу у братьевъ Сервитовъ, и они должны были снова отдать се Фиделинню, но смерть не позволила Фиделинню исполнить порученія. Окончивъ Джиневру, Леонардо взялся еще писать портретъ съ Моно-Лизы, жены Франческо дель-Джокондо; но работа осталась не конченною, несмотря что художникъ занимался ею четыре года. Этотъ неоконченный портретъ теперь во дворцѣ французскаго короля, въ Фонтенблô. Надобно видѣть голову Моно-Лизы, чтобы понять, до какой степени искусство можетъ подражать природѣ. Самые незамѣтные отбѣнки схвачены съ необыкновенною ловкостью, — и влажный блескъ глазъ, и тѣнь рѣсницъ, и легкая краска около глазъ, которая придаетъ ему столько прелести, и нѣжные тоны пуху, и мягкіе переходы отъ бровей и волосъ къ тѣлу, и ловко намѣченные носъ и предвѣстнѣйшаго носика, и улыбающійся ротикъ, и дышущія губки, и эта дивная шейка, горло, ушки, словомъ, всѣ составныя части очаровательнѣйшей головки: все тутъ есть, и не въ краскахъ только, не въ рисункѣ, ни въ живописи, а какъ-бы въ самой жизни; все дышетъ и живетъ дѣлательно, роскошно, одушевленно, какъ живо изкогда въ натурѣ, передъ глазами художника. Вы просто видите передъ собою женщину, живую, прекрасную, женщину, а не портретъ. Во время сеансовъ, Леонардо сбравъ въ мастерскую музыкантовъ, павцовъ и шутовъ, которые забавляли и смѣшили Моно-Лизу, а этого-то и хотѣлъ художникъ: онъ слѣдилъ за малѣйшимъ движениемъ ея оживленной физиогноміи, и, создавая истинное чудо искусства, избѣгнувъ вялости и однообразія, столь обыкновенныхъ почти во всѣхъ портретахъ.

Послѣ такихъ превосходныхъ произведеній; слава Леонарда до того увеличилась, что все жители Флоренціи захотѣли непременно имѣть что-нибудь отъ него на память, и требовали, чтобы дана была ему такая работа, въ которой бы вполне засіялъ его великій гений. Вслѣдствіе сего положено, между гофалоніеромъ Петромъ Лодерри, и дѣлан

милым гражданам города; поручить ему большую картину для часов: агитационной замя Санта. Леонардо не отказался отъ этого предложения соотечественниковъ, и тотчасъ началъ картонъ въ лавской замя; что въ Санта-Марія-Новелла. Предметомъ картины избралъ онъ поражение Николо-Пиччинино-Фальдино, полководца и герцога миланскаго, и это поражение изобразилъ онъ въ видъ сильной сцены побѣжденныхъ и побѣдителей за знамя. Мгновеніе разительное, достойное кисти великаго художника. Мщеніе, злоба и ожесточеніе одушевляють воиновъ; самыя лошади разделяють съ ними эти чувства: два изъ нихъ, переставившись ногами, грызутся и съ яростью бодають въ грудь одна другую. Знаменосецъ, подавшись впередъ, прищориваетъ лошадь, и тянетъ къ себѣ знамя, еще не теряя надежды отнять его у четырехъ непріятелей. Двое изъ нихъ хотять перерубить древко, но въ это мгновеніе, съ противной стороны, кидается на нихъ старшій солдатъ съ колющей саблей, въ огромной красной шапкѣ: онъ останавливаетъ непріятелей, и бой за знамя начинается съ новымъ остервененіемъ. Все это, какъ нельзя лучше, поддерживаетъ интересъ картины. Подъ ногами у лошадей въ разкурса два воина барахтаются по землѣ въ сильной, ожесточенной схваткѣ: одинъ уже повалилъ противника и кинжалъ надъ нимъ кинжалъ; другой видитъ смерть, и дѣлаетъ всѣ усилія чтобы избѣгнуть опасности. Группа эта превосходна. Нельзя не удивляться, съ какимъ искусствомъ и знаніемъ воинскаго быту, Леонардо составилъ картонъ. Какое разнообразіе въ позахъ, костюмахъ и вооруженіи, и, въ то же время, какое единство въ речитивъ главной идеи и всѣхъ ея частей! Рассказываютъ, будто-бы необычайная величина картона затрудняла сперва тужажка; но, при гибкомъ умѣ и обширности механическихъ свѣдѣній, онъ скоро придумалъ удивительную машину, которая, смотря по надобности, съуживалась и расширялась, поднимала работающаго или опускала внизъ.

Составивъ картонъ, Леонардо началъ писать его масляными красками на стѣнѣ, но загрентовалъ такъ густо, что краска потекла, и испортилъ всю подмалевокъ. Леонардо испугался и бросилъ картину.

Въ каждомъ поступкѣ Леонардо претворялъ необыкновенное благородство души. Однажды, приехалъ онъ къ вассиру за пенсиономъ, который назначалъ ему Пётръ Медерни; вассиръ издумалъ отогнать ему квадратную: Леонардо расценилъ и вынулъ съ помощью денегъ и ушелъ, сказавъ, что онъ не живущица за выданн.и денгами. Потомъ, когда Медерни и другіе стали упрекать Леонардо, что онъ уже начинаетъ и не ованчиваетъ своихъ картинъ, художникъ безъ дальнихъ церемоній собралъ кое-какъ забранную сумму денегъ и отослалъ ее къ Медерни, который однако же не принялъ этихъ денегъ.

Огорченный Леонардо поехалъ въ Римъ, куда приглашалъ его Юліанъ Медичи. Леонъ X былъ только-что избранъ въ папы, но страсть его къ искусствамъ, наукамъ и, въ особенности, къ алхиміи, была уже извѣстна.

Дорогой Леонардо, отъ нечего дѣлать, вырыпалъ изъ весну маленькихъ животныкъ такъ искусно, тонко и легко, что только стоило подуть на нихъ, и слышны поднимались вверхъ и летали до такъ норъ, пока не выходилъ изъ нихъ весь внутренній воздухъ.

Одинъ садовникъ бельведерскій нашелъ престранную ящерицу. Леонардо взялъ ее, приделалъ къ ней крылья изъ чешуи другихъ ящерицъ, и устроилъ такъ, что эти крылья, при малѣйшемъ поворотѣ животнаго, приходили въ движеніе отъ ртути, которою были наполнены. Потомъ онъ вставилъ ей большіе глаза, привязалъ рога, бороду, и, приучивъ къ себѣ, носилъ ее въ коробчкѣ, и выпускалъ только тогда, когда хотѣлъ пошутить пріятелей.

Леонардо страстно любилъ такія штуки. Часто, бываю, велитъ вычистить бараньи кишки, какъ-можно омытые, потомъ одинъ конецъ привяжетъ къ двери, а съ другимъ отправится въ ближайшую комнату, и посредствомъ мѣхокъ раздуетъ кишки до того что по-неволи загонитъ всѣхъ своихъ друзей къ одинъ уголъ, а иногда и вовсе выкинетъ изъ дому.

Между шалостями и полезными изобрѣтеніями Леонардо, искусство и разныхъ способовъ собиранія животныхъ, былъ

сать двѣ замѣчательныя картины : одна изображала бѣгъ-
твое семейство, другая, простаго мальчика, но, съ самою при-
мкательною наружностію. Обѣ эти картины теперь въ
Плани у сэвора Джуліо Туррини.

Левъ X заказалъ тоже Леонарду картину, но художникъ,
вмѣстѣ этой работы, принялся за составленіе новаго лаку,
которымъ хотѣлъ покрыть заказанную картину. Взгля-
нувъ на химическія затѣи Леонардо, папа сказалъ съ при-
скорбіемъ : « Ну ! онъ ничего не слѣзаетъ, потому что ду-
маетъ о концѣ, а не объ началѣ своей работы ».

Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело Буонароти были
большими соперниками. Левъ X призвалъ Микель-Анджело
въ Римъ, и заказалъ ему построить фасадъ Лоренцо. Ми-
кель-Анджело немедленно явился и былъ обласканъ герцо-
гомъ Юліаномъ. Леонардо, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же
уѣхалъ во Францію.

Францискъ I, уже неоднократно видѣвшій работы худож-
ника, встрѣтилъ его съ почетомъ и великою радостью и про-
силъ дописать картонъ Святой Анны. Но Леонардо, по обык-
новенію, отдѣльвался разсказами и обѣщаніями. Потомъ
онъ занемогъ, слегъ въ постель, и чувствуя приближеніе
смерти, причастился святыхъ таинъ. Король часто навѣщалъ
Леонарду во время болѣзни, и присутствовалъ даже при его
кошкнѣ. Во время предсмертнаго пароксизма, король самъ
поддерживалъ его голову и искреннею горестію и участі-
емъ старался облегчить страданія великаго художника. Лео-
нардо умеръ на рукахъ короля, на семьдесятъ пятомъ году
своей жизни.

Потеря Леонардо была ошутительна въ художествен-
номъ мірѣ, потому что никто не дѣлалъ ему столько че-
сти и пользы. Его удивительная красота и оживленная фи-
зическая дѣйствовала увлекательно на самыя печальныя ду-
ши, его сильная рѣчь убѣждала самыя упрямые умы, а фи-
зическая сила могла обуздать самаго дерзкаго выскочку.
Леонардо разгибалъ подкову какъ свинцовую пластинку.
Щедрымъ до мотовства, онъ помогалъ всемъ безъ разбору
и распрасовъ ; былъ честенъ, добръ и великодушенъ.
Родившись въ Флоренціи и впродолженіи многихъ лѣтъ

составляющей ее славу, онъ останется незабвеннымъ въ памяти соотечественниковъ.»

Такъ озаглаживаетъ у Вазари біографію Леонардо да-Винчи. Въ такомъ же духѣ написаны другія жизнеописанія. Въ нихъ есть, можетъ-быть пропуски, недостатки, но ихъ легко пополнить сличеніемъ съ другими біографами. Истинный любитель искусства, и въ особенности художникъ, не обратитъ даже вниманія на эти промахи, но отдастъ полную справедливость простотѣ и достовѣрности повѣствованія отличнаго біографа. Мы возьмемъ еще нѣсколько статей изъ этого еще столь рѣдкаго здѣсь творенія.

=

НЕРВНАЯ СИСТЕМА.

НОВЫЯ ЧТЕНІЯ ГОСПОДИНА МАЖАНІИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ.

Возвратимся къ изученію свойствъ пятой пары нервовъ. Я разрѣжу, по одиначкѣ, у этого кролика каждую изъ трехъ мышей пятой пары, но не тамъ, гдѣ онѣ выходятъ наружу изъ костяныхъ каналовъ, а тамъ, гдѣ отдѣляются отъ Гассера узелка.

Вотъ, *гусиная латка*, образовавшаяся отъ раздѣленія пятой пары на три нерва. Два изъ нихъ, глазной и верхне-челюстной, идутъ отъ узелка, и ихъ трудно отличить одинъ отъ другаго: нижне-челюстной, происходящій прямо отъ мозгу, лежитъ одиноко въ своемъ костяномъ каналѣ. Его мы не смѣшаемъ съ другими.

Я разрѣзываю глазной нервъ. Это былъ одинъ изъ нервовъ пятой пары, потому что животное все-еще кричитъ, несмотря что я давно уже вынулъ инструментъ изъ черепа. Дѣйствительно ли я разрѣзалъ глазную ветвь? Проверить это очень просто. Вся часть лица, подымаясь, совершенно безчувствена. Вѣроятно и левый глазъ тоже? Нетъ, не совсемъ: веки закрываются. Вѣроятно, верхне-челюстной нервъ не поврежденъ: а отъ него идутъ ветви къ соединительной оболочкѣ. Разрѣжемъ и эту вторую ветвь. Но, прежде, убѣдимся, что она чувствительна. Чи

укальзываю верхнюю губу : животное ощущаетъ боль какъ нельзя истиннѣе. Тупою лн иглою я щекочу у него въ носу; животному это непріятно: оно отдергиваетъ голову. Нижне-челюстной нервъ не поврежденъ; въ этомъ увѣряетъ насъ чувствительность всѣхъ частей, въ которыхъ онъ раздѣляется. Языкъ тоже чувствуетъ.

Здѣсь вы видите другаго кролика лежащаго безъ движенія, какъ мертвый. Я хотѣлъ, до лекціи, разрезать ему одну изъ вѣтвей пятой пары, но къ несчастію, игла задела за кровеносную трубочку довольно значительной величины, и произвела кровотеченіе, котораго слѣдствіемъ была апоплексія. Попробуемъ возвратитъ кролику жизнь. Однимъ взмахомъ бистурія, я отдѣляю всю верхнюю часть черепа и нѣкоторую часть мозгу. Посмотрите : животному тотчасъ же стало лучше. По мѣрѣ того какъ давленіе на мозгъ становится меньше, исчезаютъ и апоплексическіе припадки. Теперь все прошло. Опытъ былъ неудаченъ, зато мы имѣемъ доказательство, что главная причина апоплексическихъ припадковъ, просто прижатіе мозгу, и что густая кровь пораженному апоплексическимъ ударомъ, мы только уменьшаемъ давленіе.

Третій кроликъ. Попробуемъ у этого кролика разрезать верхне-челюстной нервъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ входитъ въ каналъ того же имени. Животное не много старо: для операціи такого роду лучше брать молодыхъ кроликовъ, потому что у нихъ черепныя кости не такъ тверды, и, слѣдственно, удобнѣе дѣйствовать инструментомъ. Но, вотъ, я воткнулъ иглу, и попалъ на одну изъ вѣтвей пятой пары, какъ это видно по крикамъ животнаго. Я разрезалъ верхне-челюстной нервъ. Посмотримъ, что за перемены произошли въ чувствительности лица.

Она рѣшительно пропала въ верхней губѣ : я вырвала дичинныя усики, щиплю, режу кожу и мускулы : животное ничего не чувствуетъ. Сравните эту сторону мордочки съ другою : какая разница! Чувствительность глазу, той стороны, гдѣ лежатъ разрезанный нервъ, нѣмнѣлась не много. Животное мигаетъ; зеница расширяется и суживается по-обыкновенію. Это и не удивительно: она получаетъ свои

нервы отъ той вѣтви, которая не разрѣзана. Демонстрируйте тоже, что верхне-челюстной нервъ надѣляетъ нитями ~~зубы~~, а это объясняетъ причину, почему въко не совсемъ лишняя своей чувствительности.

Покромъ этого, замѣйте также, что и въ тѣхъ частяхъ, гдѣ распределяется разрѣзанный нервъ, вмѣстѣ съ чувствительностью исчезаетъ и способность мускуловъ приходить въ сокращеніе. Почему жъ седьмая пара не можетъ дѣйствовать сама собою? почему ей нужна помощь нерва чувствительнаго? Къ несчастію, у насъ больше фактовъ чѣмъ объясненій. Но это не бѣда. Разумѣется, гораздо пріятнѣе постигнуть причину такого чуднаго явленія; но какъ мы не станемъ дѣлать новыхъ организмовъ, то покажемъ вамъ довольно будетъ знать, какъ какая часть дѣйствуетъ: больше ничего. Призваніе врача — исправлять поврежденія машины, а не господствовать надъ ея дѣйствіями: вотъ почему гораздо лучше, въ извѣстныхъ случаяхъ разумѣется, изучить игру отдѣльной какой-нибудь части тѣла чѣмъ напрасно трудиться надъ постиженіемъ законовъ, управляющихъ его общею жизнію. Изъ этого опыту видно, какую роль играетъ пятая пара въ тѣлѣ, и какія вредныя послѣдствія обнаруживаются въ тѣлѣ, когда онъ будетъ поврежденъ. Теперь слѣдуетъ рассмотреть, взаимныя отношенія нерва пятой пары къ нерву личному и обратно.

Личной нервъ, или седьмая пара, вырастаетъ изъ передней части полосатыхъ тѣлъ, входитъ въ слуховой каналъ и выходитъ изъ черепа черезъ дырочку, *foramen acustico-mastoideum*, въ височныя кости; потомъ раздѣляется на двѣ вѣтви височно-личную и шейно-личную. Вблизи Фаллопиева канала, личной нервъ получаетъ отъ Видіева нерва сообщительную ниточку. Сливаются ли они въ одинъ нервъ или только соединяются? Нѣкоторые думаютъ, что барабанная струна не что иное какъ Видіевъ нервъ, вновь отдѣлившійся отъ личнаго. Мы рѣшимъ этотъ вопросъ опытомъ. Какъ бы то ни было, барабанная струна проходитъ въ барабанной полости, между рукояткою молотка и вертикальною ножкою наковольни, и, вышедши черезъ Эльзерову расщелинку, соединяется съ лѣвѣйшимъ нервомъ вѣтвию пятой пары.

Седьмая пара, какъ сказано, раздѣляется на двѣ вѣтви. Вѣтвь височно-личная; лежащая сначала въ срединѣ околоушной желѣзы, получаетъ вблизи отростка нижней челюсти небольшую но чрезвычайно важную вѣточку отъ верхне-челюстного нерва пятой пары. Соединеніе седьмой пары съ этою вѣточкою и Видіевыкъ первомъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ анатомическихъ ея особенностей, послужить намъ впоследствии къ объясненію некоторыхъ явленій вліянія пятой пары на седьмую. Височно-личная вѣтвь раздѣляется на лбу, вискахъ, въ вѣкахъ, щекахъ, въ ноздряхъ, въ верхней губѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ слояхъ мускуловъ, лежащихъ на лицѣ.

Вѣтвь шейно-личная, лежащая сначала тоже въ околоушной желѣзѣ, раздѣляется, при углѣ нижней челюсти, на множество нитей, въ нижнихъ частяхъ щекъ и верхнихъ шей. Ея вѣточки идутъ къ щечнымъ мускуламъ къ нижней губѣ и подбородку, и учреждаютъ соединеніе съ шейнымъ сплетеніемъ.

Между первомъ пятой пары и первомъ седьмой — та разница, что одинъ раздѣляется въ общихъ покровахъ, а другой въ мускулахъ.

Теперь, когда вы имѣете понятіе объ анатомическомъ раздѣленіи личнаго нерва и объ его отношеніяхъ съ пятою парю, мы можемъ приступить къ опытамъ, имѣя однако въ виду, что у животныхъ этотъ нервъ можетъ раздѣлиться иначе чѣмъ у человека.

У этого кролика я разрѣзалъ верхне-челюстный нервъ въ глазной ямѣ. Операция очень простая. Я захватываю иглою и разрываю нервъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ входитъ въ верхне-челюстный каналъ. Что дѣйствительно это онъ, въ томъ убѣждаютъ меня особенное чувство боли, обнаруживаемое животнымъ во время разрѣзу, и нечувствительность всѣхъ частей лица, въ которыхъ онъ распределяется. Я имѣлъ намѣреніе разрѣзать правый нервъ: удалась ли мнѣ операция?

Я вкладываю въ правую ноздрю иглу, и улачиваю внутреннюю оболочку: животному не вредно; это только въ

время, когда я направлю инструментъ въ верхне-челюстную носовую полость, гдѣ находится рѣшетчатая ниточка: чувствительнаго нерва. Вся прочія части лица чувствительны по-прежнему, потому что нервныя нити, которыя въ нихъ раздѣляются, начинаются отъ верхне-челюстнаго нерва выше того мѣста, гдѣ сдѣланъ разрывъ.

Верхняя губа не чувствительна. Я щиплю ее, рву ушную: животное ничего не чувствуетъ. Въ соединительной глазной оболочкѣ чувствительность очень мало перемѣнилась, потому что нити, идущія сюда, почти весь происходятъ отъ главной вѣтви. Изъ этого можно смѣло заключить, что верхне-челюстной нервъ перерезанъ по-поламъ. Посмотримъ, въ какомъ состояніи чувствительность седьмой пары, и постараемся донестись, не амсиотомическія ли нити соединяютъ нервы личнаго нерва съ пятою парюю, и какія.

Я обнажаю стволъ личнаго нерва въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ выходитъ изъ околушной желъзы. Вотъ двѣ ея вѣтви: верхняя, толстая, идущая вверхъ, и нижняя, поменьше, которая наклоняется внизъ. Третьей вѣточки не видно: она лежитъ выше, и позади околушной желъзы и ушной раковины, и назначена для уха и верхней части головы.

Я укальваю среднюю вѣточку личнаго нерва, ту, которая переходитъ черезъ жевательный мускулъ и раздѣляется въ верхней части лица: она чувствительна.

Посмотримъ, какова чувствительность въ той вѣтви, которая соединяется съ первымъ подглазнымъ? Она нечувствительна, потому что чувствительность свою височной вѣтви нервъ заимствуетъ отъ сообщительныхъ нитей верхне-челюстнаго нерва. У кроликовъ эта ниточка идетъ даже до верхней губы. Я отдѣляю ее, укальваю: она чувствительна; укальваю въ другомъ мѣстѣ: то же самое. Но вѣтвь, отъ которой эта ниточка происходитъ, чувствительна; когда я щиплю ее, животное очевидно страдаетъ.

Изъ этого я заключаю, что конецъ средней вѣтки личнаго нерва прлучаетъ свою чувствительность отъ соединительныхъ нитей пятой пары, вблизи подглазной дырочки; между тѣмъ какъ до того мѣста чувствительность сообщительныхъ нитей пятой пары.

идется ветвью височно-ушной, а может-быть и Видевою ниткою.

Облажмъ личнѣй нервъ на правой сторонѣ. Но, прежде, я хочу разрѣзать верхне-челюстной нервъ на той же сторонѣ. Я ввожу въ глазную яму небольшую иглу, загнутую крючкомъ; подвигаю ее впередъ по нижней плоскости этой впадины, пока не дойду до нерва: я его захватилъ, и раздираю. Нервъ совершенно разрѣзанъ. Животное кричало; это очень естественно: я поранилъ одну изъ ветвей пятой пары. Вся части лица, гдѣ раздѣляется верхне-челюстной нервъ, стали рѣшительно безчувственны.

Теперь слѣдуетъ отдѣлить ветви личнаго нерва одну отъ другой, и разрѣзать каждую по-поламъ, чтобы, уколовши которой-нибудь изъ концовъ, знать навѣрное, откуда идетъ чувствительность.

Я явственно различаю обѣ поперечныя ветви седьмой пары. Верхняя чувствительна: это такъ и должно быть. Вероятно, то же будетъ и съ нижней. Но, нѣтъ: я ее щиплю, а животное ничего не чувствуетъ. Отчего жъ это? Не знаю. Въ чувствительности верхней ветви седьмой пары мы убѣдились; будемъ продолжать опытъ надъ нею.

Я разрѣзываю ее: животное кричитъ. Я схватываю конецъ обращенный къ мозгу: онъ очевидно чувствителенъ. Я щиплю конецъ наружный онъ безчувственъ. Ясно, что къ личному нерву чувствительность передается отъ мозга. Но дѣйствительно ли она идетъ по сообщительнымъ веточкамъ пятой пары? Я разрѣзываю пятую пару въ черепъ. Животное застонало. Глазъ сдѣлался безчувственнымъ. Я щиплю черепный конецъ верхней ветви личнаго нерва: чувствительности больше нѣтъ; она исчезла совершенно. Почему? Я не вижу другой причины кромѣ той, что личному нерву чувствительность доставляется посредствомъ сообщительныхъ нитей пятой пары, именно, ушною и Видевою ниткою. Что ушная нитка, дѣйствительно, есть сообщительная, въ томъ вся согласны; но въ отношеніи къ Видеовой думаютъ иначе. Чтобы рѣшить этотъ споръ, вотъ чтѣ я придумалъ. Я уколю барабанную струну въ барабанной полости, и посмотрю, чувствительна ли она, когда щип-

та пара не разрезана; потомъ разрежу пятую пару, и снова попытаю чувствительность барабанной струны. Если ничего не вышло, если чувствительность въ барабанной струне останется прежнею, это будетъ значить, что Видиева ниточка, не только не принимаетъ участія въ образовании барабанной струны, но и совершенно сливается съ макулою личнаго нерва.

Идемъ теперь къ операци. Вы не забыли, я думаю, ввести пятую пару, на правой сторонѣ; еще цѣль, а на левой разрезать. Это намъ и нужно.

Я ввожу иглу въ правый слуховой проходъ. Операция очень трудная, и делать ее не ловко. При малѣйшемъ прикосновеніи инструмента къ чрезвычайно чувствительной оболочкѣ, выстилающей ушной проходъ, животное трясется головою, и, чтобъ не сдѣлать опасной раны, инструментъ должно тотчасъ же вынимать.

Я, лучше, просто разрежу весь ушной хрящъ, и потомъ пробью барабанную перепонку. Это жестоко, правда, но зато мы можемъ върше слѣдовать за ходомъ инструмента. Я разрезаю правое ухо на двѣ части, на трѣхъ сторонахъ гдѣ пятая пара цѣла: вотъ барабанная перепонка. Я ее прокалываю. Инструментъ вошелъ въ барабанную полость: животное, какъ кажется, страдаетъ. Я поворачиваю инструментъ во всѣ стороны, и увѣренъ, что укололъ уже барабанную струну, а между-тѣмъ животное очень мало выказываетъ страданій. Значить, что, когда пятая пара не повреждена, то барабанная струна, или мало чувствительна, или вовсе безчувственна. Основываясь на этомъ фактѣ, можешь допустить, чтобы мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ барабанную струну за продолженіе Видиевой ниточки, было справедливо? Если Видиевъ нервъ происходитъ отъ чувствительнаго нерва, я не вижу причины, почему бы онъ сталъ чувствителенъ соединясь съ седьмою парю. Мнѣ кажется, напротивъ, что барабанная струна есть вѣточка пятой пары, а не пятой.

Идемъ къ лѣвому уху. Я разрезаю раковину по-полю. Вы видите, какъ чувствительны всѣ эти части, несмотря на то, что пятая пара разрезана. Это и не удивительно:

ушная раковина получает осязательныя нити от пятого сплетенія, которое дало.

Дукавава. лавуа: барабанную струну : она почти так же безчувствительна ; какъ и права. Очевидно , что нити должны быть : иначе , какъ бы она могла одытаться чувствительною после разрыва , если бы до-того была безчувственною ?

Основываясь на одномъ этомъ опыте , можно уже само утверждать , что барабанная струна не имеетъ никакой общей связи съ пятою парею. Но вопросъ еще не решен окончательно.

Представьте себѣ только , что барабанная струна — вовсе совершенно особеннаго рода. Зачемъ лежить она враспадъ воздуха ? Тонкія оболочки , которыя она окружена , не могутъ воспротивляться воздуху , каотся до нея . Это для необходимо : безъ того она перестаетъ действовать ; струна портится , какъ это бываетъ при засореніи Евстахіевой трубы. Вотъ почему мы не можемъ еще проводить себя никакого рѣшительнаго заключенія объ ея свойствахъ.

Второй проликъ. Сдѣлаемъ еще опытъ и посмотримъ , откуда занимаетъ седьмая пара своего чувствительность. Я разрываю верхне-челюстной нервъ при входѣ его въ верхне-челюстной каналъ. Если чувствительность личнаго нерва зависитъ отъ соединительныхъ ниточекъ нерва подлѣжнаго , онъ не долженъ быть чувствителенъ , потому что верхне-челюстной нервъ теперь перерезанъ. Я улавливаю верхнюю ветвь личнаго нерва , при выходѣ ея изъ слезной железы. Она такъ же чувствительна , какъ была до операціи , — результатъ , знакомый намъ изъ предидущихъ опытовъ. Но между нервами личнаго и подлѣжнаго нѣтъ нити для нижней части седьмой пары. Эта веточка , будучи посылена верхней , идетъ къ нижней губѣ и не имѣетъ связи съ подлѣжною ветвью ; следовательно , ее разрывъ не можетъ имѣть вліянія на чувствительность. Я улавливаю нижнюю ветвь личнаго нерва. Она позерена своего чувствительность! Что это такое? Но быть можетъ она не чувствительна по своей природѣ? Если такъ , то я ошибся , сказавъ , что она имѣетъ чувствительность. Мы уже заметили , что

справное движение у другого кролика. Теперь видно, что и Ботторрица, независимо сказавъ, будто это дѣло случая и недостойно вниманія. Если видна вѣтвь личнаго нерва въ самомъ дѣлѣ безчувственная, это будетъ фактъ, достойный замечанія. Посмотримъ, что это такое?

Я обнажаю личной нервъ на лѣвой сторонѣ, гдѣ вѣтви пятой пары цѣлы. Укалываю верхнюю: она чувствуетъ. Укалываю нижнюю: она совершенно безчувственна. Тутъ нельзя уже сказать, что уничтоженіе чувствительности седьмой пары произошло отъ поврежденія пятой, потому что въ вѣточкѣ послѣдней цѣлы.

Повторится ли этотъ феноменъ? (Третій кроликъ). Я съ большими предосторожностями обнажаю обѣ вѣтви седьмой пары, и, сколько возможно, стараюсь не разрывать ниточки, которыя соединяютъ ихъ съ сосѣдними частями. Нервъ долженъ быть цѣлъ во всѣхъ своихъ подраздѣленіяхъ, чтобъ мы не имѣли права приписать утраты чувствительности поврежденію той или другой его вѣтви. Нервъ отпрепарованъ какъ-нельзя чище: я увѣренъ, что эти два бѣлые снурка принадлежатъ къ седьмой парѣ. Уколемъ ихъ каждый отдѣльно. Верхній снурочекъ долженъ быть чувствителенъ, а нижній нѣтъ. Дѣйствительно, феноменъ повторился. Животное остается спокойнымъ, когда я укалываю нижнюю вѣтвь, и обнаруживаетъ боль, когда я щиплю верхнюю.

Вы замѣтили, что при уколѣ той и другой вѣтви, въ мускулы лица происходятъ сокращенія. Новое доказательство, что седьмая пара — нервъ движенія. Если каждая вѣтвь личнаго нерва имѣетъ способность приводить въ сокращеніе известное только число мускуловъ, то стоитъ уколотъ общій стволъ, чтобъ всѣ они сократились. Вотъ причины, почему, при леченіи параличей лица итальянскомъ, необходимо втыкать иглы въ ту и въ другую вѣтвь седьмой пары. Если вы будете дѣйствовать, подтверждая, только на нижнюю вѣтвь, то верхнія части лица останутся парализованными, пока не направите элетрическаго тока на верхнюю вѣточку. Некоторые мускулы, вѣроятно, тутъ, и вамъ придется развѣ десять повторять сокращенія, пока не оставите ихъ сократиться.

Такая обрисовка, физиологический вопрос рѣшенъ: верхняя вѣтвь седьмой пары чувствительна, нижняя нѣтъ. Остаётся рѣшить анатомическій. Очень вероятно, что объясненіе этого страннаго факта мы найдемъ въ распредѣленіи со-общительныхъ точекъ пятой пары съ седьмою.

Я разрѣжу нижнюю вѣтвь по-серединѣ. Въ минуту разрѣзу животное ничего не почувствовало. Я раздражаю каждый конецъ разсѣченнаго нерва: они безчувственны. Иначе и быть не можетъ. Мышечныхъ сокращеній тоже не замѣтно. Посмотримъ, не измѣнилась ли чувствительность въ верхней вѣтви, отъ перерѣзу нижней. Я щиплю верхнюю: она чувствительна. Я ее разрѣзываю: животное сдѣлало маленькое движеніе, но мускулы, которые прежде сокращались, теперь недвижимы. Напрасно раздражаю я конецъ, соответствующій раздѣленіямъ нерва: онъ утратилъ всю свою чувствительность, и не производитъ сокращеній; другой конецъ, напротивъ, остался чувствительнымъ. Вотъ еще фактъ, совсѣмъ новый, открытіемъ котораго мы обязаны случаю: очевидно, не только что есть нервы чувствительные и нечувствительные, но и что одинъ и тотъ же нервъ можетъ быть чувствителенъ въ однихъ вѣтвяхъ и нечувствителенъ въ другихъ. Это впрочемъ еще гипотеза, которую оправдать долженъ опытъ.

Вотъ молоденькая собачка, у которой лицо, относительно къ чувствительности, раздѣлено на двѣ горизонтальныя половины, верхнюю, рѣшительно безчувственную, и нижнюю, гдѣ чувствительность появляется въ полной своей силѣ. По одной анатоміи можно уже сказать, которая изъ вѣтвей пятой пары разрѣзана, и которая цѣла. Какіе нервы раздѣляются въ глазу, верхней челюсти и другихъ соседнихъ частяхъ? Верхне-челюстной и глазной. Они-то и разрѣзаны. Напротивъ, нижняя челюсть чувствительна: значитъ нижне-челюстной нервъ не тронуть.

Вотъ другая собачка. У ней разрѣзанъ только нижне-челюстной нервъ. Здѣсь чувствительность распредѣлена иначе: нижняя половина лица безчувственна, между тѣмъ какъ верхняя сохранила всю свою чувствительность. Кроме того, у этой собаки нижняя челюсть отвисла; разрѣзанъ

личной чувствительной нервы, мы лишились двигательной способности; нервы, которые раздвоятся въ мышцахъ въ суживъ, ширьныхъ, жевательныхъ и прочихъ.

Некоторые физиологи полагають, будто чувствованія и движенія въ лицѣ зависятъ отъ одной седьмой пары. Опытъ показываетъ, сколько въ этомъ предположеніи истиннаго и сколько ложнаго. Очень справедливо: личной нервъ, действительно, — двигательный нервъ лица, потому что съ разрывомъ его исчезаетъ въ лицѣ всякое движенье, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по какому-то капризу природы, эта способность теряется съ прекращеніемъ вліянія на него пятой пары, хотя она и не даетъ ему этой способности. Почему жъ? Не знаю. Но всё-таки это фактъ, и фактъ неопровержимый: доказательство у васъ передъ глазами. Изъ двухъ собакъ, у одной нечувствительна верхняя часть лица, у другой нижняя. Точно также и движенье у одной прекратилось въ верхней части лица, у другой въ нижней; но и у той и у другой седьмая пара цѣла. Послеъ этого вѣдемъ ли мы право сказать, что личной нервъ имѣетъ способность движенія, независимо отъ всѣхъ другихъ нервовъ? Нѣтъ. Съ разрывомъ пятой пары онъ становится и недвигательнымъ и безчувственнымъ. Онъ сталъ безчувственъ: откуда же получалъ онъ свою чувствительность? Отъ пятой пары. Следовательно, между двигательными и чувствительными свойствами личного нерва та разница, что двигательная способность принадлежитъ собственно ему, но находится только подъ вліяніемъ пятой пары, между-тѣмъ какъ чувствительность перешла къ нему пятою парею исключительно и не составляетъ его природнаго качества.

Вы помните, что у кроликовъ, нижняя вѣтвь седьмой пары не чувствительна. Странный фактъ! Нервъ, если онъ чувствителенъ, чувствителенъ во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ. Это такъ просто, что болѣею частію и не заботятся повторять опытомъ, чувствительны ли другія вѣтви, или нѣтъ, и ошибаются, какъ ошиблись мы, полагая, будто нижняя вѣтвь седьмой пары чувствительна. Я занялся и нашелъ причину этого страннаго явленія.

Нѣтъ сомнѣній болѣе всего въ томъ, что причина этой

разницы въ распредѣленіи чувствительности въ личное нервъ, единственна зависить оттого, какими образомъ я гдѣ пятая пара соединяется съ седьмою. Моему амуручиду господину Бернару, молодому анатому и очень искусному препаратору, очистить для меня личное нервъ у кролика. Вотъ этотъ препаратъ. Вы видите здѣсь тоненькую нервную ниточку: это ушная вѣточка, назначенная соединять пятую пару съ седьмою. Эта вѣточка, простая при началѣ, разделяется вскорѣ на двѣ тоненькія нити, изъ которыхъ одна идетъ къ вертикальной вѣтви личнаго нерва, назначенной для виска и верхнихъ частей головы, другая присоединяется къ верхней горизонтальной вѣтви того же нерва; такимъ образомъ, что изъ трехъ вѣтвей седьмой пары, только одна нижняя не находится въ прямомъ соотношеніи съ пятою. Вотъ причина, по чему эта вѣтвь и нечувствительна. Впрочемъ мы это повѣримъ.

На левой сторонѣ лица, у этого кролика, я обнажаю дѣйствіе личнаго нерва, принявъ всевозможныя предосторожности не повредить сообщительной вѣтвочки, о которой я говорю. Вотъ она. Узнаемъ, въ какой степени чувствительна каждая вѣтвь. Вертикальная вѣтвь чувствительна, средняя тоже: нечувствительна одна только нижняя. Теперь, я разрываю сообщительную ниточку между ушною вѣточкою и среднею вѣтвю личнаго нерва. Животное сдѣлало отъ боли небольшое движеніе: теперь оно успокоилось.

Если я сужу правильно, если источникъ чувствительности седьмой пары дѣйствительно тотъ, какъ я предполагаю, то средняя вѣтвь должна сдѣлаться нечувствительною, между-тѣмъ какъ другія останутся такими какъ были, вертикальная чувствительною, нижняя безчувственною. Я ошибся: средняя вѣтвь такъ же безчувственна какъ нижняя. Поэтому средняя вѣтвь получала свою чувствительность отъ крошечной ниточки, которую мы разрывали? Да! Ушицу къ концѣ ея, соответствующій пятой парѣ, мы должны найти его чувствительнымъ, а ушицу къ прилегающей къ седьмой, безчувственнымъ. Дѣйствительно, такъ и есть.

Вы видите, какъ важно для физиолога не упустить изъ виду ни малѣйшаго элемента, потому что отъ него могутъ

знаете все свойства данного органа. Ибо мы могли сказать, откуда опыты не убедили насъ, что такой тончайшій, нитчатый волосокъ, могъ быть причиною самой важной чувствительности средней вѣтви седьмой пары, которая могла бытъ во сто разъ его больше.

Если подѣ словомъ *анастомозъ* вы будете разуметь соединеніе, такъ сказать, сплавленіе двухъ нервовъ въ одинъ, то увидите чрезвычайную ошибку. Здѣсь пять настоящаго соединенія. Если бы чувствительный нервъ, присоединяясь къ перву нечувствительному, называлъ, такъ сказать, въ себѣ свою чувствительную способность, то помянутой необходимо долженъ бы слѣзаться чувствительный въ равной степени всюду, во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ, какъ и думаютъ тѣ, которые допускаютъ существованіе нервной жидкости. Между-тѣмъ то ли находимъ мы? Нѣтъ. Седьмая пара чувствуетъ только тѣми вѣтвями, которыя получаютъ ниточки отъ пятой. Позвольте мнѣ теперь сказать свое мнѣніе. Вѣточки пятой и седьмой пары соединяясь, только сближаютъ свои нити, каждая изъ нихъ сохраняетъ отдѣльныя свойства того нерва, отъ котораго она происходитъ: такъ нити пятой пары остались нитями чувствительными, а нити седьмой нитями двигательными. Стволю, который изъ нихъ образовался, будетъ стволомъ сложнымъ, составленнымъ изъ нитей двигательныхъ и нитей чувствительныхъ, но не чувствительныхъ и двигательныхъ въ одно и то же время. Разрѣжьте вѣточку, происходящую отъ пятой пары: въ стволѣ останутся только нити двигательныя, а чувствительность исчезаетъ. Она осталась бы, хоть на некоторое время, если чувствительныя нити пятой пары вошли бы, такъ сказать, въ составъ седьмой.

Профессоръ повторяетъ этотъ опытъ еще надъ двумя вѣточками. Результаты одни и тѣ же: верхнія вѣтви седьмой пары чувствительны, нижнія безчувственны.)

Мнѣ пораило одно обстоятельство. Мнѣ пришла мысль разсѣчь главный стволъ седьмой пары. Я нашелъ его чувствительнымъ! Между-тѣмъ, вѣтвь; отъ него происходящая, была безчувственна, когда я разрывалъ соединительную нити.

точку. Отъ чувствительнаго ствола происходятъ чувствительныя ветви! — Это чудо.

Я обнажаю стволъ личнаго нерва, отъ котораго идутъ, какъ вы знаете, двѣ нечувствительныя нити. Я укальваю стволъ: онъ чувствителенъ. Укальваю еще разъ: очевидные признаки чувствительности. Откуда жъ она поступаетъ? Я поднимаю пинцетомъ тоненькую нервную нить; щиплю ее: она уже чувствуетъ. Я увѣренъ, что она присоединяется къ средней ветви седьмой пары, потому что, додиная ее, я поднимаю и среднюю ветвь.

Кромъ Видіевой нити, я не вижу другаго пути, по которому чувствительность могла бы сообщиться седьмой паре, потому что начало этого нерва, до входу своего во внутренней слуховой проходъ, совершенно безчувственно. Но какими образомъ отъ чувствительнаго ствола происходятъ безчувственныя ветви? Я не умѣю этого объяснить: можно только указать на фактъ. Однако жъ, изъ того, что намъ известно о сближеніи нитей различныхъ нервовъ, мы можемъ предполагать, что веточки Видіева нерва входятъ дѣла ствола личнаго нерва, а исчезаютъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ раздѣляется на ветви. Чтобъ сделаться чувствительными, имъ нужно получить отъ пятой пары новыя нити; если этого не будетъ, они останутся безчувственными, несмотря что стволъ, отъ котораго они произошли, чувствителенъ.

Вотъ молоденькая собачка, у которой разрезанъ глазной нервъ. Замѣьте, вся верхняя часть правой половины лица безчувственна. Седьмая пара раздѣляется во всѣхъ этихъ частяхъ: следовательно, она должна также надѣлать ихъ и чувствительностью. Неужели сама она сделалась безчувственной? Я не вижу къ тому достаточной причины: ушная ниточка, которая соединяетъ ее съ пятою парею, происходитъ отъ нерва верхне-челюстнаго; а онъ не разрезанъ. Что съ разрезомъ ствола пятой пары, седьмая лишается чувствительности, это понятно; здѣсь та ветвь пятой пары, которая даетъ седьмой сообщительную ниточку, не тронута: следовательно, личной нервъ долженъ бы быть чувствителенъ! Вероятно, у собакъ, между седьмою и де-

тот парю есть другіе пути сообщенія, какъ у крошкень, чувствительность распределяется только въ тѣхъ нитяхъ, гдѣ бываютъ анестезіи.

Посмотримъ, не осталось ли въ седьмой парѣ еще какихъ-нибудь чувствительныхъ вѣтвей. Будучи назначены для нижней части лица, они должны бы сберечь свою чувствительность; по-крайней-мѣрѣ я такъ думаю.

(Молодая собачка.) У этой собачки я обнажаю вѣтви седьмой пары, при выходѣ ихъ изъ около-ушной железы. Я разрываю кожу и нѣкоторыя мышечныя волокна, не проникаю въ нихъ боли: животное тогда только обнаруживаетъ болезненное ощущеніе, когда инструментъ проникаетъ глубже и касается нижней части щеки. Вотъ толстая вѣтвь личнаго нерва, идущая къ нижней губѣ. Я щиплю ее. Она очень чувствительна. Вотъ другая, которая идетъ къ угламъ и частямъ лица, потерявшимъ чувствительность. Дѣйствительно, она ничего не ощущаетъ. Следовательно, седьмая пара раздѣлена на двѣ части, чувствительную и безчувственную, несмотря что стволъ ея непрерыванъ. Этотъ опытъ доказываетъ, что чувствительность проливается въ седьмую пару не однимъ путемъ, — физиологическій фактъ, котораго нельзя объяснить иначе какъ анатоміей.

Если бы можно было преслѣдовать въ известномъ нервѣ чувствительныя и двигательныя нити, отдѣльно одѣвъ отъ другихъ, и указать точку, гдѣ останавливается ходъ нервныхъ, мы съ достовѣрностью могли бы сказать, что тутъ останавливается и чувствительность и движеніе. Къ несчастію, мы не имѣемъ средствъ отличить однихъ отъ другихъ.

(Черезъ два дня собаки были показаны.) Обратите вниманіе на болезненные перемены, происшедшія въ лицахъ этихъ двухъ собакъ отъ разрыву вѣтвей пятой пары.

У собаки, которой былъ разрыванъ глазной и верхнечелюстной нервъ, глазъ красенъ, слезится, покрытъ гноими мокротами. Прозрачная роговая оболочка побѣлѣла; соединительная перепонка надулась и покрылась зубчатыми наростами. Въ признаки *глазнаго воспаленія*. Въмѣсто боли, вы находите, что глазъ совершенно безчувственъ:

дальше ощущать ни дѣйствія свѣту ни, другая часть, осязательна: раздражимой. Правая ноздря также ничего не чувствуетъ. Мокротная оболочка распухла и истощена. Кожа верхней части лица безчувственна; мускулы не сокращаются. Рапа заживаетъ. Нижняя половина лица несколько не повредилась: она чувствуетъ и сжимается, какъ прежде.

У другаго животнаго, напротивъ: глазъ чистъ, ноздри и вся вообще кожа верхней части лица здоровы и чувствительны. Болезненные безпорядки находятся только въ нижней части лица. Нижняя челюсть отвисла, вследствие паралича жевательныхъ мыскуловъ. Въ одной половинѣ языка пропалъ вкусъ. Десны нижней челюсти покраснѣли и распухли, между-тѣмъ какъ десны верхней сохранили свой обыкновенный розовый цвѣтъ.

Нечувствительность и безпорядки въ кровообращеніи вѣсковатыхъ трубочекъ мы замѣчаемъ только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ раздѣляются веточки перерѣзаннаго нижнечелюстного нерва.

Если, действительно, вся эти болезненные перемены происходятъ, какъ думаетъ Мюллеръ, отъ поврежденія мозгу при введеніи въ черепъ инструмента, почему жъ ограничивается онъ только тѣми частями, гдѣ раздѣляется поврежденный нервъ? Раздѣливаете ли вы одну только ветвь или цѣлый стволъ пятой пары, это все равно: мозговая оболочка разстраивается одинаково.

Такъ, изъ всѣхъ этихъ опытовъ видно, что пятой парой нервъ не имѣетъ собственной чувствительности. Одинъ англійскій физиологъ утверждаетъ, будто седьмая пара нечувствительна и на лицѣ. Я доказалъ ему, что она чувствительна. Теперь повторяю то же, но въ другихъ словахъ, болѣе опредѣлительно: седьмая пара получаетъ отъ пятой, не чувствительность, а чувствительныя нити. Ея собственныя ниточки исключительно двигательныя, потому что чувствительность пребываетъ въ однихъ только сообщительныхъ ниточкахъ пятой пары.

Научивъ, какое видѣніе имѣетъ пятая пара на языкѣ,

смотримъ, нѣтъ ли какого-нибудь соотношенія между различными вѣтвями одного и того же нерва. Очень часто бываетъ, что одна вѣтвь, сдѣлавшись больною, вдругъ становится здоровой, между-тѣмъ какъ другая, бывшая до-того здоровою, вдругъ поражается болѣзнію. Однимъ словомъ, здѣсь дѣлается *метастазъ*, *переносъ*, *симпатія*: назовите, какъ хотите. Я докажу, что фактъ существуетъ: следовательно, о словахъ говорить не стоить.

Возьмемъ для примѣру нятую пару. Какого-нибудь челочка ранить въ лобъ. Ударъ разрѣзываетъ на двое надглазную вѣточку, не повреждая глаза: а между-тѣмъ глазъ слышетъ! Случай не рѣдкій: нѣтъ ни одного хирурга, которому бы не приводилось его видѣть. Какъ объяснить его? Рѣсничные нервы происходятъ отъ глазнаго узелка и носовой вѣтви: следовательно, между ними и надглазною вѣточкою нѣтъ ничего общаго. Почему жъ поврежденіе надглазной вѣтви лишаетъ глазъ способности ощущать свѣтъ? Потому, что всѣ подраздѣленія пятой пары находятся въ зависимости однѣ отъ другихъ: между-тѣмъ, помните, что какъ всѣ вѣтви оканчиваются въ одинъ общій стволъ, то страданіе одной изъ нихъ можетъ дѣйствовать на другую до такой степени и такъ сильно, что наконецъ передаетъ ей свою болѣзнь.

Эта взаимная зависимость однѣхъ вѣтвей отъ другихъ всего явственнѣе замѣтна при личной невралгій.

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе *перескакиванія* боли съ одной вѣтви пятой пары на другую. Надобно прибавить, что то же самое случается и въ седьмой парѣ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: на седьмую пару, относительно къ ея чувствительности, можно смотрѣть какъ на вассалку пятой. И то, что мы называемъ невралгіею личнаго нерва, есть не что иное какъ невралгія ниточекъ пятой пары, которыя только присоединились къ вѣточкамъ седьмой. По этому не думайте, чтобъ седьмая пара могла быть поражена нервною болью: двигательныя нити могутъ ли ощущать боль?

Легкость, съ какою нервная боль переходитъ съ одной вѣтви на другую, очень часто приводитъ въ затрудненіе

многихъ опытныхъ врачей; и въ самомъ дѣлѣ: выйдете ея изъ одной, она переходитъ въ другую, нисколько не уменьшаясь въ своей силѣ.

Для успѣшнаго леченія необходимо, чтобъ и лекарство могло слѣдовать за болью, могло, такъ сказать, подобно ей, перемѣнять мѣсто, наступать ея въ той вѣтви, куда она скрылась; однимъ словомъ, чтобъ лекарство могло приспособляться ко всемъ странностямъ и капризамъ болѣзни. Вотъ, почему я имѣю такую довѣренность къ гальванизму.

Недавно ко мнѣ явились двѣ дамы, съ просьбою вылечить ихъ отъ невралгій. У обѣихъ поражена была правая сторона лица, у обѣихъ самая сильная боль была въ языкѣ. Одна изъ нихъ страдала уже четыре года, и увѣряла, что во все это время не имѣла спокойной минуты ни днемъ ни ночью. Невралгія началась жестокими болями, сначала вблизи подглазного отверстія, и распространилась по всей верхней губѣ; потомъ заболѣла лобная вѣточка; потомъ, подбородочная, и наконецъ язычный нервъ. Но не одна раздѣленія пятой пары подвержены были страданіямъ: болѣзнь равно поразила и седьмую пару, особенно среднюю вѣтвь этого нерва, которая, какъ извѣстно, сообщается съ ушною нитью пятой пары. Больная почти перестала слышать правымъ ухомъ.

Другая больная страдаетъ только годъ. Болѣзнь началась съ языка, и почти только имъ и ограничилась, если не считать легкихъ болей, которыя по временамъ появлялись въ разныхъ вѣтвяхъ пятой и седьмой пары. Главное мѣсто пребыванія болѣзни — язычный нервъ. Когда невралгія появляется на лицѣ, больной кажется, будто-бы боли выходятъ изъ подъ-очнаго, челюстнаго и лобнаго каналовъ. Эта дама также глуха на правое ухо.

Я не стану вычислять вамъ всего, что дѣлали врачи для излеченія этой болѣзни и, къ несчастію, безъ пользы. Между-прочимъ имъ обѣимъ вырвали по нѣсколько зубовъ, — средство эмпирическихъ лекарей, которое очень часто не только не помогаетъ, а еще усиливаетъ боли. Я употребилъ гальванизмъ. Тоненькую платиновую иглу я воткнулъ въ стволъ личнаго нерва около того мѣста, гдѣ онъ

выполнить изъ черепа; другую воткнуть въ большую сторону языка. Такимъ образомъ я былъ увѣренъ, что двѣствую и на пятую и на седьмую пару въ одно время. Должно стараться, сколько можно, пропускать электрическій токъ сквозь оба эти нерва: иначе боль можетъ перейти съ пятой пары на седьмую, а это можно отвратить гальванизируя вдругъ оба нерва. Я всегда употребляю Кларкову машину, какъ самую удобную и не требующую кислыхъ растворовъ.

У одной пациентки, боль мгновенно исчезла въ языкъ, но перешла въ подбородокъ. Я перемѣстил иглы: вынулъ иглу изъ языка и воткнулъ ее въ подбородочный нервъ. Боль исчезла и отсюда, но черезъ нѣсколько секундъ появилась снова въ подглазномъ нервъ. Наконецъ преслѣдуя боли изъ одного нерва въ другой, мнѣ удалось ихъ совершенно выгнать. Больная выздоровѣла.

У другой дамы, въ языкъ боль тоже прекратилась, но перешла въ подглазный нервъ; выгнанная отсюда, она снова появилась въ языкъ. Однимъ словомъ, выгоняя ее изъ тѣхъ нервовъ, куда она *перспрыгивала*, мнѣ наконецъ удалось ее уничтожить.

Можетъ ли быть что-нибудь безразсуднѣе, опаснѣе, и наконецъ иррациональнѣе, какъ разрывывать страждущій нервъ? Это средство помогаетъ очень рѣдко, и потому къ нему можно прибѣгнуть только въ крайнемъ случаѣ. Что жъ вы скажете о тѣхъ врачахъ, которые, въ невралгическихъ боляхъ, вырываютъ цѣлые стволы и вѣтви седьмой пары?

Вотъ все, что можно было сказать новаго и *вынаго*. о мнѣнн однихъ вѣтвей нерва на другія. Намъ предстоитъ новый рядъ занятій, — изучить опытомъ, какое вліяніе имѣетъ пятая пара на осязательную чувствительность, спеціальныя отправленія и способъ питанія органовъ чувствъ.

Я долженъ предупредить васъ, что въ вопросахъ такого рода, анатомія можетъ оказать намъ очень неважныя услуги. Всякой новый вопросъ намъ придется рыскать опытомъ. Прежде всего я намѣреваюсь показать, что съ разрывомъ пятой пары, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она переходитъ черезъ каменистую часть височной кости, въ головномъ ор-

ганъ исчезаетъ осязательная чувствительность. Позже мы увидимъ, что то же самое происходитъ и съ его специальнымъ чувствомъ.

Вотъ собака, у которой, я разрывалъ въ черепъ пятую пару. Операція сдѣлана на правой сторонѣ и осязательная чувствительность, вѣроятно, исчезла въ правой же сторонѣ лица. Въ-самомъ-дѣлѣ, щека, пол-рта, високъ, вся правая половина лица рѣшительно безчувственны. На лѣвой, напротивъ, чувствительность ни мало не повредилась.

Посмотримъ, въ какомъ положеніи органы чувствъ. Я докровожаваю иглою до праваго глаза. По неподвижности животнаго, и по его спокойствію, я заключаю, что оно этого не чувствуетъ. Я прокалываю соединительную оболочку и другія плевы глаза, та же безчувственность. Я укалываю правую ноздрю, рву мокротную оболочку: животное ничего не замѣчаетъ. Я схватываю щипчиками правую половину языка, крепко сжимаю ее, однако жъ животное не обращаетъ на это вниманія. Я дѣлаю то же съ лѣвою половиною. Едва инструментъ до нея дотронулся, животное быстро отпнуло языкъ.

Что касается до чувствительности органа слуху, это поверить очень трудно. Однако жъ, я, касаясь иглою до барабанной перепонки, сотрясаю ее, прокалываю, животное шевелитъ ушами тогда только, когда я ударяю инструментомъ въ стѣнки наружнаго слуховаго проходу: это очень понятно, потому что нервъ затылочной и шейное сплетеніе не разрезаны.

Вотъ кроликъ, у котораго я разрывалъ пятую пару въ черепъ. У него зрачокъ очень сократился. Я быстро приближаю руку къ правому его глазу. Животное испугалось и отскочило назадъ: это потому что лѣвый глазъ былъ открытъ и видѣлъ движеніе моей руки. Я закрываю лѣвый глазъ, дѣлаю тотъ же опытъ: животное стоитъ неподвижно. Не прямое ли доказательство, что съ разрывомъ пятой пары животное потеряло и способность видѣть?

Правое въко неподвижно, оттого что когда пятая пара разрезана, седьмая не имѣетъ силы заставить мускулы сжи-

мигаться. Я дотрогиваюсь до глаза, колю его : животное не мигаетъ. Но вотъ я выставляю глазъ на свѣтъ: лишь-только солнечный лучъ упалъ на правый глазъ, животное начало мигать. Я ставлю животное въ тѣнь, и въки тотчасъ дѣлаются по-прежнему неподвижными. Значить, чувствительность въ нервной оболочкѣ не совершенно уничтожилась.

Но съ перерывомъ зрительнаго нерва, всѣ признаки этой чувствительности исчезаютъ. Попытаемся сдѣлать это. Перерезать зрительный нервъ—операція очень трудная. Вотъ, какъ я ее дѣлаю. Я прокалываю черепъ, по самой серединѣ, тотчасъ надъ лобными бугорками: потомъ ввожу въ ямочку основнѣй кости загнутую иглу, и, наклоняя ее немного всторону, захватываю нервъ и разрываю его. Животное безмолвно; потому что зрительный нервъ безчувственъ. Теперь самый сильный солнечный свѣтъ не въ состояніи заставить животное закрыть въки!

Я разрывалъ, для сравненія, пятую пару на одной сторонѣ и зрительный нервъ на другой. Животное становилось совершенно слѣпымъ. Оно чувствовало свѣтъ только тѣмъ глазомъ, котораго зрительный нервъ былъ цѣлъ. Часто случается видѣть людей, у которыхъ главъ пораженъ амврозомъ (темною водою), но которые умѣютъ отличить свѣтъ отъ темноты. Очень можетъ быть, что у нихъ повреждены только рѣсничные нервы, которые, какъ известно, происходятъ отъ пятой пары, а зрительный нервъ здоровъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что амврозы такого рода обыкновенно предшествуютъ сильныя воспалительныя боли. Самое лучшее средство, въ такомъ случаѣ, гальванизмъ. Электрическіе токи, направленные на глазную ветвь пятой пары, очень часто возвращали зрѣніе людямъ, которые были слѣпыми нѣсколько лѣтъ. Я замѣтилъ, что, если глазъ закрывается при сильномъ свѣтѣ, леченіе почти всегда бываетъ успѣшно; если же ретина ничего не чувствуетъ, то слѣпота очень рѣдко проходитъ отъ гальванизма.

Взгляните на этихъ двухъ кроликовъ. У одного правое ухо виситъ загнутое назадъ, къ затылку, лѣвое, напротивъ,

поднято и направлено ко рту. У другого, уши точно въ такомъ же положеніи. Вы думаете, что обонанье сдѣлана одна и та же операція? Нѣтъ. У одного лицо чувствительно, у другого вся половина мордочки безчувственна. Это значитъ, что у первого разрывана пятая пара, а у другого седьмая. Сходство припадковъ зависитъ отъ очень любопытнаго физиологическаго обстоятельства, которое уже вамъ известно, отъ вліянія пятой пары на седьмую.

Возвратимся къ нашему кролику. Я кладу ему на правую половину языка каплю колокинтоваго декокту, который, какъ вы знаете, чрезвычайно горекъ. Языкъ не подвиженъ. Я дѣлаю такой же опытъ съ лѣвою половиною языка: животное дѣлаетъ гримасы, отдергиваетъ языкъ, высовываетъ и втягиваетъ его, трясетъ ушами, какъ-будто желаетъ избавиться отъ неприятнаго ощущенія. Этотъ опытъ доказываетъ, что разрывъ пятой пары, вмѣстѣ съ осязательною чувствительностью, уничтожаетъ и вкусъ. Возьмемъ другое вещество, табакъ, напримѣръ. Я кладу нѣсколько порошковъ этого вещества на правую половину языка: въ животномъ не замѣтно ничего особеннаго. Кладу табакъ на лѣвую половину, и тоже не вижу переменъ: это потому что чувство горечи, произведенное колокинтомъ, сильнѣе горечи табакъ. Надобно употребить что-нибудь по-крепче. Возьмемъ амміакъ. Мнѣ могутъ возразить, что амміакъ будетъ дѣйствовать какъ вещество ѣдкое, и что, если правая половина языка нечувствительна для прочихъ физическихъ раздраженій, то она не почувствуетъ и дѣйствія амміаку. Согласенъ; но это и покажетъ намъ, что животное не ощутитъ амміаковаго вкуса потому, что съ разрывомъ пятой пары она потеряла и вкушательное чувство. Я кладу на правую половину языка каплю амміаку: животное ничего не чувствуетъ. Кладу на лѣвую: животное отдергиваетъ языкъ. Очевидно, что ему не пріятенъ вкусъ амміаку. Вкушательная способность погибла, по-иной-мѣрѣ въ правой половинѣ языка и нѣба.

Перейдемъ къ обонанію. Я подношу къ правой ноздрѣ, заткнувши плотно лѣвую, стеклянку съ эвпромъ: животное покойно. Открываю лѣвую, подношу къ ней стеклянку:

животному это не приятно. Аммиакъ производитъ то же дѣйствіе. Ясное доказательство, что, съ разрѣзомъ пятой пары, въ мокротной оболочкѣ пронадеаетъ осязательная чувствительность. То же, кажется, происходитъ и съ обонянн-емъ. Этотъ опытъ не доказываетъ, если хотите, что обонятельная способность пребываетъ въ нервахъ пятой пары, но даетъ намъ право утверждать, что, безъ ихъ участія, дѣйствіе первой пары нервовъ не полно.

Не станемъ спорить, а сделаемъ нѣсколько опытовъ и посмотримъ, какія перемѣны произойдутъ въ обонянніи, когда будетъ перерѣзана первая пара.

Я нѣсколько разъ, передъ глазами вашими, разрѣзываю эти нервы, и животное не обнаруживало боли. Я клалъ на нѣхъ аммиакъ, и результаты были всегда отрицательные. Нервы обонятельные оказывались такими же нечувствительными какъ и нервы зрительные. Почему жъ такъ чувствительны носовыя полости? Неужели это зависитъ отъ пятой пары? Кажется, такъ, потому что разрѣзь этихъ нервовъ уничтожаетъ чувствительность носовыхъ полостей. Мы рѣшимъ вопросъ положительно, если мнѣ удастся разрѣзать обонятельные нервы передъ выходомъ ихъ изъ черепа, и если отъ этого не уничтожится и не ослабит-ся чувствительность носовыхъ полостей.

Вотъ сильная собака, надъ которой, какъ кажется, мнѣ удалось успешно произвести эту операцію, противодоказа-тельство предшествовавшей.

Въ передней и боковой части лобной кости, не много выше брови, я просверлилъ небольшую дырочку, черезъ которую ввелъ въ полость черепа тоненькую и плоскую рукоятку маленькаго скальпеля, проведя ее по костяной площадкѣ, составляющей «потолокъ» глазной впадины, съ боку остротка *cristae galli*; я достигъ до носоваго нерва, и раздробилъ его. Точно также поступилъ я и съ другимъ нервомъ. Во время этой операціи животному тогда только было больно, когда инструментъ прокалывалъ кожу и кость лба, а прохожденія лезвія въ черепъ и разрушенія нервовъ оно и не примѣчало. Иногда, впрочемъ, животныя вдругъ забьются, начнутъ кричать, стонать, какъ-будто вы косну-

лись пятой пары: въ самомъ дѣлѣ, это значитъ, что въ начально задѣли рышетчатый нервъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ черезъ внутреннюю главную дырочку входитъ обратно въ черепъ, и выходитъ изъ него опять черезъ рышетчатую пластинку; а этотъ нервъ, какъ извѣстно, вырастаетъ отъ пятой пары.

Я ввожу въ правую ноздрю этой собаки тупую иглу. Животное чувствуетъ прикосновение инструмента. Чувствительность мокротной перепонки не измѣнилась, а между-тѣмъ я совершенно увѣренъ, что обонятельные нервы перерезаны по-поламъ. Такой же опытъ я дѣлаю и съ лвоею ноздрю: признаки чувствительности одинаковы.

Вотъ фактъ неопровержимый: разрывъ пятой пары уничтожаетъ малѣйшіе слѣды чувствительности въ носовыхъ полостяхъ; между-тѣмъ какъ, несмотря на перерывъ обонятельныхъ нервовъ, она остается невредимою.

(Черезъ семь дней животное было показано.)

Вотъ трупъ той собачки, у которой я хотѣлъ разрезать обонятельные нервы въ ямочкѣ рышетчатой кости, съ цѣлю узнать, дѣйствительно ли эти нервы назначены для обонянія. Сильное кровотеченіе помѣшало намъ увѣриться въ этомъ, но мы узнали, что осязательная чувствительность мокротной плевы ни сколько не стала грубее. Дѣйствительно ли были разрушены обонятельные нервы, какъ я этого хотѣлъ? Голова животного у насъ передъ глазами: анатомируемъ ее.

Рана почти зажила. Вотъ тѣ двѣ дырочки, черезъ которыя я ввелъ инструментъ въ полость черепа. Здѣсь произошли очень любопытныя перемѣны. По первому взгляду можно подумать, будто края раночекъ сблизились и закрыли отверстіе. Ничего не бывало. Посмотрите внимательно: это—мозговое вещество; оно вышло наружу и вовсе не приросло къ окружности ранокъ. Поджавъ пальцемъ эти двѣ шишечки, вы можете вдавить ихъ обратно въ черепъ, и обѣ дырочки снова будутъ открыты. Какъ происходитъ мозговая грыжа? Очень просто. Вы знаете, что на мозгъ непрерывно давитъ мозговая вода. Причина давленія—бие-

но артерій и неизрешенно наполненіе и опустыніе мозговыхъ венъ. Если стѣнки черепна цѣла, давленіе неидетъ даже извѣстныхъ предѣловъ : но если гдѣ-нибудь стѣнокъ мрутъ не станеть, что же можетъ воспрещать мозговую мякоть проникнуть туда ? Это случилось и съ нашею собакою.

Я вскрываю черепъ. Около полушарій накопилось большое количество крови : она не такъ красна , какъ должна бытъ, оттого что смѣшалась съ мозговою водою. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шло лезвее инструмента, началось нагноеніе. Мозговая мякоть размягчилась. Обонятельные нервы почти совершенно разрушены, осталась небольшая ниточка. Если, къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь утвердительно сказать, что обонятельные нервы не участвуютъ въ чувствительности мокротной оболочки носа, по-крайней-мѣрѣ мы имѣемъ доказательство, что исправный видъ ихъ не есть необходимое условіе обонянія : чувствительность мокротной оболочки остается, когда обонятельные нервы, почти вовсе раздроблены : оставшаяся ниточка едва ли составляетъ одну двадцатую часть ихъ объема, а между-тѣмъ осязающая чувствительность носа ни сколько не уменьшалась. Животное околѣло вчера вечеромъ. Осемь дней прошло, съ тѣхъ поръ какъ была сдѣлана операція, и во все это время оно не принимало ни пищи ни питья. Слѣдовательно, оно умерло столько же отъ голоду сколько отъ послѣдствій операціи. Забудьте, какая отвратительная вонь идетъ отъ тѣла : такъ всегда пахнутъ и тѣла людей, умершихъ голодною смертію. Забываніе довольно важное : вы можете имъ воспользоваться, чтобъ отвратить отъ гибельнаго намѣренія женщинъ, рѣшающихся умерить себя голодомъ. Легко можетъ быть, и это часто случается, что, обративъ на слабую сторону женщины, вы уговорите ее, неслыханно какъ самыя сильныя убѣжденія были безъусловны. Васъ приглашаютъ къ женщинѣ, которая отъ несчастливой любви, или отъ какой-нибудь другой причины, рѣшилась умерить себя голодомъ. Вы ее убѣждаете, но напрасно : она ничего не слушаетъ. Проходитъ несколько дней : она остается при своемъ гибельномъ намѣреніи. Забудьте еще, что отъ нее ужасно пахнетъ, что она становится отвратитель-

нительною для всякъ окружающихъ : очень часто это замѣчаніе бываетъ сильнѣе самыхъ глубокихъ разсужденій.

Посмотрите, какъ похудѣла эта собачонка: у ней, въ буквальномъ значеніи, осталась кожа да кости. Обратите вниманіе на глаза. Прозрачная роговая оболочка потемнѣла, размягчилась, почти готова треснуть. Но это произошло не отъ операціи, а отъ голоду. Вотъ обонятельные нервы, двѣ длинненькія, сѣрватыя ленточки, лежащія въ ложбинкѣ рѣшетчатой кости, гдѣ они расширяются въ узелокъ, прежде нежели изъ нихъ начнутъ отдѣляться ниточки для мокротной носовой оболочки. Эти органы чрезвычайно замѣчательны. Они вовсе не похожи на другіе нервы. Вотъ почему древніе анатомы и физиологи предполагали, будто они назначены для другихъ отправленій, а не для обонянія.

У человека, обонятельные нервы не велики; у собакъ, они больше; у лошади, барана, быка, это уже не просто ленточки, а настоящія мозговья доли, въ срединѣ которыхъ находится полость, наполненная мозговою водою. Древніе, которые учились анатоміи на трупахъ животныхъ, замѣтивъ, что внутри мозговыхъ долей находится жидкость, вообразили будто она просачивается сквозь дырочки рѣшетчатой кости въ носовыя полости. То же самое они думали и о человекѣ. Ухватились за эту мысль и стали объяснять себѣ болѣзненные явленія. Слѣды древнихъ идей объ этомъ предметѣ сохранились въ нашемъ врачебномъ языкѣ. Отъ какого другаго слова происходитъ *ревматизмъ* мы не отъ *ревма*, теченіе.

Обонятельные нервы начинаются тремя корешками. Первый, сѣрый, выходитъ изъ самой отдаленной части передней мозговой доли: онъ больше всѣхъ трехъ; второй корешокъ скрывается въ Сильвіевой бороздкѣ; третій начинается отъ внутренняго краю той же бороздки. Корешки эти, соединившись, составляютъ нервъ, который лежитъ въ продолговатой бороздкѣ, подъ переднею долею. Здѣсь онъ имѣетъ видъ бѣловатой, струистой ленточки, заключенной въ складку паутинной оболочки. Прощедши, такимъ образомъ, нѣсколько линий, они выходятъ наружу, идутъ въ рѣшетчатую ямку, и расширяются тамъ въ узелокъ; потомъ

другъ раздѣляются на множество тоненькихъ ниточекъ, и каждая изъ нихъ входитъ въ особенную дырочку. Нити эти начинаются отъ узелка, а не отъ ленточки. Твердая нитка даетъ каждой ниточкѣ особенный чехолъ, сопровождающій ее до мѣста назначенія. Вышедши изъ трубочекъ, нити обонятельныхъ нервовъ разсыпаются множествомъ тончайшихъ вѣточекъ, которыя наконецъ теряются въ мокротной оболочкѣ, гдѣ ихъ нельзя уже dalje преслѣдовать.

Какимъ образомъ оканчиваются обонятельные нервы въ мокротной оболочкѣ? Это не извѣстно. Некоторые анатомы думаютъ, будто они, подобно ретинѣ, составляютъ сѣточку, но не могутъ доказать. Если анатомія не можетъ намъ сказать ничего вѣрнаго о дѣйствіи этихъ нервовъ, то приступимъ къ опытамъ.

Я уничтожилъ у этой собаки обонятельные нервы. Вся предосторожности были приняты, чтобъ разрушить ихъ совершенно. Я увѣренъ, что не осталось ни одной ниточки цѣлой. Я втыкаю въ ноздрю животнаго иголку. По движеніямъ его вы можете судить, что ему это неприятно. Но объ этомъ мы уже говорили. Гораздо труднѣе повѣрить, можетъ ли животное чувствовать пахучія тѣла. Запахъ, если онъ не довольно силенъ, никогда не произведетъ такихъ явныхъ перемѣнъ какъ физическая боль. Вы представите животному лакомый кусочекъ, который пахнетъ неприятно: но, если животному не хочется ѣсть, оно не обратитъ на него вниманія. Неужели вы скажете, что оно его не обнюхало? Разумѣется, ѣтъ. Я убѣдился опытомъ, что эта собака очень хорошо умѣетъ отличить хорошую пищу отъ дурной. Вы увидите это сами.

Я подношу ей кусокъ гриерскаго сыру. Она не видѣла движенія моей руки, между-тѣмъ, посмотрите, она наклонилась морду къ моей рукѣ и хочетъ съѣсть сыръ, котораго запахъ поразилъ ея обоняніе.

Я раскунориваю у ней подъ носомъ стеклявочку съ укисшимъ виномъ: вы сами видите, какое неприятное впечатлѣніе сдѣлало это вещество на мокротную оболочку животнаго.

Я теперь завяжу ей глаза, но не такъ плохо, какъ завязываютъ ихъ господа чудомъ-магнитизеры у своихъ сонидбуловъ. Если собака отыщеть пищу, это будетъ значить, что она узнала ее обоняніемъ: зрѣніе, вы сами видите, не можетъ уже руководить ея движеніемъ. Я поднесу къ ея носу кусокъ сыру. Она его обнюхиваетъ и хочетъ схватить. Я опускаю руку, она слѣдуетъ за мной движеніемъ. Наконецъ она схватила сыръ, и скушала на здоровье. Не правда ли, все доказываетъ, что у нашей собака прекрасное чутье?

Я кладу передъ нею кусокъ говядины, завернутой въ бумагу. Взгляните: собака обнюхиваетъ бумагу, разгибаетъ складки, и наконецъ съѣдаетъ говядину. Замѣьте, что повязка осталась на мѣстѣ, и что животное было руководимо только обоняніемъ. Я посылаю табакомъ другой кусокъ мяса и кладу его передъ животнымъ. Вотъ оно его обнюхиваетъ, хочетъ съѣсть, но запахъ табаку проникъ въ ноздри, и оно удаляется не тронувши куска. Не ясно ли, что собака умѣла отличить два запаха, пріятный отъ непріятнаго?

Мнѣ нѣсколько разъ случалось вырѣзывать у курицъ и утокъ обонятельныя нервы, и я всегда находилъ, что осязательная и обонятельная чувствительность ихъ мокротной перепонки ни сколько не повреждалась. Очень было бы любопытно знать, имѣютъ или нѣтъ обоняніе люди съ врожденнымъ недостаткомъ обонятельныхъ нервовъ. Мнѣ часто случалось встрѣчать людей, лишенныхъ обонянія, у которыхъ однако жъ носовыя полости были осязательно чувствительны. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ такомъ случаѣ осязательная способность мокротной оболочки почти всегда бываетъ нѣсколько грубѣе. Но мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы обоняніе оставалось послѣ уничтоженія осязательной чувствительности.

Къ чему жъ служатъ обонятельныя нервы? Не знаю. Для меня, эти нервы стоятъ въ одной категоріи съ мокротною желзною, съ *glandula pinealis*, мозолистымъ тѣломъ, прозрачною перегородкою, сводомъ, его ножками и другими частями мозга, которыхъ назначеніе никому не извѣстно.

Я хочу сказать несколько словъ о нервахъ, идущихъ къ языку, и открыть опытомъ, которые изъ нихъ назначены для движенія, которые для вкуса, и которые для осязанія.

Въ языкъ раздѣляются нервы, происходящіе отъ трехъ различныхъ источниковъ, — отъ седьмой пары, отъ нерва подъязычнаго (девятая пара) и отъ нерва языко-глоточнаго (осьмой пары).

Нервъ язычный, вѣтвь пятой пары, происходитъ отъ нижне-челюстного нерва; идетъ сначала внизъ и впередъ, проходитъ между крыльными мускулами, сбоку подчелюстной железы, и наконецъ раздѣляется въ толщѣ языка. На этомъ пути къ нему присоединяется барабанная струна. Ближе подчелюстной железы, язычный нервъ представляетъ небольшой узелокъ, ganglion maxillare, «челюстный узелъ», котораго назначеніе вовсе неизвѣстно. Сверхъ того этотъ нервъ надъялетъ нитями подъязычную и подчелюстную железы. Некоторые анатомы увѣрять, будто оживленія язычнаго нерва продолжаются въ сосочки языка. Мнѣ никогда не удавалось преслѣдовать ихъ такъ далеко, несмотря что я употреблялъ самыя лучшіе микроскопы: они теряются изъ виду, дошедши до наружной оболочки языка.

Подъязычный нервъ начинается несколькими нитями изъ бороздки, отдѣляющей переднія висрамиды отъ оживчатыхъ телъ, выходитъ изъ черепа черезъ переднюю суставную вырочку, опускается прямо внизъ, и идетъ сбоку позвоночнаго столба. На этомъ пути онъ соединяется съ первымъ шейнымъ ганглиемъ, обстоятельство, которое намъ придется вспомнить, когда мы будемъ дѣлать опыты надъ его чувствительностью. Дойдя до нижняго конца дву-брюшной мышцы, онъ сгибается и дѣлаетъ дугу, которой вышуклая часть обращена внизъ. Это — петля подъязычнаго нерва. Отъ нея идетъ длинная нить, которая соединяется съ исходящими вѣтвями шейнаго сплетенія и теряется въ мышцахъ шеи. Давъ нѣсколько вѣточекъ мышцамъ языка, стволъ подъязычнаго нерва идетъ къ языку, входитъ въ его толщу и дробится въ ней на множество тон-

кихъ нитей, назначенныхъ для мускуляныхъ волоконъ языка.

Нервъ языко-глоточный назначенъ, какъ видно, по названію, для языка и глотки. Онъ произтекаетъ многими нитями отъ *corpus gestifugae*, вблизи скитающагося нерва, выходитъ изъ черепа черезъ яремную дыру, идетъ прямо внизъ по боковой части шеи и наконецъ раздѣляется въ глотку и слизистой оболочкѣ корня языка. Въ волокнистомъ каналѣ, который образуется изъ складки твердой нитки, въ яремной дырѣ, языко-глоточный нервъ представляетъ небольшой узелокъ, извѣстный подъ именемъ каменстаго узелка или узелка Андерша. Между его сообщительными нитями, особенно замѣчательны, нить, соединяющая его съ осью парю, и ниточка, описанная Якобсономъ. Извѣстно, что между соннымъ каналомъ и яремною ямкою находится небольшая дырочка, которая есть не что иное какъ отверстіе канала, оканчивающагося въ барабанную впадину. Въ этотъ-то каналъ входитъ Якобсонова нить, нить, которая соединяется съ нѣсколькими ветвями пятой пары.

Вотъ главное, что намъ нужно было знать, приступая къ опытамъ.

Беру молоденькую собачку, у которой, въ черепъ, нѣсколько времени тому назадъ, разрывана нижне-челюстная ветвь пятой пары. Схватываю пинцетомъ правую половину языка: животное позволяетъ это сдѣлать не обнаруживая боли. Я хотѣлъ было ущипнуть лѣвую сторону языка, но животное оттянуло его и едва меня не укусило. Результатъ, давно намъ знакомый. Попробуемъ положить на правую половину языка каплю колоквинтоваго отвара: не видно, чтобъ животное почувствовало горькій вкусъ этого велья. Лѣвая половина, напротивъ, очень хорошо ощущаетъ его.

Впрочемъ, замѣьте, когда я дотрогиваюсь инструментомъ до корня языка или до ножекъ нѣбной занавѣски, животное такъ же ясно чувствуетъ правую сторону какъ лѣвую. Можно ли заключить изъ этого, вмѣстѣ съ некоторыми физиологами, будто не одна пятая пара, но и языко-

глоточный нервъ съ другими нервами надѣляетъ эти части осязательною чувствительностью? Нѣтъ, и вотъ причина.

У этой собаки разрѣзана только нижняя челюстная вѣтвь; следовательно, та, отъ которой происходитъ язычный нервъ. Прочія вѣтви пятой пары не были тронуты. Если чувствительность осталась въ корнѣ языка и нѣбной занавѣсь, я спрашиваю, не происходитъ ли, отъ нетронутыхъ вѣтвей пятой пары, какая-нибудь вѣтвь, которая можетъ приносить эту чувствительность, и нахожу, что это—нити, идущія отъ основно-нѣбнаго узелка и отъ нерва нѣбно-носового Скарты. Следовательно, чтобъ сдѣлать опытъ полный, нужно разрѣзать весь стволъ пятой пары: это я нѣсколько разъ дѣлывалъ въ вашемъ присутствіи и, какъ вы видите, уничтожалъ въ языкъ всякую способность распознавать вкусъ самыхъ ядвнхъ веществъ.

Подъязычный нервъ—нервъ исключительно двигательный. Для языка, онъ то же что седьмая пара для лица. Но седьмая пара чувствительна, потому что получаетъ сообщительныя нити отъ пятой пары: следовательно, мы можемъ думать, что и подъязычный нервъ получаетъ свою чувствительность отъ какого-нибудь другаго нерва. Единственное средство рѣшить эту задачу — сдѣлать опытъ.

Я обнажилъ, у этой собаки, стволъ подъязычнаго нерва, немного пониже петлѣй, и замѣтилъ, что, до разрѣзу, нервъ былъ чувствителенъ. Послѣ разрѣзу, я нахожу, что нижній конецъ рѣшительно безчувственъ, а верхній чувствуетъ. У человека подъязычный нервъ долженъ быть чувствителенъ: я въ этомъ увѣренъ, зная, что онъ сообщается съ скитационнымъ нервомъ, нервомъ, по самому способу своего происхожденія, необходимо чувствительнымъ и двигательнымъ. Известно, что этотъ нервъ, подобно нервамъ спящимъ, истекаетъ двумя корешками, двигательнымъ и чувствительнымъ. Если же онъ соединяется съ нервомъ подъязычнымъ, то и неудивительно, что послѣдній получаетъ отъ него чувствительность, будучи самъ по себѣ нервомъ чисто двигательнымъ.

Я разрѣжу у этой собаки языко-глоточный нервъ. Операция очень простая: нужно только разрѣзать по-глубже

тому близки утма нижней челюсти, и вы тотчас достанете до ствола этого нерва. Вотъ онъ. Я поднимаю его сондомъ и разрываю. Животное едва это примѣтило. Я дѣлаю ту же операцію съ нервомъ другой стороны. Посмотримъ, въ какомъ положеніи находится языкъ. Я укалываю его иглою: вы видите, что чувствительность всюду сохранилась. Кладу нѣсколько капель амміаку на верхнюю поверхность языка. Чувство, произведенное этимъ веществомъ, такъ неприятно, что животное, послѣ многихъ сильныхъ движеній, вырвалось у меня изъ рукъ. Вы видите, что только разрывъ пятой пары уничтожаетъ осязательную чувствительность въ языкъ.

Вчера я сдѣлалъ очень занимательный опытъ. Вотъ и чешъ дѣло. Я разрывалъ языко-глоточные и подъязычные нервы на обѣихъ сторонахъ, и нашелъ, что ни обща ни спеціальная чувствительность языка отъ этого ни сколько не изменилась. Одно только движеніе было рѣшительно уничтожено. Глотаніе сдѣлалось совершенно невозможнымъ: животное не могло ни хлебать (лакать) ни сосать.

Паницца утверждаетъ, будто разрывъ обѣихъ языко-глоточныхъ нервовъ уничтожаетъ вкусъ, и что, напротивъ того, вкусъ остается невредимымъ несмотря на уничтоженіе обѣихъ подъязычныхъ нервовъ и обѣихъ язычныхъ ветвей пятой пары, и доказываетъ это тѣмъ, что будто-бы языко-глоточные нервы оканчиваются исключительно въ слизистой оболочкѣ языка и глотки. По его мнѣнію, языко-глоточный нервъ — настоящій нервъ вкусу.

Что касается до меня, то я ничего не видѣлъ подобнаго. Я всегда доказывалъ, и вы сами были свидѣтелями, что разрывъ пятой пары уничтожаетъ въ языкъ и осязательную и жутьательную чувствительность. Если Паницца подтверждаетъ свое мнѣніе анатоміею, то и я анатоміею же докажу ему, что онъ думаетъ ошибочно. Какъ могутъ языко-глоточные нервы быть нервами вкусу, когда вкусъ находится въ тѣхъ частяхъ, куда они не посылаютъ своихъ нитей? Всякой знаетъ, какимъ тонкимъ чувствомъ одаренъ кончикъ языка: между-тѣмъ сюда не доходитъ ни одной ниточки отъ языко-глоточнаго нерва. Мнѣ скажутъ, что язычные

нерв не разделяется въ корень языка ; да и въ настоящее время утверждаю , чтобы этотъ нервъ былъ исключительно нервомъ вкусу. Развѣ мы не знаемъ , что отъ пятой пары , особенно отъ Меккелева узелка , идутъ многія другія нити въ вкушательной поверхности ! Вотъ почему только тогда исчезаютъ вся слѣды общей и специальной чувствительности въ органъ вкусу , когда разрываемъ самый стволъ пятой пары.

Впрочемъ , очень возможно , что языко-глоточные нервы принимаютъ некоторое участіе во вкусъ. Но теперь займемся изслѣдованіями свойствъ Виллизова нерва.

Виллизовъ , или «прозрачный нервъ» , начинается многими нитями сбоку шейной части спиннаго мозга , между его передними и задними рудками. Эти нити , которыхъ число не постоянно , соединяются въ общій стволъ. Стволъ идетъ вверхъ къ зубчатой связкѣ , доходитъ до задней яремной дыры , сближается со скитающимся нервомъ и вмѣстѣ съ нимъ выходитъ изъ черепа: Виллизовъ нервъ , тонкій при началѣ , дѣлается , по мѣрѣ присоединенія къ нему новыхъ нитей , постепенно толще , и наконецъ разделяется на двѣ ветви , сообщительную и мышечную , которая является его продолженіе.

Сообщительная ветвь болѣею частью соединяется со скитающимся нервомъ , но иногда отдѣляется отъ него и составляетъ нервъ глоточный. Мышечная ветвь идетъ прямо внизъ по шеѣ , переходитъ черезъ широкую шейную мышцу (грудино-сосковую) и разделяется въ мускулахъ трапецевидномъ , ромбональномъ , угловомъ лопатки , однимъ словомъ во всѣхъ мышцахъ плеча. Белль называетъ это верхнимъ дыхательнымъ нервомъ туловища.

Я приступаю теперь къ операціи : разрѣжу прибавочный нервъ въ позвоночномъ каналѣ. Для этого надобно сначала отдалить мускулы , лежащіе на затылкѣ , между затылочною ямкою и первымъ позвонкомъ , разрѣзать твердую матку и , потомъ , осторожно ввести туда маленькій крючокъ , захватить нервъ и разрѣзать его тоненькимъ бистуріемъ или скальпелемъ.

Я разрываю и отдѣляю мягкія части , лежащія на зад-

ней части шеи. Вотъ волоконистая нѣва, между атласомъ и затылочною костью. Брызнувшая струя воды означаетъ, что я прокололъ твердую матку и дошелъ до спиннаго мозгу. Я схватилъ нервъ, и тяну его къ себѣ, но животное не обнаруживаетъ большой боли. Нервъ разрѣзанъ. Охъ, кажется, не слишкомъ чувствителенъ: я не замѣтилъ въ животномъ ни малѣйшаго признаку страданій.

Посмотрите, что случилось съ животнымъ: во время холбы, передній членъ той стороны, на которой перерѣзанъ нервъ, волочится, не сгибаясь, и не принимаетъ надлежащаго участія въ походку. Очевидно, что верхнія мышцы плеча парализованы.

Займемся теперь чувствомъ зрѣнія, и рассмотримъ, какіе нервы принимаютъ участіе въ этомъ феноменѣ. Здѣсь не мѣсто говорить о физическомъ устройствѣ зрительнаго прибора: анатомическое устройство этого органа должно быть известно всѣкому, кто занимается физиологіею. Мое дѣло — показать свойства нервовъ, отъ которыхъ зависитъ зрѣніе.

Зрительный нервъ, какъ видно изъ названія, есть нервъ зрѣнія. Первая поражаетъ насъ его связь съ мозгомъ. Въмѣсто того чтобъ, подобно другимъ нервамъ, происходить отъ одной определенной точки этой мякоти, зрительный нервъ соединенъ анатомически съ многими ея частями, различными по положенію, устройству и свойствамъ. Скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемомъ мозговомъ концѣ зрительнаго нерва.

Зрительный нервъ (вторая пара), прежде соединенія своего съ другимъ зрительнымъ нервомъ въ хіазму (*chiasma*), является въ видѣ плоской тесемочки, окружающей мозговую ножку, къ которой онъ прикрѣпленъ своимъ наружнымъ краемъ. Позади ножки, зрительный нервъ раздѣляется на двѣ вѣтви, одну, происходящую отъ *corpus geniculatum externum*, другую, которая расплывается, такъ сказать, надъ переднимъ бугоркомъ четвернаго возвышенія. Эти двѣ вѣтви составляютъ задніе корешки зрительнаго нерва.

Для хіазмы есть особенный корешокъ. Это тоненькая сѣроватая пластинка, которая начинается отъ передней стѣнки третьяго желудочка и оканчивается въ точку соединенія

обоня въ зрительныхъ нервовъ. Не знаемъ, можно ли назвать ее корешкомъ : но она тѣсно срастается съ хиазмой.

Видите, съ какими важными частями мозгу соединяется зрительный нервъ : отъ зрительныхъ бугорковъ и четвертого возвышенія зависятъ многія, чрезвычайно сложныя, органическія явленія, и поврежденіе ихъ влечетъ за собою опасныя послѣдствія. Одинъ только сѣроватый корешокъ соединенъ съ менѣе важными частями мозгу; потому-что ихъ можно вырѣзать не повреждая зрѣнія.

Изъ этого видно, что болѣзненное состояніе даже отдѣльныхъ частей зрительнаго прибора можетъ имѣть вліяніе на неправильность зрѣнія. Довольно незначительнаго поврежденія, въ которой-нибудь точкѣ, длиннаго пути, пролагаемаго этимъ нервомъ на основаніи черепа, чтобъ зрѣніе испортилось. Безпорядки будутъ еще важнѣе, когда поврежденіе произойдетъ въ зрительныхъ бугоркахъ или въ четверномъ возвышеніи. Чтобъ зрѣніе испортилось, для этого даже не нужно измѣненій въ нервной мягкости : довольно если, отъ избытку мозговой воды, сожмутся мозговые доли, или если она испортится въ своихъ составныхъ частяхъ. Можетъ-быть что и всѣ безпорядки, происходящіе въ зрѣніи при извѣстныхъ болѣзняхъ, зависятъ отъ подобныхъ причинъ.

Другое замѣчательное обстоятельство, котораго никто не умѣетъ объяснить, это—вліяніе нѣкоторыхъ частей мозгу на положеніе глазъ. Коснитесь до волокнистаго пласта, который окружаетъ, подобіе кольца, продолговатый мозгъ: глаза тотчасъ же примутъ престранное положеніе. Одинъ будетъ невольно смотреть вверхъ, другой внизъ. Почему перекаются оба глаза въ одно время, хотя мозгъ поврежденъ на одной только сторонѣ? Этого мы не знаемъ.

Есть еще одна анатомическая особенность въ расположеніи зрительныхъ нервовъ : всѣ нервы другихъ чувствъ происходятъ съ той стороны мозгу, гдѣ лежитъ органъ, въ которомъ они раздѣляются. Слышательный нервъ праваго уха, напримеръ, начинается съ правой стороны мозгу; лѣвый съ лѣвой. Въ зрительныхъ нервахъ это иначе: они перекрещаются одинъ другаго, то есть, начинаются на одной сторонѣ мозгу, а идутъ въ глазъ противоположнаго боку. Особенно хо-

рошо видно въ у рыбъ. Но у человека, среднія нити зрительныхъ нервовъ, такъ сказать, сплавливаются другъ съ другомъ, между-тѣмъ какъ самыя вѣшнія не пересѣкаются, а образуютъ просто уголь, котораго верхушка обращена внутрь, къ хіазмѣ. Внутреннія же нити пересѣкаются: правыя идутъ на лѣво, а лѣвыя на право. Почему это такъ, никто не знаетъ.

Отъ хіазмы, уже зрительные нервы идутъ каждый къ своей дырѣ, которая ведетъ его въ глазную впадину, и входятъ въ глазъ сзади. Вся вообще полагаютъ, будто сѣтчатая оболочка (retina) есть продолженіе нерва. Ласень (Lassaigne) нашелъ много сходства между устройствомъ этой оболочки и бѣлою мякотью мозгу. Я долженъ однако жъ замѣтить, что еще не доказано, чтобы ретина была продолженіемъ самаго зрительнаго нерва, потому что, сжимая нервъ при вхожденіи его въ глазъ, нельзя выдавить изъ него нервной матеріи.

Зрительный нервъ не состоитъ, какъ думали древніе, изъ волокнистаго чохла, наполненнаго мозговою мякотью; а изъ чрезвычайно тонкихъ нитей, лежащихъ одна подлѣ другой.

Вотъ, что замѣчательнаго въ анатомическомъ устройствѣ этихъ нервовъ; и это послужитъ намъ къ объясненію различныхъ явленій.

За уничтоженіемъ зрѣнія слѣдуетъ постепенное исчезаніе нервнаго вещества въ зрительномъ нервѣ: не только самъ онъ высыхаетъ, но даже и тѣ части мозгу, откуда онъ беретъ свое начало. У птицъ, напримѣръ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, исчезаютъ зрительныя доли, потому что онъ, сами по себѣ, не что иное какъ развитые бугорки четвернаго возвышенія.

Вотъ голубь, у котораго выколотъ глазъ три недѣли тому назадъ. Я отрублю ему голову. Черепъ вскрытъ. Правый зрительный нервъ гораздо тоньше, сѣроватѣ цвѣтомъ, и морщиноватѣ лѣваго; лѣвый, напротивъ, бѣлаго, блестящаго цвѣту, гладокъ и полонъ. Въ зрительныхъ доляхъ произошли такія же перемѣны: правая сморщилась, имѣетъ видъ неправильно сферической, величиною съ небольшую горошинку, желтоватаго цвѣту. Лѣвая, по-крайней-мѣрѣ,

къ два раза больше правой и представляетъ совершенно правильную форму.

На правой сторонѣ, зрительные нервы разсыпаются на поверхности зрительной доли въ видѣ правильнаго опахала, правильно и симметрически; на лѣвой сторонѣ, это описано иначе. Зрительный нервъ или, лучше, тоненькая ниточка, — все, что отъ него осталось, — едва держится у зрительной доли, къ которой прикреплена одна или двѣ волокнистыя нити; отъ прочихъ осталась почти одна невзрачная: мозговая мякоть почти исчезла.

Вотъ мозгъ старухи, которая была совершенно слѣпа: зрительные нервы почти исчезли.

Вотъ мозгъ стараго инвалида, который тридцать пять лѣтъ былъ кривъ на правый глазъ: зрительный нервъ въ настоящей атрофiи. Впрочемъ это не всегда бываетъ: случается, что зрительные нервы вовсе не высыхаютъ; иногда атрофiя доходитъ только до хiазмы, иногда засыхаетъ нервъ соответствующiй слѣпому глазу, иногда нервъ другой стороны: однимъ словомъ тутъ нѣтъ ничего постоянного.

Отчего, съ разрывомъ пятой пары, сѣтчатая оболочка становится неспособною понимать ощущенiя свѣту? Не отъ паралича ли рѣсничныхъ нервовъ? Можетъ-быть; и это тѣмъ вѣроятнѣе, что между ретиною и зрачкомъ мы замечаемъ тѣсную связь: движенiя одной — явное доказательство чувствительности другой. Рѣсничные нервы идутъ, одни отъ глазнаго узелка, другiе отъ носовыхъ нитей, но все-таки отъ пятой пары. Отъ первыхъ, какъ кажется, зависитъ сжиманiе, отъ вторыхъ расширение зѣницы. Съ перерывомъ пятой пары зрачокъ дѣлается неподвижнымъ. Все это такъ: не понятно только, отчего сѣтчатая оболочка терлетъ способность видѣть.

Въ здоровомъ состоянiи, движенiя зѣницы находятся въ прямомъ отношенiи къ количеству свѣту. Чѣмъ больше свѣту, тѣмъ сильнѣе сжимается зрачокъ: она пропускаетъ въ глазъ только такое количество свѣтопосной матерiи, чтобы въ глазу она не произвела болѣзненнаго ощущенiя. Сѣтчатой оболочкѣ назначено черезъ посредство зрительнаго нерва сообщать мозгу впечатлѣнiя свѣту. Известно, какъ

нужна чувствительность этой оболочки: неминуемо сильный свет тотчас ее поражает, слезы начинают течь и, въ несколько минут, вся окружающіе предметы кажутся покрытыми туманомъ. Между-тѣмъ эта оболочка все не чувствуетъ прикосновенія предметовъ, которые во всѣхъ другихъ тканяхъ, гораздо грубѣйшихъ, производятъ сильную боль. Чтò жъ это значитъ?... что ретина нечувствительна осизательно? Да; она чувствительна только къ одному свету.

Сблизивъ результаты, полученные нами изъ опытовъ надъ пятою паркою, можно подумать, что, не съчатая оболочка—существенный органъ зрѣнія, а пятая пара. Чтòбъ убѣдиться въ этомъ, я разрывалъ зрительный нервъ, при входе его въ глазную впадину: если световыя впечатлѣнія приносятся жозгу другимъ путемъ, животное будетъ видеть, говорилъ я. Вышло иначе. Животное рѣшительно ослѣпло.

Теперь представляется другой вопросъ: который глазъ повреждается, если разрѣзать зрительный нервъ, до пересѣченія, до хіазмы? У рыбъ, этотъ вопросъ рѣшила сама природа: у нихъ зрительные нервы переходятъ одинъ черезъ другой, не смышиваясь нитями. У птицъ, мы видимъ, высыхаетъ нервъ на сторонѣ, противоположной выключенному глазу. А у млекопитающихъ? Тутъ разрѣшеніе загадки становится затруднительнѣе.

Воластонъ предполагалъ, что нервы пересѣкаются только своею внутреннею половиною: я сдѣлалъ опытъ, который доказываетъ, что этотъ ученый ошибся. Я разрывалъ у кролика правый зрительный нервъ, позади хіазмы: зрѣніе осталось въ правомъ глазу, но исчезло въ лѣвомъ. Если же разрѣзать хіазму по самой серединѣ, животное тотчасъ ослѣпнетъ на оба глаза. Я сдѣлаю сейчасъ этотъ опытъ.

(Кроликъ). Въ самой серединѣ лба я просвѣрливаю дыру. Ввожу въ черепъ тоненькій бистурій, по направленію бороздки, находящейся между долями, и достигаю наконецъ до костяной поверхности, на которой покоится хіазма. Должно стараться, чтобъ инструментъ шелъ совершенно прямо: иначе опытъ никуда не будетъ годиться. Я разрывалъ хіазму: животное не обнаружило боли; потому что зрительные нервы безчувственны. Оно совершенно ослѣпло:

зрачкы неподвижны, зѣницы расширились. Я быстро приближаю къ глазамъ его свою руку, какъ-будто хочу ударить; оно и не пошевелинулось. Я его толкаю впередъ: оно боится сдѣлать шагъ. Но вотъ оно пошло, однако жъ натѣкаетъ на вещи, находящіяся на столѣ. Я выставляю его на солнечный свѣтъ: оно даже не мигнуло. Зѣница расширена, какъ прежде. Вѣки, однако жъ, закрываются, когда я прикасаюсь инструментомъ до соединительной ободочки. Животное очевидно ослѣпло.

Я разрѣжу у этого кролика сѣроватую пластинку, — корешокъ хиазмы, — идущую къ ней отъ *tuber cinereum*. Чтобы дойти до нея, я долженъ буду срезать несколько пластинъ мозговой мякоти съ переднихъ долей мозгу. Мудрено сказать, произойдутъ ли какія перемены въ зрѣніи отъ разрѣзу этой пластинки, потому что зрѣніе испортится отъ одного извлеченія мозговыхъ долей.

(Кроликъ.) Я отдѣляю сводъ черепа и срываю часть мозговыхъ долей, лежащую надъ хиазмой. Вотъ сѣрая пластинка: я ее перерѣзываю. Въ зрачкахъ не произошло ни какой перемены. Животное не видитъ, но причина этого — разрѣзъ мозговыхъ долей. Замѣтимъ, однако жъ, что разрѣзъ пластинки не произвелъ боли, и что она не имѣетъ вліянія на движеніе глазъ: они сохранили свое обычное, правильное, положеніе. Я вырѣжу теперь остальные мозговые доли: животное вовсе ослѣпло. Это доказываетъ, что между чувствомъ зрѣнія и мозговыми долями находится прямое отношеніе.

Въ глазу животнаго, лишеннаго мозговыхъ долей, гдѣ совершаются, вѣроятно, умственные дѣйствія, сѣтчатая оболочка принимаетъ впечатлѣнія свѣту, но животное потеряло способность узнавать, откуда они происходятъ, и отъ этого не видитъ. И вотъ доказательство.

Я извлекаю у кролика мозговые доли: чтобы заставить по-двинуться впередъ, я долженъ ущипнуть его: онъ, какъ-будто боится наткнуться на что-нибудь, и, въ самомъ дѣлѣ, оно столкнуло блюденко и едва не упало со стола. Если кроликъ еще и видитъ окружающіе предметы, онъ всё-таки не можетъ разсудить, далеко ли близко ли они отъ него находятся. Но

Надобно доказать, что сътчатая оболочка способна еще чувствовать солнечный свѣтъ.

Пока животное находится въ тѣни, вы видите, что у него расширены зѣницы и вѣки неподвижны. Я направляю на глаза его солнечный лучъ : въ ту же минуту вѣки начали мигать и зѣницы сжались.

Изъ этого я заключаю, что явленія слѣпоты, происходящія отъ поврежденія мозговыхъ долей, не столько зависятъ отъ паралича ретины, сколько отъ уничтоженія, или уменьшенія дѣятельности, или влеченія чисто инстинктивнаго. Въ старости, зрѣнiе слабѣетъ, и наконецъ вовсе уничтожается; но это происходитъ отъ множества причинъ : съ уменьшенiемъ количества глазныхъ влагъ, органъ утрачиваетъ свою преломляющую свѣтъ способность, хрусталикъ становится не прозрачнымъ; и свѣтъ не можетъ уже доходить до ретины. Но самая важная причина потери зрѣнiя у стариковъ — уменьшенiе чувствительности въ сътчатой оболочкѣ или, лучше сказать, во всей нервной мякоти. Мозгъ также становится нечувствительнымъ къ впечатлѣнiю свѣту, какъ онъ не способенъ и къ умственнымъ дѣйствiямъ.

РУБЕНСЪ.

СОЧИНЕНІЕ ГОСПОДИНА ВЕРТУ *.

Въ смутное время междоусобныхъ войнъ въ Нидерланды; изъ Антверпена, жертвы безчинствъ и грабежей, вытѣхалъ докторъ правъ и совѣтникъ магистрата Янъ Рубенсъ, съ женой Маріей и дѣтьми. Онъ поселился въ Кѣльнѣ, получилъ тамъ право гражданства, завелъ торговлю серебромъ, и зажилъ счастливо. Вдали отъ политическихъ тревогъ, судьба надѣлила отставнаго совѣтника радостями семейства и довольствомъ. Въ 1577 году у него родилось сѣльное дитя, сынъ, который по желанію Маріи, названъ Петромъ-Павломъ.

Первые годы жизни Петра-Павла Рубенса протекли безъ особенно замѣчательныхъ происшествій. Онъ воспитывался среди братьевъ и сестеръ, подъ нѣжнымъ надзоромъ матери. Живость характера и красота мальчика привлекали къ нему вниманіе каждаго. Малютку любили все, а въ особенности крестная мать его, графиня Лаленъ, которая была отъ него въ восхищеніи.

Не нужно и рассказывать, что Янъ Рубенсъ и жена его часто разговаривали и совѣтовались о воспитаніи и будущемъ назначеніи своего сына. Графиня Лаленъ просила, чтобъ Петра отдали ей на руки, обещала опредѣлить его въ паки и, посредствомъ своихъ связей при дворѣ, доставить ему полкъ, когда достигнетъ необходимаго возраста. Но неурою Марію пугали опасности войны и соблазны придворной жизни, и она вмѣстѣ съ Яномъ рѣшились лучше приготовить Петра къ аванію правова и законника. Его отдали въ школу, гдѣ маленькій Рубенсъ вскорѣ сталъ на ряду пер-

* PIERRE-PAUL RUBENS, par S. Henry Berthoud Paris, 1840, 2^e vol.

выхъ учениковъ и потомъ превзошелъ всѣхъ. Будучи десяти лѣтъ отъ роду онъ уже легко переводилъ греческихъ писателей, такъ, что, по словамъ одного біографа, «Рубенса «показывали въ училищѣ какъ диктовку, и не уставали «слушать его бойкихъ изустныхъ переводовъ Гомеровыхъ «стиховъ и рѣчей Демосоена, хотя самъ онъ былъ ростомъ «не выше ноги.»

Мейнеръ Янъ Рубенсъ былъ счастливъ и не мало гордился успѣхами своего сына; величайшимъ удовольствіемъ его было, въ воскресный день или праздникъ, посадить маленькаго доктора возлѣ себя, въ кабинетъ, слушать его звучное, пріятное чтеніе классиковъ. Плутарка и Гомера Петръ предпочиталъ всѣмъ прочимъ писателямъ, а живописныя описанія битвъ и героическихъ подвиговъ любилъ онъ слушать всего.

Насталъ пятьдесятъ седьмой день рожденія Яна Рубенса, великій праздникъ для его семейства. Дѣти счастливаго отца, по-очереди, подносили ему давно въ тихомолку приготовлявшіеся подарки: каждый по мѣрѣ силъ старался обрадовать родителя. Дочери его, Клара и Блондина, поднесли, одна шитый золотомъ плащъ, другая, превосходной работы перчатки; старшій сынъ, Филиппъ, поднесъ рѣчь, говоренную въ лувенскомъ университетѣ; Батистъ — красивый ларчикъ своей работы; Генрихъ — довольно порядочный рисунокъ; Вареоломей — поздравительный листъ, отлично отдѣланный орнаментами и писанный почеркомъ, которому позавидовалъ бы любой каллиграфъ. Наконецъ дошла очередь до Петра. Онъ подалъ отцу Тассовъ «Освобожденный Ерусалимъ», книгу, которую тотъ подарилъ ему, за три мѣсяца до этого, съ тѣмъ, чтобы онъ ознакомился съ прекраснымъ языкомъ Италіи.

— Которую высь хотите, чтобы я перевелъ, батюшка? спросилъ Петръ съ важностью профессора, вступающаго на кафедру въ наумуренскомъ парикѣ.

Отецъ открылъ книгу наугадъ, и мальчикъ, не замечаясь, перевелъ, отъ начала до конца, эпизодъ «Очарованная роща», такъ ловко и хорошо какъ-будто читалъ по-фламандски.

Янъ Рубенсъ , въ восторгѣ , со словами радости , прижалъ сына къ груди и нѣжно поцѣловалъ .

— О , воскликнулъ онъ , ты будешь дѣльнымъ парнемъ!... Ступай же теперь играть съ сестрами и братьями , прибавилъ онъ , видя , что Петръ , съ таинственнымъ видомъ , поворачиваетъ въ рукахъ большую книгу Тасса .

Мальчикъ , вмѣсто отвѣту , положилъ книгу на колѣни отца и указалъ на поля , гдѣ , у заглавія каждой нѣсни , онъ нарисовалъ карандашемъ главныя сцены содержанія поэмы . Конечно , въ этихъ произведеніяхъ десяти-лѣтняго ребенка нашлось бы много неправильнаго , однако жъ не возможно было не замѣтить искусства и смелости , обличавшихъ зародившійся таланта . Видя это пробужденіе генія , Янъ Рубенсъ обольстился—было надеждою увидѣть въ сынѣ своего даровитаго художника , но вспомнилъ судьбу автора славной поэмы , несчастнаго Тасса , вспомнилъ , что знаменитые , великіе , люди рѣдко бываютъ счастливы , что безсмертная слава , болѣею частію , пріобрѣтается тяжкими лишеніями и достается человѣку не прежде какъ по смерти , то есть , въ то время , когда уже не нужна ему , и , вспомнивъ все это , рѣшился въ самомъ началѣ уничтожить опасную , по его мнѣнію , склонность сына . Онъ принялъ на себя серьезный видъ и , покачавъ головой , сказалъ :

— Ты испортилъ мою прекрасную книгу своимъ дряннымъ карандашомъ..... Ну , ступай теперь , играй . Да смотри впередъ не дѣлай такихъ шалостей !

Годъ спустя , Янъ Рубенсъ умеръ . На смертномъ одрѣ , онъ поручилъ своей доброй Маріи попеченіе о дѣтихъ , и исполненіе многократно вмѣстѣ обдуманнаго предположенія касательно ихъ будущности , также какъ поручилъ ей заботиться и объ устройствѣ и сохраненіи пріобрѣтеннаго частнымъ трудомъ имѣнія ; онъ совѣтовалъ ей оставить Кальвъ и возвратиться въ Антверпенъ , гдѣ миръ и безопасность гражданъ были восстановлены , и гдѣ она могла найти болѣе близкихъ родственниковъ и надежныхъ покровителей . Отдавъ послѣдній долгъ нѣжно любимому и уважаемому мужу , мефроу Марія исполнила его завѣщаніе : съ помощью старшаго сына , Филиппа , она съѣздила нужныя распоряженія и переехала на прежнее пенеліце , въ Антверпенъ ,

гдѣ Филиппъ, своей расторопностью въ дѣлахъ обратилъ на себя вниманіе и заслужилъ уваженіе магистрата, такъ, что, несмотря на свою молодость, получилъ важное мѣсто секретаря города Антверпена.

Между-тѣмъ Петръ-Павелъ Рубенсъ продолжалъ учиться и дѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что будучи тринадцатилѣтъ отъ роду уже говорилъ по-латыни и по-гречески кромѣ на своемъ природномъ языкѣ, и столь же свободно изъяснялся по-англійски, по-испански, по-италіянски и по-французски. Одаренный замѣчательною красотой, живыми, выразительными глазами, правильными, благородными чертами лица и стройнымъ станомъ, развязный, смѣлый, удивительно искусный во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и сверхъ-того обладавшій пріятнымъ, добрымъ характеромъ, Петръ-Павелъ привлекалъ вниманіе каждаго и былъ любимъ всеми, а его крестная мать не давала Маріи покою просебѣми опредѣлить его въ пажи. Мефроу Рубенсъ долго сопротивлялась обольстительнымъ предложеніямъ своей кумы, но наконецъ согласилась, и графиня Маленъ съ восторгомъ увезла крестника въ Брюссель. Она обходилась съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ.

Однако жъ молодой человекъ, привычный къ дѣятельной и тихой семейной жизни, не находилъ большаго удовольствія въ роскоши и непрерывныхъ забавахъ двора. Вмѣсто того чтобъ предаваться непрестаннымъ разсыніямъ и праздности, онъ почти все свое время посвящалъ верховой ѣздѣ, и вскорѣ сталъ такимъ лихимъ наездникомъ, что возбуждалъ удивленіе конюшихъ, посѣдѣвшихъ въ своемъ искусствѣ.

Послѣ годичнаго отсутствія, Петръ-Павелъ пріѣхалъ на нѣсколько дней къ матери, и не безъ радости приветствовалъ отцовскую бібліотеку. Первая книга, которая попала ему въ руки, была Тассова поэма. Молодой пажъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что отецъ заботливо хранилъ рисунки и книгу, которую называлъ испорченною. Петръ понялъ тогда причину притворной досады своего родителя на работу ребенка, и это открытіе пробудило въ немъ любовь къ живописи. Онъ тотчасъ же принялся за дѣло. Однажды, утромъ, мефроу Рубенсъ вошла въ комнату сына и застала

его за тревожникомъ, съ палитрой и кистями въ рукахъ. Она была пріятно изумлена и восхищена красотою небольшою его картинки.

— Ахъ! матушка, воскликнулъ Петръ, чѣмъ заставляешь меня жить въ бесполезной праздности у графини, позвольте лучше идти въ ученье къ хорошему живописцу: я уверю, что сделаюсь искуснымъ и известнымъ художникомъ.

— Какъ! Чтѣ? Петръ! возразила мать: чтѣ за мысль? Тебѣ, сыну благородныхъ родителей, быть живописцемъ?

— Матушка, скромно отвѣчалъ молодой человекъ: я думаю, что написать хорошую картину по-крайней-мѣрѣ столько же прилично благородному человеку какъ ѣздить верхомъ, играть въ кости и злословить.

— Хорошо, мой другъ; ты останешься у насъ, но не говори мнѣ больше о желаніи, котораго я не могу одобрить.

«Какъ бы то ни было и несмотря на этотъ отказъ, говоритъ удалившійся отъ дѣлъ правовѣдъ Мишель, старшій биографъ Рубенса: Петръ-Павелъ не оставлялъ своего намѣренія и, при удобномъ случаѣ, возобновилъ просьбу. Мать ни какъ не соглашалась; она считала живопись художествомъ неприличнымъ званію своего сына, и представляла, что онъ слишкомъ молодъ для избранія себѣ роду жизни; что она всматривала и назначаетъ его къ званію болѣе почетному; словомъ, что она ни за чтѣ не согласится позволить ему сделаться живописцемъ.»

Несмотря на такой рѣшительный отказъ, молодой человекъ, увлеченный стремленіемъ пробудившейся страсти и повинаясь голосу призванія, снова приступилъ къ матери съ просьбами, убѣжденіями, и докучалъ ей до того что она согласилась созвать всѣхъ родственниковъ и ошекуновъ, на совѣтъ по этому дѣлу. Тамъ разсудили, что если ужъ у Петра такая страсть къ живописи, такъ пусть идетъ своей дорогой. Петръ прыгалъ отъ радости. Онъ пошелъ въ ученье къ Адаму ванъ Орту, знаменитому портретному живописцу въ Антверпенѣ. Мастеръ Адамъ былъ человекъ крутаго нрава, грубый, необразованный. Онъ изъ столяровъ сталъ известнымъ живописцемъ, и отъ прежняго ремесла сохранилъ образъ преподаванія и обращенія съ учениками, кото-

рые приобретали у него знаніе цѣною тяжкихъ трудовъ и униженія. Безъ пламенной любви къ искусству, ученики эти скоро оставили бы мастерскую такого полу-дикаго художника. Рубенсъ, по привычкѣ другихъ, терпѣливо переносилъ свою долю неприятностей и находилъ утѣшеніе въ товариществѣ Генриха ванъ Белена, Севастіана Франка и Якова Йорденса, которые также, въ награду за свое терпѣніе и труды, впоследствии стали знаменитыми живописцами.

Прошло осьмнадцать мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ Рубенсъ ни разу не измѣнилъ себя, какъ ни тяжки были испытанія, которымъ подвергали его своеправіе и вспыльчивость мастера. Но разъ, вечеромъ, ванъ Ортъ возвратился изъ гостей дотога разгоряченный виномъ, что осмѣлѣлъ учениковъ площадными ругательствами, и забылся такъ, что ударилъ одного изъ нихъ. Рубенсъ и его товарищи рѣшились тотчасъ же оставить учителя. Они возвратились каждый къ своимъ родителямъ, и мѣроу Рубенсъ, у которой въ ту пору были гости, воспользовалась случаемъ указать сыну на невыгоду состоянія живописца, и вывела заключеніе, что ему гораздо лучше бросить кисти и снова заняться изученіемъ правъ. Одинъ изъ гостей, человекъ простой и благородной наружности, представленный семейству герцогини старостой, улыбнулся этому разсужденію заботливой матери, и увѣрилъ ее, что не вся живописца таланта какъ мастеръ ванъ Ортъ, и что онъ знаетъ нѣкоторыхъ, заслуживающихъ полнаго уваженія по своему характеру и образованію. Во время этого разговору вошелъ крестьянскій отецъ Петра, принцъ де-Шинман. Онъ бросился къ гварившему гостю, дружески обнялъ и увѣреалъ, что, приѣхавъ въ Антверпенъ, остановился не во дворцѣ того, кто гордится дружбою съ такимъ славнымъ и уважаемымъ человекомъ.

— Видите, сказалъ тотъ, обращаясь къ мѣроу Рубенсъ: не вся живописцы грубіяны и неучи. Теперь я могу вамъ открыть, что я тоже живописецъ, и хотя называюсь Октавіемъ ванъ Феномъ, именемъ, подъ которымъ представленъ вамъ почтеннымъ старостой, однако жъ подписываюсь на картинахъ на латинскій ладъ — Оттовениусъ.

Рубенсъ вспыхнулъ, на рѣсницахъ сверкнули слезы ра-

дети; онъ подошелъ, почтительно преклонилъ колѣно передъ знаменитымъ художникомъ, схватилъ его руку и приказалъ къ губамъ.

Оттовеніусъ, смущенный этою безмолвною данью удивленія пуще всякой громкой хвалы, чуть самъ не заплакалъ.

— Мауинкя! попросите мессиръ Оттовеніуса, чтобы онъ принялъ меня въ ученики, съ жаромъ воскликнулъ Рубенсъ.

— Мастеръ, я не ветану, пока не получу этой милости!

— Другъ мой, возразилъ старикъ, если Богъ истинно послалъ твоей душѣ призваніе къ великому искусству, я готовъ взять тебя съ собою въ Брюссель, и дать мѣсто въ моей мастерской. Но если тебя влечетъ къ живописи одна только легкомысленная охота и тщеславіе, то я откровенно посоветую тебѣ сойти съ пути, на которомъ должно вступать съ пламенной любовью и чистыми помыслами или не вступать вовсе. Покажи мнѣ свои работы у фанъ Орта.

— Въ той комнатѣ, сказала маэроу Рубенсъ, у меня есть «Ворей топицающій Орнисъ», картина, которую Петръ подарилъ мнѣ на прошедшей недѣлѣ, въ день рожденія. Я мнѣ покажу ее, мессиръ.

Она повела Оттовеніуса въ смежную комнату, и Петръ помогъ сядомъ, трененда отъ страха и надежды.

Увидѣвъ картину, Оттовеніусъ вскрикнулъ отъ удивленія и радости, обратился къ Рубенсу и обнялъ его съ восторгомъ.

— Ты будешь величайшимъ живописцемъ Фландріи! сказалъ онъ: ты будешь величайшимъ художникомъ своего времени, дай только труду и опыту укрѣпить даръ, посланный тебѣ небомъ! Пойдемъ со мной въ Брюссель, Рубенсъ. Я не только съ радостью соглашаюсь, но требую этого, умоляю тебя объ этомъ. Ты будешь мнѣ не ученикомъ, а другомъ, братомъ! Да будетъ благословенна судьба, которая должна мнѣ руководить на пути къ славы того, кому суждено занять мѣсто между Рафаэлемъ и Буонаротти! Теперь я утѣшусь и удовольствуюсь именемъ второстепеннаго художника: потомство не пронесетъ моего имени, не прибавитъ къ нему славнаго титула—учитель Рубенса! Пойдемъ другъ мой, пойдёмъ тотчасъ въ Брюссель.

Опищите себя сами радость Петра и счастье матери, слушающей такіа предвѣщанія сыну. На другой день Петръ-Павель Рубенсъ и Оттовениусъ отправился въ Брюссель, гдѣ достойный мастеръ, съ самоотверженіемъ относительно къ собственной славы, занялся руководствомъ своего ученика, передачею ему тайнъ своего искусства и благо-разумнымъ направленіемъ стремленія гения. Онъ не остав-лялъ его ни на минуту, вездѣ водилъ съ собой, сторожилъ за его нравственностію съ нѣжнымъ вниманіемъ матери, и образовалъ изъ него не только великаго живописца, но и совершеннаго молодаго человека. Такимъ образомъ прошло два года. Въ исходе этого времени Оттовениусъ сталъ задумчивымъ и печальнымъ: Рубенсъ часто вставалъ его въ тайныхъ слезахъ, и нѣжно упрямалъ старика за огорченіе, скрываемое отъ участія сына.

— Другъ мой, отвѣчалъ однажды мастеръ: проливать эти слезы заставляетъ необходимость близкой разлуки съ тобою!

— Разлуки? Что же я сдѣлалъ! чѣмъ заслужилъ это? вскричалъ Рубенсъ съ горестію.

— Вспомни, что составляетъ мою гордость и мое счастье, милый сынъ! Ты долженъ отправиться въ Италію, изучить великихъ мастеровъ, видѣть безсмертныя образцы и совершенствоваться въ искусствѣ. Признаюсь, я лишаюсь бодрости при этой мысли и не могу безъ горести вспомнить о разлукѣ..... Но это необходимо для твоей славы. Такъ должно быть. Мы поведемъ въ Антверпенъ, и я выпрошу тебя позволеніе матери на это путешествіе.

Черезъ нѣсколько дней Оттовениусъ съ ученикомъ своимъ пріѣхалъ въ Антверпенъ и сообщалъ мещроу Маріи свою мысль о путешествіи молодаго Рубенса; потомъ онъ всею душою предался заботѣ о доставленіи своему ученику сколько возможно болѣе удобствъ къ путешествію. Онъ далъ ему рекомендательныя письма ко всемъ своимъ многочисленнымъ друзьямъ въ Италію, и доставилъ прощальную аудіенцію у великаго герцога Альберта и супруги его Изабеллы. Блестящія предсказанія Оттовениуса уже не были тайной: объ нихъ говорили во всей Фландріи; и хотя Рубенсъ, по совету мастера, не показывалъ своей работы никому кроме домаш-

нѣтъ, однако жъ на его талантъ уже смотрѣли при дворѣ какъ на будущую славу Фландріи. Герцогъ и его супруга приняли молодаго художника весьма благосклонно. Рубенсу было тогда лѣтъ осьмнадцать, но по росту, развитымъ формамъ и физиономіи онъ казался старше. Въ наружности его, съ юношескою прелестью соединялось выраженіе важности, которое удивительно къ нему шло. Герцогъ приказалъ изготавить для Рубенса рекомендательныя письма къ нѣсколькимъ италіянскимъ владѣтельнымъ особамъ, и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ увѣрилъ молодаго художника, что онъ всегда найдетъ въ своемъ государѣ доброга и заботливаго покровителя.

— Носи это, прибавилъ онъ, снимая съ шеи тяжелую золотую цѣпь и надвывая ее на Рубенса : носи, и не забывай среди обольщеній и почестей, которыми будетъ обсыпана тебя Италія, что ты принадлежишь намъ и долженъ возвратиться въ отечество, которое тебя ожидаетъ съ отверстыми объятіями. Отговениусь сказать намъ, что ты ѣдешь черезъ три дня; стало-быть ты останешься сегодня съ нами, завтра простишься съ родными, а послѣ-завтрашній день долженъ принадлежать твоему учителю....

— Мою отцу, возразилъ Рубенсъ, растроганный до слезъ : моему благодѣтелю, которому обязанъ я надеждой обладанія, со-временемъ, небольшимъ талантомъ, и вашими высокими, неоцѣненными милостями, и всѣмъ моимъ счастьемъ !

— И я, по примѣру высокаго супруга, хочу, чтобъ ты не забылъ обо мнѣ, сказала герцогиня, обращаясь къ взволнованному молодому челоуьку : носи этотъ перстень въ память своей государыни.

Рубенсъ не выдержалъ, упалъ на колѣни и слезы въ два ручья заструились по щекамъ его.

— О! ваше высочество, помилуйте! воскликнулъ онъ вня себя : я умру отъ радости !

— Нѣтъ, мы желаемъ, чтобъ ты жилъ какъ-можно дольше, а твое имя — вѣчно, возразила герцогиня.

Наступилъ часъ разлуки Рубенса съ семействомъ; сестры и братья рыдали прощаясь съ нимъ, мать была неутѣшною. Благословивъ сына, она сняла со стѣны небольшой сере-

бренный медальонъ, съ изображеніемъ Мадонны, подаренный Тассомъ отцу Рубенса, который былъ обязанъ поату спасеніемъ жизни. Во время пребыванія своего въ Италиі, гдѣ Янъ Рубенсъ посещалъ ученія академи и университеты, однажды, почью, на него напали бандиты, и только нечаянное подвѣшеніе и мужественная защита молодого поэта спасли его. Это было началомъ дружбы, которая соединила ихъ во всю жизнь, и въ самой разлукѣ. Медальонъ хранился въ семействѣ Рубенса какъ величайшая драгоценность.

— Сынъ мой, сказала Марія, надѣвая медальонъ на шею Петру: ты знаешь, какъ дорогъ мнѣ этотъ священный образъ: храни его въ память своей матери. и да помянетъ тебя Заступница всѣхъ скорбящихъ! Когда ты встрѣдишь того, кто подарилъ намъ этотъ медальонъ, вспомни, что ты обязанъ ему спасеніемъ жизни своего отца.

Черезъ нѣсколько минутъ Петръ-Павелъ вхалъ по дорогѣ въ Брюссель.

Выходя изъ экипажа, онъ упалъ въ объятія Оттовеніуса, который вышелъ къ нему на встрѣчу и не разлучался съ своимъ ученикомъ до самой минуты его отъѣзда.

Когда лошади тронулись, Оттовеніусъ, на послѣднее прощанье, бросилъ ученику на колѣни небольшой портфель. Рубенсъ развернулъ и нашелъ нѣсколько векселей на значительную сумму, переведенныхъ на важнѣйшихъ италянскихъ банкировъ, и слѣдующее письмо:

«Милый сынъ, это — плодъ моей бережливости, который я предлагаю тебѣ; помни, что ты ѣдешь въ Италию приобрѣтать незолото, искусства. Богатство и слава ожидаютъ твоего возвращенія въ отечество.»

Послѣ продолжительнаго и труднаго путешествія, Рубенсъ прибылъ въ Венецію. Первою заботою его было приискать удобную квартиру, въ которой онъ тотчасъ устроилъ мастерскую. Но прежде нежели взялся за кисть, онъ посвятилъ нѣсколько дней на осмотръ мастерскихъ произведеній Тициана, Павла Веронезе, и другихъ великихъ художниковъ, которыхъ такъ много нашелъ въ галереяхъ и палацахъ знатныхъ Венеціанцевъ. Видъ столькихъ сокровищъ искусства распалилъ воображеніе молодого художника: онъ съ жаромъ принялся изучать ихъ и, запершись въ своей

мастерской, стараюсь на память копировать ихъ прекрасныя картины.

Разъ, когда Рубинъ прилежно трудился надъ окончаніемъ картины, заимствованной изъ знаменитой «Битвы стараго Эгипта», и для возбужденія своего воображенія декламировалъ звучные стихи Виргилія, описывающіе эту сцену, онъ вдругъ услышалъ восклицаніе за перегородочною дверью своей комнаты, взглянулъ туда и съ удивленіемъ замѣтилъ, дару чернѣхъ, быстрыхъ глазъ, остроназыхъ прямо на него. Онъ всталъ и пошелъ отворить. Въшедшій незнакомецъ, въ привѣтствіе, снялъ черную бархатную шапочку, окруженную золотой каймою и отворилъ совершенно обнаженную отъ волосъ голову, которой широкіе размашистые волосы удивительно хорошо шли къ остроуханной лавиномѣ и пріятной, благородной, синеватой старинной бородѣ.

— Простите, сеньоръ, простите мою нескромность. Я услышалъ вашу искусную, пламенную декламацию Виргиліевыхъ стиховъ, и не могъ устоять противъ искушенія послушать поблизи. Если вы примете мои извиненія, я буду благодаренъ себѣ за свою дерзость, прибавилъ онъ, ставъ противъ треножника: она доставила мнѣ честь знакомства съ прекраснымъ молодымъ человекомъ, и удовольствіе познакомиться на мастерскую картину.

Незнакомецъ принялъ изъ бархатной шапки картину Рубинъ, съ довѣстною такою манерою, что молодой Фламанецъ былъ удивленъ и восхищенъ.

— Сеньоръ, продолжалъ старикъ, смолчавъ крѣпкой разговоръ картины: изъ какого вы итальянскаго народа? Онъ не замѣтилъ въ вашемъ произношеніи, ни римскаго, ни венеціанскаго, ни венеціанскаго нарѣчія.

— Я не Итальянецъ, отвѣчалъ Рубинъ до испанскаго.

— А! понимаю: вы одинъ изъ учениковъ знаменитой испанской школы, что такъ справедливо гордится славою Мудило, великимъ Зурбараномъ и безсмертнымъ Моралесомъ.

— Я не Испанецъ, возразилъ художникъ по-французски.

— Мой землякъ! Вы мой землякъ!

— Нѣтъ, месьиръ, я Фламанецъ, отвѣчалъ Дюръ. Погодите съ своимъ природнымъ языкомъ.

— «Per Cristo!» воскликнулъ изумленный старикъ по-латыни, да вы прекрасно образованный молодой человекъ!

— Я обязанъ этимъ важной пощечительности моеи матери; отвѣчалъ Рубенсъ по-гречески.

— Монтень бросился ему на шею и поцѣловалъ изъ всѣхъ силъ.

— Вотъ сокровище! Вы, на-видъ, юноша; говорите на шести языкахъ, и пишете такія картины, что никто нынче не напишетъ подобной! Да гдѣ же граница твоему генію, дитя мое дитя?... Что вы дѣлаете въ Венеціи? Это, въ искусствѣ, неблагодарный городъ; онъ вамъ не дастъ ни денегъ ни славы. Я завтра ъду въ Мантую; герцогъ Винченцо Гонзага называетъ меня другомъ; поведемте вмѣстѣ. Мы будемъ путешествовать довольно пріятно, а во дворцѣ герцога вы найдете превосходную галерею, гдѣ можете вдоволь насмотрѣться на произведенія Рафаэля, Микель-Анджело, Тициана; Тинторета, и стать ихъ товарищемъ и соперникомъ.

— Великій герцогъ Альбертъ, мой государь, далъ мнѣ рекомендательное письмо къ герцогу мантуйскому.

— Тамъ лучше! Мы отдадимъ его вмѣстѣ: Мишель де-Монтень теперь не расстанется съ вами.

— Какъ! мось де-Монтень? авторъ «Опытовъ»? Клянусь, я ъду съ вами! «Было бы непростительно-глухо сказать сортуль «Нить!» когда она улыбается и протягиваетъ мнѣ свою миленькую ручку.»

— Такъ ъдемъ! сказала Монтень, восхищенный этою ловкою сказочной картинкой изъ своей книги. Поведемъ, и не разстанемся больше.

На другой же день Монтень, съ Рубенсомъ, отправился въ Мантую. Герцогъ Винченцо Гонзага принялъ его съ откровенными объятіями, какъ друга. Послѣ взаимныхъ привѣтій, Монтень представилъ Рубенса и, поручая милостивому вниманию герцога, просилъ для него званія придворнаго живописца.

— Мось Мишель де-Монтеню здѣсь ни въ чемъ нѣтъ отказа. Пьетро-Паоло Рубенсъ, вы съ этой минуты нашъ придворный живописецъ.

— И я прошу вашу свѣтлость позволить ему тотчасъ же

вступать въ свою должность, сказалъ Монтень. Подайте кистей, холстъ и треножникъ!

Рубенсъ, скромно принялся за дѣло и въ два часа накарталъ превосходный портретъ герцога. Увидѣвъ свой портретъ, герцогъ вскрикнулъ отъ удивленія. Долго и пристально смотрѣлъ онъ на прекрасную картину, потомъ взявъ художника за руку, сказалъ :

— Рубенсъ, вы не оставите Италиі! Надобно чтобы ваша слава принадлежала ей навсегда. Живите у меня. Если вы не дворянинъ, я васъ сделаю знатнымъ; если вы были, я васъ осыплю золотомъ. Вы будете жить въ моемъ дворцѣ; мой столъ будетъ вашимъ. Я васъ буду любить какъ люблю Мишель де-Монтеня.

Всѣ придворные зарукоплексали, а Мишель де-Монтень пуше всѣхъ. Рубенсъ отеръ слезу, которая катилась по его щекъ, слезу счастья и радости, слезу упоенія славой!

— Государь, отвѣчалъ онъ, я почитаю себя счастливымъ и горжусь такою милостию! Но въ этихъ письмахъ герцога Альберта вы увидите, что я принадлежу ему и долженъ возвратиться къ моему благодѣтелю, какъ-скоро кончу ученье.

— Я напишу къ герцогу Альберту; я умолю его, чтобы онъ, въ знакъ дружбы ко мнѣ, согласился на ваше переселеніе въ Мантую.

— У меня не достаетъ словъ для выраженія благодарности за такую милость, но я не могу принять ея.... потому что не могу отказаться отъ желанія видѣть мать.

— Она тоже прійдетъ сюда.

— А мое отечество, государь? моя родная Фландрія! Нашъ кѣльнскій домъ, въ которомъ я впервые увидѣлъ свѣтъ, въ которомъ умеръ мой отецъ! Церковь, въ которой покоится его прахъ! все это прійдетъ ли сюда, въ Мантую? Нѣтъ, государь, не отнимайте у меня свободы возвратиться въ милую Фландрію. Если на мою долю достанется сколько-нибудь таланту, сколько-нибудь славы, не обязанъ ли я отдать ихъ моему отечеству, моему государю? Жить и умереть вдали отъ родины, о! это было бы тяжело!

— Онъ правъ, сказалъ тронутый Монтень.

— Хорошо! возразилъ герцогъ со вздохомъ: я долженъ уступить, но предвараю васъ, что не отпущу ранѣе году и

пока вы не наполните моей галереи своими произведениями.

Рубенсъ преклонилъ коленно и почтительно поцѣловалъ подающую герцогу руку.

Распространившись слава Рубенса достигла до Альфонса д'Эсте, и тотъ написалъ герцогу мантуйскому, своему двоюродному брату, письмо, въ которомъ просилъ купить и прислать ему какую-нибудь картину молодого фламандскаго художника. Гонзага вздумалъ обрадовать Альфонса и послать ему картину вмѣстѣ съ живописцемъ. Рубенсъ, послѣ торжественной прощальной аудіенціи, отправился въ Феррару, съ многочисленною свитой и богатыми экипажами. Въ дѣтописяхъ того времени сохранился списокъ лицъ, сопровождавшихъ молодого «посланника»: ихъ было двадцать два человека. Монтенъ былъ съ нимъ же. Пословъ приняли съ большимъ почетомъ.

Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи изъ Феррары, Рубенсъ былъ посланъ отъ герцога мантуйскаго въ Испанію, къ Филиппу III, также съ подарками и вмѣстѣ съ политическою цѣлью. Гонзага нуженъ былъ умный, ловкій и преданный повѣренный при король испанскомъ и его министрѣ Лерма, которые были предубѣждены противъ герцога мантуйскаго, по наветамъ недоброжелателей. Гонзага боялся, что никто не можетъ услужить ему при испанскомъ дворѣ лучше молодого человека, который съ перваго взгляду привлекалъ всѣхъ своею краеотою, очаровывалъ краснорѣчіемъ и благородствомъ обращенія. Тутъ Рубенсъ разстался, не безъ слезъ, съ Монтенемъ, котораго необходимыми дѣла призывали въ Францію.

Предшествующій славой отличнаго живописца, Рубенсъ былъ принятъ въ Мадридѣ съ примѣрною почестью и лаской, и съ отличнымъ успѣхомъ окончилъ данныя себя порученія; такъ, что, когда возвратился въ Мантую, герцогъ нежно обилалъ его, посадилъ возлѣ себя и передъ всѣмъ дворомъ называлъ столько же искуснымъ дипломатомъ какъ и великимъ живописцемъ.

Такъ прошелъ годъ. Рубенсъ сталъ просить у герцога позволенія посѣтить другіе города Италіи, чтобы видѣть и изучить другія произведенія хорошихъ мастеровъ. Гонзага не безъ сожалѣнія согласился на это, наградивъ художника

большою суммою денегъ, за многія картины, и надѣлъ ему на шею тяжелую золотую цѣпь, «хотя, говоритъ феррарскій историкъ Скарпоне: Рубенсу въ Испаніи давали столько знаковъ отличія, что на груди его не было мѣста новому: онъ носилъ на себѣ болѣе чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ червонныхъ золота и драгоценныхъ каменьяхъ, все подарковъ и почетныхъ наградъ отъ королей, герцоговъ и принцессъ, которыхъ писалъ портреты или посѣщалъ дворы.»

Изъ Мантуи Рубенсъ отправился въ Римъ. Прибывъ въ древнюю столицу, онъ замѣтилъ большое волненіе въ народѣ: толпы разряженныхъ, по праздничному, людей, тѣснились по улицамъ и около папскаго дворца, передъ которымъ въ парадъ стояла гвардія. Рубенсъ обращался съ вопросомъ къ нѣсколькимъ прохожимъ, но не получалъ толковаго отвѣту.

— Триумфаторъ! Триумфаторъ! отвѣчали они на бѣгу, и исчезали.

Путешественникъ съ трудомъ пробрался ко дворцу кардинала Чинтіо Альдобрандини, племянника папы и друга герцога мантуйскаго, къ которому имѣлъ рекомендательныя письма, и который заранее просилъ Рубенса, словесно и письменно, чтобы, если пріѣдетъ въ Римъ, нигдѣ не останавливался кромѣ его дому. Такова была въ то время, въ Итали, страсть къ искусствамъ, что знатнѣйшіе вельможи и владѣтельныя особы на-перерывъ осыпали поэтовъ и художниковъ почестями, и старались превзойти другъ друга въ изъявленіи уваженія къ гению.

Кардиналъ Чинтіо, увидѣвъ Рубенса, съ которымъ часто видался въ Мантуѣ, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и дружески обнялъ.

— Привѣтъ сеньору Рубенсу, котораго привело сюда мое счастливое созвѣздіе! воскликнулъ онъ. Сегодня въ моемъ домѣ будутъ два славныхъ гостя: великій фламандскій живописецъ и авторъ «Освобожденнаго Ерусалима».

— Торквато Тассо! вскричалъ Рубенсъ: Торквато Тассо въ Римѣ?

— Да. Святѣйшій отецъ, мой дядя, писалъ къ нему въ Неаполь и предложилъ почестъ триумфа, какъ некогда Петраркѣ. Тассо сначала противился, но наконецъ усту-

пилъ просьбамъ и убъжденіямъ трехъ кардиналовъ, которыхъ папа Климентъ VIII посылалъ склонить великаго поэта къ принятію дани удивленія Римлянъ. Теперь онъ здѣсь, вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцовъ, но больной, слабый, такъ, что торжество досель откладывали, въ ожиданіи поправленія его здоровья. Хотѣли сегодня, да опять отложили: слабъ.

— Гдѣ же онъ? скажите, ради Бога, гдѣ онъ?

— Въ монастырѣ святаго Онуфія.

Въ тотъ же день Рубенсъ былъ въ монастырѣ, куда укрылся несчастный поэтъ отъ гоненій и отъ запоздалаго энтузіасма людей. Съ невыразимымъ огорченіемъ, сложивъ руки и склонивъ голову, смотрѣлъ молодой человекъ на жертву злобы и неблагодарности свѣта, и слезы тихо катились по щекамъ его. Тассо, блѣдный, исхудавшій, съ растрепанными волосами, лежалъ въ бользненномъ забытѣи, но услышавъ тихое рыданіе, медленно открылъ мутные глаза, обратилъ ихъ на незнакомца и они вдругъ оживились: онъ узналъ свой серебряный медальонъ, который не могъ быть ни въ чьихъ рукахъ кромѣ рукъ Рубенса.

— Рубенсъ! вскричалъ онъ, быстро приподнявшись и простирая руки.

— Тассо! великій Тассо! вскричалъ Петръ.

— Да, я Тассо!.... медленно и уныло проговорилъ несчастный.

— О! позволишь ли ты, великій! позволишь ли сыну твоего друга, обязаннаго тебѣ жизнью, обнять твои колѣна?... Я Петръ-Павелъ Рубенсъ.

Обнявъ его, Тассо взялъ руку молодого человека и приложилъ къ своему горящему лбу.

— Чувствуешь ты язвы терноваго вѣнца, Піетро? О, слава! слава!.... Но прочь отъ меня эти мысли: я хочу заниматься теперь однимъ небомъ. Сними и подай мнѣ образокъ, который я подарилъ твоему отцу: ты возьмешь его изъ оледенѣвшихъ рукъ, когда уста мои испустятъ послѣдній вздохъ.

Рубенсъ поспѣшилъ повиноваться; Торквато съ жаромъ прижалъ святое изображеніе къ губамъ, и шепталъ молитвы, сжимая медальонъ въ рукахъ, трепещущихъ, судорожною

дрожью. Мало-по-малу голосъ его ослабѣлъ, затихъ, и больной провелъ весь остатокъ дня въ забытьи. На слѣдующій и послѣдующій дни онъ нрѣдка говорилъ лишь по нѣсколь-ко словъ съ своимъ гостемъ, который не отходилъ отъ страдальца ни на минуту съ-тѣхъ-поръ какъ пришелъ въ монастырь, и безъ сна, безъ отдыха, какъ нѣжная мать, сторожилъ малѣйшее движеніе, малѣйшій вздохъ Тасса, подносилъ прохладительное питье къ горящимъ устамъ его, поддерживалъ отяжелѣвшую голову и прислушивался къ безсвязнымъ словамъ лихорадочнаго бреда.

На четвертый день больной пришелъ въ чувство, пожалъ руку Рубенсу, и просилъ позвать исповѣдника. Въ ту минуту, когда настоятель монастыря святаго Онуфрія, въ сопровожденіи своей братіи, въ торжественной процессіи шелъ изъ церкви съ Дарами къ умирающему, за стѣнами обители послышалась музыка и громкія восклицанія народу. То былъ триумфальный повозъ, прибывшій везти Тасса въ капитолий. Почтенный старецъ-священнослужитель вышелъ на высокое монастырское крыльцо и далъ народу знакъ, чтобъ преклонили колѣна.

— Молитесь! Душа христіанина оставляетъ землю!

Вся огромная и, до того, шумная толпа притихла, опустилась на колѣни, и тихо молилась. Съ часъ спустя, изъ монастыря вышло нѣсколько монаховъ, за ними Рубенсъ. Они несли трупъ, покрытый пурпуровою мантией. Пройдя сквозь разступившуюся толпу, они поднялись на ступени триумфальной колесницы, и положили свою ношу на раззолоченный тронъ. Тогда Рубенсъ откинулъ драпировку и показалъ народу трупъ Торквата Тассо, одѣтый въ римскую тогу. Молодой художникъ взялъ лавровый вѣнецъ, приготовленный къ увѣнчанію поэта, и возложилъ на неподвижную, оледенѣвшую голову мертваго.

Потомъ онъ сошелъ съ колесницы и сталъ на колѣни въ толпѣ, которая еще не поднималась. Раздалось глухое, торжественное пѣніе «De Profundis», и повозъ медленно двинулся къ капитолю.

Рубенсъ одинъ не пошелъ вслѣдъ за колесницей. Онъ скрылся въ самомъ темномъ углу церкви Святаго Петра, и тамъ, на колѣняхъ передъ образомъ Богоматери, жарко мо-

длеся, сжимая въ рукахъ медальонъ, падъ которымъ Тасео отдалъ душу.

Пробывъ въ Римѣ мѣсяца четыре, Рубенсъ отправился въ Флоренцію, гдѣ также былъ принятъ весьма благосклонно. Герцогъ, между прочимъ, заказалъ ему собственный его портретъ, для великолыной галереи, въ которой были собраны портреты всѣхъ лучшихъ художниковъ Европы. После Флоренціи онъ посетилъ Болонію и Венецію, потомъ опять возвратился въ Римъ, куда папа призвалъ молодого Фламандца, и заказалъ ему написать двѣнадцать апостоловъ, для палаца Роспильози. Написавъ тамъ, съ свойственною себѣ силой и удивительною скоростью, еще осемь или десять картинъ, и между прочимъ «Протей и Ахелоя» и «Помона и Вертумна» для княгини Скаламара, Рубенсъ поѣхалъ въ Геную и Миланъ, гдѣ нарисовалъ и отдалъ гравировать свою богатую коллекцію, изданную въ Антверпенѣ подъ заглавіемъ *Palazzi di Genua da Pietro Paolo Rubens*.

Однажды, вечеромъ, по окончаніи копій съ одной изъ лучшихъ картинъ Микель-Анджело, Рубенсъ возвратился въ свою наемную виллу, и предался нѣгъ отдохновенія послѣ шести-часоваго упornaго труда и борьбы съ могучимъ Буднаротти. Тутъ, отъ спокойнаго самодовольствія, которое чувствовалъ по поводу успѣху только лишь конченной работы, онъ, естественно, перешелъ къ созерцанію своей славы, блестящаго вѣнца, который окружалъ его голову въ такіа лѣта, когда большая часть людей только еще вступаютъ на поприще. Богатство, почести сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Золото онъ уже считалъ сундуками; знатнѣйшія особы Италіи оказывали ему уваженіе какъ великому человеку; при дворахъ онъ былъ извѣстенъ за искуснаго дипломата и достойнаго посланника; во всѣхъ городахъ, гдѣ бывалъ, собиралъ громкую дань общаго удивленія; во всей Европѣ имя Петра-Павла Рубенса повторялось съ энтузіазмомъ. Онъ былъ молодъ; никогда болѣзнь, никогда несчастія не касались ни тѣла ни души его: онъ могъ назваться истиннымъ счастливецомъ. Да, онъ счастливъ! чтобы вполне насладиться своимъ торжествомъ и успѣхами, у него есть обожаемое существо, къ ногамъ котораго онъ поло-

жить всю свою славу, все свое богатство! У него есть мать, добрая, нежная мать, которой сердце трепещетъ при каждом отголоскѣ славы сына, мать, которую онъ уже осмѣлится не видать. Но скоро, скоро, черезъ три мѣсяца, онъ увидитъ и прижметъ къ сердцу свою родную. Онъ оставитъ Италию и возвратится въ милую Фландрію..... О! какое счастье, какая радость!..... Онъ не будетъ писать о своемъ возвращеніи; онъ придетъ нечаянно, не предупредивъ никого, войдетъ въ родительскій домъ.... вдругъ отворитъ дверь и остановится на порогѣ, передъ матерью, которая не узнаетъ его: онъ ухалъ юношею, а воротился совершеннымъ мужчиною, знатнымъ человекомъ. Потомъ, потомъ.... Ахъ! зачѣмъ же откладывать? зачѣмъ ждать три мѣсяца? Онъ идетъ тотчасъ!

Рубенсъ сдѣлалъ наскоро нѣсколько нужныхъ распоряженій и, оставивъ вѣрнаго слугу окончить остальное, на другой же день отправился въ гавань, нанялъ судно и поплылъ въ Нидерланды.

Первый человекъ, попавшійся ему при вступленіи на родную землю, былъ слуга его матери, который располагался отплыть въ Италию, съ посланіемъ мѣфру Рубенсъ къ сыну. Онъ узналъ художника, подбѣжалъ и отдалъ письмо. Рубенсъ узналъ изъ этого письма, что умирающая мать проситъ его поспѣшить проститься съ нею.

— Лошадей! лошадей! закричалъ Рубенсъ въ сильномъ волненіи.

Черезъ нѣсколько минутъ карета его вихремъ мчалась по дорогѣ въ Антверпенъ: онъ горстями сыпалъ золото, чтобы ускорить вѣду.... Десять часовъ утра пробило на Антверпенской башнѣ, когда Петръ-Павель прибылъ въ родимый городъ и подвѣхалъ къ крыльцу своего дому. Дверь была заперта, вокругъ царствовала глубокая тишина, которая наполнила сердце Рубенса страхомъ. Онъ постучался. Бландина, сестра его, вышла и, рыдая, бросилась въ объятія брата. Она была въ черномъ.

— Матушка! Гдѣ матушка? вскричалъ Рубенсъ.

Бландина указала на небо.

— Матушка! матушка! я не увижу тебя.... не услышу твоего голоса!.... Мои уста не поцѣлуютъ твоей нежной,

благодѣтельной руки!.... Я не увижу тебя, не получу твоего благословенія!..... О, Боже мой!.....

Онъ заплакалъ бы, но не могъ : желѣзная рука сжимала его сердце, тяжелое кольцо давило голову. Онъ думалъ, что сойдетъ съ ума. Сестра повела его въ комнату, къ постели, гдѣ скончалась мать.

— Вотъ здѣсь, сказала Бланина, здѣсь уста ея умоляли навѣкъ, произнося твое имя, Петръ-Павелъ! Здѣсь она простираала руки, чтобы благословить тебя какъ благословила насъ.....

Рубенсъ сталъ на колѣни и скрылъ лицо въ ногахъ постели. Тутъ, наконецъ, слезы облегчили его грудь. Прошло съ четверть часа ; въ комнатѣ слышались только его стоны и рыданія. Когда Петръ всталъ, сестра изумилась и испугалась разстройства его лица.

— Гдѣ лежитъ матушка? спросилъ онъ.

— Въ церкви Святаго Михаила, братецъ.

Рубенсъ накинулъ плащъ и медленно пошелъ туда, избѣгая людныхъ улицъ. Войдя въ церковь, онъ остановился передъ клиросомъ, у камня, на которомъ прочелъ имя своей матери. На колѣняхъ, прижавъ губы къ холодному камню, молился онъ до поздней ночи. Тутъ настоятель монастыря Святаго Михаила, увѣдомленный о прѣздѣ Рубенса и не хотѣвшій до того мѣшать справедливой скорби, пришелъ и уговаривалъ его успокоиться, оставить мрачное мѣсто. Рубенсъ сначала противился, но наконецъ уступилъ убѣжденіямъ добраго старика; просилъ только отвести себя келью и позволенія провести въ ней нѣсколько дней.

— Можетъ-быть я навсегда останусь у васъ, прибавилъ онъ : посвящу остатокъ дней Богу и моей печали.

— Нѣтъ, сынъ мой! возразилъ старикъ съ нѣжнымъ укоромъ : ты принадлежишь міру и отечеству.

Протекло четыре мѣсяца, впродолженія которыхъ Рубенсъ ни разу не оставлялъ обители. Однажды, войдя въ свою келью послѣ заутрени, онъ нашелъ у себя двухъ гостей : то были учитель его Оттовеніусъ и герцогъ Альбертъ. Оттовеніусъ бросился въ объятія бывшаго ученика; герцогъ съ жаромъ пожалъ ему руку.

— Довольно плакать, сказалъ Оттовеніусъ : вспомни, что

у тебя есть обязанности къ семейству, къ отечеству, и къ государю, а такъ же и къ своей славы! Ты сегодня же долженъ оставить монастырь, приняться за кисти....

— И явиться при моемъ дворѣ. Я, семь лѣтъ тому, назначилъ васъ своимъ придворнымъ живописцемъ. Надобно же, чтобъ вы когда-нибудь вступили въ свою должность, прибавилъ герцогъ съ пріятною улыбкой.

— Позвольте мнѣ возвратиться въ Италию, государь. Ваши милости меня исполняютъ признательностію, но я чувствую, что найду утѣшеніе своей скорби только въ дали отъ Фландріи....

— Неблагодарный! вскричалъ Оттовениусъ : какъ! ты опять хочешь оставить отечество? Ты хочешь отдать Итали славу, которая принадлежитъ землѣ, видѣвшей твое рожденіе, землѣ въ которой покоится прахъ твоихъ родителей? О, если бы мать твоя могла, она сказала бы : « Это рѣчь, недостойная моего сына! »

Рубенсъ въ сильномъ волненіи посмотрѣлъ на Оттовениуса и пошелъ преклонить колѣна надъ гробомъ матери. Потомъ, снявъ съ шеи Тассовъ медальонъ, повѣсилъ его подъ образомъ Божіей Матери, и возвратился къ Оттовениусу и герцогу.

— Дѣлайте со мной, что хотите, сказалъ онъ : вы говорите именемъ моей матери : я долженъ повиноваться.

Старый мастеръ взялъ Рубенса подъ руку, герцогъ подъ другую, и всѣ трое вышли изъ обители.

« При появленіи Рубенса при дворѣ, рассказываетъ биографъ Мишель, каждый спѣшилъ привѣтствовать его самымъ лестнымъ образомъ : давно ожидаемый въ землѣ, наполненной его славою, онъ появился на горизонтъ Фландріи какъ великолѣпная заря, предвѣстница прекраснаго. Каждый былъ радъ видѣть челоуѣка, который своими дарованіями заслужилъ милость столькихъ государей и уваженіе знатнѣйшихъ вельможъ, который своимъ умомъ приносилъ честь отечеству и предкамъ, и по таланту заслужилъ прозваніе втораго Апеллеса. »

Но, несмотря на всѣ почести и обольщенія, которыми его осыпали, Рубенсъ соскучился въ Антверпенъ : тамъ было Рафаэля, Тиціана и Корреджіо, безъ которыхъ генію

его не было пищи. Сверхъ того, благорастворенный воздухъ Итали, къ которому онъ уже привыкъ, нравился ему больше угрюмаго неба антверпенскаго, и онъ задумалъ воротиться туда, несмотря на обещаніе, данное герцогу Альберту и Оттовенусу. Но герцогъ и герцогиня всеми силами старались удержать его, призвали въ Брюссель, заняли работой, назначили значительный пенсіонъ, сдѣлали камергеромъ, осыпали ласками и почестями. Рубенсу хотя трудно было отказаться отъ своего желанія, однако жъ онъ рѣшился остаться, видя, что не можетъ въхать не поступить негодарно. Онъ просилъ только позволенія жить въ Антверпенѣ, чтобы пребываніе при дворѣ не мѣшало его художественнымъ занятіямъ, единственному наслажденію, которому онъ могъ предаваться отъ всей души.

Въ Антверпенѣ Рубенсъ купилъ обширный домъ, перестроилъ его по своему плану, завелъ галерею, въ которой помѣстилъ все, что собралъ и накупилъ лучшаго изъ произведеній искусства во время своихъ путешествій, безпрестанно обогащаясь новыми сокровищами; наконецъ, устроилъ мастерскую, въ которой проводилъ большую часть своего времени. Домъ его походилъ на дворецъ.

Темнѣло. Погода была дурная: вѣтеръ вылъ какъ голодный волкъ, снѣгъ летѣлъ хлопьями. По длинной улицѣ, отдѣляющей Лангеннеустратъ отъ Кейзерстрата, пошла женщина, съ безпокойною торопливостью почти бѣгая, безпрестанно поглядывая на свою корзинку, въ которой у ней была небольшая ноша. Вотъ маленькій домикъ и каминъ нос крыльцо съ пятью ступенями. Она постучалась; раздался голосъ дѣвушки.

— Это ты, няня?

— Да, мой другъ, это я; отвори!

Дверь отворилась, и дѣвушка, держа въ рукъ мѣдную миску, блестящую какъ золото, встрѣтила старуху, сняла съ нее мокрую мантилью и взяла изъ рукъ корзинку.

— Тише, тише, Лиза! сказала старуха съ веселою заботливостью. Тише; тутъ славная вещь, въ этой корзинкѣ. Угадай, что?

— Не знаю, возразила девушка разъяренно и денально, что
— Это куриная ножка, душечка! Куриная ножка, болла
шад... словно гусиная! Моему Деннесенъ дада миа се-
годня на ужинъ. Поскорѣе, сядемъ за столъ; она еще го-
ржа.

Старуха поспѣшно съѣла за накрытій уже столъ; разорѣ-
зала принесенное жаркое на двѣ части и оставила на своей
тарелкѣ худшую, чтобы лучшимъ кусочкомъ пододвигать
Лизу. Та попробовала вѣсть, но остановилась: двѣ слезы до-
катылись по ея щекамъ. При видѣ этого, старая Марea то-
же потеряла аппетитъ.

— Онъ и сегодня не приходилъ? спросила она съ участі-
емъ.

— Третій день!

— Ну, ужъ теперь не стану его оправдывать. Это дурно,
очень дурно! Однако жъ, можетъ-быть его удержала какая-
нибудь работа. Вѣдь не всегда можешь дѣлать, что хочешь...
Полно, дитятко, успокойся: можетъ-быть еще придетъ.
Душечка, Лизочка, покунай немножко, успокойся.

— Отъ цондтъ, сказала Лиза со вздохомъ, не обращая вни-
манія на утѣшенія Марей; отъ помялъ, что безразсудно было
любить сироту, которая не имѣетъ ничего кромѣ рукъ для
своего пропитанія, и ни какой опоры кромѣ тебѣ, моя люб-
рая Марea!

— Ты сирота, это правда; но сирота, которая получила
хорошее воспитаніе, умѣетъ читать и писать, и принадле-
житъ къ одной изъ лучшихъ фамилій въ Антверпенъ! Это
дѣтъ вопросу другой видъ. Твой отецъ былъ богатый ку-
пецъ, твоя мать была двоюродная сестра покойнаго бурго-
истра....

— Да! то было прежде; но что теперь, когда отецъ мой
разорился и умеръ, когда мать моя умерла съ печали, и ко-
гда я осталась одна на свѣтѣ, сирота и нищая, въ тягость
тебѣ.

— Въ тягость, Лиза? Вотъ что можетъ меня взбѣсить!
Въ тягость! Развѣ ты не утѣшенія, не радость моя? Что
мнѣ на свѣтѣ безъ тебя? Полно, полно; придетъ время, по-
правимся! А мастеръ Петръ добрый человекъ. Объ немъ

грѣхъ зло подумать. Потерпи, не теряй надежды.... Ахъ, Боже мой!... Слышь, кто-то идетъ.... Это онъ!

— Послышался стукъ въ дверь; Марѳа бросилась отворить, и въ комнату вошелъ молодой человекъ пріятной и вмѣстѣ важной наружности; онъ почтительно поклонился дѣвушкѣ, которая поблѣднѣла, заслышавъ стукъ, а теперь треметала какъ листъ.

— Долго же васъ не видать было! обмолвилась Марѳа въ торопяхъ.

— Лиза сдѣлала старухъ укоризненный знакъ.

— Не вся, кажется, здѣсь разделяють это мнѣніе, добралъ Марѳа; сказалъ молодой человекъ съ улыбкою.

— Три дня, три дня не были! Мнѣ показалось, что годъ. Вечера такіе длинныя: сидишь, сидишь, конца нѣтъ!

— Да, Марѳа, возразилъ молодой человекъ, скидая плащъ: и мнѣ показалось долго, да нужная работа задержала. Притомъ, бывають дни, когда уныніе сжимаетъ сердце, когда въ головѣ нѣтъ свѣтлой мысли, когда человека оставляетъ бодрость и надежда. Въ такіе дни, Марѳа, нужно уединеніе, потому что этой болѣзни не можетъ излечить присутствіе самыхъ милыхъ людей. Въ такіе дни мы сомнѣваемся въ настоящемъ и въ будущемъ и въ самихъ себѣ.

— И въ тѣхъ, кто насъ любитъ? спросила Лиза съ укоризною и слезами на глазахъ.

— О, простите, простите, Лиза! Вотъ три года, что я знаю васъ, три года, что я стараюсь создать себѣ средство осуществить мечту о счастіи, которая иногда ласкаетъ мое воображеніе своимъ золотистымъ сіяніемъ.... Удачи нѣтъ! я, по-прежнему, бѣденъ и безвѣстенъ. Я хотѣлъ получить право на вашу любовь своимъ успѣхомъ въ свѣтъ, пріобрѣтеніемъ состоянія, потому что надъ бѣднымъ человекомъ, который женится на такой же бѣдной дѣвушкѣ, люди смѣются.... Его упрекають въ женитьбѣ какъ въ дурномъ поступкѣ; ему загораживаютъ дорогу въ будущемъ. Явится нужда, съ нуждою уныніе, и ничто не въ состояніи вывести его изъ нищеты и посредственности.

— Да, вы правы, мастеръ Петръ; да, любовь къ бѣдной дѣвушкѣ поведетъ къ несчастію! Эта любовь и смѣшна и

опасна.... Надобно оставить ее, бросить, чтобы избежать
большей бѣды! Намъ надобно разстаться....

— Лиза, что это значитъ?

— Простите, говорила она отнимая руку, которую онъ
взялъ: простите, мастеръ Петръ. Это послѣдняя моя сла-
бость. Впередъ, я буду тверда. Я вамъ докажу, что люблю
васъ не по расчету.... Я давно понимала то, что вы теперь
высказали, и не разъ горько упрекала себя. «Ты любишь
его, говорила я сама себя, ты любишь его, и хочешь погу-
бить его будущность, обречь ничетъ всю его жизнь? Что
съ нимъ станется, когда онъ исполнитъ пожертваніе, къ
которому готовится для тебя? Что его ждетъ, когда онъ,
бѣдный, возьметъ на себя лишнюю заботу о тебѣ?» Натъ,
Петръ! этому не бывать! Возвращаю вамъ ваши обѣты.
Будьте свободны. Будьте мнѣ только братомъ. Я можетъ-
быть пострадаю нѣсколько времени; но чувство исполнен-
наго долга придастъ мнѣ силы.... притомъ, я уже привыкла
къ несчастію.

Она съла, блѣдная, но съ выраженіемъ твердой рѣши-
мости.

— Вотъ какъ вы понимаете меня! Вотъ какъ вы цѣните
мою любовь, Лиза! Не для васъ ли я работаю цѣлыхъ три
года? Не для васъ ли я тружусь? Не длятого ли чтобы сде-
латься достойнымъ васъ, чтобы доставить вамъ имя, кото-
рымъ вы могли бы гордиться?

— Имя? Но развѣ я знаю ваше имя? Думаете ли вы, что
подозрѣніе никогда не возникало въ моемъ умѣ, при видѣ
вашей всегдашней таинственности? при видѣ насмѣшли-
выхъ улыбокъ сосѣдей, которые видятъ, когда вы сюда
ходите?.... Но я всегда отгоняла это подозрѣніе, отгоню
и теперь, потому что считаю васъ честнымъ человекомъ.
Повторяю вамъ, я готова быть вашей сестрою, нѣжною и
покорной, я готова разделить ваши заботы и печали, но
безразсудные планы и невозможныя мечты надобно бро-
сить! Они опасны, они убиваютъ.

Въ этихъ словахъ было столько твердости, они были
сказаны съ такимъ истиннымъ и сплнымъ выраженіемъ,
что молодой человекъ не нашелся отвѣчать, и поспѣшно
отеръ слезу.

— Елисавета! сказала онъ, вставая съ торжественнымъ движеніемъ : я поклялся, что вы будете моею женою, и ничто не разрышитъ меня отъ этой клятвы!.... Впрочемъ, если вы хотите, я освобождаю васъ отъ всякой обязанности; но, повторяю, я тѣмъ не менѣе считаю свое слово священнымъ. Прощайте! Я приѣду не иначе какъ по вашему приглашенію; можетъ-быть даже оставлю Антверпенъ.....

— Ради Бога, не разставайтесь такъ! вскричала Марса. Что это? столько времени любили другъ друга, а тутъ давай ссориться!.... На что это похоже? Что вы будете одинъ безъ другаго? Лиза проплакала три дня, пока вы не приходили; вы, мастеръ Петръ, поблѣднѣли какъ полотно, изъ-за нѣсколькихъ словъ, что она сказала. Да что вы это, Богъ съ вами? Къ чему такъ мучить другъ друга! Вы молоды, въ сердцахъ вашихъ чистая, благородная любовь, и отчаяваетесь! Я надѣюсь на будущее и на милость Божию. Лиза дѣвушка добрая..... о, если бы вы знали какая она добрая! А вы, мастеръ Петръ, честный молодой человекъ, скромный какъ дѣвушка, вы, со-временемъ, поправитесь, разбогатеете.... Что жъ, подождемъ : Богъ милостивъ.... А, пока, подайте другъ другу руку, забудьте ссору; небесъ-дусмъ вмѣстѣ.

Марса соединила ихъ руки, и оба нѣсколько времени стояли въ этомъ положеніи, молча, потупивъ глаза. Наконецъ, Петръ, первый, спросилъ тихо и съ нѣжностью :

— Вы меня не любите больше?

Лиза подняла на него взоръ, тотчасъ же опять потупила, и тихо вывернула руку изъ руки молодаго человека, между-тѣмъ какъ Марса съ улыбкой и слезами смотрѣла на примиреніе.

— Вы меня не любите? повторилъ Петръ улыбаясь.

— Злой! отвѣчала Лиза. По-крайней-мѣрѣ общайте, что не будете больше говорить такихъ рѣчей....

— Развѣ я не довольно жестоко наказанъ? О! когда вы будете моею женою, я вамъ отомщу за это....

— Вашей женою! Боже мой, мнѣ не вѣрится такое счастье, однако жъ увѣренность въ этомъ мнѣ необходима.

— И если бѣ вы знали, какъ я стараюсь приблизить день своего счастья!

Здѣсь должно сказать, что Рубенсъ въ первый разъ увидалъ Лизу вскорѣ послѣ смерти своей матери, въ церкви, гдѣ и она молилась надъ гробомъ родительницы. Такое сходство ихъ обоюднаго положенія произвело сильное впечатлѣнiе на молодого человека. Онъ узналъ гдѣ живетъ Лиза, и нашелъ средства подробно осведомиться о дѣвушкѣ, которая съ каждымъ днемъ болѣе занимала его воображенiе.

Отецъ ея, почтенный антверпенскiй гражданинъ, былъ прежде богатымъ купцомъ, но, потерявъ нѣсколько кораблей, разорился и умеръ; мать вскорѣ послѣдовала за нимъ въ могилу, и Лиза осталась круглою сиротой на рукахъ Мары, преданной служанки ихъ дому, которую ни какая нужда ни бѣдность не могли разлучить съ любимой барышней. Между-тѣмъ какъ дѣвушка дома занималась плетениемъ кружевъ и шитьемъ, Марья ходила въ люди работать по-денно. Сосѣди не могли нахвалиться этимъ двумъ женщинамъ и никто не встрѣчался съ ними на улицѣ безъ почтительнаго поклона.

Эти подробности не удовлетворили, а подстрекнули любопытство Петра. Онъ рѣшился познакомиться съ Лизой покороче. Предлогъ найти было не трудно: стоило явиться съ какимъ-нибудь заказомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Чѣмъ чаще Петръ видалъ Лизу, тѣмъ болѣе находилъ прелестною и достойною истинной привязанности. Дѣвушка, съ своей стороны, никогда не слыхивала голоса прiятнаго голоса мастера Петра, никогда не встрѣчала въ другомъ мыслей болѣе сходныхъ съ своими, такъ, что однажды, вечеромъ, оба они, никогда не признававшись въ взаимной любви, вдругъ, нечаянно, пустились въ разговоръ о своемъ будущемъ бракѣ.

Между-тѣмъ Петръ, нѣкогда жестоко обманутый въ страстной любви къ молоденькой Италiянкѣ, которая вышла за другаго, поддавался новому чувству съ недоверчивостью. Присутствiе Лизы окружало его всею очаровательностью красоты и изящной, музыкальной, рѣчи, но вдали отъ нея его мучили сомнѣнiя и страхъ. Часто даже онъ хотѣлъ расстаться съ Лизой навсегда, хотѣлъ увѣхать, боясь обмануться въ ней, какъ обманулъ въ своей первой любви; но

у него не ставало духу исполнить этого намѣренія, и такимъ образомъ, между опасеніями и надеждой, онъ промедлялъ три года.

Лиза, напротивъ, съ доверчивостью невинной дѣвушки предалась своимъ нѣжнымъ чувствамъ къ Петру. Если иногда и возникало въ душѣ ея сомнѣніе, то одного слова холодаго человека достаточно было, чтобы успокоить ее совершенно. Она не знала его положенія въ свѣтъ, ни его занятій, не знала даже его фамильнаго прозванія, и не старалась выведать, не думала проникать тайны, которою окружалъ себя ея любезный. Ей до всего этого и дѣла не было: онъ ее любитъ, — и довольно! Когда-нибудь она узнаетъ все это, когда будетъ его женой.

Такимъ же образомъ разстались они и теперь: Лиза стала весела, игрива, Петръ возвратился къ своимъ мученіямъ. Въ раздумьи, печальный, недовольный собой, подошелъ онъ къ великолѣпному дому, и только-лишь постучался, два пажа поспѣшно отворили дверь и сняли съ него плащъ. Потомъ управитель подошелъ и почтительно доложилъ, что какой-то господинъ изъ Мадрита, съ посланіемъ отъ герцога Браганскаго, ждетъ мессиръ Рубенса около двухъ часовъ.

Посланный, при видѣ знаменитаго художника, поклонился и подалъ письмо, съ кошелькомъ золота, которое Рубенсъ принялъ съ презрительной улыбкой, и бросилъ своимъ пажамъ.

— Синьоръ, скажите герцогу, что я ъду въ Вильянову, для развлеченія, дней на осемь или на десять, отвѣчалъ онъ. Я уже назначилъ три тысячи пистолей на эту поѣздку.

Потомъ онъ обратился къ пажамъ.

— Поблагодарите же синьора, который принесъ вамъ пятьдесятъ пистолей отъ герцога Браганскаго!

Рубенсъ вошелъ въ богато убранную спальню, гдѣ слуги равняли его, между-тѣмъ какъ секретарь читалъ нѣсколько писемъ. Одно было отъ великаго герцога Альберта, который сътовалъ на отсутствіе отъ двора «лучшаго украшенія земли фландрской.» Другое отъ герцога Букингема, который, при самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и увѣреніяхъ въ

дружбѣ, проеишь Рубенса уступить свою картинную галерею и кабинетъ древностей, и предлагалъ большую сумму.

Рубенсъ слушалъ только вполонину : онъ думалъ не о томъ. Онъ разсуждалъ, что слава и богатство еще не составляютъ полнаго счастья. Отпустивъ секретаря и слугъ, Рубенсъ принялся разсматривать портретъ матери, какъ-будто проея ея совѣта. Петръ провелъ ночь тревожную и безсонную. Лизѣ представлялись одни свѣтлыя, радужныя видѣнія. Она еще спала когда Марѳа вскочила съ постели. Деревянныя часы показывали семь.

— Ахъ, Боже мой! вскричала старуха : семь часовъ ! Что скажетъ мефру Деннесенсъ ? Семь часовъ ! Какъ это я проспала такъ долго?.... Бѣжать-было скорѣй..... Подумаешь, пожалуй, что Марѳа облынилась!....

Она поспѣшно одѣлась, поцѣловала спящую Лизу въ лобъ и отправилась къ мефру Деннесенсъ. Лицо достопочтенной супруги нотаріуса Деннесенса, къ которой Марѳа прденно ходила зачинивать бѣлье и штопать чулки, выражало неудовольствіе, готовое разразиться строгимъ выговоромъ за улушеніе урочнаго часу.

— Что, Марѳа, вѣрно, ноги не шестнадцати-лѣтнія? сказала съ ироніей немилосердо аккуратная хозяйка, зная, что пожилую женщину ничѣмъ такъ чувствительно не трогаютъ какъ напомипаніемъ числа прожитыхъ ею лѣтъ.

— Я опоздала четвертью часа, отвѣчала Марѳа, задѣтая за живое : но....

— Четвертью часа!.... Ты хотѣла сказать, молучасомъ.

— Пусть хоть такъ, мефру Деннесенсъ. Вычтете за четверть дня, и конецъ.

— Не совсѣмъ конецъ : работа стоитъ.

— Ну, я вечеромъ полчаса подольше посижу.

— Такъ!.... свѣчку жечь?....

— Такъ чего же вы хотите, мефру Деннесенсъ ? Принажете воротиться? спросила оскорбленная Марѳа съ достоинствомъ.

Воображенію воркуны хозяйки вдругъ представилась пренать продранныхъ рукавовъ, посковъ безъ вѣтѣкъ; и сомнительный вопросъ о возможности найти другую работ-

нищу, столько же трудолюбивую какъ Марѳа, и она тотчасъ же перемѣнила тонъ.

— Ну, полно, полно, сказала она: к чему намъ ссориться изъ пустаго.... Какова была курочка, Марѳа?

— Прекрасна! удивительно хороша, мефру, отвѣчала Марѳа надувшись и садясь на свое обычное мѣсто.

Тутъ въ комнату ввалилъ жирный, красный мейнгеръ-нотаріусъ Деннесенъ, и пыхтя подсылъ къ Марѳѣ, которая крайне изумилась этой невиданной чести. Не менѣе толсталъ дражайшая половина нотаріуса выпучила глаза. Онъ далъ ей знакъ выйти.

— А?... какъ бы вы думали, мефру Марѳа? А?... Что бы вы дали, если я скажу вамъ пріятную новость?... а?

— Какую новость, мейнгеръ Деннесенъ?

— Новую.

— Да что мнѣ дать, не знаю, сказала Марѳа, улыбаясь шуткѣ величайшаго остряка во всемъ околodкѣ.

— А что вы думаете, если я скажу... что вы получили въ наследство пятьдесятъ тысячъ гульденовъ?.... а?

— Я думаю, что вы шутите, мейнгеръ Деннесенъ.

— Я шучу?.... Нѣтъ, право, нѣтъ. Пятьдесятъ тысячъ, какъ одна копейка!

— Пятьдесятъ тысячъ! Боже мой! можетъ ли это быть? Пятьдесятъ тысячъ! Не шутите, мейнгеръ Деннесенъ: это жестоко.

— Прислушайте-ка; есть ли у васъ, въ Литтихъ, двоюродный братъ, по имени Юстъ Гоффейнъ?

— Есть; да онъ гораздо моложе меня, и у него двое дѣтей.

— Ничего, что моложе: онъ умеръ, дѣти тоже, а вы единственная наследница.

Нотаріусъ пустился объяснять подробности, какъ и что надобно сдѣлать, куда отнестись, откуда деньги получить, а Марѳа, сложа руки, въ сильномъ волненіи, прислонилась къ спинкѣ стула; потъ градомъ катился по лицу, губы тихо шептали:

— Лиза! Лиза!

Часъ спустя по уходѣ Марѳы, Лиза проснулась и съ удивленіемъ увидѣла, что солнце уже высоко. Но она чувств-

шла себя такъ же спокойною, сны ея были такъ пріятны, что не сожалѣла о проспавшемъ времени и даже не торопилась вставать. Дѣвушка еще нѣжилась и утопала въ роскошныхъ мечтахъ, какъ вдругъ послышался стукъ.

— Кто тамъ?

— Я! Петръ.

— Ахъ, Боже мой, что онъ подумаетъ, когда увидитъ, что я такъ долго спала? — Сейчасъ!

Она носпѣшно одѣлась, задернула занавѣсь алькова и наконецъ отворила дверь Петру, который насмѣшливо улыбнулся, видя заспанные глаза красавицы.

— Какъ вы рано!.... сказала она покраснѣвъ.

— Мнѣ стало скучно, тоска сдѣлала сердце, такъ я пришелъ посмотреть на васъ, чтобы отдохнуть. Я не думалъ что вы въ девять часовъ еще спите, прибавилъ онъ, съ улыбкою поглядывая на беспорядокъ маленькой комнаты.

— Зато вы можете пособить мнѣ прибрать здѣсь, мастеръ Петръ. Переставимте этотъ столъ.... Хорошо! Подвиньте попожко скамѣйку....

— Подумаешь, что они ужъ распоряжаются своимъ хозяйствомъ! вскричалъ кто-то самымъ веселымъ голосомъ, какой когда-либо слыхали Петръ и Лиза.

То была Марѳа, раскраснѣвшаяся, живая, легкая, словно дѣвушка въ пятнадцать лѣтъ.

— Дѣло, дѣло, мастеръ Петръ! учитесь пособлять женѣ: черезъ двѣ недѣли вы женитесь!

— Черезъ двѣ недѣли? спросилъ Петръ съ удивленіемъ.

— Не вы ли говорили, тысячу разъ, что одна бѣдность мешаетъ вамъ жениться?

— Такъ что же? спросилъ Петръ поблѣднѣвъ.

— Вы теперь богаты!

«Она знаетъ мою тайну! подумалъ онъ. Она меня высмотрѣла, вывѣдала обо мнѣ! Можетъ-быть она ужъ давно знаетъ! Можетъ-быть.... О! это было бы ужасно!... Можетъ-быть здѣсь принимаютъ и любятъ только богача!»

— Вы богаты! повторила Марѳа.

— Богаты?... я?

— Нѣтъ, не вы, а Лиза.... она получила наследство.... пятьдесятъ тысячъ....

— Я, Марья?

— Ты, думечка! ты! Кошечъ безпокойствамъ! кошечъ слезамъ! Полно горевать, давайте веселиться!.... Тра-ла-ла-ла дери-дери.

И старуха пустилась плясать, скакать, бить въ ладоши.

Потомъ она разказала любовникамъ, будто одна дальняя родственница Лизы, о которой та никогда не слыхивала, умирая, отказала ей все свое имѣніе. Она не разказала только, что сама назвалась этою мнимою умершею родственницею и уговорила нотаріуса, сохранивъ тайну, перевести капиталъ на имя Елисаветы Брантъ.

— И все это будетъ ваше, Петръ! сказала Лиза, взявъ его за руку. Все это ваше. Вы будете дѣлать съѣтими деньгами, что хотите. Мнѣ нужно только, чтобъ вы не оставили меня, чтобъ вы меня любили....

— Пусть, я не оставлю васъ, Лиза! Черезъ двѣ недѣли вы будете моею женою.... не за богатство ваше, но за доброе сердце, за любовь. У меня тоже есть тайна, но вы узнаете ее не раньше какъ въ день свадьбы. Между-тѣмъ позвольте мнѣ сдѣлать всѣ приготовленія къ вѣнцу. У меня есть друзья, которые мнѣ помогутъ, въ случаѣ надобности. Сами вы не выходите никуда, не принимайте никого. Общайте мнѣ это; поклянитесь.

— Клянусь вамъ, Петръ!

— Такъ прощайте, покуда, милая Лиза.

Онъ нѣжно поцѣловалъ руку дѣвушки, между-тѣмъ какъ Марья, прыгая, восклицала :

— Черезъ двѣ недѣли! Черезъ двѣ недѣли!

Двѣ недѣли эти прошли въ приготовленіяхъ, въ которыхъ иголка Марьи играла не маловажную роль. Можно себя представить, съ какимъ рвеніемъ трудилась она надъ приготовленіемъ нарядовъ и приданого своей милой Лизы. Петръ почти не отходилъ отъ двухъ счастливыхъ женщинъ. Онъ старался только препятствовать ихъ выходу со двора и сношенію съ посторонними, но за четыре дня до свадьбы, вдругъ пересталъ посѣщать свою невесту. Вообразите, если можете, безпокойство и страхъ невесты, тревогу Марьи. Сидя у окна, Лиза безпрестанно посматривала въ во-

ночь улицы, нейдетъ ли Петръ. Вотъ показался чело-
вѣкъ... — Это онъ!... Ахъ, нѣтъ!... и слезы навертывались
на прекрасныхъ глазахъ.

— Онъ боленъ, говорила Лиза тяжело вздыхая: и я не при-
хожу, я не могу помочь ему, я даже не знаю, гдѣ онъ жи-
ветъ!

Въ другой разъ, мысль, ужаснѣе этой, возникала въ ея
умѣ.

— Онъ не придетъ, онъ уже не любитъ меня!

Марѳа старалась утѣшить дѣвушку, а сама чуть не пла-
кала, что не можетъ постигнуть, что это значить.

Наконецъ настала день свадьбы.

Въ восемь часовъ утра, Марѳа уже одѣтая въ новое платье,
наряжала Лизу подъ вѣнецъ. Дѣвушка, блѣдная, трепещу-
щая, не сводила глазъ съ окна. Руки Марѳы такъ дрожали
отъ безпокойства, что она съ трудомъ могла приколоть бу-
лавку или завязать ленточку на платье своей барышни.

Это продолжалось до десяти часовъ.

Въ десять часовъ послышалась на улицѣ музыка. Марѳа
вышла на крыльцо, посмотреть что такое. Каково же было
ея удивленіе! Музыканты шли къ ихъ дому; за музыкантами
шелъ отрядъ солдатъ, съ распущеннымъ знаменемъ; потомъ
депутаты ремесленныхъ цеховъ, со значками; потомъ худож-
ники; потомъ множество господъ и дворянъ, между которы-
ми былъ самъ бургомистръ, и мессиръ Гавертъ, секретарь
города. И все они остановились у маленькаго домику, къ ве-
ликому изумленію Лизы и Марѳы. Наконецъ, явился Петръ,
въ богатомъ костюмѣ.

— Да здравствуетъ Рубенсъ! Ура! раздавалось въ толпѣ.

— Рубенсъ! шептала Лиза въ замѣшательствѣ. Рубенсъ!
знаменитый живописецъ Рубенсъ, котораго имя все произно-
сятъ съ такимъ почтеніемъ?.... Вы — Рубенсъ, Петръ?

— Да, милая Лиза. Мое имя, мое богатство, моя слава,
все принадлежитъ тебѣ.

— Что мнѣ до этого! Лишь бы ты любилъ меня....

— Но гдѣ жъ Марѳа?

— Здѣсь, здѣсь, вполголоса говорила старуха въ смущен-
іи, когда увидѣла, что мастеръ Петръ — такое важное
лицо.

— А! я знаю твои проказы Марса! Нотариусъ Деппессонсъ самъ все рассказывалъ!

— Молчите, молчите!..... Что за нужда говорить при всѣхъ?...

— Не смѣю, не смѣю, потому что ужъ все знаютъ. Друзья, прибавилъ онъ, взявъ старуху за руку : друзья мои, вотъ Марса!

Вся почтительно сняли шапки.

— Теперь, продолжалъ онъ взявъ Лизу и Марсу подъ руки : теперь пойдѣте въ церковь, гдѣ насъ ждетъ епископъ.

— Ура, Рубенсъ! Ура, Елисавета Брантъ! Ура!... загремѣла толпа.

—

Прошло нѣсколько лѣтъ. Рубенсъ не нашелъ счастья, котораго ожидалъ въ супружествѣ. Лиза любила его всѣмъ сердцемъ, была преданною, покорною женою, но не знала приличій большаго свѣта, къ которому привыкъ Рубенсъ, и онъ, мало-по-малу, сдѣлался къ ней довольно равнодушнѣе.

Между-тѣмъ Лиза дважды стала матерью. Въ понечитанной любви къ дѣтямъ она старалась забыть равнодушіе и пренебреженіе мужа. Но вдругъ новый ударъ жестоко поразилъ бѣдную : Рубенсъ отпраивался въ Испанію, гдѣ намеревался пробытъ нѣсколько лѣтъ. Въ выраженіи, съ какимъ Петръ объявилъ ей эту новость, было такъ мало чувства, такъ мало сожалѣнія и столько притворства, что Лиза не въ силахъ была произнесть ни одной жалобы, ни одного возраженія. Она только обратила на мужа отчаянный взглядъ, потомъ, безмолвно, прижала къ груди дѣтей, изъ которыхъ одному не было еще и двухъ мѣсяцевъ.

Черезъ три дня Рубенсъ уѣхалъ.

Когда стѣны Антверпена исчезли позади его, онъ почувствовалъ въ сердцѣ радость человека освобожденнаго изъ темницы, идохнулъ свободнѣе, сбросивъ ярмо скуки и принужденія. Онъ съ восхищеніемъ бросился въ море удовольствій и развлеченій, которыми пренебрегалъ прежде.

Спустя нѣсколько дней по приѣздѣ въ Мадридъ, онъ получилъ слѣдующее письмо :

«Петръ, я желала бы видѣть тебя прежде нежели умру; я желала бы поговорить съ тобою о дѣтяхъ. Я умираю.

«*Елисавета.*»

Рубенсъ въ ту же минуту отправился, но пріѣхалъ поздно. Смерть жены сильно потрясла его; однако жъ работа, слава и разсѣянiя не замедлили убавить горечь скорби, въ которой весьма мало участвовало чувство сознанiя въ сдѣланной потерѣ. Съ нѣкотораго времени Лиза была уже внѣ круга жизни Рубенса, и своей смертiю оставила въ ней весьма мало пустоты.

Въ обществѣ Рубенсъ познакомился съ Еленою Фроманъ, дивушкой, которая принадлежала къ одному изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ семействъ Антверпена. Молодая, красавица, извѣстная по своему уму, Елена отвергала предложенiя негоціантовъ, съ ихъ бочками золота, и графовъ и маркизовъ, съ ихъ гербами и титулами; чтобы прельстить ее, нужны были знатность и слава, соединенныя въ Рубенсѣ, котораго творенiямъ удивлялась вся Европа, и котораго короли англійскiй и испанскiй наперерывъ старались имѣть при себѣ посланникомъ. Она любила Рубенса со всеми атрибутами его великаго имени, его огромнаго богатства, со всею его знаменитостiю; но она не замѣтила бы Рубенса бѣднаго и безвѣстнаго, она не полюбила бы его подъ скромнымъ именемъ мастера Петра.

Рубенсъ, съ своей стороны, тоже не чувствовалъ къ Еленѣ того, что нѣкогда питалъ къ Лизѣ. Время и опытъ умѣрили пылкость его воображенiя и обогатили умъ насчетъ сердца. Но его прельщала шестнадцатилѣтняя красавица, которая съ такимъ энтузіасмомъ и вкусомъ говорила объ искусствахъ, которая была такъ изящна во всемъ, что дѣлала, которая умѣла всемъ нравиться, всѣхъ очаровывать. Елена понимала впечатлѣніе, которое произвела на Рубенса; и умѣла съ такою ловкостiю и кокетствомъ возбуждать его самолюбiе и ревность, и распалать воображенiе художника, что онъ скоро сталъ заниматься только одною мыслію, однимъ желанiемъ, — жениться на Еленѣ Фроманъ.

Но въ этомъ мѣшало Рубенсу одно препятствiе, по-видимому пустое, преодоленiе котораго однако жъ стоило ему большаго труда. То была Марса! Марса, преданный другъ

Лизы, Мареа, вторая мать его детей. «Да что жъ мнѣ эта женщина? говорилъ онъ самъ себѣ: какую она можетъ имѣть власть надо мной? что мнѣ за дѣло до ея одобренія или порицанія?» Между-тѣмъ десять разъ Петръ былъ готовъ сообщить Мареѣ о своемъ намѣреніи жениться, и десять разъ молчалъ, чувствуя жаръ въ лицѣ и боль въ сердцѣ. Наконецъ онъ рѣшился.

Однажды, утромъ, Рубенсъ, по обыкновенію, вошелъ въ дѣтскую. Старуха сидѣла на полу, у каминна, поджавъ ноги: она оперлась одною рукою на кресла, въ которыхъ спалъ маленькій Альбертъ, а другою обняла четырехлѣтнюю Клару, которой почная одежда не закрывала груди и хорошенькихъ плечъ. Кругомъ были разбросаны игрушки; большой пудель, выткнувъ морду, умильно поглядывалъ на сухарь въ рукѣ ребенка, и время отъ времени облизывался.

Развлекшись прелестною картиною, Рубенсъ на минуту забылъ о своей заботѣ. Скоро, однако жъ, морщины опять появились на лбу, и Петръ въ волненіи заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что съ вами, мессиръ? спросила Мареа съ безпокойствомъ.

— Ахъ! возразилъ Рубенсъ, который ожидалъ этого вопроса, но тѣмъ не менѣе сильно затруднился отвѣтомъ: ахъ, Мареа! меня занимаетъ очень важный вопросъ.

— О чемъ это?

Рубенсъ покраснѣлъ, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ вдругъ обернулся и сказалъ скороговоркой:

— Меня хотятъ женить.

Мареа перекрестилась.

— Вы!... вы женитесь?

— Да, Мареа. Мнѣ предлагаютъ очень выгодную партію. Друзья говорятъ, что одиночество, въ которомъ я живу, вредитъ моимъ работамъ; меня убѣждаютъ жениться.

— И вы отказали, не правда ли? вы отказали?

— Конечно; но....

— Вы вѣдь еще не забыли той, которая умерла за своимъ нѣжную любовь къ вамъ?

Рубенсъ отвѣчалъ только движеніемъ головы.

— А ваши дѣти! ваши бѣдные дѣти.... Они будутъ при-
нуждены называть другую женщину матерью!.... О! это не-
возможно! невозможно!

— Ты невѣрно смотришь на мое положеніе, Марреа, воз-
разилъ Рубенсъ. Жизнь моя печальна и одинока : когда
прихожу домой, послѣ продолжительнаго дневнаго труда, я
не нахожу никого, кто бы ждалъ меня.... никого....

— Какъ, никого, месьеръ? А ваши дѣти! ваши дѣти, эти
ангельчки, на которыхъ можно смотреть цѣлую жизнь
не соскучившись.... Я не говорю вамъ о себѣ : я женщина
старая, болѣе въ тягость нежели полезная, и которой силы
и умъ не соответствуютъ доброй воли.... Но у васъ есть
дѣти! И сколько разъ бѣдная женщина, которую я знавала,
проводила цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы, не видя никого кро-
мѣ своихъ дѣтей и меня!...

Марреа!...

— О! простите, простите! прервала она, бросаюсь къ по-
гамъ Рубенса : простите! я не знаю, что говорю ! Не обра-
щайте вниманія на мои слова.... я потеряла разумъ, когда
вы сказали, что хотите жениться!... О! не дѣлайте этого!
уолю васъ именемъ дѣтей вашихъ, именемъ Лизы! Не
давайте дѣтямъ вашимъ мачихи!... Боже мой, пошли мнѣ
словъ убѣдить его!... Боже мой, сохрани малютокъ—си-
ротъ!

Марреа плакала, рыдала, обнимала колѣни Рубенса. Кла-
ра, видя это, тоже заплакала; Альбертъ уронилъ сухарь, а
пудель воспользовался случаемъ съѣсть давно желанный
кусочекъ.

— Ничего еще не рѣшено, Марреа; успокойся, сказалъ Ру-
бенсъ освобождаясь отъ старухи.

Онъ вышелъ сильно встревоженный, но не побѣжден-
ный. Марреа бросилась къ дѣтямъ и прижала ихъ къ груди,
какъ-бы опасаясь, что отнимутъ у нея единственную ра-
дость.

— Дѣти! милые дѣти, молитесь Богу! восклицала она :
молитесь, чтобы маменька, въ небесахъ заступилась за
васъ : вамъ нужна ея защита!

Маленькая Клара сложила руки и стала на колѣни.

— Господи! не остави насъ! шептала Марѳа.

Однако жъ ни какія мольбы и слезы Марѳы не поколебали Рубенса. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и онъ приступилъ къ быстрому исполненію своихъ желаній, забывая встрѣчи съ Марѳою и посещая дѣтей только украдкой.

Описать страданія Марѳы невозможно: она въ новомъ бракѣ Рубенса видѣла не только оскорбленіе памяти Лизы, но и несчастіе дѣтей, оставленныхъ бѣднымъ. Елена Фроманъ, какъ вся женщины, которая возбуждаютъ зависть и заставляютъ говорить людей о своей красотѣ, о своенравіи и положеніи въ свѣтѣ, навлекла на себя множество клеветы и незаслуженной ненависти, чему помогала и гордый нравъ дѣвушки. Каждый ея поступокъ, самый невинный, каждое слово, повторялись, растолковывались и разносились сплетницами по городу, съ безконечными преувеличеніями и прикрасами. Марѳа все это знала, все слышала отъ «вѣрныхъ людей.» Судите же о предубѣжденіи ея противъ дѣвушки, о которой она слышала только дурное; судите же, что она должна была чувствовать, воображивъ эту дѣвушку на мѣсть Лизы, доброй, вѣрной Лизы, которая умерла отъ слишкомъ важной любви къ мужу!

Когда Марѳа, отъ имени Рубенса, приказали свести дѣтей къ Еленѣ Фроманъ, она сначала рѣшительно отказала; но потомъ, убѣдившись, что сопротивленіе ея ни къ чему не поведетъ, повиновалась, однако жъ исполнила это такъ, что Елена была чувствительно оскорблена. Съ тѣхъ поръ въ сердцахъ этихъ двухъ женщинъ возникла взаимная ненависть.

Вотъ какъ происходило это свиданіе.

Одѣвъ дѣтей въ траурное платье и безразсудно утвердивъ Кларъ, что они идутъ къ женщинѣ, которую не надо цѣловать, которая хочетъ сдѣлать ихъ несчастными, хочетъ помѣшать имъ молиться о маменькѣ Лизѣ, Марѳа съ торжественнымъ видомъ взяла Альберта на руку, подала дѣвочкѣ другую, и отправилась къ Еленѣ. Толпа слугъ, въ передней великолѣпнаго дому, съ пренебреженіемъ смотрѣвшихъ на старуху въ старомодномъ нарядѣ, еще болѣе любила Марѳу. Однако жъ, се тотчасъ ввели къ невестѣ Рубенса, которая въ то время была за туалетомъ. Увидѣвъ

дтей, Елена вскочила и бросилась обнять ихъ. Маленькой Альбертъ, не понимавшій благихъ наставленій старшей няни, подставилъ свои румяные, круглыя щеки поцаловать дѣлушки, но Клара отворотила голову и со словами закричала :

— Маленькая Лиза! маленькая Лиза!

— Не плачь, душенька, не плачь!.... у тебя будетъ маленькая Елена! Скажи, хочешь?

Она взяла дѣвочку на руки, но та продолжала кричать и биться.

— Ты меня боишься?... Разве я страшная?

— Нѣтъ, отвѣчало дитя, утеревъ глаза, чтобы посмотреть на спротивную : нѣтъ, но ты помышашь мнѣ молиться с маленькой Лизъ.

— Кто жъ тебѣ сказалъ это, душечка?

— Это....

Дѣвочка посмотрѣла на Марю.

— Это я, сударыня, слыла отвѣчала старуха.

— Кто жъ вамъ приказалъ такъ говорить? спросила Елена строго, и не ожидая отвѣту обратилась къ дѣтямъ.

— Поди ко мнѣ, милочка! сказала она обвиняя Клару : не бойся, я не помышю тебѣ ; мы вмѣстѣ будемъ молиться за маленьку Лизу. Вотъ, прибавила она, снявъ съ пальца золотыя четки : вотъ, возьми это въ залогъ. Мы каждый вечеръ будемъ вмѣстѣ молиться по этимъ четкамъ.

Клара, восхищенная красивымъ подаркомъ, взяла четки и протянула руку, чтобъ полюбоваться ихъ игрой на солнцѣ. Альбертъ потянулся схватить ихъ.

— И тебѣ тоже, миленькій, я подарю игрушку!.... Вотъ тебѣ пѣпочка.... вотъ тебѣ пирожковъ, которые, вѣрно, еще лучше понравятся.... держи ручки, держи.... вотъ еще, вотъ еще.... Теперь, мѣроу Марю, вы можете идти. Я пришло дѣтей, вечеромъ.

— Я не оставлю ихъ! Они не останутся здѣсь! вскричала старуха видя себя. Отдайте моихъ дѣтей. Поди сюда, Клара, води!

Но Клара любовалась золотыми четками, прижавшись къ хорошенькой дамѣ, которая держала ея за руку, а Альбертъ,

завѣтъмъ пирожками, не имѣлъ времени протянуть руку къ старой нянѣ.

Марея вышла, въ отчаяніи.

Черезъ нѣсколько минутъ, дверь тихо отворилась. Вошелъ Рубенсъ. Онъ остановился, неподвижный, съ сердцемъ, трепещущимъ отъ радости, и съ умилениемъ смотрѣлъ на свою невесту, сидѣвшую на коврѣ, съ дѣтми. Клара, обвивъ руками шею красавицы, цѣловала ее въ щеку; Альбертъ, съ милою, веселою улыбкой, тянулся туда же. Рубенсъ былъ въ восторгѣ, но невольное движеніе измѣнило ему и обнаружило его присутствіе. Елена вскочила и поспѣшно схватила черную шелковую мантилію, стараясь по возможности скрыть очаровательный беспорядокъ своей одежды. Клара побѣжала къ Рубенсу, и Альбертъ пролепеталъ единственное слово, которое умѣлъ говорить :

— Папа!

— О! благодарю, воскликнулъ Рубенсъ, простирая руки къ Еленѣ : благодарю за счастье отца и жениха!

Елена, разгорѣвшаяся отъ игры съ дѣтми, обратила на него нѣжный, свѣтлый взоръ.

— Благодарю, повторялъ Рубенсъ : они нашли въ васъ мать.

— Скажите лучше, сестру, возразила Елена съ улыбкой. Но что до имени! Мы и такъ полюбили другъ друга. — Не правда ли, душечка? Вѣдь ты любишь меня?

— Люблю, отвѣчала Клара, обнявъ ее.

— Ты не будешь плакать, не скажешь больше : ты, злая, хочешь помѣшать мнѣ молиться за маменьку?

Рубенсъ отшатнулся съ изумленіемъ и неудовольствіемъ.

— Да, Поль, между этими невинными, милыми созданіями и вашею невестой уже старались поселить ненависть! Ксатию, это невозможно : мы уже такъ любимъ другъ друга, что насъ никто не поссорить. Не правда ли, мои ангелы чики?....

Она поцѣловала дѣтей.

— Мессиръ Рубенсъ, продолжала Елена, принявъ очаровательный умоляющій видъ : я прошу у васъ первой милости.... Я за это позволю вамъ, чего не хотѣла позволить вчера : поцѣлуйте руку.... Распорядитесь, чтобы эта злая

сом не была въ вашемъ домѣ, когда я приѣду; отпустите старую служанку, Марю, до нашей свадьбы.

— Марю? повторилъ Рубенсъ съ огорченіемъ и ужасомъ: Марю?

— Да, Марю, сказала Елена, и по ясному, чистому лицу ее мгновенно пробѣжало облако неудовольствія.

— Но Маря не служанка: это лучший другъ мой.... нѣтъ матери!

— А! холодно возразила Елена: вы колеблетесь между Марей и мной? Воля ваша, месьиръ Рубенсъ! Но моя нога никогда не будетъ въ домѣ, гдѣ меня ожидаетъ ненависть и мести.

— Елена! милая Елена!

Елена, блѣдная, со слезами на глазахъ, отвернулась; потомъ хотѣла еще говорить, но не могла, и вырыдала. Клара подбѣжала къ ней и закричала:

— Папенька, не обижайте душевную Елену!

Рубенсъ глубоко вздохнулъ и сказалъ печально:

— Елена, ваше желаніе будетъ исполнено.

Нѣжная, радостная улыбка вмигъ озарила окропленное слезами лицо красавицы; она подала Рубенсу руку.

— Бѣдная Маря! подумала она: бѣдная Маря!

Наступала ночь, когда Маря возвратилась домой, разстроенная, убитая. Дати еще не возвращались, но месьиръ Рубенсъ, сказавши, спрашивавъ объ ней нѣсколько разъ. У старухи выступилъ холодный потъ; она предчувствовала новую бѣду. Съ чувствомъ осужденнаго, котораго ведутъ на казнь, пошла она въ комнату Рубенса. Тотъ далъ слугѣ знакъ выйти, и остался одинъ съ Марею. У бѣдной подкосились ноги, она, рыдая, опустилась на колѣни. Рубенсъ стеръ слезу.

— Маря, ты поступила очень неблагоуразумно.... поправить нельзя.... Ты понимаешь, что, послѣ того, что случилось у Елены.... вамъ невозможно жить подъ одною кровлей.

— Она выгоняетъ меня! вскричала Маря, вскочивъ: она выгоняетъ меня!

Елена ее съ дикимъ безумствомъ разбѣжала въ комнату; тамъ-бы ница чего-то, руки судорожно сжимались и рас-

жизнью. Но этот припадок скоро уступилъ другому: силы оставили ее, она полу-мертвая упала къ ногамъ Рубенса.

— Марѳа! Бѣдная Марѳа!

— Я чувствую, мессиръ Рубенсъ, я чувствую, что умру.... Но, и вамъ и ей, это ляжетъ на совѣсть.... Боже мой! Боже мой! мессиръ Рубенсъ! о! мессиръ Рубенсъ, не убивайте меня.... позвольте мнѣ остаться при дѣтяхъ! Я буду вѣрной рабою ихъ новой матери, я буду угождать, служить ей.... буду даже любить ее.... только.... о, только не гоните меня!

— Не могу, Марѳа. Пойдемъ вмѣстѣ, попросимъ, чтобы она простила тебя.

Старуха безропотно подчинилась этому униженію и вошла. Елена безъ труда простила и оставила ее при дѣтяхъ Рубенса.

На третій день праздновали свадьбу.

Главная мастерская Рубенса была въ просторной залѣ, обитой гладко выструганнымъ дубомъ, на темно-коричневомъ грунтѣ котораго очень выгодно для художника рисовались контуры и отдѣлялись оттѣнки поставленнаго образца или натурщика. Въ этой мастерской Рубенсъ написалъ лучшія свои картины и между прочимъ «Снятие съ Креста», которымъ обладаетъ городъ Антверпенъ и которое считается превосходнѣйшимъ произведеніемъ знаменитаго мастера. Эта картина вся написана рукою Рубенса: тутъ ему не помогали, какъ въ большей части другихъ работъ, ученики или, лучше сказать, сотрудники, писавшіе подъ его руководствомъ. Жена служила ему натурщицей, когда онъ писалъ въ этой картинѣ кающуюся Магдалину.

Елена стояла на коленяхъ. Богатая свѣтлорусая коса распущенная, долгими прядями упала на полу-закрытыя вѣчки; ярко освѣщенный солнцемъ; зеленое шелковое платье роскошно драпировалось вокругъ стройнаго стафу и широкая книжка-кладанка стлалась по полу, некрывая ни одного изъ формъ ногъ красавицы не сматыцъ никакого обузд. Вдругъ

дверь мастерской шумно отворилась. Елена вскрикнула и побѣжала скрыться отъ нескромнаго посѣтителя, зажавшись окномъ. Раздосадованный Рубенсъ, съ палитрой и кистями быстро пошелъ къ двери, но приготовленное выраженіе неудовольствія уступило мѣсто пріятной улыбкѣ.

— Ничего, Елена! вскричалъ онъ : это Вандикъ, это Антоній!....

Художники обнялись.

— Какъ ты замѣшкался, другъ!.... Ну, что, заплатили-ли тебѣ должную дань, похвалою и золотомъ, за твое «Распятие»? Что, ты весель?.... радъ?....

— Въ уныніи, въ отчаяніи, мастеръ. Я получилъ только выповоры и неудовольствія : турецкіе каноники говорятъ, что моя картина ни куда не годится. Когда я выставилъ ее, они отвернулись и оставили меня одного со сторожемъ, отъ котораго пришлось еще послушаться насмѣшекъ. Потомъ стоило довольно труда получить скромную плату за усердную работу, и теперь.... я пришелъ спросить васъ, мастеръ Рубенсъ, — потому что самъ сомнѣваюсь, — быть ли мнѣ когда-нибудь живописцемъ.

— Погоди, они покрасивѣютъ за свое несъщество, милый Вандикъ. Не теряй бодрости, вѣрь слову Рубенса : его судъ стоитъ суда турецкихъ канониковъ. Будь смѣлый! не унывай!

— Нѣтъ, мастеръ Рубенсъ, вскричалъ Вандикъ, съ навернувшимися слезами на глазахъ : послѣ такого стыда, я не могу оставаться въ Фландріи! Я долженъ ухать изъ страны, гдѣ не могу жить не красясь!

— Ну, если ты непременно хочешь ухать, повзжай, мой другъ! Повзжай въ Италію! Изученіе великихъ образцовъ докончить твое образованіе : тебѣ, дѣйствительно, пора ухать; довольно учился у меня! Повзжай!

Рубенсъ отеръ слезу : онъ любилъ Вандика какъ роднаго сына. Чтобы разогнать печальныя мысли, Рубенсъ взялъ кисти и пошелъ къ полотну, но Елена покраснѣла и не рѣшаясь снять мантию, въ которую завернулась.

— Ступай, Вандикъ, оставь насъ теперь, сказалъ Рубенсъ съ улыбкою. Вечеромъ приходи къ ужину, на который мы собираемъ друзей, помиривать на прощанье съ тобой. Да

напередъ взгляни, вотъ, на картину. Что ты объ ней думаешь?

— Я думаю, что одна эта картина могла бы обезсмертить насъ.

— Да, я очень доволенъ ею: мнѣ рѣдко удавалось такъ выразить все, что чувствую. Мнѣ особенно нравится моя вчерашняя работа. Эта рука Магдалины и лицо Маріи.... Что съ тобой? что ты покраснѣлъ?

— О! простите, мастеръ Рубенсъ! Вчера, когда вы ушли, желая взглянуть на вашу картину, я пришелъ съ друзьями.... одинъ изъ насъ упалъ на картину и стеръ лицо Маріи и руку Магдалины. Товарищи просили меня поправить бѣду. Я съ трепетомъ исполнилъ.... Но теперь.... радость....

— Ты лучше меня написалъ, Вандикъ! Эта голова мнѣ больше всего нравится. Не сомнѣвайся же въ себя, другъ! ты превосходишь своего учителя.... Прощай, до вечера!

Когда молодой человекъ вышелъ, Рубенсъ долго смотрѣлъ на части, написанныя ученикомъ; лицо его мало-по-малу омрачилось и голова склонилась подъ тяжестью души. Вдругъ онъ схватилъ шпатель и соскребилъ голову Маріи и руку Магдалины, потомъ принялся переносить, во послѣ пяти или шести неудачныхъ попытокъ, швырнулъ палитру и кисти въ уголь.

— Ахъ, Елена, сказалъ онъ, смутившись: въ сердце человека иногда закрадываются очень низкія чувства! Я не могъ одной минуты, безъ зависти, видѣть, что этотъ молодой человекъ сравнялся со мной.... Между-тѣмъ, ты знаешь какъ я его люблю.

Елена обвила руками шею Рубенса и поцѣловала его въ лобъ.

— Мой милый Поль, зачѣмъ краснѣть такого естественнаго чувства? Твоя страсть къ искусству развѣ не любовь? А любовь можетъ ли существовать безъ ревности? Я женщина, я тоже люблю, и понимаю твое чувство. Я бы страдала, я бы умерла, если бѣ ты полюбилъ другую женщину столько же какъ меня, хотя бѣ эта любовь была мгновенна какъ молнія. Такъ же и съ тобой. Ты не можешь стать равнымъ соперникомъ въ искусствѣ, которое для тебя — жизнь, наслажденіе и счастье.... Но оставишь это. Развѣсалимъ, Пиа.

Ты хочешь собрать друзей сегодня, на вечеръ. Ноди же разосли приглашенія, а я съ Петрониллою приготовлю, что нужно.

Пиръ Рубенса славились въ Антверпенъ. Каждый считалъ за честь присутствовать на нихъ и наслаждаться удовольствіями, которыми умѣли окружать себя знаменитый художникъ и его прекрасная супруга. Какъ ни поздно было слышно приглашеніе, всѣ явились. Въ полдень освящено около Елены уже собралась блестящая толпа. Тутъ были имена, громкія и донныя, — Давидъ Теніеръ, фанъ Тульденъ, Корнелій Гёлембургъ, Гергардъ Гонторстъ, фанъ Эмонтъ, Снейдерсъ, и множество другихъ художниковъ. Въ знатныхъ господахъ и дворянахъ тоже недостатку не было; изъ нихъ особенно комендантъ цитадели, донъ Хуанъ делья Ривейра, былъ доволенъ своимъ входомъ въ докъ Рубенса, хотя онъ, правду сказать, былъ обязанъ этимъ только своему арестанту, князю д'Арембергу, который содержался въ Антверпенской цитадели, по повелѣнію короля испанскаго. Комендантъ былъ при немъ неотлучно и не сводя глазъ сторожилъ за важнымъ лицомъ, поручившимъ его надзору. Донъ Хуанъ делья Ривейра, старый солдатъ, достигъ своего чину дикою храбростію и несколькими, славно исполненными, услугами Филиппу II, и старался скрыть совершенное отсутствіе воспитанія подъ грозною сановитостію и величественнымъ видомъ своей фигуры, что дѣлало его очень забавнымъ. Какъ въ Антверпенъ, въ то время, всѣ занимались живописью, то и донъ Хуанъ воображалъ, что ему необходимо завести картинную галерею, и употреблялъ большую часть своихъ доходовъ на покупку художественныхъ произведеній, въ которыхъ зналъ толку, меньше слышаго. Тамъ не менѣе, однако жъ, онъ судилъ малъ и неперегъ объ искусствѣ, не замѣчая улыбокъ, не понималъ насмѣшекъ и сарказмовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, за умерительные промахи. Князь д'Арембергъ по справедливости считался просвѣщеннымъ любителемъ искусствъ; на него-то глядя и почтенный комендантъ заразился страстію къ живописи.

Получивъ приглашеніе, донъ Хуанъ делья Ривейра наделъ свой лучший мундиръ, взялъ самую длинную шпагу и

своего арестанта, и отправился къ Рубену. Они пришли ровно въ семь часовъ, и крупныя фразы донъ Хуана, его постоянное презрѣніе къ техническимъ выраженіямъ, мастеръ съ испанскимъ выговоромъ, достойнымъ донъ Кихота, часто подвергали гостей опасности разразиться громкимъ хохотомъ и нарушить приличіе, о которомъ столько заботилась Елена и ея мужъ. При всей занимательности выходовъ сидѣла коменданта, Елена замѣтила таинственный, безпокойный видъ своей ключницы Петрониллы, которую обязанности по хозяйству нѣсколько разъ приводили въ залу. Обыкновенная важность ея и непоколебимое хладнокровіе, казалось, совсѣмъ исчезли: два раза она ошиблась въ ключахъ отворяя буфетъ и, въ разсѣяніи, опрокинула на свой передникъ тарелку съ вареньемъ. Елена уже хотѣла спросить, что это значитъ, какъ обѣ половинки двери распахнулись, вошелъ управитель дому, въ черномъ костюмѣ, съ золотою цѣпочкой на шеѣ, и, постучавъ своею бѣлою палочкой, доложилъ, что кушать готово.

Все пошло въ столовую, и Елена поняла таинственность Петрониллы: противъ стола были поставлены три картины Вандика. Молодой художникъ, при услужливомъ содѣйствіи ключницы, большой охотницы до сюрпризовъ, поспѣшно поставилъ ихъ туфъ, чтобы услышать судъ просвященныхъ цѣнителей. Рубенсъ подбѣжалъ и обнялъ своего ученика, при рукоплесканіяхъ всего общества, а Петронилла почти раскалалась въ своемъ поступкѣ: за разсматриваніемъ и расхваливаніемъ картинъ прошло больше полчася, и жаркое остыло.

Картины эти дѣйствительно были мастерскія произведенія. Одна представляла «Спасителя въ терновомъ вѣнкѣ», другая «Моленіе на горѣ Элеонской», третья «портретъ жены Рубенса», во весь ростъ, написанный на память, со всю поэзіей мысли, изысканностью формъ и вкусомъ въ колоритѣ, которые характеризуютъ Вандика.

Донъ Ривейра, разумѣется, разсыпался въ кудрявыхъ похвалахъ, которымъ не положили конца ни ужинъ ни отдаленный аппетитъ знамена. Храбрый гилальго вѣлъ за пятачекъ и болталъ въ всахъ.

По окончаніи стола, гости пошли въ залу и очень прилично

изумилсь, неожиданно очутившись въ обществѣ дамъ, готовыхъ открыть балъ. Самъ комендантъ рѣшился разстаться со своею длинною шпагой и арестантомъ, чтобы предложить широкую руку хозяйкѣ, которая охотно обошлась бы и безъ этой чести. Музыка заиграла, танцующіе стали по мѣстамъ, какъ вдругъ вошелъ офицеръ и сказалъ что-то на ухо коменданту.

— Четверть часа..... Исповѣдать и на веревку, отвѣчалъ онъ, не принявъ даже предосторожности понизить голосъ.

До коменданта доходила очередь танцовать; онъ обдернулъ огромную лайковую перчатку и сталъ въ позицію.

— Беже мой, что случилось? спросила Елена поблѣднѣвъ.

— Ничего, сударыня; пустяки: лазутчика надо повѣсить: хотѣлъ тайкомъ въ городъ пробраться..... Наша очередь, не угодно ли? пожалуйста руку.....

— Мессиръ комендантъ, сказала Елена, такое преступленіе еще не заслуживаетъ смерти. Я прошу у васъ помилованія этому несчастному.....

— Помиловать лазутчика, сударыня? вскричалъ донъ Ривьера съ изумленіемъ, вздернувъ усы: помиловать лазутчика! Что жъ тогда военные законы?

Онъ подалъ знакъ офицеру, чтобы тотъ исполнилъ приказаніе. Елена загородила дорогу.

— Донъ Хуанъ, сказала она, схвативъ своими нѣжными руками огромныя руки коменданта: здѣсь дѣло идетъ о вашей репутациі учтиваго кавалера, о моей къ вамъ дружбѣ или ненависти! Умоляю васъ, помилуйте его!

— Помилуйте, помилуйте, комендантъ! воскликнули всѣ дамы, окруживъ усача.

— Вотъ счастливый плутъ! Пусть вамъ скажетъ спасибо, отвѣчалъ онъ наконецъ съ улыбкою бульдога, у котораго отвали кость. Пусть его живетъ!..... Вы можете имѣть удовольствіе сами объявить ему помилованіе, котораго онъ, конечно, не ожидаетъ. Антоніо, приведите сюда лазутчика.

Черезъ нѣсколько минутъ бѣднякъ вошелъ, связанный, блѣдный, и не смѣлъ поднять глазъ на коменданта, который громовымъ голосомъ началъ вопросъ.

— Я не лазутчикъ, скромно отвѣчалъ арестантъ; яланусъ мессиръ комендантъ, я не лазутчикъ. Несчастія за-

ставиди меня оставить Амстердамъ, гдѣ я жилъ три года. Вчера меня обобрали воры на большой дорогѣ, отняли последнее.....

— Вздоръ! признайся, признайся, что ты лазутчикъ Нидерландовъ, съ которыми его величество король испанскій, мой государь, въ войнѣ. Признайся, ты лазутчикъ?

— Лазутчикъ!..... я?..... Боже мой, какой я лазутчикъ!..... Я знаю, что вы мнѣ не повѣрите, но повторяю вамъ, что я бѣдный живописецъ, и только.

— Живописецъ! вскричалъ комендантъ, опрокинувшись въ креслахъ, отъ хохоту: ты живописецъ?..... ты?

— Да, отвѣчалъ арестантъ, съ благородною гордостью поднявъ голову: я живописецъ!

— Соперникъ Рубенса? Понимаю!

— Нѣтъ; потому что у Рубенса нѣтъ соперниковъ. Но живописецъ, которому Рубенсъ подалъ бы руку и сказалъ: Здравствуй, братъ.

— Испытаемъ! Рег Вассо, дружнице! Тебѣ дадутъ полотно и кистей. Если ты напишешь что нибудь лучше трактирной вывѣски, — полную свободу даю; а не напишешь — веревку на шею и..... тамъ самъ знаешь, что будетъ.

— Согласенъ.

— Антонио, вели развязать ему руки и, подъ хорошими карауломъ, запереть въ какую-нибудь комнату. Я даю ему часъ времени.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричали всѣ свидѣтели этой сцены: нѣтъ пусть здѣсь, при насъ, выдержитъ испытаніе!

— Пожалуй, какъ вамъ угодно! Ха, ха, ха! вотъ увидите-то!..... Послѣ сотрешь ногами, когда будешь болтаться на..... ха, ха, ха!

Принесли всѣ принадлежности къ живописи и развязали бѣдному арестанту руки, шмятыя и распухлыя отъ веревки.

— Ничего, говорилъ онъ, потирая одну объ другую, чтобы разогрѣть ооченѣвшіе пальцы: ничего, я очень жалею имѣть дѣло съ знатокомъ.

— Увидимъ, сказалъ съ улыбкою Юрденсъ: мессиръ комендантъ донъ Хуанъ делья Ривейра именно такой знатокъ, какого вамъ нужно.

Комендантъ закрутилъ усъ. Улыбка Юрденса проблала

по всему собранію. Незнакомецъ безпечно поведъ вокругъ глазами, какъ-будто нища чего-то и не зная къ кому обратиться съ вопросомъ. Наконецъ онъ замѣтилъ мефру Петронию, которая пришла подослать маленькій коверъ подъ треножникъ, чтобы арестантъ-живописецъ не замаралъ навошеннаго полу грязными ногами.

— Ради Бога, мефру, сказалъ онъ, если вамъ что-нибудь значитъ спасеніе жизни бѣднаго человека, прикажите мнѣ дать бутылку вина: я не ѣлъ сегодня и умираю съ холоду... Какъ тутъ писать? Гдѣ взять воображенія!

Петрония тотчасъ велѣла исполнить желаніе гостя. Тотъ схватилъ бутылку и разомъ ее опорожнилъ; потомъ поднялъ волосы, которые въ беспорядкѣ унадали ему на глаза, и открылъ черты обыкновенныя, но оживленныя умнымъ выраженіемъ и чувствомъ. Взявъ кисти, онъ бойко принялся за работу и набросалъ эскизъ, изъ котораго скоро вышла небольшая картина, исполненная остроумія и правды. Она представляла нѣсколько испанскихъ солдатъ, играющихъ въ карты. Физиономіи лицъ и волевовавшія ихъ страсти, художникъ выразилъ очень счастливо; но главною и превосходнѣйшей фигурой былъ старый жандармъ: сидя на корточкахъ, разинувъ ротъ, украшенный только двумя зубами, онъ съ жадностію и страхомъ рассчитывалъ карты. Все это было съ жаромъ схвачено и мастерски исполнено.

Всѣ въ безмолвіи слѣдили за работою живописца. Когда картинка получила видъ, онъ снялъ ее и подалъ комманданту.

— Я живописецъ? спросилъ онъ, смѣло глядя въ глаза донъ Хуану.

— Ты мазилка! ты обманулъ меня, и дорого заплатишься! вскричалъ коммандантъ, швырнувъ картину.

Рубенсъ поспѣшно поднялъ ее.

— Полноте шутить, донъ Ривейра: вы ужъ довольно напугали своего арестанта. Это, просто, мастерское произведеніе, не правда ли, Иорденсъ? не правда ли, Вандикъ?

Всѣ отвѣчали изъявленіемъ удивленія и энтузіазма.

— Это картина, которая стоитъ по-крайней-мѣрѣ триста рейхстаалеровъ, замѣтилъ старикъ Тербургъ, по своему

объясненію цѣннѣйшій восторжко-то талантъ хорошаго художника.

— Я ему заплачу эти деньги, сказалъ князь д'Аренбергъ, подавая живописцу кошелекъ.

— Теперь остается узнать только имя, прибавилъ Рубенсъ, и я вамъ скажу его. Только одинъ человекъ въ Фландріи можетъ писать предметы этого рода такъ превосходно: это—Брауеръ.

— Истинно, такъ, мессиръ Рубенсъ! Потому что никто въ свѣтъ кромѣ Рубенса не можетъ судить обо мнѣ такъ крѣпко съ перваго взгляду. Да, господа я Адрианъ Брауеръ, котораго несчастная судьба ни за что бросила въ темницу мессира коменданта.....

— Изъ котораго несчастія здѣсь кончатся, товарищъ, прервалъ Рубенсъ. Съ этой минуты, мой домъ будетъ твоимъ! Ты найдешь здѣсь гостепріимную кровлю, постель для отдыха, сытный столъ, услужливыхъ слугъ, и когда вздумашь писать, — краски, краски, все, что хочешь.

— Съ признательностью принимаю ваше предложеніе, безъ околѣпностей, особенно постель: признаюсь, я маю спать съ-тахъ-поръ какъ меня обобрали воры и какъ лежалъ на саломъ мессира коменданта, мнѣ въ перспективѣ веревку.

— Петровна, отведи и покажи мастеру Адриану комнату, сказала Елена.

— Это я вамъ, мессроу, буду обязанъ спокойнымъ и пріятнымъ сномъ; послѣ того какъ вы бутылкою вина спасли меня отъ висѣлицы! вскричалъ Брауеръ, прощаясь съ Петровною: почитаю себя счастливымъ быть вамъ обязаннымъ такой прекрасной особѣ.

Сказавъ это, Брауеръ поднесъ къ губамъ мясистую руку сорока пяти-лѣтней красавицы, и взглянулъ на нее такъ выразительно, что бѣдная затрепетала отъ радости и жившей стыдливости.

Между-тѣмъ гости разъѣхались; въ залѣ остались только Рубенсъ и Вандикъ.

— Другъ мой, сказалъ Рубенсъ, какъ ни тяжело, а надо по расстаться. Прощай! Приведетъ ли Богъ снова свидѣться.... Возьми этотъ перстень, на память обо мнѣ; возьми и

этот коншелекъ, въ которомъ тысяча рейхсталеровъ. Ты знаешь, я люблю тебя какъ сына, а сынъ можетъ принять подарокъ отъ отца. У крыльца ты найдешь мою белую лошадь, на которой ты такъ любишь ѣздить. Прощай!

Мастеръ и ученикъ безмолвно обнялись, и Рубенсъ, прихвативъ луны, опершись на перила балкона, долго смотрѣлъ въздъ Вандику, который на каждомъ шагѣ останавливался, чтобы еще разъ взглянуть на домъ благодѣтеля.

Прошло много лѣтъ впродолженіи которыхъ Петръ-Павелъ Рубенсъ велъ счастливую, славную и богатую радостями жизнь художника, окруженный уважавшими его друзьями, прекрасными, почтительными дѣтьми и доброю, милою женой, которая сначала прельстилась только блескомъ и знаменитостью великаго художника-дипломата, но потомъ отъ всей души полюбила его самого, его сердце, его душу. Рубенсъ то работалъ въ своей мастерской, въ кругу товарищей и учениковъ, то путешествовалъ, ѣздилъ ко двору испанскому для переговоровъ, служилъ посредникомъ между Нидерландами и Филиппомъ III, примирилъ ихъ и стяжалъ дань благодарности и энтузіасма своихъ согражданъ; которые называли его «благодѣтелемъ отечества»; то онъ былъ въ Парижъ, также въ качествѣ посредника, стараясь примирить сына съ матерью, — Людовика XIII съ Марією Медичи, — но неровный бой его благороднаго прямодушія и чистости съ хитрымъ пронырствомъ кардинала Ришелье, былъ безуспѣшенъ; то онъ собиралъ картины, статуи, обрѣзочныя произведенія искусства для своей галереи и по вѣрученіямъ монарховъ. Въ одну такую позадку Рубенсъ былъ въ Амстердамъ, и сошелся съ Рембрантомъ, у котораго въ мастерской написалъ портретъ своей жены Блены, картину известную подъ названіемъ «Соломенная шляпа».

Въ 1640 году, въ ясный осенній день, въ городъ Антверпенъ въѣхалъ путешественникъ и удивился необыкновенной тишинѣ на улицахъ, какъ-бы накрытыхъ мрачными непрозрачными всеобщей печали: былъ Праздникъ Жатвы, который жители Антверпена обыкновенно праздновали шумно

шимъ веселѣемъ, а тутъ — ни одной громкой пѣсни, ни одного восклицанія радости; куранты на городской башнѣ молчали, колокола собора не оглашали воздуху торжественнымъ звономъ; обыватели уныло стояли на порогахъ своихъ домовъ, и съ безпокойствомъ о чѣмъ-то разспрашивали каждого прохожаго, который отвѣчалъ пожимая плечами или покачивая головой, и продолжалъ свой путь, пока не остановитъ другой любопытный. Путешественникъ подъѣхалъ къ крыльцу гостинницы, чтобы спросить у стоявшаго на порогѣ хозяина о причинѣ такой тишины и таинственности во всемъ городѣ.

— Вотъ печальный праздникъ у васъ нынче! сказалъ онъ сойдя съ лошади, толстому Фламандцу, который поглядывалъ тó въ домъ, то на улицу : вѣрно, дѣла въ этомъ году плохо идутъ въ Антверпенѣ, что въ праздникъ нѣкто не веселится?

— Нѣтъ, дѣла — слава Богу, мессиръ; да магистратъ запретилъ справлять праздникъ, пока не минуетъ несчастье, которое грозитъ городу Антверпену.

— Какое же это несчастье?

— А! вы, стало-быть, сейчасъ пріѣхали, что не знаете? Это — опасность, въ которой находится мессиръ Рубенсъ : умираетъ.

Эта новость такъ поразила путешественника, что онъ поблѣднѣлъ, ноги подкосились, онъ принужденъ былъ сѣсть на ступени крыльца.

— Весь городъ въ уныніи, какъ вы видали; въ церквахъ день и ночь служатъ молебны....

Но путешественникъ не слушалъ : опомнившись отъ перваго удара, онъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ дому Рубенса.

Несчастная толпа окружала этотъ домъ; однако жъ, несмотря на скопище, не слышно было ни малѣйшаго шума, кромѣ глухаго шопоту, который не могъ доходить до больного. Если какой-нибудь экипажъ направлялся въ ту сторону, народъ тотчасъ заставлялъ его своротить въ другую улицу, чтобы стукомъ колесъ не встревожить покоя и не раздражить боли страждущаго. Каждые четверть часа,

на лестницѣ являлся старшій слуга, который приносилъ собравшимся надежду или безнадежность.

— Мессевру Рубенсу легче, говорилъ онъ.

И счастливая вѣсть, вполголоса, пробѣгала по всей толпѣ и уносилась во все части города.

— Припадокъ становится сильнѣе.

Этихъ словъ достаточно было для уничтоженія всѣхъ улыбокъ и возбужденія страха въ каждомъ. Поминутно являлись пажи и слуги въ богатыхъ ливреяхъ, отъ имени своихъ господъ осведомиться о состояніи больного. Путешественнику стоило много труда пробраться до стараго слуги Рубенса.

— Ахъ! это вы, мастеръ Вандикъ? Въ черный день вы вернулись! Мой добрый баринъ умираетъ!....

— Можно ли мнѣ войти къ нему? спросилъ Вандикъ.

— Какъ же вамъ не войти?... Ахъ, не радостнее увидите! Барыня такъ быстро его скрутила, что страхъ. Онъ-таки, правду сказать, въ последнее время все прихварывалъ, одико жъ работалъ; а тутъ, третьяго дня утромъ, смотрю, вадно; что долго не звонить?... подождать еще часъ; тутъ вошелъ ужъ самъ въ спальню.... Боже ты мой, Господи!... Лежить, бьется, безъ памяти! Позвали докторовъ, кровь бросили : почувствовался, да бользнь-то не проходитъ. Въ бреду все твердить : «Искусство! Слава!» Барыня въ отчаяніи; дѣти безвыходно у него.... Подите, мастеръ Вандикъ; онъ обрадуется вамъ.

Вандикъ вошелъ въ комнату Рубенса и сталъ на коленяхъ между его дѣтьми. У изголовья сидѣла, въ слезахъ, Елена, которой скорбь, казалось, грозила разрушить красоту и прелесть, пощаженныхъ годами. Услышавъ легкій шумъ, больной медленно приподнялъ голову и, увидавъ своего бывшаго ученика, подавъ ему руку, которую тотъ, рыдая, поцѣловалъ.

— Благодарю Господа, что онъ привелъ тебя въ этотъ торжественный часъ, сказалъ Рубенсъ слабымъ голосомъ : я люблю тебя какъ сына.... Когда отецъ умираетъ, ему пріятно видѣть всѣхъ своихъ дѣтей.

Рыданія Вандика прервали Рубенса, который тихо склонилъ голову и положилъ руку въ руку жены.

Черезъ нѣсколько минутъ, на улицѣ, толпа волновалась; шопотъ сталъ тревожный, слышались даже восклицанія. Прибылъ священнослужитель съ причетомъ; народъ разступился и пропустилъ его въ домъ. Все смолкло. Воцарилась гробовая тишина, которая продолжалась около часу. Тутъ отворилось окно и духовникъ торжественно сказалъ народу:

— Молитесь! Душа праведнаго передъ Богомъ.

Восклицаніе глубокой скорби было отвѣтомъ. Горестныя вѣсть въ минуту разнеслась по городу, и церкви наполнились народомъ, молившимся за упокой души того, кому Антверпенъ обязанъ своей славой, блескомъ и богатствомъ. Магистратъ единодушно положилъ воздвигнуть Рубенсу монументъ, въ одамахъ въ предѣлахъ церкви Святаго Іакова. Въ день похорожъ передъ гробомъ несли большую черную бархатную подушку, на которой стояла золотая корона. Вся знать, духовенство, художники и любители, все граждане антверпенскіе были на погребеніи.

Донынѣ, подъ алтаремъ капеллы, гдѣ похороненъ Рубенсъ, есть картина, въ которой изображенъ онъ самъ, съ отцомъ и обвѣнныя женою. Передъ алтаремъ стоитъ иранорная гробница знаменитаго художника, съ предлинною надписью.

Нынче, въ Антверпенѣ, каждый ребенокъ знаетъ имя Рубенса, и съ почтеніемъ вамъ укажетъ мѣсто, гдѣ покоится прахъ знаменитаго художника.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

КУРСЪ ОВЦЕВОДСТВА.

ЧТЕНИЕ ТРЕТІЕ.

VII.

Облагороженіе породъ въ орудствомъ сортомъ соответнаго совокупленія.

Какъ бы ни было незначительно улучшение рунъ, произведенное временемъ, подъ вліяніемъ случайныхъ благоприятныхъ наружныхъ обстоятельствъ, однако жъ оно не могло не быть замѣчено овцоведами, которые, естественно, стали предпочитать животныхъ, доставляющихъ лучшее произведение и, слѣдовательно, болѣе выгодъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что постоянное совокупленіе между собою такихъ выбранныхъ животныхъ, при содѣйствіи тѣхъ же благоприятныхъ обстоятельствъ, которыя первоначально произвели ихъ улучшение, должно было образовать въ нихъ хорошія качества, передаваемые потомству. Однако жъ, между улучшенными домашними животными, всегда рождается нѣсколько такихъ, которыя своими качествами превосходятъ остальныхъ. Эти-то, лучшія, животныя, выходящія изъ ряду обыкновенныхъ, нарочито выбираемыя на племя,

исповодовъ и при благоприятныхъ обстоятельствахъ, постепенно возвышали достоинство своей породы, и такой ходъ улучшения замѣчается и теперь во всѣхъ видахъ различныхъ домашнихъ животныхъ. На этомъ-то постоянномъ выборѣ для племени, случайно родящихся, лучшихъ животныхъ, основывается облагораживаніе худшихъ породъ и произведеніе новыхъ; эти же способы образовались въ новѣйшія времена саксонскіе мериносы, и изъ нихъ, въ нашихъ глазахъ, выводятся тончайшія длинношерстные овцы. Такимъ же точно образомъ, при помощи человека, произошло множество другихъ благородныхъ породъ различныхъ домашнихъ животныхъ, особенно въ Англіи, которая отличилась на этомъ поприщѣ, какъ разведеніемъ породъ рогатаго скота, такъ особенно овецъ, между которыми замѣчательныя — ~~длинношерстные~~.

Такое искусственное облагораживаніе породы въ самой себѣ, безъ примѣси посторонней, болѣе благородной, крови, это, такъ сказать, «самоулучшеніе» (*Inzucht* — Нямцанъ, *Breeding in and in* — Англичанъ), по необходимости составляло первый разумный способъ, посредствомъ котораго человеческая промышленность усовершила полезныя качества первобытныхъ животныхъ, до степени, требуемой необходимостью или роскошью. Способъ этотъ стоить многихъ усилій. При неуспѣшномъ вниманіи, чрезвычайно точномъ выборѣ лучшихъ племенныхъ животныхъ, при содѣйствіи обстоятельствъ зависящихъ отъ климата и мѣстности, оценовъ, сообразно своимъ намѣреніямъ, доходить до цели только чрезъ длинный рядъ поколѣній, въ теченіе значительнаго времени. Зато породы, выведенныя улучшеніемъ въ самихъ себѣ, то есть, породы «самоулучшенныя», обладаютъ высокою самостоятельностью, или способностью постоянно передавать большинству своего потомства всѣ присвоенныя себѣ качества. Эта способность воспроизводить свои качества и достоинства въ дѣтяхъ, усиливается со временемъ до такой степени, что даже и при различныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ (какъ напримѣръ, при переменѣ климата и мѣстности, или при смѣшеніи съ другими низшими породами), удерживается, болѣе или менѣе времени, въ породѣ самостоятельно-облагороженной, и не возвращается

улучшается въ ея потомствѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что всякая порода «самоулучшенная», хотя и черезъ многія по-
ложенія, однако же достигаетъ до той же степени самостоя-
тельности, которую обладаетъ чистая, кровная, благород-
ная порода.

Но улучшение породы, посредствомъ смѣшенія низшихъ
племенъ съ кровными, гораздо удобнѣе, легче и скорѣе пре-
вращаетъ простыхъ овецъ въ тонкорунныхъ, чѣмъ само-
улучшеніе безъ смѣшенія, и потому, со времени распростра-
ненія въ Европѣ мериносовъ, способъ этотъ совершенно
вытѣснилъ изъ употребленія самоулучшеніе, составлявшее
прежде, во многихъ мѣстахъ Германіи и Англіи, единствен-
ное средство, которымъ овцеводы пользовались для усовер-
шенствованія рунъ своихъ стадъ. Успѣхъ отъ мѣшкатнаго,
затруднительнаго, самоулучшенія былъ различный, смотря
по средствамъ, постоянству и знанію дѣла хозяевъ; но во
всѣмъ случаѣ онъ оказался недостаточнымъ на то чтобы
вѣроятно доказать свою возможность. Должно думать, что
если бы введенные въ Германію мериносы не перебили на-
чатаго такимъ образомъ улучшенія, то, вѣроятно, въ тепе-
решее время тамъ бы уже существовали порядочныя тон-
корунныя овцы, какъ онѣ существуютъ въ Англіи.

Дети, отъ совокущенія родителей двухъ различныхъ по-
родъ, слѣдуютъ то болѣе съ отцомъ, то съ матерью, за-
висяща различныя качества отъ того и другой, а часто до
такой степени соединяютъ въ себѣ ихъ формы и свойства,
что представляютъ новую, среднюю породу. Обстоятель-
ство это доказываетъ, что на произведеніе и образованіе
пришла оба родителя имѣютъ равное вліяніе, измѣняемое
различіемъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ.
Замѣтельно, однако жъ, что вообще перевѣсъ въ переда-
чѣ своихъ качествъ принадлежитъ тому изъ двухъ роди-
телей, который самъ происходитъ изъ породы болѣе ста-
ршей, болѣе самостоятельной и размноженной безъ при-
мѣшанности чуждой крови, такъ, что при равной самостоя-
тельности двухъ совокущаемыхъ породъ, потомство наследу-
етъ качества обѣихъ. Примеры тому видны не только на
овцахъ, у которыхъ, по сходству между собою всѣхъ по-
родъ, явленія эти, менѣе рѣзки, но и на всѣхъ различныхъ

видѣхъ другіхъ домашнихъ животныхъ, какъ, напримеръ, на лошакахъ и мулахъ, которые представляютъ въ равной степени сѣсь качествъ равно самостоятельныхъ а именно лошадиного и ослянаго, отъ которыхъ происходятъ. Вслѣдствіе другомъ случаѣ перевѣсь воспроизводительной способности наследственныхъ качествъ всегда оканчивается на сторону того изъ двухъ родителей, который самъ чище породю, и потому-то крошечные мериносы, при совокупленіи съ низшими породами, передаютъ потомству значительную часть своихъ качествъ. Случается, однако жь, что если простая порода совершенно самостоятельна, какъ напримеръ наши простыя русскія овцы, то отъ совокупленія такой матки съ бараномъ мериносовымъ чистой крови, следовательно весьма самостоятельнымъ, дѣти рождаются, или совсѣмъ въ отца, или совсѣмъ въ мать, смотря по перевѣсу въ степеніи самостоятельности котораго-нибудь изъ нихъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, нельзя не допустить исключеній, зависящихъ отъ вліянія обстоятельствъ во время самаго зачатія.

Неоспоримо, что родители передаютъ дѣтямъ собственныя свои формы и качества; но совсѣмъ тѣмъ, природа и въ этомъ случаѣ соблюдаетъ особый, постоянный, порядокъ. Замѣчено, что формы и качества шерсти переднихъ частей своего тѣла, ягненокъ заимствуетъ болѣе отъ отца, тогда какъ заднія его части, образуются преимущественно по матери. Обстоятельство это объясняетъ чрезвычайную медленность, встречаемую въ облагороживаніи шерсти на заднихъ частяхъ тѣла потомства, происшедшаго отъ совокупленія простыхъ матокъ съ кровными мериносовыми баранами, между-тѣмъ какъ переднія части такъ же ягнятъ, часто уже въ первомъ или второмъ поколѣніи, покрыты руномъ высшаго достоинства. Какъ бы ни было постоянно поддерживаемо облагороживаніе простыхъ породъ посредствомъ лучшихъ кровныхъ барановъ, шерсть на заднихъ частяхъ тѣла ихъ ягнятъ, образующаяся преимущественно по образцу шерсти некровной, простой, матери, улучшающаяся на поколѣніи весьма медленно и едва замѣтнымъ образомъ: изъ всѣхъ частей тѣла, крестецъ и задніе окорока, наиболее упорствуютъ противъ улучшенія. Поэтому-то и можно безошибочно судить о достоинствѣ и самостоятельности

ности породы стада, по степени превосходства шерсти, до-
крывающей заднія части составляющих его овецъ; по той
же причине овца справедливо цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ
ближе шерсть заднихъ частей подходитъ достоинствомъ къ
мятечной. Теперь явно, почему возможно совершенное
улучшеніе руна на всѣхъ точкахъ тѣла овецъ составляетъ
несомнѣнный знакъ древности, чистоты и совершенной
смислительности породы. Вліяніе барана на переднюю
часть тѣла ягненокъ особенно видно изъ того, что мериносо-
вые бараны, слученные съ простыми матками, обыкновенно
производятъ дѣтей съ прекрасно завитыми рогами, при-
надлежностью мериносовъ. Следовательно, при выборѣ пле-
менныхъ барановъ должно больше всего смотреть на досто-
инство шерсти ихъ переднихъ частей; тогда какъ матки,
опредѣляемыя племя, должны преимущественно отличать-
ся хорошо образованнымъ широкимъ крумомъ, покрытымъ
шерстью высокой доброты. Тогда только племя ихъ будетъ
хорошаго качества.

Замѣчено тоже, что формы тѣла, или стати, въ приплоди
вообще больше образуются по отцу, а величина или ростъ,
по матери. Обстоятельство это менее важно для тонкорун-
наго овцеводства чѣмъ для другихъ вѣтвей скотоводной
промышленности; но не менее того, некоторая условная кра-
сота въ развитіи формъ и соответственный высшій ростъ
овецъ, льститъ глазу и доставляетъ большее количество
шерсти; оттого и въ тонкорунномъ овцеводствѣ обращаютъ
вниманіе на произведеніе пріятныхъ формъ и возможно
большой величины тѣла. Не должно, однако жь, стараться
о произвольномъ увеличиваніи росту тонкорунныхъ овецъ,
посредствомъ слишкомъ сильнаго корму производимаго яг-
нятничь, зная что вмѣстѣ съ прибавленіемъ росту выше
средней мѣры, свойственной тонкоруннымъ животнымъ,
руны ихъ дѣлается жижее, шерсть видимо грубѣетъ и стано-
вится длиннѣе, излишны ея растягиваются и, наконецъ, по-
чти все расправляются, что очевидно доказываетъ обра-
зующееся, крупныхъ низовыхъ и англійскихъ длинношерст-
ныхъ породъ. Овцеводамъ нѣтъ никакой надобности гнать
за особенною величиною росту ихъ стада, тѣмъ болѣе, что
кормить, и удовлетворяемому для содержанія на нѣсколькихъ

большихъ овецъ; покрытыхъ дурною шерстью; шкура со-
держитъ большее число малорослыхъ, требующихъ сравни-
тельно, гораздо меньше пищи, а носящихъ руна лучшей
доброты и цѣнности. Но если бы кто, несмотря на эту важ-
ную невыгоду, захотѣлъ усвоить породу овецъ высокой
росту, тому не достаточно было бы только постоянно выби-
рать для племена большихъ матокъ и барановъ: замѣчено,
что кормъ, производимый ягнятамъ въ молодости, имѣетъ
весьма значительное вліяніе на послѣдующую величину ту-
ловища животныхъ. Опытъ показалъ, что всѣ породы до-
машнихъ животныхъ, самыя рослыя, скудуютъ и терпятъ
свой крупный ростъ, когда имъ производится бѣдный кормъ,
а напротивъ того, желкія породы на сытномъ корму, при
сообразномъ содержаніи, исподоволь крупнѣютъ. Часто слу-
чается, что обильнѣе наследственно крупнои и весьма са-
мостоятельной породы приписываютъ вліянію климата,
тогда какъ оно не что болѣе какъ послѣдствіе не довольно
хорошаго и недостаточнаго корму. Особенно дѣйствуетъ на
ростъ содержаніе въ первые мѣсяцы жизни, такъ, что жи-
вотныя, скудно кормленныя съ первыхъ дней своего суще-
ствованія, остаются малорослыми, хотя бы впоследствии и
доставлялось имъ корму вдоволь. Хорошо кормленные ягня-
та, уже на осьми-мѣсячномъ возрастѣ не многимъ чѣмъ от-
стаютъ величиною отъ своихъ матерей, тогда какъ худо
кормленнымъ въ молодости, никакими способами нельзя по-
слѣдствіемъ прибавить росту. По этой причинѣ вообще приня-
то производить шести-недельнымъ ягнятамъ; для омы-
шенствованія ихъ развитія, некоторое количество зернова-
го корму, которое, однако жъ, для тонкорунныхъ овецъ, не
должно превышать известнаго средняго количества, пото-
му что, при слишкомъ сильномъ увеличеніи объема тула,
шерсть на немъ неминуемо дѣлается толще а руно жидко.

Кромѣ этого неудобства замѣчено еще, что отъ чрезмѣр-
но сильнаго корму въ молодости, терзается красина, въ
свѣдшая порода, соразмѣрность въ формахъ, и это отъ того,
что при скоромъ развитіи частей тѣла, кости, такъ сказать,
отстаютъ въ ростѣ, остаются несоразмѣрно тонкими въ
сравненіи съ мяскими частями, которыя развиваются въ
шерсть частей твердыми. Въ свѣдствіе такого способа возр-

жана, или откармливая, и жныхъ молодыхъ животныхъ, эти ихъ остаются слишкомъ тонкими и голова чрезмерно мала въ сравненіи съ объемомъ туловища. Известный англійскій скотоводъ Баквелъ, основываясь на этомъ наблюденіи, образовалъ такимъ способомъ особую породу овецъ, которой отличительнымъ свойствомъ стали не соразмѣрно тонкія кости при чрезвычайно большихъ мясистыхъ частяхъ. Выгода этой породы состоитъ въ томъ, что для откармливанія нужно относительно меньшее количество корму, потому что развитіе жныхъ костей требуетъ ему немного, и онъ, почти весь, идетъ на образованіе частей мясистыхъ. Порода эта, посредствомъ самоулучшенія, сдѣлалась самостоятельной и наследственно передаетъ потомству свои формы и качества.

Мы не имѣемъ еще достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, точно ли баранъ преимущественно передаетъ качества своей шерсти ягненку-самкѣ, между тѣмъ какъ ягненокъ-самецъ больше наследуетъ образованіе руна и качества шерсти матери, какъ замѣтили нѣкоторые овцеводы. Если принять въ соображеніе, что въ самыхъ лучшихъ стадахъ, снабженныхъ превосходными баранами, между приплодомъ вообще найдешь больше отборныхъ матокъ чѣмъ барановъ, то, кажется, что наблюденіе это не лишено основанія; но вмѣстѣ съ тѣмъ должно замѣтить, что по жнейшему образованію организма и кожи овецъ, шерсть ихъ вообще бываетъ тоньше и правильнее образована чѣмъ шерсть барановъ; и потому проверка точности этого обстоятельства не такъ-то легка, если дѣло идетъ объ одной или двухъ десяти-тысячныхъ частяхъ дюйма въ тонинѣ волосинки. Вмѣстѣ съ этимъ утверждали, что длина и густота шерсти передается овцами преимущественно дочерямъ. Это послѣднее предположеніе кажется мнѣ вовсе несправедливымъ, потому что я на собственномъ моемъ стадѣ имѣлъ случай убѣдиться въ противномъ: я именно замѣтилъ, что баранъ имѣетъ очевидное вліяніе на густоту, длину, и, вообще, на пышный ростъ шерсти рожденныхъ отъ него ягнятъ-самокъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, второе отдѣленіе моего стада было составлено изъ заграничныхъ матокъ чрезвычайно тонкошерстныхъ, которыхъ руна, однако жъ, были очень жидки, скудны, и

косички вообще очень коротки; но рожденные отъ нихъ и отъ густошерстныхъ барановъ ягнята, вообще отличаются густымъ, пышнымъ, руномъ высокаго качества, особенно же молодыя матки, нынѣ составляющія это стадо, въ этомъ отношеніи ни мало не уступаютъ своимъ отцамъ, чего бы не могло быть, если бѣ сказанное предположеніе было справедливо. Впрочемъ, обстоятельство мною замѣченное, и вообще вѣрное, отнюдь не безъ исключенія, что каждый овцеводъ могъ неразъ замѣтить. Конечно, въ числѣ многихъ ягнятъ, отъ одного и того же барана, нѣкоторыя ярки явно носятъ на себѣ отпечатокъ формъ и качествъ матерей, тогда какъ многіе барашки рождаются всѣми статьями и качествами шерсти въ отца. То же самое безъ-сомнѣнія случается и во всѣхъ другихъ породахъ домашнихъ животныхъ.

Такія отступленія природы отъ обыкновеннаго порядка часто зависятъ отъ различной степени благородства каждаго изъ родителей. Замѣчено, что равномѣрное участіе въ наследственной передачѣ присвоенныхъ качествъ отъ родителей дѣтямъ, тогда только достоверно, когда и баранъ и овца принадлежатъ къ породѣ равно самостоятельной. Напротивъ, при слученіи кровнаго барана съ овцою смѣшанной породы, въ ягненкѣ окажется болѣе отцовскихъ чѣмъ материнскихъ качествъ. Такъ, на примѣръ, отъ совокупленія кровнаго мериносоваго барана съ простою русскою овцою, происходятъ ягнята, составляющіе, въ отношеніи формъ и качествъ руна, нечто среднее между своими родителями, которые оба принадлежатъ къ двумъ одинаково самостоятельнымъ породамъ. Но если случить барана смѣшанной породы, шлёнскаго, еще мало самостоятельнаго, съ такой же простою русскою овцою, то приплодъ ихъ будетъ болѣе въ мать чѣмъ въ отца, потому что одна принадлежитъ къ породѣ совершенно самостоятельной, тогда какъ другой обладаетъ менѣе важною воспроизводительною силою. Если же случать между собою двухъ шлёнокъ, разной степени благородства, то ягненку ихъ передадутся качества того изъ родителей, чья порода считаетъ большее число облагороженныхъ козьвъ.

Ягнята, происходящіе въ первомъ поколѣніи отъ совокупленія кровнаго мериноса съ простою русскою овцою, болѣе

шею частью одарены по-ровну качествами обоих родителей, но случается и то, что удаются иногда более въ отца, иногда более въ мать; когда же ярку этого перваго улучшаемаго поколѣнія, случить съ кровнымъ бараномъ отцовской породы, или просто съ отцомъ, то отъ такого совокупленія не всегда родится ягненокъ превосходящій мать благородными качествами руна, но часто второе поколѣние родится, или совсѣмъ въ свою простую бабу, или, напротивъ, весьма близко подойдетъ къ благородному дѣду; однако жъ, замѣчено, что первое изъѣтихъ сходствъ встрѣчается гораздо чаще чѣмъ второе. Оно не рѣдко встрѣчается и въ третьемъ поколѣннѣ, воспроизводящемъ иногда, совершенно неожиданно, простыя качества прабабки, которыя въ предъидущемъ поколѣннѣ казались совершенно уничтоженными. Со всякъ тѣмъ, при постоянномъ употребленнѣ кровныхъ барановъ, качества ихъ болѣе и болѣе укрѣпляются въ приплодъ, и, начиная съ четвертаго поколѣнія, ягнята ближе и ближе подходятъ къ кровнымъ отцамъ. Кажется, что влїяніе кровныхъ барановъ на самостоятельность простой породы, начиная, какъ мы сказали, съ четвертаго поколѣнія, такъ усилено, что дольнѣйшее облагороживаніе подвигается впередъ безостановочно; но отнюдь нельзя согласиться, чтобы животныя этого поколѣнія заслуживали названія кровныхъ, самостоятельныхъ, потому что при размноженнѣ ихъ между собою, безъ примѣси болѣе благородной чистой крови, на нихъ всееще замѣчается значительная склонность къ переходу отъ хорошаго къ дурному, которая уничтожается не прежде какъ послѣ многолѣтнихъ постоянныхъ усилій овцевода. Достоверно, однако жъ, что съ матками четвертаго поколѣнія кровныя бараны производятъ ягнать, на которыхъ ясно видна перевѣсъ воспроизводительной способности отцовъ, изъ чего и можно заключить, что самостоятельность простой материнской породы почти уничтожена. Нѣкоторые овцеводы полагаютъ, что съ достиженіемъ осьмаго поколѣнія, облагороживаніе кончено, то есть, что осьмой потомокъ кровныхъ барановъ, одной и той же благородной, самостоятельной, породы, сравнивается во всѣхъ качествахъ съ отцомъ. Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что для окончательнаго уничтоженія всѣхъ признаковъ не благороднаго проис-

хожденія и замѣненія ихъ въ ягненкъ высокими качествами отцовъ, потребенъ рядъ пятнадцати, или даже тридцати, поколѣній. По имѣющимся прямымъ опытамъ трудно опредѣлить настоящій срокъ, нужный для конечнаго превращенія простой породы въ благородную, и вообще не легко рѣшить этотъ спорный пунктъ, потому что, въ дѣлѣ облагороживанія, много зависитъ отъ чистоты крови употребленныхъ въ разныхъ случаяхъ барановъ, и точности въ сортировкѣ приплода. Слученіе матокъ, хотя бы только одинъ разъ, съ баранами не совсѣмъ кровными, можетъ удвоить и утроить продолженіе троку времени, нужнаго для полнаго облагороженія породы. Въ своемъ мѣстѣ обстоятельство это будетъ предметомъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія.

Надобно, однако жъ, замѣтить, что первое поколѣніе ягнятъ, происходящихъ отъ совокупленія мериносскихъ барановъ, высшаго достоинства, съ простыми русскими овцами, обыкновенно бываетъ покрыто руномъ, состоящимъ изъ смеси грубыхъ волосковъ матерей и тончайшихъ шерстинъ отцовъ, и потому-то оно мало способно къ выдѣльванію какой-либо порядочной ткани. Чтобы избѣжать этого неудобства, и уже съ перваго поколѣнія получать животныхъ, послѣщихъ однообразныя, годныя къ употребленію, руна, овцеводы совѣтуютъ, для облагороживанія совершенно простой породы, брать барановъ, которые тониною шерсти не слишкомъ бы резко отличались отъ случаевыхъ съ ними овецъ. Такимъ образомъ, конечно, ягнята каждаго поколѣнія дадутъ руно однообразнѣе, исподволь улучшаемое, и всегда годное къ употребленію соотвѣтственному своей тонинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ облагороживаніе будетъ идти гораздо медленнѣе. Нѣкоторые совѣтуютъ даже производить первоначальное улучшеніе посредствомъ грубыхъ барановъ смѣшанной породы, или шленскихъ, отъ которыхъ, по мѣрѣ улучшенія стада, переходить къ кровнымъ, болѣе тонкошерстнымъ. Но если овцеводъ имѣетъ въ виду какъ можно скорѣе достигнуть высокой степени облагороженія своего стада, то ему слѣдуетъ съ самаго начала употреблять барановъ чистой крови, самыхъ тонкошерстныхъ, отъ которыхъ, конечно, въ первомъ поколѣніи будутъ родиться ягнята съ смѣшанными, неровными, мало цѣнными рунами, но

зато съ думою, по крайней мѣрѣ не радоваться въ скоромъ времени эту потерю, качествомъ шерсти такого достоинства, какого не получаютъ при медленномъ способѣ облатероживания.

Странно, что, вопреки всей самостоятельности матокъ и барановъ, иногда перлам случая имѣетъ вліяніе на формы тѣла и характеръ шерсти всехъ ягнятъ, рождаемыхъ отъ послѣдующихъ случей. Обстоятельство весьма важное для племенныхъ овчарей, потому что, отъ недосмотра, молодая матка высокаго достоинства, нечаянно совокупившись въ первый разъ съ какимъ-нибудь чужимъ простымъ бараномъ, можетъ одѣлаться негодною къ дальнѣйшему употребленію.

Нѣкоторые овцеводы увѣряютъ, что испугъ матокъ въ первые дни беременности, имѣетъ вліяніе на качество зародыша; именно было замѣчено, что недавно слученныя овцы, сильно испугавшіяся черныхъ предметовъ, родили ягнятъ пестрыхъ. Трудно согласиться съ этимъ предположеніемъ безъ точной поварки всѣхъ обстоятельствъ дѣла, потому что если бы испугъ дѣйствительно имѣлъ такое сильное вліяніе на образованіе зародыша, то чрезвычайно робкія овцы, пугающіяся всего на свѣтъ, чаще приносили бы ягнятъ съ признаками разныхъ впечатлѣній, которымъ онѣ ежедневно подвергаются. Рассказываютъ, однако жъ, между прочимъ, что однажды стадо овецъ, недавно слученныхъ, выходя изъ лѣсу на поляну, покрытую черными обгорѣлыми пнями, сильно испугавшись, ударились бѣжать, и послѣ того большая часть матокъ принесла черныхъ и пестрыхъ ягнятъ. На подобныхъ наблюденіяхъ основывается требованіе многихъ нѣмецкихъ овчарей, чтобы при стадѣ не держать такихъ черныхъ и пестрыхъ собакъ, которыя имѣютъ привычку прятаться въ ямы или за кустами, и, незапно выскочивъ изъ засады, пугаютъ овецъ: такимъ-то собакамъ овчари, обыкновенно, приписываютъ рожденіе черныхъ или пестрыхъ ягнятъ. Не отрицая предположенія, чтобы такъ называемый озоръ не имѣлъ какого-либо вліянія на образованіе зародыша, нельзя, не имѣя особыхъ ясныхъ доказательствъ, согласиться въ томъ, чтобы дѣйствіе его такъ было сильно, какъ увѣряютъ нѣкоторые овцеводы, потому именно, что въ такомъ случаѣ вліяніе его оказывалось бы

порадо чина, на пугливомъ овецъмъ роде. Случай, приходяще въ подтвержденіе мнѣнію о влияніи на овецъ озора, и наблюденія, сдѣланныя надъ другими породами домашнихъ животныхъ, особенно надъ лошадыми, также какъ и мнѣнію о влияніи на человѣческой зародыши думиваго состоянія родителей во время зачатія, будто бы доказанное многими фактами, лежать на слѣдующихъ матеріяхъ основаніяхъ, и не могутъ быть приняты безъ предварительной, строгой, проверки.

Между скотоводами, особенно между овцеводами, существуетъ поварье, что на передачу зародышу качества преимущественно отцовскихъ или преимущественно материнскихъ, и даже на полъ его, имѣють вліяніе различная степень тѣлесной крѣпости и здоровья родителей. Основываясь на наблюденіяхъ, некоторые овцеводы утверждаютъ, что очень крѣпкіе, хорошо содержанныя бараны, случаемые съ слабыми и исхудальными овцами, производятъ чаще баранковъ чѣмъ ярокъ, или, по крайней мѣрѣ, ягнятъ преимущественно одаренныхъ отцовскими качествами, и что, напротивъ, отъ совокупленія худыхъ, разслабленныхъ барановъ съ хорошо содержанными матками, родится болѣе ярокъ чѣмъ баранковъ, и бываетъ вообще болѣе ягнятъ, сходствующихъ качествами и формами съ матками. Особенно интересны въ этомъ отношеніи наблюденія надъ размноженіемъ домашнихъ животныхъ, двухъ французскихъ скотоводовъ, Жиру и Морисъ де-Виллѣ, сообщившихъ рѣзвыя замѣчанія, которыя могутъ служить подтвержденіемъ сказанныхъ предположеній. Вотъ замѣчанія Жиру, приведенныя для удобства въ таблицы:

- рождають болѣе самокъ чѣмъ самцовъ,*
 Вообще молодые самцы;
 Самки, случаемыя до принятія ими обильной пищи, и находящіяся въ состояніи совершеннаго спокойствія;
 Самцы, имѣющіе большую голову;
 Самки съ маленькими головами.
- рождають болѣе самцовъ чѣмъ самокъ,*
 Вообще самцы въ полномъ развитіи своихъ силъ;
 Самки слишкомъ молодыя, или слишкомъ старыя;
 Самки слабого тѣлосложенія;

Самки, совокупляемыя противъ воли, особенно если предва-
рительно изнурены сильными движеніями или умощне-
ніемъ корму;

Самки съ малыми головами и соразмерно большими тазомъ;
Самки съ большими сужими яловками.

Вообще, говоритъ Жирю, отъ домашнихъ животныхъ
родятся больше дѣтей мужескаго полу, или, въ его выраже-
ніе, не много хитрому, у самокъ «преобладаютъ внутреннія
жизненность надъ внешнею, а у самокъ перевѣсъ на сторо-
ну жизненности внешней; при обратномъ отношеніи ро-
дятся больше самокъ чѣмъ самцовъ». И должно сказать, что
Жирю осмѣливается свои выводы, на фактахъ довольно за-
мѣчательныхъ.

Изъ наблюдений Мориса-де-Винде видно, что степень
«сильной страсти» родителей во время совокупленія, имѣетъ
также какинѣ на полъ рождаемыхъ ягнятъ; такъ онъ запы-
талъ, что отъ овцы, объисканнаго послѣ половинныя июля;
то есть, во время самой сильной «снѣжности», рождался боль-
ше самцовъ чѣмъ самокъ, а отъ объисканнаго прежде, на
оборотъ.

Изъ наблюдений Мориса-де-Винде, вывѣданы цѣлью опре-
дѣлить вліяніе возраста матерей на полъ рождаемыхъ ягн-
лятъ, Жирю выводитъ слѣдующія заключенія: первое,
матки четырех-лѣтняго возраста, достигшія, следовательно,
полнаго своего развитія, даютъ обыкновенно равное число
ягнятъ того и другаго полу, по той причинѣ, говоритъ
Жирю, что овцы этого возраста находятся въ полной силѣ
своего развитія и потому легче противостоять действию
случайныхъ причинъ, могущихъ имѣть вліяніе на преимуще-
ственное происхожденіе того или другаго полу; второе,
овцы, случаемыя въ полутора-годовомъ возрастѣ, даютъ
больше баранковъ чѣмъ ярокъ; если же онѣ обѣщутся не
ранѣе, какъ во достиженіи дву-лѣтняго возраста, то, напро-
тивъ, произведутъ больше ярокъ чѣмъ баранковъ; разумѣ-
ется, если особыя обстоятельства не измѣнятъ обыкновен-
наго ходу дѣла; третье, трех-лѣтнія матки даютъ сораз-
мерно большее число самцовъ, чѣмъ дву-лѣтнія; четвер-
тое, матки четырехъ съ половиною лѣтъ и старше, даютъ
больше баранковъ; и, наконецъ, пятое, тѣ матки, которыя

«интенсивность» шерсти, прежде наступившая настоящего среднере промочи «страсти», и тамъ обнаруживаютъ яркое тьлосложение и живой, раздражительный характеръ, дають соразмерно больше крокъ, между-тѣмъ какъ тѣ вѣтнихъ, которыя приходятъ въ «надюность» поземе, будучи возбуждены постоянными сообщеніями съ баранами, дають даже больше мужескаго полу, даже несмотря на то, что маленькіе бараны подъ коношь уже довольно покурены.

Трудно опредѣлить, до какой степени заслуживаютъ въ-рогости наблюдѣнія Жиру и Мориса де-Виндэ, такъ же какъ и выведенныя изъ нихъ заключенія. Новыя справедливость всѣхъ этихъ замѣчаній еще не подтверждена другими овцеводами, и потому нельзя на нихъ положиться, такъ, чтобы по нимъ давать направленіе ходу овцарни. Кажется, однакожь, что мнѣнія Жиру и де-Виндэ, если и не совсемъ справедливы, то по крайней-мѣрѣ во многихъ отношеніяхъ оправдываются на опытѣ, и потому заслуживаютъ вниманія и дальнѣйшаго исследования со стороны хозяевъ-овцево-довъ.

Познакомившись съ обстоятельствами, возникшии и внутренними, приспособленными самому организму овецъ, и которыя оказываютъ больше или меньше явное вліяніе на развитіе въ зародкѣ частоты родителѣй, необходимо опредѣлить цель, къ которой должны стремиться усилія овцевода въ облагораживаніи своихъ стагъ. Не говоря уже о климатѣ, естественно, что и мѣстность должна сообразоваться съ качествами разводимой породы и съ предположенными улучшеніемъ, безъ него трудна было бы достигнуть до поставленной себя цели. Такъ, напримѣръ, на сырыхъ, низменныхъ, слишкомъ обильныхъ, нежизнѣхъ, тонкорунные меринсы скоро утратили бы свою короткую, кудрявую, тонкую шерсть: и потому въ такихъ мѣстностяхъ нельзя ни содержать атой породы въ кровной чистотѣ, ни посредствомъ ея улучшать низшія простые породы, такъ же какъ нельзя на скудныхъ кормахъ горахъ водить большихъ длизовыхъ или длинношерстныхъ овецъ. Если овцеводъ, въ-обстоятельствахъ, предпочитаетъ тонкорунную ову, которую водятъ во всей Россіи, за исключеніемъ развѣ болотистыхъ мѣстъ глубокаго сѣвера, то естественная цель его

заботъ должна состоять въ томъ, чтобы соединить въ руно возможную толщину и уроченію съ возможно большимъ количествомъ шерсти.

Опредѣливъ такимъ образомъ цѣль, должно дѣлать и соотвѣтствующій ей выборъ племенныхъ животныхъ, искусственно принимая въ соображеніе и различную самостоятельность избираемыхъ породъ вообще, и особенное преобладаніе въ частности извѣстныхъ необходимыхъ качествъ барановъ или овецъ, и степень ихъ воспроизводительной силы. Какъ бы ни было выгодно для овцевода руководствоваться въ этомъ случаѣ свободнымъ выборомъ, безъ ограниченія своей воли подобными обстоятельствами, но, въ большей части случаевъ, ему должно довольствоваться тѣми средствами, которыя доставляетъ данная мѣстность. Такъ, напримеръ, у насъ, для образованія тонкоруннаго стада приходилось бы намъ улучшать простыхъ русскихъ, крестьянскихъ овецъ, или пріобрѣсть шлёнокъ, вошедшихъ въ большомъ количествѣ въ нашихъ полуденныхъ степяхъ. Эта послѣдняя порода тѣмъ болѣе выгодна для дальнѣйшаго улучшенія, что руно ея уже имѣетъ все образованіе благороднаго племени, отъ котораго главнѣйше отличается толщиной и плоскимъ уроченіемъ шерсти; хотя шлёнки гораздо менѣе самостоятельны нежели простые русскія овцы, пріобрѣтшія это качество давнымъ, постояннымъ, размноженіемъ въ самихъ себѣ, однако жъ при надлежащихъ мѣрахъ, онѣ оказываются способнѣе русскихъ облагородиться въ своемъ потомствѣ до высокой степени и въ скорѣйшее время. Сверхъ-того важно то, что шлёнки, болѣею частью, одарены руномъ болѣе густымъ чѣмъ у простыхъ овецъ, и, слѣдовательно, обладаютъ уже однимъ изъ тѣхъ качествъ, которыя должно присвоить облагораживаемому племени. Шлёнокъ этой породы можно, безъ большихъ хлопотъ, доставать нужное число и матокъ и барановъ.

Если вообще волнистое образованіе и тонина шерсти въ потомствѣ развивается подъ влияніемъ отцовскимъ, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что преобразование это начнется преимущественно на переднихъ частяхъ ягнятъ, которые, болѣе заднихъ, образуются по барану. Обстоятельство

Это ясно видно на приплоды отъ мериносовыхъ барановъ съ простыми матками, на которыхъ преимущественно переднія части, лопатки и бока, покрываются тонкою шерстью шелковолнистаго образования, сходною съ шерстью отца. Между тѣмъ какъ на задней половинѣ туловища и окорокахъ шерсть сохраняетъ форму и толщину руна матери. Впрочемъ, тонина шерсти отца не обнаруживается и на переднихъ частяхъ ягнятъ перваго поколѣнія.

Важно замѣтить, что при смѣшеніи двухъ различныхъ породъ, такъ одинаково самостоятельныхъ какъ простые овцы и мериносы, эта самостоятельность вовсе терѣтся. и ее тѣмъ труднѣе возвратитъ новообразовавшейся смѣшенной породѣ, чѣмъ болѣе различествовали между собою произведшіе ее родители. По этой причинѣ плѣнки смѣшаннаго происхожденія плохо передаютъ свои качества своимъ дѣтямъ, на которыхъ оказываются разныя непраильности въ образованіи шерсти, обнаруживающіяся то въ склоненіи къ отцовскому устройству руна, или, чаще, къ материнскому, то въ смѣшанномъ его составѣ изъ разнокачественныхъ шерстинъ, тонкихъ — отцовскихъ и толстыхъ — материнскихъ. Такая шаткость въ наследственной передачѣ качествъ, можетъ быть прекращаема не иначе, какъ постояннымъ, долговременнымъ, совокупленіемъ кровныхъ мериносовыхъ барановъ съ матками смѣшаннаго происхожденія. Если каждое поколѣніе неублюдковъ-рокъ, рожденныхъ отъ мериносовъ съ простыми овцами, случать постоянно съ кровными мериносовыми баранами, то шелковолнистая форма отцовской шерсти сдѣлается исподоволь преобладающею на всѣхъ частяхъ тѣла ягнятъ, и притомъ приобрететъ свойственную ей тонину и мягкость; вмѣстѣ съ тѣмъ и весь организмъ племени дотого измѣняется, что наконецъ такихъ плѣнокъ нельзя будетъ различить отъ кровныхъ мериносовъ, ни по качеству шерсти, ни даже по самостоятельности, если онѣ черезъ долгое время будутъ размножаемы исключительно между собою, по правиламъ самоулучшенія.

ВАРОНЪ ОЕДОРЪ УНГЕРНЪ-ШТЕРНБЕРГЪ.

=

КУРСЪ ОБЩЕВОДСТВА.

ЧТЕНІЕ ЧЕТВЕРТОК.

Улучшеніе простыхъ породъ смѣшиваніемъ съ благородными. — Самоулучшеніе.

Облагороживаніе простаго стада, посредствомъ кровныхъ мериносовъкъ барановъ, сначала подвигается впередъ съ нѣкоторою видимою быстротою, и она-то нѣмъ овцеводамъ подаде поводъ думать, будто окончательное превращеніе простаго стада въ благородное совершается въ пять, или даже въ четыре поколѣнія; между-тѣмъ какъ другіе, основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ, полагаютъ нужнымъ для достиженія этой цѣли двадцать четыре или тридцать поколѣній. Ты и другіе подкрѣпляли свои мнѣнія опытами, которые, по сущности дѣла, подтвержденыя многими случайностями отъ возраста, силы, тѣлосложенія и различной степени чистоты крови и самостоятельности употребленныя барановъ, равно какъ и отъ вліянія климата, местности, корму и содержанія стада, недостаточны, и потому не всегда могутъ служить прочнымъ руководствомъ въ дѣлѣ облагороживанія, что уже замѣчается и изъ чрезвычайнаго различія во мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ, основанныхъ однако жъ на наблюденіяхъ и опытахъ. Кроме-того ясно, что спорящія стороны не понимали другъ друга. Одни овцеводы, ограничивая облагороживаніе породы четырьмя или пятью поколѣніями, просто подразумевали одно только сообщеніе ягнѣтамъ руна, мало различнаго отъ руна благороднаго отца, но не полагали, чтобы такое преобразование породы вело за собою самостоятельность кровныхъ мериносовъ, и потому, какъ удивимъ послѣ, они почти правы. На-

противъ, другіе, толкуя о тридцати поколѣніяхъ, считаютъ дѣйствіе преобразованія оконченнымъ только въ то время, когда смѣшанная порода пріобрѣтеть, кромѣ наружныхъ свойствъ, прочную самостоятельность породы мериносовъ, для чего, конечно, нужно значительное число поколѣній, но крайней-мѣрѣ около двадцати и даже болѣе. Чтобы изслѣдовать вопросъ столь важный для хозяевъ-овцеводовъ, надобно рассмотреть его независимо отъ вліянія случайныхъ, побочныхъ обстоятельствъ, и предположить ихъ во всѣхъ отношеніяхъ благопріятными успешному ходу дѣла: тогда только объяснится настоящее значеніе числа поколѣній, нужныхъ для совершенія окончательнаго облагороженія простыхъ породъ.

Нѣтъ причины полагать, чтобы благородный, кровный мериносъ имѣлъ болѣе самостоятельности, то есть, способности передавать свои качества потомству, чѣмъ простая русская порода овецъ, размножаемая втеченіи многихъ лѣтъ въ самой себѣ, безъ приноса посторонней крови. Принимая самостоятельность обѣихъ этихъ породъ равносильною, и полагая, что для совокупленія валты мериносовой баранъ и простая русская овца, оба надлежанцы дѣлать и сѣмь; нѣтъ причины сомнѣваться, что, при благопріятныхъ наружныхъ обстоятельствахъ, вліяніе обоехъ родителей на производимаго ягненка будетъ равнос, такъ, что ягненокъ этотъ выйдетъ существо среднее, кровью наследовавшее качества отца и матери. Если баранъ оказываетъ болѣе вліянія на переднюю часть тѣла и на форму шерсти вообще, то овца имѣетъ съ своей стороны преобладающее вліяніе на образованіе заднихъ частей и на другія качества шерсти, такъ, что дѣйствіе обоехъ родителей на образованіе всего ягненка взаимно уравновѣсится, и онъ можетъ въ полной мѣрѣ заслужить названіе полу-благороднаго животнаго. Если такую полу-благородную ярку вновь случить съ отцомъ или другимъ кровнымъ бараномъ, одинаковымъ съ нимъ достоинства, то происходящій отъ того ягненокъ опять пріобрѣтеть половину отцовскихъ качествъ благородныхъ и половину облагороженныхъ качествъ материнскихъ, такъ, что во второмъ колѣнь уже будетъ значительный перевѣсъ благородныхъ свойствъ. Продолжая такъ

образом дивизионный случай, каждое следующее поколение, къ которому передаваемыя отцовы благородныя качества, присвоитъ себѣ половину облагоустроенныхъ свойствъ материнскихъ, улучшающихся съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, между-тѣмъ какъ съ каждымъ же новымъ поколѣніемъ, простыя качества естественно уменьшатся. Такого способа, если случай ведется правильно и всегда употребляются самостоятельныя бараны чистой крови, порою отъ полойныя до полойныя доляща улучшатся, если не помѣшаютъ особенныя, неблагоприятныя, случайныя обстоятельства. Успѣхи такого облагоустройства будутъ явственныя видны изъ следующей таблицы, которой числа, естественно, не — общее правило, а только довольно близкій расчетъ вероятностей.

ТАБЛИЦА ИВРЫ ОБЛАГОУСТРОЕНІИ ПРОСТЫХЪ РУССКИХЪ ОВЦЪ ПОСРЕДСТВОМЪ КРОВНЫХЪ И МАТЕРИНСКИХЪ ВЪРАЩЕНІЙ.

Поколеніе.	Участіе благородныхъ качествъ отцовскихъ, передаваемыхъ ягнзю.	Участіе благородныхъ качествъ материнскихъ, передаваемыхъ агнзю.	Сумма благородныхъ качествъ, передаваемыхъ агнзю обоимъ родителямъ.	Остатокъ въ ягнзю при родствѣ материнскихъ качествъ.
Въ 1	$\frac{1}{2}$	0	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$
— 2	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$	$\frac{1}{4}$
— 3	$\frac{1}{2}$	$\frac{3}{4}$	$\frac{7}{8}$	$\frac{1}{8}$
— 4	$\frac{1}{2}$	$\frac{7}{8}$	$\frac{15}{16}$	$\frac{1}{16}$
— 5	$\frac{1}{2}$	$\frac{15}{16}$	$\frac{31}{32}$	$\frac{1}{32}$
— 6	$\frac{1}{2}$	$\frac{31}{32}$	$\frac{63}{64}$	$\frac{1}{64}$
— 7	$\frac{1}{2}$	$\frac{63}{64}$	$\frac{127}{128}$	$\frac{1}{128}$
— 8	$\frac{1}{2}$	$\frac{127}{128}$	$\frac{255}{256}$	$\frac{1}{256}$
— 9	$\frac{1}{2}$	$\frac{255}{256}$	$\frac{511}{512}$	$\frac{1}{512}$
— 10	$\frac{1}{2}$	$\frac{511}{512}$	$\frac{1023}{1024}$	$\frac{1}{1024}$

Если наружныя обстоятельства совершенно благоприятуютъ предпринимаемому облагоуживанію, и употребляемыя бараны действительно всегда чистой, совершенно самостоятельной крови, то улучшенное потомство будетъ по-

определять впередъ, приблизительно, по положенному въ этой таблицѣ расходу. Но какъ, отправление живаго организма, и особенно зачатіе, во всѣхъ случаяхъ плохо соображаются съ математическими выкладками, руководствуясь и въ самыхъ правильныхъ срезахъ дѣйствій, романтическою свободой, которая, еще весьма мало объясненной, то и на дѣлѣ будетъ, столько же отступленій отъ этой темы, сколько окажется правильныхъ случаевъ. Однако жъ, вообще, большая половина ягнятъ, рождаемыхъ отъ такой методы овцеводства, спастись улучшаться въ означенной нами прогрессіи, такъ, что четвертое поколение будетъ мало различаться отъ стовъ, а пятое уже покроеся такими рунами, которыхъ и знаешь не отличить отъ рунъ настоящихъ кровныхъ мериносовъ. Но должно принять въ соображеніе, что, въ частности, при совокупленіи каждой пары родителей, не возможно такъ управлять наружными обстоятельствами и такъ приспособлять малоизвѣстные условія, зависящія отъ внутреннихъ качествъ совокупаемыхъ животныхъ, чтобы каждый рождаемый ягненокъ, порознь, наследовалъ точно такой участокъ качествъ отцовскихъ и материнскихъ, какой показанъ въ таблицѣ, гдѣ принято въ основаніе, такъ сказать, математически-благопріятное положеніе наружныхъ обстоятельствъ, содѣйствующихъ къ правильному образованію зародыша, на которое имѣютъ вліяніе тѣлосложеніе, состояніе взаимной относительной силы и энергіи совокупаемыхъ животныхъ, также многія случайности, и мало еще опредѣленные различныя дѣйствія организма. Потому-то означенная въ нашей таблицѣ прогрессія облагороживанія относится только къ большинству рождаемыхъ ягнятъ, тѣхъ именно, которые будутъ производимы, подъ совокупнымъ вліяніемъ всѣхъ условій, благопріятствующихъ облагороживанію, но отнюдь не ко всѣмъ ягнямъ, изъ которыхъ многіе будутъ составлять перватія, болѣе склоняющіяся то къ простой породѣ матери, то къ благородной породѣ отца. Сортировка ягнятъ первыхъ поколѣній не трудна, потому что улучшение первыхъ поколѣній явственно, и для не опытнаго глазу, какъ по возвышенности тонкости шерсти, такъ, особенно, по превращенію на дѣлѣ въ прямыхъ материнскихъ волосъ въ мелководнистыя шер

стинки отца; но съ четвертаго поколѣнія и далее, усилить облагороживанія дѣлается менѣе явственными; затѣмъ, чѣмъ мѣсто половинъ и четвертей, оно подмѣняется только незначительными, едва замѣтными, дробями; и тогда уже сортировка требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ частей рума, и точнаго сличенія ихъ съ материнскими. Такимъ образомъ, выбирая на племя ярокъ дѣйствительно улучшеннаго въ сравненіи съ ихъ матерями, и принимая въ соображеніе преобладающее вліяніе отца и матери на преимущественное образованіе той или другой части тела и рума, можно правильно управлять случаями и достигнуть высокой степени облагороженія не далее какъ въ осьмомъ коленѣ.

Если, кромѣ трудности сортировки, при выборѣ изъ прихода племенныхъ матокъ позднѣйшихъ поколѣній, принять къ соображенію болѣе или менѣе благоприятную мѣстность, содержаніе и чистоту крови употребляемыхъ барановъ, то становится естественнымъ, что облагороживаніе дальшаго стада не можетъ слѣдовать опредѣлительнымъ числамъ таблицы, но только будетъ болѣе или менѣе приближаться къ нимъ. Не менѣе того, говоря вообще, можно достигнуть высокой степени улучшенія въ новомъ поколѣніи, способномъ уже къ востоянной передачѣ своихъ качествъ потомству, и къ дальнѣйшему усовершенствованію посредствомъ самоулучшенія. Если улучшеніе было всегда ведено тщательнымъ образомъ, если всегда была соблюдаема надлежащая осторожность въ выборѣ племенныхъ матокъ и барановъ, и если прочія условія востоянно соответствовали предположенной цѣли, то съ десятаго, и особенно съ двѣнадцатаго, поколѣнія облагороженную породу считаютъ самостоятельною не менѣе кровныхъ меринсовъ. Но если и нельзя отвергнуть самостоятельности двѣнадцатаго поколѣнія въ отношеніи къ самому себѣ, такъ, что оно можетъ быть размножено безъ поддержки кровными баранами, нельзя однако жъ отрицать, что, въ отношеніи къ способности облагороживать низшія породы, оно безъ сомнѣнія уступаетъ первенство кровнымъ меринсамъ, которыхъ самостоятельность утверждена тысяче-лѣтнимъ равноплотнымъ племенемъ въ самомъ себѣ, безъ смѣшенія съ другими породами.

Смотря по данности помета, съ котораго облагороженіе считается окончаннымъ ; и по возрасту опредѣляемъ для племенн матокъ, число лѣтъ, нужныхъ на совершениіе этого дѣйствія, весьма различно. Считаю десять поколѣній достаточными для окончательнаго превращенія простаго руна матери въ благородное руно отца, потребуется на это двадцать лѣтъ, если молодыя ярки поступятъ въ первую случку въ полутора-годоваломъ возрастѣ и, следовательно, съ окончаніемъ наядыхъ двухъ лѣтъ, родится новое пометаніе ; если же ярки въ первый разъ будутъ случены по достиженіи двухъ съ половиною лѣтъ, такъ, что принесутъ перваго ягненка съ окончаніемъ трехъ-лѣтняго своего возрасту, то для рѣшительнаго облагороженія простаго стала надобно тридцать годовъ. Впрочемъ, срокъ этотъ значительно уменьшится, если, вмѣсто простыхъ русскихъ овецъ, употребить шлёнокъ : тогда рѣшительное облагороженіе совершится скорѣе, такъ, что съ осьмитаго, и даже, смотря по достоинству первыхъ матокъ, съ четвертаго поколѣнія, породу можно размножать въ самой себѣ, безъ опасенія лишиться усвоенныхъ ею потомствомъ качествъ. Размноженіе такой облагороженной породы въ самой себѣ, или самоулучшеніе, придастъ ей, при надлежащей сортировкѣ и черезъ нѣсколько поколѣній, такую же самостоятельность въ отношеніи къ собственной породѣ, какою отличаются настоящіе кровные меринсы. Что же касается до способности постоянно передавать свои качества простымъ самостоятельнымъ породамъ, то бараны облагороженныхъ племенъ уступаютъ первенство кровнымъ меринсамъ, пока развитыя въ нихъ качества не утвердятся за ними совершенно вслѣдствіе весьма долговременнаго размноженія въ самихъ себѣ.

Изъ этого ходу дѣла очевидно, что посредствомъ кровныхъ меринсовыхъ барановъ, употребляемыхъ для случки черезъ нѣсколько поколѣній, можно достигнуть совершеннаго превращенія простой породы въ благородную. Однако жъ, успѣхъ будетъ вѣренъ только тогда, когда употребляемые бараны дѣйствительно настоящіе кровные, совершенно самостоятельные, а не сдѣланные крестомъ, то есть, не шлёнскіе, которые облагороживаніемъ до-

желать до нарушеннаго сплоченія съ провинци, но не обладать ихъ самостоятельностью.

Когда улучшение простой породы, посредствомъ смѣшенія ея съ кровными меринсами, достигнетъ до той степени, что образовавшіяся шлѣнки не только примутъ благородныя формы кровнаго отца, но и покроются руномъ одинаковаго съ его руномъ устройства и достоинства на всѣхъ частяхъ тѣла, за исключеніемъ развѣ головы и нижней части заднихъ окороковъ, то можно будетъ сказать, что облагороженіе простой породы окончено. Такое самоулучшеніе черезъ рядъ поколѣній усваиваетъ всему стаду одинаковое образованіе формъ и руна и, тѣснѣе слитіемъ разнокачественной организаціи отцовской и материнской; такъ прочно укрѣпляетъ за нимъ всѣ сообщенныя ему качества, что оно составитъ наконецъ особое племя, совершенно самостоятельное.

Между-тѣмъ, должно сказать, что не только въ улучшенныхъ стадахъ сившаннаго происхожденія, въ стадахъ шлѣнокъ, но и между меринсами чистой крови, всегда рождаются нѣсколько лгнать, которые носятъ руно худшее; но это есть также и много лгнать, которые превосходятъ качествами своихъ родителей. Эти-то послѣднія, одаренныя въ превосходной степени качествами присвоеннаго породе, составляютъ, такъ сказать, расадникъ ея возможнаго усовершенствованія. Изъ всего приплоду однихъ только этихъ лучшихъ лгнать выбираютъ на племя, и, омыкаясь между собою такихъ избранныхъ животныхъ, естественно получаютъ лгнать, равныхъ имъ въ степени совершенства, или еще и лучшихъ. И вотъ почему сортировка лгнать, оставляемыхъ на племя, должна быть дѣлана чрезвычайно тщательно и сообразоваться съ предположенною цѣлю; избранною овцеводомъ. Но, со всѣмъ тѣмъ, ни какія усилія не могутъ сдѣлать, чтобы вся животныя цѣлаго стада были доведены до высочайшей степени совершенства: идеальное совершенство встрѣчается въ природѣ только какъ исключеніе. Какъ бы ни было уловлено стадо, все-таки въ немъ найдется много животныхъ съ недостатками рѣднаго роду; и потому-то при самоулучшеніи не должно упускать изъ

виду: самоулучшенія постепенно направляется къ исправленію замѣчаемыхъ недостатковъ.

Чтобы достигнуть этого, нужно припомнить, на какихъ части тела имѣетъ преимущественное вліяніе баранъ или овца. Груба ли шерсть агнать на заднихъ частяхъ, — обратитъ особенное вниманіе на выбираемыхъ для племена матокъ; обнаруживается ли въ стадѣ склонность къ скручиванію шерсти, почти всегда соединенная съ чрезмерною тонкостью шерстянокъ и обыкновенно съ жидкостью руна, то будьте чрезвычайно внимательны къ употребляемымъ въ случку баранамъ, потому что порокъ этотъ преимущественно оказывается на переднихъ частяхъ агненка, на образованіе которыхъ главное вліяніе имѣетъ баранъ.

Замѣтимъ, что если въ стадѣ есть хотя малѣйшая общаѣ склонность къ какому-либо недостатку, то склонность эта, при способѣ самоулучшенія, весьма легко можетъ развиться и стать болѣе значительнымъ порокомъ, котораго искорененіе будетъ весьма труднымъ сопряжено съ великими затрудненіями. Это объясняется тѣмъ, что при самоулучшеніи совокупляются между собою, исключительно, только животныя одного и того же стада, которыя, наследуя хорошія качества родителей, наследуютъ однако жъ и ихъ пороки, сильно развивающіеся въ тѣлесныхъ формахъ потомства, такъ, что даже и случайная уродливость отца или матери можетъ укорениться въ ихъ потомствѣ и составить изъ него особую породу. Такова порода инфантадо съ своими уродливыми складками, персидская съ своимъ горбомъ, азіатская съ своими тяжелыми хвостами, исландская съ своимъ могуществомъ роговъ. Вся эти аномаліи были сначала едва замѣтными отклоненіями отъ общаго типа, происшедшими отъ случайныхъ, наружныхъ или внутреннихъ обстоятельствъ, и развились въ послѣдствіи, черезъ ряды поколѣній, до настоящей поразительной уродливости. Ясно, что при самоулучшеніи должно обращать самое тщательное вниманіе на каждую такую дурную склонность, и постоянно ей противодействовать, чтобы не дать укорениться ей. Оттого, черезъ ряды поколѣній, когда улучшаемая порода становится самостоятельной, вся принятая ею качества, всѣ

хорошія такъ и дурныя, слѣдуютъ ей существенною принадлежностью.

Такое наследственное сообщеніе пороковъ, и явное услаиваніе ихъ въ постоянствѣ, послужили основаніемъ господствовавшему некогда мнѣнію, не совсѣмъ еще искорененному и теперь, будто исключительное совокупленіе животныхъ одного и того же племени, особенно близкихъ родственниковъ, непременно ведетъ къ перерожденію породы. Полагали, что уродливости, оказывающіяся въ формахъ, и недостатки въ образованіи рунъ, проявляющіеся при самоулучшеніи, когда совокупаютъ животныхъ, состоящихъ одно съ другимъ въ болѣе или менѣе близкомъ кровномъ родствѣ, происходятъ именно отъ такихъ родственныхъ союзовъ или кровосмѣшеній. Къ подтвержденію этого мнѣнія послужило еще и то, что въ стадахъ, разнообразныхъ въ самихъ себѣ, нередко оказывались наследственные болѣзни, вкоренявшіяся дотогу, что становились принадлежностью породы. Расположеніе къ болѣзнямъ, къ которымъ особенно должно отнести вертежъ и хроническое воспаление спиннаго мозга, по-просту называемое сухоткою: случайно явившись на некоторыхъ животныхъ стада, оно сообщалось ихъ потомству, такъ же какъ другіе пороки и хорошія качества, если съ самаго начала не обращали строгаго вниманія на его искорененіе; это болѣзненное расположеніе, перейдя черезъ нѣсколько поколѣній, производило такія измѣненія въ животномъ организмѣ, что нѣмныя болѣзни дѣлались самостоятельными принадлежностями породы. Такой естественный ходъ дѣла, подтвержденный опытомъ, долго не былъ дознанъ овцеводами, и потому все зло приписывали кровосмѣсительнымъ совокупленіямъ, и заключили, что чужеземныя усовершенствованныя породы не могутъ неизмѣнно существовать въ климатахъ, различныхъ отъ ихъ мѣсторожденія, если не поддерживать ихъ животными, по-временамъ выводимыми изъ настоящаго отечества породы, и что всякія туземныя хорошія породы непременно теряютъ свои достоинства, если будутъ размножены животными одного стада. Мнѣніе это додало породѣ къ смѣшенію всѣхъ возможныхъ породъ, а смѣшеніе, различныхъ племенъ, уничтожило самостоятельность

каждого изъ нихъ, и новело къ бездочетнымъ порокамъ свойствъ породъ, въ которыхъ по большей части преобладаютъ недостатки, а не хорошія качества, перьяхъ и кожныхъ.

По всемъ этимъ причинамъ многие овцеводы, и вообще скотоводы, еще и понынѣ боятся саморазмноженія, которому приписываютъ органическое разслабленіе животныхъ и сопряженную съ нимъ утрату способности передавать потомству хорошія качества предковъ. Но наблюденія на разныхъ родахъ животныхъ, въ отношеніи къ всемъ ихъ частямъ и качествамъ, свидѣтельствуетъ, что, напротивъ-того, истинная органическая слабость, которой происхожденіе несомнѣтельно приписываютъ саморазмноженію, всегда оказывалась въ сильнѣйшихъ породахъ: въ нихъ-то ежедневно встречается, что животныя, съ виду превосходныя, прасотемъ формъ и хорошими качествами совершенно схожи съ лучшими благороднѣйшими животными, при всей правотѣ телосложенія и хорошемъ здоровьѣ производятъ детей, ни мало не одаренныхъ качествами родителей, а болѣе похожихъ на простыхъ прародителей. Такая органическая слабость особенно ясно видна въ первыхъ поколенияхъ шлёнокъ, которыхъ и самые лучшіе на видъ бараны, одѣтые руномъ ни въ чемъ не уступающимъ руну благороднаго отца, при совокупленіи съ подобными собою овцами производятъ ягнятъ, покрытыхъ шерстью низшаго достоинства. И между-тѣмъ, если такихъ шлёнокъ разводить постоянно между собою и въ самомъ ближайшемъ родствѣ, то съ извѣстнымъ числомъ поколѣній, эта органическая слабость шлёнокъ пройдетъ, и дѣти ихъ не только будутъ наследовать не только всѣ видныя формы, но и всѣ внутреннія достоинства родителей. Однимъ словомъ, отъ кровосмѣнительнаго размноженія, несамостоятельнаго племи сдѣлается самостоятельнымъ, а такой ходъ дѣла неоднократно доказываесть, что не совокупленіе животныхъ одного племи, состоящихъ въ близкомъ кровномъ родствѣ, производятъ органическую слабость, но что, напротивъ, состояніе это есть всегдашнее, неизмѣнное, сдѣлатье сдѣлатье различныхъ породъ. Естественно, что чѣмъ ближе родство между совокупаемыми животными,

тѣмъ сходнѣе ихъ организацин , а потому и рождаемое отъ нихъ потомство будетъ одарено точно такимъ же устройствомъ всѣхъ органовъ , которыхъ образованіе не могло измѣниться отъ качественного вліянія другой, чуждой, породы, какъ бываетъ при совокупленіи животныхъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ. Ясно , что вслѣдствіе качественного тождества всей организацин , и руна овецъ , рожденныхъ отъ отцовъ и матерей , родныхъ между собою, тѣмъ болѣе бывають однокачественны съ родительскими, чѣмъ ближе степень того родства.

Овцеводъ , желающій водить тонкорунныхъ овецъ , еще не обезпечить себя въ достиженіи цѣли, когда приобрететь стадо, отличающееся хорошими, тонкими рунами: ему преимущественно надобно убѣдиться въ чистоту крови , отъ которой зависитъ самостоятельность породы, и которая одна можетъ обезпечить прочность качествъ въ правнукахъ, и улучшеніе рунъ въ потомствѣ : хоть бы баранъ смѣшаннаго племени дѣйствительно носилъ руно болѣе тонкое чѣмъ кровный меринось , дѣти послѣдняго всё-таки будутъ высшаго достоинства чѣмъ рожденные отъ перваго.

Ошибаются, однако жъ, тѣ овцеводы, которые, основываясь на чрезвычайно выразительной наружности породы инфантадо, происходящей отъ большихъ складокъ и большаго росту , предполагаютъ въ ней болѣе самостоятельности чѣмъ въ электоральной, которой наружность менѣе поражаетъ особымъ племеннымъ отпечаткомъ , и потому для улучшенія своихъ стадъ предпочитаютъ породу инфантадо. Нѣкогда играли важную роль въ тонкорунномъ овцеводствѣ бараны, одаренные очень большими складками. Такіе бараны , известные подъ названіемъ *францискаювъ*, покрыты весьма тяжеловѣснымъ руномъ, простирающимся на тѣлѣ до глазъ , а на ногахъ до копытъ , и потому люди не опытные видѣли въ нихъ болѣе выгодъ чѣмъ въ стройныхъ голоногихъ электоральныхъ баранахъ. Впослѣдствіи, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла; «францисканы» потеряли свою славу и нынче совершенно изгнаны изъ германскихъ овчаренъ , вовсе удалены изъ французскихъ стадъ , вездѣ уступили первенство электоральной породѣ. Оказалось, что большія складки кожи барановъ по-

роды инфантадо составляют болѣзненное измѣненіе доружныхъ покрововъ, какъ уродливые жирные хвосты азіатскихъ породъ. Шерсть на этихъ складахъ всегда самаго низкаго качества, часто на нихъ и вовсе нѣтъ шерсти, а одни волоса; притомъ складки, окружая шею и грудь, находясь на бокахъ туловища и на окорокахъ около хвоста, занимаютъ значительную часть руноносной поверхности, и потому не только не увеличиваютъ пространства площади, носящей тонкую, правильно образованную, шерсть, но даже уменьшаютъ ее. Электоральная порода ростою не много меньше породы инфантадо; но зато саксонскіе или электоральные бараны вообще имѣютъ туловище болѣе обшестое, въ сравненіи съ своею величиною, и все оно покрыто гладкою кожей, совершенно здоровою, которая вездѣ носитъ шерсть тонкую, съ округленными мельчайшими изгибными; въ руно ихъ никогда (или только въ дурныхъ складахъ, и то какъ рѣдкость) не встрѣчаются волосы. Кроме того шея ихъ до головы, брюхо и задніе окорока почти до коленъ, покрыты шерстью почти одинаковаго достоинства съ той, которая на лопаткахъ и бокахъ. Словомъ, съ овецъ электоральныхъ положительно получается шерсти высшаго достоинства гораздо болѣе чѣмъ съ неуклюжихъ инфантадо. Электоральное руно, составленное изъ тончайшихъ шерстинокъ, вѣсомъ вообще легче руна инфантадо, состоящаго изъ шерстинокъ болѣе грубыхъ; но, послѣ сортировки, отъ инфантадо остается меньше хорошей шерсти чѣмъ отъ электоральной, которая притомъ и достоинствомъ гораздо выше. Однако жъ, въ лучшихъ саксонскихъ стадахъ, и въ этомъ отношеніи сдѣланы удивительные успѣхи. Лучшие бараны изъ овчарни Гадегаста, находящіеся въ степановскомъ отдаленіи моего стада, какъ иностранные такъ особенно и здѣсь рожденные, при самомъ высокомъ достоинствѣ шерсти перваго существующаго разбора и почти идеальномъ уравниеніи носятъ руна, которыя, послѣ мытья на тѣлѣ, вѣсятъ отъ трехъ до четырехъ фунтовъ. Нельзя также не упомянуть еще объ одномъ важномъ обстоятельстве, по которому вообще предпочитаютъ саксонскіе бараны французсканамъ, именно, что послѣдніе требуютъ гораздо болѣе корму чѣмъ первыя. Это обстоятельство, между

фронтисъ, составляетъ одну изъ причинъ чрезвычайнаго различія въ опредѣленіи количества корму, нужнаго для тѣлкоруптивныхъ мериносовъ: оно развѣствуетъ въ пропорціи отъ одной до трехъ частей; смотря по породе, которую разводить.

Вароятно, найдется много овцеводовъ, которые въ предвѣщеніи, отдаваемое стронингъ саксонскимъ баранамъ передъ складистыми инфантадо, покажется парадоксомъ, опровергаемымъ опытами. Дѣйствительно, большинство хозяевъ-овцеводовъ, особенно у насъ, мечтаетъ о мериносахъ весьма рослыхъ, облаченныхъ большими складками, о такихъ мериносахъ, у которыхъ голы только копыта, рога и концы носовъ. Такіе хозяева пробавить не могутъ быть эти строки съ улыбкою недовѣрчивости, подлагая мнѣніе мое слѣдствіемъ безотчетнаго пристрастія къ саксонской породе, и приведуть въ его опроверженіе, если не дѣйствительно существующихъ животныхъ, по крайней мѣрѣ увлекательныя описанія съ чертежами знаменитаго овцевода Петри, который, между прочимъ, первымъ признакомъ благопородиванія простыхъ породъ полагаетъ появленіе на агнятахъ большихъ складокъ, и говоритъ, что руна лучшихъ инфантадо его терезіенфельдской овчарни вѣситъ отъ семи до осьми фунтовъ. Не мудрено, что, по этимъ описаніямъ и по рисункамъ господина Петри, кто-нибудь и составитъ себѣ понятіе о баранъ съ большими складками; будто они покрыты ровною, вышшаго достоинства, шерстью отъ глѣзъ до копытъ, и будто его превосходное руно содержитъ въ себѣ фунтовъ осемь электы, цѣною за фунтъ отъ двадцати до тридцати рублей ассигнаціями. Но такіе бараны — чистыя мечты, существующія только въ поэтическомъ воображеніи овцеводовъ: въ дѣйствительности, ихъ нѣтъ и никогда не бывало, потому что вообще можно утвердительно сказать, что чѣмъ больше на баранъ складокъ, и чѣмъ они сильнѣе выдаются, тѣмъ толще его шерсть, тѣмъ нѣтъ бы ея угловатѣе, и тѣмъ больше въ ней волосъ. Изъ одного уже этого видно, какъ ошибочно мнѣніе господина Петри насчетъ признаковъ благородства породы мериносовъ.

Если нельзя удостовѣриться въ чистотѣ, кровномъ происхожденіи стада, ни свидѣтельствами, ни достаточнo въ-

решительный и окончательный отпечаток, тогда, при выборе в племенные животныя, должно смотреть на общее состояние той овчарни, въ которой якъ выбрасывъ. Опытный, ученый, взгляд знатока, легко различитъ кровное стадо по несомненнымъ, присвоеннымъ ему, признакамъ, изъ которыхъ принадлежатъ въ особенности: 1, одинаковая форма тела вождь составленщикъ овчарни овечь; 2, одинаковое образование руна, болѣе или менѣе сбитого, болѣе или менѣе плотно сакрытого; 3, однообразный характеръ шерсти, при чемъ не столько должно брать въ соображеніе ея толщину, которая, при дурной сортировке стада, можетъ значительно различествовать, сколько форму выстилать, болѣе или менѣе правильную, округленную или уплоатую, и зависящую отъ ея форму явобычнъ, болѣе или менѣе параллельныхъ между собою, оканчивающихся или въ совершенно ровную поверхность или въ выпуклость, имѣющую видъ вѣтана двѣтной ланусты, а никогда вовсе не ровную, какъ-бы исключенную. Отличное уравненіе въ формахъ тела, образованіи руна и характеръ шерсти цѣлаго стада, можетъ существовать только при совершенной самостоятельности породы и способности передавать безъ измѣненія своему потомству все качества, присвоенныя племеню. Въ стадахъ смешаннаго происхожденія (набоекъ) никогда не будетъ такого поразительнаго равенства въ формахъ тела и руна, потому что въ нихъ случается частая перерожденія отъ вліянія крови ихъ предковъ, востыхъ изъ разныхъ породъ. Намонецъ, должно упомянуть еще объ одномъ важномъ признакъ, характеризующемъ кровное происхожденіе овецъ, особенно съ материнской стороны: признакъ этотъ — хорошее уравненіе руна на цѣломъ стадѣ. Какъ бы хороши ни были пастбища, но уравненіе руна едва-ли будетъ общою принадлежностью стада: оно встрѣтится только какъ исключительное качество не большого числа животныхъ, а на всѣхъ прочихъ особенно замѣтно отстанетъ шерсть заднихъ частей отъ шерсти съ лопатокъ. Уравненіе руна на заднихъ частяхъ овецъ доказываетъ, что матки стада всегда были изъ ровныхъ породъ, потому что онѣ-то имѣютъ главное вліяніе на образованіе заднихъ частей приплоду; следовательно и

стадо, которому, кроме истисленности шерсти, присуще это достоинство, безусловно принадлежит къ провинции.

Наконецъ, если единообразіе формы тула, рунъ и характера шерсти и ея уравненіе, не достаточно выразительны для безспорнаго удостовѣренія въ чистоту породы, то остается испытать одного, или нѣсколькихъ барановъ, въ слухъ. Если въ ихъ лѣтяхъ и внукахъ, на большомъ числѣ ягнятъ, воспроизведутся ихъ качества преимущественно передъ ихъ родными матерями, плѣнками, то чистота крови такихъ барановъ не будетъ подлежать ни какому сомнѣнію.

Чтобы съ пользою разводить стадо посредствомъ самозлучшенія, кроме чистоты породы нужно еще имѣть въ виду, чтобы производить ягнятъ, которыя, по-возможности, соединяли бы въ себѣ всѣ хорошія качества, породъ присвоенныхъ, а не нѣкоторыя только по-одиночкѣ. Само-по-себѣ разумеется, что при сообразномъ съ цѣлью выборѣ племенихъ овецъ и барановъ, и приплодъ будетъ похожъ на нихъ. Но овцеводы всегда останутся въ убыткѣ, если станутъ обращать преимущественное вниманіе на какое-либо одно достоинство овецъ, а не постараются присвоить своему стаду всѣхъ возможныхъ хорошихъ качествъ.

Убѣжденные опытомъ въ вредѣ, произтекающемъ отъ обращенія односторонняго вниманія, наиримаръ, преимущественно на густоту и богатство руна, или всѣхъ получаемой шерсти, безъ уваженія къ его тонкости, мягкости, эластичности и уровненію, мы скажемъ, что стада, образовавшіяся сообразно съ этою цѣлью, вообще легкой къ достиженію и потому предпочитаемой, доставляютъ количествомъ много шерсти; но, при рѣшительномъ нерадѣніи объ ея тонкости и уравненіи, и при выборѣ на племя исключительно густошерстныхъ животныхъ, шерсть постепенно грубѣетъ, дѣлается неровною къ окончностямъ туловища, и наконецъ въ ней проглядываются прямыя, грубыя волосы. Утративъ такимъ образомъ главное свое достоинство, тонкость, и соединенныя съ нею другія высоко цѣнимыя качества, тяжеловѣсныя руна становятся мало нужными для фабриканта, и потому не много доставляютъ выгодъ производителямъ.

Къ не менѣе вреднымъ предубѣжденіямъ въ тонкорунномъ

Овцеводство принадлежит и то, что многие овцеводы предвзвѣдительно хлопотутъ о большомъ ростѣ животныхъ, и направляютъ все усилія свои къ образованію стада, отличающагося формами неуклюжими, чрезвычайно объемистымъ туловищемъ, и ростомъ гораздо выше средняго. Конечно, съ перваго взгляду, такіа овцы изумляютъ своею величиною, и обычаютъ соответственное ей тяжелое, большое руно; но, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, здѣсь оказываются своего руду значительные недостатки, сопряженные со всякимъ одностороннимъ развитіемъ промышленности. Эти важные недостатки заключаются въ томъ, что тонкость шерсти, правильное образованіе изгибовъ шерстинки, мягкость, гибкость и уравненіе руна, то есть, все высшія качества шерсти, исчезаютъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ порту овцы выше некоторой средней мѣры, присвоенной породѣ, и замѣняются шерстью грубою, жесткою, приною, не извилистою и малоцѣнною, близкою всѣми своими качествами къ руно простымъ овецъ. Притомъ, каждому скотоводу хорошо извѣстно, какихъ попеченій и какого избытку въ кормѣ стоить произведеніе рослыхъ животныхъ всякаго реду. Однако жъ, должно замѣтить, что и самые кровныя бараны и овцы тогда только способны къ припуску и вполне передаютъ качества свои дѣтямъ, когда находится въ хорошемъ тѣлѣ. Впрочемъ, надобно наблюдать, чтобы совокупляемые животныя не разжирѣли отъ извѣсно-сильнаго корму, потому что въ такомъ состояніи бараны, не только отяжелѣютъ и облыбятся, но даже станутъ менѣе страстными обожателями прекраснаго полу овечьаго, и по этой причинѣ, вѣроятно, гораздо слабѣе воспримутъ свои качества въ дѣтяхъ. Увѣряютъ даже, будто перекормленные, жирныя животныя передаютъ дѣтямъ дурную способность жирѣть и флегматическій характеръ.

Извѣдано опытомъ, что возрастъ, въ которомъ животныя употребляются къ припуску, имѣетъ также вліяніе на качество рождаемаго ими потомства. Естественно, что животное, определяемое для племени, должно само достигнуть полнаго развитія своихъ формъ, качествъ и силъ, прежде чѣмъ передать ихъ другому. Трудно, однако жъ, определить вообще тотъ возрастъ, въ которомъ бараны и овцы,

безъ вреда для себя и съ основательною надеждою на произведеніе однокачественныхъ съ собою дѣтей, могутъ поступать въ случку, потому что періодъ ихъ полнаго развитія разнствуетъ по производимому имъ въ молодости корму и содержанію. Хорошо кормленныя овцы развиваются скорее, а получающія скудный кормъ, медленнѣе. Увѣряютъ, что слишкомъ молодыя овцы плохо передаютъ свои качества дѣтямъ и, задерживаясь сами въ развитіи отъ слишкомъ ранней беременности, остаются слабы и малорослы, и производятъ дѣтей тоже малорослыхъ и слабыхъ. Мнѣнію этому противорѣчитъ обычай крестьянъ, совокупляющихъ однопольныхъ овецъ, такъ, что когда овца минетъ годъ, такъ она уже приноситъ ягнятъ; и однако жъ, несмотря на такую чрезвычайно раннюю случку, порода не дѣлается мельче: и не теряетъ своего крѣпкаго тѣлосложенія: а между-тѣмъ достоверно, что молодые мериносы, только-что достигнувшіе полнаго развитія, сильнѣе и опредѣлительнѣе воспроизводятъ въ дѣтяхъ свои качества, и, какъ извѣстно по опыту, дѣйствуютъ безъ всякаго для себя вреда. Потому не должно слишкомъ долго откладывать перваго слученія, тѣмъ болѣе, что если въ молодыхъ, не слученныхъ еще маткахъ, желаніе любви обнаруживается нѣсколько разъ, что бываетъ при хорошемъ содержаніи, и не удовлетворяется, то оны весьма часто остаются безплодными, хотя эти желанія и повторяются всегда своевременно. Вообще можно принять за правило, что если у ярокъ, безъ особаго горячительнаго, напримѣръ зерноваго, корму, стремленіе къ любви обнаруживается сильно, и при неудовлетвореніи скоро возвращается въ новую силу, то оны достаточно развиты для оплодотворенія, и, несмотря на молодость, безъ вреда могутъ быть употребляемы въ случку. Положительный возрастъ, въ которомъ молодыя ярки способны къ дѣторожденію; большая часть овцеводовъ опредѣляетъ двадцатью или двадцатью двумя мѣсяцами; съ достиженіемъ этого возраста, при хорошемъ кормѣ, ярки и дѣйствительно уже достаточно развиты. При всемъ томъ, нѣкоторые овцеводы советуютъ не допускать барана къ яркамъ прежде чѣмъ оны достигнутъ возраста двухъ съ половиною годовъ, увѣряя, что ярки болѣе развиты и рослыя произведутъ крупнѣе и сильнѣе.

щее потомство. Что касается до барановъ, то ихъ достиженія долгаго двух-лѣтняго возрасту припускать обыкновенно не рѣшаются. Замѣчено также, что слишкомъ старыя овцы мало способны къ произведенію крапкого, здороваго, потомства, и менѣе вѣрно передаютъ ему свои качества, особенно если будутъ случены съ молодыми баранами крапкого сложения. Само собою разумѣется, что животныхъ бодьныхъ, или расположенныхъ къ болѣзненности, не случаютъ, потому что эта болѣзненность перейдетъ къ ихъ дѣтямъ и разовьется на потомствѣ. Кромѣ ослабленія отъ бодьней, случается у барановъ истощеніе отъ излишняго и ранняго употребленія ихъ въ припускъ, и потому бываетъ нужно возбудить въ нихъ необходимую для случки ярость различными искусственными средствами. Бараны, находящіеся въ такомъ положеніи, тоже плохо передаютъ свои качества дѣтямъ, сообщая имъ сверхъ-того, по уваренію опытныхъ овцеводовъ, расположеніе къ губительной болѣзни, именно къ спино-мозговой чахоткѣ, известной подъ названіемъ *трабера*.

Изъ новообразуемыхъ породъ, по нынѣшнему состоянію овцеводства, важны для насъ длинношерстныя овцы, обращающія въ настоящее время вниманіе многихъ овцеводовъ. Нѣкогда одна только Англія производила длинношерстныхъ овецъ, изъ которыхъ особенной извѣстностью пользуется «длиннейшая» порода, образованная знаменитымъ скотоводомъ Баквеллемъ. Но шерсть этой породы, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, то есть, необычайной длинѣ, бледности и особенномъ лоскѣ, слишкомъ толста, и потому годна для однихъ гладкихъ тканей, довольно низкаго достоинства. Обстоятельство это, въ недавнее время, подало поводъ къ образованію длинношерстныхъ породъ послѣднихъ болѣе тонкою рукою, такъ, что ихъ шерсть равняется тонкостью съ длинными разборами саксонской мериносовой: это особенно удалось въ Германіи, въ мекленбургскихъ владѣніяхъ. Новообразованныя животныя этой породы, болѣею частію выведены отъ чистыхъ электоральныхъ мериносовъ, постояннымъ совокупленіемъ между собою животныхъ, снабженныхъ самой длинной и самою прямою шерстью. Качества эти, съ каждымъ поколѣніемъ будутъ развиваться болѣе и

близко, и наконецъ: такъ присваивается породе, что является самостоятельной ея принадлежностью.

Образованная такимъ образомъ тонкая, длинношерстная порода, обладающая особенно въ богатыхъ пастбищахъ мекленбургскихъ владѣннхъ, отличается отъ английскихъ породъ важными достоинствами шерсти. Косички ея состоятъ изъ шерстинокъ почти прямыхъ, едва едва волнообразно изогнутыхъ, похожихъ формою на шерстинки руна простыхъ русскихъ овецъ, и вовсе лишённыхъ тѣхъ мелкихъ изгибовъ, округленныхъ или угловатыхъ, которыя свойственны шерсти мериносовъ; длина этихъ косичекъ, совершенно расправленныхъ, отъ двухъ съ половиною до трехъ вершковъ; толщина ихъ равняется толщинѣ крупнаго разбору вязальныхъ иглъ, и онѣ состоятъ изъ пяти или шести пучковъ, изъ которыхъ каждый содержитъ въ себѣ около тридцати шерстинокъ; толщина шерстинокъ, по Долландову эйрометру, простирается отъ шести до восьми-тысячныхъ дюйма, и, следовательно, по торговой классификаціи шерсти, равняется электѣ. Впрочемъ, косички тѣсно ложатся между собою, и составляютъ руно, подобное рунамъ обыкновенныхъ кудряво-шерстныхъ мериносовъ.

Главные качества, требуемыя отъ такой шерсти, суть слѣдующія: 1, длина отъ двухъ съ половиною до трехъ съ половиною вершковъ, когда извиланы совершенно расправлены; 2, особенная крѣпость шерстинокъ; 3, лоскъ и блескъ, при возможной чистотѣ шерсти отъ пыли и остатковъ жерму.

Чтобы достигнуть образования этихъ качествъ у животныхъ въ томъ способнхъ, требуетъ, чтобы длинношерстныхъ овецъ, при спокойной, лѣтней жизни, во весь круглый годъ получали изобильный кормъ; способствующій процрстанію шерсти. По этому дается имъ на лѣто самыя тучныя, естественныя или искусственныя, клеверныя пастбища, въ близкомъ разстояніи отъ овчаренъ, чтобы животныя не утомлялись при отдаленныхъ прогулкахъ, и чтобы кормъ, ими принимаемый, не обращался преимущественно на восстановление тѣлесныхъ силъ. Само собою разумется, что овецъ на пастбищахъ должно тщательно предохранить отъ осенняго вноя, дожда и пыли, имѣющихъ значительное

влияніе на мягкость шерсти; но такъ какъ весь этотъ уходъ сопряженъ съ множествомъ хлопотъ и затрудненій, то длинношерстныхъ овецъ предпочитаютъ содержать и лютуютъ въ овчарнѣ, доставляя имъ въ теченіе всего теплаго времени свѣжую траву въ изобиліи. Зимнюю овцамъ этой породы надобно также производить сочный кормъ, именно — коренья, кормовую свеклу, рьпу, картофель, морковь, и немного сѣна и соломы. Особенно тщательно надобно слѣдить, чтобы подстилка была всегда сухая, чистая, не запыленная, отнюдь не сырая; безъ этой предосторожности концы шерсти пожелтѣютъ, и она много потеряетъ своего достоинства и цѣнности.

Для возбужденія позыва на пищу длинношерстнымъ овцамъ необходимо производить соль; чистой воды для питья оны всегда должны имѣть вдоволь.

Особенно сильный, сочный, кормъ должны получать ягнята. На племя изъ нихъ выбираютъ только тѣ, которыхъ шерсть самая расправленная, прямая, длинная, густая, тонкая и бѣлая, и руно смятообразованное. Также не должно терять изъ виду, что ни овцы, ни бараны этой породы не должны быть употребляемы для размноженія племени ранее достиженія ими двухъ съ половиной-лѣтняго возраста.

Возобновленіе породъ.

Въ самыхъ чистыхъ, кровныхъ породахъ, размножаемыхъ въ самихъ себѣ, безъ малѣйшей примѣси посторонней крови, могутъ, однако жъ, несмотря даже на всѣ благопріятныя наружныя условія, зависящія отъ извѣстности и климата, оказаться недостатки, и, наконецъ, какъ уже было сказано, постоянныя измѣненія. Такая измѣнчивость конституціонныхъ породъ связана съ ихъ сущностью, и обнаруживается тѣмъ сильнее, чѣмъ болѣе формы и качества, образованныя и развитыя въ нихъ искусствомъ, удалены отъ естественнаго, первоначальнаго типа въ дикомъ и вобитномъ состояніи породы.

Извѣстно, что небрежность овцевода можетъ испортить и лучшее стадо, въ которое, при неосмотрительномъ употребленіи, появляются различныя недостатки и пороки; но эти пороки

ни, конечно, могут и быть истреблены по способу самому лучшему, если всегда выбирать тех только животных из приплоду, которые будут родиться свободными отъ недостатковъ и выбрасывать изъ стада всѣхъ пороченныхъ; во такомъ образомъ, потребуется много времени и браковки множества ягнятъ, чтобы достигнуть до исправленія стада; потому-то и предпочитаютъ искоренять пороки употребленіемъ барановъ, одаренныхъ въ высокой степени теми качествами, которыхъ въ стадѣ недостаетъ. Однако же, бараны эти непременно должны быть одной и той же породы съ тѣмъ стадомъ, для котораго берутся, и чистой, благородной, самостоятельной крови, безъ чего не будутъ въ состояніи пересилить наследственныхъ дурныхъ качества стада, и замѣнить оказавшіеся недостатки собственными своими достоинствами. Такой способъ исправленія называется «возобновленіемъ породы.»

Прежде, многіе овцеводы считали употребленіе барановъ изъ первоначальныхъ испанскихъ стадъ необходимою для каждой овчарни, хотя бы составленной изъ самой чистой крови, полагая, что, безъ такой предосторожности, размножаемая въ самой себѣ порода измѣнится. Поводомъ къ этому предположенію были недостатки, которые весьма часто оказывались въ кровныхъ стадахъ, размножаемыхъ безъ употребленія постороннихъ барановъ. Но, мы уже сказали, что пороки эти образовывались единственно отъ неопытности овцеводовъ въ дѣлѣ выбора племенныхъ животныхъ, соединенной иногда съ вреднымъ дѣйствіемъ какой-либо не благопріятной мѣстности или климата, противъ котораго, по незнанію причинъ, не принимали никакихъ противоудѣствующихъ мѣръ. Не менѣе того, мнѣніе о необходимости возобновлять отъ времени во времени породу посторонними племенными животными мужескаго полу, сдѣлалось господствующимъ повѣрьемъ во всѣхъ родахъ скотоводства, особенно въ коннозаводствѣ; мнѣніе это вошло наконецъ до того что скотоводы положили правиломъ (безъ всякой надобности, и единственно изъ опасенія измѣненія породы), не употреблять барановъ или жеребцовъ собственного стада, а непременно замѣнять ихъ изъ постороннихъ стадъ. Этому то неосновательному пред-

разсудку, обязаны мы безуклонно поступать въ формахъ и качествахъ почти всѣхъ родовъ домашнихъ животныхъ, особенно лошадей:

Изъ стариннаго нами уже сказано, что возобновленіе породъ необходимо только тогда, когда отъ небрежности снзались въ стаде недостатки. Чтобы исправить ихъ, бараны преимущественно должны быть одарены достоинствами, противоположными тѣмъ порокамъ, которые ихъ слѣдуетъ вытѣснить изъ организациі евоной потомковъ. Труднѣе вѣкъ другихъ пороковъ къ стаде уничтожаются наследственные болѣзни; ихъ встрѣченію благоприятствуетъ, кромѣ увѣщанія совершенно здоровыхъ барановъ, первична чистоты, чистоты и одержанія. Обыкновенно этихъ послѣднихъ улоевъ бываетъ уже достаточно чтобы уничтожить въ стаде наследственные болѣзни, и даже изгнать расположеніе къ нимъ въ потомствѣ. Естественно, что и здѣсь важнейшее место занимаетъ самая строгая сортировка приплоду: въ стаде не должно терять разительно ни одной лрки съ малѣйшимъ признакомъ наклонности къ родоопустожающему въ стаде пороку.

ЗАКОНЪ СЕДОРЪ УИГВОНЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

V.

КНИЖКА.

1. Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ. Санктпетербургъ, 1840.

2. Россійскій родословный списокъ, изданный княземъ Долгоруковымъ. Санктпетербургъ, 1840. Книга первая.

Нѣтъ ничего полезнѣе для исторіи какъ хорошія монографіи историческихъ фамилій. Въ то же время, это очень пріятныя книги и для любителей чтенія. Исследователь исторіи и простой читатель находятъ въ нихъ картину дѣйствій, связей, дружбъ, отношеній, успехов, неудачъ и даже духа отдѣльныхъ семействъ, которыя возбуждаютъ ихъ любопытство или по вліянію своему на дѣла отечества, или по личнымъ уваженіямъ. Европейскія литературы всѣ болѣе или менѣе богаты подобными сочиненіями, но преимущественно италіанская и англійская, въ которыхъ замѣтна даже мода на монографіи и сборники сказаній объ знаменитѣйшихъ родахъ. Въ англійской литературѣ такія книги всегда тѣмъ болѣе примѣчательны, что важнѣйшіе дворянскіе роды, пользуясь правами маіората, составляютъ въ Трехъ-Соединенныхъ-Королевствахъ какъ бы частныя династіи, въ которыхъ наследственный начальникъ фамиліи, изъ роду въ родъ старается и имѣетъ всѣ средства сохранять въ цѣлости семейные архивы и обогатить ихъ новыми прибавленіями, посредствомъ наследованія бумагъ дядей и братьевъ и дру-

гихъ родственниковъ. Государственные документы, акты частныхъ сдѣлкахъ, переписки съ знакомыми и родными, личныя замѣтки, записки, рѣчи и литературныя опыты членовъ семейства, все это тщательно собирается для потомковъ и для потомства въ наследственныхъ титулованныхъ замкахъ и ихъ домашнихъ архивахъ, богатѣйшемъ и безцвѣнномъ рудникѣ самыхъ любопытныхъ и самыхъ достовѣрныхъ данныхъ о характерахъ, нравахъ, обычаяхъ, интригахъ, связяхъ и тайныхъ пружинахъ событій прошедшихъ. Здѣсь именне можно лично и коротко познакомиться съ людьми какой угодно эпохи. Не мудрено, послѣ этого, что въ Англіи непрерывно появляются въ печати «переписки» (correspondences), людей, умершихъ иногда за два и болѣе столѣтія, и «меморіи» объ нихъ (memoirs), составленныя по *фамилінымъ бумагамъ*, — from the family papers. Такимъ образомъ еще недавно изъ бумагъ Бекона, Рели, Непира, извлечены были терпѣливыми любителями исторіи чрезвычайно занимательныя подробности о лицахъ и характерахъ, современныхъ этимъ знаменитымъ людямъ. Такимъ образомъ, — и это одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ такихъ книгъ, — человекъ, мало извѣстный, едва помени названный гдѣ-нибудь въ исторіи, вдругъ, при разборѣ его старинныхъ бумагъ, является чрезвычайно важнымъ лицомъ своей эпохи или по уму, видамъ, мыслямъ и дарованіямъ, или по содѣйствию, совѣтамъ и тайному вліянію на дѣла: исторія пріобрѣтаетъ новыя примѣчательныя характеры, темныя происшествія разоблачаются, нежданннй лучъ свѣту падаетъ на отдаленныхъ людей и ихъ дѣла, и читатель проникаетъ въ самыя сокровенныя тайны общества, которое скрывалъ отъ него глубокий туманъ былаго.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ похвастаться, чтобы наша литература обладала подобными книгами, и даже чтобы мы имѣли средства составлять ихъ. Прѣдки на-

ни не были грамотеи, писали мало, читали и того меньше и рядкѣй изъ нихъ любилъ сохранить бумажку: притомъ, фамильныхъ архивовъ и не могло существовать по двумъ основательнымъ причинамъ, — обыкновенію жить въ деревянныхъ домахъ, которые окончательно почти всегда истреблялись пожарами; — и ровному раздѣлу отцовскаго имущества между сыновьями: если бы кто-нибудь и оставилъ себѣ собраніе бумагъ, то оно должно было погибнуть при безконечныхъ дѣлежахъ. Но не должно, съ другой стороны, взваливать всей вины на эти два обстоятельства: многое тутъ слѣдуетъ приписать и собственному нашему нерадѣнію о семейственныхъ памятникахъ. Ни пожары деревянныхъ домовъ, ни ровные раздѣлы имѣній, ни даже невѣжество, которое бѣжало далеко изъ всѣхъ порядочныхъ семействъ, не принуждаетъ насъ продавать по смерти родителей, на толкучіе рынки, ихъ библиотекъ и рукописей: а между-тѣмъ кому изъ библиофиловъ не случалось видѣть у букинистовъ книгъ, принадлежавшихъ знаменитѣйшимъ лицамъ прошедшей эпохи, книгъ, поднесенныхъ имъ въ знакъ уваженія величайшими писателями того времени, отечественными и заграничными, съ ихъ собственноручными надписями, и иногда съ отмѣтками на поляхъ покойнаго владельца книги, лица известнаго и важнаго въ исторіи? Этого мало: купивъ такую книгу, вы приносите ее домой, развязываете бичовку, и — что жъ видите? — Учтивый букинистъ завернулъ ее для васъ въ любопытную бумагу какого-нибудь историческаго семейства. Бумага безъ начала и безъ конца: вы бѣжите къ букинисту, спрашиваете, откуда онъ досталъ эту обертку и нѣтъ ли у него побольше такихъ бумагъ. «Были-съ, равнодушно отвѣчаетъ книгодѣль, да разошлись. Было много-съ. Мало ли умираетъ господь? Мало ли накупишь этого хлама вмѣстѣ съ книгами и съ библиотеками, съ аукціону или отъ промотавшихся наследни-

«ковъ?... А впрочемъ если вамъ угодно, сударь, то я могу достать для васъ *точно тактъ же бумаги*... Видно, «онъ вамъ нужны для завертыванія.... Но вамъ гораздо «выгоднѣе будетъ купить за цѣлковый стопу бутылочной «бумаги: теперь господа не любятъ исписанныхъ обер-«токъ, и мы сами, когда случится купить фамилльныя «бумаги, отдаемъ ихъ болѣею частью въ мелочныя «лавки.» Это фактъ. Именно такой отвѣтъ долузчили мы однажды отъ незабвеннаго букиниста, перла Апраксина Двора, укращенія своего сословія, который, дѣтъ пять тому назадъ, къ душевному прискорбію всѣхъ библіофиловъ, переселился съ толкучаго въ лучший міръ.

Такіе факты чрезвычайно обидны для любителей и насльдователей отечественной исторіи, но если бы и народное тщеславіе наше захотѣло обидѣться ими, то оно легко можетъ утѣшиться мыслию, что нерьдко то же самое случается и у народовъ, которые свою образованность считаютъ тысячелѣтіями, и что подлинныя рукописи великаго Галидея были случайно узнаны на оберткѣ двухъ фунтовъ сыру и отысканы въ одной итальянской мелочной лавкѣ. Но какъ бы то ни было, ясно то, что, при такихъ обстоятельствахъ, очень трудно писать исторіи отдѣльныхъ фамилій, даже допустивъ кой-какія почетныя уваженія, исключенія изъ правила; и все, чего можно ожидать отъ писателя, рѣшающагося на подобное предпріятіе, весьма хорошо выражается неопредѣленнымъ словомъ «сказанія», которое употребилъ, въ видѣ заглавія, и авторъ книги, подавшей поводъ къ этимъ общимъ замѣчаніямъ. При недостаткѣ въ старицныхъ фамилльныхъ архивахъ, въ богатыхъ собраніяхъ насльдственныхъ бумагъ, нѣтъ другаго средства какъ прибѣгнуть къ «сказаніямъ», то есть, къ тому, что уже сказано другими въ изданныхъ въ свѣтъ источникахъ. Это средство, конечно, не позволяетъ сказать много новаго и удовлетворить ожида-

не слишкомъ любопытнаго читателя, но, при надлежащемъ искусствѣ и тщательномъ выборѣ источниковъ, можно составить весьма занимательную книгу, которой интересъ естественно будетъ увеличиваться по мѣрѣ приближенія разсказу къ новѣйшей эпохѣ, гдѣ свѣжесть семейныхъ преданій уже хорошо замѣняетъ болѣе или мѣнѣе недостатокъ въ неизданныхъ письменныхъ документахъ, главнымъ основаніи привлекательности фамильныхъ монографій; можно даже написать книгу, очень пріятную и полезную для историка, который найдетъ въ ней готовую летопись знаменитаго въ отечественныхъ событіяхъ роду. Исторія наша сдѣлалась бы гораздо яснѣе, гораздо обильнѣе подробностями и богаче характерами, если бы мы имѣли такихъ книгъ побольше, — такихъ, какъ «Сказанія» о родѣ князей Долгоруковыхъ.

Этотъ княжескій родъ получилъ начало около шестнадцатаго столѣтія отъ князя Ивана Долгорукаго, прозваннаго такъ, вѣроятно, по длинѣ рукъ, и ведетъ свою родословную отъ Рурика, черезъ Святаго Владиміра и его потомка Михаила, князя черниговскаго, котораго пятый и самый младшій сынъ, Иванъ, имѣлъ въ числѣ сыновей своихъ одного, по имени князя Константина Оболенскаго. У князя Константина Оболенскаго третій и самый младшій сынъ назывался Андреемъ. Старшій сынъ князя Андрея Константиновича, князь Иванъ Долгорукий, сдѣлался родоначальникомъ князей Долгоруковыхъ, черезъ единственнаго сына своего Константина, у котораго изъ семерыхъ сыновей осталось четверо, Семень, Федоръ Вольшой, Тимофей и Михайло. Отъ нихъ-то произошли четыре вѣтви князей Долгоруковыхъ. Трое сыновей князя Семена Константиновича служили воеводами въ походахъ 1544 и 1549-годовъ; и съ нихъ начинаются «Сказанія».

До 1608 года авторъ только пробѣгаетъ имена разныхъ князей Долгоруковыхъ, указывая на походы, въ

которыя они находились. Первое лицо, о котором успѣлъ онъ собрать нѣсколько подробностей въ сказаніяхъ о Междоусарствіи, это князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ-Рошчъ, знаменитый защитникъ Троицко-Сергіевской Лавры. Второе — князь Владиміръ Тимоѣевичъ, другъ митрополита Филарета Романова. Когда, послѣ освобожденія отечества отъ ига, Поляковъ, Михаилъ Романовъ-Юрьевъ вступилъ на престолъ, ближайшимъ совѣтникомъ юнаго монарха былъ назначенъ двоюродный братъ его Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, старинный другъ Долгорукова, который, спустя два года (1615), получилъ мѣсто казанскаго намѣстника.

.. Можно сожалѣть, что авторъ «Сказаній» не послалъ гораздо большаго числа страницъ колоссальной фигуры князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, человека необыкновеннаго въ свое время и чрезвычайнаго примѣтельнаго по уму, характеру, образованности, воинскимъ дарованіямъ и обширнымъ видамъ. Объ немъ одномъ стоило написать цѣлую книгу, и въ матеріалахъ не было бы недостатку.

Въ 1659 году князь Яковъ Долгоруковъ, русскій Каптомъ, украшеніе роду Долгоруковыхъ, котораго Петръ Великій называлъ умникомъ и дядею. Онъ былъ старшій сынъ околыничаго князя Федора Долгорукова, служилъ комнатнымъ стольникомъ, и, несмотря на личную опасность и угрозы приверженцевъ царевны Софіи, мужественно возсталъ за права юнаго Петра, который вскорѣ и пролюбилъ его. Опасаясь вліянія Долгорукова на молодаго Царя, царевна Софія и князь Василій Голлицыиъ успѣли удалить его изъ Россіи подъ предлогомъ посольства въ Францію и Испанію. Возвративъ оттуда онъ уже пришелъ дѣла, въ другомъ полѣжаніи. Царствіе царевны было близко къ паденію. Петра котораго вліяніе съ каждымъ днемъ усиливалось, съ радостью встрѣтилъ Долгорукова, и вѣрный саяга съ несчастнымъ, отъ его особы. По возвращеніи, с...

изъ-за границы, Петръ пожаловалъ его бояриномъ, а въ 1700 году назначилъ *землемъ-и-денноденцидаль-криссъ-коммиссаромъ*, отдавъ въ полное его распоряженіе провіантскую и коммиссаратскую части. Важность этой отрасли управленія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи была необыкновенна: на ней зависѣла весь успѣхъ борьбы Петра Великаго съ Карломъ XII. Долгоруковъ, ревностный сподвижникъ Царя во всѣхъ его преобразованіяхъ, оказалъ въ этомъ особенномъ званіи незабвенныя заслуги Монарху и отечеству, и истинно римскій характеръ этого вельможи парисовался во всемъ своемъ строгомъ величій. Яковъ Долгоруковъ, который избралъ себя лозунгомъ — *Царю правда, лучшій слуга*, могъ бы одинъ прекрасно наподнить собою всю такую книгу какъ «Сказанія.»

«Въ Петербургъ оказался недостатокъ въ хлѣбъ; ожидая подвоза провіанта водою, Государь повелѣлъ сенату изыскать способъ отвратить угрожавшій голодъ. Долго разсуждали сенаторы, и наконецъ единогласно опредѣлили: собрать по четверику съ каждаго крестьянина въ новгородской губерніи, какъ ближайшей къ столицѣ. Петръ Великій, размыченный множествомъ дѣлъ, одобрилъ это мнѣніе. Оно было утверждено подписью всѣхъ сенаторовъ, кромѣ Долгорукова, который тогда не присутствовалъ. На другой день явился онъ въ сенатъ; прочелъ опредѣленіе; потребовалъ сургуча, и не говоря ни слова, запечатавъ всѣ изготовленные указы по этому дѣлу, вышелъ и отправился въ своей одноколкѣ къ обѣднѣ. Изумленные и обиженные сенаторы немедленно донесли Государю, со многими прибавленіями. Петръ пріѣхалъ въ сенатъ и послалъ за Долгоруковымъ. Онъ находился еще въ церкви; ему объявили волю Царя: «слышу», отвѣчалъ онъ, и остался на своемъ мѣстѣ. Явился другой посланный, и получилъ одинакій отвѣтъ. Гнѣвъ Монарха увеличился. Сенаторы, не любившіе Долгорукова, котораго заочно называли *умникомъ*, пожимали плечами; говорили, какъ будто про себя, но довольно громко, чтобы слова ихъ были услышаны Царемъ: «Какое дерзкое упор-

ство!» Некоторые жаловались даже на него Государю: «Ваше Величество, сказалъ Меншиковъ, можете изъ такого противоборства волею вашею заключить, какую вы должны сосчитать досаду отъ всегдѣшлаго его въ делахъ противоречія? Раздраженный Монархъ послалъ въ третій разъ за Долгоруковымъ, велѣвъ объяснить ему: что если онъ немедленно не явится въ сенатъ: то съ нимъ поступлено будетъ какъ съ ослушникомъ верховной власти.» — «Воздадите Богуи Богови, а Кесарева Кесареви», произнесъ Долгоруковъ, продолжая молиться. — «Что прикажете донести Государю?» спросилъ посланный. — «Донеси, что видишь и слышишь.» Между-тѣмъ обѣдня кончилась, и Долгоруковъ поспѣшилъ въ сенатъ. Въ чрезмѣрномъ гнѣвѣ, Петръ, обнажа свой кортикъ, вскричалъ: «Ты долженъ умереть какъ противникъ Государевъ.» — Вотъ грудь моя, хладнокрѣвно отвѣчалъ Долгоруковъ: не страшусь лишиться жизни за правду; но ты будешь Александръ, а я Клитъ.» При этихъ словахъ Монархъ опустилъ руку, и отступивъ на нѣсколько шаговъ, спросилъ его: «Какъ ты осмѣлился остановить мое повелѣнiе?» — «Ты самъ, продолжалъ князь, приказываешь представлять себѣ истину и стараться о пользѣ твоего народа.» Смягченный симъ отвѣтомъ, Петръ спросилъ: «Но гдѣ же возьмемъ мы хлѣбъ? Развѣ ты хочешь видѣть печальное слѣдствiе голоду?» — Нѣтъ, Государь, Боже насъ отъ того сохрани! Но не для чего тебѣ и господамъ сенаторамъ такъ безпокоиться. Отъ насъ самихъ зависитъ отвращенiе самой опасности: стоитъ только хотъ немного усердiе подумать, и новгородская губернiя, которая болѣе другихъ испытала тягость войны, не будетъ обременена новыми налогами.» — «Какое же средство должно употребить для этого?» спросилъ Петръ, совершенно успокоившiйся. — «Извольте съестъ, Государь. Я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣбъ.» Монархъ и всѣ сенаторы слыш. Долгоруковъ продолжалъ: «Противъ твой будетъ сюда, по-крайней-мѣрѣ, не прежде какъ чрезъ два мѣсяца; до того времени есть у меня столько-то муки; а мнѣ на продовольствiе дому моего довольно половины, или не много побольше; у князя Меншикова, за всѣми его расходами, какъ я заподлинно знаю, останется гораздо еще болѣе половины; у генералъ-адмирала тожъ; у дру-

нѣтъ господъ сенаторовъ будутъ также остатки. Возьми ихъ: войско и бѣдные граждане не потерпятъ нужды въ продовольствіи, а когда придетъ ожидаемый хлѣбъ, то ты можешь взятый у насъ возратить намъ новою мучкою. Такимъ образомъ мы, въсто лежалой, получимъ связку, а бѣдные крестьяне помгородскіе не потерпятъ никакой тягости. — Ибо не думай, Государь, прибавилъ Долгоруковъ, чтобы крестьянамъ могъ раздѣлаться однимъ четверникомъ. Ему мало на раздѣлку и двухъ : воры-комиссары съищутъ къ тому средства; они, подъ предлогомъ, что мука дурна, прогоркла и прочая, не станутъ ее принимать, и крестьянамъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобы хоть вдвое да взяли, только бы его не мучили. Разсуди же, какая бы это была для нихъ тягость, когда они съ нуждою едятъ прокармливаютъ семейства свои? Внимательно слушалъ Петръ князя Долгорукова; потомъ, обратясь къ сенаторамъ, сказалъ: «Что жъ вы молчите и не противорѣчите? Правду ли онъ говоритъ или нѣтъ?» Сенаторы принуждены были признаться, что князь говоритъ дѣльно и справедливо; изъявили готовность отдать весь свои избытки хлѣба: «Вижу, продолжалъ Государь смотря на нихъ, что можно вамъ сносить его упорство и противорѣчія.» После этого въ самыхъ жесткихъ выраженіяхъ благодарилъ онъ Долгорукова за его прозорливость и просилъ у него прощенія въ гнѣвъ своемъ.»

«Въ другое время Петръ Великій прислалъ въ сенатъ указъ, равне обыкновеннаго, о наборѣ рекрутъ. «Долго ли быть этимъ разорительнымъ для народа и государетва наборамъ?» — сказалъ Долгоруковъ съ негодованіемъ, и положилъ указъ подъ сукно. Исправившій тогда должность оберъ-прокурора и все сенаторы представили ему: «какъ онъ осмѣливается остановить исполненіе импѣрскаго повелѣнія?» — Я знаю, что дѣлаю, возразилъ Долгоруковъ. — Царь хотя и не сомнѣвался въ отчизнолюбіи князя Якова Федоровича, но не менѣе того раздосадованъ былъ новыимъ самоуправствомъ: послалъ за Долгоруковымъ и грознымъ голосомъ потребовалъ отвѣта въ его поступкѣ. «Государь! — сказалъ онъ: ты отецъ своихъ подданныхъ: такъ ужели не чувствуешь скорби и разоренія ихъ отъ частыхъ наборовъ рекрутъ? Ужели не трогаютъ тебя слезы, рыданія

«д. вошь, волителюй, д. д.тей и ж.ея, э.т.ахъ, б.а.д.н.ыхъ, п.о.д.о.й, д.я.р.и, р.а.з.л.у.к.а?». Уж.е.д.и, н.е, ч.у.в.с.т.в.у.е.щ.ь, с.к.о.л.ь.к.о, р.у.к.ъ, о.т.ъ, н.и.м.а.е.т.с.я, о.т.ъ, з.е.м.л.е.д.ѣ.л.ц.я?..... Е.ж.е.л.и, б.ы, х.о.р.о.щ.е.н.ь.к.о, п.о.д.у.м.а.л.ь.о, т.а.мъ, к.о.н.е.ч.н.о, с.т.ы.с.к.а.л.ь, б.ы, с.р.е.д.с.т.в.о, п.о.к.р.а.й.н.е.й, м.а.р.ь, н.а, э.т.о.т.ъ, р.а.зъ, о.б.о.й.д.и.с.я, и, б.е.з.ъ, р.е.к.р.у.т.с.к.а.г.о, н.а.б.о.р.а?» — «О, л.а.к.о.мъ, с.р.е.д.с.т.в.а, г.о.в.о.р.и.щ.ь, т.ы?», с.п.р.о.с.и.л.ъ, е.г.о, «П.е.т.р.ъ, В.е.л.и.к.и.й, ;, р.е.к.р.у.т.ы, н.е.о.б.х.о.д.и.м.ы, къ, п.о.п.о.л.н.е.н.и.ю, п.е.л.а.к.о.въ.» — «А, в.о.т.ъ, о, л.а.к.о.мъ, п.р.о.д.о.л.ж.а.л.ъ, Д.о.л.г.о.р.у.к.о.в.ъ: т.ы, «з.а.н.е.ш.ь, Г.о.с.у.д.а.р.ь, с.к.о.л.ь.к.о, д.о-с.и.хъ-п.о.р.ъ, н.а.х.о.л.и.т.с.я, р.е.к.р.у.т.о.в.ъ, в.ъ, б.ѣ.г.а.хъ; и.зъ, н.и.хъ, н.ѣ.к.о.т.о.р.ы.е, б.о.я.с.ь, н.а.к.а.з.а.н.я, «о.к.р.ы.в.а.ю.т.с.я, в.ъ, л.ѣ.с.а.хъ; м.н.о.г.и.е, д.а.ж.е, в.д.а.л.и.с.я, в.ъ, в.о.р.о.в.с.т.в.о, «и, р.а.з.б.о.м. О.т.в.ѣ.д.а.й, п.р.о.с.т.и.т.ь, в.сѣ.хъ, н.и.хъ, з.а, п.о.б.ы.г.и.; у.в.ѣ.р.ь, «ч.т.о, е.с.л.и, о.н.и, д.о.б.р.е.в.о.л.ь.н.о, я.в.я.т.с.я, о.т.ъ, п.у.б.л.и.к.о.в.а.н.я, у.к.а.з.а, «ч.р.е.зъ, п.о.д.г.о.д.а, и.л.и, к.а.къ, и.з.в.о.л.и.щ.ь, н.а.з.н.а.ч.и.т.ь, т.о, н.и.к.а.к.о.г.о, и.м.ъ, и, у.к.р.ы.в.а.т.е.л.я.мъ, и.хъ, н.е, б.у.д.е.т.ь, н.а.к.а.з.а.н.я. Я, «у.в.ѣ.р.е.нъ, ч.т.о, и.хъ, с.о.б.е.р.е.т.с.я, с.т.о.л.ь.к.о, с.к.о.л.ь.к.о, т.е.б.ѣ, т.е.п.е.р.ь, «н.а.д.о.б.н.о.» — «Д.о.б.р.о, д.я.д.я!», с.к.а.з.а.л.ъ, П.е.т.р.ъ: о.т.в.ѣ.д.а.ю, п.о-с.т.у.п.и.т.ь, п.о, т.в.о.е.м.у, и, у.в.и.д.и.мъ, б.у.д.е.т.ь, л.и, т.а.къ, к.а.къ, т.ы, «п.р.е.д.п.о.д.а.г.а.е.ш.ь.» — В.ъ, с.а.м.о.мъ, д.ѣ.л.ѣ, м.и.л.о.с.т.и.в.ы.й, у.к.а.зъ, о, б.ѣ.г.а.л.ь.н.хъ, о.п.р.а.в.д.а.л.ъ, н.а.д.е.ж.д.у, Д.о.л.г.о.р.у.к.о.в.а: о.н.и, я.в.и.л.и.с.я, в.о, м.н.о.ж.е.с.т.в.ѣ, и, р.е.к.р.у.т.с.к.и.й, н.а.б.о.р.ъ, б.ы.л.ъ, о.т.м.ѣ.н.е.нъ.

«О.д.н.а.ж.д.ы, П.е.т.р.ъ, В.е.л.и.к.и.й, и.м.ѣ.я, н.а.д.о.б.н.о.с.т.ь, д.л.я, ф.л.о.т.а, в.ъ, з.н.а.ч.и.т.е.л.ь.н.о.мъ, к.о.л.и.ч.е.с.т.в.ѣ, х.л.ѣ.б.а, в.е.л.ѣ.л.ъ, с.е.н.а.т.у, р.а.с.п.о.р.я.д.и.т.ь.с.я, д.о.с.т.а.в.к.о.ю, къ, в.е.с.н.ѣ, и.зъ, Н.и.з.о.в.ы.хъ, м.ѣ.с.т.ь. «С.п.у.с.т.а, л.ѣ.т.о, д.а, в.ъ, л.ѣ.с.ѣ, п.о, м.а.л.ы.н.у, с.к.а.з.а.л.ъ, Д.о.л.г.о.р.у.к.о.в.ъ, к.а.ч.а.я, г.о.л.о.в.о.ю, к.о.г.д.а, п.р.о.ч.т.е.нъ, б.ы.л.ъ, в.ъ, п.р.и.с.у.т.с.т.в.и.и, у.к.а.зъ. «Н.о, н.е.л.ь.н.о, м.о.ж.н.о, и.з.в.и.н.и.т.ь, Г.о.с.у.д.а.р.я, б.е.з.ч.и.с.л.е.н.н.ы.м.и, е.г.о, «з.а.б.о.т.а.м.и, ч.т.о, н.е, о.б.д.у.м.а.в.ъ, н.а.п.и.с.а.л.ъ. Н.у, к.а.къ, у.п.р.а.в.л.и.т.ь, «с.я, къ, в.е.с.н.ѣ, п.о.с.т.а.в.к.о.ю, с.ю.д.а, и.зъ, т.а.к.о.й, л.а.д.и, х.л.ѣ.б.а, у.п.у.с.т.а, «в.р.е.м.я?..... А, х.о.т.я, б.ъ, и, п.о.л.о.ж.и.т.ь, ч.т.о, с.ѣ, н.у.ж.д.о.ю, п.о.с.т.а.в.и.т.ь, м.о.ж.н.о, в.ъ, т.а.к.о.мъ, с.л.у.ч.а.ѣ, с.т.а.н.е.т.ь, о.н.ѣ, ц.ѣ.н.о.ю, в.д.в.о.е; «а, с.а.мъ, ж.е, о.н.ѣ, и.м.ѣ.т.ь, н.у.ж.д.у, в.ъ, д.е.н.ь.г.а.хъ.» — С.к.а.з.а.в.ъ, э.т.о, Д.о.л.г.о.р.у.к.о.в.ъ, п.о, о.б.ы.к.н.о.в.е.н.и.ю, с.в.о.е.м.у, п.о.л.о.ж.и.л.ъ, у.к.а.зъ, п.о.дъ, с.у.к.н.о. Н.е, з.а.м.е.д.л.и.л.и, д.о.н.е.с.т.и, Г.о.с.у.д.а.р.ю. П.е.т.р.ъ, я.в.и.л.и.с.я, в.ъ, с.е.н.а.т.ѣ, и, с.п.р.о.с.и.л.ъ, г.н.ѣ.в.н.о: «И.с.п.о.л.н.е.н.о, л.и, п.о, н.о.с.л.ѣ.д.ѣ.н.и.ю, е.г.о, у.к.а.з.у?» — Н.е, и.с.п.о.л.н.е.н.о, о.т.в.ѣ.ч.а.л.ъ, Д.о.л.г.о.р.у.к.о.в.ъ: «п.о.т.о.м.у, ч.т.о, и.с.п.о.л.н.и.т.ь, н.е.л.ь.з.я. — «О.т.ъ, т.е.б.я, в.с.е.г.д.а, я, с.л.ы.ш.у, п.р.о.т.и.в.о.р.ѣ.ч.я, д.р.е.в.а.л.ъ, е.г.о, с.ѣ, с.е.р.д.ц.е.мъ, П.е.т.р.ъ: с.ѣ, «ч.ѣ.мъ, ж.е, м.н.ѣ, ф.л.о.т.ъ, м.о.й, в.ы.п.р.о.в.о.д.и.т.ь?» — «Н.е, г.н.ѣ.в.и.с.я.

«Государь, а выслушай сперва: время упущено; изъ столько дальнихъ мѣстъ доставить въ Петербургъ хлѣба къ веснѣ какъ нельзя, а хотя бы и можно, то станеть онъ цѣною почти вдвое; такъ зачемъ же така напрасная трата въ деньги? въ которыхъ ты еще и нужду имѣешь?.... А ежели онъ къ тому времени не будетъ привезенъ, какъ и думать должно: то не станешь ли ты еще болѣе тогда на часть гнѣваться? Можно и безъ того направиться, и флоту твоему въ свое время вытти въ море.» — «Да какъ же?» спросилъ Государь. — «А вотъ какъ, продолжалъ Долгоруковъ: у меня скоро будетъ сюда хлѣба больше нежели сколько на употребленіе дому моего надобно; у Меншикова, я слышу, идетъ его и гораздо еще больше; да чаю, и у всѣхъ нашей братин то же. Такъ ты, Государь, и можешь у всѣхъ насъ излишши тѣ отобрать; а я навѣрно надюсь, что ихъ будетъ столько, сколько тебѣ надобно; въ противномъ случаѣ, можно для твоей нужды и изъ настоящей порціи намъ по нѣскольку убавить; но до того, чаю, еще дойдеть; а, между-тѣмъ, не торопясь, въ свое время и безъ передачи въ цѣнь, хлѣбъ сюда доставится. Тогда ты, Государь, какъ и прежде было, взятое у насъ количество отдашь; такъ и ты, и мы всѣ будемъ безъ убытку; а хлопотъ-то уже ни какихъ не будетъ. Вотъ для чего исполнить указа твоего было нельзя.» — Признательный Царь поцѣловалъ Долгорукова въ голову и произнесъ: «Спасибо, дядя! ты, право, умнѣ меня, и не напрасно называють тебя *умникомъ*.» — «Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ Долгоруковъ: не умнѣ; но у меня менѣ дѣла, и потому есть время мнѣ обдумать, а и тутъ иногда ошибаюсь; у тебя же ихъ безъ числа, такъ и не дивно, что ты много «не обдумаешь!» Петръ Великій, взявъ свой указъ, при всѣхъ разодралъ.

«Незадолго до заключенія мира съ Швеціею, Государь, присутствуя въ сенатѣ, велѣлъ для работъ, производимыхъ въ Петербургѣ и ея окрестностяхъ, сдѣлать, по-прежнему, паралл. работниковъ изъ губерній. «Пора бы уже тебѣ губерній-до отъ работъ, и освободить?» сказалъ ему Долгоруковъ съ обыкновенною своею смѣлостію и чистосердечіемъ. — «Такъ по-твоему, возразилъ Петръ, надобно оста-

«новить работы?» Вместо отвѣту, Долгоруковъ продолжалъ: «Время уже обздать; а казнь-то не бранится; пожалуй къ мнѣ; Государь; откупать, такъ я тебѣ скажу, что и «наряда работниковъ изъ губерній не надобно, и работы твои не остановятся.» — «Хорошо, отвѣчалъ Петръ Великій: пойдешь, и что-то я отъ тебя услышу?» — «Теперь у тебя война, слава Богу, приходитъ къ окончанью, сказалъ Долгоруковъ, выпивъ у себя чарку водки съ Государемъ: «и по-крайней-мѣрѣ половина арміи твоей безъ дѣла: то если ты и однихъ праздныхъ солдатъ употребишь на свои работы, давая имъ, сверхъ жалованья, деньги, какія платятся работникамъ: тогда и они, и губерніи твои весьма будутъ тѣмъ довольны; а особливая выгода въ томъ, что солдаты, занятые работою, не будутъ имѣть случая баловаться.» Указъ былъ уничтоженъ и Петръ воспользовался совѣтомъ Долгорукова.

«Присутствуя въ сенатѣ, Долгоруковъ продолжалъ управлять и комиссаріатомъ: однажды, по недостатку синняго сукна, отпустилъ отъ зеленого на плаццѣ полка Меншикова. Последний, не зная причины, остался доволенъ этимъ отличіемъ (одна только гвардія имѣла зеленые плацци); но получивъ потомъ снова синнее сукно, и обидясь, прислалъ къ Долгорукову одного полковника съ вопросомъ: «Для чего на полкъ его доставлено сукно не такого колѣра?» — Полковникъ, введенный изъ ничтожества Меншиковымъ, не понимая послѣдняго слова, переначилъ по-своему и сказалъ князю Якову Федоровичу: «Его свѣтлость просить ваше сіятельство дать ему знать, для чего на полкъ его отпущено сукно не того колѣбра?» — «Что ты говоришь!» — «Не того колѣбра, повторилъ полковникъ. — «Глупъ, братъ, ты, сказалъ ему Долгоруковъ, да и тотъ глупъ, кто тебя и въ полковники произвел!» и съ тѣмъ его отпустилъ. Можно представить себѣ, сколько отвѣтъ сей оскорбилъ надменнаго князя Ижерскаго. Передъ тѣмъ временемъ Петръ Великій, для лучшаго успѣха адмиралтейскихъ работъ, поручилъ каждому сенатору смотрѣть за строеніемъ особито корабля. Главный любимецъ царский, и жившій болѣе способовъ, нежели другіе, построилъ свой прежде всѣхъ. При спускѣ Государь былъ чрезвычайно веселъ и

изъявлять признательность свою Меншикову, который воспользовался этимъ случаемъ, чтобы откстить Долгорукову: онъ представилъ Государю полковника, несомненно обиженнаго княземъ Яковомъ Федоровичемъ, который не только его, но и того, къмъ онъ произведенъ въ полковники, назвалъ «дураками.» Обиженный сталъ на колѣна передъ Царемъ и просилъ защиты противъ сдѣльнаго вельможи. Между-тѣмъ Долгоруковъ веселился съ своими друзьями за особымъ столомъ, и когда адъютантъ его, Наумовъ, разсказалъ ему на ухо что происходило, онъ отвѣчалъ съ презрительною холодностію: «Пусть ижъ жалуется, какъ хотятъ!» — «Давно ли я у тебя въ дураки попалъ?» — спросилъ его Петръ съ гнѣвнымъ видомъ. — «Удивляюсь словамъ твоимъ, отвѣчалъ Долгоруковъ: мнѣ и въ мысль этого прійти не можетъ!» — Да не говорилъ ли ты присланному отъ Меншикова полковнику, что онъ дуракъ, и дуракъ тотъ, кто его произвелъ въ этотъ чинъ?» — «Говорилъ.» — «Но кто жъ жалуется въ полковники?... Вѣдь это я; следовательно и я у тебя дуракъ?» — «Нѣтъ, Государь, этого ты на свой счетъ принимать не долженъ: ты знаешь, какъ я тебя разумью; а это сказано мною о Меншиковѣ, который дурака того, изъ сыновей изменническихъ, единственно потому, что онъ пресмыкается передъ нимъ, довелъ до подполковника, убѣдилъ тебя потомъ продрозвести его въ полковники; но ты, по правдѣ твоей, конечно не пожаловалъ бы его въ такой чинъ, еслибъ Александру не дѣлывали передъ тобою службы его, между-тѣмъ, какъ отлучка этого полковника состоятъ только въ ласкательствѣ и въ наущицествѣ ему. Александру.» — Тогда Долгоруковъ пересказалъ Царю, за что онъ назвалъ дуракомъ любимца Меншикова, объявивъ, что онъ сынъ казеннаго стральца. Помолчавъ не много, Государь сказалъ: «Хорошо, дядя, я все сказанное тобою изслѣдую», а полковника велѣлъ арестовать и отвести въ крѣпость. На другой день, князь Ижерскій явился къ Долгорукову: «Вы никого не дѣлали несчастнымъ» — сказалъ онъ ему; — «можно ли было ожидать, чтобъ погубили ни въ чемъ невиннаго предъ вами полковника?» — «Не я его погубилъ, а ты самъ» отвѣчалъ Долгоруковъ; «ты, конечно, не то ему приказывалъ.

«сказать мнѣ, что онъ совралъ, за что и назваешь я его дуракомъ; а тебѣ бы должно снести прежде со мною, а не жаловаться Государю!» Меншиковъ признался, что онъ виноватъ, и просилъ съ покорностію, спасти его любимица. «Хорошо» сказалъ князь Яковъ Федоровичъ, «но надобно для этаго дожидаться спуска моего корабля: онъ скоро поспѣетъ, ежели ты поможешь мнѣ въ работникахъ, которыхъ у меня маловато и достать ихъ немогу.»—Работники немедленно явились къ Долгорукову; корабль его черезъ нѣсколько дней былъ отдѣланъ и спущенъ на воду въ присутствіи Петра и Екатерины. На немъ данъ строителемъ обиденный столъ; послѣ котораго Царь, взявъ супругу за руку и подошедъ къ Долгорукову, сказалъ: «Дядя нашъ больше нашъ другъ, нежели подданный; никто столько князя не любитъ, какъ онъ: всегдашняя правда, говоренная имъ мнѣ, и ревность его къ отечеству это доказываютъ ясно; и ты должна его также много любить, какъ и я!»—Потомъ, обратясь къ нему, продолжалъ: «Проси, другъ мой, у меня, чего тебѣ угодно: я все для тебя слылаю.»—«Хорошо», сказалъ Долгоруковъ; «посмотрю, слылаешь ли о чемъ тебя попрошу?» «Слылаю,» повторилъ Государь.—«Такъ прости же арестованнаго полковника: я больше ни о чемъ тебя не прошу.» Петръ похвалилъ его великодушіе; возвратилъ свободу арестанту; но отправилъ его комендантомъ въ дальнюю крѣпость, желая тѣмъ наказать Меншикова.»

«Однажды Петръ подписалъ въ сенатѣ Указъ о посылкѣ для рытія ладожскаго канала, крестьянъ губерній новгородской и санктпетербургской. Долгоруковъ въ тотъ день не присутствовалъ; на другой, прибывъ въ сенатъ, спросилъ: «О чемъ здѣсь вчера разсуждали?» Ему подали подписанный сенаторами протоколъ, гдѣ включено было Высочайшее повелѣніе. Князь началъ съ жаромъ говорить, что повелѣніе это противно пользѣ государственной, что о томъ непременно надобно Государю скорѣе доложить, чтобы не подвергнуть окончательному разоренію двѣ губерніи, и безъ того уже истощенныя. Ему подали указъ съ подписью царскою: князь Яковъ схватилъ указъ и разорвалъ въ куски. Всѣ сенаторы съ ужасомъ вскочили съ своихъ мѣсть. «Знае-

«те ли что вы сделали и чему зато подвергаетесь?» спрашивали они у Долгорукова. «Знаю, и буду зато отвечать предъ Богомъ, Государемъ и Отечествомъ.» Въ это самое мигновение Петръ вошелъ въ сенатъ, удивился необыкновенному шуму, и осведомился о причинѣ: генераль-прокуроръ Ягужинскій съ треветомъ подалъ ему разорванный указъ, и объявилъ все. «Что побудило тебя», спросилъ разгнѣванный Царь у князя Якова, «къ такому неслыханному преступленію противъ твоего Государя.» — «Не иное что, какъ усердіе мое къ счастью твоихъ подданныхъ и къ собственной твоей славы. Петръ Алексѣевичъ! Надюсь на твое благоразуміе: ты вѣрно не захочешь слѣдовать примѣру Карла XII, и не станешь разорять своей земли. Ты потропился подписать указъ, а не разсчелъ, въ какомъ состояніи находятся эти двѣ губерніи, болѣе всѣхъ другихъ пострадавшія отъ войны? Сколько въ нихъ людей вымерло; какъ великъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ? Что мѣшаетъ тебѣ, для рытія канала, необходимо-нужнаго для твоего Петербурга, взять работниковъ изъ другихъ областей, менѣе разоренныхъ; изъ каждой области по немногу? Сверхъ того, у тебя въ рукахъ большое число пленныхъ Шведовъ, которыхъ ты можешь употребить вмѣсто своихъ подданныхъ къ тяжелой работѣ.» — «Все это очень хорошо, отвѣчалъ Петръ, но зачѣмъ же было рвать мой указъ?» — «Оттого, что я разгорячился и не утерпѣлъ!» Петръ велѣлъ издать повелѣніе о высылкѣ на работу, вмѣсто петербургскихъ и новгородскихъ крестьянъ, пленныхъ Шведовъ. Великъ подданный, который въ защиту истины и для блага отечества не страшится прекословить Самодержцу, но Великъ и Самодержецъ, который внимаетъ истинѣ, и уважаетъ такого подданнаго!

«Въ другой разъ, Петръ, въ жаркомъ спорѣ съ Долгоруковымъ, до такой степени вышелъ изъ себя, что выхватилъ кинжалъ, и хотѣлъ его заколоть. Князь Яковъ схватилъ Петра за руку. «Постой, Государь! Честь твоя дороже мнѣ своей жизни. Если голова моя тебѣ нужна, то не дѣйствуй своими руками, а вели палачу отсѣчь мнѣ голову на площади. Тогда еще подумаютъ, что я назначенъ за какое-нибудь важное преступленіе: судить же меня съ тобою бу-

«дети однихъ Богов!» Петръ бросилъ короткъ на догъ, выскочилъ изъ комнату; черезъ четверть часа возвратился, и обнимая князя Якова, со слезами просилъ у него прощенья.

«Когда заболѣлъ малолѣтний царевичъ Петръ Петровичъ (25 апрѣля 1719), котораго Петръ Великій нѣжно любилъ и назначалъ наслѣдникомъ престола, и болѣзнь ребенка оказалась безнадежною, Петръ заперся въ своемъ кабинетѣ, не хотѣлъ никого видѣть, отказался отъ пищи, и заливался горькими слезами. Сама Екатерина не имѣла доступа въ кабинетъ мужа. Встревоженная, она послала за княземъ Яковымъ, и совѣтовалась съ нимъ. Князь Яковъ собралъ во дворцѣ весь сенатъ, пошелъ къ кабинету царскому, и сталъ стучаться въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ Петръ. «Долгоруковъ и весь сенатъ пришли къ тебѣ, Государь, съ дѣлами необыкновенной важности.» — «Я не могу васъ принять.» — «Отвори дверь, Государь;» кричалъ Долгоруковъ, «отопри дверь, и допусти насъ къ тебѣ: дѣла не терпятъ никакой отсрочки.» Петръ отперъ дверь, и князь Яковъ сталъ говорить ему, что отлучка Царя вредитъ дѣламъ царства, что Россія не можетъ, по причинѣ горести владыки своего, видѣть ходъ дѣлъ остановленными, и что Петръ долженъ приняться за дѣла или дать Россіи другаго Государя. Царь спокойно выслушавъ осьмидесяти-лѣтняго старца, далъ ему слово утишить горестъ свою, покориться волѣ Божьей, и на слѣдующее же утро принялся за дѣла.

«Однажды, въ шумномъ обѣдѣ, Государь завелъ рѣчь о дѣлахъ Царя, родителя своего; каждый изъ явившихся за столомъ сообщалъ свои замечанія; наконецъ придворные нечувствительно склонили разговоръ къ сравненію дѣлъ Петра Великаго съ дѣланіями Алексѣя Михайловича, и графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ; изъ лѣстк къ царствующему Государю, сталъ критиковать его, осуждая правленіе Алексѣя; наконецъ самые даже знаменитые поддани усопшаго Царя принесли Морозову, Нащокину и другимъ искуснымъ министрамъ того времени. Съ негодованіемъ Петръ внималъ словамъ его: «Ты хулю дѣла отца моего, а лицемерно мнѣ доквашою» — сказалъ онъ, болѣе меня бранишь, нежели сколько я стерпеть могу!» и всталъ съ

своего мѣста, подошелъ къ Долгорукову, остановился за его стуломъ, и сказалъ: «Дядя! я знаю, что ты боишься всѣхъ бранишь меня, и такъ тяжело спорами своими досаждаешь, что часто едва могу стерпѣть; но какъ разсужу, то и вижу, что ты меня и государство вѣрно любишь и правду говоришь; длятого я тебя внутренно и благодарю. Нынѣ же тебя спрошу, и увѣренъ, что ты о дѣлахъ отца моего и мнѣ скажешь правду великодушную,» — «Изволь сестра» отвѣчалъ Долгоруковъ; «а я подумую.» Вся хранилишечка, которое, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, прервалъ Долгоруковъ, подожавъ длинныя усы свои: «Государь! вопросъ твой нельзя кратко изъяснить, длятого, что дѣла разныя: въ одномъ твой отецъ, а въ другомъ ты больше достоинъ отъ насъ хвалы и благодарности. Главныя дѣла государей, коими они отличаются, три: первое, внутренняя расправа, — важнѣйшее заглавіе ваше, ибо отъ нее происходитъ правосудіе. Въ этомъ отецъ твой больше тебя смысломъ; онъ далъ намъ Уложеніе, по которому и нынѣ мы судимся; но когда и ты о этомъ прилежать будешь, то можешь быть, и превзойдешь его, — и пора уже тебя о томъ и думать. Второе: военныя дѣла; отецъ твой много чрезъ нихъ хвалы заслужилъ, и пользу великую государству принесъ, и тебѣ устройствомъ нѣсколькихъ регулярныхъ войскъ путь показалъ; но по немъ несмысленные люди почти все его учрежденія такъ разорили, что ты почитай все вновь смысломъ, и въ лучшее состояніе привелъ; однако жъ, я, много думая о томъ, еще не знаю, кого больше хвалить? Но мнѣнье войны твоей прямо намъ то понаметъ. Третье: устройство флота, въ союзахъ и поступкахъ съ иностранцами, ты далеко большую пользу государству, и себѣ честь приобретаешь, нежели отецъ твой, и все это самъ, надѣюсь, за правду примешь. Что жъ разсуждаютъ, будто бы Государя какихъ министровъ избираютъ, умныхъ или глупыхъ, такъ ковы и дѣла ихъ; то я протнвно разумно: мудрый Государь умѣетъ мудрыхъ и совѣтниковъ избирать и за вѣрностию ихъ наблюдать. И такъ у мудраго не могутъ быть глупые министры; ибо онъ можетъ разсудить о достоинствѣ каждаго, и отличить правыя совѣты отъ несправыхъ и вредныхъ.» — «Благій рабе и вѣрный!» сказалъ тогда Петръ

Великій, обнимая Долгорукова, «въ малъ былъ мнѣся вренъ, надъ многими ты поставдо!»

Кратки но любопытны біографіи князей, Григорія Ѳеодоровича Долгорукова, знаменитаго дипломата; Василія Владиміровича, сподвижника Петра въ полтавскомъ сраженіи и прутскомъ походѣ, извѣстнаго потому своими бѣдствіями; Ивана Алексѣевича, пользовавшагося при Петрѣ II неограниченною властью; Ивана Васильевича, извѣстнаго поэта; Петра Петровича и Михайла Петровича, «друзей» Императора Александра Перваго, Юрія Владиміровича и Василія Михайловича, проименованнаго «Крымскимъ».

Въ примѣчаніяхъ къ «Сказаніямъ» авторъ помѣстилъ отрывки записокъ княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой и князя Юрія Владиміровича Долгорукова, записаніе князя Ивана Михайловича, современныя описанія сватъбы Царя Михаила Ѳеодоровича и обрученія Императора Петра II, нѣсколько рескриптовъ, указовъ, манифестовъ, и прочая. Нѣкоторыя изъ этихъ приложеній весьма любопытны, и заставляютъ искренно сожалѣть, что число ихъ такъ незначительно, и что оно не умножено выборомъ изъ обширной корреспонденціи знаменитѣйшихъ членовъ такой важной исторической фамиліи. Частныя переписки вообще — лучшія украшенія такихъ книгъ и самыя вѣрныя матеріалы для изученія людей и эпохъ.

Въ составъ «Россійскаго родословнаго сборника», предпринятаго тѣмъ же авторомъ, должны войти всѣ нынѣ существующіе роды россійско-княжескіе, большіе внесенные и не внесенные въ Бархатную Книгу, и россійско-графскіе: въ началѣ сборника помѣщены списки этихъ родовъ, и мы замѣтили, что, въ исчисленіи русскіхъ графовъ, пропушено имя Сперанскаго, хотя, какъ извѣстно, это имя существуетъ, потому что, по Высочайшей волѣ, оно перешло, ввѣсть въ

графскіиъ титуломъ, къ внуку покойнаго Спсрагскаго, сыну сенатора Фролова-Багрѣва.

Въ первой книжкѣ «Сборника» представленъ историческій очеркъ происхожденія одиннадцати княжескихъ родовъ, а именно, Одоевскихъ, Кольцовыхъ-Масальскихъ, Горчаковыхъ, Елецкихъ, Звънигородскихъ, Барятинскихъ, Оболенскихъ, Тюфякиныхъ, Щербатовыхъ, Волконскихъ и Рѣпниныхъ-Волконскихъ.

Родословная князей Одоевскихъ, старѣйшаго изъ всѣхъ княжескихъ родовъ, подробнѣе и полнѣе прочихъ. Этотъ родъ происходитъ отъ Святаго Владиміра Равноапостольнаго, черезъ потомка его Святаго Михаила, князя черниговскаго, замученнаго въ Ордѣ. У Михаила было пять сыновей, Ростиславъ Новгородскій, родоначальникъ давно угасшихъ герцоговъ маховскихъ и Боевійскихъ; Романъ Черниговскій и Брянскій, родоначальникъ угасшаго рода князей Осовецкихъ; Симеонъ Глуховскій и Новорильскій; Мстиславъ Карачевскій и Юрій Тарусскій. Князь Симеонъ имѣлъ одного сына Романа, а этотъ трехъ: Василія, родоначальника угасшихъ князей Бѣлевскихъ, Льва и Юрія. Этотъ имѣлъ также трехъ сыновей, Ивана, Ѳедора, родоначальника угасшаго въ семнадцатомъ вѣкѣ дому Воротыньскихъ, и Семена, родоначальника князей *Одоевскихъ*. Извѣстнѣйшій и достойнѣйшій изъ нихъ былъ князь Никита Ивановичъ при царѣ Михаилѣ.

«Въ теченіе вѣковъ шестнадцатаго и семнадцатаго, домъ князей Одоевскихъ пользовался величайшимъ значеніемъ при Дворѣ. Сила и могущество дома сего, возрастая постепенно, достигли наконецъ высшей степени при Ѳедорѣ III и при царевнѣ Софіи. Тогда домъ князей Одоевскихъ явилъ примѣръ, небывалый въ лѣтописяхъ Россіи: въ одно и то же время три поколѣнія дома его носили шапки боярскія. Въ думѣ боярской засѣдалъ доблестный старецъ князь Никита Ивановичъ, съ сыномъ и съ двумя внуками, и млад-

шій изъ этихъ двухъ внуковъ (князь **Василій Ивановичъ**), носилъ важный санъ **дворецкаго.**»

Князья Кольцовы-Масальскіе ведутъ родъ отъ четвертаго сына Святаго Михаила черниговскаго, Мстислава Карачевского; князья Горчаковы и Елецкіе отъ внука Мстиславова Ивана Титовича Козельскаго; князья Звѣнигородскіе, угасшіе нынче, отъ дяди послѣдняго, Андреяна Мстиславовича. Сынъ младшаго сына Святаго Михаила черниговскаго, Юрія, Всеволодъ, имѣлъ двухъ сыновей, Андрея и Димитрія; старшій сынъ перваго, Александръ, сдѣлался родоначальникомъ князей Барятинскихъ, а братъ Всеволода, Константинъ, Оболенскихъ, Тюфякиныхъ, Долгоруковыхъ и Щербатовыхъ. Тотъ же Юрій Михайловичъ Тарусскій, сынъ Святаго Михаила, имѣлъ сына Ивана, по прозванію **Толстая Голова**, и далъ ему во владѣніе отчину Сапрышину или Сапрыскину на рѣчкѣ Волконкѣ, отъ которой произошло названіе Волконскихъ. Знаменитый домъ Рвинныхъ, угасшій въ мужскомъ колѣнѣ 12 мая 1801 года, имѣлъ родоначальникомъ князя **Ивана Михайловича Оболенскаго-Рѣшню**, умершаго въ 1523 году.

Биографія замѣчательнѣйшихъ членовъ всѣхъ этихъ родовъ представлена въ весьма сокращенномъ видѣ, но мы объяснили причины чрезвычайной скудости данныхъ для такого предмету. Авторъ ни сколько не виноватъ въ сухости своихъ страницъ, которыя, при другихъ, болѣе выгодныхъ обстоятельствахъ, могли бы быть чрезвычайно занимательными. Весьма примѣчательно уже и то, что сдѣлано имъ по столь обширной и трудной части съ такимъ знаніемъ и усердіемъ.

путешествіе по севернымъ берегамъ Сибири и по
 Арктическому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824
 годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта
 Фердинанда фонъ-Врангеля. Санктпетербургъ, 1841.

1. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СЕВЕРНЫМЪ БЕРЕГАМЪ СИБИРИ И ПО
 Арктическому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824
 годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта
 Фердинанда фонъ-Врангеля. Санктпетербургъ, 1841.

2. REISE VON KAISERLICH RUSSISCHEN FLOTTEN LIEUTENANT FERDINAND
 VON WRANGEL, HERR DER KÖNIGLICHEN VON SIBIRIA UND DER
 ARKTISCHEN MEERES, IM JAHR 1820 BIS 1824. BEARBEITET VON DR. EDUARD
 SEIBIN. Herausgegeben durch denselben. Verlag von Professor G. Ritter,
 Berlin, 1840. 2 Bde.

3. A NARRATIVE OF AN EXPEDITION TO THE POLAR SEA, IN THE YEARS
 1820, 21, 22, commanded by lieutenant, now admiral, Ferdinand
 von Wrangel, of the Russian Imperial Navy. Edited by Major Edward
 Sabine. London, 1840. 2 vols.

Прежде нежели по-русски вышло въ свѣтъ подлин-
 ное путешествіе господина фонъ-Врангеля, мы уже
 имѣли случай говорить объ его переводахъ или пере-
 дѣлкахъ этого сочиненія, изданныхъ въ Германіи и Ан-
 гліи; и въ ономъ пользуется большимъ успѣхомъ и снис-
 киваетъ себѣ похвалы всѣхъ критиковъ. Можно сна-
 жить, впрочемъ, что это три разныхъ янги одинаковой
 заимчивости. Англійское изданіе, особливо, вѣ-
 роятно, любимае въ Европѣ, по причинѣ участія въ
 немъ знаменитаго маіора Себайна, и по тому, что
 ни одинъ изъ нынѣшнихъ ученыхъ моряковъ твердой
 земли не пользуется въ Англіи такою громкою славою
 какъ господинъ фонъ-Врангель, о котораго даровані-
 яхъ, искусствѣ и предпримчивости имѣютъ тамъ са-
 мое высшее, и справедливое, понятіе. Но каждый изъ
 нашихъ читателей тотчасъ предложитъ себѣ вопросъ въ
 какомъ образѣ случилось, что въ Германіи и Англіи
 Ритгеръ и Себайнъ издавали въ переводахъ книгу, ко-
 торая еще не выходила въ подлинникъ и которой под-

лишникъ, какъ говорили, даже былъ затерянъ? Этотъ вопросъ часто и мы предлагали себѣ; къ счастью, предисловіе русскаго издателя, А. Ф. Смирдина, объясняетъ загадку :

«Знаменитый путешественникъ нашъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ въ 1824 году, назначенъ былъ командиромъ военнаго шлюпа *Кроткій*, на которомъ совершилъ плаваніе вокругъ свѣта въ 1825 — 1827 годахъ; возвративъ изъ сего вояжа, привелъ онъ въ надлежащій порядокъ журналы и записки, веденныя во время путешествія по северной Сибири и Ледовитому Морю, и составленное имъ описаніе представилъ на разсмотрѣніе адмиралу Василію Михайловичу Головнину. Вскорѣ потомъ господинъ Врангелъ принялъ на себя званіе правителя нашихъ русскихъ колоній въ северо-западной Америкѣ, и только въ 1836 году возвратился въ Россію. Въ его отсутствіе, нашъ флотъ и государство лишились знаменитаго Головнина; рукопись господина Врангеля была забыта, доколь не обратилъ на нее своего вниманія просвѣщенный председатель Ученаго Комитета морскаго министерства, Логинъ Ивановичъ Голицыневъ-Кутузовъ, который распорядился о печатаніи ея. Между-тѣмъ рукопись была переведена на нѣмецкій языкъ статскимъ совѣтникомъ Е. А. Энгельгардтомъ, съ разными противъ подлинника измѣненіями, которыя состояли главнымше въ томъ, что отдаленныя особо замѣтки по части герпетозіи введены переводчикомъ въ самый разсказъ событій, а описаніе Колымы и ея жителей дополнено замѣтками, разбросанными въ разныхъ главахъ подлинника. Измѣненія нѣмецкаго переложенія одобрены были господиномъ Врангелемъ, который, желая ввести ихъ и въ рускомъ изданіи, просилъ о прекращеніи печатанія, начавшагося на счетъ Ученаго Комитета. Въ 1838 году господинъ Врангелъ препоручилъ мнѣ изданіе вновь пересмотрѣнной рукописи, когда въ то же время Императорская Академія Наукъ приняла на свое издѣніе печатаніе особаго *Прибавленія къ путешествію*, содержащаго въ себѣ рѣчки и отдаленныя ученыя статьи. Къ печатанію моему было тогда же приступлено, но медленности въ печатаніи потомъ

призошла отъ того когѣ просить и принести на себя надзоръ за печатаніемъ рукописи. Издавая теперь русскій подлинникъ, съидшимъ удовлетворить нетерпѣливое ожиданіе отечественной публики.

«Въ *Прибавленіи*, которое, какъ сказано, издается академією наукъ, кромѣ собранія литографированныхъ и раскрашенныхъ рисунковъ сѣверныхъ сіяній и льдовъ Ледовитаго Моря, помѣщены замѣчанія о полярныхъ льдахъ и различныхъ явленіяхъ Ледовитаго Моря, сѣверныхъ сіяній, вѣтрахъ въ сѣверной Сибири, вѣдъ на собакахъ, топографическій очеркъ возвратнаго пути въ Якутскъ изъ Средне-Колымска, собраніе словъ чувашскаго и омскаго языковъ, метеорологическія, термометрическія и магнетическія наблюденія, географическія опредѣленія широты и долготы мѣстъ, и прочая. Изображенія сѣверныхъ сіяній рисованы были съ натуры, карандашомъ господина Матюшкина, сопутника господина Врангеля, а перерисованы и раскрашены стараніемъ знаменитаго академика Паррота.»

Такимъ образомъ русскій подлинникъ и теперь еще не весь вышелъ, но мы можемъ поговорить о «*Прибавленіи*» позже, а здѣсь займемся самою книгою, которая сама по себѣ столь важна для любопытства соотечественниковъ автора.

Первую главу своего сочиненія онъ посвящаетъ подробной и весьма занимательной исторіи безконечныхъ усилій русскихъ казаковъ, промышленниковъ и ученыхъ, проникнуть до *Студенаго Моря*, то есть, до Ледовитаго Океана, со-стороны Сибири, открыть его берега и узнать, какія земли находятся еще за нею. Однихъ вѣли туда корыстолюбіе и надежда на богатую добычу дорогими мѣхами, другихъ любовь къ наукѣ и желаніе повѣрить ихъ рассказы о существованіи новаго обширнаго материка за сѣверными предѣлами Азии, которой очертаніе вовсе было неизвѣстно географин. Кажется, что промышленникъ Игнатьевъ, первый изъ Русскихъ плавалъ между льдяными глыбами Студенаго Мо-

въ 1646 году, оной, котораго не следовало и стирати рѣки Колымы. Съ тѣхъ поръ дѣлается длинный рядъ экспедицій россійскаго интересу предпріятій, успѣховъ и страданій множества сѣвѣльчиковъ, пытавшихся, изъ корыстолюбія или по благородному стремленію къ познаніямъ, проникнуть въ эти негостепріимныя страны. Исторія географіи сохранила имена Стадухина, Дежнева, Булдакова, Насѣткина, Траурнихта, Маркова, Вигелина, Амосова, Ляхова, Сыровацкаго, Сащипова, Рѣшетникова, Андреева, полковника Шестакова, штурмана Миципа, геодезиста Чекина, капитана Билинссса, лейтенантовъ Муравьева, Павлова, Овцына, Смуратова, Сухотина, Дахинуса, Прончищину Шалаурова, титулярнаго совѣтника Геденштрома, и особенно двухъ Лаптевыхъ, которыхъ подвиги истинно удивительны. Карта полковника Шестакова, составленная по разсказамъ сибирскихъ промышленниковъ, была скопирована парижскими географами Делизомъ и Бюшелемъ, и такимъ образомъ проникла въ атласы *Большая Земля*, будто-бы открытая Русскими въ Ледовитомъ Океанѣ около 1723 года къ северу за Шелагскимъ Носомъ. Вся русскія академіи въ тѣ стороны, во времени Императрицы Анны Иоанновны, имѣли цѣлью, между прочимъ, собраніе достоверныхъ данныхъ объ этой предполагаемой Большой Землѣ. Промышленникъ купца Ява Сыровацкаго, Поршнягинъ, находясь съ своимъ козлинкомъ на Котельномъ Островѣ въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, увидѣлъ на востокъ оттуда длинную черту береговъ, и извѣстилъ о томъ Сыровацкаго: они *ходили* вмѣстѣ на эту землю, и оба подумали, что нашли наконецъ тотъ сѣверный материкъ, о которомъ носились слухи еще съ семнадцатаго столѣтія. Сыровацкіе пользовались монополіей промыслу на Котельномъ Островѣ. Купецъ Протодьяковъ, которому не удалось открыть для себя никакого новаго острова за устьемъ Лены, рѣшился про-

свѣ Императора Александра I о дозволеніи свободно промышлять на Котельномъ Островѣ. Это подало въ 1808 году поводъ государственному канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцову отправить туда титулярнаго совѣтника Геденштрома съ порученіемъ «открыть» Большую Землю, найденную Сыровацкимъ. Господинъ Геденштромъ удостоверился въ несомнѣтельности догадки Сыровацкихъ; новая земля ихъ вовсе не была тѣмъ неизвѣстнымъ материкомъ, вѣдывалъ ее *Новою Сибирью*.

Мысль о существованіи большаго болырнаго материка противъ рѣки Колымы осталась по-прежнему непровергнутою и неутвержденною: напротивъ, отважный вѣщанинъ Санниковъ, добровольно присоединившійся къ экспедиціи господина Геденштрома, своими показаніями придалъ новую вѣроятность преданіямъ о Большой Землѣ и опять запуталъ вопросъ. Эта экспедиція не принесла пользы наукъ. Астрономическія наблюденія господина Геденштрома для опредѣленія широтъ не вѣрны иногда на цѣлый градусъ; расчеты мѣсть показаны въ его журналѣ очень произвольно. Выясняемъ однако жъ нѣсколько замѣчаній его объ общемъ характерѣ страны, въ которую вскорѣ должны мы будемъ сопровождать господина Врангеля.

«По всему берегу Ледовитаго Моря лѣсъ не растетъ. Онъ оканчивается постепенно; близъ предѣловъ своихъ покрывается мхомъ, низокъ и искривленъ. На некоторое пространство отъ конца лѣсовъ растетъ еще низкій тальникъ и ерникъ (*Betula nana*), которые съ приближеніемъ къ морю становятся примѣтно рѣже и ниже, и наконецъ вовсе теряются. Изъ деревъ одна лиственница растетъ въ краинныхъ къ северу лѣсахъ.

«Все пространство отъ лѣсовъ до берегу Ледовитаго Моря состоитъ изъ *тундры*, то есть, покрыто мхомъ, крайне болотистого и усыяно озерами. Въ рѣдкихъ мѣстахъ произрастаетъ трава. Берегъ Ледовитаго Моря во многихъ мѣ-

стажъ весьма низокъ, почти равенъ съ моремъ, такъ, что зимою трудно было бы его отличать безъ наноснаго ласу. Все доказываетъ, что этотъ увалъ въ древніе годы былъ берегомъ, и что Ледовитое Море удаляется отъ береговъ Сибири. Отъ низменныхъ береговъ простираются въ море на дальное разстояніе мели, которыя зимою, а часто и во весь годъ, покрыты густымъ и высокимъ торосомъ.

«Многіе яры, на берегахъ Ледовитаго Моря, рѣкъ и озеръ, удивленія достойны тѣмъ, что состоятъ изъ правильныхъ слоевъ льду и земли. Въ некоторыхъ видны ледяныя жилы, перерывающія земляныя слои.

«На Ледовитомъ Морѣ, въ ясный весенній день, особенно въ апрѣль мѣсяцъ, видны отдаленнѣйшіе предметы. Отъ устьевъ Индигирки часто видятъ *Деревяныя Горы* на Новой Сибири. Онѣ между-тѣмъ не выше двадцати сажень, а разстояніе ихъ отъ Индигирки не менѣе трехъ сотъ дванадцати верстъ. Быковский Мысъ, на правомъ устьѣ Лены, имѣетъ низменный берегъ, но также ясно видѣнъ бываетъ съ мыса Бархая, влѣво отъ Яны, на разстояніи ста пятнадцати верстъ.»

Это любопытное явленіе замѣчено было также на водахъ Грѣнландіи и, недавно, членами послѣдней экспедиціи на Новой-Землѣ. Господинъ Бэръ приписываетъ его особенной прозрачности сѣвернаго воздуха. Но едва-ли прозрачность атмосферы можетъ показать предметы на такомъ разстояніи какъ отъ Петербурга до Твери : выпуклость земли должна совершенно скрыть ихъ матеріальною преградою зрѣнію. Это явленіе очевидно относится къ разряду «кораблей-призраковъ», видѣнныхъ и въ послѣднее десяти-лѣтіе путешественниками съ англійскаго военного корабля «Барракуты», къ феноменамъ такъ называемаго двойнаго переломленія свѣту. Есть случаи, и можетъ-быть чаще нежели какъ предполагаютъ, когда мы видимъ предметы, не сквозь воздухъ, но на воздухъ, точно какъ-бы въ зеркаль : другими словами, часто мы вовсе не видимъ самихъ предметовъ, а видимъ передъ собою только кар-

жидкую массу; отраженную на ближайшей къ намъ части воздуха. Въ этомъ случая воздухъ, какъ кажется, одѣрживъ жидкую не свойственную какъ вода, и простой призмѣрь можетъ объяснить это: положите на дно пустой чашки серебряную монету, и удалитесь на столько, чтобы край чашки скрывалъ монету совершенно отъ вашего взору; потомъ, не трогаясь съ мѣста, прикажите налить воды въ чашку: вы вдругъ увидите монету, то есть, не монету, а образъ ея, отраженный вертикальною поверхностью воды и подвинутый со дна къ вашему глазу. Путешествовавшіе въ пустынныхъ мѣстахъ знаютъ по опыту, какъ часто надобно употребить недѣлю и болѣе времени чтобы дохватъ до предметовъ, которые кажутся не далѣе версты отъ вашего глаза. Ночной воздухъ, вѣроятно, обладаетъ этимъ свойствомъ еще въ высшей степени: тогда и образы близкихъ предметовъ воздухомъ придвигаются къ глазу такъ, что кажутся вамъ въ нѣсколькихъ шагахъ, между-тѣмъ какъ они иногда въ двухъ стахъ и болѣе. Прозрачность атмосферы, конечно, не принимаетъ ни какого участія въ этомъ глазномъ обманѣ. Далѣе, о сѣверныхъ островахъ происходи Геленитронъ замѣчаетъ, что берега ихъ состоятъ болѣею частію изъ синеватой глины. Изъ ископаемыхъ находится на Новой Сибири смолистое дерево; тутъ же поблизости есть превосходной доброты топазійный камень. *Деревянная*. Горы Новой Сибири названы такъ оттого, что эти утесы состоятъ изъ горизонтальныхъ, равной толщины, слоевъ пещанику и смолистаго дерева, въ видѣ бревень. Въ утесахъ эти бревна имѣютъ горизонтальное положеніе, а на самой вершинѣ горы стоятъ вертикально одно подлѣ другаго; вышина коняковъ, на поверхности земли, отъ двухъ до четырехъ вершковъ, и видъ ихъ весьма походитъ на заваленную плотину, изъ которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большіе куски каменнаго угля. Видъ его чрезвычай-

но обманивъ, потому что онъ совершенно позабылъ только-что полученный уголь, вдернутый въ некоторые мѣстахъ неплотъ. Низшая, бѣловатая плѣва, которую соединена съ углемъ. На Котамскомъ островѣ попадаются аммониты. На рѣдкѣ острововъ, находится цѣрда тамне-красныя сердолики, Мамонтовѣ яшма, или, какъ некоторые называютъ, дѣла мамонта, не попадаются тяжелѣ шести пудовъ; напротивъ, на матеромъ берегу, въ некоторой отдаленности отъ моря, находили рога въ двенадцать пудовъ. Взвѣсивъ того островная кость свѣжее и белѣе. На первомъ Дюдовскомъ Островѣ примѣчательно, что если отъ западной стороны острова отъ продолжительныхъ вѣтровъ, обнажается, то находятъ на ней множество ископаныхъ морскихъ роговъ.

Наконецъ, въ 1820 году, Императоръ Александръ повелѣлъ снарядить новую экспедицію, для развѣдкіи вѣкъ сѣверной о Большой Землѣ и, главное, для изслѣдованія сѣвернаго берега Азии, столь мало извѣстнаго географамъ, тогда какъ сѣверныя берега Америки принадлежали въ точную извѣстность трудами Росса, Харри и Франклина. Выбери ушла на двухъ лейтенантовъ, господъ Врангеля и Анжу. Пенной Сперанскій, бывшій тогда сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, разделилъ экспедицію на двѣ: одна, подъ начальствомъ господина Анжу, должна была начать свое дѣйствіе отъ устья Яны и стараться достигнуть земель, которая промышленники видели съ Котельманаго и Фаддеевскаго Острововъ; другая, подъ начальствомъ господина Врангеля, имѣла порученіе, основавъ главное мѣсто пребыванія въ Нилане-Колымскѣ, начать путь отъ устья Колымы и описать берегъ до Берингова Пролива. Обстоятельства экспедиціи лейтенанта Анжу не извѣстны въ подробности, потому что путешествіе его не издано въ свѣтъ; впрочемъ, по картѣ, приложенной къ английскому изданію жизни господина Врангеля, видно, что господинъ Анжу, пуо-

шли въ 1822 году отъ Лены и въ 1825 отъ Яны; до-
ходилъ до половины семьдесятъ седьмате градусовъ се-
верной широты, то есть, былъ отъ полярной земли на
дальше наизъ отъ Петербурга до Одессы. Впрочемъ, дру-
гіе мореплаватели бывали еще ближе къ полюсу, вер-
стахъ въ восемь или девяти стахъ.

Господинъ Врангель выѣхалъ изъ Петербурга двад-
цать третьяго мая 1820 года, и втораго ноября прибылъ
въ Нижне-Колымскъ. Его описаніе сѣверныхъ странъ
и тамошнихъ жителей, чрезвычайно занимательно.

«Сарадахская станція, содержимая отставнымъ вахми-
стромъ Атласевымъ, однимъ изъ потомковъ покорителя Кам-
чатки, обстроена несравненно лучше другихъ станцій по
дорогѣ отъ Якутска до Нижне-Колымска. Въ прочно по-
строенной избѣ хозяина отдѣлена для проезжающихъ осо-
бая, теплая и чистая, комната; на дворѣ находятся престор-
ная юрта для проводниковъ и большіе навѣсы для лошадей,
также загоны для рогатаго скота; въ серединѣ двора, на
бревнахъ, сажени въ три вышины, сдѣлано небольшое лет-
нее жилище и поставлены солнечные часы. Вся зданія ус-
троены на косогорѣ и обнесены палисадомъ, примыкаю-
щимъ къ изобильному рыбою озеру, за которымъ виднѣется
дождливо густой и высокій лиственничный лѣсъ. Вообще
здесь все такъ хорошо и удобно придумано, что Сарадахъ
можетъ быть сравниваемъ съ плодороднымъ оазисомъ въ
вещныхъ африканскихъ степяхъ.

«Отъ Сарадаха до Средне-Колымска считается драгоцѣннѣ-
ею верста; на этой дорогѣ лежатъ важнѣйшія и глуб-
ныя станціи. Возвышенность, разделяющая осыпные водъ-
руки Ахазы отъ реки Колымы, называють Пондичин-
скимъ Хребтомъ; восточная возвышенность со- держитъ Доло-
тань, озерами и рѣчками лѣсомъ; западная часть возвышен-
ности, по причинѣ холодныхъ западныхъ ветровъ, близ-
же къ реке Колымѣ, страна становится вѣтриваю, большіе
озера сдѣлаются лиственничными рѣчками, и на дальнихъ
группахъ изъ. Здѣсь, на небольшомъ озерѣ, увидать можно
все стада длинхъ оленей; съ удивительною скоростью про-

« послѣдныя дни зимы иль по мѣлу; по берегамъ вѣтра бѣжали за ними два волка. »

« Двадцать пятаго октября, поздно вечеромъ, выжидали насъ на берегу Иодыны. Было уже совершенно темно; но, дай собакамъ, столбы искръ изъ трубъ, тускло свѣтящихся сквозь лдяныя стекла огни и резко рисующійся черный шпиль колокольной показали намъ, что мы приехали въ городъ Средне-Кольмскъ. Съ тѣхъ поръ какъ назначенъ мѣсто-пробываніемъ кольмскаго исправника, онъ видимо улучшается; кромѣ хорошей церкви, въ немъ считается тринадцать домовъ, которые, впрочемъ, льтомъ, по большей части бывають пусты. Къ зимѣ возвращаются жители съ охоты и другихъ промысловъ въ городъ, и онъ оживаетъ. Въ наше время все народонаселеніе занято было устройствомъ на рѣкѣ заоловъ для лова сельдей, которыя подымались къ верховьямъ Кольмы. Рыбная ловля нынѣ гораздо менѣе прежняго изобильна, такъ, что жители Средне-Кольмска должны значительно уменьшать число своихъ собакъ и заводить лошадей. Такая переиьна сопряжена съ большими затрудненіями, потому что льто здѣсь часто бываетъ слишкомъ коротко для сбора достаточныхъ запасовъ сѣна. »

« Стужа усиливалась. На послѣднемъ переходѣ отъ Сарадаха, термометръ, при ясномъ небѣ и совершенномъ безвѣтріи, показывалъ отъ 18° до 19° холоду. Мнѣ присовѣтовали снабдиться полнымъ зимнимъ гардеробомъ, и въ короткое время доставили все нужное. Здѣшняя зимняя одежда состоитъ изъ широкой куртки, на песцовомъ меху, и также нагрудника и широкихъ шароваровъ изъ заячьей шкуры, что надвѣзалъ я на мое обыкновенное форменное платье. На ноги, кромѣ двухъ паръ досковъ изъ оленьей шкуры, надѣваются такіе же высокіе сапоги, тарбуса, а сверхъ того, какъ мы ѣхали верхомъ, особые изъ жемчужкальшички. Наконецъ надѣвають широкую кулачку, родъ шапки, съ отвертіемъ для головы, съ рукави и плашпономъ. Она дѣлается изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, обращенныхъ, одна шерстью наружу, а другая внутрь, и предельшается широкимъ кулакомъ. Дно также закурывается лоскутками меховъ, какъ то, налюбникомъ, иносъ

нивомъ; на губахъ, на бородачкѣ и на ушннкѣ; а на голову надвигается огромная шапка изъ льняго меху. Споръ вѣтвей одежды была мнѣ вѣстернима и тягостна; я насильно вытаскалъ на лошади и не безъ труда пролезалъ сквозь узкія двери якутскихъ юртъ, но въ послѣдствіи, особенно при 30° морозу и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, нарядъ мой казался мнѣ превосходнымъ и удобнымъ.

«Двадцать седьмого октября поехали на лошадяхъ изъ Средне-Колымска, далье по лѣвому берегу рѣки; встречая довольно часто якутскія селенія. Въ 320-ти верстахъ лежитъ русская деревня Омолошная, на рѣкѣ того же имени; отсюда начинается ѣзда на собакахъ. Здѣсь исчезаютъ высокоствольные лѣса и дуга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

«На легкихъ нартахъ пролетѣли мы въ два дня сто двадцать верстъ, и втораго ноября, при 32° морозу, прибыли въ Нижне-Колымскъ.

Такимъ образомъ, путешестввенники наши, проѣхавъ въ семь съ половиною мѣсяцевъ одиннадцать тысячъ верстъ, достигли первой цѣли своего путешествія, бывшей рыбацкой деревни, которая на три года сдѣлалась главнымъ мѣстомъ ихъ пребыванія въ жестокомъ климатѣ, представляющемъ среднюю годовичную температуру *осемь градусовъ холоду*.

«У Нижне-Колымска рѣка становится въ первыхъ числахъ сентября; ближе къ устью, въ Чукотскомъ Протоцкѣ, имѣющемъ теченіе слабѣе, переходятъ часто уже двадцатаго августа навьюченныя лошади по льду; вскрывается рѣка въ началѣ іюня. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ, которые здѣсь называютъ лѣтомъ, солнце не заходитъ 52 дня (съ шнадцатаго мая по шестое іюля); однако жъ отъ того мало пользы: оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, но почти совсѣмъ не нагрѣваетъ воздуха. При видимомъ приближеніи къ землѣ, лучи теряютъ почти всю свою яркость; само солнце представляется въ эллиптической фигурѣ, и на тусклый свѣтъ его можно смотрѣть простыми глазами.

«Хотя въ продолженіе всего лѣтняго періода солнце не

заходитъ, однако, жь обыкновенный, перелетъ. Прежде времени заметенъ. Когда холодное солнце подымается на горизонтъ, наступаютъ вечеръ и ночь, и природа молится, а когда, уже черезъ два, она опять несколько подымается, то все пробуждается: птицы начинаютъ петь, дятла веселымъ щебетаньемъ; свернувшияся жолтый дятель успеваетъ открыть свое чашечку, и лесъ, наконецъ, спитъ наслаждаясь, хоть немного, благодатными влітніими лучамъ солнечнымъ лучей. Также происходятъ и со временемъ года; какъ подл поворотными кругами сменяются между собою только весна и лѣто, такъ и дѣль ощущаются дѣль лѣто и зима, вопреки мнѣнію туземцевъ, которые утвердительно говорятъ о веснѣ и осени. Первую полноту они около того времени, когда солнечные лучи начинаютъ быть заметны въ полдень, что случается обыкновенно въ половину марта; но и тогда часто бываетъ ночью 30° морозу. Осень считаютъ они съ того времени, когда замерзаютъ рѣки, именно, съ первыхъ чиселъ сентября и продолжается до ноября; тогда бываетъ перидко 35° морозу. Лѣто начинается въ послѣднихъ числахъ мая; первая лива распускаетъ маленькіе источники, а лежащая къ югу отлогости берегу похрываются блѣдною зеленью. Въ июнь случается въ полдень до 18° тепла; показываются цвѣтки и расцвѣтаютъ долныя кусты; но если поднимается морской вѣтеръ, отъ него сдѣлается воздухъ суровымъ, скуная зелень желтѣетъ и цвѣтки пропадаютъ.

«Въ іюль воздухъ становится гораздо чище и прѣтисе, но природа, какъ-будто хочетъ пронавестъ въ здѣшнихъ жителяхъ отвращеніе отъ прелестей лѣта и заставить ихъ желать возврату зимы: въ первыхъ числахъ мѣсяца появляются милліоны комаровъ, помрачающие воздухъ густыми облаками, и единственное убѣжище отъ нихъ въ флорѣ *аридокуровъ*, или зажженныхъ кучъ мху и сырыхъ дровъ, который отгоняетъ несносныхъ мучителей. Но какъ вся природа имѣетъ благодѣтельную цѣль, и время съ подорою всюду уравновѣшивается, то и эти насекомыя оказываютъ жителямъ самую существенную услугу, заставляя оныхъ выходить изъ лѣсовъ на приморскую дунду, открывая дожднымъ вѣтрамъ. Они бѣгутъ огромными стадами, съста-

щамъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда она дана въ сумъ, тогда Бютчанамъ дозволяется ходить, особенно при переправахъ на реку и озеро, и съ малыми труппами ублажать въ своихъ домахъ друзей, не менѣе шумливую и не сдержанную прелесть, которую, по слову оублаженности, рождаются въ сумъ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ присутствіи, котораго на бездородной тундрѣ дѣла могли бы возбуждаться, если бы природный инстинктъ не научилъ ихъ держать въ всегдашней близости, и въ сумъ, гдѣ находится онъ запертъ, отъ вражескихъ враговъ своихъ. Всегда пасутся они въ густомъ дѣлу оное, и инстинктъ, кучь, а когда не становится травъ въ оное, и въ сумъ, дучи переносятся даже. Обыкновенно охотники ходятъ въ сумъ, и шестами, чтобы скотъ не могъ приближаться къ дичи.

Впродолженіи дѣла и дѣсь бываетъ громъ, который слышенъ въ горахъ, а надъ енискою и ледяною равниною слышенъ только свободный гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые девять мѣсяцовъ; въ сентябрѣ дѣло въ несколько умѣряется вусльми туманами и изморозями отъ замерзающаго моря, но съ ноября наступаютъ большіе морозы, которые въ январѣ доходятъ до 42°. Тогда закрашивается лѣдъ. Дикій олень, житель южной страны, забирается въ сумъ, и съ оленями и скотомъ неподвижно, какъ бабыльчатый, и даже слытъ испугаться. Въ это время дучь марачаго дѣла начинается, съ двадцати втораго ноября, тридцати осьми суточная ночь, которая, единко въ, отъ сильной рефракціи и енисаго свѣту, и отъ чужихъ северныхъ сіяній, бываетъ довольно ясна. Декабря двадцать осьмого начинается ночь горизонтъ. Большая утренняя заря, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить звѣздъ. Съ возвращеніемъ солнца, дѣло становится чувствительнѣе, и бывающіе въ февралѣ и мартѣ утренніе морозы отличаются особенною пронзительностью. Совершенно ясные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, оттого что дующіе съ моря вѣтры наносятъ паръ и мглу, которые иногда такъ густы, что совсемъ закрываютъ звѣзды. Такую густую мглу называютъ здѣсь моромъ. Всего болѣе ясныхъ дней въ сентябрѣ.

«Замечательное: здесь лаленте природы — западно-юго-западный вѣтеръ, называемый подъ именемъ *теплая амру*, который иногда, при ясномъ небѣ, начинается дуть шквално, и среди жесточайшей зимы, въ короткое время переживаетъ температуру изъ 36° морозу на полтора градуса тепла, такъ, что льдины, закрывающія здесь стекла въ окнахъ, таютъ. Въ долинахъ антоновскихъ теплый вѣтеръ дуетъ часто, а къ западу отъ Чукотскаго Мыса чудесное дѣйствіе его прекращается. Вѣтеръ этотъ продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

«Хотя по всему здѣшней климата можно считать самымъ суровымъ и неблагоприятнымъ, однако жъ должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья. Здѣсь не бываетъ ни цынготной ни другихъ опасныхъ преличивыхъ болѣзней; простудная лихорадка и, особенно, глазная боль случаются обыкновенно только въ октябрѣ, продолженіи густыхъ тумановъ, и въ декабрѣ, когда наступаютъ сильные морозы. Оказывающееся тогда воспаленіе глазъ есть отчасти слѣдствіе отраженія свѣту на необозримыхъ снѣжныхъ равнинахъ, бывающаго съ увеличеніемъ солнца подъ горизонтомъ, столь сильнаго, что надобно закрывать глаза, чтобы не ослѣпить. Такъ называемое «*по-вѣтріе*,» которое часто оказывается между обитателями западнѣ лежащей страны, здѣсь, на сѣверной Колымѣ, гораздо рѣже и не такъ опасно. Распространившись въ 1821 году по всей сѣверной Сибири между собаками постріе появилось въ Колымскѣ почти годомъ позже, нежели у западныхъ рѣкъ и вдоль береговъ чукотскихъ. Замечательна еще, случающаяся здѣсь, какъ и вообще въ сѣверной Сибири, странная болѣзнь, называемая *мирлыкъ*, которая, по мнѣнію жителей происходитъ отъ того, что духъ одной, давно умершей, но всё-еще странной чародѣйки, *Аграфены Жиганской*, вселяется въ больныхъ и вслѣдствіе ихъ мучитъ. Мнѣ кажется, *мирлыкъ* — ничто иное какъ истерика въ сильнѣйшей степени; этою болѣзнію страдаетъ по большей части женскій полъ.

«Скудная растительность соответствуетъ печальному климату. Особенно въ этомъ отношеніи бѣдна окрестность Нижне-Колымска. Низкое болото, на поверхности котораго

тешій, иногда совершенно нерастающихъ, слѣд раститель-
ной земли, изъ перегнившей травы и листьевъ съ при-
месью частицъ льду, сама можетъ питать какое-нибудь
уродливое листовичное дерево; корни его, не допускаемые
вѣтримъ льдомъ въ глубину земли, болышею частью лежатъ
обнаженныя на поверхности. У береговъ хвѣ стлѣностей въ
яку расрѣдъ, нарядка мелколистныхъ ивнякъ, а на равнинахъ
вѣдывается жесткая трава, которая вблизи моря доставляетъ
спату нѣсколько питательные кормъ, потому что при слу-
чающихся ежегодно наводненіяхъ проникается солоненою во-
дою. Чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ рѣже ви-
дны малорослыя деревья и кустарники, которые наконецъ,
у лѣваго берегу Колымы, около тридцати пяти верстъ съ-
верше Нижне-Колымска, вовсе исчезаютъ. На правомъ бе-
регу льдъ простирается однако жъ немного далѣе къ сѣверу;
вообще этотъ берегъ, по сухой и глинистой почвѣ,
близкопріятнѣе для просянбѣй, которыя растутъ здѣсь слы-
нѣ и въ болышемъ разнообразіи нежели по ту сторону, на
мертвой, льдиной и болотной почвѣ. На равнинахъ, покры-
тыхъ хорошею травою, попадаются тирлянты, и, въ особен-
ности, полынъ; также цвететъ индиовникъ. Чета влюблен-
ныхъ, если только можетъ здѣсь существовать любовь, не-
хотитъ сантиментальную незабудку на берегахъ ручейковъ.
Малая смородина, голубица, брусника, мароника, княжени-
ка и шиктица цвѣтутъ здѣсь, а въ близкопріятное лѣто даютъ
ягоды. Но объ огородныхъ овощахъ нельзя и думать; ни-
когда не рѣшается разводить ихъ. Въ Средне-Колымскѣ, ле-
жащемъ двумя градусами южнее, видѣлъ я однако жъ рѣд-
ку, также кашушту безъ вилокъ.

«Въ анюйскихъ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ хо-
лодныхъ вѣтровъ, растутъ береза, осина, тополь, ива и
кадровникъ. Когда прійдешь сюда съ мерзлой, покрытой
икомъ тундры, то вообразишь себя переселившимся въ Ита-
лію. Но и тутъ еще кажется, что снѣгъ таетъ только для-
того чтобы подъ тонкимъ слоемъ земли образовать новый
ледъ, на который не могутъ имѣть вліянія слабыя лучи солнца.

«Со скудостью, или, лучше сказать, ничтожествомъ про-
зябаемой природы, представляется въ замѣчательной про-
тивоположности богатство животнаго царства. Олени въ

бесчелюстных ссадишь; лоси (сезонные), черныш и бурый медведь, лисица, соболь и белица; национальность некоторых лесных птиц и птиц рязань не известна; острозубая жаба; лягушка; гусь и утка, прилетая весной, истребляют лишайного мушкетера; бездомного отъезд в деревню охотничья, чтобы выловить там и выловить детей; орлы; филины; и птицы продолжают своим доброту у морозных берегов; баллы куропатки вдали от берегов около кустарника, и маленькие кулики заботливо пересаживают по болотистым берегам. Великие жилища хозяин чаюте и рабовладельца в рою, и когда свитить весеннее болото, слышишь на высоте птице веселит заблуда, и осенью чиркивая и лещиком ревом.

— Не при чем! такой разнообразной деятельности! единственно на ужасную пустыню. Невольно вселить мысль: здесь граница обитаемого света! Присутствие животных охватывает должно, и в точном закону природы: единственно и животному одушевлению обитателям ледной пустыни. Но как случилось здесь человек? Что могло замочить его сюда, в логу природы? Говорю не о малом числе русских, которые, выходя на значительную прибыль разницы между сюда на несколько времени, но о тех народах, которые, без всякого побуждения, едва поселились. — Исчерпан миром умеренного климата переходить в одну плодородную страну в другую, и постепенно, через многие поколения, удаляется столь далеко от своей родины, что делается для них чуждыми, предпринимая новую одаму. Но ведь, куда ни пойдешь, везде найдешь надежду на будущее, где одна лишь безконечная, сырая и ледяная пустыня: опрашиваются мрачные горизонты, где под твердым покровом ледяной земли (погребенная природа) не может почти ничего представлять человеку, и где жизнь оставаясь горестное бремя со всеми чуждыми ходоу и походу, с недостатком веры, саваной бытия, с потребностями и наслаждениями, что могло побудить человека оставить свое прежнее, вероятно, приятное и здоровое жилище, и поселиться в этой ужасной мрак природы, которая заключает в себя только восток уже давно на существующих первобытных животных? Напрасно

будетъ ны ислать разрѣшенія нашему вопросу: ни какой цимлянскъ, ни какое преданіе не говорятъ о томъ, что было прежде. Даже изъ недавней еще эпохи покоренія Сибири Русскими не извѣстно ничего достовернаго о тогдашнихъ обитателяхъ здѣшней страны. Одно лишь темное преданіе сохранилось въ народѣ, что «на берегахъ Колымы было прежде огней у *Омоковъ* болѣе нежели звездъ на ясномъ небѣ.» Дѣйствительно, видны еще въ иныхъ мѣстахъ остатки укрѣпленій изъ толстыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ могильныхъ кургановъ, въ особенности у рѣки Индигирки; то и другое принадлежало, какъ полагаютъ, сильному и многочисленному поколѣнію *Омоковъ*, которое нынѣ вовсе исчезло. Судя по несвязнымъ отвѣтамъ нѣкоторыхъ стариковъ, кажется, что Омоки не были кочующимъ народомъ, во имѣли постоянную осѣдность по берегамъ верховья рѣки, питаясь звероловствомъ и рыбными промыслами. Другое многочисленное поколѣніе, называемое *Чукочъ*, кочевало, съ огромными стадами оленей, на необозримой тундрѣ, черезъ которую протекаетъ Колыма на сѣверъ къ морю, отъ чего и доселѣ существуютъ въ этой странѣ названія рѣчекъ, каковы *Малая* и *Большая Чукочья*. Омоки сдѣлались, вѣроятно, жертвою войны и болѣзней, а Чукочъ, или Чукчи, переселились частію еще далѣе къ сѣверу, гдѣ нынѣ обитаютъ, частію смѣшались съ другими поколѣніями, которыя также имѣютъ здѣсь пребываніе, или заходятъ сюда временно и составляютъ нынѣшней скудное населеніе здѣшней страны (около пяти тысячъ душъ обоего пола).»

Такимъ образомъ эта ужасная страна нѣкогда имѣла своихъ Тультековъ какъ прежняя Мексика!.... и на этой мерзлой почвѣ есть слѣды древней архитектуры или, какъ сказали бы нынѣшніе историки, *древней колымыской образованности!* Это ужъ совсѣмъ не понятно: развѣ предположить, что Сибирь въ самомъ дѣлѣ была нѣкогда теплѣе чѣмъ теперь. Присутствіе свѣжихъ слоновыхъ костей и открытіе, въ глыбѣ прибрежнаго льду, цѣлаго мамонта, котораго скелетъ находится теперь въ санктпетербургской кунсткамерѣ, подали поводъ ученымъ къ самымъ страннымъ гипотезамъ о великой пе-

ремьнѣ климатовъ на земномъ шарѣ. Бюффонъ пред-
полагалъ, будто положеніе полюсовъ было нѣкогда дру-
гое; плутонысты вѣрятъ еще въ древнее накалие по-
вы, постепенно прѣстывшей послѣ той эпохи, когда
земля, для ихъ потѣхи, горѣла какъ свѣча; геологи
новѣйшей школы объясняютъ это непрерывнымъ, ти-
химъ перемѣщеніемъ морь. Всѣ эти догадки нынче по-
теряли большую часть своей замысловатости. Откры-
тіе, въ Сѣверной Америкѣ, остатковъ мамонта, *убитаго*
лѣдѣйцами, показываетъ, во-первыхъ, что эти живот-
ныя водились еще не такъ давно на землѣ, и, во-вто-
рыхъ, что они водились именно въ сѣверныхъ стра-
нахъ и могли жить въ довольно холодныхъ климатахъ.
Присутствіе мамонтовыхъ костей на берегахъ Ледови-
таро Моря и его острововъ, должно, кажется, быть от-
несено къ тому же разряду явленій какъ и «костяныя
пещеры» въ разныхъ странахъ Европы,—къ теченіямъ
и наносамъ водъ. Ледовитое Море выбрасываетъ ма-
монтвые рога, какъ выбрасываетъ и сосновыя бревна:
тѣ и другія должны быть увлечены туда изъ внутрен-
ности материковъ водами, стремящимися по значитель-
ному скату земли къ сѣверу. Безъ-сомнѣнія изъ этихъ-
то наносныхъ бревенъ и «древняя колымская образова-
ность» строила свои деревянныя крѣпости. Русскіе,
обитающіе здѣсь, и теперь еще добываютъ такимъ об-
разомъ строевой лѣсъ на свои избы, ловятъ при разли-
вѣ рѣкъ бревна, выбрасываемыя моремъ, и часто бѣд-
ный рыбакъ терпѣливо ждетъ нѣсколько лѣтъ, пока
частіе даруетъ ему довольно лѣсу на сооруженіе новой
хижины.

«Хотя обитающіе здѣсь Русскіе, черезъ смѣшеніе съ Юка-
гирами и анюйскими Якутами заимствовали отъ нихъ мно-
гое въ одеждѣ, образъ жизни, и даже въ чертахъ лица,
однако жъ они всё-еще отличаются весьма замѣтно кра-
вкимъ своимъ сложеніемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣ-
ломъ бѣлѣе, и у многихъ — свѣтлорусые волосы, чего не

встрѣчалъ я у природныхъ жителей. Русскія женщины, несмотря на свои трудныя работы, и несправность, въ какой живутъ, чертами лица пріятныя и правдыя чѣмъ настоящія Юкагирки, Тунгуски и Якутки, и многія изъ нихъ могутъ похвастаться красавицами. Онѣ не чужды супружеской нежности, и пріятно видѣть радость жены или матери при возвращеніи отца семейства, или сына, съ опаснаго промысла или изъ дальней поѣздки. Послѣ первыхъ привѣтствій и благодарственной молитвы, выставляется на столъ все, что есть лучшаго въ запасѣ, и потомъ возвратившійся долженъ разсказать, какіе преодолевалъ онъ труды, какіихъ избѣжалъ опасностей. Съ искреннимъ унастиемъ все семейство слушаетъ разсказника, который старается скрыть малѣйшее обстоятельство, могущее дать невыгодное понятіе объ его твердости духа, рѣшительности или смѣлности, зная, что въ противномъ случаѣ онъ потеряетъ доброе о себѣ мнѣніе.

«Многія изъ женщинъ одарены поэтическою способностью слагать пѣсни, которыя заключаютъ въ себѣ болѣею частію жалобы на разлуку съ любезными. Въ такихъ пѣсняхъ замѣчательно воспоминаніе о прошедшемъ времени: живившія роли въ нихъ играютъ голубокъ, соловей, цвѣты, и знаете другіе предметы, которыхъ не найдете и за тысячу верстъ отсюда, и о которыхъ каждая знаетъ только по слухамъ. Вотъ два образца:

1.

«Напишу ли я письмо, въ паромъ, къ черномору,

Напишу письмо горючей слезой;

Отпишу я письмо съ сизокрыленькимъ голубкомъ.

Полети ты, сизокрыленькій, въ славный городъ во Якутскъ,

Оброни ты письмо подъ косящею похъ окошечко,» и прочя.

2.

«Ты скажи, соловьюшко,

Ты скажи мнѣ, чернопериной,

Гдѣ морскихъ ты повстрѣчалъ?

— Повстрѣчалъ я ихъ на долгихъ на плесахъ,

На морскихъ на быльмихъ торосяхъ,

И чистой островъ увидѣли; пруда они.

«... Искани мому къ мшлеу,
 Чл подружсама его ворько пдаеть, а и проца.

«Мужчины изъ здѣшнихъ Русскихъ поютъ также довольно пріятно : пѣсни ихъ называются *андальцами*. Въ продолженіе длинной зимней ночи, сосѣди собираются въ кружокъ, поютъ, пляшутъ и забавляются разными играми. Однимъ словомъ, между здѣшними Русскими видны еще некоторая веселость и наслажденіе жизнью, чего, къ сожалѣнію, не замѣтно у природныхъ жителей, исключая тѣхъ, которые обращались въ общество Русскихъ, но и тѣ не умѣютъ вполне изъяснять своей веселости. Однако жъ, такъ же, и многія другія, свойственныя русскому характеру преимущества, цѣнятся ими, и когда они хотятъ описать искуснаго, проворнаго и счастливаго промышленника, то говорятъ : «Онъ настоящій Русскій!» Дѣти здѣшнихъ Русскихъ, несмотря на суровый климатъ, рано приходятъ въ возрастъ, и мальчики показываютъ особенное остроуміе и переимчивость.»

Господинъ Врангель, какъ мы видѣли, пріѣхалъ въ Нижне-Колымскъ въ началѣ зимы, въ то время когда тамъ начинается безполезная ночь. За нею слѣдуютъ страшные морозы, предшественники весны. Стужа не препятствуетъ однако жъ туземцамъ гускаться на нартахъ за оленями и лосями, ловить лисицъ, соболей и бѣлокъ. Изъ всѣхъ животныхъ, обитающихъ въ полярныхъ странахъ, самое замѣчательное — собака; лучший другъ челоуѣка во всѣхъ климатахъ, отъ Южнаго Океана, гдѣ оно питается бананами, до Ледовитаго Моря, гдѣ его кормятъ рыбою. Здѣсь собаки отправляютъ должность лошадей. Господинъ Врангель обязанъ понятливости этихъ умныхъ животныхъ, услугами своихъ предпріятій на Ледовитомъ Морѣ, и они неразъ спасали жизнь его отъ очевидной опасности. У сибирскихъ собакъ, какъ у волковъ, рыло длинное и острое, уши стоячія и большой пушистый хвостъ. Цвѣтомъ онѣ бываютъ черныя, карія, красновато-сѣрыя,

бѣлыя, иногда съ пятнами; ростъ ихъ различенъ: съ-бака, годная въ упряжку, должна имѣть не менѣе полутора аршина въ длину и быть не ниже аршина и двухъ вершковъ. Дай ихъ неходить на вой волка. Летомъ онѣ дѣлаютъ себѣ норы въ землѣ, чтобъ проходиться отъ жару, и забираются въ воду отъ комаровъ; зимою закапываются въ снѣгъ и лежатъ, свернувшись и прикрывъ морду пушистымъ хвостомъ. Для отдаленныхъ путешествій, собакъ заблаговременно готовятъ въ продолженіи недѣль двухъ и болѣе, кормя какъ-можно меньше и заставляя пробѣгать отъ пятнадцати до тридцати верстъ каждыя сутки, для уничтоженія лишняго жиру, послѣ чего на нихъ можно, не причиняя имъ никакого вреда, пробѣжать по сту верстъ въ день. Обыкновенная нища этихъ животныхъ состоитъ изъ мерзлой рыбы, которую оттаиваютъ и про-шати въ куски: десяти мерзлыхъ сельдей довольно для суточного пропитанія одной собаки. Упряжка состоитъ болѣею частію изъ двѣнадцати собакъ, но въ передовыя самни запрягаютъ еще одну лишнюю собаку, которая служитъ вожатымъ. Отъ нея зависятъ скорость и ровность бѣгу другихъ собакъ и безопасность самаго путешественника. Эти вожатые воспитываются съ особеннымъ тщаніемъ, такъ, чтобы слушались хозяина и удерживали другихъ собакъ отъ погони за бѣлыми медвѣдями и псами, за которыми онѣ всегда готовы пуститься, вмѣсто того чтобъ бѣжать своею дорогою. Наши путешественники часто дивились смѣтливости, съ какою хорошо приученный вожатый старается отвлечь ихъ отъ этой погони: при неудачѣ другихъ средствъ, онъ внезапно поворачиваетъ сторону и лаемъ, будто-бы поцалъ на новый слѣдъ, приглашаетъ ихъ слѣдовать за собою.

Поѣздки на собакахъ по мерзлой поверхности Мировитаго Моря предпринимаются обыкновенно въ концѣ зимы или въ началѣ весны. Первая поѣздка господина

Враггем была въ некоторыхъ образѣхъ подобна: она предобналась сланикомъ три надыни и крѣпилась четырнадцатого марта; путешественники наши въ этотъ промежутокъ времени проѣхали тысячу ето двадцать двѣ версты по льду на собакахъ въ самую ужасную стужу. Проводники и принуждены были надѣть собачьи на ноги тяжелыя сапоги, и нѣста, менѣе покрытыя шерстью, покрывъ лоскутками шкуры.

«Я взялъ нѣсколько разстояній между луною и Подукомъ, которыхъ не могъ однако жъ употребить для опредѣленія долготы, потому что когда хотѣлъ я, съ помощію искусственнаго ртутнаго горизонта, взять нѣсколько высотъ Капеллы и опредѣлить истинное время, то нашелъ, что на поверхности ртути образовались кристалы, отъ чего она хотя и не замерзла, но сдѣлалась столь неровною, что я принужденъ былъ прекратить наблюденія.

«Вообще сильный холодъ часто затруднялъ наши астрономическія наблюденія. Особенно съ секстанами дѣлали мы болѣзненные опыты, и впоследствии принуждены были чѣшъ-нибудь обвертывать тѣ части инструментовъ, которыхъ подобно касаться пальцами или лицомъ, потому что въ противномъ случаѣ кожа тотчасъ примерзала къ металлу. Также въ продолженіи всего наблюденія, а особенно при считаніи градусовъ на дугѣ, надобно было удерживать дыханіе; иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонкимъ слоемъ льду, или инеемъ, что происходило даже отъ одной испаряны нашего тѣла. Несмотря на то, мало-по-малу, достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюденія при 30° морозу, и ночью, при тускломъ свѣтѣ маленькаго ручнаго фонаря, съ достаточною точностью считывали на дугѣ секстана градусы, минуты и секунды.

«На хронометры также простерлось вліяніе холоду: они сами собою вѣтановились. Опасаясь этого носилъ я въ днемъ при себѣ, а на ночь всегда пряталъ въ обернутый нѣсколькими шкурами ящикъ, который клалъ съ собою подъ одеяло. Несмотря на мои предосторожности, ввратно, ночью, когда огонь потуѣ въ нашей палатѣ, холодъ

продвинувъ черезъ весь обьертъ, вьпорошить масло, лѣтъ движется между колесами; и остановилъ ихъ движениемъ...

Цѣль этой первой поѣздки состояла въ обьорваннѣ берегу по направленію къ востоку. Часть этого берегу отъ устья Колымы до Шелагеннаго Мыса, необитаема. Русскіе никогда не проишкаютъ дальше Барановскаго Острова; а Чукчи не переходятъ за рѣку; и такимъ образомъ остается промежутокъ верстъ въ восемьдесятъ; который тѣ и другіе считаютъ какъ-бы нейтральнымъ. Эти Чукчи «живутъ своею властью», то есть, сохраняли независимость, владѣютъ большими стадами оленей; и употребляютъ ихъ въ пищу, на перевозку тяжестей и на охоту за звѣрями: въ одну изъ слѣдующихъ поѣздокъ, господинъ Врангель достигъ почти до самыхъ крайнихъ владѣній этого народа, до Берингова Провианта. Огибая Шелагскій Мысъ путешественники наши перенесли ужаснѣйшіе труды: переходъ черезъ льды машинною болѣе десяти сажень былъ сопряженъ съ опасностью для нихъ, для собакъ и для нартъ. Иногда они утопали по поясъ въ сугробахъ рыхлаго снѣгу; въ другой разъ должны были перевозить черезъ широкіе пространства гладкаго льду, усѣяннаго острыми кристаллами соли, которые дотога имъ мѣшали, что, какъ они ни помогали собакамъ, эти бѣдныя животныя едва подвигались впередъ. Наконецъ съестные припасы были размѣщены по назначеннымъ складамъ и шесть нартъ отправились назадъ, а на оставшихся трехъ повезли запасу только на трое сутокъ. Господинъ Врангель, несмотря на всѣ затрудненія, хотѣлъ продолжать путь, чтобы удостовѣриться, по-возможности, въ общемъ направленіи этой части берегу, составляющей, какъ предполагалъ Берни, перешеекъ между Азією и Америкою. Но, проѣхавъ около шестидесяти верстъ къ западу отъ мыса, экспедиція, по недостатку въ припасахъ, принуждена была повернуть къ Колымѣ. Послѣдній ихъ складъ провизіи удалялся, но въ трехъ

первыхъ они нашли только рыбьи кости да следы ро-
сомахъ и лисицъ, такъ, что имъ и собакамъ ихъ прише-
лось не встать двое сутокъ передъ обратнымъ приездомъ
на мѣсто.

Вечеромъ, втораго марта, они видѣли необыкновенно прекрасное сѣверное сіяніе. Небо было ясно и звѣзды разливали блескъ, свойственный имъ только въ сѣверныхъ странахъ. При легкомъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, показался на сѣверо-западъ большой свѣтлый столбъ; лучи его расположились на небѣ, по направленію вѣтру, широкими блестящими полосами, безпрестанно перемѣняли свой видъ, и какъ-будто подвигались ближе и ближе къ наблюдателямъ. Въ направленіи магнитной стрѣлки путешественники не замѣтили ни какой перемѣны; равнымъ образомъ не слышали сильнаго шума: господинъ Врангель присовокупляетъ однако, что слышалъ нѣкоторое шипѣніе, подобное дѣйствию вѣтру на пламя. Странно, что, при всей обыкновенности сіяній въ сѣверныхъ широтахъ, до сихъ поръ спорятъ о томъ, сопровождаются ли они какими-нибудь шумомъ или нѣтъ. Большая часть писателей говоритъ, что шумъ слышенъ; то же показываютъ туземцы. Докторъ Гендерсонъ пишетъ, что въ Исландіи, при сѣверномъ сіяніи, ежели оно очень ярко, бываетъ слышенъ звукъ, подобный трещанію искръ электрической машины. По словамъ Гизеке, въ Гренландіи, на малой высотѣ, сѣверное сіяніе было въ сильномъ волненіи и слышался родъ хрустѣнія, какъ-бы отъ электрическихъ искръ или при паденіи граду. Неагге утверждаетъ звукъ, который онъ замѣчалъ на сѣверномъ берегу Америки, трепетанію большого флага во время сильнаго вѣтру; а Гмелинъ рассказываетъ, что на берегу Ледовитаго Моря, блестящія струи свѣту хрустѣтъ, сверкаютъ и издаютъ свистъ и шипѣніе, громкія какъ отъ фейерверка. Но Парри утверждаетъ, что сѣверное сіяніе въ Ледовитомъ Океанѣ никогда не издастъ ни

малѣйшаго шороху ни треску; капитанъ Франклинъ и его офицеры тоже не замѣчали ничего, даже при сильнѣйшихъ волненіяхъ и ярчайшемъ блескѣ. Дальтонъ и многіе, другіе, думаютъ, будто сѣверное сіяніе происходитъ внѣ предѣловъ нашей атмосферы, такъ далеко, что тамъ уже не существуетъ ни электричества ни звука. Впрочемъ, это мнѣніе нынче почти совершенно оставлено, какъ и наденіе звѣздъ изъ-за предѣловъ атмосферы. Франклинъ и его офицеры, бравшіе углы въ одинъ и тотъ же моментъ въ двухъ отдаленныхъ мѣстахъ, удостовѣрились, что сіяніе было не выше шести или семи миль. Имъ, и впоследствии многимъ другимъ наблюдателямъ, случалось даже видѣть его подъ облаками, или между глазомъ и ближайшею горою. Показанія чиновниковъ Гудсонской Компаніи, опять, все согласны въ томъ, что сіяніе вмѣстѣ и производитъ трескъ и нерѣдко бываетъ видно очень близко отъ земной поверхности. Мнѣніе объ ужасной высотѣ сѣверныхъ сіяній основывалось на томъ обстоятельстве, что они бывають видны въ одно и то же мгновеніе въ мѣстахъ очень отдаленныхъ одно отъ другаго; но теперь извѣстно, что сіянія происходятъ въ одно и то же мгновеніе на сѣверномъ и на южномъ полушаріяхъ, и господинъ Араго предложилъ недавно мысль, очень правдоподобную, что въ одно время въ каждомъ мѣстѣ мы видимъ другое сіяніе, какъ въ каждомъ мѣстѣ видимъ послѣ дождя другую радуго. Надобно еще прибавить, что нѣкоторые начинаютъ поговаривать о періодическомъ возвращеніи сѣверныхъ сіяній въ извѣстные дни года, подобно ежегоднымъ іюльскимъ и ноябрьскимъ фейерверкамъ падающихъ звѣздъ.

Пропустимъ лѣтнія поѣздки автора во внутренность Сибири. Поѣздка спутника его, господина Матюшкина, на ярмарку въ Островное, доставила автору нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о нравахъ и обычаяхъ Чукчей. Господинъ Литке раздѣляетъ Чукчей на два племени.

Говорящіи двумя совершенно разными языками. Один изъ нихъ еще не объясченъ и называется «Оленьими Чукчами», а сами себя именуютъ *Чукчу*, другіе называютъ ясакъ и известны у Русскихъ подъ именемъ «Оленьихъ Чукчей», но сами себя называютъ, не Чукчами, а *Намолло*. Здѣсь идетъ рѣчь о первыхъ. Селеніе Островное — одно изъ трехъ мѣстъ, куда Оленьи Чукчи приходятъ для торгу съ Русскими: они продаютъ оленьи шкуры, живыхъ оленей, лисьи и куньи шубы, моржовые зубы, а покупаютъ, для себя и для торгу съ Намоллами, разныя желѣзныя вещи, мѣдную посуду, ткани и, особенно, табакъ. Нѣкоторые писатели полагали, что Чукчи почти то же что Эскимосы, но между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства, хотя они и недалеко обогнали другъ друга въ образованности. У Оленьихъ Чукчей еще существуютъ обычаи, свойственные дикарямъ: они допускаютъ дѣтоубійства и старцеубійства какъ Геродотовы Скифы; бракъ у нихъ не имѣетъ ни какого значенія: всякой беретъ себѣ столько женъ, сколько захочетъ, и перемѣняетъ ихъ по своему благоусмотрѣнію; жены подчинены власти мужей и отправляютъ всѣ самыя тяжелыя, иногда вовсе не женскія, работы, хотя и пользуются нѣкоторымъ уваженіемъ. Записанія господина Врангеля объ ихъ религіозныхъ понятіяхъ и о шаманствѣ новы, умны, и показываютъ въ немъ проникательнаго наблюдателя.

«Изъ всѣхъ племенъ сѣверной Азіи, Чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины, которой предѣлы отъ прежнихъ кровопролитныхъ битвъ съ покорителями Сибири значительно стѣснились. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, Чукчи имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ стадъ, которые даютъ имъ жилища, одежду, пищу и все, что требуется для кочевой ихъ жизни. На снѣжныхъ стѣнкахъ своего

вратнаго, иждиваю отечества, подъ легкими налетами изъ оленячьихъ шкуръ, Чукчи почитаютъ себя счастливые всаго союдей, и вначишхъ воспеда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и блаженно переносятъ они вся недостатки и лишения, и, на заведующихъ другимъ, видя, что за необходимыя удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

«До покоренія Сибири, Чукчи и другія племена сѣверо-восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ непрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги Русскихъ значительно ослабили междоусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе якутскихъ воеводъ Павлуцкаго и Шестакова, въ 1750 году, побудило всѣ сосѣднія слабѣйшія племена соединиться съ Чукчами, и, выбравъ военачальниковъ, дружно противостать общему непріятелю. Бой былъ не равенъ. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, Чукчи, торжествовавшіе всегда надъ слабѣйшими сосѣдями, лишились высокаго понятія о своей непобѣдимости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и не хотѣли слѣдовать за ними въ землю, не обѣщавшую ни какаго вознагражденія за труды и опасности.

«Русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли ни какихъ сношеній съ Чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не доверяя Русскимъ, Чукчи многочисленными, вооруженными, толпами выступали только на границы своего отечества, но, мало-по-малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, они сдѣлались доверчивѣе, и нынѣ, приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, въ русскія владѣнія, для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ Русскими имѣло выгодныя вліянія на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, подобно Юкагирамъ, Чуванцамъ, Корякамъ и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, Чукчи постепенно покорятся и совершенно сольются съ Русскими.

«Вообще нравы и обычаи этого народа суровы и часто смертельны. Такъ, на примѣръ, сохранилось у нихъ протинестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать детей, раждающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи перенести трудовъ кочевой жизни. Два года тому, отецъ старшины Валетки, соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при этомъ дѣствіи исполнили, по своему мнѣнію, священную обязанность. Несмотря на старанія правительства и духовенства, этотъ ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще приобрѣли большую власть и сильное вліяніе надъ Чукчами. Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или нѣсколькихъ, шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814 году, между Чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась скоро на оленей и продолжалась, несмотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ, въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Кочень, одинъ изъ почетнѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Кочень былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что Чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изреченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повторіе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, несмотря на подарки, угрозы, можетъ-быть и побой, не соглашались переменить приговору. Тогда самъ Кочень, второй Курдй, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непрочности воли духовъ и рѣшается для спасенія своихъ соотечественниковъ добровольно пожертвовать жизнью. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась съ несблдимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшлся умертвить жертвы; наконецъ, сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемымъ проклятіемъ, вонзая ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

«Такъ сильно вліяніе шаманства, которое заступаетъ адѣеъ своего религіи и отличаетъ отъ всѣхъ вѣроисповѣданій тѣмъ, что имѣя весьма мало, и то самыхъ темныхъ, сбивчивыхъ преданій, оно не имѣетъ ни какихъ догматовъ, ни правды, и ученіе или преподаваніе шаманства не возможно. То, во что вѣрятъ шаманы и ихъ приверженцы, никакъ не выдуманно, и не есть твореніе одного человека, но рождается въ понятіяхъ каждаго отъ соверщенія внѣшнихъ предметовъ, и какъ наружный видъ пустынь Сибири одинокъ съ степенью образованія, на которой стоятъ ея полудикіе обитатели, то и самыя впечатлѣнія внѣшнія, болѣе или менѣе, сходны между собою. Каждый видитъ и чувствуетъ самъ для себя; но и безъ наружнаго сообщенія существуетъ уже тождество въ вымыслахъ воображенія дикарей, и вѣра одного лица есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра цѣлаго народа. Оттого что шаманство, такъ сказать, твореніе каждаго, и каждому, какъ своя собственность, дорого, оно столь долго и сохраняется, и не истребится сибирскими племенами до тѣхъ поръ, пока они не выйдутъ изъ полудикаго состоянія, или не оставятъ тундръ и скалъ своего отечества, рождающихъ въ умахъ народа всегда одни и тѣ же впечатлѣнія. Когда кочующія племена получаютъ осязательность, и наставленія и примѣры образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ.

«Обыкновенно, общее мнѣніе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, которыхъ пляска и приванія — простое притвердство. Но по тому, что я имѣлъ случай видѣть здѣсь и въ другихъ мѣстахъ Сибири, этотъ приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По-крайней-мѣрѣ, онъ односторонень, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые подъ именемъ шамановъ переходятъ изъ селенія въ селеніе, и разными, по-видимому сверхъ-естественными дѣйствіями, какъ то, безвреднымъ хватаніемъ раскаленнаго желѣза, прокалываніемъ руки длинною иглою, и такъ далѣе, удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные ша-

шаманы не принадлежатъ къ особой кастѣ и не составляютъ объединеннаго для известной цѣли сообщества, но образуютъ само-верпенствуются сами себѣ. Раждаются люди съ сильными, легко воспламеняемыми воображеніемъ; съ малолѣтства слышатъ отъ старшихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и начинаютъ; видятъ шаманскіе обряды, и невестественныя судорожныя движенія: всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юношу. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть сообщества съ шаманами. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; шаманы не знаютъ, какими образомъ они сдѣлались шаманами. Изъ самаго себя и окружающей мрачной природы должно онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорячительныя средства напрягаютъ и разстрѣиваютъ его воображеніе. Наконецъ онъ видитъ видѣнія и духовъ, о которыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣритъ имъ твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы: торжественно и таинственно, въ тишинѣ ночи, научаютъ его дѣлать и приедаютъ на бубенцахъ. Не посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не проводитъ какой-нибудь перемены въ его духѣ; оно, просто, внѣшняя церемонія. Все, что шаманъ чувствуетъ, говоритъ, дѣлаетъ, чему онъ вѣритъ, есть и освящается следствіемъ расколѣнія его собственнаго духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнымъ, обдуманнымъ обманомъ, или притворствомъ. Всякій, кто видѣлъ и наблюдалъ мощнаго шамана, въ высшей степени его восторга, согласится со мною, что шаманъ, во-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, не можетъ и не можетъ обманывать, и что такое его состояніе происходитъ отъ невольнаго, непреодолимаго вліянія чрезвычайно напряженнаго и разстрѣяннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное исключительное явленіе. Плакса и гаданія шамановъ дѣлами на землѣ всегда продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Дикій взоръ, налитые кровью глаза, сильный голосъ, съ трудомъ вырывающагося изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественныя, судорожныя корчи лица и всего тѣла, столбнякъ дѣломъ злобы, глухой звукъ бубенцевъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поразяющее всякаго, даже и образо-

важного человека. Мудрено ли, что необразованные, даже дети прирадовываются въ томъ мрачномъ дѣйствіи этого духа?

Эти прекрасныя замѣченія показываютъ, что жимаши — родъ мусульманскихъ дервишей Меллеви, явившійся въ тѣхъ восторженныхъ созерцательныхъ сектъ, которыми всегда изобилвала Азія.

Вторая повѣдка автора по льду моря началась двадцать шестаго марта 1822 года. Путешественники отъправились на двадцати двухъ саняхъ, навьюченныхъ топливомъ и припасами на тридцать дней. Каждая сани поднимали около тридцати пудовъ. Въ случаѣ необходимости имши для двухъ сотъ собакъ, которыя съ ними были, они надѣялись кормить ихъ медвѣжьей. Господинъ Врангель пустился прямо на сѣверъ отъ Барановскихъ Скалъ, и на третій день увидѣлъ вдали что-то похожее на высокій берегъ, который однако жъ скоро началъ понижаться и наконецъ совершенно исчезъ: это былъ миражъ, одно изъ тѣхъ явленій, которыя такъ часто случается видѣть на Ледовитомъ Морѣ. После, однакожъ, найденъ тутъ значительный островъ, съ четырьмя порфиловыми столбами, или скалами. Самый большой изъ этихъ столбовъ имѣетъ семь сажень въ вышину и около двѣнадцати въ окружности при основаніи. Видомъ онъ походитъ на человѣческую фигуру, безъ рукъ и ногъ, съ головою покрытой шапкою или чашкою. Господинъ Врангель полагаетъ, что этотъ островъ принадлежитъ къ числу Медвѣжьихъ, которые были уже открыты до его путешествія; однако жъ онъ далъ ему имя «Острова Четырехъ Столбовъ».

Продолжая путь къ сѣверу, путешественники достигли 71° 31' широты, и, прорубивъ ледъ, нашли его чрезвычайно нетвердымъ, насыщеннымъ солью и въ толщину только около фута. Глубина моря оказалась двѣнадцать сажень, грунтъ — жидкій зеленый илъ. Прѣхавъ еще верстъ осмнадцать, они очутились на глу-

белой соленой лужь, через которую нельзя было переправиться. Ледъ подъ водою былъ не толще пяти дюймовъ и такой рыхлый, что путешественники безъ всякаго труда рвали его простыми ножемъ. Выбравшись изъ этого опаснаго мѣста, они удалились на три или на четыре версты и снова попробовали толщину льду: оказалось одинъ футъ и два дюйма. Вода, поднимавшаяся изъ прорубей, сообщала горькій вкусъ снѣгу. Между-тѣмъ съверный вѣтеръ поминутно становился сильвее, и надобно было думать, что онъ произведетъ значительное волненіе въ открытомъ морѣ, потому что путешественники слышали шумъ воды, и чувствовали дѣйствіе зыби подъ тонкими льдомъ. Положеніе ихъ было самое незавидное, тѣмъ болѣе что они не имѣли ни какихъ способовъ избѣгнуть опасности, если бы ледъ, отъ силы волненія, вдругъ взломался и разошелся. Наступила ночь; но кромѣ собакъ, которыя не понимали угрожавшей бѣды, никто не спалъ. Утромъ погода была мрачная и сырая; свѣжій вѣтеръ попрежнему дулъ отъ сѣвера; къ вечеру онъ началъ стихать и отошелъ къ сѣверо-востоку; небо прояснилось. Господинъ Врангель велѣлъ опорожнить двои лучшія сани, и взялъ съ собой лодку, весла, нѣсколько шестовъ, досокъ и съветныхъ припасовъ на одинъ сутки; отправился далѣе къ сѣверу, приказавъ товарищу своему Матюшкину, въ случаѣ опасности, отступить съ остальными людьми и не дожидаться его возвращенія. Отъ пробѣжалъ не болѣе семи верстъ, какъ вдругъ увидѣлъ на льду множество широкихъ расълинъ. Доски помогли ему переправиться черезъ нихъ, но за этими расълинами послѣдовали другія, третьи, и такъ далѣе. Самый ледъ былъ покрытъ водою, а въ иныхъ мѣстахъ являлись груды, которыя, однако жъ, разсыпались при малѣйшемъ прикосновеніи и составляли новыя лужи. Толщина льду была только футъ, глубина моря двѣнадцать сажень; грунтъ — зеленый илъ. Кое-какъ про-

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

ФЕВРАЛЬ, 1841.

НОВЫЯ КНИГИ.

УТРЕННЯЯ ЗВѢЗДА. *Альманахъ на 1841 годъ, изданный В. Владиславлевымъ. СПб.-бургъ, въ тип. III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцелярiи, 1841, въ 12, стр. 390.*

Странное обстоятельство, — случай, который не многие могутъ быть примѣчаютъ, — истина, противъ которой нѣтъ и возраженiя, — что, въ эту минуту, въ нашей изящной словесности, два самые примѣчательные писателя, два лучшiя пера, два удивительнѣйшiе и истинно мужественные таланта, первый поэтъ, и первый прозаикъ — это двѣ молодыя женщины. Кто изъ васъ, господа, которые пишете такъ изящно; на славу, — *et tu quoque*, — и ты даже, Несторъ Васильевичъ Кумольникъ, свѣтло нашей словесности, авторъ «Тасса», «Лейзевица», и восхитительной «Эвелины», казньникъ Парнассу, который вскормилъ тебя на своихъ священнѣхъ вершинахъ, а ты ихъ оставилъ, — кто теперь изъ васъ осмѣлится сравнить свои стихи со стихами автора «Мщенiя женщины», свою прозу съ свѣтлою, блестящею;

чудесною прозою автора «Утбаллы», «Медалиона» и особенно «Теофанин Аббиаджио», этой очаровательной повести, которой уже давно не читали на Руси ничего подобного. Вот настоящая повесть! Вот, где истинное художество слова! Какой слог! какой колорит! какое сильное, страстное чувство! какое богатое воображение! Французы не стыдятся говорить откровенно, что лучшей их прозаикъ нынче — маркиза d'Udevant, урожденная Dupin и прославившаяся подъ именемъ Жоржа Санда, имя всегда тамъ, где разцоваго прозаика, первокласснаго стилиста, въ лицъ господина Альфреда де-Мюссё и множество прекрасныхъ дарованій въ изящной прозѣ: почему жъ намъ, Русскимъ, стыдно было бы сказать себѣ чистую правду, что лучшей нашъ прозаикъ въ настоящее время — Зенеида Р^{***}, иначе — Елена Андреевна Гапъ, урожденная Фадеева? И это можно сказать тѣмъ съ болѣею гордостью, что, во многихъ литературныхъ отношеніяхъ, Зенеида Р^{***} должна быть поставлена критикою несравненно выше Жоржа Санда: талантъ созданія, искусство сильной занимательности, умъе действовать на читателя, у нихъ быть-можетъ равны; горкій сарказмъ, глубокое и краснорѣчивое огорченіе, общи имъ объёмъ; но русская писательница далеко превосходитъ прославленную Француженку нравственною чистотою чувства и воображенія, не говоря уже о первышемъ достоинствѣ всего, что хочеть называться словесностью, — слогъ. У Жоржа Санда нѣтъ слогу, нѣтъ ни какого, ни хорошаго ни дурнаго: она пишетъ, какъ ни пошло, тогда какъ Зенеида Р^{***}, надѣлена удивительнымъ инстинктомъ изящнаго въ языкѣ, живо чувствуетъ художественное прекрасное въ рисункѣ и группировкѣ фразъ, обладаетъ богатѣйшимъ колоритомъ, и пишетъ, какъ настоящий поэтъ, «обмакивая золотое зеро въ радугу». Зенеида Р^{***} — поэтъ въ прозѣ. Странно, что этого дару вообще не облаживаютъ поэты, пишущіе прозою. Пушкинъ терять художественную дѣйствительность слова и весь свой чудный колоритъ, какъ скоро выходитъ изъ стиха: онъ сохраняетъ только маленькое «искусство простоты», которое съ нимъ было неразлучно какъ первое основаніе всякаго искусства, ж. въ прозѣ. Быть предстателю, одною дѣль крайнюю, какою про-

Пируа праздник возвращенья,
 Обуть мой выполнить спешу,
 И юга свѣтлаго ристованья
 Я вамъ усердно привожу.
 Тамъ Флора пышная предетамъ,
 Мнѣ въ блескъ новой красоты,
 Я рвалъ цвѣты; — рука держала
 Я не привыкъ срывать цвѣты.
 Они предъ вами: гдѣ жь привѣтливый
 Роскошный запахъ южныхъ розъ,
 Удям! безжизненный, безцвѣтный
 Я только прахъ ихъ вамъ привезъ.
 Отрывъ отъ почвы имъ смертеленъ,
 И вотъ — изъ скудныхъ сихъ даровъ,
 Лишь мохъ остался свѣжъ и зеленъ,
 Отъ Чатмрдаскитъ ледняковъ
 За тѣмъ, что съ нимъ не зналась иль
 Гдѣ солнца лучъ не заблгалъ,
 Отъ тамъ — надъ безводной льдиной
 Утесовъ ребра железныя;
 Да моря чудныя рощеныя,
 Какъ живъ, страдальчій образъ свой
 Хранить — за тѣмъ, что съ два рожденья
 Они средъ влаги и волненья
 Знакомы съ мрачной глубиной.

Есть одно стихотвореніе Пушкина:

Для береговъ отчизны дальшей
 Ты покидала край чужой;
 Въ часъ незабвенный, въ часъ печальный
 Я долго плакала предъ тобой.
 Мои клатющія руки
 Тебя старался удержать;
 Томленья страшнаго разлуки
 Мой стоить молилъ не прерывать.
 Но ты отъ горькаго лобзанья
 Свои уста оторвала;
 Изъ края мрачнаго изгнанья
 Ты въ край иной меня звала.
 Ты говорила — въ день свиданья,
 Мнѣ въ небомъ вѣчно голубымъ,
 Въ чашѣ олева, любви добавивъ
 Мнѣ любовь, мой дружи, обидчивымъ.

Но тамъ, увы, гдѣ небо своды
 Сіяютъ въ блескъ голубинъ.
 Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
 Заснула ты послѣднимъ сномъ.
 Твоя краса, твои страданья
 Исчезли въ урнѣ гробовой —
 А съ нимъ и поцѣлуй свиданья....
 Но жду его : онъ за тобой....

Есть еще много другихъ стиховъ, совершенно удовлетворительныхъ. Словомъ, стихотворная часть «Утренней зари» вполне соответствуетъ своей цѣли. Въ числѣ пьесъ въ прозѣ, особенно примѣчательны — «Смерть розы», рассказъ самаго хозяина, и «Психея», новелла Кукольника, главное украшеніе всего альманаха, столь богатаго разнаго роду украшеніями.

Нѣсколько дней тому назадъ я читалъ въ одной англійской газетѣ ужасную выходку противъ красивыхъ альманаховъ. Авторъ статьи напалъ на эти невинныя книжки съ яростью Чеченца : онъ ихъ разбилъ, ужасно разбилъ, просто, уничтожилъ. Онъ называлъ ихъ изобрѣтеніемъ духа прелести и коварства, развратомъ печати, превращеніемъ книгъ въ игрушки, смертоубійствомъ чтенія, покоронами словесности, чумою, холерою, шакалами, басиллисками, и чѣмъ-то еще хуже. Онъ гордо отказывалъ имъ въ названіи «книгъ» и честилъ ихъ обиднымъ именемъ галантерейнаго товару. И подумайте только, что этотъ великобританскій чудакъ вооружился такимъ страннымъ гнѣвомъ именно противъ самыхъ красивыхъ, самыхъ очаровательныхъ альманаховъ на земномъ шарѣ, — противъ англійскихъ! Но чѣмъ красивѣе альманахъ, тѣмъ онъ, по мнѣнію великобританскаго чудака, вреднѣе для настоящихъ книгъ и регулярной литературы, тѣмъ болѣе заслуживаетъ того, чтобы его безпощадно вырвали съ корнемъ изъ литературы, стерли съ лица земли и прахъ его размели по воздуху. Во время чтенія кровавой, неистойой филиппики противъ альманаховъ, «Утренняя заря» лежала подлѣ меня на столѣ, и, бѣдняжка, бѣдняжка, прощалась съ жизнью, дрожала со страху. Но я вовсе не разделяю мнѣній этого чудака. Ра-

смотреть «Утреннюю вариацию» (он вымощенъ) и убедиться, что Великобританецъ превозносится. Если Англичанамъ надо въ красноте альманаха своимъ, необузданнымъ многословіемъ, быть, еще не значитъ, что они надо и намъ Русскимъ, у которыхъ всего на все красныхъ альманаховъ — одинъ альманахъ господина Владислава. Притомъ, чѣмъ же альманахи, особенно, если онъ такъ красивъ, хуже другихъ книгъ, съ своей стороны нове на красныхъ? Чѣмъ такъ гордятся некрасивыя книги, или, какъ они называютъ, *livres d'homme*, что глумятся цензуре *inclinon des glaces*? Съ того они вѣдаютъ, будто имъ право презирать наружную красоту, какъ извѣстна и суетное прибавленіе въ произведеніи ума и воображенія? Уши и уши все на слухъ суета суетствій, лезвией обманъ, пустота, ложь, шаровой слезы, ничтожество, альманахъ, нуль!.. А въ такомъ положеніи дѣль, одно уваженіе, чуждымъ красота. Я искренно поклоняюсь ей и, следовательно, альманаху, господину Владислава. Вокругъ себя на Руси, я не вижу ни одной книги мѣтче, ладнее и очаровательнѣе этой. Какое изданіе, какія гравюры (за исключеніемъ одной); Илья Пудовъ въ портретахъ (за исключеніемъ одного); прекраснѣйшій видъ бородинскаго монумента, вместо вырѣтки; «Константинополь», картина Воробьева; «Утро на Волжѣ», картина Чернецова; «Прерванное свиданіе», картина Брюллова; «Боты бабушки и внуки», опять богатое, остроумное соединеніе Брюллова. И все это правилось въ Англій, тамъ, где красота гравюръ уже достигла такого совершенства, что выводитъ людей изъ терпѣнія! Чего же больше! Я совершенно доволенъ этимъ альманахомъ, несмотря на грозную статью великобританскаго чудака, которая, признаюсь, сначала ужасно меня смутила: смутила до того, что единicomъ полъ-часа самъ я не зналъ, должна ли красота «Утренней звезды» нравиться мнѣ или возбуждать мое негодованіе.

Я не охотно расстаюсь съ этою цѣлительною книгою. Закрывъ ее, о чемъ мы станемъ разсуждать съ вами, благороднѣйшій читатель? Книгъ нѣтъ, рѣшительно нѣтъ; ничего не выхлѣбать изъ себя. Благодарю удивительно дѣлительнымъ и акуратнымъ библиографическимъ спискомъ, нынѣш-

него «Сын Отечества», наконецъ есть на Руси возможность жить съ достоверностью, что, глядишь, выйдутъ, и что не выйдутъ, — обстоятельству чрезвычайно важное для живущихъ почитать и читать небывалыя книги. Тщательно уже въ двадцатый разъ перечитываю «я эти ужасоужасной своей точностью таблицы санктпетербургской и московской «литературной деятельности» (ничего нѣтъ)! Несколько разѣкъ книжки явилось въ урочное время, около праздниковъ, когда болѣе всего любить читать книги, съ распростертыми объятиями свѣта на встречу дорогихъ гостей, дѣвкамъ, высылаемымъ изъ деревень къ новому году, и съ тѣхъ поръ «литературная деятельность» стала въ Петербургъ. Съ половины января по нѣкоторое благополучное число, втеченіи всего февраля мѣсяца, санктпетербургская деятельность произвела всего — одно оригинальное учебное руководство, —

ОСНОВАНІЯ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, съ примечаніемъ къ российскому судопроизводству, сочиненіе ординарнаго профессора при Императорскомъ санктпетербургскомъ университетѣ, доктора правъ, Я. Баршова, СПб.-бургъ, тит. II. Отдѣльная Собственность Ев. П. К., Каталогъ, 1841, въ-8., стр. 297, —

книгу весьма почтенную, основательную, важную, достойную всякой похвалы, словомъ, и къ крайнему сожалѣнію вашему, книгу... мѣхца скалата! — и одна переведенная, совершенное таклическое, сочиненіе:

ОПИСАНІЕ СРАЖЕНІЙ АНГЛІЙСКАГО ФЛОТА съ 1690 по 1827 годъ, съ критическимъ разборомъ и чертежами, составленное контръ-адмираломъ королевскаго британскаго флота К. Экинсомъ и переведенное съ англійскаго языка лейтенантомъ Р. Скаловскимъ, СПб.-бургъ, въ тит. Праца, 1841, въ-4., три части, стр. 228—142 и 170, —

за еще двѣ тощія брошюрки, которыя вы увидите въ Москвѣ между тѣмъ, промышленная Москва; напечатанная свою «литературную деятельность», съ декабря января,

лучшим шестнадцати (иногда и тридцати... Да, очень много: двадцать два заглавных листка) Правда, после каждого, или почти каждого, заглавного листка есть по нескольку, иногда до шестнадцати включительно, страничекъ текста, но это только роскошь, украшение, знакъ особеннаго великодушія издателей. Главное дѣло — въ заглавіи: заглавие нужно для объявленій, и одно оно сочиняется тщательно, печатается, и выходитъ въ свѣтъ въ этихъ брошюрахъ, предназначенныхъ исключительно для мѣстныхъ торговыхъ оборотовъ. Одинъ изъ этихъ господъ простеръ даже, какъ я вижу, свою расточительность до приложенія къ заглавному листку пятидесяти осьми страничекъ тексту, но, говорятъ, разорился и долженъ былъ представить свой балансъ: урокъ всѣмъ предприимчивымъ издателямъ!

Это плачевное положеніе московской «литературной дѣятельности» происходитъ — увы! — отъ весьма горестной причины. Ширловъ уверяетъ! Съ аге кверту о. литература такъ остановилась. Онъ одинъ оживлялъ ее своею пресвященною и полезною предприимчивостію; издавалъ много, и послѣднее издавалъ хорошія сочиненія. Но не въ томъ была. Никто лучше его не зналъ въ Москвѣ толку въ «объявленіи», никто такъ хорошо не понималъ магическую силу заглавія. Книга твоя самая была уже превосходна и пріобрѣтала большой успѣхъ, какъ скоро издавалъ ее Ширловъ. Онъ однимъ своимъ прикосновеніемъ дѣлалъ книги любопытными и сочинителямъ ихъ знаменитыми. И это-то все стало въ литературы! Послѣдннхъ плодовъ его дѣятельности, послѣдннхъ его подаркомъ публикѣ было новое, исправленное и дополненное стереотипное изданіе,

ВСЕОБЩАГО ФРАНЦУЗСКАГО СЛОВАРЯ, Татищева. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1839 и 1841, въ 4. Двѣ части, стр. 651—772.

Изданіе это, отличающееся красотою наружности и весьма умеренною цѣною, предпринято было Ширловымъ съ Г. Селивановскимъ: первый томъ вышелъ еще въ 1839 году, второй и послѣдній за несколько дней до

смерти заслуженнаго. книгопродавца-издателя, котораго должно и справедливо будут оплакивать московскія души.

Благоразумный читатель! если тебя, столько же какъ меня, печалитъ это прискорбное событіе, то ласкаю себя мыслію, что, въ заключеніе, ты будешь столько же захъ я смѣяться, когда я разскажу тебѣ, что сдѣлалъ авторъ вотъ этой послѣдней книги, которая такъ стыдливо лежитъ передо мною.

СУДЪ ВЪ РЕВЕЛЬСКОМЪ МАГИСТРАТЪ. Романъ изъ истории Эстляндіи XVI столѣтія. Сочиненіе барона Огдора Корфа. Сп.-бургъ, въ тип. Гуттенберговой, 1841, въ-12. Двѣ части, стр. 244 — 200.

Авторъ этой книги, сочинитель остроумныхъ «Очерковъ Персін», которые, какъ вы помните, были написаны такъ легко, такъ пріятно, совершенно языкомъ порядочныхъ людей, писалъ довольно много для этого журнала, и писалъ не въ смѣдуетъ, какъ долженъ писать въ нашемъ вѣкъ достойный денегдильменъ съ умомъ и съ вкусомъ. За то, что онъ писалъ для «Библиотеки для Чтенія», онъ наложилъ на себя гоненіе: *Смѣхъ* и *Оныкъ*, у которыхъ персидское нравство «безпристрастной критикѣ» бранить безъ разбору, все, что похвалено въ этомъ журналѣ, и всякаго, кто въ ней участвуетъ. Что жъ придумалъ остроумный авторъ «Очерковъ Персін», чтобы изъяснить злобы *Смѣхъ* и *Оныкъ*, явился въ свѣтъ съ новою книгою? Въ наемъ на старую дружбу «Библиотеки для Чтенія» онъ былъ увѣренъ, что рѣд простить ему все, и, въ угоду ея достойнымъ врагамъ, нашкокалъ свой романъ *сими, оными, коими, ибр, дабы, съ ногъ до головы, вдоль и поперегъ, какъ жаренаго зайца, изуродовать свой прежній легкій и изящный языкъ и сдѣлать такъ, что узрѣть не возможно! Я воображаю, какое удовольствіе, какое высокое наслажденіе, ощущали въ глубинѣ своего грамматическаго сердца рѣченные достойные враги, какъ радостно торжествовали и обращеніе вреніяго сотрудника «Библиотеки для Чтенія» къ языку и слогу думалъ дьяволъ! Въ томъ убѣжденіи, что Литературная жизнь не одобритъ дачи славянской, какъ беззубая, она безъ сомнѣнія поспѣшила*

удостоить ее своего покровительства. Теперь они уже; наконец, расхвалили этот романъ, который, въ противномъ случаѣ, навѣрное, какъ дважды два четыре, разбранили бы въ прахъ. Романъ вышелъ еще въ декабрь: я нарочно не упоминалъ объ немъ донинѣ, чтобы дать имъ время написать похвалу ему высокимъ слогомъ. Но теперь какъ они его расхвалили, я тоже скажу, съ своей стороны, что романъ очень хорошъ: несмотря на свой дикій языкъ и ужасный слогъ, этотъ рассказъ исполненъ сильной занимательности, и обилуетъ прекрасными сценами, живыми картинами мѣстностей, искусными описаніями нравовъ и обычаевъ отдаленнаго времени.....

То-то будутъ въ отчаяніи, *Син* и *Оные*, что поспѣшили расхвалить книгу! О, если бы они напередъ знали, что «Библиотека для Чтенія» не посмотритъ на этотъ странный языкъ и отдастъ должную справедливость внутреннимъ достоинствамъ романа.... Ну, да вѣдь они могутъ еще сказать, что ошиблись, испросить извиненія у читателей и разбранить тотъ самый романъ, который недавно превознесли до небесъ. Примѣчайте: завтра какъ-разъ явится грозная, жестокая выходка противъ него. Завтра, не далѣе, напишутъ они съ своей обычною торжественностью: *Сей романъ — дрянной романъ!..... У Синъ и Оныхъ это ни по чемъ!*

=

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

=

СТИХОТВОРЕНІЯ Ивана Языкова. СПб., у *Бородина*, 1841, стр. 38.

ПРАВИЛА ДЛЯ ПРИЕМА МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ Артиллерійское Училище. СПб., въ тип. Внутренней стражи, стр. 26.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІА.

=

— Пятнадцатаго февраля вышла здѣсь въ Петербургъ вторая тетрадь Портретной и біографической галереи: въ ней помѣщены портреты и біографіи Крылова и Бортнянскаго.

Т. Л. — Отд. VI.

3 1/2

— Намъ весьма пріятно извѣстить любителей умнаго и полезнаго чтенія, что двѣ превосходныя книги изъ знаменитаго собранія «Бридgewaterскихъ трактатовъ», именно, *Астрономія и всеобщая Физика въ примѣненіи къ познанію мудрости и благости Бога, Вивеля, и Рука, ея механизмы и жизненныя отправления, доказывающія бытіе Промысла*, Чарльза Белля, переведены на русскій языкъ и приготовляются къ печати. Мы советуемъ неизвѣстнымъ переводчикамъ присоединить къ нимъ еще «Физиологію» Проута, и «Геологію» Боккланда: эти четыре творенія составляютъ одно цѣлое.

* * Двѣ новыя книги, «*Описаніе Финляндской войны въ 1808 и 1809 годовъ*», генерала Михайловскаго-Данилевскаго, и «*Биографія генераль-лейтенанта Бистрома*», сочиненіе господина Н. Лукьяновича, заслуживаютъ всего вниманія читающей публики.

VII.

СМЪСЪ.

СПОРЫ О ПРИСУТСТВИИ МЫШЬЯКУ ВЪ ЧЕЛОВЪЧЬСКОМЪ ТЪЛѢ. Опыты господъ Дамжэ и Фландема съ Маршевнымъ аппаратомъ. НѢТЬ сомнѣнiя, что, въ дѣлѣ Марин Лафаржъ, наука совершила странное преступленiе. Виновна ли, невинна ли, была эта женщина, но дѣло въ томъ, что по матеріальнымъ доказательствамъ, которые противъ нея представляли, она не могла быть приговорена къ безчестию и казни ни какимъ человѣческимъ правосудiемъ, ни какою просвѣщенной юриспруденціей. Все эти доказательства были не ясны, сбивчивы, и недостаточны: она приговорена единственно слѣпымъ довѣрiемъ къ приоткрытости науки, которая, къ несчастiю, нанесла себѣ въ докторъ Орфиля слишкомъ заносчиваго, властнаго и самоувереннаго представителя. Первая ученая коммиссія шла въ тѣлѣ умершаго огромнаго количества мышьяку, вторая не нашла ни слѣда этого яду: обвинители уже хотѣли оставить дѣло безъ дальнѣйшихъ послѣдствiй, когда третья коммиссія, предводительствуемая весьма извѣстнымъ ученымъ, вмѣсто, докторомъ Орфиля, выжала изъ corpus delicti, изъ трупа покойнаго Лафаржа, посредствомъ Маршева аппарата, не зернышки мышьяку, но маленькое, оранжевое, съ металлическимъ отблескомъ, пятнышко на фарфоровомъ блюдцѣ. Это пятно, смѣло, самоуверенно, торжественно, отъ имени науки, провозглашено въ напыщенной рѣчи доктора Орфиля неопровержимымъ признакомъ присутствiя мышьяку въ трупѣ, хотя нѣтъ ни какой

возможности опредѣлить довѣрительность или какое-либо другое положительное свойство подобнаго пятна. Забывая, какъ шатки и неварны всѣ вообще нынѣшнія «истины» науки, и сколько вчерашнихъ ученыхъ истинъ сегодня уже называются ложью и ошибкою, господинъ Орфилъ не усомнился принять, вмѣсто сомнѣній, приличнаго настоящей наукѣ, рѣзкій тонъ дельфійскаго прорицалища, и утверждать передъ благоговѣющимъ невѣжествомъ, что это пятно — мышьякъ, присовокупляя: «Я докажу, что этотъ мышьякъ, не происходитъ изъ земли.... я докажу, что онъ не происходитъ изъ веществъ, употребительныхъ при производствѣ опытовъ.... я докажу, что онъ не происходитъ изъ костей.... я докажу, что послѣдовало отравленіе.» Безграмотныя присяжныя, — жалкое учрежденіе, отбрасывающее просвѣщенную юстицію въ дикость среднихъ вѣковъ, — и сами даже судьи, ничего не понявъ въ «доказательствахъ» господина Орфилъ, напшигованныхъ рогатыми техническими терминами, но этотъ деспотическій тонъ науки подаивствовалъ на ихъ убѣжденіе: Марія Лафаржъ признана отравительницею на основаніи полученнаго на блюдечкѣ пятнышка съ металлическимъ отблескомъ.

Нельзя даже, что господинъ Орфилъ могъ бы доказать несомнѣнно, — хотя наука рѣшительно не доставляла ему ни какихъ варныхъ средствъ къ этому; — непогрѣшимость первыхъ трехъ пунктовъ своего положенія: но, чтобы пуститься въ доказываніе четвертаго пункта, то есть, отравленія, смерти нужно было по-крайней-мѣрѣ самому удостовѣриться положительно, что полученное пятно — мышьякъ. Объ этомъ-то онъ и не подумалъ, и въ своей заносчивости не сообразилъ даже, что, съ помощію нынѣшнихъ средствъ науки, и удостовѣриться въ томъ нельзя. Пятно онъ объявилъ мышьякомъ, единственно на томъ основаніи что, действуя мышьякомъ въ Маршевомъ приборѣ, получается точно такое же пятно. Но не следовало ли ему, по долгу осторожнаго и основательнаго ученаго, подумать напередъ о томъ: нельзя ли съ Маршевымъ приборомъ получить подобныя пятнышки отъ дѣйствія другихъ веществъ кромѣ мышьяку? Кому не навѣстенъ случай, надѣлавшій столько смѣху въ Парижѣ, съ другимъ подобнымъ приборомъ; именно, съ за-

исследовать аппаратом Волластона для открытiя присутствiя ртути? Въ этомъ аппарате, двѣ спаянныя проволоки, золотая и свинцовая, будучи приведены въ сообщенiе съ Вольтовымъ столбомъ, погружаются въ составъ, на который падаетъ подозрѣнiе въ примѣси къ нему ртути. Если въ составъ есть хоть малѣйшая частица ртути, золотая проволока тотчасъ бѣлѣетъ. Одинъ шарлатанъ открылъ «варное, испытанное и самонадежнѣйшее средство» лечить известныя болѣзни безъ употребленiя ртути. Составъ его былъ представленъ на разсмотрѣнiе парижской медицинской академiи. Назначили комиссiю изъ нѣсколькихъ опытныхъ фармакологовъ и химиковъ. Погрузили проволоки Волластонова аппарата въ чудесный составъ шарлатана: золотая проволока мгновенно побѣлѣла. Ясно, что шарлатанъ хотѣлъ надуть академiю: золото облеклось ртутью, скрытою въ его лекарствѣ!.... Но шарлатанъ, увѣренный въ своей невинности, принялся спорить съ комиссiей, доказывая, что ученые мужи ошибаются, что ихъ аппаратъ вретъ, что ртути тутъ нѣтъ и не бывало. Наглеца хотѣли уже вытолкать изъ храма науки, когда онъ, съ отчаянiя, предложилъ комиссарамъ, чтобы сами они приготовили какой-нибудь составъ безъ ртути и сперва испытали надъ нимъ Волластоновъ аппаратъ. По особенному высоко-снисхожденiю, комиссары согласились. Составъ изготовленъ, — составъ самый безвредный. Проволоки погружены. И что же?.... вотъ, вотъ золотая проволока бѣлѣетъ, вотъ она совершенно побѣлѣла! Шарлатанъ торжествовалъ. Ученые мужи были ужасно сконфужены, и въ донесенiи академiи взывали всю вину на соседство свинцовой проволоки, изъясняя, что, въ этомъ странномъ случаѣ, вѣроятно электрической токъ, стремящiйся со свинцовой проволоки на золотую, увлекаетъ съ собою мельчайшiя частички свинцу и покрываетъ ими золото какъ-бы бѣлою полудою. Такъ ли, не такъ ли, а Волластоновъ приборъ, почитавшiйся дотолъ за непогрѣшимый, явственно оказался обманчивымъ, и его должно было оставить. Какъ не пришло въ голову господину Орфилу, что то же самое легко можетъ случиться когда-нибудь и съ Маршевымъ аппаратомъ для открытiя мышьяку? Оно и действительно случилось.

— Еще весьма недавно наука вовсе не подозревала, чтобы такой ужасный яд, как мышьякъ, могъ добровольно, по распоряженію мудрой природы, находится въ здоровомъ чловкѣ, никогда не принимавшемъ этого яду. Известный химикъ Расрай и самъ господинъ Орфіла показали, однако жъ, что этотъ губительный металлъ существуетъ въ костяхъ и другихъ тканяхъ у чловка и вскармливающихъ животныхъ, и входитъ въ ихъ составъ. Это открытіе придало большой вѣсъ тому и другому въ вопросахъ, относящихся къ мышьяку, хотя оба они во многомъ не согласны были между собою, спорили, и даже обвиняли другъ друга въ невѣжество. Но какимъ образомъ показали они присутствіе натурального мышьяку въ тѣлѣ? Добыли ли его хоть столько, чтобы можно было отравить муху? Ни мало. Они только получили, при перегонкѣ животныхъ тканей въ Маршевомъ аппаратѣ, пятна съ металлическимъ отблескомъ на кускахъ фарфору. Со времени знаменитаго дѣла Марин Лафаржъ естественно возникли жаркіе споры о присутствіи или отсутствіи натурального мышьяку въ тѣлѣ, и, въ парижской академіи наукъ, почти не проходитъ засѣданія, чтобы кто-нибудь не представлялъ ей новыхъ опытовъ и новыхъ заключеній по этому предмету. Въ числѣ такихъ опытовъ, послѣдніе и, безспорно, самыя важныя принадлежатъ господамъ Danger и Fländin, которые сами построили новый, весь стеклянный, и очень замысловатый, аппаратъ для разѣскиванія мышьяку. Искусство ихъ въ приготовленіи самыхъ нѣжныхъ химическихъ инструментовъ, впрочемъ, уже давно известно. При всемъ томъ, они не могли, изъ чловческаго тѣла, извлечь даже сотой доли грана мышьяку. Его, положительно, въ насъ нѣтъ.

Эти два испытателя, дѣйствуя въ Маршевомъ аппаратѣ газами, добытыми изъ животныхъ тканей, и въ которыхъ рѣшительно нѣтъ возможности поймать малѣйшую частицу мышьяку, получили однако жъ на фарфорѣ пятна съ металлическимъ отблескомъ, совершенно похожія на пятна отъ этого металла. Эти положительно не мышьяковыя пятна, не только представляютъ многія физическія мышьяковыя признаки, но и съ большею частью химическихъ реактивовъ даютъ те же самыя результаты какъ настоящій мышьякъ, хотя

вовсе не содержать его въ себя. При обугленіи животныхъ тканей образуется особенный химическій продуктъ, растворяющійся въ водѣ, способный къ приведенію въ летучее состояніе, и составленный изъ сѣрно-кислородатаго и фосфорнокислородатаго амміаку и какого-то органическаго вещества: этотъ-то продуктъ и даетъ на Маршевомъ аппаратѣ тѣ пятна, которыя господинъ Орфіа принимаетъ за мышьяковыя.

Господа Danger и Flandin выводятъ слѣдующія заключенія изъ своихъ опытовъ :

1. Въ тѣлѣ человеческомъ нѣтъ и не бывало натурального мышьяку.

2. Пятна съ металлическимъ отблескомъ, получаемыя съ Маршевымъ аппаратомъ по способу, до нынѣ употребительному, не могутъ служить доказательствомъ отравленія.

3. Маршеву аппарату можно вѣрить только въ такомъ случаѣ, когда, по сожженіи животныхъ тканей, будутъ получены изъ нихъ несомнѣнные остатки мышьяку, представляющіе *все* нормальные признаки этого металла.

4. Въ случаѣ отравленія, пока страждущій еще живъ, этихъ остатковъ должно искать въ изверженіяхъ, а, послѣ его смерти, ихъ можно найти во всѣхъ органахъ уже разнесенными потокомъ крови.

Надобно сказать, въ заключеніе, что, еще до этихъ опытовъ, господа Либихъ, Берзеліусъ, Figuier въ Марсели, и кольмарскій профессоръ Кёппелингъ, признали недостаточность Маршева аппарата и предлагали въ немъ разныя измѣненія.

ВЫРАСТАНІЕ НОВОЙ ГОЛОВЫ И НОВЫХЪ ВНУТРЕННОСТЕЙ У ГОЛОТУРІЙ И АМФИТРИТЪ. *Наблюденія сэръ Джона Делайелл.* Взрослая голотурія похожа на огурецъ, или на колбасу, длиною отъ шести до двѣнадцати дюймовъ. Цвѣтомъ эти странныя животныя бываютъ пурпуровыя, желтыя, сѣрыя и бѣлыя. Тѣло голотуріи покрыто, какъ-будто шерстью, тысячами сосалецъ, которыми она присасывается къ твердымъ тѣламъ. Въ такомъ положеніи она остается безъ движенія во все продолженіе дня, свернувшись въ полукружье. Лишь-только настанетъ вечеръ,

Холодокъ, или кисть, находящаяся на самой толстой оконечности полумѣсяца, развертывается въ широкую воронку, состоящую изъ осьми, десяти и даже двадцати удивительно красивыхъ жабръ или жаберныхъ крылышекъ, вросшихъ въ роговую цилиндрическую трубку, на днѣ которой находится ротъ. Эти жабры, одна за другою, положутъ воду. Каждая изъ нихъ, сильно сжимаясь, входитъ въ ротъ животного, и потомъ выходитъ и развертывается снова. Движеніе жабръ продолжается всю ночь, но съ наступленіемъ дня весь жаберный приборъ стягивается, отверстіе трубки закрывается, и изъ противоположной оконечности животное начинаетъ выбрасывать фонтанъ. Это чудное животное теряетъ само собою всю свою внутренность, которыя, у *Holothuria fusus*, состоятъ изъ осьми большихъ жабръ, пары маленькихъ щупалецъ, роговаго цилиндрика, рта, желудка, кишечной трубки, и яичника: вся эти органы отдѣляются сами собою, и тѣло голотурій остается пустымъ какъ мышокъ. Но, отъ этого, животное не умираетъ. Черезъ два или три мѣсяца потерянные части возобновляются, и новая воронка, составленная изъ новыхъ жабръ, величиною во всю длину животного, опять начинаетъ свои движенія.

Другія породы голотурій, сами собою раздѣляются посрединѣ на двѣ части, а иногда болѣе, изъ которыхъ вырастаютъ новые органы и образуются новыя; совершенныя животныя, между-тѣмъ, какъ ихъ анатомическое устройство такъ сложно, что почти не возможно доискаться, къ чему назначены многія части ихъ тѣла.

Втеченіи ночи, одна голотурія, положила болѣе пяти тысячъ личекъ. Дѣтеныши ихъ походятъ на личинки, и бывають величиною съ ячменное зерно.

Животное можетъ терять и воспроизводить свои органы по нѣскольку разъ; очень рѣдко найдете цѣлую голотурію: сэръ Джонъ первый имѣлъ случай наблюдать этихъ жидотивыхъ живыхъ и совершенно развитыхъ.

Амфитрита—животное еще болѣе любопытное. Различныя породы ея водятся около береговъ Шотландіи. Онѣ живутъ, или въ трубкахъ, которыя сами дѣлають, или въ чахлахъ, устроенныхъ изъ особеннаго роду шелковистаго вещества, которое у нихъ просачивается сквозь кожу, или,

наконецъ, помещаются въ серединѣ прозрачной студени, которая тоже—животное произведение.

Тѣло амфитриты, называемой *ventilabrum*, живетъ длиннѣе до двѣнадцати дюймовъ и болѣе: оно похоже на тѣло змеи, и состоитъ изъ трехъ сотъ пятидесяти колець, украшенныхъ хохолкомъ, который составленъ изъ осьмидесяти до девяносто мясистыхъ перышекъ различнаго цвѣту; тѣло оканчивается двойнымъ хомуткомъ или валикомъ. Жабры, расположенныя въ видѣ воронки, или волана, толщиною въ три дюйма, походятъ на прекрасный цвѣтокъ; съ двумя шипами въ серединѣ. Каждое перышко окружено, по правому, пятью сотнями тоненькихъ мясистыхъ волосковъ, сидящихъ на длинномъ стебелькѣ. Амфитрита — животное очень робкое, живетъ въ прямой трубкѣ чернаго цвѣту, похожей на выдланную кожу. Это жилище устраивается самымъ тщательнымъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ бросить въ воду нѣсколько грязи въ то время, когда животное высунетъ изъ трубки свой прекрасный хохолокъ. Лишь только вода замутилась, весь жаберный приборъ приходитъ въ движеніе, несмотря что само животное на видѣ остается покойно. Сорокъ тысячъ волосковъ начинаютъ работать, и вскорѣ, на днѣ воронки, скопляется значительное количество черноватаго вещества. Со дна это вещество поступаетъ въ ротъ, смѣшивается съ особеннаго роду клеемъ, и потомъ выбрасывается, въ видѣ тѣста, на края отверстія трубки. Въ ту минуту животное выходитъ изъ своего жилища, и, медленно поворачиваясь, даетъ этому тѣсту приличную форму, посредствомъ двухъ небольшихъ лопаточекъ, прикрѣпленныхъ къ шеѣ двумя бахромочками. При дальнѣйшемъ движеніи, животное скрывается въ трубку, которой отверстіе остается закрытымъ, покуда животное не замѣтитъ, что можно продолжать начатую работу безъ опасности.

Отрѣзанная передняя часть вырастаетъ вновь. Изъ кусочка нижней части амфитриты возникаетъ цѣлый хохолокъ, съ своими перьями, бахромками, шипами, образуются ротъ, лопаточки, однимъ словомъ, новое, совершенно полное животное.

Амфитрита *bohmux*, обитающая въ желобчатой чаш-

на быстроту, величиною не больше трех дюймовъ; третья часть тѣла ее составляетъ хохолокъ изъ шестидесяти или семидесяти жаберныхъ перьевъ. Когда сэръ Джонъ разрезалъ такую амфитриду поперекъ на двѣ части, оба куска очень скоро покрылись чашками, въ которыхъ лежали они безъ движенія. Верхній кусокъ не измѣнился; у нижняго, напротивъ, выросли все органы.

У молодыхъ амфитридъ, жабрь бываетъ очень мало: число ихъ, какъ и число колець у червей, увеличивается съ лѣтами, до безконечности. Стебелекъ жабернаго пера сначала бываетъ тоже голый, и только постепенно покрывается волосками, которые начинаютъ вырастать снизу вверхъ.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРЕДСКАЗЫВАТЬ, ПО ТЕМПЕРАТУРЪ ЛѢТНИХЪ МѢСЯЦЕВЪ, ВѢРОЯТНУЮ ТЕМПЕРАТУРУ ЗИМНИХЪ. Въ извѣстной глубинѣ земной коры температура не измѣняется ни зимою ни лѣтомъ; но, выше черты этой постоянной температуры, земные слои нагрѣваются отъ солнца лѣтомъ, и простываютъ зимою. Въ лѣтніе мѣсяцы самый теплый слой бываетъ верхній, въ зимніе — наоборотъ. На этомъ основаніи господинъ Hutchison думалъ, что, судя по медленности, съ какою высокая лѣтняя температура проникаетъ въ слои земли, количество теплоты, поглощенной ими въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцы, находясь въ самыхъ верхнихъ слояхъ, должно и выходить первое изъ нихъ наружу при поступленіи зимы, и, на-оборотъ, теплота первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, постепенно проникшая въ самые глубокіе слои, должна выйти изъ земли послѣдняя, то есть, къ концу зимы. Эта выступающая изъ земли теплота по-необходимости нагрѣваетъ воздухъ, и хотя регулярности такого нагрѣванія должны мѣшать вѣтры и другія непредвидимыя причины, однако жъ можно, недѣлею раньше, недѣлею позже, предсказать то время, когда теплота, скопившаяся въ слояхъ въ таковой-то лѣтній мѣсяць, выступитъ на поверхность земли. По этому правилу выходитъ, что каждому мѣсяцу, втеченіи котораго совершается поглощеніе теплоты, соответствуетъ потомъ мѣсяць, когда совершается изверженіе ея наружу. Следовательно, по средней температурѣ каждаго лѣтняго мѣсяца, можно предсказать, какая будетъ средняя температура

къ соответствующему ему зимнему месяцу: Въ зимнаго не слишкомъ северныхъ, послѣдній жаркій мѣсяць будетъ августъ: следовательно теплота его будетъ занимать самый верхній слой земли, и останется въ немъ весь сентябрь, потому что въ сентябрь земля еще не простываетъ; и эта теплота станетъ выходить обратно въ воздухъ только въ октябрь. Теплота предположняго жаркаго мѣсяца станетъ выходить уже послѣ. Такимъ образомъ:

Августъ соответствуетъ октябрю.
 Июль.....ноябрю.
 Июнь.....декабрю.
 Май.....январю.
 Апрель.....февралю.

Если, поэтому, въ августъ, температура всего мѣсяца была выше средней обыкновенной, то и октябрь будетъ теплѣе обыкновеннаго. Если июль былъ холоднѣе, ноябрь будетъ тоже.

Повѣряя это правило съ термометрическими наблюденіями за нѣсколько десятковъ лѣтъ въ Шотландіи, господинъ Гочинсонъ нашелъ, что предположеніе его совершенно основательно: вліяніе теплоты лѣтнихъ мѣсяцевъ на температуру соответствующихъ имъ зимнихъ очень замѣтно, и, въ большемъ числѣ лѣтъ, исключенія изъ правила, зависящія, по первому взгляду, отъ случайныхъ обстоятельствъ, совсѣмъ уничтожаются. Если возьмемъ одинаковыя мѣсяцы въ нѣсколькихъ десяткахъ годовъ, и сравнимъ ихъ между собою, какъ въ таблицахъ господина Гочисона, представленныхъ имъ на послѣднемъ съѣздѣ англійскихъ ученыхъ, то увидимъ, что случайныя неправильности исчезаютъ, и что всякая нѣсколько замѣтная разница холоду или теплу лѣтомъ въ сравненіи съ среднею мѣсячною температурою, производитъ такую же разницу въ температурѣ соответствующаго зимняго мѣсяца. Результатъ такъ постояненъ, что, по мнѣнію автора, нельзя не видѣть въ немъ основательности предположенія, на которомъ онъ основалъ свою теорію.

двухдѣтныя инфузори. Въ октябрѣ прошлаго года докторъ Уегдонъ Hargrove представилъ Лондонскому Микро-

Специальному Обществу отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ надъ цвѣтовыми инфузоріями, принадлежащими, какъ кажется, къ роду *Euglena* Эренберга. Онъ нантель ихъ въ прудъ близъ Нокома. Эти животныя плавали на поверхности воды, въ видѣ небольшихъ, охлочновъ, соединенныхъ между собою подобіе тоненькой нити. Они имѣютъ замѣчательную способность мѣняться въ цвѣтъ въ различное время дня. До шести часовъ утра, они всегда бывають прекраснаго зеленого цвѣту; съ того времени, онъ измѣняется изъ зеленого въ красный, и остается до четырехъ часовъ по полудни, послѣ чего животныя снова становятся зелеными. Сохранить этихъ инфузорій въ состояніи зеленого цвѣту очень трудно: при малѣйшемъ движеніи, они дѣлаются красными. При помощи микроскопа, пасторъ Вернонъ удостовѣрился, что перемѣна въ цвѣтъ происходитъ отъ нѣкоторыхъ измѣненій, совершающихся во внутренности животныхъ. Въ тѣлѣ ихъ находится крошечный шарикъ краснаго цвѣту, который, расширяясь и занимая много мѣста, даетъ всему тѣлу красный отливъ. Пасторъ Вернонъ не думаетъ, чтобы попеременное расширение и сокращеніе центральнаго краснаго шарика зависело единственно отъ вліянія свѣту или теплоты: въ этомъ случаѣ, въ срединѣ лѣта измѣненіе цвѣту должно было бы начинаться гораздо ранѣе шести часовъ утра и, ни въ какомъ случаѣ, не становиться опять зеленымъ въ четыре часа послѣ обѣда; сверхъ-того животное не являлось бы краснымъ въ темнотѣ при малѣйшемъ сотрясеніи. Вѣроятно, этотъ феноменъ зависитъ отъ какого-нибудь неизвѣстнаго еще жизненнаго дѣйствія.

НАМЕЦЕНІЯ УМОЗРѢНІЯ ОРАЗУМЪ ЖИВОТНЫХЪ. Столько великихъ философовъ, столько важныхъ богослововъ, занималось этимъ фантастическимъ вопросомъ, и объ немъ написано и забыто такое множество книгъ, что въ наше время надобно имѣть необыкновенную смѣлость чтобы пошевелить пыльные архивы, въ которыхъ погребены эти бесплодныя умозрѣнія. Братъ безсмертнаго Кювье, зодѣйный умный и положительный, занимался, правда, въ послѣднее время во Франціи, ученымъ разборомъ ума животныхъ, de l'*intelligence des animaux*, но одному только намеценому пре-

автору можетъ прийти въ голову написать въ девятнадцатомъ вѣкѣ такую книгу какъ «*Versuch einer vollständigen Thierseelelkunde*» (Stuttgart, 1840, 2 Bde). Мы, конечно, и не обратили бы вниманія на подобную книгу, если бы очень уважаемые нѣмецкіе журналы не выдавали ея въ то же время въ такое прекрасное, примѣчательное и глубокомысленное. Но похвалы, расточаемыя ими собранію дикихъ и горячечныхъ грезъ господина Шетлина возбуждаютъ невольное желаніе заглянуть въ его знаменитое твореніе : и тутъ только можно увидѣть, какое жалкое направленіе приняли и сохранили опытные науки во многихъ германскихъ университетахъ, и до какой степени лучшіе критическіе журналы этой страны заражены суевѣріемъ и бреднями умозрительнаго мистицизма. Прежде всего должно замѣтить, что для большей части этихъ журналовъ, такъ же какъ и для ученаго господина Шетлина, чудеса животнаго магнетизма составляютъ доказанный фактъ, о которомъ и не должно спорить : одно это обстоятельство достаточно уже показываетъ степень ученаго добродушія, — чтобъ не сказать, простоумія, — этихъ господъ. Господинъ Шетлинъ, такимъ образомъ, во-первыхъ и прежде всего, — магнитистъ, заклятый магнитистъ. Во-вторыхъ, лучшіе годы своей жизни онъ провелъ въ обществѣ скотовъ : это случается со многими ; но съ тою разницею, что другіе очень досадуютъ на такой случай, а господинъ Шетлинъ, напротивъ, гордится имъ какъ преимуществомъ. Общество это онъ полюбилъ отъ всей души, принялъ на себя званіе его психолога, и сильно возстаетъ противъ скверной привычки людей мучить друзей его, животныхъ, между-тѣмъ какъ съ другой онъ представляетъ насъ въ обязанностяхъ нашихъ въ отношеніи къ скотамъ.

Книга его представляетъ сперва полный литературно-историческій обзоръ древнихъ и новыхъ сочиненій, которыхъ предметомъ была животная психологія : далѣе, идутъ собственныя наблюденія и умствованія автора. Съ самою живѣйшею любовью къ предмету и изумительнымъ прилежаніемъ собралъ онъ въ одно цѣлое все, что было до него писано о животной психологіи : а писано-то страхъ сколько ! Во введеніи, авторъ подробно излагаетъ, какія понятія,

думали древніе о животныхъ, и думаетъ, что родъ, которуу играли сотни въ языческой мѣологіи и ея символика была основана на слишкомъ произвольныхъ началахъ. Онъ, докторъ, глубоко изучилъ сердце и душу совы : но, отдавая всю справедливость ея уму, не можетъ понять, зачѣмъ древніе произвели ее въ представительницы богини мудрости, Минервы. Важность, съ какою господинъ Шетлингъ разбираетъ этотъ вопросъ, возбуждаетъ невольный смѣхъ. Это, кажется, уже извѣстно всѣмъ гелленистамъ, что сова при Минервѣ находится, просто, по милости греческаго каламбура : эту богиню мѣологія представляла себѣ *бълокурою*; «бълокурый» по-гречески *glaukós*, а сова, *glauks*, *glaukós*: отсюда извѣстный эпитетъ Минервы—*glaukoris*, въ которомъ, следовательно, два значенія—*бълокуровидный* и *сововидный* (оръ значить *лицо, видъ*, а не глаза, какъ думали многіе переводчики Гомера). Тутъ уже каждый видитъ, что, для выраженія въ скульптурѣ, въ статуѣ, бълокুরаго вида изваянной богини, остроумному человѣку стоить только посадить подлѣ нея сову, и всѣ не менѣе его остроумные зрители тотчасъ догадаются, что это — *кирія glaukoris*, госпожа Бълокурая, или Минерва. Опять въ страшное затрудненіе приводятъ его кошки : онъ никакъ не можетъ отгадать, какая связь существуетъ между кошкою и луною? Не та ли, что глаза кошки, суживаясь и расширяясь, имѣютъ сходство съ лунными фазами? Или еще тоньше : не та ли, что число дѣтенышей, которыхъ кошка рождаетъ, иногда равно числу дней лунной недели? Словомъ, господинъ профессоръ Шетлингъ на какими умозрѣніями не можетъ разрѣшить этого удивительнаго случая. А между-тѣмъ всякой простыми глазами видитъ причину избранія кошки символомъ луны : кошка и луна — ночныя животныя! Такъ же тонко авторъ объясняетъ почему Египтяне боготворили кошекъ : потому что кошка похожа на льва!

Обвинивъ первыхъ христіанъ въ преступномъ неуваженіи къ животнымъ, скотолобивый умозритель перескакиваетъ черезъ средніе вѣка и благополучно опускается передъ возрожденіемъ наукъ и шестнадцатымъ столѣтіемъ. Въ эту эпоху великихъ открытій и великихъ глупостей философія беретъ животныхъ подъ свое покровительство. На

чиняются споры : одни защищаютъ ихъ , другіе унижаютъ и преслѣдуютъ. Являются де-Порта и Геснеръ , люди , которыхъ животныя никогда не забудутъ . Съ другой стороны являютя Перейра и злой Декартъ , и говорятъ , что животныя—машины , существа бездушныя , съ которыми человекъ имѣетъ право дѣлать все , что ему угодно . Противъ нихъ возстаютъ Лейбницъ и послѣ Томазіусъ . Въ 1750 вышло первое систематическое сочиненіе о такъ называемой животной психологіи : авторъ его , Георгъ Мейеръ , объявилъ животныхъ существами , совершенно подобными человеку , съ тою только разницею , что развитіе ихъ умственной организаціи , какъ и физическихъ формъ , не доведено до предѣловъ , присвоенныхъ нашей породѣ , но приостановилось на известной точкѣ . По системѣ Мейера , крыска и философъ — одно и то же , только крыска меньше вытянулась , меньше развилась физически , а затѣмъ и умственно : но развернись она , какъ слѣдуетъ , то изъ крысы выйдетъ отличный геллертеръ , умозритель первой руки . Однако жъ , во Франціи и Италиіи эта теорія не нашла себѣ приверженцевъ : тамъ , о животныхъ всё-таки имѣли самыя невыгодныя мнѣнія , которыхъ держался и гениальный Бюффонъ . Но зато , въ Германіи , Мейерова нелѣпость росла и украшалась новыми прибаутками , дотогѣ что Гердеръ уже называлъ животныхъ *старшими братьями человека* . При всѣмъ томъ , философія умнаго Канта неслишкомъ имъ благопріятствовала , потому что нравственность и свободу она исключительно присвоила человеку . Но долго ли умныя вещи могутъ держаться на корнѣ въ туманной атмосферѣ германскихъ умозрѣній ? Кантъ брошенъ подъ лавку . Число защитниковъ великаго разума и неприкосновенныхъ правъ животныхъ вскорѣ стало чрезвычайно велико . Мысль , будто разумное начало животныхъ совершенно подобно разумному началу человека , съ тѣмъ только , что оно остановлено въ нихъ на нисшей степени развитія ; вскорѣ сдѣлалась господствующею . Окенъ выпустилъ новую нелѣпость , прозванную *новой идеей* , но которая ни сколько не противорѣчила этой странной мысли : онъ утверждалъ , будто разумное начало , *раусе* , животныхъ не что иное какъ частица разумнаго начала человека , подобно тому какъ тѣло ихъ —

только часть совершеннѣйшаго животнаго организма, то есть, челоуѣческаго тѣла; и какъ, по его мнѣнію, всякое животное только представитель известной части этого тѣла, — червь представитель спинной кости, улитка представительница печени, — то и разумъ ихъ тѣсно связанъ съ отправленіями этихъ органовъ: другими словами, у червя и у улитки ровно столько же ума сколько у челоуѣка въ печени и спинѣ! Разумъ улитки, говоритъ Окенъ — разумъ печеночный: осторожный, разсудительный, пугливый, предчувствующій. Кажется, что ученое сумазбродство не могло уже идти далѣе. Господинъ профессор Шетлинъ нашелъ однако жъ средство усовершенствовать его разными украшеніями. Онъ почти того же мнѣнія какъ и Окенъ: говоритъ, что челоуѣчскій организмъ потому только верховный типъ всего живущаго, что онъ составленъ изъ соединенія всѣхъ организмовъ животныхъ; но почтенный умозритель не принимаетъ животныхъ, подобно Окену, за простое развитіе одного какого-нибудь органа нашего тѣла, а полагаетъ, что это — сокращенія полнаго челоуѣка, недодѣланные люди, существа приостановленныя на известной степени развитія. Жизнь, великое развитіе духа, по мнѣнію господина Шетлина, одна для всего органическаго міра, но она имѣетъ свои «степени». Въ челоуѣкѣ тоже есть разныя *степени* жизни, — бдѣніе взрослоаго челоуѣка, сонъ, сновидѣніе, *лунатизмъ*, магнетическій *сомнамбулизмъ*, дѣтство. Для ясности этой околесицы назовемъ бдѣніе взрослоаго челоуѣка *жизнью N° 1*, сонъ *жизнью N° 2*, сновидѣніе *жизнью N° 3*, лунатизмъ *жизнью N° 4*, сомнамбулизмъ *жизнью N° 5*, дѣтство *жизнью N° 6*. Настоящая, коренная, постоянная жизнь челоуѣка, одному ему только свойственная, есть жизнь N° 1, или тотъ разумъ, который въ немъ дѣйствуетъ и проявляется, когда онъ не спитъ; прочія жизни въ насъ кратковременны и какъ-бы случайны, но у разныхъ животныхъ онъ, — коренныя и продолжаются отъ колыбели до могилы. Такимъ образомъ есть существа, примѣромъ сказать растенія, или прозябаемыя, которыя во весь вѣкъ живутъ *жизнью N° 2* (челоуѣчскій сонъ): это значитъ, что у нихъ дѣмъ столько ума, сколько у челоуѣка, когда онъ вмѣстѣ съ сапогами скинулъ съ себя жизнь N° 1, надѣлъ на голову ночной

кошачья и на душу живую № 2, жизнь растительную, ищущую; ветвь, есть животныя, которыя постоянно живутъ жизнью № 3 (человеческое сновидѣніе): ясны, у которыя въ мысляхъ столько же толку, сколько въ грезахъ человеческого сновидѣнія; есть наконецъ другія, живущія жизнью NN° 4, 5 и 6, равныя по уму разуму остальнымъ человекамъ во время лунатизма, магнетическаго сомнамбулизма (хорошъ долженъ быть умъ у такихъ животныхъ!) или дѣтства. Не знаю, понятно ли изложилъ я глубокомысленное открытіе господина профессора, заимствованное впрочемъ у Каруса, но дѣло именно такъ, какъ я имѣю честь докладывать. «Чтобъ по-возможности не допустить себя до главной погрѣшности всѣхъ прежнихъ зоопсихологовъ, говоритъ онъ, и чтобъ составить правильную систему животной психологій, я раздѣлилъ всѣхъ звѣрей и скотовъ, не просто на скотовъ и звѣрей, или какъ-нибудь иначе, но на три великіе разряда подъ названіями *прозябаемо-скоты*, *окотоскоты* и *человѣко-скоты*, Pflanz-Thier, Thier-Thier und Mensch-Thier, а это всё-равно что сно-животныя, лунатико-животныя и бѣд-животныя; да сверхъ-того два прибавочные разряда, подъ названіями *сновидо-скоты* и *сомнамбуло-скоты*. Червей, которыя умъ не выше древеснаго, я ставлю въ разрядъ сно-скотовъ; птицъ и млекопитающихъ отношу къ разряду бѣд-скотовъ; изъ насекомыхъ, рыбъ и амфибій, составляю отдѣлы сновидо-скотовъ, лунатико-скотовъ, и наконецъ скотовъ, живущихъ жизнью чудеснаго сна магнетическаго, не предоставляя себѣ впрочемъ права приписывать каждый зоологическій классъ, каждое семейство, къ одной особенной степени жизни. Я говорилъ уже, что, какъ мнѣ кажется, образовательная сила природы, или душа земли, Erd-rauche, касательно своихъ частныхъ явленій, какъ то, мысли, воли, исполненія, качается въ существахъ низшаго образованія. Это качаніе, Oscilliren, отъ одного полюса къ другому, и составляетъ ихъ существенную принадлежность, потому что оно замѣтно во всѣхъ низшихъ тваряхъ шести классовъ животныхъ. Низшее насекомое, стоитъ гораздо ниже чѣмъ самый высшій червякъ. Посмотрите, какъ низко поставлены природою самая низшая рыба и самое низшее млекопитающее! Вотъ почему, отъ этой качки земной

души, сно-скотизма; сновидо-скотизма; лунатико-человечья и соннамбуло-скотизмъ. Провальнотомъ даже въ высшихъ мыслительныхъ.»

После этой умсарительной чепухи, авторъ просматриваетъ весь рядъ животныхъ, и всюду видитъ постепенное развитіе разумнаго начала, отъ сно-скотовъ, умныхъ какъ крапива или какъ всякое другое растеніе, до человека-скотца, не уступающихъ въ умъ и соображеніи ниному скотчеловѣку. И всюду руководствуется онъ или своими собственными наблюденіями или свидѣніями, почерпнутыми изъ «лучшихъ источниковъ». Такія характеристики животныхъ составляютъ главную часть книги; остальная содержитъ въ себѣ цѣлая опроверженія самыхъ тонкихъ изслѣдованій, каковыя до господина Шетлина никто еще и не дѣлалъ.

Доказавъ, что, по уму, червь во время своего бдѣнія находится въ состояніи непрерывнаго сна человеческого, сочинитель старается убѣдить далѣе, что насенныя никогда не выходятъ изъ состоянія человека-сновидца, и говоритъ, между прочимъ, что въ дѣйствіяхъ и поступкахъ обыкновенной мухи самымъ яснымъ образомъ видны причуды сновидѣнія: она, такъ сказать, *имъ законы тяжести* (огъ!), бѣготно по потолкамъ, и равнодушно ометривъ на всякія отношенія: «Насыпьте на столъ сахару, продолжайте тереть Шетлинъ, мушкетеритса множество: убейте часть ихъ, и прочія этого не замѣтять: онъ будутъ спокойно ползать по ярусамъ своихъ сестрицъ, смерть не страшитъ ихъ, о сомалашіи онъ и понятія не имѣютъ. Не такъ ли и человекъ: кажется во снѣ, будто онъ имъ законы тяжести, ходитъ по воздуху, бѣгаетъ по потолкамъ? Не такъ ли въ снѣ сновидѣніяхъ смотритъ онъ безъ ужаса на смерть, храбро дерется на поля сраженія, и безъ страху можетъ видѣть себя убитымъ?»

Рыбы по мнѣнію господина Шетлина — сущіе лунатики, а сновидѣнія — соннамбулы. Настоящій бдѣ-скотизмъ встречается въ первый разъ у птицъ. Самую мудрую и благородную птицею авторъ считаетъ аиста, который уже и по своему виду ближе подходитъ къ человеку чѣмъ вся прочія птицы, и далеко превосходитъ ихъ своимъ духомъ и нравомъ.

МАРТЪ, 1861.

НОВЫЯ КНИЖИ.

Мнѣ сказывали, будто-бы кто-то говорилъ, что въ Лѣтописи нѣтъ критики. Вообразите, какое несчастіе!.... въ Лѣтописи нѣтъ критики! Что же ей теперь дѣлать? повѣситься ли съ отчаянія?.... или, принеся покаяніе, надѣть ночной кошпакъ нѣмецкаго педанта, разсѣсться въ засаленныхъ и изломанныхъ креслахъ какого-нибудь Готтшеда, нахмуриться, надуться, и начать пытаться книги, съ наслажденіемъ прислушиваясь къ ихъ визгу, исторгать у нихъ обвиненія противъ бѣдныхъ авторовъ, придираясь ко всемъ словамъ? стать преважно судить и рѣдить о чужомъ умѣ и стать отменно смѣшною въ глазахъ всехъ, знающихъ настоящую цѣну вещамъ и дѣламъ этого многотомнаго свѣта? тяжкимъ трудомъ, въ кровавомъ потѣ чела, наживать себѣ враговъ въ сочинителяхъ, которые изъ гордости никогда не убѣдятся ея доказательствами, и возбуждать зѣвоту отвращенія въ читателяхъ, которые стали уже такъ умны, что не вѣрятъ даже и печатному? Увы! они уже поняли всѣ тайныя пружины текучей критики, всѣ ея извороты, продѣлки, страстишки; мелькомъ увидали многихъ изъ тѣхъ, которые такъ смѣло произносятъ приговоры объ умѣ, познаніяхъ и достоинствахъ писателей, и ужаснулись..... Въ Лѣтописи нѣтъ критики! Бѣда, да и только. Ну, теперь скажите намъ,

во милости : гдѣ же она есть , въ наше время ? къ чему она служить ? кому она полезна (исключая книгопродавцевъ) ? и кто ей нынче вѣритъ (не исключая и самихъ ея сочинителей) ?.... Этакое горе случилось съ Лѣтописью ! она , бѣдняжка , уже и не понимаетъ , что такое критика , любимая мечта учителей риторики , посмѣшище умнаго , карикатура чловѣческаго правосудія , дочь варварскихъ временъ , когда люди еще вѣрили , что мы значить что-нибудь въ литературномъ языкѣ !.... Да разве дѣла въ книгѣ , занятомъ , хлопотливомъ , заваленномъ книгами , ими же разочарованномъ , и постигшемъ все ничтожество книжныхъ судей , всю суету книжнаго суда , возможна какая-нибудь другая критика кромѣ бѣглаго , веселаго , беззаботнаго разговору съ умнымъ читателемъ , кромѣ той прелестной бесѣды , въ которой между добрыми друзьями такъ пріятно сливаются въ одну болтовню , въ одно наслажденіе , погода , актриса , шутка , новая книга и другіе пустяки ? Не обманывайте себя мечтательнымъ идеаломъ критики : если она когда-нибудь существовала въ природѣ , въ чемъ я очень сомнѣваюсь , то царство ея прошло безвозвратно вмѣстѣ съ вѣрою въ непогрѣшимость литературныхъ законовъ , установленныхъ великими критиками . Она теперь , просто , изъявленіе личнаго воззрѣнія на предметъ того , кто говоритъ о литературномъ произведеніи . Это — ничтожная , безпослѣдственная , частная болтовня ; а не приговоръ судьи , дѣйствующаго по дододожительному и общепринятому уставу , и , какъ болтовня , она обязана быть живою , пріятною , веселою , подлѣ оцѣсеніемъ не быть слушанною умными людьми , которые знаютъ , въ чемъ состоитъ дѣло . Неужели вы думаете , что въ наше время , при нынѣшнихъ средствахъ , очень трудно читать скучно , сухо , важно , съ педантизмомъ ? Это , напротивъ , такъ легко , что и сказать нельзя . Нѣтъ ничего легче , какъ призвать на помощь Грековъ , Римлянъ , Аравитякъ , Персовъ , Индійцевъ , Китайцевъ , даже Мапъджуровъ и Монголовъ , напугать читателя страшными словами , закидать цитатами , разбить въ пухъ необозримою ученостію . Это будетъ очень важно : да выйдеть ли изъ этого критика , «судья» , когда вы ни во что не вѣрите , когда старинные литературные законы ниспровержены , когда всѣ стали умны до-нельзя

и всякой самъ себя и другимъ — судятъ и (никого не) слушаютъ? И веселе ли вамъ будетъ, когда я, вместо обыкновенной моей, беззаботной болтовни о новыхъ прозвладенияхъ нашего гения, о поэмахъ, романахъ, бездланцахъ, вадоръ, о томъ, что не стоитъ и трехъ порядочныхъ слоговъ, стану пресерьёзно, преторжественно, прескучно, раздумывать о такихъ важныхъ вещахъ какъ въпрямь индифферентная басня или русскій гекзаметръ? Очень сомневаюсь! А впрочемъ, если вамъ угодно, если кому скучно на свѣтъ безъ такихъ разсуждений, то я стану писать даже и объ гекзаметрахъ. Посмотримъ, будете ли меня слушать, доставитъ ли у васъ терпѣнiя.

Я объявляю, что напругу въ силы чтобы, слегка возможно, быть важнымъ и не смѣяться. Скучайте! Мнѣ до этого дѣла нѣтъ.

И, съ перваго слова, почтеннѣйше прошу извиненiя у всѣхъ, которые писали, пишутъ и хотятъ писать новѣйшiе гекзаметры на манеръ древнихъ, если осмѣлюсь дерзновенно сказать имъ, что они не знаютъ, не понимаютъ и не догадываются, что такое въ природѣ вещей и языковъ *длинный слогъ* и *короткий слогъ*; что они не имѣютъ понятiя о *дактилѣ* и *спондѣ*; что ихъ стихи — просодическая гимнастика, противная всемъ законамъ звуку, слуху, музыкѣ и здраватаго смысла, смѣшная затѣя, несообразность; ужасъ.

Греки, Римляне, Финикiйцы, Арабы, Персы, Турки! Терпандръ, Пинегоръ, Лебидъ, Гезюдъ, Аретинъ, Эсхилъ, Саади, Виргилiй, Асмаи, Боэций, Хафизъ, Птоломей и Ренандъ-ваша! всѣ вы, которые писали настоящiе метрическiе стихи или открывали законы музыкальнаго звука, растолкуйте, пожалуйста, нашимъ поэтамъ, что долготу и краткость слоговъ, въ языкахъ, въ музыкѣ, въ акустикѣ, въ природѣ, вездѣ, составляютъ не гласныя, но *согласныя* буквы; что гласная сама по себѣ — ни длинна ни коротка, что она только *тонъ* или, какъ прекрасно называли древнiе Аравитяне, звучное *движенiе* согласныхъ, и что ударенiе, акцентъ, не имѣетъ ничего общаго съ долготою или краткостью слоговъ. Греки взяли свою метрическую систему и свой гекзаметръ отъ Финикiйцевъ: это фактъ, засвидѣ-

тествовавший Геродотомъ. Правила этой метрической системы известны; но настоящее, просодическое, то есть, музыкальное, впечатлѣніе потеряно для насъ въѣсть съ музыкою Грековъ, на которой стихъ ихъ совершенно основывался. Однако жъ есть возможность добиться до уразумѣнія ея свойства. Музыка Восточникъ, дочь усовершенствованной музыки Грековъ, еще сохраняетъ въ себѣ драгоценныя указанія, ждавъ Финкійцы по происхожденію и по языку были одною племенемъ съ Аравитянами, то очень естественно искать въ метрической системѣ Арабовъ объясненія того, что для насъ до-сихъ-поръ было не понятнымъ въ греческой: это даже тѣмъ необходимѣе, что удивительное, идеальное совершенство арабской метрической системы стихосложенія, тѣсная связь его съ внутреннимъ устройствомъ языка, и въѣсть съ тѣмъ непостижимое согласіе его съ акустическими законами звуку, ясно показываютъ, что метръ родился въ языкахъ сирійскаго корня, былъ неизбежнымъ слѣдствіемъ ихъ духа, и перешелъ къ другимъ народамъ единственно путемъ подражанія.

Можете совершенно полагаться на мою учтивость, что о я, хоть и общалъ быть скучнымъ, не стану мучить васъ примѣрами арабскаго метра. Я изложу только общіе и несомнѣнные выводы, которые чрезвычайно легко получаются изъ соображенія метрической и музыкальной системы Грековъ съ метрическою и музыкальною системою Аравитянъ, объясняя эти родственныя системы одну другою.

Сравнивая эти двѣ системы, обнаруживается, что Греки и Аравитяне — непостижимое дѣло! — были несравненно умнѣе всехъ насъ, нынѣшнихъ. Они съ гениальною проницательностью уха угадали великій законъ музыки человеческого слова и музыки безчленныхъ звуковъ, котораго мы, при всей нашей мудрости, досель не можемъ ясно постигнуть. Они попали на богатѣйшую идею, на первый источникъ всякой композиціи, словесной и звуковой, на такую вещь, которая, изъ человеческихъ словъ дѣлаетъ музыкальную симфонію и, на-оборотъ, изъ музыкальной симфоніи дѣлаетъ ораторскую рѣчь, а изъ пустыхъ стиховъ настоящіи «языкъ боговъ», какъ говорили древніе, или

«концертъ небесныхъ сферъ», какъ сказали бы язычники. Греки и Аравитяне совершенно правы: да! время, употребляемое на произнесеніе согласныхъ, одно опредѣляетъ природу долготу или краткость слоговъ; гласная ничего не значитъ, гласная — точка, звучное движеніе согласной буквы, вещь безъ тѣла, ничто: а «ничто» не можетъ быть ни длинное ни короткое, это ясно. Отсюда легко вывести очень простое и логическое заключеніе, что чѣмъ больше согласныхъ въ слогъ, тѣмъ онъ длиннѣе, чѣмъ меньше согласныхъ, тѣмъ онъ короче. Меньше одной согласной быть не можетъ въ слогъ: следовательно, — именно такъ и думали Греки и Аравитяне, такъ и до-сихъ-поръ думаетъ весь Востокъ, ученикъ Аравитянъ, — *одна согласная и гласная — короткий слогъ; два согласныхъ и гласная — длинный слогъ.* Въ арабскомъ и другихъ языкахъ сирійскаго корня нѣтъ слоговъ длиннѣе этого: въ греческомъ, для котораго эта система не была выдумана первоначально, слоги имѣютъ иногда по три и четыре согласныхъ, но греческіе поэты или старались не употреблять такихъ словъ, или прибѣгали къ разнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы не считать лишнихъ согласныхъ за буквы или считать два согласныхъ за одну букву. Этого мало: въ языкахъ сирійскаго корня, ни какой слогъ, и следовательно ни какое слово, не начинается гласною: въ греческомъ, напротивъ, это случается очень часто; и потому поэты, чтобы въ точности сообразоваться съ принесенною къ нимъ изъ Сиріи системою метра, выдумали двѣ «аспираціи», легкую и тяжкую, которыя ставили они впереди словъ, начинающихся гласными, признавая эти начальные значки согласными буквами. Такимъ образомъ, древній метръ, и всякая система стопосложенія, которая хочетъ толковать о длинныхъ и короткихъ слогахъ, есть не что иное какъ простой счетъ согласныхъ; но ней, да и по самой сущности дѣла, по акустикѣ, по музыкѣ, по хорошему слуху, по здравому смыслу, по очевидности, по всему истинному въ мірѣ —

ка — короткий слогъ,
какъ — длинный слогъ;
то — короткий слогъ
томъ — длинный слогъ.

Висновок мить и не можетъ быть ни какого сондѣя. У кого ухо чувствительно и одарено тонкимъ музыкальнымъ чувствомъ, тотъ, выслушавъ немножко въ дѣло, послѣ пяти минутъ выводовъ произношенія непременно согласится съ Физиками, Греками и Арабителями; а не согласится, тѣмъ хуже для него: это не сдѣлаетъ чести его ушамъ, и музыкально-акустическій законъ, угаданный Восточнымъ и принятый Греками, всѣмъ-таки останется несомненнымъ закономъ природы: на произнесеніе слога о двухъ согласныхъ въ гласную, нужно ровно вдвое времени противъ того, сколько нужно на произнесеніе слога объ одной согласной въ гласную, какое бы ни было удареніе. Какимъ же образомъ угадали это Греки, и отчего мы, мудрые люди, не могли донынѣ угадать такой простой вещи? А! это другой вопросъ. Этоу виновата наша.... (позвольте вамъ сказать на ухо — *дрянная!*....) музыка, наша грубая, неполная и ложная гашма, новоронившая намъ слухъ, доведшая его до огрубѣлости. Мы долго знали и умѣли различить въ октаву всего только три тона, потомъ четыре, потомъ пять, потомъ шесть тоновъ, потомъ прибавили къ нимъ еще седьмой, и то совершенно ложный; наконецъ, съ большимъ трудомъ, достигли мы того, что въ огромныхъ интервалахъ между этими семью тонами различали и начали чувствовать слухомъ еще пять промежуточныхъ тоновъ, которые ни-вѣсть за что именовали «полу-тонами», такъ, что теперь октава наша дѣлится на двѣнадцать частей, или тоновъ. Далѣе мы не пошли; ухо наше, воспитанное въ этомъ грубомъ дѣлѣнн, не ощущаетъ другихъ болѣе мелкихъ отъиковъ звуку. Но Греки.... вы удивитесь! вы не повѣрите мнѣ на слово!—такъ вотъ вамъ трактатъ Птолемея о музыкѣ, вотъ его *Harmonica*, книга вторая.... Греки дѣлили октаву на *шестидесять* частей, брали чистыхъ *осемнадцать тоновъ* и, съ помощію своихъ порядковъ (*modus*) хроматическаго и энгармоническаго, которые были вовсе не то, что наши нынѣшніе, вводили въ октаву еще какія-то дробн этихъ дробныхъ тоновъ, вѣднче неуловимыя для нашего слуху. Ушамъ, привычнымъ къ такому мелкому дѣленію звуковъ, не мудрено было чувствовать и ясно определять слухомъ, сколько нужно времени на произнесеніе одной согласной, а сколько на произнесеніе двухъ.

Но прошу сделать это теперь, съ нашими ушами, которыя на-видъ, кажись, ничего, а въ сущности.... Ну, да объ этомъ послѣ. Возвратимся къ слогамъ.

Для бôльшей ясности, я буду брать примѣры исключительно изъ русскаго языка. Возьмемъ слова, составленныя изъ однихъ длинныхъ слоговъ; прошу только помнить, что наше *й* — юссе не гласная, а согласная: это *jota*, *j*; и что наши *я, ъ, ю, е,* взятыя отдѣльно — полныя, коренные слоги, состоящiе изъ одной согласной (*jota*) и одной гласной:

воо — тор — овер — ний,
гор — дачъ,
мах — кулъ,
пре — вос — ход — ный — щей,
чер — кой,
пал — кой,
 и прочая, и прочая.

Я слышала, — мой учитель шиттаки и риторики говорилъ мнѣ это, — будто у насъ, въ нашемъ бѣдномъ русскомъ языкѣ, собственно, нѣтъ короткихъ слоговъ. Не угодно ли ему цѣлую фразу изъ однихъ чисто короткихъ слоговъ?

*По бе-ре-гу Не-вы Ма-ша хо-ди-ла въ-ло-ю бо-со-ю но-го-ю
 со-би-ра-ла я-го-ды и от-мо-ро-зи-ла се-бѣ носъ (носъ — длинный
 слогъ, а пальца).*

А ударенiе? скажете вы. Ударенiе ничего не удлинняетъ. Я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, что гласная сама по себѣ не можетъ быть ни длинною ни короткою; что это только — тонъ. Сколько ни ударяйте въ нее, никакъ ея не продлите: вы только возвысите ея тонъ. Такъ думали Греки, такъ думали Аравитяне, такъ и я думаю. Скажу болѣе: я это чувствую моимъ слухомъ. Если вашъ слухъ не чувствуетъ, ни я, ни Греки, ни Аравитяне, ни акустика, не виноваты въ этомъ. Но я дамъ вамъ простое средство ясно почувствовать, если не ухомъ такъ грудью, что ударенiемъ вы только возвышаете тонъ гласной, а не удлинняете ее. Возьмемъ такое слово, которое имѣло бы ударенiе на первомъ; существенно короткомъ, слогъ и могло постепенно нарастать прибавочными слогами; на примѣръ:

1. миль,
2. мило,
3. милый,
4. милостиво,
5. милостивым,
6. милостивыми,
7. милостивыми-ми.

Произнесите эти слова сразу : вы тотчас почувствуете, какъ, при каждомъ словѣ длиннѣе однимъ слогомъ, грудь ваша болѣе и болѣе напрягается для перваго слога *ми*. Произнесите ихъ еще разъ, обращая болѣе вниманія на голосъ: вы услышите, что дѣйствительно большому и большому напряженію вашей груди соответствуетъ большее и большее возвышеніе тону на слогъ *ми* : въ седьмомъ словѣ, на этомъ слогѣ, вы уже возвысили голосъ по-крайней-мѣрѣ на цѣлую терцію, или на кварту, можетъ-быть и на квинту тона: съ точностью не возможно опредѣлить такихъ мелкихъ частицъ гаммы нашимъ нынѣшнимъ слухомъ; для этого нужно было бы имѣть уши древнихъ Грековъ. А попробуйте не возвышать постепенно голосу на *ми*, возьмите два крайнія слова, *миль* и *милостивыми-ми*, и попытайтесь произнести *ми* послѣдняго въ томъ же тонѣ, въ какомъ сначала произносили *ми* перваго, — вы не произнесете этого длиннаго слова : у васъ не хватитъ голосу уже на третьемъ или на четвертомъ слогѣ; вы спутаетесь. И вотъ настоящее назначеніе удареній : безъ нихъ мы не могли бы произносить словъ длиннѣе одного слога. Навыкъ къ родному языку позволяетъ намъ мгновенно сообразить, насколько нужно возвысить голосъ, собираясь произнести очень длинное слово : иностранцы, потому что не умѣютъ быстро соразмѣрить тону съ длиною слова, обыкновенно и путаются въ половинѣ его. Чтобы убѣдиться въ той истинѣ, что удареніе не имѣетъ ни какой связи съ долгою слога, вытяните это *ми* въ седьмомъ словѣ хоть нацѣлую версту, но произнесите его въ низкомъ тонѣ, вы не выговорите полного слова: голосу не хватитъ! Напротивъ, произнесите *ми* какъ-можно короче, но въ высшемъ тонѣ, и легко дойдете до послѣдняго слога. Есть одно предлинное русское слово, которымъ можно убѣдить даже глухаго на счетъ настоящаго

свойства ударенія, только, произнося его, подобно ударить на первомъ слогѣ, *ми*, и уже стараться не дѣлать нѣтъ какаго ударенія на слѣдующихъ : тогда, чтобы благополучно выговорить до конца это слово, состоящее изъ пятихъ одинадцати слоговъ, нужно почти вскрикнуть на слогъ *ми*. Вотъ это слово : *высокопревосходительнѣйшими....* А изъ всего этого слѣдуетъ слѣдующее : есть языки, въ которыхъ удареніе падаетъ однообразно на одинъ какой-нибудь слогъ : во французскомъ, турецкомъ, персидскомъ, оно падаетъ всегда на послѣдній : это значитъ, что Французы, Турки и Персіяне всегда начинаютъ слова свои въ низкомъ тонѣ и постепенно возвышаютъ голосъ до послѣдняго слога : если угодно, это — самая вѣрная метода произношенія ; въ маньчжурскомъ, напротивъ, удареніе стоитъ почти всегда на первомъ слогѣ : то есть, Маньчжуры начинаютъ слова свои съ высшихъ нотъ и постепенно нисходятъ къ низшимъ ; въ польскомъ языкѣ удареніе всегда бываетъ на предпоследнемъ : тамъ произношеніе словъ начинается съ низшихъ тоновъ, голосъ постепенно возвышается до предпоследняго слога, и на послѣднемъ нѣсколько понижается. Въ русскомъ, греческомъ, англійскомъ, италіанскомъ и другихъ языкахъ, удареніе не постоянно, голосъ безпрерывно то возвышается то понижается въ длинныхъ рядахъ слоговъ, и это уже составляетъ въ нихъ важный элементъ для музыкальной обдѣлки рѣчи. Но *piano* и *forte* не достаточны для музыки : нужны еще длинныя и короткія ноты. Возвратимся же къ примѣру *миль, мило, милыми*, и такъ dalje. Произнесите еще разъ тѣ же самыя семь словъ, пристально прислушиваясь къ слогу *лос* въ четырехъ послѣднихъ и къ слогу *вѣй* въ шестомъ и седьмомъ : послѣ всѣхъ нашихъ упражненій, вы, надѣюсь, будете въ состояніи почувствовать сами, что дѣйствительно эти слоги гораздо длиннѣе всѣхъ прочихъ, между которыми они находятся :

о - - о о
ми - лос - ти - во

о о о о
ми - лос - ти - вѣй - ши - ми.

и прочая,

и что удареніе на *ми* вовсе не мешаетъ быть этому слогу *ми* :

выползину коротче слоговъ *се* и *внѣ*. Да что долго тѣмъ помы! Нужна ли основательное доказательство, что, не гласная, а согласная, дѣлаетъ слогъ длиннымъ или короткимъ? Возьмемъ старинныя французскія слова — *testé* — *festé* — *gouaté* — и провинціалія *tété* — *fété* — *gofité* : здѣсь пропущена вездѣ одна согласная, *s*, и это пустое мѣсто надобно теперь наполнить протяженіемъ тону, то есть, удвоить *e* и произнести *tээтэ*, *фээтэ*, *гуутэ*; время на произношеніе перваго слога употребляется точно такое же какъ и прежде: онъ длиненъ, очевидно длиненъ; а между тѣмъ удареніе падаетъ на слѣдующій, ощутительно короткій. Въ нѣмецкомъ языкѣ выходятъ такіе же длинные слоги тамъ, гдѣ въ произношеніи пропускается одна изъ согласныхъ, наприимръ *h*. Во всѣхъ языкахъ то же самое. Примѣчайте такъ изъ Русскихъ, которые не могутъ произнести какой-нибудь буквы, *к*, *р*, или другой, и выпускаютъ ее, удерживая время нужное на ея произношеніе : этотъ слогъ всегда поражаетъ васъ своей долготою. И тутъ мы естественно приходимъ къ другой формѣ основнаго правила древней просодіи: длинный слогъ состоитъ, или изъ двухъ согласныхъ и одной гласной, или изъ одной согласной и удвоенной гласной, какъ *овы*, въ греческомъ языкѣ, «*омега*», равная двумъ *o*, и «*эта*», равная двумъ *э*, по свидѣтельству всѣхъ схолистовъ. Въ такомъ случаѣ вторая гласная становится согласною; потому что всякая гласная можетъ быть ею : доказательство — *jo*а нѣмецкое и *й* русское; *o* сербское и португальское; *y* бѣлорусское и малороссійское, или итальянское, и английское *w*; *a* французское въ диѳтонгѣ *oi*; *e* нѣмецкое въ словахъ *Liebe*, *viel* (почти *льебе*, *вьель*, по произношенію нѣкоторыхъ нарѣчій).

Но если, такимъ образомъ, одна согласная — короткий слогъ, а двѣ согласныхъ — длинный, то очевидно *одинъ длинный слогъ равенъ двумъ короткимъ*. На этой великой акустической и музыкальной истинѣ основано все стопосложеніе, все стихотворство Греціи и Востока. Безъ нея нѣтъ ни метра ни такту, — это всё-равно, — нѣтъ ни стиха ни музыки. Два короткихъ равны одному длинному! Слѣдственно, дактиль (— ◡ ◡) равенъ спондску (— —). Слѣдственно, гекзаметръ состоитъ изъ двѣнадцати дли-

нше, предположивъ на вѣсть разныхъ тактовъ. След-
ственно, если данный слогъ равенъ четверти «цѣлой» ноты,
то короткій будетъ равенъ «ослушанью», или тропи : длин-
нше и сколько греческихъ гексаметровъ истинны дакти-
лы и спондеи на нотныхъ графахъ, поставьте впереди
4 или 3; и дѣле отъ концовъ : это тактъ французской ка-
дриль; выйдете музыкальная композиція. Но не забудьте
двѣ важныя обстоятельства : во-первыхъ, надобно еще,
при божь, слогъ съ удареніемъ означать нотами сравни-
тельно высшихъ тоновъ, и тѣмъ высшихъ, чѣмъ дальне
удареніе отъ конца слова; во-вторыхъ : знаете ли любо-
пытную машинку Виллиза, которая произноситъ гласныя?...
Раздвигая цилиндры этой машинки, то есть, возбуждая въ
нихъ звучность отъ низшаго тону къ высшимъ, воздухъ,
исходящій изъ цилиндровъ, самъ произноситъ и, о, а, е, і;
сдвигая цилиндры, то есть, вставляя ихъ наизвѣстныя звуки
отъ высшаго тону къ высшимъ, когда воздухъ вторгается,
мы слышимъ тѣ же гласныя наоборотъ, і, е, а, о, и. Это
уже не умозрѣніе, а механическій фактъ природы; это на-
туральный порядокъ «гаммы-гласныхъ» въ человеческой ра-
чи: дѣйствительно, произносите гласныя въ этомъ поряд-
кѣ, и, о, а, е, і, — и вы сами увидите, что тонъ вашего го-
лосу постепенно возвышается отъ и (и) до і; что и самая низ-
кая нота въ нашей рачи, і самая высокая. Следовательно, ес-
ли удареніе падаетъ на е или і, то, при равномъ разстояніи
слога отъ конца слова, тонъ этого слова будетъ гораздо
выше того, какой следовало бы здѣсь означать въ нотной
графѣ, если бы гласными его было и (и) или о. Если хо-
решо и понятно такъ положить на ноты греческіе
гексаметры, то изъ разнообразія ихъ дактилій и спон-
деевъ, которое теперь намъ кажется случайнымъ, изъ
повышеній и пониженій тону посредствомъ ударенія, о
которыхъ мы до-сихъ-поръ и не думали, конечно она-
жется, что тутъ, кромѣ стихотворной гармоніи, есть еще
настоящая мелодія, cantilena, композиція, словомъ истин-
ная музыка, — музыка, какъ ее понималъ и слогалъ Бетго-
вонъ, одинъ изъ всѣхъ новѣйшихъ композиторовъ, у кото-
раго она подражаетъ естественной музыкѣ одушевленной и
умной человеческой рачи и потому такъ чудесна, такъ не-

сравнена. Не изъ этого неизбежно слѣдуетъ, что нѣтъ ни какой возможности писать такіе стихи какъ греческіе, не будучи вмѣстѣ музыкантомъ и композиторомъ. И дѣйствительно, всѣ древніе поэты были въ то же время музыканты и композиторы. Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, Пиндаръ, сами сочиняли музыку для своихъ поэмъ; и это было не трудно, потому что музыкальный рисунокъ уже заключался въ словахъ или поэмѣ. Тогда-то стихъ, вещь однозначительная съ музыкой и композиціей, и былъ чѣмъ-то неземнымъ; тогда-то поэзія, превращавшая грубый языкъ человѣчскій въ воздушную мелодію, и могла по праву называться языкомъ боговъ. Увы! что она теперь?... Ну, такъ вотъ почему музыка и была всегда неразлучно соединена съ поэзіей. Вотъ почему она была въ такомъ уваженіи у древнихъ. Вотъ почему съ благоговѣніемъ изучали ее всѣ философы, геометры, физики, астрономы; почему она и поэзія такъ усовершенствовалась, и производили такое могущественное дѣйствіе, что теперь мы и не хотимъ ему вѣрить, слушая наши бездушныя оперы, для которыхъ музыку сочиняетъ одинъ, а слова другой, и часто уже послѣ сочиненія музыки. Поэзія и музыка, двѣ родныя и неразлучныя сестры, при великомъ переломѣ въ историческомъ и нравственномъ быту древняго міра расторгли свой природный союзъ и разошлись надолго. Музыка отдалялась отъ поэзіи, поэзія отъ музыки, и обѣ начали шовъ свое воспитаніе. Обѣ захотѣли совершенствоваться независимо одна отъ другой. Что выиграла онѣ въ этомъ разводѣ? Да то, что музыка пошла въ руки безграмотныхъ капельмейстеровъ и необразованныхъ композиторовъ, у которыхъ нѣтъ и двухъ порядочныхъ идей въ головѣ, набитой туманомъ предразсудковъ; что эти люди, во все не догадываясь объ основныхъ недостаткахъ новѣйшей гаммы, умножаютъ только число инструментовъ, усиливаютъ шумъ, гоняются за контрапунктною пестротою, слышатъ намъ въ уши длинныя вереницы звуковъ безъ мысли, безъ внутренняго значенія, и своей системою гармоніи убили душу музыки, мелодію. Поэзія, стихотворство, съ своей стороны, искусство нѣкогда столь удивительное, столь возвышенное, столь чудное, что не уступало въ идеальномъ совершенствѣ самой даже скульптурѣ, перейдя

въ распоряженіе людей чуждыхъ всякаго музыкальнаго образованія, людей съ такимъ рѣдкимъ ухомъ, что ми и кажутся имъ длинныи слогами, а *стражъ*, *страсть*, *долгъ*, (*пра*)*зднествъ*, короткими, что возвышеніе тону представляется имъ продолженіемъ ноты, — стихотворство сдѣлалось самою анти-музыкальною разладницею, жалкою пародіей и безобразною карриатурой того знаменитаго стопосложенія, одного изъ чудеснѣйшихъ изобретеній человеческихъ, которому будто-бы оно подражаетъ. Въ словахъ, напримѣръ, *стражъ празднествъ* они видятъ одинъ слогъ короткій (*стражъ*), одинъ длинный (*пра*), и опять одинъ короткій (*зднествъ*)!... Все это равнялось бы двумъ длиннымъ слогамъ. Между-тѣмъ, и по метрической системѣ Грековъ и Аравитянъ, и по акустическимъ законамъ, и по музыкѣ, считая по двѣ буквы на каждый короткій слогъ и по три на длинный, здѣсь находится не менѣе цѣлыхъ шести слоговъ, а именно, три короткіе и три длинные :

ст-ражъ пра-зд-нес-твъ.

Слѣдовательно, мнимые два короткихъ слога и одинъ длинный равны по-настоящему въ этихъ двухъ словахъ девяти короткимъ, или четыремъ съ половиною длиннымъ. Еще разъ, не должно относить этого расчета къ произвольности системы: онъ дѣйствительно существуетъ въ природѣ, потому что на произнесеніе девяти короткихъ слоговъ математически нужно ровно столько же времени сколько на произнесеніе четырехъ съ половиною длинныхъ. Въ этой истинѣ можно убѣдиться, взявъ метрономъ или секундные часы; и повторяя по нѣскольку разъ сряду слова, составленныя изъ различнаго числа слоговъ, но метрически равныя между собою. Вотъ, напримѣръ, слово, состоящее изъ четырехъ съ половиною длинныхъ слоговъ : *пре-вос-ход-ный-ше*. Вотъ два слова, представляющія девять короткихъ словъ : *ве-ли-ки-ми ве-ре-ни-ца-ми*. Для метронома и, слѣдственно, для метрическаго стиха, основаннаго, не на числѣ слоговъ, но на музыкальномъ *тактѣ*, слова —

стражъ празднествъ,

превосходнейшимъ

словами сорокати

совершенно равны между собой, какъ три ноты и четверти и три кроши равны четыремъ четвертямъ и одной крошѣ, а тѣ равны девяти крошамъ. Это еще явственнѣе видно, произнося съ метрономомъ ровнѣе, чисто, но безъ разстановокъ между словами, болѣе длинныя фразы. Возьмемъ хоть тѣ, которыя мы уже приводили въ примѣръ:

1.

Востороженнѣй кузнецъ махнулъ превосходнѣйшей черной палкой.

2.

По берегу Невы Маша ходила бляю босою ногою собирая ягоды и отморозила....

Въ первой изъ этихъ фразъ мы имѣемъ семнадцать слоговъ длинныхъ, во второй тридцать четыре короткихъ. Обѣ онѣ будутъ, метрически, равны: займутъ одинаковое число тактовъ и одинаковый промежутокъ времени. И это не удивительно: онѣ состоятъ изъ равнаго числа согласныхъ; въ той и въ другой находится ихъ по тридцати четыре.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Что тотъ, кто первый сказалъ, будто послѣ Грековъ сущность языковъ измѣнилась, будто новѣйшіе языки лишены настоящей просодіи и въ нихъ собственно нѣтъ ни длинныхъ ни короткихъ, сказалъ явную, вопіющую нелѣпость, которую умнымъ людямъ пора уже не повторять болѣе. Какъ! человекъ не измѣнился, горло его не измѣнилось, число буквъ, гласныхъ и согласныхъ, не измѣнилось, свойства воздуха и законы звука не измѣнились: а языки, человѣческіе языки, измѣнились! Да это физически не возможно. Если подъ этимъ «измѣненіемъ» вы разумѣете, что въ новѣйшихъ языкахъ — другое устройство слоговъ, что въ нихъ болѣе согласныхъ не было въ древнихъ, то я вамъ покажу десятки языковъ, устроенныхъ въ этомъ отношеніи по точному образцу греческаго, финикійскаго, и даже арабскаго, совершеннѣйшаго изъ

языкъ метрически. Венгерскій, славянскій, и все языки вѣсто-
крана, въ Европѣ, не допускаютъ въ слогахъ своихъ болѣе
двухъ согласныхъ, и слогъ свой начинаютъ согласною. Чего
же болѣе нужно для самой строгой и выиспытанной метрики?
Устройство слоговъ въ новогреческомъ языкѣ осталось со-
вершенно то же, какъ было въ древнемъ. Италіанскій, испан-
скій, португальскій, все ново-латинскіе языки, пенскіи, ма-
чакъ и французскаго, ни сколько не уступаютъ старому ла-
тинскому наружною формою слоговъ и удобствами ея къ
словоупотребленію по системѣ Грековъ. Пролонгія, длинныя и
короткіе слоги, не исчезли изъ языковъ, не могли исчез-
нуть, потому что они существуютъ, не въ формахъ словъ,
но въ существѣ человеческого голоса и въ коренныхъ свой-
ствахъ воздуха, источника звуку. Словомъ, въ музыкаль-
ныхъ началахъ человеческой рѣчи не произошло и не мо-
гло произойти ни какой перемѣны; они вѣчны. Такъ что
же измѣнилось?... Измѣнился нашъ слухъ. Ухо наше огру-
бѣло: но это значитъ, что оно можетъ опять усовершен-
ствоваться, и опять ясно чувствовать всю разницу между
длинною одной согласной и двухъ согласныхъ; да еще не
потеряно. Измѣнилась музыка! И отсюда произошло все на-
мѣнительство въ понятіяхъ народовъ о музыкальности сло-
ва и его метра. Совершенно новая музыка, основанная на
другихъ началахъ, замѣнила древнюю. Европа шесть или
семь столѣтій была вовсе безъ музыки, и наконецъ увидѣ-
ла себя въ необходимости вновь изобрѣтать забытое и по-
терянное. Изобрѣтеніе произошло подъ вліяніемъ
другихъ обстоятельствъ и оперлось случайно на другія осно-
ванія: оно еще не кончено; новейшая гамма, донынѣ не-
полная, значительно еще измѣнится, и черезъ два три сто-
лѣтія потомки нынѣшнихъ героев контрапункта будутъ,
вѣроятно, затыкать уши передъ ихъ чудесными симфоніа-
ми. Слабость человеческая — всегда почитать себя уже до-
стигшимъ высшей мудрости и крайняго совершенства; не
надобно было бы искренно соболтзовать о нашихъ потом-
кахъ, если бы они остались при нынѣшнихъ пошлыхъ гар-
моническихкихъ «эффектахъ» и «рисункахъ», которые и въ на-
ше время уже исчерпаны, и ничего не сдѣлали бы въ поль-
зу сильнѣйшаго дѣйствія музыки на страсти и сердце.

.. Съ перваго взгляду кажется даже непонятнымъ такое паденіе надежіе древней музыки, такая переменна въ слухъ народовъ. Но причины этого событія заключаются въ самой сущности древней музыки и древней поэзіи. Музыка нераздельно была слита съ поэзіей и объ тѣсно соединялись съ языческою религіей. Христіанство не могло принять ни той ни другой : оно ввело въ новыхъ храмахъ самое простое пѣніе, котораго вся гамма состояла изъ трехъ натуральныхъ тоновъ. Уже впоследствии прибавился четвертый тонъ. Тактъ не могъ быть соблюдаемъ въ пѣснопѣніяхъ, исполняемыхъ всеми присутствующими въ храмъ, и простыми народомъ ; людьми чуждыми музыкальнаго образованія, и тактъ отвергли: пошло «сплошное пѣніе», plain-chant, или безтактная музыка. Забвеніе такту неизбежно влекло за собою забвеніе стихотворнаго метра, потому что тактъ и метръ — одно и то же. Съ той минуты рушилось все здание древней метрической системы. Язычество долго еще существовало въ разныхъ частяхъ имперіи, но оно уже было безъ талантовъ, и слабыя, неудачныя, усилія некоторыхъ языческихъ стихотворцевъ, не только не могли имѣть вліянія на вкусъ торжествующаго христіанскаго общества, но еще, своей бездарностью, должны были оказать противное дѣйствіе. Христіане чуждались всего языческаго, и съ восторгомъ превозносили свои церковныя напѣвы. Надобно замѣтить, что вся древность, разсуждая о музыкѣ, любила прибѣгать къ умозрѣніямъ и отвлеченностямъ. Любопытныя указанія въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ сочиненіе святаго Ницета, одного изъ древнѣйшихъ писателей о христіанскомъ пѣніи (главы I — VI) : въ его время утверждали, что христіанинъ не можетъ и не долженъ осквернять ушей своихъ другими мелодіями кромѣ тѣхъ, которыя приняла Римская Церковь для священныхъ пѣснопѣній. Нужно ли чего-нибудь больше для совершеннаго искорененія древней музыки? Словомъ, Гвидо д'Арrezzo, въ одиннадцатомъ столѣтіи, нашелъ уже Европу безъ гаммы и безъ всякаго понятія о древней музыкѣ. Въ книгахъ существовали названія древнихъ тоновъ, тетракордовъ, модовъ, модуляцій, въ искусствѣ не было возможности повѣрить одного древняго звука. Пришлось все начинать вновь.

Этотъ бѣглый очеркъ судьбы древней музыки необходимо содержитъ въ себѣ и исторію древней системы стихотворства. О метръ не могло уже быть рѣчи. Но страннымъ образомъ ошибаются тѣ, которые думаютъ, будто рѣма — изобрѣтеніе сѣверныхъ Барваровъ и была принесена ими. Рѣма старѣе метра, и всегда существовала подлѣ метра: доказательство — вся поэзія Востока. Но въ древнихъ поэмахъ, которыя слагались учеными поэтами — музыкантами и представляли настоящую музыкальную композицію, она была ненужна; эти поэмы можно сравнить съ нашими увертюрами, концертами и симфоніями, а ихъ стихи — съ фразами этихъ музыкальных произведеній; мы видимъ, что даже и слова часто переходятъ у нихъ изъ одного стиха въ другой: точно такъ же въ новѣйшихъ композиціяхъ часто группы связанныхъ нотъ бывають разбиты на-двое тактомъ. Въ такой системѣ стихотворства рѣма никакъ не могла имѣть мѣста: она мѣшала бы рисунку мелодіи. Но не все могли слагать такіе стихи: тутъ прежде всего надобно было знать музыку. Подлѣ настоящихъ поэтовъ — музыкантовъ, были однако жъ простые стихоплеты, которымъ не давалось искусство. Они сочиняли стихи внѣ музыки, и не для музыки, стихи силлабическіе, можетъ-быть даже и съ удареніями, какъ наши нынѣшніе, и рѣма, естественно, замѣняла для нихъ болѣе замысловатыя каденціи метра. Это было будничное, простонародное, неученое стихотворство. По мѣрѣ того какъ ученое падало, неученое должно было одерживать поверхность и входить въ моду. Сверхъ-того оно отменно шло къ сплошному пѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, въ Латинской Церкви тотчасъ появились рѣмованные *cantici sacri*. Въ Греціи также, съ упадкомъ музыки, рѣма заняла мѣсто метра. Въ поэзіи Бедуиновъ время до-магометовыхъ, она всегда соединялась съ самымъ строгимъ метромъ, потому что эти стихи произносились въ пустыняхъ безъ музыки, хотя и на распѣвъ: въ такомъ случаѣ рѣмическая каденція замѣняетъ инструментальный аккомпаниментъ, и она необходима, и по существу дѣла, и по простой логикѣ: безъ нея стихъ будетъ вовсе безъ гармоніи, которой голый метрическій размѣръ, или тактъ, никогда сообщить не можетъ ни человеческимъ словамъ ни музыкѣ. Инструментъ или рѣма, —

туть нѣтъ середины : голосъ долженъ же съ чѣмъ-нибудь гармонировать! Если пѣса не предназначена къ раснѣву съ инструментомъ, то бѣлые метрическіе стихи, стопосложеніе безъ рифмы, тактъ безъ всякаго аккомпанимента — зѣтя противная здравому смыслу. И къ чему тогда тактъ! Ужъ лучше силлабическіе стихи, сплошное пѣніе.

Но пора приступить къ заключенію. Оно плачевно. Думая подражать Грекамъ въ стопосложеніи, вы дѣлаете противоположное тому, что дѣлали они. Называя одни слоги длинными, другіе короткими, — большею частью то, что въ природѣ длинно, вы принимаете за короткое, а что коротко, за длинное. Стремясь къ правильному размѣру въ стихѣ, вы дѣлаете все, что только можно, чтобы уничтожить въ нихъ размѣръ : цѣтете стихи чисто *тоническіе*, то есть, основанные на удареніяхъ, а называете ихъ метрическими, «марными», когда въ нихъ нѣтъ ни какого метра, ни какой *мпы*; вводите въ поэзію тактъ, а всѣ такты ваши не ровны между собою; ищете гармоніи, и устраняете все, что могло бы сообщить ее стиху. Добро бы еще тоника ваша, то есть, возвышенія тону въ извѣстныхъ разстояніяхъ посредствомъ гласныхъ съ удареніемъ, представляла какую-нибудь каленцію, какую-нибудь музыкальную правильность: а то вы знаете, что гласныя тономъ не равны между собою, что между *у* и *и* въ природѣ существуетъ интерваллъ на цѣлую квинту; следовательно, возвышенія тону на удареніяхъ, падающихъ, какъ ни пошло, на различныя гласныя, не достигаютъ въ вашемъ стихѣ одинаковой высоты, да и не соблюдаютъ между собою ни какой мелодіи : это хаосъ, сущая безладница, язычарская музыка. Скандинавскіе скальды старались, по-крайней-мѣрѣ, чтобы въ цѣломъ стихѣ удареніе падало всегда на одинаковую гласную. Посмотримъ ваши длинные и короткіе слоги. *Страхъ, въ страхъ, страсть, стражь, волхвъ, ртомъ, лстаъ, вихрь, съ днемъ, въ носъ, въ Днѣстръ*, бываютъ у васъ короткими, а *ра, во, то, не, я, и*, длинными : но это, просто, насмѣшка подъ человѣческимъ ухомъ. *То, но, не, я*, длиннѣе чѣмъ *р-то-мъ, в-но-съ, вд-не-стръ* или *л-стаъ*. . . . Если бы вы утверждали, что *носъ* по размѣру длиннѣе аршина, въ стихѣ я могъ бы повѣрить этому, потому что ухомъ

не умее сравнивать носы съ аршинный; поуправитъ мой слухъ, будто но длиннѣе арукомъ чѣмъ носъ, соизволю, изволю, — и знайте, а нахожу это нелюбость. Дактилы, который должны имѣть одинъ слогъ длинный и два короткихъ (— 0 0), что для такту равно двумъ длиннымъ, имъ принадлежатъ всевозможныя метры: напримеръ, бабонка, баллада, горюда, праздношество — все это по-вашему дактилы, а въ первомъ изъ нихъ, бабонкой, одинъ слогъ короткий и два длинныхъ (0 — —), во второмъ, балладой, три короткихъ (0 0 0), въ третьемъ, горюдой, два короткихъ и одинъ длинный (0 0 —), въ четвертомъ, праздношеству, три длинныхъ (— — —), по самому умеренному счету. Слонкой должно имѣть два длинные слога, а у васъ онъ часто имѣетъ два короткихъ, напримеръ горе (0 0), море (0 0), которые, для такту, равны только одному длинному. Когда еще, после этого, станете произвольно перемешивать свои слонки съ своими дактилами, подумайте только, что динши выйдутъ в какой тутъ можетъ быть тактъ? Въ этой безыднице, при этомъ, отсуствуетъ всякого уваженія къ музыкальному времени: одинъ стихъ вышъ, въ которомъ случайно смонтируется много-согласныхъ слоговъ, требуетъ, на произнесеніе свое, трехъ секундъ; другой, составленный изъ изъ сдѣланныхъ простыхъ слоговъ, оканчивается въполторы секунды; для одного метромъ ударить девять и десять тактовъ, для другого не больше четырехъ. И какъ въ этой нелепости дактилы и слонки даже и ударенія не смѣютъ ни какой мѣры, и тонъ довынается, где случится, то яму, чѣсто и очевидно, нѣтъ къ тому же гекзаметру нѣтъ равно ни какой ритму, ни метрическому, ни тоническому, ни какой видендіи, ни какой гармоніи, ни какой музыки слова, слога, или какого стиха.

После этого вы спросите: такъ что жъ теперь дѣлать? — Дѣлать! — Не имѣть гекзаметровъ? — Нѣтъ, писать, но не называть ихъ стихами. Или, благородно отказавшись отъ шутовскаго перадрививанія греческаго метра при помощи одной тонки, однихъ удареній, придумать для русскаго гекзаметра совсемъ другой размеръ. Короткихъ и длинныхъ слоговъ вы не умѣете различать; уже ваше чувство только *смысла* и *интонаціи* слога относительно къ тону:

дарованно, какъ поэты и математикъ *омазиски*, и не дитя быти и чересчелнъ; и составлять для русскаго гекзаметра какую-нибудь, представляющую систему (первоначальнаго возвращенія дысьныхъ и индускихъ тензеву. Можно, съ трѣхкомъ по-по-самъ, домысливъ существованіе тоническихъ дактилей и сpondeевъ, вървасъ, будутъ сpondeи изъ одного высокаго слога и двухъ низшихъ; вторые изъ одного высокаго и одного низшаго. Таковы употребленіе же, не ужъ *постоянно*, для явля тоническихъ спондеевъ, и одинъ дактиль въ пятомъ стихѣ: — *сади* — *волазъ* — *бури* — *будетъ* — *тактъ*, — или четыре спондеа; и яра дактиля въ третьемъ и пятомъ тактахъ, — два три дактиля и три спондеа по-переменно. Это составляетъ начало какой-нибудь вокальной мелодіи; а что касается гармоніи, то ужъ невините, ея никогда не будетъ въ частяхъ конической стикъ: равно употребите аккомпаниментъ; и рису и цезуру; — если ужъ нельзя употребить *инструмента*. При невозможности получить правильный дактиль въ тоническомъ стихѣ, въ слогахъ котораго согласные *плаваютъ* безъ всякаго счету, цезура — единственное средство, потому что эта остановка голоса несколько уравновѣшиваетъ яра въ двухъ; *полустышихъ*. А всего лучше во яра въ болтунивахъ; которые утверждаютъ, будто греческая праселія, *счета* значимый и неизмѣнимый акустическій *фактъ*, не существуетъ въ новейшихъ языкахъ, и попробуйте писать гекзаметры не точнымъ законамъ метриды, какъ писали Греси, какъ ципутъ Аравитяне: *сважиде*, *рабъ* — *дерево*, что одна созвасная съ гласною — короткій слогъ, и въ три согласныхъ съ гласною — длинный слогъ (пятьразъ согласныхъ въ одномъ слогѣ не должно быдодука-ты); и составляйте изъ нихъ метрическіе дактили и спондеи, не обращая вниманія на ударенія. Если такой гекзаметръ пригоденъ для нашего слуху въ греческомъ языкѣ, то онъ равно пригоденъ же будетъ пригоденъ и въ русскомъ: нашъ языкъ ничесть не хуже греческаго. Надобно же когда-нибудь выйти изъ вѣдѣннаго грубаго и анти-музыкальнаго стихотворства и примирить нашъ стихъ и нашъ слухъ съ законамъ *стиху*. Слухъ скоро свыкается съ тѣмъ, что не-тинно; и *вардо*. Попробуйте! *Fortes fortuna juvat*.

... Я неумникъ явля, но правда ли, *моей* — *безконечною* диссор-

тацією оглашували в селасныхъ; но видъ наиврнше, просяте
меня, когда узнаете, что подало повохъ къ отону. Мина
ужасно вбѣсила одна ничтожная брошюрка, валявшаяся
инкогнито нѣсколько недѣль на моемъ столѣ. Въ одно пре-
красное утро, — это было сегодня, — машинально беру ее
въ руки, раскрываю : гекзаметры !

« О поведѣи мѣхъ, музъ; объ музѣ, которая была чуждо
Мудрый по сѣзю блудима, разрушая единую Труду;
Видѣль различна срама, и вращивъ мочей научася;
Въ сердцѣ же много страдалъ, и терзалъ среди моря вѣсноты,
Думая жизнь схранити, чтобы спутники, славы Грехи,
Всѣ невредимы сдоряй, въ нѣмъ воротались въ отчизну;
Но тщетно стараясь Улюсь, и губою была неизбѣжна
Деракимъ, поздравивши короля Фета, влотивала срама;
Мудро отвъ нихъ вказавъ срама и вращивъ вѣсноты,
О Музъ, Зевсова дочь, веселой дѣвѣ вѣсноты и вращивъ »

Всѣ ужъ спасенные въ бранн и на морѣ, были въ отчизнѣ,
Славная жъ нимфа Калписа, и цѣлая нѣмнотъ страсти
Быть Одиссея супругой, его удержали въ пещерахъ,
Лшшая свиданья съ женой, и возврата къ роднымъ вѣспелнцамъ.
И вотъ наконецъ наступило то время, въ которое боги
Судили ему возвратиться въ отчизну; на островъ Итаку;
Но бдствія даже и тамъ ожидали его мѣжъ дубнями.
Всѣ боги жалели Улисея; одинъ Посидонъ впреставилъ
Гивный, смотрѣлъ на него, ривного въ сѣнѣхъ бесчестныхъ,
И путь преграждалъ средѣ морей, до возврата на твердую землю.

Когда жъ этотъ богъ отдыхалъ въ Эбодии, между народахъ,
Живущимъ близъ края земли, на востокъ и западъ солнца,
И тамъ пресыщался одинъ, принимая народныя жертвы
Тучныхъ воловъ и овецъ ; въ чертогахъ великаго Зевса
Боги собирались въ совѣтъ влстителя цѣлаго мѣра.
И вотъ царь боговъ и людей, вспомянувъ объ миломъ Эгисѣ,
Сраженномъ прекраснымъ Орестомъ, сыномъ вождя всѣхъ Ахейвъ,
Началъ рассказъ свой : « Напрасно, смертные насъ обвиняють,
Будто мы имъ посылаемъ несчастье и горе, но сами
Дурво они поступаютъ, противясь вѣспилмъ нашимъ.
Такъ и Эгисъ непослушный отвергъ предвѣщанья Эриды,
(Вастянка славныхъ боговъ, и убийца Стоглазого Аргю)
Отгнавши супругу, а послѣ, и жизнь у Атрсева сыновъ »

Сбылся предсказанья Эриха, Орестъ возмущалъ, укрѣнился,
И гибель родителей славныхъ, отишлия возвратилъ въ отчину.
Эгисра ужъ и въ,.... И Афина отъдѣствуетъ, Зевсу прощаяно:

«Добрый родитель Кроноидъ, боговъ и царей обладатель,
Сильно наказанъ Эгисеъ, также достойно погибнуть
И всѣ непослушныя намъ! Но сердце мое не напрасно
Мучится горемъ Улисса, долго онъ терпѣть несчастья
Мудрый, на одрагъ дельномъ, гдѣ волны кипятъ и бушуютъ....
Тамъ, средѣ прорисныхъ дубравъ, шумятъ дѣнь Атланта, всевозда,
Славный, который отомъ на лучшия коракой, подперя
Небо и землю, бегилъ, дочь ея, дочеть Улисса
Заставитъ забыть объ Итакѣ, споею притварноу лаской;
Но мудрый Улиссъ не утѣшеть, готовый и смерти предаться,
Лишь только бы дѣлать увидать, мучишь отъ милой отчины....
Ужель и теперь царь Олимпа, не участвуешь ты созиданья?
Ужель ты забылъ Одиссея? ужель близи Тронъ властителей?
У славныхъ Архивныхъ, сдѣловъ не куряль онъ тебѣ всеозиданья?
Ужель, великій Зевсеъ, прогнѣвилъ онъ тебѣ безпредѣльно?»

И вотъ на возмездья Афины, Зевсеъ разглаголюющій гучи,
Такъ отвѣчаетъ : «Напрасно, дочь, ты мея удремасишь,
Мнѣ ли забыть Одиссея, равнаго въ славу безсмертнымъ!
Мнѣ ли забыть Одиссея, жегшаго многиа жертвамъ,
Жителямъ неба, богамъ! Одица Посидонъ всепреставно
Мститъ за любимаго сына, имъ ослѣдленного дарено.
Мститъ за царя всахъ Циклоповъ, равнаго намъ Подиссея,
(Въ пещерахъ рожденнаго имъ отъ пламенной Нимфы Фоссы,
Дочери бога Фуркана, владѣтеля властной силки.)
Съ тѣхъ поръ Посидонъ Одиссея лишаетъ возврата въ отчину,
И жизнь оставля сду, удаляетъ отъ родины милой....
Такъ мы позаботимся вынѣ, о средствѣхъ къ его возвращенно.
Не можетъ одинъ Посидонъ враждовать противъ сонма безсмертныхъ.»

Умолкнувъ Зевсеъ, и Афина опять возражаетъ : «Родитель
И славный владѣтель боговъ, пускай по желанно безсмертныхъ...»
и прочая.

Согласитесь, что такіе стихи могутъ взбѣсить самаго
кроткаго человека, особенно, если онъ потому, въ любо-
пытства, подобно мнѣ, посмотритъ заглавный листокъ бро-
шюрки и прочитаетъ на немъ :

Одиссея Гомера!... переводъ въ греческаго, въ стихахъ!!... размыромъ подлинника!!!... съ примѣчаніями переводчика и съ рисунками Флаксмана. Часть первая, листъ первый. СПб.-бургъ, въ тип. III. Д. М. Государственнаго Ижмещества, 1841.

Размыромъ подлинника?... Размыромъ подлинника?!... Одиссея Гомера!... Надо же имѣть такое свѣтлое понятіе о размѣрѣ Одиссеи и о стихахъ, чтобы всепродно объявить съ вершинны заглавнаго листка, что, будто-бы, это — стихи размѣръ подлинника? Кровь во мнѣ снова начинаетъ страшно волноваться. Я готовъ проглотить эту брошюру, съестъ ее выветъ съ рисунками Флаксмана, за такую кровавую обиду Одиссею, гомерическому размѣру и номъ ушамъ. Двадцать скучныхъ страницъ, въ досадъ, написаны о гласныхъ и согласныхъ: теперь только я чувствую, что этого слишкомъ мало въ отмщеніе за подобную шутку; надо было написать сорокъ. Сдѣлать формальную пародію гомерическаго метра, замѣнить превосходнѣйшую акустическую игру хаосомъ слоговъ forte и piano, тактическую музыку слова превратить въ безладную вокализацию, наставить строчекъ различной длины безъ всякой гармоніи, безъ малѣйшаго такту, и назвать это, безъ зазрѣнія слуху, размѣромъ Гомера!... Но что прикажете дѣлать: эти понятія у насъ — господствующія. Наша стихотворная фаланга, при помощи упражненія, пручила свои уши къ какой-то янычарской безладницѣ, извѣстной у нея подъ именемъ гексаметра, и увѣряетъ, увѣрена сама, что это очень шло, что такъ писалъ Гомеръ. Бѣдный Гвидичъ убилъ всю жизнь свою на усердное коверканье Илиады во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на составленіе самой уродливой каррикатуры ея размѣру, ея гармоніи, цвѣту, фізіономіи, духа, и умеръ въ томъ блаженномъ убѣжденіи, что онъ познакомилъ Русскихъ съ формою и содержаніемъ чудеснѣйшаго произведенія древности. Потому что, не одна только метрическая система Грековъ исковеркана и обезображена во всѣхъ этихъ переводахъ Гомера: весь Гомеръ уничтоженъ, оптомъ. Должно признаться по совѣсти, что никогда бы «божественный» Гомеръ, divus Homerus, не пріобрѣлъ такой славы у древнихъ, никогда не успѣлъ бы онъ

возбудить къ себѣ такого энтузіазма въ отнѣхъ людей, столь разборчивыхъ, столь чувствительныхъ къ идеальному прекрасному, если бы онъ въ подлинникѣ былъ даже и вдвое такъ хороша, какимъ является въ лучшихъ новѣйшихъ переводахъ. Что болѣе всего восхищало древнихъ въ Гомера, особенно въ его Одиссею? *Simplicitas*: простота, передаете вы? — нѣтъ, не простота, а простонародность, простонародность, давая во всѣмъ совершенства метрическаго стиха, перенесенная въ него со всѣмъ своимъ наивнымъ остроуміемъ, со своей бойкой рѣчью, съ своими живыми, вопиющими выраженіями изъ будничной жизни, съ своими оборотами въ расщепу, и фигурами, нерѣдко переходящими въ гротескъ. Чтобы настоящимъ образомъ понимать, чувствовать и переводить Гомера, мало того — знать по лексикону безцвѣтное значеніе каждаго слова: надо сперва прочесть всю греческую литературу, напитаться духомъ языка Эллиновъ, ясно различать чувствомъ, что въ памятникахъ ихъ слова составляетъ натуральный, но очищенный и изящный, языкъ людей образованныхъ, что относится къ искусственному языку литературы, и, наконецъ, что принадлежитъ къ простонародной рѣчи; надо потомъ смѣливо опредѣлить въ умѣ своемъ, въ какой степени каждый оборотъ, каждое слово, каждое выраженіе Гомера приближается, или къ изящному языку хорошаго общества, или къ изысканному языку литературы, или просторѣчью толпы; и наконецъ, при переводѣ на свой языкъ, надо, съ большимъ искусствомъ и вкусомъ, уметь передавать ихъ такими словами, выраженіями и оборотами, которые бы состояли въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ нашимъ образованному, литературному или простонародному языкамъ. Въ такомъ только переводѣ подлинная фязіогномія поэмы сохранится во всей своей свѣжести и оригинальности. Между тѣмъ что дѣлаютъ переводчики Гомера? Они его чудесное просторачіе перекладываютъ сплошь на новѣйшіе литературные языки! Гомеръ изъясняется какъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ, и, очень часто, какъ кумъ Емельякъ у казака Луганскаго, а они заставляютъ его выражаться языкомъ профессора, аловквенци или маркиза, который пишетъ стихи. Онъ прость, иногда до пошлости, а они непрерывно надуваются. Онъ говоритъ

естественно, а они изъясняютъ слова, Онъ не создаетъ ни одного новаго эпитета, вместо эпитетовъ выкинетъ дредовидца боговъ и героевъ, принятыми, редицею, обще употребительными у простаго народа, изреченными каждою греческою кухаркою, и возбуждаетъ или то улыбку, то восхищеніе къ древнему образованному Греку, любящему родной языкъ, или неприятно поражаютъ новаго читателя ложными и рогаемыми прилагательными своего изобретения, своего тщательнаго труда. Онъ именно приназываетъ Улиссу, когда тотъ пойдетъ осматривать греческій станъ, говорить *ea loquar* учтиво, по-русски, называя каждого по имени и по отчеству, а они, въ русскомъ переводѣ, чествуютъ встречнаго и поперечнаго какими-то греческими рѣчами, можетъ быть и ругательными: по чему это знать русскому читателю! И это вы называете переводомъ? *Traduttori traditori!*

Надобно, съ другой стороны, сказать правду, что новѣйшіе европейскіе языки по большей части и неспособны къ верному переводу Гомера безъ уничтоженія всей его *чуждогномии*: они уже слишкомъ далеко отстали отъ простонародности; они слишкомъ образованы, выглажены, изыщны, слишкомъ исполнены искусственныхъ выраженій и очищены отъ того множества вставныхъ частицъ и приращеній, которыми всегда отличаются просторѣчія и которыми Гомеръ удивительно обилецъ. Но по-крайней-мѣрѣ нельзя этого сказать о русскомъ языкѣ: нашъ употребительный языкъ еще очень близокъ къ просторѣчью, допускаетъ, и любитъ, вставныя частицы, приращенія, прозвища, простонародныя обороты и выходы: употребляемая съ искусствомъ къ вкусу, они даже придають прелесть бойкости нашему «изыщному» діалекту. Онъ не чуждается даже нѣкоторыхъ старинныхъ и обветшалыхъ формъ и окончаній. Между новѣйшими, я не знаю ни одного языка способнаго къ превосходному переводу *Иліады* и *Одиссеи* чѣмъ нынѣшній русскій; мнѣ онъ кажется какъ-бы нарочно выдуманнѣмъ для этого и такъ сильно чувствую я возможность верно и художественно передать на нашемъ языкѣ весь отънынѣ живописной рѣчи умнаго простака Гомера, хоть и не берусь исполнить того, что чувствую. Для этого нужны; огромный талантъ, большая проныцательность, удивительная смѣлка. Попробуемъ одна-

«Въ мнѣ перевести нѣсколько стиховъ: не для образчика, — сохрани, Богъ! — ни мое честолюбіе, ни самолюбіе мое, не простираются такъ далеко; а просто для того чтобы показать истинный смыслъ и цѣль подлинника въ буквальный переводъ съ сохраненіемъ престолярнаго слогу подлинника. Мы знаемъ въ говорахъ, которые меня интересовали, читалъ первой главы «Одиссеи», этого волшебнаго зрѣлища человеческой жизни, какъ говоритъ Алкиданъ: посмотримъ теперь его въ подстрочномъ прозаическомъ переводѣ.

«Разскажи мнѣ, Муза, про мужа многохитраго, что очень много Скитался, послѣ того какъ Трои святой вышгородъ разрушилъ. Многихъ-то людей видѣлъ онъ города и нравъ узналъ! Много и на море-то онъ претерпѣлъ кручины на своемъ на сердцѣ, Илосовъ и о сивѣхъ думавъ и о возвратномъ пути товарищѣхъ. Да: сей-то великій похитрецъ на своемъ, конь и старика: Сидяща-го вѣкъ обблещивающа блудоточащи погибла, Друга, вся, которые бываеа Солона Верхохода Надпись: а тотъ у нихъ и отялъ возвратный денекъ! Про ть-то дѣла малесъко, богиня, Зѣсова дочь, поразскажи и намъ.

Вотъ, ужъ все прочіе, сликіе ушли отъ лютой погибели, Были дома, войны избѣгнувши, да тоже и моря, А его только, хотѣвшаго возврату, да тоже и жены, Шива чотѣла ударила, Калипсо, божество межъ богини, Въ поперекъ рываеа, настояла — мужеа ей быти! Не когда прѣшло дѣло, по истеченіи годовъ, Въ которое рѣшили боги домоу ему плыти, Въ Итаку, такъ и тамъ не избѣгуа онъ дракъ, Да еще и съ своими друзьями: боги-то скалились всѣ, Кромѣ Нептуна: этотъ ужъ непрерывно бѣсновался Противъ равнобожескаго Улисса, прежде его приходу домоу. Ну, такъ вотъ этотъ и подвинулся къ Эвлопамъ (Истрамъ), далеко обрѣтающаеа, — Въ Эвлопамъ, что подвое дѣлается, — крайніе изъ всахъ людей оми, — Одни — подѣ златомъ Верхохода, другіе подѣ его восходомъ, — Чтѣбы поживитѣся при аждертвѣхъ быкомъ и бараномъ: Тамъ-то онъ и тѣнилася, сидя за пиромъ; прочіе же боги Въ далагахъ Юпитера Олимпійскаго собрались-были, И къ нимъ вотъ началъ рѣчь отецъ и боговъ и людей: Вспомнилъ те на сердцѣ грѣшнаго Эгиста,

Того, что убил многославный Агамемнонъ, Ореста ;
 Такъ объ-то немъ онъ и думая, рвчъ къ бессмертнымъ держалъ ;

— Ва! ба! ба! какъ ужъ смертные-то стали обвинять боговъ!
 Отъ насъ-де все зло есть : а вѣдь сами-то
 Своими беззастѣнчивыми, сверхъ судьбы, кручими себя навиваютъ!
 Вотъ хоть-бы и теперь, Эгистъ, сверхъ судьбы, Атренича
 Супругу брачную азалъ и его самого убилъ на возвратномъ пути,
 Эва лютую погибель : потому что напередъ мы сами говорили ему,
 Поставь Меркурій Соглядатая, Аргусо-губца,
 И его не убивать, и не жепиться на сожителяницъ :
 Будеть, молъ, отъ Ореста мечь за Атренича,
 Какъ-скоро вырастетъ и потребуетъ своего удѣла!
 Меркурій такъ и сказалъ : да разума Эгистова
 Не убедить, добромъ толкуя. Теперь же тотъ всего живста лишился!

А его, послѣ, смѣнила белокурая Минерва :
 Отецъ нашъ, Кроновичъ, высоко-державнѣйшій!
 И очень по-дѣломъ этотъ-то палъ отъ погибели.
 Такъ пусть погибаетъ и всякой, кто такое чинить!
 Не у моря, объ Улиссѣ ратоборномъ кручинится сердце,
 Вдальжкъ, который далеко отъ друзей претерпываетъ горя,
 На островъ на обливномъ, что на самомъ-то пуну моря.
 Островъ лясистъ ; богиня же въ хоромахъ живетъ,
 Атланта всеразумнаго дочь, который всѣ морскія
 Прощити оветъ, и столбы-то держать
 Даваша, чѣмъ и землю и небо держать :
 Ево-ш дочь удерживаетъ горемычяго, шилакаваго,
 Вотъ криками да слезками рвчми
 Прельщаетъ, какъ бы Итаку забылъ : опять же Улиссъ,
 Желая хоть дымъ столбншійся земли своей
 Увидѣть, умереть хочеть. Да у тебя-то, Олимпійскій,
 Не поворачивается къ нему дорогое сердце! Неужь-то Улиссъ
 У аргивскихъ людей не потыпалъ тебя ; святую (жертву) чина
 На Троянщиз широкой? Что ужъ такъ на него сердншся, Юпитеръ?

А чѣмъ смѣшила, промолвила Тучеговъ Юпитеръ :
 — Дитя моя! что за рвчъ вырывается у тебя изъ-за чистотела зубовъ?
 Какъ я, опять, могу забыть божскаго Улисса,
 Чѣмъ и разумнѣе выще смертныхъ, и больше святыхъ
 Давалъ богамъ бессмертнымъ, чѣмъ держать широкое небо?
 Не Нептунъ Земледержецъ все беззастѣнчиво
 На него сердится за циклопа, котораго тотъ глаза лишилъ,
 За равнобожскаго Полифема, чья наибольшая сила

Изъ всѣхъ циклоповъ : родила-то его Тооса нимфе,
 Дочь Форкина, князя неугомоннаго Соленаго (моря),
 Въ пещерахъ разныхъ съ Нептуномъ князя обжелема.
 Съ тахъ поръ, вѣдь не убилъ же Нептунъ Землебои,
 Улисса, а только скитаться принуждаетъ подалше отъ родной земли:
 Ну, да стойте : переговоримте всѣ вмѣстѣ
 О возвратѣ для него, какъ бы это пришлось; Нептунъ же долженъ
 унять

Свой гнѣвъ. Ему-то вѣдь никакъ не по силамъ будетъ бороться одному
 Противъ всѣхъ безсмертныхъ боговъ, доли не захотятъ!

А того, послѣ, сманила богиня блочурная Минерва :
 — Отецъ нашъ, Кроновичъ, высоко-державнѣйшій!
 Такъ ужъ если это теперь любо блаженнымъ богамъ,
 Чтобы Улиссу-то ратоборному возвращаться во свой къ домъ,
 А потому Меркурія Разсылнаго, Аргусо-губца,
 Къ острову Огиги и отпрадимъ; чтобъ какъ-можно скорее
 Нимфѣ длинноносою сказалъ вѣднѣй наказъ,
 Возвратъ Улисса дальновиднаго, — чтобъ ужъ и вѣдалъ!

Довольно. Какая наивность! какая прелестная не облы-
 ланность фразы! Слишкомъ довольно, для того чтобъ ве-
 дѣть, что Гомеръ въ подлинникъ столько же не похожъ на
 Гомера въ новѣйшихъ переводахъ, сколько мнѣмъ гекза-
 метръ брошюры, которая меня взбѣсила, не похожъ на
 «размѣръ подлинника». Эта несчастная брошюра заняла
 столько страницъ Лытописи, что теперь вѣдѣть говорить о
 порядочныхъ книгахъ. Право, досадно. Въ другой разъ
 бѣситься не стану!

А между-тѣмъ вотъ очень порядочная книга :

стихотворенія графини Е. Ростопчиной. С. П. бургъ,
 въ тип. Фишера, 1841, въ-8, стр. 190.

Я бы назвалъ ее даже чудесною книгою, если бы знала
 писательница, которой великому поэтическому та-
 ланту такъ искренно удивляется Лытописъ; издала гол-
 ко выборъ своихъ вдохновеній; не послѣдовавъ предвѣ-
 стному совету авторскаго самолюбія напечатать въ хроно-
 логическомъ порядкѣ всѣ вообще свои стихотворенія, въ
 томъ числѣ и дѣтскія. А выборъ было изъ него сдѣлать,

съ устраненіемъ піесъ, которыя своей бланностью рѣши-
тельно вредятъ блеску этого собранія, книга все-еще со-
хранила бы объемъ, достойный великаго явленія. Въ дока-
зательство справедливости сужденія, приведемъ нѣсколько
стихотвореній, на-удачу, изъ разныхъ частей:

КТО ПОЭТЪ

• Не тотъ поэтъ, кто въ сдержанъ обичномъ,
Въ общественномъ быту ополобно врозь;
Кто вскормленъ былъ развѣвающимъ столбчатамъ,
Креста тоски на ранахъ не вѣсалъ...
Не тотъ поэтъ, кто рослою и смѣстною
Валевьянъ былъ отъ колбольшаго дѣла,
Кто не знавалъ бунтующихъ страстей

Съ ихъ промешучными безпрощанья;
Кто съ балачего жарета не сходилъ,
Кого любовь въ гестивнѣ овалкала,
Кто суетой жезу суетъ плаванья;
Кто въ области снѣгаго племна

Страданьями гражданствя не лунилъ!

Не тотъ поэтъ, кто слово правды чекотъ,
И мощный стихъ и мысли блескъ лучистый,
Не заклеилъ безстрашнѣмъ своимъ;

Кто истину не высказалъ вѣдъ святомъ,
Чей слабый духъ пороку былъ калреванъ.

Кто потакалъ, кто лѣстель грѣху и злѣнѣ...
Не тотъ поэтъ, кто съ страданчѣй илюною

Изгнанья путь терновый не прошѣлъ,
Кто, прислонясь о камень головою,
Ночь бурную въ чужбинѣ не провѣлъ!...

Не тотъ поэтъ, кто съ смертью не братался,
Кто звукъ меча, свистъ пули не слыхалъ....

Кто синевой небесъ не восхищался,
Кто глубь морей мечтой не пожиралъ!...

Поэтъ прямой.... кто съ равннхъ лѣтъ обжидя

Съ грозой небесъ и съ бурей души!

Кто чистому кумиру поклонился,

Но одинокъ провелъ младые днѣ....

Кто выгорѣлъ возвышенноу любовью,

Кто выплакалъ свой вдохновенный стихъ,

Кто призывалъ къ ночному изголовью
 Рай святыхъ словъ и чувствъ неподкупныхъ ;
 Кто былъ не оуть млодой и жарной кровью
 За край родной и за друзей своихъ!
 Поэтъ прямой, кто изъ дитяской прелестью
 Взнуздаюта думъ и мыслей сочталъ,
 Кто повялъ свѣтъ догадливой мечтою,
 Кто сердце прочь отъ свѣта оторвалъ,
 И отъ него, какъ отъ жизни бивалъ....
 Кто глухъ и слѣпъ для дальнихъ искушений,
 Ни почестями, ни злостью не прельщенъ,
 Кто въ пламени житейскихъ тревоженъ,
 Какъ кипитъ стальная, кипитъ закаленная!....
 Поэтъ прямой, кто влншему избрано
 Не намчалъ, изъ борьбы съ судьбой не палъ ;
 Кто обречь душному напалъ,
 Кто каждый день терялъ не уповая,
 Кто каждый шагъ утрѣтѣй контролилъ!...
 Пусть онъ поётъ!... Пусть взычан струсенъ
 Расскажетъ быль пламенной души!...
 Пусть для толпы онъ облечетъ словани
 Нетланныя предвидѣнья свои!....
 Ему, ему наградой многоцвѣтной
 Сочувственной души самозвучный стихъ,
 Ему слова отъ думъ умиленной
 И чистый жаръ восторговъ молодости!...
 Его поймутъ, его оценятъ въ свѣтъ
 Немногие, но жаряду, всѣхъ душой,
 И онъ прочтетъ въ нихъ азартъ и широту
 Родство сердецъ съ приязню дорогой!...

ПОЛУНОЧНИЦА.

«Гори, лампада!... озаряй
 Святыхъ икозъ кюте отраднй,
 И слабый свѣтъ свой проливая
 Въ прюте печаль безпомощной!...

Пусть отблескъ ризъ нѣхъ золотыхъ
 Твое сиянье отбываетъ!

Пусть разноцветность камей дих
Тебя въ отливъ свой одяжетъ!

Въ тѣхъ лицахъ выраженъ вѣкъ;
Мертва ихъ живопись простая,
Одвообразенъ темный цвѣтъ,
И дремлетъ краска въковая:

Но въ этомъ Греческомъ письмѣ,
Но въ этой простотѣ старинной
Есть тайна, вятая душа,
Съ привѣтомъ для молитвы невинной!

Родное что-то говорить
Въ чертахъ по видимому хладныхъ;
Святая милость ихъ манитъ
Признанье плечей безотрадныхъ.

На сердце слышно тоской
Они наводятъ умиленье;
Они шлютъ горестямъ покой
И укрощаютъ думъ волненье.

Какъ часто и, шорохъ тоски,
Въ часы безмолвной полуночи,
Твержу мнѣ жалобы свои,
Вперя въ высь молитвы они!.....

Какъ часто мнѣ въвѣрю я
Свой ропотъ страстный, безнадежный,
Когда, во прахъ главу склоня,
Борюсь я съ скорбью мятельной!.....

И невидимо благодать
На душу слабую исподать,
И долгой горести печать
Она съ чела мнѣ тихо сводить.

И вдругъ съ надеждой неземной
Ко мнѣ слетаетъ утѣшенье,
И върой чистой и живой
Трепететь сердце въ упоенье.

Горы жъ, лампада! озарилъ
 Monkъ иконъ кидтъ священныи,
 И тихимъ блескомъ освѣщай
 Приютъ, свѣтлыню освещенный!....»

ОДИНЪ МЕНЬШЕ

«Гдѣ ты, ... нашъ вопиѣ-стихотворецъ?...
 Вдвойнѣ отчизнѣ милый сынъ,
 Ея пѣвецъ и ратоборецъ,
 Куда ты скрылся?... Ты одинъ
 Не пробужденъ еще призывомъ,
 Сбравшимъ тысячи полковъ;
 Одинъ всеобщимъ войскъ призывомъ,
 Единодушнымъ ихъ порывомъ
 Не привлеченъ на пиръ штыковъ.
 Проснись!.... Всѣ Русскія дружины
 Шлютъ представителей своихъ
 На Бородинскія равнины
 Свершить поминки битвы святыиъ.
 Проснись!.... тамъ всѣ ужъ *осталыиыя*....
 Всѣ одокашенииы твои,
 Съ кѣмъ ты дѣлалъ труды былые,
 Съ кѣмъ ты, въ торжественныиы дни,
 За наши рубежи родныиы,
 За Русь, за вѣру, въ бой леталъ;
 Предъ дѣлѣмъ губительной страхою
 Кровавый путь ты пролагалъ;
 Кого, какъ молния предъ грозою,
 Съ своей ватагою удалою
 Врагамъ ты смертию предвѣщалъ.
 Всѣ тамъ!.... вожди ужъ съ удивленьемъ
 Тебя искали межъ собой;
 Солдаты наши съ иезерильныхъ
 Уже справлялись: «Гдѣ жъ Лихой?....»
 И оны, Хозяинъ Вседержавный,
 Кто храбрыхъ царски угощалъ,
 И оны, быть-можетъ, вопрошалъ:
 «Гдѣ званый гость?... гдѣ ратникъ славный?....»
 И вотъ на смотръ весь ставъ спѣшить;

Вот выстрѣлъ заревои раздался...
 Грохочетъ пушка, штыкъ блестятъ...
 И поле стонетъ и дрожитъ...
 Какъ будто бѣ снова разгарался
 На жизнь и смерть Европы бой...
 Какъ-будто бѣ годъ нашъ роковой
 Дванадцатый возвращался!...
 Но до тебя не достигалъ
 Ни шумный гулъ, ни зовъ почетный!...
 Твой стихъ замолкъ; твой мечъ упалъ;
 Ты самъ какъ призракъ мимолѣтный
 Въ мигъ изъ среды живыхъ пропалъ.
 Такъ! безъ тебя торжествовала
 Россія дѣвъ Бородна...
 И въ часъ молебствія, Она,
 Когда защитниковъ считала,
 «Еще однимъ ихъ меньше стало!...»
 Сказала, горести полна.

ПОСЛѢДНІЙ ЦВѢТОКЪ.

«Не дамъ тебѣ увянуть одинокимъ,
 Послѣдній цвѣтъ облистанныхъ полей!...
 Не пропадетъ въ безжизности степей
 Твой ароматъ; тебя крыломъ жестокимъ
 Не унесетъ холодный вихрь ночей!...»

Я напою съ заботливымъ стараньемъ
 Тебя, мой гость, студеною водою;
 Я нагложусь, варадуюсь тобой;
 Ты отвѣтешь... и съ живымъ состраданьемъ
 Вложу тебя въ Псалтырь, спутный мой.

Черезъ много лѣтъ, въ часъ тѣхъ мечтанья,
 Я книги той переберу листы;
 Засохшій мнѣ тогда представецъ ты...
 Но оживешь въ моемъ воспоминаньи,
 Какъ прежде, подая душистой красоты.

А я, цвѣтокъ, въ безвѣстности пустыни
Увижу я!.... и мысли тщетный даръ,
И сильный духъ, и вдохновенья жаръ,
Кто ихъ пойметъ?... въ поэтъ лучъ святости
Кто разглядитъ сквозь думъ неясныхъ жаръ?....

Поэзія, она благоуханье
И опіямъ восторженной души;
Но должно ей горѣть и цвѣсть въ тиши,
Но не дано на языкъ изгнанья
Ей высказать всѣ таинства свои.

И много думъ, и много чувствъ прекрасныхъ
Не имутъ словъ, глагола не найдутъ,
И на душу обратно западутъ....
И больно мнѣ, что въ проблескахъ напрасныхъ
Порывы ихъ навѣкъ умрутъ!

Мнѣ суждено подъ схиною молчанья
Святой мечты всё лучшее станть,
Знать свѣтъ въ душѣ.... и мракъ въ очахъ носить.
Цвѣтокъ полей, забытый безъ вниманья,
Себя съ тобой могу ли не сравнить?....»

ФАНТАЗІЯ.

•Хоть я съ полуденной душою
И съ сердцемъ страстнымъ рождена,
Хоть нравъ мой живъ, хоть я мечтою
Волшебству звуковъ предана;
Хотя мои пылаютъ думы,
Хоть много южнаго во мнѣ....
Но свѣрь хладный и угрюмый,
Родной мой свѣрь мнѣ души!....

Порой мнѣ воображенье
На крыльяхъ радужныхъ влечетъ
Туда,... гдѣ дышетъ вдохновенье,

Гдѣ искони восторгъ живеть,
Туда, ... въ страну очарованья,
Гдѣ воздухъ чище и яснѣй,
Гдѣ вся природа въ лилованья
Гордится роскошью своею :

Я въ страстномъ забытїи блуждаю
Въ священныхъ греческихъ горахъ !
Я прахъ обломковъ вопрошаю
О героическихъ вѣкахъ ;
Я слышу бранный вопль Тиртея
И звукъ оружія боевыхъ....
Я мчуся по волнамъ Пирея,
Врожу въ развалинахъ сѣдыхъ.

Аены, Спарта предо мною
Съ ихъ краснорѣчіемъ нѣмымъ.
Съ свободой, съ славой ихъ былою,
Съ ихъ злополучьемъ роковымъ !
И Мисолоаги вдругъ дымятся,
Весь свѣжей кровью обогреть....
И обгорѣлый Хиосъ зрится,
Обитель горестныхъ племенъ!....

И есть тамъ новая могила....
Могила странника-пѣвца,
Кого страданье заклемило
Отъ колыбели до конца:
Несправедливость Альбіона
Презрѣлъ великой онъ душой....
И тѣнь погибшаго Байрона
Среди насъ съ Греціей младою!.....

Но есть еще предѣлъ желанный,
Еще волшебная страна....
Поэтовъ край обитованный,
Гдѣ имъ награда суждена,
Цѣль ихъ исканій благородныхъ,
Предметъ ихъ пѣсней, ихъ стиховъ,
Кумиръ душъ пылающихъ и свободныхъ,
Эдемъ восторженнаго умосъ !

И тамъ, въ Италіи чудесной,
 Въ сердечныхъ снахъ бываю я....
 И до нее игрой небесной
 Несетъ фантазія маяя!
 Подъ твюю миртъ, оживъ душистыхъ
 Я воздухъ ароматный пыю,
 Любуюсь блескомъ звездъ сребристыхъ,
 И звука серенадъ ловлю....

Но, чу!!... Полночнаго моленья
 Вотъ громкій благовѣсть гудить!.....
 Вотъ онъ, глаголь богослуженья,
 Единовѣрцамъ говорить!
 Вотъ онъ величественнымъ стономъ
 Мое раздумье перервалъ,
 И Русскимъ, православнымъ звономъ
 Видяны чуждыя прогнать!.....

Очнулась я отъ сновъ любимыхъ!
 Въ обычный очеркъ бытія
 Изъ дальнихъ странъ, восторгомъ зримыхъ,
 Возвращена душа моя;
 Забыты пылки мечтаныя,
 И я, опомнившись вполнѣ,
 Твержу въ сердечномъ изліанъ:
 «Мой край родной!.... ты дорогъ мнѣ!!»

Все это, безспорно, чудеснѣйшія піесы, и которыя могли бы составить славу любого поэта съ бакенбардами. И такихъ піесъ очень много найдется въ этомъ собраніи, котораго драгоценнѣйшими перлами, во всякомъ случаѣ, должно почестъ «Не жившую душу» и «Мщеніе женщины», два стихотворенія, напечатанныя нѣкогда въ «Библіотекѣ для Чтенія».

Я сътовалъ, что въ Лѣтописи не останется мѣста для порядочныхъ книгъ. Да гдѣ же онъ? Во всей этой грудѣ, которая меня облегаетъ съ трехъ сторонъ, не найду ничего кромѣ множества дѣтскихъ книжонокъ, посланно состряпанныхъ для Вербной Недѣли фабрикантами этого роду издѣлій; нѣсколькихъ школьныхъ руководствъ, которыя, конечно, весьма полезны и поучительны для юноше-

ства, но вовсе не интересны для читающей публики; несколько перепечаток, или новых изданий; одного «Краткого обзорня выгодъ лѣсоводства»; одного московскаго романа, доведеннаго только до половины, имѣвшаго некогда другое названіе и теперь вынужденнаго въ связь съ новымъ заглавнымъ листомъ, книги безъ начала и безъ конца; и десятка совершенно ничтожныхъ брошюръ. Все это можетъ преспокойно подождать до слѣдующаго мѣсяца, и я прошу извиненія у брошюры, которая меня взбѣсила, за то, что еще и сътовалъ на нее.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

=

— На Святой Недѣль выйдеть давно ожидаемое изданіе А. А. Плюшара, «*Картиная Галерея, или Систематическое собраніе рисунковъ по всѣмъ частямъ человѣческихъ познаній*», два тома въ-четвертку, съ пояснительнымъ текстомъ. Эта книга имѣла величайшій успѣхъ въ Германіи. Она необходима для всякаго, кто занимается чтеніемъ книгъ, журналовъ и газетъ, и хочетъ читать ихъ съ пользою.

— Въ маѣ, навѣрное, выйдеть и у А. Ф. Смирдина давно ожидаемый второй томъ «*Стя литераторовъ*», для котораго первые пароходы привезутъ изъ Англій гравюры, и сверхъ-того выйдеть другое великолѣпное изданіе, «*Константинополь и Турки*», въ двухъ томахъ въ-четвертку, съ девяноста шестью чудесными англійскими гравюрами: въ исторіи нашего книгопечатанія это будетъ еще первый примѣръ такой роскоши картинокъ, при чрезвычайно умѣренной цѣнѣ книги.

— Третья вышедшая въ теченіи мѣсяца тетрадь «*Портретной и биографической галереи*», П. О. Соколова, содержитъ въ себѣ портреты и біографіи митрополита Платона и В. А. Жуковскаго. Это изданіе съ каждымъ новымъ выпускомъ становится болѣе и болѣе занимательнымъ.

— Въ Москвѣ, Г. Сатинъ издалъ русскій переводъ Шекспировой «*Бури*», который удобно читается. Въ Петербургѣ С. С. Глинка выпустилъ въ свѣтъ первый томъ своихъ «*Очерковъ жизни и сочиненій Сумарокова*».

=

«Аистъ, отлетающій на зиму на югъ, возвращаясь къ намъ лѣтомъ, узнаетъ свою родную землю, свою деревню, свою колокольню, свое старое гнѣздо. Сначала самецъ прилетаетъ одинъ, осмотритъ гнѣздо, улетитъ, и возвращается уже съ самкою. Они очистятъ гнѣздо, испорченное зимними вьюгами, устроятъ его, и станутъ жить по всемъ правиламъ и обязанностямъ супружеской любви.

«Голосъ аистовъ состоитъ въ щелканіи клювомъ. Голова ихъ имѣетъ прекрасную форму, лобъ отличается вышиною, глаза блестятъ хитростью, походка исполнена благородства и степенности; во всемъ, что они нѣ дѣлаютъ, видны тихость, спокойствіе, благоразуміе, аккуратность. Ихъ полетъ прекрасенъ, торжественъ, и при всемъ томъ быстръ: они какъ-будто плывутъ въ воздухъ. Аистъ, то красиво прилетитъ къ гнѣзду, то опять красиво отлетитъ. Летая, онъ обыкновенно описываетъ кругъ, *потому что кругъ самая красивая линія.* Аисты чрезвычайно чистоплотны, и безпрестанно чистятъ клювомъ свои перья. На яйцахъ сидятъ и самецъ и самка. Одинъ изъ супруговъ всегда дома, или для дѣтей, или для того чтобъ стеречь гнѣздо; ихъ пронизательный взоръ видитъ все, что дѣлается въ окрестности. Они съ удовольствіемъ ѣдятъ червей, улитокъ, небольшихъ змѣй, мышей, рыбъ, любятъ саранчу и пчелъ, но самый лакомый кусокъ для аиста—лягушка потому....» какъ бы думали, почему?... да очевидно потому что.... лягушка — самое драгоценное для науки животное: безъ нея мы не знали бы гальванизма!

«Аисты кушаютъ также и маленькихъ птичекъ. Очень часто щелкаютъ они носами, отецъ, мать и дѣти, вмѣстѣ: они лѣственно *разговариваютъ* между собою. Особенно болтливы дѣтеныши, когда мать или отецъ приносятъ имъ пищу. Въ исторіи аистовъ особенно удивительны три вещи: ихъ войны, судилища и человѣчскій образъ дѣйствования. Вся аисты какой-нибудь области, на примѣръ, за Рейнскіе, въ кантонъ Санкт-Галленъ, непременно разъ въ годъ вступаютъ въ кровопролитное сраженіе съ аистами, живущими по-ту-сторону Рейна, въ Лихтенштейнъ и Форардбергъ. Эти битвы оканчиваются всегда смертію или бѣгствомъ воиновъ которой-нибудь стороны. Одна изъ нихъ

должна непременно очистить поле сраженія. Вѣроятно, война возгарается за кормъ или за какую-нибудь Едену анстовой породы. Лишь-только война объявлена, вся область приходитъ въ волненіе, по обѣимъ сторонамъ Рейна собираются огромныя стада анстовъ на военный совѣтъ. Конечно, этому собранію предшествуетъ кличъ, воззваніе. Въ совѣтъ ансты болтаютъ очень много и, кажется, совершенно понимаютъ другъ друга (въ этомъ отношеніи ансты счастливѣе людей, потому что люди въ совѣтахъ очень рѣдко другъ друга понимаютъ). Нѣкоторые изъ членовъ разсуждаютъ особенно долго. Это ораторы, старшины. Форарльбергцы и лихтенштейнцы, то есть, ансты-нѣмцы, поднимаются на воздухъ и перелетаютъ черезъ Рейнъ съ тѣмъ, чтобы напасть на своихъ швейцарскихъ враговъ, но тѣ уже ожидали нападенія: они взвиваются сами, и летятъ имъ на встрѣчу. Сраженіе происходитъ въ воздухѣ. Оружіе—клювъ. Они колютъ, шиплютъ и колотятъ имъ другъ друга. Покрытые ранами и кровью, ансты-швейцарцы обращаются въ бѣгство. Храбрые ансты-нѣмцы разрушаютъ гнѣзда бѣглецовъ. Но, вотъ, мало-по-малу разбитое войско собирается снова, начинается битва, и остается победителемъ.

« Доказано достоверными наблюденіями, что, передъ отлетомъ на югъ, всѣ ансты собираются на вече, и составляютъ кругъ, въ серединѣ котораго становится одинъ анстъ: онъ долго резонируетъ; въ отвѣтъ на его рѣчь, прочіе щелкаютъ носами, и наконецъ всѣ нападаютъ на оратора, стоящаго въ серединѣ, и заклеиваютъ его. Нѣкоторые полагаютъ, что это самка, нарушившая супружескія обязанности. Если это справедливо, въ такомъ случаѣ у анстовъ существуетъ формальный брачный судъ, родъ уголовной палаты: это гадъ вѣроятно, что нѣжная привязанность самцевъ къ самкамъ слишкомъ извѣстна. Но другіе думаютъ, будто между ними господствуетъ Лякурговъ законъ, по которому предается смерти слабый членъ общества, какъ неспособный къ дальнѣйшій перелетамъ. Со времени Эліана это обстоятельство еще не приведено въ ясность, но во всякомъ случаѣ тутъ происходитъ что-то необыкновенное. Если въ домъ, на крышѣ котораго свили гнѣздо ансты, случается пожаръ, они тотчасъ переносятъ своихъ птенцовъ въ безопасное мѣсто. Въ при-

морскихъ городахъ они прогуливаются по улицамъ между народомъ, какъ настоящіе люди, гордо поглядываютъ на сторонамъ, требуютъ, чтобъ вся уступали имъ дорогу, ходятъ съ одного рынка на другой, отъ одного фонтана къ другому, посящаютъ вся городскія навозныя кучи, и всюду ищутъ рыбы, устриць, и тому подобнаго. Я самъ тому свидѣтель, что, будучи въ неволѣ, они никогда не обращаютъ клюва противъ своихъ хозяевъ, и позволяютъ имъ обращаться съ собою очень свободно. Они очень боятся кошекъ: даже кошечья чучела приводятъ ихъ въ ужасъ; проходя мимо ихъ они щелкаютъ клювомъ. Весьмъ извѣстно, что аистовъ очень легко сдѣлать ручными: они даже сами загрызаютъ съ дѣтьми, бѣгаютъ за ними съ распущенными крыльями, клюютъ ихъ въ спину, щиплютъ за руки, и такъ далѣе.

«Да, аистъ — человѣко-скотъ: онъ живетъ *бдѣ-жизнію!* Кругъ дѣйствій его обширенъ. Онъ хорошо все понимаетъ, имѣетъ смыслъ, чувство, волю. Аистъ по уму — человѣкъ-дѣтя: наши дѣтя, это подготовленіе къ совершеннѣйшимъ существамъ—настоящіе аисты, и бываютъ минуты когда тѣ и другіе находятся въ бдѣннмъ взрослога челоуька, имѣютъ сознаніе о своемъ микрокозмѣ и макрокозмѣ. Аиста, по его спокойствію, и всегдашнему присутствію духа, нѣкоторые называютъ философомъ, птичьимъ Платономъ и Лейбницемъ, подобно тому какъ, между млекопитающими, слона считаютъ мудрецомъ. Такъ ли, не такъ ли, а по-крайней-мѣрѣ нѣтъ птицы умнѣе аиста. Кромѣ перелету, въ аистѣ нѣтъ ничего, по чему можно было бы отнести его къ разряду сомнамбуло-скотовъ и лунатико-скотовъ, то есть, къ средней степени жизни.»

Какъ вамъ нравится эта психологія? Она неподражаема!

Отвергая многіе обще принятые анекдоты о животныхъ, господинъ Шетлинъ доказываетъ справедливость такихъ вещей, которыя всѣ почитаютъ за басни. Такъ, между прочимъ, онъ говоритъ о дикобразѣ: «Многіе думаютъ; будто Плиній рассказываетъ сказку, увѣряя, что раздраженный дикобразъ стрѣляетъ въ непріятеля своими иглами. Новѣйшіе натуралисты отвергаютъ его мнѣніе, говоря, что иглы у нихъ выпадаютъ, или слу-

чайно, или раздраженных собачи сами на нихъ натыкаются. «Но это несправедливо: я самъ видѣлъ, собственными глазами, что, когда два естествоиспытателя хотѣли поймать ручного дикобраза, онъ выпустилъ въ нихъ нѣсколько дюголь съ такою силою, что онъ перелетѣли черезъ всю комнату.»

Мы оставляемъ весь сентиментальный разглагольствованія нѣмецкаго автора объ обращеніи съ животными: съѣсть быка онъ находитъ очень нравственнымъ, но ударить быка, это, по его мнѣнію, такое преступленіе, для котораго нѣтъ на землѣ достойной казни. «Свещенныйман обязанность правительствъ — заботиться о животныхъ. Мучить ихъ — значитъ обижать природу. Животныя — несчастны: кто дѣлаетъ имъ добро, поступаетъ хорошо. Мучитель скотовъ, какъ и мучитель челоуѣковъ, будетъ тамъ, гдѣ ему прійдется пожать то, что онъ здѣсь посѣялъ. Онъ будетъ окруженъ гиснами, волками, тиграми и злыми псами.»

Господинъ Шетлингъ признаетъ однако жъ, что и между животными *отчасти* есть существа злыя и жестокия, къ которымъ мы чувствуемъ невольное отвращеніе. Сама природа сдѣлала ихъ лютыми и предназначила быть врагами и убійцами другихъ животныхъ, такъ, что мы имѣемъ полное право, подобно древнимъ Персамъ, считать ихъ дѣтьми Аримана, адскаго духа. Такъ, напримеръ, различныя породы осъ кладутъ свои яйца въ тѣла гусеницъ и живыхъ насѣкомыхъ, которыхъ внутренность потомъ сѣдаютъ въдушимніеся изъ этихъ яицъ червячки. Это неблагонамѣренное поведеніе осъ, чувствительный нѣмецкій умозритель находитъ крайне безнравственнымъ съ ихъ стороны, и предлагаетъ себя вопросу: должно ли это такъ быть? не есть ли это простой произволъ животного? После длинныхъ умозрѣній о мудрости природы, герръ Шетлингъ однако жъ наконецъ соглашается, что, вѣроятно, это должно такъ быть.

Почтенный профессоръ очень негодуетъ на Римлянъ за то, что они воздвигали храмы Нерону: онъ утверждаетъ, что эти храмы слѣдовали по праву собакъ. Мы не пойдемъ

за нихъ далѣе. Глудости, которыя онъ разсказываетъ о жизни животныхъ за гробомъ не стоють даже и упоминанія.

ВЕЛЛИНГТОНЪ ПОЛКОВОДЕЦЪ ВЪ ИНДІИ. Сперва бросимъ взглядъ на карту этого полуострова и припомнимъ некоторыя событія, содѣйствовавшія къ успѣхамъ Англичанъ.

Индостаномъ въ собственномъ смыслѣ называютъ всю часть Индіи къ сѣверу отъ рѣки Нербудды. Здѣсь возвышается древняя столица Великаго Могола, Дегли, и тутъ же находились въ то время «владѣнія» синдій.

Между рѣками Нербуддой и Кистною лежатъ земли ннзана, раджи берарскаго и раджи саттарскаго. Отъ береговъ Кистны до Коморинскаго Мыса простираются Карнатикъ, Малабаръ и мейсурская имперія.

Отъ Дегли до Томбудры лежали земли великаго союза Магратовъ; онъ занимали пространство на девять сотъ семьдесятъ миль отъ сѣвера къ югу, и на девять сотъ миль отъ Бенгальской Губы до Камбейскаго Залива. Народонаселеніе этой имперіи простиралось до сорока милліоновъ челоувѣкъ; изъ нихъ тридцать шесть милліоновъ Магратовъ, и четыре милліона магометанъ; тѣ и другіе раздѣлялись на пять различныхъ владѣній, соединенныхъ въ одномъ союзѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ раджи саттарскаго. Впрочемъ, саттарскій раджа былъ главой союза болѣе именемъ чѣмъ самымъ дѣломъ: каждый раджа мало-по-малу дѣлался независимымъ, ободрившись примѣромъ пишвы или султанскаго министра, который, отравивъ своего государя, объявилъ себя наследникомъ престола. Резиденціей пишвы былъ городъ Пуна, на берегахъ рѣки Муты; но, въ свою очередь, пишва имѣлъ только тѣнь верховной власти: знаменитый Магаджи-синдія заставилъ трепетать похитителя престола. Отецъ Магаджи-синдія, былъ простымъ солдатомъ въ гвардіи пишвы; его должностію было — караулить туфли султана, когда тотъ входилъ въ гаремъ. Однажды, послѣ входу въ гаремъ, усердный караульщикъ заснулъ, но почтенныя туфли нѣжно покоившія на его груди, положенныя съ величайшимъ благоговѣніемъ. Пораженный такою преданностію, пишва вскорѣ возвелъ хранителя туфель

до самыхъ высокихъ степеней. Сынъ выскочки-солдата на ошалье время носилъ за поясомъ пару туфель, въ память своего происхожденія.

Подъ распоряженіемъ Магаджи-сиддїи было уже многочисленное, страшное войско. Французъ de Voigne, случайно прибывшій въ Индію изъ Савойи, обучилъ европейской дисциплинѣ тридцать осемь тысячъ человекъ регулярной пѣхоты и осемь тысячъ конницы. Съ такими огромными средствами Магаджи-сиддїя собирался уже овладѣть столицей Дегли, какъ вдругъ султанъ самъ потребовалъ его содѣйствія противъ своего министра Гулама. Едва ли есть драмы чернѣе и ужаснѣе той, какую видимъ въ исторіи Шахъ-Алема, послѣднѣго наследника Эвренгзибова престола. Министръ и любимецъ Шахъ-Алема, Гуламъ-Хадиръ-Ханъ, въ благодарность за оказанныя благодѣянія, задумалъ свернуть голову своему благодѣтелю. На бѣду Шахъ-Алема, извергъ перехватилъ письмо, отправленное къ сиддїи, и это обстоятельство подало поводъ къ открытому мятежу. Гуламъ-Хадиръ осадилъ и взялъ приступомъ Дегли, и вломился во дворецъ. Схвативъ султана за горло, злодѣй повалилъ его, началъ топтать ногами и потомъ выкололъ ему глаза. Послѣ того варваръ бросился въ гаремъ, собственными руками сорвалъ драгоценности съ султанскихъ женъ, и, когда онъ готовился удовлетворить свое звѣрское сладострастіе, прекраснѣйшая изъ дочерей султана заколола себя кинжаломъ. Между-тѣмъ сиддїя спѣшилъ на помощь: онъ не спасъ Шахъ-Алема, но успѣлъ наказать его палача. Гуламъ-Хадиръ-Ханъ обратился въ бѣгство, былъ пойманъ и посаженъ въ желѣзную клетку. Сиддїя обрубилъ ему уши, носъ, руки, ноги, и въ этомъ состояніи варваръ окончилъ жизнь.

Между-тѣмъ Шахъ-Алемъ былъ въ самомъ ужасномъ положеніи. Магаджи-сиддїя, отмстивъ палачу, и не думалъ возвратить престолъ законному государю. Подъ именемъ пипшы, сиддїя царствовалъ самъ, а несчастный слѣпецъ просто былъ его пѣвничкомъ. Султанскую гвардію поручили Французамъ. Ретгон и Drugeon, заступившіе мѣсто de Voigne считали Шахъ-Алема дряхлымъ старикомъ и давали ему нищенское содержаніе изъ огромныхъ доходовъ имперіи.

Въ 1802 Магаджи-синдія умеръ. Власть и войско перешли въ руки его племянника Даулють-Рао-синдія. Вѣрный политикъ дяди, Даулють поручилъ султана Французамъ, а самъ жилъ въ Пуны и наблюдалъ за движеніями Англичанъ. Даулють не мѣшалъ Англичанамъ раздавить Типпу-Самба, но рѣшительно отказался участвовать въ дѣлежъ владѣній несчастнаго султана и принуждалъ къ такому же безкорыстію пишву. Это значило, что Даулють, несмотря на неустрашимость въ войнѣ противъ Типпу, не слишкомъ ласково смотрѣлъ на союзниковъ, которыхъ новыя границы соприкасались теперь съ его собственными владѣніями. Предвидя непріязненные дѣйствія, губернаторъ спѣшилъ упрочить союзъ съ раджею Гузра и немедленно далъ знать пишвѣ, что Англичане всегда готовы освободить его отъ ига Даулють-Рао-синдія. Между-тѣмъ пишва нашелъ сильную опору въ новомъ искателѣ приключеній, Джесву-Рао-Голькаръ. Этотъ Джесву-Рао былъ низкаго происхожденія, но суевѣрная молва пролагала ему блистательную дорогу. Въ дѣтствѣ Голькаръ былъ пастухомъ; разсказывали, будто, однажды, когда заснулъ онъ въ жаркій день на открытомъ воздухѣ, огромный змѣй положилъ свой страшный хвостъ на голову неосторожнаго ребенка, чтобы прикрыть его отъ солнечнаго зноя. Народъ не сомнѣвался, что при Голькарѣ всегда былъ этотъ благодѣтельный геній.

Уже давно Голькаръ собирался сдѣлать нападеніе на Даулють-Рао-синдію. Теперь Голькаръ перешелъ Нербудду и остановился за два дня ѣзды отъ Пуны; здѣсь ожидали его союзныя войска пишвы и синдія: началось сраженіе и Голькаръ одержалъ рѣшительную побѣду. Пораженный пишва обратился къ содѣйствію британскаго правительства. Маркизь Визли (новый титулъ графа Морнингтона) согласился вступить въ переговоры, но уже Голькаръ овладѣлъ Пуною, назначилъ наследникомъ пишвы Амрута-Рао, главнымъ министромъ сдѣлалъ Амрутова отца, а себя представилъ только начальство надъ войскомъ. Но съ этимъ начальствомъ въ рукахъ Голькара соединялась и верховная власть.

Маркизь Визли видѣлъ необходимость смирить Голькара. Рѣшено было отправить къ границамъ Пуны отрядъ вой-

ска, чтобы выпнать изъ столицы Амрутъ-Рао и возвести на престолъ пишву, который между-тѣмъ удался къ крепость Коканъ. Начальство надъ войскомъ поручено генералу Визли, лучше всѣхъ понимавшему театръ этой войны, и который, въ качествѣ серингапатамскаго губернатора, имѣлъ весьма сильное вліяніе на Индійцевъ. Визли выступилъ въ походъ, когда проходилъ черезъ землю Магратовъ, жители вездѣ принимали генерала какъ избавителя и вовсе не думали видѣть непріятелей въ его солдатахъ. Въ шестидесяти миляхъ отъ столицы генералъ услышалъ, что Амрутъ-Рао, оставленный Голькаромъ, задумалъ просто какъ разбойникъ грабить городъ, который собираются у него отнять. Для вѣрнѣйшаго успѣху въ этомъ намъреніи, Амрутъ располагался зажечь Пуну, и жители, узнавши объ угрожающей опасности, бѣжали изъ городу. Медлить было нечего: оставивъ пѣхоту на дорогѣ, Визли отправился съ одной конницею и въ тридцать два часа по гадкимъ дорогамъ перешелъ шестьдесятъ миль и остановился передъ столицей. Амрутъ-Рао безъ дальнихъ околичностей бѣжалъ, и жители съ торжествомъ встрѣтили спасителя Пуны. Пишва, вызванный изъ своего убѣжища, снова занялъ престолъ, и спокойствіе совершенно возстановилось. Обязанный всѣмъ великодушію генерала, пишва ненавидѣлъ однако жъ своего избавителя, такъ, что даже не могъ равнодушно на него смотрѣть, какъ увѣряетъ самъ Визли въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Но занятіе Пуны не образумило Даулютъ-Рао-синдію. Согласившись вести переговоры, онъ вступилъ въ то же время въ тайныя сношенія съ пресжными своими врагами, Голькаромъ и раджею берарскимъ, которые были для него не такъ страшны какъ Англичане. Голькаръ пока не рѣшался ни на что, но раджа берарскій открыто соединился съ синдіей, и войска ихъ выступили къ границамъ владѣній низама. Моррингтонъ и Визли съ величайшимъ удовольствіемъ вышли на защиту британскаго союзника: это было прекраснымъ случаемъ утвердить господство Англичанъ въ Индіи, потому что имъ надлежало въ одно и то же время колотить и Магратовъ и французскихъ офицеровъ.

Планъ кампаніи принадлежитъ маркизу Визли; исполненіе — исключительно его брату.

Въ обширный планъ маркиза Визли вошелъ почти весь Индостанъ отъ Калькутты и Мадраса до Бомбея, и отъ Дели до Пуны, Гидерабада, Гузра и Ориссы. Чтобы успѣшнѣе действовать противъ раджи берарскаго, положено было сперва сдѣлать нападеніе на Ориссу черезъ Гангамъ и Калькутту. Бомбейскія войска должны были овладѣть гаванью и землями синдій въ области Гузра. Генералу Леку поручено идти къ границамъ Уды и въ самый Индостанъ, чтобы уничтожить вліяніе Французовъ и освободить отъ нихъ Могола. Генераль Визли отправился въ Деканъ : ему надлежало въ одно и тоже время сражаться съ союзными войсками синдій враджи берарскаго, защищать пишву и низама, и отстранять опасность отъ владѣній компаніи. Постъ генерала былъ такъ важенъ, что правительство уполномочило его заключить миръ или продолжать войну по собственному усмотрѣнію.

Полковнику Коллинсу поручено было склонить синдію къ мирнымъ предложеніямъ, и генераль Визли нетерпѣливо ожидалъ слѣдствій этихъ переговоровъ. Когда Коллинсъ потерялъ всякую надежду на уснѣхъ, Визли быстро пошелъ къ старинному городу Амеднугуру, откуда легко было имѣть сообщенія съ Пуною. Генераль скомандовалъ на приступъ, и городъ мгновенно былъ взятъ несмотря на непріятельскія пушки. Въ Амеднугуръ возвышался дворецъ синдій, и солдаты начали его грабить. Чтобы прекратить опустошеніе, Визли принужденъ былъ разстрѣлять двухъ грабителей, и этотъ примѣръ остановилъ прочихъ солдатъ.

Теперь Визли хлопоталъ только о томъ, чтобы вступить съ непріателемъ въ рѣшительное сраженіе. Дѣло было не легкое : синдія и магратскіе вожди уклонялись отъ битвы, несмотря что у синдій и раджи берарскаго было пятьдесятъ тысячъ регулярнаго войска, а подъ командой Визли и полковника Стивенсона всего семнадцать тысячъ. Желаніе сразиться было такъ сильно, что генераль сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ безразсудныхъ поступковъ, которые могутъ быть оправданы только успѣхомъ. Стивенсону назначено было сойтись съ генераломъ въ известномъ мѣстѣ, и напасть на

непрітеля съ разныхъ сторонъ. Но Визли, увидѣвъ магратскую армію, не рѣшился ждать Стивенсона и располагался сразиться съ непрітелемъ только съ своей дивизіей, давъ знать полковнику, чтобы тотъ спѣшилъ къ нему на помощь.

Союзныя войска синдій и раджи берарскаго расположились отъ Богердюна до деревни Асси, по крутымъ берегамъ рѣки Кетны. На правомъ крылѣ было тридцать тысячъ всадниковъ; сгущенные ряды пѣхоты образовали центръ и лѣвое крыло. Сто-пушечная артиллерія прикрывала конницу и пѣхоту. Изъ стана виднѣлись разноцвѣтныя палатки, расположенныя наподобіе улицъ, посреди которыхъ, какъ на ярмаркѣ, разгуливали ювелиры, кузнецы и кунцы съ своими товарами. На противоположномъ берегу Кетны, скромно стоялъ генералъ Визли. У него было шесть тысячъ конницы, полторы тысячи пѣхоты и семнадцать пушекъ. И съ этой горстью Визли готовился выступить противъ страшнаго ополченія!

По расчетамъ англійскаго генерала, надлежало сперва напасть на лѣвое крыло Магратовъ, то есть, на пѣхоту, стоящую на узкомъ полуостровѣ, который образовался отъ сѣченія двухъ рѣкъ, Кетны и Жуи. Но какъ перейти Кетну, глубокую, крутоберегую рѣку? Разсматривая положеніе Магратовъ, генералъ замѣтилъ около ихъ лѣваго крыла двѣ деревни, лежавшія по берегамъ этихъ рѣкъ. Визли заключилъ, что между деревнями было, вѣроятно, удобное сообщеніе, иначе непрітель не выбралъ бы этого мѣста для лагера. Догадка генерала оправдалась, когда подошелъ онъ къ ближайшей деревнѣ: здѣсь былъ узкій, очень удобный бродъ, оставленный непрітелемъ безъ прикрытія. Визли стремительно перешелъ на противоположный берегъ и сразился съ магратской пѣхотою. Непрительская артиллерія открыла сильный огонь, и скоро магратскіе пушки сбили англійскія батареи. Визли командовалъ на штыки, и въ нѣсколько минутъ большая часть непрительскихъ застрѣльщиковъ была изрублена; но тѣ, которые остались въ живыхъ, легли между грудями побитыхъ товарищей и притворились мертвыми. Когда англійская конница перешла эти ряды, мнимыя мертвецы воскресли и тотчасъ пули

Жѣ полетѣли въ тылъ непріятелю. Бригада полковника Максвелла мгновенно уничтожила эту нестройную толпу. Въ то же время Визли, предводительствуя семьдесятъ осьмью полкомъ, бывшимъ въ резервъ, взялъ приступомъ деревню Асси.

Между-тѣмъ Маграты все еще держались, и до самой ночи показывали удивительную неустрашимость; но къ этому времени подоспѣлъ съ своимъ отрядомъ полковникъ Стивенсонъ, и окончательно разстроилъ непріятельскіе ряды. Англичане въ этой битвѣ потеряли полторы тысячи человекъ, и въ томъ числѣ полковника Максвелла; Маграты перелочены почти все, и артиллерія ихъ досталась побѣдителямъ. По словамъ сэра Колина Кампбеля почти никто не хотѣлъ вѣрить, что Веллингтонъ остался въ этой битвѣ побѣдителемъ. Этотъ Колинъ Кампбель — довольно замѣчательное лицо. При осадѣ Амедугурской крѣпости, генералъ Визли замѣтилъ одного молодаго офицера, который, взобравшись на самую вершину стѣны, вдругъ грохнулся оттуда со всего размаху, пораженный ударомъ непріятеля. Визли думалъ, что юноша сломилъ себя шею, или по крайней-мѣрѣ опасно раненъ. Но къ изумленію генерала, храбрый офицеръ тотчасъ оправился и снова ползъ на стѣну не обращая вниманія на кровь, которая струей текла изъ его ранъ. На другой день Визли прикомандировалъ героя къ своему главному штабу, и не разставался съ нимъ до 1815 года. Визли часто говорилъ этому офицеру, что въ первый разъ онъ увидѣлъ его «на воздухѣ», *in the air*; этотъ-то «воздушный» герой и есть сэръ Колинъ Кампбель, нынѣшній командоръ ордена Бани, генералъ англійской арміи и губернаторъ Новой-Шотландіи.

Несмотря на блистательную побѣду при Асси, генералъ Визли показалъ себя очень умереннымъ. Когда снудія обнаружили намѣреніе вступить въ переговоры, Визли охотно согласился его выслушать и прекратилъ непріязненные дѣйствія. Тогдашнія политическія мнѣнія Веллингтона ясно изложены въ письмѣ къ майору Монро:

«Я думаю, писалъ Визли, объ индѣйскихъ правительствахъ точно такъ же какъ и вы, то есть, я считаю совер-

ценно невозможнымъ для Англичанъ основать въ Индіи сильное государство.

«По моему мнѣнію, обширность нашихъ владѣній уже давно превзошла наши средства, притомъ мы нажили пропасть враговъ, оставивъ отъ прежнихъ должностей сановниковъ, служившихъ Типпу и Низаму. Расширяя англійскія владѣнія, особенно насчетъ Магратовъ, мы только что увеличиваемъ зло. Люди, которыхъ колотимъ теперь, собирали общественные доходы, командовали или служили въ арміи, или занимались грабежемъ: мудрено ли угадать, что они останутся вѣчными врагами Англичанъ? А всегда ли будетъ легко унять ихъ?»

«Между-тѣмъ правительство и теперь еще хлопочетъ объ увеличеніи владѣній: зачѣмъ намъ эти земли, когда и безъ того у насъ ихъ больше, нежели позволяетъ ограниченность средствъ?»

Нѣкоторые сравнивали Веллингтона съ Цезаремъ, когда тотъ воевалъ въ Азіи съ Митридатомъ. Отрывокъ изъ этого письма показываетъ, что благоразумный англійскій генералъ нисколько не похожъ на Помпеева соперника, мечтавшаго о завоеваніи всего свѣта.

Между-тѣмъ раджи всё-еще вели переговоры, и разными увертками совершенно утомили терпѣливаго побѣдителя. Явно было, что они старались возбудить недовѣрчивость вождей, освобожденныхъ Англичанами отъ ихъ тиранства. Самъ Низамъ, казалось, охладѣлъ теперь къ своимъ союзникамъ, а его подданные рѣшительно не скрывали отвращенія къ Европейцамъ.

Генералъ Визли съ трудомъ таилъ затруднительность своего положенія. Ему надлежало теперь дѣйствовать во всѣхъ случаяхъ съ возможною обдуманностію. Смотра во обстоятельствамъ, онъ принималъ то наступательныя, то оборонительныя мѣры. Вотъ что о тогданнемъ положеніи писалъ Визли къ маіору На :

«Со времени битвы при Асси, я точно какъ на иглахъ: одной рукою защищаюсь, другою нападаю. Съ корпусомъ генерала Стивенсона я дѣйствовалъ наступательно и занялъ Ассигюръ; мой отрядъ прикрывалъ это движеніе и защищалъ владѣнія Цишвы и Низама. Дѣлая ужасные марши, я успѣлъ

наконецъ догнать непріятеля, когда тотъ переходилъ черезъ Каттербургское ущелье; въ то же время быстро къ северу, я устремивъ удержалъ синдію, который хотѣлъ остановить дѣйствія полковника Стивенсона противъ Ассигюра.»

Противодѣйствуя уверткамъ синдіи, генераль Визли задержалъ часть его офицеровъ и въ то же время лишилъ ея дѣйствія многихъ европейцевъ. Наконецъ, въ Агря и Дели, генераль Лекъ уничтожилъ вліяніе Французовъ и освободилъ Ногола, взятаго въ плѣнъ Французомъ Boug-risep'омъ. Синдія отделился наконецъ отъ раджи берарскаго, и предложилъ Англичанамъ вступить въ переговоры. Зная очень хорошо вѣроломство синдіи, генераль Визли принялъ однако же это предложеніе, въ той надеждѣ, что удобнѣе будетъ покорить отдѣльно дѣйствующихъ раджей. И дѣйствительно, по счастливому стеченію обстоятельствъ, Визли въ одинъ день поразилъ и синдію и раджу берарскаго. Двадцать девятаго ноября владычество Магратовъ рѣшительно и навсегда было уничтожено въ битвѣ на равнинахъ деревни Аргомъ. Послушаемъ какъ самъ генераль разсказываетъ объ этомъ примѣчательномъ сраженіи :

«Двадцать третьяго ноября я согласился прекратить непріязненныя дѣйствія съ войсками Даулють-Рао-синдіи, на томъ условіи, чтобы синдія удалился на востокъ, къ Эллихпуру. Но синдія не выполнилъ этого условія и расположился съ войскомъ при Серсули, въ четырехъ миляхъ отъ стама Ману-Бенну, брата раджи берарскаго.

«Двадцать осьмага, векиги, присланные отъ синдіи, просили меня не тревожить отрядовъ Ратоджи-Вунела (такъ назывался раджа берарскій). Я отвѣчалъ, что въ случаѣ нужды не пощажу и самаго синдію, потому что синдія не исполнилъ условій.

«Полковникъ Стивенсонъ соединился съ моею дивизіей еще двадцать седьмаго ноября. Съ башни партерлейской (parterly) я открылъ, что соединенныя войска синдіи и раджи берарскаго выступили изъ лагерей и идутъ противъ насъ. День былъ очень жаркій, и непріятели быстро приближались: поэтому я не считъ нужнымъ идти къ нимъ на встрѣчу. Но когда синдія и раджа берарскій вздумали отдохнуть на равнинахъ Аргома, то я тотчасъ рѣшился атаковать

вать ихъ армію. Англійская конница, построившись колонной, выступила впередъ, въ направленіи параллельномъ неприятелю; конница монгольская и мейсурская прикрывали мой арріергардъ и лѣвое крыло.

«Неприятельская пѣхота и артиллерія составляли его лѣвое крыло, а многочисленная конница синдін, съ легкимъ отрядомъ пиндаррій, правое. Вся армія Магратовъ занимала пространство въ длину пяти миль.

«Я раздѣлилъ англійскую армію на двѣ линіи; въ первой поставилъ пѣхоту, во второй конницу. Когда все приведено было въ порядокъ, семьдесятъ четвертый и семьдесятъ восьмой полки сдѣлали нападеніе, и совершенно сбили многочисленный неприятельскій отрядъ. Шестой полкъ ударилъ на конницу синдін и также разбилъ ее. Маграты совершенно разстроились и обратились въ бѣгство, оставивъ Англичанамъ тридцать осемь пушекъ и весь свой обозъ. Преслѣдуя бѣгущаго неприятеля, Англичане взяли еще множество слоновъ и верблюдовъ.»

Тотчасъ послѣ этой рѣшительной побѣды, генераль Визли взялъ приступомъ важную крѣпость Гавильгаръ. Этотъ послѣдній урокъ заставилъ раджу берарскаго отказаться отъ магратскаго союза: онъ покорился Англичанамъ, уступилъ имъ часть своихъ владѣній и обязался не принимать въ свою службу ни одного Француза.

Тоже сдѣлалъ и синдія. Онъ уступилъ Англичанамъ въ вѣчное владѣніе всю свои крѣпости, всю землю въ Дуабъ, или страну, лежащей въ сѣверномъ Индостанѣ, между рѣками Гангомъ и Юнмою, и еще нѣсколько крѣпостей и земель въ области Гуэра, въ Декканѣ и въ владѣніяхъ Великаго Могола. Притомъ, такъ же какъ и раджа берарскій, синдія обязался никого изъ европейцевъ не принимать въ службу. Этотъ договоръ, заключенный синдіею пятаго января 1804, былъ подписанъ въ Калькуттѣ губернаторомъ, тринадцатаго февраля того же года.

Слѣдствія этой блистательной побѣды были такія же, какъ и послѣ паденія мейсурской имперіи. Явились разныя искатели приключеній, и цѣлыми шайками стали грабить беззащитныя владѣнія побѣжденныхъ вождей. Низамъ, пашва и покоренные раджи, принуждены были жаловаться ге-

генералу Визли : «Вы должны защищать свои завоеванія, говорили они : отгоните же отъ насъ безчестныя шайки разбойниковъ, если хотите, чтобы мы исправно платили дани.» Генералъ Визли снова долженъ былъ начать войну, и въ короткое время очистилъ Индію отъ всѣхъ грабителей.

Между-тѣмъ Голькаръ всё-еще грозилъ индійской компаніи ; онъ надѣялся взбунтовать противъ Англичанъ Ага-новъ, но кончилъ тѣмъ, что заключилъ съ генераломъ Визли одинаковыя условія, какъ и прочіе раджи. Такимъ образомъ планъ, обдуманнѣй маркизомъ Визли, въ исполненіи его братомъ и генераломъ Леккъ, окончательно уничтожилъ владычество Магратовъ.

Въ Калькуттѣ обрадовались безъ ума при извѣстіи объ этихъ побѣдахъ. Благодарные жители воздвигли въ честь губернатора мраморную статую, а генералу Лекку и серу Артуру Визли подарили почетныя шваги.

Въ Лондонѣ, конечно, еще бы съ большимъ энтузіазмомъ приняли вѣсть объ этихъ успѣхахъ, если бы Англія не была въ это время озабочена войною противъ Франціи. Впрочемъ, парламентъ не замедлилъ изъяснить должную благодарность губернатору, полководцамъ, офицерамъ и солдатамъ, такъ славно дѣйствовавшимъ въ Индіи. Генералъ Леккъ былъ возведенъ въ достоинство лорда Англіи и Ирландіи, съ титуломъ барона дельйскаго и ласварійскаго (Baron Lake of Delhi et Laswarie); генералъ Визли получилъ знаки ордена Бани, хотя на этотъ орденъ и не было еще вакансій.

Генералъ Визли хлопоталъ теперь о возвращеніи въ Европу, и вскорѣ ему дано позволеніе отправиться изъ Индіи. Передъ отъездомъ, Визли со всѣхъ сторонъ получалъ прощальныя привѣтствія. Офицеры декканской арміи поднесли ему великолѣпную вазу. Серинганатамскіе жители еще прежде написали къ нему письмо, замѣчательное по восточному колориту :

Серинганатамъ, шестнадцатаго іюля, 1804.

«Пять блаженныхъ лѣтъ мы, природные жители Серинганатама, почивали подъ сѣнію вашего благоутробія.

«Мы опытомъ узнали, что даже въ отсутствіе, посреди безпрестанныхъ битвъ и побѣдъ, вы неуспѣшно бодрствова-

ли надъ нашими благоденствіемъ, такъ, что будто ничто другое не занимало вашъ духъ.

«Все наши касты притотовляются возсылать мольбы благодаренія и приносить благоуханныя жертвы Богу, который возвратилъ васъ цѣлыми и невредимыми, и мы не умедлимъ лично явиться къ вамъ для изъявленія нашей радости и веселія.

«Неусыпные труды ваши увѣнчаны побѣдою надъ сопостатами, то да и увѣнчается отнынѣ и покой вашъ честію и славою! Да поможетъ вамъ всемогущій брама еще на многія лѣта изливать на насъ обильные потоки блаженства, которые во вся вѣки воспримемъ мы съ благоговѣніемъ, радостію и благодарностію! Если же другія дѣла, болѣе важныя, удалятъ васъ въ страны нѣчныя, мы непрестанно будемъ молить Бога всехъ кастъ и всехъ народовъ, да оградитъ Онъ своею десницею ваши здорье, славу и благоденствіе».

Десятаго марта, Визли отплылъ въ Англію на корабль Трезубецъ. Возвѣщая о своемъ отъездѣ, онъ отдалъ въ приказъ по арміи:

Крѣпость Сен-Джорджъ, девятаго марта, 1805.

«Генераль-маіоръ сэръ Артуръ Визли извѣщаетъ войска, бывшія подъ его командой, что онъ оставляетъ вѣренную ему гражданскую и военную власть. Возвращаясь въ Англію, онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ разстается съ офицерами и солдатами, съ которыми такъ долго служилъ.

«Во все время командованія генерала Визли надъ дивизіей, войска исполняли различныя службы и переносили величайшія трудности съ рѣдкимъ мужествомъ и постоянствомъ. Во всехъ случаяхъ генералъ оставался совершенно доволенъ поведеніемъ своихъ воиновъ, и теперь снова благодаритъ ихъ, увѣряя, что никогда не забудетъ ихъ исправной службы и не перестанетъ принимать живаго участія во всемъ что до нихъ касается.»

О результатахъ оконченной войны генералъ Визли говорить:

«Англичане теперь въ самомъ блистательномъ положеніи. Они владѣютъ болѣею частію Индіи, покровительствуютъ раджей и рываютъ весь споры между ними. Ихъ земли са-

ныя обширныя, а ихъ верховная власть основана на самыхъ твердыхъ началахъ. Недостаетъ Англичанамъ только любви народной, но она придетъ со временемъ, если правительство постоянно будетъ слѣдовать началамъ правосудія. Настанетъ время, когда народы исполнѣ оцѣнятъ свое благодѣяніе и будутъ благословлять своихъ побѣдителей».

Что касается до самаго Визли, то восемь лѣтъ, проведенныя имъ въ Индіи, были для него въ высочайшей степени полезны. Онъ посвятилъ это время на занятія самую трудною дипломатикою, самой многосложною гражданскою администраціею, дѣйствовалъ какъ главнокомандующій во многихъ сраженіяхъ; организовалъ войско, наблюдалъ за дисциплиною, самыми мелочными подробностями: отъ построения мостовъ до солдатской обуви. Ничто не ускользало отъ вниманія дѣятельнаго генерала. Вездѣ и повсемъ видѣлъ онъ исполненіе долга и такимъ образомъ совершенно приготовилъ себя къ новому блистательному подвигу.

Впрочемъ, въ ту пору Англичане еще не подозревали, что въ особѣ генерала Визли найдутъ со временемъ одного изъ знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ то время предразсудки заграждали еще путь къ дальнѣйшему возвышенію Визли. Офицеры старинной школы, въ 1805 году никакъ не могли понять, чтобы можно было сдѣлаться опытнымъ полководцемъ въ кампаніяхъ съ полу-дикими народами. Экспедиція противъ Дундіи, трудныя битвы съ магратскими раджамъ и самая побѣда при Асси, ничего не значили въ глазахъ этихъ старовѣровъ, которые были увѣрены, что только въ Европѣ, и притомъ въ одной прусской школѣ, можно сдѣлаться отличнѣмъ полководцемъ.

КАТОРИЖНИКИ И СТАТУА ФЕРДИНАНДА ЧЕРНАГО ВЪ ЛИВОРНО. Вы путешествовали. Вамъ случалось бывать въ разныхъ гаваняхъ, посвѣщать разные города, испытывать разныя горя: имѣть дѣло и съ носильщиками въ Авиньонѣ, и съ facchini въ Мальтѣ, съ трактирщиками въ Мессинѣ. Но вы еще не знаете Ливорно. Вотъ ужъ впрямь разбойничій вертепъ!

Во всякъхъ странахъ міра есть возможность защитить свою поклажу, сторговаться за переноску вещей въ гостиницу,

и, если носильщики просятъ слишкомъ дорого, то позволяется самому взвалить свой багажъ на свои плечи и нести его куда угодно на собственномъ иждивеніи. Въ Ливорно и этого не возможно!

Еще барка ваша не успѣла причалить, какъ уже на нее начинается нашествіе двухъ на десять языковъ: носильщики съшлются со всѣхъ сторонъ, Богъ-вѣсть откуда: прыгають съ берегу, лезуть изъ лодокъ, спускаются по скастьямъ ближайшихъ кораблей: того и гледи, что ваша барка потонетъ подъ ихъ грузомъ, и по-скорѣе взбирайся на пристань. Хорошо: вы спаслись. Но что касается до вашего багажа, то онъ уже расхищенъ, раздѣленъ на столько чловѣкъ, сколько у васъ отдѣльныхъ вещей: для чемодана — носильщикъ, для шкатулки — носильщикъ, для картонки со шляпою — носильщикъ, для зонтика — носильщикъ, для тросточки — носильщикъ, такъ, что если васъ пріѣхало двое, то будете имѣть десять чловѣкъ носильщиковъ, если трое, пятнадцать, если четверо, двадцать. Двадцать-первый захочетъ взять вашу собаку; да собака шутокъ не любитъ: она вцѣпится ему зубами въ ногу, и двадцать-первый носильщикъ побѣжитъ за вами, крича во все горло, что ваша собака его изуродовала, что онъ подастъ на васъ въ судъ и возьметъ съ васъ за увѣче. На этотъ крикъ сбѣгается чернь, и вы приходите въ гостинницу въ сопровожденіи двадцати носильщиковъ впереди и двухъ сотъ чловѣкъ сорванцевъ сзади.

За переноску четырехъ чемодановъ, двухъ шкатулокъ, двухъ картонокъ, одного зонтика и одной тросточки, черезъ одну улицу, вы заплатите сорокъ рублей, да десять за увѣче укушенному вашей собакой: итого пятьдесятъ рублей, то есть, ровно столько, сколько вамъ стоилъ (чаю не считая) переездъ отъ Генуи до Ливорно. Вступая въ этотъ городъ, какъ вступая въ Понтійскія Болота, надобно заранѣе положить часть своего имущества для воровъ. Вся разнища въ томъ, что въ Понтійскихъ Болотахъ еще иногда, даже очень часто, можно спастись благополучно, а въ Ливорно — никогда.

Все это еще бы ничего, если бы можно было только перемѣнить лошадей въ Ливорно и, за какіе бы те ни было

прогоны, отправиться по-скорѣ въ Пизу или Флоренцію, но заглядывая въ адриатическія харчевни, которые, въ обиду всякимъ трактировъ, приевозываютъ себѣ титулы этикъ благородныхъ заведеній; но та была, что, приѣхавъ въ Ливорно, вы увидите непременно осматривать Ливорно и на каждомъ шагу встрѣтите здѣсь каторжниковъ, которые повсюду переминаемы съ жителями города: они занимаютъ разными работами, метутъ улицы, пилать бревна, возятъ тачки, и одѣты въ желтые панталоны и куртки темнаго цвѣту, не извѣстно какого именно, съ краснымиъ колакомъ на головѣ. На спинѣ этой куртки написано преступленіе каторжника; но какъ часто случается, что преступникъ умереть прежде, чѣмъ износить куртку, то она, съ той же надписью, поступаетъ на плеча другаго. Оттого, получить ту или другую куртку считается у здѣшнихъ каторжниковъ дѣломъ большой важности. Есть преступленія, весьма презираемыя, тогда какъ другія возбуждаютъ сожалѣніе: никто не подастъ милостыни «вору» или «дѣлателью фальшивой монеты», но никто не откажетъ здѣсь въ подачѣнн «assasino per amore». Если кому изъ преступниковъ достанется куртка, съ такою подписью, онъ только, знай, чисти ее: каждый прохожій останавливается передъ assasino per amore, заставляетъ его рассказать свою исторію, и даетъ милостыню несчастной жертвѣ страсти. Двѣ англичанки заливались слезами, слушая трогательную повѣсть одного assasino per amore, и я самъ уже собирался заплакать, какъ вдругъ одинъ изъ его товарищей, съ которымъ онъ видно не дѣлился барыщами, разорилъ негодая въ конецъ, обличивъ въ мнимомъ «assasino per amore» простаго ночнаго вора. Настоящій «убійца изъ любви», для котораго куртка была спита первоначально, умеръ назадъ тому семь лѣтъ, и его платье обогащало уже третьяго наследника.

Примѣчательнаго въ Ливорно, собственно примѣчательнаго, одна только вещь: это статуя Фердинанда Перваго. Она стоитъ на Дарской Площади, на высокомуъ пьедесталѣ, и редкій нынче романъ такъ любователенъ какъ исторія случившаяся, по которому эта статуя стоитъ на этомъ пьедесталѣ.

Ночь-конецъ царствованія Козьмы Великаго, то есть, въ началѣ 1563 года, молодой человекъ, по имени Пьетро Бо-

навенчури, сынъ коридорщика, но бѣдныиъ родителями, пріѣхалъ въ Венецію попытать счастья. Въ Венеціи жилъ его родной дядя, который уже лѣтъ съ двадцать служилъ въ контору богатого банкира Сальвиати. Дядя туда же опредѣлялъ своего племянника. Піетро Бонавенчури былъ красавецъ, писалъ отличными почеркомъ, и зналъ ариметтику не хуже какаго-нибудь астролога. Его приняли въ контору безъ всякаго затрудненія, и обещали, что если онъ будетъ вести себя хорошо, то года черезъ три четыре станетъ недучать, на всеиъ готовомъ, отъ полтора ста до двухъ сотъ червонцевъ. Бѣдный Піетро поцѣловалъ ручки благодѣтельнаго дяди, и далъ обещаніе вести себя примернымъ образомъ; но чортъ попуталъ молодого человека и ниспровергъ все его благія намѣренія.

Противъ самой конторы Сальвиати находился домъ богатого венеціанскаго вельможи, Капелло, у котораго были сынъ и дочь. Сынъ, Джіованино, молодой человекъ красивый собою, съ острокопечной бородкой, съ усиками въ завитокъ, ловкій и дерзкій на слова, такъ, что ему каждый мѣсяць раза три четыре доводилось обнажать шпагу изъ-за картъ или изъ-за женщинъ, былъ уже два раза принесенъ къ отцу проколотый насквозь какъ рѣпа: но Джіованино служило счастье, и онъ оба раза выздоравливалъ. Однако жъ старикъ Капелло, человекъ очень разсудительный, какъ и подобаетъ каждому старику, разсчелъ, что не всегда же можно полагаться на такое счастье, и не отдавалъ дочери въ монастырь, какъ хотѣлъ-было сдѣлать для предоставленія всего имѣнія сыну; не отдавалъ, чтобы, въ очень возможномъ случаѣ смерти сына, не лишиться вдругъ обоихъ дѣтей.

Что касается до Біанки, то это была премиленькая, прехорошенькая шестнадцатилѣтняя дѣвушка, съ розовыми щеками, светло-русыми кудрями, и черными глазами, полными огня; она, какъ Джуліета, только того и ждала чтобы влюбиться въ какаго-нибудь Ромео.

Біанка увидѣла Піетро Бонавенчури: комната дѣвушки приходилась окнами прямо противъ оконъ комнаты молодого человека. Сначала они обмѣнивались взорами, потомъ знаками, потомъ обмѣнялись клятвами въ святой любви; и

тутъ ужъ нѣтъ оставалось только дать въ ней другъ другу обоюдныя доказательства : Біанка не замедлила.

Каждую ночь, лишь-только все засыпало въ домъ благороднаго Сальвіати, и няня, уложивъ синьорину, уходила въ свою спальню, синьорина накидывала капотикъ, скользнула какъ тѣнь по мраморному крыльцу отцовскаго палаца, тихо пріотворила дверь, перебыгала поперекъ улицы, кидалась въ объятія милаго сердцу, и, едва начинало свѣтать, возвращалась въ свою комнату, гдѣ няня заставляла ее погруженною въ глубокой, продолжительный сонъ.

Разъ, ночью, когда Біанка была уже у Піетро : какой-то ранній или запоздалый гуляка прошелъ мимо крыльца палаца Сальвіати, и, видя пріотворенную дверь, затворилъ ее: защелчка заперлась изнутри. Спустя десять минутъ пришла Біанка; она увидѣла, что нѣтъ возможности возвратиться въ свою комнату, и ни на минуту не оставалась въ нерѣшимости.

Біанка пришла назадъ къ Піетро, рассказала случай, спросила, готовы ли онъ всѣмъ жертвовать для нея, какъ она рѣшается всѣмъ пожертвовать для него, и предложила тотчасъ же оставить Венецію. Піетро Бонавентури согласился: оба сѣли въ гондолу, и бѣжали въ Феррару.

Легко отгадать, какое дѣйствіе произвелъ побѣгъ Біанки на семейство благороднаго Капелло: сначала цѣлыя сутки держали дѣло въ тайнѣ, ожидая возвращенія синьорины; но сутки прошли, а о бѣглянкѣ не было и слуху. Пришлось развѣдывать: узнали, что Піетро Бонавентури тоже скрылся, и увѣрились, что молодые люди бѣжали вмѣстѣ.

Жена старика Капелло, матица Біанки, была сестра аквилейскаго патріарха, пользовавшагося неограниченнымъ вліяніемъ на правительство Венеціи. Патріархъ принялъ участіе въ оскорбленіи, нанесенномъ дому зятя, и Совѣтъ Десяти, объявивъ Піетро Бонавентури виновнымъ въ похищеніи, потребовалъ къ уголовному суду и, по подозрѣнію, безвѣннаго дядю бѣглеца заключилъ въ тюрьму, въ которой тотъ черезъ три мѣсяца и умеръ.

Быть-можетъ читатель спроситъ, что же общаго имѣютъ эти бѣглые любовники, съ тѣмъ, по какому случаю Фердинандъ, второй сынъ Кошмы Великаго, бывший во время

сказанныхъ происшествій кардиналовъ въ Римъ, явился на пьедесталъ въ образъ сватуи. А вотъ сейчасъ почтешный читатель узнаеть.

Благенцы благополучно прибыли въ Флоренцію, и скрылись у Бонавентурина отца, который занималъ небольшую квартиру во второмъ этажѣ одного изъ домовъ на Площади Святаго Мариа: небогатыя родители всегда рады своимъ дѣтямъ. Отецъ и мать Пьетро съ радостью приняли сына и новую дочь. Они были люди бѣдные и жили трудами. Пьетро сталъ помогать отцу переписывать судейскія бумаги, а Бянка принялась вышивать. Богъ благословилъ трудолюбивыхъ, и они кое-какъ могли жить.

Нечего и сказывать, что приговоръ, произнесенный надъ Пьетро Бонавентури Совѣтомъ Десяти, былъ сообщенъ и флорентинскому правительству, съ просьбою задержать преступника, если онъ найдется въ области.

Такимъ образомъ прошло три мѣсяца, и во все это время у Бянки, привыкшей къ роскошной жизни, не вырвалось ни одной жалобы, ни малѣйшаго ропоту. Единственнымъ ея удовольствіемъ было приотднать иногда рѣшетку и посмотреть проходящихъ по площади; но бѣдная затворница даже ни разу не промолвила, что завидуеть ихъ свободѣ.

Франческо, молодой сынъ великаго герцога, постоянно черезъ день провзжалъ верхомъ по этой площади въ замокъ Петраи, въ которомъ жилъ его отецъ. Онъ былъ ловкій эдокъ и очень хорошъ собою. Но Бянка, смотря на прелестнаго герцога, не любовалась на его ловкость и красоту, а только думала, что этому молодому человеку стонть сказать одно слово, и приговоръ, тяготѣющій надъ Бонавентури, будетъ отмененъ, и мужъ ея будетъ свободенъ и счастливъ. При этой мысли глаза юной женщины разгорались пламенемъ и кидали искры. Каждый разъ какъ Франческо провзжалъ мимо, Бянка подходила къ окну, и тихо приподнимала рѣшетку. Разъ, молодой герцогъ случайно поднялъ голову, встрѣтилъ искрометный взоръ Бянки. Та быстро спустила рѣшетку, но второпяхъ выронила букетъ цвѣтовъ, который держала въ рукъ. Принцъ сошелъ съ лошади, поднять букетъ, подождалъ съ минуту, но видя, что ре-

иетка не отворилась, положила руку къ сердцу; но
шла шагнуть и раза два три оглянулась на окно красавицы.

Черезъ день Франческо опять провралъ по Площади Свя-
того Марка; черезъ два дня тоже; но рашетка не двигалась,
хозяйка и стояла за ней трепеща всагь тѣломъ.

Тогда Франческо разудилъ, что надобно принять другія
мѣры, и волею повелъ къ себѣ Испанца графа Мондрагоне,
назначеннаго къ нему Козьмой Великимъ чѣмъ-то въ родѣ
приставника, изъ котораго молодой принцъ сумѣлъ сделать
человѣка очень снисходительнаго. Онъ положилъ ему руку
на плечо и, шепнувъ вѣзрю, сказалъ :

— Мондрагоне, на площади Святого-Марка, во второмъ
этажѣ того дому что на углу Via Larga я видѣлъ дѣвушку,
которой прежде не встрѣчалъ въ Флоренціи. Она прекрасна;
она мнѣ нравится : черезъ недѣлю я хочу имѣть съ ней сви-
даніе.

Мондрагоне зналъ, что бываютъ случаи, когда главное
достоинство рѣчи заключается въ краткости, и отвѣчалъ :

— Очень хорошо, ваша свѣтлость.

Потомъ, онъ пошелъ къ женѣ, и съ радостью разсказалъ,
что имѣетъ честь быть повѣреннымъ молодаго герцога.
Графиня Мондрагоне, женщина по части любовныхъ ин-
тригъ очень свѣдущая, просила мужа быть спокойнымъ,
взялась привести все дѣло къ ладному концу, и въ тотъ
же день отправилась развѣдывать, какъ и кто живетъ въ
угловомъ домѣ на Площади Святого-Марка и Via Larga.
Узнавъ, что было нужно, синьора Мондрагоне засѣла въ
свою карету, въ двадцати или тридцати шагахъ отъ дверей
того дому, и, лишь увидѣла, что мать Бонавертури, по обы-
кновенію, выходитъ изъ дому, за провинціей на рынокъ, при-
казала кучеру гнать лошадей и оврокнуть какъ-нибудь ста-
руху : средство познакомиться, конечно, не совсемъ здоро-
вое, но не откладывать же дѣло въ дальніи ящики.

Кучеръ былъ малой ловкій и расторопный : онъ задалъ
старушку такъ искусно, что только удержалъ, а не ушибъ.
Однако жъ она завопила съ испугу, и синьора Мондрагоне
выскочила изъ кареты, поблѣвывая на нее чинчолонъ; и
иногда вскрикивала, что женщина стѣснительно расторопному
кучеру двадцать пять палокъ; потомъ грустно вѣла старушкѣ

ку подъ руки, сама доведя ее домой, а между-темъ, послала въ аптекарскій магазинъ, утѣшая, что не отойдетъ отъ ушибленной, откуда не уварится въ ея совершенной безопасности. Нарядъ, остановившійся на шумъ, былъ въ восторгъ отъ великодушнаго снѣданія Мондрагоне и чуть не понесъ ее на рукахъ.

Открывъ баглымъ взглядомъ квартиру Бонавентури, снѣданнаго Мондрагоне сейчасъ увидѣла, что имѣетъ дѣло съ людьми бѣдными, и, по своему обычаю, оцѣнила добродѣтель молодой женщины по цѣнѣ квартиры и мебели. Но между-темъ, увидѣвъ Біанку, она не знала на что подумать: до того гордость дому Капеллювъ отражалась во взорѣ этой женщины. Притомъ, всѣ ея приемы, всѣ выраженія были благородны, и обличали знаніе приличій высшего общества.

На слѣдующій день снѣданнаго Мондрагоне снова явилась у Бонавентури; старушка не знала какъ и благодарить такую знатную даму за такое живое участіе; но та поняла съ какими людьми имѣетъ дѣло, и, будучи довольно смѣтлива чтобы не предлагать имъ прямо денегъ, намекнула на силу своего сына при дворѣ и предложила свои услуги. Свекровь и невестка переглянулись: снѣданнаго Мондрагоне поняла, что предложенныя услуги не будутъ отвергнуты.

На третій день графиня пріѣхала опять и была еще ласковѣе прежняго. Увѣренная, что Біанка не принадлежитъ по рожденію къ тому кругу, въ которомъ находилась тогда, она стала ее упрекать въ недовѣрчивости, и, выпытавъ отъ молодой женщины всю ея исторію, сказала, что хотя дѣло Піетро Бонавентури и весьма важное, однако снѣданнаго Мондрагоне, вѣрно, возьмется все устроить какъ-нибудь лучше, только Біанкѣ надобно будетъ переговорить съ нимъ самимъ, и потому обещала завтра за ней захватить. Біанка испугалась мысли ахать, потому что вотъ уже три или четыре мѣсяца какъ все сидѣла дома: и стала она извиняться, съсылая на то, что ей совѣстно предстать передъ его оцѣтчествомъ графа Мондрагоне, не имѣя приличнаго платья. Того-то и ждала искусительница: она подошла къ Біанкѣ, померялась ростомъ, и сказала:

«Не безпокойтесь; мое платье будетъ вамъ вѣрно, такъ и говорить не о чемъ.»

Бianка согласилась, потому что видела въ этомъ единственное средство выпутать мужа изъ бѣды, а можетъ-быть и потому, что злымъ тщеславiя уже прокрадывался въ ея сердце. Однако жъ она разсказала Пьетро все, кромѣ случая съ букетомъ, поднятымъ Франческо. Да и какая же связь между букетомъ, графомъ и графиней Мондрагоне! Тогдашнее положенiе обстоятельствъ начинало ужасно тяготить и самого Пьетро, потому что и у него тоже была своя тайна: дитри тому назадъ, дама капитально приглянулась ему подъ кружевнымъ воалемъ; постоянство, какъ известно, не въ числѣ мужскихъ добродѣтелей.

Въ условленный часъ синьора Мондрагоне прiѣхала за Bianкой, и привезла обещанное платье, которое какъ-будто по ней было шито. Молодая женщина содрогнулась, прикасаясь къ богатой шелковой ткани: она вспомнила все прежнее. Она поняла, что случай можетъ возвратитъ то, чего она лишилась случаемъ.

Графиня и Bianка сѣли въ карету и очутились въ паллацъ Мондрагоне. По предварительному уговору съ мужемъ, синьора Мондрагоне представила ему Bianку; онъ обѣщалъ ей свое покровительство, и сказалъ, что сейчасъ же поѣдетъ къ герцогу, предстательствовать за Бонавентури.

Bianка не могла скрыть своей радости, видя себя снова окруженною тѣмъ же великолѣпiемъ, къ которому такъ привыкла она съ дѣтства. Ей казалось, будто она никогда не покидала отцовскаго дворца, и будто всѣ вещи, которыя видить, принадлежали ей.

Лишь-только Мондрагоне ушелъ, графиня повела Bianку, чтобы показать ей комнаты, и подъ благовиднымъ предлогомъ оставила ее одну въ великолѣпномъ будоарѣ, просѣ между-тѣмъ заняться разсматриванiемъ ожерелья, серегъ, діадемы, браслетовъ и брилльянтовъ удивительной воды.

— Примиряйте все это, сказала она: я сейчасъ возвращусь.

Женщина не одна, если у ней въ рукахъ драгоценныя украшения. Едва вышла графиня, какъ Bianка стала передъ огромное зеркало и начала наряжаться; невольной рукой вырвался изъ груди молодой женщины: она опять прино-

видела бѣдое. Но еще не успѣла она поднять голову, какъ къ зеркалу, за собой, увидѣла молодого герцога Франческо.

Тогда, достигая съ свойственною женщиною проникательностью, чего хотѣли отъ нея, Біанка вѣзыхнула и упала къ ногамъ принца.

— Ваша святость, вскричала она : я бѣдная женщина, у которой только и богатства что честь, да и та приходится жить другому, потому что я замужемъ : ради самою Бога, скажите надо мною !

— Свѣтора, отвѣчалъ герцогу : кто жъ это подаетъ вамъ такое обо мнѣ дурное мнѣніе? Успокойтесь ; я пришелъ вовсе не затѣмъ, чтобы испугать васъ, а для того чтобы утѣшить и помочь вашему горю. Мондрагоне слегка сговорилъ мнѣ объ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находитесь : расскажите все въ подробности ; я обещаю выслушать васъ съ участіемъ и уваженіемъ.

Принцъ принудилъ Біанку сѣсть въ кресла, и, казалось, слушалъ ея повѣсть съ величайшимъ вниманіемъ. Выслушавъ, онъ обѣщалъ выдать ея мужу охранную грамоту, только съ тѣмъ условіемъ чтобы она сама приняла получить ее, когда будетъ написана.

Молодой женщинѣ нельзя же было причудничать и отказаться изъ-за такой бездѣлицы отъ прощенія мужу.

Лишь только молодой герцогу оставилъ будоаръ, вошла графиня, и Біанка кинулась ей на шею : это показывало, что она не сердится за сюрпризъ.

Читатель видитъ, что мы добираемся до кардинала Фердинанда, потому что вотъ ужъ добрались до его брата Франческо.

Никетто не узналъ ничего, кромѣ того, что ему выдадутъ охранную грамоту, и это извѣстіе, казалось, дотого обрадовало его, что Біанка сочла очень не большою жертвою лично принять изъ рукъ Франческо бумагу, доставляющую мужу такое удовольствіе. Она съ нетерпѣніемъ ждала времени увидѣться съ герцогомъ, не имѣя и въ помышленіи, что мужъ такъ страстно желаетъ свободы, главнымъ дѣломъ чтобы не отходить отъ дамы подъ армянскими вѣзами.

Наконецъ случилось, какъ и должно было случиться. Никетто отдалъ любовничку дамы подъ вѣсомъ, и Біанка любов-

ницей молодого герцога. Но какъ въ то же самое время Козьма Великій велъ переговоры о женитьбѣ Франческо на эрцгерцогини Іоанны Австрійской, то любовники согласились держать связь свою въ тайнѣ; а между-тѣмъ Піетро Бонавентури получилъ мѣсто съ жалованьемъ, достаточнымъ для обезпеченія всему семейству очень безбѣднаго содержания.

Предположенный бракъ совершился; молодой герцогъ наблюдалъ приличіе вѣченія цѣлаго года, и только по ночамъ видался съ Біанкою, выходя изъ дворца всегда одинъ и всегда переодѣтый. Но по прошествіи года, онъ получилъ письмо отъ отца, въ которомъ Козьма Великій престогаго изъяснялъ, что ему, Козьму Великому, очень не нравятся эти ночныя прогулки. Франческо далъ Піетро мѣсто при дворцѣ Питти, купилъ для Біанки прекрасный домъ, существующій еще и теперь на *Via Maggio*, съ гербомъ дому Медичи на фронтонѣ. Такимъ способомъ Біанка стала такъ близко жить отъ Франческо, что для свиданія ему стоило только перейти Площадь Питти.

Новое положеніе Піетро сильно развернуло въ немъ наклонности къ разсыянной жизни и высокомерию. Онъ предавался игрѣ и мотовству, заводилъ безпрестанно новыя интриги, надѣлалъ себѣ кучу враговъ изъ обманутыхъ мужей, обманутыхъ друзей и перепитыхъ питуховъ, и, разъ его нашли убитымъ въ переулкѣ, недалеко отъ Старога Мосту.

Прошло три года, съ тѣхъ поръ какъ любовники бѣжали изъ Венеціи, поклявшись *вѣчно* любить другъ друга, и два года съ того времени какъ тотъ и другой забыли свои клятвы. Слѣдственно, не мудрено что Біанка не очень горевала о смерти мужа, но зато свекровь ея умерла съ-тоски по сыне.

Видная Іоанна, съ своей стороны, была не совсемъ счастлива: она уже была великою герцогинею, но видѣла, что не она а Біанка пользуется на-дѣль настоящею властью этого сана. Всякой, кто хотѣлъ какой-нибудь милости отъ двора, обращался къ Венеціанкѣ. Венеціанка была всемогуща, имѣла пажей, придворныхъ, льстецовъ: одна только нищала братья шла къ Іоаннѣ; а должно знать, что Іоанна была женщина набожная. Господь обратилъ на нее взоръ милости; и взялъ страданію изъ себя.

Кончину Іоанны приписываютъ тому, что когда Джіованнино, братъ Біанки, приѣхалъ въ Флоренцію, то Франческо принялъ его такъ великодушно, что будучи Іоанна, егорещись этимъ и будучи въ ту пору беременна, разрышилась мертвымъ младенцемъ и умерла.

Великій герцогъ Франческо былъ человекъ, не злой, а, просто, слабый. Тайная грусть жены наводила его иногда на чувство, похожее на раскаяніе. Іоанна, въ минуту своей смерти, пожелала испытать, не удастся ли ей отвратить мужа отъ порочной страсти: она призвала его къ своему смертному одру, и умоляла вести жизнь добродѣтельную. Франческо облилъ слезами руки Іоанны и обещалъ разорвать связь съ Біанкой. Іоанна улыбнулась, съ послѣднею молитвою прошептала имя Франческо, и скончалась.

Отъ нея остались три дочери и сынъ.

Франческо держалъ цѣлыхъ четыре мѣсяца слово, данное умирающей женѣ: цѣлыхъ четыре мѣсяца ни Біанка не являлась при дворѣ, ни великій герцогъ не посѣщалъ ея. Но Біанка знала свою власть: она дала время пройти первой горести, время забыть обещаніе; потомъ встрѣтилась съ Франческо на улицѣ: тогда и горестъ, и раскаяніе, и клятвы были забыты въ одну минуту.

Капуцинъ, духовникъ Біанки, былъ человекъ ловкій и смѣтливый: онъ сдѣлался духовникомъ Франческо, и когда Франческо началъ говорить съ патеромъ объ угрызеніяхъ своей совѣсти, то капуцинъ сказалъ, что не видитъ другаго средства избавиться отъ нихъ какъ жениться на Біанкѣ, тѣмъ болѣе, что и отецъ его, великій герцогъ Козьма Великій, на старости лѣтъ тоже женился на Камиллѣ Мартелли. Франческо разсудилъ, что поступить очень умно и добросовѣстно, если послушаетъ этому совѣту. При томъ и всѣ придворные уже давно вели въ присутствіи герцога такіе разговоры, въ которыхъ безпрестанно приводились примѣры подобныхъ неровныхъ браковъ. Наконецъ, Венеція, имѣя на то время нужду въ Франческо, совершенно утвердила его въ намѣреніи вступить въ законный союзъ съ Біанкою, которую объявила «Возлюбленной дочерью республики», такъ, что, покуда кардиналъ Фердинандъ придумывалъ, на которой изъ принцессъ царственныхъ домовъ

въ Туринѣ женило бы женить брата, тотъ тайно обманчался съ Біанкою въ церкви дворца Питти.

Положено было держать этотъ бракъ въ тайнѣ; но такое молчаніе не входило въ расчетъ новой великой герцогини.

Около того времени, Монтеъ, проздомъ въ Римъ, посетилъ Флоренцію и былъ приглашенъ къ обѣденному столу Біанки. Вотъ какъ онъ описываетъ ее: «Герцогиня-красавица, но помятію Италянцевъ о красотахъ; лицо ея крѣпко и выражаетъ повелительство, такіа полная и груди у нея въ волю; мнѣ кажется, она зело знаетъ, что очаровала принца и держитъ его въ послушенствѣ. Великій герцогъ пьетъ вино, весьма разведенное водою, а герцогиня льетъ въ свой стаканъ очень мало воды.»

Если бы умеръ великій герцогъ тосканскій, не оставивъ себѣ прямого наследника, то, за неизмѣннѣею прямого наследника, кардиналъ Фердинандъ, по смерти брата, становился великимъ герцогомъ.

Въ 1576 году, великій герцогъ Франческо имѣлъ отъ Біанки сына, но сынъ этотъ былъ подложный и не могъ наследовать отцу; объ его рожденіи ходили странныя слухи. Говорили, что Біанка, боясь, что у ней, върогтно, не будетъ другихъ дѣтей кромѣ дочери, прижитой еще съ мужемъ, и которую звали Пеллегриной, рѣшилась назвать сыномъ чужаго ребенка. Вслѣдствіе этого, она угодила съ одною Полькою, пользовавшеюся во всемъ ея довѣріемъ, и поступила такимъ образомъ:

Біанка притворилась беременною, и герцогъ, несказанно обрадованный, самъ извѣстилъ о томъ всѣхъ своихъ придворныхъ.

Ночь, съ двадцать-девятаго на тридцатое августа 1576, была избрана для разрѣшенія отъ бремени: около одиннадцати часовъ вечера, Біанка начала жаловаться на первыя боли; Франческо, обрадованный и вмѣстѣ трепещущій отъ страху, объявилъ, что не отойдетъ отъ жены, пока она не разрѣшится. Но это было, не подходящая статья для Біанки. Къ тремъ часамъ утра боли у ней затихли и повивальная бабка объявила, что разрѣшенія не послѣдуетъ еще по крайней-мѣрѣ три или четыре часа. Тогда Біанка стала настанвать, чтобы герцогъ шелъ въ свои комнаты

и отдохнулъ. Сначала Франческо не соглашался, но наконецъ уступилъ ей просьбамъ, съ уговоромъ, что она непременно приметъ за него, какъ-скоро снова почувствуетъ муку. Біанка обещала, и герцогъ вышелъ.

Скуча два часа, въ самомъ дѣлѣ пришли разбудить герцога, но тутъ же сказали, что у него родился сынъ. Франческо бросился въ комнату Біанки, которая, лишь-только завидѣла мужа, проткнула къ нему ребенка. Великій герцогъ чуть не сошелъ съ ума отъ радости. Новорожденный названъ Антоніемъ.

Черезъ осьмнадцать мѣсяцовъ послѣ своего разрыванія, Біанка отослала Польку въ отечество, осѣлавъ ее богатыми подарками; но дорогѣй на эту женщину навали наскоровавшие люди, выстрѣлили изъ трехъ пистолетовъ, и ва-мертво оставили ее на землѣ. Противъ всякаго чаянія, Полька, раненая смертельно тремя пулями, пролегла цѣлыя сутки, и, будучи найдена крестьянами близкаго селенія, торжественно объявила передъ земскимъ начальствомъ, что въ одномъ изъ своихъ убійцъ узнала обира, служащаго при Біанкѣ. Умирающая рассказала притомъ, какъ она домогала великой герцогини притвориться беременною, и какъ сама принесла ей чужаго ребенка, котораго выдаютъ теперь за сына Франческо. Вся показанія этой женщины, облеченныя закономъ формою, немедленно посланы были въ Римъ, къ кардиналу Фердинанду Медичи, который тотчасъ же велѣлъ снять съ нихъ мѣни и отослать брату. Но Біанкѣ не мудрено было уверить мужа, что все это одинъ только козни кардинала; и Франческо, болѣе чѣмъ когда-нибудь, ввѣрился Біанкѣ.

Однако жъ, это дѣло надѣлало столько шуму, что дѣнь Антоніо немогъ надѣяться быть преемникомъ отца; а въ такомъ случаѣ велико-герцогскій престолъ, по смерти Франческо, перешелъ бы къ Фердинанду, если у Біанки не было другаго сына. Франческо уже начиналъ отчаяваться въ такомъ случаѣ, какъ вдругъ Біанка снова объявила себя беременною.

На этотъ разъ, кардиналъ далъ себѣ слово лично и пристально наблюдать за невѣсткою, чтобы не лишиться своихъ правъ на тронъ по милости новаго подлогу. Кардиналъ Фер-

Фердинандъ началъ тѣмъ, что помирился съ братомъ, говоря, что эта вторая беременность Біанки совершенно удостовѣряетъ его въ томъ, что вся слухи о первой—одна ложь и сплетня! Франческо обрадовался, что братъ отдастъ наконецъ справедливость безвѣстной Біанкѣ, и помирился съ нею отъ чистаго сердца. Кардиналъ воспользовался этимъ случаемъ, и приказалъ гостить къ великому герцогу.

Пріѣздъ кардинала былъ не совсѣмъ по сердцу Біанкѣ, которая не обманывалась на счетъ этого внезапнаго воссоединенія братской любви. Біанка почувствовала, что будетъ жить въ кардиналъ поминутнаго шпиона, и, со своей стороны, поступала такъ осторожно, что не было возможности подстеречь ея. Уже кардиналъ начиналъ сомнѣваться, не неправду ли беременна невестка; но, разсудилъ, что если она притворяется, то и онъ не долженъ даться въ обманъ, и продолжалъ дѣлать свои наблюденія.

Принявъ день родильнъ: кардиналъ не могъ оставаться въ комнатѣ Біанки, но зато перемѣстился въ сосѣдней, и преспокойно рассказывалъ по ней, читалъ свой молитвенникъ. Онъ уже ходилъ и читалъ цѣлый часъ, какъ пришелъ спросить, сто, отъ имени великой герцогини, перейти въ другія комнаты, потому что онъ безпеконтъ родильницу.—«Скажите, отвѣчалъ кардиналъ, пусть она дѣлаетъ свое дѣло, а я-то дѣлаю свое.»—И, не принимая ни какихъ убавденій, продолжалъ ходить и читать молитвенникъ.

Спустя нѣсколько минутъ, мимо кардинала шелъ Біанкинъ духовникъ, исповѣдывать больную. Фердинандъ остановилъ широкоплечаго купуцна, и началъ его обвинять, усардно прося не оставлять въ такую минуту страждущей невестки. Между-тѣмъ кардиналъ ощущивалъ купуцна, и въ рукавъ нашель.... ребенка!

— Ну, теперь я спокоенъ, сказалъ кардиналъ, вытаскивая ребенка: теперь я, по-крайней-мѣрѣ, увѣренъ, что моя милая невестка не умретъ въ родахъ.

Купуцннъ помялъ, что, главное надобно избѣгнуть оглахи, и спросилъ кардинала, что онъ прикажетъ дѣлать. Кардиналъ отвѣчалъ, что все зависитъ отъ самой герцогини: если она промолчитъ, — и онъ промолчитъ; если она зашумитъ, — и онъ зашумитъ.

Великая герцогиня увидѣла, что на этотъ разъ должно отказаться себя въ послѣднихъ трендъ, и рѣшилась выигнуть. Сдѣлано, сдѣлано.

Такимъ образомъ ничто не смущало добраго согласія между двумя братьями. На слѣдующую осень, самъ великій герцогъ пригласилъ къ себѣ въ гости кардинала, большаго охотника за дичью, которой чрезвычайно много водилось въ одномъ изъ ближнихъ герцогскихъ помѣстій.

Въ самый день пріѣзду кардинала, Біанка, которая знала, что онъ любитъ какой-то родъ пироговъ, сама вѣдалась готовить ихъ. Кардиналъ узналъ объ этой внимательности персты черезъ великаго герцога, и, не очень доверяя ея дружбѣ къ себѣ, рѣсудилъ употребить перстень, подаренный себѣ Сикстомъ Пятымъ: въ перстна былъ вставленъ онагъ, имѣющій свойство тусквуть при приближеніи къ какому бы то ни было ядовитому веществу. Такъ и случилось: взявъ въ руку пирогъ, кардиналъ тотчасъ взглянулъ на перстень: перстень потускъ. Кардиналъ положилъ пирогъ на столъ, и сказалъ, что ему что-то не хочется ѣсть. Великій герцогъ сталъ наставать, но; видя бесполезность своихъ настояній, вскричалъ, обращаясь къ женѣ:

— Ну, такъ я самъ съѣмъ этотъ пирогъ, чтобы не сказали, что великая герцогиня по-напрасну его страдала.

Франческо взялъ отравленное тѣсто.

Біанка сдѣлала движеніе чтобы остановить мужа; но подумала и удержалась. Положеніе ея было ужасно: надобно или признаться въ своемъ преступленіи, или допустить мужа отравиться. Она быстрѣмъ взоромъ окинула всю свою прошедшую жизнь, и увидѣла, что до дна наполнила чашу ея радостей, достигши высочайшихъ почестей на землѣ. Біанка не колебалась ни мгновенья: она отложила половину пирога, взятаго великимъ герцогомъ, и дала мужу руку и, улыбаясь, съѣла свою долю.

На другой день Франческо и Біанка лежали мертвые. Врачи, по повелѣнію Фердинанда, вскрыли ихъ трупы, и объявили, что тотъ и другая умерли отъ гнилой горячки. Черезъ три дня потомъ, кардиналъ вступилъ на престолъ.

И вотъ причина, по которой онъ стоитъ теперь на томъ пьедесталѣ.

ГРОТЬ ГЕРКУЛЕСА ВЪ ТОЛЕДО. Въ Испаніи до-сихъ-поръ не рѣшено, по какой причинѣ Мавры покорили эту страну при королѣ Родригѣ. Весьма почтенные критики думаютъ, что это случилось потому, что король Родригъ увидѣлъ ножку Флоринды. Берегъ Тага, близъ Толедо, представляетъ отвѣсныя утесы. На берегу стоитъ башня, близкая къ разрушенію, и подъ сводами ея арки развѣвается на красномъ солнышки бѣлье, весьма прозаически развѣшенное прачками.

Это *banca de la Cava*, иначе называемая «Купальня Флоринды», а башня, что на супротивъ — «Башня короля Родрига»: изъ окна этой башни, задернутаго гардиной, король Родригъ подглядывалъ, какъ молоденькія дѣвушки купались въ рѣкѣ, и замѣтилъ что Флоринда сличаетъ свою юбку съ ножками подругъ, чтобы видѣть, у которой ножка лучше... Подумайте только, отъ какихъ ничтожныхъ причинъ бываютъ иногда великія послѣдствія! Не будь у Флоринды такой прелестной ножки, не видать бы Арабамъ Испаніи. Къ несчастію, случилось же, что у Флоринды была чудесная ножка, удивительная ножка, ножка, что называется, заглядывнѣ. Родригъ влюбился въ неосторожную купальщицу, и графъ Юліанъ, отецъ Флоринды, взбѣшенный нанесеннымъ себѣ оскорбленіемъ, изменилъ отечеству, изъ мщевія призвалъ на помощь Мавровъ. Король Родригъ проигралъ знаменитое сраженіе, о которомъ упоминается во всѣхъ *romances*, и бѣдственнымъ образомъ кончить жизнь въ гробу, полномъ змѣй, въ который легъ въ добровольное наказаніе себя за преступленіе, а бѣдная Флоринда, обезчещенная прозваніемъ *la Cava*, обременена проклятіями всей Испаніи.

Однако жъ это сказаніе не столько достоверно какъ сказаніе о Гротѣ Геркулеса въ Толедо, который былъ настоящимъ поводомъ вторженія Арабовъ въ Испанію и порабощенія ея Маврами. Вотъ это достоверное сказаніе. Гротъ Геркулеса — подземелье, которое, говорятъ, простирается на три мили за городскую стѣну, а дверь въ него, крышко запертая задвижками и замками, находится въ церкви Санъ-Хинеса, на самомъ возвышенномъ пунктѣ города, гдѣ въ древнія времена стоялъ дворецъ, построенный Туваломъ;

этот дворецъ былъ возобновленъ и расширенъ Геркулесомъ, который уредилъ въ немъ школу магии, и устроилъ свою лабораторію, — потому что Геркулесъ, возведенный вносъмствомъ Греками въ санъ боговъ, былъ сначала ивнскій колдунъ и чернокнижникъ. Онъ, посредствомъ своей магии, воздвигъ очарованную башню, съ таинственными и написанными, гласящими, что «Аще вйдѣдутъ внутрь сего башни, и ту Гншпании быти порабощенной отъ царола зело джа и обычаемъ зело свирпа.»

Все испанскіе короли, особенно король готскаго племени, опасаясь исполненія такого страшнаго предвѣщанія, держали таинственную дверь башни тщательно запертою, и каждый прибавлялъ къ ней по замку и по запору. Родригъ, любопытные своихъ предшественниковъ, или более ихъ нуждавшійся въ деньгахъ, потому что разорился отъ роскоши, вздумалъ осмотреть башню, въ надеждѣ найти въ ней сокровища, и, сопровождаемый несколькими отчаянными людьми, пошелъ къ гроку, запасшись фонаремъ, свечарями и веревками. Они благополучно дошли до отверстія, пробитаго въ гранитъ скалы, и замкнутаго тою жею дверью съ множествомъ замковъ и запоровъ. Сверху ея была надпись по-гречески: *«Королю, который отворитъ это подземелье и увидитъ въ немъ чудеса, будетъ и хорошо и худо.»* Преніе короли, помня пословицу «Отъ добра добра не ищутъ», и опасаясь, чтобъ не случилось чего-нибудь очень худого, не рѣшались переступить за эту околованную дверь; но Родригъ думалъ иначе: онъ велѣлъ отбить замки и запоры, и тѣ изъ его спутниковъ, которые хотѣли показаться по-храбрѣе, первыя пошли въ подземелье, но скоро возвратились блѣдые, испуганные, чуть живые со страху. Однако жъ это не остановило Родрига: онъ отважно, пошелъ впередъ всѣхъ товарищей, и скоро достигъ до квадратной комнаты изыскаго зодчества; посрединѣ стола бронзовая статуя высокорослаго воина, который держалъ палицу и ударялъ ею о помость. Родригъ, храбрый какъ настоящій Готтъ, не смутился ни сколько, и, дойдя прямо къ статуѣ, попросилъ у нея позволенія осмотреть подземелье. Бронзовый воинъ, въ знакъ согласія, пересталъ стучать палицей. Родригъ и его спутники стали осматривать

принату; и скоро нашлѣ сундукъ, на крашнѣ котораго было написано: «Кто меня откроетъ, тотъ увидитъ чудеса жизни.» Ободренныя согласенъ статуи, товарищи короля уже приготовились набить себя карманы золотомъ и драгоценными каменными, и вскрыли сундукъ, но въ немъ, къ удивленію, не оказалось ничего кроме свертка длиннаго муска холста, съ изображеніемъ множества вооруженныхъ Арабовъ, индусовъ, и индеевъ, индеевъ на коняхъ, и съ надписью: *Кто откроетъ этотъ сундукъ, тотъ будетъ поблаженъ народами ада съ изображенными.* Король Родригъ старался скрыть горестное впечатлѣніе, произведенное въ немъ чтеніемъ предсказаніемъ; но принятии снова искать, но не найдя ничего-нибудь по-настоящему и больше для безпримесного не нашли ничего кроме еще двухъ надписей; одной, «сози статуи — *Призываю Арабовъ, другой, передъ статуей, — Испанію мой долъ.*»

Король и его товарищи, предчувствуя недоброе, вышли въ смущеніи изъ подземелья. Въ ту же ночь разразилась страшная гроза, и ствны башни Геркулеса разсыпались съ ужаснымъ шумомъ. Событія не замедлили оправдать предсказаній, начертанныхъ въ волшебномъ гротъ: Арабы, изображенные на свиткѣ холста, нахлынули на несчастную Испанію!

Это достоверное описаніе взято изъ словъ одного путешественника, недавно посѣщавшаго развалины «Геркулесовой Башни» въ Толедо.

ПУТЕШЕСТВІЕ НѢМЕЦКАГО ГЕЛЕРТЕРА ВО ОБЛАСТИ ИМПЕРИИ И АКСОЛЕТРАГО. Въ 1808 году, въ городѣ Альтонѣ, столицѣ Голштейна, жилъ былъ гелертеръ по имени Людвигъ Клопштокъ. Онъ говорилъ гелертеръ, а не учитель; между этими двумя словами есть большая разница; гелертеръ — искусство особеннаго разряду, и въ самой Германіи не такъ много въ томъ, знаетъ ли еще что-нибудь или нѣтъ. По-крайней-мѣрѣ относительно къ Людвигу Клопштоку мнѣнія были очень различны: большая часть согражданъ его утверждала, будто вся ученость бѣдника гелертера заключалась въ томъ; что онъ носилъ ша-

—минуте или Клопштокъ и былъ племянникомъ тюрца «Ассосиды».

Сограждане герръ Людвигъ, кажется, были на совсѣмъ панибратяхъ. Разсыянный и мечтательный, онъ всегда искалъ удовольствія, по цѣлымъ часамъ глядѣлъ на небо, не зная въправдѣ какого часу для обѣда и не умѣлъ трудомъ добыть копѣйки. Онъ жилъ кое-какъ скромнымъ доходомъ съ своей фермы, въ деревнѣ Ольтенценъ, и осемьюстами рублей процентныхъ съ капитала, отданнаго въ ростъ богатому помещику. Кроме этого, ни созерцанія среди бѣлаго дня, ни дочныя занятія въ кабинетѣ, въ которомъ онъ заперался по двѣнадцать часовъ къ ряду, не приносили, сколько извѣстно, ни какого результата. Когда Людвигъ спрашивали, что онъ дѣлаетъ среди кучи физическихъ инструментовъ, и что видитъ сквозь огромный телескопъ, устроенный на крышѣ дому, онъ краснѣлъ, запинаясь, сбивался съ толку, и любопытный, пожимая плечами, уходилъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что герръ Людвигъ Клопштокъ глупъ какъ пробка.

Это мнѣніе альтонскихъ гражданъ стало на ряду великихъ и неопровержимыхъ истинъ, когда разнесся слухъ, что Людвигъ женится. Бракъ этотъ дѣйствительно казался довольно страннымъ: дѣвушка, которую бралъ бѣдный гелертеръ, была шестнадцати-лѣтняя сирота, оставленная умершимъ отцомъ безъ крову и пристанища. Но Людвигъ, несмотря на толки и злословіе своихъ согражданъ и соседей, женился. Эбба вступила въ управленіе хозяйствомъ гелертера, и скоро чистота и порядокъ, издавна изгнанные или, по крайней мѣрѣ, никогда не бывавшіе, поселились въ безстрашномъ жилищѣ холостяка и придали ему веселый, праздничный видъ. Людвигъ сталъ являться въ городъ въ чистомъ бѣльѣ, въ чулкахъ безъ дыръ, въ ватъяхъ, не испорченныхъ, какъ бывало, тысячами разноцвѣтныхъ пятнышекъ; даже самъ онъ увеличился въ объемъ, и сухое, блѣдное лицо посвѣжело, неполное, блѣдное выраженіе удовольствія и счастья. Каждый вечеръ герръ Людвигъ Клопштокъ по-прежнему долго прогуливался за городомъ, но уже не блуждалъ на-удачу: съ нимъ ходила или, лучше, его водила, Эбба; она смотрѣла подъ ноги, а онъ подъ обла-

ка. Эбба тоже мало-по-малу полюбила, и однажды, утروю Людвигъ, сидя, со слезами на глазахъ, у зыгломья жены, услышалъ крикъ, отъ котораго такъ сладостно трепещетъ родительское сердце. Съ той поры гелертеръ сталъ по-настоящему исключительно заниматься наукой, забывая даже тафсконъ за качаньемъ и нестованиямъ новорожденнаго: онъ подстерегалъ улыбку своего дитища съ большимъ терпениемъ и удовольствіемъ нежели бывало наблюдать за топаньемъ звездъ.

Ребенокъ росъ, становился красивымъ какъ мать, и всесокой лобъ его обещалъ со-временемъ сдѣлаться источникомъ великой мудрости. Всѣхъ плановъ, составленныхъ надъ колыбелью маленькаго гения, невозможно ни на словахъ разказать ни перомъ описать. Эбба смотрѣла на него не сводя глазъ. Людвигъ при малѣйшемъ крикѣ ребенка бросалъ свои математическія выкладки и ученые наблюденія. Но, увы! ни заботливость отца, ни любовь матери, не могли спасти его отъ смерти. Бѣдная мать тоже чуть-чуть умерла съ горя. И, конечно, лучше бы ей было лежать въ одной могилѣ съ милымъ сыномъ, чѣмъ жить послѣ того, какъ душа ея унеслась въ небо за его душою: бѣдная женщина ходила и дѣйствовала безъ сознанія, произносила слова безъ смыслу и связи. Она помѣшалась.

Друзья совѣтовали Людвигу отправить жену въ богоугодное заведеніе, которое за умеренную плату избавило бы его отъ хлопотъ и печальнаго зрѣлища, но онъ съ негодованіемъ отвергъ совѣтъ, и продолжалъ ухаживать за сумасшедшею со всею нѣжностью и преданностью добраго друга. Для гелертера науки уже не существовали: онъ употреблялъ все свое знаніе, время, дни и ночи, на исполненіе страннаго прискотей помѣшанной. Друзья рѣшили, что онъ самъ сойдетъ съ ума.

Впродолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, ничто не могло смрушить Людвигова мужества, ни ослабить его привязанности къ женѣ. Тутъ поразило его новое бѣдствіе. Негоцианта, которому онъ вѣрилъ своей небольшою капиталъ, обанкротился и бѣжалъ. Клопштокъ остался при одномъ бѣдномъ доходѣ съ эдтендеской семьи. Этого дохода было бы достаточно въпродолженіи гелертеру, который очень не

инена работился о своихъ удобствахъ, не потеря капиталу, угрожала лишениемъ бѣды, Эбба. Людвигъ рѣшился просить вакантной въ ту пору кавалері астронома при Альтонскомъ университетѣ.

Можно себѣ представить сколько тревоги, токи и отвращенія стояла бѣдному дастанчивому геллертеру необходимость просить своего бургомистра и подвергаться закоснѣвому обращенію свещниковъ. Никто не обратилъ вниманія на его просьбу. Профессора выписали изъ Дронтгейма. Узнавъ объ этомъ, Людвигъ продалъ свой домъ въ Альтонѣ, взял жену, телескопъ, физическіе инструменты, и отправился на ферму въ Ольтонцентъ. Прибывъ туда, онъ отпустилъ фермера и принялся самъ за хозяйство, съ большимъ знаніемъ и искусствомъ; немелі можно было ожидать отъ него. Крестьяне и сосѣди сначала смѣялись попыткамъ и нововведеніямъ ученаго мужа; потомъ стали подражать ему. Время, занятое трудами по хозяйству, Клопштокъ посвящалъ наукѣ и наблюденіямъ небесныхъ свѣтилъ. Онъ вовсе не спалъ, потому что сонъ, какъ и добрыя друзья — принадлежность однихъ счастливицевъ.

Людвигъ, обыкновенно печальный и задумчивый, сомнѣлъ однажды съ своей обсерваторіи въ великой радости. Если бы Эбба снова приобрѣла разсудокъ, то и тогда выраженіе его восторгу не могло бы быть сильнѣе. После-того Людвигъ шесть ночей писалъ длинное письмо, которымъ никакъ не могъ удовольствоваться: онъ измѣнялъ, прибавлялъ, переносилъ, снова справлялся съ телескопомъ, вончалъ наконецъ, тщательно запечаталъ свое письмо и отдалъ застрахованное на альтонскую почту. Пакетъ былъ адресованъ къ директору гамбургской обсерваторіи и заключалъ въ себя открытіе суточного обращенія Сатурна въ десять часовъ и тридцать двѣ минуты. Вотъ отвѣтъ, который получилъ Людвигъ.

«Если ваше письмо не мистифкація, милостивѣйшій государь, то вы немилосердно опоздали съ своимъ притязаніемъ на честь открытія, одланнаго и, двѣ недѣли тому, опубликованнаго саръ Вилліамомъ Гершелемъ».

На этотъ жестокой ударъ Людвигъ отнчалъ обаявственнот своей печальной улыбкой. Между-тѣмъ рѣшило, без-

вспышкой гелеотерма снѣдлая жажда славы. Онъ мечталъ объ ней днемъ и ночью. Онъ чувствовалъ въ себѣ таинственную силу, которая возвышала его надъ людьми обыкновенными, и которой нужно было лишь проявить, чтобы ослѣпить миръ новыиъ блестящюю. Но пришла и несчастье дѣлало это проявленіе невозможнымъ. Когда, спустя два года, онъ объявилъ, что угольную кислоту можно привести въ твердое состояніе; его записки не хотѣли даже прочесть; не хотѣли рассмотреть его рисунковъ машины для производства этого опыта. Гамбургская академія вспомнила о запоздаломъ открытіи суточного обращенія Сатурна и сочла изобретъ операцио, которую, спустя тридцать лѣтъ, снова изобрѣлъ Тилоріе.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Людвигъ безвыходно жилъ на своей ольтенцкой фермѣ и не пытался болѣе публиковать результатовъ своихъ трудовъ.

Однажды, когда извѣстный аэронавтъ Виторевъ, среди многочисленной толпы зрителей, собирався отправиться изъ Гамбурга въ воздушное путешествіе, къ нему подошелъ маленькій человѣчекъ въ большомъ, изношенномъ черномъ спортиукѣ, и изъявилъ желаніе сопровождать его въ заоблачную экспедицію. Виторевъ сначала подумалъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ, но незнакомецъ предложилъ ему даже горсть золота и, убедительно, неотступно просилъ мѣста на воздушномъ шарѣ. Виторевъ согласился, тамъ охотнѣе, что это странное предложеніе возбудило всеобщее любопытство, но, какъ искусный спекулянтъ, объявилъ, что возьметъ его съ собою черезъ двѣ недели, на другомъ шару, потому что этотъ не можетъ поднять двоихъ. Людвигъ согласился подождать и спокойно отправился въ Ольтенцъ, откуда не выходилъ до назначеннаго дня.

Впродолженіи двухъ недель въ Гамбургъ только и разговоровъ было что о предпріятіи Людвигъ Клопштома. Подняли старую исторію о запоздаломъ открытіи обращенія Сатурна, изобрѣли тысячи шутокъ и насмѣшекъ, и никогда у Виторева не бывало столько зрителей какъ въ тотъ день, когда онъ поднялся съ своимъ спутникомъ. Людвигъ, смущенный множествомъ взоровъ, обращенныхъ

почти докончательно на него. Робко подошелъ къ лодочкѣ и чуть не проскнулъ шара. Физическими инструментами, которыми запасся онъ для предполагаемыхъ опытовъ воздухоплавания, нути. Но, къ великому сожалѣнiю ученаго мужа, аэронавтѣ, принудилъ его оставить часть багажа на землѣ. Путешественники заняли свои мѣста, веревки отпустились, и шаръ подлетѣлъ какъ птица.

Первымъ чувствомъ Людвигъ, взлетающаго на легкой машинѣ, былъ ужасъ. Увидѣвъ бездонную пропасть подъ ногами, онъ окаменѣлъ, голова его закружилась словно въ вихря. За первымъ потрясенiемъ послѣдовало гибельное обворожение чувствъ. Ученый мужъ, влекомый таинственною силой къ землѣ, наклонился черезъ край лодочки и, вѣрно, упалъ бы, если бы товарищъ не удержалъ его. Избавившись отъ этой опасности, Людвигъ совершенно пришелъ въ себя, вооружился рѣшимостью и сталъ смотреть вокругъ съ хладнокровiемъ и смѣлостью, которымъ аэронавтѣ, не могъ надѣяться. Нельзя и описать чувствъ его въ ту минуту. По мѣрѣ удаленiя отъ земли, казалось, будто душа его отдѣляется, освобождается отъ брэнной земной оболочки. Онъ весь былъ проникнутъ невыразимымъ удовольствiемъ; тѣло его оживилось прiятною теплотой, мысль развилась во всемогущество: онъ забылъ свою нищету, все свои страданiя, все долгiя скорби и униженiя. Онъ былъ счастливъ. Вокругъ него мерцалъ свѣтъ, похожiй на отраженiе оца. Надъ головой стоялъ безграничный сводъ неба, подъ ногами земля, которая постепенно удалялась, исчезала. Горизонтъ болѣе и болѣе раздвигался. Вдали море казалось широкою шелковою драпировкою, кольчатую вѣтромъ и общитою легкими, извилистыми лентами рѣкъ и потоковъ; а между ними, города и села, съ нивами и лугами, красовались словно разноцвѣтные ковры, окруженные темными каймами лѣсовъ; кое-гдѣ чуть-чуть виднѣлись люди, черныя движущiяся точки, истинныя подобiя ничтожества и праху. И ни одного звука! Вокругъ воздушныхъ путешественниковъ царствовала глубокая, совершенная тишина, — не мертвая и мрачная тишина, земнаго уединенiя, но тишина свѣтлая, ясная, небесная, такъ сказать, гармоническая. Путешественникамъ казалось, будто до свѣта

ныхъ ушей ихъ достигаютъ стройные звуки симфоніи отдаленныхъ мировъ.

Между-тѣмъ какъ Людвигъ предавался высокимъ и дотоле неизвѣстнымъ впечатлѣніямъ, Биторфъ, уже привычный къ нимъ, управлялъ аэростатомъ и принялся самъ за наблюдѣнія, условленные съ товарищемъ до отправления въ воздушный путь. Увидавъ нѣкіе выкладки, что шаръ находится на высотѣ трехъ сотъ сажень, онъ сказалъ объ этомъ товарищу. Тотъ задрожалъ, потому что голосъ Биторфа гремѣлъ сверхъестественнымъ могуществомъ: въ немъ не было ничего человѣческаго. Между-тѣмъ атмосфера становилась холоднѣе. Вмѣсто прежняго удовольствія Людвигъ мало-по-малу почувствовалъ боль, и ему захватывало духъ какъ отъ сильнаго морозу. Голосъ Биторфа потерялъ свою чудесную силу, и неопредѣленный рокотъ началъ оглушать ихъ: они поднялись на шесть сотъ сажень. Десять минутъ спустя, Людвигу послышался непонятный шопотъ. Онъ хотѣлъ спросить Биторфа, не сказалъ ли тотъ чего, и къ величайшему изумленію своему не могъ слышать собственныхъ словъ. Усилия провѣнать вопросъ утомили ему грудь и горло.

— Мы въ тысячъ саженьхъ надъ землей! удалось наконецъ сказать Биторфу: расширеніе водороднаго газу въ шару такъ сильно, что надобно открыть клапанъ, нѣто машина лопнетъ.

Между-тѣмъ внизу разостлался густой туманъ, который совершенно скрылъ землю отъ глазъ путешественниковъ, и вскорѣ они услышали глухіе перекаты грома, потомъ ужасные удары. Молнія широкими огненными крыльями разсыкала черный хаосъ тучъ и разсыпалась змѣйными брызгами во все стороны. Ужасно было грозное величіе бунтующей стихій подъ ногами двухъ человѣкъ, поддерживаемыхъ слабыми лоскутиномъ тѣсты, наполненной паромъ! Биторфу стало страшно. Но Людвигъ чувствовалъ дикую радость: онъ странно хохоталъ, хлопалъ въ ладоши и трясся всемъ тѣломъ.

Шаръ поднимался выше и выше. Гроза уже казалась только черною безмолвною точкою. Эта точка мало-по-малу разсыпалась и исчезла; земля снова показалась, но еще неопредѣ-

ленно. Надъ аэроплатами небо сіяло съ ясностію, о которой нельзя получить понятія даже на самыхъ высочайшихъ горахъ.

— Двѣ тысячи сажень! вскричалъ Биторѣъ товарищу, который крестился отъ холоду!

Третьій звукъ этотъ, дрожь, заперъ постепенно въ пространство! Черезъ четверть часа Биторѣъ снова воскликнулъ:

— Три тысячи сажень!

На земль виднѣлось только большіе пятна. Биторѣъ выпустилъ двухъ птицъ, взятыхъ съ собою. Видныя животныи распростили крылья для полету, и упали какъ свинцовыя; чрезъ чайно тонкій воздухъ уже не поддерживалъ ихъ. Дыханіе Людвигъ стало тяжелѣе; грудь сжалась, холодъ леденилъ тѣло. Двѣ птицы и кроликъ, еще оставшіеся въ лодчкѣ, захраныи и вскоре издохли отъ недостатку въ воздухъ.

— Четыре тысячи сажень, сказалъ Биторѣъ.

Голосъ его былъ глухъ. Онъ движеніемъ руки показалъ Людвигу, что подъ ними уже ничего не видно. Земля и облака пропали. Шаръ со всѣхъ сторонъ окружало необъятное пространство. Холодъ былъ нестерпимъ. Частаго дыханія плавателей едва доставало для поддержанія животной теплоты въ тѣлѣ. Кровь выступила изъ глазъ, ноздрей и ушей смѣльчаковъ; они уже не слышали своихъ словъ. Шаръ, единственный предметъ передъ ихъ глазами, казался, близокъ былъ къ уничтоженію: такъ стремительно вылеталъ изъ него газъ. Подъ ними синева; надъ ними невъзданный, странный мракъ, усѣянный звездами безъ сінія и безъ лучей. Это былъ предѣлъ физической природы. Это были границы, положенныя Богомъ дерзновенію чело-
вѣка.

Газъ спустился, шаръ пересталъ подниматься:

— Негг von Klopstock, сказалъ Биторѣъ: если мы не хотимъ погибнуть, то спустимся поскорѣе на землю. Вы видите, рука Божія начертала здѣсь грѣбныя слова: «Нейди дальше!»... Не что вы дѣлаете?... вы съ ума сошли!... бросаете баластъ!... раздвигаетесь!...

— Я хочу летѣть дальше! восторженно вскричалъ Люд-

виль. Да! я могу водяться по безредьливости; истинно, въ области абсолютнаго. Она уна подала отсюда. Видишь шаръ еще вращается; если въбросишь вездруть. Разобьешь; лодочку; прикинешь въ веревки и унесешь въ безусловную безредьливость!

Онъ уже и началъ исполнять свое намереніе, но Битеръ, вдругъ открылъ клапанъ, несмотря на усилія въ отвлеченіе товарища, и шаръ началъ спускаться. Воздухъ шестоемъ по сдвинулся (море) холоднѣе. Земля показалась, сначала, въ видѣ сѣрой, неопредѣленной массы; потоки мало-по-малу приняла болѣе ясныя формы: нарисовались рѣки, дороги, явились люди и животныя. Шаръ опустился на землю въ пяти верстахъ отъ Гамбурга. Битеръ выскочилъ изъ лодочки въ восторгъ; Клопптопъ плакалъ отъ досады и бѣшенства.

— Мы долетѣли бы до безусловнаго! говорилъ онъ своему спутнику.

— Мы могли бы! возражалъ тотъ.

Людвигъ, не обращая вниманія на восхищенную толпу, окружавшую емьлихъ плователей, не отвѣчая членамъ гамбургской академіи, которые умоляли его составить записку о томъ, что онъ видѣлъ и испыталъ, не жемаръ даже руки, на прощанье, своему товарищу въ опасностяхъ, молчаливо, сѣвъ на лошадь и, не останавливаясь, возвратился въ Альтону. Тамъ онъ накупилъ множество холста, нантатаннаго смолой, привезъ его въ Ольденбургъ, и заперся въ своемъ домѣ, изъ котораго уже не выходилъ цѣлый мѣсяць. Впродолженіи этого времени онъ не пускалъ къ себѣ никого, ни работниковъ съ фермы, ни депутатовъ гамбургской академіи, ни даже деревенскаго пастора. Онъ не удостоивалъ ихъ даже отвѣту сквозь дверь, которой и не хотѣлъ отворить. Безъ вечернихъ прогулокъ съ женою, безъ покупокъ, за которыми онъ иногда ходилъ, его могли бы позвать ушедшимъ.

Не нужно и говорить, что это таинственное уединеніе подало поводъ ко многимъ страннымъ предположеніямъ. Одни утверждали, что гелертеръ въ воздушномъ путешествіи потерялъ рассудокъ; другіе, что онъ поутѣдился въ шарѣ. Последнее мнѣніе было не совсемъ неправдоподобно и узко!

ли, что Клопштокъ стрѣнитъ машину, въ видѣ огромной рыбы, съ большими клавишными перьями наподобіе крыльцъ, которая движется посредствомъ простаго и удивительно замысловатаго механизма. Истина этого познания совершенно подтвердилась, когда, въ одно утро, жители Ольтенцена увидѣли Людвигъ въ воздухѣ, сидѣщаго на своей рыбѣ, которое онъ правитъ такъ же легко и искусно какъ кавказскій правитъ добрыя конемъ. Несмотря на сильный противный вѣтеръ, онъ логалъ на своей машинѣ направо и влево, взадъ и впередъ, внизъ и вверхъ, съ величайшею легкостью. Наконецъ онъ спустился опять на свой дворъ, такой уакій, что концы машины касались обонкъ противоположныхъ стѣнъ.

Пасторъ ольтенценскій, человекъ ученый, пришелъ въ восторгъ отъ этой штуки, и побѣжалъ къ Клопштоку. Онъ такъ краснорѣчиво умолялъ его отпереть, что ученый мужъ наконецъ тронулся и впустилъ пастора на дворъ. Онъ былъ въ восторгъ, что Людвигъ открылъ возможность управлять аэростатомъ.

— Другъ мой, вскричалъ онъ: ваше имя безсмертно! Весь міръ будетъ произносить его съ энтузіазмомъ! Ваша слава затмитъ даже блескъ славы вашего дядюшки!

— Міръ! земля! повторилъ Людвигъ съ презрѣніемъ: что мнѣ до нихъ? Мнѣ нужно безпредѣльное, безусловное. Ваше четьрехъ тысячъ саменъ никто не могъ поднять. Я поднимаюсь на двадцать тысячъ! на двѣсти тысячъ! Я поднимаюсь до звздъ! валечу на звзды! выше звздъ! достигну области абсолютной безконечности, буду тамъ, гдѣ все есть и ничего нѣтъ, погружусь въ безусловное, мое Я обниметъ все; и все обниметъ мое Я. О, какое наслажденіе!... я узнаю абсолютную истину! Неизмѣримое до безвѣстнаго будетъ принадлежать мнѣ! Да, я нашелъ средство управлять аэростатомъ. Это была трудная задача; но я сдѣлалъ больше: водородный газъ, въ машинѣ, сжимается и расширяется по моей волѣ, безъ малѣйшей потери. Въ этихъ бурдакахъ заключаетъ воздухъ, годный къ дыханію тамъ, гдѣ воздухъ уже нѣтъ. Я побѣдилъ даже холеру: онъ мнѣ не повредилъ ни сдѣлко.

Пасторъ отъ удивленія смотрѣлъ на него.

— Прощайте, — прошепталъ Людвигъ: затылокъ духовная. Если я не развужу за благо возвратиться, не поручаю вамъ попеченію объ этой больной женщицѣ. Прощайте!

Но душа ея, возраженій и ублаженій почтеннаго пастора, она была не азростать и готова была подняться, какъ вдругъ Эбба, безсмысленно смотрѣвшая на приготовления мужа, ухватилась за машину и вскричала:

— Невозможно, не хочу съ тобой разстаться!

— Ты права, сдѣлаю геллертеръ после минутнаго размыслиенія: поведемъ въ Абсолютное. Этотъ ничтожный міръ, наполненный жалкими условіями, недостойны вмѣщать насъ! Безусловное, безусловное.... тамъ наше мѣсто! Ты разлюбишь мое счастье и богатство.

Она взяла ее, посадилъ возле себя, проснулся въ насто-рому и улетѣлъ. Пасторъ видѣлъ нѣсколько времени, какъ она долго управляла машиной, какъ она стала казаться лишь черною точкою, потому, садясь, съ дзурью неба и исчезла.

Долго и съ страхомъ ждалъ пасторъ возвращенія Людвигъ Клеппштока. Людвигъ Клеппштокъ не возвращался болѣе.

ПЕРЕПИСКА БЕТТИНЫ БРЕНТАНО СЪ БЕТГОВЕНОМЪ.

Разбирая однажды огромную переписку Гёте съ разными лицами, мы имѣли случай познакомиться читателей нашихъ съ Беттиной Brentano, впоследствии госпожею фонъ-Ар-шимъ: будучи еще молоденькою дзуркою, или, какъ она теперь говоритъ не совсѣмъ справедливо, *ребенкомъ*, эта некогда миленькая, мечтательная и остроумная шалунья влюбилась въ старика Гёте и долго дала съ нимъ страстную переписку, на которую поэтъ-философъ отвѣчалъ сниско-лительндо, но довольно холодно, и которую она, после смер-ти своего «идеала», издала подъ заглавіемъ «Переписка Гё-те съ однимъ ребенкомъ». При разборѣ этой странной кни-ги мы пропустили то, что она говоритъ о своихъ друже-скихъ сношеніяхъ съ ванъ-Бетгovenомъ; теперь мы имѣемъ случай возвратиться къ этому обстоятельству, ея жизни по поводу двухъ писемъ Бетговена къ ней, непонятно выдавае-мыхъ господиномъ Prévost за новость, въ *Revue de Paris*. «Я чистосердечно признаюсь тебѣ, писала Беттина къ своему

Где, что скрыть и подвасно, приискарашиста, и Косой
 природы; отянь и подвасно и подвасно и искусство Ба-
 говена. Что до мира! тому, кто приносил хладом, саници, и
 «идеть своимъ возмашивать димомъ», а припашать для
 «идеть смотритъ на сарумашные прокисеты? Тому, кто за-
 везеть тилерную ванну, умлеташный сарумомъ одолжашъ,
 идеть по пути жаванъ, не сарумашивалъ поредъ и сарумаш-
 ми заботами? Ветговень мнѣ саръ сарумашъ: «Лашъ только
 «сарумашивашъ, и умлеташно сарумашъ: Идъ сарумашивать!...
 «идеть, что ванну въкрутъ себя, не сарумашно отъ сарумашива-
 «шашъ, и и сарумашивашъ въ сарумашиваше сарумашивашъ саръ,
 «который и не подвасно, что музаша — сарумашно сарумаш-
 «шенно возвышенныя вслѣдъ философи. Музаша — сарумашно,
 «сарумашиваше сарумашно гешивашъ: Я — Бакусь, гешивашъ
 «сарумашивашъ тотъ дивный пантукъ, отъ котораго они сарумаш-
 «сарумашивашъ въ сарумашиваше: «Идъ сарумашивашъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ, сарумашивашъ сарумашивашъ: людешъ сарумашивашъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ на берегъ пойманную добычу.... У мнѣ сарумаш-
 «сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ, не сарумашно,
 «сарумашивашъ, въ сарумашиваше сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ. Я сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ, и сарумашно
 «сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ. Я не боюсь за судьбу мнѣ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ твореній: они не сарумашивашъ; кто будетъ въ сарумашиваше
 «сарумашивашъ мнѣ, тотъ сарумашивашъ отъ сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ,
 «сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ». Такъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ сарумашивашъ при сарумашивашъ сарумашивашъ. Я удивилъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ сарумашивашъ сарумашивашъ: мнѣ сарумашивашъ, будто сарумашивашъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ и не сарумашивашъ ни сарумашивашъ сарумашивашъ. Никто сарумашивашъ не сарумашивашъ
 «сарумашивашъ мнѣ и сарумашивашъ художнику, и я была сарумашивашъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ повхашъ къ нему одна. У Ветговена при сарумашивашъ, и сарумашивашъ
 «сарумашивашъ попеременно въ мнѣ сарумашивашъ, — одна на сарумашивашъ, другая
 «сарумашивашъ въ городъ, третья на Вастюшъ. Здѣсь-то сарумашивашъ я сарумашивашъ, въ
 «сарумашивашъ третьемъ этажъ. Я вошла безъ докладу: онъ сарумашивашъ за сарумашивашъ
 «сарумашивашъ сарумашивашъ. Когда я сарумашивашъ сарумашивашъ, Ветговень сарумашивашъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ мнѣ очень сарумашивашъ и сарумашивашъ, не сарумашивашъ ни сарумашивашъ сарумашивашъ
 «сарумашивашъ сарумашивашъ мелодію, которую онъ только что сарумашивашъ. Ветго-
 «сарумашивашъ венъ сарумашивашъ твою....

«Ты знаешь ли страну, гдѣ апельсинъ цвѣтеть?»

такимъ, возмущать и трогательный голосомъ, что, донельзя, глубоко, овладевая мною.

— Не правда ли, что это безподобно? спросилъ онъ меня съ восторгомъ.

— Чудесно!

— Я спою еще разъ.

«Онъ былъ счастливъ, моимъ чистосердечнымъ восхищеніемъ».

— Благини часть людей, сказалъ онъ, трогается прекраснѣе, но это еще не признаки *художественной природы*. Пламенные не плачутъ.

И онъ пропѣлъ мнѣ еще одно изъ твоихъ стихотвореній, которое недавно положилъ самъ на музыку :

« Не вслѣдъ, слеза любви безсмертной! »

Бетховенъ провожалъ меня домой, и, добродушно, наговаривая мнѣ болту предрасположенъ объ искусствѣ. Насте вдругъ остановился онъ посреди двора, и рассуждалъ такъ проше, что, право, нужна была не меншая смелость, чтобы его слушать; но все, что онъ говорилъ, было такъ необходимо, такъ страстно, что я совершенно забывалась. Гёте, приходяще въ тотъ день къ намъ въздѣтъ, и, наконецъ, когда онъ вошелъ въ комнату, еще прежде меня. После обѣда, Бетховенъ сѣлъ за форте-піано; игралъ долго и игралъ превосходно. Въ немъ расцвѣло и, наконецъ, гордость и гений; а нѣтъ вліяніемъ такими звуками довести, что его производилъ чудеса, и мальцы исполняютъ не возможное. Съ-такъ-поръ, или онъ каждый день приходилъ ко мнѣ, или я бываю у него. Я забыла общество; музык., опера, даже банню Салтаго Стефана.

— «Что вы можете тамъ увидѣть? говоритъ Бетховенъ, я найду, ае вами, и мы вечеромъ не можемъ гулять въ шёнбрунн-ской аллеѣ.» Вчера я была съ нимъ въ великомъ имени са-ду: всё дѣлало, оранжерей было открыты; благоуханіе удивительно. Бетховенъ остановился на солнцѣ поды малыми лучами. «Поэзія Гёте, сказалъ онъ, производитъ въ душѣ «мой величайшее впечатаніе, не только по своей формѣ, «но и по стихотворному размеру. Его явиль такъ меня «увлекаетъ, что я невольно перелагаю на музыку эти сти-

«хотворенія; созданныя какъ-будто для существъ высшей
«сферы и уже въ себя самихъ заключающихъ гармонию. Я
«чувствую необходимость провести постигнутую мелодію
«изъ этого центра вдохновенія во весь вѣтъ. И схватываю
«ее : она ускользаетъ, но я опять ловлю ее съ новою
«страстью, догоняю, и тогда уже не въ силахъ съ нею раз-
«статься. Въ моемъ восторгѣ, я множу ее на всевозможныя
«распѣвы, и наконецъ торжествую надъ моею первоначаль-
«ною идеею. Вотъ это и есть, симфонія!..... Музыка — на-
«стоящій проводникъ бытія между вещественнымъ и неве-
«щественнымъ мірами. Я хотѣлъ бы поговорить объ этомъ
«съ Гёте, чтобы увидѣть, понимаетъ ли онъ меня. Мело-
«дія — видимая жизнь поэзіи : не въ мелодіи ли проявляется
«духовная сущность стихотворенія? Я въ глубинѣ души
«увѣренъ, что мои созданія вполне выражаютъ то, что я
«задумалъ. Но, каждый разъ какъ передаю слушателямъ
«свое мое убѣненіе, вся моя музыкальная мускула, жажда убѣ-
«ждать какъ снова начинается мучить меня : я думаю, что
«она удовлетворится съ послѣднимъ аккордомъ, однако жъ
«опять, какъ ребенокъ, принимаюсь за то же.»

Но довольно этой музыкальной истинки. Беттина Брента-
но посвятила ей много писемъ. Гёте, въ отвѣтахъ,
спрашиваетъ на возможность этого музыкальнаго аккорда.
Вотъ одна сриса, которая дастъ понятіе о странности умо-
слышаній Бетговена : «Вся прочія искусства — только вещест-
венная оболочка музыки. Сентима — верховный руководи-
тель, посредникъ между видимымъ и невидимымъ мірами.
Она оупра-чувствительна и ведетъ къ міру духовъ : она
принимаетъ плоть, чтобы избавить духъ отъ тѣла,» и прочая,
и прочая. Пойдемъ лучше съ Беттиною на ренетацию од-
ной симфоніи Бетговена.

«Ничъ гиганта, который бы столько, какъ онъ, признавалъ
свое могущество, который бы такъ зналъ, что въ немъ —
всѣ силы. Надобно было видѣть его на этой ренетации : онъ
былъ твердъ, решителенъ, собою доволенъ ; во всякъ его
движеніи, во всякъ чертахъ лица, выражалась увѣрен-
ность въ томъ, что созданіе колво и совершенно.»

Восторженный и странный характеръ Беттины Брента-
но былъ, очевидно, по-путру Бетговену, который, казалось,

только даяго и жаль въ свѣтъ, чтобы презирять свѣтъ и проклинать его мелочнымъ условіемъ. Старикъ юношескою любовью полюбилъ эту пылкую давушну: она удивлялась ему, постигала его геній, и старалась всеми средствами усладить одиночество, въ которое повергла его совершенная глухота. Господинъ Grévest говоритъ, что, познакомившись въ Берлинѣ съ нынѣшнею госпожею фонъ Арнимъ, получилъ отъ нея три письма, писанныя Бетговымъ въ 1810, 1811 и 1812 годахъ къ Беттинѣ, и онъ нанечаталъ два изъ нихъ, тѣ, которыя оказались ему болѣе любопытными. Последнее въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно любопытно, потому что оно ясно показываетъ, какое забавное понятіе имѣлъ великій композиторъ о своемъ величій и съ какою ребяческою наивностію говорилъ объ немъ съ своими друзьями. Но господинъ Grévest немилосердно мистифируетъ и парижскій журналъ и своихъ читателей, утверждая, будто эти письма сообщены ему госпожею фонъ-Арнимъ, по особенной ея *снисходительности*. Онъ, просто, взялъ ихъ изъ одной англійской книги, именно, изъ «Жизни Бетговена», изданной въ прошломъ году въ Лондонѣ, Мошелесомъ; пользаглавіемъ «The Life of Beethoven; including his correspondence with his friends etc.; edited by Ignace Moschelles, Esq; 2 vols. Оба эти письма находятся у меня такъ, что спеша фонъ-Арнимъ; по особенной *снисходительности*, давно отдала ихъ сама Мошелесу, и онъ, въ своемъ предисловіи, упоминаетъ объ этомъ. Въ Лондонѣ, 11 августа, 1816.

«Безцѣнная Беттина,

«Прекраснѣйшею для меня весною была весна нынѣшняго года, потому что я тогда познакомился съ тобою. Ты сама видѣла, что, въ обществѣ, я похожъ на выброшенную на песокъ рыбу, которая бьется, мечется, и не можетъ двинуться съ мѣста, пока рука благодѣтельной Галатен не возвратитъ ея родному морю. Вотъ именно положеніе, въ ка-

домъ я находилась, когда ты, милая Беттина, явилась моему (воору) меланхолич, овладевшая моей душою, почвала при твоёмъ явленіи; я тотчасъ постигъ, что ты изъ другаго міра и не принадлежишь къ этому безтолковому свѣту, которому нѣтъ возможности; при всемъ усильномъ желаніи, просверлить уши, развить органъ слуху. Вотъ и я, несчастный, рѣшущу на другихъ!... Но ты простишь жека отъ сердца, котораго у тебя говорить глазами; простишь отъ ума, который лежишь у тебя въ ушахъ. Хотя твои уши умѣютъ слышать; потому что умѣютъ слушать: мои — уши! — точно стѣна умѣжду мною и людьми. Если съ не это; я бы, кажется, еще болѣе вѣрнѣлся тебѣ; но мнѣ былъ понятенъ одинъ только твой выразительный взоръ; и одинъ уже онъ сдѣлалъ во мнѣ такое впечатлѣніе, что блѣдному манъ-Беттовому не забыть его во всю жизнь. Любезная, бездѣнная Беттина! гдѣ, какъ ты, понимаешь искусство? съ кѣмъ побесѣдовать объ этомъ дивномъ божествѣ? Я сохранилъ все твои записочки, все твои шальные ответы, и такимъ образомъ обязанъ и глупо, хотя и бережливѣе нашихъ многолѣтнихъ разговоровъ. Съ тѣхъ поръ какъ ты ушла, я проведу время въ скуку, печаль, и не буду въ состояніи ничѣмъ занять. Я бродилъ по Шенбруннской аллѣ, но тебя уже тамъ не было; я уже не встрѣчалъ тамъ ангела, который бы побранилъ меня, какъ ты, мой ангелъ! Прости, милая Беттина, это *умоленіе отъ тона*; мнѣ иногда нужны такіе интервалы; чтобы снять тоску съ сердца... Не правда ли, ты писала объ мнѣ къ Гёте? ты сказала ему, что я желалъ бы, съ тѣломъ и съ головой, зашиться въ мѣшокъ, въ куль, чтобъ только ничего не видеть и не слышать, что дѣлается на этомъ свѣтѣ?..... Меня поддерживаетъ надежда; надеждой живетъ половина людей; и она никогда не покидала и меня. Безъ нея, что случилось бы со мной!

.....

«И переписала для тебя и посылаю Гётеву»
 «Ты знаешь ли, Стралу, какъ замечательно дѣлается?»
 «Ты знаешь ли, Стралу, какъ замечательно дѣлается?»

узнать, а тебя. Промыслила гласом дружную мелодию, и напевала
нуду, уже не двоимъ, а тремъ, и цыпля, и франциска Беттина, и

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
сердце! сердце! сердце! сердце! сердце! сердце! сердце!

«Сердце! сердце! сердце! сердце! сердце! сердце! сердце! сердце!»
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

«О, малая Беттина! слышай, и слышай, объясни, что про-
исходитъ въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ какъ оно меня не

слухаетъ?»
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

«Плещи къ твоему лучшему другу, и выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай»

«Ваня Беттговену.»
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай
и ты, млад сирота ты отъ этого, выслушай и выслушай

Теплицъ, пятнадцатаго августа, 1812.

«Добрая, малая Беттина. Профессоръ въ философи, итал-
ныхъ мудрецовъ, и всякихъ разныхъ господъ этого рода,
очень легко нажаловать, напечатать, нарядный банастъ,
дипломать; но никому не дано на святъ производить велик-
кихъ людей, создавать умъ, выходящее изъ общей, прелепой,
коленъ святъ. Поэтому къ такимъ людямъ и должно имѣть
уваженіе. Когда святъ видишь рука объ руку, двухъ такихъ
человѣкъ какъ Гёте и я, то они должны понять, какъ мы
разумеемъ величіе. Вчера, возвратясь домой, мы повсари-
чали всю императорскую фамилію. Завладѣвъ со нѣдальна,
Гёте, вырвалъ свою руку изъ моей, и тобою восторо-
вись: какъ и нѣтъ, я ему, ни говорилъ, ни не дѣлать съ-
дѣть на одного шагу. Что касается до меня, то я преспел
койно, застѣнулъ сюртукъ, скрепѣлъ рука, и пошелъ прямо.
И дѣло же! Гёте, дѣла и не замѣтили, а переложили зря пер-
цель Рудольфъ снялъ шляпу, императрица поклонилась мнѣ
сама: величіе міра *знаютъ* *малыя*. Къ неопытному умовъ
отвѣю моему я видѣлъ, какъ даже въ худую, равнодушно
прокаляя мимо Гёте, докторъ и стодѣ у стѣнки, сезиушино-
къ три, поимбѣе, между тѣмъ какъ мнѣ, великой, старался

оказавъ уваженіе. Тутъ-то я почувалъся шадъ нить, и все-
 считалъ ея все это грѣхи, особенно грѣхи противъ тебя;
 безцѣнная Беттина, потому что ты именно была пред-
 метомъ нашего разговору. Господи! если бы мнѣ, какъ ему,
 пришлось счастье проводить съ тобою нынѣшніе прескрас-
 ные дни! Я создалъ бы что-нибудь еще болѣе чудное. Му-
 зыкантъ вѣдь тотъ же поэтъ; царя прелестныхъ глазъ
 можеть, д. его перенести въ другой, возвышеннѣйшій
 міръ. Вотъ этого я и не понялъ въ тотъ разъ, какъ впервые
 увидѣлся съ тобою на маленькой обсерваторіи, подъ лег-
 кимъ майскимъ дождемъ, который и для меня былъ благо-
 творенъ. Въ ту пору прекрасные образы, создаваемые тво-
 ей фантазіей, проникали меня до сердца, и пробуждали въ
 немъ тѣ мелодіи, которыя будутъ упоевать свѣтъ еще и
 тогда, когда Бетговенъ перестанетъ дирижировать его ор-
 кестромъ. Если Богъ дастъ мнѣ прожить еще два года, я
 еще разъ увижусь съ тобою, милая Беттина, и въ этотъ разъ
 буду уже повиноваться неумолкающему голосу моего сер-
 ца. Духи могутъ тоже любить другъ друга: мой духъ все-
 гда будетъ желать соединиться съ твоимъ. Твое одобреніе
 для меня выше всего похвалять на свѣтъ: я уже сказалъ
 это и Гёте; я сказалъ ему, что между равными должно
 желать, чтобы цѣну рѣшили люди мыслящіе. Живые ду-
 шевныя движенія... простите; безцѣнная Беттина... жи-
 вые душевныя движенія — принадлежность одной жю-
 щинѣ; у мужчинъ музыкальный огонь бьетъ изъ устъ. О,
 милое дитя! вы уже давно обо всемъ одного мнѣнія... Ду-
 ше всего — имать прекрасную и добрую душу; ее во всемъ
 узнаешь, и съ ней нечего таяться. *Надо быть чѣмъ-нибудь,*
если хочешь чѣмъ-нибудь казаться. Рано ли, поздно ли,
 свѣтъ отдастъ справедливость тому, кто ей стоитъ: свѣтъ
 не такъ неоправдливъ, какъ полагаютъ. Правду сказать, я
 объ этомъ не очень и безвѣнолюсь, потому что стремлюсь
 къ даль возвышенной... *Надѣюсь* найти въ Вѣнѣ тѣло
 отъ тебя: ищи ко мнѣ по-скорѣе, да и по-больше. Я буду
 въ Вѣнѣ черезъ недѣлю. Дворъ вызываетъ завтра; одно-
 жъ сегодня еще играютъ. Эрц-герцогъ желаетъ чтобы и
 сыгралъ что-нибудь свое, но ирѣшительно отказался свѣтъ
 влѣче влюбленъ въ китайскій серебристый... Не хочу держать

нѣтъ въ такой безтолковщинѣ, по крайней мѣрѣ! Если не обязанъ къ тому по службѣ. Прощай! прощай, моя милая Беттина! Все нынѣшнее лѣто я послѣлъ на сердце твое послѣднее письмо; и оно было для меня къ тебѣ самымъ важнымъ письмомъ. Музыканты позволяютъ себѣ вѣрять волиности!

«Боже! какъ я люблю тебя, Беттина!

«Твой вѣрнѣйшій другъ и глухой братъ,

«Ванъ Бетговенъ.»

Когда Бетговенъ писалъ это письмо, Беттина, Брентано, уже была госпожею фонъ-Арнимъ. Вскорѣ она получила отъ своего «глухого брата» поздравленія, исполненыя самой глубокой грусти и отвращенія отъ жизни, которое было естественъмъ бедственному положенію несчастнаго артиста. Нѣтъ сомнѣнія, что любовь Бетговена къ Беттинѣ была не столько сильной страстью, сколько живое поэтическое симпатіей; но уже и этого достаточно, чтобы опровергнуть общее мнѣніе біографовъ, безсмертнаго Фламандца, будто онъ, не только былъ чудакомъ, но и человекъ безъ сердца.

Госпожа фонъ-Арнимъ, бывъ въ дружбѣ съ Гете, Бетговедомъ и другими великими людьми своего времени, и издавъ книгу, недѣлавшую столько шуму въ Германіи, сохранила до сихъ поръ ту милую простоту и наивность, которая такъ рѣдко встрѣчается у людей, пользующихся славою. Въ ней не замѣтно ни одного изъ недостатковъ женщинъ-писательницъ: она дѣйствительно добра, умна, чувствительна. Она ведетъ жизнь уединенную и скромную въ кругу своихъ дѣтей, и всегда занята искусствомъ. Если вамъ случится быть въ Берлинѣ и вы будете представлены автору «Переписка Гете съ однимъ ребенкомъ», то увидите женщину лѣтъ пятидесяти, маленькаго роста, разную, откровенную, пріятливую. Сначала можетъ быть немножко изумитесь, что она не похожа на тотъ партизанскій образъ, какой вы себя создали; но не торопитесь судить: фрау фонъ-Арнимъ скоро развернетъ свое богатство.

тас и прехотительное изображение, и перед нами, вонючо, дивится прежняя осьмнадцатилетняя девушка. Тогда авторъ, съебедся съ книгой, и вы поймете влечение людей такихъ какъ Гёте, Гердеръ, Якоби, Бетговеръ, къ сердцу такому, благородному, къ уму такому возвышенному и оригинальному.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖЬ. Ничего примечательнаго.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ ВО ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ И АНГЛИИ. Ничего новаго. Изъ Англии даже, втеченіи двухъ послѣднихъ мѣсяцовъ, не получено здѣсь ни какихъ литературныхъ журналовъ, кромѣ одного «Атенеума», который приходитъ къ намъ черезъ Францію. Причиною тому, вѣроятно, случившаея въ нынѣшнемъ году затруднительность зимнихъ сообщений съ Гамбургомъ. Смирдинъ, между прочими въ отчаяніи отъ этого: онъ ждетъ не дождется своихъ великолѣпныхъ гравюръ, изготовленныхъ въ Лондонѣ для втораго тома его «Статистиковъ», и даже уже отправленныхъ оттуда на гамбургскихъ пароходахъ.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НОВОСТИ. Въ Германіи получаетъ теперь большіе успѣхи молодой русскій скрипачъ Гюломъ. Послѣдній номеръ Allgemeine musikalische Zeitung, отъ двадцать четвертаго февраля, отзывается объ немъ съ отличнѣйшею похвалою и сравниваетъ игру его съ игрою другаго русскаго скрипача, виртуоза-любителя, Алексѣя Федоровича Львова.

→ Тальбергъ, на пути изъ Берлина въ Россію, остановился въ Варшавѣ и, вѣроятно, не пожалуетъ въ нынѣшнейности въ Москву, чтобы не встрѣтиться тамъ съ Дрейшюкомъ, который, давъ здѣсь проездомъ два концерта, отправился туда вчерашняго числа. Те, которые не слышали Дрейшока *теперь*, могутъ искренно сожалѣть объ этомъ. Въ короткое отсутствіе свое въ Петербурга, онъ сдѣлалъ немовѣрные успѣхи: гениальная, исполнская игра его

приобрели драматичности и глубины чувства неподражаемой выразительности, высокой поэзии, чувства и истинно драматического характера. В то же время онъ неожиданно доказалъ превосходнымъ композиторомъ: два новыя пьесы, одно *Intermède* и «Драматическая сцена», которыя разыгралъ онъ здесь, доказали бы честь любому музыкальному писателю. Какъ разительное доказательство совершенно необычайныхъ художественныхъ способностей этого молодого артиста, можно привести еще одно обстоятельство: не далее какъ въ началъ месяца, Дрейшюкъ не могъ сказать по французски трехъ словъ средю plainly и правильно; нынче онъ благо говоритъ и верно пишетъ на этомъ языкѣ. Если сообразить, какъ мало времени для филологин остается у него отъ напряженного занятія музыкой, если вспомнить, что онъ въ иностранномъ языкѣ успѣлъ усовершенствоваться до такой степени въ несколько мѣсяцевъ посреди Германии, то нельзя не похвалить его высокимъ природнымъ способностямъ. Его шрифт, его сочиненія, все въ немъ изменилось къ лучшему въ томъ же содержаніи какъ и его французскій языкъ. Это новоявленій Протей. Кажется, что искусство уже не можетъ идти далѣе: но, съ такими чудесными дарованіями, Дрейшюкъ не можетъ остановиться на нынѣшней точкѣ. Онъ пойдетъ еще далѣе, пойдетъ быстро, не по днямъ, а по часамъ. Музыкальная будущность еще велика! одна только низкая завеса или ограниченная умомъ посредственность могутъ не видѣть въ немъ небывалаго доселѣ сорта таланта виртуоза.

Онъ возвратится въ Петербургъ весною.

Мы можемъ съ достоверностью утверждать тѣмъ, которые ждутъ Листа, что онъ въ нынѣшнемъ году сюда не будетъ. Артисты, видѣвшіе его недавно въ Брюсселѣ утверждаютъ, что онъ и не имѣлъ намѣренія посѣтить въ нынѣшнемъ году Россію. Изъ Гамбурга онъ черезъ Брюссель отправился въ Лондонъ, гдѣ въ началѣ февраля игралъ въ концертъ госпожи Дулькенъ: оттуда хотѣлъ съѣздить въ Парижъ, и долженъ возвратиться къ исходу марта въ Лондонъ по силѣ давно заключеннаго условія.

— Концертная эпоха наша оживляется. Сервѣ пріѣхалъ

въ Петербургъ на прошедшей недѣлѣ. Снѣгера Паста возвратилась, и дала концертъ, который на этотъ разъ былъ очень блестящъ и въ которомъ эта несравненная пѣвица своимъ голосомъ и неподражаемымъ искусствомъ воскресла въ памяти знатоковъ лучшія времена своей исполнителской славы. Завтра, перваго числа, она поетъ въ музыкальномъ празднествѣ Генриха Ромберга, чрезвычайно интересно, между прочимъ, и потому, что на немъ будетъ въ первый разъ разыграно большое Requiem Берлиоза, Беттенова II. Первый концертъ Гиса былъ очень хорошъ: артистъ привелъ въ восхищеніе своихъ многочисленныхъ зрителей одушевленною, великою чувства и прелести игрою. Гизъ — настоящій художникъ. Это, безспорно, одинъ изъ прекраснѣйшихъ талантовъ, какіе посѣщали нашу столицу въ послѣдніе годы. Юный скрипачъ Дмитриевъ далъ также свой концертъ, и одержалъ полный успѣхъ: стеченіе слушателей было чрезвычайно. Госпожа Сабана Гейневеттеръ пѣла прекрасно въ своемъ концертѣ, бывшемъ въ послѣднюю среду. Герке прекрасно игралъ въ своемъ, истинно прекрасно. Карлъ Мейеръ получилъ громкія и продолжительныя рукоплесканія въ концертѣ Бема, одномъ изъ самыхъ многочисленныхъ.

Седьмого марта будетъ данъ любителямъ музыки большой концертъ въ пользу частныхъ школъ Санктпетербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества. Весь Петербургъ ежегодно присутствуетъ при этомъ великолѣпномъ музыкальномъ празднествѣ: это вождѣлнннй день прекраснѣйшихъ женщинъ и прекраснѣйшихъ туалетовъ. Репетиція будетъ назначена на канунъ. Вилетовъ можно будетъ достать въ оба эти дня, съ девяти часовъ утра, въ залѣ Диринскаго Собранія.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

=

Для фортепіано.

- BREYTSCHOCK.** *Les adieux.* Impromptu. Oeuvre 15 (57 cop. arg.).
 — Grande fantaisie (1 rb. 71 cop. arg.).
SCARLATTI. Katzen-Fuge (57 cop. arg.).
SCHUBERT. Quatre impromptus. Oeuvre 142, cahier 1 et 2 (à 1 rb. 43 cop. arg.).
 — Trois grandes sonates, numéros 1, 2 et 3 (à 1 rb. 43 cop. arg.).
SCHUMANN. Fantaisie dédiée à Liszt; oeuvre 17 (2 rb. 29 cop. arg.).
 — Noveletten; dédié à Henselt; oeuvre 21, numéros 1, 2, 3 et 4 (à 1 rb. 14 cop. arg.).
 — Nachtstücke, oeuvre 23 (1 rb. 43 cop. arg.).
 — Drei Romanzen. Oeuvre 28 (1 rb. 71 cop. arg.).

Для пѣнія.

- BONIZETTI.** Soirées de Paris. Collection de romances italiennes (2 rb. 29 cop. arg.).
KREBS. Sehnsucht am Strande. Lied mit Pianoforte, für Sopran oder Tenor; für Alt oder Bariton (58 Kop. Silb.).
 — Die süsse Bell. Lied mit Pianoforte, für Sopran oder Tenor, für Alt oder Bariton (57 Kop. Silb.).
WEISSIGER. Sechs Lieder für Sopran oder Tenor, für Alt oder Bariton. Opus 144 (1 Rb. 43 Kop. Silb.).
ТОЛСТОЙ, е. Молитва. Съ акомпаниментомъ фортепіано и віолончл.
 Т. I. — Отд. VII. 6 1/4

Слова Лермонтова. Всеподданнѣйше посвящено Ея Императорскому
Величеству (1 руб. сереб.).

Черныковъ. Прощанье, романсъ (43 к. сер.).

— Пѣснь Ольги (29 к. сер.).

— Безнадежность, романсъ (29 к. сер.).

— Кольцо, романсъ (29 к. сер.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ книжныхъ магазинахъ «Одесса», на углу Большой Морской
и Герасимовъ, въ домѣ Штрауза, № 114, и на Невской Преснѣ, у Калашного Моста,
въ домѣ Давыдовскаго, № 17.)

вдаль господинъ Франгель еще двѣ версты къ сѣверу, переправляясь по-прежнему черезъ меньшія трещины и объѣзжая болынія; но наконецъ стало трудно рѣшить, идетъ ли поверхность, на которой онъ находился, какую-нибудь сплошность, или она состоитъ только изъ множества отдѣльныхъ льдинъ, которыя могутъ сокрушиться при первомъ порывѣ вѣтру. Столь очевидная опасность убѣдила его въ невозможности дальнѣйшихъ поисковъ, и онъ поспѣшилъ воротиться къ товарищамъ. Самая сѣверная широта, которой онъ достигалъ, была 71° 48', въ разстояніи отъ Барановыхъ Скалъ двухъ сотъ пятнадцать верстъ по прямой линіи.

Господинъ Франгель съ удивленіемъ говоритъ о томъ, какъ тусклія развѣзжаютъ безъ дорогъ но однообразной поверхности снѣжныхъ пустынь, и однако жъ никогда не сбиваются съ настоящей черты. Этими особенно отличался одинъ казакъ, который сопутствовалъ ему во мѣрики повзвкахъ. Казалось, будто у него въ головѣ начертанъ планъ всего мѣстоположенія; такъ искусно направляя онъ нуть въ лабиринтъ снѣговъ, поворачивая безпрестанно то вправо то влево, и при всѣхъ этихъ поворотахъ не теряя направленія. Между-тѣмъ какъ авторъ только посредствомъ компаса отыскивалъ прямую дорогу, казакъ попадалъ на нее по одному навику, и его показанія о пройденныхъ разстояніяхъ всегда согласовались съ выводами изъ наблюдений.

Въ теченіи апрѣля мѣсяца температура начала безпрестанно перемѣняться, такъ, что въ одинъ и тотъ же день термометръ показывалъ нѣсколько разныхъ степеней стужи. Вечеромъ, осьмнадцатаго числа, поднялась сильная вьюга: сидѣвшіе на заднихъ саняхъ не могли видѣть переднихъ. За тѣмъ наступила ужасная ночь; собаки тонули въ снѣгу и ѣхать было невозможно. Къ довершенію непріятностей, путешественники, для утоленія жажды и голоду, имѣли только снѣгъ да нѣсколько ржаныхъ сухарей и полу-испорченной

рыбы; раскинуть палатку или развести огонь также было нельзя. По утру, къ великой радости, они достигли «Острова Четырехъ Столбовъ», и, отправившись отсюда къ другимъ островамъ той же группы, въ первый разъ услышали тамъ пѣніе коноплянокъ, предвѣстницъ весны. Господинъ Врангель немедленно продолжалъ путь къ Нижне-Колымску, и двадцать-осьмого апрѣля прибылъ въ свою главную квартиру, прѣвѣвъ, втеченіи тридцати пяти сутокъ, болѣе тысячи двухъ сотъ верстъ на однихъ и тѣхъ же собакахъ, и перенеся ужасныя страданія отъ усталости, голоду и стужи.

Такъ кончилась вторая повѣдка; на слѣдующій годъ предпринялъ онъ третью. Въ этотъ разъ ему трудно было набрать девяносто шесть собакъ, нужныхъ для повѣдки на осьми санкахъ: между собаками свирѣствовала повальная болѣзнь, отъ которой околѣло четыре-пятыхъ этихъ драгоценныхъ животныхъ, составляющихъ все богатство и все способы къ пропитанью туземцевъ. Наконецъ, жители береговъ Индигиря, гдѣ болѣзнь не свирѣствовала, прислали ему триста собакъ: авторъ выбралъ себѣ изъ нихъ, сколько было нужно, и пуетился въ дорогу четырнадцатаго марта, съ припасами на сорокъ дней.

Поверхность льду на известное разстояніе отъ берегу, была покрыта большими буграми снѣгу, которые мѣшали ѣхать и причиняли иногда поврежденія людямъ и собакамъ. При переправѣ черезъ одинъ бугоръ, нѣсколько собакъ были изранены, сани валоманы, и господинъ Врангель нашелся въ необходимости тринадцать саней съ провизіею отослать назадъ.

Двадцать-седьмого марта, подъ широтою 71° 13', показалось на сѣверо-восточной сторонѣ нѣсколько возвышенностей. Приближаясь къ нимъ, путешественники разсмотрѣли долины и отдѣльныя скалы. Имъ овладѣла радостная надежда, что вотъ наконецъ они достигнутъ цѣли всѣхъ тяжкихъ трудовъ, что передъ ними

лежитъ та загадочная Большая Земля, о которой такъ давно носится слухи. Но въ вечеру увидѣли они, что мнимая земля стала вытягиваться по всему горизонту, и потому совершенно преиспала: это былъ опять такой же биточный обманъ, о какомъ говорили мы при предыдущей поездкѣ. Онъ повторился и на другой день. Наконецъ, утромъ девятаго апрѣля, послѣ ночи, проведенной за грядою снѣгу и льду, путешественники увидѣли со всехъ сторонъ около себя такіе страшные бугры, какихъ имъ еще никогда не случалось встрѣчать; семь часовъ работали они ломомъ, открывая себѣ дорогу, и съ трудомъ пробхали три версты. Изнуренное состояніе собакъ, ветхость саней, и явная очевидность, что бугры эти тянутся на большое пространство, принудили ихъ остановиться. Господинъ Матюшкинъ, однако жъ, отправился съ двумя спутниками далѣе, чтобъ узнать, нѣтъ ли возможности продолжать путь къ сѣверу. Онъ пробхалъ десять верстъ прямо на сѣверъ, и наконецъ, подъ широтою 72° , былъ остановленъ взломаннымъ льдомъ и открытымъ моремъ. Волны ворочали цѣлыя поля льду, то ставили ихъ на ребро, то ударяли ими однимъ другое, то погружали на дно, то опять выкидывали на поверхность. Движеніе это сопровождалось трескомъ и шумомъ; выплывая изъ бездны, льдины выносили на себѣ зеленый илъ.

Пробхавъ нѣсколько верстъ въ другомъ направленіи, путешественники нашли значительное пространство льду, очень тонкаго, во многихъ мѣстахъ изломаннаго, и покрытаго морской водой. Это показывало близость совершенно открытаго моря, и господинъ Врангель разсудилъ не пускаться далѣе. Ктому жъ у него было только на четыре дня продовольствія для собакъ, а ближайшій складъ припасовъ находился въ двухъ стахъ верстахъ и зима приближалась къ концу. Сообрашивъ всѣ обстоятельства, онъ рѣшился, не медля, бхать назадъ, преодолѣвъ многія затрудненія, и прибылъ, пя-

таго мая, въ Нижне-Колымскѣ, послѣ пятидесяти-семидневнаго отсутствія, продолженія котораго отдала отъ тысячу триста пятьдесятъ пять верстъ.

Но неудача трехъ опасныхъ попытокъ открытъ предполагаемый на сѣверъ материкъ ни сколько не охладила смѣлаго и предприимчиваго лейтенанта, и онъ отъѣхалъ на четвертую, предполагивъ выступить въ путь отъ пункта, лежащаго дальше къ востоку. Съ этою цѣлью путешественники поѣхали поприбрежному мѣду къ Шелагскому Мысу. Осьмого марта обогнули они мысъ и тутъ же встрѣтились съ Чуками, изъ которыхъ одинъ, маленькій старичокъ, откомендовалъ имъ начальникомъ племени, сказать, что съ утесовъ у устья рѣки, между Шелагскимъ Мысомъ и Нордъ-Капомъ, въ ясный лѣтній день бывають видны, въ большомъ разстоянн къ сѣверу, покрытыя снѣгомъ горы, но что зимою ихъ нельзя видѣть; что въ прежнія времена съ моря на берегъ прихаживали олени, но теперь, будучи напуганы охотниками и волками, они уже не показываются. Расставшись съ этимъ болтуномъ, господинъ Врангель продолжалъ путь на востокъ, проѣхалъ еще верстъ пятьдесятъ, и достигъ небольшого острова, который туземцы называютъ Амгаотонъ, и который онъ назвалъ «Шалауровымъ», въ честь храброму офицеру, заслужившему эту дань своимъ мужествомъ, терпѣниемъ, предприимчивостью и наконецъ смертью. Отсюда путешественники, тринадцатаго марта, пустились уже прямо къ сѣверу и проѣхали около двадцати верстъ по довольно гладкой поверхности, но четырнадцатаго числа встрѣтили большіе бугры, и при всѣхъ стараніяхъ, пролагая себѣ дорогу ломами, къ ночи подвинулись только версты на три. Въ слѣдующій день успѣли они проѣхать немного болѣе. Измѣривъ глубину моря, они нашли девятнадцать сажень, грунтъ — илъ съ пескомъ. Господинъ Врангель убѣдился въ невозможности продолжать путь со всѣмъ поѣздомъ, и

ветошупочеслать сею саней лезать, а саней съ штур-
макъ Мазиничъ, въ сопровожденіи пяти наловъкъ;
спрашивая далѣе. Едва успѣли они пуститься въ доро-
гу, какъ были остановлены сильнымъ вѣтромъ и ош-
лины. Ночью свирѣствовала буря, и ледъ наломался,
такъ, что путешественники попались по утру на об-
ломленной льдинѣ, жившей около пятидесяти сажень
въ диаметръ. Бурю различивало нѣтъ во все стороны, и
промежутки между нѣтъ льдиной и другими раздвиги-
лись кругомъ на пятнадцать сажень. Къ счастью, на
другой день до утру вѣтеръ перемѣнился, и облом-
нивая обломки снова присоединились къ общей массѣ;
такимъ образомъ путешественники избавились отъ опас-
ности и начали подаваться впередъ, то пробираясь меж-
ду буграми, то оглябая широкія трещины, или быстро
перезжая черезъ вновь образовавшійся ледъ, который
ломался за ними же. Наконецъ они попали на пасную
полосу, около пяти верстъ шириною, покрытую тон-
кимъ слоемъ только-что образовавшагося льду. Каза-
лось, будто эта полоса не имѣетъ конца ни къ востоку,
ни къ западу, и путешественники долго совѣтовались,
можно ли черезъ нее переехать. Господинъ Врагъль
рѣшился попытать счастья и, благодаря проворству со-
бакъ, отвага его вознаградиась полнымъ успѣхомъ.
Передовая сани нѣсколько разъ проваливались; но со-
баки, чую опасность и одушевляясь криками погонщи-
ковъ, мчали ихъ съ такой быстротой, что сѣдоки не
успѣвали погрузиться въ воду. Остальные трое саней
слѣдовали за ними съ такою же скоростью, выби-
рая мѣста, гдѣ ледъ казался надежнѣе, и наконецъ
все благополучно очутились на сѣверной сторонѣ опас-
ной полосы, и остановились, чтобы дать отдыхъ соба-
камъ.

Дальнѣйшее странствованіе ихъ было сопряжено съ
такими же опасностями, и прибавился еще недостатокъ
въ корму для собакъ. Двое саней были отправлены въ

оладу. При путешествіяхъ остались только два нарты, и съ этими-то маленькими поездами авторъ рѣшился продолжать свое предпріятіе. Скоро онъ увидѣлъ, что по всему горизонту отъ сѣверо-запада къ сѣверо-востоку поднимается густой синій паръ, означеній въ тѣхъ странахъ близость открытаго моря. Наконецъ онъ вріхалъ къ краю широкаго отвѣстія, которое въ самомъ узкомъ мѣств имѣло не менѣе ста пятидесяти саженъ и простиралось на необозримое пространство къ западу и востоку. Легко вообразить, какъ блыъ огорченъ предприимчивый путешественникъ при видѣ возможности переправиться черезъ этотъ проливъ уничтожающій все его надежды. Съ вершины высокаго ледянаго холма, онъ осматривалъ обширное пространство къ сѣверу. Передъ нимъ лежалъ неизвѣримый океанъ, и это зрѣлище наполняло душу его глубокой грустью. Страшная сила волнъ вращала огромныя льдины, плававшія на взволнованной поверхности пролива, и съ яростью ударила ихъ о край ледянаго поля на противоположной сторонѣ. Отъ жестокихъ ударовъ безпрестанно являлись новыя ледяныя обломки, и очевидно было, что ледъ, отдѣляющій проливъ отъ открытаго моря, скоро совсѣмъ сокрушится. Между-тѣмъ, вокругъ путешественниковъ и позади ихъ безпрестанно дѣлались трещины. Съ горькимъ чувствомъ сознались они тогда въ невозможности одолѣть преграды, поставленныя самою природою, и, всё-еще вѣря въ существованіе сѣвернаго материка, принуждены были однако жъ отказаться отъ цѣли, для которой перенесли столько трудовъ и опасностей втеченіи цѣлыхъ трехъ лѣтъ.

Обратное путешествіе ихъ сопровождалось такими затрудненіями, какихъ они еще не встрѣчали до того времени; собаки были изнурены; провизія подходила къ концу. Проѣхавъ три версты, они потеряли свой старый слѣдъ, который скрылся подъ вновь образовавшимися буграми и разсылинами. Господинъ Врангель бро-

силъ часть своихъ принадлежностей, прѣскалъ, сжегъ версты двѣ, и увидѣлъ себя окруженнымъ потоками воды, которые къ востоку сливались съ моремъ, покрытымъ плавающими льдинами и темными испареніями, облепавшими весь горизонтъ. Такимъ образомъ путешественники были заперты со всѣхъ сторонъ, и въ этомъ положеніи рыпнулись они ожидать ночи, надѣясь, что ночной морозъ доставитъ имъ возможность выбраться изъ опасности. Легкій вѣтерокъ, поднявшійся ночью, мало-помалу придвинулъ ледяной островокъ, на которомъ они находились, къ большой равнинѣ льдовъ, простиравшейся къ югу. Чтобы перейти пространство, оставшееся между островкомъ и равниною, они зацѣпали вокругъ себя шестами льдины, и такимъ образомъ составили рядъ моста, который отъ ночнаго морозу получилъ достаточную степень твердости, такъ, что могъ сдерживать ихъ на себѣ. Утромъ, двадцать седьмого числа, передъ восхожденіемъ солнца, они переправились черезъ этотъ мостъ, но едва пробѣжали версту, какъ опять запутались въ лабиринтъ потоковъ. Между-тѣмъ погода предвѣщала бурю. Они хотѣли какъ-нибудь выбраться, но льдина, на которой стояли, имѣла сажень семьдесятъ пять въ ширину, а всѣ другія были гораздо меньше, и имъ нечего было дѣлать какъ ждать на ней спасенія по волю Божіей. Вдругъ подулъ сильный восточный вѣтеръ и мостъ чѣтъ въ полъ-часа превратился въ настоящую бурю. Льдина ихъ металась во всѣ стороны; они каждую минуту ожидали смерти. Такъ прошло три часа. Льдина всё-еще была невредима. Но вдругъ взвился вихрь: она попала подъ его колесо, ударилась о другія льдины, и разсыпалась въ дребезги. Въ эту ужасную минуту, когда гибель казалась уже неизбѣжною, путешественниковъ спасло невольное чувство самосохраненія. По инстинкту, они всѣ вдругъ кинулись въ сани и крикнули на собакъ: тѣ полетѣли по рыхлымъ обломкамъ ледяной массы,

и черезъ несколько секундъ остановились на твердомъ льду, у группы бугровъ.

Такимъ образомъ господинъ Враггль чудесно избежалъ отъ смерти. Но страданія этихъ не кончились. Уже почти не оставалось съвѣстныхъ припасовъ. Штурманъ Козминъ отправился въ пустыхъ саняхъ къ северу, въ надеждѣ застрѣлить медвѣдя, и воротился безъ добычи. Между-тѣмъ до ближайшаго склада было триста шестьдесятъ верстъ, а корму для собакъ едва оставалось на трое сутокъ. Господинъ Враггль уже рѣшился пуститься прямо на югъ, съ тѣмъ чтобы сънять, пока будутъ живы собаки, а какъ повернутъ, то идти пешкомъ. И вообразите его радость, когда, несъ столь отчаяннаго намѣренія, онъ неожиданно встрѣтилъ партію Матюшкина, который, исполнивъ порученныя себѣ разысканія, везъ съ собою множество всякаго роду запасовъ!

Чтобы не оставить ничего не испытаннымъ на пользу предпріятія, авторъ еще зашелъ берегамъ къ восточу ва Нордъ-Капъ и достигъ до Коллюкинскаго Острова, который, по его мнѣнію, тотъ же Кунава островъ, Vingaev's Island, и который означивается описъ капитана Вилкинса, начавая отъ Берингова Провиза. Неудна эта однако же не принесла ни какихъ важныхъ результатовъ: преодолевъ еще нѣсколько новыхъ затрудненій, экспедиція наконецъ должна была пуститься въ обратный путь.

=

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ПОЯВЛЕНИЕ СЪВЕРНЫХЪ СІЯНІЙ И ВОЗДУШНЫХЪ КАМНЕЙ. *Замѣчанія господь Коллы и Кетлѣ.* Девятнадцатаго ноября, новаго стиля, директоръ обсерваторіи въ Пармѣ, господинъ Colla наблюдалъ съверное сіяніе, которое можно почесть важнымъ по тому уваженію, что оно приходится именно въ ту эпоху года, когда съверныя сіянія замѣчаются почти повсемѣстно. Въ самомъ дѣлѣ, по изслѣдованіямъ господина Коллы, это съверное сіяніе почти всегда въ тотъ же самый день ежегодно замѣчаемо было въ Пармѣ съ 1827 по 1840. Директоръ обсерваторіи въ Брюсселѣ господинъ Quetelet, которому сообщено было это извѣстіе изъ Пармы, помѣстилъ въ *Annaire de l'Observatoire de Brusseles pour 1841*, множество другихъ примѣровъ періодическаго возвращенія съвернаго сіянія въ извѣстные мѣсяцы и числа. Такимъ образомъ, надобно думать, что эти явленія, подобно падающимъ звѣздамъ, слѣдуютъ определенному закону. Мало этого: ученый брюссельскій астрономъ, къ списку періодическихъ съверныхъ сіяній, присовокупилъ еще списокъ ежегодныхъ періодическихъ паденій аэролитовъ, или воздушныхъ камней. Кажется, что аэролиты преимущественно любятъ сыпаться съ воздуха на землю дважды въ годъ, отъ двадцать-шестаго до двадцать-девятаго іюля и отъ седьмаго до десятаго августа, новаго стиля: въ эти дни, какъ видно изъ списковъ господина Кетлѣ, непременно гдѣ-нибудь падаютъ воздушные камни, такъ, что столь регулярнаго ихъ появленія никакъ нельзя приписать слѣпому случаю. Кромѣ этихъ двухъ эпохъ, кажется, есть еще нѣсколько другихъ определенныхъ дней въ году, когда повторяется тотъ же самый замѣчательный феноменъ.

ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЛУНЫМИ ФАЗАМИ И КОЛИЧЕСТВОМЪ ДОЖДЯ. *Изслѣдованія господина Говарда.* Метеорологія до-сихъ-поръ постоянно была повсемѣстная

простонародныя мнѣнія о связи лунныхъ фазъ съ переменами воздуха въ нашей атмосферѣ. Нѣкоторые однако жъ, и между прочими господинъ Араго, ссоображая метеорологическія наблюденія за многіе десятки годовъ, соглашались въ последнее время, что въ полнолуніе дѣйствительно идетъ больше дожда нежели въ другія переменныя луны. Недоразумѣнія въ этомъ случаѣ вѣроятно происходили отъ способовъ вычисленія. Обыкновенно брали въ расчетъ, или три первые дня фазы, или цѣлую лунную неделю. Господинъ Howard, въ запискѣ, читанной въ собраніи лондонскаго Королевскаго Общества, беретъ напротивъ три послѣдніе дня оканчивающейся, и три первые дня начинающейся, лунной перемены, такъ, чтобы самый лень фазы находился въ серединѣ взятаго періода, и находитъ, что, считая такимъ образомъ, можно примѣнить разительную соотвѣтственность между фазами и состояніями погоды. Изъ соображенія четырехъ соотъ семнадцати переменъ луны отъ 1815 по 1823 годъ, онъ выводитъ слѣдующее правило: въ послѣднюю четверть барометръ достигаетъ самаго высшаго столнія, температура бываетъ нѣсколько ниже средней, и количество дожда—самое малое; въ новолуніе барометръ опускается, температура бываетъ самая низкая и пропорція дожда усиливается; далѣе, въ первую четверть, новое пониженіе барометра и новое усиленіе количества дожда, но воздухъ становится теплѣе; наконецъ въ полнолуніе, барометръ и термометръ находятся въ самомъ низкомъ столніи, и дождя обильнѣе чѣмъ во всю прочія фазы. Поэтому, приближеніе послѣдней четверти можно почитать признакомъ улучшенія погоды и температуры: по-крайней-мѣрѣ можно держать пари три противъ двухъ, что около этого времени на дворѣ будетъ тепло и сухо.

ПАДЕНІЕ РАСТИТЕЛЬНЫХЪ ЗЕРЕНЪ ИЗЪ АТМОСФЕРЫ.
 Паденію съ неба рыбъ, насекомыхъ, лягушекъ, о которомъ такъ долго спорили, не подлежатъ нынче сомнѣнію. Но никогда еще кажется не было замѣчаемо паденіе растительныхъ зеренъ. Полювникъ Sykes пишетъ изъ Бомбея, что двадцать четвертаго марта 1840 въ Раджестъ, Бомбейской области, во время сильной грозы, вдругъ пошелъ дождь и

кихъ-то семянъ. Огромное количество этихъ зернъ упало, не только въ городъ, но и въ его окрестностяхъ, на большомъ пространствѣ. Образчики ихъ присланы Обществу Англійскихъ Ученыхъ; но ботаники не могутъ опредѣлить, какому растенію принадлежатъ эти семена: полагаютъ однако жъ, что ихъ можно отнести къ какой-нибудь породѣ *spatium* или *visia*. Жители Раджкета были тѣмъ болѣе изумлены подобнымъ явленіемъ, что падавшія въ видѣ дождя семена вовсе имъ не извѣстны и не происходятъ ни отъ одного изъ растеній, разводимыхъ или добровольно растущихъ въ томъ краю. Но удивительнѣе всего то, что паденіе такого огромнаго количества зернъ случилось въ самомъ началѣ весны, то есть, въ такое время года, когда ни какія семена не созрѣваютъ и давно уже, или превратились въ растенія, или истлѣли на землѣ. Неужели они всю зиму носились въ воздухѣ?

ИСПАРЕНИЕ КОСТЕЙ И ОБНОВЛЕНИЕ ИХЪ ВЪ ЖИВОТНОМЪ ТѢЛѢ. *Новыя наблюденія господина Флурана.* О прежнихъ опытахъ господина Flourens мы уже говорили. Въ прошедшемъ февралѣ мѣсяцѣ онъ снова представилъ парижской академіи наукъ кости животныхъ, кормленныхъ нѣсколько времени первою. Въ первыхъ своихъ опытахъ онъ пилилъ кости поперегъ: нынче онъ были распилены вдоль, чтобы видѣть, какимъ образомъ происходятъ измѣненія ихъ на оконечностяхъ и въ суставахъ. Во всѣхъ костяхъ, по красному слою, образовавшемуся во время кормленія животнаго червой, и по бѣлому, нарощенному потомъ вокругъ него во время кормленія обыкновенною пищей, явственно видно, гдѣ оканчивалась кость до принятія червы, и сколько она выросла вдлину съ того времени. Но замѣчательно, что на круглыхъ оконечностяхъ кости никогда не бываетъ краснаго слоя. Изъ этого должно заключить, что въ толщину кости нарастаютъ новыми слоями извнѣ, между тѣмъ какъ въ длину онѣ получаютъ простое прибавленіе массы по оконечностямъ: головка кости, бывшая въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается продольная красная черта, вся исчезаетъ; взамѣсть ея образовалась совершенно новая головка далеко отъ этой точки. Не менѣе удивительно въ этомъ слу-

чаѣ быстрота кореннаго обновленія костей въ животныхъ: послѣ шести-мѣсячнаго обыкновеннаго корму, въ поросенка уже нѣтъ слоя, наростаго втеченіи шести мѣсяцевъ кормленія его первой; онъ весь испарился внутрь. Такимъ образомъ, послѣ опытовъ господина Флурана, уже не подлежитъ ни какому спору, ни сомнѣнію, что частей, бывшихъ еще недавно въ животномъ тѣлѣ, сегодня уже не существуетъ, а черезъ нѣсколько времени не будетъ существовать и тѣхъ, которыя теперь въ немъ видимъ: новая матерія займетъ мѣсто прежней, всѣ части органической машины совершенно возобновятся, и въ этомъ непрерывномъ обновленіи вещества, форма почти не измѣняется. Таковъ коренной законъ всѣхъ организмовъ. Для природы, во всемъ, что одарено жизнью, форма несравненно важнѣе матеріи: послѣднюю она употребляетъ только какъ орудіе высшаго таинственнаго начала, и выбрасываетъ это орудіе изъ тѣла, какъ скоро оно ей прислужило нѣсколько времени; но форма, типъ — вѣчное видимое проявленіе идеи вѣчной и невидимой Силы, изъ которой жизнь проистекаетъ.

НОВОЕ СВѢТОПИСНОЕ ОТКРЫТИЕ ГОСПОДИНА ТАЛЬБОТА. Возьмите листокъ Тальботовой бумаги, поставьте его передъ какимъ-нибудь освѣщеннымъ видомъ или предметомъ въ камеру-обскуру и черезъ нѣсколько секундъ выньте обратно. Разсматривая его со свѣчой въ темной комнатѣ, не увидите на немъ ни какого изображенія. Между-тѣмъ изображеніе уже существуетъ во всемъ совершенствѣ. Простымъ средствомъ, которое господинъ Тальботъ обьщаетъ скоро обнародовать, можно заставить эту невидимую картинку вдругъ явиться глазамъ какъ-бы по волшебству. Но вотъ, что всего примѣчательнѣе: незримое изображеніе можно сохранить въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и потомъ вывести его наружу съ тою же чистотою отдѣлки, какую оно имѣло бы въ первую минуту. Это открытіе будетъ очень полезно для колдуновъ и для людей, у которыхъ много секретовъ. Снявъ съ кого-нибудь невидимый портретъ въ нѣсколько секундъ, при помощи средства господина Тальбота можете съ долгое время вдругъ создать точное изображеніе этого лица въ ея отсутствіе; или, если угодно,

можете употребить Гальботову бумагу для тайной переписки. Нѣтъ ничего безопаснѣе этихъ листковъ. Если письмо попадетъ въ руки любопытнаго челоуѣка, и онъ его вскрыетъ, листокъ, наведенный, какъ извѣстно, азотно-кислымъ серебромъ, или адскимъ камнемъ, тотчасъ весь почернѣетъ отъ дневнаго свѣту, и написанная на немъ тайна навѣки исчезнетъ; одинъ только вашъ корреспондентъ, съ которымъ вы предварительно условились, и которому сообщили магическое средство, будетъ въ состояніи прочесть ваше посланіе. Для любовниковъ это — безцѣнное изобрѣтеніе!

ЛОНДОНЪ ВЪ 1840 ГОДУ. *Новый городъ. Жизни холостяковъ, клубистовъ и семейныхъ людей. Распределение дня. Врачи. Воскресеніе. Страсть къ знатности.* Народонаселеніе Лондона, простирающееся уже за полъ-милліона, возрастаетъ безпрестанно. Улицы распространяются во все стороны горизонта. На востокъ и сѣверъ промышленность строитъ фабрики, раскаляетъ горны, открываетъ мастерскія, на югъ и западъ, въ новыхъ кварталахъ, выстроенныхъ вдали отъ шума мануфактуръ и облакъ дыму, селятся богатые люди. Вотъ какъ возникаютъ эти новые кварталы. Компанія занимаетъ на девятисто девять лѣтъ у какого-нибудь владѣльца извѣстное пространство земли, и на ней воздвигаетъ новый городъ. Каждый вновь выстроенный домъ ежегодно платитъ владѣльцу земли небольшой взносъ; зданія принадлежатъ компаніи. По прошествіи ста лѣтъ, кварталъ и земля будутъ принадлежать второму или третьему поколѣнію наследниковъ этого владѣльца, и оно станетъ благословлять своего прадѣда за то, что онъ завѣщалъ имъ цѣлый городъ вмѣстѣ съ какимъ-нибудь паркомъ или загороднаго дому. Обыкновенно, въ этихъ новыхъ частяхъ города, сперва проводятся большія улицы, составляющія продолженіе уже существующихъ улицъ стараго Лондона; потомъ назначаютъ мѣста для двухъ или трехъ площадей, и тутъ строятъ церкви, соразмѣрныя съ числомъ домовъ новаго квартала: церкви служатъ центрами, куда сходятся новыя улицы. Главнѣйшія изъ этихъ улицъ застраиваются домами для богатыхъ семействъ, а по бокамъ помѣщаются лавки, магазины, и ремесленныя мастерскія.

Компанія отдаётъ въ наймы или продаетъ свои дома тоже на девяносто девять лѣтъ, и получаетъ отъ этого огромныя барыши. Быстрофа, съ какою строятся здѣсь каменные дома, изумительна. Вотъ примѣръ. Еще въ мартѣ 1839 позади педдингтонскихъ кварталовъ простиралась обширная равнина : черезъ одиннадцать мѣсяцевъ, на этомъ пустырѣ выросъ городъ шириною въ цѣлую версту. То же самое происходитъ и въ другихъ мѣстахъ. Новые кварталы тотчасъ продаются или отдаются въ наймы, и народонаселеніе въ центрѣ города ни сколько не уменьшается : каждый negociантъ, каждый торгашъ, каждый ремесленникъ, всѣми силами старается выработать столько денегъ, чтобы его семейство могло жить въ той части города, гдѣ не такъ душно какъ въ самомъ центрѣ вѣчныхъ дѣлъ и всемірной торговли, а этотъ центръ тотчасъ населяется семействами новыхъ охотниковъ трудомъ наживать имѣніе.

Одно обстоятельство въ особенности отличаетъ Лондонъ отъ прочихъ столицъ. Въ Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Римѣ, Туринѣ, самыя разнородныя дома стоятъ одинъ подле другаго : гостинница для прѣзжающихъ, мастерская портнаго или сапожника, находятся рядомъ съ дворцами людей знатныхъ и богатыхъ ; рѣдко въ трехъ смежныхъ квартирахъ живутъ жильцы одинаковаго званія, и по улицѣ не возможно опредѣлить состоянія челоуѣка. Въ Лондонѣ, напротивъ, каждая улица, каждый кварталъ, предназначены извѣстному классу, и назначеніе это не измѣняется. Въ улицѣ Baker-Street, поселяются только люди, проживающіе въ годъ, по-крайней-мѣрѣ, сорокъ тысячъ рублей. На Grosvenor или Belgrave-Square, нельзя нанять дому не имѣя отъ двухъ сотъ тысячъ до пяти сотъ тысячъ рублей дохода, и такъ далѣе. Когда кто назоветъ вамъ часть города или улицу, гдѣ онъ живетъ, вы можете навѣрное сказать, какъ велико его видимое состояніе : видимое, — потому что часто блестящая бѣдность царствуетъ въ этихъ роскошно убранныхъ палатахъ. Сколько такихъ семействъ, которые живутъ открыто, а между-тѣмъ никто не знаетъ откуда они берутъ деньги и какъ пользуются кредитомъ, при помощи котораго украшаютъ свои квартиры поставщикомъ!

Но не одною такою дружиною Лондонъ не похожъ на

столицы твердой земли : частная жизнь тамъ имѣетъ также свою особенную физиономію. Въ Лондонѣ три рода жизни, семейная, клубная и холостая.

Клубы, это — огромныя зданія, выстроенныя бѣльшею частью съ необузданною роскошью. Тутъ собрано все, что только нужно для самой комфортабельной жизни, — мягкая мебель самыхъ затѣшливыхъ фасоновъ, разливное море ковровъ, зеркала и бронзы, отборныя библіотеки, всѣ новѣйшія книги, всѣ важнѣйшіе журналы земнаго шара, роскошныя столовыя, отличный столъ, множество щегольски одѣтыхъ лакеевъ, ванны, уборныя, кабинеты : и все это предоставляется въ полное владѣніеи наслажденіе ваше за сто или полтораста рублей въ годъ. Каждый клубъ имѣетъ отъ трехъ сотъ до пяти сотъ членовъ, которыхъ политическія мнѣнія, поприща, занятія и привычки, всегда одинаковы. При выборѣ новаго члена, строго соблюдается уставъ клуба, и оттого въ заведеніи царствуютъ согласіе и порядокъ. Постоянные носѣтителѣ одного клуба обыкновенно нанимаютъ себѣ, по-близости, маленькія квартиры, гдѣ они только вѣчаютъ и завтракаютъ; а на все остальное время дня отправляются они въ свой общій веселій и богатій домъ : здѣсь они обѣдаютъ, играютъ, читаютъ, пишутъ, бесѣдуютъ до ночи, если не намѣрены идти вечеромъ въ театръ или въ другое общество. Этотъ образъ жизни, что бы ни говорили противники клубовъ, очень пріятенъ : за умеренную цѣну, вы имѣете всѣ удобства жизни, которыми нѣтъ возможности пользоваться въ своемъ собственномъ домѣ безъ огромнаго состоянія. Маленькія взрослыхъ дочерей жалуются, что эти заведенія умножаютъ число старыхъ холостяковъ : не видно, однако жъ, чтобы въ Лондонѣ число старыхъ дѣвъ было больше чѣмъ во всякой другой столицѣ Европы.

Образъ жизни холостяковъ, *bachelors*, совершенно другой ; къ этой категоріи принадлежатъ чиновники, биржевые маклеры, канторціи, прикащики и молодые купцы. Будущность каждаго изъ нихъ зависитъ отъ труда : они очень хорошо знаютъ, что никогда не успѣютъ въ трудѣ, если будутъ тратить больше чѣмъ получаютъ доходу. Для человѣка трудолюбиваго и хорошей нравственности,

котораго занятія кончаются не ранѣе какъ въ пять часовъ, уединеніе — мука. Въ Лондонѣ, гдѣ вечера несносны для всякаго, у кого мало друзей, гдѣ дневныя хлопоты придаютъ неоцѣнимую прелесть вечерней бесѣды, трое или четверо молодыхъ людей, хорошо знающіе характеры и вкусы другъ друга, обыкновенно заключаютъ союзъ: нанимаютъ спокойный домъ, берутъ двухъ или трехъ слугъ, и живутъ съ-обща. Одинъ беретъ на себя вина, другой съѣстные припасы, третій чай, кофе, сахаръ, и такъ далѣе. Утромъ они сходятся, завтракаютъ, и разговариваютъ съ полъ-часа; потомъ каждый идетъ по своимъ дѣламъ, и уже они не видятся до шести часовъ вечера. Въ эту пору кончаются вся работы въ конторахъ, и союзники собираются къ обѣду; рѣдко одинъ: каждый, имѣетъ право пригласить къ себѣ своихъ друзей, и такимъ образомъ очень пріятно проходитъ у нихъ вечеръ, потому что кругъ занятій каждаго всегда болѣе или менѣе различенъ: слѣдовательно, анекдоты и новости почерпаются попеременно изъ разныхъ источниковъ. Въ такомъ образѣ жизни не можетъ существовать однообразія. Каждый въ четыре раза болѣе наслаждается довольствомъ и удобствами, нежели сколько могъ бы имѣть ихъ живя одинъ. Иныя холостыя семейства издерживаютъ ежегодно до двѣнадцати тысячъ рублей: каждый членъ платитъ двѣсти или полтора гиней, и пользуется такими удобствами, для которыхъ, если бѣ жить одному, надобно было бы имѣть по-крайней-мѣрѣ полтора тысячь дохода. Когда состояніе позволяетъ имъ подумать о женитьбѣ, они оставляютъ свои «семейства», и женятся; и женщины сознаются, что изъ нихъ вообще выходятъ самые лучшіе мужья. Дѣйствительно, проживъ нѣсколько лѣтъ въ холостомъ семействѣ, молодой человекъ уже знаетъ по опыту, какъ надобно жить въ женатомъ: онъ любитъ свой уголокъ, знакомъ съ хозяйствомъ, и умѣетъ подчинять свой нравъ и свои вкусы праву и вкусамъ своей новой сожительницы, ради сохраненія миру и согласія.

Для Англичанина, въ словѣ *семейство* заключается вся жизнь. Лондонъ — единственный городъ въ цѣломъ свѣтѣ, гдѣ семейная жизнь уважается больше всего, гдѣ любовь къ домашнему быту обратилась въ страсть, и гдѣ все содѣ-

ствуеть къ ея развитію. Опрятность, доведенная до крайне утонченнаго изящества, даже до мелочности, царствуетъ во всѣхъ домахъ и заведеніяхъ. Съ ранняго утра, всѣ слуги въ домъ сметають малѣйшіе слѣды пыли, возвращая каждой задвижкѣ, каждому замку, каждой металлической вещицѣ, тотъ самый блескъ, которымъ они отличались въ день выходу своего изъ рукъ ремесленника. Въ осемь часовъ вся работа кончена, и слуги расходятся на кухню и по своимъ комнатамъ. Англичанинъ-слуга не долженъ, и не захочетъ самъ, явиться передъ своимъ господиномъ или передъ чужимъ человѣкомъ иначе какъ опрятно одѣтый. Въ половинѣ девятаго всѣ сходятся къ первому завтраку, который состоитъ изъ чаю, жареной дичи, соленыхъ и копченыхъ мясъ, масла, сыровъ, и прочая. Они уже одѣты съ такимъ тщаніемъ, что могли бы итти прямо на самый нарядный визитъ. Даже въ семейномъ кругу, никому не позволено быть еп *pegligé*, и халатъ остается въ спальнѣ, куда никто не смѣетъ войти кромѣ слугъ и доктора. Пока старшіе въ семействѣ сидятъ еще за столомъ, дѣти, напившись чаю, уходятъ въ *parquet* или учиться. Тутъ приносятъ журналы, и всѣ принимаются за чтеніе. Политика — любимый предметъ разговоровъ за первымъ завтракомъ, который продолжается съ часъ; послѣ чего всѣ расходятся: отецъ, съ старшими сыновьями, отправляется по дѣламъ, — верховыя лошади, набріолеты или омнибусы отвозятъ ихъ въ городъ или въ присутственныя мѣста; мать съ дочерьми, до часу, занимается рукодѣліемъ и распоряженіями по хозяйству. Въ часъ подается второй завтракъ, *luncheon*, который въ то же время и обѣдъ маленькимъ дѣтямъ и *parquet governess*, то есть, младшей гувернанткѣ, присматривающей за ними. Родные и знакомые, пріѣзжающіе въ это время съ визитами, завтракають вмѣстѣ, вторично, стоя вокругъ стола: тутъ подаются котлеты, жареная баранина, картофель и пуддингъ, безсмынное блюдо дѣтей, которому Англичане приписываютъ ихъ свѣжій цвѣтъ лица и здоровое сложеніе. Дѣти остаются около часу съ матерью, и рассказываютъ ей, какъ вели себя и чѣмъ занимались въ продолженіи утра. Мать входитъ въ малѣйшія подробности воспитанія, совѣтуется съ гувернанткой, разсуждаетъ съ ней о способностяхъ и слабо-

стѣхъ каждаго ребенка, который всегда долженъ помнить, что на немъ самомъ лежитъ ответственность за свои проступки. Въ этомъ-то и заключается главное преимущество англійскаго воспитанія: ребенка приучаютъ располагать самимъ собою, помогая ему, но такъ, чтобъ онъ вовсе не подозревалъ этого, взвѣшивать всѣ послѣдствія своей дѣтской воли, и потомъ, безъ упрековъ и безъ утѣшеній, оставляютъ его наслаждаться плодами своихъ поступковъ или страдать отъ нихъ. Этотъ образъ воспитанія, начинаясь въ дѣтской и кончаясь въ Оксфордѣ или Кембриджѣ, сильно развиваетъ въ молодомъ человѣкѣ чувства собственнаго достоинства, и научаетъ его основывать каждый поступокъ свой на правилахъ религіи, приличія и справедливости. Каждый день, хорошая мать семейства, въ извѣстный часъ, собираетъ своихъ дѣтей, и читаетъ имъ одну главу Библии, и ни подъ какимъ предлогомъ не дозволяетъ она себѣ не исполнять этой обязанности. Такимъ образомъ матери успѣваютъ внушить ту любовь къ Священному Писанію и то сильное религіозное чувство, которыми отличаются Англичане въ наше время между всеми народами западной Европы. На каждое пріятное происшествіе, на каждый случай младенческихъ лѣтъ, мать приписываетъ приличный текстъ, будучи увѣрена, что, следуя этой методѣ, воспоминанія о родительскомъ домѣ, связанныя съ религіею, въ дни несчастія будутъ дѣйствовать сильнѣе и съ бѣльшею пользою на сердцѣ дѣтей ея, нежели правильное правоученіе, которое, читая умъ, часто вовсе не трогаетъ сердца.

Послѣ luncheon, или втораго завтрака, дамы и мужчины, не заняты ни какимъ особеннымъ дѣломъ, ходятъ съ визитами, въ магазины, въ парки, на выставки, и въ концерты, которые даются отъ двухъ до пяти и шести часовъ. Эти Лондонскіе концерты—вещь самая странная, самая неслыханная въ музыкѣ. У насъ, самый длинный концертъ состоитъ изъ двухъ увертюръ и шести соло, дуэтовъ или тріо, и два знаменитые скрипача, два піаниста, два віолончелиста, ни за чтѣ не станутъ играть въ одномъ собраніи, чтобы не подать поводу къ сравненіямъ, обиднымъ для того или для другаго; въ Англіи «знаменитости» должны отложить въ сторону свои самолюбія и, чтобы привлечь публику, соединиться

вѣхъ, сколько ихъ ни есть въ городѣ, въ одинъ пирамидальный концертъ. Выпишемъ одну программу, для примѣру. Три знаменитыхъ скрипача (Беріо, Арто, Гауманнъ); пять знаменитыхъ пианистовъ (Листъ, Тальбергъ, Литтольцъ, мадамъ Дулькенъ, Герцъ); шесть знаменитыхъ пѣвцовъ и пѣвицъ (Тамбурини, Лаблашъ, Ивановъ, госпожи Малибранъ, Джулія Грива, мистрисъ Бишопъ); три знаменитыхъ виолончелиста (Сервè, Батта, и Шубертъ, который теперь находится въ Петербургѣ); два кларинета, три флейты, три гобоя, двѣ гитары, двѣ арфы, и увертюръ въ волю. Тридцать, тридцать пять нѣсъ — ни по чемъ для лондонскаго концерта, и въ концѣ еще вамъ разыграютъ полную симфонію Беттовена или ораторію Гайдна. Пѣсы сдѣлуютъ одна за другой съ такою быстротою, что еще не кончились рукоплесканія одному артисту, какъ другой уже начинаетъ свой номеръ. Надо имать англійскія уши, чтобы безопасно проглотить слухомъ такую бездну звуковъ. Это — настоящее музыкальное столпотвореніе. Слушатели приходятъ и уходятъ безпрерывно: каждый слушаетъ только любое, и, прослушавъ, уѣзжаетъ или идетъ гулять въ смежныя залы.

Концертныя билеты стоятъ никакъ не больше полу-гиней, или двѣнадцати рублей ассигнаціями, какъ бы знаменита ни была знаменитость, которая даетъ концертъ. Для одной только Малибранъ сдѣлали исключеніе.

Въ шесть часовъ вся возвращается домой, и одѣваются, какъ-будто собираясь на балъ; мужъ съ женою, объдающіе tête-à-tête, также разодѣты, какъ-бы принимали у себя многочисленное общество. Всѣмъ извѣстно, изъ чего состоитъ англійскій обѣдъ, но не бывавшіе въ Англии едва-ли знаютъ, до какой степени простирается роскошь и изыщество приборовъ и ливрея. Пиво рѣдко подается на столахъ людей хорошаго тону. Обыкновенныя напитки — хересъ и портвейнъ; для хорошихъ друзей, прибавляется бордо, рейнвейнъ, шампанское и эрмитажъ: другія вина, даже мадера, теперь не въ модѣ. Послѣ супу подаютъ непременно рыбу, и хозяинъ предлагаетъ гостю распить рюмку вина вмѣстѣ, предоставляя ему выборъ. Хозяинъ наливаетъ сначала себя и отсылаетъ вамъ бутылку съ лакеемъ; вы наполняете свою рюмку, привод-

нимае ея, дѣлае ему легкій поклонъ головой, съ положенною на подобный случай гримасою, и выпиваете, сколько хотите. Та же церемонія повторяется съ каждымъ изъ присутствующихъ. Если подлѣ васъ сидитъ дама и вы предлагаете ей *распить* съ вами вина, то она дѣлае выборъ и вы прежде наливаете ей въ рюмку; но если вашъ сосѣдъ — мужчина, тогда наливаете себѣ первому. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ непременно надобно было осушить цѣлую рюмку при каждомъ вызовѣ; какъ бы обѣдъ ни былъ коротокъ, каждый гость, отъ котораго учтивость требовала распивать по цѣлой рюмкѣ съ каждымъ собесѣдникомъ, выходилъ изъ-за стола почти полу-пьянымъ. Послѣ второй перемѣны, состоящей изъ ростбифу, или жареной говядины, вареныхъ овощей и множества разныхъ соусовъ, которыми каждый, по своему вкусу, приправляетъ кушанье, подаютъ дичину и пудинги всѣхъ возможныхъ видовъ; потомъ убираютъ всѣ блюда, и передъ вами является во всей красѣ столъ отличной работы, который уставляютъ роскошнымъ десертномъ. Лакеи ставятъ передъ хозяиномъ графини съ виномъ, на серебряныхъ поддонникахъ, обдѣланныхъ снизу бархатомъ, для того чтобы они могли свободно передвигаться по столу, не царапая его блестящей поверхности. Хозяинъ сперва пьетъ самъ, потомъ передаетъ бутылки одну за другою гостю, сидящему подлѣ, этотъ передвигаетъ ихъ къ сосѣду, тотъ далѣе, и маневръ продолжается до тѣхъ поръ, пока графини, описавъ кругъ, не возвратятся на прежнее мѣсто. Послѣ того, каждый пьетъ уже на свой счетъ, не заботясь о сосѣдѣ. Черезъ четверть часа, хозяйка встаетъ: это знакъ, что дамы могутъ уйти въ другія комнаты. Разговоръ, до тѣхъ поръ занимательный для обоюбого пола, измѣняется въ политическія или коммерческія пренія. Этотъ послѣдній періодъ обѣда продолжается съ часъ, такъ, что изъ-за стола не выходятъ ранѣе половины десятого. Впрочемъ, во многихъ домахъ, принадлежащихъ къ *high-life*, или высшей жизни, особенно въ тѣхъ, которыя стараются прослыть модными, старинныя бахическія зашданія безъ дамъ уже не существуютъ. Послѣ десерта всѣ встаютъ вмѣстѣ и идутъ въ гостиныя, совершенно въ благоприличномъ видѣ. Но еще нѣсколько лѣтъ тому, нѣли-

ство было въ такой модѣ, что переходило за предѣлы позволительнаго. Нынче оно въ общемъ презрѣннѣе. Дѣнтльменъ, который бы позволилъ себѣ войти въ гостиную съ хмѣльной головой послѣ подобнаго засѣданія, подвергается неприятности быть изгнаннымъ изъ дому хозяйкою.

По приходѣ мужчинъ въ гостиную, подаютъ чай или кофе; и тогда каждый старается всеми средствами своего ума оживить бесѣду. Не услышите, однако жъ, ни пересудовъ ни насмѣшекъ, какъ это бываетъ въ Парижѣ. Дѣвушки свободно разговариваютъ и смѣются съ мужчинами, не боясь подать о себѣ дурное мнѣнiе, не опасаясь, что, послѣ получасоваго разговору съ молодымъ человекомъ, на другой день будутъ уже сватать ее за него въ другомъ домѣ. Дамы, которыя поютъ или играютъ, не заставляютъ себя просить. Кадриля составляется безъ большихъ сборовъ. Столъ заваленъ прекрасными альбомами, богатыми альманахами и самыми новыми карикатурами. Вистъ располагается гдѣ-нибудь въ углу, вдали отъ танцующихъ, и полночь настаѣтъ незамѣтно. Иностранецъ, въ первый разъ прѣхавшій на вечеръ въ англійскій домъ, и ожидавшій встрѣтить несносное однообразіе, скучные и холодные пріемы, не вѣритъ глазамъ своимъ при видѣ этой свободы, этой полноты жизни, этого искреннаго веселья: новый пришелецъ принять въ этомъ обществѣ, какъ-будто онъ давно былъ знакомъ съ семействомъ.

Попастъ въ англійское семейство очень не трудно, несмотря на увѣренія многихъ путешественниковъ въ противномъ; на это достаточно двухъ условій, — пужно быть порядочнымъ человекомъ и имѣть хорошія манеры. Когда отецъ семейства увидитъ, что вы человекъ хорошихъ правилъ, на котораго можно положиться, онъ протягиваетъ вамъ руку, и двери его дому на всегда для васъ открыты. Хозяйка, удостовѣрившись, что ваше обращеніе и одежда дѣлаютъ честь ея гостиной, жметъ вашу руку и допускаетъ въ свой кругъ. Васъ не спросятъ, какъ это водится вездѣ, какой у васъ чинъ, титулъ, какъ велики ваши доходы: васъ принимаютъ въ домъ всегда съ одинаковымъ радушіемъ. Но надобно, прежде всего, быть человекомъ порядочнымъ и воспитаннымъ, — а это, очень простое, условіе выполняютъ не все

путешественники. Для порядочнаго иностранца лондонская жизнь чрезвычайно пріятна. Превосходное распределеіе времени особенно способствуетъ къ этой пріятности. Утро и день здѣсь проводятъ въ занятіяхъ по дѣламъ; вечеръ исключительно посвящаютъ семейству. Отецъ бываетъ всегда первымъ зачинщикомъ веселостей. Молодой человекъ, почувствовавъ привязанность къ дѣвушкѣ, старается не дать этого замѣтить никому, не повѣряетъ своихъ чувствъ даже лучшему другу, долго изучаетъ характеръ молодой особы, и обыкновенно согласіе на бракъ дается ему прежде, нежели узнаютъ о томъ родители. Матери, которыя въ другихъ странахъ, первыя хлопчатъ о «пристроеніи» своихъ дочерей и надѣдають молодымъ людямъ своими въжливостями или своимъ карауломъ, здѣсь держатъ себя совершенно въ сторонѣ, даже изъяскиваютъ средства къ свѣдѣніямъ, не давая однако жъ замѣтить объимъ сторонамъ своей помощи. Оттого здѣсь гораздо болѣе согласныхъ и ровныхъ браковъ чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, и не удивительно, что семейная жизнь представляетъ столько прелести Англичанамъ.

Въ сельской жизни всѣ эти обыкновенія заключаютъ въ себя еще болѣе очарованія. Мы живемъ въ городахъ осенью и зимою, Англичане, напротивъ, весною и лѣтомъ. Кто въ этомъ случаѣ поступаетъ умнѣе?... Вы скажите — мы, а я скажу — нѣтъ, Англичане. Осенью и зимою мы забираемся въ города, которые въ то время — настоящія больницы; мы закупорены въ комнатахъ, и дышемъ во все время гадкій воздухомъ, отравленнымъ язвами болѣзней и газами отъ свѣчъ и лампъ. Англичане осень и зиму проводятъ вдали отъ этихъ родниковъ хроническихъ недуговъ и ранней смерти, живутъ въ кругу семействъ, и, съѣзжаясь весною въ города, могутъ давать вечера и балы съ открытыми оконками, могутъ безопасно впускать свѣжій воздухъ въ комнаты, наполненныя народомъ, и не подвергаются убійственнымъ простудамъ при выходѣ изъ душныхъ залъ. Они тутъ соединяютъ городскую жизнь съ загородною, живутъ въ одно время въ города и на дачѣ, даже болышую часть баловъ, раутовъ и увеселеній даютъ на дачахъ, гдѣ изъ открытыхъ комнатъ безпрестанно верелодите въ прелестно освѣ-

ценный садъ. Изъ Лондона все уѣзжаютъ въ концѣ іюля и возвращаются въ февраль и мартъ. Въ деревнѣ распределение времени точно такое же какъ въ городѣ: охота, визиты, ѣзда верхомъ, составляютъ удовольствія дня, вечеръ принадлежитъ семейной бесѣдѣ. Осенью, дурная погода рѣдко заставляетъ просидѣть дома два дня сряду: дороги такъ хорошо устроены, что никогда не портятся.

Все охудаютъ климатъ Англій. Правда, столица и большіе города потоплены въ камено-угольномъ дымѣ и туманѣ; но въ загородныхъ мѣстахъ климатъ прекрасенъ.

Железныя дороги нѣсколько измѣнили образъ загородной жизни. Прежде, тѣ, которыхъ дѣла требовали ежедневнаго присутствія въ Лондонѣ, на осень нанимали домъ въ девяти или десяти верстахъ отъ столицы, за предѣлами камено-угольнаго дыму. Теперь, почти на каждой живописной станціи желѣзной дороги, строятся многочисленныя сельскіе домики, изъ которыхъ быстро образуется мѣстечко. Теперь многіе, которые прежде круглый годъ оставались въ столицѣ, уѣзжаютъ за сорокъ и шестьдесятъ верстъ пользоваться деревенскимъ воздухомъ. Каждый вечеръ паровозы брайтонской, соутемptonской, гринвичской, гретъ-вестернской желѣзныхъ дорогъ, уносятъ огромныя массы городскихъ жителей и, на другой день, въ десять часовъ утра, привозятъ ихъ обратно въ Лондонъ. Эта ежедневная эмиграція горожанъ — главная причина благосостоянія желѣзныхъ дорогъ.

Какъ согласить добродушіе, обязательность и веселость, царствующія почти во всѣхъ англійскихъ домахъ, съ надмѣнностью, вольностью и незнаніемъ приличій, словомъ, со всеми недостатками, которыми жители Альбіона отличаются на твердой землѣ?

Англичане, которыхъ встрѣчаете на твердой землѣ, кажутся гордыми и чрезвычайно странными. Это зависитъ отъ разныхъ причинъ. Незнаніе языка, новостъ обычаевъ, и непривычка къ другому образу жизни, чрезвычайно затрудняютъ многихъ: они боятся доказаться смѣшными, находятъ въ гордой скрытности лучшее средство избѣгнуть непріятностей, и уже слишкомъ далеко простираютъ свою предосторожность. Но очень многіе также уѣхали на твер-

дую землю именно потому, что они были смѣшны въ своемъ отечествѣ по недостатку въ воспитаніи, по странности своего характера, или по безтолковому своему поведенію. Одна изъ этихъ причинъ принудила и знаменитую леди Стенгопъ и безсмертнаго лорда Бирона удалиться изъ чиннаго англійскаго общества на твердую землю, чтобы избѣгнуть добровольно заслуженныхъ неудовольствій. Но есть и такіе, которые, вступивъ на твердую землю Европы, присваиваютъ себѣ знатность и титулы, вовсе имъ не принадлежащіе; и эти-то проидохи, корча лордовъ, и гордостью прикрывая свое ничтожество, болѣе всего вредятъ своимъ соотечественникамъ во мнѣніи иностранцевъ.

Конечно, не безъ того, чтобы и на англійской землѣ не было кое-какихъ странностей. Жители твердой земли, зная имена множества знаменитыхъ англійскихъ врачей, имѣютъ вообще неясное понятіе объ англійской медицинѣ. Мы ввѣряемъ попеченіе о нашемъ здоровьи только двумъ лицамъ, медику или хирургу, никогда аптекарю. Въ Англійи для этого вы находите доктора, а doctor, потомъ физика, а physician, потомъ хирурга, а surgeon, потомъ еще химика, а chemist, и наконецъ аптекаря. Всѣ они лечатъ. Докторъ и физикъ (лекаръ) посѣщаютъ больного, а по выздоровленіи присылаютъ ему *счетъ*. Обыкновенная цѣна за каждый визитъ — гинея. Хирургъ, который немногимъ пониже физика, и химикъ, содержатъ въ то же время и родъ аптеки или и настоящую аптеку: они посѣщаютъ больного даромъ, не прописываютъ рецептовъ, но присылаютъ лекарства, которые сами и готовятъ. Аптекарь, an apothecary, продаетъ лекарства и не имѣетъ права лечить, однако жъ лечитъ потихоньку. Можно себѣ представить, сколько тутъ происходитъ злоупотребленій! Медиковъ-аптекарей безчисленное множество: въ Лондонѣ нѣтъ переулка, гдѣ бы не было врачующаго аптекаря. Чтобы не дѣлать по-пустому визитовъ, они заразъ присылаютъ лекарства въ ужасномъ количествѣ. Многіе богатые люди ввѣряютъ здоровье свое и своихъ дѣтей этимъ неучамъ. Есть примѣры, что на лекарства для четырехъ или пяти больныхъ дѣтей, втеченіи четырехъ мѣсяцевъ, выходило по триста и четыреста рублей серебромъ. Въ одномъ домѣ, для одного ребенка, за пять дней

такого леченія отъездъ долженъ быть заготовить массу аптекарю болѣе трехъ тысячъ рублемъ серебромъ. Между тѣмъ ищутъ въ Англіи докторовъ, цѣна превосходна, услугъ врачей безчисленны, а болѣзни несравненно рѣже и слабѣе чѣмъ на твердой землѣ. Но, во мнѣствѣ этого неустройства врачебной части, Англичане удивительно пристращаются къ врачу-лекарствъ, и принимаютъ ихъ по привычкѣ; предвзвѣдуя такъ укоренившаяся, что докторъ, какъ бы онъ ни былъ искусенъ, теряетъ довѣріе своихъ больныхъ, если не прописываетъ лекарствъ въ большомъ количествѣ. Для прѣзвѣстнаго наморку въ Англіи употребляютъ такую массу лекарствъ, которой на твердой землѣ достаточно бы было для излеченія десяти или простудной горячки въ цѣломъ припадкѣ.

Въ субботу вечеромъ можно уже замѣтить, что завтра всѣ работы прекратятся въ тѣхъ частяхъ города, гдѣ продаются съестные припасы, толпы ремесленниковъ тѣснятся передъ лавками хлебниковъ и мясниковъ, оставляя улицу большую часть денегъ, выработанныхъ втеченіе недѣли. Съ шести часовъ вечера до полночи улицы, освѣщенныя лампами, оглашаются шумами и криками хозяевъ, разсужденіями о количествѣ и качествѣ припасовъ, нужныхъ для вавтрашняго обѣда. Каждый овецъ семейства несетъ домой свою часть говядины или баранины и нѣсколько картофеля. Но какъ въ Лондонѣ слишкомъ дорого стѣитъ приготовить все это дома, то въ воскресенье, рано утромъ, булочки пекутъ свои печи и даромъ жарятъ мясо всѣхъ бѣдныхъ людей, покупающихъ у нихъ хлѣбъ. Впечатленіе, производимое на человека, только-что приехавшаго въ Лондонъ, первымъ воскресеніемъ, когда эта огромная столица погружена въ могильное спокойствіе и бездѣйствіе, несравнимо. Утромъ, отъ семи до восьми часовъ дня, въ хорошую погоду, безчисленнымъ толпамъ народу стремятся къ конторамъ omnibusовъ, желѣзныхъ дорогъ и паромовъ: глядя на эти массы людей, отирающихся за городъ, можно подумать, будто единственная мысль Англичанъ въ воскресенье—погулять за городомъ. Но вотъ бѣгъ половина одиннадцатаго: улицы, пустыя за минуту, наполняются снова толпами людей, которые въ молчаніи спѣшатъ въ храмъ. Ничего не можетъ быть удивительнаго этого зрѣлища. Въ прошломъ году, хар-

человек бывали открыты: до единнадцатого часу утра, и за-
 крывались только на время службы. Въ эту торжественную
 минуту брали обонь народа, особенно Ирландцы, на-
 тонившись на улицу въ самую отвратительную чужду; гадко
 было смотреть, какъ эти полу-живыя существа, едва имѣющія
 чловеческой видъ, полу-цѣпныя, оборванные, грязныя, съ
 трудомъ тащущіе въ свои жилища, гдѣ ихъ ожидала нищета
 и голодь. Вездѣ слышались жалобы на такой безпорядокъ.
 Одинъ членъ верхней палаты предложилъ запереть харчени
 съ послѣднѣ въ субботу до перваго часу понедѣлн въ воскре-
 сенье. Предложеніе было принято и приведено въ исполненіе;
 успѣхъ превзошелъ ожиданіе: видъ улицъ омылся гораздо
 пристойнѣе. Матери многихъ бѣдныхъ семействъ громко
 выражали свою благодарность, уверяя, что недѣльный
 заработокъ ихъ мужей, удержанный до перваго часу, въ
 воскресенье, уже не поступаетъ болѣе въ трактиры, но уве-
 трбляется на содержаніе семейства. После завтрака, кото-
 рый подается въ часъ, слуги идутъ въ церковь, гдѣ служба
 продолжается до четырехъ часовъ.

.. Въ хорошую погоду идутъ въ парки и на загородныя гу-
 льяны. Тутъ встрѣтите такія вещи, которыхъ не найдете
 нигдѣ въ Англіи: это — религіозныя собранія на откры-
 тымъ воздухѣ. Войдя въ паркъ, увидите веревъ соборъ, полъ
 тѣниа: деревъ, отъ двадцати до тринадцати сборищъ на
 одну сотъ или трехъ сотъ человекъ каждое, сложившіе
 изъ совершенной неподвижности. Приблизжаетесь, и слы-
 шите: голоса проповѣдника, томяющаго Библію. Вотъ
 отъ чего происходятъ эти сходни (meetings): севари-
 сты, шундасы въ вѣрующахъ и помертвованнхъ, по-
 сылаютъ въ воскресенье, послѣ полудня, по четыре десятка
 въ Риджентъ-паркъ, въ Изинтонъ, Кемптонъ и другія
 загородныя мѣста. Изъ нихъ, трое — правые, а одинъ — про-
 повѣдникъ. Они прислоняются къ дереву, и начинаютъ рас-
 правлять духовную жизнь. Это привлекаетъ нѣкоторыхъ гу-
 ляющихъ. После пѣнія, проповѣдникъ читаетъ молитву,
 выбираетъ текстъ и импровизируетъ проповѣдь. Кругъ
 слушателей увеличивается, по мѣрѣ возвышенія голоса и
 краснорѣчія проповѣдника.

Гуляющіе, отъ нечего-дѣлать останавливаются, оченъ

часто умачайные силою рассуждений. Речь продолжается около часу, и заключается благополучиємъ; потомъ одинъ изъ проповѣдниковъ говоритъ: «Если такое толкованіе Библии сходно съ вашими мнѣніями, то наше богослуженіе отправляется каждое воскресеніе, въ шесть часовъ вечера, въ такой-то улицѣ и церкви.» Конечно, проповѣдники эти часто употребляютъ во зло вѣротерпимость, однакожь нубдика скоро отдѣливаетъ ихъ достоинство, удаляется отъ нихъ, если проповѣдь заключаетъ въ себя что-нибудь предосудительное, и идетъ къ другому проповѣднику, котораго жаркія доказательства болѣе назидательны. Впрочемъ, никто не позволяетъ себѣ смѣяться надъ проповѣдникомъ или его слушателями. Въ сердцѣ каждаго Англичанина вѣчно правдо: «Онъ имѣетъ право дѣлать это, а я не имѣю права препятствовать ему». После гулянья возвращаются домой обѣдать. Семейство почитаетъ за удовольствіе пригласить къ себѣ нѣсколькихъ гостей, чтобы провести вмѣстѣ воскресеніе. Это самое лучшее доказательство постепенности Англичанъ, потому что для человека одинокаго воскресный вечеръ тянется здѣсь нестерпимо долго.

Въ воскресеніе во въ публичныя заведенія заперты. Можно представить себѣ жалкое положеніе человека, которому приходится обѣдать въ какой-нибудь грязной харчевнѣ, или проводить вечеръ въ своей комнатѣ. При воспоминаніи о томъ, какъ весело проводилъ онъ воскресные дни въ своемъ отечествѣ, самое горестное чувство тѣснится въ душѣ его. Удасно быть одному среди пустынь обширнаго города, и думать: Какъ радостно проводилъ я этотъ день въ кругу моего семейства! Какая разница жизнь молодого человека въ Лондонѣ, когда кругъ его отношеній такъ обширенъ, что онъ можетъ надѣется имѣть приглашенія на каждое воскресеніе! Въ семействахъ, гдѣ сохранили прежнюю строгость нравовъ, допускается одно только пивіе духовныхъ гимновъ, съ аккомпаниментомъ фортепiano.

У Англичанъ есть, между прочими народными странностями, одинъ важный недостатокъ, который очень часто отравляетъ все ихъ существованіе и дѣлаетъ ихъ чрезвычайно смѣшными: это страсть водиться со знатію, низаться вельможами, имѣть въ своихъ гостиныхъ людей вѣщаго

происхождения чьимъ хозяинъ и хозяйка. Первое занятіе такого оригинала — глубокое изученіе подробностей того, чтѣмъ называется high-life, «высшею жизнью». Онъ выучиваетъ наизусть біографіи знатнѣйшихъ англійскихъ веровъ въ известной книгѣ The Peerage, и старается удержать въ памяти гербы лучшихъ фамилій. Съ такими свидѣніями, онъ можетъ уже пустить выль въ глаза равнымъ себѣ по званію и иностранцамъ. Встрѣтивъ экипажъ, котораго дверцы украшены гербомъ съ короною, вы спрашиваете: кто это ѣдетъ? — и господинъ, который лезетъ въ знать, тотчасъ отвѣчаетъ вамъ: это лордъ такой-то; съ нимъ сидитъ его жена, урожденная такая-то; они уже столько-то недель живутъ въ своемъ домѣ въ Портлендъ-Скверъ; три дня тому назадъ они давали блестящій концертъ; завтра обѣдаютъ у герцога Бедфорда или маркиза Альторна; лѣтомъ проводятъ нѣсколько недель въ своемъ замкѣ; и такъ dalje.... Иностранецъ, оглушенный такими подробностями, спрашиваетъ: — Значитъ, вы хорошо знакомы съ этимъ семействомъ? — Нѣтъ; но я часто встрѣчаюсь съ ними въ обществахъ. — Ничего не бывало!

Второе и постоянное занятіе такого человека — внимательное, ежедневное, чтеніе въ Morning-Post или Herald, отдѣленія подъ заглавіемъ *Модный свѣтъ*. Это страница газеты, гдѣ за десять шиллинговъ или за гинею, всякой объявляетъ о своемъ будущемъ балѣ, обѣдѣ или концертѣ. На другой день, разумется, за такую же плату тотъ же самый помѣщаетъ тамъ описаніе блестящихъ нарядовъ, украшавшихъ вчера его гостиную, и громкія имена, которыя прокричали его слуги. Избравъ день для своего бала, дама, желающая прослыть въ среднемъ классѣ принадлежащею къ лучшему обществу, посылаетъ записку въ Morning-Post или въ Herald. Последний просматриваетъ списокъ баловъ и старается помѣстить извѣстіе о будущемъ балѣ мистрисъ А^{***} веледь за баломъ лорда Б^{***} или герцога В^{***}.

Вотъ образецъ разговору, который за тѣмъ слѣдуетъ:

— Ахъ, милая мистрисъ А^{***}! я читала сегодня въ Herald объявленіе объ вашемъ балѣ.

— Нѣ возможно!.... вы меня удивляете!

— Посмотрите сами.

— Доить это не постижимо! Я и не думала, чтобъ друзья мои, и люди, которахъ я пригласила, были такъ нескромны. Сдѣлать публикацію о такомъ пустомъ балѣ!

— Пустомъ?... А сколько вы разослали приглашеній?

— Всего четыреста. Впрочемъ надобно будетъ разослать еще сотню билетовъ.

— Къ чему это?

— Вотъ видите, моя милая: герцогъ В^{***} въ тотъ же день идетъ балъ и отнялъ у меня многихъ мужчинъ; такъ надобно умножить списокъ кавалеровъ.....

Въ то же время любительница знатности употребляютъ всевозможныя средства, чтобы привлечь въ свои собранія людей, числящихся въ аристократическомъ кругу. Если они удостоятся счастья познакомиться случайно съ какою-нибудь знатной особою, на другой же день оставляютъ у швейцара свою карточку, для того чтобы сказать: «Я была сегодня съ визитомъ у леди такой-то».

Между-тѣмъ при первой встрѣчѣ эта леди ответитъ на ихъ почтительный поклонъ надутою холодною.

Если какой-нибудь знатный денди дастъ имъ слово прѣхать на балъ въ ихъ неизвѣстный домъ, для него дѣлается исключеніе изъ кореннаго правила рекомендовать прибывшихъ другъ другу: къ нему подводятъ только тѣхъ; съ кѣмъ онъ знакомъ, а на прочихъ гостей онъ и хозяева не обращаютъ вниманія.

Человѣкъ, лъзущій въ знать, никогда не украшаетъ своей гостиной картинами: онъ предпочитаетъ имъ россловную живопись. На стѣнахъ у него обыкновенно висятъ два или три портрета лицъ, сомнительной знаменитости, о которыхъ онъ рассказываетъ каждому новому гостю важныя анекдоты. Онъ съ глубокимъ презрѣніемъ отзывается о разбогатѣвшемъ разночинцѣ, старался какъ-можно громче превозносить имена людей, затмѣвающихъ васъ своею роскошью или положеніемъ въ обществѣ. Пронедѣшею весной, въ большой модѣ были записки сэръ Самуила Ромвля. Первую часть ихъ составляетъ исторія предковъ автора: она написана благородно, искренно и скромно. Одна дама, дочь рыбака, но жена очень богатаго негодянта, прочитавъ ихъ, вскрикнула съ самымъ наивнымъ негодованіемъ: «Я не по-

стараго, какъ евангеліи саръ Самуила: «Рожили не старайся почитать тогѣ, что ихъ прождутъ прождутъ вѣснвыи живи и умерь съ гонѣду!».

Несчастная «приметь гнатьи за внятыи варивли «бѣти весь «комфорческій» классъ, «который «любитъ «богатствомъ и роскошью очень не далеко отстаегъ отъ вельможъ. Женъ купцовъ особенно страдаютъ этою слабостью. Демоніи вудыи «преляютъ «свою «важность въ общество «чудномъ лошадей, и «выбираютъ «знакомство по «шляхъ лансеевъ. Это особенно замѣтно на дачахъ и въ деревники близъ Лондона, «которые въ «владѣицы «большое «частію «купицы. Кто «идеть въ «городъ въ «каретѣ, «запряженной «парою «лошадей, тотъ «уже «смотритъ «высока на «товарища, «лично «правящаго «одинокою «лошадью «своего «кабриолета. Этотъ «овиеть «бросаетъ «жакетъ «вонъ «на «купецъ, «сидящаго въ «омнибусѣ или «двухъ «коляскахъ, «а тотъ, «у «кого «три «линей «и «метръ «дѣтей, «неудостоиваетъ «своего «посѣщенія «человѣка, «у «котораго «двое «слугъ. «Джентльменъ «съ «двумя «лакеями «ни «за «что «не «пойдетъ «къ «человѣку, «у «котораго «только «одинъ, «и «этотъ «ни «за «что «не «захочетъ «быть «знакомъ «съ «домомъ, «гдѣ «приволука «состоитъ «въ «двухъ «линей «трехъ «слушалокъ.

LH

ЛАУРА БАССЕ-ВЕРАТИ, ЗНАМЕНИТАЯ ПОЛОНСКАЯ УЧЕНАЯ. Теперь свѣтъ уже не производитъ такія женщины какъ Осона, Вероника Гамбара, Колонна, мадамъ Дюсиѣ или Лаура Басси-Верати, несмотря что свѣтъ, какъ уваряютъ, удивительно совершенствуется. Единственною представительницею исчезнуваемаго племени славныхъ ученыхъ женщинъ монеть «наваться «нынче «мистрисъ «Соммервилль. Причиною тому, «вроитно, «изобретеніе «романа и «мемоаровъ: «эта «легкая «часть «литературы «поглощаетъ «почти «вои «женскія «дарованія, «не «дѣлая «женщинъ «лучшими; «напротивъ, «сочиненіе «романовъ «необходимо «разрабатываетъ «ихъ «воображеніе, «а «записки, «это — «последнее «упражненіе «ихъ «въ «кокетствѣ «и «притворствѣ. «Притомъ, «они «еще «пріобрѣтаютъ, «обыкновенно, «пороки «мужчинъ-«писателей, — «авторское «тщеславіе «и «самолюбіе, «которые «часто «дѣлаютъ «ихъ, «не «только «несносными, «но «и «смѣшными. «Прежде «женщины «съ «высшимъ «умомъ «и «дарованіемъ «посвящали «себя «важ-

диспуты; что и желавшая для себя право преподавать в гимназии этой науки. Но Лаура, предпочитая науку на свете естественную и удивительную жизнь, и более всего была была обвлекимая из философских, если сказать что-нибудь философское: ее обыкновенными в своем роде, отвечала: «Я предпочитаю научить, чтобы найти в них средства давать добро и слышать примеры, достойные подражания; я знаю, что сила — сила души и сердца; что она, очень часто, не доставляет, кто наиболее ее жаждет. Я не успешна, и не хочу неизвестности; вовсе не желаю возбуждать против себя завистников, которые всегда готовы поносить достойных людей. Откажитесь меня считать в неизвестности моих любимых наук; я буду считать себя счастливою, если передо мной доставлю утешение своим родителям и заслужу благорасположение добрых людей.» Напрасно желала она жить в неизвестности, напрасно старалась скрыть свои гениальные способности: она родилась была сильная волею собственной воли; она склонилась на просьбы друзей, и 17 апреля 1732 года, получила первый опыт своих знаний. Она отвечала на самые трудные философские вопросы, заданные ей пятью учеными профессорами Болонского университета. Лучшее болонское общество собралось ее слушать. Высокие способности и энергия доброты Лауры обратили на себя общее внимание. В доказательство уважения к ее достоинствам, ей торжественно вручили диплом на звание доктора философии. В сопровождении графини Марии Бергонци, Раунии и маркизы Елизаветы Эрколини Рауни; и других дам, знатнейших или высоким происхождением или образованностью, Лаура Басси предстала перед докторов философского факультета, собравшихся в одной из зал парижских. Здесь, одетая в докторскую мантию, подбитую дорожным мехом, увенчанная серебряною короною, Лаура в сильной форме изъявила свою важную благодарность тем, которые удостоили ее такой высокой честью. Вечером посланники двора весь город торжествовали это событие, которое доставило Лауре знаменитость, дала столько чести ее отечеству.

До самой смерти своей Лаура пользовалась всеобщим

узнавалися. Если въ Болонью прѣзжали какіе-нибудь знаменитые путешественники, ихъ тотчасъ водили къ Лаурѣ, какъ представительницѣ гонимой Италіи. Люди, знавшіе своею ученостію или другими достоинствами, искали ея дружбы. Даже иностранцы, которые такъ скуны на похвалы соотечественникамъ Лауры, съ восторгомъ превозносили ея ученость и добрыя качества. Несмотря на свою знаменитость, она была чрезвычайно привѣтлива, скромна и снисходительна, и вѣстчески старалась не выставлятъ на видъ своихъ блестящихъ дарованій. На двадцать-первомъ году ея жизни, болонскій сенатъ, поручилъ ей преподаваніе философіи въ университетъ, и она доказала, что имѣла полное право занимать эту почетную должность. Ея дѣятельность, глубокомысленность ея сужденій, быстрота ума, ясность, съ какою она излагала свои мнѣнія о самыхъ трудныхъ предметахъ, вскорѣ поставили ее наравнѣ съ знаменитѣйшими профессорами того времени. Изъ отдаленныхъ мѣстъ толпы людей приходили слушать ея лекціи и, возвратясь домой, наперерывъ превозносили доброту сердца и величіе ума ученой уроженки Болоньи.

Въ это время, римскою Церковью правилъ папа Бенедиктъ XIV, основавшій въ Болоньи академію, известную подъ именемъ Бенедиктинской. Лаура была назначена въ число академиковъ. Каждая рѣчь этой необыкновенной женщины возбуждала въ слушателяхъ удивленіе смѣшанное съ очарованіемъ. Она составила драгоценную коллекцію физическихъ инструментовъ, и находила большое удовольствіе дѣлать опыты и наблюдать явленія природы.

Искатели истины, настоящіе философы, обыкновенно считаютъ словесность только пріятнымъ препровожденіемъ времени: Лаура думала иначе. Она находила, что для ученаго, словесность, не только полезна, но даже необходима. Мнѣжь самому дѣлать, если бѣ она не занималась словесностью; то никогда не была бы въ состояніи такъ краснорѣчиво излагать свои теоріи. Къ чему можетъ послужить человеку высшей умъ и плодотворное воображеніе, если ему незнакомо искусство выражать свои мысли съ пріятностію и достоинствомъ, если онъ не умѣетъ сдѣлать изъ трудной науки пріятнаго и легкаго занятія? А это искусство дается

только титлы, да онъ съ добротой научилъ и другихъ провинціальныхъ людей латыни и ораторствъ.
 Изъ писемъ Лауры къ друзьямъ и другимъ знаменитымъ лицамъ того времени, видно видно, какъ много она заботилась о чистотѣ своего слогоу, и какъ испускала изъ себя слова, благородныя и возвышенныя душой. Она занималась также и стихотворствомъ и основательно изучила греческій языкъ. Давъ диссертацию о некоторыхъ словахъ изъ драмъ и механики, номинирована въ академію Болонской академіи, достигая въ семидесять летъ въ старости. Безъ сомнѣнія польза не мала, что Лаура такъ мало заботилась объ изданіи въ свѣтъ своихъ наблюдений по причине этого была, частью, ея скромность, частью непрерывныя заботы о семействѣ. И въ самомъ дѣлѣ, вышедши замужъ за доктора Ласина Верати, она съ тихостью исполняла обязанности добродетельной жены, доброй матери, благодаразумной и расчетливой хозяйки. У ней было два мальчика, которыхъ она воспитывала сама. Материнская забота Лауры была вполне вознаграждена: мужъ и дѣти любили и уважали ее. Въ старости, несмотря на слабость здоровья, она ничего не изменила въ образѣ своихъ занятій: бездѣйствіе душевное и телесное Лаура сравнивала съ преждевременною смертію, и потому занималась друзьями до послѣдней своей минуты. Вечеромъ, наканунѣ того дня, который былъ послѣднимъ въ ея жизни, она заснула въ Бенедиктинской Академіи, и выдержала долгой и дѣловой споръ: спустя несколько часовъ, жители Болоньи объявляли уже въ ней потерю лучшаго украшенія своего города. Лаура скончалась двадцатого февраля 1778 года.

Жители Болоньи, желая почтить ея память, съдѣлали ей должное похороны. Ея гробъ, облеченное докторскими титулами, было погребено въ церкви Сокрогіа Доміні. На камнѣ покрывшемъ ее бранныя останки, вырвана латинская надпись, которая напоминаетъ потомству о радостяхъ добродѣтели и обширныхъ воздаяніяхъ Лауры! Вскорѣ послѣ ея смерти, болонскія дамы, въ ознаменованіе уваженія своего къ памяти знаменитой соотечественницы, соорудили ей въ одной изъ галерей академіи, на собственныя деньги, памятникъ.
 Наружность Лауры была исполнена красоты и ласкы:

Вышла изъ нея была видна вся быстрота ума и живость воображенія. Вышла изъ нея вся и пріятность выраженія лица и бларишность словъ важности души. Она вѣсегда юмраная: пренрава, шутокъ, твердую и ласкую, слезы и улыбку и доброе состраданіе въ ея лице. Какъ Фортуна не надѣляла ея богатствомъ, однакожь Лауре провела жизнь свою, ни въ чемъ не нуждаясь, въ чистотѣ и радости. Уваженіе родственниковъ, дружеская привязанность нескольких испытанныхъ друзей, лаская любовь дѣтей: были для Лауры неизсякаемыми источниками наслажденія. Имѣла она и понятія о Божьей Лауре строго и помысла правила радуги, и любовь къ ближнему считала думнымъ ея проявленіемъ.

Пѣсня Генриха Изака. Когда Генрихъ Изакъ, знаменитый композиторъ шестнадцатаго столѣтія, принужденъ былъ оставить Инсбрукъ и удалиться въ Мюнхенъ, на прощанье съ любимымъ городомъ написалъ онъ трогательную пѣсню (Lied), «Оставаю тебя, Инсбрукъ, оставляю навсегда!» Очаровательные звуки этой пѣсни превосходно выражали глубокую, неподдѣльную грусть артиста, и услыхъ маленькаго музыкальнаго произведенія были нешколярный. Во всей Германіи поютъ пѣсню Изака, и на голосъ ея сочинены были даже многія духовныя мелодіи. И теперь, по прошествіи трехъ сотъ лѣтъ со времени смерти музыканта, не найдете въ Германіи ни одной деревеньки, гдѣ бы не слышали пѣсни Изака: ее поютъ старики, поютъ любовники, даже дѣти, и въ немаломъ благоговѣніи передъ могуществомъ дивнаго созданія.

Въ прошломъ столѣтіи эта пѣсня играла весьма важную роль въ судьбѣ двухъ молодыхъ артистовъ, воспитанниковъ знаменитаго Гайма. Сцена происходила въ Зальцбургѣ, гдѣ въ то время, между прочимъ музыкантами, особенно славилась органиста Муффа, Гоферъ, Замберъ и Гайднъ. Герои слѣдующаго разсказа назывались Рудольфъ и Германнъ.

Германнъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ природа какъ будто вовсе не дала ни какого назначенія. Душа Германна была складочнымъ мѣстомъ всякъ добродѣтелей и всякъ возможныхъ пороковъ. Онъ лишился отца еще въ

кодыбели, и быть воспитанъ слабою матерью. До двадцатого году, Германъ не встрѣчалъ ни малѣйшаго препятствія своимъ желаніямъ. Пылкій, упрямый, восторженный, онъ, казалось, не зналъ другой цѣли кроме удовольствія своихъ минутныхъ прихотей, и въ двадцать лѣтъ отроду всё-еще былъ неспособенъ, избалованнымъ ребенкомъ. Впрочемъ ничего рѣшительнаго нельзя было сказать объ его характерѣ; все еще зависало отъ обстоятельствъ, такъ, что Германъ, отъ ихъ вліянія, могъ сдѣлаться или влѣдцемъ или самымъ добродѣтельнымъ человекомъ.

Совсемъ не такимъ былъ другъ Германа, Рудольфъ. Кроткій, скромный, воздержный, но не хуже Германа знакомый съ музыкою, Рудольфъ съ перваго разу не производилъ большаго эффекта; зато усвѣхъ его былъ такъ проченъ, что онъ не вынуждалъ символично удивленія слушателей. Всегда постоянный и снисходительный, Рудольфъ могъ сдѣлаться превосходнымъ другомъ, и въ этомъ отношеніи былъ онъ для Германа драгоценной находкой. Все честолюбіе Рудольфа ограничивалось наслажденіями семейной жизни, и если, порой, выходилъ онъ изъ этого круга и являлся на поприщѣ артиста, тотчасъ было видно, что дѣлаетъ это изъ благородной любви къ искусству, ни сколько не изъ гордаго желанія стать выше своихъ соперниковъ.

Молодые люди, вовсе не похожіе одинъ на другаго, были однако жъ искренними друзьями, и дружба ихъ основывалась единственно на любви къ искусству. Оба они, какъ мы скажемъ, были учениками Гайдна, не Йосифа Гайдна, знаменитаго автора «симфоній» и «Міроданія», а Михала Гайдна, превосходнаго органиста, известнаго по многимъ церковнымъ сочиненіямъ; и умершаго въ Зальцбургѣ. Германъ и Рудольфъ дѣлали весьма быстрые успѣхи, и знатоки предсказывали молодымъ друзьямъ блистательную будущность. Но уже съ первыхъ уроковъ знаменитаго учителя, друзья получали въ искусствѣ совершенно различное направленіе, въ которомъ выразился характеръ каждаго изъ нихъ. Важны, возвышенны и сладки были гармоническія вдохновенія Рудольфа; бурны, странныя, безпорядочны вдохновенія Германа. Рудольфова музыка очаровывала душу и погружала ее въ небесный вос-

терть; игра Германна ужасомъ ледянила сердца слушателей и заставляла ихъ тремтять при этихъ звукахъ, выходящихъ какъ-будто изъ ада.

Добрый Гайднъ, одобряя Рудольфа ласковой улыбкой, обыкновенно говорилъ его другу :

— У тебя славный талантъ, Герминнъ, и, со-временешъ, ты будешь отличнымъ органистомъ; но я не знаю, мой другъ, удобна ли твоя церковная музыка небесамъ, и очень опасюсь, какъ-бы тебя не съѣла тамъ дурнаго приему.

Гайднъ при этихъ словахъ указывалъ на небо.

Ревность, убивающая дружбу между соперниками въ искусствѣ, не могла овладѣть сердцами молодыхъ виртуозовъ : оба они на одномъ и томъ же поприщѣ проложили себѣ совершенно различныя дороги, и каждый имѣлъ право добиваться пераго мѣста, не опасаясь оскорбить своего друга, потому что между ними вовсе нельзя было дѣлать сравненій. Часто друзья играли въ одношь и томъ же концертѣ, и никогда не спорили между собой, кто долженъ начинать или оканчивать игру. Такимъ образомъ ничто не нарушало братской любви молодыхъ артистовъ.

Но если въ искусствѣ можно выбрать двѣ противоположныя дороги, ежели соперники этого роду могутъ идти къ совершенству не сталкивая одинъ другаго, зато никогда не сдѣлаютъ того соперники въ любви. Сердца женщины нельзя дѣлать, и, чтобы овладѣть имъ, необходимо идти такимъ путемъ, на которомъ нѣтъ мѣста для двоихъ. Любовь была подводнымъ камнемъ, о который въ дребезги разбилась дружба Германна и Рудольфа.

Однажды, вечеромъ, въ домъ маіора Вильгельма С... былъ небольшой музыкальный праздникъ, данный дочерью маіора по совету матери. Съ очаровательной красотой Юлія соединяла чувствительное сердце и образованный умъ. У нея была рѣдкій музыкальный талантъ, и въ этотъ вечеръ мать въ первый разъ рѣшилась показать свату дочь, испытывая при этомъ случаѣ то смѣшанное чувство гордости и безпокойства, которое извѣстно только артистамъ, когда они представляютъ публикѣ своихъ воспитанниковъ. Рудольфъ и Германнъ съ удовольствіемъ приняли приглашеніе на этотъ вечеръ : они уже давно слышали о способ-

ности Юлии и истерично жали, уверяясь въ справедливости громкихъ похвалъ, воздаваемыхъ ей; артистка даже врагами ея отца.

Неумеренныя похвалы, расточаемыя зацѣтѣ, весьма часто сопровождаются совершеннымъ разочарованіемъ. На этотъ разъ, однакожь, вышло напротивъ. Кроука и спесиводительная Юлія со всеми говорили о музыкѣ, со всеми садилась за клавикорды, играла непринужденно, безъ жеманства, и скромно принимала изъявленія общаго восторгу слушателей. Все были въ восхищеніи отъ прекрасной дѣвушки, но ни на кого молодая артистка не сдѣлала такого сильнаго впечатлѣнія какъ на Рудольфа и Германа.

Дошла очередь до Рудольфа съестъ съ Юліей за клавикорды. Врядъ-ли когда встречались два художническихія сердца, настроенныя такъ совершенно на одинъ ладъ: та же пріятность въ экспрессіи; та же возвышенность блистательнаго и снѣлаго воображенія. Съ самой прелюдіи молодые люди поняли другъ друга, и тотчасъ слились мыслями и, быстро унеслись въ высокую область творческаго искусства. Не пальцы, а души ихъ, вихляли по клавишамъ, и удивительнымъ образомъ казалось, будто они слышатъ даже духомъ. Уже давно артисты кончили игру, а собраніе все-еще слушало: это торжественное молчаніе было, конечно, пресловутыя самѣхъ громкихъ рукоплесканій, которая досьналась со всехъ сторонъ, лишь только изумленные слушатели успѣли прийти въ себя.

Послѣ Рудольфа, къ клавикордамъ сѣлъ Германъ. Въ его жилахъ уже кипѣлъ разрушительный ладъ ревности. Обильный везанія, дощель неизвѣстнымъ чувствомъ, Германъ ясно видѣлъ зарю любви, горившую въ глазахъ Рудольфа и Юліи, и это открытіе нанесло смертельный ударъ гордой его душѣ.

Но вотъ онъ замѣлъ такоеже положеніе какъ и Рудольфъ: авось онъ удержитъ равенство за собою, авось убѣдетъ, уничтожитъ своего соперника! Огонь, возжравшій тревожную душу, быстро перешелъ въ вальцы; раздались оглушительные звуки: слушатели пришли въ восторгъ; сердце Юліи сохранило убійственное спокойствіе. Германъ удивляется услія, съ новымъ жаромъ принимается за игру:

люди восторгъ со стороны слушателей; но ни искусы, ни чувства въ душѣ Юліи!

Игра кончилась. Възыгненный Германъ чуть не разбилъ клавинофордовъ, и готовъ былъ отправить къ чорту восторженныхъ слушателей. Какъ бы радъ былъ онъ въ эту минуту, если бы печально обрушился домъ маіора и задвинулъ это веселое собраніе вмѣстѣ съ Юліей, за которую, впрочемъ, не пожалеть бы онъ тысячи жизней!

Между-тѣмъ Рудольфъ коротко познакомился съ маіоромъ и часто сталъ навѣщать его домъ. Однажды онъ сказалъ:

— Я люблю вашу дочь, маіоръ: музыка — единственное мое богатство, но ея достанетъ для двухъ сердецъ; счастливыхъ взаимностью.

Маіоръ спросилъ Юлію.

— Я люблю Рудольфа, отвѣчала Юлія: благословите насъ, батюшка.

Старикъ крѣпко сжалъ руку молодого человека и сказалъ:

— Черезъ четыре мѣсяца органистъ церкви Святаго Себастьяна выйдетъ въ отставку: займи его должность, а Юлія — твоя.

Между-тѣмъ Германъ прервалъ вся сношенія съ Рудольфомъ, и ни разу не заходилъ къ Гайдну. Со времени рокового вѣтера, воспоминаніе о торжествѣ совершила ослѣпительный брѣзвеніемъ ледъ на его душѣ и ни на минуту не давало ему покою.

Зато тѣмъ усерднѣе посещалъ Гайднъ счастливымъ Рудольфомъ, и добрый учитель никакъ не могъ растолковать себѣ его необъяснимо быстрыхъ успѣховъ. Онъ не зналъ, что любовь — самый лучший учитель въ мірѣ.

Прошло несколько мѣсяцевъ. Страсть и отчаяніе Германна дошли до высочайшей степени. Впалые, безжизненные глаза, сухое, желтое лицо; дѣлали его совершенно похожимъ на явившіеся. Видя его въ такомъ состояніи, не возможно было подумать, что этотъ живой жертвецъ еще такъ недавно цвѣлъ красотой и мужествомъ и подавалъ блестящія надежды въ будущемъ.

Однажды, вечеромъ, Германъ печально пришелъ къ Гайдну.

— Гдѣ Рудольфъ? спросилъ онъ грубымъ голосомъ.

— Другъ твой тамъ, гдѣ тебя никогда видно не бывало, блудный сынъ, отвѣчалъ добрый учитель, съ ужасомъ смотря на морщины, избородившія лицо любимаго ученика. — Отчего тебя такъ давно невидать, Германнъ? продолжалъ старикъ разстроганнымъ голосомъ : какъ ты перемялся, мой другъ!

— Рудольфъ, я думаю, не перемянулся : онъ счастливъ.

— Почему же я тебя не быть счастливымъ? Что мѣшаетъ тебѣ утѣшить мою старость? Вотъ, другъ твой работаетъ, и у него все идетъ какъ по маслу : завтра онъ будетъ организмомъ, а черезъ недѣлю женится на маіорской дочери.

Щеки Германна вдругъ покрылись яркою краской.

Добрый знакъ, подумалъ старикъ.

— Гдѣ Рудольфъ? спросилъ опять молодой человекъ. Мнѣ тотчасъ надобно его видѣть.

— Ты найдешь его, сынъ мой, въ церкви Святаго Себастьяна : другъ твой репетируетъ тамъ пробную миссу. Да обратитъ тебя его примаръ на истинный путь!

Дикая радость засверкала въ глазахъ Германна. Не слушая послѣднихъ словъ старика, который отъ души радовался обращенію блуднаго сына, онъ охромѣвъ обратился къ дверямъ и изъ всѣхъ силъ побѣжалъ въ церковь.

— Была ночь. Въ церкви святаго Себастьяна царствовали мракъ и молчаніе. Вдали только отражался бледный свѣтъ лампы, повышенной посреди хоровъ. Въ отдаленномъ углу храма, прислонившись къ колоннѣ, стоялъ человекъ, закутанный въ плащъ : то былъ Германнъ, съ кинжаломъ въ рукѣ. Онъ выжидалъ того мгновенія, когда Рудольфъ, окончивъ миссу, будетъ выходить изъ церкви.

Раздались величественные аккорды «Gloria in excelsis». Никогда еще гений Рудольфа ни достигалъ такой высоты, никогда его исполненіе не было такъ увлекательно : тутъ было соединеніе юношеской силы съ дѣвственнымъ чувствомъ, съ тихими радостями, упоеніемъ счастливой любви. Невольный трепетъ пробѣжалъ по членамъ Германна; холодный потъ облилъ все тѣло; ужасъ оледѣнилъ душу: въ эту минуту Германнъ былъ истиннымъ подобіемъ падшаго духа, принужденнаго слушать славословное пѣніе ангеловъ. Онъ уже готовился бросить орудіе смерти, но это было

и неожиданною рыскаестью, и Германнъ судорожно ухватился за рукоятъ кинжала. Съ испугу продолжалось молчаніе послѣ послѣднихъ звуковъ торжественной пѣсни.

Снова раздалась музыка; своды храма огласились тихими, жалобными и меланхолическими звуками. Германнъ задрожалъ: при этой новой мелодіи въ его душѣ съ быстротою молніи пробѣжало какое-то воспоминаніе, и вдругъ горькія слезы градомъ полили изъ его глазъ.

Однажды Рудольфъ и Германнъ вмѣстѣ играли пѣсню Изака, «Оставляю тебя, Ииспрукъ!» Увлеченные непреодолимымъ очарованіемъ этой жалобной музыки, они бросились другъ къ другу въ объятія и клятвенно заключили союзъ дружбы на жизнь и смерть.

Эту самую пѣсню Рудольфъ игралъ и теперь, и Германнъ слушалъ его съ возрастающимъ волненіемъ. Органистъ еще не кончилъ трогательной мелодіи, а уже въ душѣ Германна совершилось чудное перерожденіе; это уже не тотъ челоуѣкъ, который собирался злодѣйски умертвить своего друга; онъ плачетъ, и слезы умиленія освѣжаютъ пылающія щеки юноши; его грудь дышетъ свободнѣе; на душѣ становится легче, легче и... и Германнъ машинально бросаетъ орудіе смерти, назначенное для ненавистнаго соперника.

Увлеченный вдохновеніемъ, Рудольфъ готовъ былъ играть всю ночь, какъ вдругъ въ сводахъ храма раздался знакомый ему голосъ: «Прощай, Рудольфъ! Прощай, будь счастливъ!»

Рудольфъ неслышимо сошелъ съ дерева и напрасно искалъ своего друга; напрасно искалъ его между колоннами и по верхамъ, угламъ, въ церкви не было никого. Музыка какъ уже думалъ, что ему почудилось, что голосъ имъ слышанный, былъ одна игра воображенія, какъ вдругъ, выходя изъ церкви, при блѣдномъ свѣтѣ лампы онъ что-то приметилъ подлѣ колонны: то былъ кинжалъ, брошенный Германномъ.

На другой день счастливый Рудольфъ съланъ органистомъ; черезъ недѣлю онъ и Юлія явились въ церкви святаго Савастіана, а черезъ нѣсколько днѣй въ Исаіи жре-

славится нѣмецкій артистъ, котораго называли такъ «il divino maestro». Онъ не могъ безъ слезъ говорить о Ивановой пѣ снѣ.

МАРСЕЛЬСКИЙ ОХОТНИКЪ. Въ Марсели издревле ведется преданіе, будто въ извѣстное время года мимо города и его окрестностей бываетъ лѣтъ двѣхъ голубей. А должно замѣтить, что Марсельцы, изъ всѣхъ древнихъ своихъ правъ и преимуществъ, сохранили одно только право носить при себѣ ружье, и оттого-то всякой Марселецъ охотникъ. Въ сѣверныхъ земляхъ, гдѣ народъ болѣе дѣлатель, охотникъ во всякое время гонится за дичью, и ему мало гóря до труда, лишь бы по-плотнѣе набить свой ягташъ. На югъ не такъ; тамъ, въ странѣ нѣги и лѣни, охотникъ не ищетъ а выжидаетъ птицъ, какъ-будто онъ самъ должны подлетать ему подъ руку. Да и почему жъ! развѣ человекъ не господинъ вселенной? И на этомъ-то правѣ господства основываютъ Марсельцы преданіе о небываломъ у нихъ перелѣтѣ голубей. Въ Марсели каждый охотникъ, съ позволенія доложить, сколько-нибудь мономанъ, и, вслѣдствіе того, у всякаго изъ нихъ свой шалашъ.

Пояснимъ, что такое шалашъ. Это не что иное какъ небольшая землянка, прикрытая хворостомъ и сухими листьями. Съ обѣихъ сторонъ такого шалаша бываютъ обыкновенно двѣ или три сосны, къ верхушкамъ которыхъ прикрѣпляются длинныя жерди; двѣ изъ нихъ кладутся горизонтально, а третья поперекъ: это называется «присадка». Въ каждое воскресенье Марселецъ-охотникъ еще до свѣту идетъ въ свой шалашъ, усаживается въ него по самую шею, такъ, что одна только его голова; покрытая картузомъ надъ цвѣтъ сухихъ листьевъ, выставляется изъ-за хворосту, и въ такомъ положеніи сидитъ себѣ очень терпѣливо, и дожидается.

Но, вы быть-можетъ спросите, чего жъ онъ дожидается? Обыкновенно чернаго или сѣраго дрозда, овсянки, рѣсала и разныхъ, тому подобныхъ, птицъ: самолюбіе его никогда не мѣтитъ на перепѣлку, а что касается до куропатки, то для него куропатка, просто, фениксъ; онъ вѣритъ, что такая удивительная птица не часто вознаграждается изъ своего

пешлу, и то развѣ въ значеніе какого-нибудь важнаго событія. О зайцѣ ничего и говорить: Марсалецъ считаетъ зайца животнымъ баснословнымъ, члѣнъ-то въ родѣ единорога.

Но какъ ни дрозды, ни овсянки, ни репола, не садятся безъ особенныхъ причинъ на сосны, на которыя ихъ приглашаютъ, то догадливые охотники берутъ такую предосторожность: сначала покупаютъ на биржѣ по одной штуцѣ каждой изъ этихъ птицъ, а, посадивъ въ клѣтки, подвешиваютъ ихъ на нижнія вѣтви деревьевъ, откуда бѣдныя затворники, порекликиваясь, принаиваютъ на присадку свою свободную братью. Охотникъ того-то и дожидается: прицѣлился, прищурился, хлопъ.... убилъ, или промахъ. Чаше, почти всегда, промахъ. Марсалецъ дастера страдать!

Вотъ выкладка Жери :

Марсалецъ-охотникъ приходитъ въ свой шаламъ однажды въ каждую недѣлю. Изъ осьми недѣль въ одну случается такъ, что на его присадку слѣдетъ птица. Изъ осьми птицъ одна будетъ убита. Изъ этого выходитъ, что, если поставить въ цѣну покунку земли подъ шаламъ, а расколъ на его содержаніе, покунку ружья, дробя, пороку и штуцѣ на приманку, то каждая убитая такимъ образомъ птичка обходится охотнику отъ пяти до шести сотъ франковъ. Но зато, въ тотъ день когда охотнику удастся застрѣлить птицу, въ тотъ достопамятный день онъ великъ передъ лицомъ своей семьи какъ Нимвродъ передъ лицомъ потомства.

Въ предполагаемое время лѣту дикихъ голубей дѣло дѣлается еще занимательнѣе. Охотникъ беретъ ручнаго голубя, привязываетъ его къ вершинѣ присадки сукромъ, не довольно длиннымъ чтобы несчастная птица могла опуститься до вѣтвей дерева, и такимъ образомъ заставляетъ ее или пописнуть или безпрестанно летать: разумѣется, что бѣдный голубь не хочетъ висѣть подъ роднымъ открытымъ небомъ какъ въ какой-нибудь коптильнѣ, и рѣшается безъ отдыха действовать крыльями, и все это затѣмъ чтобы приманивать къ шалашу дикихъ голубей на перелетъ ихъ изъ Африки въ Камчатку. А между-тѣмъ сами господа охотники откровенно признаются, что, современъ Фокельнъ, основателей Марсели, они не видали еще ни одного перелетнаго голу-

было что, однако жъ ни сколько не маюшь имъ утверждать, будто голуби всѣ тамъ переделяють, и проводятъ въ шалаши иногда по дню до воскресному дню, отъ раннаго утра до поздняго вечера.

И проситъ Мери познакомить меня съ однимъ изъ такихъ отчаянныхъ охотниковъ: этотъ классъ людей мнѣ казался особенно любопытнымъ. Мери обещала при первомъ же случае исполнить мое желаніе, а случай этотъ представился скоро.

Разъ мы условились съ Мери сойтись въ театръ, а по окончаніи спектакля идти вмѣстѣ ужинать къ Сибилло. Когда въ назначенный часъ, я вошелъ въ партеръ, то уже засталъ тамъ Колена, Мери, и человекъ двухъ трехъ другихъ знакомцевъ. Первымъ моимъ дѣломъ было спросить Мери, нашелъ ли онъ обещаннаго охотника. — «Нашелъ, отвѣчалъ тотъ: да еще и какого!» — Онъ будетъ? — «О, непременно! я рассказалъ ему, что ты охотился за львами въ Африкѣ и за тиграми въ Азій.» — А гдѣ жъ онъ? — «Вонъ въ оркестрѣ.» — Третій басъ? — Нѣтъ четвертый: видите? — Вижу... странно! — «Что? небось не похожъ на охотника?» — Ни крошечки. — «Подожди, увидишь!»

И въ ожиданіи я занялся сценою. Марсельскій театръ ни хуже ни лучше другихъ: комедии играютъ на немъ не много лучше чѣмъ въ Турѣ, оперы похуже чѣмъ въ Лионѣ, мелодрамы почти какъ на парижскомъ театрѣ Folies Dramatiques, а водевили какъ вездѣ.

Въ этотъ вечеръ театръ былъ до полнаго, небольшая путешествующая италіанская группа завернула изъ Ниццы, въ Марсель, пропѣть арію Россини, а надобно знать, что Марсельцы, потому что говорятъ прованскимъ нарѣчіемъ, вообразили, будто они больше знатоки въ италіанской музыкѣ.

По окончаніи оперы, Мери сдѣлала условный знакъ четвертому басу, что мы ожидаемъ его у Сибилло, а тотъ отвѣчалъ также знакомъ, что тотчасъ явится.

Дѣйствительно, едва мы вошли къ Сибилло, какъ вслѣдъ за нами вошелъ и мосьё Луэ, охотникъ. Мери познакомилъ его со мной и съ нашими товарищами, и мы сѣли за столъ. Впродолженіи ужина говорили безпрестанно; одинъ только мосьё Луэ не вымолвилъ ни слова: ему было некогда:

онъ кушалъ съ необыкновенными аппетитомъ, и по временамъ пыхталъ какъ паровая машина! Такое удивительное поведение не нравилось, и мы уже начинали приходить въ отчаяніе, какъ вдругъ, за десертомъ, мосьё Луэ вынулъ изъ что-то въ родѣ восклицанія, которое значило, «Ну, славно же я поужиналъ!» Мерн воспользовался этимъ обстоятельствомъ чтобы поддчивать охотника сигарой, и велѣлъ подать пушину.

— Покорно благодарю, сказалъ Луэ: я никогда не курю, а вотъ пушину, такъ пожалуйста, если позволите.

— Сдѣлайте милость! отвѣчалъ Мерн. А между-тѣмъ, если ужъ не хотите курить, расскажите же господамъ, какъ вы охотились за свиристелемъ.

— Что такое свиристель? спросилъ я.

— Какъ? вы не знаете что такое свиристель? спросилъ Мерн. — Мосьё Луэ, представьте! онъ не знаетъ, что такое свиристель! А еще хвастаетъ, что охотникъ!

— Это, сударь мой, птица, съ важностью проговорилъ Луэ, обращаясь къ мнѣ: нѣчто въ родѣ дрозда; очень вкусное жаркое.

— Расскажите же намъ, мосьё Луэ, какъ вы охотились за свиристелемъ, сказалъ Мерн: а вы, господа, слушайте съ величайшимъ вниманіемъ, потому что, со временъ Нимрода, ни кому не случалось такъ охотиться; какъ охотился за свиристелемъ почтеннѣйшій мосьё Луэ.

Четвертый басъ поклонился и началъ:

— Вы знаете, господа, то есть, я думаю вы знаете, что каждый Марселецъ рождается охотникомъ.

— Знаемъ, отвѣчалъ Мерн, знаемъ и не можемъ удивиться такой физиологической особенності.

— Къ несчастію, а можетъ быть и къ счастью, продолжалъ Луэ, въ нашей сторонѣ не водятся ни тигры иль львы; зато бываетъ лѣтъ голубей. — Да почему жъ ему и не быть? прибавилъ онъ, замявъ мою улыбку: зазываютъ же въ Марсель чужіе корабли: такъ отчего жъ не залетать чужимъ голубямъ?... Не помню теперь хорошенько, а было это въ 1810 или 1811 году; въ ту пору мнѣ было тридцати пять лѣтъ отъ роду: стало, и былъ на ногу по-легче генеральскаго. Вотъ, по обыкновенію, въ одно утро, всталъ я въ

шалашище еще до свѣту, привязавъ голуба къ присадкѣ, гляжу и жду. Вдругъ, при блѣдномъ свѣтѣ звезда, мнѣ показалась какъ-будто что-то село на мою сосну; но-быду еще было довольно темно, и я немогъ хорошенько рассмотреть, что именно сидитъ на деревѣ, летучая ли мышь или птица. Я не шелохнулся, взявъ свои шары и сталъ дожидаться, пока пройдетъ солнце. Чуть оно показалось, я и увидалъ, что это птица; взявъ осторожно ружье, прицѣлился, вотъ такимъ образомъ... спускаю курокъ... ахъ ты, Боже мой! ружье-то было заряжено еще съ вечера; пороховъ поостырѣлъ... даю испънику, и ужъ потомъ выстрѣлило. Ну, что жъ? думаю, нужды нѣтъ! по полету видно, что птица все-таки досталась... и я провѣшалъ ее глазами до перваго кустарника, въ который она опустилась. Потомъ, глядя на присадку — странное дѣло! — голубь-то оборвался и улетѣлъ!... Я понялъ, что безъ него сидѣть въ шалашищѣ нечего, и рѣшился преслѣдовать моего свиристеля. Да! я-было и забылъ сказать, что птица была именно свиристель. Къ несчастію при мнѣ не было собаки, и пришлось самому гоняться за нимъ. Иду въ кусты... Порхъ! взлетѣлъ... бацъ! нырнулъсь перья... поднимаю одно и втыкаю себя въ петлю... Впрочемъ, известно, свиристели долговѣчны.... Въ этомъ, ужъ наварно, сидѣли двѣ дробинки, а улетѣлъ и опустился, этакъ, саженьхъ въ полутораоста. Я за нимъ; да шутъ догадался съ кѣмъ имѣетъ дѣло: не подпускаетъ ближе какъ сажень на пятьдесятъ на шестьдесятъ. Мнѣ чѣмъ за дѣло! я всё палю да палю, и, сказавъ правду, остервенился какъ тигръ: попался мнѣ тогда въ руки этотъ свиристель, я кажется, вотъ такъ бы и съѣлъ его живаго. Однако жъ, я и въ самой вещи проголодался. Хорошо еще, что взялъ съ собою изъ дому кой-чего съдобнаго: такъ закусилъ, понравился, и продолжалъ преслѣдовать птицу. Ужъ наша братья — горячія головы! какъ расходятся, такъ только держи.... Проклятый свиристель былъ точно замедованъ, какъ та птица, за которою гонялся принцъ Каремальзаманъ! За нимъ да за нимъ: непримѣтно забрелъ я въ пространную долину близъ Санъ-Сира; ноги мои подгибались, а онъ Богъ-знаетъ гдѣ притаялся. Между-тѣмъ наступили сумерки; приближалась ночь; въ отчаяніи, я вы-

стрелялъ послѣдній разъ на-удачу. Видно этотъ выстрѣлъ очинъ перенуралъ птицу: она взвилась, и я видѣлъ, какъ провинула приле по направленію къ деревнѣ Сенъ-Сиръ. Мнѣ нечего было и думать возвращаться въ Марсель: я рѣшил-ся переночевать въ Сенъ-Сиръ. Къ счастью, въ этотъ вечеръ не было представленія въ театрѣ.

Давешній завтракъ ни сколько не помышалъ мнѣ ужасно проголодаться къ вечеру, и въ Сенъ-Сиръ я пошелъ прямо въ гостиницу Чернаго Орла, гдѣ хозяинъ былъ мой старинный знакомый. Я спросилъ себя ужинать, и рассказавъ свое приключеніе. После минутнаго размышленія онъ отвѣчалъ: «Вашъ свирѣстель долженъ быть здѣсь, на пустоши, что вправо отъ большой дороги. Если хотите, возьмемъ завтра мою собаку, и непременно отыщемъ.»

Чего жъ лучше! прекрасно! И вотъ, на другой день, рѣзехонько утромъ, отправились мы вмѣстѣ съ хозяиномъ и съ его собакой. Чудо, что за собака! Едва едва подошли мы къ пустоши какъ она стала, словно вкопаная, словно приросла къ землѣ. Да! нечего сказать, Солиманъ былъ мастерски дрессированъ, и, кажется, цѣлый бы вѣкъ не тронулся съ мѣста, если бъ хозяинъ не закричалъ ему: «Циль! Циль!» При этихъ словахъ Солиманъ бросился, и спугнулъ моего свирѣстеля; я прыдился по немъ чрезвычайно удачно: теперь, думаю, ужъ не свернется!.. пафъ!.. мимо.

— Ну что, сосѣдъ! сказалъ мнѣ хозяинъ Чернаго Орла: если ты всегда будешь такъ стрѣлять по этой птицѣ, такъ, пожалуй, она еще заведетъ тебя въ Римъ.

— Въ Римъ? Такъ что жъ! Я и туда за ней отправлюсь: мнѣ давно хотѣлось побывать въ Римъ и взглянуть на папу. Кто жъ мнѣ запретитъ глядѣть на папу? не ты ли?..

Я былъ въ себя, и если бъ хозяинъ сталъ противорѣчить, я, кажется, пустилъ бы въ него изъ другаго ствола, потому что ружье-то мое было двуствольное. Но онъ себя на умъ!

— Ну, говорить, ступай куда хочешь: дай Богъ счастливо! Возьми, пожалуй, и мою собаку. На обратномъ пути, говорить, приведишь.

Разумется, что я охотно принялъ такое предложеніе,

простился съ хозяиномъ, и отправился съ Солиманомъ. Онъ тотчасъ опять отыскалъ свиристеля; а съ досады, выстрелилъ по немъ изъ обоихъ стволовъ вдругъ... пуфъ! пуфъ!... вообразите! опять мимо! Солиманъ взглянулъ на меня, какъ бы спрашивая: что жъ это такое?... потомъ подошелъ ко мнѣ, и сдѣлалъ невѣжество, такое невѣжество.... Ахъ, чортъ возьми! сдѣлай мнѣ такое оскорбленіе человекъ, а бы съ нимъ тотчасъ почитался на ножахъ: а съ собакой, ну, что прикажете дѣлать!... она же притомъ и убѣжала.

Однако жъ невѣжество Солимана до того меня раздражило, что съ этой минуты я совсѣмъ забылъ про Марсаль, пошелъ дальше дальше: и, какъ бы вы думали, куда зашелъ? Въ Леръ!... Я никогда не бывалъ въ этомъ городѣ, но тотчасъ узналъ его по апельсиннымъ садамъ. Мнѣ ужъ правда, давно хотѣлось отведать апельсиновъ прямо съ дерева, и я радовался, что наконецъ представляется удобный случай исполнить мое желаніе. Что касается до моего свиристеля.... чортъ бы съ нимъ!... я видѣлъ, какъ онъ пролетѣлъ въ одинъ изъ садовъ, да ужъ не пошелъ за нимъ, а отправился прямо въ гостиницу, закавалъ себя ужинъ, а между тѣмъ забрался въ садъ повать апельсиновъ. Едва успѣлъ я подвѣсть къ дереву, вдругъ слышу; пи, пи, пи, пѣіііі, пи... Что за дьявольщина! Смотрю по направленію Большой Медвѣдцы, и вижу, между моимъ глазомъ и Большой Медвѣдцей, высоко, на вѣткѣ лавроваго дерева, мой бестія свиристель сидитъ да попкиваетъ!....

Я къ ружью.... Каково несчастіе!.... оставилъ въ гостиницѣ!... Нечего дѣлать! думаю: дай, подожду; вѣдь ужъ, рано ли поздно ли, а всё кто-нибудь да придетъ сказать, что ужинъ готовъ; тогда попрошу принести ружье. Такъ и случилось: хозяинъ пришелъ наконецъ за мною. Я сдѣлалъ знакъ, чтобъ онъ говорилъ по-тише, и указывалъ на птицу.

— Ну, что жъ! это свиристель, сидѣлъ онъ.

— Тсъ.... Подайте, пожалуйста, мое ружье.

— Вы хотите стрѣлять свиристеля?

— Да.

— Поздно.

— Какъ, поздно?

— После вострень въ городъ спрягать запрещено! КТО выстралитъ, съ того три франка двенадцать сантимовъ штрафу, да на два дня въ тюрьму.

— Пусть! Я заплачу штрафъ и пойду въ тюрьму..... Подайте мое ружье.

— Какъ бы не такъ! Вадь в меня обвинять въ соучастнѣ. Лучше отложите до завтра.

— Какъ, до завтра? вскричалъ я: да завтра мнѣ ужъ сѣб не выйти!

— Все-равно; найдете другаго.

— Другаго! Не нужно другаго! мнѣ надобно этого! Такъ ты не знаешь, что за этимъ-то именно гонюсь я отъ самой Марсали, что его-то именно хочу добыть, чтобы оштрафать, чтобы съездъ, чтобы.... Подайте мое ружье.

— Нѣтъ, ужъ извините! я не хочу изъ-за васъ въ тюрьму. А завтра, честное слово, ударить къ заутрени; я, какъ тутъ, принесу вамъ ружье! если вы теперь издумаете идти съ нимъ сами, такъ я, право, спугну вашего свиристеля.

— Чортъ возьми!... такъ и быть, до завтра такъ до завтра.... Велите же подать мнѣ сюда поужинать; да если бы по-тише.... Ну, до заутрени!...

Отужинавъ, долго сидѣлъ я въ раздумь; наконецъ сонъ одолѣлъ меня, и я заснулъ. Во снѣ вижу, будто лавровое дерево, на которомъ сидитъ моя ивица; больше и больше уходитъ въ землю, такъ, что ужъ я рукою могу достать ее. Отъ такой радости я проснулся. Начинало свѣтать; свиристель пиликалъ, а я сидѣлъ какъ на иголкахъ въ ожиданн звону къ заутрени. Наконецъ колокола загудѣли, и трактирщикъ принесъ мнѣ ружье. Въ ту самую минуту какъ я готовился выстралить, необходимый свиристель перелетѣлъ мнѣ саду въ конопляникъ: бадняжка еще не завтракала, и желудокъ его, видно, забурлилъ. Я бросилъ козину деньги за ужинъ, востремилъ кинулся за моимъ крылатымъ блачепомъ.

Въ конопляникъ поймалъ-было меня оперень, (и хотѣлъ стащить къ судь; да я пулъ его ногой въ лавротъ) и убежалъ въ чистое поле, все не переставая лгать на своей добычей.

На этотъ разъ, господа, единаго не было: факрси; тѣмъ

принуждаютъ бѣгъ итаться кой-какими дикими излодами, а воду пить въ ручьяхъ. Тутъ, очутился я на берегу большой высохшей рѣки. Рѣка была Варъ : я и не приметилъ, какъ, пойдя за свиристелекъ, очутился за границей.

Ну, да ужъ зато сейчасъ подстрѣлю негодную птицу : вода чистое, ни дускочна, гдѣ бы ей можно спрятиться. Постой, голубушка!... такъ раздумывалъ я, продолжая идти, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, ястребъ, — и канц-карашъ моего свиристеля!... Я чуть не упалъ въ обморокъ.

Кое-какъ добрался я до ближайшаго города Нриды, и, остановившись въ гостиницѣ «Юркъ», спросилъ комнату и ужинъ на четверыхъ.

— Варно вы ожидаете товарищей? спросилъ мальчикъ.

— Дѣлай, что велятъ, отвѣчалъ я.

Мальчикъ вышелъ ; я сунулъ руку въ карманъ, чтобъ навести справку, много ли у меня денегъ, и будетъ ли чѣмъ расплатиться за ужинъ. Боже!... Представьте мое положеніе! карманъ разорвался, и въ немъ не осталось ни гроша.... Волосы стали у меня дыбомъ, когда вспомнилъ о закаранномъ ужинѣ на четыре особы. Звоню изо всей силы въ колокольчикъ.

Прибѣжалъ мальчикъ.

— Ты заказалъ ужинъ? спросилъ я.

— Заказалъ, сеньоре.

— Скажи жь, что не нужно.

— А ваши-то товарищи?

— Они закричали мнѣ въ окошко, что не голодны : а, вѣнчмаешь, если друзья мои не голодны, такъ и мнѣ есть не хочется.

Мальчикъ ушелъ. Однако жъ положеніе мое было самое неприятное. Плате изорвано въ клочки, денегъ ни гроша ; все богатство сосредѣлено въ рукавъ : но что за него думать? разве какую-нибудь бездѣлицу? Правда, бѣгъ у меня еще перстень съ коштеромъ ; но это подарокъ любимой особы, и съ нимъ я не хотѣлъ бы расстаться ни за что въ свѣтъ. Съ гѣры легъ я спать, и заснулъ бодратырскимъ сномъ ; рано, проснувшись, почувствовалъ непомерный голодъ. Сидя на кровати и повертывая пальцами съ права на чужой съ-чѣвъ на права, я сталъ раздумывать, какъ гуръ бѣгъ.

Другъ, въ углу комнаты я заметилъ виолончель и вскрикнулъ отъ радости.

Вы спросите, что же общего между виолончелью и голоднымъ человекомъ? разве то, что у обоихъ пусто внутри? Но даже въ томъ, что я таки порядочно играю на виолончели. Я схватилъ инструментъ въ свои объятія, какъ стариннаго знакомаго, и началъ играть. Вскоре вся трактирная прислуга сбѣжалась ко мнѣ. Положеніе мое проникло въ душу виолончели: я извлекалъ изъ нея раздразнившіе звуки, звуки грусти по отчужденію и страданій томимаго желудка: могу сказать, что звуки эти были действительно трогательны и выразительны! Къ тому жъ, вы знаете, до какой степени Италианцы любятъ музыку! Корридоръ былъ молонъ людьми: время отъ времени одобрительный шепотъ достигалъ до ушей моихъ; наконецъ, дверь комнаты отворилась, и хозяинъ дому вошелъ въ ту самую минуту, когда подъ моимъ смычкомъ замирали послѣдніе звуки. Я обернулся къ нему и, держа въ рукахъ инструментъ, чувствовалъ свое превосходство.

— Прощу извинить, синьоре, что вошелъ безъ доклада; но вы сами тому причиною.

— Помилуйте! отвѣчалъ я: вы хозяинъ дому.

— Вы, синьоре, знаменитый артистъ?... Что, если бъ вы вздумали дать здѣсь музыкальный вечеръ?...

Въ умъ моему тотчасъ блеснула свѣтлая мысль.

— Вечеръ.... сказагъ я презрительно: да разве вы думаете, что онъ мнѣ окунется?

— Почему же не такъ? Теперь слыкалось на зиму много Англичанъ. Въ одной моей гостинницѣ остановилось ихъ по-крайней-мѣрѣ человекъ пятнадцать. Если позволите, мы намечтаемъ афиши и раздадимъ билеты. Я вамъ ручаюсь за триста франковъ чистаго сбора.

— Три ста франковъ! вскричалъ я.

— Оно, конечно, бездѣлица; но вѣдь городъ нашъ не Парижъ и не Римъ.

— Ну, харейше! велите же подать мнѣ завтракъ, и, въ добрый часъ, печатайте афиши.

Хозяинъ, выходя изъ моей комнаты, вскричалъ: «Подать въ номеръ четвертый завтракъ перваго сорту» ..

— Я чуть не сошелъ съ ума отъ радости; обнявъ маленькую и сыгралъ сарабанду.

— Только-что я кончилъ; мальчики принесли завтракъ... Действительно, онъ былъ перваго сорту. Я сѣлъ за столъ съ неизъяснимымъ наслажденіемъ, потому что постился ровно двадцать осемь часовъ ерду. Я уже былъ кофее, когда хозяинъ опять вошелъ ко мнѣ:

— Довольны ли вы завтракомъ? спросилъ онъ.

— Чрезвычайно!

— Съ моей стороны все улажено; афиши разосланы, и теперь ужъ нельзя отказать.

— Я и не откажусь. Но, скажите, пожалуйста, какъ бы мнѣ возвратиться въ Марсель. Мнѣ хотѣлось бы отправиться завтра.

— А вотъ, въ гавани стоитъ очень хорошій бригъ, и именно завтра утромъ отплываетъ въ Тулонъ. Капитанъ брига мой старшій пріятель.

— Весьма кстати, я не брѣмалъ еще въ Тулонъ и раль взглянуть на него.

— Такъ пользуйтесь случаемъ.

— Но вотъ что!... я боюсь воды....

— Въ теперешнее время года по морю вздѣтъ такъ по маслу.

— А длиненъ ли перевздъ?

— Не болѣе какъ часовъ шесть.

— Бездѣлица! Вду на вашемъ бригѣ!

Концертъ начался и кончился въ назначенное время: изъ скромности не скажу вамъ ничего болѣе. Я получилъ исправно триста франковъ; и на другой день отплылъ на бригъ *Notre Dame des sept douleurs*, капитанъ Гарнѣ.

Отъ качки со мной сейчасъ случилась жестокая болѣзнь, и я, пролежавъ часа съ два въ своей каютѣ, начиналъ было оправляться, какъ вдругъ, слышу, на палубѣ суматоха, а вслѣдъ за тѣмъ и барабанный бой.

— Другъ мой, спросилъ я перваго попавшагося матроса, который несъ охапку сабель: зачѣмъ это барабаютъ?

— А зачѣмъ, видно, что Англичане близко, отвѣчалъ онъ прерывающе и не останавливаясь.

За этимъ матросомъ прешель другой съ цѣлою женщиной

ника, да за нима трупы от трудов камиръ. Все это заставило меня догадываться, что тут должно быть что-нибудь важное. Шумъ усиливался, а съ нимъ возрастало и мое безпокойство. Я поспешивалъ, и сталъ собираться на верхъ: съ лестницы увидаль я капитана, который спокойно курилъ трубку, сидя на опрокинутомъ ящике:

— Здравствуйте, капитанъ, сказалъ я: что вы тут затываете?

— А! что вы, мосье Луэ?....

— Такъ точно, капитанъ, это я съ! Что-то не здоровилось; теперь лучше.

— Мосье Луэ, видели вы когда-нибудь морское сражение?

— Никогда, капитанъ!

— Желаете посмотреть?

— Признаюсь, не имью ни какой охоты.

— Жаль! А скоро увидите.

— Что вы, капитанъ, что вы, Богъ съ вами! сказалъ я, блѣдный и не въ состоянн владеть собой: вы, видно, смѣетесь надою мно.... О, какой же вы насмѣшникъ!....

— Я вовсе не смѣюсь. Поднимитесь еще на двѣ ступеньки.... Взойшли?

— Взошелъ.

— Ну; что жъ вы видите?

— Я вижу три прекрасные корабля.

— Посчитайте хорошенько.

— Четыре, пять, шесть.... Да! шесть кораблей.

— Увидете ли вы различать флаги?

— Плохо.

— Ну, да всё-равно: смотрите на самый большой.... Что вы видите на этомъ флагъ?

— Я не знатокъ въ геральдическихъ знакахъ; впрочемъ, если не ошибаюсь, я вижу арфу.

— А вотъ сейчасъ она сыграетъ намъ арию. Это Арфа ирландская.

— Но, капитанъ, говорилъ я, корабли еще далеко отъ насъ; распусните паруса.... вы можете еще снастись. По-крайней-мѣрь, я, на вашемъ мѣсть, непременно бы ушелъ. Не про-

гладитесь, это мое имяніе, именіе четвертое контра-баски при марсельскомъ театрѣ.

— Если бы вы были, не контра-басистъ, а человекъ, считалъ капитанъ, то рать бы между нами кончилась худо. Знайте же, что капитану Гарниэ нельзя отступать. Онъ долженъ драться до нѣльзя, потому выждетъ абордажа и, когда Англичане ворвутся на его палубу, сойти къ пороховой казны, стряхнуть съ трубки искру: и дѣло кончено!

— Капитанъ!.... Капитанъ, высадите меня на берегъ....

— Хотите, мосьё Луа, послушаться моего совѣту? сказалъ капитанъ, глядя мнѣ въ глаза.

— Охотно! Совѣты умныхъ людей всегда полезны.

— Ну, такъ ступайте же спать.

— Позвольте сдѣлать еще одинъ вопросъ.

— Извольте.

— Есть ли намъ возможность спастись?

— Маленькая, есть. Видите это черное облако?... востъ.... на юго-востока?

— Вижу.

— Оно обещаетъ намъ бурю.

— Бурю, капитанъ? Но вѣдь отъ бури можно спастись!

Между-тѣмъ, около борту ближайшаго къ намъ англійскаго корабля показалось бѣловатое облако; вслѣдъ за тѣмъ послышался трескъ, и одинъ изъ нашихъ матросовъ, который, взобрался-было на лафетъ, свалился ко мѣту на пшечо.

— Послушай, пріятель, сказалъ я ему: чего тебѣ надобно? Вѣдь ты не маленький ребенокъ, чтобы я сталъ возить тебя.

Но матросъ не трогался съ моихъ плечъ, такъ, что я принужденъ былъ его столкнуть. Онъ свалился, и тогда только я увидѣлъ, что онъ безъ головы: ее оторвало неаріательскимъ ядромъ. Это зрѣлище чрезвычайно меня поразило. Черезъ нѣсколько минутъ, не помню ужъ какъ, я очутился въ своей каютѣ: Не знаю сколько времени я въ ней пробылъ; но когда очнулся, на корабль всё было въ прежнемъ порядкѣ: мнѣ стало легче, я вышелъ на палубу подышать чистымъ воздухомъ; въ то время нашъ бригъ входилъ въ гавань.

— Ну, вотъ, сказалъ капитанъ, ударивъ меня по плечу : мы и на мѣсть!

— Вона правда; кажется, мы теперь въ безопасности.

— Да, благодаря бурѣ. Антициклонъ былъ отъ насъ столько хлопотъ, что имъ некогда стало думать про насъ.

— Вероятно, мы теперь близъ Острова Святой Маргариты?

— Почему жъ вы такъ думаете?

— Да вонъ, виднѣется островъ, указалъ я капитану : это должно быть Островъ Святой Маргариты.

— Со всемъ нѣтъ : это островъ Эльба.

— Такъ или я не твердъ въ географіи, или островъ Эльба не такъ далекъ отъ Тулона, какъ я полагалъ.

— Гдѣ же вы видите Тулонъ?

— Да вѣдь это тулонская гавань?... Отъѣзжая изъ Ниццы, вы сами же сказали, что мы отправляемся въ Тулонъ?

— Любезный Луэ, знаете ли вы пословицу : человекъ предполагаетъ....

— А Богъ располагаетъ. Знаю, капитанъ; въ этой пословицѣ весьма много философіи.

— И много справедливаго.

— Да скажите, пожалуйста, гдѣ мы?

— Въ Пиомбино.

— Въ Пиомбино! вскричалъ я. Чтѣ вы говорите? Если это правда, такъ мнѣ придется возвращаться въ Марсель черезъ Сандвичевы Острова, на которыхъ погибъ капитанъ Бушъ.

— Нѣтъ, эти острова не по дорогѣ.

— Ахъ, Господи! какъ я далеко захалъ отъ родины!

— И я тоже. Знаете, я изъ Бретани.

— Какъ же возвратиться?

— Куда? въ Бретань?

— Нѣтъ, въ Марсель.

— Если хотите моремъ, такъ мой бригъ къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю покорно. Я уже испыталъ, чтѣ значитъ путешествовать моремъ!

— А если сухимъ путемъ, такъ надобно взять извозчика. Угодно? я велю свезти васъ на берегъ.

Распроставшись съ капитаномъ, котораго, какъ я послѣ узналъ, убило англійскимъ ядромъ, я сошелъ на берегъ и отправился прямо въ гостиницу. Заказавъ обѣдъ, я тотчасъ озабочился собрать свѣдѣнія о предстоящемъ путешествіи и нанять извозчика, который за тридцать франковъ взялся довести меня до Флоренціи, откуда по его уверенію можно всегда найти попутчиковъ въ Марсель.

Мы должны были отправиться въ тотъ самый вечеръ и ночевать въ Скарлино. Въ два часа карета извозчика подъехала къ гостиницѣ. Мы съѣли и поехали. Насъ было пять пассажировъ, въ томъ числѣ одинъ мой соотечественникъ, котораго называли москѣ Эрнестъ.

Москѣ Эрнестъ, красивый гусаръ лѣтъ двадцати-семи, положилъ шаръ пистолетовъ въ каретную сумку, и поместился впереди меня. Онъ казался очень печальнымъ, и былъ все неразговорчивъ.

Такимъ образомъ молча доѣхалъ я до Скарлино, гдѣ мы остановились въ самомъ дурномъ трактирѣ. Ночь провелъ я весьма безпокойную, а въ три часа утра, когда едва началъ смыкать глаза, извозчикъ принялъ объявить, что время отправляться въ дѣлительный путь.

Взявъ свое ружье и ягтажъ, я хотѣлъ-было сѣсть на свое мѣсто; но извозчикъ оставилъ, и принудилъ меня положить ружье на козлы, чтобы оно не обезопасило другихъ путешественниковъ.

— Пожалуй, сказалъ я, отдавая ему ружье: пригласишь въ я и не военный, а просто четвертый контра-басъ марсельскаго театра.

— А! вы четвертый контра-басъ марсельскаго театра! промолвилъ москѣ Эрнестъ: стало-быть вы знали ту прекрасную танцовщицу, украшеніе вашей сцены назаль тому три или четыре года?

— Смію спросить, какъ ее зовутъ?

— Мамзель Зефирина.

— Помилуйте, какъ не знать? Она уѣхала въ Италію. Удивительная танцовщица!

На этомъ нашъ разговоръ и кончился. Отъ скуки я заснулъ; не помню, долго ли проспалъ, какъ вдругъ мнѣ во-

слышалось сквозь сонъ ; будто карета наша остановилась ; слышу проснуться , не могу ; вдругъ , слышу два пистолетныя выстрала. Открываю глаза и , что же ? Дуло собственнаго моего ружья приставлено къ моей груди !... Мы были остановлены шайкою разбойниковъ , которые изъ всей силы кричали : *Faccia in terra!* Я пошелъ , что это значить «лягъ носомъ въ землю» , и поспѣшилъ исполнить приказаніе : товарищи мои лежали въ такомъ же положеніи , исключая Эрнеста , который храбро защищался , наконецъ былъ принужденъ уступить силу и сдаться. Цѣлый часъ насъ обыскивали и грабили ; у меня отобрали и деньги и заветный перстень съ солитеромъ. Въ заключеніе одинъ изъ разбойниковъ спросилъ :

— А что , господа , нѣтъ ли между вами музыканта ?... Ну , что жъ , отвѣчайте на мой вопросъ !

— Есть одинъ.... контра-басъ , сказалъ Эрнестъ.

— Который ?

Я лежалъ ни живой , ни мертвый.

Меня подняли за воротъ.

— Что вамъ угодно ? спросилъ я .

— Ничего особеннаго. Капитанъ нашъ давно отыскиваетъ музыканта и будетъ восхищенъ нашею находкою.

При этихъ словахъ два бандита схватили меня и потащили , крѣпко-на-крѣпко запретивъ моимъ дорожнымъ товарищамъ вставать съ земли прежде какъ черезъ четверть часа.

Что касается до меня и до разбойниковъ , то мы перешли превысокую гору и въ пять минутъ переправились черезъ потокъ ; потомъ въехали въ густой сосновый лѣсъ , и остановились въ пятидесяти шагахъ отъ харчевни , на проселочной дорогѣ : одинъ изъ разбойниковъ поѣхалъ впередъ и черезъ нѣсколько минутъ подаль знакъ , что можно ѣхать и остальнымъ. По прїѣздѣ въ гостиницу , шайка разошлась ; только два человека остались при мнѣ для надзору. Вслѣдъ за тѣмъ меня позвали къ атаману. Онъ сидѣлъ съ хорошенькой дѣвушкой за столомъ , уставленнымъ винами и кушаньемъ.

Атаманъ былъ прекрасный мужчина , лѣтъ этакъ тридцати-пяти , и одѣтъ точь-въ-точь какъ одеваются наши марсельскіе

актеры въ роль разбойниковъ; на немъ было голубое бархатное полукафтанье, красная ошолоха; съ серебряными украшениями, и за ней два пистолета да кинжалъ. Я думалъ: ужъ не репетиція ли это? Дѣвушка своею одеждою походила на римскую несиеланку. Я не потерялъ присутствія духа, и успалъ замѣтить, что на пальцѣ у дѣвушки надѣтъ мой перстень съ солитеромъ.

— Вотъ музыкантъ, связалъ одинъ изъ разбойниковъ.

Я поклонился.

— Какой ты націи? спросилъ атаманъ по-италіянски.

— Я Французъ, ваша милость.

— Ахъ, какъ я рада! сказала дѣвушка.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что почти все присутствующіе говорятъ по-французски.

— Ты музыкантъ?

— Четвертый контра-басъ марсельскаго театра.

— Неужели?... спросила дѣвушка.

— Пикаръ! сказалъ атаманъ, обращаясь къ своему помощнику: чтобы къ завтрашнему дню у насъ явился віолончель.

— А ты, милая Риня, надѣюсь, не откажешься теперь протанцовать.

— Изволь.

Странное дѣло! чѣмъ болѣе я вглядывался въ Риню, тѣмъ болѣе казалось, что какъ-будто я ее прежде гдѣ-то видывалъ. По ея просьбѣ мнѣ подали приборъ и стулъ со всею возможною въжливостью. Я заключилъ изъ этого, что положеніе мое у синьора Антоніо, — имя атамана, — будетъ довольно сносно.

Мамзель Риня угощала меня очень ласково, а атаманъ между-тѣмъ игралъ доконами дѣвушки, и нѣсколько разъ спрашивалъ: «Будешь ли танцовать, Ринечка?» Она отвѣчала: «Можетъ-быть и буду.» Послѣ ужина меня отпустили спать, и дали выспаться вдоволь; на другой уже день, когда я открылъ глаза, мнѣ сунули въ руки віолончель, и велѣли идти къ Антоніо. Я засталъ его съ Риней, которая тотчасъ пошла одѣться для танцевъ.

— Ну, *музико*, сказалъ мнѣ атаманъ: надѣюсь, что ты постараться отличиться.

— Оу величайшимъ усердіемъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я.

— И хорошо слыдаешь; потому что если буду тобой доволенъ, то возвращу тебѣ твои три ста франковъ.

— А перстень?

— О перстнѣ нечего и думать. Ты видѣлъ, что онъ на рукѣ Рини. — А вы, ребята, по мѣстамъ! сказалъ онъ разбойникамъ: то-то задамъ вамъ праздникъ!

— *Evviva il capitano!* вскричали они.

Въ это время Риня показала въ дверяхъ и однимъ прыжкомъ очутилась на серединѣ залы. На ней былъ костюмъ баядерки: коротенькая газовая юбка съ серебряннымъ корсажемъ. Въ этомъ костюмѣ Риня была очаровательна. Я схватилъ смычокъ, и вообразилъ, будто сижу въ нашемъ жарсельскомъ оркестрѣ.

Я заигралъ раз *de châte*. Риня начала выдѣлывать неподражаемые прыжки и пируэты. Разбойники кричали «бравва!», а я смотрѣлъ и думалъ: «Чортъ возьми! эти ножки мнѣ чрезвычайно знакомы!» Казалось, эти ножки дѣлаютъ мнѣ знаки и узнаютъ меня. Я увѣренъ, что если бы эти ножки умѣли говорить, то, навѣрное, сказали бы: «Здравствуйте, мосѣ Луэ!»

Среди танца вошелъ запыхавшійся трактирщикъ и сказалъ нѣсколько словъ на ухо атаману.

— *Dove sono?* спросилъ спокойно атаманъ.

— *A San Dalmazio!* отвѣчалъ трактирщикъ.

— Доканчивай твое пѣ : еще поспѣемъ.

— Что тамъ такое? спросила Риня, нагнувшись впередъ и округляя руки.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ Антонио: кажется, проклятые путешественники, которыхъ мы не много пощипали, донесли на насъ во Флоренціи, и за нами гонятся гусары.

— Занавѣсь во время опускается, смѣясь сказала Риня: я кончила свое пѣ.

Она обернулась къ собранію, присѣла и исчезла за дверью той комнаты, въ которой одѣвалась.

— Теперь, къ оружію! вскричалъ атаманъ. Приведите лошадей для Рини и музыканта, а мы отправимся пѣшкомъ по дорогѣ въ Романью! Слышите?

— Развѣ вы и меня возьмете съ собою? спросилъ я Антоңю.

— Конечно. Риня не можетъ танцовать безъ твоей музыки, а я не могу жить безъ ея танцевъ!... Сколько ты получалъ жалованья при театрѣ?

— Осемь сотъ франковъ.

— Я даю тебѣ шесть тысячъ.

Надобно было повиноваться. Пикарь вошелъ доложить, что все готово. Явилась и мамзель Риня въ своемъ рикскомъ костюмѣ.

— Идемъ! сказалъ атаманъ.

— Гусары, гусары! закричалъ трактирщикъ.

Всѣ поспѣшили сойти съ лѣстницы. У воротъ уже стояли двѣ осѣдланныя лошади.

— Чтò жъ вы не предлагаете мнѣ вашей руки и не посадите меня на лошадь? сказала Риня, обращаясь ко мнѣ: это съ вашей стороны вовсе не любезно.

Машинально протянулъ я ей руку, какъ вдругъ почувствовалъ, что она всунула мнѣ въ нее записку.

«Чтò это? подумалъ я: ужъ не любовное ли объясненіе?»

Я изъ страху быть соперникомъ атаману хотѣлъ-было бросить бумажку. Однако жъ, любопытство взяло верхъ; я спряталъ записку въ карманъ. Трактирщикъ вновь закричалъ: «Гусары, гусары!»

Дѣйствительно, вдали послышался конскій топотъ. Пять или шесть выстрѣловъ раздалось въ шумъ; пули просвистали мимо насъ.

— Налѣво! закричалъ атаманъ.

Мы своротили въ какую-то долину, пустились въ бродъ черезъ потокъ, и, пока гусары скакали во весь карьеръ по большой дорогѣ, мы пробирались окольными извилинами, черезъ горы и долины, до цѣли нашего путешествія. Наразвѣтъ прибыли мы въ Шанчіамо. Хозяинъ гамонной гостинницы принялъ насъ какъ гостей, давно ожидаемыхъ; казалось, онъ уже привыкъ къ такого рода посещеніямъ.

Мы ѣхали двѣнадцать часовъ, и, сколько я могъ сообразить, сдѣлали двадцать миль.

Меня сняли съ лошади вмѣстѣ съ виолончелью. Повѣрите ли? я такъ одеревенѣлъ съ устатку, что былъ не лучше своего инструмента.

Разбойники спросили завтракать, а я попросилъ позволенія отдохнуть. Мнѣ отвѣли комнату съ однимъ окномъ, задыряннымъ желѣзною рѣшеткою; двери этой комнаты выходили въ залу, гдѣ завтракали разбойники: нельзя было и подумать о бѣгствѣ. Оставшись одинъ, вспомнилъ я про записку. Она была такого содержанія:

«Любезный мосѣ Луэ! Общество, въ которомъ я нахожусь, мнѣ столько же не нравится какъ и вамъ; но, чтобы избавиться отъ него, нужны крайняя осторожность и благоразуміе; надѣюсь, что, въ свое время, вы докажете и ту и другую. Впрочемъ, я и сама въ этомъ отъ васъ не отстану, а до-тѣхъ-поръ не показывайте и виду, что меня знаете.

«Мнѣ хотѣлось бы возвратитъ вамъ вашъ перстень, на который вы всегда смотрите съ такимъ безпокойствомъ; но до некотораго времени сдѣлать этого не могу: онъ нуженъ мнѣ для обоюдной нашей пользы. Прощайте, любезный мосѣ Луэ. Надѣюсь, что мы скоро будемъ свободны и увидимся на сценѣ марсельскаго театра.

«Зефирна.»

P S. «Проглотите эту записку.»

Прочитавъ подпись я все понялъ.

Я поморщился, но проглотилъ записку, и уснулъ спокойнѣе, радуясь, что нашелъ въ этой шайкѣ хоть одну душу, хорошо ко мнѣ расположенную. Я спалъ очень крѣпко; вдругъ почувствовалъ я, что меня будятъ: открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою помощника атамана.

— Вставайте, вставайте, сказалъ онъ: гусары въ Монтепульчано; черезъ четверть часа мы отправимся въ путь.

Я вскочилъ и на-скоро одѣлся. Первая, при входѣ въ залу, попалась мнѣ Зефирна; она была весела до крайности. Я не могъ надѣвиться душевной твердости этой дѣвушки, и старался ей подражать. Между-тѣмъ, чтобы успокоить ее, я сдѣлалъ знакъ, что записка уничтожена.

— Скоро ли мы поведемъ? спросила она Антоію.

— А вотъ, сейчасъ посмотрю.

Съ этими словами онъ вышелъ. Зефирна бросилась къ окну, сняла мой перстень и быстро начертила имъ что-то на стеклѣ.

— Пойдемте, пойдемте, сказалъ вошедшій атаманъ: мы отдохнемъ въ Сорано.

Потомъ онъ проворчалъ скворъ зубы: «Мли между нами есть измѣнникъ, или эти гусары колдуны.»

Лошади такъ же какъ вчера, ожидали насъ у подъезда, и путешествіе совершилось обыкновеннымъ порядкомъ, съ тою только разницею, что мы отправились утромъ и прибыли на мѣсто назначенія за долго еще до полуночи.

Едва успѣвъ я лечь спать, какъ послышался ужасный шумъ. Я вскочилъ съ постели, отворилъ дверь; и спросилъ:— Что тамъ такое?

Комната была полна вооруженными разбойниками.

— А вотъ что! вскричалъ атаманскій помощникъ: мы окружены проклятыми гусарами, и между нами конечно есть измѣнникъ. Тысячу бомбъ! если бъ я подозревалъ, что это ты.....

— *Di qua! di qua!* сказалъ трактирщикъ, отворяя потайную дверь.

Антонио бросился въ нее первый, таща за собой Зефирину; помощникъ толкнулъ меня, а за мной хлынула и вся шайка. Хозяинъ провелъ насъ мимо дровянаго двора и, молча, показалъ подвалъ. Атаманъ безъ объясненій спустился по лѣстницѣ, поддерживая Зефирину; мы все последовали его примѣру. За послѣднимъ изъ насъ хозяинъ закрылъ опускающую дверь подвала и забросалъ ее хворостомъ. Одинъ разбойникъ, для большей безопасности, отнялъ лѣстницу, такъ, что если бы насъ и отыскали, то нужно было бы скакать въ глубокую яму и не иначе какъ по одному.

Едва только успѣли мы разместиться въ подвалъ, съ шумомъ отворились ворота трактира и явственно послышался стукъ сабель и ружейныхъ прикладовъ. Легко было понять, что солдаты гнались за нами по пятамъ. Въ подвалъ насъ было двадцать человекъ и такая тишина, что можно бы услышать полетъ мухи. Зато надъ нами было со всемъ другомъ: солдаты нѣсколько разъ дѣлали поискъ даже на дровяномъ дворѣ, гдѣ было наше убѣжище, и тогда крики ихъ и ругательства, прерываемыя звукомъ оружія, явственно отдавались въ безмолвномъ нашемъ подземельѣ. Спустя три или четыре часа весь этотъ шумъ утихъ и наступила совершенная тишина. Хозяинъ, открывъ подвалъ, объявлялъ, что

гусарамъ надобно тщетно искать насъ; что они обратились въ обратный путь; и что, следовательно, мы съюго можемъ выйти: Покуда разбойники разспрашивали трактирщика о подробностяхъ, Зесирина взяла меня за руку и сказала тихонько:

— Мы спасены!

— Какимъ образомъ?

— Эрнестъ слѣдуетъ за нами.

— Кто это, Эрнестъ?

— Молодой гусарскій офицеръ.

— А! знаю моего Эрнеста. Я всталъ съ нимъ изъ Пюмбюно.... Онъ много говорилъ мнѣ о васъ.

— Онъ говорилъ обо мнѣ?.... милый Эрнестъ!

— Онъ, вѣрно, колдунъ и чувствуетъ наши слѣды?

— Нѣтъ, любезный Луэ, не колдунъ. Во всѣхъ трактирахъ, гдѣ мы останавливаемся, я пишу на стеклѣ свое имя и названіе мѣста, куда отправляемся....

— А, понимаю! Такъ вотъ, для чего вамъ нуженъ мой перстень.

— Но она быстро отошла отъ меня и вышла въ толпу разбойниковъ, такъ что когда капитанъ, отдавъ приказанія, оглянулся, то нашелъ ужъ ее возлѣ себя.

— Гусары убралась, Риня! сказалъ онъ.

— Уфъ! отдыхаю!.... Куда жъ они повхали?

— Хозяинъ говоритъ, будто это французскіе гусары, и не имѣютъ права преслѣдовать насъ далѣе, потому что здѣсь граница. Однако жъ, говоритъ, одному офицеру поручено всюду за нами слѣдовать и просить помощи всѣмъ, гдѣ есть войска.

— Что же мы будемъ дѣлать?

— Отправимся въ путь.

— Я, право, очень устала.

— Потерпи, дружочекъ! Этотъ переходъ всего только въ тридцать пять миль. Завтра въ ночь мы будемъ внѣ опасности.

— Ну, такъ поведемъ.

— На лошадей! вскричалъ атаманъ.

Мы въехали въ глухой боръ; ужъ можно сказать, что разбойничій лѣсъ!.... и въ четыре часа по-полудни прибыли въ Капраполу.

На другой день, раноюночко, опять выступили въ походъ; около одиннадцати часовъ утра перешли на паромъ какую-то рѣку, а завтракать остановились въ гостиница «Барберина».

— Здесь, сказалъ атаманъ, мы дома.

— Какъ, дома? спросила Зефирина. Въ такой скверной избѣ? Да гдѣ же твой знаменитый замокъ, о которомъ ты мнѣ говорилъ?

— Я говорю: дома, то есть, въ своихъ владѣнiяхъ. Здесь ты можешь повелѣвать какъ маленькая королева.

— Ну, такъ я приказываю оставить меня въ покоѣ, покуда переодѣнусь; мнѣ стыдно показаться своимъ подданнымъ въ такомъ нарядѣ.

И она предложила намъ выйти въ другую комнату.

Антонио остался наединѣ со мною.

— Такъ вы имѣете собственный замокъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, не собственный. Имя мое слишкомъ известно, такъ одинъ знакомый помещикъ отдаетъ мнѣ въ наемъ свой загородный домъ. Самъ онъ, по дѣламъ, живетъ въ городѣ, а я, такъ за порядочныя деньги, пользуюсь правами хозяина въ его замкѣ.

— Понимаю.

Во время нашего разговору, Зефирина вышла и сказала, что готова ѣхать далѣе.

— Такъ и въ дорогу! закричалъ Антонио.

Зефирина указала мнѣ на мой перстень: не мудро было догадаться, для чего хотѣлось ей остаться одной. Въ два часа по полудни мы выѣхали, а въ четыре достигли цѣли путешествiя.

Мы въѣхали въ липовую аллею, въ концѣ которой являлась рѣшетка чудной работы. На ту пору управитель шелъ изъ замку, и, едва завидѣвъ насъ, позвонилъ какимъ-то особеннымъ образомъ въ колоколъ: въ нѣсколько минутъ сбѣжалась вся дворня съ радостными восклицанiями. Каждого изъ насъ помѣстили въ особенные покои. Это былъ настоящiй дворецъ!

Мнѣ отвели комнату, расписанную съ удивительнымъ вкусомъ, и оставили одного, предупредивъ, что обѣдъ будетъ готовъ въ семь часовъ.

Только успѣлъ я принарядиться, послышался обѣденный звонъ. Въ залѣ я навелъ красиваго мужчину съ молоденькою дамою и французскаго офицера. Мнѣ покавалось, не ошибся ли я, и хотѣлъ уже воротиться; но молодая дама остановила меня:

— Что жъ это, вы мосьё Луэ? развѣ не хотите съ нами обѣдать?

— Извините, мадамозель: я было не узналъ васъ.

— Вы можете-быть желаете обѣдать у себя въ комнатѣ? спросилъ атаманъ разбойниковъ.

— Какъ! это вы капитанъ?

Я просто не зналъ, что думать.

— Мосьё Луэ, конечно, не откажетъ намъ въ удовольствіи вѣсть откушать?

Я обернулся: со мною говорилъ помощникъ атамана; онъ былъ въ мундиръ французскаго офицера.

«Кушать готово!» доложилъ лакей.

Капитанъ подалъ руку Зефиринѣ, товарищъ его мнѣ, и мы всѣ четверо сѣли за столъ.

Послѣ сытнаго, даже роскошнаго, обѣда, капитанъ, котораго съ того времени стали называть графомъ Виллафорте, съ нами раскланялся.

На другой день предположено было, графу съ Зефириной вѣхать верхомъ, осматривать живописныя окрестности, а мнѣ съ его помощникомъ, охотиться въ паркѣ.

Остальное время дня прошло безъ приключеній, ночь провелъ я спокойно, а утромъ, когда допивалъ чашку шоколаду, вошелъ ко мнѣ атаманскій помощникъ.

— Я за вами, мосьё Луэ, сказалъ онъ: пора на охоту.

Я извинился, наскоро одѣлся въ приготовленное для меня охотничье платье и мы отправились. Выходя изъ воротъ мы встрѣтились съ канитаномъ и Зефириной.

— Желаю вамъ удачной охоты, сказалъ капитанъ: мы возвратимся къ четыремъ часамъ; думаю, что къ тому времени и охота ваша кончится.

— Надѣюсь, графъ, отвѣчалъ я: впрочемъ не смѣю увѣрять; иногда охота заведетъ Богъ-знаетъ куда.

— Во всякомъ случаѣ, Боманюаръ, поручаю тебѣ мосьё Луэ.

— Будьте спокойны, графъ.

— Графъ и Везирини, сдѣлали намъ дружескій знакъ рукою; а поехали въ талопъ; въ сопровожденіи двухъ жюксовъ. А я обратился съ вопросомъ къ моему спутнику:

— Позвольте спросить: графъ васъ назвалъ Боманоаръ?

— Меня.

— Я думалъ, что фамилія эта давно пресъхла.

— Ну, что жь? но имя она возродится; вотъ и все.

— Извините, если вопросъ мой не скромнень.

— О! нисколько, не беспокойтесь.

Охота началась. Я убилъ съ разу четырехъ свиристелей: доказательство, что марсельскій былъ заколдованъ! Боманоаръ смѣялся надо мною и спрашивалъ, что за охота стрѣлять такихъ птицъ. — Поберегите, говоритъ, заряды для фазановъ, зайцовъ и серна.

— Разъ эти звѣри здѣсь водятся?

— Да! вонъ, видите?

Въ самомъ дѣлѣ, въ десяти шагахъ отъ меня пронесся серна.

По временамъ попадались намъ на встрѣчу садовники и охотники; лица знакомыя, и, казалось, всѣ они были перодѣтые разбойники. Сперва это поражало меня; но когда я припомнилъ, сколько истинно удивительнаго случилось со мною въ самое короткое время, то пересталъ удивляться и рѣшился ни на чемъ болѣе не останавливать вниманія.

Мы стрѣляли безпрестанно. Паркъ былъ очень обширенъ и обнесенъ высокимъ тыномъ; впрочемъ, кое гдѣ попадались рѣшетки, но сквозь нихъ можно было любоваться на великолѣпныя виды: я стоялъ противъ одной изъ этихъ рѣшетокъ, Боманоаръ въ то время прицѣливался въ фазана; ко мнѣ подошелъ какой-то селянинъ.

— Signore говорилъ онъ за рѣшеткою: questo castello è il castello d'Anticoli?

— Извини, мой другъ, я не понимаю по-италіански. Говори по-французски, если умѣешь, тогда охотно буду отвѣчать тебѣ.

— Ахъ! это вы, мосье Луэ! спросилъ селянинъ: вы меня не узнали?

— Нять, не нять этой чести.

— Эрнестъ, гусарскій офицеръ, вашъ дорожный товарищъ.

— А! мосьё Эрнестъ! это вы? Мадмоазель Зефирина будетъ очень рада васъ видѣть.

— Такъ Зефирина действительно здѣсь?

— Здѣсь, здѣсь, мосьё Эрнестъ! Она въ полону какъ и я!

— И пантанъ Антонио....

— Никто иной какъ графъ Виллафорте.

— А этотъ замокъ?

— Вертепъ разбойниковъ.

— Вотъ все, что нужно было мнѣ знать. Прощайте, мосьё Луэ; если увидать васъ со мною, вы можете подвергнуться подозрѣнiю. Скажите Зефиринѣ, что завтра она получитъ обо мнѣ извѣстiе.

Сказавъ это, онъ убѣжалъ въ лѣсъ.

— Arrortel Romeo, arrortel кричалъ Боманоаръ.

Я побѣжалъ къ нему.

— Вы, кажется, застрѣлили фазана? спросилъ я. О, какой прекрасный фазанъ!

— Да! но съ кѣмъ вы говорили, мосьё Луэ?

— Съ мужикомъ, который меня спрашивалъ о чемъ-то; къ сожалѣнiю я не знаю италiанскаго языка.

— А! проговорилъ онъ, искоса смотря на меня, и зарядилъ ружье. — Любезный Луэ, прибавилъ онъ потомъ: я знаю италiанскiй языкъ, а потому лучше самъ пойду вдоль тыну; быть-можетъ пройдетъ еще какой-нибудь прохожiй, такъ я берусь отвѣчать ему на вопросы.

— Какъ вамъ угодно, мосьё Боманоаръ, отвѣчалъ я.

Охота кончилась какъ нельзя удачнѣе, и, должно отдать справедливость Боманоару, онъ былъ отличный стрѣлокъ.

Мы возвратились ровно въ четыре часа; графа Виллафорте и Зефирины еще не было.

Въ ожиданiи обѣда, я занялся игрою на виолончели; а въ пять съ половиною часовъ графъ и спутница его вошли въ залу.

— Ну, каково вы охотились? спросила меня танцовщица.

— Какъ-нельзя прiятнѣе. А вы прiятно ли погуляли?

— О, чрезвычайно! окрестности Антикожи бесподобны.

— Капитанъ! сказагь вонеднїй Боманкоаръ.

— Чтò вамъ нужно? Развѣ не знаете, что влдсь я грееъ Виллафорте?

— Капитанъ! повторилъ еще разъ Боманкоаръ: я имью сообщить вамъ нѣчто важное.

— Извините, госнода.... дла прежде всего.

Капитанъ кышелъ.

— Я видягь сегодня Эрнеста, сказагь я Зефирина.

— О, милый Эрнестъ! Онъ слѣдовалъ за нами по пятамъ?

— Вѣроятно.

— Поручилъ ли онъ вамъ чтò-нибудь сказагь мнѣ?

— Онъ просилъ меня передать вамъ, что завтра вы получите объ немъ извѣстїе.

— О, какое счастье! Мы спасены.

— Но, мадамозель Рина, скажите мнѣ, пожалуйста, какъ рѣшились вы войти въ такое презрительное общество?

— Да такъ же, какъ и вы.

— Меня взяли силою.

— А меня развѣ иначе? Разбойникъ увидягь меня въ театрѣ, влюбился и похитилъ.

— Этотъ человекъ сущїй неучъ: не уважаетъ ни танцовщицъ, ни контра-басистовъ.

— Меня болѣе всего огорчаетъ то, что Эрнестъ думаетъ, будто я ухаала съ однимъ Римляниномъ, который въ то время очень за мной ухаживалъ.

— О!....

— Тсъ.... вотъ и Антонио! —

— Чтò? вскричала Зефирина, подбѣжавъ къ нему: дурныя вѣсти?

— Не совсѣмъ; только, кажется, противъ насъ затѣвается что-то не доброе; надобно принять мѣры осторожности.... Это, однако жъ, не помъшаетъ намъ обѣдать.

— Ни сколько!

Но видно разбойники опасались нападенїя, потому что весь день прошелъ въ приготовленїяхъ къ оборонѣ; ночью разставленъ былъ вездѣ караулъ.

Зефирина, выбравъ удобную минуту, подошла ко мнѣ и тихонько сказага:

— Все идетъ хорошо.

Я не былъ того же мнѣнія, и, признаюсь, со страхомъ ожидалъ какого-нибудь важнаго переворота. Капитанъ просилъ Зефирину оставить его, и, прощаясь съ нею, прибавилъ:

— Страшное предчувствіе тяготитъ меня. Я совѣтовалъ бы тебѣ, Риня, не раздѣваться, и вамъ тоже, Луэ: чего добраго, насъ, пожалуй, разбудятъ ночью!

Мы ушли, каждый въ свою комнату.

Нѣсколько часовъ провелъ я въ грустномъ раздумьѣ; мысли путались въ лабиринтѣ догадокъ; наконецъ глаза невольно сомкнулись; не знаю, сколько времени я спалъ: вдругъ, слышу кто-то отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

— Скорѣе, скорѣе, сказалъ мнѣ голосъ.

— Что такое? спросилъ я, вскочивъ съ постели.

— Ступайте за мною!

— Я взялъ мою віолончель и последовалъ за голосомъ.

Не могу описать вамъ, господа, тѣхъ извилинъ и изворотовъ, которыми мы кружили; наконецъ, вошли мы въ чашу деревьевъ и въ самой глуши замѣтилъ я отверстіе грота. Одинъ изъ разбойниковъ былъ уже на сторожѣ: меня втолкнули въ это отверстіе. Дѣлать было нечего; я началъ ощущью знакомиться съ новымъ жилищемъ: вдругъ кто-то схватилъ меня за руку; я хотѣлъ-было вскрикнуть, но державшая меня ручка была такъ мягка, что ни въ какомъ случаѣ не могла принадлежать разбойнику.

— Тише! сказалъ мнѣ тоненькой голосъ.

— Я ничего не говорю, мадамозель Риня!

— Поставьте ваше віолно въ сторону.

Я исполнилъ приказаніе.

— Ну, что тамъ дѣлается? спросила она.

— Кажется, солдаты, подъ предводительствомъ Эрнеста, окружили замокъ.

— О, мой храбрый Эрнестъ! Какъ онъ меня любитъ! У него достало терпѣнія слѣдовать за нами изъ Сіены. Какое счастье, мосѣ Луэ, что я съ вами встрѣтилась!

«Большое счастье!» подумалъ я.

— Знаете ли, что вы обязаны мнѣ вашимъ здѣсь присутствіемъ?

— Какъ?... вамъ обязанъ?....

— Конечно : я сказала, что не могу танцевать безъ музыканта, вотъ, васъ и привезли. Не будь васъ, я не имѣла бы перстня съ солитеромъ, а стало-быть и возможности доставлять Эрнесту наши путевыя записки.

— Но какимъ образомъ, скажите, мы очутились вмѣстѣ въ этомъ гротѣ ?

— Потому что это самое отдаленное и скрытное мѣсто въ цѣломъ паркѣ ; ктому жъ вотъ дверь, которая, вѣроятно, ведетъ въ какой-нибудь подземной ходъ, откуда можно уйти въ поле.

— Что, если бы намъ ускользнуть въ эту дверь ! Право, не худо бы убраться, такъ, изъ предосторожности.

— Справедливо; но къ исполненію вашего намѣренія представляется маленькое затрудненіе : дверь-то заперта.

Послышался выстрѣлъ.

— Начинается дѣло, сказала Зефирина.

— О Боже! куда бы мнѣ спрятаться? вскрикнулъ я.

— Кажется, мы и то спрятаны какъ-нельзя лучше.

— Мамзель Зефирина ! одна надежда на васъ : не оставьте меня.

— Какъ-можно оставить друга ? Никогда ! Впрочемъ съ условіемъ.... Слышите ли ?

Перестрѣлка усиливалась.

— Какое условіе, Зефирина ?.... все, все, что хотите!

— Вы должны, вмѣстѣ со мною, увѣрять Эрнеста, будто я была ужасно жестока съ капитаномъ и отвергла всѣ его предложенія.

— Зефирина !.... пальба, кажется, усиливается.

— Тѣмъ лучше!

Дѣвушка была настоящая львица.

Я хотѣлъ приблизиться къ отверзтію грота.

— Dietro ! dietro ! закричали караульные, и я понялъ, что это значитъ «назадъ», и отодвинулся съ поспѣшностью.

Дѣло было жаркое. Кричали, рвались; все это сопровождалось выстрѣлами, звукомъ трубъ и барабаннымъ боемъ. Сражающіеся болѣе и болѣе приближались къ гроту, и уже были не далѣе какъ во стѣ шагахъ.... Въ эту минуту кто-то явственно кричалъ: «Остановись злодѣй! остановись! подожди меня!»

— Эрнестъ! вскричала Зефирина: это полость Эрнеста! — и бросилась къ отверстію.

Въ ту самую минуту окровавленный капитанъ устремился къ гроту.

— Зефирина! Зефирина! гдѣ ты? кричалъ онъ,

Она подала мнѣ знакъ не откликаться.

Капитанъ, въ темнотѣ, не вдругъ могъ различить окружающіе предметы; однако же скоро отыскалъ насъ и бросился какъ разъяренный тигръ.

— Зефирина, что это значитъ? что ты не отвѣчаешь? Пойдемъ! пойдемъ!

Онъ схватилъ ее за руку и хотѣлъ вести къ двери.

— Куда вы ведете меня? спрашивала бѣдная дѣвушка.

— Пойдемъ со мною! пойдемъ!

— Я не хочу идти съ вами, говорила она върываясь.

— Какъ! не хочешь идти со мною?

— Нѣтъ, не хочу. Зачѣмъ мнѣ идти за вами? Я не люблю васъ, вы увезли меня насильно. Эрнестъ! Эрнестъ! куда!

— Эрнестъ? Эрнестъ? ворчалъ разбойникъ. Такъ это ты насъ выдала!

— Мосё Луэ! если вы мужчина, то спѣшите ко мнѣ на помощь!

Я видѣлъ, какъ блеснуло лезвие кинжала, но я не имѣлъ при себѣ ни какого оружія... схватилъ за ручку віолончель, и со всего размаху ударилъ имъ капитана по головѣ. Инструментъ разбился, и голова капитана завязла въ немъ.

— Зефирина! Зефирина! кричалъ голосъ.

— Эрнестъ! Эрнестъ!

И моя дѣвушка, легкая какъ серна, выскочила изъ грота и была уже въ объятіяхъ гусара.

Въ испугѣ я выскочилъ за нею.

— Туда! туда! кричалъ офицеръ, указывая солдатамъ на гротъ: приведите его живаго или мертваго!

Солдаты, бросившіеся къ гроту, явились черезъ нѣсколько минутъ съ донесеніемъ, что кромѣ віолончели ни чего не нашли. Разбойникъ бѣжалъ въ заднюю дверь.

— Вотъ мой спаситель, сказала дѣвушка, указывая на меня.... Я ни за что въ свѣтъ не хотѣла принадлежать извер-

гу, и онъ задумалъ—было убить мѣня, чтобъ я не доставалась тебѣ, моему милому.

— Право? спросилъ Эрнестъ.

— Можешь ли ты подозревать меня?..... Спроси мосьё Луэ!

— Божусь.... сказалъ я.

— Довольно! не божитесь! Неужели вы думаете, что я не вѣрю ей на слово?

— Въ этомъ вы совершенно справедливы; но позвольте вамъ доложить, что такъ какъ мы упустили капитана, то не худо было бы отвести мамзель Зефирину въ безопасное мѣсто.

— Вы правы!... Пойдемъ, Зефирина.

Мы воротились въ замокъ, и дорогой споткнулись на мертвое тѣло: это былъ трунъ послѣдняго изъ Боманоаровъ.

Не долго оставались мы въ замкѣ : Эрнестъ оставилъ тамъ гарнизонъ, а самъ, съ Зефириною и со мною, отправился въ почтовой каретѣ.

Жаль мнѣ было моего бѣднаго виолончеля! А Зефирина, кажется, ни о чемъ не жалѣла: она была вня себя отъ радости.

Мы съѣли весь трое въ карету, и поехали.

— Позвольте васъ спросить, мосьё Эрнестъ, сказалъ я, высунувъ голову въ окошко каретной дверцы: что тамъ за городъ виднѣется?

— Это Римъ.

— Какъ, это Римъ? быть не можетъ!

— Увѣрю васъ.

— Ну, такъ я въ восхищеніи, мосьё Эрнестъ! честное слово, въ восхищеніи! Первое мое желаніе всегда было побывать въ Римъ....

— А видѣли ли вы папу? спросилъ Меря : помнится, и это было не послѣднимъ вашимъ желаніемъ.

— Въ первое время моего пребыванія въ Римъ, его свѣтѣйшество находился въ Фонтенблô; но, послѣ, я имѣлъ счастье его видѣть. Мосьё Эрнестъ доставилъ мнѣ мѣсто четвертаго басса въ театрѣ Делла-Валле. При этой должности я находился по 1830 годъ, то есть, ровно двадцать лѣтъ,

ститая съ того времени какъ пошелъ изъ Марсели за свиристелемъ.

— А мамзель Зефирина?

— Я слышалъ, будто она вышла замужъ за Эрнеста, и сдѣлалась примѣрной добродѣтельной женщиной.

— А Антонио? Слышали ли вы что-нибудь объ немъ?

— Какъ же! Три года послѣ рассказаннаго мною происшествія его узнали въ театрѣ Делла-Валле, и я съ прискорбiемъ услышалъ о его казни.... Вотъ, господа, какимъ образомъ свиристель завелъ меня въ Италію, гдѣ я пробылъ двадцать лѣтъ въ Римѣ!

— Знаете ли, который часъ? спросилъ насъ Мери. Четыре часа утра : самая пора отправиться спать. — Прощайте, мосье Луэ! покорнѣйше благодаримъ за рассказъ.

НѢКОТОРЫЯ ИДЕИ О ХАЛАТѢ, съ присовокупленіемъ замѣчаній о вліяніи платья на женскую любовь. Между философами обоихъ половъ не рѣшенъ еще вопросъ, можетъ ли женщина, существо, нарочно созданное для чувства изящнаго, олицетворенное понятіе природы о прекрасномъ, влюбиться въ мужчину въ халатъ. Многіе очень убѣдительно доказываютъ, что это невозможно, и мы готовы согласиться съ ихъ мнѣніемъ : мужской халатъ — вещь противная природѣ, татарщина, варварство, ужасъ. Приверженцы противнаго мнѣнія возражаютъ, что весь Востокъ ходитъ въ халатъ, и, несмотря наэто, тамъ есть пламенная, истинная любовь, что доказывается безчисленными любовными стихами на всѣхъ восточныхъ языкахъ. Это справедливо. Но, съ другой стороны, не говоря уже о томъ, что стихи — самое плохое доказательство любви, надобно еще принять въ соображеніе, что на Востокъ длинное платье почитается моднымъ и изящнымъ нарядомъ, а *déshabillé* состоитъ въ ночной курткѣ, такъ, что нашъ фракъ, просто, восточный халатъ. Мы сами знали одного весьма почтеннаго мусульманина, который, получивъ по собственному желанію синій фракъ въ видѣ подарку за гостепрiимство, оказанное двумъ европейскимъ путешественникамъ, съ особеннымъ наслажденіемъ надѣвалъ его на рубашку вмѣсто халата поутру и ввечеру и завидовалъ Франкамъ, что они мо-

гутъ цѣлый день *жодить въ халатъ*, являться вездѣ въ такомъ прохладномъ неглижѣ, такъ отъменно удобномъ для мусульманскихъ омовеній. Можно заключить съ достовѣрностью, что, глядя на нашего мусульманна, когда онъ былъ въ этомъ «прохладномъ» нарядѣ, ни какая порядочная восточная *ханымъ* или *дуду* не могла бы въ него влюбиться, хотя онъ былъ собою очень хороший мужчина. Такимъ образомъ всѣ возраженія защитниковъ халата приводятся къ нулю однимъ этимъ фактомъ, а слѣдующій достовѣрный случай бросить, какъ мы надеемся, еще болѣе свѣту на любопытный вопросъ влiянiя платья на женскую любовь.

Въ 1762 году, молодая женщина, въ робронахъ, и молодой мужчина, напудренный à frimas, путешествовали по Швейцарiи въ разукрашенной золотомъ и рѣзбою каретѣ. Они ѣхали изъ Базеля въ Люцернъ. Молодая женщина была чудо красоты, настоящая майская роза, только-что вышедшая изъ почки, но роза подкрашенная, по обычаю времени: женщины тогда носили въ карманъ баночки съ румянами, и вовсе не считалось предосудительнымъ подойти въ присутствiи всего общества къ зеркалу и, разговаривая съ мужчинами, кокетно натирать себя карминомъ щечки, поблѣднѣвшiя отъ усталости, послѣ танцевъ или игры. Поэтому и щечки молодой путешественницы были расписаны карминомъ и усыяны мушками; платье съ огромными букетами широко торчало вокругъ на пружинахъ, и прелестная, щегольски распудренная, головка бѣлѣлась какъ снѣгъ. Капюшонъ на китовыхъ усахъ, извѣстный подъ именемъ *calèche*, зацѣпалъ красавицу отъ прохладнаго воздуха; чернiй тафтянiй плащъ роскошно рисовался на ея алебастровыхъ плечахъ.

Молодой человекъ, сидѣвшiй подлѣ прекрасной путешественницы, былъ самый очаровательный кавалеръ того времени. Всѣ женщины сходили отъ него съ ума. Въ Парижѣ не могли надивиться его утонченному вкусу и его глубокому знанiю тайнъ мужскаго туалета; никто какъ онъ не носилъ такъ эффектно богатыхъ жабъ изъ мѣльхенскаго кружева, ни на комъ такъ ловко не сидѣлъ алыи бархатный кафтанъ, облитый золотомъ, осыпанный камнями. Онъ проигрываетъ въ ланскнѣ кучи золота съ такою же беззаботностью, съ какой поправлялъ свои маншеты, и съ неподражаемою прiятностью

подавалъ онъ черепаховыя челноки прекраснымъ графинямъ и маркизамъ. Гордый, столько же какъ възвышій, онъ, при мчѣйшей обидѣ отъ мужчины, брался за богатый эфесъ своей шпаги, и въ то же время съ милой улыбкой поднималъ въверхъ, выжавшій изъ рукъ прелестной женщины. Съ этиими совершенствами онъ соединялъ много остроты и веселости, и капучая его голова безпрестанно сыпала искры остроумія. Ученикъ и обожатель Дората, онъ также часто бралъ въ руки Аполлонову лиру, какъ тогда говорилъ, и мастерски сочинялъ възливые мадригалы и сатирическія пьсенки.

Тайна, окружавшая путешественниковъ, пламенные взгляды мужчны, дѣвственная стыдливость красавицы, все это ясно показывало *похищеніе*. Кто же эта Елена осемнадцатаго вѣка, и кто этотъ повый Паризь? Прекрасная путешественница называлась *mademoiselle Julie de Segnes*: она оставила въ Парижѣ старую тетку, у которой жила; и бѣжала съ возлюбленнымъ своимъ въ Швейцарію. А этотъ интересный похититель былъ молодой Иванъ Петровичъ Ш***, одинъ изъ прекраснѣйшихъ кавалеровъ прошедшаго столѣтія, извѣстный тогда въ Парижѣ своими проказами и прозваніемъ *le beau Russe*. Юлія, однако жъ, почти вовсе не знала его: она видѣла его раза два три на балахъ, и съ перваго вальса запыхала къ нему самую огненную страсть.

Възвышій разговоръ любовниковъ ограничивался по большей части поэтическими и полу-поэтическими вздохами.

Иванъ Петровичъ бросалъ на Юлію взглядъ зажигательный.

Юлія бросала на князя взглядъ бархатный.

Иванъ Петровичъ бралъ Юлію за руку.

У Юліи трепетало сердце.

Иванъ Петровичъ сравнивалъ красавицу со всѣми богинями греческой мифологіи; рѣчи любовниковъ были сладки какъ мадригалъ и възвышны какъ элегія.

— Я васъ обожаю, говорилъ онъ.

— Я васъ люблю, говорила она.

— Вы моя Геба, моя Венера; пѣзъ вашихъ глазъ Амуръ бросилъ въ мое сердце стрѣлу любви.

— Ваша любовь — мое счастье, отвѣчала Юлія, не слышномъ твердалъ въ мифологіи. Я, конечно, поступила безраз-

судно, рывившись ухватъ съ вами; но я васъ люблю, и не раскаиваюсь, что бросилась въ бездну, въ которой быть-можетъ погибну. Вы — молодой, благородный и прекрасный человекъ : но если бы вы даже были обманщикъ, преступникъ, извергъ, я и тогда бы сказала: люблю васъ, и готова идти съ вами на край свѣта!

И вдругъ Юлія поблѣднѣла : по лицу ея пробѣжала молнія печали и разочарованія.

— Чтѣ съ вами, топ adogée? вскричалъ испуганный Иванъ Петровичъ.

— Ничего, отвѣчала Юлія : меня беспокоитъ вѣтеръ.

Чтѣ же въ самомъ дѣлѣ случилось съ Юліею? Отчего такой быстрый переходъ отъ восторженнаго упоенія любви къ глубокой печали? Увы! увьи!... она увидала на головѣ своего идола волосы включенные, растрепанные, волосы въ ужасномъ безпорядкѣ. Вѣтеръ сдулъ съ нихъ пудру, какъ дѣвятистую пыль съ персика : тонкая бѣлая мука осыпалась вся на лобъ, на носъ, на бархатный кафтанъ Адониса. То и другое придавало прежалкій видъ бѣдному обожателю, совершенно измѣнивъ его фizioномію. Чтѣ ни говорите, а красивая рамка необходима для всякой человѣческой картины : страсть женщины по-преимуществу — страсть-щеголиха ; половина любви ея принадлежитъ особѣ избраннаго человека, но другая половина — непременно его наряду, прическѣ и ванильному мылу. О женщины! имявамъ — слабость, скажете вы какъ Гамлетъ: но, согласитесь, что роскошь, изыщество, щегольство — поэзія жизни, по-крайней-мѣрѣ вишней, а для нея-то и живетъ женщина. Удивительно ли послѣ этого быстрое разочарованіе дѣвушки? Она видѣла Ивана Петровича не иначе какъ на балахъ, только-что вышедшаго изъ рукъ парикмахера и своего камердинера ; прическа à la Ramprodpezi рисовала вокругъ его лица живописный полукругъ, мѣльхенскія кружева на груди его не уступали въ близинѣ снѣгу. Юлія знала въ своемъ любовникѣ только свѣтскаго мужчину, а такой мужчина очарователенъ : на устахъ его всегда медовая улыбка, на платьѣ ни малѣйшей пылинки; прежде чѣмъ сказать лакею «доложи», онъ поправитъ прическу и запасется самыми тонкими комплиментами. Но Юлія не воображала, что въ каждомъ свѣтскомъ

мужчинъ скрывается еще *домашній* мужчина, у котораго есть старое платье и старыя недостатки, который немудритъ волосъ, не говоритъ важливостей, зѣваетъ во весь ротъ, ходитъ въ халатъ и туфляхъ и облакачивается на столъ.

Къ счастью Иванъ Петровичъ, по инстинкту свѣтскаго челоуѣка, машинально занесъ руку къ лицу, очистилъ свой носъ отъ пудры и ловко поправилъ исключенные волосы. Передъ Юліей опять явился очаровательный молодой мужчина, и она тотчасъ забыла непріятное впечатлѣніе.

Между-тѣмъ лошади быстро бѣжали по гладкой дорогѣ, и скоро путешественники съ шумомъ въѣхали въ городъ Люцернъ.

— Здѣсь намъ нужно остановиться, сказалъ Иванъ Петровичъ. Посмотри, моя Юлія, какъ милъ и очарователенъ этотъ швейцарскій городъ? Онъ любитъся на себя въ этомъ озерѣ, какъ нимфа въ свѣтомъ зеркалѣ водъ.

— Это озеро, кажется, отвѣчала Юлія, окружено высокими бѣлыми горами: какъ бы хорошо, мой другъ, взойти на одну изъ этихъ прекрасныхъ громадъ!

— Взойдемъ, *mon adogée!* непременно взойдемъ! Съ моей Венерой всякая гора покажется мнѣ Олимпомъ.

Послѣ новаго мнелогического комплимента вѣжливый любовникъ хотѣлъ поцѣловать пальчики Юлиной руки; но она вдругъ съ отвращеніемъ уклонилась отъ этой вѣжливости: Венера замѣтила грязныя отъ пыли руки у своего Адонисса! «Фи! ужасъ!»..... воскликнула она въ глубинѣ души своей. Конечно, нѣтъ ничего простѣе въ свѣтѣ какъ запылиться въ дорогѣ; но свѣтской дѣвушкѣ до этого нѣтъ дѣла: ея идеаль — существо высшее, неземное, эфирное; онъ долженъ сухимъ выйти изъ воды, невредимымъ изъ огня, бѣлѣе снѣгу изъ грязи: а между-тѣмъ бѣдный Адонисъ, покрытый весь толстымъ слоемъ пыли, походилъ на старыя кресла дѣдушки, въ которыхъ никто не садился со дня его смерти и котораго лакей, изъ уваженія къ памяти покойника, никогда не чиститъ. Увы! радужныя мечты свѣтской дѣвушки начали лопаться какъ мыльные пузыри. Юлія еще не успѣла пробѣжать первыхъ страницъ своего романа, и вотъ уже прозаическая дѣйствительность раскрываетъ передъ ней ужасную пасть разочарованій!

На другой день по приезде въ Люцернъ, путешественники съ ближайшимъ трудомъ взбирались на вершину Шейдека. Ветеръ свѣдѣлся очень холоднымъ; снѣгъ хлопьями валитъ на землю, и мало-по-малу совершенно покрываетъ узкую тропинку и огромныя сосны, которыя одиноко росли на верху горы. Однѣ только альпійскія розы мѣстами выказывали свои румяныя головки, и внизу красовалась долина во всей весенней роскоши цвѣтовъ и зелени.

Адонисъ и Венера промокли до костей; блестящій любовникъ представлялъ смѣшной видъ мокрой курицы, дрожавъ какъ основной листъ, и, между-тѣмъ какъ любовь кипѣла въ его сердце, сильный насморкъ овладевалъ его носомъ, въ которомъ заиграла музыка. Прескверная музыка!.....

Воздушная дорога съ каждымъ шагомъ становилась уже и наконецъ повисла надъ пропастью. Вдругъ, послышался сильный шумъ, похожій на выстрѣлъ изъ пушки. Юлія подняла голову и увидѣла огромную глыбу, оторвавшуюся отъ вершины горы. Въ испугъ бѣдная дѣвушка хотѣла броситься въ объятія любовника, но вдругъ испустила крикъ и съ ужасомъ отступила назадъ.

Черезъ три часа Юлія уже сидѣла въ каретѣ, и одна уѣхала въ Парижъ.

Черезъ годъ былъ маскаралъ въ оперномъ театрѣ. Маски всѣхъ цвѣтовъ и формъ, костюмы всѣхъ народовъ, шумно расхаживали по огромнымъ заламъ. Молодая женщина, закутанная въ шегольское *chauve-souris*, задумчиво стояла у колонны. Она съ безпокойствомъ поглядывала вокругъ себя, и, казалось, кого-то искала, — брата, вѣреть или мужа.

Въ трехъ или четырехъ шагахъ отъ этой дамы, группа замаскированныхъ женщинъ окружала волшебника въ домино *regnoquet*.

— Я знаю прошедшее, настоящее и будущее, говорило домино *regnoquet*: и каждой изъ васъ разскажу, что съ нею было, что будетъ, и даже чего никогда не будетъ. Приблизьтесь, *ma toute belle*, вы, что скрываетесь подъ этимъ чернымъ домино: васъ зовутъ *madame de S.....*; небо одарило васъ чудной красотой и гадкимъ супругомъ, которому не достаетъ только роговъ для гармоніи съ кривымъ глазомъ и калмыцкимъ носомъ. Я знаю, о чемъ грустишь

ты, beau masque, голубое домино: три дня назадъ злая Геба похитила у тебя Адониса.— Не угодно ли подойти сюда и тебѣ, таинственная *chouve-souris*: я могу разсказать нѣсколько главъ изъ романа твоей жизни.

Молодая женщина хотѣла удалиться, но волшебникъ въ домино *regnoquet* схватилъ ее за руку.

— Я знаю твое имя, прелестная маска, сказалъ онъ: этотъ фантастическій костюмъ не укроетъ тебя отъ зоркихъ глазъ мага. Выслушай, что я тебѣ скажу.

— Пустите меня! Я не вѣрю въ магію.

— О! напротивъ, очень вѣришь, та *charmante dame*: это я вижу по твоимъ глазамъ! Да куда жъ ты такъ торопишься? неужели опять въ Швейцарію съ мосё Ш***?

— Боже мой, что это вы говорите? вскричала испуганная маска.

— Выслушайте меня, *mes belles dames*, продолжалъ магъ: я разскажу вамъ преступленіе, ужасное преступленіе этой маски. Слушайте! слушайте! Вашъ *le beau Russe*, вашъ Ш***...

— Этотъ повѣса? замѣтила одна дама.

— Этотъ мотылекъ, сказала другая.

— Да, *mesdames*: этотъ мотылекъ порхалъ однажды около прелестной нимфы, около *дѣвы молодой*, и черныя очи сей *дѣвы* опалили мотылька. Но и *дѣва* молодая пльнилась легкимъ порханьемъ бѣдняжки. Однажды, въ безмолвнѣйшій часъ ночи, однажды, мотылекъ и *дѣва* молодая летѣли на крыльяхъ радуги нѣжной любви. Полетъ ихъ былъ направленъ въ Швейцарію. Они посѣтили Базель и потомъ отправились въ Люцернъ: здѣсь, для разнообразія, вздумалось имъ взойти на вершину Шейдека. Было довольно холодно: на горѣ стояла январская погода, но въ сердцахъ любовниковъ были іюльскіе жары: это уравновѣшивало температуру. *Дѣва* и мотылекъ взбирались всё выше и выше, бросая по-временамъ другъ на друга пламенные взгляды, и отогрѣвая окостенѣвшіе отъ холоду пальцы. Вдругъ, съ вершины горы оторвалась огромная глыба снѣгу: *дѣва* молодая испустила ужасный крикъ, поспѣшно сошла въ равнину, одна поѣхала въ Парижъ и черезъ мѣсяць вышла замужъ за одного шталмейстера. Что же случилось съ мотылькомъ?....

— Его задавило глыбой?

— Онъ упалъ въ пропасть?

— Его убили разбойники?

— Онъ, вѣрно, самъ былъ разбойникъ, и на горъ встрѣтился съ своей шайкой?

— Не то, не то, mesdames; во всемъ этомъ еще было бы много поэзіи: надъ мотылкомъ стали бы плакать, за нимъ пошли бы на край свѣта. Но мотылекъ, точно, былъ преступникъ, и вотъ въ чемъ состояло его преступленіе: въ дорогъ растрепались его волосы, пудра полетѣла на вѣтеръ, руки мотылька сдѣлались грязными какъ у мужика; ввечеру въ гостинницѣ онъ имѣлъ неосторожность надѣть халатъ; наконецъ, на слѣдующее утро, когда дѣва младая испустила пронзительный крикъ, на головѣ мотылька былъ ночной колпакъ.....

— Фри!!! какая ужасъ! въ одинъ голосъ вскричали всѣ дамы.

— Какъ, mesdames! вы не осуждаете невѣрности дѣвы молодой?

— Мы ее прощаемъ единодушно и единогласно.

Въ эту минуту подошелъ къ Юліи молодой мужчина.

— На силу я нашелъ тебя, душа моя, сказалъ онъ, фамиліарно взявъ ее за руку: я искалъ тебя болѣе полчаса.

— Не съ супругомъ ли этой дамы имѣю честь говорить? спросилъ магъ въ домно perroquet.

— Точно такъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ дать совѣтъ: если хотите сохранить любовь своей жены....

— Милостивый государь, я нахожу очень страннымъ.....

— Позвольте окончить! Если вы хотите сохранить любовь жены, будьте вѣжливы къ женѣ, но еще болѣе—внимательны къ своей особѣ; покупайте ей брилліанты, но въ то же время умывайтесь португальской водою и хорошенько причесывайте свои волосы; запаситесь терпѣніемъ и самую лучшую пудрой; будьте любезнымъ и всегда хорошо одѣтымъ, а особенно берегитесь надѣвать халатъ и ночной колпакъ. Этотъ совѣтъ на прощанье даетъ вамъ возвратившійся изъ Швейцаріи Ш***.

И, сказавъ это, Иванъ Петровичъ Ш*** исчезъ, оставивъ своихъ слушателей въ величайшемъ изумленіи.

МОДНАЯ ВОРОДА А LA RENAISSANCE. По волю неумолимой судьбы, прекрасная Прасковья Ивановна лишилась безцѣннаго супруга на двадцать-пятомъ году своей жизни. Нутышная вдова цѣлую недѣлю проливала горькія слезы, но на осьмой день скинула трауръ, и воспоминаніе о покойникѣ уже не тревожило робкаго воображенія прекрасной Прасковьи Ивановны. Надобно сказать, что покойникъ совершенно заслуживалъ это равнодушія къ своей памяти. Имѣя такую прелестную жену, онъ ударился въ спекуляціи и политическую экономію : потерялъ свое имѣніе на акціяхъ компаніи для поправленія здоровья страждущаго человечества, убилъ половину женинаго приданаго на свекло-сахарныя чудеса, и окончательно разорился изданіемъ великолѣпной книги «О вѣрнѣйшемъ средствѣ быстраго и легкаго обогащенія посредствомъ торфу». Водились за покойникомъ и еще кое-какіе грѣшки, но объ нихъ знаю только я да человекъ шестьдесятъ искреннихъ моихъ друзей. Имѣнье Прасковьи Ивановны было не слишкомъ въ блистательномъ состояніи, но въ свѣтъ считали ее богатою вдовою. Вдова между-тѣмъ давала полную волю чувствительному сердцу, и съ наслажденіемъ мечтала о прелестяхъ супружеской жизни.

До своего замужства Прасковья Ивановна, или *mademoiselle Pauline*, какъ тогда ее звали, безотлучно жила въ деревнѣ. Отецъ ея, старый служака временъ минувшихъ, занимался скотоводствомъ и ни сколько не обращалъ вниманія на воспитаніе дочери. Эта второстепенная статья въ экономіи любителя скотоводства была отдана въ полное распоряженіе гувернантки, и молодая дѣвушка, подъ опытнымъ руководствомъ *madame*, получила первыя понятія о жизни и людяхъ. Нѣжные романы осемнадцатаго столѣтія, отысканныя въ отцовской библіотекѣ довершили эстетическое образованіе дѣвушки. Надѣленная отъ природы порядочнымъ запасомъ пылкаго воображенія, развитаго назидательнымъ чтеніемъ, юная Полина мечтала о нѣжномъ *сердцѣ*, *цвѣтахъ* и *хижинѣ*, какъ вдругъ отецъ выбралъ ей мужемъ самаго задорнаго спекуланта, который не любилъ ни цвѣтовъ, ни хижинъ, и это обстоятельство нанесло жестокій ударъ романтической дѣвушкѣ. Поэтому Прасковья Иванов-

на почти рада была, когда почтенный супруг отправился на тотъ свѣтъ, и только изъ любви къ сильнымъ впечатлѣнiямъ семь дней проливала она горькія слезы на могилѣ покойника. Зато тѣмъ сильнѣе въ осьмой день забилось нѣжное сердце молодой вдовы: въ головѣ ея быстро возобновились грезы дѣвичьей жизни, и Прасковья Ивановна казалась, что судьба въ двадцать пять лѣтъ сдѣлаетъ для нее то, чему не суждено было исполниться въ семнадцать.

Лѣтомъ 1839 года Прасковья Ивановна жила на прекрасной дачѣ Камешнаго Острова. Во время прогулокъ, между множествомъ бородатыхъ, оособразныхъ фешенеблей, она неоднократно встрѣчала интереснаго молодаго человека, который, казалось, обращалъ на нее чрезвычайно нѣжное вниманіе. Онъ всегда былъ одѣтъ по послѣдней парижской картинкѣ, и всѣ приемы выказывали въ немъ самого моднаго льва. Этотъ «левъ» какъ-нельзя лучше началъ интригу. Онъ игралъ на гитарѣ не хуже графа Альмавивы, и нѣсколько ночей, проведенныхъ подъ балкономъ Прасковьи Ивановны, доставили ему свободный входъ въ домъ красавицы. Его принимали очень вѣжливо и очень ласково; но когда левъ слишкомъ далеко зашелъ *въ изліяніи* нѣжнѣйшихъ чувствованій своей породы, Прасковья Ивановна наотрѣвъ отказала ему отъ дому, и въ такихъ выраженіяхъ, которыя всегда означаютъ противное тому, что ими предписывается. Федоръ Павловичъ (имя льва) очень хорошо понималъ этотъ языкъ, и съ тѣхъ поръ каждый день сталъ навѣщать Прасковью Ивановну; скоро однако жъ онъ ясно увидѣлъ, что всякое оболъщенье было невозможно, и что вдовѣ нуженъ былъ почтенный супругъ, а не волокита. Федоръ Павловичъ немедленно отобралъ нужныя свѣдѣнія, и по справкѣ оказалось, что имѣнья вдовы съ избыткомъ достанетъ на уплату его долговъ. Онъ рѣшился открыть переговоры, и возложилъ эту обязанность на одну изъ своихъ родственницъ.

Прасковья Ивановна не считала нужнымъ осведомляться о финансовой системѣ своего льва. Она совершенно полагалась на слова услужливой родственницы Федора Павловича, которая увѣряла ее, что Федоръ Павловичъ и не думаетъ о богатствѣ, что онъ очарованъ красотой и умомъ

бездѣльной Полины, что любовь его самая безкорыстная, и прочая. Впрочемъ, Федоръ Павловичъ точно не совсѣмъ былъ равнодушенъ къ прелестямъ вдовы, хотя отъ души смѣялся съ своей родственницей надъ ея легковѣріемъ. Къ несчастію, обстоятельства помѣшали сватовству. Безсовѣстные кредиторы со всѣхъ сторонъ нахлынули на Федора Павловича, и какъ въ этомъ случаѣ, лучшее средство выпутаться изъ бѣды — улизнуть за границу на теплыя воды, то Федоръ Павловичъ безъ дальнѣйшихъ околичностей сѣлъ на первый пароходъ и уѣхалъ, не сказавъ ни слова обожаемой вдовѣ.

Прасковья Ивановна чрезвычайно обидѣлась этимъ бѣгствомъ. Вѣроломный не писалъ къ ней даже писемъ, и это молчаніе совершенно вывело ее изъ себя. Она бѣсилась на всѣхъ и за все, и порой приходили ей въ голову самыя странныя идеи: она рѣшилась ненавидѣть весь свѣтъ и обрѣкла себя на добровольное затворничество. Въ припадкѣ этой мизантропіи, она, еще въ апрѣлѣ, переехала на дачу въ девятой или десятой верстѣ отъ Петергофа. Сначала вдова была очень довольна своимъ положеніемъ; видъ моря очаровалъ ее, пѣніе птицъ и распускающіеся цвѣты были для нея почти новостью послѣ искусственной жизни въ душной атмосферѣ столицы. «Не даромъ поэты такъ усердно восхваляютъ природу въ своихъ дивныхъ созданіяхъ!» говорила восторженная Прасковья Ивановна: «чувствительныя сердца всегда найдутъ въ ней неизсякаемый источникъ наслажденій. Какъ рада я, что разсталась съ этимъ холоднымъ обществомъ, съ этими безчувственными эгонстами, которые издѣваются надъ самыми высокими чувствованіями!» Но радость чувствительной вдовы была очень непродолжительна: къ концу апрѣля овладѣла ею смертельная скука, въ началѣ мая она сдѣлалась больною. Продолжительныя прогулки утомляли Прасковью Ивановну; цвѣты разстроивали ея нервы, пѣніе птицъ оглушало ея уши: она не могла понять, какимъ образомъ ей сначала такъ весело было въ глуши.

Однажды ввечеру, возвращаясь домой послѣ утомительной прогулки, Прасковья Ивановна, погруженная въ печальныя размышленія о неудобствахъ безбрачной жизни, замѣ-

тила на противоположномъ концѣ аллен фигуру молодого челоуька, который, казалось внимательно наблюдалъ за нею. Темнота препятствовала различить черты интереснаго мужчины, но по нѣкоторымъ признакамъ можно было догадываться, что это Федоръ Павловичъ: тотъ же тоненькій станъ, узенькій сюртукъ, та же трость съ золотымъ набалдашикомъ, и такая же шляпа какъ у Федора Павловича. Онъ стоялъ въ почтительномъ отдаленіи и кланялся вдовѣ со всею прелестію моднаго льва.

«Неужели это Федоръ Павловичъ? подумала Прасковья Ивановна. Вѣроятно онъ узналъ, что я скучаю, и поспѣшилъ возвратиться изъ Германіи.» Она сдѣлала привѣтствіе и остановилась, но учтивый кавалеръ не двигался съ мѣста.

«Не броситься же ему на шею!» съ досадою сказала вдова и продолжала итти. Она раскрыла книгу, бывшую у ней въ рукахъ, и дѣлала видъ, будто читаетъ, хотя по темнотѣ нельзя было разобрать ни одного слова. По временамъ она оглядывалась назадъ: учтивый кавалеръ постоянно шелъ за нею въ почтительномъ отдаленіи и дѣлалъ самыя разнообразныя привѣтствія. Она испугалась. Не сумасшедшій ли это? подумала она: видѣнь какой-то безпорядокъ въ жестахъ этого страннаго существа. Она ускорила шаги. При входѣ въ домъ, Прасковья Ивановна еще разъ оглянулась назадъ: скромный обожатель саженьхъ въ десяти стоялъ на колыняхъ, склонивъ голову и прижавъ руку къ сердцу.

«Нѣтъ сомнѣнія, вскричала вдова: это именно Федоръ Павловичъ; бѣдняжка, просить прощенія за свое безразсудство.»

Прасковья Ивановнѣ жъ очень нравилась такая деликатность Федора Павловича. Горничная получила предписаніе — не принимать Федора Павловича, когда онъ прійдетъ, но обходиться съ нимъ какъ-можно ласковѣе: ей слѣдовало сказать, что въ домѣ — только двѣ женщины, такъ имъ не прилично въ ночное время принимать молодыхъ мужчинъ; впрочемъ, Федоръ Павловичъ, если ему угодно, можетъ пожаловать на другой день. Между-тѣмъ вдова вошла въ свою комнату, и, несмотря на отданный приказъ, занялась туалетомъ. Съ ми-

нуты на минуту ожидала она интереснаго посѣтителя, и чтобы убить время, стала бранить горничную за разныя неисправности. Бѣдная дѣвушка сказала сквозь слезы:

— Я не виновата, что Федоръ Павловичъ такъ долго нейдетъ!

— Я тебя прогоню, дура, отвѣчала вдова.

Никто даже не постучался въ двери. Послѣ полуночи Полина легла въ постель. Она не сомкнула глазъ во всю ночь.

«Я просто сошла съ ума! сказала она наконецъ: можно ли въ эту пору быть у меня молодому мужчине? Федоръ Павловичъ очень хорошо знаетъ приличіе, и конечно не захочетъ нарушить ихъ. Завтра онъ непременно прійдетъ.»

Противъ обыкновенія она встала рано, и опять начала бранить горничную, которая еще нѣжилась въ постели. Дѣвушка пошла въ сосѣднюю лавочку за сливками для завтрака, и тамъ узнала она, что какой-то мужчина всю ночь дѣлалъ очень странныя скачки около ихъ дачи. Большую часть ночи молодой человекъ просидѣлъ подъ деревомъ, или на деревѣ, передъ окнами спальни.

Горничная все пересказала своей барынь.

«Какая безразсудность! вскричала Полина: этакъ онъ можетъ меня окомпрометировать. — Бѣдный молодой человекъ! продолжала она, тронутая такимъ сильнымъ доказательствомъ любви: можно ли такъ безразсудно рисковать своимъ здоровьемъ?»

Лишь-только наступилъ урочный часъ прогулки, вдова вышла въ аллею, гдѣ наканунѣ встрѣтила своего обожателя. На этотъ разъ однако жъ молодой человекъ не явился. «Видно онъ простудился, подумала она: видно онъ лежитъ теперь въ постели; быть-можетъ онъ въ горячкѣ, въ томительной борьбѣ со смертію.... Бѣдный, бѣдный Федоръ!» Эти ужасныя мысли заставили разстроганную вдову сократить прогулку. Подходя къ тому мѣсту, гдѣ несчастный любовникъ такъ умильно стоялъ на колыняхъ, она замѣтила перчатку, положенную въ дуло дерева. Прасковья Ивановна призадумалась. Дѣло ясное, что отверзтіе назначено быть повѣреннымъ сердечныхъ тайнъ; не было также сомнѣнія, что Федоръ Павловичъ не смѣетъ

явиться на глаза, не вымоливъ напередъ прощанія у престелной вдовы. Душо должно быть для него вѣстникомъ жизни или смерти. Эта выдумка казалась Прасковья Ивановна чрезвычайно замысловатою. Не теряя времени, она поспѣшно вошла въ комнату, сѣла за письменный столъ и написала предлинное и престрогое посланіе къ своему обожателю : она приказывала ему немедленно отправиться въ Карлсбадъ, или въ Парижъ, или на Кавказъ, и увѣряла, что никогда не проститъ *коварнаго* ; но въ этихъ увѣреніяхъ было такъ много нѣжности, даже любви, что только поспѣлый дуракъ не помялъ бы настоящихъ намѣреній Прасковьи Ивановны. Особенно рекомендовала она не повторять глупостей прошлой ночи : въ противномъ случаѣ, писала, вы совершенно выведете меня изъ терпѣнія, и мы *разсоримся* навсегда.

Написавъ быстро, быстро четыре страницы самаго мелкаго письма, она отвесла интересное посланіе въ завѣтное душо. Ей стало очень страшно послѣ такого непонинскаго подвига. Дрожа всѣмъ тѣломъ, она прилежно начала наблюдать изъ окна своей спальни : вдругъ промелькнула какая-то легкая тѣнь между листьями одного дерева ; она не сомнѣвалась : то былъ вчерашній посетитель. Теперь, правда, онъ казался ей немного ниже Федора Павловича, но по отдаленности легко было ошибиться. Когда Прасковья Ивановна обернулась сказать что-то служанкѣ, которая такъ не кстати пришла за приказаніями, письмо мгновенно было похищено, и похититель съ быстротою молніи скрылся въ соседней рошѣ.

Между-тѣмъ опять наступилъ вечеръ, а Федоръ Павловичъ все еще не *держалъ* явиться къ обожасмой вдовѣ. Эта неумѣстная застычивость крайне была неприятна Прасковья Ивановна.

«Эти господа, бормотала она, умѣютъ только волочиться за горничными. Глупецъ!»

Прасковья Ивановна еще разъ вышла изъ дому и совершила третье путешествіе къ завѣтному дереву. Нисѣнь, точно, унесено: но хоть бы строчка въ отвѣтъ на огромное посланіе ! За ужиномъ Прасковья Ивановна, къ величайшему изумленію горничной, цѣлый часъ разсыпалась въ похвалахъ

добродѣтелямъ покойнаго мужа; потомъ, битыхъ два часа бранила на повалъ всѣхъ мужчинъ: самый лучший изъ нихъ, говорила она, не стѣбитъ копѣйки. Горничная была совершенно противныхъ мыслей: по ея мнѣнію, можно было бы что-нибудь дать и за самаго худшаго мужчину.

Зачѣмъ Полина не ложилась спать? Зачѣмъ на цыпочкахъ подкрадывалась она къ горничной, чтобы узнать, спитъ ли бѣдная дѣвушка? Кто изъяснитъ всѣ капризы молодой женщины? Увѣрившись, что всѣ спятъ крепкимъ сномъ, она поставила лампу посреди комнаты и тихонько подошла къ гардинѣ окна. За стѣной раздавались тихіе звуки гитары. Она отворила окно, и при лунномъ свѣтѣ подлѣ дерева ясно увидѣла человѣческую фигуру съ гитарой въ рукахъ. Возможно ли? скромный кавалеръ, не смѣвшій днемъ и носа показать обожаемой женщинѣ, предпочелъ именно тотъ способъ rendez-vous, который вдова особенно ему запрещала!

«Тутъ однако жъ много поэзіи!» замѣтила Прасковья Ивановна.

Мало-по-малу она высунулась изъ окна, какъ мышь, которая боится попасть въ кошечьи лапы; наконецъ отважилась вытти на балконъ. Таинственный любовникъ сталъ на колѣни, и съ трогательнымъ умиленіемъ положилъ руку на сердце, точь-вточь какъ пантомимный актеръ во время балета. Свѣтъ луны, вдругъ освѣтившій щегольской костюмъ скромнаго обожателя, не оставилъ болѣе ни какого сомнѣнія для Прасковьи Ивановны, что она видитъ Федора Павловича: теперь она замѣтила даже красноватыя волосы кругообразныхъ бакенбардовъ, которые такъ хорошо шли къ его подбородку. Ободренная этимъ открытіемъ, она первая рѣшилась начать разговоръ:

—Фи! Федоръ Павловичъ! какъ вамъ не стыдно разыгрывать эту глупую фарсу? Вы принимаете меня за какую-нибудь дѣвчонку, которой пріятно любоваться на эти пошлости: вы ошибаетесь, милостивый государь, очень ошибаетесь! Бросьте вашу гадкую гитару, если не хотите сдѣлать меня посмѣшищемъ цѣлаго свѣта. Ежели вы меня уважаете, ежели хотите быть моимъ мужемъ, перемените это шутовское поведеніе и старайтесь сдѣлаться достойнымъ мо-

ей руки. Не скрою, что я тронута вашимъ раскаяніемъ, но вотъ и все, что могу, что я должна, сказать вамъ въ эту минуту и въ такомъ положеніи. Я васъ прощаю, потому что возрастъ вашъ извиняетъ подобныя шалости; но кончите сейчасъ же эту комедію. Неужели мнѣ всю ночь стоять для васъ на балконѣ и любоваться на шутовскія выходы? Adieu, monsieur; я приказываю вамъ удалиться: слышите ли? тотчасъ же удалиться.... вы меня увидите въ Петербургѣ.

Едва окончила она этотъ краснорѣчивый монологъ и ушла въ углубленіе комнаты, какъ безмолвный обожатель съ удивительною быстротою вскочилъ на дерево и оттуда на балконъ; еще прыжокъ, и онъ очутился посреди спальни, и такъ крѣпко стиснулъ въ своихъ львиныхъ объятіяхъ обожаемую женщину, что Прасковья Ивановна, вовсе не приготовленная къ такой дерзости Федора Павловича, испустила пронзительный крикъ.

Горничная, прибѣжавшая на этотъ шумъ, нашла ее въ самомъ ужасномъ волненіи: она не могла даже говорить. Наконецъ кое-какъ Прасковья Ивановна пришла въ себя и на повторительные вопросы служанки отвѣчала, что ей привидѣлся страшный сонъ, что будто-бы тѣнь покойнаго супруга явилась къ ней съ того свѣта и повѣяла на нее могильнымъ холодомъ. Горничная ничего не понимала въ этомъ разсказѣ, но видя, что отъ барыни нельзя добиться толку, поспѣшила убраться въ свою комнату, думая болѣе о живыхъ чѣмъ о мертвыхъ.

На другой день за завтракомъ, горничная, чтобы развеселить печальную вдову, разсказала ей преуморительную исторію, взбудоражившую всѣхъ окрестныхъ кучеровъ и лавочниковъ. За нѣсколько недѣль пріѣхалъ въ Петербургъ содержатель знатной труппы большихъ обезьянъ, пріученныхъ разыгрывать разныя пантомимныя комедіи. Послѣ одного блестящаго представленія, вдругъ во всемъ костюмѣ ушелъ изъ балагана самый умный орангутангъ, отличный гитаристъ, употребляемый въ любовныхъ роляхъ. Бѣгая по садамъ и рощамъ, этотъ новый Ловеласъ вскружилъ голову многимъ кухаркамъ и горничнымъ, но вплоть до нынѣшняго дня скрывался отъ преслѣдованій балаган-

щика. Онъ такъ искусно передразнивалъ модныхъ волокитъ, продолжала горничная, что самъ Федоръ Павловичъ позабылъ бы его ловкости. Дѣвушка помирала со смѣху, рассказывала этотъ анекдотъ; Прасковья Ивановна между тѣмъ даже не улыбнулась. Она велѣла замолчать неутомонной болтуньѣ и тотчасъ приказала укладываться въ Москву. Проезжая черезъ Царское село, Прасковья Ивановна услышала, что Федоръ Павловичъ давно уже воротился изъ Германіи и живетъ на Черной Рѣчкѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія, рассказаннаго горничною Прасковья Ивановна, гитаристъ убѣжалъ изъ балагана во второй разъ, и убить былъ изъ ружья ревнивымъ мужемъ, когда карабкался на балконъ одной дачи. За эти безнравственные поступки отправили гитариста въ музей естественной исторіи. Его судьба можетъ служить назидательнымъ урокомъ для обезьянъ и для романическихъ женщинъ!

ОБЩЕСТВО МИЛОСЕРДІЯ ВО ФЛОРЕНЦІИ. Порой, въ театрѣ Pergola, среди оперы или раз-de-deux, вы вдругъ слышите рѣзкій, поразительный звонъ колокола. Въ это время ложи начинаютъ рѣдѣть, и часто вашъ собесѣдникъ, если онъ Флорентинецъ, безъ церемоніи оставляетъ васъ среди разговору, беретъ шляпу и уходитъ изъ театра. Что это за колоколъ? отчего такая суматоха? спрашиваете вы. Это колоколъ Милосердія; вашъ собесѣдникъ — членъ Общества Милосердія : онъ спѣшитъ къ своей должности.

Общество Милосердія, во Флоренціи, безспорно, — одно изъ прекраснѣйшихъ заведеній въ свѣтѣ. Оно основано въ 1244 году по случаю частыхъ заразъ, свирѣпствовавшихъ въ тринадцатомъ столѣтіи. Въ главныхъ чертахъ общество не измѣнилось и по-сію-пору. Такъ же какъ и прежде оно состоитъ изъ семидесяти двухъ членовъ, называемыхъ «дежурными старшинами», которые чередуются по службѣ черезъ каждые четыре мѣсяца. Эти семьдесятъ два брата раздѣлены на четыре разряда : къ первому принадлежатъ десять прелатовъ, или высшихъ духовныхъ особъ; ко второму — двадцать низшихъ прелатовъ; къ треть-

ему разряду относятся четырнадцать дворянъ, къ четвертому — двадцать осемь художниковъ. Вся эти члены, по первоначальному плану, должны быть представителями высшихъ сословій и вольныхъ художниковъ. Сто пятью поденщиковъ, причисленныхъ къ обществу, представляютъ простой народъ.

Члены сходятся обыкновенно на Соборной Площади. У каждого брата хранится здѣсь ящикъ съ чернымъ камешкомъ, присвоеннымъ ордену братьевъ-каменщиковъ; изъ подъ платья едва видны ротъ и глаза, и несчастный, часто съ ногъ до головы осыпанный благодѣяніями, не имѣетъ ни какой возможности узнать своего благодѣтеля. Какъ-скоро кто-нибудь изъ начальствующей братіи узнаетъ о несчастномъ приключеніи, вѣстовой колоколъ ударяетъ одинъ, два или три раза, смотря по важности случая. При звукъ колокола, членъ общества, гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы ни занимался, долженъ бросить все и немедленно спѣшить на сборное мѣсто. Здѣсь узнаетъ онъ о случившемся несчастіи, надѣваетъ черную рясу съ маскою, нахлобучивается огромной шляпой, беретъ въ руки зажегнутую свѣчу и отправляется въ известное мѣсто. Раненнаго тотчасъ переносятъ въ больницу или домой, мертваго кладутъ въ часовню. Вельможа и простолюдинъ, одѣтые въ одинаковое платье, съ равнымъ усердіемъ ухаживаютъ за несчастнымъ, и тотъ, не зная ни того ни другаго, усердно молится за обидѣ. Не выходя братіи, отецъ, мать, мужъ или дѣти страждущаго, всегда находятъ щедрую милостыню, положенную помазательной рукою.

Говорятъ, будто самъ великій герцогъ — членъ этого общества. По звону колокола, великій герцогъ, изрѣзавъ съ тростышью поденщиковъ, переодѣвается въ монашеское платье и спѣшитъ на помощь къ несчастному страждущему или къ омерзѣвшему умирающему бѣдняку. Только богатыи милостыни, оставленная государежъ, заставляетъ ибсѣмъ дѣлываться объ ея присутствіи.

Братья Милосердія обязаны также сопровождать осужденныхъ на мѣсто казни; но какъ со времени восшествія на престолъ Фердинанда, отца нынѣшняго герцога,

смертная казнь почти уничтожена, то братья свободны теперь отъ этой трудной обязанности.

По исполненіи долга, членъ общества одѣвъ идетъ на церковную площадь, снимаетъ расу, шляпу, кладетъ свячу и возвращается къ прежнимъ занятіямъ или удовольствіямъ.

ТЕАТРЪ ПЕРГОЛА ВО ФЛОРЕНЦИИ. Зимой Флоренція имѣетъ совершенно особенный видъ: тосканская столица въ это время года похожа на городъ минеральныхъ водъ. Температура постоянно раздѣлена на двѣ, быстро сменяющіяся, фазы: или солнце свѣтитъ во всемъ блескѣ, или идетъ проливной дождь. Но Флорентинцы не знаютъ той пасмурной, постоянно мокрой атмосферы, въ которой мы осенью купаемся три или четыре мѣсяца.

При хорошей погодѣ, ровно въ часъ, со всехъ концовъ города выѣзжаютъ толпы на направленно къ Салити. Они ѣдутъ къ Longo-l'Arno; все это экипажи иностранцевъ: Флорентинецъ слишкомъ боится неостепенства зимней погоды и почти никогда не выѣзжаетъ на гулянье. Но при шумномъ обществѣ, въ ежедневномъ итальянскомъ Екатерининскомъ, вы и не замѣчаете отсутствія туземцевъ.

Longo-l'Arno, какъ не трудно догадаться, есть гулянье вдоль Арно. На левой сторонѣ, рѣка; на правой, за зеленымъ лугомъ, прекрасная роща съ дубовыми и сосновыми деревьями. Здѣсь-то иностранцы любятъ на прекрасное итальянское солнце, всегда теплое, всегда веселое. Общество многочисленное и самое разнообразное; слышите, всевозможные языки, но чаще всего французскій; на немъ говорятъ Русскіе, которыхъ здѣсь больше даже чѣмъ Англичанъ.

Среди безсчетнаго множества гуляющихъ встрѣтите и царствующую фамилию: видъ свѣта великаго герцога сопровождается въ двухъ трехъ слугъ, слѣдующихъ въ отдаленіи, чтобы не слышать разговоры.

На возвратномъ пути изъ Longo-l'Arno, общество отънавивается на Piazzone. Здѣсь только, увидите нѣсколько молодыхъ, непременно влюбленныхъ, Флорентинцевъ, ко-

торые пришли сюда для важныхъ свиданій, не боясь ни холоду ни ревматизма. Но Флорентинскъ и въ самую лучшую погоду не бываетъ больше двухъ или трехъ; притомъ онъ останавливаются лишь на минуту, чтобы распорядиться насчетъ вечера, ночи или слѣдующаго дня.

Вечеромъ все отправляются въ театръ Пергола; это — *ореза buffa* флорентинская. Иностранецъ непременно долженъ здѣсь нять ложа отъ октября до марта. Обѣдаете ли вы въ хорошемъ трактирѣ или въ *растеранции*, кушаете ли вы дома славные макароны или вонючую баккалу, васъ о томъ никто не спрашиваетъ, это касается только до васъ; но ежели у васъ ложа въ одномъ изъ первыхъ ярусовъ, то этимъ занимается весь флорентинскій миръ: ложа и коляска—самыя необходимых, первыя потребности жизни, и одиъ онъ въ тосканской столицѣ даютъ дипломъ на титулъ «знатнаго человека»: иностранецъ безъ ложи и коляски, кто бы онъ ни былъ, считается бродягой.

Впрочемъ, эти завѣтныя вещи не такъ дороги во Флоренци: за коляску платятъ въ мѣсяць около двухъ сотъ двадцати рублей, за ложа отъ октября до марта пять сотъ. Но Флорентинцу стобитъ ложа вчетверо меньше: съ иностранца берутъ такую цѣну единственно за то, что онъ иностранецъ, которому нигдѣ не видать такого блестящаго общества какъ въ Перголь.

И точно, блескъ женскаго кокетства въ этомъ театрѣ ослѣпительнъ. Впрочемъ, здѣсь, какъ и на гулянь, Флорентинскъ довольно мало: большая часть дамъ—иностранки изъ Петербурга, Парижа и Лондона; онъ воюютъ одна съ другою всѣмъ великолѣпиемъ трехъ столицъ. Но Флорентинки ни сколько не боются ихъ соперничества: онъ вынуть изъ разныхъ шкафовъ своихъ предковъ волны гипюръ и англійскаго кружева, пригоршнями наберутъ предадовскихъ алмазовъ, выпашутъ изъ Парижа самыхъ щегольскихъ, самыхъ милыхъ тряпокъ, и спокойно выжидаютъ результатовъ зимней кампаніи. Отъ этого ни въ одной европейской столицѣ нтъ такой роскоши въ нарядахъ какъ во Флоренци.

Легко понять, что значитъ послѣ этого бѣдная опера:

лорнетъ не утомимо перебагаютъ изъ ложъ въ ложу, и никто не думаетъ смотрѣть на сцену, по-крайней-мѣрѣ сжени не дають новой оперы. Разговоры не прекращаются ни на минуту во все время игры.

• Зато балетъ въ слухаютъ въ глубокомъ молчаніи. Онъ составленъ изъ шести или семи парижскихъ танцовщицъ шестаго и седьмаго разбору : талантъ этихъ дѣвицъ очень незавиднъ, но онъ замѣняютъ его кротостью своихъ юбокъ и храбро пляшутъ по методѣ *какъ-нибудь*, то на цыпочкахъ, то на пяткахъ, коверкая вся па, теряя часто равновѣсіе, но поправляя все пируэтомъ : пируэтъ здѣсь — основной капиталъ балетнаго танца, какъ *legno* и *goba* — основной капиталъ тосканскаго языка; чѣмъ длиннѣе пируэтъ, тѣмъ продолжительнѣе рукоплесканія. Радкій волчокъ можетъ соперничать съ флорентинскими танцовщицами : онъ перекружатъ любого турецкаго дервиша.

Къ великому горю глазъ человѣческихъ, во Флоренціи, какъ и въ нашихъ балетахъ, танцовщикъ еще въ большой модѣ, хотя, ей! ей! нѣтъ ничего гаже, ничего противнѣе глазамъ и природѣ, какъ мужчина, граціозно прыгающій изъ всѣхъ ногъ и рукъ на доскахъ. Здѣсь, какъ и у насъ, танцовщикъ не уступаетъ женщинамъ, ни въ кокетныхъ ужимкахъ, ни въ длинныхъ пируэтахъ. Въ хорографіи, можетъ, это и хорошо, но на-дѣлъ въ высочайшей степени отвратительно.

Другая особенность театра Перголы заключается въ томъ, что кожевники, живодееры и вся прикосновенные къ кожѣ, пользуются правомъ свернуть здѣсь себя шею къ выцшему удовольствію зрителей. Не извѣстно, что подало поводъ къ такой странной привилегіи, но она существуетъ : это фактъ. Лишь бы только одѣвались они на свой счетъ, эти забавные компарсы могутъ здѣсь представлять интермедію даромъ ; и они являются къ должности очень исправно, тогда какъ дирекція ни за какія деньги не можетъ найти фигурантовъ на жаловань. По силѣ той же привилегіи, они не смѣшиваются съ презрѣнною толпой : входятъ отдѣльно, держатся между собою и, овладѣвъ интермедіей, составляютъ дикія группы, дають сраженія и выдѣлываютъ прыж-

ки, не хуже древнихъ Геркулесовъ или новыхъ Киргизовъ. Эти группы, эти сраженія, эти прыжки, удивительно забавляютъ публику; и честной цехъ живодецовъ и кожевниковъ всегда уноситъ съ собою обильную жатву рукоприкладаній. Когда выйдеть этихъ пестей на сцену, тогда только и подымаетъ знаменитую интермедію, которую, въ чудесномъ «Снѣ въ Идановскую ночь», Шекспира, вснападаютъ кюуны изъ лондонскихъ ремесленниковъ въ Адрианахъ.

За балетомъ слѣдуетъ второй актъ оперы, — потому что въ Итали; чтобы дать отдыхъ пѣвцамъ, балетъ представляется въ антрактѣ.

«Стандарелло» во Флоренціи то же, что Кассандро въ Римѣ, Пуампинелло въ Неаполѣ, Джироламо въ Миланѣ, то есть, великій національный комикъ, въчный и безсмысленный, который уже триста лѣтъ имѣетъ привилегію смѣшить предковъ и вѣроятно еще лѣтъ триста будетъ имѣть честь смѣшить потомство. Но Стандарелло дѣлаетъ свои фарсы въ другомъ театрѣ.

Вотъ еще примѣчательное обстоятельство въ большомъ флорентинскомъ театрѣ : мужа нѣтъ!..... Да впрочемъ мужа нѣтъ и во всей Флоренціи. Не ищите мужа ни въ каретѣ ни въ ложѣ его супруги : онъ тамъ не обрѣтается. Гдѣ же онъ? А Богъ знаетъ : гдѣ-нибудь въ другой ложѣ или въ другой каретѣ. Мужъ во Флоренціи владѣетъ Гигесовымъ кольцомъ : онъ невидимка! Но три раза въ день встрѣчаете вы въ обществахъ свѣтскую даму, вы знакомы съ ней уже полгода, увѣрены, что она вдова, и вдругъ, какъ-нибудь случайно, изъ разговоровъ, къ величайшему изумленію узнаете, что у нея есть мужъ, что онъ дѣйствительно существуетъ, да еще и живетъ въ одномъ съ ней домѣ. Вы стараетесь открыть этого мужа, спрашиваете его повсюду, упорствуете въ намѣреніи непременно увидѣть его собственными глазами: тщетный трудъ! вы должны уѣхать изъ Флоренціи, не имѣвъ чести съ нимъ познакомиться, но надѣясь, что вамъ посчастливится въ другой разъ.

Этого, впрочемъ, нельзя сказать о молодыхъ супруже-

ствахъ : все новѣйшее поколѣніе значительно уклонится отъ преданій предковъ, и, говорятъ, что уже не менѣе двадцати пяти лѣтъ прошло съ того дня, какъ состоялся въ Флоренціи послѣдній брачный договоръ, въ который родители невѣсты включили странное условіе, что дочь ихъ, буде пожелаетъ, имѣетъ право взять себѣ cavalierre zevente, и онъ, мужъ, сему прекословить не станетъ, и все, что ни сдѣлаетъ означенный cavalierre zevente, раненый мужъ пренебрежетъ, какъ будто бы самимъ было сдѣлано.

Слово сказано : дѣлать нечего, ужъ надо поговорить и о cavalierre zevente.

Въ модныхъ домахъ, гдѣ обыкновенно браки составляются, не по любви, а по расчету, раньше или позже наступаетъ для супруговъ, роковой часъ скуки, когда присутствіе третьяго лица становится возжеланнымъ. Мужъ сердитъ и грубъ, жена неговорчива и капризна, супруги разговариваютъ одними только упреками, и уже готовы ненавидѣть одинъ другаго. Тутъ является пріятель : жена рассказываетъ ему мнѣ о своихъ страданіяхъ, мужъ повѣствуетъ о своей скукѣ, каждый передаетъ ему часть своей досады, и обоимъ становится легче. Значительное улучшеніе въ духѣ друзей противныхъ партій. Мужъ вскорѣ примѣчаетъ, что главная вина жены состоитъ въ томъ, что онъ обязанъ заботиться повсюду съ нею; жена, съ своей стороны, начинаетъ лоду вилать, что общества, въ которыхъ бываетъ она съ мужемъ, несносны только оттого, что и мужъ тутъ же. Когда вражда съ обѣихъ сторонъ достигнетъ этой точки, то уже легко понять другъ друга. Въ это время роль пріятеля становится яснѣе : онъ жертвуетъ собой тому и другому; его добродѣтель — преданность ; и, благодаря его преданности, мужъ можетъ выѣзжать, куда угодно, безъ жены; жена можетъ безъ скуки оставаться дома. Возвращаясь съ улыбкой, мужъ находитъ улыбку и у жены : кому жъ обязаны они этимъ блаженствомъ? — пріятелю! Но пріятель тоже могъ бы соскучиться, и тогда дѣла супруговъ пришли бы въ прѣжнее положеніе, признанное совершенно невыносимымъ. Мужъ имѣетъ кое-какія старинныя права,

сдѣлавшіяся для него бесполезными : отдать ихъ онъ не согласенъ, но если кто возьметъ самъ, тотъ и наслаждайся ими. По мѣрѣ того какъ пріятель становится своихъ, домашнимъ человѣкомъ, ему гораздо ловчѣе въ домъ. Пріятель превратился въ формальнаго *cavalier de renvente*, в равнобедренный треугольникъ учрежденъ, къ общему удовольствію всѣхъ и каждого.

Это случается не въ одной только Италіи : но, въ другихъ странахъ, подобныя вещи скрываютъ изъ лицемерства или изъ гордости, а въ Италіи всѣмъ показываютъ по привычкѣ и небрежности.

Какъ-скоро дружба женщины съ своимъ *cavalier de renvente* учредилась на прочномъ основаніи, и эта сдѣлка стала всѣмъ извѣстною, она уже не можетъ быть нарушена: таковъ коренной законъ Италіи.

Иъ сожалѣнію, эти домашнія сдѣлки не благопріятствуютъ гостепріимству. Весьма понятно, что наблюдательный глазъ гостя, особенно иностранца, долженъ чрезвычайно стѣснять обѣ стороны. Отсюда происходитъ, что иностранецъ, чудство принятой сначала, послѣ несколькихъ приглашеній къ обѣду, на вечеръ и на балъ, векоръ исключается изъ короткаго знакомства, и тогда — живи онъ хотъ сто лѣтъ во Флоренціи, всегда будетъ чужимъ для Флорентинцевъ. Эти негодни *cavalieri de renvente* — самые вѣсннѣе посѣтители театра Перголы: путешественникъ, который натурально любитъ путешествовать и по ложамъ, гдѣ сидятъ королевскія женщины, подвергается опасности быть покраденымъ *сими лютыми барсами*.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Краткость мѣсяца, котораго три послѣдніе дня заняты праздниками, принуждаетъ насъ выпустить въ этомъ мѣстѣ «Французскій театръ въ Парижѣ», «Литературныя новости» и «Новыя книги», и даже умолчать о концертахъ второй половины поста. Впрочемъ эта вторая половина была довольно безцвѣтна. Она ознаменовалась однимъ только примѣчательнымъ музыкальнымъ событіемъ, за которое всѣ петербургскіе дилетанты

должны быть благодарны предприимчивости господина Ромберга Старшаго: этотъ артистъ познакомилъ насъ съ знаменитымъ *Requiem* Берлиоза, надълавшемъ столько шуму въ парижскихъ «фальетонахъ». Исполненіе этого колоссальнаго «гармоническаго» сочиненія, кромѣ большихъ хлопотъ и большихъ издержекъ, требовало еще огромнаго множества пѣвцовъ, пѣвицъ и музыкантовъ. Но все было устроено прекрасно. Господинъ Ромбергъ самъ дирижировалъ исполненіемъ, и получилъ громкія рукоплесканія: они рѣзительно относились къ нему и къ исполнителямъ, а не къ сочиненію, которое утомило всѣхъ. Господинъ Ромбергъ вѣроятно находитъ это сочиненіе прекраснымъ, когда онъ старался познакомить насъ съ нимъ: что касается до нашего мнѣнія, то оно не можетъ быть въ пользу творенія господина Берлиоза; это — безконечный рядъ страшныхъ гармоническихъ усилій, болѣею частію неудачныхъ, наборъ звуковыхъ картинокъ безъ связи, безъ общей идеи, безъ темъ, безъ мелодіи, и, главное, это далеко не *Requiem*. Мы не можемъ ни лучше опредѣлить прославленное порожденіе гевія господина Берлиоза, ни сказать ничего веселѣе о такомъ погребальномъ предметѣ, какъ взявъ цѣликомъ изъ «Сына Отечества», для любозытства нашихъ читателей, небольшую статейку, которая сдѣлала впечатлѣніе между здѣшними артистами и найдена была ими совершенно основательною въ своихъ замѣчаніяхъ. Вотъ она:

«Какихъ въ свѣтъ чудесъ нѣтъ! На какой странный музыкальный «пиръ» попалъ я въ прошедшій вторникъ въ залъ Энгельгардова дому! Я ничего не зналъ о «пирѣ», или «празднествѣ», или какъ-бышь его зовутъ, и вѣхалъ мимо этого дому въ Александринскій Театръ. Подъѣздъ тускло освѣщенъ. Два жандарма въ полу-мракѣ. Два ряда каретъ и саней, уставленныхъ въ погребальномъ порядкѣ. Въ воздухѣ глухіе, протяжные звуки трубъ. — Что это? Стой! Похороны? Кто приказалъ долго жить? — Никто. Всѣ здравствуютъ. — *Requiem aeternam dona eis, Domine!* сказалъ кто-то сбѣгая съ лѣстницы, и скрылся въ полу-мракѣ. — Неправда, любезнѣйшій, не можетъ быть! Тутъ у васъ кого-то отпѣваютъ. Я слышу органы! — И, не обращая вниманія

на уверения жандарма въ противномъ, въ три прыжка я очутился въ передней. Ну, решительно похороны: такъ и востать за упокой чьей-то душеньки!.... Я добрый христианинъ: иду прямо. Кто-то остановилъ меня. — Вилетъ! — Развѣ тутъ по билетамъ? — Да какъ же! — Сколько вѣрить? — Три рубля серебромъ. — Вотъ она: не удержишь меня; я добрый христианинъ. — Вхожу. Жандармъ правъ!.... покойница не видно. Такъ что же они вздумали нѣтъ перады ночью похоронить вѣщи?.... Не виднѣе ли она?.... теперь по-минутно случаются такая чудеса!.... Слушателей множество собраніе блистательное; но лица, всѣ, одны есны, длинны, улыбки, коронены, къ другимъ очевидно мысль о смерти приложила печать страшнаго глѣбущаго выраженія. Право, тутъ что-то не натуральное!... Два человека въ длиннополыхъ сюртукахъ безъ-памяти одни аплодировуютъ огромному хору бѣлыхъ дѣвъ и скрытому за ними оркестру; всматриваюсь: это два гробовыхъ мастера!.... Обращиваюсь къ отъямъ, противоположной оркестренной вѣтрадѣ, къ любимому свидѣлицу артистовъ наслуженныхъ знатоковъ: н... что вижу!... вижу длинный рядъ настѣжъ раскрытыхъ ртовъ, вижу рядъ зияющихъ пасть, готовыхъ помотить меня. Прежде чѣмъ успѣлъ я сообразить, что эти господа зѣваютъ, взоръ мой упалъ нечаянно на длинную, черную фигуру какого-то кистера, который внимательно обозрѣвалъ меня съ ногъ до головы, уверяю васъ, самымъ злобщимъ образомъ: въ лицѣ его выражалось страшное удовольствіе отъ этихъ монотонныхъ и тяжелыхъ звуковъ, составлявшее гибельную противоположность съ общимъ уныніемъ собранія, и въ это взоръ, въ его канонической улыбкѣ, явственно прочиталъ я мысль о томъ, съ какимъ наслажденіемъ похоронилъ бы онъ меня подъ эту музыку, какъ повернулъ бы мои ноги на катафалкъ для приданія большаго эффекту нѣкоторымъ пассажирамъ, какъ ловко закрылъ бы мой гробъ во время одной фуги. Признаюсь, я вздрогнулъ. Да и какъ не вздрогнуть? Согласитесь, что очень неприятно, когда, по милости какой-нибудь мусикін, восхищающей до такой степени гробовыхъ мастеровъ, мѣряютъ васъ, живыхъ, глазами, столь опытными въ погребальномъ дѣлѣ! Я страха не боюсь, и смер-

ти не боюсь; но, однако жъ, какъ-бы то ни было, посудите, попасть нечаянно на такой «пиръ» — вовсе не весело. Я поскорѣ старался исчезнуть въ толпѣ пирующихъ. Кресла стояли незанятыя въ одномъ углу: я переважно усвѣя въ нихъ съ намереніемъ слушать и наблюдать. Но.... о чудеса новейшей гармоніи! о дивная сила «живописной» музыки!.... черезъ пять минутъ времени эти длинныя потоки однообразныхъ звуковъ, эти саженыя ноты оледенили мои члены, сонъ, предвѣстникъ смерти, сталъ постепенно разливаться по всемъ моимъ жиламъ, тѣло вытянулось, сердце перестало биться, кровь остановилась, чувства ошнзъли, свѣтъ погасъ въ глазахъ, все земное исчезло.... я умеръ!.... ну, рѣшительно умеръ. Я видѣлъ, чувствовалъ, ощущалъ, или, правильнѣе, имѣлъ посмертное сознаніе того, какъ мои кресла превращались подо мною великолѣпный катафалкъ съ прекраснымъ гробомъ: земля, міръ, его суеты, его пустыязати, даже его пустыя музыки, теперь совершенно чужды для меня: лежу на высотѣ, въ пяти аршинахъ надъ землею; я — на цѣлыхъ пять аршинъ —уже на томъ свѣтъ; и тамъ-то, съ того свѣта, гдѣ всему — разгадка, гдѣ все становится понятнымъ безъ афишки, я узнаю и понимаю безъ труда, что подо мною, на этой скучной землѣ, въ этой бездонной ядоли безвкусья, разыгрываютъ знаменитое Requiem Берлиоза, то же самое, за которое Паганини подарилъ ему двадцать тысячъ франковъ и называлъ его достойнѣйшимъ преемникомъ Бетгоvena. Я очень радъ услышать по смерти это тѣльное земное твореніе, до такой степени расхваленное тѣльными парижскими фельетонами: при жизни, признательно сказать, вовсе не любопытствовалъ я быть его слушателемъ. О бѣдные смертныя! о существа, созданныя для обману, которыя такъ удачно кто-то прозвалъ «людьми»! о хрупкіе горшки, слѣпленные изъ тщеславія и слабости, въ которыхъ природа варитъ для своихъ потребностей кашу, называемую вашимъ умомъ! и вы, на этомъ свѣтъ, добродушно приняли за чистую монету рассказы парижскихъ фельетонновъ, и это письмо Паганини, и этотъ подарокъ двадцати тысячъ франковъ? и вы на этомъ основаніи удивляетесь теперь творенію парижскаго композитора-фельетониста, и напрягаете всѣ свои силы, чтобъ находить въ

въ немъ красоты, думая, что если ихъ найдете, то будете умны какъ Паганини! Суета суетствій! У насъ, на томъ свѣтъ, гдѣ нѣтъ ничего яснѣ тайны, всѣмъ известна сущность этой мусикійской продѣлки: всѣ духи знаютъ и говорятъ, что это было просто — une ficelle! Одинъ смертный, по имени Гекторъ Берлиозъ, написалъ оперу, которая съ перваго представленія безподъемно упала. Другой смертный, по имени Николо Паганини, былъ по случаю отказу своего участвовать въ одномъ благотворительномъ концертѣ, представленъ въ парижскихъ фельетонахъ отвратительнымъ скрягою и эгоистомъ, обезславленъ, убитъ нравственно. Эти два тлѣнные существа согласились между собою возстановить свои репутаціи по методу взаимнаго обученія. — Я провозглашу тебя вторымъ Бетговымъ. — Ты сдѣлалъ мнѣ чувствительное одолженіе въ эту минуту. — Но ты постарайся, чтобы твой пріятель Жаненъ, который такъ безчеловѣчно заклеилъ меня своимъ фельетономъ, воспѣлъ въ томъ же фельетонѣ торжественный гимнъ моему великодушію, моему щедрости и удивительной благотворительности. — Нѣтъ ничего легче! Да какъ это сдѣлать? — Какъ?... Я подарю тебѣ двадцать тысячъ франковъ въ знакъ моего восторгу. — Да это чудесно! — Только ты не бери ихъ; вѣдь это..., знаешь..., деньги! — Жаль! Ну, такъ и быть! — Сказано, сдѣлано. Берлиозъ произведенъ въ Бетговы. Паганини прославленъ человекомъ щедрѣ Гаруиаль-Рашида и великодушнѣ Александра Македонскаго. Результатъ тотъ, что вы, бѣдные смертные, повторяете теперь, тамъ, долу, подо мною, Requiem Берлиоза, на которое, безъ этой продѣлки, не обратили бы даже своего вниманія; что вы усиливаетесь удивляться ему, зѣвая сами во весь ротъ, и усыпляете имъ своихъ ближнихъ по-очередно во всѣхъ столицахъ Европы. Хотите ли, чтобы я вамъ, съ этого великолѣпнаго катафалка, изъ вѣчности, изъ нѣдръ абсолютнаго, откровенно сказалъ мое мнѣніе о вашемъ новомъ Requiem?... Жаль, что здѣсь, на томъ свѣтъ, въ рукахъ у меня нѣтъ партитуры, и я долженъ судить по одному впечатлѣнію. Но мои впечатлѣнія вотъ каковы: однажды, будучи въ живыхъ, я жилъ лѣтомъ въ Павловскѣ подлѣ казармы, гдѣ каждое утро четыре полковныя музыки учи-

дѣсь играть всѣ вмѣстѣ : ваше Requiem ; на слухъ — точь въ точь ученіе полковыхъ музыкъ по-сосѣдству. Не спорьте со мной, вы, дальніе : я опытный знатокъ дѣла; я наслушался такихъ Requiem безчисленное множество, втеченіи четырехъ мѣсяцевъ сряду, и очень радъ, что умеръ, что не услышу ихъ болѣе. Что касается до общаго цвѣту, и до вкусу вашего Requiem, то оно безцвѣтно и безвкусно, какъ это абсолютное, которое меня окружаетъ : это блѣдно, это прѣсно, мѣстамъ кисло, пестро, пѣго, пятнами, въ яблокахъ; это вещь безъ идеи, постройка безъ плану, груды длиннополыхъ звуковъ, туманъ, тѣнь, огромное ничто. Видѣли ль вы таблицу аккордовъ, изданную камеръ-музыкусомъ Габерцеттелемъ? Это — Requiem Берліоза; или, лучше сказать, оно — извлеченіе изъ нихъ, потому что состоитъ все изъ подобныхъ таблицъ аккордовъ въ разныхъ порядкахъ тона. Requiem должно имѣть мысль, и эта мысль должна быть явственно выражена определеннымъ, соответствующими одинъ другому, рисунками, или, какъ у васъ тамъ долу говорятъ, темами. Ничего этого нѣтъ въ вашемъ новомъ Requiem Бетговена II : одни только звуки, звукосочетанія, аккорды, фуги, прахъ, гармонія, пыль. Эти аккорды разгуливаютъ въ пространствѣ словно тѣни, которыхъ безцѣльные грѣхи не пускаютъ ни въ рай ни въ адъ. Requiem москѣ Берліоза, что ни говорите и какъ громко ни пойте, не заставитъ насъ забыть величественныхъ этого роду твореній Моцарта и Керубини, твореній, которыми здѣсь, на томъ свѣтѣ, восхищаются всѣ покойники. Музыка безъ темы ничего опредѣлить не можетъ. Москѣ Берліозъ, своей *описательной* музыкою, хотѣлъ, вѣроятно, рассказать надъ покойникомъ географію, исторію, путешествія и записки того свѣта. Пустыя затѣи! Ему слѣдовало, не мечтать о живописномъ изображеніи царства надъзвѣднаго или царства подземнаго, но стараться, просто, выражать звуками то, что въ брѣвтаріи написано словами, — *горестъ, молитву и утѣшаніе* людей, лишившихся ближняго. Вотъ простая тройственная мысль всякаго Requiem. Послѣ провозглашенія Requiem aeternam, въ текстъ слѣдуютъ плачь и слезы, — *Dies illa lachrymosa, Dies irae*; потомъ, теплое воззваніе къ милосердію Всевышняго Судьи, — *Agnus Dei* и *Hossanna in*

excelsis; наконецъ триумфъ христіанства, гимнъ надежды, полнота упованія въ Сіонской Пѣсни. — Te decet hymnus in Sion. Пробудились ли въ васъ, вы, господа дольнѣе, которые опите и зываете подо мною въ суматохъ безсвязныхъ аккордовъ новаго Requiem, эти три мысли, эти три чувствованія, называемыя одною смертію человека? Что это за Agnus? что за Новаппа? на что похожъ великій гимнъ упованія? Описательная музыка въ Requiem! Попадетъ же такая идея въ горшокъ киселю, называемый человѣческою головою!.... Вы, вѣрно, думаете, что мы, покойники, такіе же охотники до живописныхъ изданій, до альманаховъ съ картинками, какъ вы тамъ, на этомъ свѣтѣ, гдѣ эстампъ заманилъ литературу и все чувство перешло въ лорнетку. Allez vous promener! намъ «живописныхъ» Requiem не нужно.

«Я не говорю, чтобы тутъ не было.... и какъ совершенное безпристрастіе — первое качество у всѣхъ насъ здѣсь, на томъ свѣтѣ, то я и говорю, что въ этомъ собраніи аккордовъ действительно есть и хорошія музыкальныя мѣста, есть пассажи, приготовленные съ искусствомъ и вылитые съ эффектомъ, съ примчательнымъ талантомъ: только они нейдутъ къ Requiem. Въ цѣломъ, это знаменитое сличеніе не что иное какъ огромная картина борьбы таланта съ кореннымъ безсиліемъ, слѣдствіе ложнаго стремленія къ невозможному и смѣшному въ музыкѣ. Въ сущности, учебническое упражненіе по методу Фетиса.....

«И представьте себѣ, что, умерщвленный этою убійственною музыкою, и всё подлагая себя наповаль умершимъ, лежащимъ на катафалкѣ, причисленнымъ къ тому свѣту, я проглагольствовалъ такимъ образомъ всю ночь и все слѣдующее утро о Берлиозовомъ Requiem, въ мовѣхъ креслахъ. Это было по-истинѣ одно изъ чудаснѣйшихъ чудесъ новейшей гармоніи. Вдругъ, около двухъ часовъ по полудни, плѣнительные звуки мужскаго голоса, умное, чудесное пѣніе, вывели меня изъ летаргіи. Раскрываю глаза: зала пуста, почти пуста; эстрада совсѣмъ пуста: и на ней блѣдный, смущенный молодой человекъ поетъ какъ ангелъ большую арію Паччини передъ скромнымъ собраніемъ двадцати семействъ артистовъ и нѣсколькихъ десятковъ хорошихъ ца-

читателі дарованій. Голосъ превосходный, въ родѣ голоса Ферзига, метода прелестна, интонація, локализация, умѣнье *разсказать арію*, отличны, искусства, манера, души — пронасть, каждая нота почувствована, каждый насаждъ выражаетъ съ художественною отдыкою. Этого по-крайней-мѣрѣ *умѣеть пѣть!* — Кто онъ такой? — Никто Билинга. — Да это настоящій навецъ!,... ужъ не чета нашимъ! — Удивительный!.... будь онъ въ Парижѣ, вся Европа знала бы о немъ. — Гдѣ же онъ обрѣтается дондѣсь, съ такимъ голосомъ, съ такимъ искусствомъ? — Онъ былъ первымъ певцомъ въ вѣнской оперѣ. Сеньора и сеньоръ Паста, услышавъ его, были такъ восхищены голосомъ и методою Билинга, что предложили ему путешествовать съ собою по Европѣ, давать концерты, пѣть въ нихъ дуэты. По болѣзни Билинга и некоторымъ недоразумѣніямъ, они разстались въ Москвѣ. Въмѣсто осуществленія общихъ блестящихъ надеждъ, на долю его достались неизвѣстность въ чужой сторонѣ и бѣдность. Онъ возвратился сюда и хотѣлъ дать концертъ отъ своего имени. Публика не знаетъ его, и не пришла. Сбѣжались только артисты и знатоки, слышавшіе его въ первомъ пустынномъ концертѣ сеньоры Паста. Видя малочисленное собраніе, жестокой приказникъ не хотѣлъ отворить завы, изъ опасенія, что артистъ не въ состояніи будетъ заплатить за наемъ ея. Мы болѣе полчаса простояли за дверями. — А я здѣсь спалъ до-сихъ-поръ отъ вчерашняго *Реквиема!* — Неужели?... какъ вы счастливы! А я такъ разорвалъ себя ротъ до крови, зная вчера весь вечеръ, и, какъ видите, долженъ былъ подвязать лицо платкомъ. — Пошлите сейчасъ въ аптеку за кровоостанавливающимъ водою Нелюбина! — Ахъ, да! въ самомъ дѣлѣ!.... благодарю, что напомнили.... между-тѣмъ оркестръ разошелся, музыканты убрали свои инструменты и ускользнули въ заднія двери: вы видите, что на эстрадѣ никого нѣтъ, кромѣ одного Билинга, который при бѣдномъ аккомпаниментѣ фортепіано, поетъ какъ соловей въ пустынь. Слышите ли, какъ его голосъ дрожитъ отъ внутренняго волненія? А между-тѣмъ, какъ онъ поетъ! — Удивительно! удивительно!.... изъ каждой ноты видно, что этотъ прекрасный талантъ путешествовалъ и бесѣдовалъ съ великимъ талантомъ сеньоры Паста,

которая, сказать между нами, даже и въ то время, когда она потеряетъ весь свой голосъ и сдѣлается совсѣмъ нѣмою, все-таки будетъ первою пѣвицею въ мѣрѣ.

«Послѣ Билинга пѣла госпожа Сабина Гейневеттеръ : ея голосъ, — въ это утро она была въ голосѣ, — послѣ голосу Билинга, казался увядшею розою подлѣ розы въ полномъ блескѣ жизни и свѣжести. Художественной части двухъ этихъ пѣній и сравнивать не должно.

«Потомъ опять пѣлъ Билингъ, и опять привелъ въ не-описанное восхищеніе свое маленькое собраніе внимательныхъ и знающихъ слушателей.

«Блгднй молодой человекъ! по-крайней-мѣрѣ эта искренняя дань удивленія утѣшила его въ горѣ. Станемъ надѣяться, что Петербургъ оценитъ его превосходной талантъ, и что замѣчательный пѣвецъ этотъ останется у насъ. Во всю эту недѣлю, съ возвращенія моего съ того свѣта, на этомъ испытаніи я одно только истинное и живое удовольствіе : его принесло мнѣ умное, одушевленное, неожиданно художественное пѣніе Билинга.»

«Сервѣ, по настоянію безчисленныхъ обожателей его гигантскаго таланта, рѣшился дать частное музыкальное утро : оно будетъ имѣть мѣсто около пятнадцатаго апрѣля. Сервѣ, въ свое отсутствіе, сдѣлалъ столь удивительные успѣхи въ исполненіи и композиціи, что все хотѣть его слышать тамъ, гдѣ великій артистъ всегда еще болѣе поразителемъ, — въ большомъ концертѣ, — передъ многочисленными слушателями:

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

=

Для оркестра.

LANNER. Hof-Ball-Tänze. Oeuvre 161 (3 rb. 43 cop. arg.).

Для разныхъ инструментовъ.

ERNST. Fantasia brillante sur la marche et la romance d'*Otello* de Rossini, pour le violon, avec accompagnement d'orchestre. Oeuvre 11 (4 rb. arg.).

— la même fantasia avec pianoforte (2 rb. arg.).

— Concertino pour le violon avec accompagnement de grand orchestre. Oeuvre 12 (6 rb. 85 cop. arg.).

— le même avec accompagnement de piano. Oeuvre 12 (3 rb. arg.).

MOLIQUE. Viertes Concert in D, für die Violine mit Begleitung des Orchesters; op. 14 (7 Rb. 72 Kop.).

— dasselbe, mit Begleitung des Pianoforte (5 Rb. 14 Kop.).

— Oesterreichische Lieder. Fantaisie und Variationen für die Violine mit Begleitung des Orchesters; op. 15 (4 Rb. 56 Kop.).

— dieselben, mit Begleitung des Pianoforte (2 Rb. 85 Kop.).

— Erstes Quartett in G, für zwey Violinen, Viola und Violoncelle; op. 17 (4 Rb.).

MERS et LAFONT. Dernier grand duo concertant sur une cavatine favorite de la *Niobé*, pour piano et violon. Oeuvre 10 (2 rb. 85 cop.).

LOUIS. Fantaisie élégiaque sur des motifs des *Martyrs* de Donizetti pour piano et violon. Oeuvre 92 (2 rb. 85 cop. arg.).

OSBORNE et BÉRIOT. Duo brillant sur l'opéra de Bellini : *I Puritani*, pour piano et violon (2 rb. 85 cop.).

— Duo concertant, pour piano et violon, sur le *Domino noir* (2 rb. 14 cop. arg.).

Для фортепiano.

DOEHLER. Grand divertissement sur des thèmes populaires irlandais. Oeuvre 33 (2 rb. 14 cop.).

DREYSCHOCK. Rondo militaire. Oeuvre 13 (1 rb. 15 cop.).

— Les Adieux, impromptu. Oeuvre 15 (85 cop.).

HEISELT. Les Adieux du père. Etude (57 cop. arg.).

T. L. — Отд. VII.

15 1/2

- HERZ.** Variations et rondo sur le *Lac de Fées*. Musique d'Auber. Oeuvre 114 (2 rb. 85 cop.).
- Grande fantasia et finale militaire sur deux mélodies de F. Schubert. Oeuvre 115 (2 rb. 85 cop.).
- HUENTEN.** Album, contenant: Petites fleurs de salon, quatre rondinos. — Mélodies célestes, trois airs variés. — Les Petites espiègles, quadrille facile. Complet (3 rb. 57 cop. arg.).
- LANNER.** Hof-Ball-Tänze. Op. 161 (85 Kop.).
- les mêmes à quatre mains (1 rb. 14 cop.).
- LISST.** Mendelssohns Lieder für das Pianoforte übertragen. 1. Auf. Flügeln des Gesanges (86 Kop.). 2. Sonntaglied (43 Kop.). 3. Reiselied (71 Kop.). 4. Neue Liebe (57 Kop.). 5. Frühlingslied (86 Kop.). 6. Winterlied. Subika (57 Kop.).
- MÉTHODE DES MÉTHODES de Piano**, ou Traité de l'art de jouer de cet instrument, par Moschelès et Fétis, en trois parties (15 rb. 43 cop. arg.).
- SCHMITT.** Douleur et triomphe. Inspiration musicale, grande fantasia brillante. Oeuvre 125 (1 rb. 85 cop.).
- WOLFF.** Divertissement pour le piano sur les *Martyrs* de Donizetti. Oeuvre 34 (1 rb. arg.).
- Grande fantasia dramatique sur l'opéra: *Les Martyrs*, de Donizetti. Oeuvre 33 (2 rb. arg.).

Для пѣнія.

- ALBUM de Clara Novello.** Deux livraisons (3 rb. 43 cop.).
- АРСЕНЬЕВЪ.** Романсъ: *Я не могу ея забыть* (43 коп. сер.).
- ВЕРИЮТ-ГАРЦИА.** Dernières pensées musicales (5 rb. arg.).
- ВАГЛАНОВЪ.** Романсъ: *Птичка Божія не знаетъ ни заботы ни труда* (60 коп. сер.).
- Романсъ: *Вздохнешь ли ты* (60 коп. сер.).
- *Добрыя домоѳой* (60 коп. сер.).
- DESSAUER.** Trois Ariettes italiennes: *La Burroca, L'Ultimo dono, et La Lontananza*, avec accompagnement de piano. Oeuvre 30 (1 rb. 15 cop.).
- RUBINI.** L'Addio. Romances, ariettes, duettinos a un duetto (2 rb. 85 cop.).
- LABLACHE.** Méthode complète de chant (6 rb. 57 cop.).
- PANSERON.** Méthode de vocalisation. Complète (9 rb.).

(Всѣ эти сочиненія находятся въ музыкальномъ магазинѣ «Одеонъ», на углу Большой Морской и Гороховой, въ домѣ Шпринга, № 114, и въ Певскомъ Проспектѣ, у Казакаго Моста, въ домѣ Васильевскаго, № 47.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ПЯТАГО ТОМА.

ОСНОВАНЪЮ И РЕДАКЦІИ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПЕТРОВИЧЪ

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Черные глаза. <i>В. Соколова</i>	5.
Два вѣстрѣчи. <i>П. Волкова</i>	7.
Письмо. <i>Аполлона Майкова</i>	10.
Мысль о жизни. <i>С. Степанова</i>	101.
Поэтъ. <i>В. Соколова</i>	103.
Лира. <i>С—въ</i>	105.

ПРОЗА.

Эвелина де-Вальероль. Романъ <i>Н. В. Кукольника</i> .	
I. Спортъ.....	13.
— II. Джульета Ваоли.....	107.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Декасская Роза. Голландскій романъ, ванъ-Деннема...	1.
Сонъ въ Ивановскую ночь (<i>Midsummer-night's dream</i>), Шекспира, переводъ <i>И. Роскошенико</i>	141.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Первая система. Новыя чтенія господина Мажанди.	
Статья первая.....	1.
Статья вторая и послѣдняя.....	57.

Вазари. Биографія Леонарда да-Винчи.....	37.
Рубенсъ. Сочиненіе господина Берту.....	97.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Курсъ овцеводства. Барона О. В. Унгерн-Штернберга. Чтеніе третье. — VII. Облагороживаніе породъ посредствомъ соответственнаго совокупленія.....	1.
— Чтеніе четвертое. — VIII. Улучшеніе простыхъ породъ смѣшеніемъ съ благородными. — Самоулучшеніе.....	17.

V.

КРИТИКА.

1. Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ. — 2. Россійскій родословный сборникъ, издаваемый княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Книжка первая.	1.
1. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому Морю, совершенное въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ, экспедиціей, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта Фердинанда фонъ-Врангеля. Двѣ части. — 2. Reise der kaiserlich russischen Flotten Lieutenant's Ferdinand von Wrangel, längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere, in den Jahren 1820 bis 1824. 2 Bde. — 3. Narrative of an expedition to the Polar See, in the years 1820, 21, 22, 23, 24, commanded by lieutenant, now admiral, Ferdinand von Wrangel, of the Russian Imperial Navy. 2 vols.....	21.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

Февраль, 1841. Новые книги.....	1.
— — Разныя известія.....	12.
Мартъ, 1841. Новые книги.....	15.
— — Разныя известія.....	51.

VII.

СМЪСЬ.

МАРТЪ.

Споры о присутствіи мышьяку въ человеческомъ тѣлѣ. Опыты господъ Данжэ и Фландена съ Марше- вильмъ аппаратомъ.....	1.
Вырастаніе новой головы и новыхъ внутренностей у голотурій и амфитритъ. Неблюденія сэръ Джона Делайеля.....	5.
Возможность предсказывать, по температурѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, вероятную температуру зимнихъ.....	8.
Двуцѣпныя инфузоріи.....	9.
Нѣмецкія умозрѣнія о разумѣ животныхъ.....	10.
Веллингтонъ, полководецъ въ Индіи.....	21.
Каторжники, и статуя Фердинанда Перваго, въ Ливорно.	33.
Гротъ Геркулеса въ Толедо.....	49.
Путешествіе нѣмецкаго гелертера въ области безпре- дельнаго и абсолютнаго.....	51.
Перешиска Беттины Brentano съ Бетговенемъ.....	61.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	70.
Литературныя новости во Франціи, Германіи и Англии.	70.
Музыкальныя новости.....	70.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	73.
Моды (съ рисунками).....	75.

Апрѣль.
1840 г.

Періодическое появленіе сѣверныхъ сійніи и воздушныхъ вѣтровъ. Кетле. 75.

Отношеніе между лунными фазами и количествомъ дождя. Исследования господина Бюарда. 76.

Вѣденіе растительныхъ зеренъ въ атмосфере. 76.

Испареніе костей и обновленіе ихъ въ землѣ. 77.

Новыя наблюденія господина Фамурана. 77.

Новое свѣтописное открытіе господина Тальбота. 78.

Лондонъ въ 1840 году. Новый городъ. Жизнь холостяковъ, клубистовъ и семейныхъ людей. Распредѣленіе дня. Врачи. Воскресеніе. Страсть къ знатности. 79.

Лаура Басси-Верати, знаменитая болонская ученая. 96.

Пѣсня Генриха Изака. 101.

Марсельскій охотникъ. 108.

Нѣкоторыя идеи о халатѣ, съ присовокупленіемъ замѣчаній о вліяніи платья на женскую любовь. 139.

Модная борода a la Renaissance. 147.

Общество милосердія во Флоренціи. 155.

Театръ Пергола во Флоренціи. 157.

Музыкальныя новости. 162.

Новыя музыкальныя сочиненія. 171.

Моды. 173.

101

12

13

16

18

17

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

1007

